РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. АПРѢЛЬ 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Екатерина II и Гримм.** Глава П. В. А. Бильбасова . . 1

II. **Изъ записокъ стараго преображенца.** — VI. Характеристика Мезенцова, Герштейнцвейга. — Фельдфебеля, унтеръ-офицеры и солдаты въ 1848 г. Поощренія и наказанія. — Рекруты. — Побѣги. — Бѣлая аммуниція. — VII. Царская Славянка. — Поѣздки. — Школа рекрутская. — Комплектованіе полка. — Практика одиночныхъ ученій. — Командировка въ 3-ю див. — Генер. Овандеръ. — Возвращеніе въ городъ. — Петербургъ осенью 1848 г. — «Ералашъ» Неваховича. — Плохія времена! — Заключеніе. Кн. Н. К. Имеретинскаго 21

III. **Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы.** К. Н. Батюшковъ, А. П. Беницкій, А. А. Бестужевъ, Никитенко, Бичуринъ, Ѳ. В. Булгаринъ, А. Ѳ. Воейковъ, П. А. Вяземскій, Н. И. Гнѣдичъ, Н. И. Гретъ, И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, И. А. Крыловъ, Н. В. Кукольникъ, И. И. Лажечниковъ, Ленкевичъ Ѳедоръ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. А. Полевой, А. С. Хомяковъ, А. Н. Шаховской, И. А. Шляпкинъ 51

IV. **Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова,** проф. Спб. духовной академіи. Гл. XXXII. 61

V. **Stabat Mater. А. Н. Сѣрова.** (Сочиненіе его, переводъ текста и объясн. къ нему переводчика). Н. Финдейзена. 81

VI. **Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена.** О. П. Кеппена 88

VII **Записки Н. В. Веригина.** Главы XVIII—XXII 107

VIII. **Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ** (1863 — 1874 гг.). Глава XIII. Д. Г. Анучина 147

IX. **Къ исторіи русскаго театра.** Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой. (1822—1826 гг.). Письма IX — XXV. Сообщ. В. Ѳ. Боцяновскій 179

X. **Матеріалы и замѣтки.** I. Къ исторіи вокаренія императрицы Елизаветы Петровны. Священника Павла Ильинскаго. II. О памятникахъ князю Кутузову-Смоленскому и его сподвижникамъ. Н. Л. Ширяева 213

XI. **Тридцать вторая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-е февраля—1893 гг.** 225

XII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ академика **П. И. Кеппена.** Гравировалъ К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1893.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1893 г.

Digitized by Google

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрокъ. Томъ второй. Москва. 1893. 403 стр. Ц. 2 р.

Второй томъ труда г. Шенрока о жизни Гоголя представляетъ мало біографическаго матеріала, въ узкомъ смыслѣ этого слова, но зато сообщаетъ много данныхъ для исторіи творчества писателя и характеристики его исторической и педагогической дѣятельности. Книга открывается обширной статьей, напечатанной предварительно въ «Вѣстникѣ Европы» за прошлый годъ: «Н. В. Гоголь въ періодъ Арабесокъ и Миргорода». Авторъ разсказываетъ здѣсь о внѣшнихъ событіяхъ жизни писателя съ 1832 по 1835 г. и передаетъ условія возникновенія петербургскихъ повѣстей Гоголя, сборника «Миргородъ», а также «Страшной мести» и «Вія». Въ концѣ главы г. Шенрокъ дѣлаетъ общее заключеніе о Гоголѣ въ указанный періодъ его жизни и находитъ, что въ это именно время свѣтлое и юмористическое настроеніе писателя переходитъ къ суровую сдержанность, сухую и холодную натянутость, пренебреженіе къ людямъ. Разсказавъ въ этой же первой главѣ о стремленіяхъ Гоголя получить профессуру, авторъ оцѣниваетъ въ слѣдующей главѣ дѣятельность писателя, въ качествѣ историка и педагога. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Шенрокъ приходитъ къ отрицательному значенію той и другой дѣятельности, но зато высказываетъ вполнѣ справедливо въ заключительномъ отдѣлѣ этой главы («Типы воспитателей и задачи воспитанія по произведеніямъ Гоголя», гдѣ эти типы сравниваются съ пушкинскими), что если Гоголь и Пушкинъ не были педагогами въ общепринятомъ значеніи этого слова, то все же оставили въ своихъ произведеніяхъ русскому народу много мудрыхъ и великихъ уроковъ. Третья глава настоящаго тома посвящена разбору драматическихъ произведеній Гоголя: «Женитьба», «Владиміръ 3-й степени», «Ревизоръ» и «Игроки»; разбору этому авторъ предпослалъ интересныя общія замѣчанія о драматическомъ талантѣ писателя. Наконецъ, такъ какъ появленіе перваго тома труда г. Шенрока вызвало спеціальную брошюру г. Витберга, крайне недоброжелательнаго для сочиненія характера, то, какъ и слѣдовало ожидать, г. Шенрокъ въ концѣ настоящаго тома отвѣчаетъ на обвиненія этой критики. Внесеніе въ книгу всѣхъ поправокъ, дополненій и возраженій по поводу отзыва г. Витберга и статьи его о Гоголѣ, какъ объ историкѣ («Ист. Вѣстн.», 1892, августъ), вмѣстѣ съ другими причинами, настолько увеличило объемъ настоящаго тома, что автору придется, по его словамъ, сверхъ обѣщанныхъ трехъ томовъ, дать еще и четвертый.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Гр. Джаншіева. 3-е вновь дополненное изданіе. Москва. 1892. 8°. 383 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Джаншіева производитъ одновременно и грустное и отрадное чувство, такъ какъ съ одной стороны авторъ, по его словамъ, считаетъ нужнымъ напомнить нашей публикѣ славныя преобразовательныя реформы начала минувшаго царствованія,—стало быть, эта свѣтлая эпоха у насъ забыта въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ; съ другой стороны успѣхъ книги, которая меньше чѣмъ въ полгода расходится въ трехъ изданіяхъ, показываетъ, что у насъ все-таки есть и такая публика, которая чувствуетъ всю важность и значеніе великихъ реформъ. Содержаніе книги г. Джаншіева слѣдующее: на первомъ планѣ авторъ даетъ очеркъ дѣятельности одного изъ наиболѣе видныхъ участниковъ преобразованій — великаго князя Константина Николаевича. За этой статьей слѣдуетъ изложеніе самыхъ реформъ, начиная, конечно, съ освобожденія крестьянъ. Передавая объ этомъ великомъ событіи, авторъ посвящаетъ особый экскурсъ свѣтлой дѣятельности въ то время тверского дворянства (2-я глава). Черезъ два года по освобожденіи крестьянъ послѣдовала отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Разсказу объ этомъ мѣропріятіи авторъ посвящаетъ 3-ю главу, предпославъ изложенію самой реформы историческій очеркъ о прежнихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Условіемъ жизненности для описанныхъ реформъ, по словамъ И. С. Аксакова, являлась свобода слова, воспослѣдовавшая 6-го апрѣля 1865 года. Содержаніе этого новаго закона о цензурѣ и первые шаги безцензурной печати излагаются г. Джаншіевымъ въ 5-й и 6-й главахъ. Въ слѣдующихъ 5 главахъ авторъ говоритъ о судебныхъ реформахъ. Желаніе со стороны С. И. Зарудного всесторонняго обсужденія основныхъ положеній судебной реформы вызвало открытіе Московскаго Юридическаго общества (13-го марта 1863 г.), очеркъ дѣятельности котораго занимаетъ главу 12-ю. Слѣдующая посвящена исторіи журнала, который являлся видимымъ выразителемъ реформъ 60-хъ годовъ, именно „Вѣстника Европы“. Наконецъ, послѣдняя (14-я) глава представляетъ обзоръ дѣятельности четырехъ наиболѣе видныхъ дѣятелей судебной реформы: В. Д. Спасовича, В. А. Арцимовича, Н. И. Стояновскаго и А. М. Унковскаго.

Digitized by Google

Russkaia starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

DK
1
.R91
v.78

1893 г.

АПРѢЛЬ — МАЙ — ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1893.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 20 МАРТА 1893 г.

ТИП ТОВ. „ОБЩ ПОЛЬЗА", В. ПОДЪЯЧ. 39

Digitized by Google

АКАДЕМИКЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ КЕППЕНЪ,

род. 19-го февраля 1793 † 23-го мая 1864 г.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

II [1]).

[illegible] переписки Екатерины [illegible] Гриммомъ [illegible] во всѣхъ [illegible] Екатерина [illegible] смотрѣть на вещи прямо [illegible]. Ея сужденіе всегда [illegible] не всегда [illegible]. Трезвый, свѣтлый [illegible] выносить [illegible] парить [illegible], никогда не [illegible], не переносясь [illegible] не обманывать себя, [illegible] холодно, сухо разсчитывать [illegible] реализмъ, который прежде всего [illegible] съ Гриммомъ.

[illegible] содержаніе, таковъ и слогъ. [illegible] небрежный, часто неправильный, не всегда [illegible] излагать мысль очень кратко, [illegible] Ея изложеніе легко [illegible]

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1893 г., т. LXXVII февраль и март.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

II [1]).

При чтеніи всей переписки Екатерины съ Гриммомъ, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся во всѣхъ письмахъ, запискахъ и наброскахъ — здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то именно время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватить быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ словъ за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна, приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустую реторику. Трезвый, свѣтлый умъ ея не выноситъ масоновъ; она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, не обольщаетъ пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и разсчетъ ея рѣдко ошибоченъ. Это тотъ реализмъ, который прежде всего прельщаетъ въ ея перепискѣ съ Гриммомъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполнѣ понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ слѣдовало бы, и тѣмъ придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII февраль и мартъ.

Digitized by Google

образно. По выразительности, слогъ Екатерины напоминаетъ изложеніе маркизы Севинье, но безъ ея тонкой обработки, безъ той живописи, къ которой Екатерина никогда не прибѣгала. При выраженіи гнѣва, неудовольствія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія; но ни въ какомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе излишняго. Даже общія обозрѣнія европейскихъ дѣлъ въ данную минуту выходятъ изъ-подъ пера Екатерины кратки и, во всякомъ случаѣ, не многословны. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она одною, двумя чертами рисуетъ всего человѣка.

Всѣ письма Екатерины къ Гримму писаны на французскомъ языкѣ, причемъ тамъ и сямъ вставлены нѣмецкія фразы. Дословно переводить эти письма нельзя: при такомъ переводѣ теряется внутренній смыслъ и получается пустой наборъ словъ. Екатерина, къ тому же, очень любитъ иносказаніе, часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ, нерѣдко говоритъ намеками [1]), такъ что въ этомъ отношеніи изданіе писемъ Гримма значительно облегчаетъ пониманіе писемъ Екатерины. Для примѣра и содержанія, и слога, переводимъ письмо ея отъ 9-го іюля 1781 года:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, дайте же и мнѣ поразсказать вамъ кое-что о немъ. Онъ прибылъ сюда, называя себя полковникомъ испанской службы, испанцемъ по происхожденію, и заявляя, что онъ колдунъ, изъ колдуновъ колдунъ, вызывающій духовъ и распоряжающійся ими. Услышавъ это, я сказала: напрасно онъ пріѣхалъ сюда; онъ не будетъ имѣть успѣха въ Россіи—здѣсь колдуновъ не сжигаютъ, и за двадцать лѣтъ моего царствованія было только одно дѣло о колдунахъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть, когда же ихъ привели, сенатъ объявилъ ихъ глупыми и вполнѣ невинными. Каліостро пріѣхалъ, однако, въ благопріятную для него минуту, въ ту минуту, когда многія масонскія ложи, напитанныя ученіемъ Сведенборга, во что бы ни стало

---

[1]) Указавъ, что имя Александръ есть имя знаменитое, Екатерина продолжаетъ: „il y a eu des matadors qui le portaient, pourvu que les as ne soient pas passés à cette bande-là“ (Сборникъ, 72). Здѣсь matador вмѣсто un homme considérable, и намекъ на игру l'as qui court, гдѣ тузъ — самая негодная карта.

Digitized by Google

желали видѣть духовъ. Они бросились къ Каліостро, который похвалялся, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга герцога Ришельё, заставившаго его нѣкогда заколоть, среди Вѣны, въ жертву чернаго козленка. Къ несчастью, Каліостро не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые желаютъ все видѣть, все осязать тамъ, гдѣ нечего видѣть и нечего осязать. Тогда Каліостро выпустилъ свои дивныя цѣлебныя тайны: онъ хвалился, что можетъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и былъ пойманъ на томъ, что вливалъ ложку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить подагрика. Потомъ онъ произвелъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическія соединенія, которыя ничего не соединяли. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, причемъ открылось, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, весь въ долгахъ, онъ укрылся въ погребъ смѣщеннаго или свергнутаго съ поста директора театровъ, г. Елагина, гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго вина и англійскаго пива, сколько могъ; вѣроятно, онъ перепилъ однажды обычную мѣру, потому что, выходя изъ-за стола, зацѣпился за тупей домашняго секретаря; секретарь влѣпилъ ему пощечину; отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Елагинъ, которому надоѣли и братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, и большой расходъ вина, и жалобы секретаря, вѣжливо предложилъ Каліостро убраться вонъ, въ кибиткѣ, а не по воздуху, какъ тотъ угрожалъ, и чтобы кредиторы не препятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини въ Митаву. Вотъ исторія Каліостро, въ которой есть все, что̀ угодно, но ничего чудеснаго. Я никогда его не видѣла ни издали, ни вблизи, и не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Роджерсонъ думалъ о Каліостро столько же или еще и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые старались его увидѣть только изъ пустаго любопытства, и не мало способствовалъ къ тому, чтобы разбавить водой вино постыдныхъ сторонниковъ этого бѣдняги. Такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, способны

*

Digitized by Google

производить шумъ въ большихъ городахъ, то надо полагать, что Каліостро будетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ. Желаю вамъ добраго пути и всяческихъ удовольствій въ Спа» [1]).

Трезвый, практическій умъ Екатерины не выносилъ ни «обманщиковъ», ни «обманутыхъ»: она не любитъ шарлатановъ и не понимаетъ, какъ можно довѣрять имъ. «Удивительно, сколькихъ обманулъ этотъ глупый Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать, и круглый невѣжда; остается загадкой, какъ и чѣмъ могъ онъ обманывать, такъ какъ его глупость и круглое невѣжество не могли укрыться съ первой же минуты, даже отъ наименѣе дальновидныхъ» [2]). Не выше Каліостро ставитъ она вообще всѣхъ мистиковъ и, прежде всего, масоновъ, съ которыми сталкивала ее жизнь. «Франъ-масонство—одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, когда-либо бывшихъ въ ходу среди человѣческаго рода. Я имѣла терпѣніе прочесть всѣ ихъ печатныя и рукописныя нелѣпости, которыми они занимаются, и съ отвращеніемъ увидѣла, что, сколько ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Все масонство — сущій вздоръ, и возможно ли, чтобъ, послѣ всесторонняго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось бы? Такъ и хочется послать къ чорту всѣ эти глупости! Ну, возможны ли подобныя нелѣпости, и неужели масоны не смѣются, встрѣчаясь другъ съ другомъ?.. Я прочла всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и это доставило мнѣ богатый матеріалъ, чтобъ подтрунивать, по крайней мѣрѣ, надъ сотней человѣкъ въ день» [3]). Екатерина не остановилась, къ сожалѣнію, на одной насмѣшкѣ и вооружилась позже «на муху съ обухомъ» [4]), о чемъ, однако, не писала Гримму.

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 212. Упоминая Роджерсона и князя Орлова, Екатерина отвѣчаетъ на письмо Гримма (Ibid., XXXIII, 186).

[2]) Ibid., XXIII, 362.

[3]) Сборникъ, XXIII, 167, 168.

[4]) Екатерина пишетъ Гримму отъ 11-го марта 1876 г.: „Каліостро—вредный негодяй, котораго слѣдовало бы повѣсить. Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи, и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ“ (Сборникъ, XXIII, 375). Какимъ путемъ водворялся порядокъ, разслѣдовано Лонгиновымъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 312 sqq.

Digitized by Google

Изъ писемъ къ Гримму видно, какъ Екатерина искренно уважала и высоко цѣнила Вольтера. По ея словамъ, ему именно, и только ему, обязана она своимъ знаніемъ, дѣловымъ взглядомъ, хорошимъ вкусомъ. «Вольтеръ—мой учитель; онъ или, скорѣе, его произведенія образовали мой умъ и мою голову. Я не разъ уже, думаю, говорила вамъ это—я его ученица. Будучи помоложе, мнѣ пріятно было нравиться ему: я одобряла только тѣ свои дѣйствія, которыя считала достойными его вниманія, о чемъ немедленно сообщала ему; онъ такъ привыкъ къ этому, что бранилъ меня, когда какая-нибудь новость доходила къ нему не отъ меня, а другимъ путемъ. Моя аккуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы, вслѣдствіе быстраго хода событій, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за миромъ, и по причинѣ большихъ трудовъ, мною предпринятыхъ, я утеряла привычку писать письма и теперь я чувствую менѣе расположенія и не такъ легко пишу письма». Въ іюнѣ 1778 года Екатерина получила извѣстіе о смерти Вольтера и о затрудненіяхъ, встрѣтившихся при его похоронахъ. «До сихъ поръ я надѣялась, что извѣстіе о смерти Вольтера ложно, но вы мнѣ подтвердили его, и я тотчасъ же почувствовала какой-то общій упадокъ духа и большое презрѣніе къ дѣламъ міра сего. Май мѣсяцъ былъ для меня роковымъ: я потеряла двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые любили меня и которыхъ я уважала—Вольтера и Вильяма Питта. Долго, долго, быть можетъ, никогда не будутъ они, особенно же Вольтеръ, замѣнены равными, и ужь, конечно, никогда лучшими, а для меня они невозвратно потеряны. Я хотѣла бы кричать! Но возможно ли, чтобы гдѣ-нибудь, кромѣ Парижа, такъ быстро переходили отъ почета къ безчестію, отъ разума къ безумію? Лишь нѣсколько недѣль назадъ воздавали публичныя почести человѣку, котораго сегодня не осмѣливаются похоронить. И какого человѣка! Перваго во всемъ народѣ и которымъ по справедливости должны бы гордиться! Почему вы не овладѣли его тѣломъ и притомъ моимъ именемъ? Вамъ слѣдовало бы выслать тѣло ко мнѣ—первый разъ въ жизни вы оказались недогадливы. Будьте покойны, здѣсь онъ имѣлъ бы великолѣпную гробницу. Но если у меня нѣтъ его праха, по крайней мѣрѣ у меня будетъ его памятникъ. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если пріобрѣтете для меня не

Digitized by Google

только самое полное изданіе его сочиненій, но даже до послѣдняго памфлета, вышедшаго изъ-подъ его пера. Я отдѣлю особую залу, гдѣ помѣщу его произведенія». Екатерина покупаетъ библіотеку Вольтера, заботится о полномъ изданіи сочиненій [1]) и пишетъ Гримму: «дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ новаго изданія сочиненій моего учителя, и я размѣщу ихъ вездѣ и всюду. Я хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобы ихъ твердили наизусть, чтобъ умы питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ, писателей, это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются среди мрака, невѣжества и проч.» [2]).

Болѣе восторженный отзывъ трудно и ожидать отъ Екатерины, рѣдко восторгавшейся. Въ письмахъ къ Гримму разбросаны ея замѣтки о всѣхъ почти «философахъ» вѣка, очень любопытныя, свидѣтельствующія, что Екатерина не увлекалась ихъ произведеніями и трезво судила объ ихъ теоріяхъ; она не сомнѣвалась, что «эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ проповѣдывали» [3]). При помощи графа Миниха, императрица изучила «Исторію индійской торговли» аббата Рэйналя и писала Гримму: «Что касается апостола Рэйналя, я избавлю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стоитъ и, не читая его, вы останетесь тѣми же, какъ и по прочтеніи — не тоньше и не жирнѣе ни тѣломъ, ни умомъ». Этотъ рѣзкій отзывъ объясняется отчасти тѣмъ, что «аббатъ Рэйналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ» [4]). Екатерина никогда и никому не прощала оскорбленій, наносимыхъ ей лично, тѣмъ менѣе

---

[1]) „Я не одобряю идеи книгопродавца Панкука издавать прежде всего самыя новыя изъ произведеній Вольтера; я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ, расположенное хронологически, по годамъ, когда что было писано. Я педантъ, любящій видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ и, повѣрьте мнѣ, такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: чѣмъ болѣе вы подумаете объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что я права... Всего интереснѣе было бы видѣть все такъ, какъ оно выходило изъ этой единственной головы, и только тогда свѣту явилась бы эта голова такою, какою она была—головой трескучей, головой полезной человѣчеству съ разныхъ сторонъ, головой, сочиненія которой, при чтеніи ихъ, не могли бы не ускорить обращенія крови въ жилахъ, не укрѣпить тѣла, сердца и ума, не веселить души". (Сборникъ, XXIII, 105, 125).

[2]) Сборникъ, XXIII, 93, 102, 104.

[3]) Ibid., 303.

[4]) Ibid., 235, 247.

Digitized by Google

Россіи. Узнавъ о смерти Д'Аламбера, императрица, нѣкогда довѣрявшая ему даже воспитаніе цесаревича, пишетъ Гримму: «Очень прискорбно, что Д'Аламберъ умеръ, не читавъ и даже не видавъ нашей защиты по вопросу о Крымѣ; по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и потомъ уже судить, а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малодушіи, выказанномъ имъ во время болѣзни — тѣлесныя силы взяли, вѣроятно, перевѣсъ надъ духовными» [1]). Екатерина не могла уважать непрактическія мечтанія и восторженныя сужденія Дидро, но она любила Дидро за его добродушіе и благородство, находила, что онъ «во всемъ не похожъ на другихъ людей» [2]); она «очень высоко цѣнила разговоръ о хлѣбѣ» аббата Галіани и «его книга о Монетѣ возбуждаетъ уже теперь мое любопытство» [3]), но всегда была противъ Руссо. Екатерина не выносила его реторики, она не понимала его абстракцій, ей былъ противенъ его идеализмъ. Какъ реалистка, императрица примѣняла нѣкоторые педагогическіе взгляды Руссо и изъ его политическихъ взглядовъ возлюбила только одинъ — на свободу: она собственноручно переписывала его и указывала при случаѣ, какъ на взглядъ, ей, очевидно, симпатичный. Вотъ этотъ отрывокъ: «Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали, какою цѣною пріобрѣтаютъ и сохраняютъ тебя, еслибъ они чувствовали, насколько законы твои суровѣе тяжелаго ига тирановъ, ихъ слабыя души, рабыни подлежащихъ искорененію страстей, убоялись бы тебя во сто разъ болѣе, нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя,

---

[1]) Ibid., 308.

[2]) Ibid., 46. Уже послѣ смерти Дидро, Екатерина случайно прочла его „Замѣчанія на наказъ Ея Величества депутатамъ о составленіи законовъ", найденныя ею въ библіотекѣ Дидро, въ рукописи, и писала Гримму: „Эти замѣтки—сущіе пустяки, въ которыхъ не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, ни предупредительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ былъ бы способенъ перевернуть все вверхъ дномъ... Критиковать легко, а создавать трудно—вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который во всю свою жизнь былъ, кажется, настолько благоразуменъ, что постоянно нуждался въ опекѣ. Должно быть, онъ написалъ эти замѣчанія по возвращеніи отсюда, такъ какъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ". Ibid., 372.

[3]) „Dialogue sur le commerce des blés", 1770; переведено на русскій языкъ М. И. Драгомировымъ, въ 1890 г.

Digitized by Google

какъ отъ бремени, готоваго раздавить ихъ» [1]). Кромѣ Вольтера, только Бюффонъ, своими «Epoques de la Nature», привелъ Екатерину въ восторгъ: «Вотъ книга, о которой можно поговорить, ее стоитъ прочесть! По-моему, гипотеза Бюффона есть торжество человѣческаго ума, вѣрнѣе генія. Ньютонъ сдѣлалъ первый гигантскій шагъ впередъ, Бюффонъ — второй. Да, сударь, эта книга прибавила мнѣ мозга. Бюффоновская гипотеза шевелитъ и переворачиваетъ головы — да, это что-то новое, и все такъ удивительно хорошо укладывается въ этой теоріи». Екатерина отблагодарила Бюффона дорогими подарками, заказала Гудону его бюстъ, обласкала его сына [2]), пріѣзжавшаго въ Петербургъ.

Политическіе дѣятели обрисованы Екатериною, конечно, въ зависимости отъ хода политическихъ дѣлъ. Здѣсь ея мнѣнія и взгляды невольно мѣнялись, иногда по нѣскольку разъ; но ея отзывы всегда остроумны, нерѣдко ядовиты. Именно въ письмахъ къ Гримму сохранились въ этомъ отношеніи очень любопытныя извѣстія, которыя напрасно было бы искать въ какой-либо оффиціальной перепискѣ, хотя бы и шифрованной.

Прусскій король Фридрихъ II рисуется въ перепискѣ съ совершенно несимпатичной стороны. Онъ, оказывается, ссорилъ Екатерину съ своимъ братомъ, принцемъ Генрихомъ, распускалъ слухъ о его сумасшествіи, портилъ юнаго Бобринскаго, распространялъ слухи о болѣзни Екатерины, вообще вралъ «какъ сивый меринъ» и заслужилъ въ перепискѣ наименованіе Ирода [3]). Со словъ, «нашептанныхъ делегатами Ирода», «Gazette de Cologne» напечатала даже слухъ о смерти русской императрицы; Екатерина написала по этому поводу Гримму: «Кельнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Я, по правдѣ сказать, не совсѣмъ-то съ нимъ согласна и надѣюсь

---

[1]) „Considérations sur le gouvernement de Pologne", 1783, v. III, p. 264. Сборникъ, XXIII, 537, 538

[2]) Въ іюнѣ 1782 г. Екатерина принимала его, какъ „сына знаменитаго человѣка", и хорошо отзывалась о немъ; а въ декабрѣ писала: „Увѣряютъ, будто этотъ молодой человѣкъ частенько напивается пьянъ и пьяный является въ общество. Надѣюсь, что это неправда. Въ немъ нельзя еще замѣтить головы отца; но, вѣдь, онъ еще ребенокъ". Сборникъ, XXIII, 244, 260.

[3]) Сборникъ, XXIII, 338, 361, 376, 470, 471.

Digitized by Google

разубѣдить его въ томъ и другомъ» [1]). Только по смерти Фридриха II, онъ выставляется въ завидномъ свѣтѣ, и Екатерина отдаетъ ему должное при всякомъ удобномъ случаѣ. Уже при самомъ вступленіи Фридриха-Вильгельма II на престолъ, въ 1786 г., Екатерина пишетъ Гримму: «Сейчасъ прочла въ Берлинской газетѣ Фридрихъ-Вильгельмъ-Удивляющій. Не будете ли вы такъ добры сказать мнѣ чѣмъ? Я пережила восшествіе на престолъ дяди; какая разница! Тотъ избѣгалъ лести и хвастовства. Знаете ли почему? Потому что у него были здоровые мозги» [2]). Вспоминая то старое время, время Фридриха II, Екатерина становится краснорѣчива, говоритъ языкомъ Севиньѐ: «La société a changé; ce n'est pas celle de l'anneé 1740, brillante, spirituelle, annonçant le héros par tous les bouts» [3]).

Марія Терезія и Іосифъ II часто встрѣчаются въ перепискѣ, причемъ мать выставляется всегда въ несимпатичномъ свѣтѣ, а о сынѣ отзывы рѣзко мѣняются послѣ могилевскаго свиданія и особенно при второй турецкой войнѣ. Въ началѣ спора о баварскомъ наслѣдствѣ они описаны одной краской: «Надо признаться, Іосифъ II немножко жаденъ; если жадность будетъ наказана несваренiемъ желудка, это будетъ подѣломъ. Но маменька кажется мнѣ удивительной: она забавно рисуется своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, за которымъ скрывается захватчивость. Да, оба они фокусники, какимъ нѣтъ равныхъ». Слезы Маріи Терезіи о судьбѣ Польши не обманули Екатерину: «Что касается достопочтенной госпожи сестрицы, она страдаетъ большею наклонностью къ алчности и властолюбію. Слезы — признакъ раскаянія; лучшее доказательство искренности раскаянія—не дѣлать того, въ чемъ раскаиваешься; между тѣмъ, она продолжаетъ захватывать. Надо полагать, что только первородный грѣхъ заставляетъ ее играть эту недостойную комедію. О Іосифѣ II же можно, не опасаясь ошибиться, предсказать, что если онъ не будетъ великимъ человѣкомъ, то бу-

---

[1]) Ibid., 290.

[2]) Ibid., 384. Въ августѣ 1789 г., во время войны, о томъ же Фридрихѣ-Вильгельмѣ болѣе рѣзкій отзывъ: „Онъ глупъ, наглъ, дерзокъ, тщеславенъ и не имѣетъ и тѣни здраваго смысла. Къ тому же онъ фальшивъ". Ibid., 469.

[3]) Ibid., 417.

Digitized by Google

детъ очень сердиться, и ему придется въ своихъ тѣлесныхъ, духовныхъ и умственныхъ потребностяхъ надѣяться на другихъ. Совѣстный судъ безсиленъ тамъ, гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ». Но Екатерина не всегда была такъ строга къ «Habsucht-Habsburg», какъ она выражалась. Въ 1790 году, императрица писала о Маріи-Антуанетѣ: «Я люблю ее, какъ возлюбленную сестру лучшаго друга моего Іосифа; въ ней воплотилось мужество ея матери и неустрашимость рода—вѣдь, Іосифъ II испортилъ свои дѣла именно этою же неустрашимостью». И позже, объ Іосифѣ II: «Все еще не могу придти въ себя отъ изумленія—какимъ образомъ, будучи рожденъ, воспитанъ и подготовленъ къ своему высокому званію, будучи одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился дурно царствовать и не только не имѣть успѣха, но довести себя до того несчастія, среди котораго онъ умеръ» [1]).

Во время тешенскаго конгресса въ Европѣ появилась медаль, о которой Екатерина такъ сообщала Гримму: «Въ Голландіи выбили медаль: императрица-королева (Марія-Терезія) и русская императрица (Екатерина II) сидятъ въ каретѣ; на козлахъ прусскій король (Фридрихъ II); ихъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ, и онѣ отвѣчаютъ: куда кучеру угодно будетъ везти насъ. Я нашла это весьма забавнымъ: тутъ не достаетъ только правды, чтобъ это было ядовито, или музыки французской оперетки, чтобы это была совершенная пошлость» [2]).

И Фридрихъ II, и Марія-Терезія, и Іосифъ II нерѣдко противодѣйствовали планамъ и цѣлямъ Екатерины, и, тѣмъ не менѣе, она умѣла цѣнить и цѣнила ихъ. Это были надежные союзники и достойные противники. Екатерина любила и уважала великія личности, сильные характеры, крѣпкую волю. Она сама всегда хорошо знала, чего она хочетъ и куда стремится. Она не выносила слабыхъ и безхарактерныхъ; немилосердно бичевала мелкихъ нѣмецкихъ князей, этихъ «Донъ-Кихотовъ Германіи», содержавшихъ арміи только для парадовъ, и съ презрѣніемъ относилась ко лжи и не-

---

[1]) Ibid, 108, 113, 483, 490, 509. Послѣ могилевскаго свиданія, Екатерина такъ отзывалась объ Іосифѣ II: „Я никогда не кончила бы, еслибъ начала хвалить его. Это голова самая основательная, глубокая и наиболѣе просвѣщенная, какую я знаю". Ibid., 183, 218.

[2]) Сборникъ, XXIII, 84.

Digitized by Google

правдѣ. О шведскомъ королѣ Густавѣ III она писала: «Вотъ такъ король! Онъ воображаетъ, что ложью и обманомъ [1]) добудетъ себѣ много чести. Ничего, сударь, изъ этого не выйдетъ—онъ сдѣлается только позоромъ и посмѣшищемъ для потомства: ложью и обманомъ нельзя добыть ни славы, ни чести» [2]).

Только изъ переписки съ Гриммомъ можетъ быть разъяснена «художественная» сторона екатерининскаго царствованія, такъ какъ чрезъ Гримма шли всѣ сношенія императрицы даже съ Рейфенштейномъ, который былъ главнымъ коммиссіонеромъ Екатерины въ Римѣ по заказамъ и покупкамъ художественныхъ произведеній. Изъ этой переписки оказывается, между прочимъ, что Екатерина не всегда интересовалась лично своими заказами. Такъ, напр., рѣзные камни заказывались ею только для генерала А. Д. Ланскаго; тотчасъ по его смерти, Екатерина пишетъ Гримму: «Тѣмъ, кто будетъ предлагать вамъ рѣзные камни, говорите, что я никогда не покупала ихъ для себя, потому что я ничего въ нихъ не понимаю и что я больше вовсе не стану покупать ихъ» [3]); иллюстрированныя изданія покупались для А. М. Дмитріева-Мамонова: «Настоятельно прошу прислать мнѣ лучшее иллюстрированное изданіе; это для Краснаго Кафтана, который ежедневно пристаетъ ко мнѣ съ этимъ» [4]), и т. п. По перепискѣ можно составить довольно полную

---

[1]) Эти обвиненія не голословны. „Я разскажу вамъ—пишетъ Екатерина Гримму—еще случай съ этимъ негодяемъ Густавомъ III. Онъ сказалъ однажды брату посланника Спренгпортена, который въ Даніи: „Замѣтили вы подпись мою на приказѣ, который я далъ вамъ, чтобъ вести войска изъ Финляндіи и произвесть революцію?“ Когда Спренгпортенъ отвѣчалъ отрицательно, король продолжалъ: „Я остерегся подписать такъ, какъ всегда подписываюсь; я измѣнилъ свой почеркъ: еслибъ мы не имѣли успѣха, государственные чины отрубили бы вамъ голову, а я отказался бы отъ своей подписи, какъ вовсе не сходной съ моею“. Почти такъ же поступилъ онъ этимъ лѣтомъ съ бригадиромъ Гастферомъ, которому онъ послалъ подписанный имъ приказъ атаковать Нейшлотъ, а потомъ взялъ приказъ назадъ. Теперь онъ велѣлъ арестовать Гастфера, подъ предлогомъ, будто Гастферъ принималъ участіе въ заговорѣ финскихъ войскъ, и этотъ Гастферъ рискуетъ лишиться головы, если король признаетъ нужнымъ скрыть отъ государственныхъ чиновъ, что онъ самъ далъ приказъ объ атакѣ“. Ibid. 470.

[2]) Ibid., 455.

[3]) Ibid., 322.

[4]) Ibid., 394. Подъ „краснымъ кафтаномъ“ разумѣлся гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ. „Этотъ красный кафтанъ облекаетъ существо, обладающее пре-

Digitized by Google

картину эрмитажнаго музея; въ Придворномъ же архивѣ хранятся важные матерьялы относительно цѣны и стоимости перевозки всѣхъ предметовъ. И при Екатеринѣ музей уже былъ очень богатъ: «Мой музей въ Эрмитажѣ состоитъ, не считая картинъ и ложъ Рафаэля, изъ 38.000 книгъ, 10.000 камеевъ, около 10.000 гравюръ и рисунковъ, и кабинетъ натуральной исторіи, заключающійся въ двухъ большихъ залахъ» [1]).

Свѣдѣнія о Россіи, о русскихъ дѣлахъ и русскихъ людяхъ, встрѣчаются чуть-ли не въ каждомъ письмѣ Екатерины къ Гримму, но извѣстія этого рода носятъ совершенно иной характеръ. Императрица никогда не забываетъ, что пишетъ иностранцу и что всякій ея отзывъ о Россіи получаетъ за предѣлами имперіи особое значеніе; она хорошо помнитъ готовность Гримма не только распространить полученное извѣстіе, но и сдѣлать по немъ заключеніе о роли самой императрицы, которая руководитъ русскими дѣлами и избираетъ людей. Этимъ, вѣроятно, объясняется общая картина Россіи, какъ она нарисована Екатериною въ письмахъ къ Гримму: все въ Россіи идетъ хорошо, вездѣ замѣчается довольство и преуспѣяніе, всюду «тишь, да гладь, да Божья благодать». Иногда Екатерина пишетъ завѣдомую ложь, иногда умалчиваетъ и, въ общемъ, Россія представляется въ розовомъ свѣтѣ.

Въ одинъ и тотъ же день, 14-го іюля 1788 года, сообщая объ аванпостной стычкѣ со шведами въ Финляндіи, Екатерина сообщаетъ князю Потемкину, что «пушку у нихъ отняли и

краснѣйшимъ сердцемъ вмѣстѣ съ большимъ запасомъ честности; ума хватитъ на четверыхъ; неистощимый запасъ веселости, замѣчательная оригинальность во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія этого взгляда, удивительная благовоспитанность и особенное знаніе всего, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ, какъ преступленіе, нашу склонность къ поэзіи, страстно любимъ музыку; у насъ рѣдкая способность все схватывать. Богу одному извѣстно, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, обладаемъ манерами лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски такъ, какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ, по стилю и по почерку. Наша наружность вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ: черты лица правильны, у насъ чудные черные глаза съ тонкими бровями, ростъ выше средняго, благородная осанка, пріятная поступь; словомъ, мы столько же основательны характеромъ, сколько ловки, сильны, блестящи". Ibid., 387.

[1]) Ibid., 499.

Digitized by Google

человѣкъ сто шведовъ на мѣстѣ осталось», и тѣмъ же перомъ пишетъ Гримму: «шведы потеряли 150 человѣкъ и двѣ пушки»[1]). Это по отдѣлу невѣрныхъ свѣдѣній; вотъ по умалчиванію: Екатерина извѣщаетъ Гримма, что «святѣйшій синодъ присутствовалъ въ театрѣ на представленіи пьесы Паизіелло, и всѣ они хохотали до слезъ», но не сообщаетъ, какъ сенатъ рѣшилъ казнить всю деревню за умерщвленіе помѣщика, что̀ заставило императрицу написать генералъ-прокурору Вяземскому: «пророчествовать можно, что̀ естьли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ»[2]). Узнавъ изъ газетъ объ участіи князя Рогана въ дѣлѣ объ ожерельи, Екатерина писала Гримму: «Отчего, вотъ уже третій изъ рода Роганъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и является въ обществѣ плутовъ? Фи, я не люблю, чтобъ славныя имена грязнились подлыми дѣлами»[3]), но не сообщала ему, что кн. Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, что Нелединскій былъ сосланъ въ монастырь за сѣченіе своей матери плетьми, кн. Лобановъ-Ростовскій обвинялся въ подлогѣ, кн. Хованскій судился за обманъ, графы Ефимовскіе утѣсняютъ мать, кн. Кантемиръ проклинаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя московскаго клуба[4]) и т. п. Екатерина не разъ пишетъ Гримму, что при объявленіи шведской войны, города и деревни добровольно ставили рекрутъ и подводы, что Петербургская губернія дала 72 рекрута съ тысячи, и умалчиваетъ, что указъ о сформированіи въ Петербургѣ гусарскаго полка «изъ людей добровольно въ службу пожелающихъ» не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ желающихъ не оказалось[5]). Екатерина похваляется Гримму, что въ двѣнадцать лѣтъ ея царствованія «построено 144 города», но, конечно, не говоритъ, что въ числѣ этихъ городовъ,

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 509; XXIII, 461. Съ Вольтеромъ Екатерина церемонилась еще менѣе: въ 1771 г. она увѣряла его, что хлѣбъ изъ Сибири продается въ Парижѣ. Ibid., XIII, 178.

[2]) Сборникъ, XXIII, 155; „Семнадц. Вѣкъ“, III, 390.

[3]) Сборникъ, XXIII, 362.

[4]) Архивъ Сената, т. 128, л. 138; П. С. З., № 13622; „Русскій Архивъ“, 1872, стр. 226, 232, 234, 237, 237, 291.

[5]) Сборникъ, XXIII, 463, 631; П. С. З., № 16695.

Digitized by Google

создавшихся по административному усмотрѣнію, были, напримѣръ, городъ Бабиновичи, Могилевскаго намѣстничества, а «въ немъ 66 христіанъ и 4 жида»[1]). Такихъ примѣровъ умолчанія очень много, но и приведенныхъ уже достаточно, чтобы объяснить, если не оправдать[2]), тотъ «розовый свѣтъ», который замѣчается въ письмахъ Екатерины къ Гримму.

Полушутя-полусерьезно, Екатерина выражала въ письмахъ къ Гримму довольно своеобразный взглядъ на Россію, которую она выдѣляла изъ всѣхъ европейскихъ странъ и рисовала страною дѣвственною во всѣхъ отношеніяхъ, необработанною, некультурною. «Я люблю нераспаханныя земли, подъ паромъ — повѣрьте, это лучшія земли. Я уже тысячу разъ говорила вамъ: я годна только для Россіи. Помяните меня: только въ Россіи не тронутая еще, чистая природа, въ другихъ странахъ все уже испорчено, условно, искусственно»[3]). Въ связи съ такимъ взглядомъ на Россію просьбы избавить ее отъ визитовъ лицъ, по словамъ Гримма, «преклоняющихся» предъ великою императрицею: «Скажите имъ, что Екатерина хороша только издали»[4]). Въ то же время, у себя, дома, передъ русскими людьми, она скромно сознавалась, что «Россія велика

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 216, П. С. З., № 14707. Во Владимірскомъ намѣстничествѣ былъ образованъ къ 1778 году городъ Киржачъ, но только на бумагѣ, и, не просуществовавъ и 20-ти лѣтъ, былъ уничтоженъ, какъ совершенно ненужный. Архивъ Сената, т. 141, стр. 410; П. С. З., № 14787.

[2]) Не только въ письмахъ къ Гримму, но Екатерина всегда имѣла двѣ мѣрки—одну для Россіи, другую для всего, что не-Россія; въ первомъ случаѣ все видится въ розовомъ свѣтѣ, во второмъ—въ мрачномъ. Въ 1766 г. гр. Остерманъ, депешею изъ Стокгольма, увѣдомилъ Панина „о крестьянскомъ смятеніи въ Вестерготской провинціи", причемъ крестьяне „два дворянскихъ домовъ разорили и угрожаютъ зажигать домы тѣхъ крестьянъ, которые на тотъ бунтъ не согласуются"; Екатерина положила слѣдующую резолюцію на этой депешѣ: „Cela est presque incroyable, il s'exposerait à se faire déposer". (Сборникъ, LVII, 538). Въ 1789 г., она приравниваетъ пугачевщину къ революціонному движенію въ Монбельярѣ и пишетъ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „ничто не походитъ болѣе на оренбургскія волненія 1774 и 1775 годовъ, какъ эта исторія общины, взбунтовавшейся противъ законовъ и своихъ повелителей; разница лишь въ томъ, что у насъ не одинъ дворянинъ не принималъ участія въ бунтѣ". Немного позже она повторяетъ ту же мысль: „Эти безпорядки въ Эльзасѣ похожи на наши въ 1774 и 1775 годахъ". Сборникъ, XV, 159, 160.

[3]) Сборникъ, XXIII, 70, 484.

[4]) Ibid., 84, 174; „Русскій Архивъ", 1878, III, 46, 63.

Digitized by Google

сама по себѣ, и я что ни дѣлаю подобно каплѣ, падающей въ море» [1]). Вопреки Гримму, который любитъ заявлять, что онъ «русскій въ душѣ», Екатерина во всей своей обширной перепискѣ съ Гриммомъ только два раза упомянула, что она нѣмка по рожденію, что она, по мѣткому выраженію Іосифа II, la princesse de Zerbst Catherinisée: извѣщая Гримма, въ 1780 году, о своей декларації о вооруженномъ нейтралитетѣ, и сообщая, въ 1783 году, что султанъ хочетъ у нея изъ-подъ носа утащить Крымъ, Екатерина въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: «Но вы, вѣдь, знаете, что нѣмецъ никогда не потерпитъ, чтобъ его водили за носъ, и онъ всегда оберегаетъ болѣе всего именно эту часть тѣла» [2]).

Екатерина, обладавшая умомъ государственнымъ, никогда не жаловалась на обстоятельства и особенно на недостатокъ людей, вполнѣ сознавая нелѣпость подобныхъ жалобъ, свидѣтельствующихъ только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо», и—опять своеобразная черта—прибавляетъ: «Сверхъ того, по временамъ, я люблю свѣжія головы, которыя очень полезны рядомъ съ головами болѣе умудренными—это вводныя лица въ пьесѣ: во-время и кстати выпущенныя на сцену, они только оживляютъ дѣйствіе». Люди всегда есть, нужно только пользоваться ими, заставить ихъ работать: «все зависитъ именно отъ умѣнья направить людей» [3]). Это—вообще, вотъ—въ частности: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла,

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 180; „Русская Старина", XVI, 57.

[2]) Arneth 278; Сборникъ, II, 340; XXIII, 174, 277.

[3]) Selon moi, aucun pays n'a disette d'hommes; ne s'agit pas de chercher. s'agit d'employer ce qu'on a sous sa patte... N'y a pas disette d'hommes; y a multitude, mais faut faire aller: tout ira s'il y a cet autre faisant aller. Сборникъ 275, 411, 608, 624 sqq.

Digitized by Google

чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ, а ихъ много на свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается» [1]). Послѣ этого понятно, что въ письмахъ къ Гримму Екатерина не высказываетъ своего мнѣнія о русскихъ людяхъ. Въ письмахъ, напр., къ Потемкину, Екатерина такъ отзывается объ извѣстныхъ военачальникахъ: Н. В. Репнинъ—«хуже старой бабы», графъ Я. А. Брюсъ—«не имѣетъ головы», графъ И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ», графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ—«онъ каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête» и т. п. [2]). И что же? Главнокомандующимъ въ шведскую войну былъ назначенъ «каналья» г. Мусинъ-Пушкинъ, а когда онъ оказался «неспособнымъ къ предводительству», то его замѣнилъ «глупый и упрямый» графъ И. П. Салтыковъ! Ничего подобнаго Екатерина Гримму не писала.

Платя дань вѣку, Екатерина питала извѣстную слабость къ педагогикѣ. Она стремится создать цѣлую систему народнаго образованія, справедливо сознавая, что «Екатерина Вторая, при всей своей власти и при всей своей доброй волѣ, не можетъ создать въ Россіи многаго полезнаго безъ помощниковъ, именно безъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ». Она проситъ совѣтовъ по школьному вопросу у Гримма, Дидро, Дальберга, интересуется «нормальными школами» въ Австріи, «космополитическимъ филантропиномъ» въ Дессау, читаетъ Базедова, Песталоцци, «Эмиля» Руссо, «Эмилію» г-жи Эпинэ [3]), сама высказываетъ свои взгляды на воспитаніе и примѣняетъ ихъ къ своимъ внукамъ. Взгляды цѣнные и въ наши дни. «Что касается Александра, пишетъ она Гримму, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ вы хотите, чтобъ онъ размышлялъ и зналъ точно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно, но необходимо, по-моему, чтобъ голова и способности головы ребенка были развиты прежде, чѣмъ набивать ее хламомъ прошлыхъ знаній, и изъ этого хлама надо сообщать съ большимъ разборомъ. Богъ мой, чего не дала природа, того не дастъ никакое

[1]) Сборникъ, XXIII, 255, 409.
[2]) Сборникъ, XXVII, 391, 492; XLII, 33, 35, 36, 38, 44 sqq.
[3]) Сборникъ, XXIII, 25, 38, 115, 183, 254, 301, 306, 696.

Digitized by Google

ученье, но ученье убиваетъ часто природныя дарованія, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, напичканные чужимъ умомъ и знаніями»[1]). Такимъ образомъ, если внуки не оправдали надеждъ Екатерины, не ея вина — природа сильнѣе воспитанія.

Любовь Екатерины къ своимъ внукамъ, особенно къ Александру, сказывается едва-ли не въ каждомъ письмѣ. Она безпрестанно сообщаетъ Гримму всевозможныя подробности о своихъ внукахъ и внучкахъ, не исключая и Николая, котораго она не воспитывала, такъ какъ онъ родился за нѣсколько мѣсяцевъ до ея кончины. «Сегодня родился огромнѣйшій мальчикъ, котораго окрестили Николаемъ. У него басъ и онъ кричитъ имъ удивительно; въ немъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки величиною съ мои; отродясь не видала такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, его братья будутъ карликами передъ этимъ колоссомъ». Черезъ десять дней: «Уже три дни, что рыцарь Николай ѣстъ кашку, такъ какъ ежеминутно проситъ ѣсть; полагаю, что ни одинъ восьмидневный ребенокъ столько не ѣлъ, какъ онъ—это просто неслыхано. Онъ совсѣмъ оттянулъ руки у нянекъ; если это такъ продолжится, я думаю, его отнимутъ отъ груди въ шесть недѣль. Онъ оглядываетъ всѣхъ, и держитъ и поворачиваетъ свою голову, какъ я»[2]). Екатеринѣ шелъ уже 65-й годъ, когда она сообщала Гримму, что «страстно любитъ играть съ дѣтьми» и что «внуки просятъ ее играть, такъ какъ съ нею гораздо веселѣе»[3]). Только доброе сердце можетъ такъ любить дѣтей.

У нея было, дѣйствительно, доброе сердце. Въ письмахъ къ Гримму встрѣчаются очень часто порученія о томъ или другомъ благодѣяніи, причемъ она проситъ только, чтобъ «объ этомъ не узнали газеты», нерѣдко требуетъ, чтобъ ея имя не было извѣстно получающему ея благодѣянія[4]). Одна уже ея защита принцессы

---

[1]) Ibid., 147.

[2]) Ibid., 679, 681.

[3]) Ibid., 592.

[4]) Donnez à M-me la Roche ce qu'il vous plaira, mais ne lui donnez jamais en mon nom; faites lui passer cela sans qu'elle sache d'où cela vient. Сборникъ, XXIII, 254. Марія-Софія Ларошъ, рожд. Гутерманъ, 1731—1807, подруга Виланда, авторъ „Moralische Erzählungen", 1782, и др. беллетристическихъ произведеній. Гриммъ не исполнилъ требованія Екатерины, и Ларошъ узнала отъ

Digitized by Google

Августы Брауншвейгской, страдавшей отъ своего мужа, низкаго и грубаго герцога Вюртембергскаго, могла бы уже дать высокое понятіе о добромъ сердцѣ императрицы. Она сама сознавалась, что иногда должна была казаться болѣе суровою, чѣмъ была по натурѣ своей; только въ политикѣ не допускала она сердечныхъ слабостей и хладнокровно казнила государственныхъ преступниковъ. Она писала о Пугачевѣ: «Этотъ честный негодяй, кажется, не обладаетъ разсудкомъ, такъ какъ надѣется, что быть можетъ будетъ помилованъ, или ужь человѣкъ не можетъ жить безъ надежды и обольщенія»[1]).

Екатерину нерѣдко осуждаютъ, какъ женщину, за ея равнодушное отношеніе къ лицамъ, бывшимъ ей близкими. Такое осужденіе едва-ли справедливо. Конечно, могутъ сказать, что смерть Потемкина, напр., поразила ее, какъ потеря государственнаго дѣятеля, что въ князѣ Орловѣ она теряла человѣка, оказавшаго ей извѣстныя услуги; но вотъ что́ писала Екатерина Гримму 2-го іюля 1784 года: «Когда я начала это письмо, я была въ счастіи и радости: дни мои пролетали такъ быстро, что я не замѣчала ихъ. Теперь ничего этого нѣтъ: я погружена въ живѣйшую скорбь, и счастья моего нѣтъ уже; я думала, что не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости; онъ трудился, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ юноша, котораго я воспитала, благодарный, кроткій, добросовѣстный, раздѣлявшій мое горе, когда оно случалось, и радовавшійся моими радостями; словомъ, рыдая объявляю вамъ, что генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, усложнившаяся жабой, свела его въ пять сутокъ въ могилу, и комната моя, прежде столь мнѣ любезная, стала для меня пустою пещерою, гдѣ я едва двигаюсь, какъ тѣнь. Я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ

него имя благодѣтельницы. Ibid., XLIV, 335. Гриммъ и Екатерина пишутъ M-me de la Roche; въ своихъ изданіяхъ, которыхъ Гриммъ не читалъ (235), она пишетъ Laroche, что́ и принято въ нѣмецкихъ біографическихъ словаряхъ.

[1]) Сборникъ, XXIII, 9.

Digitized by Google

того, чтобы рыданія не лишили меня способности говорить. Я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе мнѣ въ тягость, и писать нѣтъ силъ. Не знаю, что̀ будетъ со мною, знаю только, что въ жизнь мою я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ лучшій и дорогой другъ покинулъ меня. Я открыла ящикъ и нашла начатый листокъ, написала нѣсколько строкъ, но продолжать не въ силахъ»[1]).

Лѣтомъ 1788 года Екатерина писала Гримму: «У меня два дня была колика, продержавшая меня въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я приказала подать мнѣ нѣмецкія книги, и мнѣ прислали, между прочимъ, журналъ, озаглавленный «Das graue Ungeheuer», въ которомъ помѣщенъ будто-бы мой портретъ и этимъ портретомъ думаютъ оказать мнѣ великую честь, не признавая всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже враги мои никого не успѣли увѣрить. Мнѣ отводятъ мѣсто непосредственно за Маріей Терезіей — этимъ мѣстомъ я, конечно, должна быть довольна, и я даже увѣрена, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она превосходитъ меня, такъ какъ я, какъ вы знаете, не рождена для лжи. Но этотъ «Ungeheuer» требуетъ, чтобы вы написали мой портретъ съ натуры: онъ говоритъ, что въ Парижѣ есть человѣкъ (это не кто иной, какъ вы), имѣющій въ своемъ портфелѣ доказательства, что я вовсе не кровожадна. Можете себѣ представить! Вотъ какъ судятъ о людяхъ! вотъ какъ ихъ знаютъ! вотъ какіе съ нихъ портреты пишутъ! Онъ говоритъ, что я скорѣе хитра, чѣмъ разсудительна или остроумна. Правда ли это? Судите сами. Наконецъ, онъ намекаетъ, что у меня всѣ пороки женщины. Опять-таки отдаю себя на вашъ судъ» [2]).

Три года ждала Екатерина своего портрета, писаннаго кистью Гримма, и не дождалась. Лѣтомъ 1791 года она сама набросала свой портретъ:

«Вотъ приблизительно мой портретъ. Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко—достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна,

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 316.
[2]) Ibid., 462.

*

Digitized by Google

какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами; я имѣла неудачи, проистекавшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна: Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна со слабостью человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости, и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчные умы, не любящіе веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность. Прощайте. На сегодня довольно» [1]).

В. А. Бильбасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Сборникъ, XLII, 166; ср. XXIII, 56, 153; XLII, 125.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

VI [1].

Характеристика Мезенцова, Герштенцвейга. Преображенскіе фельдфебеля, унтеръ-офицеры и солдаты въ 1848 году. Поощренія и наказанія. Рекруты. Побѣги. Наказаніе шпицрутенами. Бѣлая аммуниція и ея приготовленіе.

Теперь мнѣ остается обрисовать только тѣхъ изъ старшихъ товарищей моего времени, какіе держали себя самостоятельно и независимо отъ партій или кружковъ, къ сожалѣнію, раздѣлявшихъ, въ тѣ поры, общество офицеровъ. Далѣе, не буду говорить и о тѣхъ, съ кѣмъ придется еще встрѣтиться въ теченіе разсказа; наконецъ, выпущу всѣхъ младшихъ офицеровъ, тогда еще не обрисовавшихся и не имѣвшихъ значенія. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о Герштенцвейгѣ и Мезенцовѣ, такъ какъ они пріобрѣли, если не историческую, то, во всякомъ случаѣ, довольно громкую въ свое время извѣстность. Герштенцвейгъ, уже при мнѣ, возвратился въ полкъ изъ безсрочнаго отпуска, въ чинѣ капитана. Наружной представительности,—важнаго условія въ преображенцѣ того времени,—у Герштенцвейга не было. Ростомъ онъ былъ не очень высокъ. Если бы не свѣжій и бѣлый цвѣтъ кожи и не вогнутое, хотя и правильное очертаніе носа,—можно бы сказать, что его лицо напоминало облагороженный типъ семитической расы; какъ бы ни было, только оно было очень симпатичное. Герштенцвейгъ, со всѣми одинаково любезный и привѣтливый, всегда улыбался, такъ что улыбка не сходила у него съ лица, но эта привѣтливость была холодная и сдержанная. Говорилъ онъ очень мало, односложно и всегда выказывалъ серьезный, сосредоточенный характеръ. Герштенцвейгъ тоже пользовался особеннымъ расположеніемъ Катенина и былъ выдвинутъ имъ такъ же быстро, какъ и Коссаковскій. Онъ получилъ роту Его Величества, но послѣ недолгаго командованія былъ назначенъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль и мартъ.

Digitized by Google

флигель-адъютантомъ и отчисленъ въ свиту. Въ началѣ 1860-хъ годовъ я встрѣчалъ его въ чинѣ свиты генералъ-маіора и чуть ли не исправляющимъ должность дежурнаго генерала.

Его загадочное самоубійство въ Варшавѣ, въ 1861 году, надѣлало, въ свое время, много шума, но тѣмъ, кто вѣритъ въ американскую дуэль его съ графомъ Ламбертомъ, очень, впрочемъ, вѣроятную, слѣдовало бы припомнить, что и отецъ Герштэнцвейга, артиллерійскій генералъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1846 году и сдѣлалъ это подъ давленіемъ безпокойной мысли, что онъ неудачно выполнилъ возложенное на него порученіе. Его сынъ, какъ я уже замѣтилъ, всегда поражалъ молчаливостью и оттѣнкомъ меланхоліи. Я никогда не видѣлъ его смѣющимся, а вѣчная улыбка, какъ бы застывшая на губахъ, была неестественная. Губы улыбались, а глаза оставались серьезными, да и выраженіе лица носило на себѣ печать предопредѣленія къ неожиданному и страшному концу!

Николай Владиміровичъ Мезенцовъ былъ, въ то время, поручикомъ и числился въ 12-й фузелерной ротѣ запаснаго баталіона. Поступилъ онъ изъ полковыхъ подпрапорщиковъ и былъ человѣкъ весьма не глупый, ловкій, вкрадчивый, словомъ, какъ говорится, «себѣ на умѣ». Его нескладно-скроенная, длинная фигура, съ краснымъ, толстымъ лицомъ и курчавыми волосами, являлась повсюду, вращалась во всѣхъ кружкахъ. Мезенцовъ постоянно хохоталъ или смѣялся, такъ что, казалось, беззаботная веселость была нормальнымъ его настроеніемъ. Даже во фронтѣ усмѣшка только временно замирала на его лицѣ, постоянно веселомъ, довольномъ и сіяющемъ. Между тѣмъ, хотя онъ смѣялся много, но насмѣхался мало, рѣдко и такъ осторожно, что даже въ хмѣлю нельзя было ни къ чему придраться. Мезенцовъ не принадлежалъ ни къ какой артели, а, какъ сказано,—самъ держалъ артель; онъ не принадлежалъ ни къ какому кружку, а искусно лавировалъ между всѣми партіями. Напримѣръ, члены «великосвѣтскаго кружка»—Коссаковскаго могли бы поклясться, что Мезенцовъ принадлежитъ къ ихъ средѣ, такъ какъ съ Коссаковскимъ онъ былъ за панибрата,—его alter ego, во всѣхъ отношеніяхъ. Но если бы кто явился въ засѣданіе «всепьянѣйшей артели» и сказалъ бы членамъ то, что̀ я сейчасъ написалъ, то всѣ бы расхохотались и съ увѣренностью возразили бы: «Ну, нѣтъ, Мезенцовъ—нашъ, душою и тѣломъ!» Дѣйствительно въ средѣ «всепьянѣйшей артели» онъ былъ какъ дома, самъ любилъ выпить, умѣлъ угостить и, за бутылочкою, былъ душа общества! Даже къ «нѣмецкой партіи» Николай Владиміровичъ умѣлъ подладиться, а попробовалъ бы кто сказать ему самому: «вѣдь ты къ нѣмцамъ перекочевалъ!»—Мезенцовъ покатился бы со смѣху и такъ бы расхохотался, что вопрошающій вынужденъ былъ задать себѣ вопросъ: не сглупилъ ли я?.. Вѣдь онъ

Digitized by Google

надъ нами издѣвается... однакоже и не отрицаетъ и не отвѣчаетъ—«нѣтъ!» Дѣйствительно, онъ напрямки никогда не отвѣчалъ, но его смѣхъ выговаривалъ безъ словъ—ни то, ни се! Придраться ни къ чему было нельзя! Катенинъ понималъ Мезенцова, не долюбливалъ, а какъ будто побаивался способнаго поручика 12-ой роты, рѣдко называлъ его по чину и фамиліи и чаще говаривалъ: «почтеннѣйшій Николай Владиміровичъ». Однако онъ не вывелъ «почтеннѣйшаго» на дорогу почестей, да Мезенцовъ и не нуждался въ томъ, имѣя сильныя связи и вліятельное родство. Впрочемъ, не связи, не протекція возвысили этого замѣчательнаго человѣка, а его гибкій, изворотливый умъ и его счастье. Въ началѣ Крымской войны, императоръ Николай велѣлъ прикомандировать къ Дунайской арміи по три офицера изъ желающихъ отъ каждаго полка гвардіи. Но такъ какъ желающими оказались всѣ наличные офицеры, то пришлось кидать жребій. Мезенцовъ вынулъ счастливый нумеръ, поѣхалъ на Дунай и съ тѣхъ поръ все возвышался по службѣ, пока не умеръ отъ кинжала анархистовъ въ званіи главноуправляющаго III-мъ отдѣленіемъ и корпусомъ жандармовъ. На немъ такъ же, какъ на Коссаковскомъ, Герштенцвейгѣ, Пушкинѣ и на многихъ другихъ, оправдалось древнее прорицаніе: «Dicique beatus, ante obitum, nemo supremaque funera debet!»—(Не слѣдуетъ никого называть счастливымъ до самой смерти и окончательнаго погребенія!).

Наконецъ, къ разряду офицеровъ, независимыхъ отъ партій и кружковъ, мнѣ остается причислить поголовно—всѣхъ старыхъ пажей: Н. Е. Баранова, Рейтерна, Ребиндера (Александра Алексѣевича), двухъ братьевъ—Тимродъ, Варенцова, Арбузова (Дмитрія Алексѣевича), и трехъ братьевъ Вельяминовыхъ [1]). Всѣ они были отличные, фронтовые офицеры, скорѣе «старой пажеской», нежели жерковской школы; они согласовали внѣшнее щегольство со строгимъ, военнымъ приличіемъ и щеголяли болѣе добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, добрымъ товариществомъ, а главное умѣньемъ держать себя въ полку и въ обществѣ съ тактомъ, свойственнымъ порядочнымъ людямъ. Послѣ этого всего, можно сказать безъ натяжки, что Катенинъ нашелъ въ полку общество такихъ офицеровъ, съ какими можно было достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ вездѣ и въ чемъ бы то ни было.

Нисходя послѣдовательно по ступенямъ служебной іерархіи, слѣдовало бы написать характеристику младшихъ офицеровъ, но я долженъ ихъ обойти и спуститься прямо до фельдфебелей, имѣвшихъ довольно обширный кругъ дѣятельности и несоразмѣрное ихъ должности значеніе, тогда какъ младшіе офицеры не имѣли ни того, ни другаго. Фельд-

[1]) Николая, Александра и Константина Николаевичей. Послѣдняго изъ нихъ, Николая Николаевича, недавно опустили въ могилу.

Digitized by Google

фебеля 1848 года были всѣ опредѣлены и вышколены Жерковымъ, и всѣ они, по тогдашнимъ требованіямъ, не оставляли желать ничего лучшаго. Ихъ слишкомъ значительная роль въ ротномъ управленіи обусловливалась требованіями той эпохи. Служба была такъ трудна, что офицеры съ жадностью ловили часы досуга, и рѣдкіе изъ нихъ посвящали свободное время на то, чтобы лично входить въ подробности ротнаго хозяйства и внутренняго управленія. Для этого нужно было, напримѣръ, вставать въ 5 часовъ утра для повѣрки количества и качества продуктовъ, влагаемыхъ въ котелъ, слѣдить во всякое время за покупкою припасовъ, повѣрять распоряженія и дѣйствія фельдфебеля, писаря, должностныхъ, производить раздачу денегъ, слѣдить за правильнымъ расходомъ ротныхъ суммъ, наконецъ повѣрять разсчеты фельдфебеля, пригонку мундировъ, аммуниціи и проч. Съ другой стороны, фронтовыя требованія были такъ многочисленны, строги и мелочны, что добросовѣстное управленіе ротою было бы непосильно тяжкимъ бременемъ для ротнаго командира. Поэтому, если въ ротѣ былъ расторопный и смышленый фельдфебель, то командиру предстоялъ великій соблазнъ—предоставить ему бо́льшую часть управленія, а себѣ—возможно больше досуга и покоя. Рѣдкій ротный командиръ могъ устоять противъ такого соблазна, и ловкій фельдфебель забиралъ въ руки все и всѣхъ, не исключая и самого ротнаго командира. О субалтернъ-офицерахъ, командовавшихъ временно ротами—и говорить нечего,—эти и шагу не могли ступить безъ фельдфебеля. Вотъ иллюстрація изъ полковаго приказа: «при осмотрѣ моемъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и помощниковъ ихъ въ 6-ой фузелерной ротѣ, я замѣтилъ, что командовавшій ротою поручикъ В... на нѣкоторые мои вопросы отвѣчалъ весьма неудовлетворительно и съ помощью фельдфебеля, что̀ доказываетъ, что онъ не занялся ввѣренною ему ротою какъ слѣдовало, за что̀ дѣлаю поручику В... выговоръ...» [1]). Служебную и хозяйственную характеристику фельдфебеля тогдашней эпохи можно сдѣлать въ немногихъ словахъ: деспотъ съ подчиненными, старавшійся стянуть съ солдатъ въ свою пользу, что̀ только можно изъ провіанта и всякаго довольствія, фельдфебель стоялъ въ струнку и раболѣпствовалъ передъ ротнымъ командиромъ и въ это же время изучалъ его характеръ, подмѣчалъ слабости, снискивалъ довѣріе угодничествомъ и забиралъ многое въ свои руки. Не только ротные, но и полковые командиры постоянно относились къ фельдфебелямъ во всемъ, что̀ касалось сущности не только наружной, но и хозяйственной части; это считалось дѣломъ обыкновеннымъ и не удивляло никого. Солдаты боялись фельдфебеля гораздо болѣе, чѣмъ ротнаго командира, потому что командиры часто мѣнялись, а фельд-

[1]) Приказъ по полку 12-го октября 1848 г.

Digitized by Google

фебель оставался съ ними во всю службу. Правда, что и положеніе фельдфебеля было не легкое. Съ нихъ часто требовалось больше, чѣмъ позволяли средства, какими они могли располагать, и ближайшіе начальники прибѣгали къ извѣстному восклицанію: «Откуда хочешь доставай,—чтобъ было!» Ловкій фельдфебель отвѣчалъ: «слушаюсь!» и дѣйствительно все являлось, но какъ и откуда—это его дѣло! Жерковъ подготовилъ именно такихъ фельдфебелей,—на всѣ руки и такіе были находкою для новаго командира полка. Съ этой стороны онъ тоже могъ считать себя обезпеченнымъ.

Унтеръ-офицеры. Катенинъ сказалъ какъ-то разъ послѣ ученья: «Унтеръ-офицеры,—это самая слабая часть полка!» Тутъ онъ нисколько не ошибся. Только послѣ 1855 года стали обращать вниманіе на условія выбора и производства въ унтеръ-офицеры, требовать отъ кандидатовъ физической, умственной и нравственной подготовки и установили программы для экзаменовъ. Въ 1840 годахъ ничего подобнаго не было. Смѣло можно сказать, что двѣ трети унтеръ-офицеровъ въ полку были произведены за красивую наружность или за знаніе всѣхъ фронтовыхъ тонкостей; производилось также не мало любимчиковъ разнаго начальства, даже фельдфебелей. Производство же, какъ оно теперь понимается, было рѣдкою случайностью. Кукольный красавецъ, надѣвая галуны, дѣлался еще красивѣе, но лѣта, частое пьянство и неряшество дѣлали изъ него урода, и тупоуміе, неразвитость и полное незнаніе своего дѣла не измѣнялись,—скорѣе увеличивались. Унтеръ-офицеры были дѣйствительно самою слабою частью полка.

Солдаты. Служба рядоваго была двадцати-пяти-лѣтняя. Стало быть, цѣлую четверть вѣка проходили солдаты ту жестокую, фронтовую школу, какую я, при всей доброй волѣ, едва-ли могу вѣрно списать съ натуры. На рядовыхъ выѣзжало всякое самолюбіе, всякая фантазія, всякій капризъ. Солдаты были вѣчные труженики, и когда они, разбитые, устарѣвшіе, почти увѣчные, возвращались на родину, то не находили ни семьи, давно вымершей или выселенной, ни дома, ни куска земли, словомъ, попадали въ отчаянное положеніе. Тяжело говорить о жалкомъ житьѣ-бытьѣ этой забитой и только на смотрахъ—блестящей массы людей. Сколько бы я ни писалъ, все же не могъ бы сдѣлать такой вѣрной и мѣткой характеристики тогдашняго военнаго быта, какую высказалъ, въ нѣсколькихъ словахъ, здравый смыслъ тѣхъ же бездольныхъ тружениковъ. Шли мы, какъ-то разъ, учиться на Царицынъ лугъ. Въ рядахъ завязался разговоръ: 1-й солдатъ: «вотъ, теперь манежъ отдохнетъ, а Царицыну лугу достанется работы!» —2-й солдатъ: «за то, братецъ ты мой, зимою манежъ проснется да вдвое отработаетъ!» —3-й солдатъ: «уйдемъ въ лагерь, такъ и манежъ и плацъ отдохнутъ». - 4-й солдатъ: «а вотъ мы такъ никогда не отдыхаемъ...»

Digitized by Google

(общій хохотъ). 1-й солдатъ: «небось, дай срокъ, — въ могилкѣ отдохнемъ!» (тяжелые вздохи).

Любопытно взглянуть и на средства поощренія и наградъ, зависѣвшія отъ полковаго командира. Человѣкъ съ душою, одаренный здравымъ разсудкомъ и хорошо воспитанный, не нуждается въ искусственныхъ побужденіяхъ. Какъ въ жизни, такъ и въ службѣ, онъ руководствуется тѣмъ, что́ ему подскажетъ разумъ и совѣсть. Исполненіе долга, добровольное, сознательное,—вотъ его лучшая награда! Но такихъ людей на свѣтѣ мало; для большинства создались два стимула: страхъ и интересъ. За страхомъ, какъ мы видѣли, дѣло не становилось. посмотримъ на интересъ, то-есть на поощреніе. 1) Награжденіе чиномъ или орденомъ, за отличіе въ мирное время было дѣломъ до того рѣдкимъ, что не стоитъ о немъ и распространяться. 2) Очередныя представленія къ орденамъ, денежнымъ наградамъ и къ именнымъ, Высочайшимъ благоволеніямъ, дѣлались отъ каждаго полка, одинъ разъ въ годъ.

Представлялись преимущественно, почти исключительно, старшіе офицеры, т. е. полковники и ротные командиры, а первыми на спискѣ значились всегда полковой адъютантъ, казначей и квартирмистръ. Эти трое во всѣхъ полкахъ увѣшивались орденами. Покойный Пенхержевскій можетъ считаться рѣдкимъ исключеніемъ. Кромѣ очередныхъ наградъ были еще поощренія, исключительно зависѣвшія отъ полковаго командира, а именно: словесныя или письменныя изъявленія благодарности. Отпуска же, хотя и не входили въ разрядъ оффиціальныхъ награжденій, но на практикѣ служили для офицеровъ немалымъ поощреніемъ. 21 августа 1848 года встрѣчается въ приказахъ примѣръ поощренія Катенинымъ подчиненныхъ. Дѣло въ томъ, что 18 числа командиръ полка встрѣтилъ въ Павловскѣ команду 1-й роты «не только опрятно, но и щеголевато одѣтую». За это объявлялась по полку благодарность ротному командиру Арбузову и денежный подарокъ фельдфебелю Тарасову. А вотъ образчикъ другой крайности: «команду, возвратившуюся вчера, принуждены были отправить ночью, до того она была безобразна, между тѣмъ какъ высшее начальство по симъ командамъ дѣлаетъ заключеніе о внутреннемъ управленіи и порядкѣ всего полка, чему служитъ доказательствомъ послѣдній приказъ главнокомандующаго за № 295».

Что касается взысканій, то за все время, отъ конца лагеря до 1-го января 1849 года, было всего пять случаевъ штрафованія офицеровъ, и всѣ они были весьма умѣренные; правда, что и провинности—легкія, какъ-то: отлучка въ городъ безъ разрѣшенія, ошибка на смотру, невниманіе, неисправность въ караулѣ и проч.

Поощренія солдатъ были очень ограниченны. Анненская медаль за

Digitized by Google

безпорочную службу въ строю 20 лѣтъ, шевроны и нашивки на рукавѣ мундира, за 10, 15 лѣтъ,—всѣ эти награды, какъ срочныя, находились въ слабой зависимости отъ полковаго командира; зато производство въ унтеръ-офицеры вполнѣ зависѣло отъ него, такъ что иногда, по просьбѣ офицеровъ, онъ производилъ сверхъ вакансій. О производствѣ въ ефрейторы нечего и говорить, такъ какъ это званіе не требовало сверхсмѣтной прибавки жалованья. Наконецъ, къ числу поощреній слѣдуетъ отнести денежныя награды гласныя, съ объявленіемъ въ приказѣ, и негласныя. Касательно взысканій я уже говорилъ, что полковой командиръ могъ дать рядовому до 800 розогъ. Цифра эта, конечно, не опредѣлялась оффиціально, но разумѣлась сама собою, такъ какъ самая крѣпкая натура не могла бы больше перенести. Въ приказахъ за весь 1848 годъ (до декабря) я нашелъ только три случая наказанія розгами за проступки уголовнаго характера, да еще одинъ рядовой былъ переведенъ изъ 1-го баталіона въ 4-ю роту, за дурное поведеніе. Могу только повторить, что къ этому факту слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Четыре штрафованія въ цѣломъ году, и это на весь полкъ, гдѣ числилось 2.500 челов. Такое благонравіе болѣе чѣмъ невѣроятно и прямо наводитъ на мысль, что на 4 оффиціальныхъ случая можно смѣло надбавить 40 негласныхъ и келейныхъ. Однако, въ декабрѣ 1848 года, проглянулъ и оффиціальный фактъ, весьма зловѣщій и характерный. Передаю его словами полковаго приказа: «Унтеръ-офицеръ Афромѣевъ, въ бытность свою въ ротѣ Его Высочества (3-й гренадерской) правящимъ [1]), былъ замѣченъ въ неоднократномъ пьянствѣ и буйствѣ. Вслѣдствіе того, 12 марта сего года былъ наказанъ баталіоннымъ командиромъ, при собраніи унтеръ-офицеровъ 3-го баталіона и выписанъ въ 7-ю роту, съ лишеніемъ званія правящаго. Унтеръ-офицерское же званіе оставлено ему въ надеждѣ на его исправленіе. Несмотря на это снисхожденіе, 6-го декабря (день тезоименитства государя), унтеръ-офицеръ Афромѣевъ, послѣ вечерней зари, съ двумя рядовыми той же роты, что совершенно противно порядку службы, напился пьянъ и, несмотря на приказаніе своихъ правящихъ и фельдфебеля, буйствовалъ и не ложился спать, пока извѣщенный о семъ безпорядкѣ капитанъ Назимовъ 1-й не пришелъ въ роту. Таковой поступокъ унтеръ-офицера Афромѣева лишаетъ меня надежды на его исправленіе, и я предписываю разжаловать его въ рядовые 3-го класса и, какъ недостойнаго продолжать службу въ гвардіи, представить къ выписанію въ армію. Для примѣра же нижнимъ чинамъ, и согласно приказа, отданнаго по полку 13-го прошлаго августа, я буду наказывать унтеръ-офицера Афромѣева на дворѣ 3-го баталіона и проч.»... Въ томъ же приказѣ, (9-го декабря) объявленъ

[1]) То-есть завѣдующимъ отдѣленіемъ роты.

Digitized by Google

выговоръ полковнику Салогубу и капитану Назимову. Экзекуція Афромѣева осталась у меня въ памяти до сегодня. Катенинъ пріѣхалъ на дворъ казармъ (у Таврическаго сада) въ 8½ часовъ утра. Баталіонъ выстроенъ былъ въ карэ съ фасами, повернутыми во внутрь. Афромѣевъ, когда его подвели къ скамейкѣ, сталъ просить о помилованіи, въ обыкновенныхъ солдатскихъ выраженіяхъ: «Ваше пр—во!... явите Божескую милость!... Простите!... Будьте отцомъ роднымъ!»... На это Катенинъ, сердито и лаконически, крикнулъ: «Ложись!» Тогда Афромѣевъ выпрямился во весь свой огромный ростъ и сказалъ громко и дерзко: «такъ вы не помилуете?... Ну, такъ прощайте же вы со всѣмъ своимъ полкомъ!...» Онъ хотѣлъ продолжать въ этомъ же родѣ, но Катенинъ не далъ ему договорить: «Молчать!... С....ъ с..ъ!... Запорю!»—крикнулъ онъ во всю силу голоса. Афромѣевъ получилъ 700 ударовъ и былъ выписанъ въ армію.

Но, къ несчастію, не одни пьяницы и буяны испытывали на себѣ крутую школу и дисциплину 40-хъ годовъ. Самые благонравные и тихіе солдаты приходили въ отчаяніе, испытывая ежедневно горькую долю служебной тяготы, а главное—предвидя такую же участь въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ. Рекрута и молодые солдаты рѣшительно не выносили такой жизни и бѣгали изъ полка, очертя голову. Помѣщаю въ примѣчаніи списокъ бѣжавшихъ изъ Преображенскаго полка съ апрѣля по октябрь мѣсяцъ 1848 года [1]).

Списокъ этотъ, казалось бы, лишенный всякаго интереса, въ сущности представляетъ любопытный матеріалъ не только для исторіи Преображенскаго полка, но и для исторіи крѣпостнаго права, съ которымъ тѣсно связаны были устройство и обученіе войска. Хотя цифра (5 человѣкъ, почти за цѣлый годъ) составляетъ ничтожный процентъ, зато

---

[1]) 23 апрѣля бѣжалъ рядовой Софронъ Широковъ. Онъ былъ пойманъ 3-го мая за деревнею Тосны и преданъ суду.

15 іюня бѣжалъ рекрутъ 4-й роты Михаилъ Станиславскій; онъ былъ пойманъ на 8-й день, въ селеніи Красныхъ Станкахъ, наказанъ, по суду, 300 ударовъ и переведенъ въ армію.

5 іюля бѣжалъ рядовой 1-й роты Матвѣй Куликовъ, былъ пойманъ и наказанъ (по суду) шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ, съ переводомъ въ армію.

Въ сентябрѣ бѣжалъ рекрутъ 4-й роты Синицынъ, былъ пойманъ и наказанъ, по суду, 300 ударовъ, съ переводомъ въ армію.

4-го октября, 7-й роты Иванъ Поповъ бѣжалъ и пойманъ въ Ѳеофилактовой пустынѣ, по суду, прогнанъ черезъ 500 шпицрутеновъ и переведенъ въ армію.

8-го октября гренадеръ роты Его Высочества Ефимъ Бойко, за 14 дневный побѣгъ, наказанъ по суду шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ и переведенъ въ армію.

Digitized by Google

бросается въ глаза періодическій характеръ побѣговъ,—почти каждый мѣсяцъ повторявшихся, несмотря на то, что бѣглецовъ всегда и очень скоро ловили, а потомъ наказывали, по суду, съ безпощадною строгостью. Немногіе изъ нынѣшнихъ служащихъ помнятъ наказаніе шпицрутенами, но я, свидѣтель многихъ экзекуцій, могу сказать съ увѣренностью, что они могли ужаснуть самаго твердаго человѣка. Пятьсотъ человѣкъ солдатъ становились шпалерою. У каждаго въ рукахъ была толстая розга, лучше сказать—тонкая палка. Виновнаго раздѣвали до пояса, и онъ проходилъ, то-есть пробѣгалъ, что было мочи, по этой страшной аллеѣ. Каждый солдатъ спѣшилъ влѣпить въ спину бѣгущему свой лозанъ. За этимъ велѣно было строго наблюдать [1]). Большинство солдатъ били очень легко,—только шмыгали палочки по спинѣ для формы; однакоже, изъ 500 солдатъ не всѣ оказывались такъ милостивы, и двойной ударъ на каждомъ шагу, особенно чувствительный на морозѣ, наконецъ, сильное нравственное потрясеніе,—все это заставляло несчастнаго кричать и стонать такъ сильно, что вопли его были слышны, несмотря на неумолкаемую дробь барабановъ всего баталіона.

Послѣ самовольной отлучки Ивана Попова, Катенинъ, озабоченный частыми побѣгами, обратился въ приказѣ къ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ съ длиннымъ воззваніемъ, чтобы «они обратили особое вниманіе на исполненіе неоднократныхъ предписаній и наставленій начальства, клонящихся къ прекращенію побѣговъ». «Чтобы достигнуть этой благодѣтельной цѣли»,—говорилъ приказъ—«надобно заботиться о молодыхъ солдатахъ, какъ въ отношеніи ихъ фронтоваго образованія, такъ и благосостоянія въ домашнемъ быту. Бываютъ примѣры, что молодые солдаты бѣгаютъ, не понимая служебныхъ обязанностей, отъ неправильнаго обученія или отъ недостатка нравственнаго образованія. Г.г. ротнымъ командирамъ можно это отвратить собственнымъ попеченіемъ, назначая отличныхъ дядекъ и лучшихъ ефрейторовъ». Въ заключеніе, выражалось прискорбіе, что побѣги случаются въ Преображенскомъ полку, и предписывалось баталіоннымъ командирамъ «принять строгія мѣры» и лично повѣрять, какъ можно чаще, обученіе молодыхъ солдатъ и распоряженія, сдѣланныя касательно ихъ нравственнаго образованія, зачѣмъ и самъ командиръ обѣщалъ имѣть неослабное наблюденіе. Кажется, было бы лишнимъ доказывать, что всѣ эти палліативныя, поверхностныя мѣры не могли имѣть практическихъ результа-

[1]) Несмотря ни на какія строгія приказанія, не только офицеры, но даже фельдфебеля смотрѣли сквозь пальцы на исполненіе; многіе даже отворачивались. Въ мое время рѣдко прогоняли болѣе чѣмъ черезъ 500, но, по свидѣтельству старыхъ офицеровъ, въ аракчеевское время—нормою служила 1000, а меньшая цифра—исключеніемъ.

Digitized by Google

товъ. Никакіе дядьки и отличные ефрейторы, а всего менѣе—заботы о фронтовомъ образованіи или о благосостояніи въ домашнемъ быту (мы видѣли, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ!) не могли отвратить зла, слишкомъ глубоко коренившагося. Тогдашняго рекрута гнали за тысячи верстъ отъ мѣста родины, и семья плакала о немъ, какъ о покойникѣ. Пригоняли его въ новыя мѣста, въ новую среду, гдѣ онъ находилъ «благосостояніе въ домашнемъ быту», олицетворяемое безплодною, тяжкою работою, съ кулачною и палочною расправою, вмѣсто заработковъ. Сколько разъ, послѣ ученья, случалось мнѣ быть очевидцемъ такъ называемыхъ солдатскихъ д о с у г о в ъ. Только и слышишь бывало: «Эхъ, ты жизнь наша каторжная! Учишься, учишься, и все не доучишься! Чистишь, чистишь, и все не вычистишься!» Такія сѣтованія чаще всего раздавались при бѣленіи аммуниціи, и въ самомъ дѣлѣ—чисто въ каторжной работѣ! Тогдашняя аммуниція была бѣлая и носилась на крестъ на груди. Это были двойныя вериги изъ толстой кожи. Портупеи тесака и сумы (патронной) скрещивались, а на нихъ лежалъ другой крестъ ранцовыхъ ремней. Бѣленіе аммуниціи состояло въ томъ, что разводили клей, всыпали въ него тертый мѣлъ, натирали на аммуницію толстый слой этой смѣси, сушили, а потомъ глянцовали костянымъ зубомъ. Это искусство доведено было до совершенства; аммуниція казалась будто выточенною изъ слоновой кости и въ строю эффектъ всѣхъ этихъ крестовъ былъ великолѣпный. Но политура отъ жары трескалась, отъ пыли чернѣла, а въ сырое время, особенно послѣ дождя, портилась и растворялась такъ, что смотрѣть на нее было отвратительно. Постоянная порча обусловливала безпрестанную, нескончаемую чистку; она отнимала столь желанный досугъ и была сущимъ наказаніемъ. Дѣйствительно, кто пережилъ и самъ на себѣ испыталъ всѣ эти невзгоды, тотъ только можетъ представить себѣ во всемъ объемѣ исполинское значеніе двухъ главнѣйшихъ реформъ минувшаго царствованія,—крестьянской и военной. Впрочемъ, объ этомъ я скажу въ заключеніи.

VII

Царская Славянка. Забавы офицеровъ. Пбсѣдки. Солдатское время-препровожденіе. Школа рекрутская и ея характеристика. Комплектованіе полка рекрутами. Практика одиночныхъ ученій. Командировка въ 3-ю дивизію. Генералъ Овандеръ. Возвращеніе полка въ городъ. Петербургъ осенью 1848 г. «Ералашъ» Неваховича и его каррикатуры. Плохія времена!. Заключеніе.

Холера, сильно свирѣпствовавшая въ Петербургѣ 1848 году, появилась и въ лагеряхъ, несмотря на всѣ принятыя начальствомъ мѣры, какъ, напримѣръ,—приказаніе солдатамъ носить суконки, не выходить

Digitized by Google

на воздухъ съ тощимъ желудкомъ, пить въ сырую погоду по получаркѣ перцовки и проч. Самъ Катенинъ часто хворалъ, но не сказывался больнымъ, а поступалъ очень безбоязненно, кушалъ по-прежнему, и его богатырская натура не поддавалась болѣзни, такъ что онъ всегда кончалъ тѣмъ, что выздоравливалъ. Не помню, чтобы въ это лѣто серьезно заболѣлъ кто-нибудь изъ офицеровъ [1]), но солдаты заболѣвали часто и многіе умирали. По случаю холеры Преображенскій полкъ выступилъ изъ лагеря весьма поздно, а именно 17 августа, и, такъ какъ зараза, даже и въ началѣ осени, свирѣпствовала въ городѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ его, то полкъ прямо изъ лагеря перевели въ Царскую Славянку, въ четырехъ верстахъ отъ Павловска. Когда-то она принадлежала Скавронскимъ, родственникамъ Екатерины I-й, а въ первой половинѣ текущаго столѣтія владѣла имъ одна изъ послѣднихъ представительницъ екатерининской эпохи, графиня Самойлова, рожденная графиня Литта, поэтому Славянка называлась Графскою. По фамильнымъ ли преданіямъ или просто потому, что мѣсто ему понравилось, императоръ Николай купилъ Славянку у Самойловой, и съ тѣхъ поръ она называется Царскою Славянкою. Это богатое, прекрасное имѣніе раскинулось на двухъ возвышенностяхъ, раздѣленныхъ лощиною. Одна изъ возвышенностей, гдѣ стоитъ большая слобода, тянется версты на полторы, а другая съ малою слободою,— почти на версту. Слободы въ то время представляли широкія улицы съ весьма порядочными избами, такъ что большинство ихъ можно было назвать домами. Во второй же линіи тянулись прекрасные фруктовые сады. Славянскіе крестьяне вовсе не занимались хлѣбопашествомъ, а почти исключительно промышляли продажею фруктовъ и ягодъ или извозомъ. Почти все населеніе принадлежало къ старообрядцамъ, безпоповской секты, самой безнравственной, самой изувѣрной изъ всѣхъ. Хотя въ концѣ малой слободы находилась каменная православная церковь, но, въ описываемое время, духовенство было до того несоотвѣтствующимъ своему призванію, что могло скорѣе отвратить отъ православія, а никакъ не привлечь къ нему сектантовъ. Въ малой слободѣ жилъ со своимъ семействомъ управляющій Славянскимъ имѣніемъ, состоявшимъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ,—статскій совѣтникъ Гинцъ, добрѣйшій гостепріимный старикъ. Далѣе находился домикъ преображенскаго полковаго командира, выстроенный на счетъ дворцовой казны, въ виду избавленія жителей отъ постоя разъ навсегда. Въ концѣ той же малой слободы (при выѣздѣ изъ нея) стоитъ бывшій дворецъ графини Самойловой, въ которомъ, въ доброе старое время, эта представительница древняго ры-

[1]) Отъ холеры умеръ только Тимротъ 1-й, извѣстный красавецъ и отличный офицеръ. Но это случилось въ началѣ года, до моего поступленія.

Digitized by Google

царскаго рода—ди Ренотто-Литта, задавала пиры рыцарямъ-кавалергардамъ. Въ 1848 г. дворецъ убранъ былъ съ роскошною простотою, то-есть со вкусомъ и въ новѣйшемъ стилѣ, а фамильные портреты снесены въ обширныя, свѣтлыя сѣни, гдѣ всѣ стѣны буквально покрыты были, какъ обоями, изображеніями мальтійскихъ рыцарей въ латахъ или въ красныхъ кафтанахъ. Въ описываемый годъ, весь полкъ расположился въ Славянкѣ на тѣсныхъ квартирахъ. Ему данъ былъ отдыхъ до 15 сентября. Вознаграждая себя за тяжелую лагерную службу и стѣсненіе свободы выѣздовъ изъ Краснаго Села, офицеры, несмотря на холеру, уѣзжали въ городъ пожуировать и возвращались въ Славянку только тогда, когда карманы опустошались и кредитъ истощался. Въ Славянкѣ жили изъ рукъ вонъ непроизводительно. Дѣльный разговоръ или дѣльная книга были рѣдкимъ явленіемъ. Дни проводились въ ухаживаніи за славянскими молодицами. За ними бѣгали въ сады и огороды, сажали въ большія сани, разукрашенныя коврами, и катали по всѣмъ слободамъ съ пѣснями подъ бренчанье колокольцевъ и бубенчиковъ. Вечеромъ мы отправлялись на «пòсѣдки». Русскія, деревенскія вечеринки! Невольно приходятъ на мысль извѣстные, идиллическіе стихи: «Въ свѣтлицѣ распѣвая, дѣва прядетъ и, вѣрный другъ ночей,—горитъ лучина передъ ней».

Какъ фальшивы, однакоже, поэтическія представленія и какъ далеки они отъ жизненной правды! Въ избѣ, тѣсной и неопрятной, привѣшивались къ потолку, на веревкахъ, двѣ или три сальныхъ свѣчки. Кругомъ бревенчатыхъ стѣнъ разсаживались по лавкамъ нѣсколько молодицъ и парней. Подъ шумъ веретена и подъ звуки пѣсенъ, деревенскіе ловеласы заигрывали и балагурили съ сосѣдками, но пѣніе было далеко не поэтическое. Визгливые, крикливые, однообразные напѣвы звучали такъ дико, такъ оглушительно, что хотѣлось зажать уши и выбѣжать вонъ! Въ самомъ разгарѣ вечеринки являлись гг. офицеры съ мѣшками пряниковъ и орѣховъ въ обѣихъ рукахъ. Гостямъ очищали почетныя мѣста, и бесѣда, болѣе или менѣе выразительная, продолжалась подъ новый аккомпаниментъ щелкотни орѣховъ, но разговоры обыкновенно не клеились. Парни угрюмо молчали, а офицеры не попадали подъ ладъ веселья, по совершенной непривычкѣ къ обстановкѣ и нравамъ славянскихъ хозяевъ. Все это выходило очень натянуто и, что̀ до меня, то я никогда не выносилъ изъ этихъ бесѣдъ не только поэтическаго, но даже просто пріятнаго впечатлѣнія. Практическій результатъ пòсѣдокъ былъ развѣ тотъ, что высмотрѣнныя на нихъ красавицы получали офицерскіе визиты у себя на дому, и хотя такія посѣщенія рѣдко заходили за предѣлы позволительнаго, однако положительно вредили славянскимъ молодицамъ, такъ что бывало самыя порядочныя изъ нихъ весь свой вѣкъ просиживали въ дѣвкахъ. Въ деревенскомъ быту есть тоже свои

Digitized by Google

приличія и житейскія правила. Волокитство офицеровъ вооружило противъ нихъ буйныхъ, избалованныхъ славянскихъ парней, такъ что непостоянство и перелеты отъ петербургскихъ къ славянскимъ удовольствіямъ хотя и разнообразили жизнь, но были какъ-то не въ порядкѣ вещей и не обходились безъ разочарованій. Солдатскій бытъ въ загородномъ расположеніи былъ уже совсѣмъ безалаберный, даже гибельный для нравственности самыхъ неиспорченныхъ людей. Изъ лагерной сутолоки солдаты впадали въ полнѣйшую праздность и распущенность. Водка и пьяная компанія—вотъ и всѣ удовольствія, какія были доступны солдату, такъ какъ другихъ занимательныхъ досуговъ и развлеченій въ то время не существовало для него не только въ Славянкѣ, но и въ Петербургѣ. Солдатъ сначала пропивалъ собственныя деньги и вещи, потомъ занималъ у товарищей, и, когда кредитъ истощался, начинались кражи. Какъ только появлялся въ ротѣ молодой солдатъ и какъ только замѣчали, что онъ часто получаетъ изъ дому деньги, около него сейчасъ же образовывался кружокъ товарищей, отпѣтыхъ пьяницъ и гулякъ. Они спаивали неопытныхъ новичковъ и пользовались всякимъ случаемъ погулять на чужой счетъ. 4-ая рота, куда меня зачислили при поступленіи въ полкъ, была—самая пьяная и ненадежная. Это была ссылочная рота, куда переводили штрафованныхъ изъ 1-го баталіона, такихъ людей, что и вспомнить о нихъ страшно. Фланговый, Горловъ, и слѣдующій за нимъ—Евдокимовъ напивались до бѣшенства, такъ что посылали цѣлую команду, чтобы вязать ихъ! Можно было по истинѣ сказать: слава Богу!—когда отдыхъ кончился и начались одиночныя ученья—все же есть какое-нибудь занятіе!

Описаніе теоріи и практики тогдашняго Устава можетъ пригодиться, какъ матеріалъ для историка, тѣмъ болѣе, что обученіе войскъ во 2-й половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣло вѣскія и разумныя историческія причины. Оглавленія томовъ Устава (изд. 1848 г.) буду помѣщать въ примѣчаніяхъ, а практику дѣла—въ текстѣ. Начну съ 1-го тома. Школа рекрутская [1]). Сущность ея можно описать въ нѣсколькихъ словахъ. На

---

[1]) Статья 1-я. Истолкованіе начальныхъ правилъ строевой службы. § 1-й. Составъ шеренгъ. §§ 2-й и 3-й. Ранжиръ. § 5-й. О флангахъ. § 6-й. О составѣ рядовъ. Ст. II. Построеніе и разсчетъ полка и назначеніе мѣста всѣхъ чиновъ. Послѣ этихъ двухъ статей, которыя показываются какъ будто предисловіемъ или вступленіемъ, начиналась собственно „Школа рекрутская“, а именно: одиночная выправка безъ ружья, стойка, повороты, шаги, стойка подъ ружьемъ, ружейные пріемы и пальба. Все это занимало три отдѣленія школы. Въ послѣднемъ (четвертомъ) излагалось весьма подробно обученіе сомкнутому фронту. Больше въ „Школѣ рекрутской“ ничего не было.

Digitized by Google

первомъ планѣ стояла «шеренга» и «сомкнутый строй», а одиночная выправка усиливалась создать для этого строя щеголеватую, механическую фигуру, — автомата, который бы могъ по командѣ быстро и темписто манипулировать ружьемъ и педантически-мѣрно передвигать ногами такъ, чтобы, впослѣдствіи — десятки, а потомъ — сотни и тысячи ногъ ходили, какъ одинъ человѣкъ.

Вотъ и вся теорія рекрутской школы. Посмотримъ на практику. Рекруты въ тѣ поры получали первоначальное образованіе въ гарнизонныхъ баталіонахъ, но эта школа не входитъ въ программу моего труда. Я могу начать лишь съ комплектованія Преображенскаго полка и одиночнаго обученія въ ротахъ. По прибытіи рекрутъ въ полкъ, полковой командиръ сортировалъ ихъ по ротамъ. Лучшіе люди поступили въ 1-й баталіонъ, бывшій особенно на виду у государя. Послѣ 1-го баталіона, самыхъ хорошихъ рекрутъ зачисляли въ гренадеры, въ стрѣлки и въ знаменныя роты, а остальныхъ распредѣляли по физіономіямъ, при чемъ самые старые и неблагообразные обыкновенно попадали въ 4-ю, 7-ю и 9-ю роты. При распредѣленіи, ротные командиры бѣгали, суетились, интриговали, спорили между собою, отваживались даже пререкаться съ командиромъ полка, но его рѣшеніе кончало споръ безповоротно. Тогда счастливцы, надѣленные лучшими рекрутами, съ торжествомъ вели ихъ въ роты, приголубливали, отдавали подъ руководство надежнѣйшимъ дядькамъ и сами берегли новичковъ, какъ зѣницу ока. Обдѣленные же господа кусали себѣ усы съ досады и совали рекрутъ кому попало изъ унтеръ-офицеровъ, не забывая сорвать зло въ энергическомъ внушеніи будущему наставнику. Причина неудовольствія командировъ 4-й, 7-й и 9-й ротъ понятна, такъ какъ они могли безошибочно предсказать себѣ, что на слѣдующемъ смотру рекруты получатъ выговоръ, не взирая на отговорку, что ихъ исключительно надѣлили уродами. Привожу подтвержденіе этого факта въ полковомъ приказѣ: «Осмотрѣвъ вчера рекрутъ, я отдаю справедливость ротамъ Его Величества, 5-й фузелерной (знаменная рота), ротѣ Его Высочества (3-й гренадерской), коихъ рекрута, какъ по выправкѣ, такъ и маршировкѣ, сдѣлали видимые успѣхи; прочіе же изрядны кромѣ 4-й роты, рекруты которой представлены въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, за что дѣлаю выговоръ штабсъ-капитану Швенцону».—Перехожу къ вопросу: какое количество времени посвящалось на одиночное обученіе и какимъ образомъ оно производилось? Изъ 365 дней года надобно, во-первыхъ, вычесть шесть мѣсяцевъ, отъ половины апрѣля до половины октября [1]); затѣмъ,—исклю-

[1]) Время валовыхъ ученій, маневровъ, стрѣльбы и проч.

Digitized by Google

чить 32 дня церковныхъ и гражданскихъ праздниковъ, говѣнье и проч. Изъ остальныхъ 5 мѣсяцевъ опять придется выключить караулы на восьмой или на девятый день, разводы, парады съ ихъ репетиціями, приготовленіе къ инспекторскимъ смотрамъ и ученьямъ, которыя государь дѣлалъ въ великомъ посту и послѣ Святой недѣли. Даже въ самые дни одиночныхъ ученій, за исключеніемъ мастеровыхъ, работавшихъ въ полковой швальнѣ, и должностныхъ, оставалось не болѣе 30—50 человѣкъ; вообще, для одиночныхъ ученій оставалось, сравнительно, весьма мало времени, и весьма малое число людей выправлялось по одиночкѣ. Ученья эти производились съ половины октября до половины марта, причемъ наиболѣе могъ практиковаться въ «одиночкѣ» баталіонъ, стоявшій за городомъ. Еслибы обученіе производилось толково и на разумныхъ началахъ, можно было бы пожалѣть о недостаткѣ времени, но жалѣть было не о чемъ. Мнѣ стóитъ только припомнить о тогдашней стойкѣ и держаніи ружья, въ которомъ было полпуда вѣсу, о 48 ружейныхъ пріемахъ съ подраздѣленіями, о маршировкѣ тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ, по пріемамъ и безъ пріемовъ. Исполненіе такихъ задачъ требовало времени, но, право, можно сказать: слава Богу, что его недоставало! Это скажетъ всякій, кто прочтетъ или кто помнитъ, какъ одиночныя ученія производились на практикѣ. Мой ротный командиръ А. П. Швенцонъ былъ однимъ изъ исправныхъ и добросовѣстнѣйшихъ служакъ и никогда не манкировалъ ни на одномъ домашнемъ ученьи. Въ Славянкѣ, въ концѣ большой слободы, стоялъ довольно ветхій деревянный манежъ, гдѣ съ 9 часовъ утра начиналась одиночка. Разставляли по два, по три, по пяти человѣкъ, и передъ каждой изъ этихъ маленькихъ шеренгъ становился учитель, унтеръ-офицеръ или ефрейторъ. Какъ бываетъ во всякомъ дѣлѣ, гдѣ ни обучающій, ни обучаемый не видитъ опредѣленной цѣли, ни пользы, одиночка, въ отсутствіе начальства, шла изъ рукъ вонъ вяло и небрежно. Являлся ротный командиръ, здоровался съ людьми и командовалъ: «продолжать!» Тогда по всей линіи поднималась неумолкаемая разноголосица командъ, наставленій, объясненій и криковъ, и все это перемѣшивалось съ трескотнею ружейныхъ темповъ и шарканьемъ марширующихъ.

Надъ всѣмъ этимъ шумомъ господствовалъ громкій голосъ ротнаго командира, когда онъ поправлялъ какого-либо изъ учащихся или самого учителя и долженъ былъ перекричать весь этотъ гамъ. Казалось, что работа кипѣла повсемѣстно, но стоило присмотрѣться ближе и внимательнѣе, чтобы понять, что въ учебной кутерьмѣ было очень мало толку, даже въ тогдашнемъ значеніи этого слова. Большая часть унтеръ-офицеровъ не годилась въ учителя. Изъ десяти—восемь были сами изъ рукъ вонъ слабы по фронту, а средствъ поощренія учениковъ не было,

*

Digitized by Google

кромѣ кулачной расправы. Но этотъ стимулъ, при невѣжествѣ и безтактности учителя, еще болѣе сбивалъ съ толку молодаго солдата. Кромѣ того, унтеръ-офицеры хорошо понимали, что въ общемъ строю за все отвѣчаетъ ротный командиръ, а потому старались только протянуть до конца ученья и въ томъ только случаѣ, если капитанъ принимался распекать учителей,—и они брали за бока учащихся. Нельзя, однакоже, безусловно сказать, чтобы съ рекрутами поступали жестоко (я говорю про обученіе ихъ въ полку). Настолько доставало смысла у самаго тупаго унтеръ-офицера, чтобы понять, что новаго человѣка нельзя брать съ первой же минуты въ служебные тиски; настолько доставало и чувства, чтобы видѣть въ рекрутѣ земляка и помнить, каково было въ рекрутствѣ ему самому. Вотъ почему унтеръ-офицеры въ обращеніи съ рекрутами брали покровительственный тонъ и болѣе распространялись въ объясненіяхъ, показывая на практикѣ повороты и пріемы, но такъ вяло, уродливо и неправильно, что противно было смотрѣть. Помню пресмѣшную сцену. Одиночка, въ началѣ шумная и дѣятельная, обыкновенно затихала въ концѣ. Когда учителямъ начинала надоѣдать муштра, они слѣдили однимъ глазкомъ за ротнымъ командиромъ и, какъ только онъ отходилъ подальше, начинали нянчиться съ учениками, выправляя имъ осязательно руки, ноги, плечи и проч., при этомъ даже не смотрѣли, достигаютъ ли поправки цѣли, хотя онѣ ее никогда не достигали и на слѣдующій разъ рекрутъ, по-прежнему, кривился, тянулся изо всѣхъ силъ и ничего не понималъ. Вотъ и случилось, однажды, что одинъ изъ учителей, послѣ витіеватаго объясненія, что повороты слѣдуетъ дѣлать на лѣвомъ каблукѣ, началъ демонстрировать на себѣ, повернулся направо и пошатнулся, а потомъ, со словами: «ну, теперь смотри, замѣчай!...» — повернулся налѣво кругомъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ бы непремѣнно, еслибы не придержался за своего же ученика, да еще прибавилъ назидательнымъ тономъ: «вотъ оно, значитъ, какимъ манеромъ надо!..» А Швенцонъ,—словно изъ-подъ земли выросъ да какъ прикрикнетъ: «что-о-о!... Да развѣ такъ надо?.. Пошелъ вонъ, олухъ!.. Постой я васъ самихъ проберу!..» И онъ громко приказалъ фельдфебелю завтра же собрать всѣхъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ и сдѣлать имъ однимъ одиночное ученье.

Я не буду утверждать, чтобы всѣ унтеръ-офицеры, вообще, были въ родѣ сейчасъ описаннаго учителя. Встрѣчалось между ними не мало хорошихъ фронтовиковъ; особенно отличались «учебные» (изъ образцоваго полка) и «карабинерные» (изъ карабинерныхъ полковъ), съ погономъ, общитымъ кругомъ басонными лентами. Такіе умѣли вышколить молодаго солдата. Но подобные учителя представляли собою меньшинство, и хорошаго было вездѣ понемножку.

Digitized by Google

Выписываю точныя цифры одиночныхъ ученій за три года. Я бралъ въ примѣръ только тѣ баталіоны, какіе расположены были въ Петербургѣ. Въ 1850-мъ г.—1-й баталіонъ—18 разъ; въ 1851-мъ—20 разъ. Въ 1852-мъ г. 2-й баталіонъ—16 разъ; 3-й баталіонъ—19 разъ. Понимаю, что многіе изъ нынѣшнихъ военнослужащихъ, читая здѣсь о старой военной школѣ, зададутъ себѣ вопросъ: «Неужели же не было тогда и помину о настоящей боевой подготовкѣ,—о стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фехтованіи, грамотности и проч.?» Совершенно отрицательно отвѣчать на это нельзя. Правда, что ни въ «Школѣ рекрутской», ни гдѣ бы ни было въ Уставѣ не упоминалось о теоріи и практикѣ стрѣльбы, кромѣ ружейныхъ пріемовъ. Однако пальба боевыми патронами все-таки производилась, и эту практику мы сейчасъ увидимъ. Не надобно только забывать, что, при воцареніи императора Николая I, вся гвардія и армія имѣли еще кремневыя ружья, до начала 40-хъ годовъ. Будучи кадетомъ и пажемъ (1843—1848 г.), я еще манипулировалъ такимъ ружьемъ и продѣлывалъ: «скуси патронъ!»—«открой полку!», «насыпь!», «оборони ружье!» и проч. Императоръ Николай все-таки еще довольно своевременно перемѣнилъ кремневыя ружья на ударныя, хотя перемѣна эта была дѣломъ далеко не легкимъ. Въ другихъ государствахъ Европы, въ такихъ случаяхъ, изготовляются, положимъ, сотни тысячъ новыхъ ружей, а въ Россіи и милліона недостаточно. Историкъ военнаго дѣла въ Россіи будетъ вѣдаться съ вычисленіями: сколько милліоновъ потребно для описываемой реформы; онъ сравнитъ свои цифры съ положеніемъ финансовъ Россіи въ періодъ 1825—1845 годовъ, но при этомъ, конечно, не упуститъ изъ вида громадные дефициты и оскудѣніе казны, унаслѣдованные Николаемъ I-мъ. Старина легко забывается, и не мѣшаетъ напомнить, что при этомъ же государѣ въ первый разъ было введено въ нашихъ войскахъ нарѣзное оружіе. Во второмъ изданіи воинскаго Устава (1848 г.) въ отдѣленіи 3-мъ,—«О разсыпномъ строѣ», глава V-ая говоритъ «о стрѣлкахъ, застрѣльщикахъ, вооруженныхъ штуцерами». Ихъ полагалось очень малое число: шесть человѣкъ въ каждой ротѣ или 72—въ полку. Роль этихъ стрѣлковъ была чисто вспомогательная. Здѣсь я упомянулъ объ этомъ только для напоминанія, что отъ государя Николая Павловича не укрылось учрежденіе во Франціи орлеанскихъ стрѣлковъ. Къ сожалѣнію, стрѣлковое дѣло не развилось у насъ, и суворовскій девизъ: «пуля дура,—штыкъ молодецъ» преобладалъ въ нашей тактикѣ до самой Крымской войны. До той же войны не было рѣшительно помину ни о гимнастикѣ, ни о фехтованіи, я говорю въ войскахъ, такъ какъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ все это, и въ мое время, преподавалось. Грамотѣ, насколько помню, тоже вовсе не учили солдатъ до 1856 года. Въ

Digitized by Google

декабрѣ же 1848 г., командующій 1-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею велѣлъ внести въ формулярные списки знаніе грамоты нижнихъ чиновъ. Такихъ оказалось, во всемъ полку, всего тринадцать человѣкъ! [1]).

Стрѣльба изъ гладкоствольныхъ ружей производилась, обыкновенно, весною и лѣтомъ, особенно въ лагеряхъ. Но въ 1848 г., въ виду революціонныхъ вспышекъ въ Европѣ и уже тогда вѣроятной войны, стрѣльба производилась съ 3-го по 28 октября. На стрѣльбу выводилось по 2 унтеръ-офицера и 20 рядовыхъ съ каждой роты, а такъ какъ въ ротахъ считалось отъ 235 до 237 человѣкъ, то за все это время полкъ едва-ли выпустилъ по 3 патрона. 7 декабря, начальникъ дивизіи дѣлалъ смотръ стрѣльбы на Семеновскомъ плацу. Представлялись такъ называемые «отличнѣйшіе стрѣлки»,—тоже 2 унтеръ-офицера и 20 рядовыхъ съ роты, а 17 декабря, тѣхъ же «отличнѣйшихъ» и въ томъ же составѣ смотрѣлъ наслѣдникъ цесаревичъ. Однако, слово «отличнѣйшій стрѣлокъ» въ 1848 г. можно было понимать развѣ въ смыслѣ ироническомъ. Никакого техническаго руководства для стрѣльбы, ни словеснаго, ни письменнаго не было; Уставъ совершенно умалчивалъ о практикѣ стрѣльбы. Офицеры не могли учить ей солдатъ потому, что сами не стрѣляли и не умѣли стрѣлять, хотя въ высшихъ классахъ военно-учебныхъ заведеній воспитанниковъ и заставляли дѣлать нѣсколько выстрѣловъ боевыми патронами въ мишени. Но это дѣлалось въ послѣднее лѣто передъ выпускомъ, и мы едва-ли могли выпустить болѣе десяти патроновъ. Объ унтеръ-офицерахъ и говорить нечего; они могли еще менѣе быть полезными, нежели въ дѣлѣ одиночной выправки. Солдаты стрѣляли изъ ружей, тогда какъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ двѣ трети были негодны для стрѣльбы,—разстрѣляны, перепорчены чисткою наждакомъ, ружейными пріемами и ржавчиною. Стрѣляли наугадъ, какъ кому заблагоразсудится, а на умѣ у всякаго было одно-только желаніе: какъ можно скорѣе выпустить свои пули и пойти домой. Обнаружить несостоятельность подобнаго обученія могли бы инспекторскіе смотры, производившіеся въ октябрѣ и ноябрѣ. Но смотры эти, то-есть повѣрка и контроль обученія, хозяйства и управленія, производились на такихъ основаніяхъ, какіе даже въ тѣ поры бросались въ глаза своею непрактичностью. Бригадный командиръ инспектировалъ свою бригаду, начальникъ дивизіи—свою дивизію и т. д. Слѣдовательно, каждый начальникъ повѣрялъ самого себя. Положимъ, что такіе порядки были основаны на неограниченномъ довѣріи къ высшимъ начальникамъ, но интересно, что̀ именно требовалось на инспекторскихъ смотрахъ. А вотъ что̀: предписывалось ротнымъ командирамъ

[1]) Приказъ по полку 2-го декабря 1848 г.

Digitized by Google

обратить вниманіе на знаніе нижними чинами именъ всѣхъ начальниковъ и номеровъ принадлежащихъ имъ ружей. Предлагалось «озаботиться къ предстоящему смотру наслѣдника цесаревича, дабы люди держали ружье на плечѣ правильно, а то нѣкоторые слишкомъ тянутъ прикладъ назадъ. Обратить вниманіе на пригонку капсульной сумки, чтобы петелька ея была наравнѣ съ пуговицами мундира. Чтобы пуговочка касочной чешуи сверхъ козырька была непремѣнно съ правой стороны каски. Чтобы мундирные погоны лежали плотно по плечу» [1]). На счетъ ружей требовалось только, чтобы всѣ металлическія части блестѣли, что достигалось чисткою кирпичемъ (наждакомъ); кромѣ того, начальство добивалось, чтобы, при ружейныхъ пріемахъ, каждый пріемъ отчеканивался, а это возможно было тогда, когда ружье было расшатано, развинчено до степени дребежжанія. Впрочемъ, начальникъ дивизіи, еслибы даже и хотѣлъ, не имѣлъ возможности заглянуть во внутрь стволовъ и осмотрѣть составныя части замка, потому что для этого требовалось отвинтить казенную часть и разобрать замокъ. Все это дѣлалось разъ въ годъ, но не на инспекторскихъ смотрахъ, а на домашнихъ, особо назначаемыми артиллерійскими офицерами, осматривавшими оружіе въ каждомъ гвардейскомъ полку. Эти осмотры не достигали цѣли, но говорить здѣсь объ этомъ не своевременно. Кстати упомяну объ одномъ въ высшей степени практичномъ начинаніи, относящемся къ описываемому времени: въ октябрѣ 1848 г. появился приказъ наслѣдника цесаревича, командира гвардейской пѣхоты, «чтобы во всѣхъ полкахъ были исподоволь подготовлены вторыя и даже третьи смѣны штуцерныхъ командъ». Это распоряженіе, еслибы оно получило дальнѣйшее развитіе, могло повести къ коренному преобразованію системы обученія и предотвратить многія изъ послѣдствій Крымской войны. Къ сожалѣнію, Венгерская кампанія разъигралась быстро и кончилась побѣдоносно для русскаго оружія, и доброе начинаніе заглохло и уступило мѣсто господствующей системѣ военнаго образованія.

Я и молодые товарищи мои по выпуску недолго пробыли въ Славянкѣ, гдѣ пережили только начало осени 1848 года. Насъ прикомандировали къ 3-й гвардейской дивизіи, занимавшей въ Петербургѣ караулы, такъ какъ въ ней оказался недостатокъ въ офицерахъ. Новопроизведенныхъ преображенцевъ прикомандировали къ Австрійскому полку (имени императора Франца I-го), которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Розѐ, и къ Прусскому (Фридриха-Вильгельма III), гдѣ командиромъ былъ Глуховъ, тоже старый преображенецъ. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ городскими караулами, но подробное описаніе здѣсь опускаю. Начальникомъ 3-й дивизіи былъ

[1]) Приказы по полку 7-го и 16-го октября 1848 г.

Digitized by Google

генералъ-лейтенантъ Овандеръ, личность историческая, игравшая выдающуюся роль въ польскомъ возстаніи. Когда, 17 ноября 1830 года, вспыхнулъ бунтъ въ Варшавѣ, командиръ Волынскаго полка, генералъ Исаковъ былъ гдѣ-то въ гостяхъ, и, возвращаясь домой, задержанъ на улицѣ и взятъ въ плѣнъ поляками. Овандеръ, бывшій въ то время баталіоннымъ командиромъ, не потерялъ присутствія духа. Онъ жилъ вблизи казармъ, пріѣхалъ туда въ минуту опасности, поднялъ Волынскій полкъ по тревогѣ и отвелъ его на сборное мѣсто, отбивъ по дорогѣ нѣсколько нападеній мятежниковъ. Извѣстно, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ отдалъ войскамъ приказаніе очистить Варшаву безъ боя. Овандеръ, принявшій начальство надъ Волынскимъ полкомъ, какъ старшій полковникъ, буквально исполнилъ волю великаго князя и впослѣдствіи сдѣлался командиромъ того же полка, а затѣмъ—3-й дивизіи. Онъ былъ умнѣйшій человѣкъ, чрезвычайно начитанный и образованный для своего времени. Его очень любила и уважала великая княгиня Елена Павловна, отличавшая всѣхъ умныхъ и просвѣщенныхъ людей. Въ знаніи фронта, особенно же въ полковомъ хозяйствѣ, Овандеръ являлся такимъ мастеромъ своего дѣла, какихъ трудно было найти прежде и послѣ него. Съ офицерами онъ былъ справедливъ, но строгъ, требователенъ и отличался невозмутимымъ терпѣніемъ, настойчивостью и самымъ педантическимъ формализмомъ. Солдаты боялись его какъ огня, но не любили, какъ вообще всѣхъ начальниковъ-формалистовъ. Привожу одинъ изъ образчиковъ его методичности. Надобно знать, что солдаты переиначиваютъ всегда по своему фамиліи начальниковъ, даже и русскія, напримѣръ, вмѣсто Жеркова (кажется, не трудно выговорить!)—произносили Жарковъ. Нѣмецкія же фамиліи коверкались самымъ безцеремоннымъ образомъ. Знаменитаго Карла Ивановича Бистрома, обожаемаго всѣми гвардейцами, солдаты прозвали «Быстровымъ», барона Корфа называли «Баранковъ», семеновскаго командира Гильденштуббе одни звали: «Гильда-въ-шубѣ», другіе: «Эндерштубъ», а третьи—просто «Штубинъ». Овандера, всѣ, какъ будто по приказу, прозвали «Лабандеръ», и дивизіи начальнику, на инспекторскомъ смотру, конечно, было непріятно получать такое прозваніе, при спросѣ именъ начальствующихъ лицъ. Овандеръ, ни сколько не смущаясь, начиналъ самолично учить по одиночкѣ: «говори: «О», говори: «ван», говори: «деръ»! Солдатъ повторялъ.—«Ну, а теперь говори разомъ все вмѣстѣ:—«О-ван-деръ». Солдатъ не обинуясь отвѣчалъ: «Ла-бан-деръ!».—«Нѣтъ, не такъ!»—спокойно говорилъ начальникъ дивизіи и опять начиналъ учить по складамъ, терпѣливо, назойливо, до тѣхъ поръ, пока солдатъ не выговаривалъ, наконецъ, правильно. Такъ онъ выучивалъ одного, другаго—до десятаго, только весь

Digitized by Google

полкъ, конечно, переучить не могъ, но подчиненные ему начальники частей были такъ вышколены, что понимали каждый намекъ его и къ слѣдующему инспекторскому смотру перебирали по-одиночкѣ, и все-таки выходила опять та же исторія: одинъ выговоритъ Овандеръ, а десять— Лабандеръ!

Едва мы успѣли явиться и познакомиться съ нѣкоторыми офицерами 3-й дивизіи, какъ они насказали намъ самыхъ страшныхъ вещей про Овандера, увѣряли, что онъ вездѣсущій, всевидящій, любитъ дѣлать тревогу и даже своимъ домашнимъ дѣлаетъ репетицію тревоги, внезапно кричитъ: «пожаръ!» — и тогда всякій долженъ знать свое мѣсто и вязать свой узелъ. Разсказывали и другіе ужасы, прямо затрогивавшіе насъ за живое. Предупреждали, что прежде чѣмъ явиться къ Овандеру, не мѣшаетъ, подъ рукою, свѣрить свои часы съ генеральскими, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы являющіеся представились минута-въ-минуту, не позже, не раньше назначеннаго часа. Разсказывали такой случай: одинъ офицеръ, изъ страха опозданія явился за 20 минутъ раньше, но генералу все-таки о немъ доложили. Овандеръ просилъ его въ кабинетъ, усадилъ и началъ любезно разговарить о незначащихъ предметахъ, а самъ то и дѣло посматривалъ на часы. Какъ только наступила минута явки, начальникъ дивизіи вдругъ поднялся съ мѣста, вывелъ гостя въ пріемную и напустился уже совсѣмъ по-начальнически на озадаченнаго подчиненнаго: «Какъ вы смѣете безпокоить меня раньше времени! У меня день разсчитанъ по минутамъ, а вы отнимаете почти цѣлыхъ полчаса! Извольте завтра же снова явиться, но аккуратно и прошу, чтобы этотъ урокъ былъ послѣднимъ!» Опоздавшихъ офицеровъ Овандеръ вовсе не принималъ, а приказывалъ записывать въ книгу съ обозначеніемъ часовъ и минутъ опозданія. За каждые полчаса виновный, будто бы, отсиживалъ сутки подъ арестомъ. Кажется, мнѣ повѣрятъ, если я скажу, что всѣ мы явились къ Овандеру минута въ минуту, съ предварительною повѣркою часовъ, такъ что я заставалъ кое-кого изъ нашихъ на площадкѣ лѣстницы; они посматривали на часы, но выжидали и не входили въ пріемную. Однако всѣ эти опасенія разсѣялись въ одну минуту. Къ намъ вышелъ сутуловатый, совершенно лысый старичекъ, въ волынскомъ сюртукѣ, предобродушно раскланялся и сказалъ, что радъ съ нами познакомиться и надѣется, что мы поможемъ ему въ нуждѣ, по случаю недостатка въ офицерахъ. Больше мы его не видѣли, никакихъ тревогъ не испытывали, и всѣ страшныя легенды про генерала Овандера оказались преувеличенными.

«Славны бубны за горами!» 18-го октября мы возвратились въ Славянку, а 26-го ноября весь полкъ вернулся въ Петербургъ. Холера, хотя и ослабѣла, съ наступленіемъ морозовъ, однако все напоминала о себѣ

Digitized by Google

смертными случаями, производившими особенно сильное впечатлѣніе, если вырывалась жертва изъ высшаго общества. Кромѣ холеры, безпрестанно появлявшіяся въ газетахъ и въ частныхъ письмахъ извѣстія съ европейскаго запада становились день ото дня серьезнѣе. Французскія смуты въ родѣ тѣхъ, какія вспыхнули въ 1848 г., рѣдко ограничиваются предѣлами Франціи, а почти всегда сейчасъ же заражаютъ Италію, зажигаютъ политическія страсти въ Германіи, воспламеняютъ Польшу, и тогда пожаръ вспыхиваетъ кое-гдѣ и у насъ въ Россіи. Такъ было въ 1848 году, но пословица говоритъ: «громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится!»

Холеры уже переставали бояться, а надъ западомъ задумываться еще не начинали. Напротивъ. Петербургъ началъ веселиться и пользоваться жизнью по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало! Появился сатирическій альбомъ «Ералашъ», гдѣ талантливый Неваховичъ мѣтко и остроумно подтрунивалъ надъ общественными слабостями и надъ личными страстишками. Мнѣ разсказывали, что преображенскій полковой адъютантъ Степанъ Александровичъ Талызинъ, смѣнившій покойнаго Пенхержевскаго, былъ хорошо знакомъ съ Неваховичемъ и что встрѣтилъ его гдѣ-то въ ресторанѣ и сталъ поддразнивать:— «А, что, братъ, плохи твои дѣла! Нынче времячко такое, что и у завзятаго шутника пройдетъ охота шутить! Холеру-то, братъ, не осмѣешь!» — «Нѣтъ, и холеру осмѣю!» — отрывисто отвѣтилъ Неваховичъ. — «Ну, а меня осмѣешь?..» — приставалъ Талызинъ. — «И тебя осмѣю!» — такъ же рѣзко и спокойно сказалъ Неваховичъ. — «Когда?» — спросилъ Талызинъ. — «Въ ближайшемъ номерѣ» — проворчалъ издатель «Ералаша». Степанъ Александровичъ не повѣрилъ и засмѣялся: — «Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Мундира осмѣять не смѣешь, а во мнѣ, то-есть въ личности и въ характерѣ моемъ, никакихъ странностей не найдешь!» — «Посмотримъ» — проворчалъ Неваховичъ и началъ записывать что-то въ записной книжкѣ. Талызинъ совсѣмъ забылъ, что и у него была слабость — къ лошадямъ. Онъ любилъ дѣлать изъ себя англомана и щеголять верховыми и упряжными лошадьми. Но Неваховичъ это помнилъ. Въ ближайшемъ номерѣ «Ералаша» появилась преинтересная картинка: стоятъ изломанныя дрожки, съ великолѣпной парой лошадей. На мостовой лежитъ Талызинъ, въ мундирѣ. Голова у него на тумбѣ, глаза закрыты, лицо вытянуто, — онъ очевидно разбился на смерть. Съ боку стоитъ кучеръ, почесывается и говоритъ: — «Ничего, баринъ, только ось сломалась!» — Портретъ Талызина поразительно схожъ. И на счетъ холеры Неваховичъ сдержалъ слово, — досталось ей отъ «Ералаша!» Почти въ каждомъ номерѣ сыпались каррикатуры на страшную болѣзнь. Помню только двѣ изъ нихъ. Встрѣчаются два знакомыхъ, — у одного трауръ

Digitized by Google

на шляпѣ; внизу написано: «Что это?.. И у тебя трауръ?»—«Да, мой дядя умеръ.»—«Отъ холеры?» – «Нѣтъ, слава Богу,– отъ чахотки!» На другой картинкѣ представленъ Лѣтній садъ, переполненный гуляющими, но всѣ они идутъ повѣся головы, съ крепомъ на шляпахъ, и каждый самъ по себѣ. Внизу—разговоръ двухъ встрѣчныхъ:—«Ахъ, Боже мой, да неужели и здѣсь кого-нибудь хоронятъ?»—Отвѣтъ: - «Что вы!.. Помилуйте, да здѣсь нынче гулянье!» Дѣйствительно, петербургскія гулянья вообще отличаются вялостью и апатіею, а въ холерный 1848 годъ они совершенно были похожи на похоронную процессію. Неваховичъ осмѣивалъ столичные нравы, а Петербургъ смѣялся, пилъ перцовку противъ холеры и повеселѣлъ, хотя съ запада надвигались тучи: въ Парижѣ кровь лилась на баррикадахъ; генералъ Каваньякъ расчищалъ улицы картечью. Въ Италіи народъ возсталъ противъ австрійскаго владычества и открылась война. Австріи вездѣ приходилось плохо. Нѣмцы передрались между собою: въ Саксоніи, въ Баденѣ, пруссаки усмиряли народныя смуты. Въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ анархія каждый день усиливалась. Въ Познани полякъ Мерославскій возбуждалъ соотечественниковъ къ возстанію. Въ Венгріи броженіе умовъ достигло высшей степени; дѣло доходило и до насъ. Говорили, что въ Варшавѣ, намѣстникъ, князь Паскевичъ, началъ уже судить и вѣшать зачинщиковъ крамолы, что Литва кишитъ польскими эмиссарами, и виленскій генералъ-губернаторъ Мирковичъ едва сдерживалъ пановъ, ксендзовъ и шляхту. Наконецъ, сѣмя анархіи, разносимое революціонными вихрями, попало и на петербургскую, болотную почву. Въ скромномъ домикѣ въ Коломнѣ происходили тайныя собранія, замышлялась революція! Къ счастію, въ слѣдующемъ же году зачатки этихъ ученій были обнаружены, вырваны изъ почвы и разсѣяны по вѣтру. Это—извѣстное дѣло Буташевича-Петрашевскаго. Плохія были времена!

Я писалъ про военное воспитаніе, образованіе, про бытъ офицеровъ и солдатъ извѣстной эпохи, но все это подготовка,—все это лишь средства къ достиженію цѣли, а цѣль—война, и результаты служебной школы оказываются только на войнѣ. Между тѣмъ о результатахъ я не говорилъ ни слова, то-есть не досказалъ самаго важнаго, самаго существеннаго. Если, напримѣръ, какая-нибудь армія въ теченіе 30 лѣтъ постоянно била своихъ противниковъ, какіе бы они ни были, кто же станетъ осуждать ея устройство и образованіе?.. Не то ли было съ русскими войсками? Мнѣ разсказывали старые офицеры микулинскаго времени, что въ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ дисциплина была гораздо строже, чѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Давали по 500 по 600 розогъ, гнали сквозь строй черезъ

Digitized by Google

1.000 человѣкъ и болѣе. Въ корпусѣ графа Воронцова, остававшемся дольше всѣхъ во Франціи, солдаты до того избаловались, что ихъ урезонивали экзекуціями, какихъ и описывать трудно, потому что никто не повѣритъ! Форма была въ десять разъ непрактичнѣе и неудобнѣе: огромные суконные кивера съ волосяными султанами, а въ походѣ—такіе же клеенчатые; мундиры и шинели пригонялись въ обтяжку, какъ колеты, ноги сжимались узкими штиблетами. Наконецъ, ружья съ кремневыми замками были до того несовершенны, что капсульное ружье образца 1848 года можетъ считаться, въ сравненіи съ ними, буквально образцовымъ оружіемъ. Бытъ офицеровъ и солдатъ былъ еще суровѣе, они имѣли еще менѣе досуговъ и времени заняться теоретическимъ образованіемъ. Какіе же результаты записаны въ исторіи?

Въ первое десятилѣтіе царствованія Николая 1-го, съ 1825 по 1835, мы постоянно били персовъ, лезгинъ, чеченцевъ, турокъ и поляковъ. Въ 1849 году, пришлось перевѣдаться съ венгерцами. Правда, тутъ мы имѣли дѣло съ ополченіями, но они отобрали у австрійцевъ, разбитыхъ ими въ дребезги, столько орудій, что выступало противъ насъ не полчище, а регулярная армія, предводимая отличными генералами, такъ что помѣряться съ нею было несравненно труднѣе, чѣмъ съ персами, турками и черкесами. И все-таки въ три мѣсяца венгерцы были разбиты—словомъ, съ 1826 по 1849 г. исходомъ всѣхъ нашихъ войнъ была побѣда. «Такъ, но Крымская война!..» Этою фразою обыкновенно перебиваютъ сужденія, подобныя вышеприведеннымъ, будто бы ужь послѣ такого возгласа и пикнуть нельзя! А вѣдь это фраза и больше ничего! Что такое Крымская война? Если пять мужиковъ-ополченцевъ нападутъ съ топорами и рогатинами на одного француза или англичанина, вооруженнаго съ ногъ до головы, по всѣмъ правиламъ новѣйшаго искусства, то они его непремѣнно забьютъ потому, что трое станутъ нападать спереди, а двое, подкравшись сзади, треснутъ хоть полѣномъ по виску и по затылку, и противникъ не устоитъ, будь онъ самъ Еруслань Лазаревичъ! Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія Крымской войны. Кажется, всѣмъ памятенъ австрійскій ударъ полѣномъ въ високъ и англо-французская высадка изъ-за крымскаго угла! Вооруженіе, обученіе, бездорожье, о которомъ начали съ такимъ увлеченіемъ говорить именно послѣ Крымской войны, вовсе не главнѣйшая, а самая побочная, самая третьестепенная причина нашихъ неудачъ. Да и гдѣ же и въ чемъ проявились результаты нападенія? Насъ атаковали отъ Камчатки до Керчи и Балаклавы, а въ Азіи отъ Тифлиса до крѣпостцы св. Николая. Что же они взяли?—Только казармы на Аландскихъ островахъ и Малаховъ курганъ. Про знаменитыя винтовки въ Альмскомъ сраженіи пора бы перестать говорить, какъ о событіи, рѣшающемъ судьбы царствъ. Въ настоящее

Digitized by Google

время столько писано и печатано о Крымской войнѣ, что факты освѣщены со всѣхъ сторонъ и ясно видно теперь, что главная масса французовъ была вооружена такими же гладкостволками, какъ и наши, да и винтовки не помогли бы, еслибъ вò-время сосредоточена была въ Крыму бо́льшая масса войскъ, чѣмъ у непріятелей. Болѣе не могу объ этомъ распространяться, потому что пишу не историческое изслѣдованіе, а просто воспоминаніе о пережитомъ и характерномъ времени. Пишу о томъ, что̀ самъ видѣлъ, самъ испыталъ. Картина дѣйствительно вышла невзрачная. Что же можно было ожидать отъ такого ученія, точнѣе сказать, — отъ такой выправки? Что могли обѣщать въ будущемъ для русской арміи офицеры, хотя бы Преображенскаго полка, сформированные въ описанной практической школѣ? Дѣйствительно, надо отвѣтить на этотъ вопросъ и не иначе, какъ фактами. Беру на выдержку десятилѣтіе съ 1845 по 1855 годъ, то-есть послѣднюю эпоху старой, дореформенной школы. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ, управляли Преображенскимъ полкомъ три полковыхъ командира: Жерковъ, Катенинъ и графъ Барановъ. Двое послѣднихъ были моими начальниками, поэтому могу, не по наслышкѣ, не по книгамъ, а по опыту удостовѣрить о результатахъ тогдашней подготовки офицеровъ, даже неголословно, а приведу цифры и назову имена. Въ это замѣчательное десятилѣтіе 1845—1855 годовъ, Преображенскій полкъ подготовилъ для русской арміи восемь полныхъ генераловъ [1]) и двадцать три генералъ-лейтенанта [2]). Опасаясь затянуть разсказъ, не помѣщаю вдвое длиннѣйшаго списка генералъ-маіоровъ и высшихъ

---

[1]) 1) Гольтоеръ (Николай Ѳедоровичъ), 2) Ребиндеръ (Александръ Алекс.), 3) Гельфрейхъ (Александръ Богдановичъ), 4) Самсоновъ (Гаврила Петровичъ), 5) Шерваль (Карлъ Андреевичъ), 6) Баронъ Корфъ (Андрей Николаевичъ), 7) Рылѣевъ (Александръ Михайловичъ) и 8) Розенбахъ (Николай Антоновичъ).

[2]) 1) Мусинъ-Пушкинъ (Алекс. Петровичъ), 2) Ребиндеръ (Константинъ Григорьевичъ), 3) Вельяминовъ 3-й (Константинъ Николаевичъ), 4) Барановъ (Николай Евстафьевичъ), 5) Дохтуровъ (Сергѣй Ивановичъ), 6) Мезенцовъ (Ник. Владиміровичъ), 7) Герштенцвейгъ, 8) Татищевъ 1-й (Николай Дмитріевичъ), 9) Татищевъ 2-й (Иванъ Дмитріевичъ), 10) Веймарнъ (Ѳедоръ Петровичъ), 11) графъ Апраксинъ (Сергѣй Алекс.), 12) Имеретинскій (князь Николай Константиновичъ), 13) Толстой 1-й (Михаилъ Николаевичъ), 14) Челищевъ (Владиміръ Егоровичъ), 15) Авиновъ (Сергѣй Александровичъ), 16) Тучковъ 1-й (Михаилъ Павловичъ), 17) Толстой 2-й (Иларіонъ Николаевичъ), 18) Тучковъ 2-й (Николай Павловичъ), 19) баронъ Рамзай, 20) Раухъ, 21) Зубовъ (Владиміръ Николаевичъ, 22) Панютинъ (Всеволодъ Ѳедоровичъ) и 23) князь Оболенскій (Ник. Николаевичъ).

Digitized by Google

гражданскихъ чиновъ [1]). Недавно мнѣ случилось просмотрѣть одинъ томъ новѣйшей исторіи Преображенскаго полка, но я нашелъ въ немъ только «исторію походовъ» полка отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ походъ 1849 года, бывшій просто военною прогулкою къ западнымъ границамъ имперіи и описанный такъ сухо и элементарно, что въ памяти рѣшительно ничего не остается. То же самое можно сказать и о походѣ 1854 года. Отъ описанія походовъ до полной исторіи полка очень далеко. Повторяю, что, какъ всякое общество или братство, полкъ, и въ мирное время, живетъ своею жизнью, имѣетъ свои преданія, свои періоды развитія, а, главное,—образуетъ школу, житейскую, практическую. Первая ступень развитія человѣка, посвятившаго себя военной службѣ, представляетъ домашнее воспитаніе; вторая ступень—военно-учебное заведеніе, а третье—полкъ. О многихъ полкахъ нашей арміи можно признать достаточнымъ удостовѣреніе, что полкъ ходилъ туда-то, дрался при такомъ-то городѣ, отличились такіе-то и проч. Преображенскій полкъ имѣетъ иныя преданія. Въ петровское время преображенцы садились на корабли и брали на абордажъ шведскіе фрегаты, строили крѣпости, дрались на сухомъ пути, но Петръ Великій не видѣлъ въ нихъ только однихъ рубакъ и заурядныхъ военно-служивыхъ, а испытывалъ ихъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы. Преображенскій полкъ былъ разсадникомъ фельдмаршаловъ, генералъ-аншефовъ, генералъ-поручиковъ. намѣстниковъ, дипломатовъ, словомъ, всевозможныхъ образцовъ государственныхъ людей. Время, конечно, измѣнило значеніе полка, однако преданія хранились въ немъ свято, и дай Богъ, чтобы сохранились на всегда. Возьмемъ десятилѣтіе съ 1825—1835 г., то-есть перейдемъ сто лѣтъ послѣ кончины Петра I-го. Въ спискѣ офицеровъ этого періода найдутся также будущіе передовые дѣятели, но въ «исторіи походовъ» будетъ только сказано напримѣръ, что преображенскіе капитаны Игнатьевъ, Назимовъ и Катенинъ съ отличіемъ участвовали въ турецкой кампаніи 1828—1829 и въ польской войнѣ 1831 года! Между тѣмъ, изъ этихъ трехъ капитановъ вышли впослѣдствіи три генералъ-губернатора, а читающій новѣйшую исторію Преображенскаго полка скажетъ: «читалъ, кажется, что они участвовали въ походахъ, но куда послѣ переведены и что̀ сдѣлали—ничего тамъ не сказано!» Стало быть, надобно справляться въ послужныхъ спискахъ или въ некрологахъ. Нѣтъ ужь, желательно, чтобы не формуляры, а полныя біографіи такихъ преображенцевъ перешли въ исторію полка, такъ какъ въ нихъ проявятся случаи авитизма (родоваго

[1]) Многіе однако занимали и занимаютъ очень видныя мѣста, какъ напримѣръ: сенаторъ Ушаковъ, оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой (Сергѣй Алекс.), Нейдгардъ (управляющій дѣлами Канцеляріи прошеній), Фридрихсъ, посланникъ въ Бельгіи, и проч.

Digitized by Google

сходства въ разныхъ поколѣніяхъ). Приведемъ, напримѣръ, небольшое сказаніе: «О царѣ и преображенцѣ».

Было царское слово къ старому преображенцу: «Поручаю тебѣ сына моего, наслѣдника престола. Воспитай его и научи служить такъ, какъ самъ ты служилъ, т. е. по-преображенски!» Старый преображенецъ сослужилъ эту отвѣтственную службу и вышелъ съ честью изъ нея. Въ другой разъ царь сказалъ ему:—«Тамъ у меня, на западной окраинѣ, неспокойно. Слышу, что многіе страдаютъ невинно. Поѣзжай, узнай всю правду и донеси мнѣ». И это дѣло было исполнено добросовѣстно, и сталъ царь еще болѣе любить и отличать своего стараго служаку. Въ третій разъ услышалъ онъ царское слово:—«Хочу оградить высшее образованіе отъ сумазбродныхъ увлеченій. Прими попечительство надъ высшими школами». Но на этотъ разъ преображенецъ возразилъ:—«Государь! Я вѣкъ свой былъ военнымъ. Задача эта будетъ не по силамъ!» Отвѣчалъ ему царь: «знаю, но вѣрю тебѣ. Поди и сдѣлай такъ, какъ я велю!» Въ четвертый и въ послѣдній разъ раздалось съ высоты престола:—«Поѣзжай въ сѣверозападную область, гдѣ живетъ народъ безпокойный и вѣчно враждебный Россіи. Будь надъ нимъ воеводою, замири его; пускай образумятся упрямцы и станутъ нашими вѣрноподданными». Повиновался старый преображенецъ, скрѣпя сердце, но не могъ сдѣлать того добра, какого желалъ, и не умирилъ крамольнаго духа. Онъ написалъ царю: — «Государь, добромъ нельзя смягчить злую волю. Пришли другаго на мое мѣсто!» И царь послалъ туда грознаго воеводу, а добраго отозвалъ, но не лишилъ его своей любви и довѣрія, а сказалъ старому преображенцу: — «вражда не можетъ вѣкъ продлиться, миръ наступитъ, рано или поздно, а тогда мнѣ будутъ нужны такіе люди, какъ ты»... Этотъ разсказъ похожъ на легенду. Въ самомъ дѣлѣ можно подумать, что дѣло идетъ о царѣ Петрѣ и о птенцѣ изъ его преображенскаго гнѣзда.

Нѣтъ, царское слово говорили праправнуки Петра, императоры Николай I и Александръ II, а старый преображенецъ былъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. Также и біографіи П. Н. Игнатьева и Катенина были бы блестящими иллюстраціями преображенской школы 1825—1835 годовъ. На предъидущихъ страницахъ я переступилъ одно десятилѣтіе и взялъ на выдержку періодъ 1845—1855 гг. Но и тутъ, въ числѣ восьми полныхъ генераловъ, видимъ двухъ генералъ-губернаторовъ. Біографіи нераздѣльны съ исторіею Приамурскаго и Туркестанскаго края. Подобныя жизнеописанія прославленныхъ, старыхъ преображенцевъ могли бы дать существенные матеріалы для полной исторіи полка. Въ нихъ проглянуло бы его значеніе въ томъ смыслѣ, какой выходитъ изъ сравненія прошедшаго съ настоящимъ. При нынѣшней организаціи русской арміи и при новѣйшей системѣ образованія,

Digitized by Google

можно, конечно, спокойно оглянуться на прошедшее, но голословно осуждать или критиковать его несправедливо. Дисциплина—душа войска. Крутая военная школа тяжела, неприглядна, страшна, но въ такой школѣ люди привыкаютъ повиноваться, а кто умѣетъ повиноваться, тотъ непремѣнно съумѣетъ командовать. Преданія преображенскихъ офицеровъ заходятъ еще дальше,—до необходимости дисциплинировать самихъ себя... Мнѣ разсказывали старые товарищи, что однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, будучи недоволенъ смотромъ, велѣлъ командиру полка Микулину разсажать подъ арестъ множество офицеровъ, а полковникамъ объявить выговоръ въ приказѣ и черезъ недѣлю вторично вывести полкъ на смотръ; при этомъ, великій князь рѣзко сказалъ: «генералъ, доучивайте свой полкъ!» Послѣ отъѣзда великаго князя, Микулинъ собралъ офицеровъ, но долго ходилъ передъ ними взадъ и впередъ, не говоря ни слова. Всѣ ждали страшной грозы, зная его вспыльчивый, даже бѣшеный характеръ... Противъ ожиданія, генералъ вдругъ остановился, сбросилъ на землю шляпу, топнулъ ногою и закричалъ: «такъ нѣтъ же, не взыщу ни съ кого! Вотъ моя сѣдая голова!.. Кладу ее на плаху, но не осрамлю ни себя, ни васъ! Господа! Я знаю своихъ преображенскихъ братьевъ, и они меня знаютъ... скажите людямъ (т. е. солдатамъ), что я попрошу представиться на вторичный смотръ черезъ три дня, а полка учить не буду!.. Всякій долженъ знать свое дѣло... не хочу я никого подтягивать, зная, что у преображенцевъ въ обычаѣ подтягивать самихъ себя!».. Черезъ три дня полкъ представился въ такомъ блестящемъ видѣ, что великій князь пришелъ въ восторгъ, разблагодарилъ всѣхъ и каждаго и обнялъ, передъ фронтомъ, полковаго командира. На другой же день Микулинъ поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ и велѣлъ доложить о себѣ, а при появленіи великаго князя генералъ снялъ шпагу и сказалъ: «Ваше высочество, вотъ моя шпага, прикажите арестовать меня, я нарушилъ дисциплину, я не повиновался вамъ...» Великій князь не принялъ шпаги и, зная пылкій характеръ генерала, спокойно выговорилъ: «Успокойся, Микулинъ, что-за вздоръ ты мнѣ говоришь! Полкъ представился отлично, чего же тебѣ еще надо, какое неповиновеніе? Съ чего ты взялъ, что ты виноватъ?..»—«А съ того»—горячо перебилъ Микулинъ,—«что вы приказали мнѣ взыскать съ такихъ-то и доучивать полкъ, а я ни съ кого не взыскивалъ, полка не училъ! Полкъ представился отлично, и это меня нисколько не удивляетъ. Мнѣ стоило только сказать товарищамъ, чтобы всякій самъ себя подтянулъ. Но я все-таки не исполнилъ приказаніе высшаго начальства и прошу велѣть меня арестовать и судить!..»

Тогда великій князь принялъ его шпагу, собственноручно вдѣлъ ее въ портупею генерала и сказалъ: «Цѣлуй меня, помиримся!.. Высшее

Digitized by Google

начальство прощаетъ тебѣ и желаетъ, чтобы всѣ командиры полковъ почаще такъ провинялись! Я сейчасъ ѣду къ государю и заранѣе говорю тебѣ, что онъ скажетъ: «Микулинъ молодецъ! Узнаю его по дѣламъ. Онъ поступилъ по-преображенски!»

Эти преданія даже и въ мое время (1848) проглядывали почти въ каждомъ офицерѣ. Эти преданія заснули было при Мункѣ, а Жерковъ только разбудилъ ихъ своею крутостью. Большинство товарищей моихъ,—особенно же всѣ, кого я назвалъ по фамиліи въ теченіе разсказа, не допускали себя до взысканія, даже до напоминанія, и самъ Жерковъ не могъ къ нимъ придраться, никогда не распекалъ ихъ, а развѣ скажетъ бывало иному: «А вы, я вамъ доложу, сегодня на ученьи немножко оплошали!..» Вообще офицеры берегли себя на службѣ и берегли историческую, почтенную репутацію полка. Я имѣлъ честь служить въ немъ 17 лѣтъ и за все это время не было ни одной дуэли. Въ случаѣ крупныхъ недоразумѣній или ссоры между офицерами, они сейчасъ выбирали посредниковъ и судью (кого-нибудь изъ полковниковъ), такъ что, фактически, офицерскій судъ существовалъ у насъ за много лѣтъ до его оффиціальнаго установленія. Въ случаѣ же какого-либо неблаговиднаго поступка, хотя бы внѣ службы, а въ частномъ быту, виновный вылеталъ изъ полка такъ быстро, что петербургскія трещотки и чечотки не знали, что и болтать!

Въ теченіе всѣхъ 17 лѣтъ моей службы въ полку, я помню только два подобныхъ случая. Одинъ офицеръ рубнулъ полусаблею какого-то франта въ маскарадѣ,—проступокъ, собственно невмѣняемый, совершенный подъ вліяніемъ вина. Однако буяна вытолкнули изъ полка въ 48 часовъ, и петербургскіе вѣстовщики, не видя на немъ преображенской формы, растерялись и начали увѣрять, что онъ напроказилъ, уже будучи въ отставкѣ. Другой неблаговидный случай основывался даже не на уликѣ, а только на сильномъ подозрѣніи, однако всѣ офицеры такъ возмутились, что, своимъ починомъ, разослали другъ другу повѣстки, собрались въ дежурную комнату и потребовали туда же подозрѣваемаго. Никто не подалъ ему руки, а всѣ единодушно и твердо сказали, что онъ долженъ сейчасъ же подать въ отставку. Полковой командиръ, получивъ ее, очень обрадовался, такъ какъ быстрое окончаніе дѣла избавило его отъ тяжелой обязанности объясняться съ бывшимъ подчиненнымъ. Онъ благодарилъ офицеровъ въ такихъ словахъ: «Господа, если-бы даже я былъ новичкомъ и только вчера вступилъ въ ваше общество, то сегодня же вы дали бы мнѣ почувствовать, что я имѣю честь служить въ Преображенскомъ полку!»

Я далекъ отъ мысли слѣпо восхвалять свое время, какъ дѣлаютъ многіе старички. Преображенскій полкъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобы льстить ему правдою и неправдою. Напротивъ, ему-то и надлежитъ

Digitized by Google

говорить истину открыто и прямо въ глаза. Нѣтъ, были и у насъ свои недостатки: во-первыхъ, «кружки» въ офицерской средѣ, уродливыя обособленія, противныя единодушію, и, стало быть — силѣ военнаго братства. Во-вторыхъ, непохвальны были нѣсколько высокомѣрныя отношенія къ армейскимъ, даже къ прочимъ полкамъ гвардіи, къ которымъ относились свысока, какъ будто выказывая спѣсивыя, въ сущности же небывалыя, превосходства. Между тѣмъ вся гвардія должна бы быть исполнена духомъ Великаго Петра. Въ этомъ отношеніи, да и въ какомъ бы ни было, нѣтъ и не должно быть никакой разницы между полками. Но всѣ эти недостатки не затрогивали чести полка. Императоръ Николай I-й зналъ это, потому и говорилъ: «Когда ношу преображенскій мундиръ, я спокоенъ!» Дай Богъ, чтобы всѣ поколѣнія преображенцевъ помнили эти слова и чтобы всѣ полки гвардіи закалялись духомъ петровскаго времени!

Князь Н. К. Имеретинскій.

Поправка. Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“, на стр. 314-й, напечатано: „генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ выслужился изъ кантонистовъ“. Жерковъ происходилъ изъ дворянъ, такъ какъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (по-старинному шляхетскомъ, т. е. дворянскомъ), изъ коего въ 1816 году выпущенъ въ офицеры въ Перновскій гренадерскій полкъ и затѣмъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ послѣ безпорядковъ, бывшихъ въ этомъ полку, извѣстныхъ подъ названіемъ „шварцовской исторіи“ (въ 1821 году).

Сообщилъ А. И. Хатовъ,
оставной гв. полковникъ.

Digitized by Google

БЕРЛИНСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

для

исторіи русской литературы.

К. Н. Батюшковъ.

I.

А. Н. Батюшковой.

[Сентябрь 1817 г.].

Письмо твое получилъ милый другъ и крайне сожалѣю о болѣзни твоей. Надѣюся, что она миновалась. Теперь издали вижу, что всѣ огорченія твои почти пустыя и совершенно минуются, если ты будешь имѣть твердость духа и здравый смыслъ, которыхъ у тебя достаточно. На мои письма все еще нѣтъ отвѣта изъ Вологды. Въ газетахъ здѣшнихъ и московскихъ все еще не публиковано о продажѣ имѣнія. Сдѣлай одолженіе спроси у Павла Александровича, почему ето до сихъ поръ не сдѣлано? Я ожидаю (просилъ о томъ на прошедшей почтѣ и прошу еще на нынѣшней), ожидаю записки подробной о деревняхъ моихъ: сколько душъ въ каждой деревнѣ; въ какомъ уѣздѣ сколько земли пахотной, лѣсу и пр. Прикажи ее немедленно сдѣлать Шитому, а я за ету услугу дамъ волю его дочери, которая еще все о томъ же хлопочетъ. Ета записка необходимо нужна для продажи, ибо я намѣренъ все сполна продать: я рѣшился и совершу съ Божіей помощію. Здѣсь можетъ быть найду охотниковъ, а можетъ быть и въ Вологдѣ. Здѣсь обѣщали поговорить двумъ или тремъ покупщикамъ. Ожидаю только записки; должны быть письма и книги на мое имя: не послала ли ты ихъ въ Устюжну. Они отъ Жуковскаго изъ Петербурга: желаю, чтобы мнѣ ихъ возвратили, они нужны. Бога ради справься сама объ этомъ. Здѣсь я видѣлъ Абрама Ильича, но Гришу еще не видалъ, былъ разъ у него, но не засталъ. У меня много хлопотъ и разъѣздовъ. Нашелъ людей, которые меня не

*

Digitized by Google

оставляютъ, и съ помощію ихъ авось что-нибудь сдѣлаю: въ виду имѣю излѣченіе болѣзни моей и путешествіе. Гнѣдичъ пишетъ къ тебѣ и проситъ купить полотна: выполни это, если можешь и пришли портретъ, я разрѣшаю, тебѣ возвратятъ его. Онъ нуженъ будетъ впередъ для Гнѣдича. Слава Богу! книга моя идетъ хорошо и по крайнѣй мѣрѣ ему убытка не приноситъ. Обнимаю тебя усердно. Не стыдно ли живучи въ деревнѣ писать такъ рѣдко и коротко? К. Ѳ. кланяется, она по старому любитъ насъ и одна не перемѣнилась. Вели, прошу тебя портретъ уложить въ ящикъ Ивану Сергееву и пришли по первой почтѣ. Здѣсь Аѳанасій. Онъ пришлетъ тебѣ сѣмянъ.

Авт. Берлинс. Корол. библ. Radowitz № 8090. Годъ бумаги 1817. Сбоку помѣтка князя П. А. Вяземскаго: письмо Батюшкова не ко мнѣ. Батюшковъ писалъ это письмо изъ Петербурга къ сестрѣ своей Александрѣ Николаевнѣ, жившей въ Череповецкомъ уѣздѣ. Въ С.-Петербургъ Батюшковъ пріѣхалъ 24 августа 1817 года. (Сочиненія К. Н. Батюшкова, ред. Л. Н. Майковымъ, т. III, Спб. 1866, стр. 464). Наше письмо написано въ періодъ отъ 24 августа до 29-го сентября. До 24 августа Батюшковъ не видѣлъ Абрама Ильича, а 29-го онъ писалъ о болѣзни сестры, объ Аѳанасіи и зналъ уже о болѣзни Шитаго. (Соч. III, 471). Павелъ Алексѣевичъ Шипиловъ—зять Батюшкова, Абрамъ Ильичъ Гревенсъ и сынъ его Гриша—одинъ зять поэта, другой племянникъ, сынъ его сестры, Анны Николаевны. Сочиненія Батюшкова въ изданіи Гнѣдича вышли: I часть въ іюлѣ, а II въ октябрѣ 1817. (Соч. III, 472 и 746). К. Ѳ.—Катерина Ѳедоровна, жена Михаила Никитича Муравьева.

II.

Ивану Ивановичу Энгельмейеру.

Прошу васъ принести мнѣ кинжалъ для прекращенія моего существованія. Эвропа дала мнѣ клятву Васъ истребить, если вы не будете мнѣ повиноваться(.) Марія святая Дѣва будетъ мною въ домѣ Лаврова или казнена всенародно или тайно заколота(.) Ибо сія искаженная супруга не должна нарушать моего блаженства приводя мнѣ Катерину безъ талантовъ и нищую умомъ тѣломъ безъ земель, что я и англичане, мои дѣти а не Ваши, ненавидимъ и презираемъ. Надѣюсь; прошу Васъ имъ сіе объявить снова да никогда не позволятъ они адамъ принуждать меня благословлять Катерину въ домѣ Еговы моего сына. Мои благословенія одному Еговѣ безъ Катерины. Если Вы не будете приводить мнѣ ангеловъ съ Маріей, если не устроите мірозданія для меня, а не для безумныхъ, то сатана и бельзебутъ будутъ казнены Эвропою и мною прокляты. Къ стыду Вашему я повторяю то, что Вы сами на память вѣчную однажды заставили меня написать Вы и вся Эвропа. Новое: Эвропа

Digitized by Google

будетъ меня обожать одного міня и мои книги. Катерина не нужна Россіи иначе какъ въ монастырѣ въ вѣчномъ раскаяніи. Вселенная старѣется въ развалинахъ отъ ея четырнадцалѣтняго ума: по доказательству святаго Карамзина она почти безполезна для русскаго слова, англіи врѣдъ отъ нее. Мнѣ обѣ супруги наскучили: въ томъ свидѣтель сатана благословенный. Какъ Вы не стыдитесь жить въ развратѣ? По крайней мѣрѣ, кончить мою жизнь безполезную. Скажите дѣтямъ Катерины что они мною благословенны безъ матери ихъ безумной и безсильной (.) Свиданія мои съ Катериной суть предметъ насмѣшекъ, ругательствъ англичанъ надо мною и ихъ раскаяніе. Они достойны моей жалости. Вы причина ихъ нещастія ибо я не говорю и не пишу и не читаю по англійски. Ваши дарованія они презираютъ торжественно какъ я васъ презираю. Константинъ. Объявите адамъ что я не нарушилъ клятву. Она предъ Эвропою. Какъ ваши ничтожны ады и Вы сами не имѣете существованія. Эвропа молила меня сіе Вамъ напомнить. Вы малочисленны и слабы паче всего умомъ Эвропейцы безчисленны и вооружены ..... штыками и артиллеріей. Въ Эвропѣ жизнь моя безъ кары безполезна ничтожна безъ слѣдовъ. Но васъ ожидаетъ кара не за Катерину за МЕНЯ. Въ Лондонѣ будетъ проклята Катерина, торжественно проклята Германцы уничтожатъ Германское слово въ головѣ и въ памяти Святой дѣвы. Я не позволю жить нащетъ моей памяти и трудовъ. Страшитесь есть и была и вѣчно будетъ жизнь и разумъ безъ Маріи отъ моихъ трудовъ на землѣ. А Катерина ничего. Мы наслажденье вселенная ..... четырнадцатилѣтней .... бездѣлки въ тюрмѣ. Блаословенъ (sis) англію ей на истребленіе. Всѣ ..... мнѣ наскучили давно. Здѣсь память о развратѣ Маріи ..... что Вы мнѣ предлагаете въ сараѣ то что сатана при мнѣ отвергъ для себя и проклялъ Констант. Баттиковъ.

Авт. Берл. Корол. библ. Radowitz № 8059. Кажется, писано въ первое время помѣшательства въ 23—27 годахъ, какъ это видно изъ сходства съ письмами того же времени № II, VI, XI (соч. III, 583, 586, 590). Въ письмѣ, какъ въ калейдоскопѣ, спутаны мысли несчастнаго поэта. То богохульныя выходки, то что-то о превосходствѣ Запада и Англіи, то объ Екатеринѣ II (или малоизвѣстной К. А. Леоненковой?), то начало стиховъ, то циническія выходки, означенныя у насъ точками, то мысль о безполезности существованія Письмо, любопытное для психологіи больнаго поэта; не безъинтересно и для психіатровъ.

А. П. Беницкій.

Черновая, предложенная въ с.-петербургское общество любителей наукъ, словесности и художествъ—заключаетъ упреки за бездѣйствіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предлагаетъ устроить собраніе и требовать отчета отъ гг. цензоровъ. Написано около 1807 года. Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 5061.

Digitized by Google

А. А. Бестужевъ (Марлинскій).

(Эпиграмма).

Къ Рылѣеву.

Онъ привсталъ съ канапе,
Онъ понюхалъ рапе,
Онъ по комнатѣ вдругъ зашагалъ,
Подошелъ онъ къ бумаги стопѣ
И „поэма“ на ней написалъ.
Вотъ приходитъ Плетневъ,
Онъ пѣвецъ изъ пѣвцовъ,
Онъ взглянулъ, онъ вздрогнулъ, онъ сказалъ:
„За возвышенный трудъ
„Не вѣнецъ тебѣ, — кнутъ
„Аполлонъ на Руси завѣщалъ.

Копія среди автогр. Берл. Кор. библ. безъ №. Эта шутка пародируетъ «Смальгольмскаго барона» Жуковскаго. Поэма, можетъ быть «Войнаровскій»,—тогда эпиграмма относится къ 1824 году. Объ отношеніяхъ Бестужева къ Рылѣеву и о высокой оцѣнкѣ первымъ посвященнаго ему «Войнаровскаго» см. «XIX вѣкъ» Бартенева, стр. 338 и 348. О знакомствѣ Плетнева съ Рылѣевымъ тамъ же, стр. 440, 369. Отзывъ Плетнева о думахъ Рылѣева: «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева» ред. Грота I, 186 и III, 314.

Іакинѳъ Бичуринъ.

Письмо В. И. Далю безъ года о награжденіи купца Скачкова медалью Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8071.

Ѳ. В. Булгаринъ.

Письмо отъ 3 декабря 1843 года В. И. Далю о томъ, что домъ Демидова на Невскомъ «грозитъ развалиться и задавить дѣтей», и что надо принять какія-нибудь мѣры противъ этого. Булгаринъ живетъ на Невскомъ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Миняева, и «обращаетъ взоры на домъ министерства, гдѣ служитъ В. И. Даль».

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8062.

Digitized by Google

А. Ѳ. Воейковъ.

В. И. Далю.

Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, т. е. 1-го апрѣля въ пятницу отобѣдать, дорогой нашъ Владиміръ Ивановичъ. У меня будутъ мои родные, которымъ и вы не чужой. Да привозите другую повѣсть. Воейковъ, $18\frac{\text{III}}{31}32$ четвергъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8084.

П. А. Вяземскій.

Эпиграмма на Булгарина (Сочиненія т. IV, Спб., 1880, 292). Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8086. Письмо его же, княгинѣ Барятинской съ благодарностью за хлопоты о госпожѣ Лугининой. Тамъ же, Rad. № 8085.

Н. И. Гнѣдичъ.

А. Ф. Смирдину.

Какъ участникъ хотя не обѣда, но чести приглашенія къ нему, Гнѣдичъ вмѣняетъ и себѣ въ удовольствіе благодарить Александра Филипповича тѣмъ, чѣмъ благодаритъ его вся братія Парнасская если не такъ богато, какъ другіе, но также усердно Окт. 4. — 1832 г.

Авт. Берл. кор. библ. Radowitz № 8066. Далѣе приложенъ листъ синей бумаги съ сѣтованіемъ Гнѣдича въ прозѣ. См. альманахъ „Новоселье". Спб. 1833 г., т. I, стр. 187, гдѣ помѣщено стихотвореніе Гнѣдича „Кавказская быль". Самый праздникъ былъ 19 февраля 1832 г. по случаю перемѣщенія книжнаго магазина Смирдина на Невскій проспектъ.

Н. И. Гречъ.

В. И. Далю.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, вашу переписанную повѣсть. Замедленіе произошло отъ того, что усердный писарь сталъ копировать и другую, при семъ же посылаемую. Потрудитесь

Digitized by Google

выставить на поляхъ карандашемъ неразобранныя слова. Тотъ же писарь ихъ вставилъ, да и замѣтьте промахи для поправки. Были ль вы у Б.? Знаете ли, что онъ пожалованъ въ графы? Такъ не забудьте величать его сіятельствомъ. Весь вашъ Н. Гречъ. 8 ноября 1832 г.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8069. Б.—графъ Бенкендорфъ. Кромѣ того, подъ № 8070—письмо Греча изъ Парижа отъ 6 февраля 1846 года Христофору Якимовичу (Лазареву) съ просьбою о какомъ-то Марцеллѣ, издавшемъ грамматику.

И. И. Дмитріевъ.

I.

В. А. Жуковскому.

Отъ искренняго сердца благодарю васъ, Милостивый Государь, любезнѣйшій Василій Андреевичъ за вашъ подарокъ, переданный мнѣ госп. Елагиной. Сочиненіе ваше отъ начала до конца производило во мнѣ и восторгъ, и умиленіе. Особенно же испыталъ я послѣднее на десятой страницѣ: при словѣ «а Его самого тутъ не было», грудь моя замлѣла и глаза оросились слезою Хвала и честь вашему таланту и доброму сердцу, что заплатили достойную дань истинно незабвенному. Сбудется ли по вашему слову наше свиданіе въ текущемъ мѣсяцѣ? Сомнительно: по крайней мѣрѣ нынѣ или когда-нибудь оно будетъ для меня всегда большимъ праздникомъ. Между тѣмъ заочно обнимаетъ васъ съ чувствомъ постоянной пріязни и совершеннаго почтенія, скажу лучше душевнаго, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ. Москва 1834 сентября 21 дня.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8065 На листкѣ литографированная Дациаро виньетка, изображающая Красную площадь. Письмо это составляетъ дополненіе къ серіи писемъ Дмитріева къ Жуковскому, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»: письмо отъ 19 февраля 1834 г.—«Рус. Арх.» 1866 столб. 1637—1649; отъ 27 февраля 1834 - тамъ же, 1870, столб. 1692—93 и отъ 17 мая 1834 г.,—тамъ же, столб. 1694. Дѣло идетъ о статьѣ В. А. Жуковскаго «Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 года» (открытіе памятника императору Александру I — извѣстной монолитной колонны), гдѣ мы находимъ и вышеприведенную фразу «а Его самого тутъ не было», т. е. императора Александра I-го. (Изд. сочин. Жуковскаго 1849, VII, стр. 348, гдѣ впервые напечатано это сочиненіе.)

Digitized by Google

II.

Кн. П. А. Вяземскому.

Москва 18 авг. 1837 г.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое Ваше письмо и за 6 томъ Современника, котораго экземпляръ уже давно я получилъ отъ Ширяева, въ одно время съ здѣшнею какъ говорятъ читающею публикою, а по этому и не хочется мнѣ разстаться съ билетомъ; къ тому же и С. Л. Пушкина должно отыскивать въ его деревнѣ близь города Опочки въ Псковской губерніи и неизвѣстно, когда и гдѣ оснуетъ онъ постоянное свое пребываніе. И такъ не лучше ли присланный вами экземпляръ оставить мнѣ у себя до вашего разрѣшенія: отдать ли его Ширяеву въ замѣнъ полученнаго мною отъ него экземпляра или отослать его къ Сергею Львовичу, а меня оставить полнымъ владѣльцемъ уже взятаго мною экземпляра. Впрочемъ скажу о себѣ, что я благодареніе Вышнему здоровъ и вежетацію мою продолжаю по прежнему. Будьте и вы здоровы и освѣжайте иногда вашимъ воспоминаніемъ старика любящаго и уважающаго Васъ всею душою. Преданный Вамъ Дмитріевъ

Автографъ Берл. Кор. библ. безъ №.

Н. М. Карамзинъ.

Авт. Берл. Кор. библ. безъ №. Отрывокъ изъ Исторіи Россійскаго Государства изъ эпохи междуцарствія. Черновая на синей бумагѣ.

И. А. Крыловъ.

Въ собраніи Radowitz № 8071 сохраняется автографъ басни «Хозяинъ и мыши». Здѣсь она озаглавлена «Хозяинъ и кошки». Единственный варіантъ противъ печатнаго текста

Спокоенъ отъ мышей купчина—
Въ амбарахъ день и ночь дозоръ.

Другой автографъ безъ № содержитъ басню «Водопадъ и ручей». Рукой князя П. А. Вяземскаго помѣчено: le fabuliste Kryloff. Варіантъ противъ печатнаго текста въ концѣ:

Лѣчиться!
Смиренно отвѣчалъ ручей.

Digitized by Google

Н. В. Кукольникъ.

В. И. Далю.

Были Вы, Владиміръ Ивановичъ, такъ милы и хотѣли подарить мой Новогодникъ твореніемъ руки Вашей. Если податель возвратится съ обѣщаннымъ на масленную гостинцемъ, зѣло возрадуется духъ мой. Весь Вашъ Н. Кукольникъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8075. Въ «Новогодникѣ», Спб. 1839, помѣщена статья В. И. Даля подъ заглавіемъ «Двѣ притчи о всякой всячинѣ да еще кой о чемъ» за подписью В. Луганскій. Цензурное разрѣшеніе книги 7 марта 1839 — значитъ, около этого времени написано и наше письмо.

И. И. Лажечниковъ.

Надворный совѣтникъ Лажечниковъ былъ уволенъ отъ должности почетнаго попечителя гимназіи и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы поступить ему на мѣсто вице-губернатора въ Твери, какъ скоро оно откроется. Для этой цѣли ѣздилъ онъ нѣсколько разъ въ Петербургъ, оставлялъ свое хозяйство въ Тверской губерніи и, не основавъ постоянно своего пребыванія на одномъ мѣстѣ, вынужденъ былъ дѣлать чрезвычайные расходы. Тверской вице-губернаторъ Глушковъ подалъ въ отставку. Между тѣмъ тамошній губернаторъ представилъ своего кандидата. Лажечниковъ искалъ служить подъ знаменемъ, къ которому стремятся нынѣ всѣ, кто любилъ честь, справедливость, пользу и благо общественное, и слѣдственно истинно преданные своему государю и отечеству, смотрѣлъ съ упованіемъ только на эту хоругвь, подъ ней одной искалъ своего покровительства и не пойдетъ молить о немъ на низшія ступени. И поэтому онъ осмѣливается покорнѣйше просить Его Высокопревосходительство рѣшить его судьбу опредѣленіемъ на просимое мѣсто или совершеннымъ увольненіемъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8076 черновая. И. И. Лажечниковъ жилъ въ Тверской губерніи съ 1837 года, а просимое мѣсто вице-губернатора получилъ въ 1843 году.

Digitized by Google

Ленкевичъ Ѳедоръ.

Въ собр. Radowitz № 8077 «Гимнъ Богу» на синей бумагѣ начала нынѣшняго столѣтія. Стихи довольно слабые. Начало:

Воспой, воспой душа безсмертна
И неба, и земли творца.

Авторъ—малоизвѣстный переводчикъ съ латинскаго.

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ собраніи авт. Берл. Корол. библіотеки въ портфеляхъ Варнгагена безъ № стихи: Какъ мальчикъ кудрявый рѣзва (къ портрету графини А. К. Воронцовой-Дашковой) безъ варіантовъ, послѣдняя редакція стихотворенія. Заглавія нѣтъ. Помѣта: von Paulina Bülübin. Тамъ же безъ № на сѣрой бумагѣ стихи: Слѣпецъ страданьемъ вдохновенный (А Г. Хомутовой). Помѣта почеркомъ князя П. А. Вяземскаго: Lermontoff, а затѣмъ библіотекаря: v. Wäsemski. Зачеркнуто въ 3 строчкѣ огонь и написано восторгъ; въ 7—вм. прежнихъ—юныхъ; въ 20 вм. поселили—возбудили.

Н. А. Полевой.

П. И. Даль.

Милостивая Государыня Павла Ивановна! Мнѣ весьма пріятно было получить ваше письмо потому, что вы конечно благоволите увѣдомить меня, куда могу я адресовать письмо брату вашему. Мнѣ хочется поблагодарить его за присылку прелестной его повѣсти: помѣщена будетъ она въ Телеграфѣ немедленно. Посему позвольте уже мнѣ удержать рукопись оной. Выходъ книжекъ Телеграфа задержался отъ моей болѣзни и другихъ обстоятельствъ. Позвольте мнѣ еще, Милостивая Государыня, поблагодарить васъ за лестный отзывъ вашъ о Телеграфѣ. Какой авторъ не вѣритъ искренности похвалъ своимъ сочиненіямъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ Милостивая Государыня покорнѣйшій слуга Николай Полевой. Февр. 28-го 1831. Москва.

Автогр. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8080.

Однако въ «Московскомъ Телеграфѣ» повѣсти Даля нѣтъ, а съ книги XXXVIII помѣщена повѣсть П. П. Сумарокова «Кольцо и записка».

Digitized by Google

А. С. Хомяковъ.

Авт. Берл. Кор. библ. Radowitz № 8063 – автографъ «Пѣсни» (Ой, красна земля Володиміра) безъ варіантовъ противъ печатнаго.

А. И. Шаховской.

Авт. Берл. Корол. библ. Radowitz № 8083. Отрывокъ изъ комедіи Аристофанъ, дѣйствіе I явл. IV (М., 1828, стр. 24) со словъ: Нѣтъ, нѣтъ, пока мои уста до словъ: Комедія была бъ лишь только шутовство.

И. А. Шляпкинъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

профессора Спб. духовной академіи,

† 18-го февраля 1877 г.

XXXII [1]).

О моемъ житьѣ-бытьѣ на квартирѣ и на казенномъ во второй годъ въ Рязани и о переходѣ въ реторику или низшее отдѣленіе семинаріи.

Распоряженіе новаго начальства о томъ, чтобы денежные перешли на вольныя квартиры, сначала мнѣ очень понравилось. Я полагалъ, что буду жить теперь на просторѣ вдали отъ Вихирева, а слѣдовательно и отъ его плетки и розогъ.

Но разсчеты мои оказались не очень основательными. Прежде всего надобно сказать, что семинаристы почти всегда перемѣняютъ или отыскиваютъ квартиры въ началѣ трети, а потомъ жители, которые хотѣли бы держать у себя семинаристовъ, пускаютъ уже другихъ постояльцевъ.

Такимъ образомъ намъ четверымъ: мнѣ, другъ братьямъ Вихирева и Гилярову, племяннику Кудрявцева, и сыну дьячка Ивану Васильеву, всѣмъ вмѣстѣ очень трудно было найти квартиру, и мы едва отыскали ее у одной мѣщанки, у которой уже жилъ ученикъ богословіи, Петръ Ивановичъ Лонгиновъ и родственникъ его, мальчикъ изъ приходскаго училища Перевлѣскій, который послѣ извѣстенъ сдѣлался, какъ хорошій педагогъ и литераторъ, и служилъ наставникомъ въ Александровскомъ лицеѣ въ Пе-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892 и 1893 гг., XVII, XVIII, XXXIV, XLII, XLIII, XLIII, LVI, LVII, LXXV, LXXVI и LXXVII.

Digitized by Google

тербургѣ. Квартира наша состояла изъ избы длиною не болѣе $2^1/_2$— 3 саженей.

Чуть не въ цѣлой половинѣ ея стояла большая русская печь, и жила хозяйка съ маленькою дочерью, а въ другой части помѣщалось насъ шесть семинаристовъ.

Пока еще было тепло, мы спали на чердакѣ, но съ наступленіемъ холода должны были оставаться и день и ночь въ комнатѣ, спать на лавкахъ, скамейкахъ, на полу, лежанкѣ, даже иногда на печкѣ.

Конечно, было тепло, тѣмъ болѣе, что хозяйка, торговавшая печенымъ хлѣбомъ, каждый почти день пекла его и слѣдовательно жарко топила печь. На духоту и спертость воздуха мы мало обращали вниманія, но сырость насъ донимала.

Лачуга наша стояла на дворѣ и была такъ ветха, что еслибы ее не обмазали и извнутри и снаружи глиною въ родѣ штукатурки, то между бревнами оставались бы порядные промежутки.

Но и глина насъ не спасала; промерзая, она внутри комнаты была въ сильные морозы почти постоянно влажною, такъ что прикосновеніе къ ней дѣлало пятна и на тѣлѣ и на одеждѣ. Поэтому мы для спанья отодвигали отъ стѣнъ и лавки и скамьи.

Въ такой комнатѣ, высотою въ сажень, была сырость большая и только почти постоянно горячая печь просушивала ее.

Потомъ мы сами должны были носить на себѣ воду съ колодезя саженей за 70, если не болѣе; ушатъ былъ большой, улица грязная; насилу бывало дотащишься.

Хозяйка была зла, какъ вѣдьма, обижала насъ, сколько возможно, снимала жиръ съ нашихъ щей и даже отливала ихъ, пополняя убытокъ водою. Такимъ образомъ на этой квартирѣ я нашелъ многое въ худшемъ видѣ, нежели даже на казенномъ.

И надежда моя на свободу отъ плетки и розогъ Вихирева оказалась мечтою. Вихиревъ уже сталъ мало заниматься съ своими братьями, наскучивъ ихъ лѣнью и безтолковостію, или отчаявшись сдѣлать изъ нихъ чего-нибудь путное.

Съ переходомъ нашимъ на квартиру, онъ, можно сказать, почти ихъ бросилъ, но мнѣ велѣлъ являться непремѣнно, каждый день. Въ этомъ случаѣ рѣдко спрашивалъ меня объ урокахъ, но зато продолжалъ давать и подчеркивать латинскіе переводы. Евсей и Павелъ,

Digitized by Google

получивъ нѣкоторую свободу, почти ничего дѣлали и даже мѣшали мнѣ и Гилярову заниматься; Петра Ивановича Лонгинова—добряка и слабаго человѣка, они не слушались и не боялись. Отъ этого произошло, что я началъ и уроки учить и переводы переводить гораздо хуже прежняго.

Вихиревъ объяснялъ это одною моею лѣнью, взялся за свою плетку. Евсей и Павелъ начали надъ мною посмѣиваться и убѣждать перестать заниматься, говоря: «конечно, посѣчетъ нѣсколько разъ, да и отстанетъ; вотъ вѣдь мы теперь славно живемъ».

Не скажу, чтобы я вполнѣ съ ними согласился, но между тѣмъ слова ихъ дѣйствительно запали мнѣ въ голову и понравились; я даже какъ-то сказалъ; а что и въ самомъ дѣлѣ не попробовать ли?

Къ несчастію моему, въ слѣдующіе дней десять Вихиревъ, хотя и видѣлъ мою неисправность, но не высѣкъ меня.

Мои благопріятели еще сильнѣе стали убѣждать меня: «вѣдь вотъ видишь, уже отстаетъ».

Въ это время онъ узналъ, что я и въ классѣ началъ плохо отвѣчать.

Тогда Вихиревъ переговорилъ съ Лонгиновымъ обо мнѣ и, узнавши о совѣтахъ, которые давали его братцы, пришелъ къ нимъ на квартиру и всѣхъ насъ больно высѣкъ принесенною имъ плеткою.

Съ этого времени онъ сдѣлался чрезвычайно строгъ ко мнѣ. Въ то время maximum дозволенныхъ мнѣ ошибокъ состоялъ изъ четырехъ; если я ошибался въ переводѣ больше этого, или повторялъ замѣченныя мнѣ прежде ошибки, или плоховато зналъ урокъ, то непремѣнно меня онъ сѣкъ, хотя бы это повторялось къ ряду нѣсколько дней, такъ что свѣжіе удары часто падали на мѣста, на которыхъ были ясные слѣды вчерашняго сѣченья.

Не знаю—для чего, для того ли, чтобъ самому избѣгнуть упрека въ излишней строгости, или избавить меня отъ стыда, въ это время и послѣ Вихиревъ меня наказывалъ почти всегда на-единѣ.

Ему помогали въ этомъ случаѣ два обстоятельства. Какъ помощникъ старшаго, онъ могъ имѣть у себя въ рукахъ ключъ отъ своей комнаты и приходить въ нее не надолго во время класса одинъ.

Кромѣ того, ему, какъ отличному писцу, пользовавшемуся при-

Digitized by Google

томъ расположеніемъ обоихъ начальниковъ, они давали часто переписывать свои новыя проповѣди и разныя другія бумаги.

Чтобы ученики не знали содержанія переписываемыхъ сочиненій, Вихиреву позволялось сидѣть вечерами или въ философскомъ классѣ или въ теплой коммиссарской кладовой, гдѣ хранились казенныя вещи и жилъ самъ коммиссаръ.

Кладовая состояла изъ двухъ комнатъ съ толстыми дверями; изъ дальней комнаты при затворенныхъ дверяхъ ничего нельзя было слышать въ сосѣднемъ корридорѣ.

Въ этихъ-то трехъ мѣстахъ, преимущественно же въ кладовой, со мной Вихиревъ и расправлялся.

Къ нему я являлся утромъ до класса; онъ меня иногда прослушивалъ, но всегда оставлялъ у себя мой переводъ и прочитывалъ его часто безъ меня.

Если я оказывался виновнымъ, то онъ среди класса вызывалъ меня въ корридоръ и велъ въ свою комнату; я уже зналъ, что̀ это значитъ. Приходили. Двери затворялись и даже запирались; плетка или лоза были уже готовы; давался совѣтъ не громко кричать, иначе будетъ и стыднѣе и больнѣе; по окончаніи экзекуціи, онъ давалъ время просушить мнѣ глаза, и потомъ мы уходили.

Но большею частію мнѣ приказывалось по окончаніи послѣобѣденнаго класса или въ праздники, или въ четвергъ послѣ обѣда, приходить въ кладовую.

Коммиссара въ это время почти никогда не бывало въ комнатѣ; тутъ Вихиревъ разбиралъ со мною мой переводъ, или требовалъ отчета по классу и тоже, въ случаѣ неисправности, принимался за лозу. Ею или плеткою онъ рѣдко здѣсь запасался; поэтому, если коммиссаръ былъ дома, то онъ приносилъ лозу и кстати держалъ меня; а если его не было, то Вихиревъ запиралъ меня въ дальней комнатѣ, а самъ уходилъ за нужною вещью и возвратившись наказывалъ меня.

Если въ комнатѣ была свѣжая метла, то заставлялъ меня самого вырвать изъ нея потребное количество прутьевъ, связать ихъ и потомъ вручить ему лозу.

Тяжело было ждать, когда онъ уйдетъ за лозой или плеткою, прислушиваешься ко всякому глухому стуку въ корридорчикѣ; но

Digitized by Google

вотъ отворяется первая дверь, думаешь еще, не коммиссаръ ли это; но вотъ слышишь, что первую дверь заперли; ясный знакъ, что будутъ сѣчь; отперли вторую; Вихиревъ взошелъ съ лозою или плеткою въ рукѣ, беретъ молча меня за плечо или за голову, кладетъ на скамью или на полъ, поспѣшно раздѣваетъ, и нашъ братъ принимайся вертѣться и кричать.

Но не знаю, едва-ли не тяжелѣе было самому на себя приготовить лозу, смотришь, бывало, на каждый вынутый изъ метлы прутъ, думаешь вытащить похуже, а между тѣмъ попадается со многими вѣтвями, свяжешь какою-либо мочалкою; надобно бы идти уже, все готово, но постоишь, какъ-будто поправляя перевязку, но все-таки, наконецъ, иногда услышавъ слова: «что же ты тамъ зазѣвался?» подойдешь и подашь въ руки ту злодѣйку, которая черезъ минуту или ранѣе будетъ такъ безпощадно разрисовывать мое обнаженное тѣло.

Въ концѣ высшаго класса и въ реторикѣ, когда Вихиревъ зналъ уже, что я не убѣгу, хотя бы и ждалъ сильной порки, онъ посылалъ иногда самого меня принести изъ саду лозу березовую или ивовую, или изъ акаціи, притомъ иногда съ прибавкою: «да смотри получше, иначе больнѣе будетъ, да при всѣхъ еще высѣку».

Такимъ образомъ житье на квартирѣ для меня не очень было привлекательно. Одна только пища заставляла меня не сожалѣть о казенномъ, гдѣ уже пошла въ ходъ экономія Кроткова, тогда какъ мы на квартирѣ въ скоромные дни покупали сами свѣжую говядину въ достаточномъ количествѣ, или употребляли вмѣсто нея окорока ветчины, которыми запасся Лонгиновъ.

И какъ хозяйка ни обкрадывала насъ, наши щи были несравненно лучше казенныхъ; о кашѣ и хлѣбѣ нечего и говорить; даже въ постные дни наша пища была сносная. Но зато чуть не во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я долженъ былъ сожалѣть, что не живу въ семинаріи.

И потому, узнавши объ отмѣнѣ прежняго распоряженія, которое заставило меня перебраться на квартиру, я передъ Святками переговорилъ съ Вихиревымъ о своемъ желаніи перебраться на казенное и получилъ въ отвѣтъ: «я и самъ объ этомъ думалъ, поговори съ отцомъ».

Digitized by Google

Не знаю, почему батюшка отложилъ рѣшеніе этого дѣла до своего пріѣзда въ Рязань съ благочинническими отчетами въ концѣ января.

Пріѣхавши и осмотрѣвши квартиру, онъ самъ началъ торопить меня перебраться на казенное, такъ какъ она ему показалась гадкою.

И я перебрался; пища въ это время была уже не та, какою подчивали въ половинѣ сентября предъидущаго года. Но я все-таки доволенъ былъ своимъ переходомъ. Вихиревъ съ первыхъ дней увидѣлъ, что я сдѣлался гораздо исправнѣе, впрочемъ приписывалъ это тому, что я находился подъ постояннымъ его надзоромъ. Но рѣдко наказывалъ меня въ общей комнатѣ, а большею частью въ коммиссарской.

Бывало, разберемъ переводъ или разспроситъ о шалости и неисправности, потомъ тихонько скажетъ: «вотъ я минутъ черезъ десять или полчаса пойду въ коммиссарскую или въ философскій классъ, а ты потомъ тоже минутъ черезъ десять или полчаса приходи туда».

Иногда, особенно вечеромъ, прибавитъ: «принеси лозу, да получше».

И пойдешь и принесешь и, возвратившись, сядешь на свое мѣсто, какъ-будто ничего не бывало, хотя боль отъ прежней порки еще не прекратилась. Какъ бы въ награду за свое терпѣніе, я, во второй разъ перебравшись на казенное, удостоился быть дѣйствующимъ или страдающимъ лицомъ въ такой сценѣ, которую мнѣ послѣ нигдѣ не удавалось встрѣчать.

Извѣстно, что въ послѣдній день Масляницы было, а отчасти и теперь есть, обыкновеніе прощаться другъ съ другомъ или лучше просить другъ у друга прощеніе во взаимныхъ обидахъ.

Равные или, по крайней мѣрѣ, не очень рѣзко различающіеся между собою по политическому своему положенію кланяются при прощаньи другъ другу въ ноги, цѣлуются и потомъ опять кланяются, приговаривая: прости меня грѣшнаго.

Многіе прихожане въ деревняхъ и даже въ городахъ, приходя къ священнику, приносятъ калачи, пряники, приготовляемые для

Digitized by Google

этого случая, продолговатые постные пироги, которые въ Рязани до сихъ поръ еще продаются на базарѣ въ послѣдніе дни Масляницы.

Священникъ, прощаясь съ прихожанами, самъ развѣ предъ почетнѣйшими изъ нихъ сдѣлаетъ земной поклонъ; онъ, яко отецъ духовный, только принимаетъ поклоненія. Въ монастыряхъ настоятель по окончаніи вечерни въ воскресенье становился посреди церкви; братія подходитъ къ нему попарно; кланяется въ ноги, цѣлуетъ въ руку, цѣлуетъ и въ уста и опять кланяется.

Архіереи прощаются съ народомъ въ соборѣ или въ крестовой церкви, а почитатели ихъ и болѣе важное духовенство приходятъ къ нимъ въ домъ и тамъ совершаютъ передъ ними поклоненія; но ни они, ни настоятели монастырей, разумѣется, сами не падаютъ ницъ, а изъ вѣжливости инымъ говорятъ: «простите и меня грѣшнаго или многогрѣшнаго».

Наши Иліодоръ и Гедеонъ въ началѣ 1824 г. были оба монахи, но не имѣли подчиненныхъ имъ монаховъ, и потому нашли необходимымъ насладиться нашими поклоненіями.

Вскорѣ послѣ обѣда намъ было объявлено, что по окончаніи ужина съ нами будутъ прощаться наши начальники въ столовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ объясненъ и церемоніалъ, по которому должно было прощаться; онъ былъ монастырскій.

Такъ какъ опасались, чтобы мы, училищные, не отступили отъ него въ чемъ-нибудь, то старшіе сдѣлали намъ репетицію.

Пришедши въ столовую, мы уже нашли тамъ Иліодора и Гедеона, поужинали, пропѣли потомъ, не знаю уже почему, пасхальные стихи: Да воскреснетъ Богъ и пр., и началась церемонія.

Оба начальника встали въ рядъ на разстояніи аршина другъ отъ друга.

Мы попарно подходили сначала къ ректору, кланялись въ землю, подходили къ благословенію, цѣловались съ нимъ, потомъ цѣловали вновь руку и дѣлали земной поклонъ, но словъ: «прости меня грѣшнаго» ни поклоняющіеся, ни принимавшіе поклоны не произносили.

Покончивъ съ ректоромъ, переходили къ инспектору. Я и забылъ сказать, что Иліодоръ сначала сказалъ приличное назиданіе; такимъ же назиданіемъ покончилъ всю церемонію.

*

Digitized by Google

Для насъ, мальчишекъ, она ничего не значила; велика бѣда поклониться въ ноги! Мы даже гордились тѣмъ, что намъ удалось расцѣловаться съ начальниками.

Но семинаристы, особенно богословы и философы, остались очень недовольны церемоніею.

Впрочемъ, едва-ли это произошло отъ чего-то похожаго на благородную гордость; тутъ скрывалась другая причина.

Рѣдкому изъ нихъ въ этотъ день не хотѣлось не то, что проститься, а любезнѣе расцѣловаться съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Но когда объявлено было о церемоніалѣ прощанья въ столовой, то надобно было воздержаться, иначе при лобзаніяхъ послѣ поклоновъ или ректоръ или инспекторъ могли по запаху догадаться о томъ, кто расцѣловался съ рюмочкою или стаканчикомъ.

Многіе даже полагали, что и вся церемонія придумана была съ тою цѣлью, чтобы казенщина въ самый пьянственный день въ году повоздержалась отъ водки.

Догадливый народъ успѣлъ и послѣ прощанья сдѣлать то, чему хотѣло помѣшать начальство.

Впрочемъ, надобно сказать, что описанная мною здѣсь церемоніально-прощальная глупость послѣ уже не повторялась ни Иліодоромъ, ни Гедеономъ.

Два года, проведенные мною въ Рязани, имѣли весьма большое вліяніе на меня, на развитіе моихъ способностей, на научную сторону моего образованія. Не говоря уже о Вихиревѣ и Родосскомъ, отъ которыхъ мнѣ многимъ пришлось позаимствоваться, я, живя на казенномъ, бывалъ при разговорахъ богослововъ и философовъ, знакомился съ тѣмъ, о чемъ въ Касимовѣ и не слыхалъ бы.

Затѣмъ и сами мы сообщали другъ другу то, что слыхали отъ своихъ туторовъ, братьевъ, дядей и пр., тоже семинаристовъ, но богослововъ и философовъ: взаимная передача мыслей, которыя мы выслушивали, а иногда и подслушивали у нихъ, распространяли кругъ нашихъ свѣдѣній.

Кромѣ того, мы тоже успѣли запастись и гономъ. Правда, насъ сѣкали больно и часто; подъ лозою, на полу, прижатымъ къ полу, связаннымъ или привязаннымъ къ скамьѣ съ головою и ру-

Digitized by Google

ками, закрытыми въ рубахѣ, какъ въ мѣшкѣ, обнаженнымъ болѣе, нежели на половину тѣла, разукрашеннымъ лентами, узорами и блестками на заднихъ мягкихъ частяхъ отъ поясницы до колѣнъ — намъ было не до форсу, но все это не очень насъ унижало въ нашихъ глазахъ; вѣдь всѣхъ если не сѣкли, то могли высѣчь.

А между тѣмъ, видя форсовитость учениковъ семинаріи, слушая, что семинаристы — молодцы, умнѣе гимназистовъ, люди ученые, мы свысока тоже смотрѣли и на самихъ себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мои отношенія къ батюшкѣ и матушкѣ измѣнились къ лучшему.

Я уже говорилъ, что батюшка передъ переходомъ моимъ въ Рязанское училище очень былъ недоволенъ моими успѣхами, считалъ меня лѣнтяемъ и вслѣдствіе этого неласково и даже сурово обращался со мною; матушка любила меня, но часто напоминала, зачѣмъ я плохо учусь.

Житье мое въ Рязани помогло мнѣ уничтожить дурное о себѣ мнѣніе.

Батюшка узналъ отъ Вихирева и Родосскаго, что я имѣю хорошія способности и хоть полѣниваюсь при случаѣ, но все-таки принадлежу къ лучшимъ ученикамъ. Кромѣ того, батюшка, самъ очень хорошо знавшій латинскій языкъ, меня экзаменовалъ и видимо становился довольнѣе мною, тѣмъ болѣе, что я отчасти по начинавшейся проявляться любознательности, а иногда и изъ желанія угодить батюшкѣ и матушкѣ, читалъ находившіяся въ домашней нашей библіотекѣ книги. Такимъ образомъ ко мнѣ сдѣлались ласковы, отличали передъ сестрами, поручали иногда надзоръ за ними и за прислугою, меня всегда почти приглашали пить чай вмѣстѣ съ собою и сколько мнѣ угодно, тогда какъ прочимъ дѣтямъ, напившись сами, давали уже по чашкѣ.

Особенно же матушка, какъ говорится, души не слышала во мнѣ и находила множество случаевъ выразить свое расположеніе ко мнѣ то ласкою, то тѣмъ или другимъ лакомствомъ и пр.

Но, къ удивленію, а вмѣстѣ и къ неудовольствію моему, батюшка и матушка были ко мнѣ и ласковы и привѣтливы только въ тѣхъ случаяхъ, когда я былъ исправенъ.

Напротивъ, въ случаѣ моихъ шалостей и дурачествъ, дѣлались

Digitized by Google

гораздо строже прежняго. Пока я $3^1/_2$ года учился въ Касимовѣ, они меня не наказывали розгами; теперь же почти ни одного домоваго отпуска не проходило безъ того, чтобы меня и дома не посѣкли, а иногда, особенно въ лѣтнія каникулы, и не по одному разу, иногда даже и въ день или за день до самаго отъѣзда въ Рязань.

Дѣло едва-ли не состояло въ томъ, что имъ передалъ Вихиревъ свой, кажется, и справедливый взглядъ на мою особу, объяснивъ, что я всѣмъ хорошъ, только мнѣ не надобно давать зашаливаться, что я, замѣчая снисходительность къ себѣ и надѣясь на ненаказанность, расположенъ къ проказничеству; напротивъ, скорыя и сильныя энергическія мѣры держать меня въ стрункѣ.

По крайней мѣрѣ и дома со мной стали дѣйствовать по той же системѣ, которой держался Вихиревъ. Конечно, тутъ не бывало жестокихъ наказаній, но никогда лозу не брали въ руки, чтобы только почесать, пощекотать меня; нѣтъ, удары всегда были чувствительны; ими не шутили; когда ложился я на полъ и чувствовалъ, что меня обнажаютъ, я зналъ, что мнѣ будетъ больно, и вставалъ всегда съ заплаканными глазами. Потомъ черезъ полчаса и ранѣе дѣлались ко мнѣ также ласковы и привѣтливы, какъ и прежде.

Мнѣ хотѣли прямо показать, что меня любятъ, любятъ очень, но потачки не дадутъ въ моихъ шалостяхъ и строго за нихъ взыщутъ.

Этой системы держались, какъ увидимъ, и тогда, когда я былъ въ семинаріи.

Наконецъ приблизилось то время, когда мы, проучившись два года въ высшемъ отдѣленіи Рязанскаго училища, должны были держать экзаменъ, чтобы поступить въ низшее отдѣленіе семинаріи, въ реторику. Экзаменъ этотъ происходилъ двоякимъ образомъ:

1) ученикамъ училища приказывалось являться въ семинарское правленіе, въ которомъ ихъ экзаменовали одни его члены, а прочіе наставники семинаріи считались недостойными такой чести.

Этотъ способъ очень нравился отцамъ-смотрителямъ, потому что отъ ихъ воли зависѣло дозволить тому или другому ученику ѣхать въ Рязань, чтобы явиться на экзаменъ.

Развѣ только немногіе изъ нихъ, честные чудаки, пропускали этотъ случай, не набивая своего кармана пѣнязями.

Digitized by Google

Смотрителя же, которые желали еще казаться честными, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безсовѣстными взяточниками, продавали свое дозволеніе явиться на экзаменъ только посредственнымъ и слабымъ ученикамъ; перворазрядные же и лучшіе изъ второразрядныхъ отправлялись, не платя никакой пошлины; кажется, этой методы держался высокопочтеннѣйшій архіерей касимовскій.

Но настоящіе взяточники, положившіе себѣ за правило безъ взятки не дѣлать никакого, даже вполнѣ справедливаго, дѣла и потому дожидавшіеся перехода учениковъ въ реторику, какъ лучшаго сѣнокоса, развѣ только лучшимъ изъ нихъ позволяли безданно-безпошлинно перешагнуть этотъ Рубиконъ; а за прочихъ отцы расплачивались своимъ карманомъ.

Образчикомъ подобныхъ взяточниковъ можетъ служить преемникъ Поликарпа и Краснова, смотритель Касимовскаго училища, протоіерей Лазарь В . . .

Этотъ святой отецъ любилъ показать въ описываемомъ мною случаѣ своего рода взяточническое безпристрастіе и снисходительность, налагая пошлину на каждаго ученика сообразно мѣсту, занимаемому отцомъ; высшая такса налагалась на священническаго сына, средняя — на дьяконскаго и низшая — на причетническаго; притомъ въ каждомъ разрядѣ были свои maximum и minimum, потому что доходы, получаемые духовными лицами, были не во всѣхъ селахъ одинаковы.

Мой дядя, дьяконъ Василій Саввичъ Молчановъ, долженъ былъ дать 30 руб., когда его сыну Матвѣю въ 1856 году нужно было поступить въ реторику; далъ, а сына правленіе семинаріи не приняло, отецъ же смотритель денегъ не возвратилъ; вѣдь онъ не ручался за переводъ и давалъ только право держать экзаменъ, такъ за что же разставаться съ 30 рублями?

Потомъ въ іюнѣ онъ своимъ высшеклассным дозволялъ отправиться домой, чтобы выяснить ихъ отцамъ необходимость представить смотрителю предварительную благодарность за дозволеніе сыну отправиться въ Рязань.

2) Другой способъ перевода учениковъ въ семинарію состоялъ въ томъ, что въ училище посылался правленіемъ семинаріи ревизоръ, которыми преимущественно бывали ректоръ или инспекторъ,

Digitized by Google

но иногда кто-либо изъ наставниковъ семинаріи и который по своему усмотрѣнію переводилъ учениковъ въ семинарію.

Мѣсто ревизора, какъ говорится, имѣло свою пріятность. Такъ какъ противъ его распоряженій относительно переводимыхъ, или оставляемыхъ учениковъ не могло быть никакихъ серьезныхъ ни протестацій, ни апелляцій, то онъ, аще совѣсть не зазритъ, могъ налагать на ревизуемое училище контрибуцію. Не говорю уже о томъ, что ревизоры жили въ домѣ и на счетъ смотрителя, угощенены были и съѣдомымъ и піемымъ до самаго нельзя, катались, по пословицѣ, какъ сыръ въ маслѣ, развѣ немногіе изъ нихъ не привозили съ собою домой гораздо болѣе денегъ, нежели сколько ихъ брали при своемъ отъѣздѣ.

Одни, не желая имѣть дѣло съ мальчонками или ихъ отцами, знали одного отца-смотрителя, который и дѣлалъ посильное приношеніе при прощаньи съ своимъ милостивцемъ.

Другіе, довольствуясь угощеніемъ училищнаго начальства, не спускали зато мальчонкамъ, которыхъ нужно было переводить изъ класса въ классъ, особенно въ реторику.

Третьи наконецъ соединяли ту и другую методы.

О взяточничествѣ, которымъ пятнали себя начальники семинаріи при переводѣ учениковъ въ реторику, я имѣю много свѣдѣній; укажу на нѣсколько примѣровъ.

Когда моего дядю Василія Мартыновича слѣдовало бы перевесть въ реторику, а онъ между тѣмъ былъ очень плохихъ успѣховъ, то дѣдушка послалъ батюшку въ Рязань, чтобы какъ-нибудь помочь бѣдѣ.

Батюшка по возвращеніи успокоилъ дѣдушку и сказалъ, что дѣло сдѣлано.

Сколько денегъ и кому дано не знаю, но хорошо помню, какъ батюшка говорилъ о большомъ зажигательномъ стеклѣ, подаренномъ тогдашнему инспектору семинаріи С . . . . у

Пришелъ я, разсказывалъ онъ, къ С . . . . у къ вечеру, солнце уже близко было къ закату, и просилъ принять стекло.

С. взялъ и сказалъ: а вотъ мы его и попробуемъ, и, наложивши табаку въ трубку, хотѣлъ отворить окно, чтобы закурить ее.

Digitized by Google

Но батюшка совѣтовалъ не безпокоиться и закуривать прямо сквозь стекло. И когда опытъ вполнѣ удался, то С. очень былъ доволенъ и благодаренъ, приговаривая: «вотъ такъ стекло! ну, благодарю, благодарю». Потомъ, живя на казенномъ вмѣстѣ съ учениками реторики, я слыхалъ о томъ, какъ Полотебновъ, ревизуя въ 1822 г. училища, только однихъ сиротъ переводилъ въ семинарію безъ всякой мзды, а прочіе, хотя бы они были и лучшими учениками, должны были купить свой переводъ; спуску не было никому.

Наконецъ нельзя не заподозрить въ небезкорыстномъ снисхожденіи, которое выказывалъ Гедеонъ къ нѣкоторымъ изъ переводимыхъ учениковъ въ реторику. Между нашими товарищами были два молодца: Истинскій и Катагощинъ; первый рѣшительно ничѣмъ не занимался и былъ только лучшимъ кулачнымъ бойцомъ, а второй отличался полною бездарностью и, занимаясь, ни въ чемъ бы не могъ успѣть. О томъ, что они перейдутъ въ реторику, никто изъ насъ и не думалъ.

Истинскій былъ даже послѣднимъ въ классѣ и на экзаменѣ почти ничего не отвѣчалъ. Но, возвратившись послѣ каникулъ, мы удивились, что тотъ и другой переведены въ реторику; отцы ихъ, люди богатые, умѣли умилостивить Гедеона, разумѣется, не одними словами. Оба эти молодца и въ реторикѣ ничего не дѣлали, но опять оба были переведены въ философію; тутъ уже слѣдовало дать взятку не одному Гедеону, но и Иліодору.

Отецъ Катагощина, кажется, любилъ отплачиваться за разъ передъ самымъ переводомъ изъ класса въ классъ, но отецъ Истинскаго поддерживалъ благоволеніе семинарскаго начальства къ себѣ въ теченіе всего курса.

Онъ, какъ намъ было извѣстно отъ сына, всякій разъ, бывши въ Рязани, что-либо привозилъ къ Иліодору и Гедеону.

Не жалѣйте, впрочемъ, г. читатель объ отцахъ-смотрителяхъ, которые такъ много должны были тратить денегъ и на угощеніе ревизоровъ, и на посильныя имъ напутствованія.

Ревизія обыкновенно назначалась большею частію года черезъ четыре, въ теченіе которыхъ сообразительный смотритель изъ эк-

Digitized by Google

стренныхъ доходовъ могъ составить порядочный запасецъ на экстренные расходы.

Уже въ шестидесятыхъ годахъ случилось событіе, подтверждающее мои слова.

Ревизіонные комитеты, составлявшіеся для образованія ежегодныхъ отчетовъ по экономической части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, имѣли право повѣрять наличныя денежныя суммы ихъ.

На этомъ основаніи смотритель Данковскаго духовнаго училища протоіерей Ѳедоръ Семеновичъ С . . . принесъ училищную сумму въ ревизіонный комитетъ.

При этомъ члены его, зная вполнѣ, что классы никогда не отапливаются, да и на жилыя ученическія комнаты дрова отпускаются не слишкомъ щедрою рукою, осмѣлились сказать отцу-смотрителю: «вотъ у васъ по отчетамъ показанъ расходъ дровъ на отопку печей въ классахъ и въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что первые вовсе не отопляются, да и во вторыхъ тепла бываетъ немного».

С., нисколько не конфузясь, отвѣчалъ: «да, это правда, да что же прикажете мнѣ дѣлать? Вотъ пріѣдетъ ревизоръ; откуда я возьму деньги на его угощеніе? и пр.»

Нѣкоторые же ректоры семинаріи иначе давали возможность смотрителямъ покрывать расходъ при ревизіяхъ. Вотъ вамъ образчикъ въ этомъ родѣ.

Послѣ того, какъ съ начала пятидесятыхъ годовъ введены были такъ называемые нормальные штаты по духовнымъ училищамъ и семинаріямъ, правленіе семинаріи или лучше ректоръ напередъ разсчитывалъ, по скольку учениковъ можно будетъ перевести изъ каждаго училища въ семинарію.

Въ 1854 году тогдашній ректоръ Рязанской семинаріи, архимандритъ Антоній, экзаменуя учениковъ высшаго отдѣленія одного изъ рязанскихъ духовныхъ училищъ въ томъ порядкѣ, какъ они записаны были въ составленномъ смотрителемъ спискѣ, и увидавши, что предварительно назначенное имъ число учениковъ для реторики уже набралось, сказалъ: «ну, довольно, больше экзаменовать не буду, потому что уже набралось столько, сколько можно перевести; прочіе пусть остаются въ томъ же классѣ».

Digitized by Google

Услыхавши этотъ приговоръ, три или четыре изъ неспрошенныхъ еще учениковъ вышли къ столу, за которымъ сидѣло его высокопреподобіе, и осмѣлились просить его поэкзаменовать и ихъ, прибавляя: «мы во всѣ два года сидѣли и въ послѣднихъ спискахъ у учителей стояли выше такихъ-то и такихъ-то учениковъ, которыхъ вы переводите въ реторику, на экзаменахъ отвѣчали тоже лучше ихъ, но смотритель, не знаемъ почему-то, насъ записалъ ниже; поэкзаменуйте насъ пожалуйста; вы сами увидите, что говоримъ правду».

Одинъ учитель успѣлъ даже подтвердить слова учениковъ, другой было тоже началъ свою защитительную рѣчь, но отецъ ректоръ съ негодованіемъ закричалъ: «что это такое? Какъ смѣете жаловаться на своего начальника? Вы вздумали учить его? Вотъ я васъ!»

Затѣмъ порядочный нагоняй и учителямъ за то, что осмѣлились поддерживать притязанія бунтовщиковъ. А потомъ, обратясь къ смотрителю, сказалъ: «Вы, Иванъ Петровичъ, плохо за ними смотрите, очень къ нимъ снисходительны; видите, до какой дерзости они дошли? Прикажите-ка сейчасъ принести розогъ, я имъ покажу, что̀ значитъ бунтовать противъ начальства!» Розги скоро явились; бунтовщики примѣрно были высѣчены.

Потомъ ректоръ, обратившись къ ученикамъ, съ улыбкою спросилъ: «ну, не хочетъ ли еще кто поэкзаменоваться; пусть выходитъ».

Разумѣется, охотниковъ не нашлось. Но зато смотрителя очень хорошо поняли, что имъ до прибытія еще ревизоровъ можно поживиться отъ учениковъ, которые пожелаютъ быть первыми записанными.

Какъ тутъ къ отцамъ ректорамъ и инспекторамъ не приложить пословицы: рука руку моетъ? Только конецъ ея надо немножко измѣнить, потому что объ данномъ случаѣ бываютъ не очень чисты.

Обращаюсь теперь къ нашему переводу въ реторику. Къ намъ примѣнили второй его способъ и назначили ревизоромъ Гедеона. Надобно сказать, что мы очень побаивались экзамена и имѣли причины на это. Жестокія наказанія Василія Петровича, на которыя онъ щедръ былъ во второй годъ нашей высшеклассной жизни, не дѣлали насъ свѣдущими въ преподаваемыхъ имъ предметахъ.

Digitized by Google

Да и удивляться тутъ нечему. Вѣдь онъ насъ не училъ, а игралъ съ нами, такъ сказать, въ ученье, мы читали у него уроки съ толкомъ по учебнику, часто списывали переводы съ греческой библіи.

Притомъ ни за уроки, ни за переводы насъ не наказывалъ даже стояньемъ на колѣняхъ; всѣ экзекуціи назначались за какія-либо шалости. И мы по-прежнему въ классѣ не занимались ни греческимъ языкомъ, ни ариѳметикою, ни священною исторію, ни катехизисомъ; по этимъ предметамъ не только отличаться, но и отвѣчать удовлетворительно не было надежды.

Съ другой стороны, конечно, Родосскій и самъ хорошо зналъ свои предметы и училъ насъ прилежно и настойчиво, и вдобавокъ неумолимо взыскивалъ съ насъ за учебныя неисправности, и потому мы дѣйствительно оказали очень удовлетворительные успѣхи какъ въ латинскомъ, такъ и въ географіи.

Но тутъ грозила намъ другая бѣда. Иліодоръ не поладилъ съ Гесевскимъ и вслѣдствіе того не взлюбилъ Родосскаго, какъ зятя его.

Семинаристы намъ передавали, что ректоръ рѣшился Родосскаго выжить изъ училища, и съ этою цѣлью Гедеонъ похлопочетъ о томъ, чтобы насъ конфузить или, какъ мы говорили, сбивать на экзаменѣ.

Какъ же намъ послѣ этого было не трусить?

И, дѣйствительно, пришедши къ намъ въ первый день на экзаменъ, Гедеонъ показался очень строгимъ, даже суровымъ.

Экзаменъ начался съ латинской грамматики. Заставляли сначала прочитать какое-либо правило, а потомъ ревизоръ давалъ устныя локуціи.

Отвѣты оказывались большею частью удовлетворительными. Кажется, въ третій день онъ принесъ сочиненія Лактанція и заставлялъ насъ переводить изъ нихъ статьи, по нашему выраженію, безъ приготовки. Уже и во второй день мы замѣтили, что Гедеонъ сталъ помягче и поласковѣе, нежели какимъ былъ въ первый разъ.

Въ третій же день, когда восемь человѣкъ переводили Лактанція, почти вовсе не встрѣчая неизвѣстныхъ словъ, переводили

Digitized by Google

скоро и правильно, Гедеонъ, съ улыбкою обратившись къ Родосскому, сказалъ: «у васъ, Степанъ Егоровичъ, по-латыни знаютъ хорошо, право хорошо, благодарю васъ».

Съ тѣхъ поръ экзамены наши пошли уже, какъ говорится, шатя-валя.

Ревизоръ, довольный отвѣтами по латинскому языку, который тогда считался главнѣйшимъ предметомъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, смотрѣлъ уже сквозь пальцы на отвѣты наши по прочимъ предметамъ, и 60 человѣкъ изъ насъ перешло въ семинарію и разстались съ Родосскимъ и Василіемъ Петровичемъ.

Хотя первый до самаго послѣдняго дня держалъ насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, мы все-таки любили его, чувствуя пользу, которую отъ него получили, можетъ быть, и не безъ боли; переводный же экзаменъ еще болѣе поднялъ его въ глазахъ нашихъ; мы видѣли, что его предметы насъ выручили и открыли намъ дорогу въ семинарію.

И потому, будучи уже въ реторикѣ, мы всегда при встрѣчѣ съ нимъ ему кланялись, тогда какъ Василію Петровичу почти никогда этого не дѣлали; а иногда, проходя мимо его и какъ-бы продолжая свой разговоръ, произносили вслухъ слово: козелъ.

Даже и теперь, не одобряя жестокаго и суроваго обращенія Родосскаго съ нами, я считаю себя обязаннымъ ему относительно своего умственнаго развитія, особенно относительно свѣдѣній изъ географіи, и потому нерѣдко хожу къ своему старому учителю (1870 г.). Старику это очень пріятно.

Не только я, но и всѣ мои товарищи, которыхъ перевели въ реторику, были въ восторгѣ отъ этого своего повышенія.

Во-первыхъ, насъ восхищало, что мы теперь уже семинаристы, ученики семинаріи, а не бурсаки, не уличные мальчишки. Потомъ, разумѣется, надѣялись, что сѣчь розгами насъ уже не будутъ.

Правда, мы знали, что реторовъ, а иногда будто-бы философовъ, секретно Іеронимъ и даже Полотебновъ сѣкли, да еще какъ? въ правленіи.

Про Иліодора и Гедеона тоже поговаривали, но реторы, не желая себя унижать, отвергали эти слухи или говорили, что вѣдь

Digitized by Google

это дѣлается за важныя вины и притомъ предлагаютъ быть исключеннымъ или высѣченнымъ.

Но уже мы знали навѣрное, что профессора въ классѣ не сѣкутъ за уроки.

Тѣ, у кого, какъ у меня, были туторы или братъ въ богословіи, могли менѣе быть увѣренными въ своей безнаказанности, потому что намъ уже извѣстно было, что туторы-богословы сѣкутъ реторовъ на обѣ, какъ у насъ выражались, корки или на славу; многіе наши товарищи сами бывали тому свидѣтелями, а иногда держали или сѣкали реторовъ.

На послабленіе со стороны Вихирева я всего менѣе могъ разсчитывать; но чего сильно желаешь, на то и надѣешься; и я думалъ, что мой туторъ не станетъ меня въ коммиссарской по-прежнему знакомить съ плеткою или лозою.

Къ этому были и поводы. Въ послѣднюю треть въ высшемъ отдѣленіи онъ меня почти вовсе не сѣкъ, а съ другой стороны, будучи доволенъ моими успѣхами, еще болѣе прежняго полюбилъ меня.

На счетъ домашняго житья я еще былъ болѣе увѣренъ.

Въ высшемъ классѣ и батюшка и матушка говаривали при наказаніяхъ за шалости, что пора мнѣ перестать шалить, что я вотъ скоро поступлю въ реторику, что тамъ уже стыдно быть сѣченнымъ, а иногда даже выражались: «что жъ, развѣ тебя и тамъ надобно будетъ сѣчь?» и пр.

Я и выводилъ заключеніе, что въ Тумѣ съ меня, растянувшагося на полу спиною вверхъ, не станутъ снимать подштанниковъ. Неудивительно, что при этихъ мысляхъ я шелъ домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Со мною были два письма отъ Родосскаго и Вихирева. Поздоровавшись со всѣми домашними, я вручилъ батюшкѣ оба письма и слѣдилъ за чтеніемъ ихъ. Батюшка, прочитавши письмо Вихирева, не утерпѣлъ, подозвалъ меня къ себѣ и поцѣловалъ, то же сдѣлалъ и по прочтеніи письма Родосскаго, и тотчасъ велѣлъ поставить самоваръ, чтобы поздравить, какъ говорилъ, новаго ретора.

Ему понравилось также, что я принесъ съ собою книжку съ 12-ю рѣчами Цицерона, переводомъ которыхъ я и занимался въ

Digitized by Google

свободное отъ работъ время. Разговаривая со мною, батюшка и матушка совѣтовали мнѣ или лучше выражали надежду, что теперь мнѣ остается не дѣлать только шалостей: «теперь сѣчь тебя уже не годится, по крайней мѣрѣ, тебѣ уже очень будетъ стыдно».

Чтобы, такъ сказать, отличить меня отъ другихъ дѣтей, мнѣ съ этихъ поръ на лѣтнія каникулы отдавали для житья отдѣльную нашу горницу, называвшуюся хоромами, гдѣ было четыре комнаты: прихожая, зала, спальная и кладовая.

Послѣдняя была всегда заперта, но первыя три были въ полномъ моемъ распоряженіи. Въ залѣ стоялъ шкафъ съ книгами.

Я былъ очень доволенъ, но скоро надѣлалъ глупостей отъ своей шаловливой, драчливой, неугомонной натуры.

Слѣдующій воскресный день былъ очень ненастенъ, и мнѣ хотѣлось поиграть; я предложилъ своимъ сестрамъ, а также Татьянѣ и Натальѣ отправиться въ дворническую пустую избу играть въ жмурки, но вмѣстѣ пригласить туда ихъ подругъ; насъ набралось человѣкъ до 15-ти.

Батюшка и матушка отдыхали послѣ обѣда; поэтому намъ былъ полный просторъ стучать и шумѣть. Матушка, вставши и не видя насъ никого, вышла на дворъ и, услышавши шумъ, пришла къ намъ и застала игру въ разгарѣ.

Я, впрочемъ, уставши уже довольно, не игралъ, а сидѣлъ на казенкѣ. Намъ всегда запрещалось зазывать къ себѣ гостей, а тутъ еще прибавился шумъ и гамъ, поэтому сборище наше не понравилось. Я, впрочемъ, оправдался тѣмъ, что я, тоже услыхавши шумъ, пришелъ недавно въ избу, не игралъ, а сѣлъ посмотрѣть; ни сестры, ни Татьяна съ Наташей меня не выдали. Ихъ порядочно пожурили, постращали болѣе чувствительнымъ наказаніемъ, если подобная шалость повторится, а мнѣ замѣтили, что я, какъ поумнѣе ихъ, напрасно не разогналъ ихъ.—«Да они меня не послушали бы?» сказалъ я.

«Какъ же тебя онѣ смѣютъ не слушаться?» отвѣтили мнѣ, а имъ всѣмъ тутъ же съ угрозою прибавили, чтобы они слушались меня. Такимъ образомъ, дѣло, грозившее мнѣ непріятностью, возвысило мой авторитетъ.

Матушка своимъ приходомъ помѣшала приготовленному-было

Digitized by Google

мною сюрпризу для игравшихъ со мною. Въ Рязани я досталъ маленькую дѣтскую пушку и пороху и обѣщался по окончаніи жмурокъ показать, какъ стрѣляютъ изъ пушки и какъ дѣлаются разныя другія штуки посредствомъ пороха; особенно я много наговорилъ о томъ, какъ хорошо смотрѣть и слушать, когда, насыпавъ дорожку изъ пороху нѣсколько влажному, разложить по ней пустые орѣхи,—такъ называемые свищи.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

STABAT MATER

А. Н. Сѣрова.

(Сочиненіе его; переводъ текста и объясненія къ нему композитора).

Біографія и критическій разборъ дѣятельности Александра Николаевича Сѣрова представляютъ изъ себя два изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ русскаго музыкальнаго искусства, рѣшеніе которыхъ покуда всецѣло принадлежитъ болѣе или менѣе близкой будущности. Общее, окончательное мнѣніе объ этомъ художникѣ еще не установилось. Но разрѣшеніе этихъ вопросовъ не безъ труда дается ихъ будущему изслѣдователю. Помимо біографическихъ матеріаловъ, собраніе которыхъ далеко еще не полно (особенно, что касается дѣтства и супружеской жизни Сѣрова), произведенія его, за исключеніемъ трехъ оперъ, доставившихъ славу композитору, мало кому извѣстны, такъ какъ они и въ печати-то даже не появлялись. (Давно пора подумать кому слѣдуетъ, вкупѣ съ издателями, выбросивъ ненужный модный хламъ, оказать большую услугу родному искусству изданіемъ всѣхъ произведеній выдающихся русскихъ художниковъ. У насъ, напр., «Полнаго собранія сочиненій» и Глинки-то даже не существуетъ). А между тѣмъ, какимъ образомъ изучить всесторонне личность и дѣятельность композитора, какъ не прослѣдивъ постепенно тотъ путь, по которому шелъ его творческій талантъ. У Сѣрова же, помимо обширной корреспонденціи, значительная часть которой уже напечатана въ «Русской Старинѣ» [1]), существуетъ много музыкальныхъ произведеній, имѣющихъ интересъ для общей характеристики его дѣятельности и которыя до сихъ поръ не изданы. Къ таковымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и «Stabat Mater», большое (въ 3-хъ частяхъ) сочиненіе для трехъ женскихъ

---

[1]) «Русск. Стар.» 1875 г. №№ 8, 10, 11; 1876 г. №№ 1, 2, 4, 5, 12; 1877 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11; 1878 г. № 1; 1893 г. № 3.

Digitized by Google

голосовъ съ хоромъ и оркестромъ. Это произведеніе въ «Библіографическомъ Указателѣ» А. Е. Молчанова (1888 г., вып. I) значится подъ № 38, въ рубрикѣ лит. Б. (Произведенія ненапечатанныя — оригинальныя). Составитель Указателя сообщаетъ въ примѣчаніи, что партитура (вѣрнѣе копія съ нея) этого произведенія находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Самое же произведеніе это неизвѣстно какъ для публики, такъ и для музыкантовъ, почему я и счелъ долгомъ сообщить о немъ тѣ свѣдѣнія (о мотивахъ его сочиненія), которыя мнѣ удалось узнать отъ вдовы покойнаго композитора, а также напечатать подлинную рукопись А. Н. Сѣрова, заключающую въ себѣ его собственноручные переводъ текста и примѣчанія къ нему.

I.

Въ концѣ 60-тыхъ годовъ Сѣровъ совершенно было отдался своей послѣдней оперѣ — «Вражьей Силѣ», но разладъ съ драматургомъ, покойнымъ А. Н. Островскимъ, съ которымъ онъ не сходился въ измѣненіи плана финала драмы, затянулъ дѣло на цѣлыхъ два года; да Сѣровъ и умеръ, не дописавъ своей новой оперы. Вполнѣ были написаны лишь первыя три дѣйствія, а тутъ понадобился либреттистъ, который могъ бы закончить оперу такъ, какъ того хотѣлъ композиторъ. Чтобы наполнить это время, время горячее, неустанныхъ хлопотъ, Сѣровъ принялся собирать матеріалы для предполагавшагося имъ «Учебника по исторіи музыки», такъ что время свое онъ дѣлилъ между театромъ, концертной залой и Публичной библіотекой. Но такой натурѣ, какъ сѣровская, трудъ—чисто кабинетный представлялъ мало утѣшенія, напротивъ, эта натура требовала новыхъ увлеченій, которыя во всю жизнь этого даровитаго художника не переставали возникать. Опера была оставлена, на смѣну ей явилось восхищеніе, доходившее до поклоненія,—Аделиной Патти, въ то время (1868—69 гг.) привлекавшей своимъ дивнымъ голосомъ весь Петербургъ (Между прочимъ, въ извѣстномъ современномъ юмористическомъ разсказѣ М. П. Мусоргскаго «Раекъ» осмѣянъ другой музыкальный, чрезмѣрно усердный поклонникъ Патти—Ѳивъ—Ѳеофилъ Толстой (Ростиславъ). Въ свою очередь Патти также не могла не заинтересоваться однимъ изъ наиболѣе выдающихся музыкантовъ-критиковъ Петербурга, и такимъ образомъ А. Н. нашелъ хотя нѣкоторое замѣщеніе существовавшему пробѣлу въ его дѣятельности того времени. Новое движеніе—въ міръ итальянскихъ,

Digitized by Google

легкихъ, но сладкихъ мелодій. Является мысль написать оперу на сюжетъ романа G. Sande—«Consuello», въ которомъ особенно манила Сѣрова прекрасная ситуація—въ церкви, сцена съ Порпорой. Въ оперѣ главная партія, конечно, предназначалась Аделинѣ Патти. Но мысль эта осталась лишь въ черновыхъ наброскахъ, которые самъ композиторъ впослѣдствіи и уничтожилъ. Однако, самая идея не пропала безъ слѣда; зародилась новая мысль—сочинить церковную арію «Ave Maria», которая въ самомъ непродолжительномъ времени была написана и посвящена знаменитой пѣвицѣ и ею была исполнена въ концертѣ. Арія эта—одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній Сѣрова, тѣмъ болѣе, что она и написана-то была «на скорую руку», но она интересна въ томъ отношеніи, что является связующимъ звеномъ съ послѣдующимъ за нею «Stabat Mater». Здѣсь любопытенъ тотъ фактъ, что если не считать «Stabat Mater» А. Ѳ. Львова, Сѣровъ является первымъ музыкантомъ русскимъ, затронувшимъ область католической духовной музыки. Несмотря на укоренившееся среди музыкантовъ того времени мнѣніе, будто А. Н. человѣкъ невѣрующій,—это нужно положительно отрицать. Онъ глубоко вѣрилъ въ искусство, а это много значитъ. Люди, близкіе къ нему, утверждаютъ, что Сѣровъ не разлучался съ Распятіемъ. Изъ всего этого можно заключить, что «Stabat Mater»—явленіе нормальное въ его дѣятельности. По характеру своему, оно въ слабой степени напоминаетъ «Юдиѳь»; здѣсь интересно то обстоятельство, что въ «Stabat» Сѣровъ старается примѣнить систему средневѣковыхъ церковныхъ ладовъ. Это произведеніе было написано въ 1869 году.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ переводу текста «Stabat», композиторъ ясно выразилъ свой взглядъ на подобное произведеніе и высказалъ то, что онъ хотѣлъ этой музыкой описать. Здѣсь не мѣсто для критической оцѣнки его, почему я и продолжаю исторію этого произведенія.

Вскорѣ послѣ окончанія «Stabat» у великой княгини Елены Павловны, извѣстной покровительницы изящныхъ искусствъ, состоялась первая проба новаго произведенія автора «Юдиѳи»; причемъ въ числѣ исполнительницъ сольныхъ партій трехъ монахинь была даже дочь Віардо-Гарсіа. А. Н. остался этой пробой настолько доволенъ, что намѣревался исполнить «Stabat» въ концертѣ, въ теченіе зимняго сезона 1871 г., причемъ составъ исполнителей (солистокъ) предполагался слѣдующій: г-жи Е. А. Лавровская, Віардо-Гарсіа и Ю. Ф. Платонова († 1 ноября 1892 г.). Для этого концерта партіи проходились и устраивались репетиціи въ домѣ Сѣровыхъ, но смерть композитора—20 января 1871 г.—не дала осуществиться предпріятію.

Съ того времени партитура «Stabat» хранилась у вдовы покойнаго композитора, которая, во время путешествія своего за границу, пока-

Digitized by Google

зывала ее, между прочимъ, извѣстному современному нѣмецкому дирижеру Леви (Hermann Levi), но послѣдній не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Однако, скоро подлинной партитуры не стало—она сгорѣла во время пожара лѣтомъ 1886 г. въ деревнѣ, гдѣ проживала В. С. Сѣрова. Неизвѣстно, какимъ образомъ сохранилась копія партитуры (по всей вѣроятности А. Н. при жизни своей, для вышеупомянутаго концерта далъ списать копію съ «Stabat Mater»), которая теперь и принадлежитъ библіотекѣ С.-Петербургской консерваторіи. Но только врядъ-ли тамъ извѣстна подлинная программа къ этому произведенію, которая, къ счастью, сохранилась у пріятеля Сѣрова—М. Е. Славинскаго; послѣдній же эту программу, вмѣстѣ съ копіей клавираусцуга (копія переписана весьма небрежно и съ массою ошибокъ; даже пропущенъ первый тактъ!), переслалъ ихъ вдовѣ композитора.

Когда въ 1888 г. исполнилось 25-лѣтіе со дня первой постановки «Юдиѳи»,—В. С. Сѣрова, въ память этого юбилея, намѣревалась устроить концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія, въ которомъ, на видномъ мѣстѣ программы, фигурировалъ бы «Stabat Mater», но и этому предположенію не удалось осуществиться. Такимъ образомъ одно изъ послѣднихъ, сравнительно «большихъ», произведеній Сѣрова остается и до сей поры и неизданнымъ, и неисполненнымъ.

Н. Финдейзенъ.

II.

«Stabat Mater» [1]).

Авторъ представляетъ себѣ монахинь изъ среднихъ вѣковъ (напр. въ XV стол.) въ какомъ-нибудь готическомъ соборѣ, полутемномъ, освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ, сквозь цвѣтныя стекла—созерцая картину (или изваяніе) Божіей Матери у подножія Распятаго. Монахини погрузились въ благочестивое размышленіе и поютъ:

I.

(Поэзія эта сложена чуть ли не въ IX вѣкѣ монахами).

Подстрочный переводъ [2]).

Стояла Матерь Скорбящая
Возлѣ Креста, вся въ слезахъ—

---

[1]) Подлинная рукопись А. Н. Сѣрова.

[2]) На лѣвой половинѣ подлинника выписанъ (цѣликомъ) латинскій текстъ молитвы, здѣсь, въ виду его общеизвѣстности, не приводимый. Н. Ф.

Digitized by Google

Пока висѣлъ на крестѣ Сынъ.
Душу скорбной, душу стенящую,
Горько болящую
Насквозь пронзилъ мечъ [1]).
О какъ печальна и огорченна
Была она, благословенная
Матерь Единороднаго!
Она скорбѣла и плакала
И дрожала при видѣ
Сына страданій избраннаго!
Есть ли человѣкъ, который бы не заплакалъ,
Христову Матерь видѣвъ,
Въ такой мѹкѣ!
За грѣхъ людей
Увидѣла (она) Іисуса въ страданіяхъ
И бичеванью преданнаго!
Видѣла своего возлюбленнаго Сына
Умирающимъ, безутѣшнымъ,
Пока въ мѹкахъ испустилъ духъ.

NB. Вся первая часть только элегическое соболѣзнованіе. Характеръ этой части исключительно плачевный; голосъ долженъ какъ будто надрываться отъ слезъ.

II.

Ты, Матерь, источникъ любви
Меня восчувствовать всю силу Твоей скорби
Заставь, чтобы я плакала съ Тобою!
Содѣлай, чтобы пламенно сердце мое
Въ любви ко Христу Богу!
Чтобы я Тебѣ угодила!
Святая Матерь, содѣлай,
Чтобы Распятаго язвы
Напечатлѣлись на моемъ сердцѣ крѣпко!
Твоего Сына изъязвленнаго,
Удостоившаго страдать за меня,
Мѹки со мною раздѣли!
Содѣлай, чтобы я плакала съ Тобою,
Чтобы соболѣзновала Распятому
Пока буду жить!
Возлѣ Креста стоять съ Тобою,
Волею присоединиться
Къ твоимъ скорбямъ—желаю!
Дѣва изъ дѣвъ Пречистая!
Не будь ко мнѣ сурова!

---

[1]) NB. Католики такъ и изображаютъ: „Mater Dolorosa“ съ сердцемъ, прободеннымъ семью мечами. А. С

Digitized by Google

Дай мнѣ съ Тобою плакать!
Дай мнѣ нести Христову смерть
Сдѣлай меня участникомъ Его мукъ
Передай мнѣ Его раны!
Дай мнѣ насладиться этими язвами,
Дай мнѣ упиться этимъ распинаніемъ
Изъ любви къ Сыну Твоему!

NB. Эта II-ая часть есть уже прямое обращеніе къ лицу Божіей Матери. Молитва къ Ней, проникнутая просвѣтленнымъ мистическимъ чувствомъ, какъ бы близкаго присутствія самой Царицы Небесной (вѣчно-юной богини, по католическимъ понятіямъ [1]), полна болѣе и болѣе разгорающимся жгучимъ аскетизмомъ. (У католиковъ есть легенды о нѣкоторыхъ Святыхъ, которые во время жаркой молитвы передъ крестомъ получали на рукахъ и ногахъ раны, какія были у Христа отъ гвоздей).

III.

Съ сердцемъ воспламененнымъ,
Да буду я—Дѣва—Тобою защищена;
Въ день Суда
Крестъ да защититъ меня;
Христова смерть да
Пріобщитъ меня къ прощенію и благодати—
Когда прахъ во прахѣ исчезнетъ
Пошли душѣ моей
Райскую славу!
Аминь!

Въ III-й части къ пѣнію 3-хъ монахинь (соло) присоединяется хоръ, оттого, что тутъ дѣло идетъ уже о такомъ чувствѣ, которое поголовно захватываетъ всѣхъ набожныхъ католиковъ: чувство смятенія и страха въ ожиданіи Послѣдняго Суда Христова надъ всѣми смертными. Идея заступничества Богородицы передъ Грознымъ Судьею въ день Страшный—главная мысль въ католическомъ культѣ Божіей Матери.

Согласно съ этимъ, въ III-й части «Stabat» авторъ сдѣлалъ господствующимъ настроеніемъ ужасъ, трепетъ, ожиданіе послѣдняго дня міра и чисто-католическую вѣру, что грѣшники, искупленные Христомъ,

---

[1]) Оттого цвѣтистый, какъ бы радужный, колоритъ II-й части (тонъ E-dur и соотвѣтствующая прозрачнѣйшая оркестровка). А. С.

Digitized by Google

только подъ покровомъ Божіей Матери могутъ войти въ Царство Небесное.

Адъ и рай—трубный гласъ Страшнаго Суда—тлѣніе во гробу и вѣчная жизнь въ райскомъ сіяніи—вотъ картины, подсказавшія тутъ музыку, въ сферѣ исключительно католическихъ понятій.

Сообщилъ **Н. Финдейзенъ**.

Digitized by Google

Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена.

Недавно минуло сто лѣтъ со дня рожденія академика Петра Ивановича Кеппена, столь много и успѣшно потрудившагося на поприщѣ археологіи, статистики и этнографіи Россіи. Считаемъ долгомъ вспомнить нѣсколькими словами о жизни и дѣятельности этого неутомимаго и безкорыстнаго труженика науки.

Петръ Ивановичъ родился 19-го февраля 1793 года въ Харьковѣ. Отецъ его, докторъ медицины, Іоганъ-Фридрихъ Кеппенъ (Кöрреп), уроженецъ бранденбургскаго городка Шведта-на-Одерѣ, былъ вызванъ въ Россію императрицею Екатериною II-ю, въ 1786 году, въ числѣ 30-ти врачей, и былъ назначенъ завѣдующимъ медицинскою частью въ Харьковской губерніи. По смерти его, послѣдовавшей въ маѣ 1808 года, вдова осталась съ 9-ю дѣтьми, изъ которыхъ старшему сыну, Петру, было лишь 15 лѣтъ. Но уже ранѣе того, въ виду весьма стѣсненныхъ обстоятельствъ семьи, Петръ Ивановичъ, на 14-мъ году, поступилъ въ мѣстную губернскую чертежную, гдѣ подъ руководствомъ землемѣровъ занимался межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ. Пріобрѣтенныя здѣсь познанія и техническая опытность не мало пригодились ему впослѣдствіи при его топографическихъ и картографическихъ работахъ. Одновременно онъ посѣщалъ приготовительный для студентовъ классъ въ открытомъ, въ январѣ 1805 года, Харьковскомъ университетѣ. Дослужившись перваго офицерскаго чина, Петръ Ивановичъ оставилъ чертежную и, въ 1810 году, поступилъ въ число студентовъ университета, по юридическому факультету, курсъ котораго онъ окончилъ уже въ 1814 году со степенью магистра правовѣдѣнія. Въ періодъ его пребыванія въ университетѣ палъ славный для Россіи 1812 годъ, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, содѣйствовало въ сильной степени къ развитію въ немъ того теплаго и благороднаго патріотизма, которымъ Петръ Ивановичъ отличался въ теченіе всей своей жизни.

Вслѣдъ за защищеніемъ своей (оставшейся ненапечатанною) маги-

Digitized by Google

стерской диссертаціи о вознагражденіи убытковъ, войною причиненныхъ («De reparatione damni per bellum illati»), Петръ Ивановичъ, въ томъ же 1814 году, переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ тотчасъ же поступилъ на государственную службу, по почтовому департаменту, въ которомъ мужъ его тетки, Н. М. Яновскій, былъ начальникомъ отдѣленія. Въ семьѣ этого послѣдняго, извѣстнаго сочинителя «Словотолкователя», онъ провелъ первые годы своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, и вынесенныя здѣсь впечатлѣнія, повидимому, поощрили его къ занятію лингвистикою и археологіею, изученію которыхъ онъ и предался, покинувъ правовѣдѣніе и философію. Въ томъ, что онъ охотно занимался этою послѣднею, убѣждаетъ составленная имъ въ 1815 году рукопись, озаглавленная «Міръ идеаловъ», въ которой особенно замѣтно вліяніе Мендельсона, Шеллинга, Окена и Шиллера. Другое семейство, его обласкавшее, принадлежало бывшему профессору политической экономіи въ Харьковѣ, Л. Г. Якобу, который былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для совѣщаній по дѣламъ министерства финансовъ [1]). Ему онъ былъ обязанъ знакомствомъ съ извѣстнымъ ученымъ Ѳедоромъ Павловичемъ Аделунгомъ, рѣдкое образованіе и гуманность котораго привлекали его въ сильной степени. Въ гостепріимномъ домѣ Аделунга Петръ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть многихъ выдающихся лицъ, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ. Въ этомъ же домѣ, въ лицѣ единственной дочери, Александры Ѳедоровны, онъ нашелъ себѣ и подругу жизни, женившись на ней въ 1830 году.

Благодаря близкимъ отношеніямъ къ означеннымъ тремъ домамъ, Петръ Ивановичъ успѣлъ познакомиться съ большинствомъ тогдашнихъ представителей науки и словесности; въ сообществѣ со многими изъ нихъ онъ участвовалъ въ учрежденіи вольнаго общества любителей россійской словесности, Высочайше утвержденнаго 1-го февраля 1816 г.; а въ слѣдующемъ году, при образованіи комитета по ученой части Императорскаго человѣколюбиваго общества, онъ поступилъ въ комитетъ членомъ-секретаремъ. Съ свойственною ему любовію къ работѣ, Петръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ разработкѣ уставовъ этихъ двухъ учрежденій, которыя, въ теченіе нѣкотораго времени, задавали тонъ въ обществѣ.

Въ 1818 году Петръ Ивановичъ составилъ извлеченіе на русскомъ языкѣ изъ сочиненія академика Лерберга «Untersuchungen zur Erläu-

---

[1]) Съ дочерью Якоба, Терезою, которая вышла замужъ за извѣстнаго путешественника и писателя Робинсона, въ Нью-Іоркѣ, Петръ Ивановичъ до послѣднихъ лѣтъ своихъ состоялъ въ перепискѣ. Она въ литературномъ свѣтѣ извѣстна подъ именемъ Тальфи (Talvj), какъ переводчица сербскихъ народныхъ пѣсенъ; псевдонимъ этотъ составленъ изъ начальныхъ буквъ ея имени: Therese Auguste Ludovica von Jakob.

Digitized by Google

terung der älteren Geschichte Russlands», подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой». Этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, изъявившаго желаніе видѣть автора. Способный молодой ученый понравился знаменитому меценату, который отрекомендовалъ Кеппена министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ въ то время и почтовый департаментъ. Такимъ образомъ, Петръ Ивановичъ лично познакомился съ своимъ главнымъ начальникомъ, при которомъ онъ вслѣдъ затѣмъ состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, будучи назначенъ вторымъ редакторомъ издаваемой при министерствѣ «Сѣверной Почты», перваго въ Россіи оффиціальнаго повременнаго изданія. Проникнутый желаніемъ, при исполненіи этого послѣдняго порученія, принести дѣйствительную пользу своему отечеству, Петръ Ивановичъ признавалъ необходимымъ ближе ознакомиться съ Россіею и съ этою цѣлію просилъ дозволенія съѣздить на кавказскія воды. Для приведенія въ исполненіе этого желанія, онъ, въ 1819 году, получилъ порученіе обревизовать почтовыя станціи по Бѣлорусскому тракту, до Крыма и Кавказа и обратно. При посѣщеніи южнаго берега Крыма, Петръ Ивановичъ не могъ надивиться прелестямъ тамошней природы, о которыхъ онъ съ восхищеніемъ упоминаетъ въ своемъ путевомъ дневникѣ. Уже тогда онъ мечталъ о томъ, какъ бы обзавестись тамъ маленькимъ хозяйствомъ и провести въ этомъ земномъ раю послѣдніе годы своей жизни,—что̀ дѣйствительно и сбылось. Спустя десять лѣтъ послѣ перваго посѣщенія Крыма, онъ пріобрѣлъ покупкою небольшой клочекъ земли, Карабагъ, по близости Алушты.

Во время пребыванія на кавказскихъ водахъ, Петръ Ивановичъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти министра Козодавлева. Лишившись въ немъ своего покровителя и не будучи въ состояніи мириться съ тѣмъ духомъ мистицизма, который наступилъ въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, Петръ Ивановичъ рѣшился оставить службу; а потому онъ былъ душевно радъ, когда молодой любознательный человѣкъ, А. С. Березинъ, пригласилъ его сопутствовать ему въ путешествіи за границу.

Въ январѣ 1822 г., Петръ Ивановичъ, черезъ Кіевъ и Галицію, отправился въ Вѣну. Здѣсь онъ сблизился со многими учеными и литераторами; въ особенно оживленныя сношенія онъ вступилъ съ оріенталистомъ Гаммеромъ, славистами Копитаромъ и Вукомъ Стефановичемъ, исторіографомъ бароном Гормайромъ, Фр. Шлегелемъ, съ извѣстною писательницею Каролиною Пихлеръ, графомъ Оссолинскимъ, графомъ Майлатомъ и др. Изъ Вѣны Петръ Ивановичъ совершалъ поѣздки въ Славонію, Сирмію, Венгрію и

Digitized by Google

Трансильванію. Ему удалось найти, въ числѣ дошедшихъ до насъ остатковъ римскихъ колоній, не описанные до того памятники Митраса (Миѳры), а также единственную донынѣ извѣстную статую тройственной Гекаты. Поѣздка въ Прагу доставила Кеппену возможность познакомиться съ знаменитыми славистами Іос. Домбровскимъ и Ганкою. Начатыя лишь незадолго передъ тѣмъ изслѣдованія по славянской археологіи, этнографіи и лингвистикѣ въ высшей степени заинтересовали Петра Ивановича и, благодаря своимъ многочисленнымъ сношеніямъ съ австрійскими представителями науки, онъ сталъ первымъ посредникомъ между славистами запада и юга и русскими учеными. Разставшись съ своимъ другомъ Березинымъ, который направился въ Италію, Петръ Ивановичъ проѣхалъ въ Минхенъ, гдѣ онъ, въ королевской библіотекѣ, копировалъ Фрейзингенскіе отрывки—древнѣйшіе памятники словенской письменности, которые онъ, съ объясненіями А. Х. Востокова, издалъ въ 1827 году, на иждивеніе графа Н. П. Румянцева.

Мы не можемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности этого весьма плодотворнаго для Кеппена путешествія, на которомъ онъ останавливается съ особенною любовію въ своей автобіографической запискѣ. Упомянемъ лишь, что онъ посѣтилъ еще Гейдельбергъ, гдѣ провелъ едва-ли не интереснѣйшіе дни своего путешествія въ бесѣдахъ съ учеными Крейцеромъ (Creuzer) и Фоссомъ (J. H. Voss); затѣмъ, на возвратномъ пути, онъ побывалъ въ Гёттингенѣ, Касселѣ, Готѣ, Веймарѣ, Іенѣ, Лейпцигѣ, Галле, Дрезденѣ, Берлинѣ и Кёнигсбергѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ онъ вступалъ въ личныя сношенія съ мѣстными, частію весьма знаменитыми учеными и поэтами, каковы напримѣръ братья Гриммъ, Карлъ Риттеръ, Бёкъ (Böckh), Укертъ, Тикъ, Тигге и мн. др.

Возвратясь черезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, въ апрѣлѣ 1824 года, Петръ Ивановичъ снова поступилъ на службу,—въ департаментъ народнаго просвѣщенія: тогдашній министръ, адмиралъ А. С Шишковъ, назначилъ его дѣлопроизводителемъ временнаго комитета для составленія проекта общаго устава учебныхъ заведеній. Въ 1825 году Петръ Ивановичъ началъ издавать «Библіографическіе листы». Въ этомъ весьма цѣнномъ изданіи, доведенномъ до августа 1826 года и составляющемъ нынѣ библіографическую рѣдкость, сообщались рефераты о всѣхъ выдающихся явленіяхъ не только русской, но всѣхъ славянскихъ литературъ. Одинъ изъ этихъ рефератовъ навлекъ на Кеппена доносъ извѣстнаго обскуранта и денунціанта М. Л. Магницкаго, попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ этомъ доносѣ Петръ Ивановичъ обвинялся въ томъ, что онъ въ своихъ «Библіографическихъ листахъ» будто бы писалъ противъ постановленій православной церкви, и именно

Digitized by Google

въ статьѣ «Критическое изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи» (№№ 8, 9 и 10). До глубины души обиженный такимъ несправедливымъ доносомъ, Петръ Ивановичъ составилъ «Логическія и историческія объясненія» противъ обвиненія Магницкаго. Объясненія эти, отличающіяся не только глубокою ученостію, но и замѣчательнымъ гражданскимъ мужествомъ, Петръ Ивановичъ препроводилъ къ начальнику канцеляріи министра, князю Ширинскому-Шихматову, для представленія министру Шишкову. Въ препроводительномъ письмѣ значится между прочимъ: «Какъ русскій дворянинъ, какъ чиновникъ, съ 1806 года безпорочно продолжавшій службу, не могу не огорчаться тѣмъ, что есть люди, старающіеся находить мнимое зло и въ моихъ посильныхъ трудахъ, подкрѣпляемыхъ однимъ токмо желаніемъ быть полезнымъ моему отечеству,—желаніемъ, которому я пожертвовалъ лучшими лѣтами и всѣми выгодами сей жизни, и которое побудило меня избрать службу, не доставляющую мнѣ даже необходимѣйшаго жалованья... Если, паче чаянія, замѣчанія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа могли быть удостоены какого-либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества: чести, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочный, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться по крайней мѣрѣ обезпечить мое существованіе». — Надъ Кеппеномъ былъ назначенъ судъ, состоявшій изъ двухъ митрополитовъ: кіевскаго Евгенія (Болховитинова) и с.-петербургскаго Серафима, а также изъ представителей духовной цензуры и правленія духовныхъ училищъ. Судъ этотъ постановилъ вполнѣ оправдательный приговоръ [1]).

Съ 1826 по 1829 г. Петръ Ивановичъ, по порученію тогдашней Россійской академіи (нынѣшняго II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ), велъ оживленную переписку съ славистами Ганкою, Шафарикомъ и Челаковскимъ относительно призыва ихъ въ С.-Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, а также преемникъ его, князь К. Ливенъ, предполагали учредить при Россійской академіи общеславянскую библіотеку и опредѣлить упомянутыхъ славистовъ въ ней библіотекарями; вмѣстѣ съ тѣмъ эти послѣдніе имѣли бы задачу разработать общій словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій. 7-го января 1830 года послѣдовало на это Высочайшее соизволеніе. Впослѣдствіи однакоже проектъ этотъ не осуществился [2]).

[1]) Подробности этого замѣчательнаго эпизода напечатаны, въ 1864 году, въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“, кн. II, смѣсь, стр. 143—161.

[2]) Много подробностей объ энергической дѣятельности, въ этомъ дѣлѣ, П. И. Кеппена, а также письма его къ Ганкѣ, находятся въ книгѣ А. А. Кочубинскаго: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“. (Одесса, 1887—1888).

Digitized by Google

Выше было уже упомянуто о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на Кеппена южный берегъ Крыма. Послѣ описанныхъ нравственныхъ испытаній, къ которымъ уже тогда присоединилась слабость здоровья, Петръ Ивановичъ мечталъ о переселеніи на югъ. Послѣдовавшая въ 1826 году кончина извѣстнаго ботаника, барона Маршалла-фонъ-Биберштейна и поступленіе на его мѣсто главнымъ инспекторомъ шелководства Х. Х. Стевена, съ которымъ Петръ Ивановичъ былъ очень друженъ, побудили его, въ 1827 году, перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ вѣдомству котораго, въ то время, относилось сельское хозяйство. Желаніе его быть назначеннымъ помощникомъ главнаго инспектора исполнилось лишь въ началѣ 1829 года, и тогда же онъ переселился въ Крымъ. Объѣзжая, по должности своей, ежегодно огромное пространство между Волгою и Днѣстромъ, Петръ Ивановичъ имѣлъ возможность собрать весьма цѣнный матеріалъ по географіи, естественной исторіи и хозяйству означенныхъ, тогда еще мало извѣстныхъ, областей,—доказательствомъ чему служатъ какъ сохранившіеся путевые его дневники, такъ и нѣкоторые печатные труды.

Весною 1830 года Петръ Ивановичъ, на короткое время, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, женился въ іюнѣ мѣсяцѣ и тотчасъ же поспѣшилъ обратно въ Крымъ. Здѣсь молодую чету ожидало тяжкое время: холера, надвигаясь изъ Закавказья, быстро распространялась, а въ концѣ октября появилась и въ Крыму. Со стороны таврическаго губернатора Петръ Ивановичъ, въ исходѣ ноября, былъ приглашенъ переселиться въ Бахчисарай, чтобы предсѣдательствовать въ мѣстномъ попечительномъ комитетѣ, учрежденномъ для принятія мѣръ противъ появившейся тамъ холеры, борьба съ которою, въ то время, не была знакома еще съ тѣми пріемами, какъ нынѣ, когда выяснилась природа этой заразы. Петръ Ивановичъ, не колеблясь, послѣдовалъ этому приглашенію, а молодая жена не хотѣла отпустить его одного; и такъ они, нѣсколько дней спустя, поселились въ древнемъ дворцѣ крымскихъ хановъ, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ останавливался императоръ Александръ I. «Кто знакомъ съ тѣсно сплоченными, состоящими частію изъ лачугъ и палатокъ, жилищами тамошнихъ грековъ, татаръ и цыганъ; кому извѣстно, какъ тѣсны и грязны улицы, и какой въ нихъ воздухъ, какъ рѣчка Чюрик-су (т. е. «вонючая вода») переполнена всевозможными нечистотами: того не удивитъ, что люди, имѣвшіе все это передъ глазами, не мало опасались за Бахчисарай». И въ этомъ, въ гигіеническомъ отношеніи, крайне неблагопріятномъ городкѣ, въ этомъ смѣшеніи народовъ, полномъ противорѣчащихъ вѣрованій, гдѣ мѣры предосторожности, признанныя необходимыми при погребеніи умершихъ отъ холеры, постоянно были встрѣчаемы съ упорнымъ противодѣйствіемъ,—Кеппену пришлось заботиться

Digitized by Google

о порядкѣ и устройствѣ помощи. Петръ Ивановичъ напечаталъ очень оживленное описаніе этихъ памятныхъ мѣсяцевъ, подъ заглавіемъ: «Baktschissaraj zur Zeit der Cholera», 1830 [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ Крыму, Петръ Ивановичъ большую часть времени, свободнаго отъ служебныхъ путешествій, проводилъ въ своемъ небольшомъ имѣніи Карабагѣ, на южномъ берегу Крыма. Здѣсь посѣщали его многіе извѣстные путешественники и ученые, какъ напр. зоологъ Ратке, ботаникъ Бруннеръ, геологъ и археологъ Дюбуа-де-Монперё; съ послѣднимъ Петръ Ивановичъ очень подружился и велъ переписку до самой его смерти. По порученію графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова, Петръ Ивановичъ, въ 1833 году, обозрѣлъ очень внимательно южную часть Крыма, причемъ ему удалось открыть остатки цѣлаго ряда систематически возведенныхъ небольшихъ укрѣпленій, безъ сомнѣнія, византійскаго времени. Это любопытное открытіе дало поводъ къ разработкѣ очень цѣнимаго еще нынѣ «Крымскаго сборника» (Спб., 1837 г.), а также къ составленію превосходной карты южнаго Крыма, съ принадлежащимъ къ ней особымъ указателемъ. На одну изъ отраслей южнорусскаго хозяйства, а именно на винодѣліе, Петръ Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе; сочиненіе его «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи» появилось въ 1832 году.

По приглашенію президента академіи наукъ, графа С. С. Уварова, Петръ Ивановичъ возвратился въ Петербургъ, для принятія на себя редакціи нѣмецкихъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей», которыя онъ редактировалъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 года. Тутъ онъ, для своихъ сотрудниковъ по редакціи, счелъ необходимымъ заняться составленіемъ перваго на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи, и перваго съ азбучнымъ указателемъ адресъ-календаря (Staats-Handbuch Russlands, von Jahre 1835). Въ этой книгѣ, изданной академіею наукъ, впервые были установлены термины присутственныхъ мѣстъ и должностей въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ довольно долгаго перерыва, вызваннаго его пребываніемъ въ Крыму, Петръ Ивановичъ, въ 1835 и 1836 годахъ, возобновилъ усердную переписку съ своими славянскими друзьями въ Прагѣ, Вѣнѣ и Пештѣ, въ особенности же съ Шафарикомъ, который постоянно сообщалъ ему о новостяхъ славянской литературы. Основываясь на этихъ отчетахъ, Петръ Ивановичъ, въ 1836 году, напечаталъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» четыре письма къ редактору этого журнала «О литературѣ словенскихъ народовъ».

Въ январѣ 1837 года Петръ Ивановичъ былъ избранъ адъюнктомъ по части статистики въ Императорскую академію наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой онъ состоялъ съ конца 1826 года. Въ мартѣ того же года

[1]) Отсюда и переведены помѣщенныя выше въ кавычкахъ строки.

Digitized by Google

онъ былъ прикомандированъ къ V-му отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и на него была возложена важная задача обревизованія государственныхъ имуществъ въ Таврической губерніи, а равно подробнаго ознакомленія со всей губерніей въ экономическомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Ивановичъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ обревизовать и всѣ находящіяся въ Таврической губерніи колоніи иностранныхъ поселенцевъ. При чрезвычайно сложныхъ отношеніяхъ поземельной собственности и повинностей крымскихъ татаръ, а также въ виду пассивнаго сопротивленія генералъ-губернатора графа Воронцова, который — при всемъ личномъ расположеніи къ Кеппену — былъ недоволенъ даннымъ сему послѣднему порученіемъ, миссія эта оказалась весьма трудною. Большая гуманность, которою отличался Петръ Ивановичъ, не дозволяла ему оставить необнаруженными разныя злоупотребленія, отъ которыхъ приходилось страдать безоружнымъ татарамъ; а добросовѣстность, съ которою онъ взялся за свою задачу, заставила его посвятить почти цѣлый годъ точному разслѣдованію и выясненію сказанныхъ отношеній. При этой работѣ ему усердно помогалъ состоявшій при немъ молодой чиновникъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, впослѣдствіи столь извѣстный организаторъ въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ меннонистскихъ колоніяхъ на р. Молочной Петръ Ивановичъ сблизился съ замѣчательнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ большое вліяніе не только на тамошнихъ нѣмцевъ, но также на сосѣднихъ ногайцевъ и русскихъ; это былъ простой меннонистъ Іоганъ (Иванъ) Корнисъ, къ совѣту котораго, въ дѣлахъ внутренняго управленія, прибѣгалъ нерѣдко самъ графъ Воронцовъ [1]). Означенныя работы поставили Кеппена въ близкія отношенія къ крестьянскому населенію Таврической губерніи, за справедливые интересы котораго ему приходилось и впослѣдствіи неоднократно заступаться. Всеобщее глубокое уваженіе, которымъ Петръ Ивановичъ здѣсь пользовался, выразилось какъ въ благоговѣніи, съ которымъ относились къ нему крымскіе татары, видѣвшіе въ немъ своего отеческаго ходатая, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что меннонисты, переселившіеся впослѣдствіи въ Самарскую губернію, одну изъ первыхъ ими основанныхъ колоній назвали Кеппенталь. Когда, въ томъ же 1837 году, великая княгиня Елена Павловна объѣзжала Крымъ, Петръ Ивановичъ, въ теченіе 6-ти недѣль, состоялъ при ея высочествѣ. Наконецъ, въ томъ же самомъ году знаменитый нашъ поэтъ В. А. Жуковскій провелъ у Кеппена нѣсколько дней въ его усадьбѣ, на южномъ берегу.

[1]) Нѣкоторыя подробности объ этой интересной личности см. у Haxthausen, „Studien über Russland“, Th. II (1847), S. 181—182; а также у Al. Petzholdt, „Reise im westlichen und südlichen europäischen Russland“ (1864), S. 189 -198.

Digitized by Google

Возвратясь въ С.-Петербургъ, Петръ Ивановичъ, оставаясь академикомъ, въ 1838 году, поступилъ въ тогда лишь основанное министерство государственныхъ имуществъ начальникомъ отдѣленія въ III-мъ департаментѣ (что нынѣ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности); а потомъ (въ 1841 г.) онъ былъ назначенъ членомъ какъ ученаго комитета, такъ и центральной коммиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

Весною 1845 г. Петръ Ивановичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи русскаго географическаго общества, послѣ того какъ, въ теченіе зимы 1844—45 г., въ его квартирѣ нѣсколько разъ собирались преданныя этому дѣлу лица и толковали о географическихъ и статистическихъ вопросахъ. На первыхъ двухъ собраніяхъ, въ которыхъ было окончательно рѣшено учредить означенное общество, участвовали лишь слѣдующія девять лицъ, которыя и должны быть признаны настоящими учредителями общества: адмиралъ (впослѣдствіи графъ) Ѳ. П. Литке, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ и намѣстникъ Царства Польскаго) Ѳ. Ѳ. Бергъ, контръ-адмиралъ баронъ Ф. П. Врангель, академики К. М. Бэръ, Гр. П. Гельмерсенъ, П. И. Кеппенъ и В. Я. Струве, Вл. Ив. Даль и Пл. Ал. Чихачевъ. По утвержденіи общества, Петръ Ивановичъ былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи статистики, каковую должность онъ занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ принималъ участіе почти во всѣхъ болѣе важныхъ изданіяхъ общества. По порученію послѣдняго, Петръ Ивановичъ составилъ этнографическую карту Европейской Россіи, надъ разработкою которой онъ трудился въ теченіе многихъ лѣтъ. Капитальному труду этому было положено основаніе еще въ 1844-мъ году, когда Петръ Ивановичъ занялся составленіемъ цѣлаго этнографическаго атласа, при чемъ на отдѣльныхъ листахъ частію «Спеціальной карты» (Шуберта), частію «Подробной карты Россіи» отмѣчались разными красками всѣ населенныя мѣста, обитаемыя нерусскимъ населеніемъ [1]). На основаніи такого богатаго и точнаго матеріала, была затѣмъ составлена самая этнографическая карта, на 4-хъ листахъ, въ масштабѣ 75-ти верстъ въ англ. дюймѣ; она вышла въ 1851 году. Императорское русское географическое общество удостоило этотъ важный трудъ двухъ своихъ высшихъ наградъ: Константиновской медали и Жуковской преміи въ 500 р. Въ 1856-мъ году появилось третье изданіе этой карты.

Чувствуя себя давно хворымъ, Петръ Ивановичъ, по настоятельному требованію пользовавшихъ его врачей, въ 1852 году, переселился

---

[1]) Такого атласа существуютъ три экземпляра: въ библіотекѣ Его Величества Государя Императора, въ академіи наукъ и въ русскомъ географическомъ обществѣ.

Digitized by Google

на цѣлый годъ на южный берегъ Крыма, гдѣ онъ надѣялся на облегченіе своего недуга чахотнаго характера. Не взирая на свое болѣзненное состояніе и на тягости тогдашняго путешествованія по Россіи, Петръ Ивановичъ, на пути въ Крымъ, сдѣлалъ огромный кругъ, желая познакомиться съ Бессарабскою областью. Зиму съ 1858 на 1859 г. онъ снова провелъ въ Крыму Возвратясь на короткое время въ Петербургъ, Петръ Ивановичъ, 29 декабря 1859 г., праздновалъ свой юбилей 50-лѣтней службы; въ данномъ ему торжественномъ обѣдѣ приняли участіе до 100 почитателей ученыхъ заслугъ его: государственные сановники, ученые и литераторы, друзья и сослуживцы его. Здѣсь на этомъ празднествѣ, выразилось со всею очевидностію то глубокое уваженіе, которымъ пользовался юбиляръ въ ученомъ мірѣ. Въ 1860 году Петръ Ивановичъ окончательно переселился въ Крымъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы въ своемъ любимомъ Карабагѣ, гдѣ и скончался въ ночь на 23-е мая 1864 года. Прахъ его покоится на обрывистомъ берегу моря, въ прекрасной кипарисовой рощѣ, которую онъ самъ насадилъ на древнемъ греческомъ кладбищѣ.

Многократныя путешествія почти по всей Европейской Россіи — отъ Финляндіи до Астрахани и Терека, и отъ Вятки до Бессарабіи—въ высокой степени споспѣшествовали статистическимъ и этнографическимъ занятіямъ Кеппена. Поѣздки эти начались съ 1810 года, когда онъ еще былъ студентомъ Харьковскаго университета. Постоянно онъ отмѣчалъ въ своихъ (до нынѣ сохранившихся) дорожникахъ все то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія въ археологическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Слѣдя, съ другой стороны, внимательно за повременными изданіями, въ томъ числѣ и за газетами, онъ въ свои собранія матеріаловъ вносилъ все замѣчательное. Такимъ образомъ накопился необыкновенно богатый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразный матеріалъ: статистическій, археологическій, лингвистическій, и пр. Ему самому далеко не удалось разработать эту громадную, собранную въ теченіе 50-ти лѣтъ, коллекцію. Въ послѣдніе годы своей жизни Петръ Ивановичъ приводилъ въ порядокъ свою обширную научную переписку и неразработанный матеріалъ. Большую часть этого послѣдняго онъ завѣщалъ академіи наукъ, которая хранитъ его въ русскомъ отдѣленіи своей библіотеки. По волѣ завѣщателя, пользованіе этимъ матеріаломъ доступно каждому.

Научная и литературная дѣятельность Кеппена отличалась большою плодовитостью и многосторонностью; она обнимала собою предметы разныхъ отраслей знанія, въ особенности же—географіи, статистики, этнографіи, археологіи и библіографіи; иногда изслѣдованія его касались и другихъ областей науки, какъ напр. естествознанія, сельскаго и лѣснаго хозяйства. При всемъ разнообразіи его научныхъ занятій, его много-

Digitized by Google

численные труды связывались одною общею и главною чертою: почти всѣ они касались изслѣдованія горячо любимаго имъ отечества. Какъ Петръ Ивановичъ самъ выразился на вышеупомянутомъ обѣдѣ, «вся жизнь его была посвящена Россіи». И дѣйствительно, отъ всей души преданный своей родинѣ, онъ былъ истинный патріотъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ искренно радовался всѣмъ успѣхамъ Россіи,— будь это въ политическомъ, экономическомъ, научномъ, или въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Такъ же искренно онъ сокрушался неудачами или вредными на развитіе своей отчизны явленіями. Такъ, напр., намъ хорошо помнится, какъ Петръ Ивановичъ, будучи самъ уроженцемъ Малороссіи, огорчался при одной мысли о возможности сепаратистическихъ въ ней движеній, о которыхъ шла молва въ 50-хъ годахъ.

Петръ Ивановичъ отличался весьма скромнымъ и гуманнымъ характеромъ. Онъ былъ ласковъ со всѣми и всегда былъ готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Это испытали напр. многіе молодые ученые, обращавшіеся къ нему за совѣтомъ. Постоянно онъ стремился быть точнымъ исполнителемъ лежащихъ на немъ нравственныхъ и должностныхъ обязанностей. При всей серьезности научнаго дѣятеля, Петръ Ивановичъ былъ доступенъ для веселости и шутокъ. Онъ очень любилъ музыку и, въ особенности, пѣніе; самъ же садился за фортепіано бо́льшею частію лишь тогда, когда на него находили какія-либо грустныя думы. Въ обществѣ онъ былъ умный, живой и весьма свѣдущій собесѣдникъ.

Какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, Петръ Ивановичъ служилъ одной правдѣ; ложь онъ всюду ненавидѣлъ. Эта правдивость, составлявшая выдающуюся черту его благороднаго характера, неоднократно навлекала на него неудовольствіе и гоненія. Какъ статистикъ, онъ заботился о возможной точности и вѣрности сообщаемыхъ числовыхъ данныхъ и выводимыхъ изъ нихъ заключеній. Но это нерѣдко не нравилось высшему начальству, желавшему прикрасить дѣятельность подвѣдомственныхъ ему учрежденій и признававшему вредными правдивыя показанія Кеппена. Такъ напр. Петръ Ивановичъ подвергся выговору отъ высшаго начальства за напечатанное имъ въ 1841 году изслѣдованіе «О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи», хотя это изслѣдованіе переполнено почти однѣми только цифрами и не заключаетъ въ себѣ никакихъ якобы вредныхъ разсужденій; между прочимъ ему былъ сдѣланъ горькій упрекъ за то, что онъ осмѣлился выразить мысль о возможности уничтоженія крѣпостнаго права: ровно двадцать лѣтъ спустя послѣдовало освобожденіе крестьянъ! Другое, весьма важное сочиненіе Кеппена «О народныхъ переписяхъ въ Россіи», которое было представлено академіи наукъ въ декабрѣ 1848 года, имѣло еще болѣе тяжкую участь, такъ какъ напечатаніе его было воспрещено; и лишь сорокъ лѣтъ спустя, т. е. въ 1889 году, оно появилось на страницахъ «Записокъ русскаго

Digitized by Google

географическаго общества», по отдѣленію статистики (т. VI, стр. 1—94). Вотъ, какъ разсказана въ предисловіи къ этому тому исторія означеннаго запрещенія: «Постоянно заботясь объ усовершенствованіи ревизій, П. И. Кеппенъ обратилъ вниманіе академіи наукъ на тѣ выгоды, которыя могли бы произойти отъ ея ходатайства объ учащеніи народныхъ переписей въ Россіи, а равно о собираніи при переписяхъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній, имѣющихъ существенное значеніе какъ для науки, такъ и для государственныхъ мѣропріятій. Академія постановила просить П. И. Кеппена обстоятельно изложить его мысли по затронутому вопросу, и результатомъ этого порученія явился трудъ о переписяхъ въ Россіи. Историко-филологическое отдѣленіе академіи опредѣлило сообщить разсужденіе П. И. Кеппена министру финансовъ и, если не встрѣтится препятствій, приступить къ его напечатанію. Но при тогдашнихъ взглядахъ относительно предметовъ, подлежащихъ обсужденію печати, высказанныхъ П. И. Кеппеномъ критическихъ замѣчаній о многихъ научныхъ несовершенствахъ ревизій было совершенно достаточно, чтобы воспрепятствовать опубликованію его изслѣдованія. Министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко увѣдомилъ президента академіи наукъ графа С. С. Уварова: «что при всемъ уваженіи къ обширному труду и обилію собранныхъ въ сообщенной рукописи интересныхъ для науки свѣдѣній и матеріаловъ, онъ не можетъ согласиться на напечатаніе этого сочиненія, потому что оно, кромѣ нѣкоторыхъ рѣзкихъ отзывовъ на счетъ распоряженій, вовсе не подлежащихъ обсужденію публики, совершенно противно какъ цѣли, такъ и основаніямъ, на какихъ правительствомъ производятся у насъ народныя переписи». Вторая попытка напечатать сочиненіе П. И. Кеппена, сдѣланная въ 1857 г. бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшинымъ, который желалъ помѣстить эту статью въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», также не увѣнчалась успѣхомъ и по тѣмъ же причинамъ. Такъ П. И. Кеппену и не удалось видѣть свой трудъ въ печати» [1]).

Не считаемъ возможнымъ перечислить здѣсь всѣ многочисленныя книги и статьи, напечатанныя Кеппеномъ. Существуютъ, впрочемъ, два списка его научныхъ трудовъ: одинъ составленъ имъ самимъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, и приложенъ къ вышеупомянутому описанію его юбилея; другой, систематическій списокъ, состa-

[1]) Въ очень недавно напечатанномъ докладѣ о сочиненіи проф. Янсона „Теорія статистики“, К. С. Веселовскій съ большою похвалою отзывается объ изслѣдованіи Кеппена о народныхъ переписяхъ, которое „заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и, несмотря на то, что оно было написано болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, нисколько не потеряло и до сего времени своего безспорно важнаго значенія“. Тутъ же сообщены нѣкоторыя подробности о возникновеніи и запрещеніи этого сочиненія.

*

Digitized by Google

вленный академикомъ А. А. Куникомъ, помѣщенъ въ «Запискахъ Императорской академіи наукъ», 1868 г., т. XII, стр. 107—142, подъ заглавіемъ «Литературные труды П. И. Кеппена». А потому мы можемъ ограничиться указаніемъ на болѣе важныя сочиненія и вообще на его научную дѣятельность.

Въ молодости своей Петръ Ивановичъ занимался преимущественно археологіею, библіографіею и исторіею просвѣщенія въ Россіи. По археологіи, изъ перваго періода литературной дѣятельности его, особенно важны: 1) «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи». (Москва, 1822); 2) «Alterthümer am Nordgestade des Pontus». (Wien. 1823); 3) «Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи». (Спб. 1827). Позже, а именно съ 1836 по 1843 г., вышло нѣсколько статей о курганахъ и городищахъ; а въ 1837 г. вышеупомянутый «Крымскій Сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ».—По библіографіи и исторіи просвѣщенія важнѣйшимъ трудомъ Кеппена являются его «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ трехъ томахъ; первый томъ содержитъ обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности. (Спб., 1819. 8°); второй томъ составляютъ выше упомянутые «Библіографическіе листы», издававшіеся въ 1825 и 1826 гг. (Спб., 4°); третій томъ смѣшаннаго содержанія (Спб., 1827. 4°); изъ помѣщенныхъ въ немъ статей назовемъ: 1) «Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія» и 2) «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ».

Сочиненіе Кеппена «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи». (Спб. 1832 г.) составляетъ переходъ къ новой отрасли его ученой дѣятельности, а именно къ статистикѣ, по которой онъ впослѣдствіи, т. е. по назначенію членомъ Императорской академіи наукъ, напечаталъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ, въ томъ числѣ: 1) «Ueber der Kornbedarf Russlands» (1839) и русское извлеченіе: «О потребленіи хлѣба въ Россіи»; 2) О мочальномъ промыслѣ (Спб., 1841 г.). Но его важнѣйшіе статистическіе труды касаются выясненія числительнаго состава народонаселенія Россіи. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: 1) «Russlands Gesammtbevölkerung im Jahre 1838». (St.-Petersburg, 1843. 4°); 2) «Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in der Provinzen des Europäischen Russlands», (1845); 3) «Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, in der verschiedenen Provinzen» (Здѣсь впервые появились свѣдѣнія о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи); 4) «Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 году». (Спб., 1857. 4°); 5) «О народныхъ переписяхъ въ Россіи». (Спб., 1889 г.); объ этомъ посмертномъ изданіи Кеппена выше было говорено подробно. Наконецъ, къ круп-

Digitized by Google

нымъ статистическимъ трудамъ его принадлежитъ его «Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850» (St.-Petersburg, 1852).—Не можемъ отказать себѣ въ приведеніи нѣсколькихъ словъ, которыми К. С. Веселовскій, на юбилеѣ П. И. Кеппена, оцѣнилъ его дѣятельность по статистикѣ: «Труды Петра Ивановича, по своей основательности и точности, могутъ служить и дѣйствительно служили и самому правительству вѣрною опорою въ его соображеніяхъ. Заслуга эта тѣмъ важнѣе, что здѣсь Петру Ивановичу приходилось прокладывать первый путь на поприщѣ новомъ и еще мало извѣданномъ... Неизмѣнное трудолюбіе Петра Ивановича, настойчивость въ преслѣдованіи полезныхъ цѣлей, осмотрительность въ изысканіяхъ да послужатъ всегдашнимъ образцомъ для подражанія будущимъ воздѣлывателямъ статистики Россіи».

Въ виду важности имѣть полный списокъ заселенныхъ въ Россіи мѣстъ, Петръ Ивановичъ еще въ двадцатыхъ годахъ обращалъ на это вниманіе правительства, но тогдашнее его ходатайство осталось безъ послѣдствій. Только о посадахъ и мѣстечкахъ ему удалось, въ сороковыхъ годахъ, собрать свѣдѣнія, частію при поѣздкахъ своихъ по Россіи, частію же по сношеніямъ Императорской академіи наукъ съ начальниками губерній. Эти свѣдѣнія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были положены въ основаніе при составленіи сколько можно полнаго списка городскимъ поселеніямъ въ Россіи. Наконецъ, графъ Д. Н. Блудовъ, по поступленіи въ президенты академіи наукъ, вслѣдствіе представленія Кеппена, вошелъ въ сношеніе какъ съ святѣйшимъ синодомъ, такъ и съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о доставленіи въ академію изъ каждаго церковнаго прихода полнаго списка обитаемыхъ мѣстъ, съ показаніемъ въ этомъ спискѣ оффиціальныхъ и въ простонарѣчіи употребляемыхъ названій селеній, а также водъ, при которыхъ они находятся, и числа прихожанъ обоего пола каждаго народа и состоянія отдѣльно. Съ начала 1857 года стали поступать въ академію просимые приходскіе списки, и первая духовная консисторія, ихъ доставившая, была Тульская. Полученные отъ нея списки были приведены Кеппеномъ въ азбучный порядокъ по уѣздамъ и снабжены общимъ азбучнымъ указателемъ селеній всей Тульской губерніи. Такимъ образомъ, составилось сочиненіе, изданное, въ видѣ опыта, Императорскою академіею наукъ, подъ наблюденіемъ П. И. Кеппена: «Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 году» (Спб., 1858). Въ предисловіи Петръ Ивановичъ указалъ на важность такихъ списковъ селеній не только для администраціи, но также для гидрографіи, этнографіи и статистики Россіи. Изданіе это, иниціатива и планъ котораго принадлежатъ всецѣло Петру Ивановичу, послужило образцомъ для «Списковъ населенныхъ мѣстъ

Digitized by Google

Россійской имперіи», начавшихъ издаваться вскорѣ послѣ того центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Примѣръ этотъ, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ справедливость вышеприведеннаго замѣчанія К. С. Веселовскаго.

Однако не только числительныя отношенія народонаселенія Россіи являются предметомъ точныхъ изслѣдованій Кеппена, но также и этнографическій его составъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Петръ Ивановичъ былъ не менѣе дѣятеленъ и напечаталъ цѣлый рядъ небольшихъ монографій, изъ которыхъ мы назовемъ лишь слѣдующія: 1) «Finnland in ethnographischer Beziehung»; съ картою (1846); 2) «Die Deutschen im St.-Petersburgischen Gouvernement» (1850); въ русскомъ переводѣ, въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1850 г., ч. XXXII; 3) «Водь и Вотская пятина», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1851 г., май и іюнь; 4) «Der Litthauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts» (1851); 5) «Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements» (1850). Объяснительный текстъ къ этой картѣ (съ предисловіемъ А. А. Куника) вышелъ послѣ смерти Кеппена, въ 1867 году. Но важнѣйшимъ трудомъ по этой спеціальности была изданная русскимъ географическимъ обществомъ, въ 1851 году, «Этнографическая карта Европейской Россіи». О томъ, какъ для этой карты собирались матеріалы и какъ она составлялась, сказано выше нѣсколько словъ. Подробныя свѣдѣнія по сему предмету можно найти въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ Кеппеномъ: 1) «Объ этнографической картѣ Европейской Россіи». (Спб., 1852); и 2) «О третьемъ изданіи этнографической карты Европейской Россіи» (1856). Въ 1854 г. R. G. Latham, въ Лондонѣ, издалъ эту карту въ маломъ масштабѣ, при извѣстной книгѣ: «The native Races of the Russian Empire».—Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести составленный подъ руководствомъ П. И. Кеппена и снабженный его предисловіемъ «Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи» (Спб., 1861 г.). Въ этой книгѣ (заключающей въ себѣ 500 страницъ) собраны и хронологически размѣщены свѣдѣнія объ инородцахъ, разсѣянныя въ лѣтописяхъ, въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ разныхъ актахъ, въ полномъ собраніи законовъ (по 1860 годъ) и въ другихъ источникахъ.

Въ 1856 году Императорское русское географическое общество рѣшилось предпринять изданіе «Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи» и возложило обсужденіе способа исполненія своего предпріятія на особую коммиссію, въ трудахъ которой принималъ дѣятельное участіе и Петръ Ивановичъ. Коммиссія остановилась на томъ, что составленію словаря должно предшествовать изготовленіе полнаго алфавита всѣхъ предметовъ, имѣющихъ войти въ изданіе, и трудъ этотъ возложенъ

Digitized by Google

былъ на П. И. Кеппена, который, несмотря на свои преклонныя лѣта, изъявилъ полную готовность принять на себя эту обширную и копотливую работу. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1857 по 1860 г., означенный алфавитъ былъ оконченъ имъ, при помощи А. А. Штакельберга. Азбучный списокъ предметовъ, долженствовавшихъ войти въ словарь, состоялъ изъ 16.000 карточекъ. Какъ значится въ предисловіи къ изданному, въ 1863 году, первому тому словаря, «главное достоинство алфавита заключалось въ томъ, что на карточки были нанесены библіографическія указанія, для составленія которыхъ просмотрѣна большая часть періодическихъ изданій, заключающихъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ данныхъ (какъ напр. губернскихъ вѣдомостей и т. д.). Сверхъ того, на тѣхъ же карточкахъ сдѣланы были извлеченія изъ весьма важнаго необнародованнаго источника, а именно приходскихъ списковъ Россійской имперіи». На юбилейномъ обѣдѣ Кеппена, вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Ѳ. П. Литке удостовѣрилъ, что изданіе означеннаго словаря оказалось бы совершенно невозможнымъ безъ того огромнаго запаса матеріаловъ, которымъ обладалъ Петръ Ивановичъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ надежду, «что этотъ трудъ будетъ довершенъ тою же опытною рукою, которая положила первое для него начало». Однако же разстроенное здоровье Петра Ивановича вынудило его переселиться въ Крымъ и лишило его возможности принять участіе въ составленіи самаго словаря, которое было возложено на П. П. Семенова.

Изъ трудовъ географическаго содержанія слѣдуетъ назвать: 1) «Главные озера и лиманы Россійской имперіи», въ «Вѣстникѣ Императорскаго русск. геогр. общества», 1859 г., т. XXVII.—2) «Ueber den Wald-und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Verminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga», съ предисловіемъ академика К. М. Бэра. Въ Baer u. Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. IV, 1841, съ картою. Отчетъ этотъ заключаетъ въ себѣ многочисленныя и точныя данныя для отвѣта на вопросъ о вліяніи уменьшенія лѣсовъ на количество сосѣднихъ съ ними водъ.—3) «Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere»; въ Baer u. Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. XI, 1845, съ табл. рис. Въ статьѣ этой находятся, между прочимъ, точныя свѣдѣнія о глубинѣ колодцевъ въ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ Таврической губерніи. 4) «Объ алешковскихъ летучихъ пескахъ», въ «Лѣсномъ журналѣ», 1841 г., ч. I. 5) «Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Taurischen Halbinsel», въ мемуарахъ академіи, «Sciences mathématiques» etc., t. II, p. 383—421.

Digitized by Google

Еще въ новѣйшее время г. Листовъ подтвердилъ, что «опредѣленія температуры ключей, сдѣланныя Кеппеномъ, отличаются замѣчательною точностью» (См. «Извѣстія Импер. русск. геогр. общ.», т. XXVIII, 1892 г., на стр. 194). 6) «Wege und Pfade des Taurischen Gebirges», въ «Mémoires de l'Acad. Sc. mathém». etc., t. II, p. 359—382 [1]). Будучи пламеннымъ патріотомъ, Петръ Ивановичъ, во время Крымской войны, былъ въ высшей степени огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что французскій подданный Шницлеръ; извѣстный авторъ четырехтомнаго сочиненія «L'Empire des Tsars», воспользовался послѣдне-названною статьею его, для представленія французскому военному министру мемуара, подъ заглавіемъ: «La Crimée méridionale et ses lignes de communication au milieu des montagnes». Мемуаръ этотъ отпечатанъ въ книгѣ Шницлера: «Description de la Crimée». (Paris & et Strasbourg, 1855).

Большинство только-что названныхъ трудовъ принадлежитъ къ области физической географіи, тѣсно примыкающей къ естественной исторіи. Многообъемлющіе научные интересы Кеппена коснулись и этой послѣдней,—хотя и въ немногихъ лишь трудахъ, изъ которыхъ мы назовемъ слѣдующіе: 1) «О наблюденіи періодическихъ явленій природы», въ «Журналѣ минист. госуд. имуществъ», 1845 г., сентябрь, стр. 252—262. Здѣсь, между прочимъ, сообщены собственныя наблюденія, произведенныя въ 1831—1833 гг. на южномъ берегу Крыма. Петръ Ивановичъ, уже въ 1838 году, докладывалъ объ этомъ академіи наукъ и настаивалъ на томъ, чтобы она составила инструкцію для производства такихъ наблюденій, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на надежныхъ лицъ, которымъ эта инструкція могла быть сообщена для руководства при производствѣ наблюденій. Во всякомъ случаѣ, замѣчательна ранняя пора такого предложенія, тѣмъ болѣе, что иниціатива исходила со стороны не-спеціалиста. Помимо Финляндіи, гдѣ фэнологическія наблюденія начались уже въ 1750 году, въ остальной Россіи, да и въ бо́льшей части Европы, въ то время, едва-ли кто-либо заявлялъ о систематическомъ производствѣ подобныхъ наблюденій; лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ предложенія Кеппена, а именно въ 1842 г., появилась знаменитая инструкція Ад. Кетлѐ (Queteled): «Instruction pour l'observation des phénomènes périodiques», и только послѣ этого фэнологическія наблюденія получили право гражданства въ наукѣ. 2) «Ueber Pflanzen-Acclimatisirung in Russland». (1856). 3) «О вредныхъ насѣкомыхъ». Издано ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ (Спб., 1845. 8°). Книга эта, вышедшая безъ имени автора и не зна-

[1]) Послѣднія двѣ статьи вмѣстѣ появились также отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ „Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung" („Крымскій сборникъ"). St.-Petersburg, 1840. 4°.

Digitized by Google

чащаяся въ вышеприведенныхъ спискахъ сочиненій П. И. Кеппена, была составлена имъ по порученію тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, графа Киселева. Кромѣ введенія по энтомологіи вообще, здѣсь разсматриваются вредныя чешуекрылыя (бабочки), премущественно по извѣстному сочиненію Ратцебурга, съ присовокупленіемъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Россіи [1]).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе труды Кеппена, не подходящіе подъ намѣченные нами отдѣлы, упомянемъ еще о томъ, что Петръ Ивановичъ, по должности академика, составилъ большое количество разборовъ сочиненій, представленныхъ академіи наукъ на конкурсъ, съ цѣлію полученія Демидовской преміи или другихъ наградъ. Нѣкоторые изъ этихъ разборовъ представляютъ немалый научный интересъ; такъ напр. разборъ сочиненія г. Ободовскаго: «Теорія статистики, въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики». (Особые оттиски этого разбора изданы подъ заглавіемъ: «О сущности статистики». Спб., 1840); точно также: «Bericht über H-rn. Gorlow's Schrift unter dem Titel: «Обозрѣніе экономической статистики Россіи» и др.

Занимаясь чтеніемъ русскихъ книгъ, Петръ Ивановичъ обращалъ вниманіе не только на излагаемый въ нихъ предметъ, но и на языкъ, которымъ онѣ были написаны; при чемъ онъ, на особыхъ карточкахъ, отмѣчалъ каждое слово, ему новое или употребленное въ необычномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, накопилось огромное собраніе такихъ словъ, простиравшееся до 20.000, въ 1846 г., когда пріобрѣло это собраніе II-ое отдѣленіе Императорской академіи наукъ, которое въ то время было занято составленіемъ Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка. Въ 1847 г. Петръ Ивановичъ принесъ въ даръ отдѣленію еще 1.340 подобныхъ карточекъ. Вообще, Кеппенъ живо интересовался не только великороссійскимъ языкомъ, но также нарѣчіями бѣлорусскимъ и малороссійскимъ. Собраніе образцовъ послѣднихъ двухъ нарѣчій, по завѣщанію его, передано, послѣ смерти его, въ академію наукъ, въ которой оно хранится въ трехъ томахъ in-folio. Какъ составилась эта коллекція, сообщено въ письмѣ Кеппена отъ 17 февраля 1861 года, въ Bulletin de l'Académie, t. III, столб. 506—511, подъ заглавіемъ: «Ueber die von P. Köppen gesammelten russischen Sprachproben». Остальные рукописные лингвистическіе матеріалы, завѣщанные Петромъ Ивановичемъ академіи, относятся къ слѣдующимъ предметамъ: 1) объ именахъ (личныхъ и собственныхъ); 2) о названіяхъ рѣкъ; 3) переходъ буквъ.

---

[1]) Второй томъ этого сочиненія, составленный В. С. Семеновымъ и заключающій въ себѣ вредныхъ жуковъ, вышелъ въ 1851 году.

Digitized by Google

Всѣ рукописи, завѣщанныя П. И. Кеппеномъ академіи наукъ и хранящіяся въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки, перечислены А. А. Куникомъ, въ выше-приведенной статьѣ его о литературныхъ трудахъ Кеппена. Онѣ подведены здѣсь подъ четыре отдѣла: 1) древности; 2) лингвистическіе матеріалы (о которыхъ было только-что говорено); 3) географія, статистика и этнографія, и 4) смѣсь,—въ томъ числѣ библіографія 1826 года и собраніе писемъ литературнаго содержанія, полученныхъ Кеппеномъ отъ разныхъ лицъ.

Въ сообщенномъ нами длинномъ, хотя и далеко не полномъ, перечнѣ научныхъ трудовъ Кеппена бросается въ глаза необычайная ихъ разносторонность. Но при всемъ своемъ разнообразіи, труды его вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются своею основательностью, какъ о томъ засвидѣтельствовали многіе компетентные судьи: та же точность замѣчается въ изготовленіи снимковъ съ древнихъ памятниковъ, въ измѣреніи температуръ, или въ сообщеніи цѣлыхъ массъ статистическихъ цифръ!

Заканчиваемъ краткій біографическій очеркъ П. И. Кеппена пожеланіемъ, дабы вскорѣ появилось болѣе обстоятельное жизнеописаніе этого замѣчательнаго какъ научнаго, такъ и общественнаго дѣятеля.

Ѳ. П. Кеппенъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XVIII [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1826 года, я простился съ генераломъ Харитоновымъ и съ моими начальниками-друзьями Александромъ Андреевичемъ Унгебауеромъ и Иваномъ Никитичемъ Таракановымъ и отправился погостить, какъ далъ слово моему сотерпѣливцу Михаилу Андреевичу Габбе, который квартировалъ съ полковымъ штабомъ въ селеніи князя Сангушки Бѣлогородкѣ. Съ мѣсяцъ прогостилъ я у Михаила Андреевича и, простившись съ Петромъ Андреевичемъ, братомъ его, въ маѣ отправился въ Кіевъ, откуда путь мнѣ предстоялъ чрезъ Курскъ, Тамбовъ, Пензу, Симбирскъ, а изъ Симбирска прямой дорогой чрезъ Милинскій заводъ въ Уфу.

Разскажу случайную встрѣчу мою съ молодымъ княземъ Сангушкой, который впослѣдствіи, во время революціи въ Царствѣ Польскомъ, былъ арестованъ, судимъ, сосланъ прежде, кажется, въ Сибирь, а потомъ солдатомъ служилъ на Кавказѣ, откуда, наконецъ, былъ уволенъ на житье въ свое имѣніе. Михаилъ Андреевичъ въ одно утро пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80 ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль стр. 405 - 447, мартъ, стр. 579—615.

Digitized by Google

на какую-то сельскую ярмарку въ разстояніи 20 верстъ отъ его штабъ-квартиры. Мы сѣли втроемъ въ коляску и, проѣхавъ верстъ 10, миновали большой каменный помѣщичій домъ, когда оба брата, мои спутники, дремали. На мельничной плотинѣ Михаилъ Андреевичъ открылъ глаза и обратился къ брату съ предложеніемъ вернуться и повидаться съ княземъ Сангушкой. Рѣшили воротиться и перебросить слова два, три съ милымъ польскимъ вельможей. У крыльца дома стояла щегольская коляска четверкой превосходныхъ лошадей, и мы уже отъ князя узнали, что у него не гость собирается въ путь, а самъ онъ къ своему пріятелю графу Эстергазе, верстъ за 50, на пиръ. Когда мы вошли изъ нижняго этажа дома въ длинный залъ, при докладѣ камердинера: «полковникъ Габбе» князь лежалъ во весь свой ростъ на диванномъ столѣ, который окружало съ десятокъ экономовъ. Князь вскочилъ со стола, обрадовался свиданію съ обоими Габбе и привѣтствовалъ меня на французскомъ языкѣ, какъ товарища моихъ спутниковъ. Посердившись на случай, который заставляетъ его оставить насъ, Сангушко упросилъ Михаила Андреевича позавтракать, а при возвращеніи съ ярмарки пообѣдать на его, какъ онъ выразился, бивакѣ. Завтракъ былъ поданъ, остроты, смѣхъ были приправой къ блюдамъ, которыя Сангушкѣ казались гадкими, а для насъ, голодныхъ, превосходными. И всѣ остроты, вся иногда дѣльная, а больше свѣтская болтовня для меня были непонятны; остряки и собесѣдники говорили по-французски. Сангушко раза два относился ко мнѣ съ какими-то любезностями, но изъ моего молчанія заключилъ, что я не хочу принимать участія въ ихъ веселости, а братья Габбе не объяснили князю, что я не разумѣю французскаго языка.

Впослѣдствіи Петръ Андреевичъ, вспоминая прошлое, говорилъ мнѣ, что Сангушко, при свиданіи съ нимъ, по отъѣздѣ моемъ изъ Бѣлогородки, замѣтилъ, что я долженъ быть очень серьёзный человѣкъ и что вѣроятно я смотрѣлъ на него, какъ на пустоголоваго. Что отвѣчалъ Петръ Андреевичъ на это замѣчаніе князя, я не любопытствовалъ узнать.

Полковникъ Габбе просилъ князя, чтобы онъ, по возвращеніи нашемъ съ ярмарки, допустилъ насъ осмотрѣть верхъ его палаца,

Digitized by Google

гдѣ рѣдкія картины были предметомъ его любопытства, и тѣ древности, которыя въ домѣ князей Сангушко были наслѣдственными. Сангушко на это желаніе обратился на польскомъ языкѣ къ своему управляющему изъ дворянъ. — «Полковникъ желаетъ осмотрѣть у насъ то, что нестоитъ осмотра» и продолжалъ, обратясь къ братьямъ Габбе, также на польскомъ языкѣ: «Здѣсь у насъ все такая дрянь, на которую я прошу васъ не смотрѣть, но если вы хотите ко мнѣ быть добрымъ, посѣтите меня въ Славутѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, который теперь за границей, тамъ есть кой-что, на что́ вы можете обратить ваше вниманіе». На возвратномъ пути мы отобѣдали у управляющаго и верхняго этажа не осматривали; становилось уже темно, а безъ освѣщенія мы не могли бы видѣть для насъ рѣдкости, а для князя Сангушки — дряни. Мнѣ говорили поляки, что этому, случайно мной видѣнному молодому, умному, бойкому, благородному князю отецъ назначилъ въ наслѣдство русское имѣніе, гдѣ было 60 т. душъ крестьянъ, а другому сыну—такую же часть въ Галиціи, куда старикъ переѣхалъ изъ любимаго имъ царски-великолѣпнаго Славута на житье до гроба.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ 8-го мая и выѣхалъ изъ святаго мѣста 12-го. Три дня посвящены были мной на осмотръ тѣхъ древностей, которыя памятны мнѣ были по исторіи или указывались мѣстными жителями.

Оставляя Кіевъ, я вникъ въ смыслъ и пользу правила каждой вѣры: молись, вѣруй и не разсуждай.

Въ Кіевѣ я нанялъ извощика и до Пензы ѣхалъ на долгихъ. Въ пути на ночлегахъ, на дневныхъ кормежкахъ, насмотрѣлся я, проѣзжая чрезъ Полтавскую губернію въ Курскъ, на лѣность хохловъ, бойкость и безстыдство въ запросахъ за кормъ лошадей и пищу путниковъ. Въ Курскѣ и Тамбовѣ я не останавливался, а ямщикъ мой, котораго разсчету я подчинялся, кормилъ свою тройку за этими городами.

Наконецъ чрезъ 20 дней пути пріѣхалъ я въ Пензу и остановился въ квартирѣ полковаго командира Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка Александра Андреевича Габбе, къ которому имѣлъ письма отъ братьевъ его, Михаила и Петра Андреевичей. И всѣ они въ гробу, а я, дорожившій ихъ дружбой, еще живу.

Digitized by Google

Александръ Андреевичъ съ полкомъ находился въ Москвѣ, и я, отдохнувъ сутки, отправился на перекладныхъ одинъ въ Уфу.

Сердце мое облилось кровью, когда я вошелъ въ ветхій домъ моего отца и увидалъ маленькій флигель, гдѣ помѣщалась мать моя съ двумя своими дочерьми. Вездѣ была видна нужда, и эту нужду переносилъ отецъ мой съ тѣмъ спокойствіемъ, которое было основано на истинно честной его службѣ царю и обществу.

Небольшую деревеньку моего отца я взялъ въ свое управленіе. Два года съ половиной работалъ съ утра и до ночи съ крестьянами, но, какъ не разъ замѣчалъ мнѣ родной мой дядя Иванъ Михайловичъ Аничковъ, довольно зажиточный помѣщикъ и нашъ односелецъ, что при всей моей неутомимости изъ ничего не сдѣлаешь ничего (ex nihilo nihil fit).

Доходъ съ 30 десят. въ каждомъ полѣ и при самомъ хорошемъ урожаѣ и своевременной уборкѣ съ поля не могъ обезпечивать семейство изъ 5 лицъ.

Отцу моему за нѣсколько лѣтъ до моей отставки досталось въ наслѣдство по матери его, а моей бабкѣ, урожденной изъ рода Ярцовыхъ, въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи 20 душъ съ 220 дес. земли. Наслѣдство послѣ Ярцова должно было раздѣлить въ земляныхъ угодьяхъ между двоюродной сестрой отца моего Жедринской и роднымъ братомъ его Мемномъ Григорьевичемъ. Г-жа Жедринская получила по правамъ наслѣдства 20 душъ, а другія 20 достались отцу моему, при покупкѣ 10 душъ отъ его брата. Осенью въ 1827 году я отправился на своихъ лошадяхъ для раздѣла къ однимъ мѣстамъ земли. По данному мнѣ маршруту пріѣхалъ я съ неограниченной довѣренностію въ с. Кольцовку, гдѣ слѣдовало выдѣлить намъ 80 десятинъ для 20 душъ.

Разскажу здѣсь важный въ моей всей послѣдующей жизни случай, отъ котораго изъ мелкаго помѣщика сдѣлался я управляющимъ огромными имѣніями гг. Нарышкиныхъ. Петръ Андреевичъ Габбе, по отъѣздѣ моемъ изъ мѣстечка Бѣлогородки, гдѣ я, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, гостилъ у его брата, Михаила Андреевича, отправился въ г. Одессу, гдѣ дружески расположенный къ нему Левъ Александровичъ Нарышкинъ обзавелся великолѣпнымъ домомъ и поселился тамъ на жительство. Благородный генералъ,

Digitized by Google

послѣ совѣщаній о будущей жизни своего сослуживца, предложилъ ему въ управленіе все свое имѣніе въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ въ числѣ 12 тысячъ душъ со 150 тысячами десятинъ земли.

На замѣчаніе Петра Андреевича, что онъ понятія не имѣетъ о сельскомъ хозяйствѣ, ни объ оброкахъ, ни о конторской отчетности и, наконецъ, ни о самыхъ нравахъ простолюдина, генералъ отвѣчалъ: «по назначенію моего брата Кирилла Александровича теперь управляетъ обѣими нашими частями какой-то тупоумный лежебокъ Сухаревъ, а двумя тысячами душъ въ Саратовской губерніи, выдѣленными мнѣ покойнымъ моимъ отцомъ, завѣдуетъ бывшій мой камердинеръ Иванъ Гусятниковъ, котораго, когда вы увидите, то удивитесь моему выбору, но въ оправданіе этого выбора скажу только то, что дуракъ по крайней мѣрѣ честенъ, а честность на руку — у насъ на всѣхъ ступеняхъ нашей администраціи очень рѣдка. Итакъ, съ вашимъ умомъ, съ вашими благородными свойствами, вы скоро изучите то, что кажется вамъ теперь непонятнымъ, и вы, какъ другъ мой и сослуживецъ, окажете мнѣ истинное благодѣяніе, принявъ все мое имѣніе въ управленіе со всѣми правами, какими я, какъ владѣлецъ, по законамъ пользуюсь».

Петръ Андреевичъ подалъ руку благородному генералу и съ неограниченной довѣренностію пріѣхалъ въ село Березовку Саратовской губерніи, гдѣ и водворился въ небольшомъ домикѣ съ своей значительной библіотекой, которая состояла изъ французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, англійскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ. По пріѣздѣ въ село Березовку, Петръ Андреевичъ извѣстилъ меня письмомъ о своемъ управительствѣ и звалъ меня навѣстить его, когда поѣду въ свои симбирскія в о т ч и н ы.

Еще и то надобно сказать, что, при встрѣчахъ моихъ съ уфимскими юристами, они совѣтывали мнѣ развѣдать о продажѣ 400 душъ съ большимъ количествомъ земли покойнымъ Ярцовымъ какому-то смѣлому и находчивому покупщику, котораго прозванія не упомню. Ярцовъ, очень богатый помѣщикъ, родной дядя моей бабки, былъ горькій пьяница. Къ старому холостяку, у котораго была изъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ подруга, собирались разнаго рода гуляки, и онъ въ одинъ изъ такихъ разгульныхъ дней под-

Digitized by Google

писалъ пьяный на продажу 400 душъ со всей при селѣ, въ которомъ онъ жилъ, землей. На другой или третій день послѣ перепоя Ярцовъ померъ, и покупщикъ вошелъ во владѣніе имѣніемъ, которое было имъ куплено, какъ говорила молва, за штофъ вина.

«Въ томъ селѣ, гдѣ вамъ, достались 20 душъ съ 80 десят. земли послѣ Ярцова, проживаетъ,—говорилъ мнѣ юристъ,—бывшій въ Челябѣ исправникомъ и не такимъ, какъ вашъ батюшка, Петръ Ивановичъ Степановъ, который послѣ своего отца наслѣдовалъ въ селѣ Кольцовкѣ 150 душъ съ землей до 1.500 десят., а отецъ этого Степанова былъ побочный сынъ Ярцова, но тутъ все устроено на законномъ порядкѣ, и вамъ отыскивать правъ на часть Степанова нѣтъ никакой возможности. О продажѣ за штофъ вина вы можете разузнать въ Ставропольѣ и Симбирскѣ, и ваша тетушка Жедринская разскажетъ вамъ всѣ подробности этой покупки».

Я спрашивалъ моего отца о правахъ нашихъ на искъ продажи за штофъ вина, и онъ мнѣ объяснилъ, что по всѣмъ справкамъ дѣло это для насъ потеряно, да еслибы и была возможность приступить къ иску, то нѣтъ у насъ ни малѣйшихъ силъ къ тяжбѣ, какъ не было силъ бороться въ потерѣ казанскихъ нашихъ земель съ богатымъ заводчикомъ, гдѣ права наши гораздо яснѣе, чѣмъ въ Ярцовской продажѣ.

Я выкинулъ изъ головы тяжбы, которыя и теперь для меня отвратительны. Я пріѣхалъ въ с. Кольцовку и остановился въ домѣ зажиточнаго и очень толстаго Степанова, который принялъ меня, какъ роднаго.

Раздѣлъ мой съ теткой былъ конченъ, и я, рѣшась на продажу доставшейся намъ части Степанову, которому дорога была межа къ загону, отправился въ с. Березовку къ Петру Андреевичу. Языкъ до Кіева доведетъ, такъ и меня довелъ до Березовки по неизвѣстному мнѣ глухому пути.

Я оставилъ въ Кольцовкѣ двухъ людей, кучера и камердинера моего, Аполлона Антипатр. Красменева, захворавшихъ сильнымъ поносомъ и рвотой, а самъ на смѣнныхъ подводахъ въ осеннюю грязь и слякоть явился къ Петру Андреевичу одинъ. Благородный мой сотерпѣливецъ радъ былъ моему пріѣзду и сильно побранилъ

Digitized by Google

меня за поѣздку безъ слуги. Мѣсяцъ прогостилъ я въ Березовкѣ; воспоминаніе о прошедшихъ нашихъ дѣлахъ, мои оправданія дѣйствій его высочества Константина Павловича противъ возмутительныхъ выходокъ нашего полка, его великодушіе къ безразсудствамъ Пущина коротали длинные осенніе вечера. Петръ Андреевичъ, въ теченіе года, уже ознакомился съ своими сосѣдями-помѣщиками и управляющими большихъ имѣній. Я ѣздилъ съ нимъ къ его знакомымъ и былъ предметомъ толковъ о моей фамиліи и даже моемъ богатствѣ. Смежнымъ имѣніемъ графа Разумовскаго съ имѣніемъ Л. А. Нарышкина управлялъ надворный совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Фроловъ. Радушное гостепріимство пожилаго человѣка собирало у него на именины и праздники всѣхъ помѣщиковъ села Туркова, гдѣ насчитывали до 50 человѣкъ. Помню ужинъ у И. М. Фролова, за которымъ сидѣло лицъ 30, считая и его семейство, а оно составляло съ приживалками, учителемъ, гувернанткой не менѣе 15 ѣдоковъ. Старикъ ходилъ кругомъ стола, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «не родственникъ ли вамъ Михаилъ Ѳедотовичъ Веригинъ или Василій Петровичъ Веригинъ?» Я отвѣчалъ, что всѣ Веригины родственники мнѣ по гербу, который въ теченіе 600 лѣтъ, т. е. съ самаго выѣзда нашего предка изъ Польши, мы имѣемъ одинъ.

Тутъ пустился добрый Иванъ Михайловичъ описывать знатность Михаила Ѳедотовича, красоты его сестеръ, которыя, при императрицѣ Екатеринѣ II-й были фрейлинами, ихъ замужество за первыхъ вельможъ тогдашняго времени, Плещеева и Донаурова, потомъ разсказывалъ о богатствѣ и причудахъ другаго Веригина, Василія Петровича, который жилъ чрезмѣрно скупо, получая съ своего огромнаго имѣнія до 300 тысячъ рублей. Послѣ узналъ я, что Фроловъ зналъ геральдику всѣхъ московскихъ и петербургскихъ боярскихъ домовъ; онъ управлялъ домомъ графа Разумовскаго и женился на киргизкѣ—воспитанницѣ княгини Мещерской, которую любила княгиня, какъ свою дочь.

Я былъ на именинномъ пиру турковскаго аристократа, очень добраго и гостепріимнаго старика, Николая Ивановича Суровцева. На этомъ пиру фамилія моя подала поводъ между гостями

Digitized by Google

къ разговору о богатствѣ, древности и повсемѣстной извѣстности рода Веригиныхъ. Гости вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Фроловымъ сдѣлали такое заключеніе обо мнѣ, что я пріѣхалъ къ Петру Андреевичу и какъ его сослуживецъ и какъ богатый человѣкъ, который своимъ посѣщеніемъ хотѣлъ почтить его и показать всему околодку балашевскихъ дворянъ, что сослуживецъ мой въ глазахъ моихъ не уронилъ себя, поступивъ въ управляющіе къ Нарышкину. Мы ночевали у Суровцева и на другой день, за завтракомъ, я видѣлъ особенное вниманіе къ себѣ хозяина и хозяйки. По пріѣздѣ въ Березовку, Петръ Андреевичъ разсказалъ мнѣ, что на вечернемъ балу Суровцева къ нему многіе изъ гостей подходили съ разспросами о моемъ богатствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ даже опредѣлили богатство мое въ 3.000 душъ, и это-то мое богатство было причиной моего вѣса въ глазахъ всѣхъ танцующихъ и не танцующихъ подъ три, четыре скрипки съ контрабасомъ, фаготомъ, кларнетомъ и флейтой. Въ Варшавѣ Петръ Андреевичъ не бывалъ даже и на придворныхъ балахъ, которые давались у намѣстника Царства Польскаго З а е н ч и к а и на которые приглашались офицеры по опредѣленному числу билетовъ для каждаго полка. Я удивился умѣнью изгнанника въ танцахъ, когда въ первый разъ увидалъ его на танцовальномъ вечерѣ балашевскаго стряпчаго и еще болѣе удивился веселости того, кто перешелъ въ тотъ кругъ и въ тотъ бытъ, къ которымъ никогда не могъ принадлежать. Французскій языкъ для балашевскихъ дамъ былъ верхомъ наслажденія, и березовскій французъ по языку былъ для нихъ самымъ привлекательнымъ кавалеромъ. Дамы всего балашевскаго околодка въ глазахъ моего сотерпѣливца были, по образованію своему, много выше мужскаго пола, и мой къ женскому полу слабый сослуживецъ находилъ истинное наслажденіе въ волокитствѣ за балашевскими чепчиками. Я прожилъ въ Березовкѣ цѣлый мѣсяцъ, видѣлъ занятія высокообразованнаго человѣка, которыми наполнялъ онъ пустоту степной жизни и которыя состояли въ чтеніи, перепискѣ съ нѣкоторыми того времени литераторами и главное въ мудрыхъ его распоряженіяхъ по имѣніямъ Л. А. Нарышкина. Петръ Андреевичъ помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ журналахъ, а цѣнитель его литературныхъ трудовъ былъ князь Петръ Андреевичъ

Digitized by Google

Вяземскій, который былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ еще въ Варшавѣ. Князь былъ столь внимателенъ къ изгнаннику, что пріѣзжалъ къ нему въ село Березовку, кажется, на пути изъ Петербурга въ свое сосѣднее имѣніе. Князь Вяземскій, во время пріѣзда Петра Андреевича подъ чужимъ именемъ въ Москву, доставилъ ему случай познакомиться съ знаменитымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ.

При входѣ Габбе къ князю Вяземскому въ гостиную, Пушкинъ,—какъ разсказывалъ мнѣ Петръ Андреевичъ,—увивался около супруги князя и другихъ тутъ бывшихъ дамъ. Князь, обмѣнявшись съ своимъ гостемъ привѣтами, обратился къ Пушкину съ приглашеніемъ на пару словъ. Знакомство негласнаго литератора съ знаменитымъ поэтомъ началось безъ представленія одного другому, и это, кажется, показывало, что одинъ, какъ либеральный поэтъ, а другой, какъ либеральная высокаго ума личность, не должны были входить въ разсчетъ представленій, чѣмъ обыкновенно представляемый всегда становится ниже того, кому его представляютъ. Пушкинъ сѣлъ на лежанку камина, свѣся одну ногу на уголъ лежанки и, нѣсколько согнувшись, принялъ участіе въ разговорѣ стоявшихъ подлѣ него князя и Габбе. Рѣчь пошла о недавно вышедшей какой-то поэмѣ Языкова; князь находилъ въ тѣхъ мѣстахъ красоты, которыми Пушкинъ не сильно восхищался, Габбе подавалъ свой голосъ при обращеніи къ нему того или другаго изъ поэтовъ. Разговоръ литераторовъ продолжался съ часъ, и Петръ Андреевичъ убѣдился, что знаменитый нашъ народный поэтъ болѣе геніальный, нежели ученый поэтъ.

Я воротился въ с. Кольцовку къ Степанову, гдѣ снова пошли разсказы о его исправническихъ въ тяжбѣ слѣдствіяхъ, о придиркахъ губернскаго правленія къ его карману, объ умѣньи его ладить со всѣми властями.

---

*

Digitized by Google

XIX.

Наконецъ воротился я въ Уфу, гдѣ готовились къ выборамъ. И вотъ настали и выборы на всѣ мѣста, кромѣ исправничьихъ, которыя замѣщались такъ называемыми комитетскими чинами. Непріятно вспоминать о толкахъ съ спорами и ссорами для замѣщенія тѣмъ или другимъ лицомъ того или другаго выгоднаго мѣста.

Я рѣшилъ вступить снова въ военную службу, но вступить не могъ иначе, какъ съ разрѣшенія его высочества цесаревича Константина Павловича.

По этому случаю отецъ мой просилъ обо мнѣ въ письмахъ цесаревича и начальника его штаба графа К у р у т у.

Графъ Дмитрій Дмитріевичъ отъ 30-го ноября 1826 г., за № 6065 прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Письма ваши къ его императорскому высочеству цесаревичу и ко мнѣ, о исходатайствованіи позволенія сыну вашему въѣзжать въ столицы, дабы онъ, вступивъ въ службу, могъ заслужить свои проступки и быть тамъ полезнымъ, я представлялъ его императорскому высочеству, и государь цесаревичъ изволилъ отозваться, что отъ сына вашего зависѣло оставаться на службѣ и стараться усердіемъ и ревностію обратить на себя вниманіе, подобно какъ капитанъ П у щ и н ъ, въ одно время съ нимъ наказанный по суду, остался на службѣ понынѣ и заслужилъ уже особенное вниманіе, такъ что переведенъ по-прежнему въ гвардію; но сынъ вашъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку тогда, какъ должно было ему еще заглаждать свои проступки,—и такъ его императорское высочество не можетъ удовлетворить вашей просьбы; но впрочемъ изволитъ желать знать, въ какую именно службу и гдѣ полагаете его опредѣлить?

«О таковомъ отзывѣ его императорскаго высочества извѣщая васъ, прошу увѣдомить меня для доклада государю цесаревичу, куда хотите опредѣлить онаго сына вашего?»

30-го декабря отецъ мой отвѣчалъ начальнику штаба его высо-

Digitized by Google

чества: что желаетъ, чтобы сынъ его, подпоручикъ Николай Веригинъ, вступилъ въ тотъ полкъ, гдѣ онъ сдѣлалъ проступокъ; тамъ на глазахъ государя цесаревича можетъ онъ заслужить своей службой высокое вниманіе царственнаго своего начальника.

Графъ Курута отъ 31-го генваря 1827 года отвѣчалъ на это:

«Письмо ваше ко мнѣ отъ 30-го минувшаго декабря, съ изъявленіемъ желанія вашего, дабы сынъ вашъ былъ опредѣленъ на службу по-прежнему подъ начальство его императорскаго высочества, я всенижайше докладывалъ государю цесаревичу, и его императорское высочество изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что ежели онъ хочетъ опять поступить въ 50-й Егерскій полкъ, изъ коего вышелъ въ отставку, то прислалъ бы, какъ слѣдуетъ прошеніе объ опредѣленіи его въ оной, а тогда его императорское высочество представитъ о семъ государю императору; на опредѣленіе же его въ другой какой-либо полкъ его императорское высочество не согласенъ».

Вся переписка моя съ Курутой чрезъ моего отца пересылалась Петру Андреевичу въ копіяхъ; онъ желалъ знать о послѣдствіяхъ этой переписки. На второе письмо Куруты я рѣшилъ не отвѣчать. Возвратъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ надобно было выслуживать въ томъ полку, гдѣ я офицеромъ только числился, а въ дѣйствительности былъ гостемъ моихъ благородныхъ начальниковъ.

Я зналъ, что буду въ полку съ моимъ подпоручичьимъ чиномъ въ тягость, начиная съ ротнаго командира до полковаго, и потому счелъ за лучшее ожидать какого-либо случая для другаго рода общественной службы. До апрѣля мѣсяца 1828 года, всѣ дни посвящалъ я маленькому своему хозяйству, ѣздилъ къ башкирцамъ для покупки на избы крестьянамъ лѣса, видѣлъ, что все у насъ управляется, всякое дѣло начинается и оканчивается взяточничествомъ, подкупомъ, и сердце сжималось при одной мысли о вступленіи въ какую-либо гражданскую должность. Въ концѣ марта 1828 года, я получилъ отъ Петра Андреевича письмо, которое рѣшило мою судьбу на всю жизнь.

Петръ Андреевичъ совѣтовалъ мнѣ оставить мечты о той службѣ, гдѣ сослуживцы, наши одночинцы, сдѣлаются нашими начальниками, а начальство Грессера, Желтухина и другихъ будетъ мнѣ не-

Digitized by Google

выносимо. «Бросьте, писалъ изгнанникъ, переписку, въ которой у васъ идетъ торгъ о вступленіи въ полкъ, гдѣ вы сдѣлали по вашимъ словамъ проступокъ, а по-моему и самого Куруты мнѣнію, лишены были чиновъ Богъ знаетъ за что, бросьте, говорю, виды на Варшаву, а лучше примите частное мѣсто, подъ моимъ товарищескимъ руководствомъ, въ имѣніи нашего доброжелателя, Льва Александровича Нарышкина. Въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, находится имѣніе нашего генерала, въ которомъ слишкомъ 3 т. душъ крестьянъ. Это имѣніе извѣстно подъ названіемъ Земецкой волости, которой управлялъ маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ, товарищъ мой по кадетскому корпусу, недавно умершій отъ чахотки въ селѣ Земечинѣ. Пріѣзжайте занять его мѣсто, а при незавидномъ положеніи нашего генерала, который, какъ вы знаете отъ меня лично, наслѣдовалъ отъ своего отца, знаменитаго игрока и мота, Александра Львовича, громадный долгъ, едва-ли не свыше цѣнности всего имѣнія, я не могу вамъ предложить болѣе 2.000 р. и нѣкоторую провизію. Отвѣчайте мнѣ на это письмо пріѣздомъ въ Земечино и тѣмъ докажите вашу дружбу ко мнѣ; мы часто будемъ видѣться, Березовка отъ Земечины въ 250 верстахъ».

Изъ своей голодной и холодной Подымаловой отправился я къ своимъ двоюроднымъ братьямъ Хирьякову (губернатору) и Михайлову (губернскому почтмейстеру) въ Уфу съ вѣстью, что оставляю переписку свою съ Курутой о вступленіи въ военную службу и принимаю частное мѣсто у генерала Нарышкина подъ руководствомъ того, кто своимъ высокимъ умомъ, благородствомъ поступковъ, образованіемъ, всегда умѣлъ подчинить меня себѣ. Эти братцы, едва-ли не изъ желанія сбыть изъ Уфы неугомонный языкъ противъ подъячества, поспѣшили увѣрить меня, что на этой степени общественной работы я болѣе принесу пользы и своему незавидному положенію, и тому классу людей, «который, какъ говорилъ Хирьяковъ, ты называешь производителями, а насъ истребителями».

Въ нѣсколько часовъ уложилъ я свой чемоданъ, сѣлъ съ своимъ служителемъ Аполлономъ Антипатровымъ Красменевымъ, и 20-го марта поскакалъ еще по зимней дорогѣ въ Тамбовскую губернію на перекладныхъ. Изъ Бугульмы я заѣхалъ въ деревню

Digitized by Google

Исаковку моего роднаго по матери дяди Ивана Михайловича Аничкова.

Здѣсь вѣсть моя о моей карьерѣ озадачила моего дядю до того, что онъ стоявшему передъ нами слугѣ съ чаемъ громко сказалъ: «Ванька, ступай, пошли ко мнѣ моего управляющаго Тимошку».

Сколько я ни силился увѣрить дядю, что мѣсто управляющаго не унизительно для меня, онъ на одномъ уперся и кричалъ: «это мѣсто не дворянское, здѣсь надъ тобой будутъ величаться и тѣ грязные подъячіе, которыхъ ты не принялъ бы въ своей передней и которые, при своемъ невѣжествѣ, не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить твоихъ нравственныхъ качествъ; конечно, они будутъ считать тебя не дуракомъ для поживы, и въ этомъ убѣжденіи, при каждомъ случаѣ, будутъ дѣлать набѣги на твой кошелекъ всѣмъ своимъ нахальствомъ».

8-го апрѣля 1828 года, на другой день Святой недѣли, я пріѣхалъ въ село Земечину и здѣсь испыталъ всѣ боли самолюбію не столько отъ грубаго невѣжества крестьянъ, сколько отъ просвѣщеннаго нашего такъ называемаго чиновничества, которое отъ крестьянъ отличалось умѣньемъ читать и писать.

Все мнѣ и до сихъ поръ памятно со дня моего вступленія въ управленіе Земецкой волостію, а именно съ 14-го апрѣля 1828 года, и все мной будетъ разсказано съ полной откровенностью.

Въ селѣ Земечинѣ меня встрѣтилъ отецъ Петра Андреевича—Андрей Андреевичъ, который на пути въ свою маленькую пензенскую деревеньку остановился въ Земечинѣ до лѣтняго отъѣзда въ Пензу.

Добрый, умный старецъ принялъ меня съ любовью и пріютилъ въ томъ же небольшомъ домикѣ, въ которомъ самъ жилъ. Здѣсь же встрѣтилъ меня помощникъ бывшаго до меня управляющаго Земецкой волостью маіора Банажа-фонъ-деръ-Кейтъ, Андрей Богдановичъ Конштетъ.

Урожденецъ Пруссіи, происхожденія еврейскаго, исповѣданія лютеранскаго, солдатъ прусской арміи, Конштетъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1812 году подъ Можайскомъ и остался въ Россіи, гдѣ переходилъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ приглашенъ былъ Банажемъ-фонъ-деръ-Кейтъ помощникомъ для управленія моршанскимъ

Digitized by Google

имѣніемъ Льва Александровича Нарышкина. Этотъ Конштетъ былъ олицетворенная честность, неутомимой дѣятельности и столь добръ, что не имѣлъ часто гроша въ своемъ кошелькѣ; добрякъ раздавалъ свое жалованье тѣмъ, кто, по его мнѣнію, болѣе нуждался въ деньгахъ, и должники-крестьяне рѣдко возвращали благотворительному Конштету долги свои, а онъ объ нихъ никогда и не помнилъ.

Маіоръ Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ служилъ въ гусарскомъ полку и былъ соученикомъ П. А. Габбе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. По выходѣ въ отставку за ранами, былъ приглашенъ въ помощники для управленія моршанскимъ имѣніемъ графа Кутайсова сослуживцемъ своимъ, барономъ Таубе, который управлялъ всѣмъ тамбовскимъ имѣніемъ любимца императора Павла. Когда баронъ Таубе оставилъ управленіе имѣніемъ Кутайсова, то Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ не согласился занять его мѣсто: благородный и во всей силѣ слова честный маіоръ не хотѣлъ оставаться у Кутайсова, въ которомъ видѣлъ неблагодарнаго человѣка въ отношеніи полковника Таубе. Когда Петръ Андреевичъ, по принятіи въ управленіе всѣхъ имѣній Л. А. Нарышкина, пріѣхалъ въ Моршанскъ, то и пригласилъ опытнаго въ управленіи чужимъ имѣніемъ товарища своего для управленія Земецкой волостью. Банажъ-фонъ-деръ-Кейтъ съ годъ управлялъ моршанскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина; военная служба наградила его грудной болѣзнью, давъ ему за раны ордена и ничтожный при отставкѣ пенсіонъ, а безпрестанное и добросовѣстное мученіе съ чужимъ мужикомъ развило въ немъ чахотку и свело въ молодыхъ еще годахъ въ могилу. Банажъ оставилъ вдову съ двумя сыновьями и двумя дочерьми. Петръ Андреевичъ Габбе оставилъ вдовѣ часть провизіи, которую получалъ ея мужъ, а чрезъ годъ она переѣхала къ барону Антону Максимовичу Таубе.

Баронъ, разставшись непріязненно съ Кутайсовымъ, принялъ въ управленіе имѣніе графа Разумовскаго въ Пензенской губерніи, подъ названіемъ Ершовской волости, которая состояла изъ 6 тысячъ душъ крестьянъ. Здѣсь заслуженный полковникъ былъ благотворителемъ многихъ сиротъ и многихъ вдовъ и здѣсь лѣтъ чрезъ 6 подвергся, по Высочайшему повелѣнію изслѣдованію своего управленія имѣніемъ графа Разумовскаго, который жилъ

Digitized by Google

въ Одессѣ и считался помѣшаннымъ. Старикъ Разумовскій имѣлъ 2-хъ сыновей и 2-хъ дочерей отъ законной жены своей, урожденной графини Шереметевой, 4-хъ сыновей и, кажется, одну дочь, отъ любимой своей крѣпостной дѣвушки.

Связь съ любимой дѣвицей была причиной раздора сыновей отъ Шереметевой съ своимъ отцомъ, и этотъ раздоръ заперъ молодыхъ Разумовскихъ въ монастырь, гдѣ они содержались нѣсколько лѣтъ. По выпускѣ изъ монастыря, одинъ остался, какъ совершенно помѣшанный, подъ опекой, а другой, довѣритель барона Таубе, жилъ въ Одессѣ и едва-ли зналъ, что̀ дѣлается въ его пензенскомъ имѣніи. Я прежде говорилъ о Ив. Мих. Фроловѣ, который управлялъ саратовскимъ имѣніемъ состоявшаго подъ опекой Разумовскаго. И Таубе и Фроловъ были на пути моемъ изъ села Земечины въ село Березовку къ П. А. Габбе; проѣздъ мимо считался грѣхомъ гостепріимными жильцами села Ершова и села Аркадскаго, и я нерѣдко бывалъ ихъ путевымъ гостемъ. Какъ Таубе, такъ и Фроловъ были впослѣдствіи уволены отъ управленія имѣніями Разумовскихъ и первый съ большими непріятностями.

Не буду описывать причинъ ихъ увольненія отъ занятій, а скажу одно, что поводомъ къ изслѣдованію воеводства барона Таубе въ Ершовѣ была статья въ журналѣ «Телеграфъ», подъ заглавіемъ «Баронъ управляющій», и эта статья обратила на себя вниманіе императора Николая I-го, который не жаловалъ и въ нашихъ частныхъ занятіяхъ не чистыхъ дѣлъ.

П. А. Габбе писалъ мнѣ, что статья «Баронъ управляющій» обществомъ турковскихъ болтуновъ приписывается мнѣ, и онъ дивился одному, почему я не хотѣлъ предварительно увѣдомить его о моемъ намѣреніи огласить дѣйствія своего сосѣда. Я отвѣчалъ, что вранье турковское и останется враньемъ, и мы вскорѣ узнали сочинителя статьи—это бытъ богатый пензенскій помѣщикъ Ив. Васильевичъ Сабуровъ.

И странное дѣло, какъ баронъ Таубе, такъ и Фроловъ, оставивъ частныя занятія, умерли почти въ нищетѣ, особенно послѣдній, а между тѣмъ общее мнѣніе людей, подобныхъ безпристрастному и

Digitized by Google

во всей силѣ слова образованному и благородному Сабурову, было не въ пользу честныхъ правилъ обоихъ.

Тамбовское имѣніе покойнаго Алекс. Льв. Нарышкина было раздѣлено въ Моршанскомъ и Шацкомъ уѣздахъ, по равнымъ частямъ, между его двумя сыновьями Львомъ и Кирилломъ Александровичами. По мѣстному качеству земли, часть Кирилла Александровича считалась лучшей, чѣмъ Льва Александровича. Въ имѣніи, гдѣ дѣлятся сотни тысячъ десятинъ земли, нѣтъ возможности уравнить дѣлимыя части до непогрѣшимой точности.

Крестьяне села Земечины, въ которомъ было слишкомъ 3 тысячи душъ, встрѣтили меня крикомъ: «дай хлѣбца, малыя дѣточки съ голоду померли». Въ толпѣ стояли очень зажиточные мужики, которые еще громче взывали, что имъ ѣсть нечего, что скотина у нихъ подохла отъ безкормицы и что имъ не въ моготу идти на барщину. Служители конторы, послѣ многихъ своихъ «не знаю» на спросы мои о состояніи просителей, наконецъ указали на 3-хъ крестьянъ, которые торговали даже гуртами, а другіе имѣли большіе пчельники. А какъ нашъ русскій мужичекъ ни въ чемъ не считаетъ себя виноватымъ, то и здѣсь уперся на одномъ, что и ему надобно дать хлѣба и корму лошадямъ: «я завсегда барщину правлю, а они, лодари, безлошадные, за что же имъ однимъ давать!» Таковы понятія нашихъ крестьянъ во всѣхъ почти имѣніяхъ на барщинѣ о ссудахъ и пособіи, которыя дѣлаются повѣренными помѣщиковъ.

Не буду описывать всѣхъ барщинныхъ работъ въ принятомъ мной моршанскомъ г. Нарышкина имѣніи, которое, какъ уже не разъ говорилъ, состояло изъ 3-хъ тысячъ душъ. Эти 3-хъ тысячи душъ были поселены въ 2-хъ селахъ подъ названіемъ Земечино и Раево и 4-хъ деревняхъ: Крутецъ, Голодовка, Марсово и Паново. Послѣднія двѣ деревни находились въ лѣсу, котораго при нихъ числилось 17.500 десятинъ, а первыя 4 селенія состояли при 22 тысячахъ десятинъ и были разъединены чужими имѣніями отъ лѣсныхъ небольшихъ деревень на разстояніи 20 верстъ.

Съ первыхъ дней моего хозяйствованія было сказано всѣмъ безъ изъятія, что всѣ работы въ полѣ, на гумнѣ, въ лѣсахъ, на мель-

Digitized by Google

ницахъ и пр., будутъ слѣдимы мной не на одной бумагѣ, а собственными глазами на мѣстѣ.

8 іюля 1828 года село Канобеево Л. А. Нарышкина, Шацкаго уѣзда, въ день ярмарки почти все сгорѣло, и изъ числа 300 дворовъ осталось не болѣе 70. Прекрасный, деревянный, богато меблированный, съ картинной галлереей домъ, въ которомъ любилъ пировать знаменитый острякъ и радушный для всѣхъ дворянъ хлѣбосолъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сдѣлались жертвой огня; двѣ деревянныя церкви, оранжереи обратились въ пепелъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Петръ Андреевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Земечино и отъ меня отправился въ Канобеево для устройства погорѣвшихъ крестьянъ. Чрезъ недѣлю возвратился мой сотерпѣливецъ ко мнѣ и, разсказавъ о всѣхъ непозволительностяхъ управляющаго Канобеевской волостію поручика К — а, ввѣрилъ мнѣ въ управленіе шацкое имѣніе своего довѣрителя. К., хотя и зналъ образъ мыслей своего довѣрителя П. А. Габбе о чести и строгія его правила во всѣхъ дѣйствіяхъ по управленію всѣми имѣніями Л. А. Нарышкина, но соблазнился дарами крестьянъ, которымъ рѣшился отпускать лѣсъ свыше назначенія своего главноуправляющаго, и чрезъ это лишился мѣста.

Село Канобеево пришлось мнѣ устраивать по тому порядку, какой мной былъ съ Петромъ Андреевичемъ признанъ болѣе удобнымъ на случай новыхъ пожаровъ, столь частыхъ на Руси отъ пьяныхъ праздниковъ, дѣвичьихъ посидѣлокъ и другихъ въ разныхъ видахъ бѣдъ. Шацкое имѣніе было раздѣлено между двумя братьями Александромъ и Дмитріемъ Львовичами Нарышкиными только въ числѣ душъ, а въ земляхъ они не были еще размежеваны; эта работа упала на мою долю, когда всѣ имѣнія предоставлены были подъ мое главное управленіе по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу на вѣчный покой.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Льва Александровича я представилъ своему главноуправляющему проектъ о разселеніи по назначеннымъ мной мѣстамъ большихъ селъ Земечино и Раево и о переселеніи изъ деревень Крутца и Голодовки въ саратовскія Льва Александровича степи лишнихъ крестьянъ свыше земельнаго надѣла, какой мною назначался. Скажу здѣсь, что мой

Digitized by Google

сослуживецъ по гвардіи и въ нашемъ несчастіи по арміи не ожидалъ, чтобы столь громадная затѣя, какъ писалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ, при оффиціальномъ предписаніи Земецкой волостной конторѣ о приведеніи моего проекта въ исполненіе, могла быть исполнима. Саратовскіе Петра Андреевича сосѣдніе помѣщики, считавшіеся опытными въ дѣлахъ съ крестьянами, увѣрили моего сотрудника, что вся Земецкая волость отъ моихъ переселеній взбунтуется.

Не буду описывать всѣхъ дерзостей, ослушаній, волненій отъ крестьянъ при ихъ переселеніи, а повторю всѣмъ извѣстную истину, что, какъ для громадныхъ, такъ и нашихъ ничтожныхъ переворотовъ житейскаго быта населенія, требуется сила воли, и обдуманная перемѣна въ преобразованіяхъ наградитъ государственнаго преобразователя благодарностію, когда онъ будетъ лежать въ гробу, а нашего брата, непримѣтнаго—тогда, когда жертва нашихъ преобразованій вещественно осязать будетъ пользу нашихъ преобразованій.

Въ шацкомъ имѣніи большая часть крестьянъ состояли на оброкѣ, но оброкъ почти съ 3-хъ тысячъ душъ не собирался, а выбивался. Чтобы прекратить выбиваніе оброка, неимущіе были выселены въ нѣсколько вновь заведенныхъ селеній на тѣхъ же правилахъ, на которыхъ разселена была Земецкая волость; въ старыхъ селеніяхъ оставлены оброчные, а въ новыя выселены на барщину. Безобидная для крестьянъ барщина въ нѣсколько лѣтъ поправила ихъ состояніе до того, что послѣдующее управленіе признало возможнымъ обратить ихъ снова на оброкъ.

Село Канобеево было, какъ и село Земечино, съ храмомъ Божіимъ, базаромъ и кабакомъ. Я поставилъ себѣ за правило удалить отъ базара и кабака тѣхъ, которые были данниками ихъ...

При отдѣленіи отъ оброчныхъ барщинныхъ крестьянъ и поселеніи ихъ въ особыя деревни всячески предоставлялся имъ выборъ той стороны полей, какую они считали для себя, какъ по мѣстности, такъ и по грунту земли, за лучшую; три поля крестьянскихъ вырѣзывались отдѣльно отъ трехъ полей помѣщика и окружали усадьбу помѣщика, большей частью устраиваемую на другой сторонѣ рѣчки отъ усадьбы крестьянъ.

Имѣніе Нарышкина было заложено въ банкѣ и опекунскомъ совѣтѣ; по правиламъ кредитныхъ установленій, никакихъ пере-

Digitized by Google

мѣнъ безъ разрѣшенія ихъ нельзя было дѣлать, но мои переселенія шли и безъ разрѣшенія банка и совѣта; исправникъ, хорошо мнѣ знакомый, не настаивалъ на правилахъ кредитныхъ установленій; онъ согласился со мной, что разрѣшеніе придетъ со временемъ, а до того я успѣю сдѣлать доброе дѣло.

XX.

Не буду описывать моихъ похожденій по дѣламъ имѣнія въ губернскомъ правленіи, казенной, уголовной и особенно гражданской палатахъ.

Но вотъ два примѣра изъ промышленныхъ дѣйствій тогдашнихъ членовъ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

На другой годъ моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Л. А. Нарышкина, я пріѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ П. А. Габбе въ село Канобеево. Не имѣя послѣ пожара помѣщенія на усадьбѣ помѣщика, мы остановились въ избѣ крестьянина. Вскорѣ явился къ намъ сотскій села Канобеева съ докладомъ, что пріѣхалъ въ село засѣдатель для слѣдствія о убитой мужикомъ бабѣ и требуетъ харчей. Начальникъ мой далъ приказъ конторскому смотрителю, чтобы казначей отпустилъ деньги на полштофа вина и два калача, и весь этотъ завтракъ приказалъ отнести засѣдателю Олимпію П—у. На мое замѣчаніе, что засѣдатель оскорбится такимъ угощеніемъ, сотерпѣливецъ отвѣчалъ мнѣ, что я еще, какъ видно, не ознакомился съ нравами чиновниковъ земскаго суда. И дѣйствительно засѣдатель принялъ отъ сотскаго полштофъ вина и два калача и только гнѣвался, какъ послѣ оказалось, что всего мало принесъ.

По уходѣ сотскаго отъ насъ, возвратился изъ Канобеевской волостной конторы правитель дѣлъ управленія имѣніями Льва Александровича К о л п а к о в ъ съ представленіемъ конторскихъ книгъ, въ которыхъ противъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей оказались сильныя зло-

Digitized by Google

умышленныя невѣрности. П. А. Габбе приказалъ тотчасъ конторщика Масленкова, друга засѣдателя П—а, посадить въ колодку и не снимать съ него колодки до тѣхъ поръ, покудова пьяный негодяй не приведетъ въ должный порядокъ всей своей злоумышленной путаницы. Вскорѣ, по посадкѣ конторщика въ колодку, я получилъ отъ засѣдателя П—а отношеніе, въ которомъ онъ требовалъ Масленкова для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ по производимому имъ дѣлу о убитой женкѣ, неприсылка же къ нему конторщика Масленкова можетъ остановить разслѣдованіе столь важнаго дѣла, и очень легко могутъ укрыться прикосновенныя къ этому дѣлу лица. На это отношеніе былъ посланъ ему отвѣтъ, что конторщикъ занятъ спѣшными дѣлами, а для рукоприкладства за неграмотныхъ крестьянъ представляется ему вручитель этого отношенія.

Послѣ отвѣта П — у, П. А. Габбе отправился со мной въ главную контору Дмитрія Львовича Нарышкина, гдѣ было назначено соглашеніе о полюбовномъ размежеваніи въ однихъ мѣстахъ земель по имѣніямъ г.г. Нарышкиныхъ. Во время разсматриванія нами вмѣстѣ съ управляющимъ польныхъ канобеевскихъ плановъ, вошелъ засѣдатель П. въ комнату, подошелъ ко мнѣ едва не шатаясь, взялъ меня подъ руку, подалъ мнѣ бумагу со словами, почему я не исполняю его требованій и тѣмъ останавливаю производимое имъ объ убійствѣ женки слѣдствіе.

Товарищъ мой по военнымъ нашимъ бѣдамъ и по тому мѣсту, которое доводило насъ до встрѣчъ съ подобными П—у чиновниками, подошелъ ко мнѣ съ видимой досадой, вырвалъ мою руку изъ-подъ руки пьянаго засѣдателя, взялъ у меня бумагу и, взглянувъ на писаніе подъячаго, сказалъ: «это написано не чернилами, а виномъ, тутъ ничего не видно».

Воспитанникъ земскаго суда отвѣчалъ на этотъ намекъ о его пьяномъ видѣ, что чернила также ясны, какъ ваша плѣшь.

Засѣдатель, возвращаясь въ свой кабакъ, отправилъ въ земскій судъ рапортъ съ донесеніемъ, что слѣдствіе главноуправляющимъ и управляющимъ имѣніями генерала Нарышкина, Габбе и Веригинымъ, за недачею писца къ рукоприкладству остановлено, почему

Digitized by Google

онъ, засѣдатель, и проситъ временное отдѣленіе прибыть на мѣсто для поступленія съ Габбе и Веригинымъ по законамъ.

На другой день этого безсмысленнаго рапорта прибыло въ село Канобеево временное отдѣленіе и, расположась въ крестьянской избѣ, отправило на имя мое и П. А. Габбе очень вѣжливое письменное требованіе для явки въ присутствіе временнаго отдѣленія по касающемуся до насъ дѣлу о убитой крестьяниномъ женкѣ. П. А. Габбе отправилъ съ сотскимъ во временное отдѣленіе отвѣтъ, въ которомъ объяснилъ. что производимое слѣдствіе засѣдателемъ о убитой женкѣ до него не касается, а если временное отдѣленіе находитъ нужнымъ о чемъ-либо его спросить, то можетъ къ нему отнестись письменно, на что́ онъ и будетъ отвѣчать; я же, для узнанія, чего хочетъ отъ насъ уѣздное скопище подъячихъ, отправился лично къ членамъ присутствія.

Въ избѣ за столомъ, на прилавкахъ за зерцаломъ сидѣли два какихъ-то члена и съ ними секретарь, который, замѣтимъ, руководилъ всѣми дѣлами тогдашняго земскаго суда. Мнѣ поданы были вопросные пункты, а какъ отвѣты могли быть не на одинъ часъ, то секретарь и объяснилъ мнѣ, что я могу ихъ написать на дому. Я отправился къ Петру Андреевичу и меня испросилъ позволенія проводить какой-то временнаго отдѣленія писецъ, который доро́гой доложилъ мнѣ, что лучше бы наше дѣло съ обиженнымъ засѣдателемъ П—мъ покончить мировой, а временное отдѣленіе на это будетъ согласно, если мы и его не забудемъ.

Изъ словъ этого посредника было видно, что временное отдѣленіе удовольствуется пятью стами рублей и тѣмъ же г. засѣдатель: «право покончите, ваше благородіе, мировой, я вамъ добра желаю, а то затянутъ васъ и Богъ вѣсть куда, а тамъ дешево не раздѣлаетесь».

Когда сказано было мной грозно, что добрый совѣтъ будетъ доведенъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто иначе будетъ разсматривать наше дѣло, чѣмъ Шацкій земскій судъ, то повѣренный плутовъ, не сказавъ мнѣ ни слова, отправился назадъ къ временному отдѣленію.

Я отвѣчалъ на вопросы временнаго отдѣленія, а между тѣмъ Петръ Андреевичъ отправилъ нарочнаго къ губернатору съ кратким описаніемъ всѣхъ смѣлыхъ нашествій и пьянаго засѣдателя, и

Digitized by Google

его товарищей. Законникъ-секретарь узналъ о посылкѣ къ губернатору, тотчасъ усѣлся съ своими членами на крестьянскія телѣги, и весь этотъ сбродъ отправился въ Шацкъ, а пьянаго засѣдателя оставили для окончанія дѣла, при которомъ обиралъ однихъ уже крестьянъ.

Губернаторъ Ив. Сем. Мироновъ, не дѣлецъ по гражданской службѣ и не гроза по своему характеру и правиламъ, отвѣчалъ Петру Андреевичу, что онъ предписалъ шацкому предводителю произвести слѣдствіе и представить все дѣло въ губернское правленіе.

Начальникъ мой отправился въ саратовское имѣніе, а я чрезъ нѣсколько недѣль, по вызову шацкимъ предводителемъ, изъ Земечины снова пріѣхалъ въ Канобеево, гдѣ нашелъ слѣдователя нашего столкновенія съ грязными чинами земскаго суда. Предводитель далъ мнѣ письменные запросы по дѣлу съ пьянымъ засѣдателемъ и временнымъ отдѣленіемъ. Я описалъ въ отвѣтахъ всю придирчивость подъячихъ и по истеченіи восьмидневнаго слѣдствія при прощаніи благородный предводитель, Василій Петровичъ Мажаровъ, далъ мнѣ совѣтъ не выпускать изъ вида дѣла, которое пойдетъ въ губернское правленіе.

«Въ этомъ высшемъ губернскомъ судилищѣ, говорилъ предводитель, безъ денегъ и правое дѣло сдѣлается неправымъ, а нашъ губернаторъ все подпишетъ, что ему подадутъ, хотя не будетъ участникомъ въ мерзостяхъ своего секретаря Б — а, извѣстнаго взяточника». Мажаровъ хорошо зналъ Б—а по его окладамъ на исправниковъ, а въ Шацкомъ уѣздѣ исправникомъ былъ его родной по сестрѣ племянникъ, но правилъ былъ этотъ молодой человѣкъ не тѣхъ, какихъ исправникъ Моршанскаго уѣзда: онъ не былъ оброчникомъ губернскаго правленія и потому недолго былъ исправникомъ. По прошествіи года, ко мнѣ явился стряпчій Шацкаго уѣзда съ требованіемъ, по указу губернскаго правленія, моего указа объ отставкѣ для препровожденія въ губернское правленіе. Стряпчему былъ данъ мной отвѣтъ, что указа объ отставкѣ со мной нѣтъ, а будетъ доставленъ ему изъ мѣста моего жительства. Спустя мѣсяцъ послѣ этого требованія, я былъ по дѣламъ имѣнія въ Тамбовѣ, гдѣ на улицѣ подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ и вступилъ со мной

Digitized by Google

въ разговоръ о дѣлѣ съ засѣдателемъ П. Вотъ слова неизвѣстнаго мнѣ благороднаго чиновника:

«У васъ требуетъ губернское правленіе указъ объ отставкѣ, это виды на вашъ кошелекъ, примите мѣры противъ нашего правленія, гдѣ нѣтъ числа самыхъ гнусныхъ продѣлокъ; это болото, наполненное всѣхъ родовъ гадами, сходите къ губернатору и объясните ему беззаконное требованіе вашего указа объ отставкѣ».

Я отправился къ губернатору, разсказалъ ему о видахъ губернскаго правленія на мой указъ объ отставкѣ. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ секретаря губернскаго правленія и съ крикомъ объявилъ ему о ненадобности губернскому правленію необходимаго для меня вида, а мнѣ сказалъ, чтобы я не отдавалъ указа объ отставкѣ. Когда я пріѣхалъ въ Канобеево, то стряпчій, для очистки полученнаго имъ указа губернскаго правленія, упросилъ меня дать ему копію съ указа объ отставкѣ. Я исполнилъ просьбу стряпчаго Кельсіева, и все дѣло кончилось тѣмъ, что уголовная палата обобрала, какъ сдѣлалось въ Шацкѣ извѣстнымъ, пьянаго засѣдателя, а меня и Петра Андреевича болѣе уже не тревожили.

Другую исторію разскажу короче; здѣсь взяточничество обставлено не столь базарно. Я получалъ въ гражданской палатѣ свидѣтельство на тамбовское имѣніе обоихъ братьевъ Нарышкиныхъ. Секретарь гражданской палаты, Николай Ѳедоровичъ Е—въ, условился съ моимъ повѣреннымъ въ цѣнѣ за всѣ справки по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, откуда безъ благодарности, какъ говорилъ Е—въ, не добудешь и годы иную справку; а когда будутъ получены всѣ справки, то и за всѣ хлопоты по самой палатѣ для выдачи свидѣтельства. Цѣна была условлена 1.500 рублей ассигнаціями и задатку выдано секретарю 200 р. Къ назначенному Е—мъ времени я снова пріѣхалъ въ Тамбовъ и узналъ, что секретарь гражданской палаты уѣхалъ въ Москву, гдѣ сенатъ уже не разъ ему напоминалъ, чтобы онъ повидался съ нимъ, иначе подъ судъ попадетъ. Помощникъ секретаря С—въ исправлялъ должность секретаря. Этотъ смѣльчакъ объяснилъ моему повѣренному, что до возвращенія Е—ва изъ Москвы свидѣтельство будетъ выдано и что за всѣ хлопоты онъ беретъ только 300 рублей. Я обрадовался столь дешевой сдѣлкѣ и согласился на выдачу С—ву

Digitized by Google

100 рублей впередъ. Е—въ воротился изъ сената съ очень облегченнымъ бумажникомъ, узналъ всю продѣлку своего помощника, у котораго ни на шагъ не подвинулось дѣло впередъ, просилъ меня повидаться съ предсѣдателемъ палаты. Старецъ предсѣдатель В. напустился на меня за мою неосмотрительность и сболталъ мнѣ угрозу, что онъ напишетъ моему довѣрителю Л. А. Нарышкину о небережливости моей и неумѣньи относиться въ дѣлахъ къ тѣмъ, къ кому всѣ присутствующіе палаты имѣютъ полную вѣру: «вы должны знать, что, кромѣ Николая Ѳедоровича, въ палатѣ ни къ кому не должно относиться, вы выдали С—ву 100 рублей, я прикажу ему возвратить эти деньги, а вы обо всемъ можете говорить только съ Николаемъ Ѳедоровичемъ».

Когда—въ рѣзкихъ словахъ былъ данъ отвѣтъ старому грѣшнику: «генералъ Нарышкинъ пожалѣетъ объ одномъ, что сотрудникъ мой по дѣламъ, г. Габбе, и я беремъ на себя хлопоты по такимъ случаямъ, гдѣ все основывается на взяткахъ, и когда сказано было смѣшавшемуся старику, что ему слѣдовало бы узнать прежде, кому онъ поручаетъ входить въ сдѣлку съ его секретаремъ и какихъ правилъ тѣ, которые имѣютъ одно въ виду: спасти своего довѣрителя отъ потерь, — старикъ извинился, но все-таки кончилось тѣмъ, что Е—въ получилъ, по выдачѣ свидѣтельствъ на имѣнія, условленную плату и принялъ въ счетъ 100 рублей своего помощника, котораго однако выжили начальники изъ палаты.

Чтобы показать взглядъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ на перемѣны высшаго правительства къ ускоренію теченія дѣлъ и прекращенію зла, разскажу утѣшеніе секретаря Тамбовскаго губернскаго правленія Б—а моршанскому исправнику, который былъ самымъ исправнымъ данникомъ покровителя всѣхъ взяточниковъ. Вечеромъ за карточнымъ столомъ, лакей вбѣжалъ въ гостиную и доложилъ своему господину, что пріѣхалъ изъ Тамбова секретарь губернскаго правленія. Карты брошены, исправникъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ у него останавливались пріѣзжіе гости, и чай зимнему путнику былъ поданъ. Спустя нѣсколько времени я вошелъ въ комнату секретаря, которому меня представилъ исправникъ, сказавъ: — управляющій имѣніемъ генерала Нарышкина. Б. благосклонно кивнулъ мнѣ головой и такъ продолжалъ на-

Digitized by Google

чатый имъ съ исправникомъ разговоръ, не стѣсняясь моего присутствія, какъ лица, по его понятію, одинаковаго съ нимъ ремесла, хотя и на другомъ мѣстѣ: «когда мы получили извѣстіе о отмѣнѣ засѣдателей и замѣнѣ ихъ становыми, то я разомъ смекнулъ, да это работники исправниковъ. Что такое становой? Исполнитель предписаній земскаго суда, а въ судѣ кто предсѣдатель? — Исправникъ, онъ и загребай жаръ руками становыхъ. Я знаю, что вы это, баронъ, тотчасъ смекнули. А гдѣ получше въ уѣздѣ дѣльцо, тамъ ужь, конечно, сметливый исправникъ будетъ самъ на мѣстѣ слѣдствія». Скажу, при этомъ, что ученикъ такого наставника былъ въ самомъ непріятномъ положеніи въ отношеніи меня; онъ зналъ коротко мои правила и взглядъ мой на ремесло всѣхъ нашихъ правительственныхъ чиновъ, и это знаніе избавляло меня отъ нашествія всѣхъ чиновъ земскаго суда.

Я привелъ два судебныхъ дѣла и встрѣчу съ начальникомъ чиновъ земскаго суда, а подобныхъ дѣлъ, но не встрѣчъ, много было на моемъ мѣстѣ.

XXI.

Въ 1833-мъ году неожиданно Земецкая контора и всѣ прочія конторы получили предписаніе отъ своего помѣщика о неисполненіи предписаній Петра Андреевича Габбе, который разстроенъ въ своемъ умѣ, а исполнять только предписаніи самого владѣльца, къ г-ну же Габбе ни въ чемъ не относиться.

Передъ этимъ предписаніемъ Л. А. Нарышкина, почты за двѣ, я получилъ письмо моего сотрудника; онъ описывалъ мнѣ плытье свое на пароходѣ съ графиней Воронцовой, генеральшей Нарышкиной, графиней Шуазель изъ Одессы въ Крымъ, гдѣ провелъ онъ съ ними, въ царски пышной Алупкѣ графа Воронцова, недѣли двѣ, и возвратился въ Одессу, откуда будетъ распоряжаться имѣніями Льва Александровича. Въ письмѣ П. А. Габбе не было и признака умопомѣшательства; каждая строка показывала умъ, остроту, превосходное описаніе невиданныхъ мной южныхъ

*

Digitized by Google

мѣстностей. Мнѣ вообразилось, по прочтеніи предписанія Нарышкина, что между имъ и Петромъ Андреевичемъ было какое-нибудь столкновеніе во взглядахъ на имѣнія, и Нарышкинъ, вѣроятно, отнесъ противорѣчія того, кого всегда называлъ своимъ по военной службѣ сослуживцемъ и другомъ, къ умопомѣшательству. Съ первой же почтой, по полученіи Земецкой и Канобеевской конторамъ оскорбительнаго, какъ мнѣ казалось, для Петра Андреевича предписанія, я отправилъ Льву Александровичу письмо, въ которомъ объяснилъ ему, что тамбовское его имѣніе принято мной въ управленіе единственно изъ уваженія къ желанію того, съ кѣмъ я раздѣлилъ всѣ потери по военной службѣ и кто своимъ примѣромъ указалъ мнѣ позволительность дворянину принять то мѣсто, которое занимали прежде его крѣпостные служители; но если тотъ, кого вы, генералъ, называли всегда своимъ другомъ, оставилъ управленіе всѣми вашими русскими и польскими имѣніями по какимъ-либо непріятностямъ, то прошу васъ уволить меня отъ управленія тамбовскимъ вашимъ имѣніемъ; я не подчинюсь никому въ дѣлахъ вашихъ кромѣ Петра Андреевича. Письмо было отправлено, а чрезъ недѣлю я получилъ письмо отъ Льва Александровича, гдѣ онъ съ горестью извѣщалъ меня о разстроенномъ здоровьи нашего друга, для поправленія котораго испрашивается Высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ за границу, до возвращенія же его изъ-за границы, просилъ меня генералъ принять саратовское и тамбовское имѣніе въ главное управленіе съ неограниченной довѣренностію. Чрезъ мѣсяцъ я получилъ отвѣтъ и на мое письмо, въ которомъ упрекалъ меня Левъ Александровичъ въ недовѣріи къ его чувствамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ меня, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего отвѣта на сдѣланное имъ мнѣ предложеніе. Въ этомъ же письмѣ было упомянуто, что я получу въ скоромъ времени возможно подробное описаніе болѣзни Петра Андреевича. Я отвѣчалъ, что готовъ принять въ управленіе всѣ русскія имѣнія послѣ того, къ кому привязанъ всѣми моими служебными несчастіями. Вотъ исторія помѣшательства Габбе, не столько переданная мнѣ въ описаніи, какъ въ разсказѣ очевидца всѣхъ тѣхъ событій, которыя разстроили умъ моего сотерпѣливца.

Петръ Андреевичъ переѣхалъ на житье для управленія всѣми

Digitized by Google

имѣніями Льва Александровича въ кіевское имѣніе супруги Нарышкина Ольги Станиславовны, урожденной графини Потоцкой, часто ѣздилъ въ Одессу, гдѣ въ домѣ Л. А. Нарышкина гостилъ, какъ другъ дома. Генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края, графъ, а впослѣдствіи князь Мих. Сем. Воронцовъ, двоюродный братъ по матерямъ Льв. Алекс. Нарышкина, полюбилъ Габбе, и въ домѣ Воронцова онъ былъ принятъ, какъ другъ и сослуживецъ Нарышкина. Лѣтомъ 1833 года гр. Воронцова, Ольга Станисл. Нарышкина и гр. Шуазель отправились на пароходѣ въ Крымъ провести нѣсколько времени въ знаменитой Алупкѣ и спутникомъ своимъ избрали друга своего дома, П. А. Габбе. Бесѣда съ человѣкомъ умнымъ, высоко образованнымъ, начитаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ для женщинъ высшаго круга была ежедневнымъ развлеченіемъ и особенно тамъ, гдѣ не было такому кавалеру соперника. Изъ Алупки ѣздилъ Петръ Андреевичъ къ княгинѣ Голицыной на ея великолѣпную дачу; княгиня была, кажется, еще при императрицѣ Екатеринѣ II-й статсъ-дамой. Въ одинъ вечеръ въ бесѣдкѣ передъ моремъ, княгиня слушала короткій разсказъ Габбе о его бѣдахъ и узнавъ, что въ саратовскомъ имѣніи Нарышкина объ немъ ежемѣсячно губернаторъ обязанъ былъ доносить шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу для доклада государю и наблюдать за нимъ чрезъ земскую полицію, вскрикнула:

— Да знаете ли вы, почему объ васъ такъ хотятъ знать, знаете ли вы, чей вы сынъ!

Габбе на это восклицаніе, какъ говорили мнѣ, не отвѣчалъ ни слова.

Мнѣ говорили, что послѣ вечерней бесѣды съ княгиней Голицыной, Петръ Андреевичъ сдѣлался то задумчивъ, то разсѣянъ. Возвратясь въ Одессу съ своими спутницами, Габбе помѣстился въ домѣ Нарышкина и, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи находившійся при мнѣ правитель дѣлъ главнаго управленія имѣніями Нарышкина, никто не замѣчалъ и признака къ помѣшательству его начальника и благодѣтеля. На третій или четвертый день по возвращеніи изъ путешествія въ домъ Нарышкина, Габбе рано утромъ вошелъ въ залъ графа Воронцова, гдѣ служители убирали комнаты.

. . . . . .

Digitized by Google

Послѣ небольшаго спора камердинеръ подозвалъ къ себѣ нѣсколько служителей и нежданнаго гостя со всей вѣжливостію вывели подъ руки изъ дома.

По приходѣ въ свои комнаты, Петръ Андреевичъ приказалъ своему служителю и правителю дѣлъ Степ. Вас. Колпинову тотчасъ уложиться и переѣхать со всѣми вещами и дѣлами въ гостиницу, куда немедленно и отправился самъ. Чрезъ два дня изъ гостиницы выѣхалъ Габбе на долгой линейкѣ, разряженный въ какое-то пестрое платье и въ женской шляпкѣ, увязанной лентами и, цвѣтами; на линейкѣ сидѣли пѣвчіе, они пѣли сочиненную помѣшаннымъ поэтомъ пѣснь на французскомъ языкѣ, въ которой выражалась любовь его къ графинѣ Воронцовой. Въ то же время съ линейки разбросалъ онъ по улицѣ на русскомъ, французскомъ и, кажется, еще на англійскомъ языкахъ какіе-то листки . . . . . Полиція представила ихъ генералъ-губернатору графу Воронцову, а автора возвратила въ гостиницу съ обязательствомъ хозяина гостиницы не выпускать изъ номера постояльца впредь до приказанія. Графъ Воронцовъ, пріѣхавъ къ Нарышкину, прочиталъ ему содержаніе листковъ. Между этими двумя родными было положено отправить Габбе въ Николаево къ адмиралу Грейгу и просить Высочайшаго разрѣшенія о выѣздѣ его за границу для излѣченія болѣзни. Габбе жилъ въ Николаевѣ до полученія Высочайшаго повелѣнія. На докладной запискѣ, поданной государю шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, было государемъ собственноручно написано: «позволяется выѣхать съ тѣмъ, чтобы впредь не въѣзжать въ Россію ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, о чемъ предписать всѣмъ полиціямъ». Моршанскій исправникъ баронъ Вернеръ привезъ мнѣ въ Земечину циркуляръ министра, въ которомъ я прочиталъ рѣшеніе судьбы моего сослуживца.

Принявъ все русское имѣніе Льва Александровича въ свое неограниченное управленіе, я привелъ въ исполненіе въ теченіе 7-ми лѣтъ всѣ тѣ моему сотруднику П. А. Габбе представленія, которыя предлагались мной ему для устройства саратовскихъ степей, гдѣ производились крестьянами собственныя работы за многіе десятки верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Въ саратовскомъ имѣніи было въ одной окружной массѣ почти на протяженіи ста верстъ сто тысячъ

Digitized by Google

десятинъ земли, при поселеніи съ небольшимъ 4 тысячъ душъ. Всѣ селенія расположены были къ р. Хопру и владѣли 40 тысячами десятинъ, а 60 тысячъ десятинъ степной земли отдавались подъ пастьбу скота—торговцамъ, подъ сѣнокосъ, распашку. Я разселилъ большія саратовскія селенія по такъ называемой Марьинской степи, назначивъ на каждую мужскую душу по десяти десятинъ удобной земли, кромѣ отведенной подъ поселеніе и большихъ выгоновъ; сверхъ того для каждаго селенія назначены были отрѣзные участки, которые отдавались или самимъ крестьянамъ или стороннимъ подъ распашку и другіе съемы. Упомяну здѣсь объ одномъ селеніи, которому мной было дано названіе Православная.

Въ эту деревню было выселено 300 душъ молоканъ изъ большаго села Альшанки, гдѣ до 500 душъ осталось дѣйствительно православныхъ. Ни убѣжденія духовенства, посылаемаго консисторіей для обращенія молоканъ въ православіе, ни самые пріѣзды для той же цѣли саратовскаго преосвященнаго ни одного молокана не могли обратить въ православіе, и я счелъ за лучшее заблудшихся отдѣлить отъ тѣхъ крестьянъ, которые безпрестанно переходили изъ православія въ молоканство. Когда деревня Православная была уже поселена въ самомъ концѣ Марьинской степи, преосвященный пріѣхалъ въ селеніе Альшанку и, узнавъ, что уже тамъ молоканъ нѣтъ, а поселены они въ 80 верстахъ отъ села Альшанки въ названной мной деревнѣ Православной, сдѣлалъ мнѣ запросъ чрезъ саратовское губернское присутствіе: «почему я далъ деревнѣ такое названіе, которому молокане своимъ образомъ мыслей не отвѣчаютъ, и въ спросѣ преосвященнаго было упомянуто, что я оскорбляю такимъ названіемъ деревни самое православіе.

Я отвѣчалъ на запросъ, что цѣль моя была пріучить молоканъ къ слову православіе, послѣ чего надѣялся, что они современемъ самое слово обратятъ въ дѣло, но какъ преосвященному кажется неприличнымъ данное мной имя деревнѣ, населенной молоканами, то и дано предписаніе волостной графа Нарышкина конторѣ именовать съ этого времени деревню Упорной. И эта деревня и до сихъ поръ упорна въ своемъ заблужденіи. Замѣчу одно, что между молоканами нѣтъ ни пьяницъ, ни воровъ, и они всѣ зажиточные крестьяне. . . . . .

Digitized by Google

Какъ ни признателенъ былъ мой довѣритель Левъ Александровичъ Нарышкинъ на словахъ, сколь ни допускалъ мнѣ самоуправленіе его имѣніями въ числѣ 12 тысячъ душъ, притомъ со 160 тысячами десятинъ земли, но мелочная признательность его къ честному труду повела насъ сначала къ непріятной съ обѣихъ сторонъ перепискѣ, а потомъ, послѣ 12-ти-лѣтняго моего управленія, и къ самой разлукѣ. Въ канобеевской конторѣ Шацкаго уѣзда утаилъ конторщикъ Василій Масленковъ 4 тысячи руб. ас., которые принялъ при безграмотномъ вотчинномъ бурмистрѣ отъ купцовъ за снятыя ими мельницы, и не записалъ на приходъ. Послѣ нѣсколькихъ отъ меня предписаній канобеевской волостной конторѣ о полученіи съ купцовъ денегъ и моего отношенія къ одному изъ самыхъ почетнѣйшихъ купцовъ города Шацка, молокану Швецову, сынъ старца Швецова явился ко мнѣ и объявилъ мнѣ, что двѣ тысячи за снимаемую имъ мельницу имъ внесены въ канобеевскую контору въ срокъ, назадъ тому уже два мѣсяца. Я отправился въ Канобеево и на мѣстѣ, по обревизованіи всѣхъ сборовъ, открылась утайка 4-хъ тысячъ руб. Канобеевская волость управлялась честнымъ и богатымъ крестьяниномъ Ивантьевымъ, котораго проступокъ состоялъ въ томъ, что ключъ отъ другаго замка денежнаго сундука онъ не бралъ съ собой, а оставлялъ его въ конторѣ; негодяй — для похищенія денегъ, въ увѣренности на безграмотность и довѣрчивость бурмистра, воспользовался обоими ключами, т. е. своимъ и бурмистра. Крестьяне Канобеевской волости были мной собраны въ контору, гдѣ хранились ихъ листки, въ которыхъ было означено, отъ кого слѣдуетъ получить сколько, по окладу, денегъ въ господскую сумму и сколько на уплату казенныхъ податей. Въ листкахъ были вписаны всѣ взносы, а въ окладной волостной книгѣ не были показаны пріемомъ. Улики въ воровствѣ были на лицо, и преступникъ былъ наказанъ, при крестьянахъ, розгами, съ приказаніемъ описать его имущество для продажи и выручки хотя части похищенныхъ имъ денегъ, которыхъ онъ не хотѣлъ добровольно представить ни гроша. По отъѣздѣ моемъ въ Земечину, я получилъ донесеніе канобеевской конторы, что Масленковъ неизвѣстно куда скрылся...

Его научили отправиться въ Одессу къ своему помѣщику съ жалобой какъ на наказаніе, такъ и на невинно взведенный на него на-

Digitized by Google

четъ. Я написалъ Льву Александровичу о побѣгѣ Масленкова и украденныхъ имъ деньгахъ, но до полученія еще моего письма, воръ явился къ своему господину, который сдѣлалъ мнѣ запросъ, въ чемъ обвиняется мной явившійся къ нему канобеевскій конторщикъ и дѣйствительно ли онъ виноватъ въ томъ, за что́ мной столь строго наказанъ? Отвѣтъ мой былъ повтореніемъ того, что уже было написано моему довѣрителю, и онъ не противорѣчилъ моему взгляду на столь убыточный проступокъ негодяя, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ меня, какъ выражался Левъ Александровичъ, этого естественнаго негодяя допросить снова и дознать, точно ли не отъ ошибочной повѣрки отчетовъ взведенъ мной начетъ на него. Переписка о бѣгломъ между мной и Львомъ Александровичемъ кончилась, и бѣглецъ остался въ Одессѣ на конюшнѣ своего господина до той вещественной благодарности, которую прислалъ мнѣ съ нимъ мой довѣритель и которая снова повела меня къ непріятной перепискѣ съ тѣмъ, кто по образу мыслей былъ истинно благороденъ, но, по неумѣнью цѣнить честный трудъ, былъ даже оскорбителенъ. За доходы во всѣ годы моего управленія тамбовскимъ имѣніемъ Левъ Александровичъ благодарилъ меня иногда такими ничтожными вещами, о которыхъ не разъ напоминалось ему, чтобы онъ избавилъ меня отъ своей памяти, и не разъ ему также было объяснено, что ничтожное вознагражденіе въ отношеніи всѣхъ дѣлъ по его имѣніямъ принято мной единственно изъ уваженія къ желанію Петра Андреевича, который, по пріѣздѣ моемъ въ Земечину, открылъ мнѣ очень плохое положеніе дѣлъ нашего генерала послѣ знаменитаго мотовства его отца, Александра Львовича Нарышкина; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нашего управленія, генералъ могъ жить по-боярски и вознаградить честный трудъ также по-боярски. Левъ Александровичъ читалъ такія напоминанія и все-таки продолжалъ льстить одному самолюбію, что́ считалъ самымъ выгоднымъ для себя способомъ удерживать у себя тѣхъ, кто былъ ему нуженъ. Гадко было видѣть и знать этотъ способъ благодарности въ человѣкѣ, который говорилъ во всеуслышаніе, что онъ всѣмъ своимъ имѣніемъ обязанъ мнѣ, и этой дешевой болтовней онъ награждалъ не одного меня. Богатый бояринъ льстилъ моему самолюбію даже и такими фразами, которыя могли родиться только въ самомъ разсчет-

Digitized by Google

ливомъ эгоизмѣ; онъ называлъ меня своимъ сослуживцемъ, когда я никогда не былъ его сослуживцемъ. Нарышкинъ былъ въ Варшавѣ въ свитѣ великаго князя Константина Павловича генераломъ, я въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку подпоручикомъ, и не зналъ Нарышкина, а видалъ его на разводахъ, какъ и самого великаго князя, но съ той разницей, что великій князь Константинъ Павловичъ зналъ меня, какъ и каждаго гвардейскаго офицера, а Нарышкинъ и не видалъ меня. И все это говорилъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять, что честный трудъ должно вознаграждать не фразами и оскорбительными вещицами, а соотвѣтственно труду деньгами. Читайте его письма ко мнѣ, и увидите дешевую лесть его; онъ едва-ли понималъ съ первыхъ годовъ чистоту моихъ правилъ, но когда узналъ наконецъ, что и грязный моршанскій базаръ и вся наша подъяческая челядь не смѣли включать меня въ свои собратья по ихъ ремеслу, то уже видѣлъ во мнѣ для себя выгоднаго работника.

Въ 1835 году доходъ отъ моршанскаго имѣнія былъ такъ великъ, что отъ одного этого имѣнія получилъ Левъ Александровичъ столько, сколько не получалъ со всѣхъ своихъ имѣній, и за такой доходъ вздумалъ поблагодарить меня походнымъ экипажемъ, который и переслалъ мнѣ съ преступнымъ Масленковымъ. Предварительно довѣритель мой писалъ мнѣ нѣсколько разъ, что отправляется мнѣ на память нашей дружбы вѣнская коляска, и что онъ надѣется угодить мнѣ своимъ подаркомъ. И, несмотря на мои отвѣты, что я не имѣю надобности въ экипажѣ, который для дорогъ нашихъ неудобенъ и притомъ я привыкъ по всѣмъ его имѣніямъ ѣздить въ простой телѣгѣ, а по Земецкой волости на бѣговыхъ дрожкахъ, несмотря на неприличіе такого подарка, наконецъ явилась передъ моими окнами вѣнская коляска. Было утро, когда коляска прибыла вмѣстѣ съ бѣглымъ конторщикомъ Масленковымъ на дворъ села Земечины. Я видѣлъ, какъ высыпала конторская моя прислуга къ экипажу и какъ удалилась отъ этой дряни. Никто не рѣшился доложить мнѣ о подаркѣ, о которомъ такъ много было переписки и переписки оффиціальной. Я вышелъ, наконецъ, къ вѣнской колескѣ и, бѣгло взглянувъ на подарокъ генерала Нарышкина, сказалъ доставителю коляски, кучеру Льва Александровича, чтобы онъ отправился съ ней назадъ въ Одессу.

Digitized by Google

Это была гадость ободранная, изъѣзженная, поломанная, словомъ, него дная и для порядочной прислуги не бѣднаго дворянина. Эта коляска повела меня къ перепискѣ съ генераломъ, ему была истолкована вся оскорбительность для меня его подарка, и разсчетливый мой довѣритель, какъ и большая часть ему подобныхъ богатыхъ людей, отвѣчалъ мнѣ одно, что онъ не умѣетъ и не знаетъ, какъ мнѣ угодить. Пересланный вмѣстѣ съ коляской изъ Одессы бѣглый конторщикъ канобеевской конторы Масленковъ былъ отправленъ мною въ саратовское имѣніе для работъ на волахъ.

Скажу здѣсь, что саратовское имѣніе было ввѣрено мной въ управленіе того самого Колпинова, который находился правителемъ дѣлъ перваго главнаго управленія П. А. Габбе. Колпиновъ, по отъѣздѣ Петра Андреевича за границу, былъ отправленъ ко мнѣ съ предоставленіемъ назначить на службу соотвѣтственно его способностямъ и знаніямъ, столь высоко цѣнимымъ нашимъ общимъ другомъ Петромъ Андреевичемъ. Товарищъ конторскихъ служителей, сдѣлавшись ихъ начальникомъ, своими строгими взысканіями за пьянство, нерадѣніе, упущенія по отчетности, — вывелъ самаго буйнаго пьяницу изъ конторскихъ служителей, главнаго конторщика Стеклова, изъ терпѣнія, и этотъ, бывшійнѣ когда по конторѣ начальникомъ Колпинова, началъ тайно доносить Льву Александровичу о страшныхъ безпорядкахъ по саратовскому имѣнію отъ безсмысленнаго управленія Колпинова. Чтобы разлучить двухъ враговъ, главный конторщикъ былъ переведенъ въ кіевское имѣніе супруги Льва Александровича, а Колпиновъ безъ помѣхъ продолжалъ устройство въ степяхъ множества новыхъ деревень, и отъ ломки старыхъ селеній, изъ которыхъ переселялись крестьяне въ новыя, пришлось перестраивать по даннымъ планамъ и старыя селенія, а эта работа вела къ большому ропоту со стороны крестьянъ, которые, какъ извѣстно, тогда только скажутъ спасибо на томъ, когда обживутся на новыхъ мѣстахъ и увидятъ ощутительно пользу тягостныхъ для нихъ переселеній. Конторщикъ Стекловъ въ кіевскомъ имѣніи, куда пріѣзжалъ Левъ Александровичъ, добился, наконецъ, своими разсказами о безпутномъ управленіи Колпинова того, что довѣритель мой, не увѣдомивъ меня, отправилъ для обревизованія управленія Колпинова Михаила Ал. Моршанскаго.

Digitized by Google

Этотъ братъ по крови,—какъ называлъ его Левъ Александровичъ въ своеручномъ ко мнѣ письмѣ, поданномъ мнѣ Моршанскимъ, когда онъ, по обревизованіи саратовскаго имѣнія, явился ко мнѣ въ Земечину, — осмотрѣлъ всѣ новыя селенія, перестройку старыхъ и, какъ неожиданный ревизоръ, явился и ко мнѣ для осмотра тамбовскаго имѣнія, которымъ я уже самъ лично управлялъ. Не буду описывать, какъ горячо я принялъ къ сердцу недовѣрчивость моего довѣрителя.

Моршанскій отправился съ донесеніями въ Одессу, а я написалъ Льву Александровичу, чтобы онъ готовился пріискать для своихъ дѣлъ другое лицо вмѣсто меня, я же усталъ отъ одного чтенія тѣхъ сплетней, которыя передаются въ Одессу. Мой Левъ Александровичъ отвѣчалъ мнѣ любезностями на мое письмо и благодарилъ меня за устройство его тамбовскаго имѣнія, причемъ просилъ привести въ такой же порядокъ и саратовское его имѣніе. Отвѣтъ мой былъ, что саратовскимъ имѣніемъ я болѣе занимаюсь, чѣмъ тамбовскимъ, и онъ это долженъ видѣть изъ моихъ увѣдомленій, которыя ему посылаются съ мѣста моихъ занятій, т. е. съ Саратовскихъ степей, гдѣ селенія являются, какъ грибы, и нищета также обращается съ оброка на барщину, какъ обращена въ Шацкомъ его имѣніи; польза же такого обращенія уже доказана поправленіемъ оброчныхъ крестьянъ на барщинѣ, при которой не крадется послѣдняя овца крестьянами для уплаты оброка. Я уже говорилъ, что крестьяне на барщинѣ не несли никакихъ повинностей, ни казенныхъ, ни своихъ общественныхъ, кромѣ не отяготительной запашки на помѣщика, который и государственныя подати крестьянъ и всѣхъ родовъ подводныя повинности принималъ на себя.

XXII.

Въ 1838 году скончался въ Петербургѣ родной дядя Льва Александровича, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарыш-

Digitized by Google

кинъ, котораго всѣ имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, до 25 тысячъ душъ крестьянъ, состояли подъ управленіемъ Высочайше утвержденнаго попечительства, и престарѣлый оберъ-егермейстеръ получалъ отъ огромнаго своего имѣнія по назначенію попечительства на свой прожитокъ только 40 тысячъ руб. ас. Имѣніе Дмитрія Львовича было взято въ опеку по просьбѣ его супруги, Маріи Антоновны, урожденной княгини Четвертинской; Марія Антоновна пріѣзжала изъ Парижа въ Петербургъ и, по своимъ связямъ, легко устроила опеку надъ имѣніемъ своего расточительнаго супруга. Левъ Александровичъ изъ Одессы писалъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ въ Москву къ 10-му декабря, и приглашалъ меня повидаться съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ остановится на Покровкѣ въ домѣ покойнаго брата своего, Кирилла Александровича, и гдѣ и для меня будетъ готово помѣщеніе. Несмотря на запретъ о невъѣздѣ моемъ въ три столицы, т. е. Петербургъ, Москву и Варшаву, я отправился въ путь и въ три часа утра передъ заставой вылѣзъ изъ саней, и пѣшкомъ около будки вошелъ я въ запрещенную для меня матушку-Москву. Кромѣ указа объ отставкѣ, у меня не было никакого вида, и мнѣ представлялось, что допросъ часоваго или караульнаго офицера о моей личности можетъ кончиться тѣмъ, что отправятъ меня къ коменданту. Когда я вылѣзалъ изъ саней, возница мой сказалъ мнѣ: «Да ты скажи, что хозяинъ, дай часовому пятиалтынный, тады и въ караулку не надятъ ходить, пропуститъ». Я далъ возницѣ четвертакъ на безостановочный проѣздъ, а самъ все-таки прошелъ мимо часоваго пѣшкомъ. Подъѣхавъ къ дому Кирилла Александровича Нарышкина, въ нижнемъ этажѣ я увидалъ венеціанское окно все въ свѣту отъ свѣчей на столѣ, и послѣ узналъ, что Левъ Александровичъ всталъ отъ сна и сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ; довѣритель мой ложился спать въ 8-мь часовъ вечера и вставалъ въ три часа утра. Въ 9-ть часовъ утра я представился тому, котораго видалъ въ Варшавѣ на Саксонскомъ плацу, котораго зналъ по отзывамъ П. А. Габбе, какъ человѣка благороднаго, и въ Москвѣ увидалъ передъ собой красиваго, величаваго, любезнаго стараго воина, которому на видъ казалось не болѣе 40 лѣтъ, а ему было уже, кажется, за 60. И эта молодость была искусственная: зубы, волосы, цвѣтъ лица были не свои. Не буду описывать любез-

Digitized by Google

ностей, которыя говорятся тому, кто нуженъ расточителю любезныхъ словъ, скажу коротко, что Левъ Александровичъ вызывалъ меня на совѣтъ о выдачѣ его теткѣ, вдовѣ Марьѣ Антоновнѣ, 7-й части изъ всего имѣнія недавно скончавшагося ея мужа. Мнѣ извѣстно было только одно тамбовское имѣніе, сосѣднее съ имѣніями Льва Александровича и Кирилла Александровича, и въ одномъ изъ этихъ имѣній въ Моршанскомъ уѣздѣ было до 6 тысячъ душъ крестьянъ съ 60 тысячами десят. земли, и въ Шацкомъ тоже 6 тысячъ душъ и столько же земли, такъ что въ обоихъ уѣздахъ было 12 тысячъ душъ и 120 тысячъ десят. земли, изъ коихъ болѣе 60 тысячъ десят. лѣсу сосноваго и чернолѣсья. Послѣ многихъ соображеній и разсчетовъ, положено было назначить Марьѣ Антоновнѣ Таранжинскую вотчину, сосѣднюю съ Земецкой волостію, гдѣ въ селѣ Земечинѣ была моя постоянная штабъ-квартира, и на первое время я не отказался отъ управленія этимъ назначаемымъ Марьѣ Антоновнѣ имѣніемъ. Когда было мной замѣчено, что Марьѣ Антоновнѣ слѣдуетъ на 7-ю часть не болѣе 3-хъ тысячъ крестьянъ, а въ Таранжинской вотчинѣ всего было 6 тысячъ, то Левъ Александровичъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы настоять на выдѣлѣ ей всего имѣнія въ Моршанскомъ уѣздѣ. Левъ Александровичъ боготворилъ свою тетушку, и надобно было видѣть, съ какой страстной любовью онъ заступался за права Марьи Антоновны не только на часть имѣнія покойнаго его дяди, но и на все его имѣніе. Я замѣтилъ также, что у Дмитрія Львовича есть прямой наслѣдникъ, его сынъ, Эммануилъ Дмитріевичъ; на это отвѣтилъ мнѣ мой довѣритель рѣзко, что его не надобно имѣть въ виду.

Въ Петербургѣ товарищи по службѣ Льва Александровича были министрами, родные занимали высшія государственныя или придворныя должности, и обожаемая тетушка хотя уже и старая, но и въ старости первенствующая красавица, получила саратовское имѣніе, лучшее изъ всѣхъ имѣній, какъ оказалось по всѣмъ отчетамъ въ Петербургѣ, подъ названіемъ Рудненской вотчины, въ которой было 6 т. душъ крестьянъ и до 100 т. десятинъ земли. Сынъ Марьи Антоновны, Эммануилъ Дмитріевичъ, благородный, скромный, великодушный, не бойкій на словахъ, но умный на дѣлѣ, д о л ж е н ъ б ы л ъ согласиться на выдѣлъ столь огромнаго

Digitized by Google

имѣнія матери, которая не любила его. Послѣ такого подвига для своей тетушки, Левъ Александровичъ отправился снова на житье въ Одессу, гдѣ для Марьи Антоновны былъ устроенъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ она жила, пріѣзжая въ Одессу изъ заграничныхъ своихъ поѣздокъ.

Для принятія въ управленіе Рудненской волости, былъ высланъ Львомъ Александровичемъ Моршанскій, который являлся ревизоромъ въ саратовскомъ имѣніи. Левъ Александровичъ поручилъ Колпинову составить подробную опись имѣнію Марьи Антоновны, и это оторвало его отъ управленія ввѣреннымъ ему мной имѣніемъ на два мѣсяца. Опись Рудненской волости знатокомъ такого дѣла, какъ Колпиновъ, была отправлена въ Одессу; Колпиновъ воротился на свое мѣсто, увѣдомивъ меня частно, что Моршанскій ни малѣйшаго понятія не имѣетъ ни о нашемъ мужикѣ, ни объ отчетности, ни о хозяйствѣ и что все при немъ еще болѣе разстроится, чѣмъ при управлявшихъ Рудненскою волостію до смерти покойнаго Дмитрія Львовича. Скоро безпорядки отъ управленія Моршанскаго сдѣлались ясными и въ Одессѣ, и состоявшій при Марьѣ Антоновнѣ генералъ Брозинъ самъ отправился для устройства управленія по Рудненской волости. Брозинъ проѣздомъ въ село Рудню прибылъ въ село Завьялово, гдѣ находился Колпиновъ. Генералъ Брозинъ вручилъ любезное письмо Колпинову отъ генерала Нарышкина, который при письмѣ, въ знакъ благодарности за составленную опись Рудненской волости, пересылаетъ ему д в а съ $^1/_2$ аршина отличнаго сукна на сюртукъ. Брозинъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, передавая этотъ щедрый даръ честному и неутомимому труженику; онъ также хорошо зналъ, что это не есть насмѣшка Нарышкина надъ трудомъ Колпинова, но цѣликомъ вылилась душа Льва Александровича въ этихъ $2^1/_2$ аршинахъ. Колпиновъ, получивъ такой даръ, написалъ мнѣ, что бывшій господинъ его прислалъ ему на штаны $2^1/_2$ аршина сукна и что онъ теперь ждетъ холста.... Я былъ до того разсерженъ мелочностію моего довѣрителя, которому уже не разъ было писало, чтобы онъ не разорялся на подарки, до того, говорю, былъ взбѣшенъ, что при своемъ запальчивомъ письмѣ приложилъ и самое письмо Колпинова. Въ письмѣ я настоятельно требовалъ, чтобы на мое мѣсто былъ высланъ преем-

Digitized by Google

никъ мнѣ, иначе, писалъ я, дамъ приказъ во всѣ вотчинныя конторы тамбовскаго и саратовскаго имѣній, чтобы болѣе ко мнѣ не относились, а обо всемъ доносили и на все испрашивали разрѣшенія отъ самого владѣльца, бывшаго моего довѣрителя. Не моя угроза, а письмо Колпинова заставили отвѣчать мнѣ такъ: «я замаралъ мой ротъ чтеніемъ письма моего лакея и вижу, что вы, забывъ ваше древнее дворянское званіе, вошли съ моимъ лакеемъ въ такую переписку, которая заставляетъ меня предполагать, по горячему вашему участію, дружескія съ нимъ отношенія, столь неприличныя вашему званію. Я исполню въ скоромъ времени мое и ваше желаніе: васъ замѣститъ инженеръ-капитанъ Ивановъ».

До пріѣзда ко мнѣ моего преемника снова явился ко мнѣ братъ по крови и, погостивъ у меня съ недѣлю отправился не знаю куда, кажется, въ Москву, а когда въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ село Земечину г. Ивановъ, для принятія отъ меня въ управленіе тамбовскаго и саратовскаго имѣній, то г. Моршанскій снова явился и жилъ въ Моршанскѣ. Инженеръ-капитанъ Евгеній Андреевичъ Ивановъ на мѣстѣ убѣдился, что каждое имѣніе моего довѣрителя дѣйствительно каждый управляющій могъ преемнику своему сдать въ нѣсколько часовъ. Повторяю, что по выдававшимся мной довѣренностямъ каждому управляющему имѣніемъ поставлялось въ обязанность: распоряжаться частію хозяйственной по своему усмотрѣнію, а, въ случаѣ какихъ-либо нововведеній, перемѣны дѣлать съ моего разрѣшенія; сборъ денежнаго оброка производить подъ моимъ надзоромъ, причемъ казначей принимаетъ деньги, записываетъ пріемъ въ именную окладную книгу, а крестьянину—въ выданный отъ вотчиной конторы, за скрѣпой управляющаго и казначея, листокъ. Храненіе денегъ, хлѣба, матеріаловъ, вещей и вообще всего, принадлежащаго помѣщику ввѣрялось его крѣпостнымъ людямъ, избираемымъ или обществомъ, крестьянъ за ихъ отвѣтственностію за избираемаго, или самимъ управляющимъ имѣніемъ, но изъ крѣпостныхъ владѣльца, и въ такомъ случаѣ онъ не подвергалъ себя отвѣтственности за утраты имъ избраннаго. Всѣ отчеты по конторамъ были подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. управляющаго, если же онъ не былъ знатокомъ этого дѣла, то казначей, конторщикъ и письмоводитель казенной части, каждый

Digitized by Google

за вѣрность и честность своихъ отчетовъ отвѣчалъ предъ главнымъ моимъ управленіемъ, гдѣ ни одна бумага и ни одинъ отчетъ не передавались письмоводителямъ денежной, хозяйственной и казенной частей безъ моего рѣшенія. Управляющій имѣніемъ лично долженъ былъ продавать хлѣбъ и все назначаемое въ продажу по условіямъ, изъ коихъ подлинное оставлялось въ вотчинной конторѣ, а покупщику выдавалась копія за скрѣпой управляющаго и подписью казначея, и продажа дѣлалась всегда или въ вотчинной конторѣ или въ другомъ мѣстѣ, но въ присутствіи казначея. На условіяхъ покупщикъ расписывался въ выдачѣ денегъ на подлинномъ условіи, а казначей на выданной покупщику копіи. По окончаніи разсчета съ покупщикомъ, подлинное условіе при годичныхъ отчетахъ представлялось въ главное управленіе всѣми имѣніями. Въ главное управленіе вотчинныя конторы доставляли отчеты: 1) ежемѣсячно вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ. 2) По истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ такъ называемые третные отчеты о хлѣбѣ, матеріалахъ, скотѣ, птицѣ, и краткая вѣдомость о приходѣ и расходѣ денегъ по статьямъ; и 3) По истеченіи года, который начинался съ 1 іюля, статейная вѣдомость за весь годъ о приходѣ и расходѣ денегъ и повѣрочная вѣдомость всѣхъ родовъ магазиновъ и строеній, въ которыхъ всѣ вещи, равно какъ и въ домахъ, были вносимы въ описи и за утерю ихъ отвѣчали тѣ, кто былъ приставленъ хранителемъ ихъ. Чтобы оградить отъ толковъ про управляющихъ имѣніями, была установлена повѣрка честной ихъ продажи: каждому давалось право дѣлать справки съ книгами покупщиковъ, особенно купеческихъ прикащиковъ, и если оказывалось, что въ книгѣ покупщика цѣна покупки была показана выше цѣнъ, по которымъ сдѣлана продажа, тогда виноватый обнаруживался. Эта мѣра вела къ тому, что прикащики, изъ которыхъ честныхъ у насъ очень мало, рѣдко дѣлали какія-либо покупки въ имѣніи моихъ довѣрителей, а казенные хлѣбные коммиссіонеры никогда, кромѣ истинно честнаго и изумительно дѣятельнаго управленія государственнымъ коммиссаріатомъ генералъ-провіантмейстеромъ Петромъ Алексѣевичемъ Булгаковымъ. Г-нъ Ивановъ, ознакомясь чрезъ получаемые отчеты въ главное управленіе изъ всѣхъ вотчинныхъ конторъ, какъ инженеръ, которому отчетность была хорошо

Digitized by Google

извѣстна, принялъ всѣ имѣнія безъ всякихъ для меня остановокъ. Я писалъ предварительно Льву Александровичу, что готовъ до 1 мая руководить г-на Иванова по всѣмъ дѣламъ управленія его имѣніями, если онъ признаетъ мое предложеніе для себя не безполезнымъ, и этотъ вызовъ былъ принятъ моимъ генераломъ съ благодарностію. Преемникъ мой пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ и до 1-го мая оставался при мнѣ въ видѣ помощника.

12-го мая 1840 года, проживъ въ селѣ Земечинѣ 12 лѣтъ, отправился я на своихъ подводахъ гужомъ чрезъ Пензу и Казань въ Уфу. Не буду описывать моршанскаго общества, которое вездѣ во всѣ времена и на всѣхъ своихъ ступеняхъ складывается изъ слабостей, страстей, глупостей и рѣдко согласія. . . . . .

При такомъ настроеніи членовъ общества не считаю нужнымъ и ознакомливать съ лицами такого общества. Пишу это замѣчаніе въ тотъ годъ и именно 1865-й, когда великая душа нашего монарха дала намъ судебные уставы и сказала: не берите болѣе взятокъ, не воруйте общественнаго достоянія, а до этого устава взяточникъ былъ на взяточникѣ, воръ на ворѣ и съ самаго верха до самаго низа. Городничій, судья, исправникъ давали еженедѣльно такіе вечера, съ которыми не могли соперничать даже и губернскіе балы,—а между тѣмъ получали такое отъ правительства жалованье, котораго едва доставало на отопленіе ихъ помѣщеній. Не сочту однако лишнимъ замѣтить здѣсь, что устройство множества новыхъ селеній и перестройка старыхъ, несмотря на временный ропотъ крестьянъ, не вводили меня въ столкновенія ни съ губернскими, ни съ уѣздными властями, какъ въ Тамбовской, такъ и въ Саратовской губерніяхъ, а между тѣмъ все имѣніе моего довѣрителя было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, безъ разрѣшенія котораго я не имѣлъ права ломать; власти были убѣждены, но словами, а не деньгами, что всѣ перемѣны дѣлаются для пользы крестьянъ и ихъ владѣльца. Къ чести всѣхъ властей, я не былъ ихъ данникомъ.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ,

НАМѢСТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(1863—1874 г.).

(Матеріалы для исторіи усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 г. и послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій въ Привислянскомъ краѣ).

XIII [1]).

Пожалованіе маіоратами.

Во время намѣстничества графа Берга, большое число казенныхъ земель и лѣсовъ перешло въ частныя руки, на маіоратномъ правѣ. Раздача угодій приняла довольно широкіе размѣры, и хотя она при графѣ Бергѣ вовсе не превзошла размѣровъ маіоратныхъ пожалованій послѣ 1831 года, при князѣ Паскевичѣ, однако поляки въ шутку называли это четвертымъ раздѣломъ.

Началась особая «маіоратная лихорадка», овладѣла весьма многими изъ служащихъ въ Царствѣ Польскомъ и бо̀льшимъ числомъ лицъ изъ мѣстнаго польскаго общества. Служащіе, считавшіе себя имѣющими право на столь выдающуюся награду,—а кто не мнилъ себя достойнымъ этого—стремились обезпечить себѣ во-первыхъ представленіе къ награжденію маіоратомъ и, во-вторыхъ, возможно лучшій составъ будущаго имѣнія, пріисканіемъ для включенія въ него цѣнныхъ лѣсныхъ дачъ и выгодныхъ, вслѣдствіе низ-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVII, январь, февраль и мартъ.

*

Digitized by Google

кой оцѣнки, фольварковъ. Въ польскомъ обществѣ волненіе было не меньшее. Арендаторы, пользовавшіеся долгое время за ничтожную аренду превосходными казенными оброчными статьями, опасаясь потерять ихъ, усердно разыскивали награждаемыхъ, предлагая имъ избрать тѣ или другіе изъ содержимыхъ ими фольварковъ, въ надеждѣ сдѣлаться ихъ администраторами у новыхъ владѣльцевъ и тѣмъ сохранить хотя бы часть прежде получавшихся доходовъ. Съ ними конкуррировали частные арендаторы, давно уже искавшіе случая заполучить себѣ казенную аренду. Эти лица очень хорошо знали достоинства разныхъ имѣній, и ихъ совѣты могли быть весьма полезными. Такимъ же посредничествомъ охотно занялись и нѣкоторые чиновники финансоваго вѣдомства, знавшіе всѣ тонкости дѣла, и часто владѣвшіе сами, черезъ подставныхъ лицъ, многими изъ лучшихъ фольварковъ. Лица, не заинтересованныя матеріально, съ интересомъ слѣдили за обращеніемъ въ частныя руки послѣднихъ государственныхъ имуществъ края, нѣкогда весьма обширныхъ и цѣнныхъ.

Графа Берга многіе упрекали прямо въ расхищеніи казеннаго имущества. Преемникъ его, графъ П. Е. Коцебу, въ разговорѣ со мною по этому дѣлу, съ горячностью заявлялъ, что раздачею маіоратовъ, графъ Ѳ. Ѳ. значительно умалилъ свои заслуги по умиротворенію Царства Польскаго [1]). Не отрицая, что въ дѣлѣ раздачи маіоратовъ съ 1866 по 1870 г. были допущены немалыя послабленія, я всячески однако доказывалъ моему собесѣднику, что графъ Бергъ не самъ измыслилъ этотъ способъ награжденія, а слѣдовалъ бывшему примѣру и на раздачу маіоратовъ имѣлъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ князь Паскевичъ, потому что во время графа Берга не только были совершены военные подвиги по усмиренію мятежа, но и исполнены многія коренныя реформы, пересоздавшія гражданское устройство края и положившія прочныя основанія къ окончательному его слитію съ имперіей. Допущенныя несообразности происходили отъ малаго знакомства графа Берга съ бюрократическими

[1]) „C'était une vraie spoliation du denier publique"—говорилъ Коцебу. Графъ Коцебу маіората не получилъ, но исходатайствовалъ себѣ другую награду; ему, на' правахъ полной собственности, пожалованъ лѣсной участокъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 4.000 руб.

Digitized by Google

порядками и его неограниченнаго довѣрія къ лицамъ, близко стоявшимъ къ маіоратнымъ операціямъ. Не успустилъ я указать и на то, что лично о себѣ графъ Бергъ не хлопоталъ и получилъ столько же, сколько было дано многимъ изъ его сотрудниковъ, и несравненно менѣе, чѣмъ князь Варшавскій.

Во всякомъ случаѣ, собирая матеріалы для біографіи графа Берга, приходится подробно остановиться на раздачѣ маіоратовъ и выяснить этотъ вопросъ, по возможности, во всемъ его объемѣ, приведя данныя и за время Паскевича.

Лѣтъ двадцать тому назадъ (въ 1873 г.), я по этому вопросу успѣлъ собрать весьма подробныя свѣдѣнія по семи (изъ десяти) привислянскимъ губерніямъ. Въ этихъ матеріалахъ, кромѣ списка маіоратныхъ владѣльцевъ, показаны: время пожалованія, сумма дохода, въ которой данъ маіоратъ, число входящихъ въ него фольварковъ и лѣсныхъ дачъ съ точными цифрами ихъ пространства, оцѣнки доходности и количества наложенныхъ казенныхъ податей. Въ неполныхъ свѣдѣніяхъ по остальнымъ тремъ губерніямъ имѣются лишь данныя:—о фамиліяхъ маіоратныхъ владѣльцевъ, суммѣ пожалованія, а иногда и числѣ данныхъ фольварковъ безъ указанія пространства и доходности какъ ихъ, такъ и лѣсовъ. Это отсутствіе однородныхъ данныхъ по всѣмъ губерніямъ края и помѣшало мнѣ представить въ свое время маіоратное землевладѣніе въ той подробности, какъ это было задумано, тѣмъ болѣе, что по многимъ изъ вновь пожалованныхъ маіоратовъ отводы фольварковъ и лѣсовъ не всюду еще были закончены, слѣдовательно, многія цифры подлежали болѣе или менѣе существенному измѣненію. Этихъ послѣднихъ свѣдѣній нѣтъ у меня и нынѣ, а потому и теперь я лишенъ возможности исполнить мою прежнюю задачу.

Но другой съ стороны, постановленія бывшаго Учредительнаго комитета (изданіе въ 21 томѣ) даютъ массу дополнительныхъ свѣдѣній: 1) о порядкѣ назначенія старымъ маіоратнымъ владѣльцамъ пособій за понесенныя ими потери отъ устройства крестьянъ по закону 1864 г. и 2) объ образованіи новыхъ маіоратовъ, пожалованныхъ при графѣ Бергѣ. Сопоставленіе этихъ данныхъ между собою и пополненіе однихъ изъ нихъ другими помогаютъ—оставя мысль о представленіи точныхъ данныхъ по каждому маіорату въ отдѣль-

Digitized by Google

ности—дать общую картину маіоратнаго владѣнія въ Привислянскомъ краѣ съ главнѣйшими цифровыми данными о маіоратахъ обѣихъ серій (Паскевича и Берга), съ подраздѣленіемъ на разряды по суммѣ пожалованія. Конечно, сдѣланныя мною исчисленія не изъяты отъ погрѣшностей, но таковыя не могутъ быть значительными (при исчисленіяхъ брались среднія показанія) и не измѣняютъ сути дѣла. Посему свѣдѣнія о маіоратахъ въ Привислянскомъ краѣ, впервые являющіяся въ нашей литературѣ, могутъ быть рекомендованы достаточными и достовѣрными. Должно добавить, что лѣтомъ 1892 г. мнѣ удалось освѣжить прежде собранные матеріалы справками о маіоратистахъ, проживающихъ въ пожалованныхъ имѣніяхъ и ведущихъ въ нихъ свое хозяйство. Получены нѣкоторыя данныя и о размѣрѣ современныхъ доходовъ съ маіоратныхъ имѣній. Эти новыя свѣдѣнія помогли снабдить мою работу нѣсколькими небезъинтересными штрихами.

Начало раздачи маіоратовъ въ Привислянскомъ краѣ положено Наполеономъ I. Въ 1807 году онъ роздалъ въ маіораты своимъ маршаламъ и генераламъ большое число имѣній, принадлежавшихъ казнѣ бывшаго герцогства Варшавскаго. По Высочайшему повелѣнію 2-го мая 1813 г. (Дневникъ законовъ, томъ VI), тѣ изъ этихъ имѣній, которыя находились въ предѣлахъ Царства Польскаго, были возвращены въ казну. Таковыхъ имѣній было: въ Варшавскомъ воеводствѣ—15; въ Плоцкомъ—7; въ Калишскомъ—3 и въ Краковскомъ—12, а всего 37. Тогда же повелѣно было принять мѣры къ исключенію правъ маіоратныхъ владѣльцевъ названныхъ имѣній изъ ипотечныхъ книгъ. Впослѣдствіи, по конвенціи между Россіей и Пруссіей, заключенной 10 (22) мая 1819 г. было, между прочимъ, постановлено: «претензіи арендаторовъ конфискованныхъ маіоратовъ должны быть заявляемы казнѣ, владѣющей нынѣ этими имѣніями, и будутъ удовлетворены тою же казною».

Раздавая маіораты своимъ маршаламъ и генераламъ, Наполеонъ, разумѣется, имѣлъ въ виду только одну цѣль—вознаградить ихъ заслуги, не тратя на то собственно французскихъ средствъ.

Digitized by Google

Послѣ окончанія кампаніи 1830—1831 гг., князь Варшавскій послѣдовалъ примѣру Наполеона, но самому способу вознагражденія пожалованіемъ маіоратовъ придалъ характеръ политической мѣры — «водворенія въ польскомъ краѣ прочнаго русскаго элемента и православія». Опытъ протекшихъ, съ того времени, 60 лѣтъ съ несомнѣнною ясностью доказалъ, что цѣль эта осуществилась весьма мало, да иначе и быть не могло. Вникая въ суть дѣла, можно, не погрѣшая противъ истины, сказать, что раздача маіоратовъ, предпринятая княземъ Паскевичемъ, была мѣрою, тождественною съ принятою Наполеономъ, патріотическо же политическій характеръ былъ приданъ ей только для виду и для болѣе легкаго, можетъ быть, проведенія проекта.

Самая мысль о водвореніи прочнаго русскаго и православнаго элемента въ Царствѣ Польскомъ была въ 1830-хъ годахъ совершенно несвоевременною. Не считая горсти жившихъ тамъ старообрядцевъ и уніатовъ, все болѣе и болѣе поглощаемыхъ полонизмомъ и католицизмомъ, весь край былъ густо заселенъ поляками и вся его интеллигенція — къ которой прежде всего принадлежали помѣщики — была польская. Между помѣщиками было множество людей весьма богатыхъ и вліятельныхъ. Русскіе же люди попадали тогда въ Привислянскій край только въ составѣ войскъ, а между постоянными жителями ихъ безусловно не было. Русскій элементъ, чтобы быть прочнымъ и способнымъ поддерживать православіе и русскую народность, долженъ былъ вступить въ борьбу съ польскою интеллигенціею и если не побѣдить ее, то служить ей противовѣсомъ по большой численности своихъ представителей и имущественному ихъ положенію. Подобное явленіе могло бы возникнуть только тогда, когда значительная часть имѣній находилась бы въ русскихъ рукахъ. Между тѣмъ, чѣмъ же хотѣли достигнуть упроченія русскаго элемента? — раздачею 138 маіоратовъ съ среднимъ ежегоднымъ доходомъ до 1.600 руб. каждый, причемъ маіоратныя имѣнія были разбросаны по всему краю. Понятно, что столь недостаточные маіоратисты хотя бы они и всѣ поселились въ краѣ, тотчасъ же затерялись бы въ общей массѣ мѣстныхъ помѣщиковъ и не имѣли бы никакихъ данныхъ получить надъ ними вліяніе и высоко держать знамя русской народности. Такимъ образомъ, уже самый размѣръ

Digitized by Google

жертвы, на которую рѣшалось правительство для водворенія прочнаго русскаго элемента, доказывалъ, что имѣющіяся средства нисколько не соотвѣтствуютъ предположенной цѣли и пропадутъ безрезультатно. Словомъ, главная мысль учрежденія маіоратовъ была невѣрною въ основаніи. Настолько же неудачны были и подробности ея исполненія.

Маіораты учреждены были шести разрядовъ: въ 4.500 руб. годоваго дохода, въ 3.000 руб., 2.250 руб., 1.500 руб., 1.200 руб. и 750 руб. Крупные маіораты въ 4.500 руб. и 3.000 руб. даны были лицамъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, дошедшимъ уже до самыхъ высшихъ или весьма видныхъ степеней служебной іерархіи. Мелкіе, отъ 1.500 руб. до 750 руб., пошли въ вознагражденіе особо отличившимся и болѣе молодымъ генераламъ, штабъ и даже оберъ-офицерамъ, т. е. лицамъ, имѣвшимъ всѣ права надѣяться сдѣлать, современемъ, болѣе или менѣе блестящую служебную карьеру.

Очевидно, что лица перваго разряда, какія бы выгоды ни извлекали они изъ данныхъ имъ маіоратовъ, получали гораздо бо́льшія средства отъ прямаго продолженія своей службы. Оставить службу и усѣсться въ маіоратахъ для нихъ было вполнѣ не выгодно. Люди молодые и только вступавшіе въ развитіе своей служебной дѣятельности и карьеры, тоже самое не могли изъ-за какихъ-нибудь 2.250, 1.500, 1.200 и 750 руб. промѣнять свою службу на роль сельскихъ хозяевъ. Впрочемъ, и помимо этого, новопожалованнымъ маіоратистамъ для начала сельскаго хозяйства не доставало ни познаній, ни денежныхъ средствъ на веденіе дѣла лично или черезъ наемныхъ управляющихъ. А безъ послѣднихъ обойтись было невозможно, потому что маіораты составлялись изъ имѣній, находившихся на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и иногда лежали въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Кромѣ того, маіоратныя имѣнія не подлежатъ обремененію долгами, а слѣдовательно не даютъ ихъ владѣльцамъ ни малѣйшаго кредита. Наконецъ, было еще одно обстоятельство, особенно сильное въ то время и радикальнымъ образомъ парализовавшее положеніе началу русскаго земельнаго хозяйства въ Царствѣ Польскомъ. Это обстоятельство заключалось въ совершенной обособленности края, имѣвшаго свои законы и учрежде-

Digitized by Google

нія и представлявшагося просто-таки недоступнымъ для русскихъ людей. Они были въ немъ совершенно чужими и не могли надѣяться ни на симпатіи общества, которому между тѣмъ должны были импонировать, ни на поддержку правительственныхъ властей, бывшихъ исключительно польскими.

Всѣ эти обстоятельства отлично были извѣстны князю Паскевичу, и онъ не могъ обманываться мечтою насадить въ Царствѣ Польскомъ, путемъ раздачи маіоратовъ, прочный русскій элементъ. Но если онъ долженъ былъ знать и зналъ, что никто изъ маіоратныхъ владѣльцевъ не поселится тотчасъ же въ краѣ и не будетъ вести хозяйства за свой счетъ, — то все-таки могъ предполагать, что невозможное въ его время сдѣлается болѣе исполнимымъ впослѣдствіи. На этихъ послѣднихъ предвидѣніяхъ онъ и могъ, съ видимою добросовѣстностью, считать предлагаемую имъ мѣру патріотично-политическою, тѣмъ болѣе, что серьезные опыты не всегда могутъ сразу привиться къ жизни и немедленно же дать благіе результаты; въ большей же части случаевъ ими только закладываются зародыши будущихъ успѣховъ.

При князѣ Паскевичѣ всѣхъ маіоратовъ роздано было 138, на сумму годоваго дохода въ 219.300 р. Маіораты были даны:

I.

1) Помощнику командира отдѣльнаго корпуса, ген.-ад. Бистрому; 2) командиру 2-го пѣхотнаго корпуса, барону Крейцу; 3) командиру отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, ген.-ад. Набокову; 4) командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, ген.-ад. Ридигеру; 5) главноуправляющему путями сообщенія, ген.-ад. графу Толю; 6) главному директору правительственной коммиссіи финансовъ, тайному совѣтнику Фурману и 7) военному министру, ген.-ад. графу Чернышеву — въ 4.500 рублей.

II.

1) Генералъ-квартирмейстеру дѣйствующей арміи, ген.-ад. Бергу; 2) главному директору прав. ком. внутреннихъ и духов-

Digitized by Google

ныхъ дѣлъ, ген.-лейт. Головину; 3) начальнику артиллеріи дѣйств. арміи, ген.-лейт. Гиленшмиту; 4) начальнику главнаго штаба дѣйств. арміи, ген.-ад. князю Горчакову; 5) командиру 1-го пѣх. корп., ген.-ад. барону Гейсмару; 6) начальнику инженеровъ дѣйств. ар., ген.-лейт. Дену; 7) находящемуся при главнокомандующемъ дѣйств. ар., тайному совѣтнику Жуковскому; 8) генералъ-адъютанту ген.-лейт. графу Ностицу; 9) ком. 6-го пѣх. корп., ген.-ад. Нейдгарту; 10) начальнику 3-й гренадерской дивизіи, ген.-лейт. Обручеву; 11) нач. 1-й легкой гвардейской кав. дивизіи, ген.-лейт. Пенхержевскому; 12) нач. 2-й грен. див., ген.-лейт. Полешко; 13) Варшавскому военному губернатору, ген.-ад. Панкратьеву; 14) нач. 2-й легкой кав. дивизіи, ген.-лейт. Сиверсу; 15) малолѣтнему сыну умершаго начальника 4-й пѣх. див., г.-л. Свѣчина (маіоратъ Лабно); 16) ком. отд. Сибирскаго корпуса и генералъ-губернатору Западной Сибири, г.-л. Сулимѣ; 17) нач. 9-й пѣх. див., г.-л. Тимоѳееву; 18) нач. 5-й пѣх. див., г.-л. Штегману и 19) предсѣдателю главнаго аудиторіата, ген. отъ инф. князю Шаховскому (м. Куписки-Новгородъ) — въ 3.000 рублей.

III.

1) Генералу Граббе; 2) дежурному генералу главнаго морскаго штаба, ген.-ад. Колзакову; 3) генералу Лидерсу [1]; 4) нач. 1 пѣх. див. г.-л. Мандерштерну; 5) нач. 1 легкой кав. див., г.-л. барону Оффенбергу; 6) члену полеваго аудиторіата, г.-л. Полуэктову; 7) Писареву; 8) нач. 12-й пѣх. див., г.-л. Рейбницу; 9) князю Суворову; 10) генералу Скобелеву; 11) генералу Чаадаеву; 12) генералу Шульгину; 13) генералу Штрандману, и 14) нач. 4-й легк. кав. див., г.-л. Шабельскому — въ 2.250 р.

---

[1]) Въ 1862—1868 г. маіоратъ графа Лидерса (Холмъ) увеличенъ до размѣра годоваго дохода въ 4500 руб.

Digitized by Google

IV.

1) Ком. 2-й бригады 8-й пѣх. див., г.-м. Аристову; 2) ком. 1-й бр. 3 пѣх. див., г.-м. Арсеньеву; 3) и. д. начальника штаба войска донскаго, полковнику Бердяеву; 4) военному начальнику Краковскаго воеводства, г.-м. Болену; 5) воен. нач. Сандомірскаго воеводства, г.-м. Бушену; 6) дежурному генералу дѣйст. ар., г.-м. Викинскому; 7) воен. нач. Люблинскаго воеводства, г.-м. Гурко; 8) нач. 2-й уланской див., г.-м. барону Корфу; 9) нач. 7-й пѣх. див., г.-м. Куприянову; 10) ком. 1-й бр. 6-й пѣх. див., г.-м. Крюкову; 11) ком. 1-й бр. 8-й пѣх. див., г.-м. Коцебу; 12) ком. 1-й бр. 7-й пѣх. див., ген.-м. Маркову; 13) ком. 2-й бр. 9-й пѣх. див., г.-м. Мартынцеву; 14) состоящему при арміи, г.-м. Мартынову; 15) начальнику III округа корпуса жандармовъ, г.-м. графу Нессельроде; 16) состоящему при главноком. дѣйст. ар., г.-м. Окуневу; 17) ком. 2-й бр. 3-й пѣх. див., г.-м. Плаутину; 18) ком. 2-й бр. 4-й пѣх. див., г.-м. Пущину; 19) ком. 8-й пѣх. див., г.-м. Панютину; 20) состоящему при главноком. дѣйст. ар., г.-м. Пряништникову; 21) и. д. генералъ-интенданта дѣйст. арм. 4-го класса Погодину (маіоратъ Осѣкъ); 22) сост. при главнок. дѣйст. ар., г.-м. Реаду; 23) начальнику Новгородскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, г.-м. Старченкову; 24) ком. 2-й бр. 6-й пѣх. див. г.-м. Симишину; 25) и. д. генералъ-полиціймейстера дѣйст. ар. и вице-президенту г. Варшавы, г.-м. Стороженко; 26) коменданту г. Варшавы, г.-м. Тутчеку; 27) ком. 1-й бр. 9-й пѣх. див., г.-м. Фези, 28) нач. 2-й артиллерійской дивизіи, г.-м. Федоренко, и 29) нач. штаба 3-го пѣх. кор. свиты, г.-м. барону Фредериксу — въ 1.500 р.

V.

1) Состоящему при арміи, г.-м. Баранову; 2) директору отдѣленія прав. ком. внутреннихъ дѣлъ 4-го класса, Болговскому; 3) Енохину; 4) предсѣдателю полеваго аудиторіата при дѣйст. ар., г.-м. Курису; 5) Неѣлову; 6) г.-м. Обручеву; 7) нач.

Digitized by Google

4-й артил. дивизіи, г.-м. Сухозанету; 8) Соболеву; и 9) ком. 2-й бр. 1-й легк. кав. див., г.-м. барону Торнау—въ 1.200 р.

VI.

1) Ком. сводной кавал. дивизіи, г.-л. Герштенцвейгу; 2) ком. Новоингерманландскаго п. п., полковнику Адлербергу; 3) ком. Лубенскаго гус. полка, полковнику Антонову; 4) ком. князя варшавскаго п., полковнику Бурману; 5) директору канцеляріи намѣстника, кол. сов. Бруевичу; 6) ком. Полтавскаго пѣх. п., полковнику Булгарову; 7) Бутурлину; 8) нач. штаба артиллеріи дѣйст. ар., полковнику Безаку; 9) ком. 1-й резервной саперной бр., полковнику Бурмейстеру; 10) ком. Капорскаго п. п., полков. Бодиско; 11) члену полеваго аудиторіата дѣйст. ар., полков. Бакунину; 12) корпуса жандармовъ полк. Власову; 13) полковнику Горлову; 14) л.-гв. Волынскаго полка капитану флигель-адъютанту Гогелю; 15) адъютанту главнок., полковнику князю Голицыну; 16) управляющему дипломатическимъ отдѣленіемъ канцеляріи главнокомандующаго, ст. сов. Гильфердингу; 17) ком. Олонецкаго п. п., полк. Дику; 18) сост. при главномъ штабѣ дѣйст. ар., пол. Докубовскому; 19) состоящему для особыхъ порученій при намѣстникѣ, кол. сов. Еліашевичу; 20) полковнику Заболоцкому; 21) ком. Смоленскаго ул. п. полк. Звѣреву; 22) сост. при главнокоман. дѣйст. ар., полк. Иванову; 23) ком. фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго полка. полк. Круммесу; 24) чиновнику дипломат. канцеляріи главноком., кол. сов. Крузенштерну; 25) ком. Симбирскаго егерскаго п., полк. фонъ-Кауфману; 26) ком. Ольвіопольскаго ул. п., полк. Крузенштерну; 27) ком. Архангелогородскаго п. п., полк. князю Кудашеву; 28) ком. 1-й бр. 1-й пѣх. див., г.-м. Лисецкому; 29) ст. сов. Лохтину; 30) ком. Волынскаго ул. п., полк. фонъ-Лешерну; 31) ком. Сѣвскаго п. п., полк. Лузанову; 32) ком. Елецкаго п. п., полк. Липранди; 33) ком. Одесскаго ул. п., полк. фонъ-деръ-Лауницу; 34) ком. пѣх. герцога Веллингтона полка, полк. Моллеру; 35) Массону; 36) Мельникову; 37) ком. Нижегородскаго п. п., полк. Мейнандеру; 38) ком.

Digitized by Google

Александрійскаго гус. п., полк. Норверту; 39) оберъ-квартирмейстеру 2-го пѣх. кор., полк. Носкову; 40) чинов. особыхъ пор. при намѣстникѣ, над. сов. Очкину (маіоратъ Блоне); 41) ком. 5-й арт. бр., полк. Плещееву; 42) ком. Томскаго егерскаго п., полк. Павлову; 43) ком. Колыванскаго егер. п., г.-м. Паттону; 44) ком. Брянскаго п., полк. Рубцу; 45) ком. Якутскаго п. п., полк. Сельвану; 46) ком. 2-й арт. бригады, полк. Сикстелю; 47) ком. 9-й арт. бр., полк. Сахновскому; 48) ком. 2-го сапернаго бат., полк. Станюковичу; 49) ком. Полоцкаго егер. п., полк. Соймонову; 50) сост. при главнок. дѣйст. ар., полк. Сотникову; 51) старшему адъютанту главнаго штаба дѣйст. ар., полк. князю Тенишеву; 52) адъютанту главнокомандующаго, полк. Ушакову; 53) ком. Днѣпровскаго п. п., полк. Федяю; 54) ком. 3-й арт. бр., полк. Фролову; 55) ком. 8-й арт. бр. полк. Чаплицу; 56) полк. Черевину; 57) чинов. Четыркину; 58) ком. Селенгинскаго п. п., Чаплыгину; 59) ком. С.-Петербургскаго ул. п., полк. Шатову, и 60) директору канцеляріи главнокомандующаго, ст. сов. Яновичу—въ 750 руб.

Сверхъ того, самъ князь Варшавскій, на правахъ полной собственности въ 1840 и 1845 г., получилъ въ Люблинской губерніи около кр. Ивангорода, имѣнія Демблинъ и Голомбъ, составившія такъ названное Ивановское село. Доходы съ Ивановскаго села, въ 1864 г., до изданія законовъ 19-го февраля, исчислены были бывшимъ Совѣтомъ управленія въ Царствѣ Польскомъ въ 24.124 р. 64 к. Затѣмъ, по устройствѣ быта крестьянъ, они уменьшились до 16.077 р. 40 к. Въ имѣніи находится болѣе 500 влукъ фольварковой земли [1]). Съ 1864 г. имѣніе это во всѣхъ отношеніяхъ сравнено съ маіоратными.

Сообразно выработавшимся въ Царствѣ Польскомъ условіямъ сельскаго хозяйства, тамошнія государственныя имущества въ 1835 году, т. е. во время изданія указа о маіоратахъ (4 окт. 1835 г.), кромѣ лѣсовъ, представляли небольшія имѣнія, состоявшія изъ фольварковъ и крестьянскихъ угодій, за пользованіе коими кресть-

[1]) Пост. Учред. Ком. Т. XI, ст. 1425, стр. 392.

Digitized by Google

яне отрабатывали барщину или платили чинши. Имѣніямъ этимъ принадлежала и пропинація, т. е. право извлеченія доходовъ отъ продажи крѣпкихъ напитковъ.

Правительственная коммиссія финансовъ, завѣдывавшая государственными имуществами, вела самостоятельное хозяйство только въ лѣсахъ, а фольварки отдавала въ арендное содержаніе на 12, 25, а иногда и значительно бо́льшее число лѣтъ, причемъ арендаторы, ведя хозяйство на фольварковыхъ земляхъ, получали съ крестьянъ чинши или работу натурой.

По окончаніи сроковъ аренды, новыхъ торговъ обыкновенно не производилось, а имѣніе оставалось у прежняго арендатора или его наслѣдниковъ, на новый срокъ, если тѣ соглашались увеличить платимую аренду на 10%. Вслѣдствіе такихъ условій и крайне низкой первоначальной оцѣнки, сдѣланной еще въ самыхъ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, арендная плата съ казенныхъ фольварковъ была далеко ниже того, что́ они приносили ихъ арендаторамъ въ дѣйствительности.

Кромѣ срочныхъ арендаторовъ, казенными фольварками, а также домами, находившимися въ Варшавѣ и другихъ городахъ, пользовались нѣкоторые заслуженныя лица срочно или безсрочно и во всякомъ случаѣ безъ переоброчки. Многія изъ сихъ лицъ не хозяйничали сами, а отдавали фольварки въ аренду. Такъ какъ и частныя имѣнія въ Царствѣ Польскомъ дѣлились тоже на фольварки, отдававшіеся по большей части въ аренду, то въ краѣ образовалась масса людей, желавшихъ держать имѣнія въ арендѣ и вполнѣ знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ.

На основаніи положенія объ образованіи маіоратовъ, казенные фольварки должны были поступать въ нихъ по доходности, равнявшейся арендѣ, платимой съ нихъ во время ихъ пожалованія. Передавались же они въ пользованіе маіоратистовъ не ранѣе, какъ по окончаніи сроковъ аренды. Выборъ фольварковъ, ничѣмъ не стѣсняемый, предоставленъ былъ самимъ пожалованнымъ и утверждался коммиссіею финансовъ. Пріискивая фольварки по своему усмотрѣнію, при благосклонномъ содѣйствіи финансовыхъ чиновниковъ, многіе маіоратисты старались преимущественно объ отысканіи дешево оцѣненныхъ фольварковъ, не останавливаясь ни передъ тѣмъ,

Digitized by Google

что эти фольварки лежали въ разныхъ губерніяхъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, ни передъ несоотвѣтствіемъ ихъ доходности съ размѣромъ суммы пожалованія. Образовавшійся излишекъ доходности, подъ предлогомъ необезцѣненія фольварковъ отрѣзкою отъ нихъ земли и отобраніемъ другихъ угодій, дозволялось вносить въ казну въ одинаковомъ на всегда размѣрѣ. Подобныхъ ежегодныхъ доплатъ, по всѣмъ маіоратамъ перваго пожалованія, образовалось на сумму 24.418 р. 2½ к. Въ частности приплаты были очень значительны. Такъ въ маіоратъ Павлово Кѣлецкой губерніи (ген. Викинскій), пожалованный въ 1.500 р., фольварковъ было включено на 2.582 р. 15 к., т. е. приплата составляла 1.082 р. 15 к. Впрочемъ, это самый выдающійся случай. Маіораты Радомской губерніи Осѣкъ и Козенице (Погодина и Дена) уплачивали превышеніе въ доходахъ, первый въ размѣрѣ 973 р. 30½ к., а второй— 832 р. 57 к. Превышеніе въ 300 и 400 рублей для самыхъ мелкихъ маіоратовъ, назначенныхъ въ 750 руб., было дѣломъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ, кромѣ слѣдуемыхъ въ маіоратъ угодій, нѣкоторые маіоратные владѣльцы пріобрѣли не мало земель въ вѣчную аренду за неподлежавшую дальнѣйшему увеличенію плату. Само собою, что въ числѣ пожалованныхъ были и такіе, которые совсѣмъ не заботились о пріисканіи болѣе доходныхъ имѣній—имъ досталось, что было указано финансовой администраціей.

Кадастра въ краѣ не существовало, и фольварки оцѣнивались главнѣйшимъ образомъ на основаніи одного только признака— послѣдней аренды. А аренда, какъ объяснено выше, устанавливалась случайно; одни имѣнія вовсе не переоброчивались, другія оставались на новые сроки за прежними арендаторами изъ-за 10% прибавки, и наконецъ нѣкоторыя отдавались съ торговъ за цѣну, выяснившуюся при конкурренціи. Утверждались отводы имѣній въ маіораты по каждому маіорату отдѣльно, не принимая въ соображеніе, что двумъ рядомъ лежащимъ маіоратамъ, при одинаковой суммѣ пожалованія, угодья отводились совершенно неравномѣрно. Вообще маіораты составлялись стихійно. Поясню это нѣсколькими примѣрами. Возьмемъ сперва самые крупные маіораты въ 4.500 р. Маіорату Унеевъ, Калишской губерніи, отведено шесть фольварковъ пространствомъ въ 2.657 морговъ за 4.500 р., а маіорату Парчевъ,

Digitized by Google

Сѣдлецкой губерніи, четыре фольварка въ 11.459 морговъ за 4.335 р. 23 к. Въ трехтысячныхъ маіоратахъ: маіоратъ Людвиновъ, Сувалкской губ., получилъ 2.610 морговъ за 2.825 р. 18 к., а маіоратъ Правда, Сѣдлецкой губерніи, 8.707 морговъ за 2.998 р. Маіоратъ Чарноцинъ, Петроковской губерніи—1.465 морговъ за 956 р.

Изъ числа маленькихъ маіоратовъ по 750 р. маіорату Курово, Варшавской губ., дано 337 морговъ за 771 р., а маіорату Ланкуняны, Сувалкской губ., 1.555 морговъ за 526 р. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно.

Такая же неправильность была и при отводѣ лѣсныхъ дачъ. По положенію разсчитывалось на 100 морговъ фольварковыхъ земель давать 20 морговъ лѣсу или приравнивать размѣръ лѣснаго надѣла къ пятой части суммы пожалованія. На практикѣ этого не соблюдали, и лѣсные отводы вышли самые разнообразные. Есть даже маіораты вовсе безъ лѣсу. Маіорату Правда отведено 4.164 морга за 470 р. Маіорату Унеевъ 2.453 морга за 312 р. Маіорату Обелія 1.084 морга за 118 р. Маіорату Нетта 1.447 морговъ за 103 р. Маіорату Ивове 202 морга за 9 р. 94 к.

Вообще всѣмъ 138 маіоратнымъ владѣльцамъ, пожалованія временъ Паскевича, отведено слѣдующее количество пахотныхъ земель и лѣсу съ показаніемъ средней ихъ доходности съ морга.

Число маіоратовъ.	Сумма пожалованія.	Общая сумма.	Число отведенныхъ.			Сколько коп. за моргъ.	
			Фольварк.	Морговъ пашни.	Морговъ лѣсу.	Пашни.	Лѣсу.
7	4.500	31.500	37	22.604	12.806	90	14
19	3.000	57.000	78	52.517	34.288	86	14
14	2 250	31.500	50	25.702	14.057	94	21
29	1.500	43.500	76	52.152	21.108	90	20
9	1.200	10.800	30	12.224	3.442	52	22
60	750	45.000	84	61.363	26.874	54	13
138	—	219.300	355	226.562	112.575	78	18
				339.137			

Льготныя условія, допущенныя при образованіи маіоратовъ первой серіи, имѣли результатомъ значительное увеличеніе ихъ до-

Digitized by Google

ходности. По достовѣрнымъ даннымъ можно признать, что никто изъ маіоратныхъ владѣльцевъ, пожалованныхъ при князѣ Паскевичѣ, не получаетъ съ своихъ маіоратовъ менѣе, чѣмъ вдвое противу размѣра, опредѣленнаго пожалованіемъ, а весьма многіе втрое и даже болѣе. Поэтому доходность 138 маіоратовъ въ 1830-хъ годахъ равнялась не 219.300 р., какъ бы слѣдовало, а по крайней мѣрѣ 500.000 руб., если не болѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ, вслѣдствіе даннаго этимъ маіоратамъ вознагражденія за убытки сдѣланныхъ въ имѣніяхъ улучшеній и общаго повышенія цѣнъ на земли, доходность ихъ еще болѣе увеличилась.

Слѣдуетъ не умолчать однако, что, несмотря на такія льготныя условія составленія и отвода маіоратовъ, нѣкоторые маіоратные владѣльцы никогда не вступали во владѣніе предназначенными имъ имѣніями, а другіе отказывались отъ нихъ впослѣдствіи и сдавали въ казенное управленіе. Въ обоихъ случаяхъ, казна, завѣдуя поступавшими въ ея вѣдѣніе имѣніями, выдаетъ владѣльцамъ денежныя суммы, равныя суммѣ пожалованія. Вполнѣ отказались отъ маіоратовъ слѣдующія лица:

1. Князь Чернышевъ, получившій маіоратъ въ 4.500 р. [1]).
2. Генералъ Лидерсъ (потомъ графъ) . . . 2.250 »
3. Генералъ Рейбницъ . . . . . 2.250 »
4. Генералъ Гурко . . . . . 1.500 »
5. Генералъ баронъ Корфъ . . . . . 1.500 »
6. Генералъ Барановъ . . . . . 1.200 »
7. Полковникъ Бакунинъ . . . . . 750 »
8. Полковникъ Бодиско . . . . . 750 »

Впослѣдствіи, въ періодъ времени съ 1862 по 1868 г., пятеро изъ этихъ лицъ, а именно гг. Лидерсъ, Гурко, Корфъ, Барановъ и Бодиско вновь просили объ отводѣ маіоратовъ и получили новыя имѣнія (такъ какъ прежнія уже были розданы) съ доходомъ въ размѣрѣ пожалованія, кромѣ графа Лидерса, которому новый маіоратъ (Холмъ, Люблин. губ.) назначенъ съ доходомъ въ 4.000 руб.

---

[1]) Указомъ 16-го октября 1839 г. (Дн. Зак. № 23) военному министру, графу Чернышеву, пожаловано въ маіоратъ съ доходомъ въ 4.500 р. имѣніе Кленово, Калишскаго воеводства Сѣрадзскаго уѣзда. Впослѣдствіи часть его (Гура Кленовская) вошла въ составъ маіората сенатора Витте, нынѣ принадлежащаго дочери его, госпожѣ Багговутъ.

Digitized by Google

Въ 1845 г. первая раздача казенныхъ имѣній въ Царствѣ Польскомъ окончилась, и дѣло это не возобновлялось болѣе 17 лѣтъ. Въ 1862 г. наслѣдникъ генерала Гурко обратился съ ходатайствомъ объ отводѣ ему казенныхъ имѣній взамѣнъ возвращенныхъ въ казну первымъ маіоратнымъ владѣльцемъ. Тогда же послѣдовало и назначеніе графу Лидерсу новаго маіората, отчасти вмѣсто возвращеннаго, но съ увеличеніемъ дохода до 4.500 руб.

Въ 1864 г., уже въ намѣстничество графа Берга и въ то время, когда возникшій въ 1863 году мятежъ еще нельзя было считать вполнѣ подавленнымъ, вопросъ о маіоратномъ владѣніи возбудился съ новою силою и вслѣдствіе обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ начатыми тогда административными реформами въ краѣ.

По законамъ 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ прекращены были, между прочимъ, чинши, платимые крестьянами многихъ маіоратныхъ имѣній, и отработываемая ими барщина. Такъ какъ эти чинши и барщины зачислены были въ счетъ доходности имѣній, то несомнѣнно, что почти всѣ маіоратные владѣльцы первой серіи понесли болѣе или менѣе значительные убытки. Начались ходатайства о вознагражденіи, и изученіемъ этого вопроса занялся, бывшій уже въ полномъ развитіи своихъ дѣйствій, Учредительный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ намѣстника.

Мѣстныя изслѣдованія показали, что маіоратные владѣльцы дѣйствительно понесли потери и притомъ въ размѣрахъ, грозящихъ полнымъ упадкомъ доходности пожалованныхъ имъ императоромъ Николаемъ имѣній. Учредительный комитетъ нашелъ, что лица эти заслуживаютъ вниманія правительства, и убытки ихъ надлежало бы возмѣстить изъ средствъ казны, не дѣлая подобной мѣры предметомъ какихъ-либо общихъ правилъ и назначая таковое вознагражденіе по каждому отдѣльному случаю, путемъ монаршей милости. Представленіе это было одобрено, и Высочайшимъ повелѣніемъ 13 (25) іюля 1865 г. русскимъ маіоратнымъ владѣльцамъ разрѣшено было произвести надлежащее вознагражденіе за эти потери.

Съ теоретической почвы вопросъ перешелъ на практическую, и надлежало исполнить вновь послѣдовавшее законоположеніе, что зависѣло всецѣло отъ Учредительнаго комитета, полновластно распо-

Digitized by Google

ряжавшагося хозяйствомъ края. Комитетъ состоялъ изъ лицъ вполнѣ добросовѣстныхъ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ стремленіи къ хищенію или въ безсистемной дѣятельности. Напротивъ, всѣ его члены были проникнуты строгимъ отношеніемъ къ дѣлу и въ дѣйствіяхъ своихъ скорѣе впадали въ излишнюю аргументацію, исходя изъ желанія каждое свое мѣропріятіе сообразить и исполнить возможно лучше и притомъ съ бо̀льшею для казны выгодою. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе тогдашняго ненормальнаго положенія края, комитетъ если не цѣликомъ, то въ составѣ своего авторитетнаго большинства, подпадалъ иногда вліянію политическихъ увлеченій и, руководясь ими, дѣлалъ промахи. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Правительственная коммиссія финансовъ не спѣшила съ этимъ вопросомъ и предполагала собрать предварительныя свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы, по ихъ изученіи, выработать общія основанія относительно порядка возмѣщенія понесенныхъ маіоратистами убытковъ. Членъ Учредительнаго комитета А. И. Кошелевъ—кстати здѣсь сказать отказавшійся потомъ отъ предложеннаго ему маіората—поддерживалъ ту же мысль. Онъ полагалъ, «что не слѣдовало теперь входить съ представленіями объ оказаніи пособій маіоратнымъ владѣльцамъ, а необходимо сперва разсмотрѣть всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большую половину просьбъ по сему предмету и тогда, получивъ настоящее или приблизительное понятіе о пожертвованіяхъ, предлежащихъ по сей статьѣ правительству, можно будетъ войти съ докладомъ и въ немъ представить по каждому имѣнію порознь предположенія объ оказаніи соотвѣтственнаго пособія тѣмъ маіоратнымъ владѣльцамъ, которыхъ потери въ ежегодномъ доходѣ, противъ окладовъ пожалованія, истекаютъ исключительно и непосредственно отъ введенія въ дѣйствіе указовъ 19-го февраля 1864 г.»

Высказываясь, такимъ образомъ, солидарно съ коммиссіей финансовъ, А. И. Кошелевъ говорилъ лишь принципіально и, не зная опыта прошлаго, не могъ подкрѣпить свои соображенія указаніемъ на тѣ неудобства, которыя были допущены при первой раздачѣ маіоратовъ и которыхъ теперь слѣдовало избѣжать, дѣйствуя систематично, а не вразбродь по каждому случаю отдѣльно. Знай А. И. Кошелевъ объ этихъ порядкахъ, онъ, безъ сомнѣнія, высказался бы о нихъ обстоятельно. Директоръ коммиссіи финансовъ д. с. с.

Digitized by Google

Багневскій, остававшійся у власти послѣдніе дни, хотя и зналъ со всею подробностью о прошломъ, но умолчалъ о томъ изъ вполнѣ понятныхъ побужденій.

Разумѣется, всѣ прочіе члены Учредительнаго комитета, какъ люди, новые въ краѣ, не были посвящены въ дѣла прошлаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ А. И. Кошелевъ, и такъ же, какъ онъ, ничего не знали о тѣхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ первую раздачу маіоратовъ, которыя, будучи ясно выставлены на видъ, и имъ бы самимъ показались неудовлетворительными. Не зная бывшихъ фактовъ, они въ дѣйствіяхъ тогдашняго не преобразованнаго еще финансоваго вѣдомства усмотрѣли не только желаніе замедлить удовлетвореніе справедливыхъ домогательствъ маіоратистовъ, но и нескрываемое противодѣйствіе вышедшему закону изъ политическихъ видовъ. Поддержка А. И. Кошелева, подвергавшагося упрекамъ въ излишнемъ сочувствіи къ мѣстнымъ политически-неблагонадежнымъ элементамъ, еще болѣе укрѣпила вліятельныхъ членовъ комитета въ ихъ заблужденіи.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ, Учредительный комитетъ (пост. Т. VII, ст. 710) призналъ невозможнымъ, безъ нарушенія приведенной Высочайшей воли отлагать разрѣшеніе дѣла о вознагражденіи кого-либо изъ маіоратныхъ владѣльцевъ до того времени, пока окончательно разобраны будутъ на мѣстахъ и разсмотрѣны комитетомъ всѣ въ совокупности дѣла сего рода. Подобный порядокъ производства этихъ дѣлъ, по соображеніямъ комитета, не только противорѣчилъ бы смыслу повелѣнія 13 (25) іюля 1865 г., но отсрочилъ бы исполненіе онаго на долгое время и, лишая маіоратныхъ владѣльцевъ на нѣсколько, быть можетъ, лѣтъ того пособія, которое имъ предназначено, затруднилъ бы и самое правительство, когда ему пришлось бы одновременно разсмотрѣть и разрѣшить по всѣмъ 138 маіоратамъ дѣла, не имѣющія между собой никакой связи и основанныя каждое на отдѣльныхъ, часто сложныхъ и мелкихъ разсчетахъ.

А. И. Кошелевъ остался при особомъ мнѣніи, которое, само собою, не могло остановить приведеніе постановленія Учредительнаго комитета въ исполненіе. Постановленіе это было тѣмъ неудобнѣе, что оно, возобновляя порядки 30-хъ годовъ, предрѣшило и спо-

Digitized by Google

собъ составленія маіоратовъ второй серіи, о которыхъ хотя еще и не было рѣчи, но предусмотрѣть которые было легко, не обладая особымъ даромъ предвидѣнія.

Установивъ опредѣленіе вознагражденія за потери по каждому маіорату отдѣльно, Учредительный комитетъ поступалъ, за симъ, такъ. Прежде всего онъ зачислялъ въ счетъ потерь проценты съ назначеннаго владѣльцамъ ликвидаціоннаго вознагражденія и уплачиваемое превышеніе доходовъ. Если то и другое не покрывало понесенныхъ потерь, то недостатокъ возмѣщался сложеніемъ нѣкоторыхъ податей (кварты) и назначеніемъ владѣльцу новыхъ фольварковъ и лѣсныхъ дачъ. Къ арендной доходности вновь назначаемыхъ фольварковъ обыкновенно прибавляли по 10% за каждыя 12 лѣтъ протекшей аренды. Количество лѣса разрѣшали увеличивать до трети пожалованной суммы, ибо, за отчисленіемъ отъ маіоратовъ крестьянскихъ земель, пятая часть была бы несоотвѣтственно мала. Когда платимое превышеніе было болѣе понесенныхъ потерь, то владѣльцу вмѣнялось въ обязанность выкупить этотъ излишекъ внесеніемъ такой суммы, проценты съ коей равнялись бы погашаемому долгу.

Свѣдѣнія о назначеніи маіоратнымъ владѣльцамъ пособій разбросаны по 12 томамъ постановленій Учредительнаго комитета (съ 6-го по 17-й). Изъ нихъ видно, что пособія назначены только по 115 маіоратамъ, по остальнымъ пособія или не причиталось или не требовалось.

Сводя въ одно всѣ эти данныя, оказывается, что убытки отъ примѣненія законовъ 19-го февраля 1864 г., по 115 маіоратамъ, достигли суммы 81.269 р. 55 к. Въ счетъ этой суммы опредѣлено:

1) сложить превышеніе на	24.418	р.	$2^1/_2$ к.
2) назначить лѣсу на	15.119	»	— »
и 3) присоединить къ составу прежнихъ маіоратовъ 90 фольварковъ съ общимъ ежегоднымъ доходомъ въ . .	41.732	»	$52^1/_2$ »
Итого. . .	81.269	р.	55 к.

По 19 маіоратамъ только сложено превышеніе, а по остальнымъ назначены новые фольварки или лѣсныя дачи или и фольварки и лѣсныя дачи вмѣстѣ. Мелкія суммы въ нѣсколько десятковъ

Digitized by Google

рублей каждая списывались со счетовъ то въ пользу владѣльцевъ, то въ пользу казны. Значительнымъ отступленіемъ является маіоратъ генерала Заболоцкаго. При потеряхъ въ 605 р. 1 к. помощь ему ограничена всего только скидкою платимаго превышенія въ 191 р. 91 к. въ виду того, что онъ, имѣя уже маіоратъ перваго пожалованія въ 750 р., получилъ новый съ доходомъ въ 3.000 р.

Въ частности потери высчитаны крайне разнообразно. По маіорату Осѣкъ, пожалованному въ 1.500 р., потери признаны въ 1.750 р. По маіорату Куписки-Новгородъ, данному въ 3.000 р., потери опредѣлены въ 4.475 р. 19½ к. Это самое большое пособіе, причемъ владѣльцу назначено: сложить превышеніе въ 164 р. 12 к., нарѣзать лѣсу на 2.600 р. и отвести четыре фольварка съ ежегоднымъ доходомъ въ 1.711 р. 7½ к. Слѣдующее затѣмъ по значительнымъ размѣрамъ вознагражденіе признано по маіорату Лабно, данному въ 3.000 р. Потери по немъ исчислены въ 2.114 р. 54 к. Сложено 747 р. 47 к. превышенія, нарѣзано лѣсу на 155 р. и дано три фольварка съ доходомъ въ 1.212 р. 7. к.

Для ознакомленія съ порядкомъ учета потерь и назначенія пособія, привожу наиболѣе краткій примѣръ относительно маіората Блоне.

До изданія указовъ 19 февраля 1864 г. владѣлецъ маіората Блоне получалъ съ крестьянъ чиншей . . . . 410 р. 77½ к.

Нынѣ получитъ процентовъ съ ликвид. листовъ. 272 » — »

За симъ онъ теряетъ:

въ чиншахъ	138 »	77½ »
въ пропинаціи съ крестьянскихъ земель . .	110 »	— »
Всего. . .	248 р.	77½ к.

Маіоратный владѣлецъ получилъ вознагражденіе въ сложеніе подати кварты. . . . . 52 р. 26 к.

слѣдовательно вся потеря владѣльца составляетъ . . . . . 196 » 51½ »

но такъ какъ владѣлецъ обязанъ вносить въ казну излишекъ въ ежегодномъ доходѣ съ маіората противъ пожалованія . . . . . 310 » 29¼ »

то за вычетомъ изъ этой суммы вышепоказанной потери. . . . . 196 » 51½ »

Digitized by Google

осталась бы часть излишка, подлежащая впредь
къ взносу въ казну въ количествѣ . . . . 113 р. 78 к.

Учредительный комитетъ (ст. 795, т. VIII) поэтому опредѣлилъ: сложить часть превышенія въ 196 р. 51½ к. и обязать владѣльца остальную часть ея выкупить единовременнымъ взносомъ суммы, проценты съ коей будутъ равняться погашаемому превышенію.

Примѣняя тѣ же данныя, которыя ниже выведены относительно новыхъ маіоратовъ, розданныхъ при графѣ Бергѣ, причемъ средняя цѣна морга пашни опредѣлилась 73 к., а морга лѣса—въ 51 коп., приблизительно получимъ, что въ возмѣщеніе потерь, понесенныхъ старыми маіоратами отъ устройства крестьянъ по закону 1864 г. дано:

пахатной земли	57.168 морговъ.
лѣсу	29.604 »
Итого . .	86.772 морговъ.

Польскія возстанія 1830 и 1863 годовъ существенно отличаются одно отъ другаго какъ по характеру борьбы, такъ и по мѣрамъ, принятымъ къ усмиренію мятежа и умиротворенію края. Въ 1830 г. поляки имѣли свою армію, по устройству и обученію совершенно одинаковую съ нашей. Между обѣими арміями велась правильная война съ перемѣннымъ счастьемъ, кончившаяся полнымъ торжествомъ нашихъ войскъ. Польскія войска были разбиты, частію ушли за границу, частію распущены. Наши войска, овладѣвъ краемъ, возстановили власть правительства, и въ Царствѣ Польскомъ по водворившемся спокойствіи все пошло по-старому; перестали только существовать польскія войска. При усмиреніи же мятежа 1863 г. все было иное. Посредствомъ ряда коренныхъ административныхъ мѣръ, произведена полная реформа общественнаго устройства на совершенно новыхъ началахъ; военныя же дѣйствія не отличались особенною серьезностью и болѣе всего походили на партизанскія операціи. Цѣль мятежниковъ была не въ боѣ съ нашими войсками и не въ надеждѣ на побѣду, а въ заявленіи только міру жизненности народныхъ польскихъ силъ и привлеченіи вниманія Западной Европы, готовившейся было къ непрошенному вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Въ виду такого разрозненнаго

Digitized by Google

дѣйствія повстанцевъ и съ нашей стороны дѣйствовали разрозненно. Дѣйствія эти стали напоминать собою порядки, зачастую практиковавшіеся у французовъ въ Алжиріи.

Хотя награды за военныя отличія, послѣдовавшія уже при самомъ усмиреніи мятежа, были весьма щедры, но все-таки многія лица изъ сферъ военной и военно-полицейской считались достойными, по прежнему примѣру, и наградъ маіоратами.

Начавшееся одновременно съ усмиреніемъ мятежа возвращеніе маіоратовъ лицамъ, прежде отъ нихъ отказавшимся, и выдача пособій за убытки отъ устройства крестьянъ всѣмъ почти маіоратистамъ выдвинули маіоратный вопросъ на первый планъ, и онъ сталъ заявлять о себѣ самымъ настоятельнымъ образомъ. Выражаясь фигурально, можно бы сказать, что если бы вопросъ не былъ возбужденъ оффиціально по представленію изъ Варшавы, то онъ разрѣшился бы самъ собою, до такой степени онъ уже назрѣлъ къ 1866 году.

Если бы ходатайствамъ, являвшимся съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ лицъ о награжденіи маіоратами тѣхъ или другихъ лицъ, служащихъ въ Привислянскомъ краѣ, былъ сдѣланъ категорическій отпоръ въ Варшавѣ, то, несомнѣнно, маіоратный вопросъ перешелъ бы въ правительственныя столичныя сферы и оттуда непосредственно заговорили бы не о принципіальномъ вопросѣ о маіоратахъ, а о частномъ пожалованіи разнымъ лицамъ. Направить дѣло такимъ именно образомъ графу Бергу было не трудно, но онъ не прибѣгъ къ этому способу дѣйствій, такъ какъ при подобномъ оборотѣ дѣла, всѣ его недоброжелатели и особливо кружокъ гражданскихъ дѣятелей, называвшихъ графа «хитроумнымъ старцемъ», прямо бы обвинили его въ хитростномъ подвохѣ. Нѣтъ, онъ на это не рѣшился и, поставя вопросъ о раздачѣ маіоратовъ, получилъ благопріятный отвѣтъ изъ Петербурга, гдѣ, при господствовавшихъ тогда совершенно ясныхъ взглядахъ на польскія дѣла, не нашли возраженій противъ возобновленія мѣры, осуществленной уже однажды княземъ Паскевичемъ.

Уже этимъ одобреніемъ изъ столицы въ значительной степени снимается съ покойнаго генералъ-фельдмаршала и намѣстника нравственная отвѣтственность за раздачу маіоратовъ второй серіи. Едва-ли можно серьезно упрекнуть графа Берга за самое предста-

Digitized by Google

вленіе о награжденіи его сотрудниковъ маіоратами. Работъ государственнаго значенія, при умиротвореніи Привислянскаго края, при немъ было сдѣлано несравненно болѣе, чѣмъ при Паскевичѣ, и кромѣ лицъ, принадлежавшихъ къ составу арміи, оказывалось не мало видныхъ дѣятелей и въ средѣ гражданскихъ чиновъ. Вообще поводовъ къ выдающимся наградамъ было болѣе, чѣмъ въ тридцатыхъ годахъ; поводы были существеннѣе, а число дѣйствовавшихъ и отличившихся лицъ было не менѣе.

Избраніе кандидатовъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало графу Бергу. Это было его неоспоримымъ правомъ, и критиковать его по этому предмету распоряженія не представляется достаточныхъ основаній. Въ выборѣ лицъ и опредѣленіи размѣра ихъ награжденія графъ Бергъ дѣйствовалъ по своимъ соображеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы нѣсколько иначе, но опять таки по личнымъ своимъ взглядамъ. Поэтому я не считаю возможнымъ входить въ разборъ тѣхъ соображеній, по которымъ графъ Бергъ наградилъ тѣхъ или другихъ лицъ и однимъ назначилъ награду въ значительно бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ другимъ. Отмѣчу однако, что именно эти-то назначенія и были поводомъ жестокихъ нападеній на графа. Большинство его порицателей за это именно осуждали его не по принципу, а изъ личныхъ, разумѣется, видовъ; тому не дали ничего, а другому гораздо менѣе, чѣмъ ему, по его убѣжденію, слѣдовало.

Если право графа Берга на выборъ кандидатовъ и несомнѣнно, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ остановиться на какомъ-нибудь окончательномъ рѣшеніи безъ предварительнаго объясненія съ начальствующими лицами военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, которыя только и могли представить намѣстнику о заслугахъ лицъ второстепенныхъ, не всегда близко извѣстныхъ главному начальнику края.

Казалось бы, что, внеся въ списки награждаемыхъ главнѣйшихъ лицъ обоихъ вѣдомствъ по собственному своему усмотрѣнію и второстепенныхъ дѣятелей, по соглашенію съ подлежащими властями, графу Бергу предлежало: сперва испросить окончательное назначеніе маіоратовъ по составленнымъ спискамъ и затѣмъ передать эти списки для составленія маіоратовъ тому учрежденію, которое вѣдало государственными имуществами, т. е. существовавшей въ

Digitized by Google

30-хъ годахъ и еще не преобразованной коммиссіи финансовъ, высказавшей было, какъ мы видѣли въ дѣлѣ вознагражденія за убытки, намѣреніе вести маіоратное дѣло болѣе или менѣе систематично. Сдѣлай это графъ Бергъ, и всѣ его дѣйствія по маіоратному вопросу были бы вполнѣ безупречны и въ строгихъ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ и полномочій.

Но это на дѣлѣ не осуществилось, и къ сожалѣнію, едва-ли не главнѣйшимъ основаніемъ отступленія отъ совершенно раціональнаго порядка дѣйствій было рѣшеніе Учредительнаго комитета, установившее одиночное разсмотрѣніе маіоратныхъ дѣлъ и отвергнувшее совокупное ихъ обсужденіе по собраніи надлежащихъ данныхъ по всей массѣ дѣлъ, или по какой-либо ихъ категоріи.

Варшавскій военный кружокъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ намѣстнику, гражданскій же держалъ себя особо, стараясь дѣйствовать самостоятельно и тѣмъ достигнуть преобладающаго значенія. Представители военнаго кружка получили въ этомъ дѣлѣ рѣшительное вліяніе.

Въ виду того, что военные чины участвовали въ усмиреніи мятежа съ самаго его начала; что главнымъ образомъ они сломили его и, водворивъ порядокъ въ краѣ, дали возможность явиться на сцену дѣятелямъ гражданскимъ—рѣшено было оказать предпочтеніе военному элементу и сперва исходатайствовать маіораты нѣсколькимъ выдающимся лицамъ военнаго вѣдомства, оставя вознагражденіе второстепенныхъ военныхъ дѣятелей и гражданскихъ чиновъ до слѣдующихъ представленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь рѣшеніемъ Учредительнаго комитета объ окончаніи маіоратныхъ дѣлъ каждаго порознь, установлено было къ списку первоначально представляемымъ лицамъ приложить разсчетныя вѣдомости съ показаніемъ въ нихъ совершенно уже составленныхъ маіоратовъ изъ точно поименованныхъ фольварковъ, съ проставленіемъ противу каждаго изъ фольварковъ той его доходности, въ которой онъ предназначался къ пожалованію. Вся переписка по этому дѣлу сосредоточилась въ окружномъ штабѣ и велась безъ малѣйшей огласки.

Хотя финансовое вѣдомство старалось, по возможности, приводить оцѣнку доходности фольварковъ въ соразмѣрность съ существующими арендными цѣнами на землю и въ нѣкоторыхъ случаяхъ

Digitized by Google

отстаивало интересы казны, но выборъ болѣе доходныхъ фольварковъ, разъ начавшись,продолжался до того временп, пока управленіе финансами Царства Польскаго не перешло изъ Варшавы въ Петербургъ, въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Тогда заведены были новые порядки, при которыхъ и розданы остальные 54 маіората, считая въ томъ числѣ:

4	маіората	въ	1.200 р.
4	»	»	1.000 »
40	»	»	750 »
6	»	»	500 »

«Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго [1]), въ засѣданіи 30 сентября 1869 г. разсмотрѣвъ, при участіи министра финансовъ, представленіе намѣстника въ Царствѣ Польскомъ о порядкѣ образованія и распредѣленія вновь пожалованныхъ маіоратовъ въ губерніяхъ сего края, принялъ во вниманіе слѣдующія два обстоятельства: первое, что, въ виду предстоящаго нынѣ образованія 54 маіоратовъ, изъ послѣднихъ, оставшихся въ Царствѣ свободными, казенныхъ имѣній большею частію мелкихъ и разбросанныхъ по всему Царству, было бы весьма затруднительнымъ придать симъ маіоратамъ нѣкоторую округленность, и второе: что столь же трудно соблюсти хотя приблизительную уравнительность въ доходности ихъ, если бы каждому изъ лицъ,получающему маіоратъ, предоставлено было, какъ это допускалось доселѣ, указывать фольварки для образованія онаго. Находя потому, что составленіе всѣхъ означенныхъ маіоратовъ должно быть произведено одновременно правительственнымъ учрежденіемъ, съ тѣмъ, чтобы по составленіи списковъ маіоратовъ по категоріямъ исчисленнаго съ нихъ дохода (въ 1.200, 1.000, 750 и 500 р.) лица, удостоившіяся пожалованія, были допущены къ избранію маіората, изъ соотвѣтственнаго списка, по старшинству пожалованія, а лица, пожалованныя одновременно, по порядку поименованія ихъ въ Высочайшемъ повелѣніи,—Высочайше утвержденнымъ въ 1-й день октября сего года, положеніемъ постановилъ:

1) Образованіе маіоратныхъ имѣній для всѣхъ 54-хъ лицъ, удо-

[1]) Выписка изъ печатнаго циркулярнаго отзыва министерства финансовъ, отъ 4 ноября 1869 г. № 1.316, ко всѣмъ маіоратнымъ владѣльцамъ.

Digitized by Google

стоившихся всемилостивѣйшаго пожалованія по Высочайшимъ повелѣніямъ 9 и 16 іюля и 1 августа сего года предоставить отдѣлу по финансамъ Царства Польскаго, на обязанность коего возложить соблюсти при этомъ возможную округленность каждаго изъ вновь образуемыхъ маіоратовъ и уравнительность въ ихъ доходности соотвѣтственно окладамъ пожалованія, и

2) по исполненіи сего, предоставить удостоившимся всемилостивѣйшаго пожалованія лицамъ избрать соотвѣтственный окладу пожалованія маіоратъ изъ составленнаго отдѣломъ по финансамъ Царства Польскаго списка. Для этого министръ финансовъ въ свое время пригласитъ лицъ, удостоившихся пожалованія маіоратами, явиться къ извѣстному сроку въ министерство для выбора себѣ участка, при чемъ лицо, не явившееся и не давшее къ этому сроку отзыва о своемъ выборѣ, теряетъ свою очередь и удовлетворяется послѣ явившихся въ срокъ, хотя бы стоящихъ ниже по очереди».

На составленіе этихъ 54 маіоратовъ пошли послѣднія казенныя имѣнія кромѣ секуляризованныхъ въ послѣднее время, раздача коихъ въ маіораты допущена не была и которыя затѣмъ проданы: бо́льшія по размѣрамъ и нечерезполосныя — лицамъ русскаго происхожденія, а всѣ остальныя съ вольныхъ торговъ. Какъ финансовое вѣдомство ни старалось округлить послѣдніе 54 маіората, достигнуть этого было трудно, и въ одинъ и тотъ же маіоратъ вошли фольварки и лѣсныя дачи, лежащія на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, что̀ ставитъ непреодолимыя препятствія къ веденію въ нихъ хозяйства.

Въ январѣ 1871 года списокъ маіоратовъ былъ утвержденъ и разосланъ заинтересованнымъ, а 5-го марта того же года состоялся и самый выборъ маіоратовъ, въ залѣ совѣта министерства финансовъ, въ присутствіи товарища министра, генералъ-адъютанта Грейга.

Способъ составленія и раздачи послѣднихъ 54 маіоратовъ нельзя не признать вполнѣ раціональнымъ, но сравнительно съ прежними порядками онъ былъ менѣе выгоденъ для награжденныхъ, такъ какъ фольваркамъ сдѣлана новая переоцѣнка, а многимъ сверхъ того и добавка 10 и 20%. Вслѣдствіе чего маіораты меньшихъ размѣровъ, мало доходные сами по себѣ, пошли по значительно высшей оцѣнкѣ, не примѣненной къ маіоратамъ болѣе крупнымъ. Хотя

Digitized by Google

отъ этого дѣйствительно получаемые съ послѣднихъ маіоратовъ доходы понизились, но несомнѣнно, что и они приносятъ ихъ владѣльцамъ доходъ не менѣе, какъ въ полуторномъ размѣрѣ противъ пожалованія. Что же касается до розданныхъ въ Варшавѣ маіоратовъ, въ числѣ 76, но они по своей дѣйствительной доходности, отнюдь не ниже соотвѣтственныхъ маіоратовъ пожалованія 30-хъ годовъ и приносятъ вдвое, а иногда и втрое болѣе противу суммы, въ которой даны.

Подкрѣпить это предположеніе несомнѣнными цифрами трудно по недостатку свѣдѣній о современной доходности маіоратовъ, но тѣмъ не менѣе можно указать, что въ Люблинской губерніи, напримѣръ, изъ маіоратовъ:

а) въ 1.500 руб.—одинъ приноситъ 3.900 руб., и одинъ 5.830 руб.

б) въ 3.000 руб.—одинъ даетъ 6.150 руб., другой 8.250 и третій 10.000 руб.

и в) одинъ изъ маіоратовъ въ 4.500 руб., даетъ до 15.500 руб. въ годъ.

Такъ какъ эти примѣры не выбраны по всему Царству Польскому, а относятся къ одной и той же губерніи, то приведенныя цифры весьма краснорѣчиво подтверждаютъ высказанное предположеніе объ общей доходности маіоратовъ второй серіи.

Вообще при графѣ Бергѣ новыхъ маіоратовъ пожаловано 130 какъ военнымъ чинамъ, такъ и лицамъ, служившимъ по гражданской администраціи. Маіораты жаловались за оказанное генералъ-фельдмаршалу содѣйствіе—военными чинами—«въ окончательномъ подавленіи мятежа и умиротвореніи Царства Польскаго», а гражданскими лицами—«въ дѣлѣ гражданскаго устройства сего края на новыхъ, указанныхъ Его Величествомъ началахъ». При объявленіи пожалованнымъ лицамъ «о такомъ знакѣ монаршаго вниманія къ ихъ заслугамъ, намѣстнику вмѣнялось въ обязанность выражать увѣренность Его Величества, что они и ихъ наслѣдники потщатся водворять въ Царствѣ Польскомъ, согласно съ основною цѣлію учрежденія тамъ маіоратовъ, прочный русскій элементъ, православіе и преданность престолу и своему отечеству».

Digitized by Google

Группируя данныя по маіоратамъ второй серіи, розданнымъ при графѣ Бергѣ, получимъ слѣдующую таблицу:

Число маіоратовъ.	Сумма пожалованія.	Общая сумма.	Число отведенныхъ			Сколько коп. за моргъ.	
			Фольварк.	Морговъ пашни.	Морговъ лѣсу.	Пашни.	Лѣсу.
1	5.000	5.000	21	12.000	5.000	87	28
1	4.500	4.500	18				
1	4.000	4.000	7	3.915	2.048	87	28
1	3.300	3.300	7	3.333	892	79	74
32	3.000	96.000	254	118.144	39.246	64	55
4	2.000	8.000	19	6.492	3.200	88	50
30	1.500	45.000	160	40.311	23.004	68	61
4	1.200	4.800	12	5.200	2.964	63	58
8	1.000	8.000	18	8.656	2.186	78	56
41	750	30.750	107	35.334	11 892	66	50
7	500	3.500	14	5.153	2.660	51	50
130	—	212.850	637	238.518	93.092	73	51
				331.610			

Всего въ составъ маіоратовъ первой и второй серіи, а также при назначеніи вознагражденія за потери, вошло слѣдующее количество морговъ пашни и лѣса:

	Морговъ. пахотной земли.	лѣсу.	итого.
При князѣ Паскевичѣ: маіораты 1-й серіи. . .	226.562	112.575	339.137
При графѣ Бергѣ:			
а) вознагражденіе за потери.	57.168	29.604	86.772
б) маріораты 2-й серіи. .	238.518	93.092	331.610
	522.248	235.271	757.519

Вообще въ Привислянскомъ краѣ роздано 268 маіоратовъ на сумму годоваго дохода въ 432.150 руб. Въ составъ этихъ маіоратовъ вошло: 992 фольварка пространствомъ около 370.000 десятинъ земли.

Не принимая во вниманіе имѣній, назначенныхъ въ вознагражденіе за потери, получимъ, что роздано:

	маіоратовъ.	средній доходъ.	фольварковъ.	Морговъ. пахотной земли.	лѣсу.	итого.
При кн. Паскевичѣ.	138	1.589 р.	355	226.562	112.575	339.137
„ графѣ Бергѣ. .	130	1.637 „	637	238.518	93.092	331.607

Digitized by Google

Въ общемъ цифры близко другъ къ другу подходящія. Изъ нихъ видно, что маіораты первой серіи состоятъ изъ значительно меньшаго числа фольварковъ, а слѣдовательно представляютъ имѣнія болѣе крупныя и болѣе удобныя для веденія хозяйства.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ нельзя не придти къ заключенію, что отвѣтственность графа Берга въ дѣлѣ раздачи маіоратовъ не можетъ считаться большою. Раздачу маіоратовъ онъ испросилъ по прежнему примѣру и нисколько не воспользовался ею, чтобы устроить свои личные интересы и обогатиться въ бо́льшихъ, чѣмъ другіе, размѣрахъ. Полученныя имъ фольварковыя угодья значительно менѣе выгодны, чѣмъ данныя другимъ лицамъ, получившимъ ихъ даже на суммы меньшія, чѣмъ графъ Бергъ. Вся его отвѣтственность ограничивается допущеніемъ способа выбора угодій, но это произошло, во-первыхъ, отъ малаго знакомства графа съ канцелярскими порядками и, во-вторыхъ, отъ чрезмѣрнаго довѣрія къ нѣкоторымъ лицамъ, съ которыми онъ привыкъ работать и на которыхъ надѣялся.

Онъ самъ понималъ сдѣланную ошибку, но не рѣшался исправить ее, боясь обвиненій въ пристрастіи. Въ первыя пожалованія включены были лица военнаго вѣдомства, а затѣмъ стали испрашиваться маіораты чинамъ гражданскимъ. Лишеніе ихъ тѣхъ выгодъ, которыя были предоставлены военнымъ (свобода выбора), прямо повело бы къ обвиненіямъ въ пристрастіи, тѣмъ болѣе, что лица эти, вполнѣ знакомыя съ порядкомъ веденія дѣлъ и неблагопріятными результатами, происшедшими отъ свободнаго выбора угодій, не протестовали противъ него и не рекомендовали новаго порядка. А кому же было и рекомендовать его, какъ не имъ, стоявшимъ у самой власти и распоряжавшимся всѣмъ управленіемъ въ краѣ. По истинѣ, они въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе виновны, чѣмъ графъ Бергъ, не знакомый съ бюрократическими порядками.

Вообще дѣло раздачи маіоратовъ принесло графу Бергу массу непріятностей и мало удовольствія. Приведу, въ подтвержденіе этого примѣры.

Digitized by Google

Встрѣчаю я на улицѣ добрѣйшаго, но совершенно неспособнаго администратора Р.... Машетъ рукой, останавливаетъ экипажъ и спѣшитъ ко мнѣ. Сходимся на серединѣ улицы.

— Что съ вами Е. П., вы нездоровы?

— Помилуйте, душенька, какое тутъ здоровье, а просто убитъ.

— Но что же случилось?

— Ограбили меня со всѣмъ, маіоратъ дали всего въ двѣ тысячи рублей.

Девять его товарищей по должностямъ получили маіораты въ 750 р.

Съ подобными жалобами носились многіе.

Вообще мало было благодарныхъ графу за награжденіе. Одинъ изъ пожалованныхъ, получивъ извѣщеніе о назначеніи ему 30 августа 1869 г. маіората, написалъ графу Бергу благодарственное письмо. Директоръ собственной канцеляріи намѣстника, и нынѣ здравствующій еще Г. И. Честилинъ (нынѣ —1892 — сенаторъ), разсказалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее.

«Въ числѣ бумагъ, пришедшихъ съ почтой, получаю я, какъ-то, и благодарственное письмо одного маіоратиста съ помѣткою графа Берга— «благодарить». Что это такое, подумалъ я и взялъ письмо на первый же докладъ. Вотъ, ваше сіятельство, вы на такомъ-то письмѣ надписали «благодарить», что̀ это значитъ и за что̀ прикажете «благодарить»?

« — Какъ за что̀? изъ всѣхъ получившихъ маіораты онъ только одинъ поблагодарилъ меня; пожалуйста поблагодарите его за это.

« — Не принято, графъ, писать такихъ благодарностей, вы какъ нибудь выразите ваше удовольствіе на словахъ, а не письменно.

« — Жаль, что не принято, очень жаль, проговорилъ намѣстникъ».

Къ числу самыхъ рѣзкихъ хулителей графа Берга именно по дѣлу о маіоратахъ былъ и многимъ обязанный ему ***, говорившій, что графъ Бергъ былъ слишкомъ слабъ въ отношеніи Учредительнаго комитета, надѣлавшаго, будто-бы, много промаховъ своими реформами въ краѣ, оттолкнувшими отъ насъ польскую интеллигенцію.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Варшаву я, какъ-то,

Digitized by Google

получаю приглашеніе отъ *** пожаловать къ нему тогда-то. Являюсь. Принимаетъ съ распростертыми объятіями, пожимаетъ руки, ведетъ къ себѣ въ кабинетъ. Что такое съ нимъ, думаю я, вѣроятно ждетъ отъ меня какой либо услуги. Дѣйствительно, скоро объяснилось, что я не ошибся въ своей догадкѣ.

— У васъ есть маіоратъ?

— Есть, въ Радомской губерніи.

— Это около Козеницкихъ лѣсовъ?

— Совсѣмъ близко, хотя и въ другомъ лѣсничествѣ.

— Говорятъ, что Козеницкіе лѣса превосходны, что они мало тронуты?

— Лѣса превосходны, но много уже изъ нихъ вырублено. Да вы чего желаете?

— Государю угодно было дать мнѣ лѣсу на четыре тысячи рублей дохода, такъ не возьметесь ли вы мнѣ указать, гдѣ было бы выгоднѣе въ вашей губерніи пріискать подходящую лѣсную дачу?

— Извините меня, я не гожусь для этого дѣла. Лѣса Радомской губерніи я знаю хорошо, но взять на себя роль посредника считаю неудобнымъ.

— Вы разсердились? Я къ вамъ обратился по-дружески и думалъ, что вы мнѣ поможете.

Пожалованіе *** лѣса произошло одновременно или нѣсколько позже состоявшагося, по его представленію, назначенія лѣсныхъ дачъ высшимъ чинамъ министерства финансовъ.

Меня весьма занималъ вопросъ, сколько маіоратистовъ проживаетъ въ своихъ маіоратахъ и ведетъ въ нихъ свое хозяйство. По собраннымъ справкамъ оказалось, что число это очень ограниченно, всего 38 чел. [1]), между коими есть нѣсколько только проживающихъ въ имѣніяхъ, но хозяйства не ведущихъ. Да и изъ тѣхъ, которые ведутъ хозяйство, нельзя указать хозяйничающихъ во всѣхъ фольваркахъ. Обыкновенно, проживающіе въ краѣ маіоратисты завѣдуютъ своими лѣсами (какъ и не проживающіе) и однимъ, двумя

[1]) Само собою разумѣется, что въ это число не включены маіоратисты, проживающіе въ Привислянскомъ краѣ въ качествѣ служащихъ; ихъ довольно, но всѣ они имѣютъ администраторовъ.

Digitized by Google

фольварками, всѣ же остальные фольварки находятся въ продолжительной администраціи.

Такимъ образомъ собственное хозяйство ведется:

въ	6	маіорат.	съ доходомъ въ	4.500	руб.
»	8	»	» »	3.000	»
»	2	»	» »	2.250	»
»	6	»	» »	1.500	»
»	1	»	» »	1.200	»
»	2	»	» »	1.000	»
»	13	»	» »	750	»

Всего въ 38 маіорат. съ доходомъ въ 77.450 руб.
что составляетъ 14% общаго числа маіоратныхъ имѣній.

Насколько мнѣ извѣстно, никто изъ маіоратистовъ, проживающихъ въ своихъ имѣніяхъ, особымъ вліяніемъ въ краѣ не пользуется, и вообще маіоратное землевладѣніе не представляетъ изъ себя никакого замѣтнаго ядра. Маіораты совершенно теряются между имѣніями частнаго владѣнія. Съ теченіемъ времени число маіоратистовъ, проживающихъ въ краѣ, безъ сомнѣнія, значительно увеличится, и можетъ быть придетъ время, когда во всѣхъ 268 маіоратахъ отчасти будетъ вестись собственное хозяйство ихъ владѣльцевъ. Но произойдетъ ли отъ этого существенная разница противу нынѣшняго положенія дѣлъ? Едва-ли. Увеличится число русскихъ, проживающихъ въ краѣ, уменьшится число администраторовъ, и только. Собственно же маіоратное землевладѣліе останется навсегда едва замѣтнымъ среди сплошнаго польскаго землевладѣнія. На подмогу къ нему могутъ придти лица русскаго происхожденія, купившія имѣнія съ торговъ или частнымъ образомъ, но можетъ ли ихъ быть много?

Заканчивая настоящую статью, нельзя не заявить, что и между нынѣ живущими въ краѣ маіоратистами есть уже, къ сожалѣнію, лица, не приносящія чести русскому элементу. Указываютъ, напримѣръ, на одного маіоратиста, который не разъ уже привлекался къ судебной отвѣтственности, по весьма непохвальнымъ поступкамъ. Являясь въ судъ, онъ, между прочимъ, отказывался давать показанія по-русски за незнаніемъ русскаго языка и предлагалъ объясняться по-нѣмецки или по-польски.

Д. Г. Анучинъ.

С.-Петербургъ 18 октября 1892 г.

Digitized by Google

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой 1822 — 1826 годовъ [1]).

IX.

6-го декабря 1823 г. Кологривъ.

Не знаю, любезнѣйшая Александра Михайловна, сердитесь ли вы, что я къ вамъ давно не писалъ, или просто обо мнѣ забыли; въ первомъ случаѣ оправдываюсь моей больной рукою, которая долго, а можетъ быть и никогда совершенно не выздоровѣетъ; во второмъ же, самъ смѣю васъ осудить: хорошее ли дѣло забыть того, кто объ васъ всякій день вспоминаетъ? О дебютахъ ожидалъ я реляціи и не получилъ ни строки; случайно узналъ объ нихъ въ Ростовѣ отъ молодаго преображенскаго Голицына и душевно васъ и Евгенію Ивановну поздравляю. Слава Богу, все хорошо! Но почему же я знаю объ нихъ только черезъ молву людскую? Вы, какъ слышно, съ Семеновой въ притворной дружбѣ. Какъ вы съ Базилемъ? Весьма желаю, чтобъ хорошо, и очень жалѣю, если дурно. Впрочемъ, повѣрьте мнѣ, не всякое лыко въ строку; и до меня доходили не совсѣмъ пріятные слухи: будто онъ измѣнилъ мнѣ для врага моего, Гнѣдича, но я не сержусь. Да и вы, bel ange, не послушались меня на счетъ Аменаиды и Химены еще не играли, но я не сержусь. Дай вамъ Богъ огромный сборъ въ бенефисъ, а мнѣ и вы, и почтенная маменька не откажете послѣ обильной жатвы рублей тысячу въ заемъ, если понадобятся. Вотъ, видите ли, дѣло въ чемъ: меня лукавый натолкнулъ купить сто десять душъ и усадьбу за семьдесятъ четыре тысячи рублей, и платежъ поглощаетъ всѣ мои доходы. Вы знаете пословицу: «Дорога милость во время скудости»; будьте же милостивы и милы. На прошедшей почтѣ получилъ я письмо изъ Карльсруэ отъ Николая Ивановича Бахтина. Онъ вамъ и матушкѣ кланяется, объ ея дебютѣ въ «Раулѣ» [2]) знаетъ, а объ вашемъ спра-

[1]) См. Русскую Старину, т. LXXVII. мартъ, 1893 г.

[2]) Балетъ „Рауль де-Крекн“ былъ представленъ 21-го августа 1823 г. Е. И. Колосова исполняла роль графини Аделанды.

*

Digitized by Google

шиваетъ [1]); я, сколько могъ, удовлетворилъ его любопытство. Играете ли вы что-нибудь въ «Пиратѣ» [2]) Андрея Андреевича Жандра, и что это за піеса? Я съ своей стороны тоже игралъ подъ Ростовымъ, у Голицыныхъ, два раза «Влюбленнаго Шекспира» [3]), «Не любо—не слушай» [4]); для шутки—«Марѳу и Угара» [5]), а «Нечаянный закладъ», совсѣмъ приготовленный, не пошелъ, затѣмъ что великій князь Михаилъ Павловичъ вытребовалъ въ Петербургъ, по прошествіи одного мѣсяца, артиллерійскаго Голицына, отпущеннаго къ роднымъ на четыре. Другаго «Раменскаго» мы по скорости не сыскали, и комедія такъ осталась. Скоро ли вы ее воскресите на Большомъ театрѣ? Изъ этихъ разсказовъ прошу васъ не заключать, чтобъ я жилъ въ веселостяхъ. Недѣль шесть, правда, провелъ я довольно пріятно; но теперь опять въ Кологривѣ, въ хлопотахъ и въ скукѣ свыше силъ человѣческихъ. Разгоните, утѣшьте ее вашими письмами; вамъ они ничего не стоятъ, а мнѣ такъ радостны. Еще условіе: ужь писать, такъ писать, чтобы отнюдь не менѣе полныхъ большихъ четырехъ страницъ. Остаюсь по-старому весь вашъ Павелъ Катенинъ.

X.

18-го января 1824 г. Шаево.

Стало быть, я угадалъ, стало вы сердились, дулись? Ахъ, любезнѣйшая Александра Михайловна, какъ вамъ не стыдно? Развѣ вы не знали, что у меня вывихнутъ палецъ? Къ кому же я писалъ первые три мѣсяца? Кромѣ двухъ или трехъ разъ, на полулисточкѣ, по необходимой нуждѣ и нелѣпымъ почеркомъ, я и пера въ руки не бралъ; коль скоро же нѣсколько оправился, вы были въ числѣ первыхъ, съ кѣмъ я началъ бесѣдовать. Не думаю, чтобы письмо мое залежалось, а число могло показаться вамъ давнопрошедшимъ отъ того, что я часто, даже сегодня, почти недѣлей ранѣе пишу, нежели оно въ путь отправится. Новостей

---

[1]) А. М. Колосова появилась въ первый разъ по возвращеніи изъ Парижа въ „Андромахѣ“, исполняя роль Герміоны. Спектакль состоялся 7-го сентября 1823 г.

[2]) „Морской разбойникъ или Волшебство не волшебство“, романтическая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, взятая изъ романа В. Скотта. Представлена 3-го декабря 1823 г., въ бенефисъ Каратыгина. Піеса отличалась многосложностью, и въ ней участвовала вся труппа. Колосова исполняла роль Нормы.

[3]) Комедія Дюваля. Переведена на русскій языкъ Д. И. Языковымъ.

[4]) Комедія князя Шаховскаго.

[5]) Комедія Дюбуа. Передѣлана съ французскаго А. А. Корсаковымъ.

Digitized by Google

отселѣ сообщать нельзя, а разговаривается на досугѣ складнѣе и подробнѣе; въ моемъ уединеніи это составляетъ почти единственное мое удовольствіе, отъ одного почтоваго дня до другаго. Еслибъ вы знали, сверхъ того, сколько мнѣ скучныхъ хлопотъ и безпокойствъ, вы бы гораздо болѣе пожалѣли обо мнѣ. Все надобно заводить; одного строенія цѣлая слобода; притомъ, не зная, надолго ли я отданъ на съѣденіе медвѣдямъ за уголовное преступленіе, что проходилъ роли съ А. М. Колосовой и В. А. Каратыгинымъ, мнѣ захотѣлось и прикупить клочокъ имѣнія, и поукрасить, что̀ было; въ прошедшемъ годѣ уже развелъ я огурцы, а въ нынѣшнемъ будетъ у меня виноградъ, персики и прочее, да на бѣду мою сдѣлали Канкрина [1]) министромъ финансовъ, а онъ вообразилъ себѣ, что вездѣ урожай, между тѣмъ какъ здѣсь почти голодъ, и назначилъ вину такую низкую цѣну, что поставку брать накладъ. Я, надѣявшись на деньги и купивши 110 душъ, и сѣлъ, какъ ракъ на мели; до зарѣзу нужда въ 13.000, а на лицо только 5.000; еще 5.000 есть въ долгу; должникъ скоропостижно умеръ; наслѣдники его ссорятся, заводятъ тяжбу и не платятъ; а я плàчу, то-есть, какъ Ланжеронъ [2]) объяснялъ это слово: je pleure, mais je ne paye pas (я плàчу, но не плачу), потому что нечѣмъ. Хорошо еще, что Хрущовъ отдалъ 1.300; по крайней мѣрѣ въ петербургскій банкъ внесу, что слѣдуетъ. И вы навязали на себя дѣла, домъ купили: поздравляю; только гдѣ онъ, позвольте спросить, а то вы не совсѣмъ обстоятельно пишете, даже адреса вашего не понимаю: въ домѣ мѣщанина N, подъ № 227, а на какой улицѣ? Что остается за вами, или, лучше сказать, за вашимъ братомъ—такая бездѣлица, что о ней и поминать нечего; ни чулокъ, ни книгъ еще не получилъ: вѣрно на почтѣ лежатъ. Но всѣ ли тутъ книги, о которыхъ я васъ просилъ? Не забыли ли вы моего любимца Лавиня? Душевно желаю, чтобъ его новая комедія была очень хороша; только князь Тюфякинъ, съ позволенія вашего, не силенъ въ драматической хронографіи: послѣ «La Métromanie» сочиненъ Грессетомъ «Le Méchant», который ни въ какомъ отношеніи не хуже, а по важности содержанія несравненно болѣе достоинъ уваженія. Благодарю васъ покорнѣйше за извѣстіе о вашихъ дебютахъ; я отчасти уже зналъ объ нихъ. Вообще, кажется, все идетъ наилучшимъ образомъ; только власть ваша, а принимайтесь за «Сида» и «Нечаянный закладъ». Но Химена—новая роль... Кому вы это говорите? Я ли, зная васъ, повѣрю, что вы сами не можете

---

[1]) Егоръ Францовичъ Канкринъ (род. 1776 г., ум. 1845 г.) былъ министромъ финансовъ съ 1823 по 1844 г.

[2]) Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ (род. 1763 г., ум. 1831 г.), генералъ отъ инфантеріи, дѣятель Отечественной войны, впослѣдствіи Новороссійскій генералъ-губернаторъ.

Digitized by Google

роли поставить. Какой вамъ нуженъ Шаховской, или (прости Господи) какой Гнѣдичъ? Спору нѣтъ, полезно посовѣтоваться; но съ такимъ только человѣкомъ, который любитъ правду и любитъ насъ самихъ. Спрашиваю, въ которомъ изъ вышеписанныхъ двухъ вы это предполагаете найдти? Одинъ—шутъ, другой—плутъ: въ двухъ словахъ вотъ ихъ исторія. Вы желаете мнѣ, и Евгенія Ивановна также, за что̀ обѣимъ сердечную приношу благодарность, чтобы 1825 годъ мы провели вмѣстѣ, разумѣется, въ Петербургѣ. Дай Богъ, но врядъ-ли! Не отъ меня зависитъ туда возвратиться, а тѣ, въ чьей это волѣ, захотятъ ли? Въ числѣ вашихъ друзей, выше самой Семеновой, стоитъ одинъ человѣкъ, который лучше всѣхъ можетъ сказать, когда для меня шлагбаумъ подымется; спросите-ка его при случаѣ; теперь же Азаревичева опять сняла пеплонъ, опять повязала передникъ: стало сужденія мои въ театрѣ никому не опасны. Растолкуйте мнѣ, отчего было мало зрителей въ бенефисъ вашей матушки? Какъ? Новая піеса, главная роль—слѣпая, переводчикъ Жуковскій, сверхъ того, вѣрно балетъ былъ со всѣми матадорами, а все мало сбору [1])! Не понимаю, да и только! «Завѣщаніе»—прелестная комедія. Если, какъ я думаю, хорошо переведена, ваша роль—объядѣнье [2]); мой совѣтъ—также возобновить «Притворную невѣрность» такъ, чтобы вы были Элединa, а Дюръ [3]) научите по-вашему Лизу сыграть; да кабы Самойловъ [4])—Блестова... чудо! Я рѣшился твердо и ничего не пишу, но тщательно поправляю и теперь именно съ доски до доски чищу «Аріадну; я затѣмъ и пишу вамъ объ этомъ, что, буде вы вздумаете какъ-нибудь ее сыграть, вы бы напередъ сообщили мнѣ, и я бы могъ прислать трагедію въ новомъ видѣ: перваго дѣйствія и узнать нельзя; слабые стихи въ 18 лѣтъ простительны, но въ 31 должно ихъ поправить. Желаю вамъ много денегъ отъ «Гамлета», и Боже васъ избави въ самомъ началѣ роли разсмѣяться. Предоставьте это зрителямъ, если въ числѣ ихъ будутъ люди разсудительные и храбрые; а то въ театрѣ осуждать куда опасно съ нѣкотораго времени: «Не осуждай, да не осужденъ будеши».... Только надобно прибавить: безъ суда. Я слышалъ, Пушкинъ возвратился [5]); коли вы съ нимъ увидитесь, ска-

[1]) Бенефисъ Е. И. Колосовой состоялся 15-го декабря 1823. Кромѣ „Валеріи“, былъ представленъ балетъ „Рауль—Синяя борода“.

[2]) „Завѣщаніе или кто кого перехитритъ“, комедія Мариво, переведена В. С. Миклашевичевой. Колосова исполняла роль графини. Спектакль состоялся 29-го января 1824 г.

[3]) Любовь Осиповна Дюръ (род. 1805 г., ум. 1828 г.), впослѣдствіи первая жена П. А. Каратыгина.

[4]) Василій Михайловичъ (род. 1782 г., ум. 1839 г.).

[5]) Слухъ этотъ былъ неосновательнъ Пушкинъ, какъ извѣстно, прямо отправился въ Михайловское, гдѣ и проживалъ до восшествія на престолъ Николая I.

Digitized by Google

жите ему, что это не похвально съ его стороны, во-первыхъ, оставить одно мое письмо безъ отвѣта уже давно, а во-вторыхъ, не писать ко мнѣ въ Кологривъ, когда я къ нему писалъ въ Кишиневъ. Что-за Воиновъ [1])? Есть ли въ немъ хоть искра дарованія? Можно ли ему дать одну изъ трехъ ролей въ «Андромахѣ»? Признаюсь, эта «вдова» не выходитъ изъ моей головы, но чтô дѣлать! Воля Божія, какъ говорятъ. Евгеніи Ивановнѣ поклонъ въ поясъ; прошу ее и васъ не забывать насъ, грѣшныхъ; мы же, степные, неизмѣнны въ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ. Вашъ покорнѣйшій слуга и поклонникъ Павелъ Катенинъ.

XI.

10-го мая 1824 г. Шаево.

Не знаю, любезнѣйшая Александра Михайловна, скоро ли бы я пересталъ сердиться на васъ и долгое молчаніе ваше, если бъ я видѣлъ васъ теперь во всей толстотѣ и дурнотѣ [2]), но, благодаря отеческимъ попеченіямъ графа Милорадовича, я не скоро, кажется, удостовѣрюсь своими глазами въ новомъ безобразіи моего bel ange, и, продолжая помнить васъ такою, какъ вы были, не только что пересталъ сердиться, едва началъ читать ваше письмо, но расцѣловалъ бы его, если бъ меня не остановило присутствіе одного, лежащаго здѣсь, больнаго коннаго офицера, который тоже принадлежитъ къ числу вашихъ поклонниковъ, и коего я не хотѣлъ тѣмъ привести въ зависть, и можетъ быть чрезъ то растравить его болѣзнь; я, напротивъ, утолилъ ее прочтеніемъ вашего письма вслухъ, и мы сознались, что если кто-нибудь можетъ у насъ равняться съ вами въ дарованіи, то всѣ далеко отстали въ умѣ и въ любезности. Конечно, чтобы помнить васъ, нѣтъ нужды имѣть передъ глазами никакой вещи, но я болѣе для того желаю чего-нибудь такого, чтобы (простите моему самолюбію) и другіе видѣть могли, что вы меня не забываете; одна только моя просьба, чтобы это не дорого вамъ стоило: истинная цѣна этого въ глазахъ моихъ никогда не опредѣлится по количеству издержанныхъ на то денегъ.

Вы, какъ видно, въ большой дружбѣ находитесь съ Семеновой. Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ; желаю продолженія

---

[1]) Воиновъ—былъ актеръ не безъ дарованія, умершій отъ чахотки въ молодыхъ годахъ.

[2]) А. М. Колосова шутя писала Катенину, что она подурнѣла и потолстѣла (П. К.).

Digitized by Google

впредь и слишкомъ знаю васъ, чтобы пускаться въ какія-либо разсужденія; ибо увѣренъ, что вы и матушка ваша обо всемъ сами давно разсудили, все предвидѣли и на всякій случай готовы. На счетъ прохожденія трагическихъ ролей и киклопа Полифема [1])—тоже не молвлю ни слова, хотя думаю про себя много. Но вы сами умны: вамъ и книги въ руки.

По преданію, однако, дошло до меня, будто покойная дона Химена Лайнецъ-де-Биваръ, урожденная графиня Гормасъ, терпѣть не могла кривыхъ душою и тѣломъ; она была ужасно тверда въ исполненіи того, что ей казалось обязанностью, и когда ея отца (не забудьте: виноватаго) убили, долго приступала къ королю и къ рыцарямъ, чтобы это такъ не осталось. Правда, наконецъ, она все забыла и согласилась на мировую, но Родригъ глядѣлъ въ оба и былъ предобрый малый. Послѣ путешествія (кажется, въ Парижъ), она нѣсколько облѣнилась, растолстѣла, и не любила показываться въ публику лѣтомъ, въ жары; но въ началѣ зимы появилась и всѣхъ собою плѣнила, именно оттого, что въ выборѣ нарядовъ совѣтовалась только съ собою, съ милымъ Сидомъ и съ матерью, которая, какъ извѣстно всей Гиспаніи, была отлично умная женщина; бѣднаго же отца уже не было: его согнали съ бѣлаго свѣта; однако, его иногда поминали въ семейномъ кругу, и это его чрезвычайно утѣшало въ могилѣ: имущіе уши да слышатъ [2]). «Аріадну» Семенова играла однажды, послѣ вашихъ дебютовъ, въ самомъ дѣлѣ превосходно; но я жалѣю, что поправки, мною сдѣланныя во всемъ переводѣ, даромъ пропадаютъ, и мнѣ ихъ нельзя ни доставить, ни помѣстить. Уговорите хоть къ тому, чтобы говорили и печатали: «Аріадна», а не «Аріана» или, того еще хуже—«Аріанна»: это несносно! Благодарю васъ за «княгиню Юрьеву». Вы должны быть безподобны въ этой роли, но какая обстановка піесы? Сосницкій! Пророчу вамъ, что онъ и въ роли «Ришльё» будетъ негоденъ; ему надобно все «Звоновыхъ», да «Зарницкиныхъ», а чуть поумнѣе—онъ и пропалъ. Крайне жаль, что Дюрова погибаетъ отъ индикацій; слѣпота Шаховскаго непостижима. Человѣкъ онъ не глупый, а не видитъ, что его ученики дурны и никому, кромѣ его, не нравятся. Правда, много ли пользы имѣть и такихъ, которые всѣмъ нравятся? Торгъ вашъ съ дирекціею мнѣ несовершенно извѣстенъ, и я путемъ судить не могу; только не

---

[1]) Такъ называлъ Катенинъ Н. И. Гнѣдича, который, какъ извѣстно, былъ кривъ.

[2]) Вся исторія о Хименѣ -- шутка Катенина, въ которой подъ именами дѣйствующихъ лицъ „Сида“ онъ разсказываетъ А. М. Колосовой перевороты въ ея служебной карьерѣ. Родригъ—В. А. Каратыгинъ; наряды—роли А. М. Колосовой; отецъ Химены—самъ Катенинъ. (П. К.).

Digitized by Google

понимаю, какъ она обойдется безъ талантовъ. Гдѣ Майковъ? Какъ и кѣмъ распутается странный хаосъ комитетный? Могутъ ли дѣла идти хоть какъ-нибудь безъ головы? Какую роль во всемъ этомъ играетъ Шаховской [1])? Замѣтили ли вы въ его новой, довольно хорошенькой комедіи «Ты и Вы» [2]), которую мнѣ на прошлой недѣлѣ прислали, сильныя нападки на Семенову подъ именемъ Le Couvreur? Что она объ этомъ говоритъ, и особливо, что онъ себѣ подъ именемъ Вольтера приписываетъ все ея достоинство и славу? Не охладило ли это въ ней охоты къ «Китайской сиротѣ» [3])? Нѣтъ, она бьется больше изъ денегъ а потому прощаетъ и мнѣ. La bonne farce!

Очень благодаренъ, что вы исполнили мое порученіе на счетъ забывчиваго Пушкина: но врядъ-ли онъ можетъ возвратиться, коли не возвращается. Впрочемъ, желаю ему того же, что и себѣ, хотя онъ и виноватъ былъ во многихъ неосторожностяхъ, а я только въ томъ, что Маша Азаревичева дурно играла Поликсену. Она, однако, умнѣе, нежели я думалъ: опять сняла пеплонъ и надѣла передникъ. Не пишутъ ли къ вамъ чего изъ Парижа? L'Ecole des Vieillards [4]) нетерпѣливо жду; похвалы А. А. Жандра, Н. И. Бахтина, Варвары Семеновны [5]) и ваши удостовѣряютъ меня въ полномъ ея достоинствѣ; желаю, чтобъ А. А. [6]) ее перевелъ; вамъ вѣрно есть роль, а кто вмѣсто Тальма? Передъ концомъ прошу у васъ прощенія въ дурномъ почеркѣ и даже въ дружескихъ шуткахъ; въ свою очередь прошу васъ на меня не гнѣваться, отвѣчать поскорѣе и писать почаще. Знайте, что врядъ-ли кто васъ цѣнитъ, уважаетъ и любитъ наравнѣ съ вашимъ покорнымъ слугою. Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Въ это время подготовлялись перемѣны въ администраціи императорскихъ театровъ. Въ 1825 году состоялось новое положеніе о преобразованіи театральнаго управленія, по которому вся распорядительная часть, директоръ и контора вошли въ зависимость театральнаго комитета. А. А. Майковъ не пожелалъ оставаться директоромъ, а съ его удаленіемъ потерялъ значеніе и князь Шаховской.

[2]) „Ты и вы, Вольтерово посланіе, или 60 лѣтъ антракта". Представлена въ первый разъ 23-го января 1824. Піеса эта имѣла большой успѣхъ.

[3]) Трагедія Вольтера въ переводѣ князя Шаховскаго. Появилась на сценѣ 21-го января 1809 г. и никакого успѣха не имѣла. Возобновлена 22-го января 1825 г.; роль Идаміи исполняла Семенова.

[4]) Комедія въ 5 актахъ (стихами) Казиміра Делавиля, поставленная на сценѣ театра Comedie-Française, 6-го декабря 1823 г.

[5]) Миклашевичева (род. 1768 г., ум. 1846 г.). Кромѣ перевода комедіи Мариво „Завѣщаніе", ей принадлежитъ еще переводъ комедіи „Спальня или полчаса изъ жизни герцога Ришелье".—Послѣдняя піеса была представлена въ первый разъ 8-го октября 1824 г. Роль Ришелье игралъ Сосницкій и, вопреки мнѣнію Катенина, исполнилъ ее прекрасно.

[6]) Князь Шаховской.

Digitized by Google

XII.

12-го іюля 1824 г. Шаево.

Самъ не надивлюсь, что мнѣ пришлось отвѣчать вамъ вдругъ на три письма. Правда, два пришли вмѣстѣ, но третье уже двѣ недѣли, какъ получено; только у меня хлопоты, именины, освященіе церкви, проводы больнаго и визитъ къ предводителю; все такъ скопилось, что по неволѣ просрочилъ переписку. Вы просите, любезнѣйшая Александра Михайловна, поработать для вашего бенефиса, вопреки моему намѣренію не писать для театра. Какъ ни тяжко дѣлать противъ своего желанія, я вамъ не могу отказать; одно мое условіе: чтобы отнюдь не печатать моего имени на афишкѣ. Что же касается до піесъ, вами предлагаемыхъ, позвольте потолковать. Первая: «Спартакъ»—трагедія безъ смысла, холодная, какъ ледъ, уже переведенная на нашъ языкъ, уже игранная не одинъ разъ, какъ вы пишете, а нѣсколько разъ, такъ что всѣмъ надоѣла [1]). Вы можетъ быть слыхали отъ Ежовой, что Семенова играла тутъ римлянку. Прошу вспомнить сверхъ того, что все дѣло въ освобожденіи народовъ, а я за болтовню покойнаго Saurin не намѣренъ ѣхать отъ Кологрива на востокъ. Если, несмотря ни на что, вамъ хочется «Спартака», зачѣмъ вновь писать? Висковатовъ и Корсаковъ предлагаютъ свои услуги. Вторая: «Blanch et Guiscard», а по-русски: «Біанка и Гуискардъ» [2]). Это по неволѣ напоминаетъ Корсакова же: «Амбоаръ и Оренгцебъ» [3]). Скажите, давно ли вамъ такъ полюбился m-r Saurin [4])? Что вы въ немъ нашли? Его, я мню, и во Франціи давно бросили, а вы русскихъ сбираетесь подчивать этой дрянью; неужели необходимо перевести всѣ обороши парижской сцены? Третья: «L'île des talents». Чтобы этотъ пустячокъ былъ сдѣланъ остро и забавно, надобно автору быть тутъ, пользоваться обстоятельствами, намеками, анекдотами; все видѣть и все знать, что за кулисами дѣлается. Безъ того выйдетъ вещь пресухая, и я за тысячу верстъ никакъ не берусь дѣлать то, что вы принуждены же будете бросить, ибо выйдетъ неизбѣжно дрянь. Теперь слѣдуютъ мои предложенія. Что лучше «Баязета» [5])? Если Андрей Андреевичъ [6]) обѣщается три акта поставить въ срокъ,—

---

[1]) Переведена съ французскаго С. И. Висковатовымъ и П. А. Корсаковымъ. Представлена въ первый разъ 16-го января 1814 г.

[2]) Переведена В. А. Каратыгинымъ и представлена въ 1827 году.

[3]) Оригинальная трагедія въ стихахъ, представленная 24-го апрѣля 1814 г. Успѣха не имѣла.

[4]) Посредственный французскій драматургъ. Род. 1706 г., ум. 1801 г..

[5]) Трагедія Расина.

[6]) Жандръ.

Digitized by Google

не третій, а четвертый, который уже давно у меня до половины готовъ, и пятый я несомнѣнно вамъ выставлю. Вамъ не хочется Аталиды; съ сожалѣніемъ обязанъ вамъ сказать, что вы обижаете ее и свой вкусъ; неужели та только роль и хороша, гдѣ много крика? Расинъ былъ вѣрно не врагъ себѣ, ни m-lle Champosmêlé; однакожъ ей отдалъ онъ Аталиду, а Роксану—худшей актрисѣ, m-lle d'Ennebault. Вотъ вамъ въ подкрѣпленіе моихъ словъ выписка изъ Geoffroy: «Quoiqu'il en soit, il est certain que la Champsmêlé joua Atalide de manière à étonner madame de Sévigné, qui ne parla que d'elle: ce qui suppose que le rôle de Roxane fut médiocrement rendu par m-lle d'Ennebault, actrice petite, jeune et jolie. On peut conjecturer aussi qu' Atalide était alors regardée comme le rôle brillant: aujourd'hui c'est Roxane qui marque; celui d' Atalide parait languissant, parce qu'il est faiblement joué. Cependant des nos jours m-lle Desgarcins avait rendu tout son éclat à ce rôle, s'en était fait une espèce de réputation» [1]). Я не сомнѣваюсь, что и вы сдѣлаете то же, коли захотите, а трагедія, согласитесь, не тѣмъ чета. Объ участіи Семеновой не могу вамъ ничего сказать; вы лучше знаете: выгодно ли оно и можно ли на него положиться. Въ «Родогунѣ» [2])—также двѣ роли; въ «Циннѣ» [3]) одна; но я не люблю этой подлой піесы, и пятаго дѣйствія никто, кромѣ Шаховскаго, не переведетъ съ удовольствіемъ. «Поліевктъ» бы хорошъ, но позволятъ ли на сцену вывести мученика Христова? Изъ новыхъ трагедій не безъ достоинства Лавиневъ «Паріа». Извольте обо всемъ хорошенько подумать, посовѣтуйтесь съ добрыми людьми и пришлите ваше рѣшеніе, и то поскорѣе, ибо время коротко; я же болѣе спорить не стану и, за исключеніемъ «Спартака», всякую вами выбранную трагедію съ ослинымъ терпѣніемъ примусь переводить; но съ ослинымъ же упрямствомъ требую меня въ афишѣ не поминать. Поздравляю васъ съ контрактомъ, а еще болѣе поздравляю публику; изъ различныхъ сужденій о вашей игрѣ заключаю, что вы хороши и въ трагедіи, и въ коме-

---

[1]) Какъ-бы то ни было, но извѣстно, что Шанмеле играла роль Аталиды такъ, что удивила госпожу де Севинье, которая только о ней и говоритъ. Это заставляетъ предполагать, что роль Роксаны была посредственно выполнена дѣвицею д'Энебо, актрисою маленькою, молоденькою и хорошенькою. Можно догадываться также, что тогда роль Аталиды почитали блестящею; нынѣ на первомъ планѣ Роксана; роль Аталиды кажется малозначащею, потому что слабо выполняется. Однако же въ наше время m-lle Дегарсенъ возвратила этой роли весь ея блескъ и пріобрѣла себѣ въ ней нѣкотораго рода извѣстность.—Geoffroy, Julien--знаменитый французскій критикъ (род. 1743 г., ум. 1814 г.). Его статьи собраны въ изданіи: Cours de la littérature dramatique (Paris, 1819—1820). Ему же принадлежитъ „Commentaire sur la théâtre de Racine (Paris 1808).

[2]) Трагедія Корнеля.

[3]) Трагедія Корнеля.

Digitized by Google

медіи; но ближе къ совершенству въ послѣдней отъ того, что это и легче. Трагедія—не шутка! Хорошо кабы можно васъ съ Семеновой въ одну слить; чтобы при вашемъ ростѣ и глазахъ былъ ея греческій профиль; при вашемъ умѣ и глубинѣ—ея густой голосъ,—и тогда бы этой сложной Мельпоменѣ запретить, чтобы она отнюдь не гонялась за эффектами и рукоплесканіями, а играла бы по доброй совѣсти. Это бы хорошо, но это невозможно. Къ слову о Семеновой: я тронутъ до слезъ ея ко мнѣ любовью и съ радостью бы ее побилъ за игру въ «Аріаннѣ». Донѣ Хименѣ прошу сказать мое почтеніе и поблагодарить за ея хорошее расположеніе; soeur Alexandrine не то что soeur Catherine. Куда же дѣвалась «Спальня» и «Les fausses Confidences» [1])? Я очень люблю и уважаю Варвару Семеновну [2]); она напрасно думаетъ, что я объ ней забылъ; скорѣе Андрей Андреевичъ меня забываетъ; ей бы не худо его пожурить, а то и по дѣламъ нужнымъ не могу отъ него строки дождаться.

За опредѣленіе Макарова въ кадеты низко кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ; она, кромѣ добраго дѣла, сдѣлала мнѣ чувствительнѣйшее одолженіе. Вы, кажется, видаете Грибоѣдова? Увы, и тотъ ко мнѣ не пишетъ: бѣда не быть на глазахъ! Бахтинъ, напротивъ, изъ Парижа, ссужаетъ меня часто письмами, и вотъ вамъ анекдотъ оттолѣ: старикъ Lemercier [3]) и молодой Liadières [4]) въ одно время написали трагедіи «Jeanne Shone»; первую играли на первомъ театрѣ, другую — на второмъ; тамъ—Duchesnois, здѣсь — George. Сначала освистали на смерть Lemercier, а Liadières торжествовалъ; послѣ колесо повернулось, и въ Одеонѣ пошли свистки. George сказала на сценѣ: «C'est une cabale abominable» [5]) и уѣхала. Закипѣлъ Парижъ. George долго не показывалась, наконецъ ободрилась и вышла въ «Меропѣ». Театръ захлебнулся зрителями, а передъ началомъ одинъ на шляпу навязалъ контрмарку, въ знакъ, что онъ не даромъ впущенъ и деньги заплатилъ; въ мигъ всѣ, по его примѣру,—свои контрмарки на показъ; человѣкъ съ двадцать не имѣли ихъ: они тотчасъ были выгнаны изъ залы. Выходитъ George, ей кричатъ: «Des excuses [6])»! Она туда, сюда; директоръ было съ рѣчью... Ему отвѣтъ громкій: «Des

---

[1]) Комедія Мариво, переведенная впослѣдствіи Катенинымъ подъ заглавіемъ „Обманъ въ пользу любви". Была представлена въ 1826 году.

[2]) Миклашевичева.

[3]) Lemercier, Louis-Jean (род. 1771 г. ум. 1840 г.) извѣстенъ своими многочисленными драматическими произведеніями: „Tartufe revolutionnaire", „Levite d'Ephraïme", „Agamemnon" и др. Огромный успѣхъ его объясняется тѣми реакціонными идеями, которыя проводилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ.

[4]) Liadières, Pierre—драматургъ и публицистъ, (род. 1792 г., ум. 1858 г.) Принадлежалъ къ консервативной партіи.

[5]) Это гнустная интрига.

[6]) Извиняйся!

Digitized by Google

excuses!» И кончилось тѣмъ, что она принесла повинную голову, и піеса пошла съ большими рукоплесканіями. Разскажите при случаѣ этотъ новый анекдотъ сестрѣ Катеринѣ: у нея носъ опустится, какъ у Шаховскаго отъ вашего пріема. Не забудьте, что у меня, кромѣ Корнеля, Расина, Кребильона и Вольтера, нѣтъ трагедій, а буде вы что другое изберете, вамъ надо мнѣ книжку прислать. Пишите не въ Кологривъ, а въ Чухлому: я туда отправляюсь. Прощайте, Александра Михайловна! Еще писать хочется, да мѣста нѣтъ: въ другой разъ. Преданный Павелъ Катенинъ.

Не забудьте, ради Бога, что до декабря не далеко и поищите мнѣ сотрудниковъ, а то боюсь обмануть васъ: мнѣ же надо будетъ разъѣзжать по дѣламъ и хлопотать въ Костромѣ.

XIII.

28-го августа 1824 г. Ростовъ.

Жаль, очень жаль, любезнѣйшая Александра Михайловна, что мы принуждены разговаривать такъ издалека, и что каждаго отвѣта надобно ждать около мѣсяца. Но что дѣлать! Будемъ продолжать нашъ разговоръ. Вы приказываете мнѣ перевести «Ромео и Юлію»: я согласенъ; но согласятся ли г. Соцъ и г-жа Цензура? Одно изъ главнѣйшихъ лицъ (прочтите піесу: у васъ есть Шекспиръ)—монахъ, братъ Лаврентій; на немъ вся интрига: онъ помогаетъ любовникамъ, къ нему идетъ на исповѣдь Юлія, и онъ даетъ ей сонный напитокъ. Позволятъ ли вывести на сцену монаха въ рясѣ? Узнайте навѣрно, чтобы мнѣ не работать попустому. Коверкать же піесу и монаха разстричь и оборотить въ греческаго врача Себиса я не берусь. Я вполнѣ цѣню мнѣніе и причуды глупцовъ, но еще не отваживаюсь презирать совершенно сужденія умныхъ и знающихъ людей. Если эта англійская трагедія обрусѣть не можетъ, станемъ искать изъ французскихъ и начнемъ по порядку съ Корнеля. «Сидъ» и «Гораціи»—переведены; въ «Циннѣ»—заговоръ противъ императора: ужасно и подумать! Въ «Поліевктѣ»—христіанскій мученикъ: Чети - Минеи на театрѣ!.. Еще ужаснѣе! «Помпея» чуть-ли не переводитъ Шеллеръ [1]), да и кого вы тамъ будете играть? Одна—старуха, другая — кокетка. «Родогуна» также безъ Семеновой не обойдется; le reste ne vaut pas l'honneur d'être nommé [2]).. Изъ Расина остались: «Британикъ», «Вереника», «Баязетъ» и «Митридатъ». Въ первой вамъ нѣтъ роли; вторая не сдѣлаетъ никакого эффекта у насъ; въ

[1]) Александръ Ивановичъ, плодовитый переводчикъ театральныхъ піесъ.
[2]) Остальное не заслуживаетъ чести быть упомянутымъ.

Digitized by Google

послѣдней кто будетъ Митридатъ? Одинъ Базиль [1]) можетъ выполнить эту роль, хотя молодъ; но тогда возьметъ ли Брянскій Фарнака, и каковъ будетъ Воиновъ—Ксифаръ? Важнѣйшій же вопросъ: любите ли вы Мониму? Я подозрѣваю, что нѣтъ, судя по молчанію вашему объ Аталидѣ. Теперь другое предложеніе. Буде вы непремѣнно хотите роль пылкую, сыграйте сами Роксану, а для Аталиды потрудитесь уже когонибудь отыскать и обучить, хоть напримѣръ вашу кузину Любушку [2]); въ такомъ случаѣ «Баязетъ» вамъ будетъ готовъ скорѣе всякой другой. Андрей Андреевичъ додѣлаетъ хоть второе дѣйствіе, давно начатое, а за послѣднія три я берусь. Въ «Дидонѣ» Помпиньяновой много достоинствъ и блестящая роль; но я боюсь, что глупая «Дидона» Княжнина ей сильно повредитъ во мнѣніи невѣждъ, то-есть, въ общемъ мнѣніи. Вольтеръ и прочее—все истощено. Не пропустятъ ли «Агамемнона» [3])? Его можно на славу обставить и разыграть. Изъ комедій—чудо: «Tartuffe», но его и подавно запретятъ; «l'Ecole des Vieillards» мнѣ по сіе время неизвѣстна: сдѣлайте милость пришлите. Есть драма «Dupuis et Desronais» [4]), но вы можетъ быть хотите непремѣнно трагедію? Итакъ, узнавайте, избирайте и рѣшайтесь: къ сроку будетъ готово. Къ слову: готовы ли, наконецъ, ваши гостинцы? Я ихъ съ нетерпѣніемъ жду, тѣмъ паче, что не знаю, что̀ такое. Изъ нѣкоторыхъ словъ вашихъ смекаю, что вы не совсѣмъ довольны Жандромъ; я болѣе вашего на него сердитъ, ибо онъ ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ. На Варвару Семеновну нельзя сѣтовать, что она не отдаетъ даромъ «Les Fausses Confidences»; при ея состояніи и пятьсотъ рублей нужны; я эту женщину весьма уважаю. Въ роляхъ у васъ недостатка нѣтъ; но, скажите, зачѣмъ вамъ играть графиню Лелеву [5])? Роль, по моему мнѣнію, не хороша, и вы еще подвергаетесь осужденіямъ князя Шаховскаго, буде вы съ нимъ не помирились. Еще вопросъ: будете ли вы въ Москвѣ играть «Есѳирь»? Если да, какъ я думаю, то не худо бы предупредить тамошнюю дирекцію на счетъ хоровъ и спектакля вообще: она вѣдь тамъ еще играна не была. Надѣюсь, что вы изъ Москвы будете ко мнѣ писать: я любопытенъ знать о вашемъ туда появленіи и обо всемъ московскомъ театрѣ; извѣстія же будутъ доходить ко мнѣ весьма скоро, ибо я до декабря мѣсяца проживу здѣсь, въ Ростовѣ, куда и теперь прошу васъ ко мнѣ письма надписывать. Vedo con sommo piacere che lei incommincia ad imparare l'italiano; i bellissimi carmi che lei

---

[1]) Каратыгинъ.

[2]) Любовь Осиповна Дюръ.

[3]) „Смерть Агамемнона", трагедія Лемерсье.

[4]) Драма Колле. въ 3-хъ актахъ. Первый разъ была поставлена на сценѣ Théâtre-Français 17-го января 1763 г.

[5]) Въ комедіи Шаховскаго „Урокъ кокеткамъ".

Digitized by Google

potrá leggere le saranno un degno premio del suo lavoro e fra pochi mesi spero raggionare con lei su i diversi preggii del Dante e d'Ariosto, del Tasso e del Guarini [1]). Съ такой высоты каково вамъ упасть въ костромской театръ, гдѣ отличается въ роляхъ Сосницкаго, Самойлова и даже Каратыгина (напримѣръ, въ «Сынѣ любви») вамъ знакомый «Колокольчикъ». Къ вящшей красотѣ онъ, зимою, отзнобилъ носъ и теперь вылѣчить его совершенно не можетъ. Потужили ли вы о кончинѣ княгини Кутузовой [2])? Мнѣ, признаюсь, ее очень жаль: она любила изящное, а у насъ рѣдко найдешь такихъ людей. Прощайте, Александра Михайловна, и пишите ко мнѣ: это меня много радуетъ и утѣшаетъ въ моемъ изгнаніи. Государь поѣдетъ осенью мимо Кологрива и моего Шаева, но я буду не дома, а здѣсь. Вашъ покорный Павелъ Катенинъ.

XIV.

26-го сентября 1824 г. Ростовъ.

Какъ! Вы играли «Липецкія воды» на зло Шаховскому? Этотъ человѣкъ родился въ сорочкѣ: другіе не дождутся, чтобъ изъ любви къ нимъ дѣлали столько, сколько изъ ненависти къ нему. Извините, любезнѣйшая Александра Михайловна, такую выходку въ началѣ письма, гдѣ мнѣ только должно благодарить васъ за присылку портрета; я любуюсь на него съ ранняго утра, ибо онъ виситъ у меня въ глазахъ, передъ кроватью; всѣ здѣшніе на него любовались и поздравляли меня, а я... je fesais le modeste [3]). Очень радъ, что «Есеирь» будетъ играться въ Москвѣ; однако, несмотря на благорасположеніе Максина [4]), прошу васъ присмотрѣть, чтобы обстановка піесы была порядочная. Эта роль положила основаніе вашей доброй славѣ, и вы обязаны объ ней постараться. Вы окончательно избираете «Баязета»: буди воля ваша. Мои три дѣйствія поспѣютъ къ сроку, а каково будутъ сдѣланы, вѣсть

---

[1]) Вижу съ величайшимъ удовольствіемъ, что вы начали овладѣвать итальянскимъ языкомъ; прелестнѣйшія поэмы, которыя вы будете въ состояніи читать, вознаградятъ васъ за вашъ трудъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣюсь разсуждать съ вами о разныхъ красотахъ Данте, Аріоста, Тассо и Гуарини.

[2]) Жена князя М. И. Голенищева - Кутузова - Смоленскаго, Екатерина Ильинична, урожденная Бибикова (род. 5-го ноября 1754 г., ум. 23-го іюля 1824 г.).

[3]) Я прикидывался скромникомъ.

[4]) Актеръ, перешедшій съ петербургской сцены.

Digitized by Google

Богъ. Условіе же мое о неизвѣстности переводчика въ полной силѣ существуетъ; и тѣмъ легче будетъ меня удовлетворить, что всѣ знаютъ, что «Баязета» давнымъ давно переводитъ Жандръ. Стало, не родится и подозрѣніе, когда на афишѣ будетъ одно его имя. Настоятельно прошу васъ переговорить съ нимъ объ этомъ и заставить его согласиться быть переводчикомъ всей трагедіи. Варварѣ Семеновнѣ отдайте мое почтеніе; попросите, чтобъ хоть она мнѣ какъ-нибудь объяснила, отчего Андрей Андреевичъ полгода цѣлые ко мнѣ не пишетъ. Вы забыли на письмѣ своемъ выставить число, и я не знаю, скоро ли вы отправляетесь въ Москву, и для того это письмо посылаю черезъ Каратыгиныхъ. Долго ли вы пробудете въ Москвѣ? Что будете играть? Много ли «на зло» мнѣ? Что вашъ бенефисъ? Прошу покорнѣйше меня оттолѣ извѣщать; находясь въ 180-ти верстахъ другъ отъ друга, переписка можетъ живо идти. Евгеніи Ивановнѣ сто поклоновъ. Что ваши семейныя дѣла? Гдѣ братецъ? Будьте здоровы, Александра Михайловна, восхищайте Бѣлокаменную и сообщайте о вашихъ успѣхахъ преданному Анохину. Павелъ Катенинъ.

XV.

25-го декабря 1824 г. Кострома.

Былъ бы, милостивая государыня, мой чередъ возносить вамъ моя вина, еслибъ у меня не было уважительнѣйшихъ доводовъ въ мірѣ къ моему оправданію. Я заваленъ дѣлами; лукавый попуталъ меня въ прошломъ году купить землю у проклятаго сутяги, которому теперь хочется зажилить и землю, и деньги. Я принужденъ вести тяжбу и даже не могу возвратиться въ мой уединенный пріютъ и заниматься тамъ сколько мнѣ угодно любимыми мною предметами. Принужденъ по неволѣ проживать въ Костромѣ, покуда это дѣло—не говорю будетъ окончено: это невозможно, но хоть по крайней мѣрѣ приметъ какой-нибудь оборотъ, который дозволилъ бы продолжать тяжбу въ мое отсутствіе. Вы знаете, впрочемъ, какъ все это надоѣдаетъ мнѣ, утомляетъ меня, изъ терпѣнія выводитъ; я думалъ, что серьозно заболѣю: ночи проводилъ безъ сна, въ крови чувствовалъ несносный жаръ, и только теперь, всего дня два, какъ мнѣ легче. Оба ваши письма немножко запоздали. Я уже выѣхалъ изъ Ростова и, слѣдовательно, они томились тамъ цѣлую недѣлю. Благодарю тысячу разъ за подробности, съ которыми вы разсказываете мнѣ о вашихъ приключеніяхъ въ Москвѣ; о нихъ разсказывалъ мнѣ, еще до полученія послѣдняго вашего письма, вашъ горячій поклонникъ Бо-

Digitized by Google

логовской—костромичъ, который убѣдительно проситъ меня напомнить вамъ о немъ. Вы его осчастливите, если упомянете о немъ въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ. Но теперь поговоримъ о васъ. Нужно ли говорить вамъ, какое живѣйшее участіе принимаю я въ вашихъ столь блестящихъ и полныхъ успѣхахъ [1]); я даже горжусь ими немножко, ибо имѣю высокомѣріе думать, что для трагедіи совѣты мои были вамъ не совсѣмъ безполезны; могли бы даже и теперь на что-нибудь вамъ пригодиться, если бы мудрость лица, вамъ извѣстнаго, не лишала меня и самой надежды васъ видѣть. Да, сударыня, трагическихъ ролей вы играли мало, и я очень хорошо угадалъ причину тому: во-первыхъ—сказанная вами; во-вторыхъ—та, о которой вы умолчали. Первая: недостатокъ хорошихъ авторовъ для содѣйствія вамъ; другая, какъ я думаю, недостаточно развитой вкусъ москвичей къ піесамъ этого рода; трагедіи, въ которыхъ у васъ особенно блестящія роли: «Андромаха» и «Горація», доставили бы имъ невеликое удовольствіе; вы же не разсчитывали снискать себѣ славу, представляя Ксенію вѣчнаго «Донскаго» или «Пальмиру» великаго пророка [2]). Сердечно благодарю васъ за всѣ ваши заботы объ «Есѳири». Не забудьте меня, пожалуйста, въ Петербургѣ. Есть двѣ роли въ моихъ піесахъ: Химена и маркиза де-Кленвилль, которыя ждутъ васъ; займитесь ими и придайте имъ цѣнности. Четвертый актъ «Баязета» готовъ. Я дѣятельно займусь остальными двумя тотчасъ же, какъ только успокоюсь и тѣломъ, и духомъ; впрочемъ, у насъ еще довольно времени впереди; но еще разъ прошу: никому ни слова.

Князь Вяземскій, по моему мнѣнію, безподобенъ со своими вопросами на мой счетъ. Боже милостивый, если онъ меня не знаетъ, какъ же онъ осмѣливается въ теченіе стольких лѣтъ объявлять себя моимъ врагомъ, подкапываться подъ меня тихомолкомъ, не дерзая нападать открыто, и разсѣвать на мой счетъ гнусныя клеветы даже въ Парижѣ? Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, какъ мнѣ писали, напечаталъ противъ меня мерзкій пасквиль, наполненный нападками на мою личность и лживыми, и рѣзкими [3]). Дошло до того, что я, потерявъ тер-

[1]) 14-го октября 1824 г. Колосова отправилась въ Москву, а 26-го дебютировала въ „Мизантропѣ“, въ роли Прелестины За „Мизантропомъ“ слѣдовали: „Танкредъ“, „Завѣщаніе“, „Липецкія воды“, „Эсѳирь“, „Валерія“ и др. Публика принимала Колосову восторженно. 6-го декабря она выѣхала изъ Москвы, оставивъ по себѣ самыя пріятныя воспоминанія.

[2]) Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Николевымъ и въ первый разъ представленная въ Москвѣ 22-го апрѣля 1783 г., а въ Петербургѣ 4-го октября 1801 г.

[3]) Въ Парижскомъ Меркуріи 1824 г. была помѣщена статья русскаго автора объ отечественной литературѣ съ подписью L. N., въ которой упоминалось, между прочимъ, съ похвалой и о Катенинѣ.

Нѣкто P. B. G., также русскій, напечаталъ возраженіе, въ которомъ,

Digitized by Google

пѣніе, послалъ къ Каченовскому и къ Гречу оправдательное письмо, заключающее нѣчто въ родѣ призыва къ суду пасквилиста; боюсь только, чтобы происки и значеніе преслѣдующей меня партіи не были настолько сильны, чтобы воспрепятствовать напечатанію моей полемики [1]). Еще хочу просить васъ о другомъ дѣлѣ, касательно ходатайства вашего у Хмельницкаго, съ которымъ вы, какъ я думаю, въ хорошихъ отношеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе нелѣпой ко мнѣ придирки С.-Петербургской гражданской палаты у меня, безъ всякой малѣйшей причины, связаны руки въ распоряженіяхъ моими родовыми имѣньями; я объясняю все дѣло Хмельницкому, потому что свѣдущіе люди говорили мнѣ, будто только одинъ генералъ-губернаторъ, при которомъ онъ служитъ, можетъ развязать или разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Обратиться прямо къ Милорадовичу немножко опасно, и я беру этотъ окольный путь. Почитаю Хмельницкаго на столько честнымъ человѣкомъ, чтобы оказать мнѣ эту услугу, вопреки нашимъ небольшимъ литературнымъ стычкамъ. Во всякомъ случаѣ нѣсколько словъ, замолвленныхъ вами и матушкою вашею съ теплотою дружбы, могутъ скорѣе побудить къ тому Хмельницкаго [2]). Сдѣлайте это, пожалуйста, сударыни, ибо эта просьба къ вамъ обѣимъ относится. Къ слову о придиркахъ. Простите ли вы мнѣ мои маленькія придирки къ bel ange за этотъ «Сонъ Гоѳоліи», дважды декламированный на московской сценѣ? [3]) Скажите, положа руку на сердце, не побудило ли васъ къ тому чуточка шарлатанизма? Надобно было пыль въ глаза пустить, не такъ ли? Но со времени вашего возвращенія, что вы подѣлываете? Напишите мнѣ о вашемъ дебютѣ по возвращеніи, о театрѣ вообще, о піесахъ, обо всемъ, наконецъ. Надписывайте мнѣ письма въ Кологривъ, потому что къ тому времени меня

указывая на недостатки русскихъ стиховъ Катенина, ссылался на „остроумнѣйшую“ критику князя П. А. Вяземскаго, тогда какъ послѣдній ничего подобнаго не писалъ. Кромѣ того, P. B. G. называетъ Катенина авторомъ, надутымъ своимъ талантомъ и завистникомъ чужихъ достоинствъ. Въ заключеніе, онъ говоритъ, что статья о Катенинѣ, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы 1823 г. (ч. 127, № 3), писана имъ самимъ, выставляя такимъ образомъ Катенина хвалителемъ собственныхъ сочиненій.

[1]) Оправдательное письмо Катенина было напечатано Н. И. Гречемъ въ Сынѣ Отечества 1825 г., ч. 99, № 2, стр. 333—335; но Каченовскій не далъ ему мѣста въ Вѣстникѣ Европы.

[2]) Николай Ивановичъ Хмельницкій (род. 1791 г., ум. 1845 г.), извѣстный драматическій писатель, занималъ въ это время должность правителя канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора.

[3]) Этотъ отрывокъ изъ трагедіи Расина, переведенный между прочимъ Катенинымъ, Колосова читала на французскомъ языкѣ 17-го и 21-го ноября 1824 г. Колосова владѣла языкомъ, какъ природная парижанка.

Digitized by Google

здѣсь уже не будетъ. Тысячу поклоновъ вашей уважаемой матушкѣ и вашему братцу, если онъ съ вами. Желаю вамъ добраго новаго года. Шествуйте отъ торжества къ торжеству; но, какъ говорится въ пѣсенкѣ королевы Гортензіи, mais ne m'oubliez pas. Вижу, что это письмо длинно, и пора кончить; у меня же есть нѣсколько визитовъ, ибо сегодня Рождество; тѣмъ не менѣе не могу рѣшиться разстаться съ вами, не исписавъ цѣлаго листа; воображаю, что вижу васъ, разговариваю съ вами, но тотчасъ же замѣчаю великую разницу между письмомъ и устною бесѣдою. Вы ничего не отвѣчаете издалека на все, что́ я вамъ здѣсь говорю; лучшая часть разговора прибудетъ сюда только черезъ мѣсяцъ. Долгонько! Прощайте, будьте здоровы и примите увѣренія въ моей дружбѣ. Павелъ Катенинъ.

XVI.

20-го января 1825 г. Кострома.

Торопясь отвѣчать вамъ на ваше письмо, полученное сегодня утромъ, беру полъ-листа для скорости и чтобъ не пропустить сегодняшней почты. Думалъ ли я въ послѣдній разъ, весь занятый вашими тріумфами, что тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ мнѣ прійдется выражать вамъ мои чувства соболѣзнованія. Увы, увы! Печальная участь талантовъ на Руси! Какъ ихъ преслѣдуютъ! Ихъ однако же не такое великое количество, чтобы они могли терять цѣну, часто бросаясь въ глаза. Каверзы дирекціи и прекрасный судъ Мидаса о двухъ головахъ были бы смѣшны, если бы были менѣе гнусны [1]). Смутные слухи объ этихъ гру-

[1]) Катенинъ говоритъ здѣсь по поводу ареста Колосовой. Дѣло въ томъ, что, согласившись повторить по просьбѣ публики спектакль въ Москвѣ, Колосова опоздала явиться къ сроку въ Петербургъ. Несмотря на уважительную причину и ходатайство разныхъ лицъ, артисткѣ былъ сдѣланъ выговоръ и, какъ бы въ наказаніе, для перваго выхода ей назначили самую ничтожную роль изъ всего ея репертуара. Оскорбленная этимъ, Колосова отказалась играть. На другой день явился къ ней полиціймейстеръ съ приказаніемъ взять ее подъ арестъ, но не засталъ дома. Узнавши объ этомъ, Колосова сейчасъ же уѣхала въ Царское Село, встрѣтила тамъ государя и лично пожаловалась ему на несправедливость дирекціи. Государь милостиво поговорилъ съ ней, велѣлъ подать прошеніе и обѣщалъ переговорить съ графомъ Милорадовичемъ. Результатомъ всего этого было то, что графъ Милорадовичъ собралъ театральный комитетъ, и на томъ основаніи, что Колосова „обнаружила преступную дерзость, утруждавъ государя императора жалобой на начальство“, что „все это доказываетъ ея вредную нравственность“, Колосовой прислали отставку, съ приказаніемъ явиться въ театральную контору подъ арестъ (С. В. Танѣевъ. Изъ прошлаго императорскихъ театровъ. Выпускъ II. С.-Пб. 1886, стр. 35).

*

Digitized by Google

быхъ выходкахъ дошли до меня; я слышалъ о нихъ между прочимъ изъ устъ молодой и хорошенькой дамы, которая познакомилась съ вами въ Москвѣ, и очарована вашимъ талантомъ и особою, нѣкоей г-жи Нелидовой[1]). Ваше письмо подтвердило дурную вѣсть. Благоволите однако объяснить: играли ли вы Офелію, или Селимену, или ничего не играли? Были ли подъ арестомъ? Если—да, то сколько времени? По чести, только и недостаетъ того, чтобы васъ сослали въ Кологривъ; здѣсь мы устроили бы свой театръ, на которомъ, конечно, играли бы лучше, нежели на театрахъ обѣихъ столицъ, если тамошніе, милые директоры дѣйствуютъ единодушно. Какая же ваша цѣль ѣхать въ Москву? Желаете ли быть ангажированы? Но, говорятъ, Кокошкинъ[2]) такъ же гадокъ и еще глупѣе Шаховскаго. Кстати, что вы скажете о драматическомъ альманахѣ «Талія» и о его пяти портретахъ?[3]) Ни слова не говорю о портретѣ толстаго князя: это самый трудолюбивый писатель, если не лучшій; въ числѣ прочихъ четырехъ я надѣялся найдти: Самойлова, Каратыгина, Семенову и васъ; ничуть не бывало: двѣ танцорки, изъ которыхъ одна—крайняя посредственность. Вамъ должны были сообщить, что четвертый актъ «Баязета» готовъ, а два остальные будутъ отдѣланы тотчасъ же, какъ только мнѣ выдастся хоть маленькій досугъ; но теперь у меня голова кругомъ идетъ: злая судьба натолкнула на меня отвратительнаго сутягу, который затѣялъ со мною подлѣйшую тяжбу, и я принужденъ тратить время въ Костромѣ на дурацкія подъяческія крючкотворства, будучи даже лишенъ возможности возвратиться къ моимъ индюшкамъ и капустѣ. Поклонъ вашъ Бологовскому будетъ переданъ, и онъ запрыгаетъ отъ радости. Простите, что такъ скоро кончаю, но время дорого, черезъ нѣсколько дней постараюсь написать побольше; можетъ быть даже мой двоюродный братъ Александръ, который будетъ здѣсь проѣздомъ, доставитъ вамъ четвертый актъ «Баязета». Поклонъ вашей матушкѣ. Еще разъ прощайте. Весь вашъ Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Съ Нелидовыми Катенины были въ родствѣ. Родной дядя Павла Александровича, Николай Ѳеодоровичъ Катенинъ, былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Нелидовой.

[2]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (род. 1773 г., ум. 1838 г.) съ 1818 г. былъ членомъ репертуарной части, а съ 1823 по 1831 управлялъ московскимъ театромъ. Какъ директоръ, оказалъ большія услуги московской сценѣ и всѣми силами старался поднять ея значеніе.

[3]) Русская Талія, изд. Булгаринымъ въ 1825 году, съ приложеніемъ портретовъ: князя Шаховскаго, Е. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, Е И. Истоминой и Е А. Телешовой.

Digitized by Google

XVII.

12-го февраля 1825 г. Кострома.

Никто изъ моихъ друзей не можетъ похвалиться такой исправностью, какъ вы. Письма ваши «подписываются» скоро, а это, какъ вы говорите, важный пунктъ въ тяжебныхъ дѣлахъ. Къ крайнему моему огорченію, я увѣрился, что гг. Грибоѣдовъ и Жандръ во многихъ отношеніяхъ безжалостно пренебрегаютъ мной и покидаютъ меня въ снѣдь звѣрямъ плотоядным. Подобно вамъ, содрогнулся и я при мысли объ этомъ инквизиціонномъ духѣ, объ этой желтухѣ, которая заставляетъ предубѣжденными глазами видѣть все въ желчномъ свѣтѣ и находить революціонныя правила во всѣхъ поступкахъ порядочныхъ людей. Вы еще можете благословлять вашу судьбу, что вы женщина, иначе четвертью часа въ конторѣ не удовольствовались бы, а засадили бы васъ въ крѣпость, или приговорили къ вѣчному изгнанію [1]). Вполнѣ чувствую, до какой степени вы имѣете право сожалѣть о театрѣ, и это, по истинѣ, огорчаетъ меня. Что касается до вашихъ похвалъ князю Голицыну [2]), предоставляю вамъ говорить, что угодно; но, чтобы вѣрить этимъ похваламъ, попрошу дать мнѣ нѣсколько времени: нуженъ опытъ, чтобы вызнать человѣка. Впрочемъ, можетъ ли Москва вполнѣ замѣнить Петербургъ, гдѣ театръ вообще настолько выше; гдѣ вы жили, угнѣздились и проч. и проч.? Продолжаете ли видаться съ сестрой Катериной [3]), или эта прекрасная дружба уже разсѣялась дымомъ? Послѣднее предположеніе, признаюсь, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Слышалъ я еще кой-что о прелестной Нимфѣ [4]). Не будетъ ли нескромностью справиться о ней, и хоть матушка ваша не можетъ ли разсѣять мои сомнѣнія на ея счетъ? Г-жи Нелидовой уже здѣсь нѣтъ: она пріѣзжала въ Кострому на недѣлю и поспѣшила возвратиться въ Москву. Желалъ бы, подобно ей, тоже поѣхать въ ту сторону, но моя проклятая тяжба вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ; и не знаю, какому святому молиться: святой Паціенціи былъ бы для меня, я думаю, полезнѣе всѣхъ прочихъ. Къ слову о терпѣніи: оно

---

[1]) Когда Колосова пріѣхала въ театральную контору, чтобы подвергнуться наказанію, то черезъ полчаса явился чиновникъ отъ Милорадовича съ объявленіемъ, что графъ довольствуется ея повиновеніемъ и освобождаетъ отъ ареста.

[2]) Дмитрій Владиміровичъ, Московскій генералъ-губернаторъ, который, во время пребыванія Колосовой въ Москвѣ, благосклонно относился къ ней.

[3]) Семенова.

[4]) Нимфодора Семеновна Семенова (род. 1789 г., ум. 1876 г.), сестра Е. С. Семеновой, драматическая актриса и пѣвица. По мужѣ Лестреленъ.

Digitized by Google

было нужно и вамъ, чтобы одолѣть скуку этой пародіи на «Школу стариковъ». Особенно восхитителенъ былъ Альфонсъ въ роли стараго Данвилля. Не могу сказать вамъ ничего новаго о «Баязетѣ»; мнѣ пришлось оставить его, чтобы занять роль въ «Тяжебникахъ» (les Plaideurs); и предупреждаю васъ, что эта роль трудная, ибо мой «Шиканно» и мои «Дандены» очень сильны въ роляхъ своихъ амплуа [1]). Теперь, какъ вы изволите пребывать сложа ручки, ожидаю получать отъ васъ вѣсточекъ почаще и прошу васъ сообщать ихъ и о нашей сценѣ. Хорошъ ли былъ Каратыгинъ въ «Семирамидѣ»? [2]) Что это за «Женевьева Брабантская» [3]), которая появится, или уже появилась на сценѣ? Неутомимый Шаховской продолжаетъ ли мастерить свои піесы, или якобы свои? Осмѣлится ли кто замѣнить васъ въ вашихъ роляхъ? Кто отважится на этотъ опасный прыжокъ? Сколько вопросовъ, скажете вы: такъ знайте, что я желалъ бы надавать ихъ еще болѣе, чтобы побудить васъ къ отвѣтамъ. Глубочайшій поклонъ вашей матушкѣ; прошу ее помолиться за меня. Будьте здоровы и не забывайте вашего покорнѣйшаго слугу Павла Катенина.

XVIII.

15-го апрѣля 1825 г.

Вы властны любить, обожать, воскурять ѳиміамъ вашему любезнѣйшему князю Голицыну; но я на него такъ же сержусь, какъ и на васъ. Прежде всего скажите мнѣ, искренно ли вы такъ радуетесь своему отъѣзду въ Москву? [4]) Во всякомъ случаѣ эта радость будетъ непродолжительна, если вы потрудитесь немножко о ней поразмыслить. Москва, какъ бы то ни было, ничто иное какъ большой губернскій городъ. Первостепенные артисты въ нее заѣзжаютъ, собираютъ деньги, но на по-

---

[1]) Именами дѣйствующихъ лицъ комедіи „Les Plaideurs“ Катенинъ называетъ своего противника и подъячихъ въ своей тяжбѣ. Эта комедія написана въ 1668 году Расиномъ, который вздумалъ состязаться съ Мольеромъ, но безуспѣшно.

[2]) Трагедія Вольтера, поставленная на русскую сцену еще въ 1812 году. Эта піеса шла въ бенефисъ Каратыгина 8-го января 1825 г. Главную роль исполняла Е. С. Семенова, а бенефиціантъ—роль Арзаса.

[3]) Трагедія, сочиненная А. П. Поморскимъ. Была представлена въ бенефисъ Е. С. Семеновой 30-го января 1825 г.

[4]) По оставленіи сцены, Колосова жила въ Петербургѣ. Въ это время пріѣхалъ кн. Д. В. Голицынъ, предложившій ей поступить на Московскую сцену. Колосова подала черезъ него прошеніе государю и получила разрѣшеніе играть не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ.

Digitized by Google

стоянное жительство не остаются. Тамошній русскій театръ, какъ говорятъ, въ плачевномъ состояніи, а публика очарована своей итальянской оперой, англійскимъ клубомъ, проклятыми картами, даже Кокошкинымъ. Что вы будете дѣлать одна среди всего этого хаоса? Съ кѣмъ вамъ играть? Что вы будете играть? Новыя піесы пишутся и въ Петербургѣ. Мнѣ пріятнѣе думать про себя, что вы притворяетесь довольною, что досада (весьма основательная), въ которой вы можете быть на тѣхъ, кто не умѣлъ по достоинству оцѣнить вашъ талантъ, побуждаетъ васъ къ подобному молодечеству; но я далеко гоню отъ себя прискорбную мысль, что Москва кажется вамъ, дѣйствительно, лучше Петербурга. Съ вашей стороны это былс бы непростительное заблужденіе и въ нѣкоторомъ родѣ неблагодарность. Здѣсь вы дебютировали, развились, составили себѣ добрую славу, и порядочные люди, люди со вкусомъ, истинные любители, не могутъ ни сочувствовать, ни одобрять соперничества по ремеслу съ Катериной Медичи, ни происковъ Аристофана [1]), ни всемогущества Тиграна. Справьтесь, умоляю васъ, о моемъ письмѣ къ императору; я отправилъ его прямо по почтѣ. Дошло ли оно? Что изъ того послѣдуетъ? Желаю отъ всего сердца получить дозволеніе, которое дало бы мнѣ возможность увидѣться со многими особами, мною по всей справедливости любимыми. Но я крайне затрудненъ поѣздкою и переселеніемъ, ибо въ нынѣшнемъ году я разоренъ: у меня въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ ни копѣйки. Крестьяне здѣшніе съ голоду мрутъ; кормлю ихъ чѣмъ и какъ могу; но мнѣ не на что купить овса для посѣва, и доходовъ никакихъ нѣтъ. Прибавьте къ этому затрудненія съ тяжбой, другія дѣла и того непріятнѣе, которыя надобно покончить съ моимъ братомъ; долги—куда ни обернись, и поймете, что есть отъ чего съ ума сойти. Это не препятствуетъ мнѣ думать о томъ, что я вамъ обѣщалъ, но оно чертовски трудно. Готовъ ли другой-то, лѣнивецъ? [2]) Нижайшій поклонъ матушкѣ. Будьте здоровы, веселы, а на досугѣ разучивайте Химену и маркизу де-Кленвилль для ради любви къ Богу и къ вашему покорнѣйшему слугѣ Павлу Катенину.

XIX.

10-го мая 1825 г. Шаево.

Ваши упреки столь же любезны, какъ и вы сами; и я за нихъ благодарю васъ, хотя ихъ и не заслуживаю. Письма наши, должно быть,

---

[1]) Кн. Шаховской.

[2]) Дѣло идетъ о переводѣ Расинова „Баязета“ вмѣстѣ съ Жандромъ.

Digitized by Google

разошлись, ибо я твердо убѣжденъ, что безотлагательно отвѣчалъ вамъ. Помню даже, что обращалъ къ вамъ довольно рѣзкіе упреки за измѣну, которую вы намѣревались сдѣлать всему Петербургу. Я предъявлялъ вамъ права вашихъ старинныхъ поклонниковъ и, хотя былъ адвокатомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я въ восторгѣ, что публика сказала вамъ то же самое въ концертѣ Каталани [1]): останьтесь, или поѣзжайте въ Москву вмѣстѣ съ другими, ибо дворъ вѣроятно повезетъ туда и театръ съ собою. Вы любопытствуете знать о положеніи моихъ дѣлъ Вотъ оно: дѣла кляузныя затихли на время, но на долго ли — не вѣдаю; съ ихъ возобновленіемъ начнутся опять затрудненія, и это неизбѣжно. Теперь же покуда мнѣ данъ отдыхъ въ ожиданіи возврата лихорадки. Мое письмо къ его величеству отправлено 19-го марта; но я думаю, что оно надѣлало хлопотъ, ибо не имѣю о немъ никакихъ извѣстій. Здоровье мое плохо, а простуда вслѣдствіе одной небольшой поѣздки едва не отправила меня въ другой, дальнѣйшій путь, и въ теченіе трехъ дней я стоялъ одной ногой въ «лодкѣ». Однако, благодаря тому, что здѣсь нѣтъ докторовъ, я не умеръ. Поздравляю васъ съ женитьбой вашего братца и прошу васъ передать мое поздравленіе матушкѣ вашей. Ей предстоитъ быть бабушкой: какъ-то она мирится съ этой мыслію? Большое вамъ спасибо за ваши театральныя новости. Очень радъ былъ слышать, что у насъ еще остался одинъ трагическій авторъ или переводчикъ; но у этого г. Поморскаго перо плодовитое. Если не ошибаюсь, его произведеніе «Женевьева Брабантская», и вотъ за нею по пятамъ вскорѣ послѣдовала «Габріэль де Вержи» [2]). Кланяйтесь отъ меня Базилю-Фаелю; онъ немножко меня забываетъ, что́ мнѣ грустно. Катеринѣ Медичи будетъ трудно сыграть роль удовлетворительно для хорошихъ судей; одного дарованія не достаточно—нужна и совѣстливость. Гоняясь только за эффектомъ, можно, наконецъ, въ извѣстное время и промахнуться; зрители, сначала отуманенные всѣмъ этимъ грохотомъ, постепенно къ нему привыкаютъ и, наконецъ, удивляются сами себѣ, что при всей доброй охотѣ уже не могутъ болѣе восторгаться. Кто же игралъ рыцаря Куси? Итакъ, великіе князья заняли директорскую ложу, но ѣздятъ ли они въ театръ? Къ слову объ этой ложѣ. Я никогда ее не могъ терпѣть, даже еще до введенія въ

---

[1]) Знаменитая пѣвица (род. 1779 г., ум. 1849 г.). 19-го апрѣля 1825 г. она давала концертъ, а Колосова и французская актриса Картиньи декламировали сцену изъ „Мизантропа“.

[2]) Андрей Петровичъ Поморскій, авторъ и переводчикъ драматическихъ піесъ. Его переведенная съ французскаго трагедія „Габріель де-Вержи“ была представлена 22-го апрѣля. В. А. Каратыгинъ исполнялъ роль графа де-Фаеля. Рауля де-Куси игралъ П. А. Каратыгинъ, а Габріель—Е. С. Семенова. Трагедія имѣла успѣхъ.

Digitized by Google

нее Майковымъ его дурной компаніи; та же, которую встарь называли хорошею, имѣла также привычку говорить громче актеровъ и говорила, чтобы ничего не сказать. Во Франціи партеръ крикнулъ бы: молчать! но въ Россіи—другое дѣло.

«Баязетъ» понемножку подвигается. Боже мой, что-за восхитительная роль Аталиды! Вы ее играть не будете, но кто же будетъ? Надобно, чтобы вы подготовили кого-нибудь, ибо я вѣроятно буду вѣчно здѣсь сажать капусту, которая даже и не хочетъ рости въ здѣшнемъ ужасномъ краю. Существованіе мое весьма печально, весьма однообразно. Мы въ конецъ разорены; денегъ ни у кого нѣтъ, и народъ умираетъ съ голоду. Прибавьте къ этому тяжбу и долги, маленькое политическое гоненіе и большія литературныя клеветы — и судите о моемъ положеніи. Величайшее мое удовольствіе получать письма, и потому не лишайте меня вашихъ, которыя я тщательно берегу и часто перечитываю. Знаете ли, что вы изволите забывать выставлять числа? Прошу исправиться. Прощайте, еще разъ кланяюсь маменькѣ и дочкѣ и поручаю себя ихъ дружбѣ. Тысяча лучшихъ пожеланій. Павелъ Катенинъ.

XX.

7-го іюня 1825 г. Кологривъ.

Начну извѣщеніемъ о желанномъ успѣхѣ моей просьбы къ императору. Онъ чрезъ генерала Дибича благоволилъ отвѣтить мнѣ, что на мое возвращеніе въ Петербургъ соизволяетъ. Если бы у меня было столько же денегъ, сколько доброй воли, я теперь былъ бы уже въ дорогѣ. Къ несчастію, у меня ни полушки нѣтъ; жду, впрочемъ, бумагъ которыя мнѣ должны выдать изъ судовъ. Злыя осы царства Ѳемиды затягиваютъ дѣло: но какъ только выйдетъ ихъ рѣшеніе, такъ я и поѣду. Окончивъ съ этой статьей, благоволите дозволить мнѣ подробнѣе поговорить о «Баязетѣ». Скажу вамъ, во-первыхъ, что мнѣ остается додѣлать одинъ только пятый актъ; третій и четвертый окончены и смѣю думать—хорошо. Полагаю, что теперь было бы полезно немножко пришпорить лѣнивца Жандра и сказать ему, чтобы онъ поторопился окончаніемъ, иначе его прійдется ждать. Прошу по-прежнему сохранять тайну, и вслѣдствіе этого умоляю васъ сказать мнѣ прямо: вы, или Жандръ, или г-жа Миклашевичева не имѣли ли неосторожность проговориться объ этомъ важномъ дѣлѣ весьма нескромному Грибоѣдову. Если—да, я пропалъ: протрезвонили во всѣ колокола, повыпалили изо всѣхъ пушекъ. Отъ этихъ мелочей перехожу къ главному пункту, къ

Digitized by Google

распредѣленію ролей. Заклинаю васъ именами: Мельпомены, Расина, дѣвицъ—Шанмеле [1]), Лекуврёръ [2]) и Дегарсенъ [3]) взять на себя роль Аталиды, предоставивъ Роксану королевѣ-матери [4]). Трудясь надъ піесою, я имѣлъ время развѣдать всю глубину мыслей автора и нисколько не сомнѣваюсь, что онъ почиталъ Аталиду за главное лицо, а Роксану—за тѣнь къ картинѣ. Тѣ же виды имѣлъ и Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ «Кенильвортѣ». Весь интересъ зиждется на любви Аталиды; она, убиваясь, заканчиваетъ піесу, тогда какъ уходъ Роксаны ничтоженъ и безъ эффекта. Два письма, которыя она читаетъ, обморокъ, молитва на колѣняхъ и ударъ кинжаломъ—требуютъ актрисы - мастерицы своего дѣла. Успѣхъ трагедіи зависитъ отъ выполненія этой роли, удивительной и трудной. Еще еслибы вы могли отвѣтить мнѣ: «Какое мнѣ до этого дѣло? Моя роль—Роксана, до прочаго мнѣ дѣла нѣтъ!» Извините, сударыня: Роксана—не ваша роль; это—не Герміона; въ ней нѣтъ ни чувствительности, ни благородства, ни огня; это честолюбивая и злая рабыня, личность скорѣе отталкивающая, нежели привлекательная. Для роли Роксаны нужна женщина статная, съ нѣсколько суровой физіономіей, съ грубыми, порывистыми ухватками, рѣзкимъ голосомъ и тономъ: таковы средства Семеновой. Для личности Аталиды нужна красота менѣе правильная, но болѣе трогательная: прелестные глаза, полные огня; глубокая сосредоточенная чувствительность, гибкій голосъ, благородство царской крови... словомъ, все, чѣмъ вы обладаете въ высшей степени. Баязетъ долженъ быть высокъ ростомъ, смуглъ, мужественъ, гордъ, прямодушенъ, упрямъ: это—другъ нашъ Базиль. Нѣтъ у насъ подъ рукою визиря Акомата: знаю. Упомянутый персонажъ будетъ всегда немножко индѣйскій пѣтухъ, или мохноногій голубь, но какъ быть? Впрочемъ, эта роль, будучи безстрастною, никогда не можетъ произвесть большаго эффекта. Если роли троихъ любовниковъ будутъ хорошо разыграны, тогда я увижу трагедію. Бога ради, чтобы я ее увидѣлъ! Прибавьте къ этимъ соображеніямъ значительнѣйшій сборъ и продолжительнѣйшій успѣхъ; ибо публика чрезвычайно любитъ (и я согласенъ съ ея вкусомъ) видѣть, когда лучшіе таланты сходятся въ одной піесѣ. Всѣ глаза алчно устремляются на таинственную кулису, изъ которой выйдутъ подъ руку двѣ

---

[1]) Champsmêlé, Marie—знаменитая трагическая актриса (род. 1641 г., ум. 1698 г.). Дебютировала въ роли Герміоны настолько хорошо, что самъ Расинъ высказалъ ей свое одобреніе. Большимъ успѣхомъ пользовалась также въ роляхъ Аталиды, Вереники, Монимы.

[2]) Lecouvreur, Adrienne — извѣстная французская актриса (род. 1690 г., ум. 1730 г.). Имѣла большой успѣхъ въ роли Аталиды.

[3]) Desgarcins (род. 1770 г., ум. 1797 г.) дебютировала въ роли Аталиды въ 1788 году.

[4]) Е. С. Семенова.

Digitized by Google

соперницы. Отсюда вижу васъ въ прелестномъ костюмѣ изъ бѣлаго атласа, въ шубѣ понсоваго бархата... У меня руки чешутся, я долженъ апплодировать! Впрочемъ, прошу васъ вѣрить, что все сказанное мною клонится къ пользѣ искусства и къ вашей. Я не хочу ни похвалъ, ни выгодъ, но говорю вамъ то, что мнѣ кажется правдою, то, въ чемъ я также убѣжденъ, какъ въ своемъ существованіи. Во всякомъ случаѣ— ваша воля, но я готовъ спорить до сипоты. Нижайшій поклонъ вашей матушкѣ. Кстати, не найдется ли у нея въ домѣ подходящей мнѣ наемной квартиры? Лошадей я держать не буду, и потому мнѣ не нужно ни конюшни, ни сарая; но комнаты три, четыре съ кухнею. Прошу васъ надписать вашъ отвѣтъ ко мнѣ въ Кострому; онъ, вѣроятно, не застанетъ меня здѣсь, но тамъ я постараюсь, чтобы письма были исправно доставляемы на мѣсто моего нахожденія. Будьте здоровы! Мнѣ не такъ грустно заканчивать письмо въ надеждѣ скоро имѣть удовольствіе бесѣдовать съ вами еще пріятнѣе, нежели съ перомъ въ рукѣ. Поклонъ и уваженіе. П. Катенинъ.

XXI.

20-го іюня 1825 г. Кологривъ.

Отказаться отъ театра! Вамъ! Что за мысль! Что вы будете дѣлать съ вашимъ временемъ? Вы будете смертельно скучать. И съ какой стати, позвольте спросить? «У меня есть настолько средствъ, что могу обойдтись и безъ театра». Прекрасная причина! Деньги имѣютъ свои достоинства, согласенъ; онѣ нигдѣ и ничего не портятъ, быть такъ! Но не однѣ только деньги должны быть рычагомъ дѣйствій художника. А слава? А репутація? Рукоплесканія? Похвалы? Вы всѣмъ этимъ, стало быть, пренебрегаете? Вы поступаете, какъ Ахиллъ, разгнѣванный на Агамемнона, который только и твердитъ, что о своей ѳессалійской капустѣ; но вспомните, что Ахиллъ опять взялся за оружіе послѣ всѣхъ этихъ прекрасныхъ предложеній о счастіи въ нѣдрахъ хозяйства: то же сдѣлаете и вы. «Но, сударь, отказались же вы отъ сочиненія стиховъ [1]); почему же вамъ не нравится, что я отказалась отъ ихъ чтенія?»—

---

[1]) Стихи Катенина вызывали постоянныя нападки критиковъ (см. напримѣръ Сынъ Отечества 1816 г., ч. 31, № 27, 11; 1821 г., ч. 68, стр. 225 и др.). Плетневъ писалъ Пушкину: „Катенина талантъ я уважаю, но жесткихъ стиховъ его не люблю“ (Соч. Плетнева, т. III, 316). Вслѣдствіе всего этого Катенинъ и рѣшилъ стиховъ не писать... „Carmina nulla canam“, писалъ онъ Пушкину въ 1825 году (Р. Архивъ 1881 г., т. I, стр. 146).

Digitized by Google

Да, сударыня, и съ вашего позволенія, объясню вамъ, почему я это сдѣлалъ. Оба наши ремесла совершенно отличны одно отъ другаго. Выгода нашего ремесла заключается въ томъ, что сочиненія наши, буде они хороши, остаются послѣ насъ и даже могутъ со временемъ послужить основою нашей доброй славы, которою мы пользоваться не будемъ, но на которую самолюбіе наше надѣется и, такъ сказать, даетъ намъ возможность ее предвкушать. Замѣтьте, что эта выгода, чаемая, невѣрная есть единственная. Теперь, посмотримъ невыгоды. У васъ есть одна, много двѣ соперницы, но не онѣ ваши судьи; у бѣднаго поэта двѣсти соперниковъ, или именующихся таковыми, которые не только его судьи по полному праву, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—его единственные судьи, какъ, напримѣръ, у насъ, гдѣ почти никто не читаетъ. Маленькія каверзы, маленькія лжи печатныя, маленькія недоброжелательства всесильны противъ писателя, обязаннаго молчать или унижаться, нарушая это молчаніе. Актеръ, являясь предъ лицомъ публики, презираетъ злобу, заставляя ее рукоплескать; торжество его минутное, но оно полное. Я никогда не слыхивалъ о талантливомъ актерѣ, отвергнутомъ публикою и побѣжденномъ интригами; съ писателями же иначе не случается. Расинъ въ свое время былъ пожертвованъ Корнелю, въ слѣдующемъ вѣкѣ—Вольтеру, а въ наше время—господамъ романтикамъ, и какой-нибудь Булгаринъ провозглашаетъ его школьникомъ! Все сіе доказываетъ, что стихоплетъ, если онъ благоразуменъ, долженъ прекратить свою работу, коль скоро не можетъ ни побѣдить вкуса и идей своихъ читателей, ни сообразоваться съ ними; чѣмъ болѣе онъ сталъ бы писать, тѣмъ болѣе навлекъ бы на себя враговъ и гонителей, ибо фанатизмъ есть и въ литературѣ, какъ въ политикѣ и въ религіи. Если этотъ человѣкъ имѣлъ несчастіе создать одно изъ тѣхъ образцовыхъ произведеній, которыя возбуждаютъ всеобщее вниманіе, я не ручаюсь за его жизнь: тюрьма и ссылка—бездѣлицы, о которыхъ, слава Богу, уже не говорятъ болѣе. Актеръ—напротивъ, а еще того болѣе актриса—женщина обязаны шествовать до конца по ихъ блестящему поприщу. Малая толика соревнованія, соперничества—полезныя побудительныя средства; будутъ ли для васъ униженіемъ ежеминутныя сравненія васъ съ Семеновой? Если бы васъ смѣшивали съ госпожами Величкиной, Ольгиной, Лобановой, я бы позволилъ вамъ тотчасъ же бросить театръ. Но вы его не бросите, я въ этомъ увѣренъ. Довольно! Вы знаете роль Герміоны ex officio: эта лакедемонская царевна иногда становится выше грамматическихъ правилъ, требующихъ чтобы мѣстоименіе всегда относилось къ послѣднему существительному; аббатъ д'Оливе и другіе старинные пуристы, ничего не смыслившіе въ языкѣ страстей, строго ее за то упрекали; Жоффруа весьма дѣльно замѣчаетъ, что она должна очень мало думать о синтаксисѣ и очень

Digitized by Google

много о Пиррѣ и потому, занятая имъ постоянно, она къ нему одному относитъ всѣ мѣстоименія. Вы поступили точно такъ же, какъ Герміона: вы поставили на шестой страницѣ вашего письма «игрекъ» (мѣстоименіе), который по правилу грамматики не относится рѣшительно ни къ чему, но написанъ вами въ пылу страсти въ замѣну слова «Москва», которой теперь посвящены всѣ ваши нѣжные помыслы. Восхваленія тамошней публики краснорѣчивы. Я знаю два стихотворныя изображенія этой публики. Одно—въ комедіи, которую болѣе не играютъ по милости князя Шаховскаго, а другое—въ комедіи, которую, благодаря цензорамъ, никогда играть не будутъ [1]). Вы думаете не такъ, какъ эти два писателя, которые, повидимому, люди злые; которыхъ, по справедливости, отдаляютъ отъ сцены. Москвичи исполнены изящнаго вкуса, тонки, учтивы, деликанты: такъ-съ, слушаемъ. Вы мнѣ указывали на парижанъ, сударыня; но знаете ли, что между ними есть нѣкоторые громко жалующіеся на Тальма, на Мартенъ, на Дюшенуа, Жоржъ и даже на божественную Марсъ, упрекая ихъ за страсть къ вояжамъ и разъѣздамъ по большимъ провинціальнымъ городамъ. Насмѣшки въ сторону: вы до бѣшенства огорчаете меня... Какъ! Я пріѣду въ Петербургъ и не увижу васъ на сценѣ? Увы, это было одною изъ тѣхъ надеждъ, которыми я тѣшился! Итакъ, мнѣ придется проводить время за тяжбою: это довольно грустно! Впрочемъ, на семъ свѣтѣ худо и добро перемѣшаны. Неприглядность, безцвѣтность ожидающей меня жизни заставитъ меня прилежнѣе заниматься моей тяжбой; не бывая въ театрѣ, я сберегу нѣсколько рублей на свой столъ, которымъ порядочно затрудняюсь, ибо я разоренъ, какъ отставной офицеръ. Кстати объ офицерахъ. Мой поклонъ полковнику Цезаріону [2]), который вспомнилъ обо мнѣ: меня глубоко трогаетъ воспоминаніе моихъ старинныхъ товарищей. Видаете ли вы Бологовскаго, Хрущова? Гдѣ Барковъ? Вы бы хорошенько пожурили Жандра, который меня совершенно позабылъ, и Каратыгины не лучше его. Словомъ сказать, только вы, Бахтинъ и князь Голицынъ пишите ко мнѣ исправно, за что́ да вознаградитъ васъ небо! Надѣюсь увидѣться съ вами въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Я бы уже и уѣхалъ, но карманъ мой до того опустѣлъ, что средствъ нѣтъ; жду бумагъ, за тѣмъ чтобы часть моихъ имѣній заложить въ банкъ, и все опасаюсь гнусныхъ кляузъ нашихъ судовъ.

---

[1]) Первая комедія—„Сплетни“, передѣланныя Катенинымъ изъ Грессетовой комедіи „Le Méchant“. Представлена впервые 31-го декабря 1824 года. Имѣла замѣчательный успѣхъ. Другая—„Горе отъ ума“, представленная въ первый разъ только 26-го января 1831 г.

[2]) Павелъ Кесаревичъ Хвощинскій (род. 1790 г., ум. 1852), впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ.

Digitized by Google

Надѣюсь, также привезти вамъ три куска полотна [1]), вами мнѣ заказанные; два готовы, надъ третьимъ усердно работаютъ; ткачъ твердо увѣренъ, что понсовый цвѣтъ къ вамъ чудесно пойдетъ, а густой синій васъ обезобразитъ. Я думаю, что вы во всѣхъ цвѣтахъ будете прелестны: но мнѣ кажется, что понсовая нить тоньше и лучше выработана, нежели другая; вы рѣшите сами, когда все будетъ представлено на ваше усмотрѣніе. Не позабудьте сказать другому ткачу [2]), чтобы онъ поторопился. Стыдно ему будетъ запоздать и не выткать куска ткани въ то время, пока бѣдные сельскіе жители, загнанные, разоренные, погибшіе нашли средства услужить вамъ въ опредѣленный срокъ. Прошу васъ передать глубочайшій поклонъ вашей матушкѣ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я предложилъ ей одинъ вопросъ, на который жду отвѣта. Если у ней найдется то́, о чемъ я прошу, пусть покажетъ Каратыгинымъ: они все устроятъ къ моему пріѣзду. Все же я льщусь надеждою, что вы не уѣдете, не увидѣвъ меня: это было бы слишкомъ жестоко. Прощайте, сударыня, будьте здоровы и сохраните ко мнѣ дружбу, которой цѣну я вполнѣ чувствую. Павелъ Катенинъ.

XXII.

26-го іюля, 1826 г. Петербургъ.

Изволите видѣть, сударыня, что я исправно пишу къ вамъ. Оправились ли вы отъ путешествія? [3]) Какъ здоровье вашей maman? Порядкомъ ли вы устали? Бахтинъ уѣхалъ вчера; онъ, конечно, будетъ у васъ, но я предпочелъ написать по почтѣ: это во всякомъ случаѣ вѣрнѣе и скорѣе. Уѣзжая, онъ оставилъ мнѣ свой абонементный билетъ въ библіотекѣ Смирдина. Пробѣгая каталогъ, я, къ величайшему моему удивленію, нашелъ, что существуютъ старинные переводы многихъ піесъ, надъ которыми я трудился; я тотчасъ же послалъ за всѣми этими переводами. «Le Méchant», переведенный прозою въ 1817 году, никуда не годится [4]). «Дюпюи и Деронэ», тоже въ прозѣ, показались мнѣ не лучше; но что привело меня въ изумленіе, отъ котораго я теперь не

---

[1]) Намекъ на три дѣйствія „Баязета“. Шутка о разноцвѣтныхъ ниткахъ относится къ монологу „Аталиды“ въ этой трагедіи, въ которомъ героиня піесы говоритъ о снуркѣ, свитомъ ея руками и послужившемъ для удавленія Баязета.

[2]) Жандру.

[3]) Колосова ѣздила въ Москву въ іюнѣ 1826 г. для представленій во время празднествъ по случаю коронаціи императора Николая.

[4]) „Злой“. Переводъ принадлежитъ Н. П. Свѣчину.

Digitized by Google

могу опомниться,—это старый переводъ «Нечаяннаго заклада» [1]), напечатанный около пятидесяти лѣтъ тому назадъ и —превосходный! Ни одной извращенной фразы, очень мало неуловленныхъ тонкостей; слогъ, разумѣется, устарѣлый, но простой, благородный и часто изящный, до такой степени, что піесу можно было бы играть въ наше время, и гораздо лучше такого множества новѣйшихъ. Очень мнѣ досадно, что не знаю имени переводчика. Кстати обо всемъ этомъ: благоволите не позабыть на счетъ «Обмана въ пользу любви», что доля автора за трехъактную піесу—пятнадцатая часть со сбора безъ вычета расходовъ; въ противномъ случаѣ эта пятнадцатая часть превратится въ двадцатую, къ крайнему убытку бѣдной пишущей братіи; не упускайте теперь изъ виду ихъ выгодъ: важенъ первый шагъ. Говорю не ради личнаго моего интереса, ибо здѣсь разница во всякомъ случаѣ будетъ незначительная, но не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать. Въ прошлый четвергъ я былъ у графа Кутайсова [2]) и жаловался ему на недостатокъ вѣжливости въ г. Остолоповѣ [3]); мнѣ обѣщали поставить этого господина на приличную ногу. Все это прекрасно, но... вы хмуритесь? Хорошо, не скажу ни слова, но тѣмъ не менѣе—думаю. Когда будетъ коронація? Когда будетъ открытіе театровъ? Здѣсь ничего не знаютъ, вотъ почему я васъ и спрашиваю. Говорилъ ли я вамъ, что Базиль Каратыгинъ привелъ ко мнѣ молодаго человѣка, лѣтъ семнадцати, ростомъ почти съ него, красиваго собою, съ прекраснымъ голосомъ, который хочетъ играть роль Егиста. Я совѣтовалъ ему посерьезнѣе къ ней приготовиться, если онъ хочетъ далеко идти; онъ отправился обдумывать эту роль и опять, можетъ быть, побываетъ у меня черезъ нѣсколько дней. Но не дивитесь ли вы моей глупости: я забочусь о театрѣ, который, повидимому, обо мнѣ нисколько не заботится. По правдѣ сказать—краснѣю; но дайте срокъ; я все приведу въ порядокъ и какъ только пожну то, что посѣялъ, тогда меня болѣе сюда не заманятъ. Прощайте, сударыня, кланяйтесь вашей матушкѣ. Творите чудеса, очаровывайте москвичей; посреди вашихъ тріумфовъ не забывайте меня. П. Катенинъ.

---

[1]) Напечатанъ въ Москвѣ, въ 1779 году, безъ имени переводчика.

[2]) Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ (род. 1780 г., ум. 1840 г.) былъ членомъ комитета театральной дирекціи. Подъ его вѣдѣніемъ находилась русская и нѣмецкая труппы.

[3]) Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ (род. 1782 г., ум. 1833 г.), писатель и журналистъ, былъ въ то время директоромъ петербургскихъ театровъ.

Digitized by Google

XXIII.

9-го августа 1826 г. Петербургъ.

Вы требуете у меня новостей? У насъ ихъ немного, и мы крайне удивлены, получая ихъ такъ мало изъ Москвы, которая теперь истинное ихъ средоточіе. Тѣ новости, которыя могу вамъ сообщить отсюда, почти того и не заслуживаютъ; однако, вотъ онѣ. Семенова находитъ мой переводъ «Баязета» отвратительнымъ, вслѣдствіе чего у нея было на репетиціи нѣчто въ родѣ ссоры съ Каратыгинымъ. На неотразимое опроверженіе двадцати бѣлыхъ шаровъ она отвѣтила, что прочія роли (понимаете?) можетъ быть и хорошо обработаны, но что ея роль, Роксаны, никуда не годится, и что въ этомъ она удостовѣрилась по внимательномъ сличеніи перевода съ подлинникомъ [1]). Послѣ завтра надѣюсь начать мои уроки съ маленькимъ Астіанаксомъ [2]), и замѣтьте, что объ этомъ мнѣ пришлось порядочно похлопотать: вотъ это весьма поощрительно! Я слышалъ, что переписывается «Обманъ въ пользу любви»: подразумѣваю роли. Кстати, будетъ ли у насъ г-жа Сандунова [3]) на роль матери? Кромѣ того, словечко о служанкѣ: на эту роль—полувлюбленной, полу-кокетки, взрослой дитяти—не будетъ ли г-жа Сосницкая [4]) лучше всѣхъ другихъ? Впрочемъ, она возьмется за нее съ радостью, сыграетъ старательно, что́ также не слѣдуетъ упускать изъ виду; кромѣ того, этимъ будетъ очень доволенъ ея мужъ, у котораго

---

[1]) Дирекція возлагала большія надежды на піесу Катенина, но, несмотря на всѣ старанія, постановка „Андромахи“ не ладилась. Тогда комитетъ просилъ Е. С. Семенову, какъ первую трагическую актрису, дать свое мнѣніе относительно „Андромахи“ и вообще о ходѣ всего дѣла на сценѣ. Семенова дала неблагопріятный отзывъ о піесѣ и просила дирекцію передать назначенную ей роль другой актрисѣ. Кромѣ того, она заявила, что артистамъ необходимо имѣть опытнаго руководителя, который завѣдывалъ бы русской драматической сценой. Вслѣдствіе этого комитетъ нужнымъ счелъ учредить должность инспектора, которую, 14-го ноября 1826 г., и занялъ извѣстный потомъ писатель Р. М. Зотовъ (Танѣевъ. Изъ прошлаго императорскихъ театровъ. М. 1886, стр. 11—12).

[2]) Катенинъ въ это время приготовлялъ къ постановкѣ на сцену свою излюбленную трагедію „Андромаха“, которую началъ писать еще въ концѣ 1809 г. и кончилъ въ половинѣ 1818 г. Въ первый разъ „Андромаха“ была представлена 3-го февраля 1827 г. Колосова играла главную роль. Сына Андромахи, Астіанакса, играла актриса Ливенцова.

[3]) Елизавета Семеновна Сандунова, ур. Уранова (род. 1773 г., ум. 22-го ноября 1826 г.); была любимицей Екатерины II. Она превосходно играла комическихъ старухъ.

[4]) Елена Яковлевна, ур. Воробьева, жена Ивана Ивановича Сосницкаго. Род. въ 1800 г., ум. въ 1855 г.

Digitized by Google

свой разсчетъ, чтобы жена его была полезна театру. Какъ вы обо всемъ этомъ думаете? Я весьма склоняюсь на сторону Елены прекрасной. Ваша Елена прекрасная и добрая не подвигается; мое рвеніе въ настоящее время ослабѣло; оно вспыхнетъ въ одинъ прекрасный день, сверхъ всякаго чаянія. Хмельницкій читалъ мнѣ свою маленькую комедію; «Тартюфъ» пугаетъ его не безъ причины. Онъ открылъ одноактную комедію Форжо (кажется такъ) подъ названіемъ: «Испытанія» (Les Epreuves), въ четыре лица, какъ партія въ вистъ [1]); въ ней есть роль кузины, писанная для m-lle Конта, которая будетъ по васъ. Я былъ совѣщательнымъ членомъ въ этомъ дѣлѣ и одобрилъ похвальное намѣреніе перевести піесу; я предлагалъ ему также «Тайный бракъ» (le Mariage secret) [2]), но онъ не знаетъ этой піесы, и къ тому же одноактныя комедіи ему болѣе по вкусу: у каждаго—свой. Глубокіе поклоны вашей матушкѣ и г. Бахтину, если его увидите; ожидаю извѣстій отъ него и отъ васъ. Будьте здоровы! Пусть Москва любитъ васъ, вы же любите только Петербургъ. Поклонъ и почтеніе. Павелъ Катенинъ.

XXIV.

29-го августа 1826 г. Петербургъ.

Хотя мнѣ очень хорошо извѣстно, что вы весьма заняты, тѣмъ не менѣе, желаю, чтобы вы писали ко мнѣ на сколько вамъ возможно поболѣе; и я началъ уже безпокоиться, какъ вчерашнее ваше письмо меня успокоило. Душевно радъ, что вы и матушка ваша здоровы и поздравляю васъ съ успѣхомъ въ «Обманѣ въ пользу любви». Чтобы ничего не позабыть касательно піесы, скажу вамъ словечко о моей авторской долѣ. Я все надѣялся, что вы потрудитесь взять причитающіяся мнѣ деньги, и это, конечно, всего лучше; иначе, милая дирекція можетъ меня обсчитать, или, что́ почти одно и то же, заставить меня ждать. Второе представленіе здѣсь вовсе не важно; вопросъ не въ платежѣ, условленномъ и опредѣленномъ разъ навсегда, но въ долѣ, получаемой со сбора послѣ каждаго представленія. Всего короче было бы

---

[1]) Forgeot, Nicolas—драматическій писатель (род. 1758 г., ум. 1798 г.). „Les Epreuves"—его одноактная комедія, была поставлена на сценѣ театра „Comedie Française" въ 1785 году. Въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Взаимныя испытанія" (въ стихахъ) была поставлена у насъ въ 1829 году.

[2]) „Le Mariage secret"—комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Парижъ, 1786. Авторъ – Jean-Louis Brousse des Faucherets.

Digitized by Google

передавать вамъ ее въ собственныя руки на другой же день, а вы привезли бы мнѣ небольшую сумму сюда. Можетъ ли быть, что «Закладъ» вамъ не удался? Это ни болѣе ни менѣе какъ случайность; во всякомъ случаѣ вамъ не подобаетъ отступаться отъ роли, и если въ ней есть трудности, тѣмъ болѣе заслуги преодолѣть ихъ. Г-нъ Бахтинъ, будучи строже васъ изъ московскихъ вашихъ товарищей по піесѣ, хвалитъ только слугу-глупца и служанку и произноситъ поголовный приговоръ надъ всѣми въ «Обманѣ въ пользу любви», ибо о «Закладѣ» онъ мнѣ еще ничего не писалъ. Крайне сожалѣю, что г-жи Сандуновой еще не будетъ у насъ нѣсколько времени; придется рѣшиться дать роль Ежовой, ибо по здравомъ размышленіи и по выслушаніи всякаго совѣта вижу, что рѣзкій, крикливый и грубый тонъ госпожи Брокаръ болѣе присталъ къ ней, нежели къ Величкиной—старой дурындѣ съ такими же неприличными ухватками, но еще глупѣе Ежовой. Прочія роли уже распредѣлены. Базиль будетъ нашъ Сенъ-Клеръ; роль матери я приберегалъ въ той надеждѣ, что пріѣдетъ Елисавета Семеновна [1]), но за отсутствіемъ ея передамъ эту роль Катеринѣ Ивановнѣ [2]) завтра же; ибо я думаю, что чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и что пребываніе ваше вдали отъ насъ приближается къ своему сроку. Третьяго дня у меня былъ съ визитомъ графъ Кутайсовъ; на сихъ дняхъ намѣреваюсь быть у него и немножко поторопить «Андромахой». Не горюйте о вашей «Еленѣ»; работа моя подвигается и половина третьяго акта готова. Видите, я исправенъ и старателенъ. Ахъ, еслибы я столько же былъ и счастливъ! Князь Долгорукій [3]) получилъ, говорятъ, александровскую ленту: при свиданіи поздравьте его отъ меня. Хмельницкій нѣсколько дней тому назадъ просидѣлъ у меня весь вечеръ; онъ говоритъ, что уже написалъ до двухсотъ стиховъ своего перевода «Испытанія». Онъ предпринялъ его для васъ; увидимъ, какъ-то съ нимъ совладаетъ. Въ его стихахъ есть легкость, но въ нихъ рѣдокъ благородный тонъ хорошаго общества. Играете ли вы на Большомъ театрѣ? Тамошній сборъ долженъ быть значителенъ. Возвращайтесь поскорѣе; безъ васъ театръ хирѣетъ. Поклонъ Евгеніи Ивановнѣ. Вамъ—мое почтеніе. Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Сандунова.

[2]) Ежова.

[3]) Василій Васильевичъ (род. 1786 г., ум. 1858 г.), старшій членъ комитета театральной дирекціи, завѣдывавшій французскою труппою.

Digitized by Google

XXV.

6-го сентября 1826 г. Петербургъ.

Передайте вашей матушкѣ поклонъ отъ меня и отъ святаго семейства, которое глубоко тронуто ея воспоминаніемъ. Ихъ домашнія дѣла еще не устроены; добряку Дуэ нѣсколько затруднительно говорить по-русски, и у бѣднаго его учителя, вашего покорнѣйшаго слуги, все же менѣе досуга, чѣмъ бы слѣдовало имѣть съ семействомъ на рукахъ. Вотъ письмо въ контору. Вслѣдствіе вашихъ инструкцій, я выставилъ въ концѣ, чтобы постоянно выплачивали вамъ то, что мнѣ будетъ причитаться, потому что я рѣдко остаюсь на одномъ мѣстѣ; вашъ же адресъ, конечно, извѣстенъ при театрѣ. Такъ какъ вамъ удалась «Притворная невѣрность», то почему не играете вы ее на Большомъ театрѣ? Не приличнѣе ли для него эта піеса, нежели маленькая «Спальня»? Или почему бы не играть обѣихъ піесъ вмѣстѣ? Это не слишкомъ утомительно. Подумайте о m-lle Марсъ, которая часто разыгрываетъ по восьми актовъ подъ рядъ, тогда какъ здѣсь я считаю только четыре акта. Должно быть не всѣ видѣли васъ въ моемъ мариводажѣ [1]), такъ какъ другъ мой, князь Николай Голицынъ, не упоминаетъ о томъ въ своемъ письмѣ въ четыре страницы, наполненномъ восторженными похвалами вамъ и вашей игрѣ. Онъ говоритъ о «Закладѣ», «Валеріи», «Романѣ на одинъ часъ» [2]), «Мизантропѣ» и съ нетерпѣніемъ ждетъ вашего бенефиса. Базиль говорилъ мнѣ, что ваша maman явится въ немъ въ роли Изоры въ «Раулѣ—Синяя Борода». Желаю ей присоединить новый листокъ къ ея вѣнку. Здѣшній театръ жалости достоинъ. Вообразите, что опера, наша опера, отличается по крайней мѣрѣ своимъ усердіемъ, такъ какъ играютъ «Телемака», «Швейцарское семейство», «Іоанну д'Аркъ» и готовятся дать «Весталку». Балетъ держится смирно;

---

[1]) Слово м а р и в о д а ж ъ (marivaudage), вошедшее въ театральный словарь, означаетъ свѣтскую болтовню, въ которой шутки, любезности и фразы замѣняютъ умъ и смыслъ. Произошло это слово отъ фамиліи Marivoux (Marivaux, Pierre, драматическій авторъ, род. 1688 г., умеръ въ 1763 г.), написавшаго массу комедій. „Fausses confidences" была поставлена первый разъ 16-го марта 1737 года. Комедіи его отличались психологіей женской души: женщина у него стояла на первомъ планѣ. Поэтому-то Марсъ совѣтовала Колосовой найдти себѣ хорошаго переводчика для комедій Мариво (Русск. Вѣстникъ 1881 г., № 4, стр. 577).

[2]) Соч. Дюмолара и Костера Пер съ франц. Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ. Представлена въ первый разъ 2-го іюня 1820 г.

*

Digitized by Google

комедіею овладѣли новыя піесы г. Бориса Ѳедорова [1]), а трагедія, угостивъ два раза добрыхъ патріотовъ «Пожарскимъ на конѣ» [2]), готовится потѣшить романтиковъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» [3]). Ни объ «Андромахѣ», ни о «Баязетѣ» болѣе не думаютъ, что́ мнѣ ни мало не весело, но что дѣлать! Нуженъ былъ счетчикъ, какъ говоритъ Фигаро, и избрали г. Остолопова. Вы спрашиваете о новостяхъ: ихъ нѣтъ. Вамъ не любопытны, я думаю, ни маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ, ни маскарадъ мѣщанскій, ни шереметьевскій фейерверкъ. Все это, впрочемъ, въ четырехъ шагахъ отъ васъ, и вы, я думаю, всѣмъ этимъ утомлены. Мой гость Зыковъ уѣхалъ наконецъ; наступила минута, когда мнѣ пришлось бы имѣть изъ-за него непріятности; однако же онъ, при первой возможности, ускакалъ. Все это, по правдѣ сказать, очень скучно, непріятно и безсмысленно [4]). Продолжаете ли вы вести переписку съ княземъ Тюфякинымъ? Если—да, то напишите ему, чтобы онъ купилъ всѣ сочиненія Казиміра де-Лавиня, напечатанныя съ 1824 года, и прислалъ вамъ чрезъ какого-нибудь курьера, или съ другой вѣрной оказіей, ибо свободный ввозъ книгъ, Богъ вѣсть почему, воспрещенъ. Этимъ вы сдѣлаете доброе дѣло. Прощайте; я думаю—это мое послѣднее письмо. Возвращайтесь скорѣе. Глубоко кланяюсь. Павелъ Катенинъ.

Сообщ. **В. Ѳ. Боцяновскій.**

---

[1]) Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ (род. 1799 г., ум. 1875 г), одинъ изъ плодовитѣйшихъ русскихъ писателей, прозаикъ и стихотворецъ.

[2]) „Пожарскій"—трагедія М. В. Крюковскаго, появившаяся на сценѣ еще въ 1807 году.

[3]) „Керимъ-Гирей, крымскій ханъ", романтическая трилогія князя Шаховскаго. 1-я часть трилогіи: Татарскій станъ; 2-я—Польскій замокъ и 3-я—Бахчисарайскій фонтанъ. Содержаніе взято изъ поэмы Пушкина, большая часть стиховъ котораго сохранена. Музыка соч. Кавоса. Представлена въ первый разъ 28-го сентября 1825 г.

[4]) Упоминаемый Зыковъ былъ знакомъ со многими декабристами, почему его и призывали въ слѣдственную коммиссію. Требовали и Катенина, но ни тотъ, ни другой никакому взысканію не подверглись. (П. К.).

Digitized by Google

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Матеріалы и замѣтки.

I.

Къ исторіи воцаренія императрицы Елизаветы Петровны.

Хотя эпизодъ воцаренія Елизаветы Петровны въ исторіи и періодической литературѣ раскрытъ до нѣкоторой степени ясно и полно, тѣмъ не менѣе нижеприведенный разсказъ объ этомъ событіи будетъ не лишенъ нѣкотораго интереса.

Недавно встрѣтился я съ однимъ моимъ пріятелемъ, слово за слово о разныхъ историческихъ матеріяхъ, мы договорились съ нимъ до воцаренія Елизаветы Петровны.

— Позвольте,—сказалъ мой пріятель, ко мнѣ недавно пріѣхала моя родная матушка-старушка, лѣтъ около 80; она что-то знаетъ объ этомъ событіи.

Любя изысканія въ области исторіи и археологіи, я всегда, при всякой малѣйшей возможности, съ охотою вызывался на бесѣду съ старцами о временахъ давно минувшихъ дней, имѣя въ виду, путемъ преданій, получить свѣдѣнія о такихъ историческихъ событіяхъ, которыя или не выяснены въ исторіи, или совершенно отсутствуютъ въ ней. Такъ и на сей разъ я попросилъ моего пріятеля нѣсколько побезпокоить его матушку-старушку. Старушка эта, жена умершаго діакона погоста Зяблицкаго, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи, Надежда Ивановна, разсказала мнѣ, какъ умѣла, о занимавшемъ меня историческомъ событіи. Но разсказъ ея былъ главнымъ образомъ о ея близкомъ родственникѣ, главномъ агитаторѣ переворота 25-го ноября 1741 года, Максимѣ Андреевичѣ Нагибѣ. Такъ какъ Надежда Ивановна больше отвѣчала на мои вопросы, нежели разсказывала, то изъ отвѣтовъ ея выяснилось слѣдующее.

Максимъ Андреевичъ Нагиба былъ сынъ священника села Голенищева, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Это былъ человѣкъ высокаго роста, красивый собой и съ атлетической силой. Учился ли гдѣ Нагиба,—Надежда

Digitized by Google

Ивановна не знаетъ; знаетъ только, что онъ взятъ въ солдаты и поступилъ въ гвардію. Веселый нравомъ, общительный съ товарищами и какъ человѣкъ, далеко не глупый, онъ пользовался особенною любовію среди гвардейцевъ и значительнымъ довѣріемъ отъ начальства.

Вопросъ, выступившій тогда на сцену о незаконности царствованія малолѣтняго Іоанна Антоновича, въ ущербъ прямой наслѣдницѣ престола, Елизаветѣ Петровнѣ, Нагиба принялъ близко къ сердцу; онъ сразу понялъ интересъ Россіи имѣть на престолѣ дочь Великаго Преобразователя. Когда мысль о возведеніи на престолъ Елизавету Петровну въ средѣ ея приверженцевъ достаточно созрѣла и въ нее Нагиба до нѣкоторой степени былъ посвященъ, онъ началъ слегка распространять ее среди солдатъ-гвардейцевъ. Способъ распространенія имъ этой мысли былъ довольно простъ. Подойдетъ бывало къ одному солдатику и слово за слово начинаетъ его выпытывать о томъ, какъ онъ думаетъ о царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Если собесѣдникъ при этомъ оказывался неподатливымъ, трусоватымъ, или вовсе не раздѣлялъ его мыслей, то скажетъ ему обыкновенно: «смотри, я тебѣ объ этомъ ничего не говорилъ» [1]), и пойдетъ къ другому, третьему, съ тѣмъ же пріемомъ. Впрочемъ, Нагибѣ рѣдко приходилось слышать отъ вербуемыхъ имъ солдатъ отрицательные отвѣты. Сторонники же Елизаветы Петровны, въ высшихъ кругахъ гвардіи, строили планъ переворота и приводили его уже къ концу; главными же исполнителями этого плана была рота гвардейцевъ, во главѣ которой стоялъ Нагиба. Въ назначенный день и часъ Нагибѣ дали порученіе привезти Елизавету Петровну во дворецъ и арестовать Іоанна Антоновича и его родителей.

Нагиба ко времени выполненія возложеннаго на него плана имѣлъ уже въ распоряженіи своемъ 40 отборныхъ и вѣрныхъ ему гвардейцевъ. Въ назначенный день и часъ одна часть этихъ гвардейцевъ должна была идти ко дворцу Іоанна Антоновича, а другая, во главѣ которой стоялъ Нагиба, отправиться къ Царицинскому лугу, въ Смольный дворецъ, за Елизаветой Петровной. Цесаревна была уже готова. Нагиба усадилъ ее въ легкія санки, самъ сѣлъ на облучекъ и поѣхали. Время было хододное, цесаревна второпяхъ ли, или по другимъ какимъ соображеніямъ, одѣлась недостаточно тепло; дорогой значительно прозябла.

— Матушка, вы, я вижу, озябли, замѣтилъ цесаревнѣ Нагиба, нате-ка мою шинель и варешки.

— Какія теплыя варешки, сказала Елизавета Петровна.

— У насъ, матушка, кровь солдатская, горячая, проговорилъ Нагиба, минуту продержимъ на рукахъ и хоть что нагрѣемъ.

Пріѣхавъ ко дворцу, Нагиба нашелъ тутъ всѣхъ своихъ товарищей по задуманному дѣлу, и тотчасъ по командѣ его арестованы были часовые у дворца,

---

[1]) Подлинное выраженіе Надежды Ивановны.

Digitized by Google

послѣ чего всѣ гвардейцы быстро взошли во дворецъ, а съ ними и Елизавета Петровна. Здѣсь тоже дѣло не обошлось безъ арестовъ, проникли во внутренніе покои Іоанна Антоновича и его родителей, и всѣхъ ихъ арестовали. Солдаты взяли на руки Іоанна Антоновича и понесли изъ дворца. Елизавета Петровна, увидавъ въ это время малютку въ рукахъ у солдатъ, сказала имъ: «поберегите его—это мой крестникъ», сама взяла у солдата изъ рукъ малютку и бережно вынесла его въ дальній корридоръ дворца.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, Нагиба откомандированъ былъ съ пятью другими гвардейцами отвезти Іоанна Антоновича и его семейныхъ, по словамъ Надежды Ивановны, въ ссылку—въ Сибирь.

— Какъ же, Надежда Ивановна, замѣтилъ я, вѣдь Іоаннъ Антоновичъ и его семейные, какъ извѣстно мнѣ, отправлены были не въ Сибирь, а въ Холмогоры.

— Ну, ужь коли отправлены въ ссылку, то значитъ въ Сибирь, съ нѣкоторою положительностію въ тонѣ отвѣтила мнѣ собесѣдница.

Нагиба съ товарищами почему-то долго не возвращались изъ этой командировки. Между тѣмъ, въ ихъ отсутствіе, гвардейцы, принимавшіе участіе при воцареніи Елизаветы Петровны, награждены были и чинами, и деньгами, и нѣкоторые даже помѣстьями. Слухъ о таковыхъ наградахъ поселилъ въ Нагибѣ нѣкоторую зависть и досаду. По возвращеніи изъ командировки, Елизавета Петровна не оставила и его своею милостію: Нагиба пожалованъ былъ чиномъ полковника и двумя деревнями, близъ его родины, Ефаново и Ефремово [1]). Нагиба хотя и принялъ царскій подарокъ, но, находясь уже въ отставкѣ, жить въ дарственныхъ деревняхъ не захотѣлъ. Уѣхалъ въ городъ Пошехонье, Ярославской губерніи, и тамъ проживалъ до своей смерти.

— Что же это значитъ, Максимъ Андреевичъ не захотѣлъ жить въ дарственномъ ему помѣстьи, и при томъ близъ своей родины, спросилъ я свою собесѣдницу.

— Какъ можно ему было тамъ жить, всякъ его зналъ тамъ, а какой онъ помѣщикъ... Да и жену-то онъ взялъ, какъ я слышала, въ Пошехоньи, туда съ ней и уѣхалъ.

— Дѣти были у него?

— Какъ же—дочь Надежда; сама матушка государыня была воспріемницей.

Долго ли Нагиба жилъ въ Пошехоньи, разсказчица подлинно не знаетъ; знаетъ только, что послѣ смерти Максима Андреевича ни жена, ни дочь не жили въ дарственныхъ деревняхъ. Послѣ смерти жены и дочери Нагибы, прямой наслѣдницей оказалась его родная племянница, Татьяна Михайловна, бывшая въ замужествѣ за священникомъ въ селѣ Казаковѣ, Муромскаго уѣзда, умершая 80 лѣтъ, но и она по какой-то неопредѣленной боязни не заявила своихъ правъ на деревни. Такимъ образомъ, обѣ деревни, за неоказавшимися наслѣдниками послѣ М. А. Нагибы, поступили въ казну.

Священникъ **Павелъ Ильинскій.**

[1]) Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда.

Digitized by Google

II.

О памятникахъ князю Кутузову-Смоленскому и его сподвижникамъ.

Генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій скончался 16-го апрѣля 1813 года въ городѣ Бунцлау (Bunzlau), въ прусской Силезіи. Черезъ девять дней (25-го апрѣля) императоръ Александръ Павловичъ подписалъ въ Дрезденѣ слѣдующій рескриптъ на имя вдовы князя: «Княгиня Катерина Ильинишна. Судьбы Всевышняго, которымъ никто смертный воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, опредѣлили супругу вашему, свѣтлѣйшему князю Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленскому, посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей преселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря! Не вы однѣ проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же уважать землю, порождающую толь великихъ мужей. Все получаемое имъ содержаніе велѣлъ Я производить вамъ. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ» [1]). — Черезъ 13-ть лѣтъ императоръ Николай Павло-

---

[1]) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская, дочь инженеръ-генералъ-поручика Ильи Андреевича Бибикова, вступила въ супружество съ княземъ Михаиломъ Илларіоновичемъ 27-го апрѣля 1778 года, когда онъ былъ еще въ чинѣ полковника. Въ день коронаціи императора Павла I (5-го апрѣля 1797 г.) княгиня Екатерина Ильинична пожалована была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины; званіе статсъ-дамы она получила 30-го августа 1812 года въ память заслугъ супруга ея въ Бородинскомъ сраженіи. Въ 1813 году, по Высочайшему повелѣнію отъ 4-го декабря, ей было назначено въ пожизненную пенсію полное заграничное содержаніе покойнаго мужа (86 тысячъ руб. ассигн.). Княгиня погребена въ Петербургѣ въ Александро-Невской лаврѣ въ церкви Сошествія Святаго Духа. На могилѣ ея сдѣлана слѣдующая надпись: „Здѣсь преданъ землѣ тлѣнный покровъ чистѣйшія души княгини Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, урожденной Бибиковой, супруги главнаго вождя всѣхъ россійскихъ войскъ во время Отечественной войны 1812 года; родилась 5-го ноября 1754 года; къ сердечной горести всѣхъ ея ближайшихъ, всѣхъ ее знавшихъ, скончалась, не достигнувъ 70-ти лѣтъ, 23-го іюля 1824 года".

Digitized by Google

вичъ почтилъ память князя Кутузова новымъ знакомъ монаршаго уваженія къ его заслугамъ. Въ 1826 году 17-го августа въ Москвѣ отданъ былъ слѣдующій Высочайшій приказъ: «Его Величество, желая почтить память россійскихъ полководцевъ: генералъ-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, генералъ-фельдмаршаловъ: князя Кутузова-Смоленскаго и князя Барклай-де-Толли, военными доблестями своими возведшихъ россійское оружіе на столь высокую степень славы, и дабы знаменитыя имена сіи, хранящіяся въ памяти посѣдѣвшихъ подъ побѣдоносными знаменами, возбуждали вящшее въ молодыхъ воинахъ воспоминаніе объ одержанныхъ побѣдахъ и о славѣ побѣдоноснаго россійскаго оружія,—Высочайше повелѣть соизволилъ: именоваться впредь: Малороссійскому гренадерскому полку—Гренадерскимъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полкомъ, Фанагорійскому гренадерскому полку—Гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова полкомъ, Псковскому пѣхотному полку — пѣхотнымъ фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкомъ [1]) и 2-му Карабинерному полку—Карабинернымъ фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкомъ».

Въ 1818 году 23-го сентября послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе на имя управляющаго министерствомъ полиціи: «Прославляя безсмертныя дѣянія временъ минувшихъ, изъявимъ справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени: слава генералъ-фельдмаршаловъ, князей Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и Барклая-де-Толли требуетъ также достойныхъ памятниковъ, коими украсятся двѣ площади передъ соборнымъ храмомъ Казанскія Божіей Матери, гдѣ россіяне видятъ многочисленные трофеи побѣдъ своихъ, дарованныхъ намъ Господомъ и благословенныхъ человѣчествомъ». Оба памятника исполнены по проекту художника Бориса Ивановича Орловскаго, ученика знаменитаго Торвальдсена [2]), а вылиты (въ 1836 г.) Якимовымъ, извѣстнымъ еще ранѣе художественнымъ изготовленіемъ памятника Минину и Пожарскому въ Москвѣ. На существующихъ монументахъ Кутузовъ представленъ съ открытою головою, въ генеральскомъ мундирѣ, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ лѣвой рукѣ и обнаженною шпагой въ правой; Барклай-де-Толли въ такомъ же положеніи, но шпага его въ ножнахъ и правая рука поддерживаетъ плащъ. У ногъ каждаго по одному французскому знамени съ переломленными древками. Оба памятника утверждены на

---

[1]) Князь М. И. Кутузовъ былъ шефомъ этого полка съ 1799 по 1813 годъ. Нынѣ этотъ полкъ (№ 11-й) числится во 2-й бригадѣ 3-й пѣхотной дивизіи. Въ 1799 году (29-го октября) полкъ этотъ былъ названъ мушкатерскимъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова полкомъ. Но въ 1801 году (31-го марта), уже въ царствованіе императора Александра I, переименованъ въ Псковскій мушкатерскій безъ имени шефа.

[2]) Б. И. Орловскій скончался въ 1837 году. Онъ по происхожденію былъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Digitized by Google

четырехугольныхъ гранитныхъ пьедесталахъ. На одномъ изъ нихъ надпись: «Фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому, 1812». На другомъ: «Фельдмаршалу князю Барклай-де-Толли. 1812, 1813, 1814 и 1815». Открытіе памятниковъ происходило 29-го декабря 1837 года. Въ 11-ть часовъ, всѣ войска, бывшія въ Петербургѣ, выстроились на Адмиралтейской площади. Въ полдень императоръ Николай Павловичъ, объѣхавъ ряды войскъ, повелъ ихъ лично на Невскій проспектъ. Поравнявшись съ памятникомъ Барклая-де-Толли, государь остановилъ войско, которое сдѣлало на караулъ и воскликнуло «ура» въ честь полководца, начавшаго военныя дѣйствія въ 1812 году и черезъ двадцать мѣсяцевъ приведшаго русскія войска въ Парижъ. Потомъ государь остановился у памятника Кутузова и отдалъ честь... Раздалось вторично громогласное «ура!»

Ближайшею причиною кончины князя М. И. Кутузова на 68-мъ году отъ рожденія (онъ родился 5-го сентября 1745 года) была нервическая горячка, осложненная паралитическими припадками. Сохранился слѣдующій разсказъ о причинѣ болѣзни фельдмаршала: Жители города Гейнау, узнавъ, что императоръ Александръ въ ихъ городѣ и что Кутузовъ тамъ, рѣшились сдѣлать ему овацію. Красивѣйшія дамы и дѣвицы города, съ вѣнками и гирляндами изъ розъ, лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, ожидали выхода его изъ дома, въ которомъ онъ остановился. Когда онъ (т. е. Кутузовъ) явился, чтобы отправиться въ квартиру государя, тогда красавицы окружили его, останавливали на пути и буквально засыпали его вѣнками и увѣшали гирляндами, называя своимъ спасителемъ (Erlöser). Кутузовъ былъ глубоко тронутъ; остановился и наговорилъ имъ любезностей. Обманчивый апрѣльскій день охватилъ его холодомъ. Выходя отъ государя, князь сказалъ своему адъютанту Монтрезору: «Я продрогъ; достань мнѣ черезъ камердинера рюмку водки».—8 (20) апрѣля уже трудно больной онъ получилъ радостную вѣсть о сдачѣ русскимъ войскамъ крѣпости Торна. Но несравненно болѣе на смертномъ одрѣ осчастливило посѣщеніе, которымъ почтили больнаго фельдмаршала, 11 (23) апрѣля, обожаемый имъ государь императоръ и прусскій король [1]).

По Высочайшему повелѣнію набальзамированные останки князя Кутузова были перевезены изъ Бунцлау въ Петербургъ и положены въ соборѣ во имя Казанской Божіей Матери (на Невскомъ проспектѣ). Могила фельдмаршала находится въ западной части сѣвернаго придѣла собора. Она окружена же-

---

[1]) „Русская Старина“ 1874 г. № 57 (томъ X), стр. 380—381; статья: „Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову въ Силезіи“. (Статья составлена Ѳ. Д. Нордманомъ).

Digitized by Google

лѣзною рѣшеткою, украшенною бронзою и гербомъ князя. Надъ гробницею на стѣнѣ изображено чудо отъ иконы Казанской Божіей Матери, совершившееся въ 1812 году, ниже помѣщена небольшая икона Смоленской Божіей Матери въ окладѣ и передъ нею неугасимая лампада, которую держитъ одноглавый орелъ на лавровомъ вѣнкѣ. Подъ этою иконою вставлена металлическая доска съ надписью: «Князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій. Родился въ 1745 году, скончался въ 1813 въ городѣ Бунцлау». При его гробницѣ установлено совершать панихиды 6 сентября, 8 ноября (въ день его ангела) и 16 апрѣля [1]).

Въ самомъ городѣ Бунцлау сохраняется домъ, въ которомъ въ верхнемъ этажѣ (съ лѣвой стороны), въ угловой комнатѣ объ одномъ окнѣ, скончался знаменитый нашъ полководецъ. — Въ 1813 году домъ этотъ принадлежалъ маіору фонъ-деръ-Марку. — Домъ находится на углу Николаевской и Замковой улицъ (Nicolai und Schlos Strasse) и въ то время считался едва-ли не лучшимъ домомъ въ Бунцлау. — Кромѣ того тамъ же, на городской площади воздвигнутъ, по повелѣнію прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, особый монументъ въ честь Кутузова. Изъ сохранившихся свѣдѣній видно, что 7 (19) іюля 1819 года королевское правительство изъ Майнца увѣдомило магистратъ города Бунцлау, что король рѣшилъ воздвигнуть монументъ доблестному князю Кутузову въ этомъ городѣ, мѣстѣ его кончины. Для этого было избрано мѣсто противъ гауптвахты. Первый камень въ основаніе положенъ былъ 5 (17) іюля президентомъ королевскаго правленія въ Майнцѣ, Кикгеромъ, «въ память 16 (28) апрѣля 1812 года здѣсь скончавшемуся, ранами покрытому россійско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому». Рисунокъ памятника составилъ оберъ-архитекторъ Шинкель. Фигуры львовъ моделировалъ директоръ Шадовъ. Памятникъ состоитъ изъ чугуннаго обелиска высотою въ 38 футовъ 10 дюймовъ. Его тяжесть болѣе 600 центнеровъ (почти 1884 пуда). У подножія покоятся четыре льва въ натуральную величину. На памятникѣ черезъ огонь позолоченными латинскими и русскими буквами находятся слѣдующія надписи: 1) «Ему посвятилъ этотъ скромный памятникъ Фридрихъ-Вильгельмъ III.—Кутузовъ родился 5 сентября 1745 года, умеръ 17 апрѣля 1813 года», и 2) «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россійскія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя!» Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе орденовъ, которые имѣлъ фельдмаршалъ [2]).

---

[1]) Рисунокъ могилы помѣщенъ тамъ же.

[2]) Князь Кутузовъ имѣлъ слѣдующіе ордена: русскіе: Св. Андрея (11 янв. 1800 г.), бриллiантовые знаки этого ордена получилъ въ декабрѣ 1812 г.; св. Георгія 1 ст. (12 дек. 1812 г.), 2-й ст. (18 марта 1792 г.), 3-й ст.

Digitized by Google

Есть въ Бунцлау еще и другой памятникъ, сооруженный на мѣстѣ, гдѣ погребены были внутренности Кутузова, вынутыя при бальзамированіи его тѣла. Этотъ памятникъ находится въ лѣсу, гдѣ въ 1813 г. было нынѣ упраздненное Бунцлауское кладбище. Памятникъ представляетъ сломанную колонну, на античномъ цоколѣ; около середины ея наброшенъ лавровый вѣнокъ; нижнюю часть обвиваетъ змѣя,—символъ вѣчности. По четыремъ сторонамъ цоколя надписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «Здѣсь Кутузовъ-Смоленскій перешелъ изъ этой жизни въ лучшій міръ 16 (28) апрѣля 1813 года».

Вокругъ этого памятника—крытая желѣзная ограда. Внутренности Кутузова были похоронены 26 апрѣля (8 мая) 1813 года въ небольшомъ свинцовомъ гробѣ. Самая могила устроена на холмѣ, въ мѣстности, называемой Тилендорфъ, въ 200 шагахъ отъ большой дороги изъ Силезіи въ Саксонію, по которой прошли въ свое время десятки тысячъ русскихъ войскъ. Упоминая объ этомъ памятникѣ, нельзя не привести того знаменательнаго факта, что памятникъ былъ забытъ долгое время даже самими жителями Бунцлау. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ напечатаны были только въ 1874 году въ «Русской Старинѣ» [1]).

Къ числу памятниковъ въ честь Кутузова слѣдуетъ отнести еще «Фонтанъ Кутузова», находящійся на дорогѣ изъ Симферополя въ Алушту, близъ татарской деревни Шумы, въ 10 верстахъ отъ Алушты, въ мѣстности, откуда открывается великолѣпный видъ на Чатыръ-Дагъ. Фонтанъ сдѣланъ изъ крымскаго порфира—съ такимъ же водоемомъ. На фонтанѣ надпись: «Близъ сего мѣста въ сраженіи противу турокъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ, что послѣ былъ фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ,—раненъ въ глазъ». Извѣстно, какую опасную рану получилъ въ 1774 г. Кутузовъ: въ то время, когда онъ со знаменемъ въ рукѣ шелъ впереди на штурмъ непріятельскаго лагеря, пуля ударила въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза; но рана, къ общему удивленію, не оказалась смертельною, но Кутузовъ лишился

(21 марта 1791 г.) и 4-й ст. (24 ноября 1775 г.); св. Владиміра 1-й ст. (24 февр. 1806 г.), 2-й ст. (1787 г.); св. Александра Невскаго (8 сент. 1790 г.); св. Анны (21 апр. 1789 г.); иностранные: Австрійскій военный Маріи Терезіи 1 ст. (въ исходѣ 1806 г.) и Прусскій Чернаго Орла (въ мартѣ 1812 г.). Въ 1811 г. за подвиги противъ турокъ Кутузовъ получилъ портретъ императора Александра I, алмазами украшенный для ношенія на груди; за Тарутинскую побѣду (6 окт. 1812 г.) ему пожалована была украшенная алмазами золотая шпага съ лавровыми вѣнками.

[1]) Т. X, стр. 377—382.—Статья озаглавлена: „Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову въ Силезіи“; она составлена вице-адмираломъ Ѳ. Д. Нордманомъ по разсказамъ очевидцевъ и розысканіямъ на мѣстѣ въ Бунцлау.—Сообщенные Ѳ. Д. Нордманомъ рисунки: дома, гдѣ скончался Кутузовъ, и памятниковъ ему помѣщены въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. т. V и 1874 г. т. X.

Digitized by Google

глаза. За этотъ подвигъ императрица Екатерина наградила Кутузова (тогда еще имѣвшаго чинъ подполковника) на 30 году его жизни, орденомъ св. Георгія 4 ст. (26 ноября 1775 года).

Очень жаль, что въ нынѣшней крѣпости Очаковѣ ничто не напоминаетъ о славномъ участіи Кутузова при взятіи Очакова (въ 1788 г.), когда Кутузовъ получилъ другую необыкновенную рану: пулей навылетъ въ щеку черезъ затылокъ. По поводу этой раны извѣстный медикъ Массонъ писалъ князю Потемкину: «Еслибы мы не были свидѣтелями, то почли бы разсказъ о ранѣ Кутузова сказкою. Видно судьба бережетъ его голову на что нибудь необыкновенное, когда она уцѣлѣла послѣ двухъ столь губительныхъ ранъ».

Имя Кутузова увѣковѣчено слѣдующими лаконическими словами, начертанными на одной изъ надписей на знаменитомъ Бородинскомъ памятникѣ: «Кутузовъ, Барклай-де-Толли, Багратіонъ». На памятникѣ въ с. Тарутино (Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы),—сдѣлана такая надпись: «На семъ мѣстѣ россійское воинство, предводимое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, спасло Россію и Европу» [1]).

Нельзя не отнести къ числу памятниковъ имени Кутузова и пожалованіи ему указомъ отъ 13-го ноября 1812 года титула «Смоленскаго», въ память освобожденія Смоленска и сраженія при Красномъ. До этого времени увѣковѣчены были особыми прибавительными къ фамиліямъ титулами только пять знаменитыхъ полководцевъ и сподвижниковъ Екатерины II: графъ Суворовъ-Рымникскій, пожалованный потомъ императоромъ Павломъ I княземъ Италійскимъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, князь Потемкинъ-Таврическій, князь Долгоруковъ-Крымскій и графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.—Позднѣе, въ царствованіе императора Николая I, къ этимъ славнымъ именамъ прибавились имена: князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго и графа Дибича-Забалканскаго. Въ царствованіе покойнаго государя Александра, графу Н. Н. Муравьеву за заслуги по присоединенію къ Россіи Амурскаго края пожаловано было прибавленіе къ его фамиліи названія «Амурскій».

Любопытно то, что̀ нынѣ напоминаетъ объ имени «Смоленскаго князя» въ г. Смоленскѣ. Надъ одними изъ городскихъ воротъ находится церковь во имя Божіей Матери Смоленской,—древняя копія въ большихъ размѣровъ съ Мономаховой иконы.—Въ 1812 году во время битвы подъ Смоленскомъ (4-го августа), когда городъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ, вдругъ около Днѣпровскихъ воротъ раздались крики: «Спасайте икону Заступницы!»—Нѣсколько сол-

---

[1]) Бородинскій памятникъ, сооруженный по мысли императора Николая I, открытъ былъ 26 августа 1839 года. Памятникъ въ с. Тарутино открытъ 25 іюня 1834 г. и замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что сооруженъ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцевымъ на деньги, внесенныя ему поселянами с. Тарутино за освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Digitized by Google

датъ бросились въ храмъ и вынесли икону, которая затѣмъ и оставалась при арміи три мѣсяца. Наканунѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ приказалъ пронести именно эту икону по всему лагерю и отслужить молебенъ. По изгнаніи французовъ изъ Смоленска, икона была 10-го ноября возвращена городу изъ арміи. Въ память всѣхъ этихъ событій въ церкви устроена была икона-картина, изображающая икону Божіей Матери и передъ нею колѣнопреклоненное войско. Посрединѣ возвышается широкій бѣлый столбъ съ надписью: «Славься, Россія, вѣрными своими сынами, героями, побѣдившими врага Бонапарта съ многочисленнѣйшими его силами, —двадцать народовъ, и прогнавшими его, супостата; до-чиста за предѣлы съ лица земли любезнѣйшаго своего отечества въ 1812 году».—На картинѣ по одну сторону колѣнопреклоненной арміи изображены за иконой сама Пресвятая дѣва Марія, а по другую—архангелъ Михаилъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ. На верху—Господь Саваоѳъ;вокругъ Него на облакахъ справа и слѣва—трубящіе ангелы. Надъ этимъ изображеніемъ надпись: «Изображеніе достопамятнаго событія близъ столицы Москвы, августа мѣсяца 20 дня». Внизу картины двухглавый орелъ держитъ лавровый вѣнокъ, въ которомъ слова: «Всѣмъ соотчичамъ, подвизавшимся доблестями противъ врага Бонапарта въ 1812 году генералъ-маіоръ и Командоръ Семенъ Вистицкій». Наконецъ еще надпись по сторонамъ вѣнка: «Главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, князь Михаилъ Барклай-де-толли, князь Петръ Багратіонъ, квартирмейстеръ генералъ Вистицкій, близкій ихъ соучастникъ во всѣхъ ихъ распоряженіяхъ, со всѣмъ генералитетомъ и съ прочими чиновниками и все войско съ колѣнопреклоненіемъ молятся иконѣ Смоленской Божіей Матери, призывая Ее, Пресвятую Богородицу, Заступницу, на помощь побѣдить врага Бонапарта.—Когда Россійское воинство совершало молебствіе иконѣ Смоленской Божіей Матери, въ то самое время врагъ Бонапартъ съ своими маршалами и со свитою, одоль рекогносцировали мѣста положенія передъ начатіемъ Бородинскаго кроваваго сраженія, продолжавшагося рано съ утрія во весь день до полуночи, производившаго съ обѣихъ сторонъ—безпрерывно жаркую пушечную ядрами и картечами изъ тысячи орудій пальбою и безчисленностью ружейными выстрѣлами. Августа 26 дня» [1]).

Имя главнаго вождя народныхъ русскихъ силъ въ 1812 году, князя Кутузова, увѣковѣчено также изображеніемъ фельдмаршала на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, торжественно открытомъ 8-го сентября 1862 г. На томъ же монументѣ изображены и другіе вожди, наиболѣе прославившіеся въ эту достопамятную эпоху: князь Барклай-де-Толли и графъ Платовъ. Поэтому считаемъ умѣ-

---

[1]) Въ надписяхъ сохраненъ слогъ и выраженія памятниковъ.—Эти надписи напечатаны въ статьѣ г-жи Т. Толычевой: „Смоленскъ и его преданія о 1812 годѣ„ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. № 11.

Digitized by Google

стнымъ привести здѣсь нѣсколько свѣдѣній также и о существующихъ памятникахъ вышеупомянутымъ лицамъ.

О памятникѣ, сооруженномъ въ честь князя М. Б. Барклая-де-Толли въ Петербургѣ, и объ увѣковѣченіи именъ Барклая-де-Толли и Багратіона на Бородинскомъ памятникѣ сказано выше. Но кромѣ того, въ честь князя Барклая-де-Толли, существуетъ ему особый монументъ въ г. Юрьевѣ (бывшій Дерптъ). Памятникъ этотъ открытъ 11 ноября 1849 года. Онъ сдѣланъ изъ тесанаго гранита. Надъ цоколемъ, увѣнчивающимъ пьедесталъ, возвышается колоссальный бронзовый бюстъ фельдмаршала съ непокрытою головою. Бюстъ исполненъ по рисунку, составленному въ Императорской академіи художествъ архитекторомъ Щедриным ъ. По сторонамъ цоколя доски съ надписями, надъ которыми изображены изъ бронзы всѣ роды войскъ, бывшіе подъ начальствомъ фельдмаршала. На призмѣ, поддерживающей бюстъ, — также мраморная доска. На переднихъ доскахъ написано бронзовыми позолоченными буквами: «Фельдмаршалу князю Барклай-де-Толли — корпусомъ офицеровъ арміи, состоявшей подъ его начальствомъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, воздвигнутъ въ 1848 году».—На сооруженіе этого монумента собрано было офицерами, служившими подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, болѣе 60 тысячъ рублей ассигнаціями и испрошено Высочайшее разрѣшеніе. На мѣстѣ могилы князя Барклая-де-Толли, въ имѣніи его Бекгофъ (въ Лифляндіи), супругою его, статсъ-дамою Еленою Ивановной (урожденной Смиттенъ изъ дома Бекгофъ) сооруженъ также великолѣпный памятникъ.

Что касается 2-го карабинернаго полка, которому Высочайшимъ приказомъ 17-го августа 1826 года присвоено было имя генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли (о чемъ уже упомянуто выше), то слѣдуетъ замѣтить, что названіе это въ 1833 году присвоено было 1 карабинерному полку, а въ 1857 году, при переименованіи этого полка въ гренадерскій, онъ сохранилъ имя фельдмаршала. Въ настоящее время полкъ этотъ числится въ составѣ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи.

Князю П. И. Багратіону особаго монумента поставлено не было. Но императоръ Николай Павловичъ, уважая заслуги почившаго князя, повелѣлъ перенести его прахъ изъ имѣнія князя Б. А. Голицына, села Симы (Александровскаго уѣзда, Владимірской губ.), гдѣ знаменитый полководецъ окончилъ свои дни 12-го сентября 1812 года,—на поле Бородинское и положить возлѣ Бородинскаго памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ князь П. И. Багратіонъ получилъ смертельную рану. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, Высочайшимъ приказомъ отъ 25 марта 1891 г. повелѣлъ именоваться 104 пѣхотному Устюжскому полку—104 пѣхотнымъ Устюжскимъ генерала князя Багратіона полкомъ.

Атаману войска Донскаго графу Матвѣю Ивановичу Платову монументъ сооруженъ по желанію всѣхъ сословій войска Донскаго на собранныя пожертвованія, съ Высочайшаго соизволенія государя Николая Павловича. Открытіе памятника происходило 9-го мая 1853 года. Проектъ памятника также удостоился Высочайшаго одобренія. Изображеніе Платова отлито изъ бронзы

Digitized by Google

извѣстнымъ художникомъ барономъ Клодтомъ. Пьедесталъ сдѣланъ изъ сердобольскаго гранита съ надписью, также удостоенной Высочайшаго утвержденія: «Атаману Графу Платову, за военные подвиги, съ 1770 по 1816 годъ, признательные донцы». — Храбрый атаманъ изображенъ во весь ростъ въ генеральскомъ мундирѣ, сверхъ котораго накинута бурка; въ лѣвой рукѣ у него перначъ [1]), въ правой обнаженная сабля, опущенная внизъ. Профиль графа Платова сдѣланъ совершенно сходно съ лучшими его портретами. Покойный императоръ Николай Павловичъ, желая почтить память графа Платова и оказать новый знакъ своего вниманія къ донцамъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Свиты Его Величества генералъ-маіору графу Орлову-Денисову присутствовать при открытіи памятника отъ Высочайшаго Лица Его Величества».

Н. Л. Ширяевъ.

[1]) Перначъ—знакъ достоинства казацкаго атамана войска Донскаго.— Этотъ знакъ сходствуетъ съ старинною булавою, съ металлическимъ наконечникомъ. Перначъ по значенію своему соотвѣтствуетъ древнему маршальскому или воеводскому жезлу. Такія булавы были въ употребленіи въ Польшѣ, у гетмановъ малороссійскихъ, молдавскихъ и др., у атамановъ казачьихъ, а также встрѣчаются въ числѣ регалій и отличій въ старинной Руси.

Digitized by Google

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГОДОВЩИНА

ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861 $\frac{\text{19-е}}{\text{февраля}}$ 1893.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1893.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

1861 $\frac{19\text{-е}}{\text{февраля}}$ 1893 [1].

19 февраля нынѣшняго 1893 года собрался, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на обычный обѣдъ въ память великаго дня освобожденія крестьянъ, кружокъ непосредственныхъ участниковъ въ трудахъ по составленію Положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.—членовъ редакціонныхъ коммиссій,—пополняемый другими лицами, трудившимися и трудящимися въ разныхъ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу и искренно сочувствующими тѣмъ благимъ началамъ, кои положены въ основаніе освобожденія крестьянъ съ землею. Собралось въ этомъ году восемнадцать лицъ, считая предсѣдательствовавшаго за обѣдомъ К. К. Грота [2]).

Изъ числа постоянныхъ, съ 1862 года, участниковъ обѣдовъ 19 февраля, не присутствовали, къ сожалѣнію, на этотъ разъ на обѣдѣ, по болѣзни, В. А. Арцымовичъ, Ѳ. П. Корниловъ и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1884** г., т. XLI, стр. 669—734; изд. **1885** г., т. XLV, стр. 757—758; изд. **1886** г., т. XLIX, стр. 760—765; изд. **1887** г., т. LIV, стр. 180; изд. **1889** г., т. LXI, стр. 659—666; изд. **1890** г., т. LXV, стр. 873-880; изд. **1891** г., т. LXIX, стр. 781—790, **1892** г., т. LXXIII, стр 809—864.

[2]) Д. Г. Анучинъ, Е. Н. Барановскій, Н. Х. Бунге, Я. Г. Есиповичъ, Н. Н Калошинъ, А. Н Куломзинъ, Е. И. Ламанскій, С. А. Мордвиновъ И. А. Новиковъ, А. А. Рихтеръ, Н. П. Семеновъ, П. П Семеновъ, А. И. Скребицкій, Н. И. Стояновскій, кн. П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ и Н. П. Шепкинъ.

*

Digitized by Google

А. Д. Щумахеръ,—первый изъ коихъ письменно просилъ К. К. Грота передать участникамъ обѣда, что и болѣзнь не помѣшаетъ ему быть мысленно среди ихъ, присоединиться къ обычнымъ тостамъ и отъ души пожелать здоровья и всякаго благополучія предсѣдателю и участникамъ обѣда. По сообщеніи объ этомъ, присутствовавшіе просили К. К. Грота передать В. А. Арцымовичу искреннее ихъ сожалѣніе о его отсутствіи и сердечное ему сочувствіе. Этотъ обмѣнъ привѣтствій оказался, къ прискорбію, прощальнымъ: въ ночь на 3-е марта почтенный В. А. Арцымовичъ скончался. Недоставало въ средѣ участниковъ обѣда и скончавшагося въ прошедшемъ году М. И. Семевскаго—лѣтописца обѣдовъ этихъ, постоянно печатавшаго въ «Русской Старинѣ» отчеты о нихъ и о всемъ, что было говорено за обѣдомъ и о чемъ желательно было сохранить слѣдъ и воспоминаніе.

Первый за обѣдомъ тостъ былъ, какъ всегда, провозглашенъ за здравіе Государя Императора. Затѣмъ слѣдовали обычные тосты:

2) Въ память Главнаго Виновника великаго дѣла крестьянской реформы, Государя Императора Александра Николаевича.

3) За великое дѣло 19 февраля 1861 года.

4) За всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ пользу крестьянской реформы.

5) Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ.

и 6) За благоденствіе Россіи.

Почтивъ нѣсколькими теплыми словами память покойнаго М. И. Семевскаго и упомянувъ о его сотрудничествѣ въ организаціи обѣдовъ 19 февраля и объ изложеніи и печатаніи имъ описаній всего на этихъ обѣдахъ происходившаго, К. К. Гротъ просилъ избрать, на мѣсто Михаила Ивановича, въ помощь предсѣдателю и распорядителю обѣдовъ, одного изъ участниковъ для распоряженій о разсылкѣ приглашеній къ обѣду и составленія описаній этихъ обѣдовъ, съ цѣлью напечатанія ихъ, по-прежнему, въ «Русской Старинѣ», если новый редакторъ сего журнала Н. К. Шильдеръ изъявитъ на то свое согласіе, въ чемъ трудно сомнѣваться. Всѣ присутствовавшіе единогласно выразили искреннее пожеланіе, чтобы

Digitized by Google

К. К. Гротъ еще на многіе годы сохранилъ за собою предсѣдательство на обѣдахъ 19 февраля и распоряженіе ими, и просили его указать лицо, которому онъ желалъ бы поручить составленіе описаній этихъ обѣдовъ. К. К. Гротъ указалъ на П. А. Шульца, который и былъ избранъ и принялъ на себя предложенную ему обязанность.

Затѣмъ К. К. Гротъ предоставилъ П. П. Семенову очертить дѣятельность покойнаго М. И. Семевскаго.

Петръ Петровичъ сказалъ слѣдующее:

«Глубокоуважаемый предсѣдатель нашихъ обѣдовъ въ теченіе многихъ лѣтъ возлагаетъ на меня грустную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадную для меня обязанность: вспомнить добрымъ словомъ о тѣхъ членахъ быстро рѣдѣющей группы участниковъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ, которыхъ смерть похитила въ теченіе послѣдняго года».

«На этотъ разъ Провидѣніе пощадило столь малочисленный уже кружокъ старѣйшихъ дѣятелей великой реформы. Но изъ нашей среды выбылъ, въ лицѣ М. И. Семевскаго, одинъ изъ участниковъ такъ сказать «втораго призыва», т. е. изъ числа лицъ, примкнувшихъ, послѣ изданія Положеній 19 февраля 1861 года, къ дѣятельности составителей сихъ Положеній».

«Всѣмъ извѣстно, что, вслѣдъ за обнародованіемъ Положеній 19 февраля 1861 г., главные участники въ составленіи сихъ Положеній всѣ приняли, въ той или другой мѣстности и тѣмъ или другимъ способомъ, ближайшее участіе въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Одни явились непосредственными исполнителями реформы на мѣстахъ, въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, членовъ губернскихъ присутствій и губернаторовъ, а впослѣдствіи и въ качествѣ исполнителей крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ; а другіе, оставаясь въ С.-Петербургѣ, сдѣлались видными дѣятелями преимущественно въ учрежденіяхъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на общій ходъ дѣла по устройству крестьянскаго быта, а именно: въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ Государственномъ Совѣтѣ и въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ. Около каждаго изъ

Digitized by Google

этихъ первоначальныхъ дѣятелей по примѣненію крестьянской реформы образовался болѣе или менѣе многочисленный кружокъ дѣятелей «втораго призыва», не принимавшихъ ранѣе личнаго участія въ разработкѣ проектовъ Положеній о крестьянахъ, но призванныхъ къ трудамъ по приведенію сихъ Положеній въ исполненіе и къ дальнѣйшему ихъ развитію и дополненію, подъ непосредственнымъ руководствомъ составителей Положеній 19 февраля 1861 года. Къ такимъ-то дѣятелямъ втораго призыва, работавшимъ въ канцеляріи главнаго комитета, подъ руководствомъ незабвенныхъ С. М. Жуковскаго и К. И. Домонтовича, принадлежалъ покойный М. И. Семевскій, поступившій на должность экспедитора канцеляріи главнаго комитета въ 1863-мъ году и непрерывно продолжавшій служить по главному комитету въ теченіе 19 лѣтъ, до самаго закрытія главнаго комитета въ 1882-мъ году».

«О личности М. И. Семевскаго я распространяться не буду. Всѣ присутствующіе здѣсь его хорошо помнятъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, личность которыхъ вполнѣ обрисовывается и выясняется изъ бесѣдъ съ ними и изъ плодовъ ихъ дѣятельности. Чтеніе статей Михаила Ивановича въ «Русской Старинѣ», другихъ его сочиненій и рѣчей, произнесенныхъ имъ въ здѣшней городской думѣ, не оставляетъ, въ глазахъ людей, его знавшихъ, ничего въ немъ невыясненнаго и неразгаданнаго. Отношенія его къ намъ—старымъ дѣятелямъ великой реформы—были полны искренности и задушевности. Нашъ кружокъ сохранитъ глубокую признательность къ М. И. Семевскому за то, что, по приглашенію нашего глубокоуважаемаго предсѣдателя, онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ осуществлялъ на страницахъ «Русской Старины» желаніе, выраженное еще на первомъ обѣдѣ 19 февраля 1862-го года незабвеннымъ Н. А. Милютинымъ, а именно: чтобы воспоминанія о нашихъ дружескихъ трапезахъ были постоянно записываемы, до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ насъ не поднимете въ послѣдній разъ свой бокалъ за великое дѣло 19-го февраля 1861 года,—и сохраняемы, на память о насъ, въ средѣ будущихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу».

«Не довелось М. И. Семевскому дожить до этого дня, и намъ,

Digitized by Google

старѣйшимъ его товарищамъ, приходится предложить молчаливый тостъ въ его память».

Послѣ окончанія рѣчи П. П. Семенова, выслушанной съ большимъ сочувствіемъ, вошли три представителя чиновъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, собравшихся, въ другой залѣ, праздновать великій день 19 февраля. Они, отъ лица новыхъ, современныхъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, пришли выпить за здоровье старыхъ піонеровъ этого дѣла. Когда они, послѣ краткихъ, но задушевныхъ взаимныхъ привѣтствій, удалились, рѣшено было отвѣтить на ихъ привѣтъ чрезъ трехъ представителей участниковъ обѣда редакціонныхъ коммиссій, для чего избраны были: П. П. Семеновъ, Н. Н. Калошинъ и П. А. Шульцъ. По прибытіи въ залу, гдѣ собралось довольно значительное число преимущественно молодыхъ чиновъ земскаго отдѣла, Петръ Петровичъ Семеновъ, провозглашая тостъ за ихъ здоровье отъ лица участниковъ обѣда редакціонныхъ коммиссій, сказалъ, что старымъ дѣятелямъ по крестьянскому дѣлу отрадно видѣть, что преемники ихъ идутъ неуклонно по начертанному началами Положеній 19 февраля 1861 года пути и что привѣтствующіе ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, Н. Н. Калошинъ и П. А. Шульцъ остались теперь единственными представителями первоначальнаго личнаго состава земскаго отдѣла, учрежденнаго въ 1857 году. Отвѣтомъ П. П. Семенову послужилъ тостъ за здоровье П. П. Семенова, Н. Н. Калошина и П. А. Шульца, покрытый громкими криками.

По возвращеніи означенныхъ лицъ, бесѣда коснулась капитала, собраннаго въ память Ю. Ѳ. Самарина, проценты съ коего назначены на выдачу премій за лучшія сочиненія на темы, касающіяся тѣхъ по крестьянскому дѣлу вопросовъ, которые преимущественно занимали покойнаго Юрія Ѳедоровича въ послѣдній годъ его жизни. Было высказано, что Московскій университетъ, принявшій на себя разсмотрѣніе сочиненій и выдачу премій, признаетъ желательнымъ, въ видахъ привлеченія соискателей, измѣнить нѣсколько условія выдачи премій, и что полезно было бы вновь огласить въ печати правила о выдачѣ премій, въ память Ю. Ѳ. Самарина, за

Digitized by Google

лучшія сочиненія на указанныя темы, ибо теперь весьма немногіе объ этихъ преміяхъ знаютъ и помнятъ.

За неимѣніемъ, однако, точныхъ свѣдѣній о томъ: какія сочиненія до сихъ поръ были представлены для соисканія этихъ премій, за какія сочиненія преміи были присуждены и какія именно и почему признается желательнымъ допустить измѣненія въ условіяхъ выдачи премій,—окончательное обсужденіе этого вопроса пришлось отложить до будущаго года

Затѣмъ участники обѣда разошлись, въ надеждѣ вновь сойтись на дружеской трапезѣ 19 февраля 1894 года.

Digitized by Google

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе книжки г. Джаншіева. Считаемъ лишнимъ говорить о томъ интересѣ, съ которымъ она читается; это вполнѣ доказываетъ количество ея изданій за такой короткій срокъ.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Греческіе писатели. Выпускъ 1-й. Спб. 1893. 8°. 296 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Приложеніе къ „Запискамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества“).

Съ глубокой древности у писателей античнаго міра начинаютъ появляться извѣстія и замѣтки о южныхъ странахъ нашего отечества. Конечно, извѣстія эти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мало достовѣрны, даже баснословны, легендарны, но никто, думаемъ, не станетъ отрицать громаднаго значенія ихъ для исторіи, географіи и этнографіи южной Россіи. Поэтому давно уже въ нашей ученой литературѣ высказывалось желаніе собрать всѣ эти отрывочныя упоминанія въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что многочисленные авторы, у которыхъ они встрѣчаются, имѣются въ полномъ своемъ составѣ въ весьма и весьма немногихъ библіотекахъ Россіи. Но мало было и одного собранія оригинальныхъ текстовъ: къ нимъ требовалось приложить русскій переводъ, потому что многія изъ лицъ, которымъ могло бы пригодиться подобное изданіе, далеко не всегда имѣютъ возможность свободно читать подлинники. За исполненіе той и другой задачи взялось лицо, которому болѣе всего оно приличествовало, именно, В. В. Латышевъ, извѣстный въ европейской ученой литературѣ образцовымъ изданіемъ сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. По плану, предпринятому г. Латышевымъ, все собраніе извѣстій должно состоять изъ двухъ томовъ: въ первый войдутъ греческіе авторы, во второй—латинскіе. Каждый томъ, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой имѣется въ виду помѣщать извѣстія болѣе или менѣе цѣльныя, а во второй краткія и отрывочныя упоминанія. Хронологическимъ предѣломъ извѣстій г. Латышевъ предполагаетъ начало Русскаго государства, а территоріальнымъ—границы Европейской Россіи и Закавказья. Въ изданный въ настоящее время первый выпускъ перваго тома вошли слѣдующіе греческіе писатели (беремъ имена ихъ въ транскрипціи изданія): Екатей, Иродотъ, Гиппократъ, Ксенофонтъ, Скилакъ, Страбонъ, Діонъ, Хрисостомъ, Діонисій, Птоломэй, Стефанъ Византійскій и нѣкоторые безыменные авторы. Нечего и говорить, что греческіе тексты взяты изъ лучшихъ иностранныхъ критическихъ изданій. Что же касается перевода, то онъ исполненъ частію самимъ издателемъ, частію, подъ его редакціею и отвѣтственностью, учениками его, бывшими студентами Петербургскаго Историко-Филологическаго института: гг. П. Прозоровымъ, И. Цвѣтковымъ, Э. Штерномъ и др. Сообразно ученой цѣли изданія, первымъ требованіемъ перевода г. Латышевъ ставилъ точность, хотя бы она шла въ ущербъ литературной отдѣлкѣ. Остается пожалѣть о томъ только, что извѣстія не снабжены подробнымъ объяснительнымъ комментаріемъ, въ которомъ они весьма нуждаются. Но и это обѣщаетъ въ будущемъ г. Латышевъ, а пока надо благодарить его и за одно изданіе текстовъ и перевода къ нимъ, такъ какъ существующія у насъ подобныя попытки, въ родѣ труда г. Гана („Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“. 2 части. Тифлисъ, 1884 и 1889 гг.), очень неудовлетворительны. *Л.*

Императоръ Павелъ Первый въ Казани (1798 г.). — Историческій очеркъ Н. П. Загоскина. Казань. 1893.

Свѣдѣнія въ нашей исторической литературѣ о путешествіи императора Павла, предпринятомъ въ 1798 году изъ Петербурга черезъ Москву въ Казань, не отличаются особеннымъ богатствомъ. Поэтому нельзя не быть признательнымъ Н. П. Загоскину, который знакомитъ насъ съ пребываніемъ Павла Перваго въ Казани; этотъ очеркъ первоначально печатался въ мѣстной газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“ и теперь появился отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ подвергъ свой трудъ тщательному пересмотру, сдѣлавъ въ немъ необходимыя измѣненія и дополненія, пользуясь при этомъ также журналомъ путешествія императора Павла въ Казань, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 года (октябрь).

Въ концѣ очерка Н. П. Загоскинъ помѣстилъ еще свѣдѣнія объ двѣнадцативесельномъ катерѣ, на которомъ прибылъ императоръ Павелъ въ Казань, рѣкою Волгою, изъ Свіяжска, и который хранится въ настоящее время въ Казани во дворѣ упраздненнаго мѣстнаго адмиралтейства. Въ этомъ же помѣщеніи хранится также галера „Тверь“, на которой императрица Екатерина II имѣла пребываніе во время путешествія по Волгѣ.

Н. Ш.

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*28 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*16 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*42 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*37 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*48 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*34 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: Н. Шильдеръ и С. Зыковъ.

Digitized by Google

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. МАЙ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Екатерина II и Гримм.** Глава III. В. А. Бильбасова. 233

II. **Ученіе о Финляндскомъ государствѣ.** Ю. П. Еленева. 255

III. **Воспоминанія В. И. Панаева.** О дѣйствіяхъ г-на Магницкаго.—Нарушеніе предписанныхъ правилъ и подчиненности.—Ложныя свидѣтельства.—Противорѣчія.—Распоряженія и дѣйствія, отличающіяся особенною странностію. Сообщила М. Л. Казембекъ 323

IV. **Вопросъ польскій.** 1806—1809 гг. А. Н. Попова. Сообщилъ П. Н. Цуриковъ. 345

V. **Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому.** (1837—1839). Сообщилъ Вс. И. Срезневскій 377

VI. **Замѣтка о Павлѣ Ляндовскомъ.** Сообщилъ Д. Г. Анучинъ. 402

VII. **Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову.** Сообщилъ Л. Н. Майковъ 408

VIII. **Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.** Сообщ. М. В. Л. 409

IX. **По поводу воспоминаній В. И. Панаева.** 432

X. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **В. И. Панаева.** Гравировалъ К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая 39.
1893.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1893 г.

Digitized by Google

Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрированное историко-критическое изслѣдованіе. Джустинъ Уинсонъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1893. 8°. IV+608 стр.

Изслѣдованіе начинается съ обзора источниковъ свѣдѣній о Колумбѣ, причемъ тутъ же сообщается и объ ихъ собирателяхъ; далѣе указывается колумбовская литература, и наконецъ подробно излагается біографія мореплавателя. Въ приложеніи къ изслѣдованію дана статья „Географическіе результаты“, посвященная обзору позднѣйшихъ изученій Америки. Переводъ исполненъ весьма удачно, точно такъ же, какъ удаченъ и самый выборъ этой книги для перевода. На русскомъ языкѣ это едва-ли не единственное сочиненіе о Колумбѣ. Изданіе выполнено весьма изящно и снабжено многочисленными снимками съ портретовъ, рукописей, картъ, гравюръ и проч.

Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета М. И. Свѣшниковъ. Спб 1892. 8°. XXXIV+296 стр.+34 табл. Ц. 5 р.

Изученіемъ вопросовъ самоуправленія г. Свѣшниковъ началъ заниматься еще съ университетской скамьи подъ руководствомъ профессора А. Д. Градовскаго. Будучи студентомъ 2-го курса, онъ написалъ диссертацію на тему „Ходъ законодательныхъ работъ по составленію Городоваго Положенія 1870 года“. Этой работой и опредѣлилось дальнѣйшее спеціализированіе автора въ изученіи вопросовъ самоуправленія. Затѣмъ авторъ ознакомился съ исторіей введенія самоуправленія въ Пруссіи, а также съ проектами переустройства нашихъ крестьянскихъ и земскихъ учрежденій. Ближайшее ознакомленіе съ основными началами и новѣйшей исторіей реформъ по мѣстному управленію заставило его обратить вниманіе на важность и возможность если не сравненія, то сопоставленія основныхъ взглядовъ различныхъ европейскихъ законодательствъ на тѣ или иныя начала мѣстнаго самоуправленія.

Настоящій трудъ представляетъ собою именно такую попытку сопоставить взгляды законодательства главнѣйшихъ европейскихъ государствъ на различныя начала мѣстнаго самоуправленія и тѣмъ хотьнѣсколько помочь разобраться въ этомъ сложномъ и важномъ вопросѣ, какимъ является вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. Въ настоящемъ сочиненіи подвергаются сопоставленію взгляды законодательствъ слѣдующихъ простыхъ монархическихъ государствъ Европы: Англіи, Франціи, Россіи, Австріи, Венгріи, Пруссіи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, 2 пиринейскихъ государствъ (Испаніи и Португаліи) и 3 скандинавскихъ (Даніи, Швеціи и Норвегіи). Критическій разборъ основныхъ вопросовъ самоуправленія привелъ автора къ необходимости установить общее обозначеніе понятія самоуправленія, какъ особой формы мѣстной администраціи. Разсмотрѣвъ подробно компетенцію, организацію и контроль надъ самоуправленіемъ, онъ указываетъ основныя начала мѣстнаго самоуправленія и суммируетъ ихъ такъ: 1) правильная постановка компетенціи самоуправленія предполагаетъ, что всѣ дѣла мѣстной администраціи, поддающіяся мѣстному ограниченію, должны составлять предметъ вѣдомства мѣстнаго самоуправленія на правахъ государственной власти (самостоятельность рѣшеній и исполнительная власть); 2) правильная организація самоуправленія предполагаетъ рядъ административныхъ союзовъ въ государствѣ, основанныхъ на выборномъ началѣ при широкомъ допущеніи всѣхъ самостоятельныхъ элементовъ мѣстности къ участію въ мѣстномъ представительствѣ и въ свободной организаціи учрежденій самоуправленія; 3) дѣйствительный контроль надъ самоуправленіемъ предполагаетъ необходимымъ признаніе контроля лишь надъ законностью, а не надъ цѣлесообразностью дѣйствій самоуправленія и состоитъ въ организаціи цѣлой сѣти самостоятельныхъ учрежденій, которыя должны разрѣшать вопросы о пререканіяхъ между самоуправленіемъ и лицами и учрежденіями, за ними надзирающими; поэтому необходимо, чтобы правительственный надзоръ проявлялся въ условіяхъ не опеки, а контроля; необходимо также озаботиться о томъ, чтобы самому обществу въ лицѣ различныхъ его силъ: печати, собраній и т. п., было предоставлено сколь возможно широкое участіе въ надзорѣ за мѣстнымъ самоуправленіемъ; наконецъ, отдѣльныя лица также должны имѣть право контролировать дѣятельность всего мѣстнаго самоуправленія, и средствомъ для этого должно явиться какъ постоянное публикованіе отчетовъ этого самоуправленія, такъ и различные способы въ видѣ жалобъ и исковъ, которые могутъ предъявлять отдѣльныя лица къ самоуправленію. Таковы общіе выводы, къ которымъ пришелъ почтенный авторъ. Онъ полагаетъ, что только съ признаніемъ этихъ необходимыхъ принциповъ самоуправленія, при современномъ взглядѣ на государство и общество, можно считать, что самоуправленіе явится такой формой администраціи, которая очень крѣпко завершитъ союзъ между государствомъ и обществомъ.

Къ книгѣ приложены многочисленныя таблицы, содержащія данныя о составѣ земскаго представительства въ 34 губерніяхъ Россіи. Данныя, содержащіяся въ этихъ таблицахъ, взяты изъ изданія Центральнаго статистическаго комитета „Статистика выборовъ въ земскія учрежденія за 1883—1886 гг.“. Здѣсь наглядно представляется по каждой губерніи распредѣленіе земскихъ

Digitized by Google

Окончаніе статьи **„Ученіе о Финляндскомъ государствѣ“** Ѳ. Еленева будетъ помѣщено въ іюньской книжкѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

дозволено цензурою. спб., 2 апѣля 1893 г.

тип тов. „общ польза", в подъяч. 39

Digitized by Google

В. Панаевъ.

Digitized by Google

ЕКАТ[illegible]РИНА [illegible] и ГР[illegible]

II [illegible]

[illegible] будто [illegible] Екатерину [illegible] французскаго народа [illegible] своихъ [illegible] будто [illegible] Екатерина [illegible] [illegible]

[illegible] и [illegible] съ [illegible] ея учителемъ [illegible] и на [illegible] котораго съ [illegible] средь [illegible] рѣшеній [illegible] рево[illegible] [illegible] Что [illegible] и даже [illegible] всѣ [illegible] и спокойствія и всѣ [illegible] 1200 [illegible] Сокругь [illegible] сроки [illegible] Если не [illegible] противорѣчій [illegible] только у нихъ есть [illegible] И такъ въ концѣ XVIII столѣтія [illegible]

[illegible] „Русскую Старину“ [illegible] XXIII, 488, [illegible] L'Avere [illegible] cents têtes, au [illegible] et [illegible] Екатерина [illegible]

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

III [1]).

Говорятъ и повторяютъ, будто большая французская революція заставила Екатерину отречься отъ своихъ идеаловъ и обратиться противъ французскаго народа, который она такъ долго боготворила, и противъ своихъ же учителей, французскихъ философовъ; увѣряютъ даже, будто «при первыхъ же раскатахъ революціоннаго грома» Екатерина приказала убрать съ ея глазъ бюстъ Вольтера. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе несправедливое и неосновательное. Какою Екатерина была до революціи, такою же осталась она и послѣ революціи. Кто изъ французскихъ «философовъ» былъ ея учителемъ? Не Руссо, конечно, котораго она не выносила и на борьбу котораго съ культурою смотрѣла, какъ на богомерзкую ересь противъ религіи вѣка. Во французской революціи Екатерина видѣла движеніе, прямо противное духу Вольтера и философовъ: «Что же сдѣлаютъ французы съ своими лучшими писателями, которые всѣ, и даже Вольтеръ, роялисты, всѣ проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, и все, что они проповѣдуютъ, прямо противоположно системѣ гидры о 1200 головахъ? Сожгутъ ли французы произведенія своихъ философовъ? Если не сожгутъ, то почерпнутъ изъ этихъ произведеній принципы, противорѣчащіе ихъ системѣ, если только у нихъ есть какая-либо система» [2]). Спустя три года: «И такъ, въ концѣ XVIII столѣтія стало, кажется, заслугою

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVIII, апрѣль.

[2]) Сборникъ, XXIII, 488, 493, 495. L'hydre aux douze cents têtes, un monstre pourri et puant—такъ Екатерина называетъ Національное Собраніе во Франціи.

Digitized by Google

убивать людей, и потомъ меня хотятъ увѣрить, будто Вольтеръ проповѣдывалъ убійство—вотъ какъ дерзаютъ клеветать на людей! Я убѣждена, что Вольтеръ предпочелъ бы оставаться тамъ, гдѣ его погребли, чѣмъ находиться въ обществѣ Мирабо въ церкви св. Женевьевы» [1]). Когда былъ высказанъ взглядъ, что ученія французскихъ философовъ подготовили революцію: «Послушайте, французскіе философы, которыхъ обвиняютъ въ томъ, будто они подготовили французскую революцію, впали, быть можетъ, въ одну только ошибку: они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей» [2]). Въ чемъ же революція измѣнила взгляды Екатерины на философовъ?

Не философовъ, короля обвиняла Екатерина II за революцію. Съ государственною прозорливостью, ее отличавшею, она негодовала на слабость Людовика XVI и предсказывала паденіе королевской власти во Франціи. Еще въ 1787 году Екатерина писала Гримму: «Нельзя сказать, чтобы Людовику XVI вообще много льстили; напротивъ, всевозможными способами старались убѣдить его, что онъ нуждается въ опекѣ, и доказать ему, что онъ ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, а между тѣмъ онъ трудолюбивъ, добръ, обладаетъ здравымъ смысломъ, желаетъ всѣмъ блага. Посмотримъ еще, что сдѣлаютъ опекуны или опекунъ—начало ихъ никуда не годится; если отступили, чтобъ лучше прыгнуть, это еще ничего, но если отступя не прыгнутъ, о, тогда прощай уваженіе, добытое двухсотлѣтней исторіей, и кто же повѣритъ людямъ, не имѣющимъ ни воли, ни силы, ни энергіи. Вѣдь не такъ ужь дурны дѣла, чтобъ, получивъ оплеуху по одной щекѣ, подставлять другую—это пожалуй по-евангельски, но вовсе не по-королевски. Излишнее смиреніе вредно для государства» [3]). Еще въ октябрѣ 1789 года, когда чернь принудила короля поселиться въ Тюильри, Екатерина предсказала, что Людовика XVI постигнетъ участь Карла I [4]). Импе-

---

[1]) Т. е. въ Пантеонѣ. Ibid., 565. Вотъ отзывъ Екатерины о Мирабо: Mirabeau était l'être colossal ou monstrueux de notre temps, car dans un autre il aurait été fui, détesté, enfermé, pendu, roué etc... Mirabeau mérite l'estime de Sodome et de Gomorrhe (Ibid., 520, 521).

[2]) Ibid., 587.

[3]) Сборникъ, XXIII, 426.

[4]) Дневникъ Храповицкаго, 314.

Digitized by Google

ратрица обвиняла его въ двоедушіи и находила, что «пока король Франціи будетъ проявлять двѣ противорѣчащія воли, волю тайную и волю публичную, изъ которыхъ одна будетъ постоянно уничтожать другую въ своихъ дѣйствіяхъ» [1]), онъ не заслуживаетъ помощи. Получивъ извѣстіе о конституціи 1791 года, Екатерина пишетъ Гримму: «Ну, вотъ, Людовикъ XVI влѣпилъ-таки свою подпись подъ этой нелѣпой конституціей и спѣшитъ принесть присягу, которой, конечно, не сдержитъ и которой, къ тому же, никто отъ него не требуетъ! Но кто же эти безсмысленные люди, заставляющіе его дѣлать подобныя глупости? Вѣдь это, дѣйствительно, недостойныя низости—подумаешь, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Я страшно сержусь; я топнула ногой, читая всѣ эти... эти... эти мерзости. Тьфу, какіе негодяи! Если ихъ всѣхъ еще не перевѣшали, возьмите розгу и высѣките всѣхъ этихъ школьниковъ, совѣтниковъ французскаго короля, за всѣ тѣ гадости, которыя они совѣтуютъ ему дѣлать — это, вѣдь, значитъ ронять себя, унижаться, дѣлать себя презрѣннымъ и смѣшнымъ; словомъ, поколотите ихъ, я предоставляю вамъ въ этомъ полную власть, лишь бы они были побиты:

Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur" [2]).

Гриммъ смотрѣлъ на революцію глазами Екатерины II. Въ его взглядахъ и сужденіяхъ не встрѣчается ничего новаго, оригинальнаго, хотя его наблюденія и описанія очень мѣтки, очень интересны. Національное воодушевленіе, охватившее въ то время всю Францію, было чуждо его уму и сердцу; онъ способенъ, напримѣръ, только повторять вопли эмигрантовъ противъ постановленій ночи 4-го августа, значеніе которыхъ навсегда осталось загадкою для всѣхъ Гриммовъ. Подобно Екатеринѣ, Гриммъ защищаетъ Вольтера: «О, какъ былъ бы несчастливъ Вольтеръ, еслибъ дожилъ до революціи! Еслибъ онъ даже былъ истый аристократъ и въ такомъ слу-

---

[1]) Соловьевъ, „Паденіе Польши", 358; Сборникъ, XLII, 316.

[2]) Отречься отъ боговъ, которымъ вѣришь въ сердцѣ, это уже не заблужденіе, а подлое преступленіе. Сборникъ, XXIII, 560. Даже въ 1792 г. Екатерина писала Гримму: Malheureusement le mal réside aux Tuileries et nulle part autre. Cela est vrai et vérifié. Ibid., 567.

Digitized by Google

чаѣ страхъ сдѣлалъ бы его демократомъ, якобинцемъ, санъ-кюлотомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно. Люди легкомысленные видятъ въ немъ одного изъ подготовителей этой пагубной революціи—въ этомъ смыслѣ цареубійцы наказали уже его, воздавъ ему почести Пантеона и смѣшавъ его прахъ съ останками Марата и другихъ преступниковъ. Но, если Господь продлитъ мнѣ жизнь, я отомщу за такую клевету на Вольтера и укажу истинныхъ и единственныхъ виновниковъ французской революціи» [1]). Подобно Екатеринѣ, онъ обвиняетъ Людовика XVI: «Есть одинъ человѣкъ, который могъ бы уже двадцать, сто разъ спасти Францію, спасти во мгновеніе ока, но онъ не хочетъ этого; этотъ французъ—французскій король» [2]).

Изъ всѣхъ «французскихъ философовъ» одинъ только Гриммъ пережилъ французскую революцію; но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Вольтеръ и Дидро, Гольбахъ и Гельвецій, Д'Аламберъ и даже Руссо отнеслись бы къ перевороту съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и Гриммъ, еслибъ судьба привела ихъ присутствовать при разрушеніи того общества, среди котораго они родились, выросли и работали. У Гримма, однако, было одно утѣшеніе, котораго не было бы у его «друзей»—онъ не былъ французомъ; онъ сознавалъ себя нѣмцемъ, чуждымъ французской націи. «Несомнѣнно, пишетъ Гриммъ, что французы всегда французы, что Вольтеръ нашелъ бы ихъ такими же, какими оставилъ, какими они были двѣ тысячи лѣтъ назадъ; по тому, какъ французы воспользовались свободой, они доказали, что она идетъ къ нимъ, какъ коровѣ сѣдло». Онъ повторяетъ это не разъ, съ самодовольствіемъ прибавляя, что «разсудокъ и размышленіе зрѣютъ во Франціи позже, чѣмъ гдѣлибо», что «французская нація, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ на свѣтѣ, всегда отличалась запальчивостью, необузданностью и ребячествомъ»; онъ съ радостью извѣщаетъ Екатерину, что въ Готу не проникло еще «французское зло» [3]) и т. п.

Французскіе философы, не сознавая и, быть можетъ, не желая, содѣйствовали отчасти французской революціи. Умная Екатерина

---

[1]) Сборникъ, XLIV, 549.
[2]) Ibid., 389.
[3]) Сборникъ, XLIV, 382, 393, 395.

Digitized by Google

хорошо понимала это, но не отдавала себѣ отчета въ степени «виновности» французской философіи, и допрашивала Гримма: «Вспомните, что король прусскій увѣрялъ, будто Гельвецій сознавался ему, что цѣль философовъ—опрокинуть всѣ троны, и что Энциклопедія имѣла въ виду только уничтожить всѣхъ государей и всѣ религіи». Спустя годъ, Екатерина повторила вопросъ: «Я терпѣливо буду ожидать того благопріятнаго момента, когда вамъ будетъ угодно обѣлить въ моихъ глазахъ философовъ и ихъ послѣдователей по поводу ихъ участія въ революціи и особенно въ Энциклопедіи, хотя Гельвецій и Д'Аламберъ оба сознались покойному королю прусскому, что Энциклопедія имѣла двѣ цѣли—уничтожить христіанскую религію и ниспровергнуть королевскую власть. Объ этомъ говорили уже въ 1777 году» [1]). Никто изъ «философовъ», менѣе же всего Гриммъ могъ отвѣчать на такой вопросъ. Современники не могли спокойно обсудить и хладнокровно высказаться о причинахъ переворота, такъ жестоко поражавшаго не только ихъ взгляды и мнѣнія, даже чувствованія и вѣрованія. Едва-ли, однако, кто-либо изъ философовъ, кромѣ Гримма, былъ бы способенъ считать министровъ финансовъ главными виновниками революціи! «Тюрго долженъ быть причисленъ къ тріумвирату генеральныхъ контролеровъ, истинныхъ виновниковъ переворота. Тюрго, Калоннъ и Неккэръ, три лица разныхъ характеровъ и системъ, слѣдовали одинъ за другимъ и, не желая, не сознавая, разрушили монархію» [2]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что Гриммъ былъ гораздо умнѣе подобнаго приговора и высказывалъ его, конечно, только изъ угодливости къ «божественной императрицѣ», зная, что Екатерина не довѣряла Тюрго, что Калоннъ «ей не по вкусу», что Неккера называла она «накрахмаленнымъ фразеромъ» — и Гриммъ достигъ цѣли: приговоръ понравился Екатеринѣ. «Охотно подписываюсь, отвѣчала Екатерина, и вполнѣ принимаю вашъ приговоръ надъ Тюрго, Калонномъ и Неккеромъ» [3]).

«Большая французская революція не можетъ быть понята безъ уразумѣнія стараго порядка», сказалъ еще Токвилль. Это тѣмъ

---

[1]) Ibid., XXIII, 593, 622.
[2]) Ibid., XLIV, 687.
[3]) Ibid., XXIII, 372, 415, 637, 674.

Digitized by Google

болѣе безспорно, что ближайшею задачею революціи было все-таки ниспроверженіе стараго порядка, l'ancien régime, возбудившаго въ концѣ концовъ общую ненависть всѣхъ классовъ французскаго народа, привилегированныхъ и податныхъ. Подъ революціей разумѣютъ обыкновенно тотъ переворотъ, который уничтожилъ весь феодальный строй «стараго порядка», упразднивъ всѣ привилегіи, не исключая даже королевской власти, и создалъ совершенно новое государственное устройство, въ основу котораго положены равенство и свобода. Временемъ этого переворота обозначаютъ послѣдніе годы XVIII и первые XIX стол. Это ошибка. Здѣсь подъ революціей разумѣются только внѣшнія проявленія того умственнаго переворота, который совершился задолго до конца XVIII вѣка, той революціи въ умахъ, которая заранѣе опредѣлила ходъ и поставила цѣли революціи фактовъ. Познать старый порядокъ не трудно; гораздо труднѣе было уразумѣть эту умственную революцію, которая совершилась не только во время полнаго господства стараго порядка, но при его участіи, при непосредственномъ даже содѣйствіи тѣхъ его органовъ, которые пали первыми жертвами революціи. Эта революція въ умахъ началась задолго до созванія Національнаго Собранія и взятія Бастиліи, и далеко еще не окончилась

Во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV, во время нимвегенскаго мира 1678 года, французскій народъ былъ не только доволенъ, даже гордъ своимъ правительствомъ. Онъ гордился блистательнымъ царствованіемъ, когда велись побѣдоносныя войны, производилось много грандіозныхъ сооруженій, покровительствовались науки и искусства. Была, конечно, и тѣневая сторона въ этой эпохѣ: протестанты преслѣдовались, науки и искусства покровительствовались лишь настолько, насколько они льстили королю, поддерживали монархическій принципъ и т. п.; но народъ былъ счастливъ и самодовольно пожиналъ то, что посѣялъ Генрихъ IV и возростилъ Ришелье. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, при Людовикѣ XV, во время ахенскаго мира 1748 года, Франція уже недовольна своимъ правительствомъ; народъ съ презрѣніемъ относится къ королю, духовенству, дворянству. Людовикъ XIV не царствовалъ, онъ священнодѣйствовалъ, причемъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ и жреца, и божество; Людовикъ XV — король неумѣлый,

Digitized by Google

заботившійся лишь о томъ, чтобъ всѣ забыли, что онъ король, и оставили бы его въ волю наслаждаться въ своемъ Тріанонѣ. Духовенство, блиставшее еще недавно такими именами, какъ Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильйонъ, теперь ссорится и интригуетъ изъза освобожденія отъ налоговъ, за привилегіи; если оно ратуетъ, протестуетъ, то только противъ идей свободныхъ, противъ возвращенія протестантовъ, противъ театральныхъ зрѣлищъ, противъ печати. Дворянство потеряло уже свой престижъ и играетъ двойную игру: въ Парижѣ либеральничаетъ, глумится надъ придворной жизнью, а въ Версали протягиваетъ руку, выманивая пенсіи и доходныя мѣста.

Революція въ умахъ началась; она совершается во-очію. Вольтеръ и Монтескье, любимые «учителя» Екатерины II — представители этого перехода отъ эпохи Людовика XIV ко временамъ Людовика XV. Оба они образовались и выросли при регентствѣ. Ни Вольтеръ, не разъ сидѣвшій въ Бастиліи и долгое время жившій въ Англіи, ни Монтескье, впервые провозгласившій въ своемъ «L'ésprit des lois» правовыя основы общественныхъ отношеній и условій, не могли имѣть обширнаго круга вліянія. «Въ Англіи и Голландіи, говоритъ Вольтеръ, въ Женевѣ и Гамбургѣ всякій человѣкъ свободенъ; но есть еще области и обширныя королевства, гдѣ большая часть людей суть рабы». Въ числѣ этихъ «vastes royaumes» читатель долженъ былъ разумѣть и Францію. Монтескье еще осторожнѣе Вольтера: онъ говоритъ о королѣ Сіама, о властителѣ Пегу, не смѣя назвать Людовика XIV. Конечно, подобныя иносказанія понятны весьма ограниченному кругу, и ими нельзя просвѣтить народъ, тѣмъ менѣе воодушевить его къ активному протесту.

За Вольтеромъ и Монтескье явилась «новая школа», принесшая все въ жертву человѣческой свободѣ. Эта школа отбросила иносказанія, усвоила всѣмъ доступный языкъ и далеко расширила кругъ своего вліянія. Она развивалась очень быстро. Еще Робеспьеръ молится на «Contrat sociale» Руссо, но болѣе ярые республиканцы клянутся уже писаніями Гольбаха, Гельвеція, Дидро. Новая школа выступила съ проповѣдью трехъ новыхъ воззрѣній на природу, разумъ и прогрессъ. Эти воззрѣнія настолько разнились отъ

Digitized by Google

прежнихъ понятій о природѣ, разумѣ и прогрессѣ, что они справедливо были признаны новыми идеями.

Никогда не говорили и не писали объ этихъ идеяхъ такъ много, какъ въ XVIII вѣкѣ, причемъ высказывались совершенно своеобразныя понятія. По Цицерону, напримѣръ, человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ ближе къ природѣ, то-есть естественный человѣкъ представлялся человѣкомъ идеальнымъ; въ XVIII же вѣкѣ естественнымъ человѣкомъ являлся человѣкъ физическій, матерьяльный. Гельвецій прямо говоритъ, что «права человѣка суть его матерьяльныя потребности». Всякій человѣкъ обладаетъ разумомъ, который можетъ не только безошибочно обсуждать, но, какъ полагали въ XVIII столѣтіи, и безошибочно творить; если же таково свойство разума, то все имъ созданное безошибочно хорошо для всего человѣчества, какъ математическая истина: «дважды два— четыре не только для европейца, но и для полинезійца». Тутъ ужь нѣтъ мѣста даже вопросу о національности, и французы XVIII вѣка надѣются облагодѣтельствовать все человѣчество, хотятъ быть гражданами всего міра, космополитами. Когда Законодательное Собраніе признало Анахарзиса Клоца французскимъ гражданиномъ, онъ, въ благодарственной рѣчи къ собранію, назвалъ себя гражданиномъ міра и выразился такъ: «Messieurs, mon coeur est français, mais mon âme est sans-culotte». Такими же крайностями отличается и третья идея, идея прогресса, волновавшая умы XVIII стол. Мы всѣ признаемъ прогрессъ, признаемъ способность человѣка къ безконечному совершенствованію; но въ XVIII вѣкѣ предполагали, что безконечный прогрессъ приводитъ къ всесовершенному идеалу, и Кондорсе допускалъ, что можно уничтожить болѣзни, даже упразднить самую смерть.

Эти идеи казались всѣмъ простыми и понятными. Когда онѣ стали достояніемъ низшихъ слоевъ общества, буржуазіи, разночинцевъ—революція въ умахъ совершилась окончательно [1]). Эти новыя идеи настолько были дѣйствительно новы, создавали міросозерцаніе столь несогласное съ воззрѣніями стараго порядка и, вмѣстѣ

[1]) Умный графъ С. Р. Воронцовъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, писалъ осенью 1787 года: „La révolution est déjà faite dans ésprits français". Архивъ князя Воронцова, IX, 127.

Digitized by Google

съ понятіями о равенствѣ и свободѣ, такъ соблазительно охватывали все существо человѣка, что переворотъ, произведенный ими въ умахъ, отличался страстностью, для насъ едва понятною. Когда страсти возбуждены, человѣкъ не разсуждаетъ, не обдумываетъ, тѣмъ менѣе народъ, особенно же французскій, измученный въ то время голодовками и налогами. Въ странѣ, гдѣ вопросы государственные и общественные, политическіе, религіозные и экономическіе свободно, публично обсуждаются и добытые обсужденіемъ результаты становятся постепенно достояніемъ всѣхъ, тамъ общество испытываетъ реформы; въ странѣ же политически неразвитой, привыкшей жить болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, болѣе подъ опекой, чѣмъ на свой рискъ, перевороты, даже чисто умственные, поражаютъ прежде всего чувство, возбуждаютъ страсти и ведутъ къ революціи. Въ такомъ именно положеніи была Франція XVIII вѣка: для нея примѣнять эти новыя идеи къ вопросамъ политики, внутренней и внѣшней, внутренней прежде всего, значило низвергнуть весь государственной строй стараго порядка, начиная съ королевской власти, значило произвесть то, что̀ обыкновенно называютъ революціей.

Екатерина, слѣдовательно, была права, когда допрашивала Гримма о «виновности» философовъ въ революціи и просила его обѣлить ихъ въ этомъ отношеніи: революція въ умахъ была, конечно, произведена при ихъ участіи. Иначе и быть не могло. Права Екатерина и въ томъ, что въ практикѣ жизни видитъ главную цѣль французскихъ философовъ въ разрушеніи—для блага французскаго народа необходимо было, прежде всего, разрушить «старый порядокъ», при которомъ не могло быть и рѣчи о народномъ благосостояніи, если подъ нимъ не разумѣть исключительно только удовлетвореніе животныхъ потребностей. Гриммъ, напротивъ, ничего этого не понималъ, и, будучи еще въ Петербургѣ, отрекался даже отъ принадлежности къ философамъ, до того ему былъ милъ старый порядокъ. «Помните, въ 1777 году, вы никакъ не хотѣли, чтобы васъ причисляли къ философамъ. Да, вы были правы: у философовъ, иллюминатовъ и ясновидцевъ, у всѣхъ ихъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль—разрушать. Но что̀ бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ хозяина и все-таки луч-

Digitized by Google

ше для міра временное заблужденіе одного, чѣмъ безуміе многихъ»[1]). Эту же мысль высказывалъ и Вольтеръ. Когда Людовикъ XV, особымъ эдиктомъ 1771 года, учредилъ королевскій судъ, упразднивъ парламенты, «все королевство, по свидѣтельству Вольтера, пришло въ ужасъ; провинціи были возбуждены не менѣе Парижа». Между тѣмъ, этимъ эдиктомъ осуществлялась важная судебная реформа, которая упраздняла приказное взяточничество, дѣлала судопроизводство даровымъ, уничтожала продажность должностей. Вольтеръ не понялъ, почему «французы» противъ этого эдикта. «По-моему, говоритъ Вольтеръ, ужь лучше зависѣть отъ каприза одного льва, чѣмъ сотни мышей»! Вольтеръ не сознавалъ, что задача новаго общества заключалась въ томъ, чтобы вовсе не зависѣть ни отъ чьего каприза.

27-го іюля 1789 года въ Петербургъ пріѣхалъ титулярный совѣтникъ Павловъ, курьеромъ изъ Парижа, съ депешами отъ посланника Симолина. Екатерина пожелала лично разспросить курьера, но Павловъ «оробѣлъ». Узнавъ изъ первыхъ же строкъ депеши Симолина, что «переворотъ во Франціи совершился и королевская власть уничтожена»[2]), Екатерина ни мало тому не удивилась: «Какой же Людовикъ XVI король! Онъ всякій вечеръ пьянъ и имъ управляетъ кто хочетъ—Бретэйль, принцъ Конде, графъ Артуа, наконецъ Лафайеттъ»[3]). За годъ до этого, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, исходя изъ того же взгляда, предсказывалъ революцію: «Король—глупъ, королева—интриганка, безъ таланта и безъ твердости, столь же всѣми ненавидимая, какъ король презираемъ. Вельможи подкапываются другъ подъ друга. Толкуютъ о свободѣ, о конституціи, о финансахъ, и не могутъ столковаться. Все это кончится общимъ замѣшательствомъ и можетъ быть даже междоусобною войною»[4]).

Екатерина, какъ и ея представитель въ Англіи, не допускали, чтобы французы могли быть свободны. «Двадцать милліоновъ французовъ, писала Екатерина Гримму, приходятъ въ ярость изъ-за

[1]) Сборникъ, XXIII, 593

[2]) Русскій архивъ, 1875, II, 410.

[3]) Дневникъ Храповицкаго, 299.

[4]) Письмо изъ Ричмонда, отъ 30 августа 1788 г. Архивъ князя Воронцова, IX, 138.

Digitized by Google

одного слова свобода, которой они не имѣютъ и тѣни, и за которой эти безумцы гонятся, но никогда имѣть ея не будутъ» [1]). Графъ С. Р. Воронцовъ указываетъ и причины, почему французы не могутъ быть свободны: «Французы рѣшительно хотятъ быть столь же свободными, какъ англичане, не обращая вниманія на то, что ихъ территоріальное положеніе, во многомъ зависящее отъ войска и крѣпостей, безъ которыхъ они обойтись не могутъ, не позволяетъ имъ быть свободными». Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это письмо было писано, Франція доказала, что можетъ быть свободной и «не обращая вниманія» на крѣпости; нѣсколько же лѣтъ спустя—что свободный народъ при помощи тѣхъ же крѣпостей можетъ защищать свою свободу отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Какъ графъ Воронцовъ, столь восторгавшійся свободными учрежденіями Англіи, рѣшительно высказывается противъ стремленій французовъ къ свободѣ, такъ и Екатерина, защищавшая нѣкогда англійскую конституцію, громитъ конституцію французскую. «Я въ страшномъ гнѣвѣ, пишетъ она Гримму въ 1778 году—меня извѣщаютъ, что англійская конституція, которую всѣ считали лучшею формою правленія въ Европѣ, оказывается самою дурною, при которой нельзя даже наказать виновныхъ. Вотъ что̀ меня злитъ, и не дай Богъ, чтобы сами англичане были такого же мнѣнія. Что касается меня, я говорю: вотъ что значитъ быть глупцами! Но Георгъ II и его предшественники дѣйствовали иначе—слѣдовательно виноваты люди, а не конституція» [2]). Въ 1791 году, Екатерина пишетъ тому же Гримму: «Лучшая изъ всевозможныхъ конституцій ни къ чорту не годится, потому что она дѣлаетъ болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ; хорошіе и честные люди отъ нея страдаютъ, и только злодѣямъ она на пользу, такъ какъ они при помощи ея набиваютъ свои карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагаютъ въ подраженіе всей Европѣ; но раньше того, я полагаю, Европѣ надо сойти съ ума. Французскіе демократы обезумѣли, не въ обиду имъ будь сказано» [3]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 593.

[2]) Ibid., 92.

[3]) Ibid., 539. Выраженіе „ne vaut pas le diable“ нельзя переводить „не стоитъ дьявола“. Въ русскихъ бумагахъ Екатерина всегда употребляетъ

Digitized by Google

Переписка Екатерины и Гримма получаетъ особенный интересъ не со времени французской революціи, а съ начала второй турецкой войны, и интересъ этотъ объясняется тѣмъ, что въ переписку вводятся чисто политическіе вопросы. Содержаніе писемъ опять рѣзко отличаетъ переписывающихся. Гриммъ пишетъ преимущественно о французской революціи, Екатерина—о положеніи Россіи. То и другое вполнѣ понятно: Гриммъ не зналъ Россіи, не понималъ ея интересовъ, между тѣмъ какъ и онъ самъ, и близкія ему лица страдали отъ французской революціи [1]); Екатерина, напротивъ, съ 1787 по 1792 годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, была исключительно занята «оборономъ чести и цѣлости» Россіи—ей было не до революціи, которою она интересовалась, конечно, менѣе, чѣмъ турецкою или шведскою войною.

Чѣмъ серьезнѣе переписка, тѣмъ очевиднѣе слабость Гримма и сила Екатерины. Не такъ давно, въ русской печати было высказано мнѣніе, будто «во всѣхъ политическихъ совѣтахъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи» [2]). Это мнѣніе можетъ быть объяснено только малымъ знакомствомъ съ перепискою: во-первыхъ, осторожный Гриммъ никогда не давалъ Екатеринѣ политическихъ совѣтовъ отъ своего имени; во-вторыхъ, во всѣхъ письмахъ Гримма встрѣчается только одинъ «политиче-

---

слово чортъ, никогда дьяволъ. Въ 1775 г., на докладѣ князя Потемкина, что генералъ-поручикъ Медемъ стоитъ подъ Дербентомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и проситъ подкрѣпленія, Екатерина положила резолюцію: „чортъ велѣлъ къ Дербенту идти“ (Сборникъ, XXVII, 60); въ 1793 году, извѣщая о согласіи на отставку графа А. Р. Воронцова, Екатерина, между прочимъ, пишетъ: „чортъ его побери“. (Архивъ кн. Воронцова, XII, 103.

[1]) Его домъ въ Парижѣ былъ разграбленъ (Сборникъ XLIV, 638); братъ m-me de Bueil былъ „съѣденъ“ въ Нормандіи (397); г-жа д'Эпинэ потеряла все состояніе (181) и т. п.

[2]) Гротъ, 157. Между тѣмъ, нѣсколько страницъ ниже, объ этомъ же нѣмцѣ-радѣтелѣ о пользахъ Россіи сказано: „Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы“ (192). Тутъ, вѣроятно, вслѣдствіе типографскихъ опечатокъ, искаженъ смыслъ въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ: человѣкъ, не допускающій даже мысли, чтобъ политика Россіи могла быть національною на собственную пользу, не можетъ же быть „радѣтелемъ о пользахъ Россіи“, да еще и „искреннимъ“!

Digitized by Google

скій совѣтъ», но и тотъ былъ отвергнутъ Екатериною, какъ негодный. Въ этомъ случаѣ ярко обрисовалась особенность писемъ Гримма, полныхъ шутовской, многоглаголевой болтовни, и отвѣтовъ Екатерины, краткихъ и дѣльныхъ. Приведемъ письмо и отвѣтъ:

Вслѣдъ за окончаніемъ шведской войны верельскимъ миромъ, 24-го ноября 1790 года Гриммъ пишетъ Екатеринѣ: «Вихрь коронаціи Леопольда помѣшалъ мнѣ сказать Вашему Величеству, какъ я страдалъ отъ преданныхъ вамъ лицъ послучаю этого верельскаго мира. По мѣрѣ того, какъ миръ этотъ забирался въ ихъ головы, вмѣсто того чтобы пріучать ихъ къ этой мысли, онъ только увеличивалъ ихъ безуміе. Я уже готовился увидѣть ихъ прыжки, услышать ихъ оглушительные крики: ну, ужь вотъ мастерское дѣло, вотъ ловкая штука, вотъ капитальный подвигъ! Время отъ времени я говорилъ имъ: ну вы, дураки, развѣ вы отъ своего молодца могли ожидать чего-нибудь инаго, кромѣ капитальныхъ подвиговъ? Они даже было вздумали, Государыня, побуждать меня отправить, не теряя времени, нарочнаго къ Вашему Величеству! Да зачѣмъ же? А затѣмъ, говорили они мнѣ, что недостаточно отдѣлаться отъ врага, не надо ей оставаться на полудорогѣ, надо забыть его проказы и сдѣлать себѣ изъ него друга, готоваго идти за нее въ огонь и въ воду. — А какъ же за это взяться?—Нѣтъ ничего легче. Ей стоитъ только конфиденціально признаться ему, что, правда, гнѣвъ ея былъ очень великъ, очень глубокъ; но онъ не могъ устоять передъ удивленіемъ, внушеннымъ ей личною его храбростью; что это чувство покорило ее и заставило ее забыть все прошедшее. Донъ-Кихотъ, замѣтили мнѣ близкіе люди, никогда не стремился къ другой славѣ, какъ къ репутаціи личной храбрости; за эту честь онъ соглашался быть измолотымъ, избитымъ; а вѣдь извѣстно, что Ламаншскій герой— есть любимый образецъ героя, котораго намъ желательно видѣть покореннымъ ею. Если разъ онъ удостовѣрится, что она до смерти имъ восхищается, то онъ на всю жизнь будетъ прикованъ къ ея колесницѣ. Не мѣшаетъ, однако, показать ему издали какую-нибудь приманку, въ видѣ какихъ-нибудь маленькихъ барышей для него, если онъ станетъ ходить прямо и заставитъ забыть всѣ свои безчестныя проказы. Мы очень помнимъ, что если онъ по героизму и принадлежитъ къ семейству рыцаря Ламаншскаго, то въ отношеніи

Digitized by Google

къ маленькимъ выгодамъ совершенно держится правилъ добраго Санхо, который думалъ о существенномъ. Это мы очень хорошо замѣтили во времена нашего съ нимъ сближенія, также какъ и его необыкновенное нерасположеніе къ роднымъ своей матери, что̀, какъ мы полагаемъ, въ настоящую минуту еще сильнѣе, чѣмъ когда-либо.—Я спрашивалъ у этихъ болтуновъ: какую выгоду извлечетъ она изъ союзника, котораго вы хотите навязать ей и котораго она менѣе чѣмъ въ три кампаніи окончательно надсадила? На этотъ вопросъ, надо сознаться, они мнѣ сдѣлали отвѣты весьма основательные. Прежде всего, они предположили, что Данія никогда не можетъ идти иначе, какъ прямо; если она не станетъ дѣлать того, что слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ никогда нельзя будетъ склонить ее, какія бы ни предлагали ей выгоды, дѣлать то, чего не слѣдуетъ. Надо быть справедливымъ даже къ безумцамъ: это не показалось мнѣ несбыточнымъ, но едва я призналъ эту возможность, какъ они сочли ее уже неоспоримою и показали мнѣ лигу между тремя коронами, какъ весьма легко исполнимую [1]), чтобы заставить уважать Балтику и защитить ее отъ появленія всякаго военнаго флага, не дозволеннаго въ этомъ морѣ, что̀, по ихъ мнѣнію, не сдѣлало бы кампанію Герцберга, ни его вызывающія дѣйствія болѣе легкими, чѣмъ надо. Когда они изложили мнѣ подробно свои мысли съ большимъ жаромъ и гораздо многословнѣе, чѣмъ я говорю здѣсь, ибо Вашему Величеству извѣстно ихъ многословіе и болтливость, я спросилъ ихъ, для того ли они желали заставить меня послать курьера императрицѣ, чтобъ сообщить ей этотъ планъ, и, обратившись къ нимъ, какъ они того заслужили, я сказалъ имъ: ну вы архи-дураки, держите разъ навсегда языки за зубами, ибо ваша болтовня несносна» [2]), и т. д., и т. д.

На всю эту «несносную болтовню» Екатерина отвѣчала: «Мнѣ

---

[1]) „Ясно, что болтуны предполагаютъ геній созданнымъ для того, чтобъ покорять и соединять вокругъ себя тѣхъ, кто склоненъ ненавидѣть другъ друга, и чтобы господствовать надъ ними своимъ неотразимымъ вліяніемъ. Какъ совершитъ онъ это чудо? Это его тайна; но этотъ принципъ—вѣчная и непреложная истина". (Примѣч. Гримма).

[2]) Сборникъ, XLIV, 386. Мы привели по переводу русскаго историческаго общества, напечатанному въ т. XXXIII, стр. 279, исправивъ лишь очевидныя ошибки.

Digitized by Google

не по сердцу совѣтъ, который вы мнѣ даете—проникнуться удивленіемъ къ врагу, примирившемуся со мною. Это можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если онъ побѣдитъ всѣ соблазны, которыми Пруссія и Англія искушаютъ его, какъ демоны искушали св. Антонія» [1]).

Гриммъ и не могъ подавать политическихъ совѣтовъ, такъ какъ Екатерина далеко не была откровенна съ нимъ относительно политическаго положенія дѣлъ. Такъ какъ Гриммъ «изъявилъ желаніе получать извѣстія о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ», то Екатерина сообщаетъ ему, что «теперь въ русской Финляндіи нѣтъ ни одной шведской кошки», что «вчера служили благодарственный молебенъ по случаю взятія Хотина», что «генералъ Дерфельденъ поразилъ турокъ близъ Галаца, на Дунаѣ», что «Суворовъ разбилъ турецкій корпусъ при Фокшанахъ, въ Молдавіи», что «пораженіе флота принцемъ Нассаускимъ полное», что «Суворовъ, соединясь съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, разбилъ въ пухъ и прахъ турокъ» при Рымникѣ, и т. д., причемъ, конечно, «среди всего этого въ Петербургѣ и смѣются, и сердятся, и читаютъ, и пишутъ, и шутятъ» [2]). Послѣ заключенія верельскаго мира, Екатерина пишетъ Гримму: «Въ письмѣ, которое фельдмаршалъ князь Потемкинъ написалъ мнѣ, какъ только получилъ упавшее ему какъ снѣгъ на голову извѣстіе о заключеніи мира, есть фраза очень характерная, и я не могу не перевести ее вамъ. Онъ схватилъ перо и такъ началъ свое письмо: Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости! Я люблю геніальные порывы, и по-моему эта строка геніальна – не могу не признать этого, какъ ни былъ бы этотъ отзывъ лестенъ для меня. Я отвѣчала ему [3]), что русская императрица, у которой шестнадцать тысячъ верстъ за спиною, у которой арміи, привыкшія побѣждать въ теченіе почти цѣлаго столѣтія и предводимыя полководцами, которые такъ же геніальны,

[1]) Сборникъ, XXIII, 506.

[2]) Ibid. 435, 460. 465, 466, 476, 477, 488. Та же черта замѣчается и въ письмахъ Екатерины II къ Вольтеру по поводу первой турецкой войны: „on chante le «Te Deum», on danse et on se réjouit“ — пишетъ она въ концѣ 1770 г. Сборникъ, XIII, 52.

[3]) Ibid., XLII, 103.

Digitized by Google

какъ офицеры и солдаты храбры и усердны, не можетъ безъ униженія своего сана не выказывать неустрашимой твердости» [1]). Сообщая о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, Екатерина умолчала, однако, о пораженіи принца Нассаускаго при Свенскзундѣ, а объ общемъ положеніи политическихъ дѣлъ отозвалась такъ: «Георгъ англійскій и Вильгельмъ прусскій шумѣли и шумятъ еще, но Господь воинствъ могучъ и одинъ повелѣваетъ помазанниками, и мы не будемъ слѣдовать никакимъ инымъ заповѣдямъ, кромѣ заповѣдей, Имъ внушенныхъ, къ чему бы это насъ ни привело. Мы на все готовы: и принять, и отбросить, и выдержать, и биться, и надѣемся, что Господь воинствъ услышитъ и благословитъ правое дѣло, и въ этомъ твердомъ упованіи мы покойны, увѣрены, привѣтливы, веселы и всю зиму танцуемъ и прыгаемъ съ Александромъ и Константиномъ» [2]).

Именно въ это время, съ 1788 по 1791 годъ, Екатеринѣ было вовсе не до танцевъ. Союзъ Россіи съ Австріею измѣнилъ всѣ «политическія конъюнктуры» Европы и вызвалъ такія дипломатическія «посрамленія», которыя угрожали обоимъ «императорскимъ союзникамъ» несравненно бо́льшими опасностями, чѣмъ война съ Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русскій союзъ. Вслѣдъ за войной турецкой, Англія и Пруссія подвигли шведскаго короля Густава III начать войну съ Россіею, и въ то время, когда Россія должна была воевать на два фронта, Пруссія угрожаетъ и Австріи второю войною. Пруссія вооружилась и поднимаетъ Польшу противъ Россіи и Австріи; Англія платитъ субсидіи Густаву III и готовится отправить свой флотъ въ Балтику. Дошло до того, что князь Кауницъ предлагалъ императору отказаться отъ земельныхъ пріобрѣтеній по первому раздѣлу Польши, а князь Потемкинъ совѣтовалъ императрицѣ возвратить туркамъ Крымъ [3]).

---

[1]) Ibid., 494.

[2]) Ibid., 502.

[3]) Екатерина отвѣчала Потемкину: „На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и естьли сіе гнѣздо оставить и всѣ труды и заведенія пропадутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи. Ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?“. Сборникъ, XXVII, 491.

Digitized by Google

Положеніе обоихъ союзниковъ, Россіи и Австріи, было настолько серьезное, даже критическое, что, дѣйствительно, только «неустрашимая твердость» Екатерины спасла «честь и цѣлость» Россіи.

Въ 1788 году, когда Екатерина извѣщала Гримма, что въ Петербургѣ «смѣются и шутятъ», она писала Потемкину: «Ненависть противу насъ въ Польшѣ возстала великая, и горячая любовь, напротивъ, къ его королевскому прусскому величеству; сія, чаю, продлится, дондеже соизволитъ вводить свои непобѣдимыя войска въ Польшу и добрую часть оной займетъ. Я же не то, чтобъ ему препятствовать, и подумать не смѣю, чтобъ его королевскому прусскому величеству мыслями, словами или дѣломъ можно было въ чемъ поперечить; его всевысочайшей волѣ вся вселенная покориться должна! Ты мнѣ повторяешь совѣтъ, чтобъ я скорѣе помирилась съ шведскимъ королемъ, употребя его королевское прусское величество, чтобъ онъ убѣдилъ того къ миру, но естьли бы его королевскому прусскому величеству сіе угодно было, то бы соизволилъ шведскаго не допустить до войны. Ты можешь быть увѣренъ, что сколько я ни стараюсь сблизиться къ сему всемогущему диктатору, но лишь бы я молвила, чтобъ того не было, то за вѣрно уничтожится мое хотѣніе, а предпишутся мнѣ самыя легонькія кондиціи, какъ напримѣръ: отдача Финляндіи, а можетъ быть и Лифляндіи—Швеціи, Бѣлоруссіи—Польшѣ, а по Самару рѣку—туркамъ, а естьли сіе не приму, то войну имѣть могу. Штиль ихъ сверхъ того столь грубъ, да и глупъ, что и сему еще примѣру не бывало и турецкой самой мягкой въ разсужденіи ихъ. Я Всемогущимъ Богомъ клянусь, что все возможное дѣлаю, чтобъ сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущій прусской, дѣлаютъ; но онъ такъ надулся, что естьли лобъ не расшибетъ, то не вижу возможности безъ посрамленія на всѣ его хотѣнія согласиться; онъ же донынѣ самъ не вѣдаетъ, чего хочетъ, либо не хочетъ. Теперь англійской король умираетъ, и естьли онъ околѣетъ, то авось либо удастся съ его сыномъ, который Фокса и патріотической англійской партіи донынѣ слушался, а не ганноверца, установить ладъ; я вѣдаю, что лигѣ нѣмецкой очень не нравились поступки прусской въ Даніи; позволь сказать, что я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, не-

Digitized by Google

жели переметаться то туды, то сюды, какъ камышъ во время бури. Сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связи. Я къ отмщенію не склонна, но что чести моей и имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно; провинціи за провинцію не отдамъ, законы себѣ предписать кто дастъ? они дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ; въ томъ и надежду дураки кладутъ, что мы уступчивы будемъ. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, какъ осядутся какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да поползутъ какъ вода по отлогимъ мѣстамъ» [1]).

Поэтическое сравненіе Екатерины оправдалось; правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и всѣ прусскія посрамленія расползлись, какъ вода по отлогимъ мѣстамъ. 3-го августа 1790 года заключенъ верельскій миръ съ Швеціею, палъ Очаковъ, Измаилъ, и 11-го августа 1791 года подписаны преліминаріи мира съ Турціею. Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала ему: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія» [2]); послѣ ясскаго мира 1791 года Екатерина имѣла полное право пропѣть аллилуія. А прусскій король? Фридрихъ II воспользовался первою прусскою войною и получилъ часть Польши, безъ войны, чисто дипломатическимъ путемъ; Фридрихъ-Вильгельмъ II думалъ воспользоваться второю турецкою войною, чтобъ получить Данцигъ и Торнъ. «Пруссакъ паки заговариваетъ полякамъ, чтобъ ему уступили Данцигъ и Торунъ, сей разъ, на нашъ счетъ, лаская ихъ, имъ отдать Бѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтный распорядитель чужаго», писала Екатерина. Чужимъ распоряжаться оказалось не легко: Бѣлоруссія и Кіевъ остались за Россіею; ни Данцига, ни Торна Пруссія не получила.

Въ письмахъ къ Гримму, во все продолженіе второй турецкой и шведской войны, Екатерина является убѣжденною въ своей правотѣ, увѣренною въ успѣхѣ. Слова Екатерины должны были производить тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе на Гримма и вообще на «западныхъ

[1]) Сборникъ, XXVII, 532.
[2]) Ibid., XLII, 101.

Digitized by Google

европейцевъ», что императрица всегда опирается на силу и преданность народа, на честь и достоинство имперіи. «Вы говорите, пишетъ она Гримму, что безумцы утверждаютъ, будто нѣтъ болѣе Екатерины; но еслибъ ея и не было, Россійская имперія, тѣмъ не менѣе, существовала бы, а ей не суждено быть задавленною ни Густавомъ шведскимъ, ни Вильгельмомъ прусскимъ, даже въ союзѣ съ ихъ другомъ Абдулъ-Гамидомъ»[1]). Это напоминаетъ слова былины, что «не такъ у святыхъ отцовъ писано, не такъ у апостоловъ задумано, чтобъ погибнуть Россіи отъ враговъ». Екатерина сознаетъ всю трудность передвиженія войскъ; она просто и ясно объясняетъ себѣ и другимъ, что «войскамъ необходимъ ежедневный отдыхъ, нужно два раза въ сутки накормить солдатъ», а провіантъ или везти съ собою, что̀ затрудняетъ движеніе, увеличивая обозъ, или добывать во время похода, что̀ отвлекаетъ отрядъ отъ главной цѣли. А главная цѣль, по словамъ Екатерины, бить врага. «Лучше бить, чѣмъ быть биту»[2]) — таковъ военный девизъ Екатерины. Еще задолго до турецкой войны она пишетъ Гримму: «я надѣюсь, что всякій исполнитъ свой долгъ — туркофилы, турки и мы вмѣстѣ съ ними: мы, по обыкновенію, будемъ бить направо и налѣво, вы будете провозглашать насъ побитыми, несмотря на то, что мы все двигаемся впередъ, не уступая ни пяди своей земли». И уже во время войны: «Повѣрьте мнѣ, самое вѣрное средство одолѣть своихъ враговъ — бить ихъ, что̀ превосходно исполняли до сихъ поръ графъ обѣихъ имперій Суворовъ Рымникскій и особенно фельдмаршалъ князь Потемкинъ Таврическій»[3]).

Военное время было манной небесной для «храбрыхъ иностранцевъ», преимущественно же нѣмецкихъ принцевъ, считавшихъ отъ нечего дѣлать войну своимъ ремесломъ. За пять лѣтъ турецкой и шведской войны въ Россіи перебывало не мало такихъ «воиновъ-ремесленниковъ», чаявшихъ поживиться жалованьемъ, орденами, патентами, даже пенсіями. Гриммъ рекомендовалъ ихъ цѣлыми дюжинами, постоянно сопровождая свои рекомендаціи безсовѣстными

[1]) Сборникъ, XXIII, 474. Екатерина указывала Гримму причины такой крѣпости Россіи въ письмѣ отъ 25-го марта 1785 года. Ibid., 336.

[2]) Ibid., 229.

[3]) Ibid., 338, 481.

*

Digitized by Google

восхваленіями. По поводу одной изъ такихъ рекомендацій Екатерина писала ему: «Мы уже не мало видали у себя вашихъ великихъ дѣльцовъ, которые ничего ровно не дѣлали съ самаго ахенскаго мира; наши же о себѣ полагаютъ, что они болѣе наглотались опытности съ 1756 года и болѣе одержали побѣдъ, чѣмъ ихъ собратья по оружію во всемъ свѣтѣ. Можно подумать, что мы ужь становимся немножко хвастливыми, не правда ли? Однако, такъ какъ съ полдюжины враговъ уже побито, если не болѣе, потому что одинъ болѣе или менѣе не составляетъ важности въ подобномъ счетѣ, то трудно не сознаться, что послѣ вѣковыхъ успѣховъ нельзя уже прослыть болванами, и ужь если безъ болвановъ обойтись нельзя, то я предпочитаю своихъ болвановъ тѣмъ дѣльцамъ, которые только портятъ дѣло и получаютъ подзатыльники, не двигаясь при этомъ съ мѣста, какъ истые болваны»[1]). Въ письмахъ Екатерины къ Гримму встрѣчаются прелестные по прямодушію отзывы о подобныхъ болванахъ.

«Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать существенную услугу ея двоюродному брату, принцу Гессенъ-Филипстальскому, который былъ смертельно раненъ. Primo, сказавъ, будто онъ потерялъ при этомъ свой обозъ, онъ страшно солгалъ. Secundo, онъ опять солгалъ, сказавъ, будто онъ потерялъ свое жалованье за шесть мѣсяцевъ; если онъ его дѣйствительно потерялъ, то, быть можетъ, только въ карты, а такъ какъ онъ большой игрокъ и большой мотъ, у него никогда ничего нѣтъ, почему ему и нельзя довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но весьма плохой хозяинъ. Рана его зажила, и онъ теперь здѣсь. Когда онъ служилъ еще въ гвардіи, онъ каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбы о пособіи и страшно мнѣ этимъ надоѣдалъ; въ настоящее время я приказала выдать ему, въ видѣ вознагражденія, тысячу червонцевъ; я однако увѣрена, что, дай ему десять тысячъ, онъ все-таки остался бы безъ гроша. Мальчуганъ этотъ страшній мотъ, и горцогиня хорошо сдѣлала бы, посовѣтовавъ ему, если она можетъ, не лгать и поменьше играть въ карты. Впрочемъ, я очень была бы рада сдѣлать удо-

[1]) Ibid., 544. Принцу Гессенъ-Дармштадтскому Екатерина выплачивала пенсію въ 10.000 руб., съ тѣмъ, однако, чтобы онъ никогда болѣе не возвращался въ Россію. Ibid., 22, 50.

Digitized by Google

вольствіе герцогинѣ Саксенъ-Готской, но, ради Бога, чтобъ ея свѣтлость не вздумала высылать намъ такихъ молодцовъ дюжинами! Она испугала меня, сказавъ, что желала бы имѣть дюжину сыновей, чтобъ прислать всѣхъ ихъ намъ—это было бы страшное бремя для казны ея величества. Мнѣ чудится уже, что я вижу ихъ всѣхъ съ просьбами въ рукахъ, какъ они выпрашиваютъ денегъ, чтобъ въ тотъ же день проиграть ихъ въ карты; если же имъ отказать, они завопятъ, что ихъ покинули, и станутъ жаловаться герцогинямъ, своимъ двоюроднымъ сестрицамъ, и т. д., и т. д.»[1]).

За нѣмецкимъ принцемъ слѣдуетъ шотландскій морякъ. Поль Джонсъ имѣлъ «предпріимчивую репутацію», билъ англичанъ на сушѣ и на морѣ, показывалъ «великую охоту оказать свое усердіе и въ русской службѣ», участвовалъ въ побѣдѣ турокъ на Лиманѣ, но такъ, что «морскіе всѣ взбѣсились отъ Паулъ-Жонеса»[2]), послѣ чего получилъ двухлѣтній отпускъ и уже изъ отпуска прислалъ чрезъ Гримма проектъ борьбы съ Англіею походомъ на Индію. Екатерина отвѣчаетъ Гримму: «Теперь о контръ-адмиралѣ Полѣ Джонсѣ; посмотримъ, чего онъ хочетъ отъ насъ и каковъ его планъ. Полагаю, что, еслибъ Англія рѣшилась объявить намъ войну, то лучше было бы захватить, при помощи нашихъ каперскихъ свидѣтельствъ, возможно большее число ихъ кораблей—они тотчасъ же прекратили бы войну. Что касается Индіи, то она такъ далека, что прежде чѣмъ дойдешь до Индіи, миръ былъ бы уже заключенъ. Но прочтемъ письмо г. Поля Джонса. Прежде всего онъ пишетъ мнѣ о походѣ на Лиманъ, говоря, что онъ никого не обвиняетъ; эти слова подчеркнуты имъ. Онъ прибавляетъ, что не игралъ роли ни нуля, ни арлекина, жаждущаго сдѣлаться полковникомъ въ хвостѣ своего полка; онъ подчеркнулъ слова: въ хвостѣ. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ рукахъ очевидныя доказательства, что онъ руководилъ всѣми операціями противъ капитана-паши. Я же говорю, что, если онъ и руководилъ, то несомнѣнно, что не онъ побилъ: ему посылали приказъ за приказомъ наступать, а онъ не двигался, имѣя противный вѣтеръ, какъ онъ самъ сознается. Онъ говоритъ, что данное ему при этихъ обстоятельствахъ порученіе было очень

[1]) Ibid., 540.
[2]) Ibid., XXVII, 848, 501, 529.

Digitized by Google

трудно--можетъ быть; но дѣло шло о дракѣ, а въ этомъ случаѣ лучше бить, чѣмъ быть битымъ. Онъ находитъ, что ему приходилось жертвовать своимъ самолюбіемъ и рисковать своею военною репутаціею для блага имперіи, и надѣется, что я осталась довольна его поведеніемъ въ этомъ случаѣ, равно какъ и его послѣдующими планами, о которыхъ, какъ онъ полагаетъ, я ничего не знала. Богъ знаетъ, что это такое! Потомъ онъ говоритъ, что онъ руководствовался моимъ милостивымъ совѣтомъ, будто-бы повтореннымъ ему еще письменно, и что единственно только привязанность его къ моей особѣ помѣшала ему просить объ отставкѣ въ письмѣ, присланномъ изъ Варшавы, что онъ былъ огорченъ и даже оскорбленъ, получивъ двухлѣтній отпускъ въ военное время (двухлѣтній тоже подчеркнуто). А этотъ двухлѣтній отпускъ данъ былъ господину Полю Джонсу для того, чтобы удалить его отсюда, между нами будь сказано, безъ опозоренія, такъ какъ противъ него былъ начатъ процессъ объ изнасилованіи, что́ вовсе не приносило чести человѣколюбію его превосходительства, ни его справедливости, ни его великодушію, и послѣ этой милой черты не нашлось бы ни одного моряка, который согласился бы служить подъ начальствомъ господина контръ-адмирала. Сверхъ того, ему не было никакой надобности дѣлаться турко-шведомъ во время войны. Теперь, полагаю, легко понять, въ чемъ дѣло. И вотъ такъ-то господина контръ-адмирала отослали съ пенсіею, почти такою же, какую Франція дала генералу Люкнеру [1]). Поль Джонсъ пробылъ здѣсь болѣе полугода, не смѣлъ явиться ко двору и, уѣзжая, просилъ о разрѣшеніи откланяться, но послѣ грязнаго происшествія, упомянутаго выше, ему не было обѣщано особой аудіенціи, какъ онъ говоритъ. Онъ тогда очень хорошо зналъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ ее получить»[2]).

В. А. Бильбасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Luckner, 1722—1794, баварскій баронъ, отличившійся во время Семилѣтней войны на службѣ Фридриха II. Въ 1763 году онъ перешелъ на французскую службу, призналъ принципы революціи, сталъ въ 1791 году маршаломъ, съ 1792 г. командовалъ сѣверною арміею, казненъ въ 1794 г.

[2]) Сборникъ, XXIII, 541.

Digitized by Google

УЧЕНІЕ О ФИНЛЯНДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Ученіе объ особомъ Финляндскомъ государствѣ, соединенномъ съ Россіею только единствомъ царствующаго дома, стало разработываться финляндскими учеными и публицистами еще съ конца пятидесятыхъ годовъ, въ университетскихъ лекціяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Дарованіе Финляндіи въ 1863 г. сейма на конституціонныхъ началахъ быстро двинуло впередъ развитіе этого ученія. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ мы видимъ уже цѣлую литературу, посвященную разработкѣ этого ученія и укрѣпленію его въ сознаніи финляндцевъ; нѣкоторые же изъ авторовъ, какъ напр. Коскиненъ, Монгоммери, Мехелинъ, издали свои труды и въ переводѣ на нѣмецкій или французскій языкъ, чтобы расположить въ пользу своихъ взглядовъ и заграничныхъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Русская публика, до Гельсингфорскаго сейма 1863 г., мало интересовалась Финляндіей и не знала почти ничего о тамошнихъ порядкахъ и настроеніи умовъ. Изъ корреспонденцій, помѣщавшихся въ русскихъ газетахъ во время этого сейма, она впервые получила нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о новомъ политическомъ ученіи, распространявшемся въ Финляндіи и нашедшемъ себѣ отголосокъ въ преніяхъ сейма. Въ 1889 году явилось сочиненіе Ордина «Покореніе Финляндіи», въ которомъ авторъ, на основаніи документовъ, почерпнутыхъ имъ изъ нашихъ государственныхъ архивовъ, представилъ подробное изложеніе фактовъ и документовъ, относившихся къ устройству финляндскаго управленія въ эпоху завоеванія этой страны и дотолѣ почти вовсе

Digitized by Google

неизвѣстныхъ русскимъ ученымъ. Факты, раскрытые въ этой книгѣ, подрывали въ корень ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Но еще до появленія книги Ордина, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ рядъ статей, очевидно принадлежавшихъ компетентному автору, въ которыхъ разоблачились неосновательность и произвольность финляндскаго ученія. Финляндскіе ученые тотчасъ же поспѣшили отвѣтить на эту книгу Ордина и статьи «Московскихъ Вѣдомостей» полемическими брошюрами на русскомъ языкѣ и статьями, помѣщенными въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ. Только изъ этихъ полемическихъ возраженій русскіе читатели получили наконецъ яспое представленіе объ основахъ финляндскаго ученія и о цѣляхъ, которыхъ оно добивается.

Въ моемъ сочиненіи «Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ» были между прочимъ подвергнуты подробному разбору два основныя положенія этого ученія, высказанныя въ упомянутыхъ брошюрахъ и статьяхъ финляндскихъ авторовъ, именно: 1) что на Боргоскомъ сеймѣ 1809 г., по обоюдному договору императора Александра I съ представителями финляндскаго народа, Финляндія признана особымъ государствомъ, состоящимъ съ Россійской имперіей въ реальной уніи, т. е. соединеннымъ съ нею лишь единствомъ царствующаго дома, подобно напр. тому, какъ Норвегія соединена со Швеціей; 2) что, по тому же обоюдному договору, основными законами въ Финляндскомъ государствѣ признаны были шведскіе конституціонные законы, дѣйствовавшіе въ сказанную эпоху, именно форма правленія 1772 г. и актъ соединенія и охраненія 1789 г. Послѣ появленія моей книги (въ 1891 г.), въ Финляндіи опять были напечатаны двѣ брошюры, которыя стараются опровергнуть русскихъ авторовъ, писавшихъ по финляндскому вопросу, преимущественно же возражаютъ на факты и доводы, изложенные въ моей книгѣ. Эти брошюры суть: «Внутренняя самостоятельность Финляндіи. Отвѣтъ на новые нападки. Рих. Даніельсона. Борго 1892 г.» и «La question finlandaise, par L. Méchelin. Helsingfors», помѣченная 29-мъ декабря 1892 г. ст. ст.

Вступать въ полемику съ финляндскими писателями, то-есть стараться убѣдить ихъ въ противномъ тому, что они доказываютъ,

Digitized by Google

не можетъ имѣть никакой цѣли, потому что они не хуже насъ знаютъ всю парадоксальность ихъ сужденій, съ неимовѣрными усиліями построенныхъ на превратномъ толкованіи документовъ и историческихъ событій или даже на фактахъ, никогда не существовавшихъ и придуманныхъ ими для оправданія своей теоріи. Но такъ какъ эти новыя писанія финляндскихъ ученыхъ имѣютъ прямою цѣлію ввести въ заблужденіе русскихъ читателей, въ разсчетѣ на то, что лишь весьма немногіе изъ нихъ близко знакомы съ исторіей, законодательствомъ и учрежденіями Финляндіи, то мнѣ казалось настоятельно нужнымъ разобрать и эти новые вклады въ ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Тѣмъ немногимъ русскимъ людямъ, которые близко знакомы съ финляндскимъ вопросомъ, имѣющимъ для безопасности Россіи огромную важность, надобно теперь соединить свои усилія, чтобы не дать ему опять подернуться непроницаемымъ туманомъ, въ какомъ онъ въ теченіе 80 лѣтъ (до появленія книги Ордина) скрывался отъ глазъ русскаго общества и русскаго правительства. Но для того, чтобъ предметъ моей настоящей статьи былъ ясенъ для читателей, необходимо припомнить вкратцѣ главнѣйшіе моменты въ исторіи и законодательствѣ Финляндіи со времени завоеванія западной ея части русскимъ оружіемъ въ 1808 г.

При самомъ началѣ войны со Швеціей, императоръ Александръ I, въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 іюня 1808 г., обѣщалъ имъ сохраненіе «древнихъ установленій, странѣ ихъ свойственныхъ». Затѣмъ, по завоеваніи западной Финляндіи, императоръ обратился къ ея населенію съ слѣдующею грамотой: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь [1]) утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственно-

[1]) Слово „вновь“ указывало на обѣщаніе, данное уже императоромъ въ манифестѣ 5 іюня 1808 г.

Digitized by Google

ручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го дня 1809 г.». Въ то же время, по повелѣнію императора, были собраны на сеймъ въ городъ Борго депутаты отъ четырехъ сословій для принесенія присяги на подданство и для представленія своихъ мнѣній по четыремъ вопросамъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія и переданнымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Вопросы эти касались: будущаго устройства и способовъ содержанія поселеннаго войска, издавна существовавшаго въ Финляндіи, упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей, переложенія шведской монетной системы на русскіе рубли, наконецъ учрежденія правительственнаго совѣта, предназначеннаго завѣдывать административною, судебною и хозяйственною частью въ Финляндіи. Русское правительство, совершенно незнакомое съ устройствомъ и законами этой только-что завоеванной области, само собою разумѣется, не могло рѣшить этихъ вопросовъ безъ совѣщанія со свѣдущими людьми изъ числа самихъ жителей. Впрочемъ планъ учрежденія правительственнаго совѣта (переименованнаго въ 1816 г. въ императорскій финляндскій сенатъ) былъ составленъ еще до сейма и отъ сеймовыхъ депутатовъ требовалось только разъясненіе по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ.

Тѣ древнія установленія или коренные законы, о которыхъ говорилось въ манифестѣ 5 іюня 1808 г. и въ грамотѣ 15 марта 1809 г., были утверждены императоромъ въ видѣ двухъ кодексовъ, носящихъ названія: «Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г. и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Финляндіи» и «Церковный уставъ 1686 г.», утвержденный вмѣстѣ съ уложеніемъ 1734 г. Въ первомъ изъ сихъ уложеній соединены издавна дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы гражданскіе, уголовные, полицейскіе, о судопроизводствѣ, о торговлѣ и о хозяйственномъ благоустройствѣ. Такимъ образомъ законы, утвержденные Александромъ I для Финляндіи, обнимали весь церковный, юридическій, административный и экономическій бытъ этой провинціи и были именно тѣ «древнія установленія, странѣ этой свойственныя», или иначе тѣ «коренные законы», сохраненіе которыхъ было обѣщано императоромъ. Затѣмъ законы, вновь изданные для Финляндіи при Александрѣ I, а также и нѣкоторые изъ прежнихъ

Digitized by Google

шведскихъ законовъ, составили второй кодексъ, названный «Прибавленіе къ уложенію Швеціи, принятому на сеймѣ 1734 г. и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденному». Оба эти кодекса были впослѣдствіи (въ 1824 и 1827 гг.) переведены и на русскій языкъ, «для руководства живущихъ въ Финляндіи, особенно же въ Выборгской губерніи, многочисленныхъ русскихъ», какъ сказано въ предувѣдомленіи къ симъ переводамъ.

Грамота Александра I, обѣщавшая финляндцамъ сохраненіе сказанныхъ коренныхъ законовъ, и созваніе Боргоскаго сейма послѣдовали тогда, когда Финляндія, въ силу завоеванія, была уже фактически во власти русскихъ, но еще до заключенія мира со Швеціей. Окончательно политическое положеніе Финляндіи было установлено Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ уполномоченными со стороны Россіи и Швеціи лицами 5-го сентября 1809 года и ратификованнымъ русскимъ императоромъ 1-го октября. Въ статьѣ 4-ой этого трактата сказано: «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами и т. д., а равно ихъ принадлежности, преимущества права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Въ статьѣ 6-ой говорится: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія». Затѣмъ, ни Александръ I, ни его преемникъ императоръ Николай не признавали нужнымъ созывать сеймовъ для истребованія отъ сословныхъ представителей предварительныхъ мнѣній по законодательнымъ вопросамъ, и всѣ касавшіяся Финляндіи узаконенія, въ теченіе 54 лѣтъ (до Гельсингфорскаго сейма 1863 года), издавались непосредственно высочайшею властью, въ формѣ манифестовъ, высочайшихъ объявленій и постановленій.

Digitized by Google

Вотъ тѣ главныя начала, которыми опредѣлилось политическое положеніе Финляндіи со времени ея завоеванія. Финляндія, съ названіемъ великаго княжества, была включена въ составъ Русскаго государства, какъ одна изъ ея областей, «состоящая, со всѣми преимуществами и правами ея жителей, въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской»; но русскій императоръ, «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія», обезпечилъ ея жителямъ «свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества» и даровалъ ей особое провинціальное управленіе и судъ, примѣненные къ прежнему, вѣками сложившемуся административно-судебному строю этой области. Провинціальный сеймъ, какъ совѣщательное учрежденіе для разсмотрѣнія тѣхъ законодательныхъ вопросовъ, по которымъ императоръ сочтетъ нужнымъ выслушать предварительно мнѣнія и ходатайства сословій, былъ допущенъ всего одинъ разъ въ теченіе двухъ продолжительныхъ царствованій. Хотя въ принципѣ Александръ I не отмѣнилъ сеймовъ и на будущее время, какъ чисто совѣщательныхъ собраній, тѣмъ не менѣе, ни тогда, ни впослѣдствіи, нигдѣ не высказалъ обязательства собирать ихъ непремѣнно. Что же касается до обязательства передавать на обсужденіе сеймовъ тѣ или другіе законодательные проекты или до рѣшающаго значенія сеймовыхъ заключеній, каковое напримѣръ имѣли постановленія шведскаго риксдага, то объ этомъ, само собою разумѣется, не было и не могло быть и помина ни въ одномъ государственномъ актѣ, ни въ одной изъ рѣчей императора Александра I. Напротивъ того, при открытіи Боргоскаго сейма, онъ въ своей рѣчи прямо говорилъ: «Я желалъ видѣть представителей народа, чтобъ дать вамъ новое доказательство Моихъ намѣреній для блага вашей родины. Я дамъ вамъ знать о моихъ распоряженіяхъ по дѣламъ вашего собранія; вы легко узнаете побужденія, которыя Мнѣ ихъ внушили». Въ рѣчи, произнесенной имъ при закрытіи сейма, онъ выражался въ такихъ словахъ: «Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, я хотѣлъ узнать желанія и мысли народа на счетъ истинныхъ его интересовъ. Я призвалъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего благоденствія. Мнѣнія, вами теперь высказанныя, я приму въ соображеніе въ важномъ

Digitized by Google

дѣлѣ, мною обдумываемомъ въ видахъ вашего благоденствія». Сперанскій, на котораго было возложено императоромъ главное завѣдываніе финляндскими дѣлами, такъ выражался въ оффиціальномъ отношеніи, при которомъ онъ, по высочайшему повелѣнію, препровождалъ на сеймъ четыре поставленные ему вопроса: «Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти на встрѣчу его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Его Императорское Величество рѣшилъ внести нижеслѣдующіе вопросы на обсужденіе сословій, приглашая ихъ представить ему ихъ мнѣнія о способахъ привести эти вопросы въ устройство въ порядкѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ благосостоянію жителей». По поводу вопроса о поселенномъ войскѣ, Сперанскій выражался такъ: «Возможно, что крупныя неудобства вкрались въ способъ распредѣленія этой повинности; почему Государь Императоръ охотно дозволяетъ (veut bien permettre) сословіямъ представить ему ихъ мнѣнія (avis) объ этихъ неудобствахъ и указать вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе дѣйствительные способы къ ихъ устраненію. Его Величество приметъ въ соображеніе эти мнѣнія (prendra en considération ces avis)». Сеймовый маршалъ дворянскаго сословія Де-Гееръ вотъ какими выраженіями началъ всеподданнѣйшее представленіе этого сословія по вопросу о милиціи: «Проникнутое безпредѣльнымъ почитаніемъ и такою же признательностью къ безконечной милости Его Императорскаго Величества, соизволившаго войти въ сношенія съ сословіями по предмету величайшаго значенія для народа, дворянство повергаетъ на высокое и справедливое рѣшеніе Его Императорскаго Величества всенижайшія желанія (souhaits) съ величайшею откровенностью и съ безусловнымъ довѣріемъ къ его высокому благоволенію и отеческому сердцу». Какъ въ приведенныхъ документахъ, такъ и во всѣхъ другихъ рѣчахъ императора и актахъ того времени, не было ни слова о какихъ-либо обязательствахъ русскаго правительства или соглашеніи двухъ сторонъ, какъ равной съ равною, а вездѣ говорилось лишь о милости, добровольно даруемой самодержавнымъ монархомъ завоеванному народу, о желаніи его знать, при посредствѣ сейма, нужды страны и принять ихъ въ соображеніе при начертаніи для нея законовъ. Отъ сейма

Digitized by Google

требовались, какъ писалъ Сперанскій тогдашнему финляндскому генералъ-губернатору Барклаю отъ 27-го іюня 1809 года, не декреты, не законоположенія, а простыя мнѣнія. Государь предоставлялъ себѣ дать знать депутатамъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя угодно будетъ ему учинить по дѣламъ, внесеннымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Регламентъ правительственнаго совѣта окончательно выработанъ уже по распущеніи сейма и не былъ вторично на его разсмотрѣніи, а лишь былъ посланъ на заключеніе Барклая, причемъ ему предоставлялось предложить все, что онъ признаетъ нужнымъ по этому предмету. По вопросамъ о милиціи и податяхъ большая часть ходатайствъ сейма была принята государемъ; однако, вслѣдъ за манифестомъ отъ 15-го марта 1810 года, коимъ рѣшено было сохранить милиціонное войско на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ оно существовало прежде, было издано высочайшее повелѣніе, объявленное финляндскому генералъ-губернатору военнымъ министромъ, о наборѣ, всѣхъ праздношатающихся въ Финляндіи людей, годныхъ къ службѣ, и объ отсылкѣ ихъ въ Петербургъ. Почтительное возраженіе правительственнаго совѣта противъ этой мѣры было оставлено безъ вниманія. Монетный вопросъ также разрѣшенъ былъ спустя полгода послѣ сейма, высочайшимъ манифестомъ 17-го декабря 1809 года, при чемъ всѣ почти ходатайства сейма оставлены были безъ уваженія, въ томъ числѣ и ходатайство о созваніи новаго сейма для учрежденія банка земскихъ чиновъ (въ подражаніе шведскому банку государственныхъ чиновъ). Изъ всѣхъ этихъ фактовъ съ полною очевидностью слѣдуетъ заключить, что провинціальный Боргоскій сеймъ, или вѣрнѣе ландтагъ, не имѣлъ ничего общаго со шведскимъ риксдагомъ, каковымъ онъ являлся на основаніи конституціонныхъ шведскихъ законовъ 1772 и 1789 годовъ.

Что же сдѣлали въ своихъ писаніяхъ современные намъ финляндскіе юристы изъ этихъ, столь положительно выраженныхъ въ государственныхъ актахъ основъ тогдашняго финляндскаго провинціальнаго самоуправленія? Справедливость требуетъ однако замѣтить здѣсь, что само русское правительство тогдашняго времени подало поводъ ко всѣмъ будущимъ извращеніямъ смысла основныхъ началъ этого самоуправленія. Молодаго императора тѣсной стѣной окру-

Digitized by Google

жили тогда необыкновенно ловкіе и искусившіеся въ политическихъ крамолахъ финляндскіе шведы, во главѣ которыхъ сталъ извѣстный шведскій перебѣжчикъ Спренгпортенъ, овладѣвшій вполнѣ довѣріемъ императора и назначенный имъ генералъ-губернаторомъ вновь завоеванной провинціи. Всѣ эти шведы, окружившіе Александра, были главными зачинщиками Аньяльскаго заговора, который шведо-финляндскіе дворяне составили противъ своего короля Густава Ш, во время русско-шведской войны 1788 – 1789 г. [1]). Пользуясь неопытностью молодаго монарха и чрезмѣрною поспѣшностью, съ какою онъ желалъ покончить устройство управленія въ этой, только-что завоеванной области, пользуясь также незнакомствомъ русскихъ правительственныхъ лицъ съ порядками, существовавшими въ Финляндіи при шведскомъ господствѣ, финляндскіе совѣтники Александра I, въ составленномъ ихъ руками регламентѣ правительственнаго совѣта, сумѣли совершенно изолировать мѣстное финляндское управленіе отъ надзора и вліянія русскихъ правительственныхъ установленій и низвести значеніе русскаго генералъ-губернатора почти до экзекуторскихъ обязанностей. Они постарались включить въ регламентъ совѣта весьма много неясностей и недоговоренныхъ мѣстъ (pierres d'attente), въ надеждѣ, что со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти темныя мѣста могутъ быть истолкованы въ желаемомъ ими смыслѣ и дадутъ возможность достичь того, чего не удалось имъ достигнуть при самомъ началѣ. Сокровенною цѣлію ихъ желаній былъ тотъ идеалъ Фин-

---

[1]) Финляндское дворянство, пропитанное подобно всему шведскому дворянству того времени, олигархическими стремленіями, было раздражено противъ Густава Ш за то, что онъ значительно обуздалъ безграничное самовластіе этого сословія, какимъ оно пользовалось въ такъ называемый періодъ вольницы, начавшійся съ 1720 г., когда на шведскій престолъ избранъ былъ Фридрихъ Гессенскій, которому избравшее его дворянство предписывало условія на всей своей волѣ. Цѣлью Аньяльскаго заговора (отъ деревни Аньяла, гдѣ собирались заговорщики) было отторгнуть Финляндію изъ-подъ шведской власти и образовать изъ нея самостоятельное олигархическое государство подъ покровительствомъ Россіи. Густавъ III за свое противодѣйствіе самовластію дворянства поплатился жизнію: избѣжавъ злой участи, которую готовили ему аньяльскіе заговорщики, злоумышлявшіе на его свободу, онъ былъ впослѣдствіи измѣннически умерщвленъ шведскимъ дворяниномъ Анкерстрёмомъ, выстрѣлившимъ ему въ спину при выходѣ изъ опернаго маскарада.

Digitized by Google

ляндскаго самостоятельнаго государства, къ которому они стремились въ Аньяльскомъ заговорѣ. Съ другой стороны, и въ законахъ имперіи было совершенно упущено изъ вида, чтобы ясно и категорически опредѣлить отношенія мѣстныхъ финляндскихъ учрежденій къ центральнымъ государственнымъ властямъ и установить такой порядокъ изданія законовъ для Финляндіи, при которомъ мѣстныя особенности этого края были бы строго соглашаемы съ верховными правами и пользами Россіи. Императоръ Александръ I не имѣлъ и времени заняться этимъ вопросомъ. Всѣ его помыслы были поглощены тогда переговорами съ Наполеономъ. Взаимныя отношенія обоихъ монарховъ не переставали быть натянутыми съ самаго Тильзитскаго мира. Эрфуртское свиданіе, происходившее въ то самое время, когда финляндцы сочиняли въ Борго новые уставы для своей страны, не только не изгладило коренныхъ противорѣчій въ намѣреніяхъ обоихъ этихъ государей, но убѣдило Александра въ неизбѣжности новаго столкновенія съ Наполеономъ, къ которому онъ питалъ глубокое недовѣріе, хотя и былъ очарованъ его умомъ и военнымъ геніемъ. Подъ вліяніемъ этихъ ожиданій и общей тревожной неизвѣстности, висѣвшей тогда надъ Европой, всѣ дѣйствія Александра относительно Финляндіи были отмѣчены крайнею, можно сказать — лихорадочною поспѣшностью, отнимавшею отъ его русскихъ совѣтниковъ всякую возможность зрѣлаго обсужденія предпринимаемыхъ мѣръ. Александръ, очевидно, спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ финляндскими дѣлами, чтобы имѣть развязанныя руки на случай новой борьбы съ Наполеономъ. По окончаніи войны со Швеціей, Александръ какъ бы забываетъ о существованіи Финляндіи, удовольствовавшись тѣмъ, что теперь, въ случаѣ крупныхъ военныхъ событій, безопасность столицы была обезпечена отъ внезапнаго вторженія врага. Но на самомъ дѣлѣ Финляндія оставалась ничѣмъ не связанною съ Россіей кромѣ занятія ея русскимъ войскомъ. Затѣмъ наступили тревожные годы французскаго нашествія и послѣдовавшихъ за нимъ великихъ войнъ для освобожденія Европы отъ Наполеоновой тираніи. Потомъ, какъ извѣстно, для души Александра, обремененнаго славою и могуществомъ, настало время разочарованія и усталости, когда онъ оставался равнодушнымъ даже ко внутреннему положенію имперіи

Digitized by Google

и всѣ части управленія поручилъ главному завѣдыванію Аракчеева.

Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, на недоконченность финляндскихъ дѣлъ несомнѣнно вліяло и тогдашнее внутреннее настроеніе императора. Небезъизвѣстно, что Александръ лелѣялъ мечту о дарованіи своимъ народамъ представительныхъ учрежденій. Никто не зналъ, въ какой формѣ воображалъ онъ себѣ эти учрежденія; да едва-ли и для него самого была ясна эта форма. У него имѣлся планъ всероссійской конституціи, составленный его приближенными—княземъ Чарторижскимъ и Новосильцевымъ, и заключавшійся, по словамъ весьма близкаго къ императору лица, извѣстнаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, «въ пустыхъ либеральныхъ теоріяхъ, неудобопримѣнимыхъ къ нашему отечеству». По желанію Александра, его тогдашній fac-totum Сперанскій составилъ ему другой планъ конституціи, ограничивавшійся нѣсколькими общими положеніями. Въ эпоху завоеванія Финляндіи Александръ находился на кульминаціонной точкѣ своего конституціоннаго настроенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Финляндіи онъ желалъ сдѣлать первый пробный опытъ воображаемой имъ конституціи, чтобы связать ее потомъ въ одно цѣлое съ общею конституціей Россіи, какъ позднѣе онъ сдѣлалъ такой же опытъ въ царствѣ Польскомъ, давъ ему учредительную грамоту съ нѣкоторымъ подобіемъ конституціоннаго представительства. Даже въ присоединенной къ Россіи въ 1812 г. Бессарабіи онъ образовалъ областной совѣтъ, изображавшій собою жалкое подражаніе представительной камерѣ. Весьма вѣроятно, что объединеніе финляндскихъ учрежденій съ законами и властями имперіи онъ откладывалъ до того времени, когда всѣ эти пробныя конституціи сольются въ общей конституціи Россійскаго государства. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить себѣ, почему въ своихъ финляндскихъ рѣчахъ онъ называлъ иногда громкимъ именемъ конституціи дарованное имъ Финляндіи провинціальное самоуправленіе, хотя въ то же время, какъ мы видѣли выше, поступалъ съ постановленіями Боргоскаго сейма какъ вполнѣ самодержавный монархъ, не придавая имъ ни малѣйшаго обязательнаго для себя значенія. Впрочемъ, такими противорѣчіями, какъ извѣстно, были отмѣчены и многія другія дѣйствія этого мо-

Digitized by Google

нарха. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже заключить, что онъ представлялъ себѣ будущую Россію въ формѣ федераціи различныхъ полуавтономныхъ областей, съ особенными національными законами и учрежденіями, вслѣдствіе чего думалъ даже присоединить къ созданному имъ царству Польскому древнія западно-русскія области, считая ихъ польскимъ краемъ. Къ несчастію, Александръ I, при многихъ прекрасныхъ свойствахъ своего ума и характера, былъ оставленъ своимъ воспитателемъ, женевскимъ республиканцемъ Лагарпомъ, въ глубокомъ невѣдѣніи прежнихъ судебъ своего отечества и въ совершенномъ отдаленіи отъ русскихъ народныхъ стихій. Не всегда имѣя вѣрныя понятія о наукѣ государственнаго правленія и заботясь болѣе о своей личной популярности, чѣмъ о благѣ Россіи, онъ воображалъ, что можетъ надежнѣе привязать къ государству подвластныя Россіи народности посредствомъ выдѣленія ихъ изъ общаго государственнаго строя и дарованія имъ исключительныхъ привилегій. Онъ шелъ въ этомъ случаѣ наперекоръ исконной политикѣ московскихъ великихъ князей и царей, которая нѣкогда создала и скрѣпила Россію и которой не переставало слѣдовать наше правительство и въ императорскій періодъ нашей исторіи, въ особенности при Екатеринѣ II. Но этою государынею и закончилось это традиціонное направленіе нашей внутренней политики. Примѣръ царства Польскаго двукратно доказалъ потомъ, насколько было ошибочно новое теченіе нашей политики. Примѣръ этотъ вѣроятно будетъ не послѣдній.

Задача установленія органической связи между мѣстными финляндскими учрежденіями и общими государственными законами и властями не была выполнена и во все продолжительное царствованіе императора Николая. Удивляться этому нечего: наслѣдовавъ отъ своего предшественника недоконченное устройство финляндскаго управленія, откуда же этотъ монархъ могъ получить вѣрныя свѣдѣнія о ненормальномъ положеніи этой провинціи, существовавшей безъ органическаго и соглашеннаго съ верховными правами Россіи законодательства? Политической печати вовсе тогда не существовало въ нашемъ отечествѣ и ничей частный голосъ не смѣлъ касаться государственныхъ вопросовъ, которые правительство считало принадлежащими исключительно его собственному вѣдѣнію. По за-

Digitized by Google

веденному уже порядку, докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ Финляндіи являлся предъ императоромъ тотъ же финляндскій шведъ Ребиндеръ, который завѣдывалъ ими и при Александрѣ I, будучи отрекомендованъ ему Спренгпортеномъ. Переименованный императоромъ Николаемъ въ министра статсъ-секретаря великаго княжества, этотъ Ребиндеръ 30 лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ направленіе дѣлъ въ Финляндіи. Послѣ его смерти, мѣсто его занялъ графъ Армфельтъ, отецъ котораго, шведскій перебѣжчикъ Густавъ-Морицъ Армфельтъ, пользовавшись довѣріемъ и даже дружбой Густава III, измѣнилъ его сыну Густаву-Адольфу IV, былъ, подобно Спренгпортену, заочно приговоренъ къ смертной казни и перешелъ на русскую службу. Въ 1812 г., когда Спренгпортенъ сошелъ уже со сцены, Армфельтъ-отецъ сдѣлался вмѣсто его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ Александра I по финляндскимъ дѣламъ, достигъ должности члена государственнаго совѣта, званія генералъ-адъютанта и графскаго титула. Біографъ его, шведскій писатель Тегнѣръ, изображаетъ его человѣкомъ, втайнѣ ненавидѣвшимъ Россію и постоянно старавшимся вредить ей («Пок. Ф.» II, 448). Отъ такихъ совѣтниковъ, какъ Ребиндеръ и Армфельтъ-сынъ, какъ отъ прирожденныхъ шведо-финляндцевъ, императоръ Николай менѣе всего могъ ожидать раскрытія истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и совѣтовъ въ интересахъ русской власти. Русскіе министры были совершенно отстранены отъ финляндскихъ дѣлъ учрежденіемъ правительственнаго совѣта. Генералъ-губернаторы финляндскіе, незнакомые ни съ исторіей, ни съ нарѣчіями этой области, весьма мало знакомые даже съ дѣйствовавшими тамъ шведскими законами, должны были поневолѣ полагаться во всемъ на толкованія господъ финляндскихъ сенаторовъ и прокурора, назначаемыхъ исключительно изъ финляндцевъ, и, при самомъ лучшемъ желаніи служить пользамъ своего отечества, не могли ничего сдѣлать для измѣненія установившихся тамъ порядковъ.

Несмотря однако на отсутствіе въ законѣ категорическаго опредѣленія отношеній провинціальнаго финляндскаго самоуправленія къ общегосударственной власти, ни при Александрѣ I, ни при Николаѣ никому изъ финляндцевъ не приходило и въ голову провозглашать свою страну самостоятельнымъ государствомъ, на кото-

*

Digitized by Google

рое не распространяются государственные законы Россіи. Всѣ признавали, что это есть не болѣе, какъ область Россіи, управляемая на особомъ положеніи, имѣющая свое отдѣльное административное и судебное устройство, согласно тѣмъ началамъ, которыя были изложены нами выше. Никто не сомнѣвался, что русскій императоръ можетъ собственною властью издавать для Финляндіи законы, сообразно общимъ пользамъ государства, какъ и дѣлалось то обоими сказанными государями. Вдругъ, съ конца пятидесятыхъ годовъ, финляндскіе законовѣды, по данному имъ изъ Петербурга сигналу, встрепенулись и стали въ своихъ писаніяхъ на шведскомъ языкѣ воскрешать и гальванизовать давно уже похороненный трупъ аньяльскихъ заговорщиковъ, то-есть ученіе о Финляндскомъ государствѣ, состоящемъ (до поры до времени) подъ фиктивнымъ покровительствомъ Россіи, но управляемомъ шведскою олигархіей отъ имени финскаго народа. Конечно, самъ финскій народъ былъ тутъ ни при чемъ и служилъ лишь ширмой для прикрытія видовъ дворянства и чиновничества, съ которыми, по духу и матеріальнымъ интересамъ, всегда неразрывно было связано и тамошнее лютеранское духовенство, держащее въ своихъ рукахъ значительную долю полицейской и судебной власти надъ народомъ. Отсутствіе въ законахъ, какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ, категорическаго опредѣленія отношеній финляндскаго провинціальнаго самоуправленія къ общегосударственнымъ законамъ и властямъ было какъ нельзя болѣе на руку финляндскимъ политикамъ, давая имъ возможность на этомъ упущеніи законодательства строить фикцію особаго Финляндскаго государства и, вмѣсто обойденныхъ молчаніемъ основныхъ русскихъ государственныхъ законовъ, подставлять шведскіе конституціонные законы, нигдѣ дотолѣ не упоминавшіеся. Это вновь воскрешенное ученіе стало быстро распространяться въ Финляндіи книгами, газетами и путемъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, подъ покровомъ тайны, которымъ было прикрыто отъ глазъ русскаго правительства все, что творилось въ этой странѣ. При первыхъ же попыткахъ русской печати, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, приподнять немного завѣсу, скрывавшую отъ насъ эту таинственную страну, «финляндскимъ правительствомъ» тотчасъ же были приняты мѣры для прекращенія этихъ столь нежелательныхъ для него разо-

Digitized by Google

блаченій: по особому высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1861 г., всѣ статьи о Финляндіи предписано было цензурѣ отсылать на разрѣшеніе финляндскаго статсъ-секретаріата. Но и послѣ освобожденія столичныхъ газетъ и журналовъ отъ предварительной цензуры, до русскаго общества доходили путемъ печати лишь отрывочныя и довольно сбивчивыя свѣдѣнія о финляндскихъ дѣлахъ, потому что финляндцы зорко слѣдили за тѣми русскими, которыхъ подозрѣвали въ сообщеніи корреспонденцій въ столичныя газеты, и немедленно принимали мѣры для ихъ запугиванія или для удаленія изъ Финляндіи.

Но вотъ является въ 1889 г. сочиненіе Ордина «Покореніе Финляндіи», въ которомъ авторъ, вполнѣ владѣвшій шведскимъ языкомъ, послѣ многолѣтняго изученія историческихъ документовъ и хранившихся въ нашихъ государственныхъ архивахъ актовъ и дѣлъ, относящихся къ Финляндіи, представилъ полную картину событій, сопровождавшихъ завоеваніе западной Финляндіи при Александрѣ I. Книга эта всполошила финляндскихъ руководителей, такъ какъ она разрывала паутину поддѣлокъ и ложныхъ толкованій, такъ усердно сплетавшуюся ими, чтобы ввести въ заблужденіе русское правительство относительно объема и значенія того самоуправленія, которое было предоставлено Финляндіи Александромъ I. Имя Ордина, этого самоотверженнаго труженика и въ высшей степени правдиваго изслѣдователя, было предано поруганію во всѣхъ финляндскихъ газетахъ, а для поколебанія силы приведенныхъ имъ фактовъ, первѣйшими финляндскими учеными авторитетами стали печататься на русскомъ языкѣ брошюры и помѣщаться статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ. Сказанныя брошюры были разсылаемы въ Петербургѣ всѣмъ значительнымъ лицамъ подъ бандеролью и безплатно.

Конечно, въ брошюрахъ и статьяхъ, предназначенныхъ для русскихъ читателей, ученіе объ отдѣльномъ Финляндскомъ государствѣ излагается съ нѣкоторою сдержанностью сравнительно съ тѣмъ, что проповѣдуется въ финляндской литературѣ; но и по этимъ писаніямъ на русскомъ языкѣ можно судить о томъ, во что обратили финляндскіе политики историческую истину и тѣ привилегіи, которыя были дарованы ихъ странѣ Александромъ I. Фактъ

Digitized by Google

завоеванія Финляндіи русскимъ оружіемъ, послѣ упорной борьбы, въ которой принимало участіе все финское населеніе, финляндскіе политики обратили въ добровольное вступленіе финляндцевъ въ подданство русскому императору. Боргоскій сеймъ, подъ ихъ перомъ, оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ торжественнымъ актомъ соединенія двухъ государствъ, Русскаго и Финляндскаго, на которомъ обѣ стороны заключали договоръ, подкрѣпленный обоюдною клятвою русскаго императора и представителей финляндскаго народа. Въ силу этого договора, Александръ I призналъ Финляндію особымъ государствомъ и обѣщалъ за себя и за своихъ преемниковъ хранить ненарушимо и на вѣчныя времена основные законы этого государства. Утвержденное Александромъ I для Финляндіи шведское уложеніе 1734 года финляндскіе юристы подмѣнили въ своихъ писаніяхъ шведскими конституціонными законами, извѣстными подъ именемъ формы правленія 1772 г. и акта соединенія и безопасности 1789 г., а о сказанномъ уложеніи 1734 г. тщательно умалчиваютъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, такъ какъ оно служитъ прямымъ обличеніемъ дѣлаемаго ими подлога, яспо указывая, какіе законы разумѣлъ Александръ I, въ грамотѣ 15-го марта 1809 года, подъ коренными законами Финляндіи.

Приведемъ сперва главные тезисы ученія о Финляндскомъ государствѣ по брошюрамъ и статьямъ финляндскихъ ученыхъ, явившимся вслѣдъ за появленіемъ книги Ордина. Хотя они и были уже разобраны въ моей книгѣ «Финляндскій современный вопросъ», но для читателя, незнакомаго съ этимъ сочиненіемъ, необходимо вкратцѣ изложить эти тезисы. Потомъ я перейду къ двумъ брошюрамъ, появившимся уже въ 1892 году и представляющимъ послѣдніе вклады въ ученіе о Финляндскомъ государствѣ.

Въ статьѣ «Россія и Финляндія», напечатанной въ № 1 «Русской Старины» 1888 года, но къ сожалѣнію недоконченной и принадлежащей, по словамъ покойнаго издателя этого журнала Семевскаго, одному изъ главныхъ представителей «финляндскаго правительства» того времени, между прочимъ говорится: «На Боргоскомъ сеймѣ какъ бы былъ заключенъ окончательный миръ, закрѣпленный договоромъ между императоромъ Александромъ I, подтвердившимъ и примѣнившимъ себя къ вѣками сложившемуся

Digitized by Google

въ странѣ порядку, и законно выбранными представителями финскаго народа, свободно и непринужденно присягнувшими на вѣрноподданство императору. Этотъ договоръ конечно не представляетъ собою юридически формулированнаго трактата между двумя самостоятельными государствами; но, съ другой стороны, нельзя также отрицать юридическаго значенія этого документальнаго подтвержденія конституціи, равно какъ и нравственно обязательной силы самаго акта соединенія. Такимъ образомъ заключенный на Боргоскомъ сеймѣ договоръ долженъ быть разсматриваемъ какъ добровольное соглашеніе между императоромъ и финляндскимъ народомъ, выразившееся именно со стороны императора въ подтвержденіи конституціи края и признаніи основаннаго на ней обособленнаго государственнаго положенія Финляндіи, а со стороны финскаго народа—въ добровольномъ вступленіи въ подданство россійскаго императора» (стр. 134). Едва-ли можетъ идти далѣе этихъ финляндскихъ баснописаній историческая ложь, очевидно разсчитанная на невѣжество читателей, для которыхъ она предназначается. Но если подобнаго рода разсужденія могутъ быть убѣдительными для финляндской публики, то въ Россіи, и до появленія книги Ордина, хорошо было извѣстно, въ какой степени было добровольно вступленіе финляндцевъ въ подданство Россіи и что никогда никакого договора между Александромъ и финскимъ народомъ не существовало. Финскій народъ не только не шелъ добровольно на подданство Россіи, но когда русскія войска дошли уже до сѣверной оконечности Ботническаго залива, финское населеніе оказывало имъ столь упорное сопротивленіе, что русскимъ пришлось отступить назадъ чрезъ бо́льшую половину Финляндіи. При этомъ финны, предводимые пасторами, чиновниками и шведскими офицерами, проявляли крайнее звѣрство противу русскихъ, доходившее до того, что попадавшіе къ нимъ въ плѣнъ русскіе солдаты были живыми закапываемы въ землю. Когда же наконецъ сопротивленіе было сломлено и вся Финляндія была подъ русскою пятою, а императоръ Александръ, вмѣсто обычнаго въ этихъ случаяхъ «горе побѣжденнымъ!», приказалъ вызвать въ Петербургъ депутатовъ для изложенія ему нуждъ страны, а потомъ велѣлъ собрать сеймъ въ Борго, то какъ же было не идти финлянд-

Digitized by Google

цамъ для полученія изъ рукъ побѣдителя великихъ щедротъ политическихъ и денежныхъ, вмѣсто ожидавшагося ими возмездія и уничтоженія всѣхъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей? Едва-ли какой-нибудь другой историкъ, кромѣ финляндскаго, можетъ назвать тогдашнія событія добровольнымъ вступленіемъ финляндцевъ въ подданство русскому императору, а финляндскихъ депутатовъ посланниками финскаго народа, заключившими отъ его имени договоръ съ Александромъ. Замѣтимъ кстати, что въ числѣ этихъ посланниковъ были и такіе (депутаты, высланные въ Петербургъ отъ крестьянскаго сословія), которымъ, для представленія ихъ государю въ приличномъ видѣ, были сшиты кафтаны на русскія деньги и которые, по безграмотству, подписывались какими-то условными крюками и монограммами.

Гельсингфорскій профессоръ Даніельсонъ, въ изданной имъ въ 1890 году брошюрѣ: «Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою», говоритъ: «на Боргоскомъ актѣ императоръ Александръ объявилъ свое удостовѣреніе (т. е. грамоту 15-го марта 1809 года) въ качествѣ носителя и представителя верховной власти въ соединенныхъ государствахъ. Земскіе чины съ своей стороны принесли императору и великому князю присягу вѣрности. Поэтому позднѣйшія высочайшія удостовѣренія (такъ называютъ финляндскіе писатели манифесты русскихъ государей при восшествіи на престолъ) и вѣрноподданническія присяги, которыми затѣмъ обмѣнивались государи и финскій народъ, не могутъ имѣть опредѣлительнаго значенія по вопросу о характерѣ соединенія Финляндіи и Россіи или касательно отношеній монарха къ конституціи Финляндіи. Въ нихъ только выражаются положенія, которыя и безъ того имѣли бы силу, какъ утвержденныя на вѣчныя времена при самомъ соединеніи Финляндіи съ имперіей. Однако утвержденная разъ навсегда конституція не только предписываетъ, чтобы финскій народъ приносилъ присягу вѣрности каждому новому монарху, но обязываетъ также государей давать удостовѣреніе о сохраненіи законовъ края; дѣйствительно, подобныя удостовѣренія даны всѣми преемниками Александра I. Для развитія конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи царствованіе императора Николая оказалось далеко не-

Digitized by Google

благопріятнымъ, однако и Николай Павловичъ безъ оговорокъ признавалъ, что Финляндія не есть русская губернія и что здѣсь его власть подлежала законнымъ ограниченіямъ» (стр. 160—161). Выписанныя здѣсь строки говорятъ сами за себя и не требуютъ опроверженія: въ серьезномъ читателѣ онѣ могутъ вызвать лишь улыбку. Императоръ Александръ велъ войну со Швеціей, окончившуюся завоеваніемъ шведской провинціи Финляндіи. Вдругъ эта завоеванная провинція, бывшая только объектомъ завоеванія и не имѣвшая никакого голоса въ переговорахъ двухъ воевавшихъ державъ, превращается въ самостоятельное государство, заключающее съ завоевателемъ договоръ, вслѣдствіе котораго на картѣ Европы являются два союзныхъ государства, Россія и Финляндія, обмѣнивающіяся потомъ взаимными удостовѣреніями, съ одной стороны сохранять за Финляндіей неприкосновенными шведскіе конституціонные законы, а съ другой—пребывать въ вѣрноподданствѣ общему монарху. Такой комбинаціи между завоевателемъ и завоеванными еще не встрѣчалось во всемірной исторіи до этого новооткрытаго финляндскими профессорами эпизода, и карты Европы требуютъ, очевидно, исправленія. Нельзя кстати не замѣтить здѣсь, что нынѣшніе финляндскіе писатели, урѣзывая по своему благоусмотрѣнію права Россіи и ея монарха надъ Финляндіею, постоянно ставятъ намъ на видъ, какъ бы нѣкоторое равноцѣнное вознагражденіе, что зато финляндцы приносятъ присягу на вѣрноподданство русскому императору, и носятся съ этою присягой, какъ съ писанной торбой. Если судить о достоинствѣ этой присяги по дѣйствіямъ нынѣшнихъ финляндскихъ чиновниковъ, журналистовъ и городскихъ жителей, то цѣна ей оказывается очень незначительною, такъ что Россіи приходится полагаться на какое нибудь другое, болѣе надежное, ручательство ея безопасности со стороны Финляндіи.

Относительно подмѣна утвержденнаго Александромъ I шведскаго уложенія 1734 г. шведскими конституціонными законами 1772 и 1789 г. приведемъ во-первыхъ слова бывшаго финляндскаго профессора и сенатора Мехелина изъ его полемической брошюры «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи?» «Основные законы, которые до 1808 г. дѣйствовали въ Финляндіи, какъ въ части Шведскаго государства, и которые, при соединеніи

Digitized by Google

Финляндіи съ Россіею, согласно удостовѣренію императора Александра I, сохранили силу въ видѣ основныхъ законовъ великаго княжества, суть слѣдующіе: форма правленія 1772 г., актъ соединенія и безопасности 1789 г. и нѣкоторыя постановленія о составѣ и дѣлопроизводствѣ риксдаговъ (называемыхъ нынѣ сеймами). Все, что постановлено относительно короля въ шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 г. утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 г., разумѣется, примѣняется къ императору и великому князю» (стр. 5). Въ приведенной здѣсь выпискѣ изъ этого авторитетнѣйшаго въ глазахъ финляндцевъ политическаго писателя и мѣстнаго дѣятеля заключается смыслъ всѣхъ остальныхъ разсужденій финляндской печати объ основныхъ законахъ ихъ края. Казалось бы, что, утверждая фактъ такой первостепенной важности, какъ признаніе императоромъ Александромъ I шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. основными законами Финляндіи, слѣдовало бы подтвердить его ссылками на документы. Однако ничего подобнаго мы не находимъ ни у Мехелина, ни у другихъ финляндскихъ писателей. Они повидимому думаютъ, что имъ, какъ присяжнымъ знатокамъ финской исторіи, всѣ обязаны вѣрить на слово въ томъ, что доказать имъ желательно. Между тѣмъ въ каждомъ словѣ вышеприведенныхъ утвержденій г. Мехелина заключается противорѣчіе общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ. Ни въ грамотѣ 15 марта 1809 г., на которую ссылается г. Мехелинъ, ни въ другомъ какомъ-либо манифестѣ, рѣчи или повелѣніи императора Александра I не находится ни малѣйшаго упоминанія о сказанныхъ двухъ шведскихъ законахъ. Профессоръ государственнаго права въ Гельсингфорскомъ университетѣ г. Германсонъ, въ своей статьѣ «По вопросу о законахъ Финляндіи» въ № 6 «Вѣстника Европы» за 1890 г., говоритъ: «Нѣкоторыми органами русской печати высказывается мнѣніе, будто утвержденіе императора Александра I (т. е. грамота 15 марта 1809 г.) не относится до формы правленія 1772 г. и акта соединенія и безопасности 1789 г., а лишь до нѣкоторыхъ законовъ, касающихся частной жизни [1]). Въ Финляндіи ни-

[1]) Такъ называетъ профессоръ государственнаго права уложеніе 1734 г., обнимавшее весь юридическій, административный и экономическій бытъ Финляндіи; а все-таки не рѣшается назвать прямо это уложеніе.

Digitized by Google

кто никогда не подозрѣвалъ возможности такого тѣснаго толкованія приведеннаго утвержденія, а напротивъ того всегда предполагалось, что форма правленія и актъ соединенія и безопасности относятся къ числу утвержденныхъ законовъ» (стр. 788). Мы, русскіе писатели, вполнѣ готовы раздѣлять убѣжденіе почтеннаго ученаго, что въ Финляндіи, просвѣщаемой профессорами Гельсингфорскаго университета, «никто не подозрѣвалъ и всегда предполагалось»; но какое же значеніе въ государственномъ правѣ Россіи можетъ имѣть то, что подозрѣвается или предполагается финляндскими чиновниками и литераторами? Для рѣшенія такого капитальнаго вопроса, какъ опредѣленіе отношеній Финляндіи къ своему монарху и своей метрополіи, необходимы какія-нибудь болѣе вѣскія доказательства. Поискамъ за этими доказательствами г. Германсонъ посвящаетъ 7 страницъ своей статьи; но не найдя ни одного факта, ни малѣйшаго намёка, свидѣтельствующихъ о томъ, что Александръ I желалъ утвердить для Финляндіи упоминаемые шведскіе законы, онъ ограничивается опять только повтореніемъ собственныхъ piorum desideriorum, въ видѣ такихъ восклицаній: «едва-ли возможны какія-либо сомнѣнія относительно того, какіе законы монархъ могъ имѣть въ виду, говоря объ общемъ сеймѣ», «какъ возможно предполагать, чтобы высочайшее утвержденіе государя не относилось до формы правленія и акта соединенія» и т. п. Вышеупомянутый профессоръ Даніельсонъ, изучившій до мелочей всѣ документы, относящіеся къ эпохѣ 1808—1809 гг., и не нашедшій въ своихъ поискахъ ни одного указанія на то, чтобы императоръ Александръ I или кто-либо изъ его министровъ обмолвились хотя однимъ словомъ о томъ, что подъ коренными законами Финляндіи они разумѣли шведскіе законы 1772 и 1789 гг., приводитъ въ подтвержденіе этой никогда не существовавшей фикціи финляндскихъ политиковъ такія два, по его мнѣнію, неопровержимыхъ доказательства. Во-первыхъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ манифестѣ императора Александра I, повелѣвавшемъ финляндскимъ сословіямъ собраться на сеймъ въ Борго, этотъ государь впервые присоединилъ къ своему титулу наименованіе «великій князь Финляндскій», г. Даніельсонъ видитъ прямое доказательство того, что «Александръ I, обѣщая сохранить Финляндіи ея законы, имѣлъ въ

Digitized by Google

виду не одни провинціальныя различія, но и законы, опредѣляющіе политическія права финскаго народа», т. е., по дальнѣйшему толкованію, шведскіе законы 1772 и 1789 гг. («Соединеніе Финл.», 91). Однако г. Даніельсону должно быть извѣстно, что въ титулѣ русскаго государя онъ именуется также: великій князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и затѣмъ уже Финляндскій (ст. 37 основн. гос. законовъ). Въ сокращенномъ титулѣ именованіе «великій князь Финляндскій» поставлено въ самомъ концѣ, послѣ титуловъ: царь Сибирскій, царь Херсонеса Таврическаго, царь Грузинскій (ст. 38), и только въ самомъ краткомъ титулѣ наименованія царь Польскій и великій князь Финляндскій выдѣлены, при Александрѣ I, изъ общаго титула, для указанія областей новѣйшаго пріобрѣтенія, не входившихъ дотолѣ въ составъ Русскаго государства. Слѣдовательно выводить изъ императорскаго титула обособленность Финляндіи въ смыслѣ реальной уніи или признаніе за ней шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. столь же основательно, какъ если бы кто, на основаніи того же титула, сталъ доказывать, что Крымъ и Грузія составляютъ самостоятельныя области, состоящія въ реальной уніи съ Россіей, и что за ними сохранены прежніе законы татарскихъ хановъ и грузинскихъ царей. Такою же доказательною силой отличается и другой аргументъ, приводимый профессоромъ Даніельсономъ въ подтвержденіе сказанной фикціи, именно, что «до приступа къ обсужденію на Боргоскомъ сеймѣ высочайшихъ предположеній, въ крестьянскомъ сословіи 1 апрѣля 1809 г. были прочтены форма правленія 1772 г., актъ соединенія и безопасности 1789 г., королевское удостовѣреніе правъ и привилегій крестьянства отъ 4 апрѣля того же года, сеймовый уставъ 24 января 1617 г. и прочія постановленія, которыя должны служить руководствомъ при преніяхъ» (стр. 128). Вотъ какое нашелъ г. Даніельсонъ вѣское подтвержденіе краеугольному положенію финляндскихъ политиковъ! Изъ того обстоятельства, что нѣсколько финскихъ мужичковъ, присланныхъ на сеймъ, сочли нужнымъ, для собственнаго назиданія, прочесть въ своемъ собраніи шведскіе законы 1772 и 1789 гг., онъ заключаетъ, что, значитъ, эти законы были утверждены для Финляндіи императоромъ Александромъ. Кромѣ этихъ двухъ аргументовъ ученый гельсингфорскій профес-

Digitized by Google

соръ, при всемъ своемъ рвеніи, не могъ подыскать ничего другаго для доказательства основнаго положенія финляндскихъ политиковъ. Г-нъ Мехелинъ въ своемъ сочиненіи «Précis du droit public du Grand Duché de Finlande (переведенномъ по-русски Ординымъ), при перечисленіи законодательныхъ источниковъ публичнаго права Финляндіи, во главѣ ихъ ставитъ нигдѣ не упоминавшіеся при Александрѣ I законы 1772 и 1789 гг. и опять тотъ же выдуманный финляндскими юристами «актъ соглашенія между императоромъ и государственными чинами Финляндіи», но ни однимъ словомъ не упоминаетъ о ненавистномъ для финляндскихъ законовѣдовъ общемъ уложеніи 1734 г.

Однѣхъ этихъ выписокъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что у императора Александра I и его министровъ не было и въ помыслахъ утверждать для Финляндіи сказанные шведскіе законы. О нихъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ регламентѣ правительственнаго совѣта, основномъ законодательномъ трудѣ того времени, ни въ какомъ-либо другомъ правительственномъ актѣ или рѣчи императора Александра I.

Не вдаваясь въ историческое описаніе происхожденія этихъ двухъ шведскихъ законовъ, явившихся слѣдствіемъ борьбы королевской власти со шведскою олигархіей, я ограничусь здѣсь только краткимъ указаніемъ содержанія главнѣйшихъ ихъ статей; полный же текстъ ихъ, въ оффиціальномъ переводѣ на русскій языкъ, приведенъ въ сочиненіи Ордина. По § 1-му формы правленія, король долженъ быть лютеранскаго аугсбургскаго исповѣданія; по § 2-му онъ долженъ управлять сходственно съ постановленными въ Швеціи законами; по § 3-му въ престолонаслѣдіи не допускается ни малѣйшей перемѣны противу постановленій, учиненныхъ въ Стокгольмѣ, Вестеросѣ и Нодкепингѣ въ такіе-то годы; по § 4-му король избираетъ изъ благородныхъ шведовъ себѣ совѣтниковъ, которымъ принадлежитъ ближайшее по королѣ достоинство; по § 7 король не изъ прирожденныхъ шведовъ не можетъ выѣхать изъ королевства безъ согласія сейма; по § 40-му король не можетъ издавать новыхъ законовъ, нижѣ старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ; по § 41-му государственные чины не могутъ издавать новыхъ законовъ, нижѣ старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія

Digitized by Google

короля; по § 45-му король не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своего акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія. По пункту 1-му акта соединенія и охраненія, король совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями; по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами; наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы, признанные королемъ полезнѣйшими. По пункту 2-му акта соединенія и охраненія, въ верховномъ ревизіонномъ судѣ королю принадлежитъ только два голоса; по пп. 8 и 9 король, при вступленіи на престолъ, долженъ собственноручно подписать актъ соединенія и охраненія и принести присягу въ томъ, что онъ будетъ управлять королевствомъ и царствовать по формѣ правленія 1772 г. и сему акту соединенія. Наконецъ, въ увѣреніи, которое король обязанъ былъ подписать и подтвердить клятвой, согласно формѣ правленія, онъ объявляетъ дословно слѣдующее: «Мы наисильнѣйшимъ образомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ основному закону и, отвергая навсегда, какъ то̀ нами уже учинено, ненавистное королевское самовластіе (förhateliga Konungsliga Enwäldet) или такъ называемое самодержавіе (Souverainitéten), мы почитаемъ всегда за величайшую для себя честь быть первымъ согражданиномъ среди вѣрнаго и вольнаго народа».

Финляндскіе законовѣды необинуясь заявляютъ, что не только эти законы были утверждены Александромъ I, но что и всѣ его преемники, при восшествіи на престолъ, подтверждали ихъ въ своихъ манифестахъ. Выходитъ, что даже и императоръ Николай, подтверждая финляндцамъ сохраненіе ихъ коренныхъ законовъ, разумѣлъ подъ ними два сказанныхъ шведскихъ законодательства. Едва-ли бы нашелся такой сенатъ и такой министръ статсъ-секретарь, которые осмѣлились бы предложить императору Николаю

Digitized by Google

подтвержденіе этихъ законовъ [1]). И вотъ по поводу этихъ-то законовъ первѣйшій финляндскій авторитетъ по части юриспруденціи г. Мехелинъ, въ своей брошюрѣ «Противорѣчатъ ли права Финляндіи», авторитетно предписываетъ, что «все, что̀ постановлено относительно короля въ шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 г. утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 г., разумѣется, примѣняется къ императору и великому князю» (стр. 5). Профессоръ Даніельсонъ, въ своей брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою», выражается по тому же вопросу, что онъ «съ чувствомъ глубокаго отвращенія приступаетъ къ опроверженію софизмовъ, при помощи которыхъ г. Ординъ желаетъ лишить обѣщанія государя Александра I всякаго значенія» (т. е. выдуманныя финляндцами обѣщанія сохранить въ дѣйствіи шведскіе законы 1772 и 1789 гг.). Затѣмъ, осыпая Ордина на каждомъ шагу бранью и клеветами, г. Даніельсонъ доходитъ до того, что говоритъ: «Г-нъ Ординъ разсуждаетъ: если Александръ I утвердилъ конституцію Финляндіи, то онъ нарушилъ присягу, принесенную имъ при коронованіи, другими словами, если онъ сдѣлалъ то, что̀ онъ дѣйствительно сдѣлалъ, то онъ клятвопреступникъ. Но мало того, всѣ преемники Александра I, императоръ Николай, Александръ II и Александръ III утверждали конституцію Финляндіи: слѣдовательно обвиненіе г. Ордина относится и къ нимъ. Но, къ счастію автора, спасеніемъ его является условное «если». Разумѣется, иначе г. гофмейстеръ могъ бы попасть подъ судъ за оскорбленіе Величества. И подобное сочиненіе императорская академія наукъ удостоила преміи!» (стр. 131—132). Вотъ какимъ путемъ разсчитываетъ финляндскій профессоръ раздѣлаться съ непріятными ему русскими учеными...

Изъ приведенныхъ здѣсь выписокъ читатель могъ видѣть силу тѣхъ аргументовъ, которыми финляндскіе ученые стараются доказать свое ученіе объ особомъ Финляндскомъ государствѣ. Это ученіе,

---

[1]) Манифесты, издававшіеся при восшествіи на престолъ императоровъ Николая I, Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя, были буквальнымъ повтореніемъ грамоты 25 марта 1809 г., съ тою лишь разницею, что въ манифестахъ Александра II и нынѣшняго нашего Государя императора слово „по конституціямъ ихъ“ замѣнено русскимъ словомъ „по установленіямъ этого края“, выражающимъ то же самое понятіе.

Digitized by Google

какъ было сказано, пропагандируется въ Финляндіи еще съ конца пятидесятыхъ годовъ, а послѣ появленія книги Ордина, финляндскіе законовѣды поспѣшили преподать главныя его основы и русской публикѣ, въ надеждѣ подорвать въ ней довѣріе къ фактамъ, выведеннымъ на свѣтъ Божій въ трудѣ русскаго ученаго и патріота.

Въ моемъ сочиненіи «Финляндскій современный вопросъ», напечатанномъ въ 1891 г., я посвятилъ не мало страницъ документальному разбору вышеприведенныхъ основныхъ тезисовъ финляндскаго ученія. Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ моей книги, появилось пространное на нее возраженіе, напечатанное въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи», неизвѣстнаго автора, гдѣ мимоходомъ опровергаются и другіе русскіе сочинители, писавшіе по финляндскому вопросу. По всей вѣроятности, такая объемистая книга (216 страницъ) не могла быть написана однимъ лицомъ въ столь короткое время; надобно думать, что надъ ея составленіемъ трудился цѣлый синдикатъ финляндскихъ перьевъ. Тѣмъ не менѣе мы принуждены оставить ее безъ разсмотрѣнія, потому что она не представляетъ ничего другаго, кромѣ празднаго многословія, неспособнаго повліять сколько-нибудь даже на самаго невзыскательнаго читателя. Но въ слѣдующемъ же 1892 г. выступили съ возраженіями противъ моей книги два главныхъ финляндскихъ авторитета по части законовѣдѣнія и исторіи, профессоръ Даніельсонъ съ своею брошюрой «Внутренняя самостоятельность Финляндіи. Отвѣтъ на новые нападки» и г. Мехелинъ съ брошюрой на французскомъ языкѣ: «La question finlandaise» (помѣченною 29 декабря 1892 г. ст. ст.) [1]). Разбору этихъ двухъ брошюръ и посвящаются слѣдующія страницы моей статьи.

---

[1]) Этой послѣдней брошюрѣ придана форма „открытаго письма къ редактору газеты „Journal de St. Pétersbourg“, въ которой (№ 328, 1892 г.) былъ помѣщенъ библіографическій отзывъ о статьѣ, напечатанной въ № 331 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1892 г. подъ заглавіемъ „Финляндская самостоятельность“. Г-нъ Мехелинъ почелъ для себя удобнѣе отвѣчать не на самую эту статью, несомнѣнно извѣстную ему съ самаго ея появленія (ибо финляндцы зорко слѣдятъ за всѣмъ, появляющимся въ русской печати по

Digitized by Google

Въ сущности авторы ихъ не говорятъ здѣсь ничего новаго, такъ какъ всѣ ихъ аргументы были уже истощены въ прежнихъ ихъ обращеніяхъ къ русской публикѣ. Теперь они, желая во что бы то ни стало отбиться отъ сдѣланныхъ русскими писателями разоблаченій ихъ теоріи, стараются лишь запутать читателя въ лабиринтѣ казуистической діалектики, придираются къ отдѣльнымъ словамъ, то тамъ, то сямъ схваченнымъ въ оффиціальныхъ и частныхъ бумагахъ, и перетолковываютъ ихъ въ желаемомъ ими смыслѣ, ссылаются на мнѣнія какихъ-то ученыхъ авторитетовъ, никому кромѣ ихъ неизвѣстныхъ, приводятъ выписки изъ какихъ-то находящихся въ ихъ рукахъ секретныхъ документовъ и записокъ частныхъ лицъ, однимъ словомъ — выдвигаютъ изъ своего арсенала орудія самаго уже мелкаго калибра. Въ интересѣ русскихъ читателей, которымъ разсылались подъ бандеролью эти послѣднія отчаянныя усилія финляндскихъ авторитетовъ юриспруденціи и исторіи, приходится разобрать здѣсь по крайней мѣрѣ тѣ изъ ихъ аргументовъ, которымъ они придаютъ особое значеніе, опуская повтореніе прежняго, уже достаточно разобраннаго мною въ первомъ моемъ сочиненіи, а равно и всю путаницу ихъ словообильной діалектики, которая едва-ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе въ глазахъ серьезнаго читателя.

Главный тезисъ финляндскаго ученія состоитъ въ томъ, что Финляндія есть особое государство, соединенное съ Россіей только реальной уніей. Этотъ тезисъ съ особою подробностью разработывали: г. Мехелинъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, и бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета, а потомъ сенаторъ Коскиненъ, который въ своей исторіи Финляндіи весь послѣдній отдѣлъ

финляндскому вопросу), а на библіографическій о ней отзывъ, потому что въ этомъ послѣднемъ допущена одна крупная ошибка, или скорѣе типографская опечатка, доставившая г. Мехелину поводъ вопіять о злоумышленности и недобросовѣстности автора статьи. Именно въ библіографическомъ отзывѣ „Journal de St. Pétersbourg“ сказано: Après 1809, aucune autre diète ne fut plus convoquée en Finlande ni par Alexandre 1-er, ni par ses successeurs, qui y promulguèrent eux-mêmes les lois, par voie de manifestes“. Здѣсь слова: „par ses successeurs“ очевидно напечатаны вмѣсто словъ „par son successeur“ т. е. императоръ Николай I. Кому же, кромѣ развѣ корректора французской петербургской газеты, неизвѣстно, что съ 1863 г. финляндскіе сеймы собираются періодически, не далѣе какъ на 5-й годъ.

Digitized by Google

назвалъ: «Финляндія, какъ государство въ уніи съ Россіей». Затѣмъ ту же теорію проводили: Кастренъ, Бергъ, бывшій сенаторъ Монгоммери, профессоръ Даніельсонъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ и въ упомянутой первой своей брошюрѣ «Соединеніе Финляндіи» (стр. 160—161), и многіе другіе. Въ послѣдней своей брошюрѣ «Внутренняя самостоятельность Финляндіи» г. Даніельсонъ сперва подтверждаетъ ученіе о реальной уніи Финляндіи съ Россіей ссылками на какихъ-то, по его мнѣнію, весьма авторитетныхъ профессоровъ, въ родѣ Нордстрема, Бри, Гефкена (стр. 5—10); но потомъ вдругъ заявляетъ, что отказывается отъ тезиса реальной уніи и что теперь онъ выработалъ себѣ особый взглядъ, «на основаніи сочиненія профессора Лабанда и благодаря разъясненіямъ, любезно сообщеннымъ ему профессоромъ Германсономъ» (12—13). Что же это за новый взглядъ, вычитанный г. Даніельсономъ у какого-то Лабанда и товарищески разъясненный ему его коллегой Германсономъ? «Такъ какъ верховенство Россіи надъ Финляндіей въ области международной политики не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ г. Даніельсонъ, то въ научномъ отношеніи рискованно называть соединеніе этихъ двухъ странъ реальною уніею. Постоянные государственные союзы раздѣляются на двѣ главныя категоріи. Къ первой относятся тѣ, въ которыхъ соединенныя между собою государства сохраняютъ полную самостоятельность, т. е. суверенитетъ. Таковы реальныя уніи напр. между Швеціей и Норвегіею, между Австріею и Венгріею. Ко второй относятся тѣ союзы, въ составъ которыхъ входятъ одно самостоятельное, суверенное государство, и другія государства несуверенныя. Эта категорія, въ свою очередь, распадается на два подраздѣленія. Первое образуютъ союзныя государства: Германія, Швейцарія, Сѣверо-Американскіе соединенные штаты и др. Признакомъ союзныхъ государствъ служитъ то обстоятельство, что отдѣльныя государства, составляющія вмѣстѣ суверенное государство, всѣ участвуютъ въ отправленіи власти, принадлежащей сему послѣднему. Такъ напр. правительства отдѣльныхъ государствъ Германіи имѣютъ своихъ представителей въ германскомъ союзномъ совѣтѣ, кромѣ чего германскій народъ, т. е. все населеніе отдѣльныхъ государствъ, избираетъ представителей въ общій рейхстагъ. Если не обращать вни-

Digitized by Google

нія на побочныя обстоятельства, то и въ Швейцаріи, и въ Сѣверной Америкѣ положеніе вещей окажется одинаковымъ. Но, какъ уже сказано, кромѣ союзныхъ государствъ, имѣется еще другое подраздѣленіе. Къ нему относятся союзы, въ которыхъ соединенныя государства, какъ и въ союзныхъ государствахъ, вмѣстѣ образуютъ государство суверенное, но въ которыхъ верховная власть принадлежитъ одному отдѣльному государству. Такого рода государственные союзы, весьма обыкновенные въ эпоху феодализма, въ настоящее время стали рѣдкимъ явленіемъ въ Европѣ, но отнюдь нельзя отрицать возможности существованія такихъ государствъ во всякія времена. Къ которой же изъ этихъ категорій или подраздѣленій слѣдуетъ отнести государственно-правовыя отношенія Финляндіи и Россіи? Мы видѣли, что они не подходятъ подъ понятіе реальной уніи; еще болѣе ясно, что они лишены всѣхъ признаковъ союзныхъ государствъ. Зато они обладаютъ всѣми свойствами послѣдняго изъ вышеприведенныхъ родовъ государственныхъ союзовъ. Въ этихъ союзахъ, правда, суверенное и несуверенное государство обыкновенно имѣютъ особыхъ монарховъ, тогда какъ русскій императоръ есть великій князь Финляндскій. Различіе это въ дѣйствительности весьма важно, но съ юридической точки зрѣнія, при опредѣленіи государственнаго положенія нашего края, оно принципіальнаго значенія не имѣетъ. Подобно тому, какъ напр., въ отношеніи общаго монарха Швеціи и Норвегіи, слѣдуетъ строго отличать короля норвежскаго отъ шведскаго короля, и Вильгельмъ II иногда дѣйствуетъ въ качествѣ германскаго императора, а иногда въ качествѣ короля прусскаго, такъ и въ отношеніи государя Россійской державы слѣдуетъ дѣлать различіе между Россійскимъ императоромъ и великимъ княземъ финляндскимъ. Монархи эти не равноправны; послѣдній подчиненъ первому, онъ—sit venia verbo—его вассалъ. Мой взглядъ на дѣло сводится къ тому, что имперія и великое княжество вмѣстѣ составляютъ соединенное государство или точнѣе державу, суверенная власть которой принадлежитъ исключительно имперіи» (10, 13—15). Перелагая эту туманную діалектику на обыкновенный языкъ, выходитъ вотъ что: союзъ Финляндіи съ Россіею не подходитъ ни къ союзу Норвегіи со Швеціею, ни къ союзу германскихъ государствъ; тѣмъ не менѣе русскій царь олицетво-

Digitized by Google

ряетъ, какъ шведско-норвежскій король или какъ германскій императоръ Вильгельмъ, двѣ раздѣльныя личности, изъ которыхъ одна подчиняется другой: императоръ Александръ III, какъ великій князь Финляндіи, есть вассалъ Александра III, какъ императора Россійскаго. Но подаривъ науку государственнаго права такою, можно сказать, изумительною теоріею, г. Даніельсонъ испугался мысли, что его соотечественники могутъ обвинить его въ слишкомъ большихъ уступкахъ русскому императору, и потому прибавляетъ: «Я предвижу, что многіе изъ моихъ соотечественниковъ съ удивленіемъ спросятъ себя, не слишкомъ ли далеко я зашелъ въ своихъ уступкахъ. Все зависитъ отъ того, что понимать подъ верховною властью, суверенитетомъ. Означаетъ ли суверенитетъ, что суверенное государство можетъ произвольно ограничить или отмѣнить права несуверенаго государства? Никоимъ образомъ. Такое утвержденіе равносильно заявленію, что современныя государства лишь въ видѣ ироніи можно называть правовыми государствами. Когда представители финскаго народа, принявъ актъ объ утвержденіи законовъ Финляндіи, на Боргоскомъ сеймѣ присягнули на вѣрность императору и признали такимъ образомъ соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою, они въ то же время, подъ столь же святою клятвою, обѣщали хранить законы Финляндіи въ непарушимой ихъ силѣ» (15 — 16). Полагаемъ, что эта новая теорія Финляндскаго государства говоритъ сама за себя и не нуждается ни въ какой критикѣ.

По второму основному положенію финляндскаго ученія, то-есть по вопросу объ утвержденіи шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг., г. Даніельсонъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Г-нъ Еленевъ спрашиваетъ, если императоръ имѣлъ въ виду форму правленія и актъ соглашенія и безопасности, то почему законы эти не упоминаются въ учрежденіи правительственнаго совѣта отъ 6-го августа 1809 г., важнѣйшемъ законодательномъ актѣ того времени? Проще всего было бы отвѣтить: потому, что такого упоминанія не требовалось. Однако, соглашаюсь, подобный отвѣтъ не удовлетворилъ бы меня вполнѣ. Дѣйствительно, и въ удостовѣреніи императора Александра, и вообще въ постановленіяхъ того времени какъ будто нарочно избѣгали прямо упоминать о формѣ правленія и актѣ соглашенія и безопасности. Причину найти не трудно. Всѣ были согласны, что

Digitized by Google

въ этихъ законахъ заключаются опредѣленія, которыхъ рѣшительно невозможно было примѣнять въ Финляндіи по отдѣленіи ея отъ Швеціи. Нѣкоторые великіе основные принципы: внутренняя самостоятельность Финляндіи — «libre dans l'intérieur», положеніе лютеранской церкви, право народа участвовать въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ и т. д., являлись ясными и неподлежащими сомнѣнію; но какъ примѣнять отдѣльныя опредѣленія формы правленія и акта соглашенія и безопасности при новыхъ условіяхъ, рѣшеніе этого вопроса приходилось предоставить будущности. При такомъ положеніи вещей, безъ сомнѣнія, могло казаться болѣе естественнымъ не упоминать объ отдѣльныхъ законахъ, а въ общихъ выраженіяхъ, какъ въ удостовѣреніи императора, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались. Конечно я не хочу этимъ сказать, чтобы только эти основныя положенія были утверждены. Утвержденіе относилось до всѣхъ тѣхъ опредѣленій основныхъ законовъ, примѣненіе которыхъ не стало невозможнымъ вслѣдствіе самаго факта, что Финляндія составляетъ часть россійской державы. Всякое другое толкованіе противорѣчило бы точному смыслу текста удостовѣренія императора» (53—55). Предоставляемъ каждому оцѣнить доказательную силу этой діалектики г. Даніельсона, который въ другихъ мѣстахъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, чтобы клеймить русскихъ писателей, несогласныхъ съ его логикой. Въ моемъ сочиненіи я, относительно упоминаемыхъ шведскихъ законовъ, только и утверждалъ, что о нихъ не было ни малѣйшаго упоминанія ни въ одномъ правительственномъ документѣ временъ Александра I. Г-нъ Даніельсонъ вынужденъ теперь подтвердить то же самое; а что значитъ фраза его: «какъ будто нарочно избѣгали прямо упоминать о формѣ правленія и актѣ соглашенія», это вѣдомо только самому г. Даніельсону. Развѣ гдѣ-нибудь упоминалось о нихъ косвенно? Такъ укажите хотя бы эти косвенныя упоминанія, въ родѣ напримѣръ тѣхъ, которыя потомъ, въ царствованіе императора Александра II, финляндскій сенатъ и гр. Армфельтъ, какъ бы мимоходомъ и въ видѣ пояснительныхъ ссылокъ, встав-

Digitized by Google

ляли въ документы, подносившіеся на утвержденіе государя. Даже въ учрежденіи правительственнаго совѣта, соединившемъ въ себѣ всю полноту дарованнаго Финляндіи провинціальнаго самоуправленія, по мнѣнію г. Даніельсона, не требовалось упоминанія объ этихъ законахъ, которые финляндцы считаютъ однако краеугольнымъ камнемъ своего политическаго положенія. Гдѣ же, спрашивается, упоминались эти неуловимые законы? Такою аргументаціею г. Даніельсонъ прямо опровергаетъ самого себя и всѣхъ другихъ адвокатовъ финляндскаго ученія и только сильнѣе подтверждаетъ русскихъ авторовъ, противъ которыхъ они пишутъ свои брошюры.

Въ моей книгѣ былъ выясненъ тотъ несомнѣнный фактъ, что императоръ Александръ I, въ своей грамотѣ 15-го марта 1809 г., подъ коренными законами Финляндіи разумѣлъ именно законы, вошедшіе въ утвержденное имъ шведское уложеніе 1734 г., а равно и старинный шведскій церковный уставъ. Этимъ законамъ, по ихъ давнему существованію и по тому, что на нихъ утверждался весь тогдашній церковный, юридическій, административный и экономическій бытъ Финляндіи, вполнѣ приличествовало названіе коренныхъ законовъ, тогда какъ оно вовсе не шло къ недавнему политическому законодательству Швеціи, бывшему плодомъ не прежнихъ, издавна установившихся формъ народной жизни, а политическаго переворота, только за 19 лѣтъ предъ завоеваніемъ Финляндіи закончившаго давнюю борьбу монархической власти со шведскою олигархіей. Желая опровергнуть этотъ фактъ и доказать, что подъ словомъ «коренные законы» Александръ I разумѣлъ основные политическіе законы Шведскаго королевства, г. Даніельсонъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что въ примѣчаніи къ ст. 139 нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ, касающемся особаго удѣла, предоставленнаго постановленіями 1809 и 1811 гг. на содержаніе великой княгини Екатерины Павловны, сказано: «такъ какъ постановленія сіи, будучи учреждены въ пользу Ея Высочества, къ ней единственной и должны относиться, безъ примѣненія ихъ къ другимъ особамъ императорскаго дома, то правила сіи не измѣняютъ кореннаго закона». Вотъ въ этомъ словѣ «кореннаго закона» г. Даніельсонъ видитъ доказательство, имѣющее, по его

Digitized by Google

словамъ, рѣшающее значеніе, что Александръ I подъ коренными законами Финляндіи разумѣлъ не уложеніе 1734 г., а основные государственные законы Швеціи 1772 и 1789 гг. (59—61). Дѣйствительно, надобно удивляться трудолюбію г. Даніельсона, который, въ поискахъ за доказательствами этого излюбленнаго положенія финляндскихъ законовѣдовъ, проштудировалъ, слово за словомъ, буква за буквой, 203 статьи нашихъ основныхъ законовъ, и наконецъ открылъ-таки въ одномъ примѣчаніи словцо, имѣющее, по его мнѣнію, рѣшающее значеніе для судебъ Финляндіи. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы должны разочаровать г. Даніельсона и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ его аргументаціи. Здѣсь выраженіе «кореннаго закона» стоитъ вовсе не въ смыслѣ основнаго закона, какъ показалось г. Даніельсону, а есть выраженіе видовое, относящееся спеціально къ ст. 129 основныхъ законовъ, которою опредѣлено содержаніе дочерямъ императора до ихъ замужества. Такъ какъ въ упомянутомъ примѣчаніи къ ст. 139 говорится, что въ пользу великой княгини Екатерины Павловны сдѣлано исключеніе изъ ст. 129, но статья эта совершенно правильно названа кореннымъ, то-есть общеприложимымъ къ императорскимъ дочерямъ закономъ, въ отличіе отъ сказаннаго случайнаго изъ него исключенія. Впрочемъ, еслибъ даже въ редакціи какого-либо закона и вкралось выраженіе неточное или даже прямо ошибочное (что въ нашихъ законахъ встрѣчается нерѣдко), то какой же серьезный законовѣдъ станетъ изъ этихъ редакціонныхъ промаховъ выводить заключеніе о смыслѣ того или другаго закона, а тѣмъ болѣе основывать на нихъ цѣлое политическое ученіе, не имѣющее никакой для себя опоры въ положительномъ законѣ. Одинъ уже такой способъ доказательствъ, состоящій въ придиркѣ къ отдѣльнымъ словамъ, безъ обращенія вниманія на цѣль и общій смыслъ приводимаго документа, указываетъ на то, что у финляндскихъ юриспрудентовъ не имѣется никакихъ прямыхъ и достовѣрныхъ доказательствъ защищаемой ими теоріи. Г-нъ Даніельсонъ, основываясь на томъ, что въ § 2 формы правленія сдѣлана ссылка на королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г., утверждаетъ (стр. 61), что этимъ возстановляется сила и этого уложенія. Между тѣмъ сказанное земское уложеніе было создано еще

Digitized by Google

во времена избирательной формы правленія въ Швеціи, когда шведскіе короли, при вступленіи на престолъ, обязаны были разъѣзжать по всѣмъ провинціямъ королевства и приносить предъ жителями клятву въ сохраненіи ихъ вольностей. Какихъ, подумаешь, требованій не предъявятъ русскому монарху расходившіяся перья финляндскихъ профессоровъ и публицистовъ! Наконецъ г. Даніельсонъ, напрягая послѣднія усилія, дѣлаетъ такой доводъ въ пользу законовъ 1772 и 1789 гг. «Что, утверждая коренные законы Финляндіи и права, коими жители ея до того времени пользовались, императоръ утвердилъ также форму правленія и актъ соглашенія, это слѣдуетъ ясно и неопровержимо—какъ уже указано мною въ моей книгѣ «Соединеніе Финляндіи»—изъ того обстоятельства, что означенные законы во время соединенія Финляндіи съ Россіею являлись важнѣйшими «коренными» законами края, въ которыхъ къ тому же опредѣлены главныя права жителей Финляндіи. Поэтому вездѣ, гдѣ императоръ въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ говоритъ о конституціи Финляндіи и о политическихъ правахъ народа, онъ прежде всего имѣетъ въ виду означенные законы, а что императоръ при этомъ не поступалъ необдуманно, не зная содержанія формы правленія и акта соглашенія, это я въ свою очередь доказалъ, передавъ содержаніе тѣхъ записокъ, въ которыхъ тремя различными лицами, двумя финляндцами и однимъ русскимъ, изложены были для императора важнѣйшія опредѣленія этихъ законовъ» (57—58). Итакъ г. Даніельсонъ, за невозможностью привести хотя бы одну ссылку на слова императора или на какой-нибудь документъ, имѣющій оффиціальное значеніе, довольствуется повтореніемъ въ сотый разъ собственнаго измышленія финляндскихъ политиковъ, что Александръ I «прежде всего имѣлъ въ виду означенные законы», а вмѣсто оффиціальныхъ документовъ, ссылается на записки, поданныя товарищу министра иностранныхъ дѣлъ графу Салтыкову финляндцами Маннергеймомъ и Ребиндеромъ, въ которыхъ они знакомили Салтыкова съ дѣйствовавшими въ то время въ Швеціи законами, да на простыя выписки изъ этихъ законовъ, составлявшіяся состоявшимъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ изъ финляндцевъ Выборгской губерніи, надворнымъ совѣтникомъ Букомъ. Изъ того обстоятельства, что въ этихъ запискахъ и переводныхъ экстрак-

Digitized by Google

тахъ упоминались и законы 1772 и 1789 гг. и что, слѣдовательно, императоръ Александръ не могъ не знать о ихъ содержаніи, г. Даніельсонъ «ясно и неопровержимо» заключаетъ, что онъ утвердилъ ихъ для Финляндіи. Казалось бы, слѣдовало сдѣлать прямо обратное заключеніе, именно, что императоръ потому и не утвердилъ этихъ законовъ, что былъ ознакомленъ предварительно съ ихъ содержаніемъ. Достаточно ему было взглянуть на §§ 40 и 45 формы правленія и на увѣреніе, которое обязывался шведскій король подписать своеручно, чтобы видѣть, что эти постановленія и обязательства вполнѣ непримѣнимы къ русскому государю и не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, которое онъ, подъ именемъ конституціи, даровалъ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе г. Даніельсонъ заканчиваетъ вышеприведенныя свои разсужденія такими словами: «вопросъ самъ по себѣ настолько ясенъ, что дальнѣйшія доказательства могутъ казаться излишними». Съ этимъ заключеніемъ согласится, конечно, и каждый русскій читатель. Тѣмъ не менѣе г. Даніельсонъ все-таки приводитъ и другія, по его же словамъ, уже излишнія доказательства. Объ ихъ доказательной силѣ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Изъ того обстоятельства, что Александръ I, въ данной имъ въ 1811 г. инструкціи финляндскому генералъ-губернатору Штейнгелю, повелѣлъ сдѣлать два неважныхъ измѣненія, признавъ, согласно представленію правительственнаго совѣта, что въ прежней редакціи эти два мѣста инструкціи не согласуются съ уложеніемъ 1734 г. и утвержденнымъ государемъ регламентомъ совѣта и къ тому же возбуждаютъ затрудненія на практикѣ, г. Даніельсонъ выводитъ, что въ этомъ случаѣ императоръ очевидно сообразовался съ шведскими законами 1772 и 1789 гг., потому-де, что въ представленіи совѣта, кромѣ уложенія 1734 года и регламента совѣта, сдѣлана будто бы ссылка и на эти шведскіе законы. При этомъ г. Даніельсонъ сознается однако, что въ протоколахъ совѣта никакихъ объ этомъ свѣдѣній не имѣется, а заимствованы они имъ изъ какихъ-то другихъ источниковъ. Но, спрашивается, какая же была необходимость императору сообразоваться въ этомъ случаѣ съ прежними шведскими политическими законами, когда и самый правительственный совѣтъ былъ учрежденіемъ новымъ, созданнымъ не на основаніи шведскихъ за-

Digitized by Google

коновъ, а самодержавною волею императора? Какъ регламентъ совѣта былъ дѣйствіемъ этой самодержавной воли, такъ и упоминаемая инструкція, служащая дополненіемъ къ регламенту, очевидно, исходила изъ той же самодержавной воли императора. Самъ же г. Даніельсонъ говоритъ, что правительственный совѣтъ, въ упомянутомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, ходатайствовалъ также и томъ, чтобы члены совѣта, за нарушеніе своего долга, были предаваемы особому государственному суду, согласно съ § 16-мъ формы правленія, но что это ходатайство было отвергнуто государемъ. Слѣдовательно самъ же г. Даніельсонъ сознается, что форма правленія была ни при чемъ въ рѣшеніяхъ императора и что они исходили единственно изъ его самодержавной воли. Тѣмъ не менѣе свой послѣдній аргументъ г. Даніельсонъ также заканчиваетъ торжественнымъ восклицаніемъ: «Могъ ли императоръ болѣе явнымъ и великодушнымъ образомъ доказать, что его обѣщаніе о подчиненіи верховной власти основнымъ законамъ Финляндіи непоколебимо и что онъ основными законами края признаетъ форму правленія 1772 года и актъ соглашенія и безопасности 1789 года»? Остается только спросить, для какихъ читателей пишутся всѣ эти, сшитыя бѣлыми нитками, реторическія упражненія? Можно даже быть увѣреннымъ, что въ представленіи совѣта, заимствованномъ г. Даніельсономъ изъ какихъ-то только ему извѣстныхъ источниковъ, не было вовсе ссылки на шведскіе законы 1772 и 1789 гг., такъ какъ финляндцамъ было уже извѣстно изъ случая съ Маннергеймомъ, что императоръ положительно воспретилъ ссылаться на эти законы.

Для доказательства того, что императоръ Александръ, въ силу упоминаемыхъ шведскихъ законовъ, не признавалъ себя въ правѣ дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ законахъ Финляндіи, г. Даніельсонъ приводитъ два примѣра, заимствуя ихъ изъ архива финляндскаго сената. Во-первыхъ, по вопросу о дозволеніи матросамъ магометанскаго исповѣданія, служившимъ на русской эскадрѣ въ Финляндіи, вступать въ бракъ съ финляндками, государь согласился съ представленіемъ Абовской духовной консисторіи, что такое дозволеніе противорѣчило бы финляндскому церковному уставу, и положилъ резолюцію, что вопросъ этотъ, какъ измѣненіе дѣйствующаго въ странѣ закона, откладывается до будущаго сейма (71—73).

Digitized by Google

Провѣрить подлинность этой резолюціи, мы, разумѣется, не можемъ. Затѣмъ г. Даніельсонъ разсказываетъ (73—76), что въ составленномъ въ 1810 г. правительственнымъ совѣтомъ проектѣ распредѣленія между жителями воинскаго постоя финляндскій генералъ-губернаторъ Штейнгель предполагалъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, которыя однако, по мнѣнію совѣта, не согласовались съ прежними порядками постоя, съ давнихъ поръ существовавшими въ странѣ, и нарушали права обывателей. Императоръ утвердилъ проектъ совѣта не съ тѣми измѣненіями, которыя предполагались генералъ-губернаторомъ, а въ редакціи, пересмотрѣнной комитетомъ финляндскихъ дѣлъ. Спрашивается: эти два столь заурядныхъ случая какое могутъ имѣть отношеніе къ вопросу о томъ, считалъ ли или не считалъ Александръ I себя въ правѣ издавать законы безъ разсмотрѣнія ихъ сеймомъ? Тѣмъ не менѣе г. Даніельсонъ говоритъ: «рѣшеніемъ своимъ по этимъ двумъ вопросамъ императоръ призналъ, что по закону участіе земскихъ чиновъ необходимо для рѣшенія вопросовъ, касающихся религіи и установленія налоговъ». Какое, во-первыхъ, противорѣчіе самому себѣ! Если участіе земскихъ чиновъ было необходимо для новаго распредѣленія постойной повинности, то какимъ же образомъ законъ этотъ могъ быть рѣшенъ проектомъ правительственнаго совѣта, исправленнымъ въ комитетѣ финляндскихъ дѣлъ и утвержденнымъ высочайшею властью, безъ всякаго участія сейма? Не по простому ли повелѣнію того же императора велѣно было забирать въ солдаты и отправлять въ Петербургъ всѣхъ праздношатавшихся въ Финляндіи людей? Почему наконецъ г. Даніельсонъ не приводитъ десятковъ примѣровъ, гдѣ императоръ Александръ I издавалъ для Финляндіи законы поважнѣе распредѣленія постойной повинности безъ всякихъ сеймовъ? (Примѣры эти будутъ мною указаны ниже, при разсмотрѣніи брошюры г. Мехелина). Какъ этотъ императоръ, такъ и его преемникъ Николай I, одни законодательные вопросы, казавшіеся имъ неотложными, необинуясь рѣшали своей самодержавной властью, а другіе, не признаваемые ими за таковые, откладывали на неопредѣленное время, употребляя иногда при этомъ выраженіе—до сейма. Какъ я уже замѣтилъ выше, сеймъ въ принципѣ не былъ уничтоженъ ни Александромъ I, ни Николаемъ, хотя на дѣлѣ и не былъ собираемъ цѣлые 54 года; но

Digitized by Google

сейма властнаго, стоящаго на ряду съ монархомъ и безъ котораго изданіе законовъ не допускается, такого сейма не признавалось этими государями. Оспаривать этотъ общеизвѣстный въ Европѣ фактъ могутъ только финляндскіе писатели.

На страницахъ 81—83 г. Даніельсонъ, дѣлая вдругъ скачекъ отъ эпохи Александра I къ сеймовому уставу 1869 года, говоритъ: «Вотъ камень преткновенія! Невольно спрашиваешь себя, къ чему было г. Еленеву въ потѣ лица стремиться къ невозможному и всѣми силами стараться доказать, будто императоръ Александръ I не утверждалъ формы правленія и акта соглашенія, если ему все-таки приходится согласиться, что въ настоящее время, послѣ 1869 года, законы эти имѣютъ дѣйствующую силу въ нашемъ краѣ. Если я вѣрно его понялъ, цѣль его внушить читателю, что министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ обманомъ склонилъ императора Александра II къ утвержденію сеймоваго устава, скрывъ отъ государя, что именно содержатъ форма правленія и актъ соглашенія и безопасности». Противъ этихъ строкъ г. Даніельсона мы не имѣемъ ничего возразить; но когда вслѣдъ за симъ онъ восклицаетъ: «Никакого намека на доказательства!» то мы можемъ только сказать, что какъ скоро съ несомнѣнною очевидностью доказано, что форма правленія и актъ соединенія никогда не были признаваемы ни Александромъ I, ни Николаемъ, то ссылки на нихъ въ сеймовомъ уставѣ, какъ на дѣйствующее будто бы законодательство, очевидно были подлогомъ и навсегда таковымъ останутся, ибо ни на какіе подлоги право давности не распространяется. Если доказательства, приведенныя въ моей книгѣ «Финляндскій современный вопросъ», для кого-нибудь не убѣдительны, то вся аргументація г. Даніельсона окончательно это подтверждаетъ.

Для опроверженія того общеизвѣстнаго факта, что шведская партія стремится теперь не допустить сближенія Финляндіи съ Россіей и всѣми силами противится объединительнымъ мѣрамъ правительства, г. Даніельсонъ (стр. 88—105) ссылается на Спренгпортена и другихъ участниковъ Аньяльскаго заговора, которые давно уже тяготились шведскимъ господствомъ и склонялись на сторону Россіи; ссылается на какое-то письмо Армфельта-отца, писанное въ 1810 г., на рукопись, также 1810 г., какого-то, неизвѣстнаго даже

Digitized by Google

по имени, помѣщика, въ которой говорится также о бѣдствіяхъ, угрожающихъ Финляндіи, если бы Швеція вздумала добиваться опять вернуть ее себѣ, причемъ неизвѣстный авторъ прославляетъ великодушіе Александра I. Г-нъ Даніельсонъ отыскалъ даже два нумера финляндскихъ газетъ 1819 и 1821 гг., въ которыхъ воздается Александру I дань признательности за его благодѣянія Финляндіи. Наконецъ онъ приводитъ обширную выписку изъ рукописной статьи 1848 г. Оттона Фуругельма (впослѣдствіи генерелъ-лейтенанта). Сравнивая тогдашнее положеніе Финляндіи съ тѣмъ, каково оно было при шведахъ, Фуругельмъ возстаетъ противъ тѣхъ финляндцевъ, которые мечтаютъ о политической самостоятельности ихъ страны. Въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «пока русскіе монархи будутъ управлять Финляндіею, какъ до сихъ поръ, у нихъ не будетъ болѣе вѣрныхъ подданныхъ!», а въ другомъ мѣстѣ выражаетъ желаніе, «чтобы Финляндія всегда оставалась при нынѣшнемъ ея положеніи» (97—98). Итакъ, въ 1848 г., разсудительные и преданные своему отечеству финляндцы, подобные Фуругельму, считали управленіе императора Николая вѣнцомъ счастія для своей страны, каковымъ оно и было на самомъ дѣлѣ, хотя тогда не было у нихъ ни конституціи, ни сеймоваго устава 1869 года. Между тѣмъ г. Даніельсонъ тутъ же заявляетъ, что «царствованіе императора Николая, подобно весеннимъ морозамъ, задержало развитіе, но не пресѣкло его окончательно. Тогдашніе порядки, разумѣется, были далеко не симпатичны для финскаго народа. Полный застой въ законодательствѣ и произволъ, установившійся постепенно въ дѣлахъ печати, являлись несчастіями, которыя на всѣхъ глубоко отзывались. Тѣмъ не менѣе, тогдашнее поколѣніе оставалось вѣрнымъ своему долгу по отношенію къ общей державѣ и монарху не только на словахъ и въ поступкахъ, но и въ своихъ надеждахъ» (95). Не потому ли, скажемъ мы, тогдашнее поколѣніе и оставалось вѣрнымъ общей державѣ и монарху, что финляндской печати не дозволялось тогда развращать и бунтовать народъ и всѣ были увѣрены въ твердости императора Николая. Мы видѣли послѣдствія управленія императора Николая Финляндіей, когда она изъ страны съ рѣдкимъ и полуголоднымъ населеніемъ, почти безъ всякихъ признаковъ культуры, каковою она перешла къ Россіи изъ-подъ шведской вла-

Digitized by Google

сти, обратилась въ страну съ утроившимся населеніемъ, съ возросшимъ до неузнаваемости благосостояніемъ жителей, съ развившеюся торговлею и фабрично-заводскою производительностью, со множествомъ школъ среднихъ и низшихъ; а какія будутъ для Финляндіи послѣдствія отъ порядковъ, установившихся въ ней въ шестидесятыхъ годахъ, этого мы еще не знаемъ. Пока мы видимъ только, что они повели къ ожесточенному преслѣдованію всего русскаго и къ дерзкой оппозиціи правительству. Едва-ли такое настроеніе обратится къ выгодѣ финскаго народа, отъ имени котораго дѣйствуютъ и пишутъ проповѣдники финляндскаго самостоятельнаго государства. Приведя изъ давнопрошедшаго времени эти доказательства вѣрности и благомыслія многихъ финляндцевъ, г. Даніельсонъ говоритъ: «Какъ у насъ въ настоящее время, въ царствованіе императора Александра III, смотрятъ на послѣдствія соединенія нашего края съ Россіею, это намъ, финляндцамъ, и безъ особыхъ доказательствъ хорошо извѣстно» (102). Извѣстно это и намъ, русскимъ, хотя и не такъ хорошо, какъ г. Даніельсону, и извѣстно во-первыхъ изъ массы тѣхъ статей финляндскихъ газетъ, которыя были приводимы въ русскихъ газетахъ еще со временъ Крымской войны и до настоящей минуты, а во-вторыхъ изъ тѣхъ невыносимыхъ преслѣдованій и оскорбленій, которымъ подвергались и подвергаются въ Финляндіи русскіе люди, православная религія и достоинство русской государственной власти [1]). Кто же изъ жившихъ въ Финляндіи еще въ шестидесятыхъ годахъ, когда на нашей литературѣ лежалъ еще запретъ говорить что-нибудь о Финляндіи безъ разрѣшенія финляндскаго статсъ-секретаріата, кто не зналъ, что тамъ все, что говорило по-шведски, было проникнуто слѣпою и безпричинною ненавистью къ Россіи и ея правительству. Всѣмъ русскимъ, живущимъ въ Финляндіи, извѣстно, что тѣ же чувства выражаются и теперь, болѣе или менѣе явнымъ образомъ, какъ населеніемъ большихъ городовъ Финляндіи, такъ и всѣми почти финляндскими газетами, невозбранно распространяющими ложь о Россіи и русскомъ правительствѣ. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя статьи финляндскихъ

[1]) Лицамъ, интересующимся современнымъ настроеніемъ финляндскихъ властей и тамошней печати, можемъ указать на книгу „Финляндская окраина Россіи“, изданную редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“.

Digitized by Google

газетъ, по ихъ дерзости противъ верховной власти, не могли быть приведены въ русской печати даже въ извлеченіяхъ. При обычномъ довѣріи, какое имѣетъ читающая толпа къ каждому печатному слову, сказанныя чувства все болѣе и болѣе распространяются въ финляндскомъ населеніи, а съ русской стороны до него не доходитъ ни одной печатной строки, къ чему «финляндскимъ правительствомъ» приняты всѣ мѣры. Конечно, выставленіе подобнаго рода фактовъ не входитъ въ цѣль брошюры г. Даніельсона; иначе онъ могъ бы привести не тотъ единственный отысканный имъ нумеръ финской газеты 1889 г., гдѣ выражаются доброжелательныя къ Россіи чувства, а сотню противоположныхъ примѣровъ, фактами же ненависти и преслѣдованія со стороны финляндцевъ всего русскаго наполнить цѣлую объемистую книгу.

Г-нъ Даніельсонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги утверждаетъ, какъ фактъ, достовѣрно ему извѣстный, что «нынѣ возникла въ Россіи партія, желающая снести все, что возведено императоромъ Александромъ I и его преемниками, и осмѣливающаяся настаивать, чтобъ государь измѣнилъ начала внутренняго управленія». «Нѣнѣшнему поколѣнію, говоритъ онъ, хотятъ внушить, что только сила оружія создала и поддерживаетъ соединеніе. Хотятъ опять раздуть пламя національной ненависти, которое давно уже успѣло погаснуть» (84, 87, 105—106). Ни въ сочиненіи Ордина, ни въ моей книгѣ, ни въ статьяхъ профессоровъ Таганцева и Коркунова, опроверженіемъ которыхъ занимается брошюра г. Даніельсона, не высказывалось ни подобныхъ желаній, ни подобныхъ внушеній правительству, а были онѣ посвящены изложенію историческихъ фактовъ и разбору финляндской теоріи съ правовой стороны. Если онѣ нанесли этой теоріи нѣкоторый ущербъ, то нельзя же отождествлять эту теорію съ тѣмъ, что дѣйствительно дано Финляндіи Александромъ I и его вѣнценосными преемниками. Гг. Даніельсонъ и Мехелинъ своими писаніями нанесли этой теоріи гораздо большій ущербъ, чѣмъ тотъ, который причиненъ ей сказанными русскими авторами. Кого же, послѣ этого, разумѣетъ г. Даніельсонъ подъ партіей, желающей снести все, что возведено Александромъ I и его преемниками, и съ русской ли стороны раздуваютъ пламя національной ненависти? Эти темные намеки, очевидно, относятся уже не къ писателямъ, раз-

Digitized by Google

бираемымъ г. Даніельсономъ въ его брошюрѣ, ибо не могутъ же четыре человѣка, изъ которыхъ одинъ, во время выхода этой брошюры, былъ уже въ могилѣ, составить партію, имѣющую цѣль снести все, что было сдѣлано для Финляндіи русскими государями, и раздуть пламя національной ненависти. Еще болѣе поразительными представляются слова, непосредственно слѣдующія за этими намеками и отчасти поясняющія ихъ загадочный смыслъ: «Мы, финляндцы, сознаемъ опасность своего положенія, но мы сознаемъ и силу его. Провидѣніе, столь чудесно руководившее нашею судьбою, не оставитъ своего дѣла недовершеннымъ, и кромѣ того, въ наше время неразумная ненависть и слѣпая жажда порабощенія могутъ имѣть лишь преходящее вліяніе на правительство великой державы». Этими словами г. Даніельсонъ заканчиваетъ свою книгу «Внутренняя самостоятельность Финляндіи». Гдѣ доказательства этой ненависти и слѣпой жажды порабощенія? Финляндцы, живущіе въ Россіи, благоденствуютъ болѣе, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, составляютъ себѣ блестящія карьеры на службѣ и обогащаются въ частной дѣятельности, тогда какъ русскіе подвергаются въ Финляндіи на каждомъ шагу именно неразумной и безпричинной ненависти тамошнихъ жителей. Въ чемъ усмотрѣлъ г. Даніельсонъ слѣпую жажду порабощенія со стороны нашего правительства? Не въ объединеніи ли почтовой части въ Финляндіи и имперіи, или въ предполагавшейся, но ни къ чему не приведенной реформѣ по таможенному вопросу и денежной системѣ? Или, быть можетъ, въ пріостановкѣ введенія въ дѣйствіе составленнаго финляндцами уголовнаго уложенія, составляющаго дерзкій вызовъ финляндскихъ сепаратистовъ Россіи и ея правительству? Если такъ выражается финляндскій профессоръ въ книгѣ, обращенной къ русскимъ читателямъ и притомъ къ читателямъ избраннымъ, которымъ извѣстны поводы и характеръ сказанныхъ дѣйствій правительства, то каковы же должны быть внушенія, преподаваемыя подъ рукой финляндскими руководителями темнымъ массамъ финскаго населенія, путемъ школы, церковной проповѣди и газетныхъ листковъ? Но финляндскіе писатели, разсылающіе свои брошюры по Петербургу, хорошо знаютъ, что они дѣлаютъ. Отлично изучивъ нравы нашего служебнаго міра, они своими воплями о неразумной ненависти и слѣпой жаждѣ порабощенія

Digitized by Google

желаютъ подѣйствовать на тѣхъ нашихъ карьеристовъ легкаго направленія, которые, какъ люди, освободившіе себя отъ серьезнаго изученія чего бы то ни было, легко сбиваются съ толку всякими фразами о свободѣ, порабощеніи и т. п. Къ сожалѣнію, такіе люди у насъ есть и нерѣдко имѣютъ вліяніе на дѣла. Не зная ни исторіи, ни современныхъ фактовъ, они легко цѣнятъ то, что имъ не принадлежитъ, что куплено вѣковыми усиліями и жертвами русскаго народа. Польскій мятежъ 1863 г. обязанъ былъ своимъ развитіемъ не столько полякамъ, сколько людямъ этого сорта, какъ памятно еще всѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ тогдашнихъ событій. Какъ тогдашніе либералы высшаго полета поддакивали и мирволили польскимъ панамъ и ксендзамъ, сражавшимся-де за свободу и цивилизацію, такъ и нѣкоторые изъ ихъ теперешнихъ преемниковъ говорили, напримѣръ, что Ординъ науськивалъ правительство противъ финляндцевъ. Между тѣмъ люди, такъ говорившіе, не видали въ глаза книги Ордина и были бы не въ состояніи одолѣть этотъ обширный и чуждый эффектныхъ фразъ историческій трудъ. Финляндскіе писатели ищутъ сочувствующихъ имъ читателей и въ Западной Европѣ, гдѣ еще менѣе, чѣмъ у насъ, извѣстны исторія Финляндіи и домогательства теперешнихъ ея руководителей. Г-нъ Даніельсонъ не ограничился напечатаніемъ своей брошюры «Соединеніе Финляндіи съ Росс. державой» на языкахъ шведскомъ, финскомъ и русскомъ, но издалъ ее также на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Переходимъ теперь къ брошюрѣ г. Мехелина «La question finlandaise». Авторъ не прибавляетъ въ ней рѣшительно ничего новаго къ тому, что было уже высказано имъ и другими финляндскими писателями въ ихъ прежнихъ обращеніяхъ къ русской публикѣ; зато въ ней есть много совершенно лишняго, не идущаго къ дѣлу, а назначеннаго только для того, чтобы представить въ ложномъ и невыгодномъ свѣтѣ труды русскихъ писателей по финляндскому вопросу и подорвать къ нимъ довѣріе читателей. Къ такого рода затемненіямъ истины принадлежатъ первыя же строки его брошюры, которую онъ начинаетъ заявленіемъ, что ни одинъ изъ финляндскихъ писателей не называлъ соединенія Финляндіи съ Россіей личной уніей (стр. 3), хотя такое заявленіе вполнѣ излишне, ибо

Digitized by Google

и изъ русскихъ авторовъ никто не приписывалъ финляндцамъ этого мнѣнія, а опровергалась придуманная ими теорія реальной уніи между Финляндіею и Россіей, съ особою подробностью развивавшаяся именно въ сочиненіяхъ самого г. Мехелина. Ему, которому до подробности извѣстно все, что́ писалось и пишется русскими авторами по финляндскому вопросу, понадобилось сказанное заявленіе вѣроятно только для того, чтобы показать, что русскіе писатели не знаютъ различія между реальной, т. е. постоянной уніей, основанною на договорѣ двухъ соединившихся государствъ, и личною или случайною, происходящею изъ династическихъ правъ государя одной страны на престолъ другой, совершенно посторонней и независимой страны, какова напримѣръ была до 1890 года унія Люксенбургскаго великаго герцогства съ Голландскимъ королевствомъ.

Въ подкрѣпленіе теоріи о самостоятельномъ Финляндскомъ государствѣ, управляемомъ на основаніи шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг., г. Мехелинъ ссылается на такой, по его мнѣнію, значительный авторитетъ, какъ какой-то французскій публицистъ и юристъ 1834 г. Анжело́, которому не былъ даже извѣстенъ Фридрихсгамскій трактатъ, какъ можно судить о томъ по приведенной изъ этого автора выпискѣ (стр. 5). Чтобъ ослабить значеніе статей 4-ой и 6-ой этого трактата, столь непріятныхъ для финляндскихъ политиковъ, такъ какъ онѣ яснѣйшимъ образомъ опрокидываютъ всю ихъ теорію о самостоятельномъ Финляндскомъ государствѣ, г. Мехелинъ (стр. 6, 11 и 12) въ особенности упираетъ на то, что трактатъ этотъ заключенъ уже послѣ Боргоскаго сейма, на которомъ, по словамъ г. Мехелина («Précis du droit», стр. 34 въ переводѣ Ордина), состоялся «актъ соглашенія между императоромъ Александромъ I и государственными чинами Финляндіи». Но допустимъ даже, что этотъ выдуманный имъ актъ дѣйствительно существовалъ на дѣлѣ и что, въ силу его, Финляндія признана государствомъ, постоянно соединеннымъ съ Россіей только единствомъ царствующаго дома, но управляемымъ по шведскимъ конституціоннымъ законамъ. Не очевидно ли для всякаго, что актъ этотъ имѣлъ бы значеніе именно только тогда, когда онъ состоялся бы не прежде, а послѣ Фридрихсгамскаго трактата. Тогда можно бы еще разсуждать

Digitized by Google

такимъ образомъ: хотя императоръ Александръ I въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ и объявилъ, что «финляндскія губерніи, со всѣми жителями, городами, портами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются», но потомъ, въ силу своего самодержавнаго права надъ Финляндіей, призналъ за благо ограничить свою власть надъ этими губерніями и заключить съ ихъ государственными чинами упомянутый актъ соглашенія. Фридрихсгамскій трактатъ, очевидно, не служилъ бы препятствіемъ для такого расширенія правъ вновь пріобрѣтенной области. Но допускаетъ ли какая бы то ни было логика обратное заключеніе, именно: хотя императоръ Александръ I и заключилъ на Боргоскомъ сеймѣ торжественный актъ соглашенія съ Финляндскимъ государствомъ, подкрѣпленный клятвеннымъ его обѣщаніемъ (см. Даніельсона «Внутр. самост. Финл.», стр. 38), но потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, раздумалъ и во Фридрихсгамскомъ трактатѣ со Швеціей объявилъ на всю Европу, что онъ беретъ свое слово назадъ и включаетъ Финляндское государство, подъ именемъ губерній, со всѣми правами ихъ жителей, въ собственность и державное обладаніе Россійской имперіи. Едва-ли такою логикой г. Мехелинъ убѣдитъ кого бы то ни было (кромѣ развѣ своихъ финляндцевъ) въ основательности ученія о Финляндскомъ государствѣ. Если г. Мехелинъ желаетъ удостовѣриться, что Александръ I еще раньше Боргоскаго сейма признавалъ Финляндію русскою провинціей или губерніями, включенными въ составъ Россіи, то мы могли бы ему указать на письмо Александра къ Наполеону, писанное весною 1808 г., въ которомъ онъ прямо выражается: «J'ai déclaré la Finlande Suédoise province russe. Comme votre Majesté l'a très bien jugé, la sureté de ma capitale l'exigeait». Провинція можетъ имѣть свои особые провинціальные законы, но никакъ не государственные. Такою же доказательною силой отличаются и разсужденія г. Мехелина о томъ, что Фридрихсгамскій трактатъ не можетъ имѣть никакого значенія для оцѣнки взаимныхъ отношеній, установленныхъ въ 1809 г. между Россіей и Финляндіей, потому-де, что «этотъ трактатъ имѣлъ лишь въ виду установить отношенія между Россіей и Швеціей, а съ другой сто-

Digitized by Google

роны между Финляндіей и Швеціей (!), взаимныя же отношенія Финляндіи и Россіи были уже установлены въ Борго, и статья 4-я Фридрихсгамскаго трактата нисколько не противорѣчитъ этому совершившемуся факту» (6 и 12). Конечно не противорѣчитъ, въ этомъ и мы согласны, потому что въ Борго императоръ Александръ не принималъ на себя никакихъ такихъ обязательствъ, которыя исключали бы Финляндію изъ собственности и державнаго обладанія Россійской имперіи; но та же статья 4-я находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что̀ силятся доказать финляндскіе законовѣды. Какъ же послѣ этого объяснить себѣ, что г. Мехелинъ, самъ признавая, что статья 4-я не противорѣчитъ тому, что̀ происходило на Боргоскомъ сеймѣ, въ то же время продолжаетъ настаивать, что на этомъ сеймѣ Александръ I установилъ для Финляндіи положеніе, прямо противное тому, что̀ говоритъ означенная статья? Сколько путаницы и противорѣчій во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ! Ихъ можно объяснить только тѣмъ, что финляндскіе юристы и историки своею теоріей о Финляндскомъ государствѣ сами поставили себя въ безвыходное положеніе и не знаютъ теперь, какъ изъ него выпутаться. Фридрихсгамскаго трактата, внесеннаго во всѣ сборники дипломатическихъ документовъ, нельзя ни вычеркнуть изъ исторіи, ни поддѣлать или подмѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, какъ подмѣнили они общее уложеніе 1734 г. шведскими политическими законами, а между тѣмъ имъ желательно доказать то, что именно этимъ трактатомъ столь громогласно опровергается. Вотъ и приходится путаться въ противорѣчіяхъ и изворотахъ ни для кого неубѣдительной софистической діалектики и сваливать всю бѣду на русскихъ писателей, которые, съ документами въ рукахъ, обезоружили ихъ и приперли къ стѣнѣ. Сооружая свою теорію Финляндскаго государства, они очевидно не ожидали ни появленія книги Ордина, ни послѣдующихъ разоблаченій этой теоріи со стороны русскихъ писателей. Только происшедшими среди финляндскихъ ученыхъ переполохомъ и растерянностью можно объяснить себѣ приведенное выше разсужденіе г. Мехелина, что, для опредѣленія политическаго положенія Финляндіи, Фридрихсгамскій трактатъ, т. е. актъ торжественный, несомнѣнный и международный, никакого значенія не имѣетъ, а вся сила въ «актѣ соглашенія», котораго

Digitized by Google

нигдѣ на свѣтѣ нельзя отыскать, кромѣ писаній г. Мехелина и его коллегъ.

Приступая къ доказательствамъ, что подъ коренными законами, подтвержденными Александромъ I для Финляндіи, государь этотъ разумѣлъ именно шведскіе законы 1772 и 1789 гг., Мехелинъ предупреждаетъ читателей, что онъ испытываетъ затрудненіе отъ избытка богатствъ (l'embarras de richesse), представляемыхъ этими доказательствами, и что потребовался бы цѣлый томъ, а не тѣсные предѣлы письма, чтобы привести эти свидѣтельства и доказать безсмысленность (l'absurdité) отрицанія сказанныхъ законовъ (25). Посмотримъ же, какіе перлы выбралъ г. Мехелинъ изъ этого обилія доказательствъ. Прежде всего онъ въ сотый разъ повторяетъ извѣстный пріемъ финляндскихъ политиковъ: начинаетъ ловить въ рѣчахъ и манифестахъ Александра I отдѣльныя слова и перетолковывать ихъ въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, какой они имѣли на самомъ дѣлѣ. «Древнія установленія и коренные законы», о которыхъ говорится въ манифестѣ 5 іюня 1808 г. и въ грамотѣ 15 марта 1809 г., подъ перомъ г. Мехелина превращаются въ форму правленія 1772 г. и актъ соединенія 1789 г., тогда какъ въ этихъ двухъ законахъ не было ничего древняго и кореннаго, а были они новѣйшимъ и эфемернымъ порожденіемъ борьбы монархической власти со шведскою олигархіей и испарились изъ шведскаго законодательства въ самый годъ Боргоскаго сейма, тотчасъ по низложеніи Густава IV и возведеніи на престолъ его дяди Карла XIII. Цитируя грамоту 15 марта 1809 г., г. Мехелинъ, по обычаю финляндскихъ писателей, приводитъ не настоящій переводъ съ русскаго подлинника, а поддѣльный, въ которомъ выраженія, непріятныя для финляндскихъ политиковъ, измѣнены или вовсе выпущены. Такъ напр. въ словахъ: «признали мы за благо симъ вновь утвердить» выпущено слово «вновь», ибо оно указываетъ на прежній манифестъ Александра отъ 5 іюня 1808 г., гдѣ подтвержденные финляндцамъ законы и учрежденія названы «древними установленіями, странѣ ихъ свойственными», чѣмъ ясно доказывается, что подъ коренными законами Александръ I вовсе не разумѣлъ новѣйшихъ законовъ 1772 и 1789 гг. Слова грамоты «всѣ подданные» замѣнены въ переводѣ словами «всѣ жители», что̀ господамъ фин-

Digitized by Google

ляндцамъ кажется соотвѣтственнѣе съ ихъ теоріею особаго финляндскаго государства, въ которомъ «государственные чины» стоятъ на одной высотѣ съ государемъ и, по мнѣнію финляндскихъ политиковъ, какъ бы не могутъ почитаться его подданными. Слово «по конституціямъ ихъ», т. е. по ихъ установленіямъ, подмѣнено словомъ «согласно конституціи», ибо это послѣднее выраженіе какъ бы указываетъ на шведскую конституцію 1772 и 1789 гг. Строки: «обѣщая хранить оные (т. е. религію, коренные законы и преимущества) въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи» замѣнены такъ: «Nous promettons de maintenir tous ces avantages et Lois fermes et inébranlables dans leur pleine force». И такое измѣненіе текста дѣлается въ актѣ, на которомъ финляндцы главнѣйшимъ образомъ основываютъ свое ученіе, въ актѣ, напечатанномъ на русскомъ языкѣ въ прибавленіи къ уложенію 1734 г. и вошедшемъ во всѣ русскія и иностранныя сочиненія о Финляндіи [1]). Что же сказать о другихъ цитируемыхъ финляндцами документахъ, которыхъ подлинники можно отыскать только въ архивѣ финляндскаго статсъ-секретаріата, предусмотрительно увезеннаго недавно изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ. Не доказываютъ ли эти поддѣлки, къ какимъ жалкимъ пріемамъ принуждены прибѣгать финляндскіе законовѣды, за неимѣніемъ у нихъ достовѣрныхъ доказательствъ проповѣдуемаго ими ученія?

Стараясь отдѣлаться отъ непріятнаго для финляндскихъ политиковъ уложенія 1734 г., г. Мехелинъ говоритъ: «Предположеніе, будто императоръ Александръ сохранилъ Финляндіи законы, издавна существовавшіе, а не новѣйшіе шведскіе законы 1772 и 1789 гг., есть чистѣйшая выдумка, ибо императоръ утвердилъ законы и права, которыми жители Финляндіи пользовались доселѣ или до настоящаго времени, т. е. до 1809 г.» (13). Слѣдовательно, по заключенію г. Мехелина выходитъ, что такъ какъ жители Финляндіи до 1809 г. пользовались не одними древними или коренными законами, внесенными въ уложеніе 1734 г., но и новѣйшими политическими законами, то слова грамоты «которыми

[1]) Подлинная грамота на русскомъ языкѣ, подписанная Александромъ I, по свидѣтельству финляндскаго историка Кастрена, сгорѣла въ Або.

Digitized by Google

они доселѣ пользовались», прямо указываютъ на эти политическіе законы. Но вѣдь финляндцы, наравнѣ со всѣми шведскими подданными, пользовались до 1809 г. и сеймовымъ уставомъ 1617 г., и правомъ отказывать королю въ согласіи на изданіе новыхъ законовъ и установленіе какихъ бы то ни было податей и повинностей, а королю было возбранено законами 1772 и 1789 гг. дѣлать малѣйшія отступленія отъ буквальнаго смысла этихъ законовъ. Почему же, при созваніи Боргоскаго сейма, шведскій сеймовый уставъ 1617 г. былъ оставленъ въ сторонѣ; почему съ постановленіями этого сейма было поступлено совершенно наперекоръ законамъ 1772 и 1789 гг., почему и послѣ того императоромъ Александромъ изданъ былъ цѣлый рядъ узаконеній, вовсе даже не предлагавшихся на разсмотрѣніе сейма? Допуская аргументацію гг. Мехелина и Даніельсона, слѣдовало бы заключить, что часть дѣйствовавшихъ въ Финляндіи до 1809 г. законовъ, и притомъ часть, которой теперешніе финляндскіе юристы не придаютъ никакого важнаго значенія (г. Мехелинъ даже вовсе не упоминаетъ объ уложеніи 1734 г. въ своей книгѣ «Précis du droit», при перечисленіи источниковъ финляндскаго законодательства, а г. Германсонъ называетъ это уложеніе законами, касавшимися частной жизни), почему эта часть подносилась на благоусмотрѣніе Александра I, снабжена его утвержденіемъ и, по его повелѣнію, переведена на русскій языкъ, а тѣ шведскіе законы, въ которыхъ финляндскіе юристы видятъ всю силу, нигдѣ рѣшительно не упоминались въ теченіе цѣлыхъ 54 лѣтъ. Непонятная забывчивость и со стороны двухъ русскихъ монарховъ, и со стороны тѣхъ шведо-финляндцевъ, которые завѣдывали въ это полустолѣтіе дѣлами своей провинціи. Между тѣмъ утвержденные Александромъ I общее уложеніе 1734 г. и церковный уставъ 1686 г. сохранили финскому народу его церковно-религіозное устройство, его старинные суды, провинціальную администрацію, личныя и имущественныя права сословій, въ томъ числѣ и важнѣйшее право—свободу поселянъ отъ крѣпостнаго состоянія, наконецъ прежніе финансово-экономическіе и торговые порядки. Все это имѣло для финскаго народа во сто кратъ большее значеніе, чѣмъ право ограничивать самодержавную власть русскаго монарха, о чемъ конечно и не помышлялъ финскій народъ, но что составляло

Digitized by Google

завѣтную мечту шведо-финляндскихъ дѣльцовъ еще со временъ Спренгпортена, Маннергейма и другихъ зачинщиковъ Аньяльскаго заговора. Этимъ людямъ нужна не польза народа, а возможность играть отъ его имени политическую роль и, отстраняя монархическую власть, самимъ распоряжаться судьбою двухмилліоннаго финскаго народа.

Далѣе г. Мехелинъ, подобно г. Даніельсону, ссылается на секретный рескриптъ Александра I финляндскому генералъ-губернатору Штейнгелю, въ 1810 г., относительно того, какой онъ намѣренъ держаться политики по случаю перемѣны въ Швеціи династіи и избранія на престолъ маршала Бернадота, какъ будто для опредѣленія государственно-правоваго положенія цѣлой области могутъ имѣть какое-нибудь значеніе секретныя бумаги, каково бы ни было ихъ содержаніе. Наконецъ, г. Мехелинъ заявляетъ, что онъ въ состояніи привести еще и другія доказательства того, что законы 1772 и 1789 гг. не только были сохранены въ принципѣ, но что на нихъ, и послѣ 1809 г., не переставали ссылаться или спеціальнымъ образомъ, прямо указывая ту или другую ихъ статью, или же болѣе общимъ образомъ, напоминая ихъ постановленія безъ указанія статей (22). Доселѣ мы пока еще не встрѣтили у г. Мехелина ни одной не только прямой, но и косвенной ссылки на эти законы въ документахъ, имѣющихъ какое-нибудь правовое значеніе, малѣйшую обязательную силу для правительства. Съ любопытствомъ ждемъ новыхъ доказательствъ, гдѣ эти законы были бы указываемы статья за статьею. Прежде всего г. Мехелинъ ссылается на приведенный и г. Даніельсономъ случай исправленія инструкціи, данной Александромъ I въ 1811 г. тому же генералъ-губернатору Штейнгелю. Доказательную силу этого довода мы уже разобрали въ своемъ мѣстѣ. Г-нъ Мехелинъ прибавилъ тутъ одну только новость, именно что правительственный совѣтъ, ссылаясь на законы 1772 и 1789 гг., назвалъ ихъ законами, утвержденными Его Императорскимъ Величествомъ. Нѣтъ надобности имѣть въ рукахъ докладной записки правительственнаго совѣта, чтобы съ увѣренностію сказать, что въ ней совѣтъ не посмѣлъ сдѣлать такой лживой квалификаціи сказанныхъ законовъ. Конечно г. Даніельсонъ не преминулъ бы воспользоваться такимъ подходящимъ случаемъ, чтобъ привести его въ сво-

Digitized by Google

ихъ аргументахъ. Сказавъ, что императоръ Николай, въ манифестѣ отъ 21 апрѣля 1826 г., объявилъ свое рѣшеніе, въ силу принадлежащаго ему права помилованія, замѣнять постановленную въ финляндскихъ законахъ смертную казнь за обыкновенныя уголовныя преступленія другими, менѣе тяжкими наказаніями, г. Мехелинъ добавляетъ: «прошу замѣтить, что единственные финляндскіе законы, которые говорятъ о правѣ помилованія, суть законы 1772 г. ст. 9-я и 1789 г. ст. 1-я» (стр. 22—23). Итакъ изъ того факта, что императоръ Николай, по праву помилованія, принадлежащему во всѣхъ монархическихъ государствахъ государю, рѣшилъ отмѣнить въ Финляндіи смертную казнь, г. Мехелинъ заключаетъ, что онъ сообразовался въ этомъ случаѣ съ шведскими конституціонными законами, ибо именно въ нихъ-то и говорится о правѣ помилованія. Не будь этихъ статей 9-й и 1-й, императоръ Николай, по мнѣнію г. Мехелина, не могъ бы проявить своего права помилованія по отношенію къ финляндскимъ жителямъ. Вотъ каково первое дополнительное доказательство того утвержденія г. Мехелина, что шведскіе законы приведены въ оффиціальныхъ документахъ съ прямымъ указаніемъ на ихъ статьи. Изъ этого аргумента мы узнаемъ тотъ любопытный фактъ, что императоръ Николай тщательно ознакомился съ статьями формы правленія и акта соединенія и вполнѣ сознательно признавалъ ихъ для себя обязательными. Какъ, значитъ, были доселѣ неправильны наши представленія о характерѣ и образѣ мыслей этого государя. Потомъ г. Мехелинъ говоритъ, что въ 1835 г., по повелѣнію того же государя, была учреждена комиссія для составленія систематическаго извлеченія изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Финляндіи законовъ. Хотя трудъ этотъ, по словамъ г. Мехелина, никогда не былъ оконченъ, но въ составленной комиссіей программѣ этого сборника упоминалось, между прочимъ, что комиссія предполагала разработать и законы 1772 и 1789 гг. (23). Вотъ и второе дополнительное доказательство документальнаго признанія этихъ законовъ императоромъ Николаемъ. Другихъ доказательствъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, не приводится въ брошюрѣ г. Мехелина за все время царствованія Александра I и Николая.

Замѣчательно, что чѣмъ больше финляндскіе законовѣды те-

Digitized by Google

ряютъ почву подъ ногами, чѣмъ неопровержимѣе возраженія, предъявляемыя имъ съ русской стороны, тѣмъ они становятся рѣзче и высокомѣрнѣе въ своихъ отвѣтахъ, тѣмъ рѣшительнѣе приписываютъ дѣлаемыя имъ возраженія невѣжеству или недобросовѣстности русскихъ авторовъ. Такова впрочемъ характеристическая черта всѣхъ задорныхъ, но слабосильныхъ борцовъ.

Чтобъ доказать, что Боргоскій сеймъ былъ не совѣщательнымъ собраніемъ, а имѣлъ рѣшающую силу, подобно шведскому риксдагу, г. Мехелинъ ссылается на рѣчь Александра I при открытіи сейма и на предложеніе, въ которомъ были изложены четыре вопроса, препровождавшіеся на обсужденіе сейма. Объ упоминаемой рѣчи императора мы уже говорили прежде, и читатель могъ убѣдиться, какъ мало соотвѣтствовали употребленныя въ ней выраженія рѣшающему значенію сейма. Что же касается до предложенія 4-хъ вопросовъ, то вѣроятно г. Мехелинъ упустилъ изъ вида, что полный текстъ ихъ напечатанъ въ столь ненавистной финляндцамъ книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи» (II, 349—351). Мы уже привели выше выраженія, характеризующія это предложеніе. Въ дополненіе къ сказанному, присоединимъ еще слѣдующія изъ него выписки. По вопросу о взиманіи податей сказано, что императоръ, повелѣвъ упразднить двѣ особенно тягостныя для населенія повинности, такъ называемыя benevolences и акцизъ внутреннихъ таможенъ, «такъ п о ж е л а л ъ возвѣстить жителямъ о своемъ вступленіи въ обладаніе этимъ краемъ, такъ заявилъ онъ съ самаго начала с в о е б л а г о т в о р н о е м о г у щ е с т в о и свои безкорыстныя правила». По вопросу о монетной системѣ сказано, что «Его Императорское Величество, приглашая сословія представить ему о лучшихъ способахъ устранить возникшія при настоящемъ переходномъ положеніи затрудненія, не предрѣшаетъ мѣръ, кои онъ изволитъ признать соотвѣтственными въ столь трудномъ дѣлѣ, но расположенъ придти на помощь своимъ вѣрноподданнымъ Финляндіи. Четвертое предложеніе касалось собственно назначенія членовъ правительственнаго совѣта, такъ какъ общій планъ его былъ уже утвержденъ государемъ еще до созыва сейма. Кажется, вся редакція упоминаемаго предложенія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Александръ I смотрѣлъ на Боргоскій сеймъ, какъ на собраніе чисто

Digitized by Google

совѣщательное, не придавая его рѣшеніямъ никакой обязательной силы. Не таковы были права шведскаго риксдага по конституціоннымъ законамъ Швеціи, на которые ссылаются финляндскіе юристы. При разборѣ брошюры г. Даніельсона, нами были уже приведены слова императорской рѣчи при закрытіи сейма, еще разъ доказывающія, что Александръ I смотрѣлъ на него только какъ на совѣщательное собраніе. Тогда же было нами сказано, что одни изъ представленій сейма были значительно измѣнены государемъ, а другія вовсе оставлены безъ вниманія. Какъ бы предусматривая это возраженіе, г. Мехелинъ говоритъ: «извѣстно впрочемъ, что во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ рѣшенія народныхъ представителей получаютъ силу закона только тогда, когда они утверждены монархомъ» (26). Да, это всѣмъ хорошо извѣстно; но извѣсто также и то, что въ конституціонныхъ монархіяхъ государь въ правѣ или утвердить сполна рѣшеніе народныхъ представителей, безъ всякихъ измѣненій, или же отвергнуть его и созвать новый парламентъ.

Наконецъ, какъ на самый убѣдительный доводъ въ пользу того, что и Александръ I, и Николай признавали обязательными для себя форму правленія и актъ соединенія, г. Мехелинъ ссылается на то, что «законодательные акты, изданные въ періодъ времени съ Боргоскаго сейма до 1863 года, были не болѣе, какъ указы и распоряженія, или иногда манифесты, относящіеся къ предметамъ административнымъ; въ этой области законодательная власть, согласно основнымъ законамъ, принадлежитъ исключительно монарху. Прочіе законодательные вопросы, требовавшіе содѣйствія народныхъ представителей, оставались нерѣшенными до 1863 года» (29). Посмотримъ, насколько справедливо такое утвержденіе. По § 40 формы правленія, «король не могъ издавать новыхъ законовъ, нижѐ старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ». По § 45 того же закона, «король не могъ наложить на подданныхъ какіе-либо новые налоги безъ вѣдома и добровольнаго согласія государственныхъ чиновъ». По § 44, «если король возымѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобы безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось». Между тѣмъ, послѣ распущенія Боргоскаго сейма, были изданы дѣйствующія и понынѣ узаконенія объ императ-

Digitized by Google

скомъ финляндскомъ сенатѣ, о генералъ-губернаторѣ, о статсъ-секретаріатѣ (1826 г.), учрежденія различныхъ главныхъ управленій, новыхъ гофгерихтовъ и прочихъ судебныхъ мѣстъ, уставы: межевой (1848 г.), лѣсной (1851 г.), вексельный (1858 г.) и цѣлый рядъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, судебнопроизводственныхъ и административныхъ. Этими узаконеніями было во многихъ своихъ частяхъ измѣнено и общее уложеніе 1734 года, такъ что новѣйшія его изданія испещрены ссылками на упомянутыя узаконенія. Высочайшими манифестами 17-го декабря 1809 года, 28-го марта 1840 года и 23-го марта 1860 г., безъ всякаго участія сейма, три раза была преобразована вся денежная система великаго княжества, при чемъ первыми двумя указами введены были въ Финляндіи монетныя системы, существовавшія тогда въ Россіи, а манифестомъ 1860 г. введены были марки, вѣсъ и проба которыхъ опредѣлены были потомъ, также безъ участія сейма, уставомъ финляндскаго монетнаго двора 1-го марта 1865 года, хотя въ то время существовали уже сеймы. Безъ вѣдома и участія сейма часть Выборгской губерніи присоединена къ Петербургской высочайшимъ повелѣніемъ 15-го февраля 1864 года, несмотря на протестъ финляндскихъ законовѣдовъ, доказывавшихъ, что эта мѣра нарушаетъ одно изъ основныхъ правъ Финляндіи о недѣлимости ея территоріи, въ силу извѣстныхъ шведскихъ законовъ. Послѣдній примѣръ доказываетъ, что даже въ 1864 году финляндскіе дѣльцы, съ графомъ Армфельтомъ во главѣ, не успѣли еще достигнуть своей цѣли подмѣнить утвержденные Александромъ I коренные законы шведскими законами 1772 и 1789 гг., хотя косвенный намёкъ на нихъ былъ уже вставленъ въ рѣчь, произнесенную императоромъ Александромъ II при открытіи перваго Гельсингфорскаго сейма въ 1863 году. Графъ Армфельтъ воспользовался тогдашнимъ смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, чтобъ поднести государю сказанную рѣчь и заложить операціонный базисъ для послѣдующихъ дѣйствій финляндской тактики. Регламентомъ правительственнаго совѣта, высочайшимъ манифестомъ 17-го марта 1826 года и инструкціей финляндскому статсъ-секретаріату былъ опредѣленъ порядокъ составленія росписи доходовъ и расходовъ въ великомъ княжествѣ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ высочайшихъ указовъ, которыми опредѣлялись манталь-

Digitized by Google

ные, подушные (въ Выборгской губерніи) и поземельные налоги и оброки и разные другіе сборы и доходы казны. Такихъ указовъ въ сборникѣ постановленій великаго княжества Финляндскаго можно насчитать до 30, съ 1815 по 1859 годъ. Въ 1851 году высочайшимъ постановленіемъ предоставлено было русскимъ дворянамъ право владѣнія недвижимою собственностію въ Финляндіи. Законы о шкатовомъ выкупѣ казенныхъ гейматовъ были опредѣлены также цѣлымъ рядомъ высочайшихъ указовъ, съ 1817 по 1858 годъ (всего 12 указовъ). Въ высочайшей инструкціи статсъ-секретаріату (1826 г.) установленъ былъ, между прочимъ, порядокъ изданія законовъ для Финляндіи. Всѣ эти узаконенія первостепенной важности не могли бы быть изданы безъ согласія сейма, еслибъ въ сказанный 54-лѣтній періодъ русскіе государи признавали для себя обязательными шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг. Замѣтимъ также, что, по ст. 18 формы правленія, всѣ военнослужащіе должны были присягать не только королю, но и чинамъ государства. Спрашиваемъ господъ финляндскихъ юристовъ, когда же эта статья соблюдалась въ финскомъ войскѣ съ 1809 года и до настоящей минуты? Правда, въ военномъ уставѣ 1878 года финляндскіе дѣльцы, пользуясь тѣмъ, что всѣ касающіяся Финляндіи узаконенія проходили безъ разсмотрѣнія ихъ компетентными властями имперіи, ввернули такую фразу: «начальникъ части приводитъ къ присягѣ вновь опредѣленныхъ на службу, соображаясь съ § 18 формы правленія». Тѣмъ не менѣе доселѣ финляндскій сенатъ еще не осмѣливался требовать, чтобы финляндскіе стрѣлковые баталіоны присягали на вѣрность и тамошнему сейму, откладывая вѣроятно эту присягу до той минуты, когда придется выбирать между вѣрностью императору и вѣрностью сейму. Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами узаконеній, изданныхъ безъ содѣйствія сейма, надобно думать, что г. Мехелинъ, столь категорически утверждая, что послѣ Боргоскаго сейма и до 1863 года не было вовсе издаваемо такихъ узаконеній, которыя требовали утвержденія сейма, разсчитывалъ на то, что узаконенія эти не могутъ быть извѣстны русскимъ и иностраннымъ читателямъ его брошюры, такъ какъ найти ихъ можно только въ сборникѣ постановленій великаго княжества Финляндскаго, ко-

Digitized by Google

торый притомъ же до 1860 года издавался исключительно на шведскомъ языкѣ, безъ перевода на русскій.

Какъ вполнѣ логическое продолженіе сказанныхъ пріемовъ доказательства, слѣдуютъ потомъ въ брошюрѣ г. Мехелина обвиненія русскихъ писателей въ томъ, что «имъ неизвѣстно уваженіе къ праву, что эти вожаки агитаціи избрали себѣ методу юридическихъ софизмовъ и извращенія фактовъ, методу, починъ которой положилъ Ординъ и которая преобладаетъ въ настоящую минуту. Она, по словамъ г. Мехелина, имѣетъ цѣлью доказать, что императоръ Александръ вовсе не утверждалъ основныхъ законовъ Финляндіи, а только старинные законы имущественные и о другихъ предметахъ общественнаго благоустройства. Вотъ канва, на которой они усиливаются создать цѣлую систему софизмовъ. Они, безъ сомнѣнія, надѣются такимъ способомъ все больше и больше затемнить вопросъ права и окружить его густымъ покровомъ, подъ прикрытіемъ котораго они могли бы двинуть впередъ разрушительные планы, которые не имѣли бы никакой вѣроятности на успѣхъ, еслибъ они высказывались безъ этого обманнаго прикрытія» (36—37). Далѣе онъ говоритъ, какъ о фактѣ, достовѣрно ему извѣстномъ, о какихъ-то «гибельныхъ планахъ, задуманныхъ противу Финляндіи», и о какой-то «группѣ вожаковъ, которые заблаговременно стараются предупредить общественное мнѣніе въ Европѣ, что верховная власть въ Финляндіи не ограничена никакими основными законами». По мнѣнію г. Мехелина, упомянутая библіографическая замѣтка въ «Journal de St.-Pétersbourg» съ тою именно цѣлью и напечатана, «чтобы взрывъ мины, столь искусно направленной противъ торжественно признанныхъ правъ Финляндіи, не произвелъ за границей слишкомъ громкаго отголоска». «Но мы, внимательные наблюдатели этихъ кововъ, —продолжаетъ онъ,—мы нисколько не введены ими въ заблужденіе. Долгъ совѣсти, обязательный для каждаго честнаго гражданина и каждаго вѣрнаго служителя нашего августѣйшаго императора, повелѣваетъ употребить всѣ усилія, чтобъ разорвать покровъ софизмовъ, о которомъ я только-что говорилъ. Непрестанныя заботы о благѣ обширной имперіи не всегда позволяютъ тому, на комъ лежитъ ихъ бремя, во всей подробности проникать истинный смыслъ обманныхъ аргументовъ и умышленныхъ

Digitized by Google

толкованій, которыми пользуются иногда политики изъ числа тѣхъ, которые ввели недавно въ заблужденіе «Journal de St.-Pétersbourg». Мы надѣемся, что, не взирая на всѣ усилія противнаго направленія, истина, вслѣдствіе самой присущей ей силы, восторжествуетъ, пока еще не поздно. Мы надѣемся на это тѣмъ болѣе, что истинные интересы Россіи вовсе не требуютъ, чтобъ было упразднено то благородное уваженіе къ признаннымъ правамъ, которое въ теченіе столь долгаго времени было господствующею чертою русской политики по отношенію къ Финляндіи» (38—40). Въ приведенныхъ здѣсь строкахъ заключается повтореніе того, что́ говорилось и въ брошюрѣ г. Даніельсона о составившейся въ Россіи партіи, «желающей снести все, что́ возведено Александромъ I и его преемниками». Очевидно и г. Мехелинъ, какъ прежде г. Даніельсонъ, подразумѣваетъ здѣсь не тѣхъ авторовъ, которыхъ мнѣнія онъ разбираетъ въ своей брошюрѣ, ибо ни Ординъ, ни я, на которыхъ онъ всего болѣе обрушивается съ своими обвиненіями, ни гг. Таганцевъ и Коркуновъ, мнѣнія которыхъ онъ также подвергаетъ разбору, никогда не требовали измѣненія дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ. Русскіе писатели очень хорошо понимаютъ, что въ Россіи измѣнять законы принадлежитъ единственно верховной власти и что она въ своихъ предначертаніяхъ основывается не на тѣхъ или другихъ литературныхъ мнѣніяхъ, а на соображеніяхъ государственной пользы и необходимости, которыя представляются ей подлежащими высшими правительственными установленіями. Въ моей книгѣ о Финляндіи не только не отрицались конституціонныя права, дарованныя этой странѣ императоромъ Александромъ II, но прямо говорилось, что съ тѣхъ поръ у финляндцевъ есть и конституція, и основные законы, и что они достигли даже признанія формы правленія и акта соединенія, если и не въ цѣломъ ихъ составѣ (что́ для финлянцевъ и не требуется), то именно въ тѣхъ ихъ статьяхъ, которыя открывали имъ дорогу для дальнѣйшихъ успѣховъ, что они получили даже болѣе тѣхъ правъ, какими пользовались шведскіе подданные въ эпоху завоеванія Финляндіи («Финляндскій современный вопросъ», 130—134, 142—144). Если же въ моей книгѣ я старался, съ документами въ рукахъ, прослѣдить тактику финляндскихъ чиновниковъ, посредствомъ которой они достигли дарованія

Digitized by Google

Финляндіи всѣхъ этихъ привилегій, то такое разъясненіе фактовъ входитъ въ обязанность всякаго историческаго изслѣдованія. Если разъясненія, сдѣланныя русскими писателями по финляндскому вопросу, явились у насъ новостью, то это надобно приписать тому обстоятельству, что вопросъ этотъ, въ силу тяготѣвшихъ надъ нимъ условій, былъ до недавняго времени самою темною страницей въ нашей исторіи, что на немъ лежалъ именно тотъ «непроницаемый покровъ обманныхъ аргументовъ и умышленныхъ толкованій», о которомъ говоритъ г. Мехелинъ, относя его, по ошибкѣ, не туда, куда слѣдуетъ. Не могутъ же финляндцы отнять отъ насъ, русскихъ, права и обязанности изучать исторію Русскаго государства, хотя бы такое изученіе приводило насъ и не къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ желательно привести русское правительство и русскихъ читателей финляндскимъ политикамъ. Финляндскій вопросъ имѣетъ первостепенную важность для безопасности нашей столицы и всѣхъ мѣстностей на Балтійскомъ прибрежьи, пріобрѣтенныхъ русскою кровію еще со временъ Петра. Вся сила въ томъ, чтобы историческія изслѣдованія и выводы были не фальшивые, не построенные на вымышленныхъ событіяхъ, не усиливающіеся, наперекоръ правдѣ, доказать придуманную теорію, а основывались на дѣйствительныхъ фактахъ и достовѣрныхъ документахъ. Для русскихъ писателей по финляндскому вопросу не можетъ быть лучшаго доказательства достовѣрности ихъ изслѣдованій и выводовъ, какъ вся изложенная нами здѣсь аргументація финляндскихъ возражателей, ихъ пріемы, ихъ обращеніе съ историческими фактами, наконецъ ихъ раздражительный тонъ и нападки на личность русскихъ авторовъ.

Кого же разумѣетъ г. Мехелинъ подъ этою группою вожаковъ и зачинщиковъ (les meneurs et les agresseurs), которые, по его словамъ, подводятъ подкопы подъ его отечество и усиливаются ввести верховную власть въ заблужденіе посредствомъ фальшивыхъ аргументовъ и умышленныхъ лжетолкованій? Тотчасъ послѣ этихъ обвиненій кого-то въ злостномъ комплотѣ противу Финляндіи, г. Мехелинъ докладываетъ читателямъ, что въ Петербургѣ образована по высочайшему повелѣнію комиссія изъ высшихъ государственныхъ лицъ для пересмотра проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, выработаннаго финляндскимъ сенатомъ. Выдавъ аттестатъ

Digitized by Google

этому проекту, удостовѣряющій, что онъ выработанъ въ духѣ извѣстнаго высочайшаго рескрипта финляндскому генералъ-губернатору отъ 28-го февраля 1891 г. (см. мою книгу «Финляндскій современный вопросъ», стр. 220), именно съ тѣмъ, чтобы осуществить «предначертанія Государя Императора, клонящіяся къ укрѣпленію государственной связи великаго княжества съ имперіей», г. Мехелинъ обязательно беретъ на себя трудъ разъяснить русскимъ и иностраннымъ читателямъ причину того тревожнаго настроенія въ Финляндіи, о которомъ, по словамъ сказаннаго рескрипта, ландмаршалъ и тальманы сословій доносили Государю Императору. Въ рескриптѣ было сказано, что «только невѣрное истолкованіе тѣхъ началъ, на коихъ зиждутся отношенія великаго княжества къ имперіи и къ верховной власти, и распространеніе сихъ заблужденій среди населенія, во вредъ истиннымъ его интересамъ, могли породить такое прискорбное явленіе». Господинъ же Мехелинъ говоритъ: «Тревожное настроеніе въ краѣ вызвано не ожиданіемъ осуществленія сказаннаго проекта. Если съ нѣкоторыхъ поръ распространились въ краѣ чувства недовольства и безпокойства, то причиною тому были тѣ коварные ковы, о которыхъ я сказалъ выше и которыхъ худо скрываемая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы, подъ наружностью законности, произвести насильственный государственный переворотъ» (43—44). Изъ этихъ строкъ еще яснѣе видно, что здѣсь подразумѣваются отнюдь не русскіе писатели, сочиненія которыхъ, будучи вовсе не доступны населенію Финляндіи, не могли возбудить въ немъ чувствъ недовольства и безпокойства, о которыхъ говоритъ г. Мехелинъ. Напомнивъ затѣмъ, кому слѣдуетъ, ст. 71 сеймоваго устава 1869 г., гласящую, что «изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію государя императора и великаго князя и съ согласія всѣхъ сословій», г. Мехелинъ авторитетно и отъ имени всего финляндскаго народа выражаетъ увѣренность, что разсматриваемый нынѣ финляндскій проектъ будетъ не иначе осуществленъ, какъ при участіи сейма, который, какъ надѣется г. Мехелинъ, посодѣйствуетъ и съ своей стороны возможному осуществленію намѣреній императора. «Финляндскій народъ, говоритъ онъ, надѣется, что для укрѣпленія узъ единенія не будутъ принесены

Digitized by Google

въ жертву тѣ или другія права или учрежденія, необходимыя для скромнаго существованія финляндской націи» (43). Мы не имѣли въ рукахъ финляндскаго проекта, который г. Мехелинъ беретъ подъ свое покровительство, и потому не можемъ судить, составленъ ли онъ въ духѣ рескрипта Государя Императора или же, быть можетъ, въ духѣ г. Мехелина, которому онъ, какъ оказывается, такъ близко извѣстенъ. Равнымъ образомъ мы не знаемъ, о какихъ правахъ говоритъ онъ, опасаясь, что они будутъ принесены въ жертву, о тѣхъ ли, которыя дѣйствительно дарованы Финляндіи русскими вѣнценосцами, или же о тѣхъ, которыя развиваются финляндскими юристами въ созданномъ ими ученіи о Финляндскомъ самостоятельномъ государствѣ. Позволительно однако сомнѣваться, чтобы на судьбу сказаннаго финляндскаго проекта могло имѣть какое-нибудь вліяніе то обстоятельство, что г. Мехелинъ, хотя бы и отъ лица всего финскаго народа, предрѣшаетъ теперь способъ, какимъ онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, равно какъ позволительно сомнѣваться и въ томъ, что финскій народъ будетъ въ выигрышѣ, если его интересы будутъ защищаемы на сеймѣ подобными адвокатами и съ помощью тѣхъ пріемовъ, съ которыми мы ознакомились изъ брошюръ гг. Мехелина и Даніельсона. Возможенъ вѣдь и такой случай, что всѣ сеймовые депутаты, играющіе дѣятельную роль на сеймѣ, окажутся учениками профессора Даніельсона и бывшаго профессора Мехелина и проявятъ упорную и слѣпую оппозицію всѣмъ благожелательнымъ предначертаніямъ верховной власти. Вѣроятно этотъ случай былъ упущенъ г. Мехелиномъ изъ вида, когда онъ такъ категорически предрѣшалъ образъ дѣйствія верховной власти относительно разсматриваемаго теперь проекта финляндскаго сената.

По поводу незначительной и никѣмъ въ Россіи не замѣченной библіографической статьи въ «Journal de St. Pétersbourg» г. Мехелинъ дѣлаетъ замѣчаніе, что она предназначена будто бы для того, чтобы предрасположить общественное мнѣніе за границей въ пользу какого-то составленнаго противъ Финляндіи комплота и исподволь подготовить заграничную публику ко взрыву мины, подведенной подъ права Финляндіи. Не справедливѣе ли будетъ сказать, что именно брошюра г. Мехелина назначена для того, чтобы предрасположить вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ, равно какъ и заграничную пе-

Digitized by Google

чать, въ пользу проекта, составленнаго финляндскимъ сенатомъ, и впередъ дискредитировать тѣхъ лицъ, которыя призваны сдѣлать надлежащую ему оцѣнку.

Мы видимъ, что у гг. Мехелина и Даніельсона совершенно одни и тѣ же пріемы доказательствъ, съ которыми впрочемъ они познакомили насъ еще въ прежнихъ своихъ брошюрахъ на русскомъ языкѣ. Когда имъ говорятъ: укажите намъ хотя одинъ оффиціальный документъ, хотя одно слово въ какомъ-нибудь документѣ, гдѣ говорилось бы о пресловутомъ актѣ соглашенія между императоромъ Александромъ I и представителями финляндскаго народа или о шведскихъ законахъ 1772 и 1789 гг., то они, оставляя первый вопросъ безъ отвѣта, въ сотый разъ повторяютъ вытверженную ими басню, что на Боргоскомъ сеймѣ государственные чины Финляндіи добровольно и неприсужденно заключили съ Александромъ I соглашеніе о соединеніи двухъ государствъ, Русскаго и Финляндскаго; по второму же вопросу они перерыли весь свой архивъ за время царствованія Александра I и Николая, отыскивая, нельзя ли придраться къ какому-нибудь слову, чтобы истолковать его въ смыслѣ указанія на сказанные законы. Они ссылаются на какіе-то, по ихъ мнѣнію, ученые авторитеты, на какихъ-то профессоровъ и публицистовъ, подтверждающихъ, что Финляндія дѣйствительно есть государство, состоящее въ союзѣ съ Россіею; ищутъ указанія на шведскіе законы въ какихъ-то секретныхъ запискахъ и въ мемуарахъ частныхъ лицъ; увѣряютъ читателей, что съ Боргоскаго сейма 1809 г. и до Гельсингфорскаго сейма 1863 г. не было издано для Финляндіи ни одного закона, требовавшаго утвержденія сейма. Г-нъ Даніельсонъ сознается однако, что прямаго указанія на сказанные шведскіе законы нигдѣ не находится, потому-де что въ этомъ не было надобности; а по г. Мехелину выходитъ, что они цитировались прямо и по статьямъ.

Такимъ образомъ объ разобранныя нами брошюры, задавшіяся цѣлію опровергнуть доводы русскихъ писателей по финляндскому вопросу, на самомъ дѣлѣ служатъ только яснѣйшимъ подтвержденіемъ этихъ доводовъ. Все ученіе финляндскихъ юристовъ и историковъ оказывается хотя смѣлою, но нельзя сказать, чтобы искусно подстроенною мистификаціею; всякія же мистификаціи имѣютъ успѣхъ только

Digitized by Google

до тѣхъ поръ, пока публика не заглянула за ширмы, скрывавшія отъ ея взоровъ арсеналъ разныхъ хитрыхъ приспособленій. Съ этой минуты дальнѣйшее продолженіе фокусовъ способно только забавлять публику. А между тѣмъ финляндскія газеты привѣтствовали послѣднюю брошюру г. Мехелина восторженными побѣдными кликами. Вотъ напримѣръ что́ пишется о ней въ передовой статьѣ главной финской газеты «Uusi Suometar» отъ 12 января 1893 года, № 19. «Она для насъ, финляндцевъ, ничего не содержитъ новаго, да и не можетъ содержать. Но великое значеніе брошюры состоитъ въ томъ, что она въ кратчайшемъ и въ то же время наияснѣйшемъ видѣ излагаетъ важнѣйшую дѣйствительность. Книги гг. Даніельсона и Германсона требуютъ болѣе продолжительнаго времени для прочтенія. Г-нъ Мехелинъ собралъ теперь изъ нихъ самую сердцевину въ столь сжатомъ видѣ, въ столь ясномъ и внушительномъ изложеніи, что повидимому никто въ Россіи, кто пожелаетъ впередъ высказать свои мнѣнія о финляндскихъ дѣлахъ, не будетъ въ состояніи миновать этого новаго почтеннаго изложенія. Впрочемъ мы привыкли видѣть самое невѣроятное обращеніе со стороны недоброжелателей. Но они не имѣютъ никакого чувства отвѣтственности за свои поступки. Именно по причинѣ своей краткости и тѣмъ не менѣе, такъ сказать, совершенства своего, эта брошюра имѣетъ въ настоящую минуту великое значеніе». Въ томъ же нумерѣ газеты «Uusi Suometar» приводятся слѣдующія слова какого-то финляндскаго кандидата юриспруденціи по поводу вновь вышедшей книги гельсингфорскаго профессора Германсона: «Послѣ того, какъ г. Даніельсонъ написалъ свое мастерское сочиненіе «Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою», вѣроятно никакое финляндское литературное произведеніе не заслуживало такого вниманія, какъ только-что появившееся сочиненіе профессора Германсона «О государственномъ правовомъ положеніи Финляндіи». Книга Даніельсона была какъ бы призывнымъ трубнымъ звукомъ къ войнѣ, она придаетъ бодрости; Германсонъ—тяжелый, немузыкальный выстрѣлъ изъ пушки, попадающій прямо въ цѣль и убивающій». Мы не имѣли въ рукахъ этой смертоносной книги г. Германсона, не переведенной еще пока по-русски; но сближеніе, которое дѣлаетъ финляндскій кандидатъ юриспруденціи между нею и брошюрою

Digitized by Google

г. Даніельсона, едва-ли можетъ быть лестно для г. Германсона. Впрочемъ о силѣ аргументаціи этого послѣдняго автора читатель имѣетъ уже понятіе изъ его статьи, упомянутой нами выше.

Въ началѣ своей брошюры г. Мехелинъ упоминаетъ о книгѣ на финскомъ языкѣ «Suomen suhteista Venäjään» («Объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи»), которую, по его словамъ, онъ досталъ съ большимъ трудомъ и то благодаря счастливому случаю, такъ какъ эта, «наполненная грубыми ошибками книга не существуетъ въ продажѣ ни въ Петербургѣ, ни въ Гельсингфорсѣ» [1]). Въ основу этой книги положенъ сокращенный переводъ на финскій языкъ моего сочиненія «Финлядскій современный вопросъ». Въ предисловіи къ ней сказано, что печатаніе ея предполагалось сначала въ Финляндіи, но что какой-то, по словамъ автора книги, таинственный комитетъ воспретилъ финляндскимъ типографіямъ печатать ее, не желая, чтобы до финскаго народа доходили иные взгляды на отношенія Финляндіи къ Россіи и къ верховной власти, кромѣ тѣхъ, какіе пропагандируются шведо-финляндскою партіей. Вслѣдствіе этого книга была напечатана въ Петербургѣ. Замѣчательно, что факторъ одной гельсингфорской типографіи прямо признался автору книги, что содержатель типографіи, прирожденный финнъ, охотно бы ее напечаталъ, но боится нажить себѣ бѣды. О дальнѣйшей судьбѣ этой книги можемъ сообщить слѣдующее. Когда книга, по отпечатаніи въ Петербургѣ, была доставлена въ Гельсингфорсъ, то ни одинъ изъ тамошнихъ книгопродавцевъ не согласился принять ее на комиссію для продажи, о чемъ съ торжествомъ и издѣвательствами заявлялось въ финляндскихъ газетахъ. Въ корреспонденціи изъ Финляндіи, напечатанной въ № 29 «Сына Отечества» за нынѣшній годъ, говорится, что одинъ русскій обыватель Гельсингфорса, желая сдѣлать эту книгу извѣстною финляндцамъ, предлагалъ тамошнимъ книгопродавцамъ взять ее для продажи на такомъ условіи, что одну половину вырученной суммы онъ жертвуетъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Финляндіи, а другую въ пользу книгопродавцевъ. Но и на этомъ условіи ни одинъ кни-

[1]) Что̀ не помѣшало однако финляндскимъ газетамъ, еще до выхода этой книги изъ петербургской типографіи, разбранить ее и даже привести изъ нея цѣлую страницу.

Digitized by Google

гопродавецъ не согласился принять книгу. Такъ она и осталась на рукахъ автора, чистосердечно и безкорыстно желавшаго принести пользу финскому народу, ознакомивъ его съ фактами, свидѣтельствующими о великодушной политикѣ русскихъ монарховъ относительно Финляндіи и о всѣхъ излитыхъ на нее благодѣяніяхъ съ русской стороны. Эти похожденія упоминаемой книги интересны собственно въ томъ отношеніи, что они наглядно показываютъ, что шведо-финляндская оппозиція организована прочно, умы настроены въ одномъ духѣ и существуетъ даже тайный конвентъ, вооруженный достаточной силой для того, чтобы заставить повиноваться себѣ всѣхъ, даже и не сочувствующихъ его цѣлямъ. Простые финны хорошо понимаютъ, что они находятся въ рукахъ шведской партіи, благоденствующей и обогащающейся на счетъ этого бѣднаго и труженическаго народа; они тяготятся этимъ игомъ, но ничего не въ состояніи сдѣлать, чтобъ избавиться отъ него.

Кромѣ спора съ русскими писателями изъ-за мнѣній, въ обѣихъ брошюрахъ есть еще и другая сторона: обиліе бранныхъ словъ и позорящихъ квалификацій, относящихся къ личности русскихъ авторовъ. Здѣсь, конечно, всего болѣе достается покойному Ордину и мнѣ. Газеты финляндскія также не перестаютъ и до сей минуты надѣлять насъ своею отборною бранью. На этомъ поприщѣ я, само собою разумѣется, не въ силахъ состязаться съ финляндцами и охотно уступаю имъ побѣду, ибо вовсе не владѣю этимъ оружіемъ, столь привычнымъ въ финляндскихъ рукахъ. Но два взведенныхъ на меня обвиненія требуютъ разъясненія, потому что для читателя, лишеннаго возможности сдѣлать сличеніе текстовъ, они могутъ показаться правдоподобными. На стр. 46—47 г-нъ Данielьсонъ говоритъ: «Съ какимъ искусствомъ г. Еленевъ искажаетъ истину, видно изъ слѣдующаго. По его словамъ, я въ своей книгѣ утверждаю, будто успѣхъ сочиненія г. Ордина въ Россіи объясняется расовою ненавистью русскихъ къ самому отдаленнѣйшему намёку на народную свободу и конституціонныя формы. Неудивительно, что онъ меня затѣмъ обвиняетъ въ оскорбленіи русскаго народнаго чувства.

Digitized by Google

Приведенный цитатъ поставленъ у г. Еленева въ кавычкахъ, и кромѣ того указана соотвѣтствующая страница моей книги. Тѣмъ не менѣе въ этомъ цитатѣ онъ прямо извращаетъ мои слова. Въ указанномъ г. Еленевымъ мѣстѣ я говорю о восторгѣ, съ которымъ большая часть русской печати встрѣтила сочиненіе, «внушенное расовою ненавистью и непріязнью ко всякому отдаленнѣйшему намёку на народную свободу и конституціонныя формы». Я слѣдовательно говорилъ только о расовой ненависти и непріязни къ народной свободѣ и конституціоннымъ формамъ, проявляющихся въ сочиненіи г. Ордина, а г. Еленевъ утверждаетъ, будто я весь русскій народъ обвиняю въ расовой ненависти къ свободѣ! Удачно придумано, чтобы въ русскомъ обществѣ возбудить ненависть къ финляндцамъ!» По общечеловѣческой логикѣ, если о какомъ-нибудь сочиненіи сказано, что въ немъ проявляется расовая ненависть къ народной свободѣ и конституціоннымъ формамъ, то это значитъ, что чувства эти приписываются не лично только автору сего сочиненія, но всей расѣ, всему народу, къ которому онъ принадлежитъ. А тутъ еще г. Даніельсонъ добавляетъ, что «случайные протесты, явившіеся въ двухъ русскихъ журналахъ противъ книги Ордина, были заглушены восторгомъ, которымъ большая часть ежедневной печати встрѣтила это сочиненіе» («Соединеніе Финл. съ русск. держ.», стр. 14). Какое другое заключеніе можетъ вывести читатель изъ этихъ словъ, какъ не то, что ненависть ко всякому отдаленнѣйшему намёку на народную свободу есть чувство расовое, т. е. принадлежащее всей русской расѣ, и что русское общество потому именно и встрѣтило книгу Ордина съ восторгомъ, что увидѣло въ ней выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ. А вотъ буквально то мѣсто моей книги, на которое г. Даніельсонъ указываетъ, какъ на доказательство того, съ какимъ искусствомъ я искажаю истину. «Профессоръ Даніельсонъ объясняетъ сочувствіе, съ какимъ встрѣчена была въ Россіи книга г. Ордина, расовою ненавистью русскихъ къ самому отдаленнѣйшему намёку на народную свободу и конституціонныя формы» (стр. 174). Больше у меня ничего объ этомъ не говорится.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 52—53) г. Даніельсонъ пишетъ: «На

Digitized by Google

основаніи записокъ барона Маннергейма, Кастренъ разсказываетъ, что Маннергеймъ и лагманъ Моріанъ, на обѣдѣ у императора 16 марта, въ отвѣтъ на вопросъ Сперанскаго, указали на форму правленія и актъ соглашенія, какъ на основные законы края, которые императоръ обѣщался сохранить. Вечеромъ (говорится далѣе въ запискахъ) разнесся слухъ, будто императоръ, недовольный нашимъ замѣчаніемъ, грозилъ немедленно закрыть сеймъ и распустить сословія, и что форма правленія 1772 г. не можетъ быть принята. Досадуя, что я такимъ образомъ скомпрометтированъ частнымъ разговоромъ, говоритъ Маннергеймъ, я тотчасъ отправился къ Сперанскому, чтобы узнать, въ чемъ дѣло и лишился ли я милости государя вслѣдствіе сказанныхъ по чистой совѣсти замѣчаній своихъ. Сперанскій, удивленный разсказомъ, увѣрялъ, что этотъ слухъ лишенъ всякаго основанія и что не возникало и вопроса о закрытіи сейма. Обрадованный этимъ, замѣчаетъ Маннергеймъ, я спокойно отправился домой. Вотъ что́ сказано въ очеркѣ Кастрена, а у г. Еленева выходитъ, что императоръ пригрозилъ распустить сеймъ, еслибы финляндцы заикнулись объ утвержденіи формы правленія и акта соглашенія и безопасности!» Сличимъ теперь приведенную г. Даніельсономъ цитату изъ Кастрена съ подлиннымъ текстомъ этого мѣста по буквальному переводу Ордина («Покор. Ф.», II, 353). Во-первыхъ оказывается, что частный разговоръ между Сперанскимъ и Маннергеймомъ былъ не во время обѣда, т. е. не въ присутствіи императора, а послѣ обѣда. Въ этомъ есть разница. Далѣе у Кастрена говорится: «Вечеромъ узнали о распространившемся чрезъ генералъ-губернатора Спренгпортена слухѣ (а не «разнесся слухъ», какъ цитируетъ, хотя и въ кавычкахъ, это мѣсто г. Даніельсонъ), что императоръ, недовольный нашими заявленіями, пригрозилъ (а не «будто грозилъ») немедленно закрыть сеймъ и распустить членовъ и что форма правленія 1772 г. не можетъ быть принята». Затѣмъ у Кастрена слѣдуетъ то, что́ сказано и у г. Даніельсона. Итакъ слова императора распространены были въ городѣ Спренгпортеномъ, ближайшимъ и главнымъ его совѣтникомъ по финляндскимъ дѣламъ, который не только не имѣлъ интереса выдумывать

Digitized by Google

такое грозное осужденіе императоромъ сказанной попытки Маннергейма, но самъ былъ душою и главнымъ руководителемъ этихъ домогательствъ и, конечно, не менѣе Маннергейма былъ огорченъ ихъ неуспѣхомъ. Совершенно въ иномъ положеніи находился Сперанскій: онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ опытный царедворецъ, чтобъ пустить въ народное обращеніе слова императора, сказанныя въ кругу приближеннѣйшихъ лицъ, и притомъ слова, имѣвшія характеръ угрозы. Онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, зналъ, какъ ревнивъ былъ Александръ I къ популярности и какой былъ бы нанесенъ ей ударъ подтвержденіемъ сказанной гнѣвной угрозы, послѣ всѣхъ его рѣчей въ либеральномъ духѣ, произнесенныхъ въ Борго. Вотъ единственное объясненіе, какое можетъ вывести изъ этого мѣста записокъ Маннергейма каждый читатель, не лишенный способности къ критическому чтенію матеріаловъ. Поэтому и въ моей книгѣ было сказано объ этомъ случаѣ только слѣдующее: «По свидѣтельству самаго популярнаго въ Финляндіи и враждебнаго Россіи историка Кастрена, когда до Александра была доведена попытка Маннергейма склонить его, на основаніи формы правленія и акта соединенія, къ принесенію присяги, то императоръ пригрозилъ немедленно закрыть ландтагъ и распустить чиновъ и сказалъ, что форма правленія не можетъ быть принята» (83). Тѣмъ не менѣе г. Даніельсонъ, по поводу этихъ строкъ, выдаетъ мнѣ такой аттестатъ: «Не легко сохранить хладнокровіе, имѣя дѣло съ такимъ противникомъ» (53). Мы понимаемъ, какъ желательно финляндскимъ политикамъ затушевать и даже совсѣмъ вырвать приведенное мѣсто изъ записокъ Маннергейма, столь очевиднымъ образомъ опровергающее ихъ утвержденіе, будто императоръ Александръ призналъ шведскіе законы 1772 и 1789 гг.; но, къ ихъ несчастію, оно пропечатано въ буквальномъ переводѣ въ ненавистной для нихъ книгѣ Ордина. Изъ него видно, что самъ Сперанскій, хотя и уклонился отъ подтвержденія угрозы императора относительно закрытія сейма, тѣмъ не менѣе не почелъ нужнымъ отрицать словъ его, что форма правленія не можетъ быть принята: а въ этомъ вся сила приводимаго Кастреномъ эпизода. Слѣдовательно г. Даніельсону нужно винить не меня съ Ординымъ, а Кастрена, за то, что онъ не дога-

Digitized by Google

дался выкинуть это непріятное мѣсто изъ записокъ Маннергейма. Г-нъ Мехелинъ, какъ характеристическую черту моей методы, приводитъ почти буквально сказанныя строки изъ брошюры г. Даніельсона, и съ тѣмъ же умолчаніемъ, что слухъ былъ распространенъ именно Спренгпортеномъ, и также ставитъ мнѣ профессорской рукой дурную отмѣтку въ успѣхахъ и поведеніи (32—34).

Ѳ. П. Еленевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА [1].

О дѣйствіяхъ г-на Магницкаго.

Г-нъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, выставляя вездѣ себя и словесно и письменно, въ другихъ же находя безбожіе и карбонарство и безпорядки въ управленіи, невольнымъ образомъ принуждаетъ подробнѣе разсмотрѣть собственные его поступки, чтобы видѣть: справедливо ли онъ осыпаетъ себя похвалою, а другихъ порицаетъ? Нѣтъ ли противорѣчія въ его поступкахъ, въ его сужденіяхъ о вещахъ и людяхъ? Строго ли онъ держится истины? Не располагаетъ ли мнѣніями своими — даже въ случаяхъ особенной важности — смотря по обстоятельствамъ, сообразно личнымъ своимъ видамъ? Не скрывается ли въ отправленіи имъ должности желанія властвовать, какъ ему угодно, вопреки предписанныхъ правилъ, и только запутывая дѣла другихъ, показывать видъ, что онъ одинъ въ состояніи ихъ распутать и привести въ порядокъ?

Все сіе покажутъ слѣдующія краткія замѣчанія, основанныя на актахъ, хранящихся въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Для лучшаго же и полнѣйшаго соображенія прилагаются здѣсь:

1) Подробная записка о произведенномъ имъ въ 1819 году осмотрѣ Казанскаго университета.

2) Сдѣланное примѣрно краткое извлеченіе изъ меморій совѣта и правленія Казанскаго университета за 1822 годъ.

3) Списокъ съ отношенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова на имя нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія отъ 28 августа сего года за № 1007.

---

[1] См. «Русск Старину», изд. 1893 года LXXVII, февраль, стр. 299–312.

Digitized by Google

Нарушеніе предписанныхъ правилъ и подчиненности.

I.

Въ первомъ пунктѣ инструкціи директору Казанскаго университета сказано: «Директоръ университета есть довѣренный гражданскій чиновникъ».

Г-нъ Магницкій, опредѣливъ въ сію должность надворнаго совѣтника Владимірскаго, исходатайствовалъ ему впослѣдствіи званіе профессора, чрезъ что подчинилъ его не только совѣту—даже факультету, въ составъ котораго онъ поступилъ, слѣдственно испровергъ самое основаніе инструкціи.

Въ преемники Владимірскому избралъ также профессора (Никольскаго); потомъ опять сталъ опредѣлять чиновниковъ сторонніхъ.

II.

По поводу возникшихъ недоразумѣній о первенствѣ между директоромъ и ректоромъ Казанскаго университета, г. попечитель предложеніемъ своимъ университету (18 мая 1820 года за № 422) отдалъ оное первому, и, сверхъ того, присвоилъ ему самъ собою чинъ четвертаго класса, на что однакожъ не было и доселѣ нѣтъ Высочайшаго указа. Между тѣмъ директоръ Владимірскій пользовался титуломъ превосходительства.

III.

§ 166 устава требуетъ, чтобы визитаторами училищъ округа были профессоры и чтобы каждый изъ нихъ, когда будетъ отправленъ, обозрѣлъ одну или двѣ губерніи.

Г-нъ Магницкій испросилъ позволеніе двукратно отправить визитаторомъ находившагося при немъ титулярнаго совѣтника (Розонова), поручивъ ему осмотрѣть по нѣскольку, въ каждый разъ, губерній.

Digitized by Google

IV.

Сумму, на визитаторовъ уставомъ назначенную, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ приказывалъ употреблять на канцелярскіе расходы (предложеніе правленію отъ 21 февраля 1822 г. № 220).

Само собою разумѣется, что чрезъ сіе уменьшились способы университета къ выполненію важной обязанности — ежегоднаго обозрѣнія училищъ.

V.

Вообще дозволялъ себѣ располагать суммами университета безъ предварительнаго сношенія съ совѣтомъ, что противно уставу.

VI.

Исходатайствовавъ постановленіе главнаго училищъ правленія (состоявшееся въ генварѣ 1820 г.), о распространеніи на Казанскій университетъ 79-й статьи устава Дерптскаго университета, въ которой сказано, что никто, не бывъ докторомъ, не можетъ быть профессоромъ, кромѣ людей, имѣющихъ особенную извѣстность въ ученомъ свѣтѣ; въ февралѣ того же года опредѣлилъ профессоромъ учителя С.-Петербургской гимназіи Пальмина, который не имѣлъ ни докторскаго званія, никакой ученой извѣстности. Вслѣдъ за симъ такимъ же образомъ опредѣлены нѣкоторые другіе.

VII.

Профессору Жобару положилъ полный окладъ жалованья за двѣ каѳедры, т. е. 4.000 рублей, тогда какъ, на основаніи постановленія главнаго училищъ правленія, за вторую каѳедру слѣдовало назначить ему только 1.200 рублей.

Digitized by Google

VIII.

Не дождавшись совѣтскаго избранія — вопреки § 58 устава — исходатайствовалъ нѣкоторымъ лицамъ званія профессоровъ, въ томъ числѣ Фогелю, хотя и посылалъ на разсмотрѣніе совѣта его сочиненія.

XI.

Не представлялъ предписанныхъ инструкціями годичныхъ отчетовъ объ управленіи университетомъ и округомъ онаго съ 1822 года; ибо нѣсколько страницъ, поднесенныхъ имъ въ текущемъ году г. министру, гдѣ бѣгло пройдено все время отъ 1819 по 1825 годъ, скорѣе могутъ назваться похвальнымъ словомъ университету, а не отчетомъ.

X.

Не представилъ министерству отчета ни за одинъ годъ работъ по отстройкѣ университета, на что издержано уже болѣе трехсотъ тысячъ рублей, хотя самъ, какъ видно изъ дѣлъ, получалъ оные отъ университета.

XI.

Укоряя другихъ въ неисполненіи постановленій правительства, явилъ собою отличительный примѣръ нарушенія одного изъ важнѣйшихъ, относящихся собственно до его обязанности: въ продолженіе шести лѣтъ ни единожды не обозрѣвалъ своего округа, тогда какъ Высочайше повелѣно попечителямъ осматривать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года, да и нынѣ отправился въ Казань единственно по настоянію г. министра.

Digitized by Google

XII.

Въ нарушеніе не только законовъ подчиненности, но и самаго приличія, отъѣзжая въ Казань, не разсудилъ откланяться г. министру и принять отъ него личныя наставленія, ограничился единственно письменнымъ увѣдомленіемъ о своемъ отъѣздѣ, въ коемъ сказано, что онъ былъ у его высокопревосходительства, но не принятъ (чего по дежурной книгѣ не оказалось) и къ удивленію выставилъ на своемъ отношеніи то число, въ которое находился уже въ дорогѣ.

XIII.

Не отвѣчалъ на нѣсколько предписаній г. министра, въ томъ числѣ на троекратно повторенное—о выдачѣ аттестата профессору Жобару, и двукратно—профессору Пальмину.

XIV.

Изъ Казани ни одною строкою не донесъ министру о томъ, какъ происходили экзамены, какъ отправлено было освященіе университетскаго храма и торжественное собраніе; но въ то же время безъ дозволенія министерства напечаталъ о томъ въ двухъ оффиціальныхъ газетахъ, съ чрезвычайными всему похвалами.

Ложныя свидѣтельства.

I.

Г-нъ Магницкій, будучи посланъ въ 1819 году осмотрѣть Казанскій университетъ и проживъ въ Казани только одну недѣлю, донесъ, что по всѣмъ частямъ найдены имъ величайшія злоупотре-

Digitized by Google

бленія, что нѣтъ средствъ оныя исправить и что университетъ долженъ быть публично разрушенъ (!).

Естественно ли въ теченіе одной недѣли вникнуть до такой степени во всѣ части столь обширнаго заведенія, каковъ университетъ? Семи дней, кажется, было бы недостаточно на подробное осмотрѣніе послѣдней губернской гимназіи.

Примѣчаніе. Въ такъ называемомъ отчетѣ, поданномъ имъ нынѣшнему г. министру въ текущемъ году, коснувшись сего случая, онъ даетъ совсѣмъ иной толкъ оному: говоритъ, что прежнее министерство, увидѣвъ изъ его донесенія таковое неустройство университета, сомнѣвалось даже въ возможности его существованія (!).

II.

Распространяясь въ особенности о духѣ тогдашняго университетскаго совѣта, духѣ воспитанниковъ и всего вообще округа (котораго однакожъ не видалъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одной Нижегородской гимназіи, и то проѣздомъ)—онъ отозвался о университетѣ Казанскомъ, какъ о скопищѣ богоотступниковъ, и до сихъ поръ не перестаетъ повторять (отчетъ, поданный въ 1825 году), что оный какимъ-то чадомъ заражалъ прежде страны своего округа и что большую часть профессоровъ онаго составляли развратные пришельцы, брошенные въ собственномъ отечествѣ; однакожъ ничѣмъ не доказалъ сего ужаснаго обвиненія. Правда, онъ сослался на рѣчь Срезневскаго (замѣтить надобно: русскаго профессора), но еслибъ она и дѣйствительно найдена была богопротивною (что также не изслѣдовано), то одинъ сей случай ничего еще не доказываетъ.

Вотъ для примѣра нѣкоторые профессоры, коихъ г-нъ Магницкій называетъ развратными пришельцами, оброшенными въ собственномъ отечествѣ: Литровъ, славный астрономъ, нынѣ директоръ вѣнской обсерваторіи, Ердманъ, отличный врачъ, нынѣ лейбъ-медикъ короля саксонскаго, Френъ, знаменитый оріенталистъ, нынѣ членъ здѣшней академіи наукъ; Броннеръ, извѣстный въ Европѣ многими своими твореніями, нынѣ занимаетъ по-

Digitized by Google

четную должность въ своемъ отечествѣ, въ Швейцаріи; Стерль, котораго изъ Казани приглашали въ университетъ Оксфордскій; Германъ, извѣстный сочиненіями своими о древностяхъ, впослѣдствіи пробстъ евангелической церкви въ Саратовѣ, Бартельсъ и Нейманъ, нынѣ профессорами въ Дерптѣ; наконецъ Фуксъ, нынѣшній ректоръ Казанскаго университета.

III.

Тогда же (въ 1819 году) г. Магницкій донесъ министру, «что нѣкоторые изъ купленныхъ и построенныхъ университетомъ домовъ (университетомъ собственно не было построено ни одного дома), въ такомъ положеніи, что ихъ и чинить нельзя, а нужно будетъ перестроить ихъ, или сломавъ, построить новые; что стѣна въ главномъ корпусѣ угрожаетъ паденіемъ.

Присланный имъ же изъ Петербурга архитекторъ не нашелъ ничего подобнаго; напротивъ, самый старый изъ купленныхъ домовъ, называвшійся Тенишевскимъ, соединилъ онъ съ главнымъ корпусомъ, безъ перестройки; въ Спижарковскомъ счелъ нужнымъ поисправить внутреннее расположеніе, въ Типографскомъ изъ подваловъ устроить этажъ для помѣщенія инвалидовъ и только.

IV.

Доносилъ тогда же, что Казанскій университетъ по 1819 годъ стоитъ правительству два уже милліона рублей, но денежными отчетами университета доказать можно, что по то время принято было не болѣе 1.250.000 рублей. Откуда же взялись лишнія 750 тыс. рублей?

V.

Обвинивъ прежнее начальство Казанскаго университета въ растратѣ важныхъ суммъ и безотчетности, но не только не обличилъ

Digitized by Google

ни одного виновнаго, но самъ же чрезъ нѣсколько строкъ сознался, что все имущество цѣлаго совѣта не составляетъ двадцатой доли сей растраты.

Примѣчаніе. Въ текущемъ 1825 году государственная экспедиція для ревизіи счетовъ относилась въ департаментъ народнаго просвѣщенія, что, находя нужнымъ имѣть нѣкоторыя объясненія по отчету Казанскаго университета, писала о томъ три раза тщетно и наконецъ получила отъ правленія университета отвѣтъ, что требованіе ея не можетъ быть выполнено — по неполученію отъ бухгалтера удовлетворительнаго объясненія.

За 1.500 верстъ мудрено управлять университетомъ, а еще болѣе выставлять его примѣрнымъ. По отвѣту правленія можно догадываться о порядкѣ хозяйственной части.

То же самое подтверждается и слѣдующимъ случаемъ: въ мартѣ мѣсяцѣ сего года г-нъ попечитель представлялъ г-ну министру о выдачѣ денежныхъ награжденій канцелярскимъ чиновникамъ университетскаго правленія изъ 2.891 рубля, оставшихся отъ 1824 г. изъ суммъ, на жалованье штатнымъ чиновникамъ правленія назначенныхъ и на бухгалтерію отчисляемыхъ. Но какъ департаментомъ народнаго просвѣщенія замѣчено было попечителю, что по имѣющимся въ оному вѣдомостямъ Казанскаго университета показано упомянутыхъ суммъ всего въ остаткѣ токмо 863 р. $5^{3}/_{4}$ коп., то попечительная канцелярія чрезъ три мѣсяца увѣдомила департаментъ, что остатковъ сихъ съ 1820 по 1825 годъ (а не отъ одного 1824 года) имѣется 3.135 руб. $81^{1}/_{2}$ коп. (а не 2891 рубль), и что несходство оныхъ съ показанными прежде попечителемъ произошло отъ невѣрности счисленія суммы сей въ прежнихъ годахъ.

VI.

Донесъ на издателя «Библіографическихъ листовъ», что въ №№ 8, 9 и 10 его журнала содержится обличеніе святцевъ нашихъ въ невѣрности, искаженное превращеніе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія и клевета на Святополка, исповѣдовавшаго православную вѣру,—требуя, чтобъ, если не самый журналъ, то по крайней мѣрѣ сіи номера онаго были запрещены.

Digitized by Google

По сличеніи доноса съ объясненіемъ издателя и по разсмотрѣніи дѣла сего въ конференціи С.-Петербургской духовной академіи, одобренномъ его высокопреосвященствомъ, митрополитомъ Серафимомъ, оказалось, что означенныя статьи журнала не содержатъ въ себѣ ничего противнаго нашей церкви, что г-нъ Магницкій самъ не зналъ, въ чемъ обвинялъ издателя, и что Святополкъ, котораго называетъ онъ православнымъ, былъ величайшій богоотступникъ своего времени, преданный анаѳемѣ святителемъ Меѳодіемъ.

VII.

Донесъ, что книгопродавецъ Греффе выпустилъ въ продажу опасную и прямо противъ Россіи устремленную книгу: Real Encyclopädie, что по указанію его переведены изъ оной нѣкоторыя мѣста, гдѣ будто бы сказано: что Богородица, родившая Христа и другихъ многихъ дѣтей съ Іосифомъ мужемъ своимъ, не могла остаться дѣвою, что Христосъ не Богочеловѣкъ, а только человѣкъ, что императоръ Павелъ убитъ съ свѣдѣнія нынѣшняго государя императора Александра.

Не говоря уже о томъ, что означенная книга есть Энциклопедія и слѣдственно имѣетъ цѣлію только толкованіе всѣхъ словъ, къ наукамъ, искусствамъ и прочему относящихся,—по ближайшему переводу тѣхъ же самыхъ мѣстъ, съ соблюденіемъ истиннаго разума оныхъ, открывается, что о Богородицѣ, въ смыслѣ историческомъ сказано, что въ Аравіи существовала секта, признававшая Марію дѣйствительною женою Іосифа и матерью многихъ, рожденныхъ отъ него, дѣтей. Далѣе, что секта сія названа Антидико-Маріанитскою, и что за подобное же заблужденіе въ концѣ 4-го столѣтія Гельводій въ Палестинѣ и епископъ Бонозу въ Иллиріи были признаны еретиками. О Іисусѣ Христѣ—что таинство и чудеса сопровождали Его вступленіе въ земную жизнь такъ же, какъ и исходъ изъ оной; но періодъ между двумя сими эпохами, самая жизнь Іисуса, принадлежитъ совершенно человѣчеству. Далѣе съ чувствомъ умиленія приводятся слова римскаго сотника: воистину человѣкъ сей сынъ бѣ Божій. — О кончинѣ императора

Digitized by Google

Павла — что послѣ долгаго сопротивленія и только подъ непремѣннымъ условіемъ снова уступить всѣ права и власть отцу своему, какъ скоро Богъ опять даруетъ ему здравіе и разсудокъ, рѣшился Александръ принять на себя правленіе государства. Далѣе говорится: когда великіе князья узнали о цареубійствѣ, горесть ихъ не имѣла предѣловъ. Александръ отринулъ сначала корону, съ такою жестокостію отнятую у отца его; наконецъ покорился необходимости.

Самое намѣреніе (не говоря уже о исполненіи) дать столь превратный смыслъ нѣмецкому тексту долженствовало бы всякаго привести въ ужасъ.

VIII.

Въ 1822 году въ физико-математическомъ отдѣленіи находилось только четыре студента. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того жъ года отдѣленіе сіе доносило, что оно не находитъ возможности представить историческаго обозрѣнія о нынѣшнемъ состояніи физико-математическихъ наукъ, ибо, не получая ученыхъ журналовъ, ничего не знаетъ о ходѣ и успѣхѣ оныхъ.

Нынѣ г-нъ попечитель въ рѣчи своей, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета 15 сентября, говоритъ: въ наукахъ математическихъ, физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ открытія и усовершенія такъ, что тѣ изъ студентовъ сихъ каѳедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать (!). Вѣроятное ли дѣло, чтобы физико-математическое отдѣленіе Казанскаго университета, бывшее по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ управленія онымъ г-на Магницкаго въ столь жалостномъ состояніи, оказало вдругъ такіе блестящіе успѣхи, и тѣмъ болѣе тогда, когда кругъ наукъ сихъ, и безъ того уже обширный, распространяется нынѣ, преимущественно предъ всѣми другими науками, съ чрезвычайною быстротою, едва возможною для преслѣдованія самыхъ дѣятельныхъ наблюдателей?

Примѣчаніе. Вообще рѣчь г-на попечителя есть неопровер-

Digitized by Google

жимое доказательство рѣшительнаго и, конечно, не умышленнаго самохвальства его. Что должны бъ были заключить объ ораторѣ члены университета, жители города и самые даже воспитанники, слушая столь неумѣренныя похвалы университету, который всѣмъ имъ извѣстенъ совсѣмъ въ иномъ видѣ?

IX.

Въ 1822 году профессоръ восточныхъ языковъ не имѣлъ у себя ни одного слушателя, хотя часть сія—важная въ политическихъ видахъ правительства—ни въ какомъ изъ русскихъ университетовъ не должна бы процвѣтать столь успѣшно, какъ въ Казанскомъ, по географическому положенію онаго и знатнѣйшей части самого округа.

Нынѣ г. попечитель въ той же своей рѣчи говоритъ: «кандидаты словесности восточной (въ три года есть уже и кандидаты) оказали удивительные успѣхи въ самое короткое время. Ихъ экзаменовали природные знатоки языковъ арабскаго и персидскаго и остались совершенно довольными какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ, столь труднымъ для европейцевъ. Они удивлены были знаніемъ одного студента, разсказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографіи ихъ примѣчательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго ученія».

Кто не раздѣлитъ съ г. Магницкимъ удивленія его къ пріобрѣтеннымъ въ такое короткое время глубокимъ познаніямъ студентовъ Казанскаго университета въ литературахъ арабской и персидской, столь обширныхъ и труднѣйшихъ для изученія европейцевъ?

Примѣчаніе. Въ ректорской инструкціи, сочиненной, по собственному признанію, г. Магницкимъ, о профессорѣ восточныхъ языковъ, сказано: «онъ не имѣетъ нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежитъ къ религіи восточныхъ народовъ, къ преданіямъ Магомета и первыхъ его учениковъ, къ баснословію святыхъ мужей, къ ихъ молитвамъ, очищеніямъ, постамъ и проч.». Здѣсь г. Магницкій хвалится глубокими познаніями студентовъ въ магометанскомъ законоученіи!

Противорѣчія самому себѣ знаменуютъ большую часть дѣйствій

Digitized by Google

г. Магницкаго и потому посвящается онымъ особая, слѣдующая за симъ статья.

Противорѣчія.

I.

По осмотрѣ университета въ 1819 году, восхваляя до небесъ профессора Солнцева, назвавъ его правою своею рукою, сдѣлавъ его проректоромъ, потомъ ректоромъ, наградя его (перваго изъ профессоровъ отъ основанія Казанскаго университета) орденомъ Св. Анны второй степени, наконецъ, въ непродолжительномъ времени, отдалъ его подъ судъ.

Солнцевъ еще до окончанія слѣдствія уволенъ изъ университета и съ честію занимаетъ теперь должность прокурора Казанской губерніи.

II.

О профессорѣ Срезневскомъ сказалъ, что онъ «слѣдуетъ системѣ Якоба (но преподаваніе по сей системѣ введено было во всѣхъ университетахъ по предписанію министерства), руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и по счастію преподаетъ лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ».

Но въ Запискѣ о профессорахъ говоритъ о немъ же: обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ, изъясняется съ дарованіемъ. Въ предложеніи, данномъ университету: «отличныя способности Срезневскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) не укроются отъ вниманія начальства».

Несмотря на сіе противорѣчіе въ аттестаціи, принято въ уваженіе обвиненіе Срезневскаго въ преподаваніи философіи по системѣ Якоба и въ деизмѣ,—и Срезневскій былъ отставленъ.

Но къ величайшему удивленію, въ томъ же 1819 году г. попечитель просилъ бывшаго г. министра объ утвержденіи сего же самаго Срезневскаго въ 8-мъ классѣ и о содѣйствіи . . . . . [1]).

---

[1]) Здѣсь въ подлинной рукописи пропускъ; недостаетъ одной страницы. Ред.

Digitized by Google

Потомъ говоритъ, что онъ, служа (послѣ изгнанія) инспекторомъ Симбирской врачебной управы, получилъ чинъ и орденъ, стало быть, что онъ не такъ дуренъ, какъ говорилъ о немъ г. попечитель, стало быть, онъ оклеветанъ имъ. Далѣе говоритъ: «будто Аргольдъ въ теченіе пяти лѣтъ испыталъ многія бѣдствія (но какія? Изъ послужнаго его списка видно, что онъ по удаленіи изъ университета служилъ въ Казани при военныхъ госпиталяхъ, а потомъ при Симбирской врачебной управѣ; первое мѣсто наградило его 2.000 руб., а послѣднее чиномъ и орденомъ). «Бѣдствія сіи обратили Аргольда на путь истинный и озарили для него медицинскія науки новымъ свѣтомъ; онъ удостовѣрился, что всѣхъ болѣзней первая, и можетъ быть единственная, причина есть грѣхъ, и что надобно заниматься лѣченіемъ души, нежели тѣла; что въ семъ смыслѣ онъ написалъ очень хорошую диссертацію, а г. попечитель послалъ ее въ университетъ для просмотрѣнія, напечатанія и руководства при преподаваніи наукъ медицинскихъ. Наконецъ, Аргольдъ какъ по своему убѣжденію, такъ болѣе по убѣжденію г. попечителя, присоединился къ нашей православной вѣрѣ; крещенъ въ Казанскомъ соборѣ и г. попечитель былъ его воспріемникомъ отъ купели».

Въ заключеніе г. попечитель говоритъ, что по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ (!!) считаетъ онъ пріобрѣтеніе Аргольда для университета по научной части весьма полезнымъ.

Если испытанныя человѣкомъ бѣдствія съ пользою иногда дѣйствуютъ на его нравъ; изъ худаго дѣлаютъ добрымъ; то какимъ образомъ могутъ онѣ заявленнаго невѣжду сдѣлать человѣкомъ ученымъ?

V.

Профессора Яковкина г. попечитель обвинилъ въ совершенномъ расхищеніи университетскаго и гимназическаго достоянія. За сіе Яковкинъ уволенъ. Но вскорѣ послѣ того онъ же ходатайствовалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не имѣющемъ дневнаго пропитанія; вслѣдствіе чего велѣно Яковкину производить пенсіонъ отъ Человѣколюбиваго общества!

Digitized by Google

VI.

О профессорѣ Городчаниновѣ въ 1819 году отозвался, какъ о человѣкѣ способностей весьма слабыхъ (Записка о профессорахъ Казанскаго университета); а въ 1820 году выставляетъ его, какъ нѣкоего генія, говоря, что мнѣніе его о естественномъ правѣ должно составить важнѣйшую эпоху не только въ лѣтописяхъ университета—во всемъ ученомъ свѣтѣ.

VII.

Опредѣленный имъ директоръ Владимірскій въ три года по ходатайству его получилъ: чины коллежскаго и статскаго совѣтника и орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ отчетѣ за 1820 годъ г. попечитель рекомендуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Директоръ Владимірскій, подавая примѣръ христіанской жизни и добрыхъ чувствъ, весьма скоро пріобрѣлъ любовь и уваженіе примѣрнымъ смиреніемъ, кротостію, строжайшимъ безкорыстіемъ и справедливостію». Но въ 1822 году, предлагая совѣту о выборѣ новаго безсмѣннаго засѣдателя, обвиняетъ его же, Владимірскаго, въ самоуправствѣ.

Владимірскій, надѣленный такимъ образомъ въ короткое время чинами, денежными пособіями, чрезвычайными похвалами и весьма значительнымъ орденомъ, въ томъ же 1822 году вытѣсненъ изъ университета.

VIII.

На его мѣсто опредѣлилъ г. попечитель Никольскаго, также съ самою лестною рекомендаціею, но въ концѣ слѣдующаго года началъ уже искать ему смѣны, подъ предлогомъ, что слабое здоровье не позволяетъ ему отправлять въ одно время двухъ должностей, профессорской и директорской, хотя причины сіи существовали при самомъ его опредѣленіи. Впрочемъ, слабое здоровье Ни-

Digitized by Google

кольскаго не воспрепятствовало ему, за неприбытіемъ новаго директора, править должность сію до нынѣшняго года.

IX.

О профессорѣ Жоборѣ, за нравственность котораго ручался университету, которому назначилъ 4.000 рублей жалованья, не считая 500 рублей квартирныхъ денегъ (хотя онъ пользовался казенною квартирою), котораго ревность, труды и духъ въ преподаваніяхъ неоднократно удостоены похвалъ его, отозвался нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія, какъ о человѣкѣ буйнаго нрава, безумномъ, достойномъ ссылки!

X.

Въ предложеніи, данномъ въ 1819 году совѣту Казанскаго университета, по окончаніи ревизіи онаго, г. попечитель между прочимъ сказалъ: «Германія, благодаря Канту, пришедшему чрезъ лабиринтъ философіи къ предверію храма вѣры, ищетъ мудрости въ одной Библіи, и мы ли одни останемся полвѣкомъ назади?»

Въ противоположность сему, онъ же, г. попечитель, въ отчетѣ о состояніи Казанскаго университета за 1820 годъ, говоритъ, что «въ составляемой профессоромъ Пальминымъ инструкціи для философской каѳедры изложены всѣ осторожности противъ ученія Канта, Фихте и Шелинга, обуявшихъ цѣлую Европу гибельными своими заблужденіями» (!!). Чему изъ словъ г. попечителя вѣрить?

XI.

Г-нъ попечитель, говоря (въ 1819 году) о совершенномъ разстройствѣ университетскаго хозяйства, приписываетъ сіе, между прочимъ, тому, что заготовленіе разныхъ потребностей производилось не по подрядамъ, а закупомъ.

Digitized by Google

Послѣ, когда началось строеніе на 600.000 рублей, онъ предписалъ сію же мѣру, какъ лучшую.

XII.

Съ мая мѣсяца прошлаго 1824 года г. Магницкій съ величайшимъ рвеніемъ возстаетъ противъ библейскихъ обществъ, называетъ ихъ богопротивными; но прежде былъ онъ, можетъ быть, ревностнѣйшимъ поборникомъ оныхъ.

Вотъ доказательства:

Въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ университета говоритъ онъ, что «азіатская типографія онаго можетъ быть орудіемъ библейскаго общества и, не ограничиваясь тисненіемъ алкорана, можетъ служить къ распространенію Евангелія на татарскомъ языкѣ».

Почти вслѣдъ за симъ, съ дозволенія его, открылось при университетѣ дѣятельное сотоварищество библейскаго общества, о которомъ въ отчетѣ за 1820 годъ говоритъ онъ, что «оно составило соединеніе всѣхъ лучшихъ по духу чиновниковъ и студентовъ и что, по примѣру университетскаго, учреждены уже подобныя сотоварищества въ пяти гимназіяхъ округа».

Наконецъ изъ отчета за слѣдующій годъ усматривается, что книгъ св. писанія, изданныхъ библейскимъ обществомъ, куплено университетомъ на 10.000 руб., для распространенія по училищамъ округа, не взирая на то, что нѣкоторыя изъ оныхъ, какъ видно изъ дѣлъ, явно отзывались о невозможности расплачиваться за сіи книги, насильно и въ чрезвычайномъ обиліи къ нимъ посылаемыя. Г-нъ Магницкій для достиженія цѣли своей, то-есть, усерднѣйшаго содѣйствія дѣлу библейскаго общества, въ февралѣ 1822 года предписалъ директору университета: «чтобы каждый вступающій въ университетъ студентъ, казенный и пансіонеръ, имѣлъ при себѣ три собственныя книги: а) библію, на какомъ языкѣ желаетъ; b) новый завѣтъ съ россійскимъ переводомъ; c) псалтирь на россійскомъ языкѣ; чтобы всѣ ученики гимназій и училищъ непремѣнно имѣли новый завѣтъ съ россійскимъ переводомъ и псалтирь на россійскомъ языкѣ, чтобы директоры завели у себя такіе запасы сихъ книгъ, кои ни-

Digitized by Google

когда бы не были истощаемы, наполняясь всегда по мѣрѣ расхода».

Примѣчаніе. Въ такъ называемомъ отчетѣ, поданномъ имъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія за всѣ годы управленія своего университетомъ, ни полусловомъ не упоминаетъ онъ о таковой отличительной чертѣ даннаго имъ университету новаго направленія: въ прежнихъ же своихъ отчетахъ всегда симъ хвалился.

XIII.

Въ 1821 году представлялъ бывшему г. министру князю Голицыну о необходимости преобразованія училищъ Казанскаго округа, доказывая, что уѣздныя и приходскія училища, какъ совершенно безполезныя, должны быть уничтожены и замѣнены народными, по ланкастеровой методѣ, сколь можно въ большемъ количествѣ. Потомъ въ 1822 году предложилъ Казанскому университету, что «погруженныя въ мракѣ невѣжества и идолопоклонства племена мордвы, черемисъ и чувашъ призываютъ на себя особенное вниманіе, что за удобнѣйшее средство вывести ихъ изъ дикаго состоянія и озарить свѣтомъ Евангелія счелъ онъ учрежденіе подвижныхъ ланкастерскихъ школъ, что сего жъ средства требуютъ дикіе народы Кавказа и Сибири, что наконецъ таковыя подвижныя ланкастерскія школы могутъ простираться до Камчатки.

Но въ февралѣ текущаго 1825 года, онъ же, г. попечитель, представилъ нынѣшнему г. министру, что онъ давно и твердо увѣренъ, что учрежденіе школъ взаимнаго обученія есть выдумка никуда негодная и вредная, и что всѣ существующія въ Россіи сего метода школы необходимо нужно закрыть, обративъ ихъ въ обыкновенныя народныя училища.

XIV.

Представлялъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія о запрещеніи церковно-библейской исторіи, сочиненной архіеписко-

Digitized by Google

помъ Филаретомъ, между тѣмъ какъ самъ же, при сочиненіи инструкціи ректору Казанскаго университета, поставилъ профессору богословія въ обязанность руководствоваться въ преподаваніи церковно-библейской исторіи книгами, изданными коммиссіею духовныхъ училищъ, что до настоящаго времени и наблюдалось.

XV.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1822 года г. попечитель извѣстилъ совѣтъ, что, находя нужнымъ осмотрѣть университетъ и нѣкоторыя губерніи округа, испрашивалъ и получилъ дозволеніе на отъѣздъ изъ С.-Петербурга.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года отозвался онъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія, что не находилъ нужнымъ въ первые годы осматривать университета, ибо принялъ оный въ совершенной разваливѣ. Казалось бы, въ сіе то время и необходимъ былъ личный надзоръ его.

Примѣчаніе. Сверхъ сего, г. попечитель отозвался, что выполненію сей обязанности (обозрѣнія округа) препятствовало продолжавшееся пять лѣтъ дѣло о вознагражденіи его за разореніе отъ изгнанія, какъ то можно видѣть изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія. Изъ дѣлъ департамента усмотрѣно, что, рѣшившись въ 1822 году ѣхать для осмотра университета и получивъ на проѣздъ 4.000 руб., г. попечитель въ генварѣ того же года просить о дозволеніи отложить ему поѣздку сію до мая мѣсяца по причинѣ распутицы.

Распоряженія и дѣйствія, отличающіяся особенною странностію.

I.

Въ отчетѣ за 1820 годъ г. попечитель говоритъ, что «въ университетѣ установлено чтеніе св. писанія не только въ положенные часы, но и за обѣдомъ (!); что проступившійся студентъ име-

Digitized by Google

нуется нынѣ невиновнымъ, но грѣшнымъ (!), отлучается отъ прочихъ, лишается обыкновенной мясной пищи (!) и сколько можно свѣта; потомъ отдается на руки духовнику, который его увѣщеваетъ, исповѣдуетъ и удостоиваетъ наконецъ Св. Таинъ (!); что во все время его исправленія положены общія молитвы сотоварищей и ихъ начальства объ обращеніи грѣшника (!).

Въ противоположность симъ обрядамъ, едва-ли въ самыхъ строгихъ монастыряхъ существующимъ и по истинѣ оскорбляющимъ своимъ неприличіемъ величіе Вѣры и святость важнѣйшаго таинства, могутъ служить тѣ два гласные случая, что въ 1824 и 1825 годахъ студенты, въ таковомъ смиренномудріи воспитанные, давали въ залахъ университета, съ разрѣшенія своего начальства, публичные маскарады и до утра танцовали съ дѣвицами и дамами. Попечитель, вѣроятно, съ благосклонностію принялъ извѣстіе о первомъ маскарадѣ, ибо второй былъ уже, можно сказать, блистательный: число приглашенныхъ на оный особъ простиралось до 500.

Примѣчаніе. Въ доказательство, что такого рода увеселенія (неприличныя не только въ Казанскомъ, во всякомъ другомъ университетѣ) не противорѣчатъ въ мнѣніи г. попечителя тому направленію, которое далъ онъ сему заведенію, можно еще привести то, что онъ не отказался отъ великолѣпнаго бала, даннаго ему университетомъ, 27-го прошедшаго сентября мѣсяца въ стороннемъ домѣ. Зала украшена была воздвигнутымъ въ честь его храмомъ изъ шкаликовъ, эмблемматическою картиною съ вензелевымъ его именемъ и надписью внизу: «Благодѣтелю своему, благодарный университетъ».

II.

Г-нъ попечитель далѣе говоритъ, что «симъ вышесказаннымъ способомъ до того уменьшились преступленія между студентами, что въ два года случилось только два домашніе проступка, уединеніемъ и постомъ исправленные».

Казалось бы, что, по опыту первыхъ двухъ лѣтъ, черезъ четыре года Казанскій университетъ долженствовалъ представлять рѣдкое зрѣлище благочестія юношей, чуждыхъ и малѣйшихъ проступковъ,

Digitized by Google

свойственныхъ ихъ возрасту, — но что жъ? Въ оффиціальной статьѣ объ осмотрѣ университета попечителемъ, напечатанной въ 79 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» сего года, усматривается, что изъ пяти разрядовъ, на которые угодно было ему раздѣлить студентовъ, весь пятый заключалъ въ себѣ замѣченныхъ въ пороках ъ, и что нѣкоторые изъ нихъ до такой степени оказались опасны своею дурною нравственностію, что г. попечитель прекратилъ имъ дальнѣйшую ученую дорогу, а опредѣлилъ ихъ въ канцелярію университета и оставилъ подъ строгимъ надзоромъ.

Примѣчаніе. Въ писцы канцеляріи университетской, которая вѣроятно не велика, годились бы и тѣ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназій, кои за природною неспособностію не подаютъ никакой надежды къ успѣхамъ въ ученіи.

III.

Въ томъ же, за 1820 годъ, отчетѣ, г. попечитель извѣщаетъ бывшаго министра, что онъ предписалъ, вытребовавъ каталоги всѣхъ гимназическихъ библіотекъ, истребить вредныя книги.

Еще явственнѣе сказано о томъ въ предложеніи его правленію университета отъ 17 февраля 1822 года № 200, коимъ сомнительныя книги библіотеки Казанской гимназіи предписывается истребить въ присутствіи безсмѣннаго засѣдателя.

Не извѣстно, по какому праву рѣшился г. попечитель сдѣлать костеръ изъ имущества казеннаго? Для чего бы не приказать хранить книги сіи въ особыхъ шкафахъ библіотеки университетской? §§ 74 и 184 устава дозволяется имѣть въ оной всѣ книги, какого бы содержанія онѣ ни были, только вредныя и соблазнительныя велѣно отмѣчать въ каталогахъ и на заглавныхъ листахъ, и никому, кромѣ профессоровъ и адъюнктовъ, не давать.

Примѣчаніе. Въ отчетѣ, представленномъ текущаго года нынѣшнему г. министру, г. Магницкій говоритъ о семъ предметѣ, относительно того жъ 1820 года, совсѣмъ иначе, именно такъ: «вредныя книги, пріобрѣтенныя въ прежнее управленіе, какъ скоро доведены были до моего свѣдѣнія, запрещены, опечатаны и хранятся особо». Партикулярно извѣстно, что истребленіе книгъ остановлено благо-

Digitized by Google

разумѣемъ мѣстнаго университетскаго начальства, которое никакъ не могло рѣшиться исполнить самовольнаго распоряженія г. попечителя и, отобравъ осужденныя имъ на сожженіе книги, опечатало ихъ и тайно хранило.

IV.

Нынѣ, составивъ каталогъ книгъ различнаго содержанія, счетомъ до 260 названій, представилъ г. министру о запрещеніи оныхъ, не доказавъ выписками или отмѣтками не изъ одной книги, почему считаетъ нужнымъ изъять ихъ изъ общаго употребленія.

V.

При испытаніяхъ раздается отличившимся студентамъ восемь медалей, изъ коихъ семь серебряныхъ и одна золотая. Сію послѣднюю г. попечитель назначилъ тому изъ нихъ, который пріобрѣтетъ отличнѣйшія познанія въ богословіи, забывъ, что университетъ не семинарія, и что правительство при учрежденіи онаго имѣло намѣреніе образовать не богослововъ, но гражданъ для разныхъ родовъ государственной службы (грамота, Высочайше дарованная Казанскому университету).

Г-нъ попечитель забылъ также и то, что размноженіе богослововъ во всѣхъ классахъ народа, а затѣмъ не чувствительно размноженіе склонности къ богословскимъ преніямъ было одною изъ причинъ паденія Восточной Римской имперіи.

Примѣчаніе. Сія, доказанная исторіею, политическая мысль невольно приводитъ къ одному изъ странныхъ и весьма дерзкихъ политическихъ мнѣній г. Магницкаго, неумѣстно приноровленному къ сужденію его о вредѣ философіи. Онъ письменно объявилъ, въ главномъ училищъ правленіи, что въ народномъ воспитаніи открыто распространеніе разрушительныхъ иллюминатскихъ началъ, угрожающее близкою опасностію церкви Господней и правленію отечественному (что дѣйствіемъ иллюминатовъ состоялся Высочайшій указъ 6 августа 1809 года) «сдѣлано, говоритъ онъ, положеніе, по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надежды по службѣ, и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія (!); что Каннингъ, въ подкрѣ-

Digitized by Google

пленіе запрещенной книги профессора Куницына, ополчитъ противъ насъ 200.000 штыковъ и сто линейныхъ кораблей» (!).

Непостижимо, какую цѣль имѣлъ г. Магницкій разсѣвать въ правительствѣ такія опасенія, находить въ отечествѣ нашемъ заговоръ иллюминатовъ, взводить такой ужасный поклёпъ на невинную младенчествующую Россію, счастливую кроткимъ правленіемъ мудраго и добродѣтельнаго Государя, преданную ему безпредѣльно?.. Ужели не зналъ онъ, что искать зло тамъ, гдѣ его не существуетъ, значитъ возбуждать оное, и что подобными несправедливыми, гибельными подозрѣніями всего скорѣе разрывается связь народа съ правительствомъ?

VI.

Въ іюнѣ текущаго года представилъ г. министру о необходимости коллегіальнаго управленія частію народнаго просвѣщенія, которое изъ конференціи всѣхъ академій, подъ предсѣдательствомъ министра съ титломъ канцлера, составило бы академическій совѣтъ, долженствующій назваться Россійскою Александровскою академіею. Во вступленіи къ сему предположенію г. Магницкій говоритъ, что приведеніемъ онаго въ исполненіе некогда теперь медлить, ибо громы невѣрія гремятъ уже подъ всѣми алтарями и тронами.

Сіе предположеніе, противное общему устройству государственнаго управленія, и основанное на такой побудительной причинѣ, неприличіе которой очевидно, было г. министромъ отвергнуто, какъ неумѣстное.

Въ заключеніе надлежало бы указать на поверхностныя свѣдѣнія г. попечителя, при совершенной увѣренности его въ обширности и глубинѣ оныхъ; на опрометчивыя, неосновательныя, хотя всегда рѣшительныя, сужденія его о различныхъ отрасляхъ человѣческихъ познаній; но сіе весьма ясно доказывается его ревизіею Казанскаго университета, опроверженіемъ доноса его на издателя библіографическихъ листовъ, нѣкоторыми замѣчаніями на его отчетъ за 1822 годъ члена главнаго училищъ правленія, академика Фусса, а всего разительнѣе отношеніемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцева.

В. И. Панаевъ

Сообщила М. Л. Казембекъ.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ ПОЛЬСКІЙ.

1806—1809 гг.

II [1]).

Спустя нѣсколько дней послѣ доставленія этой ноты герцогу Виченскому, нашъ канцлеръ получилъ письмо изъ Вѣны отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи. Онъ отвѣчалъ на письмо графа Румянцева, при которомъ онъ препроводилъ списокъ съ Фридрихсгамскаго мирнаго договора. Препровождая съ своей стороны списокъ съ Шенбрунскаго договора, онъ писалъ, что императоръ Наполеонъ, при его заключеніи, болѣе всего заботился о своихъ союзникахъ. «Онъ долженъ былъ отклонять предложенія Австріи, которая охотно отдавала ему всю Галицію для того, чтобы спасти нѣкоторыя изъ своихъ областей на границахъ Баваріи и Италіи. «Мы дадимъ вамъ въ Галиціи, говорилъ мнѣ князь Лахтенштейнъ, два человѣка за одного, котораго вы намъ оставите въ Австріи и Карніоліи. Императоръ постоянно имъ отказывалъ. Но вамъ извѣстно уже изъ объясненій герцога Виченскаго, что чувство чести не позволило императору оставить на мщеніе Австріи людей, которые ему хорошо служили и для него жертвовали собою. Благодарность должна быть первою благодѣтелью государей, такъ же, какъ честь—первымъ ихъ долгомъ. Чувства чести и благодарности не позволяли Наполеону возвратить Австріи ту часть Галиціи, которая поголовно возстала противъ нея. Никакое условіе договора не обезпечило бы ея жителей отъ мщенія правительства, такъ сильно ими оскорбленнаго и противъ котораго они дѣйствовали. Такого рода обезпеченіе въ ихъ глазахъ казалось бы совершеннымъ невниманіемъ къ нимъ, и потому императоръ Наполеонъ, всегда вѣрный обязанностямъ въ отношеніи къ своимъ союзникамъ, въ этомъ случаѣ измѣнилъ бы тѣмъ, которые наиболѣе были ему преданы.

«Но слѣдуя правиламъ здравой политики, основанной на чести и справедливости, императоръ Наполеонъ изыскалъ всѣ средства, чтобы

[1]) См. „Русскую Старину“, 1893 г., т. LXXVII. мартъ.

Digitized by Google

исполнить желаніе своего союзника, императора Александра. Западная Галиція отдана саксонскому королю, котораго взгляды менѣе всего склоняются къ революціоннымъ и который не обладаетъ безпокойнымъ честолюбіемъ увеличивать свои владѣнія. Императоръ не только не желаетъ вызвать мысль о возстановленіи Польши, которая такъ далека отъ его видовъ; но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы истребить навсегда воспоминаніе о ней въ ея прежнемъ населеніи. Его Величество согласенъ на то, чтобы слова: Польша и поляки не только бы исчезли изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже изъ исторіи. Онъ пригласитъ саксонскаго короля приступить къ соглашенію, которое бы клонилось къ этой цѣли. Все, что можетъ служить къ поддержанію покорности обитателей Литвы, будетъ одобрено императоромъ и исполнено саксонскимъ королемъ. Затрудненія, которыя случались послѣ заключенія Тильзитскаго мира, не повторятся болѣе: все будетъ сдѣлано, чтобы ихъ предупредить. Кажется, можно быть увѣреннымъ, что увеличеніе силы саксонскаго короля вмѣсто того, чтобы поддерживать химерическія желанія въ старыхъ полякахъ, убѣдитъ ихъ, напротивъ, въ ихъ несбыточности. Оно положитъ конецъ заблужденію, болѣе опасному для нихъ самихъ, нежели тревожному для тѣхъ правительствъ, подъ властью которыхъ они находятся.

«Австрія сохраняетъ еще три пятыхъ части Галиціи, притомъ, именно тѣ области, которыя наиболѣе привыкли къ ея господству. Та часть, которая перешла во власть саксонскаго короля, заключаетъ въ себѣ немного болѣе четверти всего ея народонаселенія и едва десятую часть владѣній прежней Польши. Неужели присоединеніе такой незначительной части можетъ вызвать къ жизни, уже окончившее свое существованіе, большое государство? Но, повторяю, императоръ Наполеонъ готовъ всѣми средствами содѣйствовать всякой мѣрѣ, которая бы обезпечивала спокойствіе и покорность старыхъ поляковъ, и онъ полагаетъ, что имъ же можетъ принести пользу, избавивъ ихъ отъ новыхъ несчастій, подчиняя ихъ болѣе и болѣе мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга» [1]).

Это письмо имѣло, конечно, болѣе опредѣленное значеніе, нежели письмо императора Наполеона. Въ немъ положительно выражалась мысль, что онъ не только не имѣетъ въ виду возстановленія прежняго Польскаго королевства, но готовъ, напротивъ, содѣйствовать всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя будутъ приняты съ цѣлью разубѣдить въ ней поляковъ. Но это письмо было писано министромъ французскаго импера-

[1]) Письмо герцога Кадорскаго къ графу Румянцеву изъ Вѣны 20-го октября 1809 г.

Digitized by Google

тора изъ Вѣны, въ его отсутствіе, когда онъ былъ уже въ Парижѣ. «При этомъ дворѣ, часто писали нашему правительству дипломатическіе агенты, всякая мелочь имѣетъ значеніе, здѣсь ничто не дѣлается безъ умысла». Императоръ Наполеонъ могъ сказать впослѣдствіи, какъ и часто съ нимъ случалось, что министръ не вполнѣ понялъ его мысль, выразилъ не точно или превысилъ свою власть. Притомъ, ни императоръ, ни министръ не выражали прямо согласія заключить конвенцію о Польшѣ между Франціею и Россіею. Напротивъ, обѣщая лишь свое содѣйствіе, французское правительство указывало на саксонскаго короля, какъ обладателя Варшавскаго герцогства, съ которымъ Россія могла войти въ соглашеніе по этому вопросу. Это письмо, не заключая прямаго отвѣта на предложеніе нашего кабинета, скорѣе могло возбудить подозрѣніе и недовѣріе къ политикѣ Франціи, нежели успокоить его. Между тѣмъ нашъ кабинетъ воспользовался имъ, потому, конечно, что въ немъ ясно была выражена мысль, что въ виды императора Наполеона вовсе не входитъ возстановленіе бывшаго Польскаго королевства. Какъ письмо императора Наполеона, такъ и письмо его министра иностранныхъ дѣлъ, не сохранялись въ строгой тайнѣ, какъ всѣ вообще болѣе важныя бумаги въ то время. Самъ канцлеръ показывалъ письмо Шампаньи нѣкоторымъ изъ поляковъ, очевидно, съ цѣлью распространить между поляками, русскими подданными, взглядъ императора Наполеона на польскій вопросъ. Они сдѣлались даже предметомъ общественныхъ толковъ, которые дошли до императора и произвели на него непріятное впечатлѣніе. Въ нихъ замѣшаны были Новосильцевъ и князь Чарторижскій. Въ разговорѣ съ послѣднимъ, когда онъ навелъ рѣчь на этотъ случай, императоръ выразилъ неудовольствіе противъ Новосильцева, который позволилъ себѣ разсуждать о письмѣ Наполеона къ нему въ гостиницѣ за обѣдомъ. Желая защитить Новосильцева, какъ онъ самъ говоритъ,—съ нимъ онъ дѣйствительно былъ друженъ, – но еще болѣе, конечно, желая вывѣдать взглядъ самого императора, князь Чарторижскій замѣтилъ: Новосильцевъ разсуждалъ объ этомъ письмѣ, какъ русскій, онъ находилъ, что это письмо можетъ разсѣять всѣ безпокойства, по крайней мѣрѣ, на время; что же касается до меня, то какъ полякъ, по инымъ совершенно причинамъ, я читалъ его съ грустью.

«А вамъ извѣстна депеша Шампаньи», спросилъ его государь, прибавивъ, что она гораздо сильнѣе письма.

«Я не читалъ ея», отвѣчалъ князь Чарторижскій, «но слышалъ о ея содержаніи». Онъ говорилъ, что съ прискорбіемъ видитъ изъ ней, что государь становится главнымъ врагомъ польскаго народа и польскаго имени, что императоръ Наполеонъ рѣшился оставить поляковъ, лишить ихъ всякой надежды на лучшую будущность, единственно потому, чтобы

*

Digitized by Google

сдѣлать ему угодное, что враждебное чувство къ полякамъ дошло до такой степени, что желаютъ имя Польши уничтожить даже и въ исторіи.

Императоръ, отклоняя отъ себя эти нареканія, говорилъ: «мои чувства, которыя вамъ давно извѣстны, нисколько не измѣнились; но такъ заставляютъ меня дѣйствовать мои обязанности, какъ императора, и всякій иной государь на моемъ мѣстѣ поступилъ бы точно также». Князь Чарторижскій едва-ли искренно замѣчалъ, что не можетъ понять такого раздѣленія качествъ, соединенныхъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Онъ говорилъ: «вы сами, государь, признавали, что возстановленіе Польши совершится не только во вредъ, но къ выгодѣ Россіи, если обѣ короны соединятся на вашей головѣ».

«Это возможно», отвѣчалъ государь; «но это не исполнимо и потому необходимо было принять другой способъ дѣйствій».

Князь Чарторижскій выразилъ недоумѣніе, желая показать, что не понималъ взгляда императора на это дѣло. Онъ говорилъ: «если дѣло признается полезнымъ по своей сущности, то, начавъ дѣйствовать въ видахъ его осуществленія, не слѣдуетъ вдругъ перемѣнять образъ мыслей и давать ему направленіе въ противоположную сторону. Напротивъ, надо подготовлять способы къ его осуществленію и въ этихъ видахъ давать направленіе событіямъ. Я не стану говорить о томъ, представлялись ли благопріятныя обстоятельства для осуществленія этой мысли, потому что они уже упущены; но замѣчу, что въ настоящее время надо ожидать болѣе благопріятныхъ, подготовлять будущее и дѣйствовать такъ, чтобы не испортить путей для достиженія своей цѣли. Въ этихъ видахъ не слѣдуетъ лишать народъ всякой надежды и оскорблять его строгими мѣрами».... Прервавъ его рѣчь, императоръ съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказалъ: «еслибъ я могъ ожидать по крайней мѣрѣ, что поляки опомнятся и будутъ иначе дѣйствовать»....

Эти послѣднія слова, какъ бы невольно вырвавшіяся у императора, показываютъ, что онъ не отказался отъ великодушной мечты своей молодости; но что опытъ девятилѣтняго царствованія доказалъ ему невозможность ея осуществленія на дѣлѣ.

Происшествія этихъ лѣтъ, когда Россія, какъ планета могучая и сильная, но сорвавшаяся съ своей орбиты, утратила равновѣсіе и въ образѣ бродячей кометы то являлась безкорыстною защитницею старыхъ государствъ Европы, то союзницею Наполеона, не имѣя ничего общаго съ первыми и не сочувствуя деспотизму втораго, привели его къ убѣжденію, что недостаточно ни его желанія, ни средствъ имперіи къ осуществленію этой мысли безъ согласія Пруссіи и Австріи и безъ содѣйствія Наполеона и особенно—безъ сочувствія самихъ поляковъ. Послѣдняя война не могла убѣдить его, что всѣ увѣренія князя

Digitized by Google

Чарторижскаго и немногихъ его друзей, что поляки только того и желаютъ, чтобы возстановленіе королевства объявилъ императоръ Александръ подъ своимъ владычествомъ,—не имѣютъ основанія.

Получивъ письмо герцога Кадорскаго, графъ Румянцевъ сообщилъ изъ него выписку французскому посланнику, прибавивъ, что выраженныя въ немъ заявленія совершенно удовлетворяютъ желанія нашего кабинета. «Императоръ совершенно полагается на увѣренія, выраженныя такъ рѣшительно; но какъ согласить эти увѣренія съ дѣйствіями, которыя совершенно имъ противорѣчатъ». Шесть дней спустя послѣ этого письма (26 октября), въ Вѣнѣ была подписана военная конвенція, въ которой войска саксонскаго короля называются польскими войсками и говорится о польской арміи. Въ газетахъ появляются статьи, возбуждающія надежды поляковъ, въ гамбургской появилось, напримѣръ, заявленіе о томъ, что дочь саксонскаго короля выходитъ замужъ за князя Понятовскаго, человѣка, одареннаго блестящими качествами и которому, вѣроятно, предназначается носить корону Польши.

«Самъ герцогъ Кадорскій, писалъ графъ Румянцевъ, называетъ эти надежды поляковъ химерами. Слѣдуетъ положить конецъ опаснымъ заблужденіямъ, для пользы самихъ поляковъ, чтобы избавить ихъ отъ новыхъ бѣдствій. Я совершенно раздѣляю мнѣніе герцога Кадорскаго и потому снова предлагаю вамъ испросить необходимое полномочіе, чтобы безъ отлагательства, заключеніемъ особой конвенціи, навсегда устранить этотъ вопросъ, причиняющій постоянныя безпокойства» [1]).

Это была четвертая нота по одному и тому же вопросу, которую канцлеръ Русской имперіи рѣшился написать герцогу Виченскому, не получивъ отвѣта на три первыя. Коварный образъ дѣйствій Тюльерійскаго кабинета не подлежалъ сомнѣнію. Самъ французскій посланникъ, поставленный въ ложное положеніе, писалъ своему правительству, что это молчаніе уже достаточно для того, чтобы оскорбить русское правительство. Но это молчаніе продолжалось и послѣ окончанія войны и заключенія мира съ Австріей. Получивъ письмо Шампаньи изъ Вѣны, изъ котораго онъ сообщилъ выписку Коленкуру, безъ сомнѣнія русскій канцлеръ немедленно отвѣчалъ на него и въ этомъ отвѣтѣ выразилъ ту же мысль о необходимости заключить конвенцію о Польшѣ и просьбу снабдить для того полномочіемъ французскаго посланника при нашемъ дворѣ [2]).

Долго не получая отвѣта, графъ Румянцевъ написалъ эту четвертую ноту Коленкуру; но вслѣдъ за тѣмъ пришло письмо къ нему отъ

---

[1]) Нота графа Румянцева герцогу Виченскому 23-го ноября 1809 г.

[2]) Письмо графа Румянцева къ Шампаньи 25-го октября 1809 года.

Digitized by Google

герцога Кадорскаго. Онъ написалъ: «вчера вечеромъ я получилъ письмо вашего сіятельства. Радуюсь, что мнѣ досталось на долю выразить вамъ неизмѣнныя чувства моего государя. Приказанія, которыя онъ поручилъ мнѣ сообщить своему посланнику при вашемъ дворѣ, надѣюсь, разсѣятъ всѣ недоразумѣнія, о которыхъ вы мнѣ сообщаете. Въ этомъ случаѣ императоръ дѣйствуетъ такъ, какъ и всегда желалъ дѣйствовать, и еслибъ онъ только узналъ, что этого желаютъ, то немедленно бы исполнилъ это желаніе».

Это желаніе нашего двора давно было заявлено Наполеону, чрезъ его посланника, и онъ не могъ его не знать. Наглая ложь, такъ безсовѣстно выраженная его министромъ иностранныхъ дѣлъ, обличаетъ только, что Наполеонъ, несмотря на геніальность, не принадлежалъ къ числу честныхъ людей, уважающихъ нравственныя начала и вообще людей порядочнаго общества. «Мой государь, продолжаетъ его слуга, дорожитъ всѣмъ, что можетъ способствовать къ поддержанію союза между двумя имперіями. Онъ желаетъ скрѣпить союзъ теперь, когда, можетъ быть, приближается время достигнуть цѣли этого союза. Я убѣжденъ, что и вы и мы одинаково убѣждены, что чѣмъ долѣе продолжается союзъ между двумя имперіями, тѣмъ болѣе онъ долженъ продолжаться, и мы должны стараться сдѣлать его вѣчнымъ» [1]).

Но Коленкуръ получилъ только приказаніе употребить всѣ средства, чтобы убѣдить русскій кабинетъ, что возстановленіе прежней Польши вовсе не входитъ въ виды императора Наполеона; но не получилъ полномочія на заключеніе конвенціи.

Въ тотъ же день, какъ герцогъ Кадорскій написалъ это письмо къ нашему канцлеру, онъ говорилъ князю К у р а к и н у, что, по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Петербурга, нашъ кабинетъ былъ весьма встревоженъ мыслью о возстановленіи Польши. «Но, — говорилъ онъ, — герцогу Виченскому поручено представить объясненія, которыя могли совершенно успокоить вашъ кабинетъ». Они дѣйствительно и произвели это дѣйствіе.

«Но, замѣтилъ ему князь Куракинъ, намъ надо войти въ переговоры съ Саксоніею, чтобы на прочныхъ основаніяхъ установить наши политическія отношенія къ Варшавскому герцогству, которое, послѣ увеличенія его области, вошло въ большія соотношенія съ Россіею. По моему мнѣнію, необходимо установить положительныя условія, всѣмъ извѣстныя, которыя бы дали понять нашимъ подданнымъ, прежде бывшимъ полякамъ, что они должны отказаться отъ преступнаго сочувствія къ правительству и странѣ, которыя они выражаютъ при каждомъ случаѣ».

---

[1]) Письмо герцога Кадорскаго къ графу Румянцеву 13 ноября нов. ст. 1809 г.

Digitized by Google

«Нѣтъ никакой нужды входить объ этомъ въ переговоры съ Саксоніею, отвѣчалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сообщенія Коленкура совершенно успокоили вашъ дворъ».

Но князь Куракинъ говорилъ такъ потому, что самъ императоръ Наполеонъ, по возвращеніи изъ Шенбруна въ Парижъ, заявилъ ему эту мысль, которую незадолго передъ тѣмъ выразилъ въ письмѣ къ императору Александру. Слова его министра показывали, что эта мысль была уже оставлена, вѣроятно потому, что король саксонскій, находившійся въ это время въ Парижѣ, просилъ избавить его отъ обязательствъ, которыхъ онъ выполнить не можетъ. Онъ это зналъ по опыту, какъ исполнилась конвенція 1808 г. о выдачѣ дезертировъ, и не желалъ обманывать и дѣйствовать завѣдомо безчестно, сознавая, что не имѣетъ въ сущности никакой власти надъ герцогствомъ Варшавскимъ.

Та ли причина, или иная, послужила поводомъ, что были отстранены указанныя Наполеономъ соглашенія съ Саксоніею; но, во всякомъ случаѣ, заявленія его министра показывали, что Франція не желаетъ заключать съ нами особой конвенціи о Польшѣ. Но Шампаньи ошибался, объявляя, что русскій дворъ совершенно удовлетворенъ тѣми объясненіями, которыя представилъ ему Коленкуръ. Черезъ нѣсколько дней, онъ получилъ извѣстіе отъ Коленкура о новой нотѣ, переданной ему графомъ Румянцевымъ, и потому, при свиданіи съ княземъ Куракинымъ, послѣ полученія этихъ извѣстій, говорилъ уже иное. На замѣчаніе нашего посланника, получившаго свѣдѣнія отъ своего кабинета, что объясненія, представленныя Коленкуромъ, вовсе не удовлетворяютъ его, онъ отвѣчалъ, что получилъ уже полномочіе заключить конвенцію о Польшѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) выразить мысль, что Польша не будетъ возстановлена и герцогство Варшавское не увеличится болѣе; 2) раздѣлъ Польши будетъ признанъ, какъ оконченное дѣло, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь, послѣ Вѣнскаго мира; 3) уничтоженіе именъ Польши и поляковъ; 4) герцогство Варшавское никогда не получитъ независимаго существованія, но будетъ одною изъ областей Саксоніи; 5) Польскіе ордена будутъ уничтожены и, 6) поляки, русскіе подданные, не могутъ вступать въ службу въ герцогствѣ Варшавскомъ и наоборотъ.

Снабдивъ полномочіями Коленкура, герцогъ Кадорскій писалъ нашему канцлеру: «Я не могу отказаться отъ пріятной привычки бесѣдовать съ вами и потому пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ, что въ моемъ письмѣ, отъ 20-го октября, я вполнѣ выразилъ чувства императора, моего повелителя. Эти чувства не измѣнились и служатъ руководствомъ его политики. Императоръ заявилъ ихъ самъ, передъ Франціею и Европою, онъ открыто выразилъ свою дружбу къ Россіи и желаетъ поддержать союзъ между двумя имперіями. Увѣренія въ этихъ

Digitized by Google

чувствахъ вамъ немедленно были представлены, лишь только вы пожелали въ нихъ убѣдиться. Мое письмо даже предупредило ваши желанія. Потомъ, вы предпочли заключеніе конвенціи. Давно уже герцогъ Виченскій получилъ приказанія заключить ее на указанныхъ вами основаніяхъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ постоянно дѣйствовало согласно съ неизмѣнными видами императора Наполеона. Поэтому, я съ удивленіемъ узналъ изъ донесенія герцога Виченскаго о безпокойствѣ русскаго кабинета. Мы не можемъ отвѣчать за газетныхъ писакъ, и вашему сіятельству извѣстно, что министерство иностранныхъ дѣлъ не издаетъ ни одной газеты, и ни одна изъ нихъ не подлежитъ его цензурѣ. Точно также, едва-ли можно придавать какое-нибудь значеніе выраженіямъ, которыя издавна вошли въ привычку, употребленнымъ въ конвенціи, написанной военными людьми. Я увѣренъ, что ваше сіятельство не придадите имъ значенія, котораго они не заслуживаютъ, и что конвенція, которую поручено заключить съ вами герцогу Виченскому, совершенно удовлетворитъ васъ. Что касается меня, то мнѣ доставляетъ особенное удовольствіе исполнять главную мою обязанность, т. е. поддерживать постоянное благорасположеніе моего государя къ Россіи и заботы о ея выгодахъ. Сегодня послѣдній день года, котораго начало мнѣ особенно было пріятно, потому что я встрѣтилъ его вмѣстѣ съ вами. Желаю, чтобы и наступающій годъ далъ мнѣ пріятную возможность выражать увѣренія въ моей искренней преданности»[1]).

Въ тотъ день, когда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ это письмо, его товарищъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Монталиве въ рѣчи, произнесенной въ законодательномъ корпусѣ, о положеніи имперіи, между прочимъ, говорилъ: «герцогство Варшавское увеличено частью Галиціи. Его величеству не трудно было присоединить къ нему и всю Галицію; но онъ ничего не позволилъ себѣ сдѣлать, что́ бы могло внушить безпокойство его союзнику, русскому императору. Часть Галиціи втораго раздѣла почти вся осталась во владѣніи Австріи. Его величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. Предоставляя новую Галицію Варшавскому герцогству, императоръ дѣйствовалъ не столько изъ видовъ политики, сколько удовлетворяя требованіямъ чести. Онъ не могъ оставить на мщеніе неумолимаго государя народъ, оказавшій такое усердіе къ дѣлу Франціи». Самъ императоръ Наполеонъ въ то же время при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса говорилъ: «мой другъ и союзникъ,

---

[1]) Письмо герцога Кадорскаго къ графу Румянцеву 31-го декабря, новаго стиля, 1809 года.

Digitized by Google

русскій императоръ, присоединилъ къ своей обширной монархіи Финляндію, Молдавію и Валахію и часть Галиціи. Я нисколько не завидую и желаю всякаго добра этой имперіи, мои чувства къ знаменитому (illustre) государю совершенно согласны съ моею политикою» и при свиданіи съ нашимъ посланникомъ сказалъ, что онъ готовъ заключить всякую конвенцію о Польшѣ, лишь бы только успокоить Россію [1]). Эти слова или объясняли до сихъ поръ двусмысленную политику Тюльерійскаго двора въ отношеніи къ вопросу о Польшѣ, или показывали на совершившуюся въ ней перемѣну въ пользу Россіи. Въ приведенномъ письмѣ Шампаньи указываетъ на мысль о заключеніи конвенціи какъ на предложеніе новое со стороны Россіи, будто бы до того времени неизвѣстное французскому правительству, бросая такимъ образомъ подозрѣнія на своего посланника, который будто бы не сообщилъ своему правительству о первыхъ нотахъ графа Румянцева. Это одна изъ постоянныхъ уловокъ политики Наполеона, и безъ сомнѣнія Коленкуръ нисколько не виноватъ въ этомъ случаѣ.

Условія конвенціи о Польшѣ такъ часто и долго служили предметомъ разговоровъ и соображеній графа Румянцева и герцога Виченскаго, что не представляли никакихъ затрудненій для соглашенія обѣихъ договаривающихся сторонъ. Поэтому лишь только послѣдній получилъ необходимое полномочіе, немедленно была заключена и подписана слѣдующая конвенція: «Его Величество, императоръ всероссійскій, и его величество, императоръ французовъ, король итальянскій, одушевляемые обоюднымъ желаніемъ вѣрнѣе упрочить миръ на материкѣ Европы и желая лишить Англію, которая всегда была открытымъ врагомъ континента и въ настоящее время довела эту вражду до крайнихъ предѣловъ, всякой надежды снова возмутить спокойствіе, рѣшились не только тѣснѣе связать узы соединяющаго ихъ союза, но содѣйствовать всѣми способами, чтобы сдѣлать его неразрывнымъ. Вслѣдствіе того, ихъ императорскія величества сочли необходимымъ дружески договориться о томъ, чтобы напередъ устранить единственный предметъ безпокойствъ, который можетъ вредить ихъ союзу, положивъ конецъ опаснымъ заблужденіямъ и химерическимъ надеждамъ поляковъ на возстановленіе бывшаго Польскаго королевства, въ полной увѣренности, что тѣмъ самымъ они принесутъ пользу самому этому народу, обезпечивъ его спокойствіе и подданство, тѣмъ державамъ, которымъ они принадлежатъ». Въ виду этихъ цѣлей уполномочные обѣихъ договаривающихся сторонъ постановили слѣдующія статьи:

«1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено:

---

[1]) Депеша отъ князя Куракина къ графу Румянцеву 19(31) декабря. Парижъ.

Digitized by Google

2) Высокія договаривающіяся стороны позаботятся о томъ, чтобы наименованіе Польши и поляковъ не было присвояемо ни одной изъ областей, входившихъ въ составъ королевства, ни ея обитателямъ, ни войскамъ и исчезло бы навсегда изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, какого бы рода они ни были.

3) Ордена прежняго королевства Польскаго будутъ уничтожены и вновь никогда возобновлены не будутъ.

4) Никто изъ прежнихъ поляковъ, а теперь подданныхъ россійскаго императора, впредь не можетъ быть принимаемъ на службу его величества, короля саксонскаго, въ качествѣ герцога варшавскаго и наоборотъ, ни одинъ изъ подданныхъ саксонскаго короля, какъ герцога варшавскаго, не можетъ быть принятъ въ русскую службу.

5) Постановляется постояннымъ и неизмѣннымъ правиломъ, что герцогство Варшавское не будетъ увеличиваемо никакою изъ областей, входившихъ прежде въ составъ Польскаго королевства.

6) Не будетъ болѣе признаваемо смѣшанныхъ подданныхъ Россіи и герцогства Варшавскаго; тѣмъ же, которые въ настоящее время считаются таковыми, дается 12-ти-мѣсячный срокъ, со для ратификаціи этой конвенціи, для объявленія, какому государству хотятъ принадлежать, и 3-хъ-лѣтній срокъ для отчужденія имуществъ, находящихся въ томъ государствѣ, отъ подданства которому они отказались.

Его величество императоръ французовъ обязывается привлечь къ этому договору саксонскаго короля и обезпечить его исполненіе на дѣлѣ.

8) Настоящая конвенція будетъ ратификована высокими договаривающимися сторонами, и ратификаціи размѣнены въ Петербургѣ въ продолженіе 50 дней или скорѣе, если будетъ возможно».

Изъ содержанія этой конвенціи видно, что она имѣла двоякую цѣль, во-первыхъ, устранить всякую мысль о возстановленіи прежняго Польскаго королевства, и во-вторыхъ, повторить конвенцію 1808 г. съ Саксоніею о выдачѣ дезертировъ, но въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Мысль о томъ, что императоръ Наполеонъ намѣренъ возстановить старую Польшу, постоянно волновала наши губерніи, присоединенныя къ Россіи послѣ ея раздѣла. Конвенція съ Саксоніею не исполнилась, ибо король не имѣлъ достаточно власти, чтобы принудить къ ея исполненію правительство Варшавскаго герцогства. Такъ называемые же смѣшанные подданные, будучи нелѣпостію въ теоріи, ибо подданство двумъ государствамъ въ одно и то же время невозможно, на дѣлѣ представляло величайшія затрудненія для Россіи. Эти смѣшанные подданные безнаказано могли ей вредить, имѣя постоянный доступъ въ ея владѣнія и разнося повсюду волненія или вступая на службу герцогства Варшавскаго. «Я считаю своею обязанностію, писалъ въ этомъ году нашъ

Digitized by Google

посланникъ изъ Парижа къ графу Румянцеву, обратить ваше вниманіе на ревность, съ которою поляки-владѣльцы имуществъ, находящихся въ областяхъ, принадлежащихъ нашему правительству, и потому его подданные, стремятся вступать на службу герцогства Варшавскаго. Изъ ихъ числа я укажу только на князя Доминика Радзивила, который пріѣхалъ въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы составить цѣлый полкъ конницы, котораго почти всѣ имѣнія находятся въ предѣлахъ Россіи; на князя Сапѣгу, который находится въ такомъ же положеніи; на графа Владиміра Потоцкаго, котораго всѣ имѣнія находятся въ Россіи. Я не войду въ разсмотрѣніе тѣхъ затрудненій, которыя впослѣдствіи могутъ возникнуть изъ этой поблажки полякамъ дѣйствовать согласно съ ихъ тайными желаніями, постоянно направленными противъ Россіи. Я указываю только на это злоупотребленіе, въ увѣренности, что и вы раздѣлите мои мнѣнія и испросите у нашего государя повелѣніе, которое могло бы положить конецъ этому злу. По моему мнѣнію, этого требуютъ наши заботы о томъ, чтобы сохранить тѣ области, которыя достались намъ отъ бывшей Польши, и предупредить возмущеніе, которое и въ нихъ можетъ развиться».

Живя въ Парижѣ, куда съѣзжалось много поляковъ въ это время и гдѣ они не скрывали своихъ чувствъ и взглядовъ, князь Куракинъ достаточно изучилъ ихъ характеръ и понималъ, какія вредныя послѣдствія можетъ повлечь за собою та терпимость, которую оказывало русское правительство къ дѣйствіямъ явно враждебныхъ Россіи поляковъ, нашихъ подданныхъ. Его опасенія увеличились еще болѣе послѣ Шенбрунскаго мирнаго договора, увеличившаго значительно Варшавское герцогство, что въ свой чередъ увеличило надежды и ожиданія поляковъ. Въ замѣчательномъ донесеніи самому императору, въ которомъ онъ оцѣнивалъ значеніе этого договора, описывалъ положеніе дѣлъ въ Европѣ и предупреждалъ, что вслѣдъ затѣмъ послѣдуетъ вторженіе Наполеона въ Россію, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого положенія, онъ писалъ о герцогствѣ Варшавскомъ, что оно сдѣлалось для насъ еще опаснѣе, нежели Иллирійскія области, оставленныя Наполеономъ въ своемъ распоряженіи, потому что и та и другія ставятъ Россію въ непосредственное соприкосновеніе съ Франціею. «Въ настоящее время, государь, пока еще продолжается вашъ союзъ съ императоромъ Наполеономъ, оно составляетъ ядро, къ которому со всѣхъ сторонъ готовятся присоединиться всѣ области старой Польши; оно тайно возбуждаетъ это желаніе и приготовляетъ возстаніе и въ вашихъ прежде бывшихъ губерніяхъ. Достаточно будетъ Франціи только подать знакъ, и возстаніе вспыхнетъ. Я счелъ уже долгомъ обратить вниманіе вашего министерства на то увлеченіе, съ которымъ множество поляковъ лучшихъ семействъ, которыхъ имѣнія находятся въ вашемъ государствѣ, ваши под-

Digitized by Google

данные, стремятся въ Варшаву и живутъ тамъ, не испрашивая на то предварительно дозволенія Вашего Величества. Я поименовалъ нѣсколькихъ лицъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и предлагалъ принять мѣры, чтобы остановить это вредное движеніе, которое все болѣе и болѣе становится всеобщимъ и по справедливости должно оскорблять васъ. Позволяю себѣ повторить самому Вашему Величеству о необходимости принять противъ этого мѣры. Мудрость ваша, безъ сомнѣнія, усмотрѣла уже, до какой степени настоящее положеніе дѣлъ требуетъ заставить ихъ уважать обязанности подданныхъ Русской имперіи, не дѣйствовать самимъ и не употреблять своего имущества, несогласно съ пользами Россіи, которую исключительно они должны считать своимъ отечествомъ. Герцогство Варшавское, вслѣдствіе увеличенія его области и народонаселенія, сдѣлалось одною изъ грозныхъ второстепенныхъ державъ. Въ немъ до 3 милліоновъ жителей и, какъ увѣряютъ, будетъ до 80 тысячъ постояннаго войска, хорошаго, привыкшаго къ войнѣ и устроеннаго французскими генералами, которыхъ Франція снабдила офицерами, унтеръ-офицерами и оружіемъ».

Голосъ князя Куракина не былъ одинокимъ въ этомъ случаѣ. Вѣроятно, его мнѣніе раздѣлялъ и канцлеръ, но, вообще, почти всѣ государственные люди имперіи совѣтовали императору принять мѣры противъ образа дѣйствій поляковъ, русскихъ подданныхъ. Но императоръ долго не рѣшался, по личному вообще отвращенію къ карательнымъ мѣрамъ, по нѣкоторому можетъ быть пристрастію къ полякамъ и особенно стѣсняемый дружбою къ Наполеону и союзомъ съ Франціею, которые требовали, чтобы онъ благосклонно относился къ герцогству Варшавскому. Но дѣйствіе варшавскаго правительства и войскъ, находившихся подъ начальствомъ князя Понятовскаго, въ послѣднюю войну съ Австріею, явно обличивъ отношенія поляковъ къ Россіи, вынудили и его наконецъ принять нѣкоторыя административныя временныя мѣры, но въ то же время оградивъ безопасность имперіи особымъ договоромъ о Польшѣ съ императоромъ Наполеономъ

Въ концѣ августа мѣсяца этого года состоялся *именной* указъ, *данный сенату*, въ которомъ сказано, что до свѣдѣнія императора дошло, что нѣкоторые изъ поселянъ и обывателей пограничныхъ губерній, предаваясь въ простотѣ ихъ, ложнымъ и неосновательнымъ слухамъ, отлучаются безъ вѣдома начальствъ ихъ отъ своихъ жилищъ и за границу. За такія *противозаконныя отлучки* повелѣвалось ихъ ловить и годныхъ отдавать въ солдаты, а негодныхъ ссылать въ крѣпостныя *работы*. Но этотъ указъ, повидимому, направленный только противъ *поселянъ*, которые *по простотѣ ихъ*, поддавались внушеніямъ (а еще болѣе въ силу крѣпостнаго права), оканчивался постановленіемъ именно о тѣхъ, которые, распускали подобные слухи и соблаз-

Digitized by Google

няли бѣдныхъ п о с е л я н ъ, которыми пользовались на неограниченномъ правѣ собственности. «Хотя по извѣстной намъ благонамѣренности дворянства и помѣщиковъ, говоритъ вторая статья этого указа, въ пограничныхъ губерніяхъ пребывающихъ, нельзя предполагать, чтобы кто-либо изъ нихъ, предаваясь тѣмъ же ложнымъ и неосновательнымъ толкамъ, покусился на таковыя отлучки, но тѣмъ не менѣе, если бы паче чаянія и изъ дворянъ и помѣщиковъ кто-либо былъ обличенъ въ таковомъ преступленіи, или же въ попущеніи, подговорѣ, а паче въ доставленіи какихъ-либо способовъ къ в о о р у ж е н і ю, каковыхъ имѣнія немедленно конфисковать, а самихъ ихъ предавать суду по всей строгости законовъ».

Первая статья закона служила только призрачною завѣсою для второй, которая именно была направлена въ надлежащую цѣль. Но этотъ строгій указъ не вполнѣ достигалъ цѣли; онъ каралъ польскихъ помѣщиковъ, законныхъ собственниковъ имѣній, находившихся въ предѣлахъ имперіи; но по естественному порядку дѣлъ, большая часть изъ нихъ, какъ люди престарѣлые, или пожилые и опытные, не увлекались воинской отвагой; они мирно оставались въ своихъ имѣніяхъ, но ихъ сыновья ревностно бросались въ ряды враговъ Россіи, снабженные конечно всѣми средствами отъ своихъ родителей. Это обстоятельство немедленно было замѣчено русскими губернаторами пограничныхъ западныхъ губерній и подало поводъ къ новому и м е н н о м у указу, въ которомъ было постановлено: «на имѣнія отцовъ, которыхъ дѣти, отъ нихъ неотдѣленныя, отлучаются безъ вѣдома начальства за границу, налагать запрещенія съ тѣмъ, чтобы части, которыя, послѣ ихъ смерти, отлучившимся дѣтямъ слѣдовать будутъ, конфисковать на основаніи указа 24-го минувшаго августа».

Императоръ Александръ рѣшился принять эти мѣры уже въ концѣ августа мѣсяца, почти шесть недѣль спустя послѣ того, какъ графъ Румянцевъ началъ вызывать на переговоры о заключеніи конвенціи о Польшѣ французскаго посланника и не получилъ никакого отвѣта на свои ноты. Молчаніе Тюльерійскаго кабинета было причиною того, что русскій императоръ вынужденъ былъ дѣйствовать карательными мѣрами противъ злоупотребленій, которыя онъ желалъ прекратить по обоюдному соглашенію между имъ и Наполеономъ заключеніемъ особой конвенціи. Но эти мѣры безъ сомнѣнія весьма не понравились полякамъ. Даже князь Чарторижскій считалъ ихъ незаконными. Когда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ началъ говорить о нихъ, императоръ прервалъ его рѣчь сказавъ, «что обстоятельства принудили его принять мѣры, что онъ рѣшился на нихъ вслѣдствіе единогласнаго мнѣнія своихъ министровъ Впрочемъ поведеніе поляковъ таково, что требуетъ строгихъ мѣръ».

«Въ настоящее время я не имѣю въ виду разсматривать ихъ съ точки

Digitized by Google

зрѣнія той политики, которой намѣрена держаться Россія въ будущемъ, отвѣчалъ князь Чарторижскій;—но позволю замѣтить Вашему Величеству, что указъ о конфискаціи не согласуется съ строгими началами правосудія. Существуютъ смѣшанные подданные и многіе изъ тѣхъ, которые вступили въ иностранную службу, принадлежатъ именно къ этому разряду лицъ. При томъ, указъ будетъ имѣть обратное дѣйствіе, потому что эти лица не были предупреждены, что они должны такъ поступать, какъ поступали. Прежде, нежели наказывать, необходимо предупредить и назначить срокъ. Всѣ русскіе дворяне имѣютъ право вступать въ иностранную службу и не подвергаются конфискаціи имущества. Притомъ если бы кто и подвергся этой карѣ лично, то имущество должно поступать къ его наслѣдникамъ».

«Но бываютъ обстоятельства,—отвѣчалъ ему императоръ,—когда безопасности государства вынуждаютъ къ исключенію изъ правилъ. Таково поведеніе поляковъ, и я согласился въ этомъ случаѣ съ единогласнымъ мнѣніемъ министровъ».

Но спустя нѣсколько недѣль послѣ этого разговора, при новомъ свиданіи съ княземъ Чарторижскимъ, императоръ объявилъ ему, что «всѣ строгія мѣры, принятыя противъ поляковъ, будутъ отмѣнены, это уже рѣшено, но объявлено будетъ черезъ нѣсколько недѣль. Причины, которыя побудили ихъ принять, прекращаются, и я могу быть покойнымъ». Такъ говорилъ императоръ потому, что въ это время Коленкуръ уже получилъ полномочіе на заключеніе конвенціи и нашъ кабинетъ надѣялся, что она будетъ ратифікована обоими государями въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Въ этомъ ожиданіи, императоръ немедленно смягчилъ уже принятыя мѣры, установивъ шестимѣсячный срокъ для уѣхавшихъ самовольно за границу поляковъ, какъ и представлялъ князь Чарторижскій.

Лишь только конвенція была подписана уполномоченными обѣихъ державъ, Коленкуръ немедленно отправилъ на утвержденіе императора Наполеона. Въ то же время и графъ Румянцевъ писалъ къ герцогу Кадорскому, въ отвѣтъ на его послѣднее письмо, что «эта полезная конвенція, которая сдѣлалась безусловно необходимою для того, чтобы навсегда скрѣпить союзъ между двумя имперіями, наконецъ заключена и подписана, и ратификаціи обѣщаны въ продолженіе 50 дней. Императоръ чрезвычайно доволенъ заключеніемъ этого договора, потому что онъ однажды и навсегда и рѣшительно устраняетъ главнѣйшее препятствіе для этого союза, которымъ онъ такъ дорожитъ, и можетъ быть даже единственное, какое могло представиться. Онъ изъявляетъ искреннюю признательность императору Наполеону за то, что онъ прямо и честно рѣшился разсѣять распространявшіеся уже слухи о предположеніи будто бы возстановить прежнее Польское королевство.

Digitized by Google

«Что касается лично до меня,—продолжалъ графъ Румянцевъ,—то эта конвенція значительно облегчаетъ мои занятія по службѣ, которыя я исправляю по волѣ вашего государя, и я считаю долгомъ благодарить васъ, герцогъ, за содѣйствіе къ окончательному и немедленному ея заключенію. Теперь ничто не препятствуетъ, чтобы союзъ нашихъ императоровъ не выразился во всей силѣ и блескѣ, и я по истинѣ торжествую, что волею моего государя на меня возложена обязанность заботиться о благѣ и выгодахъ обоихъ императоровъ, соединенныхъ узами самой прочной дружбы. Я не хочу окончить письма, не сказавъ вамъ, герцогъ, до какой степени было пріятно моему государю слышать о заявленіяхъ императора Наполеона объ отношеніяхъ къ Россіи въ его рѣчи при открытіи законодательнаго собранія и въ отчетѣ о состояніи Французской имперіи» [1]).

Графъ Румянцевъ имѣлъ бы полное право торжествовать, завершая этою конвенціею политическую систему, которой онъ былъ представителемъ, систему, основанную на твердомъ союзѣ съ Франціею и пріобрѣтеніяхъ, обезпечивавшихъ границы имперіи, еслибы могъ быть увѣреннымъ, что заключенная и подписанная имъ съ французскимъ уполномоченнымъ конвенція будетъ утверждена императоромъ Наполеономъ. Но почему же онъ могъ предполагать, что она не будетъ утверждена? Основная ея мысль согласовалась съ письмами Шампаньи къ канцлеру, подробныя ея условія имъ были сообщены Коленкуру вмѣстѣ съ полномочіемъ ее заключить и подписать, о готовности со стороны императора Наполеона исполнить желаніе нашего кабинета, его увѣренія, заявленныя нашему посланнику и торжественно—законодательному собранію.

Но если въ это время графъ Румянцевъ еще не сомнѣвался въ утвержденіи конвенція, то императора Александра уже начинали тревожить сомнѣнія. Князь Чарторижскій, не знавшій условій заключенной конвенціи, но знавшій рѣчь Монталиве, письмо Шампаньи къ графу Румянцеву, понималъ, конечно, что дѣло идетъ объ обязательствѣ Наполеона не возстановлять бывшаго Польскаго королевства. «Если даже, уступая требованіямъ русскаго кабинета, онъ согласится на такое обязательство, то, конечно, оно должно быть обоюднымъ, и въ такомъ случаѣ вы свяжете себѣ руки». Не получивъ прямаго отвѣта на свое замѣчаніе, онъ продолжалъ:—«Было время, когда обстоятельства какъ бы притупляли дѣйствіе ударовъ, нанесенныхъ Польшѣ. Поляки начали свыкаться съ своимъ положеніемъ, многіе считали его временнымъ; менѣе стали надѣяться на возстановленіе Польши; но теперь, какъ

---

[1]) Письмо графа Румянцева къ герцогу Кадорскому, 28-го декабря 1809, Спб.

Digitized by Google

существуетъ герцогство Варшавское, усиленное послѣ послѣдняго мира съ Австріею, эти надежды сдѣлались всеобщими». «Я замѣтилъ Его Величеству,—говорилъ онъ,—съ какою ловкостію Наполеонъ распространяетъ и поддерживаетъ вѣру въ самыя противоположныя одно другому соображенія и мнѣнія. Положительно извѣстно, что въ то же время, какъ онъ говоритъ вамъ въ одномъ смыслѣ, заставляетъ писать депеши и говорить рѣчи, которыя должны возбудить негодованіе поляковъ и привесть ихъ въ отчаяніе, онъ распространилъ между нами убѣжденіе, что онъ не только заботится о судьбѣ Польши, но и питаетъ особенное расположеніе къ нашему народу. Тогда какъ считаютъ его неспособнымъ къ сердечной привязанности и пользующимся всѣми средствами единственно изъ своихъ выгодъ, ему удалось увѣрить поляковъ, что онъ ихъ любитъ, желаетъ имъ добра, смотритъ на нихъ, какъ на своихъ искреннихъ друзей. Чтобы возбудить ихъ восторгъ, достаточно ему пустить какую-нибудь газетную статью или послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ-поляковъ, который, принятый повсюду обществомъ, будетъ разсказывать анекдоты или его слова, имѣющія отношеніе къ ихъ любви къ отечеству. Недавно онъ присылалъ туда одного изъ такихъ и возбудилъ всеобщее вниманіе»..

«А, что вы мнѣ говорите! прервалъ его императоръ, это бы еще ничего не значило; но я положительно знаю, что въ то самое время, когда онъ поручилъ Монталиве произнесть извѣстную рѣчь, онъ совершенно противоположное говорилъ вашимъ соотечественникамъ и старался изгладить дурное впечатлѣніе, которое могло произвесть на нихъ то мѣсто этой рѣчи, которое касалось Польши, и возбудить ихъ надежды всевозможными объясненіями и обѣщаніями».

Въ продолженіе этого разговора съ старинымъ другомъ, императоръ откровенно выразилъ свой взглядъ на характеръ Наполеона. «Это человѣкъ,—говоритъ онъ, — для котораго всѣ средства хороши, если они ведутъ къ достиженію его цѣлей». Въ это время по всей Европѣ и въ петербургскомъ обществѣ носились слухи, что будто бы императоръ Наполеонъ боленъ, что ему грозитъ сумасшествіе, что даже онъ сошелъ съ ума. Имѣютъ ли эти слухи какое-нибудь основаніе? – спросилъ князь Чарторижскій императора Александра.

«Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ ума, это невозможно, тѣ не знаютъ его, которые могутъ это предполагать. Этотъ человѣкъ, у котораго во время самыхъ сильныхъ потрясеній голова всегда спокойна и холодна. Если онъ горячится, выходитъ изъ себя, то это только для виду, чтобы обмануть другихъ. Всѣ такія его дѣйствія большею частью основаны на разсчетѣ. Онъ ничего не сдѣлаетъ, не сообразивъ и не разсчитавъ напередъ значенія своихъ дѣйствій. Самыя насильственныя, самыя смѣлыя его дѣйствія и тѣ напередъ хладнокровно соображены и

Digitized by Google

разсчитаны. Любимая его поговорка состоитъ въ томъ, что, намѣреваясь что-нибудь предпринять, прежде всего надо найти способъ, какъ привести въ исполненіе задуманное дѣло (en toute chose il faut d'abord trouver la méthode).

«Если только отыскалъ этотъ способъ, то нѣтъ такого труднаго дѣла, котораго нельзя бы легко исполнить, и, наоборотъ, нельзя приступать ни къ какому даже легкому дѣлу, не найдя напередъ способа для исполненія, иначе все можно испортить и никогда не достигнуть своей цѣли».

Въ этихъ словахъ нельзя не замѣтить наставленій Мефистофеля своему молодому другу, данныхъ при свиданіяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, но далеко не достигшихъ той цѣли, къ которой стремился самоувѣренный наставникъ. «Что касается до его болѣзни, то это все басни. Никто не пользуется такимъ хорошимъ здоровьемъ, какъ онъ; онъ никогда не былъ боленъ. Онъ страдалъ единственно худосочіемъ (humeur galeuse), бросившимся внутрь и отъ котораго его лѣчили. Никто лучше его не переноситъ усталости и работы; но ему нуженъ сонъ, часто въ неопредѣленные часы, но только чтобы онъ могъ проспать въ сутки не менѣе 8 часовъ».

«Онъ не краснорѣчивъ, ни на словахъ, ни на письмѣ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ диктовалъ письмо, выраженіями отрывочными, несвязными».

Этотъ разговоръ, изъ котораго князь Чарторижскій вынесъ убѣжденіе, что императоръ Александръ лучше всѣхъ понимаетъ характеръ Наполеона, происходилъ въ то самое время, когда графъ Румянцевъ торжествовалъ окончательную побѣду своей политики и писалъ Шампаньи, что на немъ лежитъ только пріятная обязанность оберегать навсегда утвержденный союзъ между двумя имперіями и дружбу между двумя императорами.

Опасенія и недовѣріе императора основываются на болѣе вѣрныхъ началахъ, нежели надежды и ожиданія его канцлера. Послѣ полученія въ Парижѣ конвенціи о Польшѣ, въ продолженіе двухъ недѣль ни слова не говорили о ней нашему посланнику ни императоръ Наполеонъ, ни его министръ иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ въ февралѣ (9-го), когда Шампаньи, по порученію императора, пріѣхалъ къ князю Куракину объявить, что избралъ себѣ невѣсту въ лицѣ австрійской эрцгерцогини, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить ему удивленіе по поводу этого молчанія. «Конвенція находится у императора, отвѣчалъ ему Шампаньи. Какъ частный человѣкъ, не въ качествѣ министра, я могу вамъ сказать, что императоръ недоволенъ ея изложеніемъ, особенно положительнымъ заявленіемъ, что королевство Польское не будетъ никогда возстановлено. Онъ этого не желаетъ, онъ этому не будетъ содѣйствовать, это такъ; но ему кажется

Digitized by Google

невозможнымъ принять на себя такое обязательство на случай такого происшествія, которое можетъ совершиться помимо его воли и которое, быть можетъ, онъ не будетъ имѣть возможности предотвратить». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ поводъ надѣяться, что другія статьи не встрѣтятъ затрудненія, и вообще конвенція, съ небольшими измѣненіями, будетъ утверждена.

Въ то время, когда нашему посланнику говорили, что императоръ Наполеонъ, по случаю брачныхъ торжествъ, не имѣетъ времени заняться дѣломъ о конвенціи, Тюльерійскій кабинетъ приготовилъ новое изложеніе договора и сообщилъ его Коленкуру для представленія нашему кабинету. Въ этомъ изложеніи существенно измѣнены были только четыре статьи: первая, третья, пятая и шестая, первую статью, въ которой говорилось: «Польское королевство никогда возстановлено не будетъ», предполагалось замѣнить слѣдующею:

«Его величество, императоръ французовъ, обязывается не содѣйствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польскаго королевства, и не содѣйствовать никакой державѣ, которая имѣла бы такое намѣреніе; равно не помогать и не одобрять, непосредственно, никакого возстанія и бунта обитателей областей, составлявшихъ это королевство». Вмѣсто статьи 3-й, въ которой говорилось, что ордена бывшей Польши будутъ уничтожены н а в с е г д а, предполагалась слѣдующая:

«Высокія договаривающіяся стороны и король саксонскій отказываются, мѣсяцъ спустя послѣ размѣна ратификацій этой конвенціи, давать знаки орденовъ бывшаго Польскаго королевства. Эти ордена должны считаться уничтоженными и послѣ смерти тѣхъ, которые въ настоящее время ихъ носятъ, исчезнетъ и ихъ слѣдъ».

Въ статьѣ пятой было постановлено, какъ неизмѣнное правило, что герцогство Варшавское никогда не можетъ быть увеличиваемо на счетъ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ прежней Польши. Взамѣнъ этой статьи Тюльерійскій кабинетъ предлагалъ слѣдующую:

«Постановляется правиломъ на будущее время, что ни Россія, ни герцогство Варшавское не могутъ увеличивать своихъ владѣній на счетъ областей, входившихъ въ составъ бывшаго Польскаго королевства, исключая лишь того случая, что это можетъ сдѣлаться на основаніи особеннаго соглашенія высокихъ договаривающихся сторонъ».

Въ статьѣ шестой, которая уничтожала званіе смѣшанныхъ подданныхъ и предоставляла имъ право въ извѣстное время избрать подданство одного изъ государствъ и продать ихъ имущества, находившіяся въ предѣлахъ другаго, предлагалось слѣдующее дополненіе:

«Тѣ изъ смѣшанныхъ подданныхъ, которые состоятъ въ войскахъ того или другаго государства, если захотятъ оставить ихъ, будутъ уволены въ отставку. Во всякомъ случаѣ ихъ имущества будутъ имъ воз-

Digitized by Google

вращены и они воспользуются всѣми льготами, предоставляемыми этою статьею вообще всѣмъ смѣшаннымъ подданнымъ».

Когда императоръ Александръ получилъ конвенцію, въ новомъ видѣ изложенную французскимъ правительствомъ, онъ самъ подробно разсмотрѣлъ ея содержаніе, собственноручно написалъ замѣчанія на тѣ статьи, съ которыми считалъ невозможнымъ согласиться, и составилъ новое ихъ изложеніе.

Въ отношеніи къ первой статьѣ, предложенной Франціею, онъ замѣчалъ, что единственная цѣль, вслѣдствіе которой Россія желаетъ заключенія этой конвенціи, заключается въ томъ, чтобы утвердить посредствомъ этого договора ту мысль, которая выражена въ письмахъ императора Наполеона и герцога Кадорскаго и въ рѣчи, сказанной въ законодательномъ корпусѣ. Только для того и заключается конвенція, чтобы въ ней положительно было выражено, что Польское королевство никогда не будетъ возстановлено. Ослабленіемъ смысла этой статьи уничтожается вся польза этой конвенціи. «Неужели причины, послужившія поводомъ къ ея заключенію, выраженныя въ введеніи къ ней, недостаточно благодѣтельны и важны, чтобы принять на себя формальное, положительное обязательство? Тамъ сказано, что она заключается для того, чтобы обезпечить непоколебимо миръ Европы, чтобы отнять у Англіи всѣ способы нарушать его. Конечно, подобныя причины достаточны для того, чтобы выражать опредѣленно свои мысли. Но эта статья въ томъ видѣ, какъ она предложена Россіею, едва-ли не удобнѣе, чѣмъ въ новомъ ея изложеніи. Прилично ли, что императоръ Наполеонъ, который постоянно и справедливо упрекаетъ Англію за то, что она волнуетъ материкъ Европы, поощряетъ рознь и возмущенія, не принимаетъ на себя инаго обязательства, какъ не дѣлать того же самаго въ государствѣ своего друга и союзника? Казалось бы, такое изложеніе этой статьи мало соотвѣтствуетъ достоинству, которое необходимо сохранять въ актахъ, переходящихъ въ потомство».

Чтобы отклонить обвиненіе Наполеона, что эта статья была слишкомъ рѣзко изложена, императоръ Александръ предложилъ изложить ее въ слѣдующемъ видѣ:

«Его величество, императоръ французовъ, король Италіи, чтобы доставить своему союзнику и всей Европѣ свидѣтельство его желанія отнять у враговъ мира на континентѣ всякую надежду его разрушить, обязывается точно такъ же, какъ и Его Величество, императоръ всероссійскій, что королевство Польское никогда не будетъ возстановлено».

Въ отношеніи къ новому изложенію третьей статьи конвенціи, въ которой говорилось, что высокія договаривающіяся стороны и король саксонскій впредь не будутъ жаловать знаки орденовъ бывшаго Польскаго королевства, императоръ Александръ замѣтилъ:

*

Digitized by Google

«кажется, довольно трудно постановлять, что договаривающіяся стороны отказываются давать ордена, которыхъ никогда не давали». Поэтому, взамѣнъ этой статьи предложилъ слѣдующую:

«Высокія договаривающіяся державы, а равно и саксонскій король, обязываются считать ордена бывшаго Польскаго королевства уничтоженными, послѣ размѣна ратификацій этого договора, такъ, чтобы и не оставалось и слѣдовъ ихъ по смерти тѣхъ, которые ихъ теперь имѣютъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ Польское королевство перестало существовать, какъ отдѣльное и самостоятельное государство и его области вошли въ составъ сосѣднихъ съ нимъ государствъ, само собою разумѣется, что силою обстоятельствъ прекратились и всѣ признаки самостоятельнаго существованія польской государственной власти. Съ тѣхъ поръ ни императоры русскій и австрійскій, ни король прусскій не давали знаковъ и тѣмъ менѣе могъ раздавать ихъ саксонскій король послѣ образованія герцогства Варшавскаго, къ которому перешли только права Пруссіи на эту область. Въ пятой статьѣ по изложенію Тюльерійскаго кабинета выражалось общее начало, что ни Россія, ни герцогство Варшавское не будутъ увеличивать своихъ владѣній на счетъ областей, принадлежащихъ бывшему Польскому королевству. «Не говоря уже о томъ, замѣчалъ на эту статью императоръ Александръ, что въ ней установляется оскорбительное для Россіи равенство съ Варшавскимъ герцогствомъ, которое уничтожается самою сущностью обстоятельствъ, не было ли напередъ условлено, что герцогство Варшавское будетъ считаться одною изъ областей Саксонскаго королевства? Эта статья ничего не говоритъ о томъ, можетъ ли саксонскій король, если онъ вступитъ въ войну съ своими сосѣдями, Австріею, Баваріею или Пруссіею и пр., въ случаѣ одержанныхъ имъ успѣховъ, дѣлать пріобрѣтенія изъ ихъ владѣній. Между тѣмъ какъ, по изложенію этой статьи, Россія, въ случаѣ войны съ Австріею и Пруссіею, по своему географическому положенію будетъ обязана не дѣлать никакихъ на счетъ ихъ областей пріобрѣтеній. Начала, которыми руководствуется Россія, достаточно извѣстны; она никогда не начнетъ войны; она не нуждается въ расширеніи своихъ владѣній; но если ее вызовутъ на войну, то можетъ ли она напередъ принять на себя такое обязательство, вслѣдствіе котораго уничтожается значеніе ея будущихъ успѣховъ на войнѣ и всякая война остается безъ вознагражденія? Если бы послѣдовалъ разрывъ между Россіею и Саксоніею, то эта конвенція уничтожилась бы сама собою и, конечно, возможность пріобрѣтеній открывалась бы въ одинаковой мѣрѣ какъ для той, такъ и для другой стороны. Эта статья въ томъ изложеніи, какъ она была предложена, имѣла въ виду предупредить увеличеніе Варшавскаго герцогства на счетъ прежнихъ польскихъ владѣній посредствомъ промѣна, дара или другими подобными способами, а вовсе

Digitized by Google

не для того, чтобы препятствовать саксонскому королю дѣлать пріобрѣтенія вслѣдствіе войнъ, которыя онъ можетъ предпринять. Но для того, чтобы доказать, что Россія не имѣетъ никакой затаенной честолюбивой мысли, предлагается изложить эту статью такъ:

«На будущее время устанавливается правиломъ, что владѣнія герцогства Варшавскаго не могутъ быть увеличиваемы на счетъ областей бывшаго Польскаго королевства; точно также и Россія обязывается не дѣлать пріобрѣтеній изъ этихъ областей, если никто изъ ея сосѣдей не начнетъ съ нею войны».

Прибавленіе къ шестой статьѣ, сдѣланное Тюльерійскимъ кабинетомъ, очевидно, имѣло въ виду наши указы о конфискаціи имуществъ тѣхъ изъ поляковъ, русскихъ подданныхъ, которые не только самовольно отлучались изъ Россіи, но и вступали въ службу герцогства Варшавскаго. Но эти постановленія были уже то отмѣнены, то смягчены значительно указомъ, предоставившимъ имъ шестимѣсячный срокъ, для возвращенія въ Россію. Поэтому императоръ Александръ согласился на это прибавленіе, за исключеніемъ лишь одного выраженія (во всякомъ случаѣ). Точно такъ же онъ не возражалъ и противъ новаго изложенія 8-й статьи, которая постановляла, что ратификаціи этого договора будутъ размѣнены въ Парижѣ, какъ предполагалось въ первоначальной конвенціи. Императоръ Наполеонъ въ отношеніи къ этой конвенціи былъ между прочимъ весьма недоволенъ тѣмъ, что графу Румянцеву удалось перетянуть переговоры о ней и ея заключеніе въ Петербургъ, тогда какъ онъ постоянно стремился сосредоточить всю политику Европы въ Парижѣ, чтобы удобнѣе подчинить ее своему преимущественному вліянію.

Замѣчанія императора Александра, на новое изложеніе конвенціи, послужили источникомъ для особаго наставленія нашему посланнику въ Парижѣ, которому послано было и новое исправленное изложеніе конвенціи съ полномочіемъ размѣнять ратификаціи, если только французское правительство изъявитъ согласіе на сдѣланныя измѣненія. Къ этому постановленію графъ Румянцевъ прибавилъ съ своей стороны нѣкоторыя соображенія. «Первоначальную конвенцію не утверждали, писалъ онъ, князю Куракину,—потому что она была слишкомъ положительна и не заключала въ себѣ никакой взаимности. Слишкомъ положительна! Но возможно ли это слишкомъ, когда дѣло касается спокойствія милліоновъ людей. Она не представляетъ никакой взаимности! Но не несетъ ли она за собою въ даръ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя извлекла уже Франція изъ союза съ нами и которыя можетъ извлечь изъ него впослѣдствіи. Что новаго представляетъ эта конвенція Россіи, чтобы она могла быть обязана предоставить Франціи какія-либо особыя выгоды по праву взаимности, кромѣ своей дружбы, своего союза. Вся сущность этой конвенціи заключается только въ томъ

Digitized by Google

чтобы разсѣять неблагонамѣренные слухи, что Тильзитскій договоръ уже разрушенъ и скрѣпить союзъ во всей его силѣ. По этому договору къ саксонскому королю перешли только права прусскаго короля на эти области бывшей Польши, а не польскихъ королей. Къ этому сводится весь вопросъ. Это надо говорить, объяснять, поддерживать и не вступать въ новыя обязательства». «Какъ бы императоръ Наполеонъ отнесся къ тому, если бы Россія стала возбуждать противъ него жителей новыхъ областей Франціи или Италіи? Согласна ли была съ союзомъ между ею и Франціею, если бы она напомнила имъ о сардинскомъ королѣ или иномъ, чтобы возбуждать ихъ противъ законной власти? Можетъ ли быть довольна Россія тѣмъ, что волнуютъ поляковъ, ея подданныхъ? Это ли воздаяніе за ея содѣйствіе, за ея преданность союзу? Развѣ Россія сдѣлала что-нибудь противное Франціи? Развѣ Франція имѣетъ какія-нибудь особыя права на Польшу? Россія ли или Франція во время мира, во время даже союза, возбудила вопросъ о Польшѣ? Какой взаимности можно отъ нея требовать въ договорѣ, который имѣетъ только цѣлію успокоить ее въ обстоятельства затруднительныя, въ которыя ее поставили?»

Графъ Румянцевъ былъ сильно взволнованъ, предвидя неудачу своего послѣдняго дѣла, которымъ онъ предполагалъ довершить свою политическую систему, основанную на союзѣ съ Франціею, и оправдать ее въ глазахъ Россіи. Не выходя изъ вѣрной мысли о союзѣ съ Франціею, онъ ошибался въ томъ, что существуетъ Франція, тогда какъ ея существованіе вмѣстѣ съ другими державами западной Европы было погребено подъ престоломъ Наполеона, стремившагося къ такому владычеству надъ всѣми, которое не могло быть опредѣлено никакими границами и не оставляло мѣста для самостоятельнаго существованія какому-либо другому государству. Онъ ошибался и въ характерѣ императора французовъ и, начиная разочаровываться въ это время, не скрывалъ даже своихъ мнѣній о его политикѣ.

Въ концѣ марта мѣсяца были получены послѣднія сообщенія нашего кабинета по дѣлу о конвенціи. Князь Куракинъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы дать ему ходъ; но безусловное молчаніе Тюльерійскаго кабинета уничтожало всѣ его старанія. Въ первый разъ заговорилъ о немъ императоръ Наполеонъ съ его братомъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, который пріѣхалъ въ Парижъ въ половинѣ мая въ качествѣ чрезвычайнаго посланника императора Александра для поздравленія императора Наполеона со вступленіемъ въ бракъ.

На торжественномъ пріемѣ посланниковъ всѣхъ державъ, явившихся съ этою цѣлію, онъ сказалъ ему, между прочимъ: «заключивъ миръ съ Австріею, я отдалъ Россіи часть Галиціи для того, чтобы доказать, что возстановленіе Польши вовсе не входитъ въ виды моей политики. Въ

Digitized by Google

моемъ письмѣ къ императору и въ заявленіяхъ моего министра это выражено ясно». При этомъ случаѣ онъ не упомянулъ о конвенціи, и князь Куракинъ не счелъ возможнымъ начинать о ней рѣчь. Постоянно заявляя о личной дружбѣ императора Александра къ Наполеону, объ искреннемъ его желаніи поддерживать союзъ съ Франціею, онъ указывалъ, что единственно безпокойное поведеніе поляковъ можетъ внушать опасенія и вредить добрымъ отношеніямъ между двумя имперіями. «Мнѣ, какъ министру внутреннихъ дѣлъ и въ то же время начальнику полиціи, извѣстно, что происходило въ нашихъ областяхъ, присоединенныхъ отъ прежней Польши, во время австрійской войны. Не только собирались пожертвованія въ пользу возстановленія Польши и значительныя суммы препровождали въ Варшавское герцогство, но образовалось просто переселеніе за границу поляковъ, подданныхъ моего государя, вступавшихъ большею частью въ войска этого герцогства».

Императоръ Наполеонъ отвѣчалъ ему въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ придавать этому важнаго значенія, а говоръ поляковъ о возстановленіи бывшаго королевства называлъ простою болтовнею, (pure bavardage). Затѣмъ въ концѣ іюня, когда князь Куракинъ присутствовалъ при утреннемъ пріемѣ (lever), онъ началъ съ нимъ продолжительный разговоръ и по обыкновенію, безъ связи и переходя отъ одного предмета къ другому, вдругъ его спросилъ:—знаете ли вы о конвенціи о Польшѣ?

«Его Величество, мой государь, принимая особенное участіе въ этомъ дѣлѣ, поручилъ мнѣ познакомиться съ нею предъ моимъ отъѣздомъ сюда», отвѣчалъ ему князь Куракинъ.

«Эти переговоры запнулись на первой статьѣ конвенціи, на которой такъ настаиваетъ ваше министерство, что она послужила поводомъ къ охлажденію между двумя дворами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но могу ли я принять на себя обязательство, что Польша никогда не будетъ возстановлена, и для чего требовать отъ меня невозможнаго, только божество могло бы дать такое обѣщаніе. Хотя это событіе невѣроятно, но никакая человѣческая сила не могла бы его предотвратить. Во время моего свиданія съ императоромъ въ Эрфуртѣ, новая война на материкѣ Европы вовсе не входила въ разсчеты и не казалась возможною; а между тѣмъ мнѣ пришлось выдержать очень важную. Австрія напала на меня со всѣми своими силами. Народонаселеніе Литвы могло возстать въ это время. Конечно, вы обладаете достаточными силами, чтобы его подавить; но, несмотря на то, еслибъ я принялъ такое обязательство, то я долженъ бы оказать вамъ помощь при этомъ случаѣ, а я не хочу проливать кровь французовъ ни за поляковъ, ни противъ нихъ».

«Но, государь, отвѣчалъ князь Куракинъ, эта конвенція выражала

Digitized by Google

тѣ начала, которыя заключались въ письмѣ вашего величества къ императору, моему государю, и въ письмѣ герцога Кадорскаго къ графу Румянцеву, въ которыхъ прямо заявлено, что королевство Польское не будетъ возстановлено».

«Я полагаю, что вы не совсѣмъ вѣрно припоминаете выраженія, употребленныя въ этой перепискѣ», рѣзко возразилъ ему Наполеонъ, и такимъ замѣчаніемъ смутилъ неопытнаго дипломата, тогда какъ въ этой перепискѣ находились выраженія гораздо болѣе сильныя.

«Я долженъ былъ сознаться, доносилъ канцлеру князь Куракинъ, — что моя память не совсѣмъ ясно представляетъ мнѣ эти выраженія, и потому я не могъ оспаривать его возраженія; но я замѣтилъ ему, что этотъ вопросъ въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, то направленіе, которое ему дано, производитъ гораздо болѣе вреда, нежели, еслибъ даже онъ вовсе не былъ предметомъ переговоровъ». Существенная цѣль конвенціи заключалась въ томъ, чтобы успокоить волненіе поляковъ, опредѣлить ихъ будущность и заставить отказаться отъ несбыточныхъ надеждъ и ожиданій. Между тѣмъ сначала распространились слухи о заключеніи этой конвенціи, потомъ, — что французское правительство ея не утверждаетъ; это обстоятельство только способствовало возобновленію прежнихъ надеждъ и подогрѣло увѣренность въ намѣреніи возстановить старую Польшу. «Вы болѣе нежели правы, отвѣтилъ ему неожиданно Наполеонъ, зная характеръ поляковъ, можно опасаться, что эти ихъ ожиданія поведутъ къ худымъ послѣдствіямъ. Я самъ понимаю это и готовъ сдѣлать все, чтобы успокоить императора Александра; но нельзя же требовать отъ меня невозможнаго. Какъ, вы хотите, чтобы я принялъ на себя обязательство, котораго не могу исполнить! Это противно всѣмъ правиламъ дипломатіи, чтобы включать въ договоры такія догматическія статьи; онѣ служили бы только выраженіемъ насилія сильной державы надъ слабѣйшею. Франція не въ такомъ положеніи, она никогда не признавала раздѣла Польши, я его признаю. Только слабость французскаго правительства того времени могла допустить этотъ раздѣлъ, и въ этомъ случаѣ постоянно будетъ падать на Францію упрекъ исторіи. Я готовъ все сдѣлать для императора Александра, что только зависитъ отъ меня; но это превышаетъ мою власть. Я могу, напримѣръ, принять на себя обязательство *не содѣйствовать, ни непосредственно, ни посредственно*, къ возстановленію Польскаго королевства, или, если это для васъ покажется лучше, мы можемъ взаимно *обезпечить неприкосновенность настоящихъ границъ обѣихъ имперій, исчисливъ поименно всѣ названія областей*, входящихъ въ ихъ составъ. На это я могу согласиться».

«Императору Александру очень хорошо извѣстно, что Австрія только

Digitized by Google

того и желала при заключеніи Вѣнскаго мира, чтобы уступить всю Галицію, чтобы сохранить нѣкоторыя изъ своихъ нѣмецкихъ областей, но я на это не согласился».

Выслушавъ почтительно эти заявленія императора Наполеона, нашъ чрезвычайный посолъ позволилъ себѣ спросить его: - извѣстны ли нашему кабинету тѣ измѣненія статей конвенціи, о которыхъ онъ удостоилъ сообщить ему. «Нѣтъ, отвѣчалъ императоръ Наполеонъ. Брачныя пиршества и путешествіе, которое долженъ былъ предпринять, лишили меня возможности заняться этимъ дѣломъ».

Выслушавъ заявленія императора Наполеона, князь Куракимъ сказалъ, что донесетъ о нихъ своему государю, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы онъ поручилъ герцогу Кадорскому сообщить ихъ нашему посланнику.

«Но имѣетъ ли вашъ братъ достаточныя полномочія, чтобы окончательно заключить конвенцію», спросилъ его Наполеонъ.

«Нѣтъ, государь, отвѣчалъ ему князь Куракинъ,—ему поручено лишь заботиться о размѣнѣ ратификацій, представить сдѣланныя нашимъ кабинетомъ измѣненія и подписать актъ, если ваше величество согласитесь принять эти измѣненія».

Два мѣсяца спустя, на прощальномъ свиданіи, императоръ Наполеонъ говорилъ князю Куракину, что въ отношеніи переговоровъ о конвенціи, онъ «не можетъ ни въ чемъ себя упрекать, это споръ о словахъ, который поддерживаютъ съ упрямствомъ. Коленкуръ ошибался, я желалъ исправить его ошибку, не могъ я утвердить то, что онъ подписалъ, я полагалъ, что заботятся о дѣлахъ, а не о словахъ. Эта конвенція не заключена только потому, что вашъ братъ не имѣетъ достаточныхъ полномочій для того, чтобы вести переговоры и какъ въ этомъ случаѣ объявили условія (sine qua non), то это было бы униженіемъ моего достоинства, еслибъ я подписалъ обязательство, котораго не могу исполнить. Напрасно желаютъ привлечь переговоры въ Петербургъ. Происшествія совершаются съ такою быстротою, что прежде, нежели успѣютъ договориться между собою, можно объявить войну и проиграть сраженіе. Парижъ составляетъ средоточіе, онъ болѣе приближенъ къ происшествіямъ, нежели Петербургъ. Необходимо предоставить посланнику право вести переговоры и, снабдивъ его наставленіями, уполномочить его оканчивать ихъ».

Опираясь на то обстоятельство, что нашему посланнику не предоставлено было право заключить договоры, несогласные съ предписаніями и видами нашего кабинета, князю Куракину, несмотря на вопросы съ его стороны, ни слова не говорили объ этомъ дѣлѣ. «Я не имѣю еще никакихъ предписаній императора, конвенція находится у него, таковъ былъ постоянный отвѣтъ герцога Кадорскаго нашему посланнику.

Digitized by Google

«Соглашаясь на заключеніе съ нами этой конвенціи, писалъ онъ канцлеру, Тюльерійскій кабинетъ, кажется, хотѣлъ лишь поманить насъ, въ сущности вовсе не думаетъ ее заключить». Когда нашъ посланникъ заводилъ о ней рѣчь, то герцогъ Кадорскій, пользуясь этимъ случаемъ, жаловался обыкновенно на графа Румянцева, подозрѣвавшаго въ неискренности политику Франціи и прямо заявлявшаго, что она поддерживаетъ мысль о возстановленіи Польши. «Такъ заключите скорѣе конвенцію, отвѣчалъ нашъ посланникъ, и поводъ къ подозрѣніямъ уничтожится самъ собою». «Никакой пользы не принесетъ и конвенція, еслибы и была заключена, возражалъ герцогъ Кадорскій, она не прекратитъ жалобъ и обвиненій. Это клочекъ бумаги, который стоитъ лишь захотѣть, всегда можно разорвать». Таковъ дѣйствительно былъ взглядъ императора Наполеона на всякій заключаемый имъ договоръ. Поставленный въ крайне затруднительное положеніе, нашъ посланникъ рѣшился наконецъ заявить графу Румянцеву, что «кажется, достоинство Россіи требуетъ не настаивать болѣе на заключеніи этой конвенціи» и получилъ въ отвѣтъ повелѣніе императора Александра не говорить болѣе о ней съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и тѣмъ болѣе съ самимъ императоромъ Наполеономъ.

Такъ окончились эти переговоры, и вопросъ польскій изъ области внѣшней политики перешелъ въ область внутренней обѣихъ имперій. Но всматриваясь въ ихъ постепенный ходъ, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя особенности, которыя, повидимому, не условливались ихъ сущностью, а проистекали изъ иныхъ источниковъ. Съ одной стороны, чѣмъ можетъ быть объясненъ рѣзкій поворотъ въ политикѣ Тюльерійскаго кабинета? Послѣ заключенія Вѣнскаго мира, повидимому, самое искреннее желаніе было успокоить петербургскій кабинетъ, что его подданные не будутъ возмущены мыслію о возстановленіи Польши. Императоръ Наполеонъ рѣшительно заявляетъ, что эта мысль не входитъ въ его виды, изъявляетъ согласіе заключить особую конвенцію по этому поводу и, вопреки постоянному стремленію сосредоточивать всѣ важные переговоры въ Парижѣ, даетъ своему посланнику полномочіе заключить ее въ Петербургѣ, и его министръ сообщаетъ Коленкуру подробныя для нея условія. Но лишь только пришла въ Пирижъ заключенная именно на этихъ условіяхъ конвенція, какъ начались придирки къ словамъ и выраженіямъ и затѣмъ совершенное молчаніе объ этой конвенціи, какъ въ отношеніи къ нашему посланнику, такъ и нашему кабинету.

Съ другой стороны, зная взглядъ императора Александра вообще на польскій вопросъ, чѣмъ объяснить, что онъ такъ упорно отстаивалъ выраженіе конвенціи, что Польша никогда не будетъ воз-

Digitized by Google

становлена? Когда князь Куракинъ узналъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыхъ требовалъ Наполеонъ въ конвенціи, заключенной въ Петербургѣ, онъ писалъ графу Румянцеву, что находитъ ихъ вообще весьма незначительными. «Важнѣйшая изъ нихъ относится къ статьѣ, въ которой говорится, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Но, разсмотрѣвъ внимательнѣе дѣло, мнѣ кажется, что и это измѣненіе не можетъ имѣть важнаго значенія. Не все ли равно для насъ, обѣщаетъ ли Франція, что Польша никогда не будетъ возстановлена, или приметъ на себя торжественное обязательство, какъ она и предлагаетъ, что никогда не будетъ этому содѣйствовать ни посредственно, ни непосредственно. Если какая-нибудь въ мірѣ держава и можетъ исполнить это предпріятіе, то, конечно, Франція. Давая же обѣщаніе не принимать въ немъ участія, она совершенно обезпечиваетъ нашу безопасность и разрушаетъ всѣ надежды поляковъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока она будетъ соблюдать этотъ договоръ. Я позволяю себѣ предполагать, что для насъ гораздо выгоднѣе сдѣлать уступку Франціи, въ отношеніи къ нѣсколькимъ выраженіямъ, которыя не представляютъ особаго значенія, въ виду достиженія предположенной нами цѣли, нежели самимъ, такъ сказать, изъ пристрастія къ нѣкоторымъ выраженіямъ, дать право Франціи отказать намъ въ утвержденіи такого важнаго договора. И не только дать это право, но потомъ поводъ возложить всю вину на наше упрямство, тогда какъ на дѣлѣ это будетъ зависѣть отъ недобросовѣстности и тайныхъ ея видовъ, которые слѣдуетъ предотвратить».

Едва-ли тонкій политикъ, какъ императоръ Александръ, могъ не согласиться со взглядомъ, выраженнымъ въ этой депешѣ его посланникомъ, если онъ былъ увѣренъ, что каждая уступка съ его стороны послужитъ поводомъ къ новымъ притязаніямъ со стороны его друга и союзника, однимъ словомъ, пока онъ не потерялъ всякое къ нему довѣріе.

Но что же было причиною такихъ внезапныхъ перемѣнъ въ политикѣ двухъ имперій, выразившихся именно по случаю переговоровъ о польской конвенціи?

Большая часть историковъ Наполеона, восхвалявшихъ или порицавшихъ его дѣйствія, одинаково ставятъ въ зависимость переговоры о заключеніи этой конвенціи съ другими, которые дѣйствительно производились въ одно и то же время, а именно съ переговорами о сватовствѣ императора Наполеона на русской великой княжнѣ.

Давно уже ходили въ Европѣ слухи о намѣреніи императора Наполеона развестись съ своей супругою Жозефиною, отъ которой онъ не имѣлъ дѣтей, и вступить въ новый бракъ съ цѣлью имѣть прямыхъ наслѣдниковъ своей имперіи. По мѣрѣ того, какъ увеличива-

Digitized by Google

лось его могущество, усиливались и эти слухи, такъ что въ 1807 г. одинъ изъ приближенныхъ ему людей, министръ полиціи Фушэ, не думая, конечно, прогнѣвить своего властелина, открыто говорилъ объ этомъ и даже счелъ позволительнымъ подготовлять къ возможности этого событія самую императрицу Жозефину. Въ то же время въ Петербургѣ носились слухи, что подготовляется уже бракосочетаніе Наполеона съ великою княжною Екатериною Павловною. Есть указанія, что и Коленкуръ не чужъ былъ участія въ этомъ дѣлѣ. Говорили, что сенатъ сдѣлаетъ предложеніе императору Наполеону развестись съ своею супругою и заключить новый бракъ, чтобы даровать Франціи наслѣдника его престола Многіе, увлекавшіеся геніемъ Наполеона, подъ вліяніемъ только-что заключеннаго въ Тильзитѣ союза одобряли это предположеніе; но большинство петербургскаго общества относилось къ нему съ ужасомъ и негодованіемъ. Разсказывали даже, что этотъ вопросъ былъ предметомъ семейныхъ совѣщаній лицъ царствующаго дома, но не знали, конечно, съ тою ли цѣлью, чтобы отклонить это предложеніе или дать ему ходъ. Но вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Наполеонъ былъ крайне раздраженъ на Фушэ, сдѣлалъ ему грозное внушеніе и поручилъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы опровергнуть эти слухи, которые дѣйствительно замолкли потомъ, до тѣхъ поръ, пока въ началѣ 1810 года не былъ объявленъ торжественно разводъ императора французовъ съ его супругою.

Въ этотъ промежутокъ времени устроилось дѣло о бракѣ великой княжны Екатерины Павловны съ герцогомъ Ольденбургскимъ, но не было однакоже объявлено, когда совершилось свиданіе императоровъ въ Эрфуртѣ.

Проводя почти все время вмѣстѣ, оба императора послѣ празднествъ и представленій, послѣ трудовъ по вопросамъ политическимъ, въ минуты отдохновенія, бесѣдовали между собою о различныхъ занимавшихъ ихъ предметахъ. Въ этихъ бесѣдахъ, императоръ Наполеонъ заявлялъ о необходимости оставить послѣ себя прямаго наслѣдника престола, что́ единственно могло бы упрочить созданное имъ зданіе Французской имперіи, и такимъ образомъ вызывалъ, чтобы самъ императоръ Александръ сдѣлалъ ему предложеніе, какъ бы устранить это затрудненіе. Но всѣ его попытки были напрасны. Императоръ Александръ, конечно, не догадывался, чего желаетъ его другъ и союзникъ. Укрѣплять политическое зданіе, созданное Наполеономъ, которое только и могъ поддерживать его кровавый деспотизмъ, конечно, вовсе не входило въ виды русскаго императора, и предлагать новый бракъ Наполеону, когда онъ такъ рѣзко отнесся къ подобной попыткѣ со стороны его приближеннаго министра, было бы унизительнымъ для его до-

Digitized by Google

стоинства. Поставленный въ затруднительное положеніе, не желая самъ прямо явиться какъ бы просителемъ передъ русскимъ императоромъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Талейрана. Но и въ этомъ случаѣ онъ хотѣлъ показать, что не проситъ, конечно, даже не приказываетъ Талейрану устроить это дѣло; но напоминаетъ ему обязанность, которую онъ долженъ исполнить въ отношеніи къ нему, т. е. оказывая милостивое пособіе его слабоумію и недогадливости.

«Знаете ли вы говорилъ, призвавъ къ себѣ Тайлерана, онъ, что Жозефина обвиняетъ васъ въ томъ, что вы заботитесь о разводѣ, и потому она возненавидѣла васъ отъ всей души?» Удивленный такимъ заявленіемъ, Талейранъ началъ было оправдываться... Но его прервалъ Наполеонъ, объявивъ, что оправданій не нужно, но что дѣйствительно надо объ этомъ позаботиться.

Опомнившись отъ неожиданности и выслушавъ длинную рѣчь Наполеона о необходимости развода и новаго брака, — рѣчь, какихъ онъ много слыхалъ, и оцѣнивъ ее по достоинству, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и началъ разсказывать ему о тѣхъ отзывахъ о немъ императора Александра, которые онъ самъ слышалъ въ разныхъ собраніяхъ общества и особенно у княгини Турнъ-Таксисъ, которой вечера постоянно посѣщалъ русскій императоръ.

Сладость рѣчей Талейрана подѣйствовала на Наполеона. «Если любитъ меня императоръ Александръ, то пусть онъ мнѣ представитъ доказательство своей любви, пусть онъ скрѣпитъ еще болѣе союзъ со мною, отдастъ за меня свою сестру. Почему же онъ при нашихъ ежедневныхъ самыхъ откровенныхъ разговорахъ не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова? Почему онъ избѣгаетъ разговора объ этомъ со мною»?

Талейранъ понялъ, что долженъ принять на себя трудную обязанность вступить въ переговоры объ этомъ щекотливомъ вопросѣ съ русскимъ императоромъ; но, конечно, понялъ также, что поведетъ ихъ такъ, чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность въ неудачѣ, приведя ихъ къ тому, чтобы въ личномъ, семейномъ вопросѣ послѣднее слово принадлежало самимъ императорамъ.

Въ виду этой цѣли, онъ смѣло вступилъ въ переговоры съ русскимъ императоромъ и узналъ отъ него, что о великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ не можетъ быть и рѣчи, она не свободна, ея судьба рѣшена и скоро послѣдуетъ ея бракосочетаніе съ герцогомъ Ольденбургскимъ, что великая княжна Анна Павловна едва достигла 15-ти-лѣтняго возраста и, наконецъ, несмотря свою самодержавную власть, какъ русскій императоръ, въ вопросахъ семейныхъ послѣднее, рѣшающее слово принадлежитъ не ему, а вдовствующей императрицѣ, его матери, передъ которой онъ преклоняется, какъ почтительный сынъ. Такова была сущность отвѣта императора Александра; но, безъ сомнѣ-

Digitized by Google

нія, этому отвѣту онъ долженъ былъ придать такой видъ, чтобы онъ не казался рѣшительнымъ отказомъ, чѣмъ и былъ по своей сущности и не оскорбилъ бы его союзника и друга. Безъ сомнѣнія, съ тѣми же увѣреніями въ дружбѣ, въ желаніи не только поддержать союзъ между двумя имперіями, но и подкрѣпить его семейными узами между царствующими домами, выразилъ императоръ Александръ, уступая просьбамъ Талейрана, тотъ же самый отвѣтъ самому императору Наполеону. Доказательствомъ можетъ служить то, что впослѣдствіи онъ такъ же указывалъ на молодость великой княжны и на то, что рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать вдовствующей императрицѣ-матери. Что же касается до великой княжны Екатерины Павловны, къ которой только и могло относиться предложеніе Наполеона, то о предстоящемъ ея бракѣ съ герцогомъ Ольденбургскимъ было объявлено вслѣдъ за тѣмъ, какъ послѣ Эрфуртскаго свиданія императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ. Графъ Румянцевъ, пріѣхавшій изъ Эрфурта прямо въ Парижъ, не скрывалъ этого событія и говорилъ о немъ Саварн (герцогу Ровиго), исправлявшему нѣсколько времени должность французскаго посланника при нашемъ дворѣ послѣ Тильзитскаго мира, до назначенія Коленкура поэтому знавшаго великую княжну Екатерину Павловну и восхищавшагося ея красотою, умомъ, образованіемъ и любезностью.

Мысль о сватовствѣ за великую княжну Анну Павловну никому не приходила въ голову даже годъ спустя, когда вдругъ разнеслось извѣстіе о совершившемся разводѣ императора Наполеона. Конечно, во всѣхъ обществахъ европейскихъ столицъ, при всѣхъ дворахъ только и говорили объ этомъ происшествіи и о возможныхъ невѣстахъ, на которыхъ могъ пасть выборъ Наполеона. Перечисляя ихъ, менѣе всего останавливались на нашей великой княжнѣ, и весьма естественно, потому, что ей не совершилось 16 лѣтъ, и всѣ другія принцессы были ея старше. Въ Петербургѣ общественное мнѣніе указывало упорно на Саксонскую принцессу, несмотря на то, что Коленкуръ прямо отрицалъ справедливость этого предположенія, увѣряя, что выборъ еще не сдѣланъ и можетъ быть падетъ даже не на принцессу крови.

Скрывалъ ли Коленкуръ намѣренія своего повелителя, какъ и долженъ былъ скрывать, потому что ему поручалось вести переговоры съ соблюденіемъ величайшей тайны или онъ говорилъ эти рѣчи до полученія приказаній, которыхъ, конечно, не ожидалъ получить. Между тѣмъ, въ первыхъ числахъ декабря этого года, онъ получилъ слѣдующую шифрованную депешу отъ своего правительства съ строгимъ приказаніемъ ему самому лично ее дешифрировать.

«Слухи о разводѣ дошли до императора Александра въ Эрфуртѣ, онъ говорилъ о нихъ императору и сказалъ, что великая княж-

Digitized by Google

на Анна, его сестра, находится въ его распоряженіи. Его величеству угодно, чтобы вы прямо и откровенно обратились съ этимъ вопросомъ къ Александру и сказали ему:

«Государь, я имѣю основаніе предполагать, что императоръ, побуждаемый всею Франціею, намѣренъ развестись съ своею супругою. Могу ли я сообщить, что онъ можетъ разсчитывать на вашу сестру? Подумайте, Ваше Величество, объ этомъ два дня и дайте мнѣ откровенный отвѣтъ не какъ французскому посланнику, но какъ человѣку, страстно преданному обоимъ домамъ. Я не дѣлаю форменнаго предложенія, но умоляю васъ откровенно выразить ваше мнѣніе. Я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, государь, съ этимъ заявленіемъ, потому что всегда выражалъ откровенно свои мысли Вашему Величеству, не опасаясь не угодить вамъ».

«Вы ни подъ какимъ предлогомъ не сообщите объ этомъ графу Румянцеву и послѣ перваго вашего разговора съ императоромъ Александромъ и потомъ втораго, черезъ два дня, вы предадите это дѣло совершенному забвенію. Послѣ того вы должны только сообщить мнѣ о качествахъ молодой принцессы и особенно о томъ, скоро ли она достигнетъ того положенія, что можетъ сдѣлаться матерью, потому что разница въ 6 мѣсячномъ срокѣ, въ этомъ случаѣ, составляетъ уже важное обстоятельство. Я не считаю нужнымъ говорить, что все это дѣло должно быть покрыто непроницаемою тайною; вы сами понимаете въ этомъ случаѣ свои обязанности передъ императоромъ».

Какъ ни страненъ и неприличенъ въ этомъ случаѣ двухъ дневный срокъ и какъ онъ былъ ни исполнимъ самъ по себѣ, но онъ не могъ быть исполненъ и потому, что Коленкуръ получилъ эту депешу въ то самое время, какъ императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Тверь, ко дню именинъ своей сестры, Екатерины Павловны (24-го ноября) и оттуда въ Москву, гдѣ провелъ день своего рожденія (12-го декабря). На другой день выѣхалъ изъ Москвы, и 16-го декабря онъ былъ уже въ Петербургѣ, и отъ этого числа (28-го нов. стиля) Коленкуръ увѣдомилъ императора Наполеона о первомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ, по предмету возложенныхъ на него тайныхъ переговоровъ. Но возможно ли предполагать, что, не имѣя возможности, въ продолженіе двухъ недѣль, по случаю отсутствія императора изъ Петербурга, исполнить такое важное порученіе, онъ оставилъ въ неизвѣстности свой кабинетъ объ этомъ обстоятельствѣ? Конечно, нѣтъ. Императоръ Наполеонъ очень хорошо зналъ объ этомъ обстоятельствѣ уже въ концѣ декабря 1809 г. и, несмотря на то, въ это именно время онъ не только узналъ о заявленіяхъ Вѣнскаго посольства, что Австрія желаетъ предоставить въ его распоряженіе одну изъ своихъ эрцгерцогинь, но поручилъ вести объ этомъ переговоры,

Digitized by Google

конечно, тайно; но такъ, чтобы, не обязывая его самого, обязать уже австрійскій кабинетъ.

Между тѣмъ, первыя извѣстія, сообщенныя Коленкуромъ, вовсе не показывали, что предложеніе Наполеона потерпитъ неудачу.

Можетъ быть, еслибы этотъ бракъ совершился, то историческій ходъ послѣдующихъ событій принялъ совершенно другое направленіе, и главный ихъ руководитель не окончилъ бы послѣднихъ дней въ заточеніи на пустынномъ островѣ, гдѣ угасъ великій геній. Но историческія судьбы народовъ въ рукахъ Провидѣнія, передъ которымъ всѣ помыслы и усилія человѣческія—такъ ничтожны, какъ высказалъ нѣкогда Гизо.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

Въ то время, когда А. Н. Поповъ написалъ главу „Вопросъ Польскій“, своей исторіи 1812 года, онъ не располагалъ всѣми матеріалами, которые могли бы разъяснить дипломатическіе переговоры, сопровождавшіе разводъ императора Наполеона съ Жозефиною.

Поэтому эта часть труда нашего почтеннаго историка нуждается въ совершенной переработкѣ и въ другомъ освѣщеніи. Съ тѣхъ поръ богатства французскихъ архивовъ сдѣлались наконецъ доступными для историческихъ изслѣдователей, и весь ходъ этого дѣла выясненъ теперь окончательно во всѣхъ подробностяхъ

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года С. С. Татищевъ впервые напечаталъ въ полномъ объемѣ дипломатическую переписку Коленкура о предполагавшемся бракѣ Наполеона съ великою княжною Анною Павловною. Неуспѣхъ этого сватовства былъ главною причиною отказа Наполеона ратификовать конвенцію о Польшѣ, а слѣдовательно и крушенія Тильзитскаго соглашенія, сопровождавшагося войною 1812 года.

Перечислимъ затѣмъ сочиненія, появившіяся на французскомъ языкѣ, относительно этого важнаго эпизода исторіи русской политики въ 19-мъ столѣтіи:

1) Welschinger: „Le divorce de Napoléon“. Paris. 1889.

2) „Mémoires de Talleyrand“. Paris. Первая часть, глава о Эрфуртскомъ свиданіи.

3) „Tatistscheff: Alexandre I-er et Napoléon, d'après leur correspondance inédite“. Paris. 1891.

4) Vandal: „Napoléon et Alexandre I-er“. Paris, 1891 –1893 T. 1-er et 2-d.

Ред.

Digitized by Google

ВАДИМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПАССЕКЪ

и

его письма къ И. И. Срезневскому.

(1837 — 1839).

Въ октябрѣ 1892 года минуло пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Вадима Васильевича Пассека, одного изъ наиболѣе образованныхъ русскихъ писателей 1830—1840-хъ годовъ. Наша печать, не вспомнивъ этой годовщины, едва-ли была права: хотя Пассекъ и не принадлежалъ къ числу выдающихся изъ ряда дѣятелей того времени, хотя онъ не создалъ чего-нибудь капитальнаго, не образовалъ какого-нибудь новаго направленія въ наукѣ и литературѣ,— тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить дѣятельности этого человѣка, нельзя не вспомнить его благодарнымъ словомъ.

Вадимъ Васильевичъ Пассекъ родился 20 іюня 1808 года въ Тобольскѣ, гдѣ жила въ ссылкѣ его семья. Его отецъ, Василій Васильевичъ, по словамъ Татьяны Петровны Пассекъ, жены Вадима Васильевича, былъ сосланъ въ Сибирь за то, что написалъ своему помѣшанному двоюродному брату, князю Дмитрію Константиновичу Кантемиру, полушуточное письмо отъ имени П. Волконскаго. Кантемиръ, убѣжденный въ томъ, что ему, какъ потомку Палеологовъ и дунайскихъ господарей, принадлежитъ право на корону Молдавіи и Валахіи, извѣщался этимъ письмомъ о возможности получить отъ государя эти княжества, если только онъ сумѣетъ убѣдить послѣдняго въ своемъ добродушіи и будетъ просить объ узаконеніи своихъ дѣтей (дѣти Кантемира были при-

Digitized by Google

знаны незаконными вслѣдствіе совершенія брака въ концѣ сырной недѣли). Письмо съ подписью Волконскаго, написанное, впрочемъ, безъ намѣренія поддѣлаться подъ чужую руку, попалось сенатору Обрѣскову, свояку Петра Богдановича Пассека—дяди Василія Васильевича Пассека. П. Б. Пассекъ имѣлъ съ Васильемъ Васильевичемъ жестокіе споры изъ-за наслѣдства, оставшагося отъ отца послѣдняго, Василія Богдановича, и издавна «искалъ случая погубить племянника». Письмо явилось удобнымъ средствомъ для цѣли Петра Богдановича. Хотя сенатъ и высказалъ въ докладѣ, что письмо, видимо, написано шутливо, явно для помѣшаннаго, несмотря на это, въ поступкѣ Пассека усмотрѣно дѣяніе противузаконное, влекущее за собою ссылку въ Сибирь съ лишеніемъ дворянства и знаковъ отличія [1]).

Ссылка Василія Васильевича Пассека въ Сибири продолжалась болѣе двадцати лѣтъ. Только въ 1826 году Пассекъ былъ прощенъ и возвратился въ Россію: такимъ образомъ Вадимъ Васильевичъ прожилъ въ Сибири почти полжизни (онъ умеръ на 34-мъ году). Жизнь въ Сибири для его семьи была сплошнымъ рядомъ тяжелыхъ испытаній вслѣдствіе несправедливыхъ притѣсненій со стороны тобольскаго губернатора фонъ-Бринна. Вадима Васильевича въ первые годы его жизни эти несчастья, впрочемъ, почти не коснулись. Такъ случилось, благодаря искреннему участію къ Пассекамъ инспектора врачебной управы И. Х. Керна. Когда поздней осенью фонъ-Бринъ выслалъ Василія Пассека изъ Тобольска въ захолустное, глухое селеніе Абалатъ, куда мудрено было везти только въ іюнѣ того же года родившагося Вадима, И. Х. Кернъ предложилъ свои услуги и взялъ къ себѣ въ домъ маленькаго Пассека. Вадимъ Васильевичъ съ этихъ поръ такъ и остался у Керна до десятилѣтняго возраста, т. е. до самой смерти своего воспитателя. Слѣдующіе годы онъ жилъ уже въ родной семьѣ, и здѣсь пришлось ему испытать много такого, отъ чего онъ былъ далекъ ранѣе. Жизнь эта навсегда положила рѣзкій отпечатокъ на его характеръ: слѣдъ невзгодъ, перенесенныхъ въ Сибири, проявлялся послѣ въ томъ, что Пассекъ постоянно стремился прочь отъ окружающаго, отъ настоящаго и

[1]) „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. I, стр. 373.

Digitized by Google

искалъ счастья и успокоенія въ прошломъ, которое рисовалось лучезарными красками въ его воображеніи.

Въ 1824—1825 годахъ Пассекамъ дозволено было вернуться въ Россію. Семья ихъ поселилась въ Москвѣ, гдѣ жила до ссылки. Вадимъ Васильевичъ поступилъ въ университетъ (вѣроятно въ 1828 г.) и кончилъ курсъ кандидатомъ юридическаго факультета. Въ университетѣ онъ сблизился съ Герценомъ, хотя послѣдній былъ моложе его курсомъ и шелъ по физико-математическому факультету [1]). Пассекъ сошелся съ Герценомъ очень близко и искренне; «жизнь эта», говоритъ Пассекъ (?), «оставила у насъ память одного продолжительнаго пира дружбы, пира идей, пира науки и мечтаній, непрерывнаго, торжественнаго, иногда бурнаго, иногда мрачнаго, разгульнаго, но никогда порочнаго» [2]). Вадимъ внесъ много новаго въ кружокъ Герцена. «Мы всѣ», пишетъ послѣдній, «съ небольшими варіаціями, имѣли сходное развитіе, т. е. ничего не знали кромѣ Москвы и деревни, учились по тѣмъ же книгамъ и брали уроки у тѣхъ же учителей, воспитывались дома или въ университетскомъ пансіонѣ. Вадимъ родился въ Сибири, во время ссылки своего отца, въ нуждѣ и лишеніяхъ; его училъ самъ отецъ; онъ выросъ въ многочисленной семьѣ братьевъ и сестеръ, въ гнетущей бѣдности, но на полной волѣ. Сибирь кладетъ свой отпечатокъ, вовсе не похожій на нашъ провинціальный; онъ далеко не такъ пошлъ и мелокъ, онъ обличаетъ больше здоровья и лучшій закалъ. Вадимъ былъ дичекъ въ сравненіи съ нами. Его удаль была другая, не наша, богатырская, иногда заносчивая; аристократизмъ несчастія развилъ въ немъ особое самолюбіе; но онъ много умѣлъ любить и другихъ и отдавался имъ, не скупясь... Вадимъ, по наслѣдству, ненавидѣлъ отъ всей души самовластье и крѣпко прижалъ насъ къ своей груди, какъ только встрѣтился. Мы сблизились очень скоро. Впрочемъ, въ то время, ни церемоній, ни благоразумной осторожности, ничего подобнаго не было въ нашемъ

---

[1]) По терминологіи того времени—второе отдѣленіе философскаго факультета.

[2]) См. у Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. I, стр. 317: „Саша (т. е. Герценъ)... вмѣстѣ съ Вадимомъ Пассекомъ вспоминалъ о временахъ ихъ университетской жизни. Жизнь эта и т. д., говоритъ одинъ изъ нихъ“...

*

Digitized by Google

кругѣ... Встрѣча съ Вадимомъ ввела новый элементъ въ нашу запорожскую сѣчь... Вадимъ часто оставлялъ наши бесѣды и уходилъ домой: ему было скучно, когда онъ не видалъ долго сестеръ и матери. Намъ, жившимъ всей душою въ товариществѣ, было странно, какъ онъ могъ предпочитать свою семью — нашей. Онъ познакомилъ насъ съ нею... Она вчера пришла изъ Сибири, она была разорена, замучена и вмѣстѣ съ тѣмъ полна того величія, которое кладетъ несчастіе не на каждаго страдальца, а на чело тѣхъ, которые умѣли вынести... Живо помню я старушку-мать въ ея темномъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ; худое блѣдное лицо ея было покрыто морщинами; она казалась съ виду гораздо старше, чѣмъ была; одни глаза нѣсколько отстали: въ нихъ было видно столько кротости, любви, заботы и столько прошлыхъ слезъ. Она была влюблена въ своихъ дѣтей, она была ими богата, знатна, молода» [1]).

Пассекъ окончилъ университетскій курсъ, вѣроятно весною 1831-го года, того года, когда Москва перенесла страшную холеру. Въ этотъ тяжелый годъ Пассекъ началъ свою службу тѣмъ, что отдалъ себя въ распоряженіе холернаго комитета, которому была поручена борьба съ эпидеміей. Во время всеобщей паники въ Москвѣ онъ работалъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Не довольствуясь обязанностью, взятою на себя, по завѣдыванію канцеляріей и хозяйственною частью больницы, онъ ухаживалъ за больными наравнѣ съ медиками и даже дѣлалъ на себѣ опыты прилипчивости холеры [2]). На слѣдующій годъ онъ женился на родственницѣ своего друга Герцена, Татьянѣ Петровнѣ Кучиной. Средства новобрачныхъ были невелики, и въ будущемъ мало что обѣщало. Трудныя семейныя обстоятельства были одной изъ причинъ того, что вскорѣ послѣ свадьбы Пассекъ рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ готовиться къ магистерскому экзамену. Въ 1834 году онъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый литературный трудъ «Путевыя записки Вадима*». Эта книга очень мало касается какого-нибудь путешествія, и Сенковскій имѣлъ полное право сказать, что «авторъ, вѣроятно, путешествовалъ въ воображеніи, сидя по-

[1]) „Былое и думы", т. I, 175—181.
[2]) „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. I, стр. 357.

Digitized by Google

койно на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и болѣе по протекшимъ вѣкамъ»[1]). Но для насъ она имѣетъ то значеніе, что даетъ полную характеристику Пассека начала 1830-хъ годовъ и раскрываетъ его воззрѣнія какъ на самые способы изученія народа, примѣнявшіеся имъ, такъ и на идеалы подобнаго изученія въ то время.

Ученая дѣятельность Пассека, какъ я сказалъ, началась подготовленіемъ къ магистерскому экзамену и работой надъ диссертаціей по русской исторіи, которую онъ собирался защищать въ Москвѣ. Занятія Пассека были прерваны весною 1834 года, когда попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ А. Н. Панинъ, пригласилъ его на каѳедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Мечта Пассека объ университетѣ, такимъ образомъ, почти осуществилась; онъ тотчасъ по приглашеніи отправился на югъ, но путешествіе готовило ему разочарованіе: когда, по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ явился къ Панину, оказалось, что занять мѣсто профессора онъ не можетъ. Эта неудача была слѣдствіемъ происшедшаго во время путешествія Пассека ареста Герцена, Огарева и другихъ лицъ, близкихъ Пассеку: самъ Вадимъ Васильевичъ подпалъ подъ подозрѣніе, благодаря тому, что въ бумагахъ Герцена попалось письмо съ подписью «Вадимъ». Когда разъяснилось, что это былъ В. В. Пассекъ, и что этотъ Пассекъ отправился въ Харьковъ читать лекціи, къ графу Панину была послана бумага, въ которой ему предлагалось не допускать Вадима Пассека до чтенія лекцій. Университетъ, такимъ образомъ, остался въ области мечтаній на всю жизнь. В. В. Пассекъ, по недостатку средствъ къ жизни, долженъ былъ покинуть Харьковъ и переселился въ свое имѣнье—Пассековку, находящуюся верстахъ въ шестидесяти отъ Харькова.

На югѣ Россіи Пассекъ прожилъ года три, то въ своей деревнѣ, то въ Харьковѣ. Въ эти годы (вѣроятно въ 1836 г.) онъ сблизился съ И. И. Срезневскимъ, занимавшимъ мѣсто адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ по первому отдѣленію философскаго факультета по каѳедрѣ статистики и политической экономіи. Помѣщая ниже письма Пассека къ Срезневскому, я позволю себѣ болѣе подробно кос-

[1]) Ср. отзывъ Бѣлинскаго (Собраніе сочиненій 1867, т. I, стр. 335 и слѣд.).

Digitized by Google

нуться здѣсь обстоятельствъ ихъ знакомства. Это знакомство началось черезъ посредство И. М. Петрова, литератора, пользовавшагося когда-то извѣстностью въ Малороссіи, издавшаго между прочимъ довольно распространенный альманахъ «Утренняя звѣзда» (Харьковъ 1833) [1]). Сближеніе Пассека съ Срезневскимъ имѣло своимъ поводомъ, какъ видно изъ письма Петрова Срезневскому, задуманное Пассекомъ изданіе журнала повѣстей. Этотъ журналъ долженъ былъ быть энциклопедическимъ журналомъ для юношества; онъ не увидѣлъ свѣта и остался мечтою Вадима Васильевича. Въ 1880-хъ годахъ Т. П. Пассекъ подумывала издавать такой журналъ, желая какъ бы осуществить предположенія своего покойнаго мужа, но она уже была слишкомъ слаба въ эти годы [2]). Весьма вѣроятно, что журналъ въ головѣ В. В. Пассека съ теченіемъ времени превратился въ «Очерки Россіи»; можетъ быть, это произошло подъ вліяніемъ знакомства съ И. И. Срезневскимъ. Въ жизни И. И. Срезневскаго время начала знакомства съ Пассекомъ было временемъ молодыхъ увлеченій Украйной, временемъ изданія «Запорожской Старины», этнографическихъ путешествій по Малороссіи и т. д. Подобныя увлеченія были не чужды Пассеку. Его письма къ женѣ, вошедшія въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ «Путевыя записки», переполнены свидѣтельствами о такихъ увлеченіяхъ:

«Какія мечты возбуждаетъ во мнѣ Украйна», восклицаетъ онъ [3]), «какъ сильно сочувствуетъ душа моя ея бурной, измѣнчивой судьбѣ, ея безмолвнымъ курганамъ, ея неразгаданнымъ изваяніямъ, и весь я влекусь думами къ ея минувшей жизни, къ ея воинственнымъ ордамъ и раздолью природы. Мнѣ кажется, передо мной еще прежнія широкія равнины и степи отъ возвышеннаго берега Донца черезъ Днѣпръ идутъ къ берегамъ моря Каспійскаго... Ты не можешь себѣ представить, Таня, того впечатлѣнія, которое произвелъ на

[1]) Привожу письмо Петрова, какъ документъ о началѣ знакомства Пассека съ Срезневскимъ: „Милостивый государь Измаилъ Ивановичъ! Не имѣете ли вы время быть сегодня у меня въ 4 часа. Если будете, то я сообщу о семъ В. В. Пассеку, который желаетъ съ вами познакомиться, и потолкуемъ о журналѣ повѣстей. Если же нѣтъ, то завтра не можете ли въ 8—9 часу утра Прошу васъ объ отвѣтѣ, если можно, съ симъ посланнымъ. Почитающій и преданный вамъ слуга И. Петровъ".

[2]) „Русская Старина". 1890, № 2, стр. 452.

[3]) „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. II, стр. 193—194.

Digitized by Google

меня дивный видъ съ горы Нижняго Салтова; подъ горой Донецъ, равнины и степи, съ разбросанными деревнями, тонутъ въ вишневыхъ садахъ, а мнѣ, полному думъ прошедшаго, казалось, я стою на высокомъ утесѣ: равнины — море, деревни — суда! на морѣ штиль, ничто не трогается... Да, украинскія степи казались мнѣ затихнувшимъ моремъ!»

Малороссія и народъ, ее населявшій, въ глазахъ Пассека являлись наиболѣе дѣятельнымъ элементомъ при созданіи Россіи:

«Страна», пишетъ онъ [1]), «гдѣ возникли первые элементы нашего отечества, откуда разлить въ немъ свѣтъ христіанства, гдѣ возникъ и развился нашъ удѣлизмъ, эта страна Малороссія! Кто первый изъ насъ вошелъ въ связи съ европейскими державами? Кто остановилъ гибельный потокъ первыхъ татарскихъ ордъ, принудилъ ихъ снова удалиться въ свои степи и такъ сильно, такъ пламенно и роскошно воспѣлъ битвы съ кочевыми половцами? малороссіяне! Какой народъ безъ твердыхъ и постоянныхъ предѣловъ, которые могли бы его защитить отъ воинственныхъ сосѣдовъ, безъ неприступныхъ горъ, которыя могли бы спасти его независимость, умѣлъ быть страшнымъ для своихъ враговъ, успѣлъ развить свою національность и сохранить ее въ тяжелые пять вѣковъ насилія татарскаго, литовскаго и польскаго? Какой народъ въ пять вѣковъ неволи, когда пепелили его города, предавали мученьямъ за преданность религіи, умѣлъ ее сохранить, и въ это же время не разъ былъ грозою своимъ притѣснителямъ, и среди сихъ пытокъ созидалъ училища для образованія юношества? Этотъ народъ былъ малороссіяне! Доселѣ наше отечество гордится принятіемъ религіи греческой, и она, говорю я, впервые принята Малороссіею. Доселѣ гордимся мы побѣдными походами Святослава: и въ нихъ были толпы малороссіянъ. Доселѣ одно воспоминаніе о пѣсняхъ бояновъ навѣваетъ мечтою и переноситъ въ минувшее — и бояны были поэты Малороссіи... Для насъ безсмертно Слово о походѣ Игоря: и оно есть произведеніе малороссійское; воспѣтыя въ немъ дѣла совершены малороссіянами. Они бились съ половцами и печенѣгами; они пробудили жизнь на сѣверѣ Россіи и перенесли сюда всѣ зачатки госу-

[1]) Путевыя записки Вадима *, стр. 113 и слѣд.

Digitized by Google

дарства, перенесли удѣлизмъ, и самыя названія своихъ южныхъ рѣкъ и городовъ: Владиміра, Переяславля, Перемышля, Звенигорода, Лыбеди, Трубежа и проч., даже самый вѣсъ и монета перешли сюда не изъ сосѣдственнаго самобытнаго Новагорода, но изъ Кіева!»

Сходство воззрѣній В. В. Пассека и И. И. Срезневскаго еще болѣе высказывается въ словахъ перваго о малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ:

«Пѣсни», говоритъ онъ, «удивительно разнообразны и дышатъ простосердечіемъ. Во многихъ сохранились воспоминанія историческія. Многія думы еще не забыты и исполнены мыслью и чувствомъ. Это отличительный признакъ характера Малороссіи. Здѣсь не было лица, ознаменовавшаго чѣмъ-нибудь свою жизнь, которое бы не почтили думой или пѣснію. Думы и пѣсни составляютъ собою поэтическія лѣтописи. И могло ли быть иначе, когда цѣлые ряды гетмановъ и полковниковъ были грозою страшной для нихъ Польши, или вихремъ мечей вносились въ Крымъ, или запечатлѣли свое имя губительными мятежами! И въ каждомъ изъ сихъ событій участвовалъ послѣдній казакъ, послѣдній крестьянинъ! Вотъ отчего доселѣ не забыты имена: Палія, Дорошенки, Свирговскаго, Серпяги, Хмѣльницкаго и др., вотъ отчего доселѣ простыя пѣсни и сказки о герояхъ доставляютъ пищу для разгульныхъ бандуристовъ и бѣдныхъ стариковъ» [1]).

Эти мысли В. В. Пассека не могутъ не напомнить словъ И. И. Срезневскаго, сказанныхъ имъ въ введеніи къ «Запорожской Старинѣ»:

«Лѣтописи украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самые даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой... Эта бѣдность исторіи запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ,—и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ. Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои, подобно скальдамъ Скандинавіи, сопровождали

[1]) „Путевыя записки“ 137—138.

Digitized by Google

храбрыхъ вольниковъ запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно скальдамъ, возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно скальдамъ, сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ... И доселѣ на Украйнѣ есть какъ бы особенный цехъ стариковъ, кои то подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село и тѣшатъ народъ своей игрою на бандурѣ, своими печальными напѣвами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разсказами про былое. Въ памяти сихъ стариковъ живетъ старина запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей...» [1])

Въ приведенныхъ отрывкахъ изъ «Запорожской Старины» и «Путевыхъ записокъ» нельзя не отмѣтить большаго сходства. Это сходство, отмѣченное еще Т. П. Пассекъ въ ея воспоминаніяхъ, впослѣдствіи указанное А. Н. Пыпинымъ, было нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ сходство «настроенія», какъ выразился почтенный ученый [2]): здѣсь скорѣе можно отмѣтить одинаковость воззрѣній и убѣжденій обоихъ писателей.

Пассекъ съ Срезневскимъ сошлись быстро и близко, они «стали видаться почти ежедневно, проводили цѣлые часы въ разговорѣ о предметахъ своихъ занятій, дѣлились впечатлѣніями, цѣлями и пріобрѣтенными ими свѣдѣніями» [3]), самая переписка ихъ показываетъ, какъ часты были ихъ сношенія, какъ часто они нуждались другъ въ другѣ. Знакомство ихъ продолжалось недолго. Оно заглохло въ 1839 г. съ отъѣздомъ И. И. Срезневскаго за границу, куда онъ былъ посланъ для подготовленія къ вновь учрежденной каѳедрѣ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Срезневскій вернулся въ Россію въ 1842 г. за мѣсяцъ до смерти Пассека; увидѣться имъ уже не случилось.

Конецъ 1830-хъ годовъ, годовъ знакомства съ И. И. Срезневскимъ, Пассекъ, какъ я уже сказалъ выше, провелъ въ Харьковѣ. Въ эти годы онъ началъ подбирать матеріалъ для извѣстныхъ «Очерковъ Россіи». Работа шла исподволь и незамѣтно; основнымъ занятіемъ Пассека въ то время было статистическое описаніе Харьковской гу-

[1]) „Запорожская Старина", часть I (Харьковъ. 1833), стр. 6—8.
[2]) „Исторія русской этнографіи", т. III, стр. 100.
[3]) Т. П. Пассекъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. II, стр. 268—269.

Digitized by Google

берніи, порученное ему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; этотъ трудъ былъ впослѣдствіи напечатанъ въ «Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи, издаваемыхъ съ высочайшаго соизволенія при статистическомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ» (Спб. 1839 г. [1]). Благодаря этому порученію, Пассекъ былъ причисленъ въ 1836 г. къ министерству внутреннихъ дѣлъ и считался откомандированнымъ въ Харьковскую губернію, безъ денежнаго вознагражденія. Кромѣ статистическаго описанія, въ томъ же изданіи статистическаго отдѣленія была помѣщена другая работа В. В. Пассека «Города Харьковской губерніи съ картами, планами и гербами» [2]). По полученіи въ С.-Петербургѣ работъ Пассека по статистикѣ Харьковской губерніи, ему было поручено составленіе статистическаго описанія Таврической губерніи, затѣмъ Воронежской. Работа надъ статистикой Таврической губерніи, занявшая собою 1837 и 1838 годы, дала Пассеку возможность посѣтить Крымъ и тщательно изучить южную степную полосу Россіи. Описаніе Воронежской губерніи Пассекъ, кажется, не предполагалъ составить, какъ онъ намекаетъ въ одномъ изъ печатаемыхъ ниже его писемъ къ Срезневскому. Работы по статистикѣ несомнѣнно увлекали Пассека, но онѣ были слишкомъ сухи для его характера. Неудовлетворенный этими занятіями онъ со всѣмъ своимъ пыломъ отдался археологіи и историческимъ розысканіямъ, которыя издавна его привлекали. Археологическія работы, производившіяся имъ во время его статистическихъ путешествій, очень удобно соединялись съ занятіями статистикою; поэтому онъ велъ тѣ и другія работы параллельно. Я коснусь здѣсь этой стороны дѣятельности Пассека болѣе подробно въ виду того, что она слишкомъ мало разбиралась въ нашей литературѣ.

Работы по изученію древностей были начаты Пассекомъ, вѣроятно, еще въ 1836 г. Уже въ 1837 г. появился первый ихъ результатъ; это была статья «Курганы и городища въ Харьковской губерніи», напечатанная въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ» (1837, № 9, стр. 539—550). Въ 1837 году извѣстіе о за-

---

[1]) Т. I, отд. II. стр. 125—169.
[2]) Т. I, отд. III, стр. 87—171.

Digitized by Google

нятіяхъ Пассека археологіею достигло московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ засѣданіи этого общества, происходившемъ 20 февраля 1837 года, сообщая письменные вопросы дрезденскаго ученаго Клемма относительно кургановъ и могилъ Россіи, М. П. Погодинъ, секретарь общества, объявилъ, что «бывшій кандидатъ Московскаго университета В. В. Пассекъ готовитъ объ этомъ предметѣ обширное сочиненіе, изъ котораго можно будетъ отвѣчать удовлетворительнѣе на вопросы г. Клемма»[1]). 12 іюня 1837 года планъ Пассека относительно изученія городищъ и кургановъ южной Россіи былъ представленъ М. П. Погодинымъ въ засѣданіи общества и переданъ на разсмотрѣніе комитета, учрежденнаго при обществѣ. Этотъ планъ рисовался въ мечтахъ Пассека въ обширныхъ размѣрахъ: Пассекъ хотѣлъ составить обозрѣніе кургановъ по всей Россіи «отъ Дуная до Забайкалья»[2]). «Шесть лѣтъ жизни», говорилъ онъ впослѣдствіи, «предлагалъ я для исполненія великаго труда и, зная по опыту всѣ неудобства, всѣ лишенія, какимъ могъ подвергаться въ пути и розысканіяхъ, особенно при обозрѣніи пустынь южной Сибири и даже степей приволжскихъ, я, скрѣпя сердце, какъ отецъ семейства, съ полной готовностью, съ радостью шелъ на это дѣло: мнѣ казалось, я видѣлъ, какъ вскрывается седьмая печать съ исторіи, съ этой книги судебъ: я видѣлъ въ широкомъ поприщѣ отъ Дуная до Забайкалья одинъ свитокъ, исписанный жизнью народовъ»[3]). Выполненіе такого плана было не по средствамъ общества, и комитетъ предложилъ Пассеку «на первый случай тщательно осмотрѣть и описать подробно курганы одной какой-либо губерніи или даже уѣзда или уѣздовъ, наиболѣе по мѣсту его жительства и другимъ обстоятельствамъ удобнѣйшихъ, и изобразить оные на спеціальной картѣ». «Это описаніе, бывъ издано въ свѣтъ, могло бы послужить образцомъ для прочихъ описаній, и тогда общество, чрезъ посредство своего предсѣдателя, могло бы отнестись къ ученымъ начальствамъ и просить ихъ мѣстныхъ пособій отъ учителей гимназій, уѣздныхъ училищъ и штатныхъ

---

[1]) „Русскій историческій сборникъ“ 1838—1839, т. III, стр. 399.
[2]) Ibid., 406.
[3]) Ibid., т., III, кн. 2, стр. 206.

Digitized by Google

смотрителей» [1]). Въ отвѣтъ на приведенное мнѣніе комитета Пассекъ отвѣчалъ письмомъ М. П. Погодину, въ которомъ изъявилъ согласіе подчиниться рѣшенію комитета общества древностей, и предложилъ сдѣлать описаніе кургановъ, находящихся въ уѣздахъ Изюмскомъ, Полтавскомъ и Харьковскомъ [2]).

Послѣдствіемъ этого письма было то, что общество исторіи и древностей опредѣлило послать на расходы Пассеку 500 руб. ассигнаціями, просить мѣстное начальство отъ имени общества о содѣйствіи и отнестись съ просьбой къ П. И. Кеппену, составившему не задолго передъ тѣмъ «Списокъ извѣстнѣйшимъ курганамъ Россіи» (1837), «дабы онъ по опытности своей и по знакомству своему съ тѣмъ краемъ снабдилъ своими совѣтами молодаго путешественника [3]). Черезъ годъ слишкомъ послѣ этого В. В. Пассекъ въ засѣданіи общества 20 октября 1839 года прочелъ составленное имъ описаніе кургановъ и городищъ Валковскаго, Харьковскаго и Изюмскаго уѣздовъ; тогда же онъ представилъ обществу «нѣсколько древностей, найденныхъ имъ въ Новой Россіи, три каменныя статуи, весьма хорошо сохранившіяся, нѣсколько глиняныхъ и металлическихъ вещей и проч.» [4]).

Отчетъ В. В. Пассека о его археологическомъ путешествіи, напечатанный въ «Русскомъ историческомъ сборникѣ» [5]), даетъ слѣдующія свѣдѣнія относительно веденія имъ работъ по изученію кургановъ (я позволю себѣ привести подлинныя слова Вадима Васильевича):

«Послѣ перемѣны перваго выбора [6]), я остановился на уѣздахъ Харьковскомъ, Валковскомъ и Полтавскомъ. Пространство трехъ уѣздовъ тянется на 250 верстъ въ длину и отъ 50 до 80 въ ши-

[1]) „Русскій историческій сборникъ", т. III, стр. 406.

[2]) „Отрывокъ изъ письма г. Пассека на имя секретаря общества объ описаніи кургановъ" („Русскій историческій сборникъ", т. I, кн. 3, стр. 127—128).—См. еще у Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. V, стр. 71—73.

[3]) „Русскій историческій сборникъ", т. III, стр. 409—410.

[4]) Ibid., т III, стр. 414.

[5]) Подъ заглавіемъ: „Курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ" («Русскій историческій сборникъ", т. III, кн. 2, стр. 201—229).

[6]) То-есть когда въ обществѣ исторіи и древностей былъ отвергнутъ первый планъ Пассека.

Digitized by Google

рину. Начало работъ моихъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1838 г. было неудачно собственно для меня: простудившись въ осенней непогодѣ, я долженъ былъ оставить ихъ и просилъ харьковскаго генералъ-губернатора графа Строганова засвидѣтельствовать предъ г. президентомъ общества о моей болѣзни. Обязанный его сіятельству за участіе въ возложенномъ на меня ученомъ порученіи, я обязанъ вдвойнѣ за вниманіе къ послѣдней моей просьбѣ. Зимніе мѣсяцы я посвятилъ на составленіе картъ и развѣдываніе о древнихъ укрѣпленіяхъ и урочищахъ. Съ весною 1839 года я снова приступилъ къ дѣлу и считалъ необходимыми условіями его:

1. Положить на карту всѣ извѣстныя мнѣ въ избранномъ участкѣ древнія укрѣпленія: валы, городища, курганы и урочища, потому что этимъ средствомъ могли объясниться связь, взаимное отношеніе, и, нѣкоторымъ образомъ, самое назначеніе насыпей.

2. Разрыть нѣкоторые изъ кургановъ и другихъ замѣчательныхъ насыпей, чтобъ по найденнымъ вещамъ и обычаю погребенія сдѣлать заключеніе о народѣ, насыпавшемъ ихъ.

3. Изслѣдовать отношеніе статуй или каменныхъ бабъ къ курганамъ и городищамъ.

4. Вмѣстѣ съ этимъ трудомъ предполагалъ не опускать изъ вида ничего, что могъ бы съ пользою сообщить обществу о древностяхъ Украйны въ изслѣдованныхъ мною уѣздахъ» [1]).

Таковы были основанія, которыхъ держался Пассекъ при изученіи кургановъ. Кромѣ кургановъ въ своемъ отчетѣ онъ говоритъ о другихъ древностяхъ Украйны, представляетъ краткое описаніе каменныхъ бабъ, обращаетъ вниманіе на архивъ харьковскаго губернскаго правленія, въ которомъ «сохранилось много дѣлъ отъ перваго переселенія слобожанъ въ здѣшнія дебри и пустыни до преобразованія Украйны въ губернію», на нѣкоторыя «урочища, напоминающія вѣка отдаленные» и т. д. «Геній просвѣщенія», заканчиваетъ онъ свой отчетъ, «требуетъ отъ насъ усилій и жертвъ для развитія наукъ и для пользы общества, въ которомъ живемъ. У насъ въ послѣднее время болѣе нежели когда-либо обращено вниманіе и самого царя, и правительственныхъ особъ на сохраненіе

[1]) „Русскій историческій сборникъ“, т. III, стр. 207 - 208.

Digitized by Google

и изслѣдованіе древностей. И послѣ сего можно ли не ожидать, что мы скоро приступимъ къ полному труду: къ изслѣдованію могильнаго царства народовъ на всемъ протяженіи его отъ Дуная до Байкала! и тѣмъ скорѣе, что курганы взрываетъ и сравниваетъ плугъ, а большая часть статуй обезображены и разрушены невѣдѣніемъ и многія вмѣстѣ съ простыми глыбами камня легли на дно плотинъ»[1]).

Слѣдствіемъ археологическихъ розысканій Пассека на югѣ Россіи было избраніе его въ 1839 году дѣйствительнымъ членомъ общества исторіи и древностей россійскихъ[2]), дѣятельнымъ участникомъ котораго онъ остался до послѣднихъ дней своей жизни.

1838 — 1839 годы были знаменательны въ жизни Пассека. Кромѣ признанія его научныхъ заслугъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ ученыхъ обществъ, въ это приблизительно время на него обратило вниманіе все образованное общество, благодаря выходу въ свѣтъ первой книжки «Очерковъ Россіи»[3]). Длинный рядъ благосклонныхъ рецензій, появившихся въ повременныхъ изданіяхъ всѣхъ направленій, указали на важное значеніе такого труда. «Очерки Россіи» представляютъ собою самую главную работу Пассека въ продолженіе всей его дѣятельности. Для своего времени они были замѣчательнымъ явленіемъ и, сослуживъ службу русскому обществу, должны быть помянуты добрымъ словомъ. Это была первая попытка популяризировать науку, попытка ознакомить публику съ этнографіей, исторіей быта, археологіей, географіей Россіи въ простомъ, общепонятномъ изложеніи. Цѣль «Очерковъ» такъ обрисовывается ихъ издателемъ въ предисловіи къ первому выпуску: «Очеркамъ Россіи предназначается сосредоточивать, по возможности, всѣ разсѣянныя понятія и знанія, пріобрѣтенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія; предназначается сдѣлать возможно доступными труды о нашемъ отечествѣ путешественниковъ, естествоиспытателей, любителей древности и разныхъ ученыхъ заведеній, труды, которыми мы довольно богаты, но не всѣ и не вездѣ можемъ ими пользоваться

---

[1]) „Русскій историческій сборникъ“, т. III, стр. 228—229.

[2]) Засѣданіе 20 октября 1839 г. („Русскій историческій сборникъ“, т. III, стр. 415).

[3]) Первая книга вышла въ 1838 г.

Digitized by Google

предназначается завлечь къ содѣйствію въ наблюденіи и изслѣдованіи всего отечественнаго: развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ: вотъ цѣль, предназначаемая «Очеркамъ Россіи». Въ этомъ отношеніи, «Очерки Россіи» не могутъ и не должны быть дѣломъ однѣхъ силъ, знаніемъ, чувствованіемъ одного человѣка; въ этомъ отношеніи, они не принадлежатъ мнѣ, какъ издателю: они принадлежатъ равно каждому изъ насъ—принадлежатъ отечеству. Я счастливъ тѣмъ, что раскрываю книгу, въ которой каждый можетъ вписать свою мысль, свое чувствованіе, знаніе, даже замѣчаніе о той странѣ, гдѣ онъ живетъ—и да поможетъ намъ Богъ принести посильную [1]) лепту на алтарь отечества».

Слова Пассека, приведенныя мною, не были пустой фразой. Вся дѣятельность его показываетъ, насколько безкорыстно отдался онъ служенію родинѣ, насколько далеки были отъ него всѣ денежные интересы. При тогдашнемъ положеніи общества «Очерки» не могли имѣть большаго распространенія и едва-ли окупали расходы издателя. Пассекъ постоянно нуждался въ деньгахъ для поддержки изданія, и если бы не помощь товарищей, онъ едва-ли бы справился съ своимъ предпріятіемъ. Сотрудниковъ у Пассека было не много; во всякомъ случаѣ большая часть статей принадлежитъ ему самому; нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, остались неподписанными, особенно въ отдѣлѣ «замѣчаній и выписокъ» въ первой книжкѣ и «смѣси» въ послѣдующихъ. Статьи Пассека очень разнообразны по содержанію: здѣсь есть статьи по географіи, по археологіи и исторіи, по этнографіи, исторіи быта и т. д. Надо сказать, впрочемъ, что Пассекъ не является въ этихъ статьяхъ спеціалистомъ, поэтому нельзя удивляться ихъ разнообразію. Изъ лицъ, участвовавшихъ въ изданіи Пассека, слѣдуетъ назвать И. И. Срезневскаго, одного изъ первыхъ по времени его сотрудниковъ. И. И. Срезневскій далъ для «Очерковъ» нѣсколько статей по исторіи Малороссіи

---

[1]) Въ подлинномъ текстѣ напечатано „послѣднюю"; исправляю это слово вслѣдствіе очевидной опечатки. Эта опечатка была замѣчена въ рецензіи на „Очерки Россіи", помѣщенной въ „Сынѣ Отечества" (1838, т. V, отд. 4, стр. 129—133); „вѣроятно", говорится въ рецензіи, „авторъ, не бывши самъ въ Петербургѣ, препоручилъ посмотрѣть за корректурой какому-нибудь пріятелю".

Digitized by Google

(Мартынъ Пушкарь, Казаки-гайдамаки), по исторіи русской литературы (Изборники), по исторіи литературы западно-славянской (Сеймы=sněmy). Въ первой же книгѣ «Очерковъ Россіи» началъ сотрудничество братъ В. В. Пассека, Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, впослѣдствіи извѣстный герой Кавказа, погибшій во время такъ называемой Сухарной экспедиціи въ 1845 году. Со второй книги «Очерковъ» въ число сотрудниковъ сталъ А. Ѳ. Вельтманъ, помѣстившій между прочимъ въ «Очеркахъ» интересную статью «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», Орестъ Ст. Евецкій, А. Л. Метлинскій, А. Рославскій, А. Уманецъ, Евгеній Пассекъ, Деменковъ и др. Нельзя не упомянуть еще о сотрудничествѣ жены В. В. Пассека, Т. П. Пассекъ, не оставившей, впрочемъ, имени подъ своими статьями. Ей несомнѣнно принадлежитъ замѣтка «Пріѣздъ въ Бахчисарай, увеселенія и обычаи татарокъ» подписанная * [1]). Это предположеніе подтверждается большимъ, часто дословнымъ сходствомъ разсказа, помѣщеннаго въ «Очеркахъ», съ тѣми записками о Тавридѣ, которыя вошли въ воспоминанія Т. П. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» [2]). Можетъ быть, Т. П. Пассекъ принадлежитъ также статья «Русалка», подписанная такимъ же знакомъ, какъ и статья «Пріѣздъ въ Бахчисарай».

«Очерки Россіи» выходили въ теченіе пяти лѣтъ (1838—1842), въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріала въ рукахъ издателя. Пять выпусковъ «Очерковъ» представляютъ собою довольно объемистыя книжки, страницъ въ 200 и болѣе каждая, съ приложеніемъ картъ, плановъ, рисунковъ, нотъ и пр. Я уже говорилъ выше, что подготовленіе матеріала для «Очерковъ» было начато Пассекомъ задолго до появленія первой книги. Близкое участіе въ выходѣ въ свѣтъ этого выпуска принялъ Егоръ Петровичъ Гардинскій [3]). Вадимъ Васильевичъ съ нимъ сошелся въ Одессѣ зимою 1837—1838 года, сначала, какъ съ хозяиномъ занимаемаго Пассеками дома. Когда онъ разсказалъ Гардинскому о своемъ намѣреніи из-

[1]) „Очерки Россіи", кн. III, стр. 197—230.

[2]) Т. II, гл. XXXIX.

[3]) Онъ умеръ 28 декабря 1853 г., что̀ видно изъ надгробной надписи на его могилѣ въ Невскомъ монастырѣ (Тихвинское кладбище). Это свѣдѣніе мнѣ сообщено В. И. Сантовымъ.

Digitized by Google

давать «Очерки Россіи» и выразилъ сожалѣніе о томъ, что не можетъ приняться за исполненіе этого предпріятія по недостатку денегъ, «Гардинскій», по словамъ Т. П. Пассекъ, «пришелъ въ такой восторгъ..., что тутъ же предложилъ необходимый для изданія капиталъ, а себя въ сотрудники и издатели этого журнала» [1]). Вскорѣ послѣ этого Гардинскій уѣхалъ въ Петербургъ, взявши съ собой матеріалъ, приготовленный Вадимомъ Васильевичемъ для изданія «Очерковъ». Первая книжка была издана въ Петербургѣ и хотя безъ упоминанія имени Гардинскаго, но несомнѣнно при его дѣятельной помощи.

Осенью 1839 года В. В. Пассекъ оставилъ югъ Россіи и переѣхалъ всей семьей въ Москву. Воззрѣнія Пассека значительно измѣнились за время его жизни въ Малороссіи. Находясь вдали отъ политическихъ движеній, ощутительныхъ въ столицѣ и незамѣтныхъ въ провинціи, отдаваясь цѣликомъ своимъ научнымъ работамъ, онъ вернулся въ Москву не тѣмъ человѣкомъ, какимъ выѣхалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, спѣша въ Харьковъ на каѳедру исторіи. Новыя воззрѣнія отдалили его отъ стараго пріятельскаго кружка западниковъ, и онъ сталъ въ ряды противоположнаго лагеря. Въ прощальномъ письмѣ къ И. И. Срезневскому, уѣзжавшему въ 1839 г. въ славянскія земли, такъ выражены эти новые взгляды: «Вы работаете для будущности нашего отечества и болѣе или менѣе содѣйствуете тому, что̀ нѣкогда совершится, когда все, въ чемъ сохранилась капля славянской крови, все будетъ чувствовать однимъ чувствомъ, думать одну думу, идти всей массой и силой къ одной цѣли, руководимой однимъ русскимъ царемъ. Съ какой бы радостію помѣстилъ я тогда въ «Очеркахъ» статью вашу о Пражской губерніи и поѣздку по какому-нибудь Бѣлградскому уѣзду. Или это предоставлено только нашимъ дѣтямъ, внукамъ. Дай имъ Богъ».

1839—1840 годы жизни Пассека въ Москвѣ были имъ исключительно посвящены изданію «Очерковъ Россіи». Въ это время вышли второй, третій и четвертый выпуски «Очерковъ»; они печатались уже безъ помощи Гардинскаго, на собственныя средства Пассека. Съ выходомъ четвертаго тома, его денежные рессурсы пре-

[1]) „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. III, стр. 273.

Digitized by Google

кратились; надо было найти новый источникъ для поддержки изданія. Эта необходимость заставила Пассека осенью 1840 года ѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ хотѣлъ представить свою работу предсѣдателю статистическаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ К. И. Арсеньеву и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить въ министерствѣ объ обѣщаніи ему перваго штатнаго мѣста чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Дѣла Вадима Васильевича шли въ Петербургѣ успѣшно: мѣсто было обѣщано, дана награда за прежніе труды по Таврической губерніи и поручено завѣдываніе составленіемъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Успѣхъ былъ и въ литературномъ мірѣ: Гречъ, Кукольникъ, Полевой приглашали его сотрудничать въ новомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», который они предполагали издавать съ новаго года; Герценъ, снова сблизившійся съ Пассекомъ, уговаривалъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ» и т. д.

Вернувшись въ Москву, по словамъ Т. П. Пассекъ, В. В. Пассекъ за зиму 1840—41 г. сблизился съ Вельтмановскимъ кружкомъ, къ которому принадлежали Даль, Загоскинъ, Рабусъ, Максимовичъ, Неѣловъ и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось отдаленіе его отъ Герцена и Герцена отъ него. «Онъ», пишетъ Герценъ, «отъ славянофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ западу; такимъ образомъ, ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка—на это силъ не было» [1]). Это отдаленіе было, впрочемъ, отдаленіемъ не въ полномъ смыслѣ слова; Пассекъ и Герценъ не могли быть близки по своимъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ, но они остались близкими, какъ старые друзья. «Въ 1840 году», пишетъ Герценъ, «мы встрѣтились въ Петербургѣ, разстояніе между нами было не переходимо, но я тогда въ немъ оцѣнилъ прекраснаго семейнаго человѣка, и мы сблизились опять и такъ остались до его кончины» [2]). Знакомство Пассековъ въ Москвѣ было очень обширно, и ихъ понедѣльники, какъ видно изъ разсказовъ Т. П. Пассекъ, были многолюдны и интересны; общество, собиравшееся у нихъ, было са-

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. I, стр. 45—46.
[2]) Ibid., стр. 53.

Digitized by Google

мое разнообразное: здѣсь можно было встрѣтить людей разныхъ круговъ—Грановскаго, Погодина, Шевырева и Рѣдкина: здѣсь же бывала дѣвица-кавалеристъ Дурова, и бывалъ профессоръ Ѳ. Л. Морошкинъ, и Ѳ. Н. Глинка, и Де-Сангленъ [1]). Пассекъ, хотя и принадлежалъ послѣднее время къ Вельтмановскому кружку, не былъ его неотступнымъ членомъ и не забывалъ своихъ прежнихъ симпатій. Служебное положеніе Пассека опредѣлялось въ это время его статистическими работами; онъ считался завѣдывающимъ московскимъ статистическимъ комитетомъ. Статистическое описаніе Московской губерніи было окончено въ 1841 г.; представленное московскимъ губернаторомъ И. Г. Сенявинымъ въ статистическій комитетъ, оно было признано образцовымъ. Сенявинъ получилъ за него 6.000 руб. сер., изъ числа которыхъ, по словамъ Т. П. Пассекъ, удѣлилъ Пассеку тысячу [2]). Въ замѣнъ работъ статистическихъ съ 1841 года у Вадима Васильевича явилась работа по редактированію новаго оффиціальнаго изданія при московскомъ губернаторѣ: это были «Прибавленія къ Московскимъ губернскимъ вѣдомостямъ». «Прибавленія» подъ редакціею Пассека, особенно за первый годъ существованія, представляютъ собою весьма любопытный журналъ, дающій много хорошаго матеріала главнымъ образомъ по археологіи края; въ немъ попадаются и литературныя замѣтки, и замѣтки по исторіи; есть и библіографія; далѣе журналъ даетъ много выдержекъ изъ провинціальныхъ губернскихъ вѣдомостей и изъ книгъ серьезнаго содержанія. Благодаря обширнымъ связямъ, Пассекъ былъ богатъ сотрудниками: А. Ѳ. Вельтманъ, А. П. Рославскій, И. И. Срезневскій, К. И. Грумъ, М. Н. Макаровъ, И. М. Снѣгиревъ, Н. Д Горчаковъ и др. помѣщали свои статьи на страницахъ его журнала и несомнѣнно обращали на него общее вниманіе. Перечислить статьи самого Пассека въ этомъ журналѣ очень трудно въ виду того, что подпись его часто опускалась. Статьи, имъ подписанныя, весьма разнообразны по содержанію: начиная съ чисто историческихъ работъ, каковы «Замѣча-

[1]) „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 332—333.
[2]) „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, 337.

Digitized by Google

тельныя городища въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ», «Борисовъ городокъ», и др., онѣ заканчиваются статьями о московскихъ тротуарахъ и мостовыхъ, о фабрикахъ и заводахъ. Въ то же время Пассекъ до самой смерти сотрудничалъ въ нѣсколькихъ другихъ изданіяхъ [1]), помѣщая въ нихъ статьи, касающіяся, главнымъ образомъ, южной Россіи, къ которой онъ чувствовалъ глубокую симпатію. Занятія въ обществѣ исторіи и древностей также шли своимъ чередомъ, что видно изъ протоколовъ этого общества, напечатанныхъ въ «Русскомъ историческомъ сборникѣ» за 1843 годъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1841 года Пассеку было поручено обществомъ составить «Обозрѣніе древнихъ кургановъ и гробницъ, а также вещей, въ нихъ находимыхъ, и истукановъ, разсѣянныхъ по степямъ полуденныхъ губерній» для доставленія въ Вашингтонскій національный институтъ, который предлагалъ обществу древностей войти въ сношенія [2]). Въ мартѣ 1842 года Пассеку предложено было составить біографію инженеръ-генералъ-поручика Ригельмана, написавшаго сочиненіе «Извѣстія о войскѣ Донскомъ». Общество древностей съ своей стороны поддержало Пассека, доставивъ ему полторы тысячи руб. ассигнаціями «для окончанія изданіемъ его полезныхъ для русской исторіи Очерковъ» [3]). Пятая книга «Очерковъ» вышла въ 1842 году, не задолго до смерти издателя; Пассекъ надѣялся выпустить въ скоромъ времени и шестую книгу, какъ онъ сообщилъ въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ губернскимъ вѣдомостямъ» (1842 г., № 25), но это его предположеніе не осуществилось.

Вслѣдъ за пятой книгой «Очерковъ» вышла въ свѣтъ «Московская справочная книжка» (Москва 1842), представляющая собою первый опытъ систематическаго обозрѣнія города Москвы и ея губерніи.

---

[1]) „Живописное Обозрѣніе", „Московскій Наблюдатель", „Прибавленія къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ" „Москвитянинъ".

[2]) „Русскій историческій сборникъ", 1843 г., т. VI, стр. 21.

[3]) „Русскій историческій сборникъ", т. VI, стр. 22, 23. Эти деньги онъ долженъ былъ вернуть черезъ 6 мѣсяцевъ „на дальнѣйшее употребленіе ихъ согласно съ Уставомъ общества для изданія историческихъ памятниковъ" (Ibid., 23). Кажется, вспомоществованіе не было возвращено Пассекомъ; по крайней мѣрѣ черезъ годъ послѣ того засѣданія, уже послѣ смерти Пассека, въ протоколахъ общества отмѣчено: „разсуждаемо было о деньгахъ, выданныхъ обществомъ въ пособіе покойному члену г. Пассеку" (Ibid., 52).

Digitized by Google

Книжка распадается на три отдѣла: историческій, справочный и статистическій. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены: историческое обозрѣніе Москвы и Московской губерніи, съ вводной статьей объ историческомъ значеніи столицы, затѣмъ указатель ея достопримѣчательностей, далѣе историческія свѣдѣнія объ ея окрестностяхъ и краткія извѣстія объ уѣздныхъ городахъ; второй отдѣлъ представляетъ собою книгу адресовъ; третій—даетъ статистическія свѣдѣнія о Москвѣ и Московской губерніи. Справочная книжка Пассека была встрѣчена въ Москвѣ очень сочувственно, какъ книга, необходимая для каждаго жителя столицы [1]).

Весною 1842 года Пассеку была предложена новая работа—составленіе историческаго описанія Симонова монастыря. Работа была съ радостью взята Пассекомъ, издавна любившимъ этотъ монастырь [2]). Вмѣсто 300 рублей гонорара, предложенныхъ ему архимандритомъ монастыря Мелхиседекомъ, онъ просилъ отвести ему мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ. Это было весною 1842 года, а осенью того же года пришлось воспользоваться гонораромъ Симоновскаго монастыря. Купаясь на дачѣ вблизи Сокольниковъ, гдѣ проводили лѣто Пассеки, Вадимъ Васильевичъ простудился и заболѣлъ скоротечной чахоткой. Въ 8 часовъ утра 25-го октября 1842 года В. В. Пассекъ скончался на 34-мъ году жизни [3]).

«За мѣсяцъ до его смерти», писалъ Герценъ, «я съ ужасомъ сталъ примѣчать, что умственныя способности его тухнутъ, слабѣютъ, точно догорающія свѣчи, въ комнатѣ становилось темнѣе, смутнѣе. Онъ вскорѣ сталъ съ трудомъ и усиліемъ пріискивать слово для нескладной рѣчи, останавливался на внѣшнихъ созвучіяхъ, потомъ онъ почти не говорилъ, а только заботливо спрашивалъ свои лѣкарства и не пора ли принять. Одной февральской [4]) ночью,

---

[1]) См. замѣтку о „Московской справочной книжкѣ“ въ „Москвитянинѣ“ 1842, № 11, ч. VI, 162—169.

[2]) „Историческое описаніе Московскаго Симонова монастыря“ напечатано сначала въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ губернскимъ вѣдомостямъ“ (1842, №№ 1—12), и затѣмъ отдѣльно.

[3]) „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 338—342, т. III, стр. 310.

[4]) Эти записки написаны черезъ много лѣтъ послѣ смерти Пассека: поэтому понятна хронологическая ошибка ихъ автора; въ другомъ своемъ сочиненіи—Дневникѣ, подъ 26 октября, тотъ же писатель говоритъ: Вчера, въ восьмомъ часу утра умеръ Вадимъ (Сочиненія А. И. Герцена, т. I, 45).

Digitized by Google

часа въ три, жена Вадима прислала за мною; больному было тяжело, онъ спрашивалъ меня; я подошелъ къ нему и тихо взялъ его руку; его жена назвала меня; онъ посмотрѣлъ долго, устало, не узналъ и закрылъ глаза. Привели дѣтей, онъ посмотрѣлъ на нихъ, но тоже, кажется, не узналъ. Стонъ его становился тяжелѣе, онъ утихалъ минутами и вдругъ продолжительно вздыхалъ съ крикомъ. Тутъ въ ближней церкви ударили въ колоколъ; Вадимъ прислушался и сказалъ: «это заутреня». Больше онъ не произнесъ ни одного слова... Жена рыдала на колѣняхъ у кровати возлѣ покойнаго; добрый, милый молодой человѣкъ изъ университетскихъ товарищей, ходившій послѣднее время за нимъ, суетился, отодвигалъ столъ съ лѣкарствами, поднималъ сторы... Я вышелъ, на дворѣ было морозно и свѣтло, восходящее солнце ярко свѣтило на снѣгъ, точно будто сдѣлалось что-нибудь хорошее; я отправился заказывать гробъ» [1]).

«А давно ли Вадимъ», говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, «только-что выпущенный изъ университета кандидатомъ, въ преизбыткѣ силъ, съ необузданнымъ самолюбіемъ, съ русскою удалью дѣлилъ всѣ мечты, всѣ увлеченія наши? Это было въ концѣ 1831 до начала 1834... Послѣ женитьбы онъ много измѣнился, а, можетъ быть, не онъ, а мы двинулись впередъ, а онъ остался на старомъ мѣстѣ. Попавши въ славянизмъ, онъ даже и на старомъ мѣстѣ не остался, а пошелъ инымъ путемъ назадъ; всѣ общіе человѣческіе интересы, всѣ современные вопросы занимали его только по мѣрѣ ихъ причастности къ славянскому міру, а тутъ надо замѣтить, что именно имъ-то они вовсе и не занимаются» [2]).

29 октября происходили похороны Пассека. «Похороны», пишетъ Герценъ, «были торжественны по истинному участію людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ»... [3]). «Когда тѣло покойника явилось передъ монастырскими воротами, они отворились, и вышелъ Мелхиседекъ со всѣми монахами встрѣтить тихимъ, грустнымъ пѣніемъ страдальца и проводить до могилы. Недалеко отъ могилы Вадима покоится другой прахъ, дорогой намъ, прахъ

[1]) „Былое и думы", т. I. стр. 184—185.
[2]) Сочиненія А. И. Герцена, т. I, стр. 48—49.
[3]) Ibid., т. I, стр. 49.

Digitized by Google

Веневитинова, съ надписью: «Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!» Много зналъ и Вадимъ жизнь» [1]).

Пассекъ умеръ, почти только-что начавъ свою учено-литературную дѣятельность, не успѣвъ подробно развить своихъ воззрѣній, одними намеками давъ представленіе о томъ, къ какой цѣли хотѣлъ направить свои работы. Въ продолженіе восьми лѣтъ службы обществу онъ только испытывалъ свои силы, трудясь надъ самыми разнообразными предметами: поэтому нельзя удивляться, что онъ не создалъ ничего капитальнаго. Смерть ранняя и неожиданная разстроила его планы, — а эти планы несомнѣнно рисовались въ его воображеніи и были громадны и увлекали его, какъ и все, за что онъ ни брался...

Если пересмотрѣть шагъ за шагомъ всю дѣятельность Пассека, нельзя не обратить вниманія на длинный рядъ измѣненій въ занятіяхъ наукой, и—что особенно странно—перемѣнъ въ воззрѣніяхъ на жизнь въ ея цѣломъ. Занятія статистикой у Пассека шли рядомъ съ раскопками кургановъ, розысканіемъ древностей, наблюденіями этнографическими, разработкой обрядовой стороны быта народа и т. д. Точно также измѣнчиво и неопредѣленно было его положеніе среди писателей того времени: другъ Герцена и Огарева въ университетскіе годы, онъ отступаетъ отъ нихъ черезъ нѣсколько лѣтъ; увлеченіе западомъ, политическими идеями, соціализмомъ скоро становятся не по сердцу Пассеку; онъ увлекается изученіемъ народа, работами по этнографіи, исторіи, занимаетъ мѣсто среди украйнофиловъ и наконецъ постепенно приближается къ славянофильскому лагерю противниковъ Герценовскаго кружка; но, перейдя въ этотъ кругъ, Пассекъ не обрываетъ связей съ прошедшимъ и не оставляетъ своихъ прежнихъ пріятелей и новыхъ ихъ единомышленниковъ. Что выказывается этими перемѣнами: неясность и нетвердость убѣжденій Пассека или увлеченіе наукой и ея интересами преимущественно передъ всѣми другими?

Послѣ смерти В. В. Пассека литературные друзья его подумывали продолжать «Очерки Россіи» и издать шестую книгу, къ которой, по словамъ самого Пассека, матеріалъ былъ имъ уже

[1]) „Былое и думы", т. I, стр. 186.

Digitized by Google

подготовленъ. Какъ на новаго редактора указывали на А. Ѳ. Вельтмана. «Я слышалъ», писалъ Д. В. Пассекъ Вельтману, «что вы намѣрены окончить изданіе «Очерковъ»: напишите, не нужно ли статей о Кавказѣ; у меня есть готовыя: не знаю только, что̀ пропуститъ цензура. Если будетъ издаваться шестая книга, что̀ необходимо для доброй памяти покойнаго, то нельзя ли, не лучше ли, обработавъ ее, издать отдѣльно. Можно будетъ продолжить изданіе «Очерковъ», издавая не періодически, а отдѣльными книгами, не обязываясь ничѣмъ передъ публикой» [1]).

Подобныя извѣстія о продолженіи Вельтманомъ изданія Пассека находятся также въ одномъ изъ писемъ И. И. Срезневскаго къ А. Ѳ. Вельтману [2]). Слухи эти однако были невѣрны: А. Ѳ. Вельтманъ не могъ взять на себя изданіе «Очерковъ»; что̀ не позволяло ему взяться за это дѣло, видно изъ одного его письма къ И. И. Срезневскому; я позволю себѣ привести здѣсь это письмо, какъ представляющее нѣкоторыя дополненія къ тому, что̀ извѣстно относительно кончины Пассека.

...«Съ особеннымъ чувствомъ признательности получилъ я чрезъ Степана Алексѣевича Тарасова присланныя отъ васъ славянскія книжки: это дорогой для меня знакъ вашей доброй памяти обо мнѣ и дружескаго ко мнѣ расположенія. Давно ли, кажется, какъ вы были въ Москвѣ, сбираясь въ гости къ роднымъ славянамъ дунайскимъ, а прошло ужь четыре года; вы кончили свою поѣздку, возвратились на родину; а между тѣмъ Вадимъ Васильевичъ кончилъ путь жизни и возвратился въ общую отчизну всѣхъ людей. Татьяна Петровна твердо перенесла невознаградимую потерю, благополучно передала жизни дочь—послѣдній залогъ своего супружества; но вотъ третій день, какъ новорожденная сирота послѣдовала за отцомъ.

«У Татьяны Петровны и двухъ сыновей ея, послѣ Вадима Васильевича, много родныхъ, много надеждъ; но положительныхъ средствъ никакихъ. Между всѣми ея отношеніями къ родству есть какой-то недобрый духъ, происшедшій можетъ быть отъ излишней

---

[1]) „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. III, стр. 294.

[2]) Это письмо находится въ Московскомъ публичномъ музеумѣ.

Digitized by Google

требовательности, а потому она существенно безъ поддержки, и къ несчастію излишняя привычка къ самостоятельности не терпитъ прочныхъ подпоръ, потому что вмѣстѣ съ ними соединена зависимость. Въ пользу семейства печатается «Литературный вечеръ» въ родѣ альманаха [1]). Кромѣ того, Татьяна Петровна занимается составленіемъ книги для дѣтскаго чтенія. Графъ Строгановъ [2]) обѣщалъ принять эту книгу въ число книгъ привилегированныхъ для употребленія въ училищахъ. Если бъ это могло идти успѣшно и постоянно—хорошо бы; но всѣ литературные разсчеты ограничиваются у насъ успѣхомъ случайнымъ [3]).

«Взять на себя окончаніе «Очерковъ Россіи» я никакъ не могъ. На это надо было посвятить и время и средства, которыхъ я въ излишествѣ не имѣю. Я уговорилъ было книгопродавца Ольхина взять окончаніе изданія на себя; но для этого надо было знать, что̀ есть на лицо изъ изданныхъ пяти частей, а на лицо кромѣ долговъ за бумагу, за печать и литографію, да кромѣ безпорядка въ оставшихся книгахъ и картинахъ—ничего нѣтъ. Все изданіе разрознено такъ, что концовъ не сведешь. Вотъ причина, по которой окончаніе «Очерковъ Россіи» вещь невозможная» [4]).

Такимъ образомъ «Очерки» должны были прекратить свое существованіе. Отрывокъ изъ матеріаловъ, подготовленныхъ Пассекомъ для шестой книжки, былъ напечатанъ черезъ два года послѣ его смерти въ альманахѣ, о которомъ говорится въ приведенномъ письмѣ А. Ѳ. Вельтмана. «Литературный вечеръ» былъ «составленъ», какъ говорится въ предисловіи къ нему, «въ память В. В. Пассека, изъ трудовъ писателей, которые скорбѣютъ (sic) о довре-

---

[1]) „Литературный вечеръ". Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1844.

[2]) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ — въ то время попечитель Московскаго учебнаго округа.

[3]) Относительно этой книги Т. П. Пассекъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Вскорѣ затѣмъ я представила графу (Строганову) приготовленную мною къ изданію рукопись, еще при жизни Вадима, для „Дѣтскаго чтенія", просила его просмотрѣть ее и, если найдетъ возможнымъ, то принять въ Московскій учебный округъ. Графъ сдѣлалъ поправки своею рукою въ статьѣ о Сибири, и книга была принята. Я получила за нее до двухъ тысячъ рублей ассигнаціями".

[4]) Письмо отъ 8-го декабря 1843 г.

Digitized by Google

менной потерѣ этого достойнаго человѣка и одареннаго блестящими способностями сотоварища на поприщѣ учено-словесной дѣятельности». Отрывокъ, предназначавшійся для «Очерковъ», представляетъ неоконченную статью В. В. Пассека «Малороссійская свадьба». Эта статья была готова, но только на половину; вторая ея часть была найдена въ бумагахъ Вадима Васильевича въ необработанномъ видѣ; эту вторую половину обработалъ г. Ригельманъ, дополнивъ матеріалы Пассека нѣкоторыми свѣдѣніями, добытыми имъ лично въ Черниговской губерніи. Статья о малороссійской свадьбѣ, такимъ образомъ, заканчиваетъ собою любопытное изданіе «Очерковъ Россіи», а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю литературную дѣятельность В. В. Пассека.

Вс. Срезневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтка.

Къ нашей статьѣ о Павлѣ Ляндовскомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать добавленіе. По полученнымъ послѣ появленія статьи („Русс. Ст." 1893 г. № 2) [1]) достовѣрнымъ даннымъ, П. Ляндовскій не былъ высланъ изъ Сибири за границу, а бѣжалъ изъ-подъ полицейскаго надзора въ то время, когда ему разрѣшено было прибыть въ Нижній Новгородъ для свиданія съ пріѣхавшею туда престарѣлою его матерью. Нынѣ (1893 г.) г. Ляндовскій—одна изъ знаменитостей Парижскаго медицинскаго міра; онъ считается однимъ изъ лучшихъ докторовъ по внутреннимъ болѣзнямъ.

Д. Г. Анучинъ.

15 марта 1893 г.

[1]) Графъ Бергъ.

Digitized by Google

Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову.

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ—одна изъ несчастнѣйшихъ жертвъ декабрьскихъ событій 1825 года. Біографія его была уже разсказана на страницахъ «Русской Старины» въ 1873 году (т. VII), и повторять ее здѣсь нѣтъ надобности. Этотъ умный, даровитый и отлично образованный молодой человѣкъ былъ однимъ изъ блестящихъ представителей нашей военной молодежи въ первой четверти текущаго вѣка. Выпущенный въ офицеры въ 1811 году, онъ съ отличіемъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Во время заграничнаго похода онъ дружески сошелся со своимъ дальнимъ родственникомъ, К. Н. Батюшковымъ, хотя послѣдній былъ на восемь лѣтъ старше Муравьева. Дружба эта продолжалась и по возвращеніи въ отечество; о ней свидѣтельствуютъ теплыя упоминанія о Сергѣѣ Ивановичѣ въ письмахъ поэта и печатаемое письмо къ нему Муравьева. Оно писано въ 1816 году изъ Москвы въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ жилъ Батюшковъ, еще состоявшій въ то время въ военной службѣ, подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Н. Н. Раевскаго. По сохранившимся письмамъ Батюшкова къ Гнѣдичу и Жуковскому видно, что пребываніе въ этомъ далекомъ краѣ было для Константина Николаевича тяжелымъ испытаніемъ Обманувшись въ своихъ надеждахъ на личное счастіе—онъ не встрѣтилъ сочувствія въ любимой имъ особѣ—и на служебные успѣхи, онъ находился тогда въ мрачномъ расположеніи духа. Очевидно, такое настроеніе выразилось въ письмѣ Батюшкова, на которое отвѣчаетъ Муравьевъ. Письмо послѣдняго любопытно еще тѣмъ, что даетъ понятіе о привлекательной лично-

Digitized by Google

сти писавшаго и объ изящномъ литературномъ характерѣ его образованія.

Писемъ къ К. Н. Батюшкову извѣстно вообще очень мало; въ то время, какъ друзья несчастнаго поэта бережно хранили его письма, собственный его архивъ не уцѣлѣлъ; печатаемое письмо, случайно спасенное отъ погибели, извѣстно намъ только въ копіи: подлинникъ его находится внѣ предѣловъ Россіи—въ Краковѣ, въ музеѣ Оссолинскихъ, въ отдѣлѣ князей Любомирскихъ. Копія любезно доставлена намъ С. Л. Пташицкимъ, которому и приносимъ нашу искреннюю признательность за ея сообщеніе.

Л. Н. Майковъ.

Moscou, le 22 fevrier 1816.

Je viens de recevoir votre lettre, mon cher Constantin, et si j'ai été charmé de cette marque de votre souvenir, combien en revanche le ton mélancolique et ennuyé (je ne dis pas ennuyeux, celà vous serait impossible) qui y perce, m'a chagriné! A votre âge, avec votre esprit, de l'ennui, cel me fait véritablement de la peine. Si j'étais poète, je broyerais les couleurs les plus sombres pour vous arracher à ce monstre hideux que vous n'eussiez pas dû connaître. Je vous aurais dit: «Dans un antre obscur, situé au milieu de marais, dont les vapeurs accablantes répandent au loin leurs malignes influences, règne l'Ennui, fruit incestueux d'une muse, surprise pendant son sommeil par le génie malfaisant, qui inspire tous les jours les Merzliakoff et compagnie. Son front est blême, ses yeux enfoncés sont ternes, son visage livide, sa bouche contractée par des baillements convulsifs, qu'il éprouve à chaque instant, toujours seul, toujours livré à lui-même; lui-même est son premier supplice; les jours s'écoulent et se suivent avec une monotonie que rien ne peut changer; il voudrait pouvoir s'endormir, il voudrait au moins pour un instant rentrer dans le néant qu'il désire, mais le sommeil fuit ses paupières; il voudrait, mais en vain, se fuir lui-même; il voudrait quitter cet antre, lieu de ses tourments, mais un pouvoir invisible l'y tient comme enchaîné, et pour comble d'horreur il a continuellement sous les yeux les épîtres badines du comte Хвостовъ. Fuyez, fuyez, jeune homme, ces lieux empestés et maudits des dieux; craignez en les funestes influences et laissez en le séjour aux poètes malheureux, censurés par Apollon, qui croassent ici dans la fange impure, où ils se vautrent».

Digitized by Google

Si j'étais philosophe et platonicien, je vous ferais une belle et savante dissertation sur les effets et les causes de l'ennui, et m'echauffant en suite par dégré (car les philosophes s'echauffent aussi quelquefois, surtout du feu de l'amitié), je m'écrierais: «O jeune homme, rentre dans toi-même, n'ajoute pas des maux factices aux maux inséparables de l'humanité! Cherche dans ton coeur, scrute jusque dans ses plus profonds replis la cause d'un mal que tu ne devais pas connaître et l'étouffe dans sa racine, redeviens toi-même»... Le philosophe se serait arrêté là dans son enthousiasme; peut-être aurait-il craint que ses raisonnements, en combattant le mal, ne fassent que l'augmenter.

Enfin, mon cher Constantin, si j'étais épicurien, j'aurais pris ma lyre et l'accordant sur le ton d'Horace je vous aurais chanté: «Vois-tu, comme nos campagnes se blanchissent au loin sous la neige qui les couvre? Vois-tu, comme les arbres recourbent leurs branches sous le poids dont elles sont chargés, et comme les fleuves ont été arrêtés dans leur cours par le souffle de Borée? Chasse l'hiver loin de toi, ne ménage pas le bois dans ta cheminée et reviens plus souvent à l'âme Sabine, prison depuis nombre d'années d'un falerne delicieux! Pour le reste, cher Constantin, laissez-en le soin aux dieux; quand ils le veuillent, ils compriment les vents dechaînés les uns contre les autres sur l'immense océan, et alors ces mêmes vents n'agitent plus ni les cyprès, ni les ormeaux antiques. Un jour de plus que la parque t'aura filé, crois l'avoir gagné. Garde-toi aussi d'oublier les aimables muses, mêle-toi quelque fois aux danses animées, tandis que, jeune et vert encore, tu ne sens pas peser sur ta tête les doigts de plomb de la triste vieillesse; aime, pendant qu'il en est encore temps, les promenades, les jeux et les rendez-vous nocturnes».

Malheureusement, mon cher Constantin, je ne suis ni poète, ni philosophe, ni épicurien; je ne suis que votre ancien camarade d'armes, qui vous aime toujours bien tendrement, et de plus gros Jean, comme devant. Je ne pourrai donc rien vous dire de ces belles choses sur le sujet, si ce n'est que vous faites très mal de vous ennuyer et que vous feriez beaucoup mieux de vous amuser.

A propos, mon cher Batiouchkoff, voulez vous que je vous intrigue? Écoutez. Avant-hier, jour ou j'ai reçu votre lettre, j'ai été passer la soirée dans une certaine maison. Une demoiselle (honni soit qui mal y pense), sachant ma liaison avec vous, m'a demandé de vos nouvelles. Je lui dis que j'avais reçu de vous une lettre, où vous me marquiez que vous vous ennuyez assez. «Oh, c'est qu'il est amoureux!» s'est ecrié la demoiselle en ce cas; lui repondis-je: «Vous connaissez bien mieux que moi l'état de son coeur». «Oh! je sais ce que je dis, il est amoureux! Il l'est, et la première fois que vous lui ecrirez, dites lui, que l'objet

Digitized by Google

de sa flamme ne danse plus autant, n'est plus aussi jolie, ni aussi élégante». Vous sentez bien que je ne suis que fidèle historien pour cette demoiselle, douée d'autant de perspicacité, que de volubilité; je vous la donnerais en mille que vous ne la devineriez pas. Mais pour ne pas vous tourmenter plus longtemps, cette demoiselle c'est... Анна Львовна Пушкина!!!

J'ai fait aussi connaissance physiquement avec son frère Василій Львовичъ que je connaissais déjà moralement, grâce à vous. Je le trouve d'une bonhomie effrontée. Croyez-vous qu'il a voulu faire entendre à papa qu'il sait le latin, en cherchant à traduire Tite-Live à livre ouvert? Cela lui ressemble.

Mes respects au général Raïewski, quand vous le verrez; mes compliments à Medem et au ливерантъ труперда; vous direz au premier mes souhaits pour son bonheur. Adieu, mon cher Batiouchkoff, vous voyez qu'en vous écrivant j'oublie jusqu'à ma paresse pour ne me souvenir que de mon amitié. Adieu, je vous embrasse. Serge Mouravieff-Apostol.

Москва. 22 февраля 1816.

Я только-что получилъ твое письмо, любезный мой Константинъ, и если этотъ знакъ твоей памяти меня обрадовалъ, за то какъ я былъ огорченъ меланхолическимъ и скучающимъ тономъ (не говорю: скучнымъ; это для тебя невозможно), которымъ оно проникнуто. Въ твои годы, съ твоимъ умомъ скучать—это по истинѣ больно видѣть. Будь я поэтъ, я натеръ бы самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы вырвать тебя изъ рукъ того отвратительнаго чудовища, котораго тебѣ и знать бы не слѣдовало; я сказалъ бы тебѣ: «Въ мрачномъ вертепѣ, среди болотъ, которыхъ удушливыя испаренія распространяютъ въ даль свое вредоносное дѣйствіе, царствуетъ Скука, незаконное порожденіе музы, настигнутой во время сна зловреднымъ духомъ, который ежедневно вдохновляетъ Мерзляковыхъ и К°. Чело этого существа блѣдно, впалые глаза тусклы, лицо посинѣло, уста искривлены судорожною зѣвотой, которую оно ощущаетъ ежеминутно,—всегда одинокое, всегда преданное само себѣ. Оно само составляетъ свою первѣйшую казнь; дни текутъ и слѣдуютъ одинъ за другимъ съ однообразіемъ, которое ничѣмъ не можетъ быть разсѣяно; оно желало бы заснуть, хотя бы на мигъ погрузиться въ желаемое имъ небытіе, но сонъ бѣжитъ его очей; тщетно хотѣло бы оно уйдти отъ самого себя; хотѣло бы покинуть этотъ вертепъ, мѣсто своихъ мученій, невидимая сила приковала его тамъ, и къ довершенію ужаса у него постоянно предъ глазами шутливыя посланія

Digitized by Google

графа Хвостова. Бѣги, бѣги, молодой человѣкъ, сихъ зачумленныхъ предѣловъ, проклятыхъ богами; бойся пагубнаго вліянія и предоставь сей пріютъ несчастнымъ поэтамъ, осужденнымъ Аполлономъ и квакающимъ въ грязи, въ которой они валяются».

Будь я философъ-платоникъ, я представилъ бы тебѣ отличное ученое разсужденіе о причинахъ и слѣдствіяхъ скуки, и затѣмъ, воспламеняясь постепенно (ибо и философы иногда воспламеняются, особенно у очага дружбы), я воскликнулъ бы: «О, молодой человѣкъ, углубись въ самого себя, не присовокупляй бѣдствій призрачныхъ къ тѣмъ, которыя неотъемлемы отъ человѣчества. Поройся въ своемъ сердцѣ, поищи въ самыхъ глубокихъ тайникахъ его причины зла, котораго тебѣ не слѣдовало бы и знать, и задуши ее въ самомъ корнѣ; стань снова самимъ собой!» Философъ остановился бы тутъ въ своемъ порывѣ, быть можетъ, изъ опасенія, чтобъ его доводы, поборая зло, не содѣйствовали бы его увеличенію.

Наконецъ, милый мой Константинъ, будь я эпикурейцемъ, я взялъ бы лиру и, настроивъ ее на Гораціевъ ладъ, пропѣлъ бы тебѣ: «Видишь ли ты, какъ побѣлѣли наши поля подъ покровомъ снѣга? Видишь ли, какъ деревья склонили вѣтви подъ тяжестью своего бремени, и какъ рѣки остановили свое теченіе подъ дуновеніемъ Борея? Гони зиму прочь отъ себя; не жалѣй дровъ для своего камина и возвращайся почаще къ сабинской чашѣ, хранилищу съ давнихъ лѣтъ чуднаго фалерна! Что касается прочаго, любезный Константинъ, предоставь заботу богамъ. Когда имъ угодно, они заставляютъ утихнуть вѣтры, возстающіе одинъ противъ другаго на безконечномъ океанѣ, и тогда эти вѣтры не колеблятъ ни кипарисовъ, ни древнихъ вязовъ. Если парка сплела тебѣ лишній день, считай себя въ прибыли. Берегись забывать и музъ любезныхъ, вмѣшивайся иногда въ оживленную пляску, доколѣ ты еще юнъ и свѣжъ, и надъ твоею главой не тяготѣютъ еще свинцовые персты печальной старости; люби, пока есть еще время, прогулки, игры и ночныя свиданія».

Къ сожалѣнію, милый мой Константинъ, я ни поэтъ, ни философъ, ни эпикуреецъ; я—только твой старый боевой товарищъ, горячо тебя любящій, да къ тому же увалень по-прежнему. Итакъ, я не могъ бы повѣдать тебѣ всѣ эти мудрыя рѣчи, а скажу по-просту: очень худо, что ты скучаешь,—лучше было бы, еслибъ ты веселился.

Кстати, милый мой Батюшковъ, хочешь, я тебѣ загадаю загадку? Слушай! Третьяго дни, въ тотъ самый день, когда я получилъ твое письмо, я провелъ вечеръ въ одномъ домѣ. Одна барышня (honni soit qui mal y pense!), зная мою съ тобою дружбу, спрашивала меня о тебѣ. Я отвѣчалъ, что получилъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты жалуешься на скуку. «О, значитъ, онъ влюбленъ!» воскликнула барышня. Я ей въ

Digitized by Google

отвѣтъ: «Вы лучше меня знаете состояніе его сердца». «Я знаю, что говорю: онъ влюбленъ. Это вѣрно; когда вы будете ему писать, скажите ему, что предметъ его страсти меньше танцуетъ, подурнѣлъ и утратилъ свое изящество». Ты поймешь, что я исторически вѣрно передаю слова этой барышни, одаренной такою прозорливостью и такою болтливостью, но готовъ биться объ закладъ, что ты не догадаешься кто—эта барышня. Однако, чтобы не мучить дольше, скажу тебѣ, что это—Анна Львовна Пушкина!!!

Познакомился я также съ ея братцемъ Васильемъ Львовичемъ, котораго зналъ уже за глаза по твоимъ разсказамъ. Я нахожу, что онъ добродушенъ до безстыдства. Повѣришь ли? Онъ хотѣлъ увѣрить отца, что знаетъ по-латыни, взявшись переводить Тита Ливія безъ приготовленія! Это на него похоже.

Засвидѣтельствуй мое почтеніе генералу Раевскому, когда увидишь его; поклонись Медему и ливеранту трупердѣ; скажи первому, что я желаю ему полнаго счастья. Прощай, милый мой Батюшковъ: за письмомъ къ тебѣ я забылъ о своей лѣни и помню только свою дружбу. Прощай, цѣлую тебя. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Digitized by Google

НАПОЛЕОНЪ НА ОСТРОВѢ ЭЛЬВѢ.

Въ американскомъ журналѣ „The Century Magazine“ (мартъ 1893 года), помѣщенъ дневникъ адмирала Ушера (Thomas Ussher, р. 1779 г. ум. 1848 г.), сопровождавшаго въ 1814 году Наполеона на островъ Эльбу [1]). Въ то время капитанъ Ушеръ командовалъ фрегатомъ „Undaunted“, на которомъ императоръ долженъ былъ совершить изъ Фрежюса переѣздъ въ свои новыя владѣнія. Обратимся затѣмъ къ любопытному разсказу адмирала Ушера.

Прибывъ на стоянку въ Фрежюсъ, я получилъ записку отъ полковника Кембелля (Campbell), увѣдомлявшаго меня, что изъ города выслана лошадь и ординарецъ въ мое распоряженіе, для сношенія съ городомъ, лежащимъ на возвышенности за 3—4 мили отъ стоянки судовъ. Я воспользовался этимъ распоряженіемъ и немедленно поѣхалъ къ полковнику Кембеллю, который, хотя сильно страдалъ отъ ранъ, сейчасъ же отправился со мной въ гостиницу «Chapeau Rouge», кажется, единственную въ городѣ, гдѣ помѣщался Наполеонъ. Каковы бы ни были мои прежнія чувства къ этому самому могущественному и упорному врагу моего отечества, я съ гордостью признаюсь, что въ эту минуту у меня исчезли всякая враждебность и дурныя чувства къ нему, и я вполнѣ понималъ деликатность положенія, въ которое меня поставило стеченіе самыхъ необыкновенныхъ событій. Вѣрный спутникъ Наполеона въ несчастьи, генералъ Бертранъ, доложилъ ему о приходѣ полковника Кембелля, и меня, и мы были тотчасъ приняты.

Наполеонъ былъ въ полковомъ мундирѣ старой гвардіи, со звѣздой почетнаго легіона. Онъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, съ открытою книгой въ рукахъ, съ которой, при случаѣ, справлялся, разспрашивая меня объ островѣ Эльбѣ и путешествіи туда. Онъ принялъ насъ со снисходитель-

[1]) „Napoleons deportation to Elba“. Французская печать высказала по поводу этого дневника мнѣніе, что онъ можетъ служить образцомъ честнаго отношенія къ дѣлу, ясности и точности, и представляетъ собою исключительный интересъ какъ въ историческомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніяхъ.

Digitized by Google

ностью и вѣжливостью. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ, но, повидимому, сознавалъ свое паденіе. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моего корабля, онъ пригласилъ насъ обѣдать, и на этомъ мы разстались.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ сдѣлалъ визитъ генералъ Бертранъ, принесшій намъ списокъ багажа, лошадей, экипажей и пр., которые везъ съ собой Наполеонъ. Я тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о принятіи всѣхъ этихъ вещей на судно, а затѣмъ просилъ свиданія у коммиссаровъ союзныхъ дворовъ,сознавая, что мнѣ необходимо знать, какія инструкціи даны имъ отъ ихъ государей, чтобы сообразовать съ этимъ и мои поступки. Особенно желалъ я узнать отъ нихъ, какія церемоніи надо соблюдать при отплытіи Наполеона и входѣ его на «Undaunted», такъ какъ я желалъ обращаться съ нимъ съ тѣмъ великодушіемъ къ павшему врагу, которое присуще всякому британцу. Они сообщили мнѣ, что инструкціи ихъ точны и опредѣленны. Въ договорѣ, заключенномъ въ Фонтеньбло, Наполеонъ именованъ императоромъ и государемъ острова Эльбы. Я все-таки сомнѣвался, надо ли его встрѣтить королевскимъ салютомъ, но Кембелль, чтобы разрѣшить мои сомнѣнія, показалъ инструкціи, присланныя ему лордомъ Кестльри, гдѣ это было рѣшено утвердительно.

Тогда я отдалъ приказъ перевести на корабль багажъ императора, лошадей, экипажи и пр. Вскорѣ на рейдъ прибыли французскій фрегатъ «Dryade» и корветъ «Victorieuse» и бросили якоръ. Выйдя на берегъ, графъ Монкабри выразилъ удивленіе, что все это перевозится на «Undaunted», но, представившись императору и узнавъ отъ него, что онъ желаетъ ѣхать самъ на этомъ суднѣ, онъ вернулся на свой корабль и отплылъ изъ бухты вмѣстѣ съ «Victorieuse». Послѣдній фрегатъ, какъ дано было понять намъ, долженъ былъ оставаться близъ острова Эльбы въ распоряженіи императора.

За обѣдомъ присутствовали графъ Шуваловъ—русскій коммиссаръ, баронъ Коллеръ—австрійскій, графъ Трухсессъ (Waldebourg-Truchsess)—прусскій и нашъ – Кембелль; адъютантъ принца Шварценберга – графъ Кламъ; графъ Бертранъ, Друо и я. Императоръ не казался вовсе сдержаннымъ но, напротивъ, свободно участвовалъ въ разговорѣ и поддерживалъ его съ большимъ оживленіемъ. Онъ, казалось, выказывалъ большое вниманіе барону Коллеру, сидѣвшему по правую руку отъ него. Говоря о своемъ намѣреніи создать многочисленный флотъ, онъ упомянулъ о голландскомъ флотѣ, о которомъ имѣлъ самое жалкое мнѣніе. Онъ сказалъ, что улучшилъ постройку судовъ у нихъ,ославъ въ Голландію искусныхъ морскихъ инженеровъ, и что послѣ этого онъ выстроилъ тамъ нѣсколько прекрасныхъ судовъ. «Аустерлицъ», напримѣръ, одно изъ лучшихъ судовъ въ мірѣ. Говоря о немъ, онъ обра-

Digitized by Google

щался къ графу Шувалову, которому, казалось, не очень нравилось это напоминаніе. Императоръ сказалъ, что единственное употребленіе, которое онъ могъ сдѣлать изъ старыхъ голландскихъ кораблей, это приспособить ихъ для перевозки лошадей въ Ирландію. Онъ бесѣдовалъ о Эльбѣ, говорилъ о малоизвѣстномъ значеніи этой рѣки, вслѣдствіе того, что по ней можно, съ небольшими издержками, сплавлять корабельный лѣсъ изъ Польши, и т. п.

Я спалъ эту ночь въ Фрежюсѣ, и въ 4 часа утра меня разбудили двое изъ важнѣйшихъ обывателей городка, пришедшихъ просить меня ускорить, насколько возможно, отплытіе Наполеона, такъ какъ получено извѣстіе, что итальянская армія, бывшая подъ командою Евгенія Богарне, возстала. Солдаты входятъ во Францію многочисленными отрядами и рѣшились освободить своего полководца. Эти господа боялись, что Наполеонъ станетъ во главѣ этихъ войскъ. Я отвѣчалъ имъ, что такъ же мало, какъ они сами, могу распоряжаться отправкой императора, и посовѣтовалъ имъ обратиться къ уполномоченнымъ державъ и сообщить имъ свои новости и опасенія. Я думаю, уполномоченные не менѣе меня были раздосадованы тѣмъ, что ихъ разбудили въ такой неподходящій часъ.

Но, дѣйствительно, было ясно, что Наполеонъ имѣлъ какія-то причины не торопиться покинуть берега Франціи. Коммиссары державъ стали безпокоиться и просили меня уговорить его отплыть въ теченіе дня. Согласно ихъ желанію, я испросилъ аудіенцію у императора и представилъ ему, что вѣтеръ измѣняется, и что, если онъ повернетъ на южный и подыметъ волненіе въ бухтѣ,—что можно ожидать по теперешнему состоянію погоды,—то чрезъ нѣсколько часовъ будетъ весьма трудно спустить лодки, и я, отвѣчая за безопасность корабля его величества, буду вынужденъ выйдти въ открытое море. Затѣмъ я откланялся и уѣхалъ на свой корабль, гдѣ въ 10 часовъ получилъ отъ полковника Кембелля слѣдующее письмо:

«Дорогой Ушеръ, императоръ не совсѣмъ здоровъ. Онъ желаетъ отложить отплытіе на нѣсколько часовъ, если вы считаете, что оно будетъ возможнымъ къ тому времени. Чтобъ вы не оставались въ неизвѣстности, онъ проситъ васъ оставить на берегу одного изъ вашихъ офицеровъ, который можетъ извѣстить васъ сигналомъ, когда надо будетъ приготовляться къ посадкѣ на суда. Онъ предъувѣдомитъ васъ объ этомъ заранѣе. Я думаю, вамъ лучше пріѣхать самому или прислать, чтобъ мы могли условиться относительно сигнала, напр. бѣлой простыни, вывѣшенной на концѣ улицы. Подателю письма приказано предоставить въ ваше распоряженіе лошадь и гусара для вашихъ поѣздокъ въ городъ и обратно. Пришлите отвѣтъ съ посланнымъ. Вы найдете меня у генерала Коллера».

*

Digitized by Google

Наполеонъ, видя, что я хочу уходить въ море, понялъ, что долженъ покориться обстоятельствамъ. Поэтому Бертрану было приказано велѣть приготовить экипажи къ семи часамъ. Я пріѣхалъ къ императору за четверть часа до этого срока, чтобъ увѣдомить его, что шлюпка моя ожидаетъ его на берегу. Я оставался одинъ съ нимъ въ комнатѣ, покуда не доложили, что коляска, долженствующая отвести его къ берегу, готова. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженный, повидимому, въ глубокія думы. На улицѣ былъ большой шумъ, и я замѣтилъ ему, что французская чернь хуже всякой другой. (Не помню хорошенько, по поводу чего я сдѣлалъ это замѣчаніе.) «Да» —возразилъ онъ,—«это перемѣнчивый народъ»—и прибавилъ:—«какъ флюгеръ на вѣтру».

Въ эту минуту графъ Бертранъ доложилъ, что экипажи готовы. Императоръ немедленно надѣлъ свою шпагу и сказалъ: «Allons, capitaine». Я отвернулся отъ него, чтобъ посмотрѣть, свободно ли вынимается моя шпага изъ ноженъ, предполагая, что, можетъ быть, придется пустить ее въ дѣло. Тогда растворили створчатую дверь, ведшую на довольно просторную площадку лѣстницы, гдѣ оказалось довольно много публики, очень почтеннаго вида (дамы были въ парадныхъ платьяхъ), ожидающей его выхода. Всѣ эти лица молча и почтительно поклонились императору, который подошелъ къ красивой молодой дамѣ, стоявшей въ толпѣ, и спросилъ ее ласково, замужемъ ли она и сколько у нея дѣтей.

Почти не дожидаясь отвѣта, онъ, кланяясь каждому лицу отдѣльно, сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ коляску, пожелавъ, чтобъ баронъ Коллеръ, графъ Бертранъ и я ѣхали съ нимъ. Экипажъ съ мѣста понесся со всевозможной быстротой къ берегу, въ сопровожденіи экипажей коммиссаровъ державъ. Сцена была глубоко потрясающей. Была ясная лунная ночь. Полкъ конницы былъ расположенъ на берегу и подъ деревьями; когда экипажъ приблизился, заиграли трубы, и эти звуки, смѣшиваясь съ ржаніемъ лошадей и говоромъ народа, собравшагося проводить своего павшаго вождя, производили глубокое впечатлѣніе.

Выйдя изъ экипажа, императоръ поцѣловалъ графа Шувалова, который, вмѣстѣ съ графомъ Трухсессомъ, простился съ нимъ и возвратился въ Парижъ, и, взявъ меня подъ руку, двинулся къ ожидавшей насъ шлюпкѣ. По странному совпаденію, командиромъ шлюпки состоялъ лейтенантъ Смитъ, племянникъ сэра Сиднея Смита, бывшаго, какъ извѣстно, нѣсколько времени заключеннымъ въ Тамплѣ, вмѣстѣ съ капитаномъ Райтъ (Wright). Онъ выступилъ впередъ и помогъ императору пройти по сходнямъ въ шлюпку. «Undaunted» стоялъ вблизи. Подъѣхавъ къ нему, я поспѣшилъ подняться на бортъ, чтобъ встрѣтить императора. Онъ снялъ шляпу и поклонился офицерамъ, собравшимся на палубѣ. Вскорѣ онъ прошелъ къ людямъ, и я нашелъ его

Digitized by Google

разговаривающимъ съ тѣми изъ нихъ, которые сколько-нибудь понимали по-французски. Ничего, повидимому, не ускользало отъ его вниманія. Прежде всего онъ замѣтилъ, сколько у насъ было лодокъ. Поднявъ всѣ паруса и отдавъ королевскій салютъ, я проводилъ его въ мою каюту, показалъ свою койку, которую велѣлъ приготовить для него. Онъ улыбнулся, когда я сталъ извиняться, что не могу предложить ему ничего лучшаго, и сказалъ, что все устроено очень удобно, и онъ увѣренъ, что будетъ крѣпко спать. Мы направились на всѣхъ парусахъ по направленію къ острову Эльбѣ. Онъ всталъ въ 4 часа утра, какъ привыкъ дѣлать обыкновенно, выпилъ чашку крѣпкаго кофе, и, повидимому, совсѣмъ не страдалъ отъ качки судна. Въ этотъ моментъ мы переговаривались сигналами съ судномъ «Мальта», шедшимъ въ Геную, и я телеграфировалъ, что у меня на кораблѣ императоръ.

Такъ какъ вѣтеръ перемѣнился на юго-восточный, то я сталъ держать курсъ на Корсику. Въ 10 часовъ мы завтракали. Присутствовали графъ Бертранъ, графъ Друо, баронъ Коллеръ, полковникъ Кембелль, графъ Кламъ и офицеръ утренней вахты. Наполеонъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и желалъ, повидимому, показать, что, хотя онъ честолюбивъ, у Англіи не менѣе честолюбія. Онъ говорилъ, что со временъ К р о м в е л л я, мы всегда выказывали необыкновенныя претензіи и присвоивали себѣ владычество надъ морями; что послѣ Аміенскаго мира лордъ Sidmouth желалъ возобновить торговый трактатъ, заключенный В е р ж е н е м ъ послѣ американской войны, но что о н ъ, заботясь о поощреніи промышленности во Франціи, выразилъ готовность заключить трактатъ, но на другихъ основаніяхъ, потому что изъ бумагъ, хранящихся въ Версалѣ, ясно видно, какъ вреденъ для интересовъ Франціи трактатъ Верженя. Наполеонъ желалъ торговаго договора на основаніи полной взаимности, т. е. чтобы во Францію ввозилось англійскихъ издѣлій на столько же милліоновъ, на сколько Англія ввозитъ къ себѣ французскихъ. Лордъ С и д м у т ъ сказалъ тогда: «Это совершенная новость. Я не могу заключить подобнаго трактата».—«Очень хорошо», отвѣчалъ Наполеонъ, «я не могу принудить васъ подписать торговый договоръ, точно такъ же, какъ и вы меня. Пусть же все остается, какъ было, пусть торговыхъ сношеній между нашими странами не будетъ».—«Тогда», сказалъ лордъ Сидмутъ, «у насъ будетъ война. Если англичанамъ не будетъ предоставлено торговыхъ преимуществъ, къ которымъ они привыкли, то это заставитъ насъ объявить войну».—«Какъ хотите, но моя обязанность заботиться объ истинныхъ интересахъ Франціи, и я не заключу торговаго трактата иначе, какъ на высказанныхъ мною основаніяхъ». Онъ высказалъ, что хотя Англія выставляла предлогомъ для войны Мальту, но всему міру извѣстно, что не это было главной причиной разрыва; что онъ искренно желалъ мира, въ доказатель-

Digitized by Google

ство чего послалъ свою экспедицію въ Санъ-Доминго. Когда полковникъ Кембелль замѣтилъ, что Англія не считала его искреннимъ за его отказъ заключить торговый трактатъ и посылку въ Ирландію консуловъ и инженеровъ для осмотра гаваней, онъ засмѣялся и сказалъ, что это было бы излишнимъ, такъ какъ каждая гавань въ Англіи и Ирландіи хорошо извѣстна ему. Бертранъ замѣтилъ, что каждый посланникъ—шпіонъ.

Наполеонъ замѣтилъ, что американцы признаютъ правильность его взглядовъ на основы торговли. Прежде они привозили на нѣсколько милліоновъ табаку и хлопка, получали за товаръ монету и порожнемъ шли въ Англію, гдѣ закупали англійскія мануфактурныя издѣлія. Онъ отказался принимать ихъ табакъ и хлопокъ, если они не будутъ вывозить соотвѣтственнаго количества французскихъ произведеній. Они согласились на его требованія, находя ихъ справедливыми. Онъ прибавилъ, что теперь Англія можетъ распоряжаться по своему произволу, и что нѣтъ государства, которое могло бы противиться ея системѣ; она можетъ принудить Францію заключить какой ей угодно трактатъ. «Les Bourbons, pauvres diables (тутъ онъ сдержался), ils sont des grands seigneurs, qui se contentent d'avoir leurs terres et leurs chateaux, mais si le peuple devient mécontent de cela, et trouve qu'il n'y a pas l'encouragement pour leurs manufactures dans l'intérieur qu'il devrait avoir, ils seront chassés dans six mois. Marseille, Nantes, Bordeaux, et la côte ne se soucient pas de cela, car ils ont toujours le même commerce, mais dans l'intérieur c'est autre chose. Je sais bien comment l'esprit était pour moi à Terrare (?), Lyon, et ces endroits qui ont des manufactures, et que j'ai encouragés».

Онъ сказалъ, что Испанія естественный другъ Франціи и врагъ Великобританіи. Что въ интересахъ Испаніи было соединиться съ Франціей для поддержанія общей торговли и колоній. Что наше обладаніе Гибралтаромъ составляетъ стыдъ для Испаніи. Стоило только бомбардировать его день и ночь въ продолженіи года, чтобъ онъ непремѣнно палъ. Онъ спросилъ, обладаемъ ли мы въ настоящее время Цинтрой. Онъ вторгся, по его словамъ, въ Испанію не для того, чтобъ посадить на ея престолъ члена своей семьи, но чтобъ вызвать въ ней переворотъ, чтобъ сдѣлать изъ нея дѣйствительное королевство, уничтожить инквизицію, феодальныя права и несправедливыя привилегіи нѣкоторыхъ классовъ. Онъ говорилъ также о томъ, что мы напали на Испанію безъ объявленія ей войны и безъ всякой причины, и о захватѣ нами фрегатовъ, везшихъ золото въ метрополію. Кто-то возразилъ, что намъ было извѣстно, что Испанія намѣревалась соединиться съ нимъ, какъ только прибудетъ это золото. Онъ сказалъ, что не нуждался въ немъ. Все, что онъ имѣлъ, было по пяти милл. франковъ въ мѣсяцъ.

Послѣ завтрака Наполеонъ читалъ нѣсколько часовъ, а часа въ два

Digitized by Google

вышелъ на палубу и пробылъ тамъ 2—3 часа, иногда обращая вниманіе на происходившее около него, такъ какъ люди занимались обыкновенными корабельными работами, починкой парусовъ, сученіемъ канатовъ, чисткою пушекъ и пр.

Послѣ обѣда онъ потребовалъ карту Тулонской гавани и сообщилъ намъ весь ходъ военныхъ дѣйствій противъ лорда Г у д а и генерала О'Н а г а (Наполеонъ командовалъ при этомъ артиллеріей.) Всѣ другіе офицеры, сказалъ онъ, были за правильную осаду. Онъ подалъ записку, гдѣ предлагалъ вытѣснить флотъ изъ внутренней гавани, что̀ поставило бы въ опасность весь гарнизонъ. При этомъ случаѣ онъ впервые увидѣлъ преимущества новой тактики. Онъ привелъ анекдотъ объ одномъ народномъ представителѣ, приказавшемъ его батареѣ стрѣлять и открывшемъ стрѣльбу слишкомъ рано.

Вечеромъ небольшое торговое генуэзское судно проплыло близко насъ. Я приказалъ осмотрѣть его, а такъ какъ Наполеонъ сильно желалъ знать новости, то я просилъ капитана прибыть на нашъ корабль. Наполеонъ былъ въ это время на шканцахъ. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрой шинели и круглой шляпѣ. Такъ какъ онъ выразилъ желаніе лично разспросить капитана, то я послалъ послѣдняго къ нему на заднюю часть шканцевъ, а потомъ велѣлъ капитану сойдти ко мнѣ въ каюту. «Вашъ капитанъ», сказалъ мнѣ генуэзецъ, «самый необыкновенный человѣкъ, котораго я когда-либо видѣлъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ массу различныхъ вопросовъ, не давая мнѣ времени отвѣчать и быстро повторяя второй разъ каждый изъ нихъ». Когда я разсказалъ ему, съ кѣмъ онъ разговаривалъ, онъ бросился наверхъ, надѣясь еще разъ увидѣть императора. Но Наполеонъ, къ его великому разочарованію, уже спустился внизъ. Когда я сказалъ Наполеону, что человѣкъ этотъ замѣтилъ привычку его быстро повторять тотъ же вопросъ, онъ сказалъ, что это единственный способъ добиться отъ такихъ людей правды.

Однажды, утромъ, когда Наполеонъ находился на палубѣ, я приказалъ повернуть корабль къ лигурійскому берегу. Погода стояла очень ясная, когда мы приблизились къ землѣ; Альпы были прекрасно видны. Онъ стоялъ подъ-руку со мною и пристально смотрѣлъ на нихъ почти полчаса: взоры его были почти неподвижны. Я замѣтилъ ему, что онъ переходилъ эти горы при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Онъ отвѣтилъ только, что это совершенно справедливо. Между тѣмъ, вѣтеръ усилился до степени шторма.

Онъ спросилъ меня, шутя, нѣтъ ли опасности, что̀ было сказано, очевидно, чтобъ подразнить барона Коллера, бывшаго возлѣ него, очень плохаго моряка, надъ которымъ Наполеонъ по этому поводу постоянно смѣялся. Наполеонъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно продовольствія нашихъ матросовъ и казался удивленнымъ, что они получаютъ

Digitized by Google

какао и сахаръ, и спросилъ, почему допускается такая роскошь. Я сказалъ ему, что онъ самъ тому причиной, что, благодаря его континентальной системѣ, мы не могли продавать свое какао и сахаръ, и чтобъ то и другое не пропадало, правительство стало раздавать ихъ какъ добавочное продовольствіе матросамъ. Мы опять перемѣнили галсъ и пошли къ берегамъ Корсики, проѣхавъ мимо маленькаго судна, которое ему очень хотѣлось остановить, чтобъ узнать новости. Но я сказалъ ему, что судно для этого слишкомъ далеко, такъ какъ шло съ надвѣтренной стороны по противоположному намъ направленію. Мы тогда сидѣли за столомъ, и онъ шепнулъ мнѣ, чтобъ я послалъ въ это судно выстрѣлъ и остановилъ его. Я выразилъ удивленіе на это желаніе, такъ какъ это значитъ лишить его національнаго характера (dénationalisé), намекая на его миланскій декретъ. Онъ ущипнулъ меня за ухо и засмѣялся, замѣтивъ, что по утрехтскому договору, когда суда сцѣпляются, это должно происходить внѣ выстрѣловъ. Именно при этомъ случаѣ, сказалъ онъ, Англія оказалась неприготовленной къ шагу, который онъ сдѣлалъ, —къ блокадѣ береговъ всего континента, отъ устья Эльбы до Бреста. Эта мѣра и принудила его овладѣть Голландіей. Америка дѣйствовала храбро, разумно, сказалъ онъ, прибавивъ, что государственная переписка американцевъ велась хорошо и заключала много здравыхъ мыслей. Я спросилъ его, не издалъ ли онъ свой знаменитый миланскій декретъ, чтобъ заставить Америку перессориться съ нами. Онъ сказалъ, что былъ недоволенъ Америкой за то, что она допустила, чтобъ ея флагъ былъ лишенъ національнаго характера. Онъ долго говорилъ объ этомъ предметѣ и сказалъ, что справедливость находится на сторонѣ Америки. Онъ считаетъ вѣроятнымъ, что Америка займетъ Мексику. Еще говорилъ онъ, что экспедиція противъ Копенгагена была крайне несправедлива и во всѣхъ отношеніяхъ неполитична. «Что, въ концѣ концовъ, мы взяли? только нѣсколько старыхъ кораблей, ни на что намъ негодныхъ. Величайшая несправедливость нападать на слабѣйшую націю, безъ всякой причины, безъ объявленія ей войны, и это принесло намъ неизчислимое зло». Я замѣтилъ, что въ то время думали, что датскій флотъ проданъ ему.

Императрица Марія-Луиза посѣтила Шербургъ, когда всѣ работы были закончены (самъ онъ былъ тогда въ Дрезденѣ) въ прошломъ году. Онъ сказалъ, что обладаетъ тѣмъ, что было бы неоцѣнимо для Англіи, и говорилъ о сильныхъ и слабыхъ пунктахъ имперіи. На нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ счетъ, онъ прибавилъ: «Франція ничто безъ Антверпена, потому что, въ случаѣ блокады Бреста и Тулона, въ немъ можно соорудить новый флотъ, привезя лѣсъ изъ Польши». Онъ никогда не согласится отдать его, такъ какъ при коронаціи клялся не допускать уменьшенія Франціи. Онъ приказалъ измѣрить глубину и тщательно

Digitized by Google

изслѣдовать теченіе Эльбы, и нашелъ, что она такъ же, какъ и Шельда, допускаетъ устройство большой кораблестроительной верфи близъ Гамбурга.

Онъ разсказалъ мнѣ, что его планы относительно флота были гигантскіе. Онъ хотѣлъ имѣть 300 линейныхъ кораблей. Я замѣтилъ, что ему невозможно было бы набрать экипажи для столькихъ судовъ. Онъ возразилъ, что конскрипція и вербованіе иностранцевъ, которые стекались бы изо всей Европы, дали бы ему достаточно людей; что Зюдерзее особенно пригодно для обученія матросовъ-новобранцевъ. Когда я выразилъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ достоинства такихъ рекрутовъ-моряковъ, онъ сказалъ, что я ошибаюсь, и спросилъ моего мнѣнія о тулонскомъ флотѣ, дѣйствія котораго въ виду нашего флота мнѣ случалось часто наблюдать. Онъ просилъ меня откровенно высказать, какъ я нахожу его.

Новобранцы были обучаемы и упражнялись два года на шкунахъ и судахъ малаго размѣра, и лучшіе флотскіе офицеры назначались для командованія ими. Они были постоянно въ морѣ – то, чтобъ защищать береговую торговлю, то для практики. Онъ не разсчитывалъ, что они станутъ, вслѣдствіе этого первоклассными моряками, но собирался послать эту эскадру въ Восточную и Западную Индію, не для того, чтобъ аттаковать колоніи, но чтобъ усовершенствовать матросовъ и, въ то же время, мѣшать британской торговлѣ. Онъ разсчитывалъ, что потеряетъ при этомъ нѣсколько кораблей, но онъ могъ пожертвовать ими, такъ какъ они дорого обошлись бы непріятелю.

Во время разговора объ этихъ предметахъ, онъ удивилъ меня, прекрасно объяснивъ барону Коллеру очень тонкій случай изъ морской практики. Онъ очень хвалилъ правильность, съ которой совершалась служба на нашемъ кораблѣ, гдѣ для всего было назначено опредѣленное время, а болѣе всего, уваженіе, оказываемое младшими офицерами старшимъ. Онъ считалъ это необходимымъ для поддержанія хорошей дисциплины, и не удивлялся, что мы такъ строги къ каждому отступленію отъ этого порядка. Онъ сказалъ, что старался ввести тѣ же обычаи во французскомъ флотѣ, но не могъ втолковать пользу этого въ головы капитановъ.

Вѣтеръ все еще продолжалъ дуть съ востока, и море было бурно. Мы старались укрыться отъ волненія за корсиканскій берегъ. Такъ какъ по всему можно было ожидать бури, то я заявилъ, что если штормъ усилится, я намѣренъ бросить якорь въ Бастіи. Наполеонъ, повидимому, желалъ, чтобъ мы остановились въ Аяччіо. Я объяснилъ ему, что этотъ городъ слишкомъ далеко отъ нашего прямаго пути. Онъ предложилъ Кальви, которое хорошо ему извѣстно, и объяснилъ глубину воды въ гавани и другія подробности, что̀ заставило меня думать, что онъ былъ бы для насъ прекраснымъ лоцманомъ, еслибъ мы остановились тамъ.

Digitized by Google

Въ теченіе этого вечера мы разминулись и обмѣнялись сигналами съ «Бервикомъ», «Эглемъ», «Алкменой» съ конвоиромъ. Я пригласилъ сэра Джона Льюса и капитана Коглона обѣдать къ намъ. Когда они взошли на корабль, я представилъ ихъ Наполеону. Онъ сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ о ихъ корабляхъ, скорости ихъ хода и морскихъ качествахъ. Капитанъ Коглонъ былъ не мало удивленъ, когда онъ спросилъ у него, не ирландецъ и не католикъ ли онъ? Всю ночь мы держались подъ парусами, чтобъ приблизиться къ берегу, и «Эгль» и «Алкмена» были съ нами. На разсвѣтѣ мы увидали къ югу отъ насъ мѣстечко Кальви. Наполеонъ вышелъ на палубу раньше обыкновеннаго. Онъ казался въ хорошемъ расположеніи духа, внимательно смотрѣлъ на берегъ и разспрашивалъ офицеровъ о мѣстахъ высадки и т. п. Когда мы подошли къ берегу, вѣтеръ сталъ умѣреннѣе. Во время дурной погоды Наполеонъ оставался постоянно на палубѣ и совсѣмъ не страдалъ отъ качки судна. Но его приближенные были сильно больны.

Такъ какъ вѣтеръ дулъ теперь отъ берега, то мы плыли вдоль самой земли. Наполеонъ съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ берегъ въ подзорную трубу и разсказывалъ намъ анекдоты изъ дней своей юности.

Мы обогнули, на разстояніи двухъ-трехъ каббельтовъ, круглый, скалистый мысъ, и Наполеонъ, обращаясь къ барону Коллеру, сказалъ, что прогулка по берегу была бы очень полезна, и предложилъ высадиться, чтобъ изслѣдовать прибрежныя скалы. Но баронъ Коллеръ шепнулъ мнѣ, что достаточно знаетъ Наполеона, чтобъ не довѣрять ему, и просилъ меня не слушать его предложеній.

Мы поплыли затѣмъ къ заливу С.-Флорента, встрѣтили фелукку изъ Генуи, выстрѣломъ заставили ее остановиться и узнали отъ нея, что главнокомандующій сэръ Эдуардъ Пелау (Pelow) съ флотомъ находился тамъ.

Затѣмъ мы направились на мысъ Корсо, который обогнули ночью. Утромъ мы направились въ острову Капраія и, замѣтивъ флагъ, развѣвающійся на замкѣ, остановились близъ него и легли въ дрейфъ. Къ намъ прибыла депутація отъ жителей, съ просьбой принять во владѣніе ихъ островъ, и увѣдомила меня, что въ замкѣ находится французскій гарнизонъ. Согласно съ ихъ просьбой, я послалъ лейтенанта Смита съ отрядомъ моряковъ поднять британскій флагъ для покровительства жителей. Наполеонъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ членами депутаціи, изъявившими крайнее удивленіе, узнавъ, что ихъ императоръ находится на британскомъ военномъ кораблѣ. Поднявъ всѣ паруса, мы направили нашъ путь на островъ Эльбу. Наполеонъ сталъ выказывать большое нетерпѣніе скорѣе увидать его и спросилъ, всѣ ли паруса у насъ подняты. Я отвѣчалъ, что распущено все, что́ можетъ быть полезно. Онъ сказалъ: «если бы вы гнались за непріятельскимъ фрегатомъ, не подняли ли бы вы еще парусовъ?». Я посмотрѣлъ и, замѣтивъ,

Digitized by Google

что не поднятъ брамсель на марсѣ, сказалъ, что, конечно, поднялъ бы и этотъ парусъ. Я упоминаю объ этомъ разговорѣ, чтобъ показать, какъ ничто не ускользало отъ вниманія Наполеона.

Когда матросъ на мачтѣ возвѣстилъ, что Эльба видна прямо передъ нами, Наполеонъ сталъ чрезвычайно нетерпѣливъ, пошелъ впередъ на бакъ, и какъ только земля стала видна съ палубы, особенно интересовался узнать, чей флагъ развѣвается на батареяхъ. Онъ, повидимому, сомнѣвался, передался ли гарнизонъ Бурбонамъ и имѣлъ ли основанія для этого, такъ какъ оказалось, что войска примкнули къ Бурбонамъ только въ послѣдніе 48 часовъ, такъ что, еслибъ у насъ былъ попутный вѣтеръ, мы застали бы островъ во власти непріятеля, и мнѣ пришлось бы сдать порученное мнѣ лицо главнокомандующему флотомъ, который, безъ сомнѣнія, приказалъ бы увезти его въ Англію. Приближаясь къ Эльбѣ, генералъ Друо, графъ Кламъ и Гастингсъ, старшій лейтенантъ на «Undaunted» были посланы на берегъ съ порученіемъ отъ Наполеона принять во владѣніе островъ.

Полковникъ Кембелль сопутствовалъ имъ. Ихъ провели въ домъ генерала Дальгема (Dalheme), получившаго приказанія отъ временнаго правительства только два дня тому назадъ, вслѣдствіе чего онъ и его войска примкнули къ Людовику XVIII и подняли бѣлый флагъ. Генералъ выразилъ свое желаніе сдѣлать все угодное Наполеону.

3-го мая 1814 года. Въ инструкціи, данной Друо Наполеономъ, было выражено желаніе послѣдняго знать имена всѣхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, которые пожелаютъ поступить къ нему на службу. Онъ желалъ также, чтобъ къ нему прибыла депутація отъ жителей. Около 8 часовъ пополудни мы бросили якорь у входа въ гавань, и вскорѣ послѣ этого депутація представилась императору. Первоначально на островѣ было 3.000 войска, но дезертирство и отставки недовольныхъ иностранцевъ уменьшили число ихъ до 700 человѣкъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль островъ былъ въ состояніи возстанія, а потому войска были заперты въ укрѣпленіяхъ, окружающихъ городъ Порто-Ферраіо.

Въ теченіе ночи, австрійскій офицеръ былъ посланъ въ моей шлюпкѣ въ Піомбино, чтобъ просить о возстановленіи сношеній и собрать новости. Ему было дано письмо отъ коммиссаровъ державъ къ коменданту. Но послѣдній вѣжливо уклонился отъ всякихъ сношеній, заявивъ, въ то же время, что онъ написалъ своему непосредственному начальнику, прося его о разрѣшеніи войти съ нами въ сношенія.

4-го мая. Наполеонъ былъ на палубѣ, съ разсвѣтомъ, и разговаривалъ два часа съ капитаномъ надъ портомъ, пріѣхавшимъ на корабль въ качествѣ лоцмана, и разспрашивалъ его подробно о якорной стоянкѣ, укрѣпленіяхъ и т. п. Въ 6 часовъ мы подняли якорь и поплыли на па-

Digitized by Google

русахъ въ гавань. Въ 6 ½ часовъ мы бросили якорь, спустили всѣ наши лодки и послали часть багажа на берегъ. Въ 8 часовъ императоръ потребовалъ у меня лодки, такъ какъ хотѣлъ прокатиться на другую сторону залива, и приглашалъ меня ѣхать съ нимъ. Онъ былъ въ пальто и круглой шляпѣ. Графъ Бертранъ, полковникъ Кембелль и полковникъ Винцентъ (главный инженеръ) поѣхали съ нами. Баронъ Коллеръ отказался ѣхать. На полпути къ берегу Наполеонъ замѣтилъ, что онъ былъ безъ шпаги, и затѣмъ спросилъ, склонны ли къ разбою и убійству тосканскіе крестьяне. Мы гуляя около двухъ часовъ. Встрѣчавшіеся намъ крестьяне, принимая насъ за англичанъ, кричали вивать, что, какъ кажется, не нравилось Наполеону.

Мы воротились на корабль къ завтраку. Послѣ того онъ занялся составленіемъ государственнаго флага для Эльбы и потребовалъ, чтобъ я оставался при немъ въ это время. У него была книга съ изображеніемъ всѣхъ древнихъ и современныхъ флаговъ Тосканы. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія относительно выбраннаго имъ. Это былъ бѣлый флагъ съ красной полосой, идущей діагонально, съ тремя пчелами на ней (пчелы, какъ извѣстно, были въ гербѣ императора французскаго). Затѣмъ онъ попросилъ меня поручить судовому портному сшить два такіе флага, чтобъ вывѣсить одинъ изъ нихъ на батареѣ къ часу дня. Въ 2 часа пополудни шлюпка была подъ веслами. Императоръ попросилъ меня сойти первымъ съ борта, чтобъ указать ему дорогу. Онъ послѣдовалъ за мною, и за нимъ сошли баронъ Коллеръ, графъ Бертранъ и графъ Кламъ. Люди были посланы по рѣямъ, мы произвели королевскій салютъ, повторенный двумя французскими корветами, стоявшими въ то время въ гавани. Нашъ корабль окружили лодки съ знатнѣйшими обитателями острова и съ оркестрами музыки. Воздухъ потрясался кликами: «Vive l'empereur, Vive Napoléon!» На берегу онъ былъ встрѣченъ префектомъ, духовенствомъ и всѣми властями, поднесшими ему на блюдѣ ключи, въ отвѣтъ на что онъ сказалъ привѣтственную рѣчь префекту, а народъ встрѣтилъ его громкими кликами. Мы прошли въ церковь сквозь двойной рядъ солдатъ, стоявшихъ шпалерами, а оттуда отправились въ ратушу, гдѣ собрались важнѣйшіе обыватели острова, съ нѣкоторыми изъ коихъ онъ разговаривалъ. Замѣтивъ въ толпѣ стараго солдата (кажется, сержанта) съ орденомъ почетнаго легіона, онъ подозвалъ его къ себѣ и напомнилъ ему, что далъ ему этотъ орденъ на полѣ битвы при Эйлау. Старый ветеранъ проливалъ слезы. Мысль, что императоръ не забылъ его, совсѣмъ растрогала его. Я не сомнѣваюсь, что онъ считалъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни. Затѣмъ Наполеонъ сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи дюжины людей отправился осматривать укрѣпленія, пригласивъ меня, прежде чѣмъ съѣхалъ съ корабля, обѣдать съ нимъ въ 7 часовъ вечера. Я приказалъ свезти

Digitized by Google

на берегъ для его стола всѣ мои запасы и вина, такъ какъ на островѣ нельзя было достать ничего подобнаго.

5-го мая. Въ 4 часа утра меня разбудили клики: «Vive l'empereur!» и бой барабана. Наполеонъ былъ уже на ногахъ и пѣшкомъ обходилъ укрѣпленія, магазины и склады. Въ 10 часовъ онъ воротился завтракать, а въ 2 часа выѣхалъ верхомъ, и я съ нимъ, мили на двѣ внутрь страны. Онъ осматривалъ различныя деревенскія жилища и раздавалъ деньги всѣмъ встрѣчавшимся намъ нищимъ. Къ семи часамъ мы воротились обѣдать. Надо замѣтить, что передъ отъѣздомъ съ «Undaunted» Наполеонъ потребовалъ, чтобъ отрядъ въ 30 человѣкъ матросовъ сопутствовалъ ему и остался на берегу. Но впослѣдствіи онъ замѣнилъ ихъ однимъ офицеромъ и двумя сержантами. Одинъ изъ послѣднихъ, О'Горумъ (O'Gorum), одинъ изъ храбрѣйшихъ и достойнѣйшихъ служакъ, которыхъ я зналъ, и очень понравившійся императору, долженъ былъ спать на матрасѣ у двери его спальни, въ мундирѣ и съ оружіемъ. Камердинеръ спалъ на другомъ матрасѣ, въ той же передней. Если Наполеонъ ложился днемъ, то сержантъ также долженъ былъ оставаться въ этой комнатѣ.

6-го мая. Въ 6 часовъ утра мы переѣхали заливъ въ моей шлюпкѣ и нашли ожидавшихъ насъ лошадей. Мы поѣхали въ Піонъ, смотрѣли знаменитую желѣзную гору, осматривали нѣсколько копей, а также древній храмъ, посвященный Юпитеру. Дорога къ этимъ развалинамъ очень живописна и романтична, но трудна, такъ какъ онѣ стоятъ на вершинѣ крутой и высокой горы. Мы принуждены были сойти съ лошадей и идти въ тѣни прекрасныхъ деревьевъ. Мы осматривали также очень маленькій, но прекрасно содержимый музей, съ прекрасными образцами здѣшнихъ минераловъ и рудъ изъ окрестныхъ копей. Наполеонъ выразилъ желаніе осмотрѣть главнѣйшіе рудники, и когда все было готово для этого, онъ просилъ барона Коллера, меня и еще двухъ-трехъ лицъ изъ свиты, сопутствовать ему. Они вѣжливо отказались, но я охотно принялъ приглашеніе. Два проводника съ факелами пошли съ нами.

Когда мы пришли въ средину какъ бы громадной пещеры, проводники внезапно ударили факелами о земь, и вся пещера въ одно мгновеніе ярко освѣтилась. Въ первую минуту мы ожидали взрыва. Вѣроятно Наполеонъ боялся того же, но онъ хладнокровно понюхалъ табаку и пригласилъ меня послѣдовать за нимъ.

Въ Піонѣ пѣли «Te Deum», я полагаю, первый разъ въ жизни, такъ какъ служившій священникъ совсѣмъ не зналъ своего дѣла. При нашемъ проѣздѣ былъ произведенъ салютъ, и Наполеона встрѣтили громкими кликами «Vive l'empereur!» Народъ, повидимому, сильно желалъ его видѣть. Нѣсколько старухъ подали ему прошенія, и многіе тѣс-

Digitized by Google

нились, чтобъ поцѣловать его руку. Въ 5 часовъ мы сѣли въ лодку и переѣхали чрезъ гавань въ Порто-Ферраіо. Въ семь мы сѣли за столъ. Онъ говорилъ о своемъ намѣреніи овладѣть островомъ Піаноза, небольшимъ необитаемымъ островкомъ, въ 10 миляхъ отъ Эльбы. «Вся Европа заговоритъ, что я опять дѣлаю завоеванія», сказалъ онъ (toute l'Europe dira que j'ai déjà fait une conquête) [1]. У него уже роились въ головѣ планы о проведеніи въ городъ воды изъ горъ. Повидимому, онъ всегда считалъ предметомъ первой необходимости обильный запасъ здоровой воды для городскихъ жителей, и въ этомъ случаѣ, первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это постройка водопровода. Онъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ въ лодкѣ отыскивать источники.

Однажды, изслѣдуя съ этой цѣлью берега, онъ замѣтилъ, что матросы съ «Undaunted» берутъ воду въ маленькой бухтѣ. Онъ сказалъ, что увѣренъ, что тутъ находится хорошая вода. Я спросилъ, почему онъ это думаетъ. Онъ отвѣчалъ: «повѣрьте, моряки знаютъ въ этомъ толкъ, они умѣютъ отыскать хорошую воду». Мы высадились въ этомъ пунктѣ, и онъ пожелалъ попробовать воду. Джекъ сложилъ поля своей шляпы на подобіе трехуголки и зачерпнулъ ею воды. Наполеонъ посмѣялся надъ этой находчивостью, попробовалъ воду и нашелъ ее превосходной.

Онъ считалъ также весьма важнымъ канализацію города и просилъ меня дозволить корабельному столяру пріѣхать къ нему (такъ какъ узналъ, что этотъ человѣкъ былъ довольно свѣдущъ въ инженерныхъ работахъ), чтобъ посмотрѣть, нельзя ли будетъ подымать насосами морскую воду на вершину горы. Кажется, онъ потомъ бросилъ этотъ проектъ, какъ требовавшій слишкомъ большихъ расходовъ. Онъ задумывалъ также постройку дворца и загороднаго дома, дома для принцессы Полины, конюшень, госпиталя и карантиннаго помѣщенія. На счетъ послѣдняго онъ спросилъ мое мнѣніе.

7-го мая. Наполеонъ былъ занятъ осмотромъ города и укрѣпленій. Послѣ завтрака онъ опять поѣхалъ въ лодкѣ и осмотрѣлъ различные запасные магазины, расположенные по берегамъ залива. Во время экскурсій за городъ, его сопровождали около 12 офицеровъ и жандармскій капитанъ. Обыкновенно, впередъ посылался одинъ изъ «fourriers de palais», а иногда партія пѣшихъ жандармовъ.

Когда нѣкоторые изъ насъ, сѣвъ въ шлюпку, оставались съ непокрытою головой, Наполеонъ предлагалъ имъ надѣть шляпы, говоря: «nous sommes ici ensemble en soldats».

---

[1]) Михайловскій записалъ объ этомъ разсказѣ Коллера, услышанномъ имъ осенью 1814 года, во время путешествія императора Александра въ Венгріи. Наполеонъ сказалъ Коллеру: „Quand on l'apprendra en Europe, on dira: Napoléon possédé de la manie, des conquêtes vient d'occuper une province. Ayez soin de m'en disculper". Ред.

Digitized by Google

8-го мая. Вчера прибылъ «Кюрасао» (Cuiraçao), съ м-ромъ Локеромъ, секретаремъ главнокомандующаго, сэра Эдуарда Пелау (Pellew). Онъ просилъ аудіенцію, чтобъ представить императору копію съ мирнаго договора. Наполеонъ принялъ м-ра Локера очень милостиво и прочиталъ трактатъ съ глубокимъ вниманіемъ. При аудіенціи присутствовали баронъ Коллеръ, гр. Бертранъ, Друо, ген. Дальгемъ и я. Прочитавъ и сложивъ бумагу, онъ отдалъ ее м-ру Локеру, выразивъ свою благодарность главнокомандующему.

9-го мая. Баронъ Коллеръ, испросивъ аудіенцію, откланялся императору и отплылъ на «Кюрасао» въ Геную. Въ этотъ день я сопровождалъ императора въ Лонгоне, гдѣ мы завтракали, между тѣмъ какъ окружавшій насъ народъ кричалъ: «Vive l'empereur!».

Лонгоне—крѣпость значительной силы. Укрѣпленія правильны, бухта не велика, но въ ней есть безопасная якорная стоянка. Много стариковъ подавали прошенія, а дѣвушки подносили цвѣты, которые Наполеонъ принималъ очень ласково, разговаривая со всѣми, но особенно съ хорошенькими дѣвушками. Одинъ молодой мальчикъ упалъ на колѣни передъ нимъ, чтобъ просить милостыню, или въ знакъ почтенія. Наполеонъ повернулся къ полковнику Кембеллю и сказалъ: «Ah! je connais bien les Italiens; c'est l'éducation des moines. On ne voit pas cela parmi le peuple du nord». Пройдя нѣсколько далѣе, мы встрѣтили двухъ хорошо одѣтыхъ молодыхъ женщинъ, поклонившихся ему съ привѣтствіемъ. Болѣе молодая изъ нихъ сказала ему, очень развязно и весело, что она была приглашена на балъ въ Лонгоне два дня тому назадъ, но такъ какъ императоръ не пріѣхалъ туда, какъ ожидали, то и она осталась дома.

Вмѣсто того чтобы возвращаться по той же дорогѣ, императоръ поворотилъ по тропинкамъ, чтобъ изслѣдовать берегъ, напѣвая итальянскія пѣсни, что онъ дѣлалъ довольно часто, и казался въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ говорилъ о своей любви къ музыкѣ и сказалъ, что горныя тропинки напоминаютъ ему переходъ чрезъ С. Бернардъ и разговоръ, который онъ имѣлъ при этомъ съ тамошнимъ молодымъ крестьяниномъ. Человѣкъ этотъ, не зная, съ кѣмъ говоритъ, свободно распространился о томъ, какъ счастливы тѣ, которые имѣютъ хорошій домъ, достаточно скота и пр. Наполеонъ заставилъ его перечислить все, что составляло его главнѣйшія нужды и желанія, и затѣмъ послалъ за нимъ и подарилъ ему все, о чемъ онъ мечталъ. «Cela m'a coûté 60.000 francs», сказалъ онъ.

10-го мая. Наполеонъ въѣхалъ верхомъ на самую высокую гору надъ Порто-Ферраіо, откуда было видно море со всѣхъ четырехъ сторонъ, на разстояніи не болѣе одной англійской мили по каждому направленію. Посмотрѣвъ нѣсколько времени кругомъ, онъ обернулся къ намъ, засмѣялся и сказалъ: «Eh! mon île est bien petite!» На вершинѣ

Digitized by Google

этой горы находилась небольшая часовня, при которой жилъ, до своей смерти, отшельникъ. Кто-то замѣтилъ, что надо болѣе чѣмъ обыкновенную набожность, чтобъ ходить сюда въ церковныя службы. «Oui, oui, le prêtre peut dire ici autant de bêtises qu'il veut», сказалъ Наполеонъ.

Вечеромъ 9-го, воротившись изъ Лонгоне, онъ завелъ бесѣду объ арміяхъ и ихъ дѣйствіяхъ въ концѣ послѣдней кампаніи и продолжалъ ее съ полчаса, покуда не всталъ изъ-за стола. Перейдя въ пріемную комнату, онъ возобновилъ этотъ разговоръ, говорилъ о своей политикѣ, о Бурбонахъ и проч., съ большимъ оживленіемъ, почти до полуночи, оставаясь на ногахъ около трехъ часовъ сряду. По его словамъ, всѣ военныя дѣйствія противъ союзниковъ были въ его пользу, покуда численность войскъ была сколько-нибудь пропорціональна. Что въ одномъ дѣлѣ съ пруссаками, которые были далеко лучше другихъ (qui sont infinement les meilleurs), у него было только 700 ч. пѣхоты en tirailleurs, съ тремя батальонами его гвардіи въ резервѣ, и 2.000 конницы противъ почти двойнаго числа непріятеля. Какъ только показалась старая гвардія, дѣло было рѣшено въ пользу французовъ.

Онъ хвалилъ генерала Блюхера: «Le vieux diable m'a toujours attaqué avec la même vigueur; s'il était battu, un instant après il se trouvait prêt pour le combat». Затѣмъ онъ описалъ свои послѣдніе походы отъ Арси къ Бріену, сказалъ, что зналъ, что Шварценбергъ не въ состояніи противостоять ему, и надѣялся уничтожить половину его арміи. При его отступленіи онъ всегда бралъ громадное количество пушекъ и обоза. Когда ему донесли, что непріятель перешелъ Объ, при Витри, онъ рѣшилъ остановиться. Онъ, однако, не хотѣлъ этому вѣрить, пока генералъ Жераръ не увѣрилъ его, что самъ видѣлъ 20.000 ч. пѣхоты. Онъ очень обрадовался этому извѣстію и тотчасъ повернулъ въ С. Дизье, гдѣ напалъ на кавалерію Винценгероде, которую считалъ авангардомъ арміи Шварценберга. Онъ гналъ ихъ цѣлый день передъ собою, какъ стадо барановъ, взялъ 1.500—2.000 плѣнныхъ и нѣсколько легкихъ пушекъ, но, къ своему удивленію, не видалъ никакой арміи. Тогда онъ остановился. По всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ можно было думать, что непріятель отступилъ назадъ къ Труа. Поэтому, онъ пошелъ въ этомъ направленіи, и тогда убѣдился, потерявъ три дня, что арміи Шварценберга и Блюхера пошли къ Парижу. Онъ приказалъ идти форсированнымъ маршемъ, и самъ ѣхалъ верхомъ впереди (со свитой и экипажами) день и ночь. Никогда онъ и друзья его не были болѣе веселы и увѣрены. Онъ зналъ, по его словамъ, что всѣ рабочіе въ Парижѣ возьмутся за оружіе для него. Что могутъ сдѣлать союзники съ такой силой? Національной гвардіи стоитъ только забаррикадировать улицы бочками, и непріятель не будетъ въ состояніи двинуться впередъ, покуда онъ не подоспѣетъ на помощь городу. Въ 8 ч. утра за нѣсколько

Digitized by Google

миль отъ Парижа онъ встрѣтилъ колонну отсталыхъ, которые удивились, увидѣвъ его, а онъ, увидѣвъ ихъ. Что это значитъ? спросилъ онъ. Они остановились и казались изумленными. Какъ, это императоръ! Они объяснили ему, что отступили чрезъ Парижъ. Однако онъ все-таки вѣрилъ въ успѣхъ. Армія его горѣла желаніемъ аттаковать непріятеля и выбить его изъ столицы. Онъ очень хорошо зналъ, насколько Шварценбергъ станетъ рисковать, и насколько хуже составъ союзной арміи противъ его собственной. Шварценбергъ никогда не рискнулъ бы дать генеральное сраженіе, имѣя въ тылу Парижъ, а занялъ бы оборонительное положеніе. Онъ самъ аттаковалъ бы непріятеля съ разныхъ сторонъ въ теченіе 2 — 3-хъ часовъ и затѣмъ, ставъ во главѣ своихъ 30 баталіоновъ гвардіи, съ 80 пушками, устремился бы на какую-либо одну часть ихъ арміи. Ничто не могло бы противостоять ему; и хотя, сравнительно, слабыя силы его не позволяли ему надѣяться на полную побѣду, однако ему удалось бы убить много людей у непріятеля и заставить его покинуть Парижъ и его окрестности. Что́ бы онъ сталъ дѣлать далѣе, зависѣло бы отъ обстоятельствъ. Кто могъ бы предполагать, что сенатъ такъ обезчеститъ себя, что соберется подъ давленіемъ 20.000 иностранныхъ штыковъ (трусость безпримѣрная въ исторіи), и что человѣкъ, всѣмъ обязанный ему, бывшій его адъютантомъ и служившій при немъ 20 лѣтъ, измѣнитъ ему! Все-таки, это только отдѣльная партія, правившая Парижемъ, подъ давленіемъ непріятельской силы. Остальная же нація стоитъ за него. Армія, до послѣдняго человѣка, готова сражаться за него, но она настолько малочисленнѣе враговъ, что это было бы гибелью многимъ его друзьямъ и затянуло бы войну на многіе годы. Поэтому онъ предпочелъ пожертвовать своими правами.

Онъ продолжалъ вести войну не за обладаніе престоломъ, не ради плановъ, осуществить которые онъ не видѣлъ возможности, а для славы Франціи. Онъ желалъ сдѣлать Францію первой державой въ мірѣ. Теперь всему конецъ. «J'ai abdiqué, à présent, je suis un homme mort!» Онъ повторилъ эту фразу нѣсколько разъ. Говоря о своемъ довѣріи къ своей арміи и къ старой гвардіи, а также о недостаткѣ согласія и раздорахъ между союзниками, онъ обращался къ полковнику Кембеллю съ просьбою, откровенно сказать, правъ ли онъ, и полковникъ Кембелль отвѣчалъ утвердительно, что онъ никогда не видалъ значительной части французской арміи, но что всѣ говорятъ объ императорѣ и его старой гвардіи, какъ о чемъ-то сверхъестественномъ. Наполеонъ сказалъ, что низкое мнѣніе его объ арміи Шварценберга основательно— она не имѣетъ довѣрія ни къ своимъ собственнымъ силамъ, ни къ своимъ союзникамъ. Каждая часть этой арміи думаетъ, что дѣлаетъ слишкомъ много, а ея союзники слишкомъ мало, и потому она уже

Digitized by Google

наполовину разбита ранѣе, чѣмъ встрѣтится съ французами. Онъ насмѣхался надъ опасеніями Мармона за его жизнь. «Fut-il jamais rien de si naif que cette capitulation». Мармонъ хотѣлъ защитить его особу, но дезертировалъ и оставилъ безъ прикрытія какъ его, такъ и всѣхъ своихъ товарищей, такъ какъ его корпусъ прикрывалъ весь фронтъ арміи. Въ предыдущую ночь, Мармонъ сказалъ ему: «Pour mon corps d'armée, j'en réponds». И это была правда. Офицеры и солдаты неистовствовали, узнавъ, что было сдѣлано,—а ихъ было 8.000 пѣхоты и 3.000 кавалеріи съ 60-тью пушками. «Voilà l'histoire»! Онъ возставалъ противъ дѣйствій Мармона передъ Парижемъ: «Гдѣ это видано, 200 пушекъ на Марсовомъ полѣ и только 60 на высотахъ Монмартра»!

Вотъ, приблизительно, что онъ говорилъ въ этомъ случаѣ. Когда мы перешли съ нимъ въ другую комнату, онъ возобновилъ разговоръ, коснувшись общаго состоянія своей арміи и политики Франціи. Повидимому, онъ сожалѣлъ о своемъ отреченіи, и сказалъ, что еслибъ онъ зналъ, что, только вслѣдствіе измѣны Ожеро, армія его отступила къ Ліону, онъ присоединился бы къ ней, даже послѣ капитуляціи Мармона. Онъ сильно порицалъ поведеніе Ожеро, однако, онъ встрѣтилъ его ласково, какъ друга. Первая мысль о его отпаденіи пришла ему въ голову послѣ того, какъ онъ разстался съ Ожеро на дорогѣ между Валансомъ и Ліономъ. Духъ войскъ былъ таковъ, что Ожеро не рѣшился оставаться среди ихъ, и при пріѣздѣ Наполеона, много старыхъ солдатъ приходили къ нему въ слезахъ, говоря, что ихъ предалъ Ожеро, и просили, чтобъ императоръ сталъ во главѣ ихъ. У него было превосходное войско въ 30.000 ч.,—большая часть изъ испанской арміи,—которое было въ состояніи противостоять австрійцамъ. Онъ опять заговорилъ объ отпаденіи Мармона, сказавъ, что ему доносили объ этомъ поутру, но онъ не хотѣлъ этому вѣрить; что онъ выѣхалъ и встрѣтилъ Бертье, который подтвердилъ это извѣстіе изъ вѣрнаго источника. Онъ упомянулъ о перемиріи, заключенномъ лордомъ Кестльри и Талейраномъ, говоря, что, по его мнѣнію, союзники придерживаются дурной политики относительно Франціи, слишкомъ обрѣзывая ее, потому что это оскорбляетъ гордость всѣхъ французовъ. Они могли бы оставить ей гораздо болѣе силы, не опасаясь, что она станетъ опять настолько же могущественна, какъ и другія державы.

У Франціи нѣтъ болѣе ни флота, ни колоній. Миръ не возвратитъ ей ни кораблей, ни С. Доминго. Польша болѣе не существуетъ такъ же, какъ Венеція. Послѣдняя послужила для увеличенія австрійскихъ владѣній, а первая—русскихъ. Испанія, естественный врагъ скорѣе Англіи, чѣмъ Франціи, не въ состояніи принести какой-либо пользы, какъ союзница. Если ко всѣмъ этимъ жертвамъ прибавить невыгодный торговый трактатъ съ Англіей, то неудивительно, если французскій народъ

Digitized by Google

не останется спокойнымъ,—«pas même six mois après que les puissances étrangères quitteront Paris». Затѣмъ онъ прибавилъ, что прошелъ уже мѣсяцъ, а французскій король еще не прибылъ къ народу, возведшему его на престолъ. Теперь, сказалъ онъ, Англія будетъ дѣлать все, что захочетъ. «Pour vingt années au moins, aucune puissance ne peut faire la guerre contre l'Angleterre, et elle fera tout ce qu'elle veut». Голландія будетъ совершенно подчинена ей.

Въ перемиріе ничего не говорится о судахъ въ Антверпенѣ и на Текселѣ: «Le brave Verhuel se défend toujours» (этотъ адмиралъ командовалъ судами въ Антверпенѣ). Послѣ этого, онъ перечислилъ суда, которыя онъ имѣлъ въ разныхъ портахъ, прибавивъ, что чрезъ три года или четыре у него было бы 300 линейныхъ кораблей—«Quelle différence pour la France», и многое другое въ томъ же родѣ.

Полковникъ Кембелль сказалъ: «но мы не понимаемъ, почему ваше величество желаете уничтожить насъ, стереть насъ съ лица земли». Онъ засмѣялся, и отвѣчалъ: «Si j'avais été ministre d'Angleterre, j'aurais tâché d'en faire la plus grande puissance du monde». Наполеонъ часто упоминалъ о вторженіи въ Англію. Но онъ никогда не предполагалъ предпринимать его, не обладая превосходнымъ по числу флотомъ, для защиты перевозившей войска флотиліи. Этого превосходства силъ онъ достигъ бы, заманивъ нашъ флотъ въ Вестъ-Индію и самъ быстро вернувшись оттуда. Достаточно было бы, чтобъ французскій флотъ вернулся въ Ламаншъ тремя-четырьмя днями раньше нашего, флотилія тотчасъ бы отплыла отъ берега подъ прикрытіемъ флота, и войска высадились бы въ любомъ пунктѣ берега, такъ какъ предполагалось немедленно двинуться на Лондонъ. Онъ предпочелъ бы берега Кента, но это зависѣло бы отъ погоды и направленія вѣтра. Онъ предоставилъ бы морскимъ офицерамъ и лоцманамъ избрать наиболѣе безопасные и удобные пункты высадки. У него было готово 100.000 войска, и у каждаго судна флотиліи была лодка для высадки людей на берегъ; артиллерія и кавалерія скоро послѣдовали бы за ними, и вся армія достигла бы Лондона въ 3 дня. Онъ вооружилъ свою флотилію только для того, чтобъ заставить насъ предполагать, что онъ хочетъ силой пробиться чрезъ каналъ. Это было сдѣлано единственно, чтобъ ввести насъ въ обманъ. Ему замѣтили, что мы ожидали, что, въ случаѣ успѣха, онъ обойдется съ нами сурово, и спросили, что же бы онъ сталъ дѣлать, достигнувъ Лондона? Онъ сказалъ, что на это трудно отвѣчать. Что народъ, съ такимъ твердымъ духомъ и энергіей, какъ англичане, не можетъ быть покоренъ съ занятіемъ столицы. Онъ, конечно, отдѣлилъ бы Ирландію отъ Великобританіи, но занятіе Лондона нанесло бы смертельный ударъ нашимъ фондамъ, кредиту и торговлѣ. Онъ

Digitized by Google

просилъ меня сказать откровенно, не тревожили ли насъ его приготовленія для вторженія въ Англію.

26-го мая. Наполеонъ такъ долго ожидалъ своихъ войскъ, багажа, лошадей и проч., что наконецъ сталъ выказывать нетерпѣніе и подозрѣвать добросовѣстность французскаго правительства. Но когда я извѣстилъ его, что наняты наши транспортныя суда для перевозки и скоро должны прибыть къ Эльбѣ, то онъ казался обрадованнымъ, хвалилъ наше великодушіе и прибавилъ, что, знай онъ, что наши суда повезутъ его войско, онъ ни минуты не сталъ бы безпокоиться. На слѣдующій день, я обѣдалъ у Наполеона. Въ то время какъ мы сидѣли за столомъ, пришли доложить, что меня спрашиваетъ офицеръ; онъ заявилъ мнѣ, что видны на сѣверо-востокѣ семь судовъ, идущихъ къ острову. Я не сомнѣвался; судя по числу и направленію судовъ, что это давно ожидаемые транспорты.

Наполеонъ, почти немедленно, всталъ изъ-за стола и вышелъ со мною въ свой садъ, расположенный, такъ же, какъ и самый домъ, на самой возвышенной части укрѣпленій, и изъ котораго открытъ видъ на море въ сторону Италіи и береговъ Франціи. Полный тревоги, онъ останавливался на каждомъ поворотѣ и пристально искалъ глазами судовъ. Такъ мы ходили взадъ и впередъ, покуда не стемнѣло. Онъ былъ очень сообщителенъ, и разсказы его были въ высшей степени интересны. Было близко къ полуночи. Я сказалъ ему, что, съ хорошей ночной зрительной трубой, я могъ бы разглядѣть подходившія суда. Судя по вѣтру, дувшему къ берегу, они должны были бы быть уже недалеко. Онъ принесъ мнѣ превосходную ночную зрительную трубу, работы Дональдсона, съ помощью которой я ясно различилъ наши суда. Они лежали въ дрейфѣ. Онъ былъ очень доволенъ и въ наилучшемъ расположеніи духа пожелалъ мнѣ хорошей ночи.

Въ 4 часа на слѣдующее утро, онъ былъ уже на ногахъ и отдавалъ приказанія. Меня разбудили бой, звуки барабановъ и крики: «Vive l'empereur!» Онъ приказалъ начальству порта и лоцману выѣхать на встрѣчу судамъ, сдѣлалъ распоряженія о доставкѣ всѣхъ удобствъ войскамъ и устройствѣ конюшень на 100 лошадей. Около семи часовъ утра, войска были высажены на берегъ и парадировали передъ императоромъ, сказавшимъ нѣсколько словъ каждому офицеру и солдату. Они, повидимому, были въ восторгѣ, что видятъ опять своего императора. Между офицерами было нѣсколько поляковъ, замѣчательно красивыхъ людей. Въ восемь часовъ, я приказалъ послать половину экипажа «Undaunted» на транспорты, и къ 4 часамъ пополудни, весь багажъ, лошади, экипажи и проч. были перевезены на берегъ, а транспорты готовы къ выходу въ море. Во все время перевозки, Наполеонъ оставался на набережной, подвергаясь необычайному солнцепеку.

Digitized by Google

Когда я доложилъ ему, что все перевезено на берегъ, онъ удивился и сказалъ, указывая на итальянскихъ моряковъ: «эти люди провозились бы съ выгрузкой восемь дней, а вы сдѣлали это въ восемь часовъ. Кромѣ того, они переломали бы ноги моимъ лошадямъ, а теперь онѣ высажены вполнѣ невредимо». Генералъ Камбронн, пріѣхавшій въ качествѣ начальника присланнаго войска, разговаривалъ съ Наполеономъ все время. Въ 4 часа Наполеонъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ по окрестностямъ и воротился въ 7 часовъ къ обѣду. Въ половинѣ 8-го онъ всталъ изъ-за стола, и я сопровождалъ его въ садъ, гдѣ мы гуляли до 11 съ ½ часовъ. Во время этого разговора, я сказалъ ему, что въ Англіи всѣ думаютъ, что онъ имѣлъ намѣреніе возстановить Іерусалимъ, къ чему дало поводъ то, что онъ созвалъ въ Парижѣ іудейскій сангедринъ. Онъ разсмѣялся и сказалъ, что это было сдѣлано совсѣмъ съ другими цѣлями. Евреи собрались на сангедринъ со всѣхъ странъ Европы, но болѣе всего изъ Польши, и отъ этихъ послѣднихъ онъ узналъ многое о состояніи Польши. Полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія были ему очень полезны, такъ какъ евреи знали истинное положеніе каждаго пункта въ этой странѣ, и всѣ сообщенія оказались совершенно вѣрными и очень ему пригодились. Евреевъ собралось въ Парижѣ по этому поводу очень много, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ изъ Англіи.

Говоря о своихъ маршалахъ, онъ, повидимому, сожалѣлъ, что не позволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ выйдти въ отставку. Онъ сказалъ, что слѣдовало бы отпустить ихъ. Онъ набралъ бы себѣ маршаловъ изъ выдающихся молодыхъ людей, которые были бы привязаны къ нему какъ Массена. Онъ сказалъ, что считаетъ Гувіонъ Сенъ-Сира однимъ изъ лучшихъ своихъ служакъ. Ней, человѣкъ—сроднившійся съ опасностью и готовый идти за него въ огонь и воду, но не имѣетъ ни таланта, ни образованія. Мармонъ хорошій солдатъ, но слабый человѣкъ. Сультъ талантливый человѣкъ и хорошій воинъ. Бернадотъ въ одномъ случаѣ поступилъ не хорошо и подлежалъ бы военному суду. Онъ не содѣйствовалъ и не вмѣшивался въ избраніе его шведами королемъ. Онъ высокаго мнѣнія о Жюно. Однажды послѣдній стоялъ возлѣ него, когда онъ писалъ на барабанѣ депешу. Въ это время, между ними пролетѣло ядро и, вонзившись въ землю, осыпало ихъ пылью. Жюно замѣтилъ, что это очень кстати, такъ какъ чернила во всякомъ случаѣ слѣдовало засыпать пескомъ.

На слѣдующее утро, я просилъ аудіенціи, чтобъ проститься съ императоромъ прежде моего отплытія въ Геную, для соединенія съ главнокомандующимъ флотомъ. Онъ былъ одинъ, когда я взошелъ. Онъ, казалось, сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ, просилъ меня остаться еще на Эльбѣ и спросилъ, попутный ли вѣтеръ въ Геную. Онъ сказалъ: «вы первый англичанинъ, съ которымъ я близко позна-

Digitized by Google

комился», и прибавилъ много лестнаго объ Англіи. Онъ сказалъ, что очень обязанъ сэру Эдуарду Пелау, и просилъ, чтобъ я выразилъ послѣднему его благодарность за оказанное ему вниманіе. Онъ надѣется, что когда кончится война съ Америкой, то я посѣщу его опять. Я сказалъ ему, что завтракалъ въ это утро съ графомъ Монкабри на фрегатѣ «Дріада»; что онъ сообщилъ мнѣ, будто князь Эсслингскій имѣлъ споръ съ сэромъ Эдуардомъ Пелау и что поэтому французское правительство желаетъ удалить его отъ командованія въ Тулонѣ. Наполеонъ замѣтилъ, что это былъ одинъ изъ его лучшихъ маршаловъ и высоко талантливый человѣкъ, но что здоровье его плохо вслѣдствіе лопнувшаго кровеноснаго сосуда. Я сказалъ, что всѣ думали, что онъ былъ такъ недоволенъ поведеніемъ принца Эсслингскаго на полуостровѣ, что приказалъ ему удалиться въ Парижъ. Онъ возразилъ, что ничего не могло быть болѣе ошибочнымъ; что въ то время здоровье князя было такъ разстроено, что лѣчившій его докторъ предписалъ ему уѣхать въ Ниццу, мѣсто его рожденія, и что, послѣ его выздоровленія, Наполеонъ поручилъ ему начальство надъ Тулономъ, въ то время вакантное. Я просилъ императора позволить мнѣ представить ему лейтенанта Бейли начальника транспорта, которому поручено было взять на суда въ Савонѣ его гвардію и проч. Онъ поблагодарилъ лейтенанта Бейли за его внимательность къ его солдатамъ и за заботливость о лошадяхъ, и замѣтилъ, какъ удивительно, что не произошло ни одного несчастнаго случая съ этими животными (ихъ было 93), ни при посадкѣ на суда, ни при высадкѣ на берегъ, что онъ приписываетъ это искусству и внимательности лейтенанта. Онъ прибавилъ, что моряки наши даже превзошли то хорошее мнѣніе, которое онъ имѣлъ о нихъ всегда.

Въ теченіе этого разговора, Наполеонъ выказалъ замѣчательную память и свѣдѣнія о всемъ, что́ касается морскаго дѣла. Лейтенантъ Бейли сообщилъ ему, что, послѣ посадки гвардіи на суда, поднялась жестокая буря, грозившая гибелью транспортнымъ судамъ, и что онъ считаетъ Савону опасной якорной стоянкой. Наполеонъ замѣтилъ, что еслибъ лейтенантъ перешелъ въ маленькую бухту близъ Савоны — кажется это Вадо (Vado), то могъ бы тамъ отстояться въ полной безопасности Онъ просилъ меня передать главнокомандующему, насколько онъ доволенъ любезностью и искусствомъ Бейли. Потомъ онъ поблагодарилъ меня за мою внимательность къ нему и, поцѣловавъ меня à la Française, сказалъ: «Adieu, capitaine, comptez sur moi, adieu».

Оканчивая это описаніе, могу прибавить, что я старался, насколько возможно, исполнить вѣрно и усердно порученіе, возложенное на меня, но въ то же время относился съ уваженіемъ и почтительностію къ Наполеону; его несчастія, такъ и его высокое положеніе и блестящій геній этого заслуживали.

Сообщено **М. В. Л.**

Digitized by Google

Въ заключеніе Ушеръ сообщаетъ еще въ примѣчаніи слѣдующій разсказъ: Полковникъ Кембелль, пріѣхавъ 25-го апрѣля въ Марсель, сообщилъ мнѣ, что, будучи назначенъ лордомъ Кестльри для сопровожденія Наполеона на островъ Эльбу, онъ пріѣхалъ въ Фонтеньбло 16-го апрѣля въ 9 ч. утра. Онъ встрѣтилъ тамъ графа Бертрана, выразившаго ему нетерпѣніе императора поскорѣе отправиться къ мѣсту своего назначенія и его желаніе измѣнить пунктъ отплытія и сѣсть на корабль не въ С. Тропецѣ, а въ Піомбино. Цѣлью его при этомъ было удостовѣриться предварительно въ Піомбино, будетъ ли онъ принятъ комендантомъ Эльбы, чего нельзя было узнать, сѣвъ на судно въ С. Тропецѣ. Въ случаѣ несогласія на его предложеніе, онъ рискуетъ быть отогнаннымъ отъ острова бурей, покуда будетъ дожидаться позволенія высадиться. Онъ выразилъ надежду, что полковникъ Кембелль останется на островѣ, покуда всѣ дѣла его не будутъ устроены, иначе, какой-либо алжирскій корсаръ можетъ высадиться на островъ и хозяйничать тамъ по-своему. Онъ былъ, повидимому, очень доволенъ, когда полковникъ Кембелль сказалъ ему, что инструкціи, данныя лордомъ Кестльри, уполномочиваютъ его оставаться на островѣ, покуда этого будетъ требовать безопасность Наполеона. Послѣ завтрака, графъ Флаго (Flahaut) увѣдомилъ коммиссаровъ, что императоръ приметъ ихъ послѣ обѣдни. Коммиссары были приняты въ слѣдующемъ порядкѣ: русскій—графъ Шуваловъ, австрійскій—баронъ Келлеръ—оба пробыли по пяти минутъ. Графъ Трухсессъ и полковникъ Кембелль — по ¼ часа. Наполеонъ спросилъ Кембелля о его ранахъ и службѣ, о томъ, гдѣ живетъ его семья, и былъ очень любезенъ съ нимъ. Полковникъ Кембелль получилъ изъ Парижа копію съ приказа генерала Дюпона, военнаго министра, къ коменданту острова Эльбы, предписывающаго послѣднему сдать островъ Наполеону, предварительно увезя пушки, военные запасы и пр. Это, повидимому, крайне не понравилось Наполеону. Онъ говорилъ объ этомъ съ генераломъ Коллеромъ и просилъ его послать своего адъютанта съ запиской объ этомъ въ Парижъ, желая знать, какъ же онъ будетъ защищаться противъ морскихъ разбойниковъ, не имѣя орудій, и говоря, что если такія притѣсненія продолжатся, онъ лучше поѣдетъ въ Англію. Записка была представлена коммиссаромъ графомъ Бертраномъ, прибавившимъ словесно, что императоръ не можетъ высаживаться на островъ, если ему не оставятъ пушекъ для защиты.

20-го апрѣля. Лошади были заказаны къ 9-ти часамъ утра. Императоръ пожелалъ видѣть генерала Коллера. Онъ горячо говорилъ противъ разлуки съ женой и сыномъ, а также о приказѣ увести съ Эльбы пушки, выразивъ мнѣніе, что ничего не хочетъ знать о временномъ правительствѣ и ведетъ переговоры только съ союзниками. У него и теперь есть средства продолжать войну, но онъ не хочетъ этого. Генералъ Коллеръ старался увѣрить его, что договоръ будетъ исполненъ въ точности. Тогда онъ послалъ за полковникомъ Кембеллемъ и началъ съ нимъ разговоръ, подобный тому, который имѣлъ 16-го, разспрашивая Кембелля о его службѣ, ранахъ, о системѣ и дисциплинѣ англійской арміи, необходимости тѣлесныхъ наказаній, хотя, онъ думалъ, примѣнять ихъ слѣдуетъ очень рѣдко. Онъ былъ очень доволенъ, что лордъ Кестльри предоставлялъ въ его распоряженіе британское военное судно, если онъ желаетъ этого для переѣзда или конвоированія, и лестно отзывался объ англійской націи. Затѣмъ онъ сказалъ, что готовъ ѣхать. Въ передней собрались герцогъ Бассано, генералъ Беліаръ, Орнано и 4 — 5 человѣкъ его адъютантовъ. Въ первой комнатѣ были только генералъ Беліаръ и Орнано, и когда императоръ вошелъ туда, адъютантъ захлоп-

Digitized by Google

нулъ дверь, такъ что надо предполагать, что Наполеонъ прощался съ ними тамъ частнымъ образомъ. Послѣ этого двери растворились, и адъютантъ провозгласилъ: „Императоръ!“ Онъ прошелъ съ поклономъ и улыбкой, спустился во дворъ, говорилъ съ гвардіей, обнялъ генерала П е т и, поцѣловалъ знамя, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ.

21-го апрѣля. Въ Бріенѣ ночевали въ большой гостинницѣ, былъ приготовленъ хорошій ужинъ. Императоръ ужиналъ съ генераломъ Бертраномъ.

22-го апрѣля. Ночевали въ Неверѣ. Возгласы: „Vive l'empereur!“ Утромъ послалъ за полковникомъ Кембелломъ. Столъ былъ накрытъ, и онъ приказалъ слугѣ подать приборъ и пригласилъ полковника позавтракать съ нимъ. Присутствовалъ также генералъ Бертранъ. Наполеонъ спросилъ полковника Кембелля, кто командуетъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ навѣрно, но думаетъ, что однимъ изъ адмираловъ тамъ состоитъ Сидней Смитъ. Когда графъ Бертранъ сѣлъ за столъ, Наполеонъ сказалъ ему, смѣясь: „Que pensez vous, Sidney Smith amiral dans la Mediterranée!“ Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ Смитъ осыпалъ ихъ со своихъ кораблей тысячами выстрѣловъ, не убивъ ни одного человѣка (это было при Акрѣ). Это былъ его главный источникъ снарядовъ, такъ какъ онъ платилъ своимъ людямъ большую сумму за каждое принесенное имъ ядро. „Il m'envoya des parlementaires comme un second Malborough“.

23-го апрѣля. По утру до отъѣзда онъ просилъ полковника Кембелля отправиться впередъ для того, чтобъ выслать куда слѣдуетъ британскій военный корабль, а также написать адмиралу Э м е р і о (Emeriau) въ Тулонъ о высылкѣ ему французскаго корвета. Онъ послалъ въ Оксерръ за своимъ тяжелымъ багажемъ, который приказалъ отправить такъ же, какъ и лошадей, подъ конвоемъ 600 человѣкъ гвардіи въ Піомбино сухимъ путемъ. Если же этого не дозволятъ, то отправить все въ Ліонъ, а оттуда водой по Ронѣ. Полковникъ Кембелль отправился чрезъ Ліонъ и Э (Aix), когда узналъ, что мой корабль стоялъ у Марсели, куда онъ и пріѣхалъ 25-го вечеромъ.

Послѣ учрежденія временнаго правительства, Наполеонъ спросилъ одно лицо о томъ, что онъ думаетъ о его положеніи и о томъ, можно ли, по его мнѣнію, что-нибудь сдѣлать въ этихъ обстоятельствахъ. Тотъ отвѣчалъ отрицательно. Наполеонъ спросилъ, какъ бы онъ поступилъ на его мѣстѣ? Его собесѣдникъ отвѣчалъ, что застрѣлился бы. Императоръ размышлялъ нѣсколько минутъ и затѣмъ отвѣчалъ: „Oui, je puis faire cela, mais ceux qui me veulent du bien ne pourraient pas en profiter, et ceux qui me veulent du mal ce'a leur ferait plaisir“.

По поводу воспоминаній В. И. Панаева.

р. 1792 г. † 1859 г.

Оканчивая въ настоящей книжкѣ „Русской Старины“ печатаніе воспоминаній Владиміра Ивановича Панаева, написанныхъ имъ незадолго передъ кончиною въ 1859 году, остается сожалѣть, что нѣкоторыя главы этихъ Записокъ не могли быть теперь напечатаны. Всѣ эти главы касаются различныхъ придворныхъ происшествій двухъ царствованій: Николая I-го и Александра II-го, и для нихъ не наступила еще должная историческая давность.

Приложенный нами портретъ В. И. Панаева обязательно доставленъ намъ дочерью покойнаго, Вѣрою Владиміровною В а л ь н е р ъ.

Р е д.

Digitized by Google

избирателей, гласныхъ и должностныхъ лицъ по сословіямъ. **Л.**

Бумаги А. А. Краевскаго Опись ихъ собранія, поступившаго въ 1889 году въ Императорскую Публичную библіотеку. Составлена хранителемъ отдѣленія рукописей библіотеки И. А. Бычковымъ. Съ приложеніями. Спб. 1893. 169 стр.

Въ 1889 г. внукъ А. А. Краевскаго, В. А. Бильбасовъ, передалъ въ Публичную библіотеку обширное собраніе бумагъ, принадлежавшихъ покойному тестю его, и писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ. Являющееся нынѣ описаніе этихъ документовъ исполнено библіотекаремъ рукописнаго отдѣленія И. А. Бычковымъ и представляетъ собою приложеніе къ «Отчету» библіотеки за 1889 г. Нечего и говорить о томъ, какое важное значеніе имѣютъ эти бумаги для исторіи нашей журналистики и литературы. Постараемся поэтому познакомить нашихъ читателей, хотя бы въ краткихъ чертахъ, съ этимъ богатымъ и интереснымъ собраніемъ. На первомъ мѣстѣ г. Бычковъ ставитъ обширную корреспонденцію къ Краевскому, заключающую въ себѣ 3,123 письма отъ 759 лицъ. Имена корреспондентовъ, въ числѣ которыхъ можно найти почти всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ дѣятелей нашей журналистики, начиная съ 30-хъ годовъ, расположены г. Бычковымъ въ алфавитномъ перечнѣ, и при имени каждаго лица указано количество имѣющихся отъ него писемъ. Кромѣ этой корреспонденціи, въ бумагахъ заключается богатое собраніе автографовъ многихъ литературныхъ знаменитостей: Пушкина (6 небольшихъ записокъ къ Краевскому, оригиналъ описанія альбома Онѣгина, начала «Мѣднаго Всадника» и многихъ мелкихъ стихотвореній; стихотворные отрывки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представляютъ собою любопытные варіанты къ печатному тексту), Жуковскаго (7 записокъ, 3 стихотворенія 1819 г. и педагогическія замѣтки), Лермонтова (1 записка), Грибоѣдова, Карамзина, Лажечникова, Тургенева и друг. Нѣкоторые изъ этихъ автографовъ помѣщены въ настоящемъ изданіи цѣликомъ, таковы указанныя записки Пушкина и слѣдующее любопытное объявленіе Гоголя, предназначенное къ помѣщенію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Нѣкто, не имѣющій собственнаго экипажа, желаетъ прокатиться до Вѣны съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ свой собственный экипажъ, на половинныхъ издержкахъ. Оный нѣкто человѣкъ смирной и не заносчивой: не будетъ дѣлать во всю дорогу никакихъ запросовъ своему попутчику и будетъ спать вплоть отъ Москвы до Вѣны. Спросить на Дѣвичьемъ полѣ въ домѣ Погодина Николая Васильевича Гоголя». Цѣликомъ также приведено любопытное письмо И. А. Крылова къ Е. И. Бенкендорфъ отъ 26-го ноября 1795 г. и записка его же къ дочери Бенкендорфъ. Затѣмъ въ собраніи имѣются многія произведенія русскихъ авторовъ въ копіяхъ, масса разнаго рода пародій и другихъ стихотвореній подобнаго рода, нѣсколько статей и замѣтокъ, не пропущенныхъ цензурою, и, наконецъ, нѣкоторыя рукописи XVIII вѣка. Въ приложеніи къ описанію напечатаны письма къ Краевскому В. Г. Бѣлинскаго и В. П. Боткина. Письма Бѣлинскаго (числомъ 10, за періодъ съ 1837 по 1843 г.) даютъ много интереснаго матеріала для характеристики его дѣятельности въ «Отечественныхъ Запискахъ» и его взглядовъ на критику, вмѣстѣ съ тѣмъ они вполнѣ подтверждаютъ оспариваемый за послѣднее время безъ достаточныхъ основаній одинъ извѣстнымъ писателемъ фактъ, что Бѣлинскій сильно нуждался въ деньгахъ во время своего сотрудничества въ журналѣ Краевскаго. Нѣкоторыя изъ печатаемыхъ теперь полностью писемъ Бѣлинскаго были извѣстны ранѣе, будучи помѣщены въ отрывкахъ въ извѣстной біографіи критика, составленной г. Пыпинымъ. 46 писемъ Боткина обнимаютъ собою періодъ времени съ 1841 по 1856 годъ. Они сообщаютъ нѣкоторыя любопытныя подробности касательно матеріальной стороны изданія «Отечественныхъ Записокъ» и гонорара сотрудникамъ, такъ какъ Боткинъ завѣдовалъ Московской конторой журнала; понятно также, что эти письма даютъ много цѣннаго матеріала для характеристики журнальной дѣятельности Боткина. Описаніе выполнено съ обычною для г. Бычкова тщательностью и оставляетъ желать только, пожалуй, большаго количества объяснительныхъ примѣчаній къ перепискѣ Бѣлинскаго и Боткина.

А. М.

Сочиненія Д. В. Давыдова. Томъ III. Спб. изд. Евг. Евдокимова подъ редакціею А. О. Круглаго. 1893. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за мартъ 1893 г.). 252 стр.

Настоящимъ томомъ заканчивается полное собраніе сочиненій Давыдова, о первыхъ двухъ выпускахъ котораго было сообщено читателямъ «Русской Старины» въ мартовской книжкѣ. Содержаніе третьяго тома составляютъ нѣсколько статей по военной исторіи, преимущественно 1812 г., и письма Давыдова къ разнымъ лицамъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Въ числѣ этихъ писемъ три впервые являются въ печати; они изданы г. Круглымъ по рукописямъ, принадлежащимъ Л. Н. Майкову, редакціи «Русской Старины» и Публичной библіотекѣ. Впервые напечатана также и интересная рѣчь Давыдова въ Аракчеевскомъ, оригиналъ которой хранится въ рукописномъ отдѣленіи Публичной библіотеки. Наконецъ, пользованіе этимъ добросовѣстно выполненнымъ изданіемъ облегчено приложеннымъ къ настоящему тому указателемъ личныхъ именъ.

Л.

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1870 г.,	третье изд. (*4 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (*41 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (*28 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (*4 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (*16 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (*42 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (*37 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (*3 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (*48 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (*34 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 г.,	двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ.**

Digitized by Google

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. ІЮНЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Екатерина II и Гримм.** Глава III. В. А. Бильбасова. 433

II. **Ученіе о Финляндскомъ государствѣ.** О. П. Еленева. 455

III. **За чайнымъ столомъ.** (Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I). Сообщ. А. П. Озеровъ. 490

IV **О выселеніи татаръ изъ Крыма въ 1860 г.** Записка генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена. Сообщ. С. П. Зиковъ. 531

V. **Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочиненій Гоголя.** 551

VI. **А. Н. Труворовъ.** (По случаю 50-лѣтія учебной дѣятельности). Ред. 568

VII. **Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.** Записки М. Я. Ольшевскаго. Часть I, главы I—III. 573

VIII. **А. А. Котляревскій, какъ преподаватель.** (Изъ старыхъ воспоминаній). І. Д. С. 611

IX. **Матеріалы и замѣтки.** І. Н. М. Карамзинъ — генералъ-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову.—П. Графъ К. О. Толь—А. И. Хатову. Изъ бумагъ А. И. Хатова. 632

X. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **А. Н. Труворова.** Гравировалъ К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1893 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1893.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1893 г.

Digitized by Google

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893. 8°. 603 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Седьмой томъ обстоятельнаго труда г. Барсукова обнимаетъ три года жизни Погодина (1842—1844). Изложеніе біографіи начинается съ описанія путешествія Погодина за границу въ 1842 г. Путешествіе это продолжалось около 7 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Погодинъ успѣлъ посѣтить Австрію, Германію, Францію и Швецію. По возвращеніи въ Россію, путешественникъ представилъ министру народнаго просвѣщенія любопытный отчетъ о своей поѣздкѣ. Въ отчетѣ этомъ Погодинъ остановился преимущественно на положеніи славянскихъ подданныхъ Австріи и Пруссіи, приводя вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя свѣдѣнія о тогдашней сильной ненависти къ намъ нѣмцевъ. Послѣдующія главы книги представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ исторію не столько самого Погодина, сколько редактируемаго имъ „Москвитянина“. Г-нъ Барсуковъ, въ обширныхъ выдержкахъ, излагаетъ содержаніе всѣхъ мало-мальски замѣчательныхъ статей журнала, появившихся за это время. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно любопытны. Такова, напримѣръ, интересная полемика Шевырева и Галахова изъ-за христоматіи послѣдняго. Впрочемъ, изложеніе г. Барсукова немногимъ только дополняетъ здѣсь статью покойнаго Галахова, „Исторія одной книги“ (въ „Истор. Вѣстн.“). Съ наибольшимъ же интересомъ читаются въ настоящей книгѣ тѣ главы, въ которыхъ излагается исторія славянофиловъ и западниковъ, а также лѣтопись тогдашней московской университетской жизни. Припомнимъ, что въ это время происходили публичныя лекціи Грановскаго и Шевырева. Читатель можетъ найти въ данной книгѣ подробное изложеніе отзывовъ объ этихъ лекціяхъ со стороны славянофиловъ и западниковъ, о неудачной попыткѣ примиренія обѣихъ партій послѣ окончанія лекцій Грановскаго. Съ другой стороны, въ указанные годы имѣли мѣсто диспуты Кавелина и Самарина, котораго въ то время старались привлечь на свою сторону и славянофилы, и западники; въ это же время происходилъ и магистерскій экзаменъ С. М. Соловьева. Кромѣ журнальной дѣятельности Погодина, авторъ подробно разсматриваетъ труды его въ званіи секретаря Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1844-й годъ былъ особенно знаменательнымъ въ жизни Погодина, такъ какъ въ концѣ этого года онъ оставилъ каѳедру русской исторіи при Московскомъ университетѣ; почти одновременно съ этимъ его постигло и тяжелое семейное горе—смерть жены. Этимъ событіемъ и завершается біографія Погодина въ данномъ томѣ. Авторъ считаетъ, что настоящей седьмой книгой онъ закончилъ изложеніе перваго, важнѣйшаго періода жизни Погодина (съ 11-го ноября 1800 г. по 31-е декабря 1844 г.). Считая такимъ образомъ 7 вышедшихъ доселѣ томовъ біографіи за нѣчто цѣлое, г. Барсуковъ облегчилъ пользованіе ими прибавленіемъ къ настоящей книгѣ личнаго указателя ко всѣмъ 7 частямъ. Указатель этотъ составленъ сотрудникомъ Археографической коммиссіи, г. Вл. Майковымъ. Кромѣ того, къ седьмому тому приложено фототипическое изображеніе кабинета Погодина, въ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ,—комнаты, гдѣ, въ продолженіе почти сорока лѣтъ (1836—1875), „сбирались“, по словамъ И. С. Аксакова, „всѣ находившіеся въ Москвѣ представители русской литературы и науки въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ періодовъ ихъ развитія, отъ Карамзинскаго до Пушкинскаго и Гоголевскаго включительно, и до позднѣйшихъ временъ“.

Изложеніе г. Барсукова и въ настоящемъ томѣ отличается обычною автору расплывчатостью. Г-нъ Барсуковъ самымъ подробнымъ образомъ передаетъ такіе мелочные факты изъ біографіи Погодина, какъ паденіе его съ дрожекъ; разсказываетъ, по-прежнему, біографіи лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ Погодину, а потомъ уже и біографіи людей, прикосновенныхъ только къ этимъ лицамъ и съ Погодинымъ никакихъ сношеній не имѣвшихъ. Такъ, по поводу назначенія преемникомъ Погодину по профессурѣ С. М. Соловьева, г. Барсуковъ считаетъ нужнымъ разсказать біографію послѣдняго (гл. 47). Начавъ говорить о С. М. Соловьевѣ, авторъ признаетъ необходимымъ „помянуть“ и отца его М. В. Соловьева. Перейдя такимъ образомъ къ біографіи отца историка, г. Барсуковъ упоминаетъ, что молодость свою М. В. провелъ въ домѣ графа И. А. Остермана, и вотъ слѣдуетъ цѣлая страница различныхъ подробностей объ этомъ Остерманѣ. Не споримъ, что въ такого рода массѣ свѣдѣній всегда найдется много любопытнаго, но все же отъ подобнаго изложенія должны страдать, по нашему мнѣнію, интересы и автора, и читателя, такъ какъ послѣдній можетъ не дождаться окончанія обстоятельнаго труда, а первый не можетъ претендовать на то широкое распространеніе своей книги, котораго она заслуживаетъ.

А. М.

Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г. въ копіи начала XIX-го вѣка. Съ двумя таблицами фототипическихъ снимковъ, издалъ Вс. Срезневскій. Спб. 1893. 8°. 120 стр. Ц. 1 р. (Прилож. къ LXXII-му тому „Записокъ Императорской академіи наукъ“ № 5).

Въ 1865 г. покойный академикъ И. И. Срезневскій пріобрѣлъ рукопись начала XIX-го столѣтія, но представляющую копію со сборника 1414 года, извѣстнаго подъ названіемъ „Похвалы князю Влади-

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Сив. 26 Мая 1893 г.

Тип. тов. „Общ. полза", в. подъяч. 39

Digitized by Google

Аскалонъ Труворовъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II и ГРИММЪ.

III [1]).

Только по окончаніи шведской и турецкой войны, только въ концѣ 1791 года Екатерина признала возможнымъ обратить серьезное вниманіе на революцію во Франціи. Чтобы понять эту серьезность, необходимо помнить, что для Екатерины II всегда и вездѣ на первомъ планѣ стояли интересы Россіи, не Европы, тѣмъ менѣе Франціи. Что ей до Франціи? Екатерина внимательно слѣдила за ходомъ революціи, получала подробныя донесенія и отъ чужихъ, и отъ своихъ. Ея посолъ при лондонскомъ дворѣ графъ С. Р. Воронцовъ писалъ брату своему, графу А. Р. Воронцову, президенту коммерцъ-коллегіи: «Зная великодушное участіе, которое государыня принимать изволитъ въ несчастномъ положеніи Франціи, я за долгъ почитаю стараться всевозможнымъ образомъ навѣдываться о всемъ, что имѣетъ сношеніе съ онымъ. Собравъ все, что до меня дошло касательно до сей матеріи, прошу васъ, братецъ, донести государынѣ» [2]). Онъ сообщалъ довольно часто, довольно подробно, и Екатерина всегда читала его сообщенія съ особеннымъ интересомъ: во время турецкой войны, когда англійское министерство дерзко угрожало Россіи и когда даже князь Потемкинъ склонялъ императрицу къ уступчивости, одинъ только графъ С. Р. Воронцовъ посылалъ изъ Лондона «курьера за курьеромъ», доказывалъ, что только твердость и неуступчивость императрицы можетъ избавить ее отъ войны съ Англіей, такъ что Екатерина говорила: «только графъ Семенъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVIII, апрѣль, май.
[2]) Архивъ князя Воронцова, IX, 218.

Digitized by Google

думаетъ такъ же, какъ и я»[1]). Между тѣмъ графъ Семенъ Воронцовъ придавалъ большое значеніе французской революціи, широко понималъ ея цѣли и, подобно многимъ современникамъ, видѣлъ въ ней угрозу для Россіи: «Революція, писалъ онъ брату, война не на животъ, а на смерть, объявленная пролетаріями собственникамъ, и такъ какъ число собственниковъ значительно менѣе, то они и будутъ побѣждены. Политическій принципъ революціи, публично провозглашаемый, состоитъ въ войнѣ противъ тирановъ; учредительное же собраніе разумѣетъ подъ тиранами всѣхъ государей и всѣ правительства недемократическія. Революція—вовсе не война въ обыкновенномъ ея значеніи, и вопросъ идетъ вовсе не о пріобрѣтеніи или потерѣ той или другой провинціи; революція—война изъ-за принциповъ; цѣль революціи—ниспроверженіе всякой религіи, всякой морали, разрушеніе всѣхъ троновъ, уничтоженіе вѣковой собственности. Она стремится минировать всѣ троны и произвести революцію во всѣхъ государствахъ, большихъ и малыхъ. Демократическій принципъ, выставленный революціею, все болѣе и болѣе распространяетъ свое господство въ Европѣ. И не удивительно: народъ вездѣ невѣжественъ и глупъ, а крики объ уничтоженіи налоговъ и о полномъ равенствѣ настолько соблазнительны, что ни одинъ народъ не можетъ устоять противъ нихъ. Никогда ни одинъ народъ не пойметъ, что никакое собраніе людей не можетъ жить безъ полиціи, безъ судей, безъ войска, которые его защищаютъ, и что для содержанія полиціи, судей, войска нужны деньги, собираемыя при помощи налоговъ. Всѣмъ намъ, поэтому, угрожаетъ общее и рѣшительное разрушеніе. Революція—не болѣзнь, а эпидемія, которая заразитъ всѣхъ. Удаленіе Россіи отъ предѣловъ Франціи обезпечиваетъ насъ на нѣкоторое время; мы будемъ послѣдними, но и мы будемъ жертвами этой всеобщей чумы. Мы ее не увидимъ—ни вы, ни я; но мой сынъ увидитъ ее въ Россіи. И нашъ чередъ придетъ; позже другихъ, вслѣдствіе нашего отдаленія отъ французскихъ границъ, но придетъ»[2]).

Екатерина не раздѣляла взглядовъ графа С. Р. Воронцова на французскую революцію; императрица знала Россію лучше своего

[1]) Ibid., VIII, 24.
[2]) Ibid., IX, 267, 273; X, 11, 16, 17, 25 sqq.

Digitized by Google

лондонскаго посла. Екатерина настолько не опасалась занесенія политической чумы, что рѣшилась воспользоваться французскою революціею для устройства жизненнаго для Россіи вопроса. Такимъ вопросомъ былъ польскій вопросъ.

Екатерина не признавала ни польской конституціи 3-го мая, ни австро-прусской конвенціи 25-го іюля 1791 года. Занятая войною, императрица не могла воспрепятствовать ни тому, ни другому; теперь, когда она свободна, нужно отвлечь вниманіе вѣнскаго и берлинскаго дворовъ отъ Польши, заинтересовать ихъ чѣмъ-нибудь, чтобы заняться устройствомъ польскихъ дѣлъ. Самымъ надежнымъ отвлеченіемъ могла служить французская революція. 14-го декабря 1791 года Екатерина говорила Храповицкому: «Я ломаю себѣ голову, чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Совѣтъ меня не понимаетъ; развѣ это моя вина? Есть соображенія, которыя нельзя высказывать; я хочу занять вѣнскій и берлинскій дворы французскими дѣлами, чтобъ развязать себѣ руки. У меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали» [1]). Ровно черезъ мѣсяцъ, 13-го января 1792 г., Екатерина писала слѣдующее собственноручное письмо императору Леопольду II: «Хотя я не сомнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество извѣщены уже о заключеніи мною мира съ Портою Оттоманскою, тѣмъ не менѣе считаю для себя удовольствіемъ самой увѣдомить васъ объ этомъ, заранѣе увѣренная, что Ваше Величество примете участіе въ событіи, которое способно придать новую силу той тѣсной связи, которая соединяетъ насъ. Не оставалось бы такимъ образомъ ничего болѣе желать для общаго спокойствія, еслибъ не несчастныя волненія, которыя, благодаря духу заблужденія и гибельныхъ нововведеній, возникли и распространились въ различныхъ странахъ. Этотъ духъ обнаруживался и сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи во время войны, которую Ваше Величество и я вели противъ нашихъ враговъ; обуздать этотъ духъ и прекратить его надлежитъ теперь, когда намъ обоимъ возвращенъ, наконецъ, миръ. Вашему Императорскому Величеству извѣстенъ мой образъ мыслей по этому поводу; онъ не только остался все тѣмъ же, но

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 386.

*

Digitized by Google

обстоятельства дозволяютъ ему быть въ настоящее время еще болѣе дѣятельнымъ и болѣе дѣйствительнымъ, и Ваше Величество увидите меня всегда готовою раздѣлить съ вами и поддержать тѣ мѣры, которыя попеченіе о благѣ нашихъ имперій и забота о нашей общей славѣ должны внушить намъ» [1]).

Екатерина достигла своей цѣли. Французская война отвлекла до извѣстной степени вниманіе Австріи и Пруссіи отъ «польскаго вопроса». На свиданіи въ Майнцѣ, оба союзника, Францъ II и Фридрихъ Вильгельмъ II, согласились о военномъ планѣ «для возстановленія порядка», и австро-прусская армія двинулась къ границамъ Франціи. Скоро сдалась крѣпость Лонгви, сдался Вердюнъ. Въ письмѣ отъ 9-го мая 1792 года, Екатерина пишетъ Гримму: «Я получила вчера извѣстіе, что при первой же стычкѣ, въ Монсѣ, французскій отрядъ хорошо былъ встрѣченъ австрійскими войсками. Я въ восторгѣ; только пораженія могутъ исцѣлить этихъ сумасбродовъ» [2]). Ликовали и союзники, но не долго. Разстроенная эмиграціей корпуса офицеровъ, французская армія, наскоро собранная, на половину изъ новобранцевъ, терпѣла пораженія при первыхъ стычкахъ съ врагомъ; но въ этихъ пораженіяхъ на бельгійской границѣ, молодая французская армія приняла то крещеніе огнемъ и мечемъ, которое вскорѣ приковало побѣду къ ея знамени. Четыре мѣсяца спустя послѣ понесеннаго пораженія, французы разбиваютъ на-голову соединенныя силы австрійцевъ и пруссаковъ, предводимыхъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, гонятъ предъ собою сардинскій войска, захватываютъ Савойю и Ниццу, выбиваютъ нѣмцевъ изъ Шпейера и Вормса; еще черезъ мѣсяцъ—Дюмурье разбиваетъ австрійцевъ около Монса, позже близъ Брюсселя. Съ ужасомъ узнаетъ Гриммъ и дивится Екатерина, что Рейнскія провинціи захвачены французами, Фландрія и Брабантъ потеряны для вѣнскаго двора, Голландія занята, оранскій домъ низвергнутъ, Сардинія и Папская область завоеваны французами, которыхъ Екатерина не перестаетъ называть «сумасбродами», «оборванцами». Республиканскіе «оборванцы» организуются въ партизанскіе отряды и гонятъ предъ

[1]) Вѣнскій Hof-und Staatsarchiv. Ср. Vivenot, Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs, Wien, 1873.

[2]) Сборникъ, XXIII, 565.

Digitized by Google

собою регулярныя арміи нѣмцевъ; среди этихъ «сумасбродовъ» появляются такіе генералы, какъ Кюстинъ, Дюмурье, Гошъ, Марсо, Пишегрю, Журданъ, Морб, Бонапартъ, которые бьютъ и гонятъ пресловутыхъ герцога Брауншвейгскаго и принца Кобургскаго, Гогенлоэ, Клерфэ, Калькрейта. Екатерина только руками разводила: «Движеніе герцога Брауншвейгскаго— пишетъ она Гримму — какой позоръ, какая нелѣпость! Вшивая Шампань станетъ теперь плодоносною отъ того навоза, который нѣмцы въ ней оставили. Боже мой, Боже мой, какъ дурно повели эти братцы и свои дѣла, и чужія! Но эти несчастные принцы, братья французскаго короля, эти эмигранты, что станется съ ними? Я о нихъ только и думаю, да о томъ, какъ бы исправить позоръ и безчестіе высокихъ союзниковъ, особенно же двухъ братьевъ. А эта дорогая «золотая булла», этотъ палладіумъ Германіи — гадкій Кюстинъ уничтожитъ ее! И это еще ничего бы, но уничтоженіе трехъ духовныхъ курфюршествъ! Но чего же смотрятъ на это Донъ-Кихоты Германіи? Они разоряются на содержаніе своихъ армій, хрипнутъ надъ ихъ муштровкою, и какъ только представляется надобность пустить ихъ въ дѣло, эти свѣтлѣйшія высочества обращаются въ бѣгство одни или со своими войсками... О, я такъ зла на нѣкоторыя личности, что съ удовольствіемъ надавала бы имъ пощечинъ! А свѣтлѣйшій ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, сохраняющій съ своимъ войскомъ въ Гессенѣ нейтралитетъ относительно Франціи въ своемъ же собственномъ дѣлѣ? Вотъ оселъ-то! Казалось, онъ долженъ бы голову сложить за свое же дѣло—такъ нѣтъ: онъ и его безполезныя войска умираютъ со страху въ Гессенѣ! Вотъ достойный герой того времени, въ которое мы живемъ» [1]).

Въ письмахъ къ Гримму, Екатерина не разъ высказывала свое убѣжденіе, что возстановить спокойствіе во Франціи могутъ только сами же французы, принцы крови и эмигранты, основавшіе свою главную квартиру въ Кобленцѣ [2]). Графъ Воронцовъ держался противнаго мнѣнія: «Много изъ англичанъ ѣздятъ теперь въ Парижъ для любопытства. Много изъ моихъ знакомыхъ, кои имѣютъ разумъ, проницаніе и просвѣщеніе и совершенно безпристрастны, возвра-

[1]) Сборникъ, XXIII, 578, 579, 580.
[2]) Ibid., 568, 571, 573, 576 sqq.

Digitized by Google

тясь на сихъ дняхъ оттуда, увѣряли меня, что всякое военное покушеніе принцевъ, находящихся въ Кобленцѣ, не только помѣшаетъ начинающуюся наклонность націи къ законному монархическому правленію, но еще утвердитъ надолго нынѣшнюю бѣшеную анархію; что не токмо дворянство, вошедшее съ войскомъ, погибнетъ, но и то, которое живетъ теперь спокойно во внутри государства, будетъ неповинно, но неизбѣжно жертвою озлобленнаго народа и что даже король съ королевою и ихъ дѣти погибнутъ отъ буйной челяди Парижа, гдѣ пуще всего необдуманная суровость сего подлаго народа сохраняется... Здѣсь и въ Берлинѣ сколько опасаются и конечно не дозволятъ, чтобъ большія силы императорскихъ дворовъ сдѣлали вооруженною рукою успѣшную контръ-революцію, столько же желаютъ, чтобъ принцы съ малыми силами зачали бы военныя дѣйствія, дабы замѣшать дѣла, помѣшать и отсрочить на многія лѣта начинающуюся наклонность націи къ старому порядку» [1]).

Гриммъ постоянно убѣждалъ Екатерину успокоить Францію сильнымъ войскомъ; Екатерина всегда находила серьезныя къ тому препятствія. «Мнѣ принесли — пишетъ Гриммъ отъ 18 октября 1793 года — анонимное письмо, которое я обязанъ переписать, такъ какъ оно адресовано вамъ, хотя и адресовано мнѣ. Оплакавъ, какъ всякая чувствительная душа, злополучный жребій французской королевы, авторъ говоритъ такъ: «Отчего государи Европы дѣлаютъ видъ, будто не вѣдаютъ или презираютъ грозящую имъ опасность? Неужели они могутъ забыть общую пользу изъ-за частныхъ выгодъ и упустить изъ виду анархическую гидру, грозящую всѣмъ правительствамъ разложеніемъ всего соціальнаго строя? Долго ли же они будутъ щадить виновныхъ и страшиться ихъ? Эта слабость дѣлаетъ злодѣевъ только болѣе дерзкими. Ложная политика только ускоритъ всеобщій взрывъ, и безпечная беззаботность приблизитъ опасность. Слѣдуетъ, однако, болѣе сожалѣть, чѣмъ порицать большинство тѣхъ государей, чья воля прихотливо направляется ихъ министрами; но нѣтъ оправданій для вашей императрицы, если она не проявитъ въ этотъ страшный кризисъ всей вла-

[1]) Арх. кн. Воронцова, IX, 220, 224. Заподозрѣвала Англію и Екатерина, см. Сборникъ, XXIII, 570, 597 sqq.

Digitized by Google

сти, врученной ей судьбою, всего вліянія своего возвышеннаго генія и всей силы непоколебимаго характера, которою природа надѣлила его. Повторяю: нѣтъ для нея оправданія, если она не употребитъ всѣхъ своихъ средствъ, чтобъ спасти Европу отъ всеобщаго разрушенія; безъ нея, безъ ея вмѣшательства, нѣтъ спасенія для Европы» [1]). Екатерина отвѣчала: «Я получила, какъ и вы, письмо въ двѣнадцать страницъ, также анонимное, въ которомъ меня убѣждаютъ послать войска на Рейнъ. Но какъ же ихъ послать туда? Если въ маломъ числѣ и съ военными планами болвановъ — они будутъ побиты, а въ большемъ числѣ я не могу послать, такъ какъ каждую минуту должна ожидать нападенія со стороны турокъ, которыхъ милордъ Энсли и Декоршъ натравливаютъ на насъ. Необходимо, однако, отличать милорда Энсли отъ англійскаго министра: Питтъ хочетъ, чтобъ турки напали на меня лишь въ томъ случаѣ, если нельзя ихъ удержать отъ войны съ вѣнскимъ дворомъ, и ради этого проповѣдуетъ войну съ Россіею; Энсли же хочетъ, чтобъ турки во всякомъ случаѣ воевали съ Россіею. Декоршъ проповѣдуетъ войну съ обоими императорскими дворами вмѣстѣ. Изъ всей этой путаницы выходитъ, что я должна быть на-сторожѣ, и мнѣ нельзя посылать большое число моихъ войскъ въ отдаленныя земли» [2]). Это писано въ февралѣ 1794 г., тоже въ декабрѣ: «Мы вооружены и должны поэтому стоять сложа руки, надо кончить свои дѣла прежде, чѣмъ вмѣшиваться въ чужія» [3]), т. е. во французскія.

Тотчасъ по заключеніи ясскаго мира съ Турціею, Екатерина занялась не чуждымъ ей, французскимъ, а близкимъ Россіи, польскимъ вопросомъ. Свои отношенія къ Польшѣ Екатерина регулировала по матерьяламъ, найденнымъ «въ мастерской Петра Великаго» [4]). Она была убѣждена, что «по польскимъ дѣламъ не было еще слѣдовано отъ 1717 иному проекту, кромѣ одинакому, то-есть, чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно въ

---

[1]) Сборникъ, XLIV, 486.

[2]) Ibid., XXIII, 591, Ainslie—англійскій посолъ въ Константинополѣ, Decorches—французскій.

[3]) Ibid., 617.

[4]) Русская Старина, LXXIV, 29.

Digitized by Google

цѣлости» [1]). Для этого въ Польшѣ посаженъ ею Станиславъ-Августъ «королемъ, котораго мы дѣлали» [2]). Екатерина увѣрена въ немъ; еще въ началѣ 1791 года, даже во время волненія въ Польшѣ, Екатерина замѣчаетъ князю Потемкину: «Не надобно сомнѣваться въ королѣ, чтобъ забылъ онъ до того свою благодарность и собственную безопасность, чтобъ на противные виды для Россіи подался» [3]). Король, однако, подался. 3-го мая 1791 г. была провозглашена польская конституція; 10-го мая Екатерина пишетъ Гримму: «Польскій сеймъ превзошелъ Національное Собраніе глупостью, такъ какъ ради любви къ свободѣ и для лучшаго ея обезпеченія, онъ отдался, связанный по рукамъ и ногамъ, польскому королю, уничтоживъ liberum veto, этотъ палладіумъ польской свободы, уничтоживъ конфедераціи и установивъ наслѣдственность королей. Не значитъ ли отдаться чорту съ головы до пятокъ, когда такъ измѣняютъ своему жизненному принципу, и можно ли быть столь легкомысленнымъ, чтобъ такъ грубо обмануться насчетъ своихъ же существенныхъ интересовъ? Едва король польскій сказалъ имъ, что сосѣди собираются снова раздѣлить Польшу, какъ они тотчасъ же согласились вручить ему неограниченную власть. Теперь посмотримъ, что сдѣлаетъ Его Величество съ своей двойной присягой и броситъ ли онъ въ огонь свои ограничительныя условія (pacta conventa) или же поѣдетъ путешествовать на венеціанскій карнавалъ, чего ему, говорятъ, очень хочется» [4]). Воюя противъ Польши и поляковъ, Екатерина сообщаетъ Гримму, что воюетъ за Польскую республику: «Польскій король поступилъ очень нехорошо, когда подчинился руководству швейцарскихъ, итальянскихъ и польскихъ плутовъ, которые такъ дурно повели его, что онъ не убоялся стать клятвопреступникомъ, нарушить свои ограничительныя условія, нарушить всѣ договоры республики, уничтожить республику, обидѣть Россію, оскорбить свою благодѣтельницу и тѣмъ навлечь на себя всю горечь, теперь имъ испытываемую. Кто не уменъ въ 60-ть лѣтъ, навѣрное никогда ужь уменъ не будетъ... Всѣ безъ изъятія дого-

[1]) Записка графу Безбородко. Сборникъ, XLII, 224.
[2]) Государств. Архивъ, V, 94; Сборникъ, VII, 373.
[3]) Русскій Архивъ, 1874, II, 273.
[4]) Сборникъ, XXIII, 534.

Digitized by Google

воры наши заключены съ республикой. Я эту зиму спрашивала пріѣзжихъ поляковъ: «Что сдѣлали вы съ моею подругою? Гдѣ найду я Польскую республику? Возвратите мнѣ ее!» Поляки не знали, что отвѣчать на это. Его польское величество задался цѣлью раздражать, возбуждать поляковъ противъ Россіи, потому что Россія любила свою старую подругу, Польскую республику, которую Его Величество захотѣлъ уничтожить» [1]). Екатерина хорошо понимала разницу между Франціей и Польшей, но, тѣмъ не менѣе, неоднократно указывала Гримму, что она въ Польшѣ поражаетъ французскій якобинизмъ. «Скажите мнѣ, пожалуйста, отчего вы полагаете, что дѣла польскія не могутъ идти вровень и даже впередъ дѣлъ французскихъ? Очевидно, что вы не знаете, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ имѣетъ прямыя сношенія съ гнѣздомъ парижскимъ, и что польскій король и польскій сеймъ руководствуются знаменитымъ манифестомъ Ванъ-деръ-Ноота. Они изжили со свѣта мою старую подругу и союзницу, Польскую республику, уничтожили всѣ ея договоры съ Россіею и уже четыре года какъ не перестаютъ наносить Россіи всѣ обиды и оскорбленія, какія только могутъ придумать, до того, что, во время моей войны съ турками, они отправили въ Константинополь посланника для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Портою. Еслибъ не доказательства, которыя у меня въ рукахъ, никогда я не повѣрила бы, чтобъ польскій король могъ быть столь неблагодаренъ и недальновиденъ, какимъ онъ оказался въ эти четыре года. Или его водятъ за носъ, или онъ спятилъ съ ума, что рѣшился на поступки столь вредные и столь противные благосостоянію Польши, чести и чувству благодарности. Они вообразили, что Россія погибаетъ; поэтому, его польское величество позволилъ себѣ нарушить свои ограничительныя условія, хранить которыя онъ клялся и по которымъ, въ случаѣ нарушенія ихъ королемъ, подданнымъ разрѣшается не повиноваться ему; при помощи 25 или 30 депутатовъ, которыхъ онъ застращалъ тѣмъ, что они будутъ избиты варшавскою чернью, онъ присвоиваетъ себѣ неограниченную власть. И, получивъ ее, что же онъ дѣлаетъ? Онъ разрѣшаетъ продажу староствъ, уничтожаетъ гетманскую должность, безъ

[1]) Ibid., 571, 577.

Digitized by Google

суда смѣщаетъ чиновниковъ, захватываетъ казну Польской республики. Замѣтьте, онъ началъ съ того, что уничтожилъ гарантію правительства, которое хотѣли свергнуть. Наконецъ, эти якобинцы стараются повсюду произвесть смѣшеніе языковъ: всѣ эти польскія затѣи также пристали польскимъ законамъ, какъ, по русской пословицѣ, коровѣ сѣдло. И вы хотите, чтобъ я покинула тамъ всѣ мои интересы и интересы моей союзницы, республики, моихъ друзей, республиканцевъ, чтобъ заняться исключительно якобинскимъ гнѣздомъ Парижа? Нѣтъ, я буду сражаться и буду бить это гнѣздо въ Польшѣ и тѣмъ самымъ окажу содѣйствіе дѣламъ французскимъ и помогу разбить шайку санъ-кюлотовъ» [1]).

Такъ писала Екатерина Гримму въ маѣ 1792 года. Годомъ раньше, въ іюлѣ 1791 года, подписанъ императрицею «секретный» рескриптъ князю Потемкину; годомъ позже, въ 1793 году, состоялся второй раздѣлъ Польши, давно уже въ принципѣ рѣшенный, но составлявшій государственную тайну: «сіе обстоятельство долженствуетъ сокрыто быть въ непроницаемой тайнѣ» [2]). Нѣмецъ Гриммъ, называвшій себя «русскимъ», а польскихъ конфедератовъ «сволочью» (le canaille), привѣтствовалъ второй раздѣлъ Польши цѣлымъ потокомъ восторженныхъ фразъ [3]); русскій вельможа, графъ С. Р. Воронцовъ [4]), писалъ брату: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣніе, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Это дѣло само по себѣ представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужь было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что мы грабили Польшу, чтобы отмстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обна-

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 567.

[2]) W. Kalinka, „Polityka dwora austryackiego w sprawe konstytucyi trzeciego Maja". Krakow, 1872; Liske, „Zur polnischen Politik Katharina II 1791" (Hist. Zeitschrift, XXX, 301); Русск. Архивъ, 1865, 77; 1874, II, 288.

[3]) Сборникъ, XLIV, 108, 653, 696.

[4]) Изъ Лондона, отъ 7 мая 1793 г. Арх. кн. Воронцова, IX, 302.

Digitized by Google

родываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что тутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно ли воображать послѣ этого, что какой-либо дворъ будетъ имѣть какое-либо довѣріе къ намъ?» Давно уже оставившій Россію и въ послѣднее время постоянно жившій въ Англіи, графъ Воронцовъ не зналъ, конечно, что, по словамъ Екатерины, «для Россіи нѣтъ ни пользы, ни нужды, чтобъ Польша сдѣлалась активнѣе», что поляки стали тогда для русскихъ дѣятелей «полячишки, какъ мы ихъ теперь называемъ», что такіе «полячишки», какъ Потоцкій и Ржевусскій, не говоря уже о массѣ Велевейскихъ, Герлицъ, Любовицскихъ, Шембекъ и т. п. [1]), сами работали въ руку Россіи.

Екатерина не понимала польской революціи, какъ не понимала она никакой революціи, ни американской, ни нидерландской [2]), ни французской. Не понимала и не могла понять, такъ какъ она не признавала общественнаго мнѣнія, хотя невольно подчинялась ему. «Скажите, спрашиваетъ она Гримма, кто изъ государей болѣе Людовика XVI прислушивался къ общественному мнѣнію при выборѣ своихъ министровъ и другихъ сановниковъ, а что изъ этого вышло?» [3]). Гриммъ находитъ, что «какая-то невидимая сила» [4]) содѣйствуетъ революціи, но не понималъ, что это была сила общественнаго мнѣнія.

«Въ концѣ XVIII столѣтія—говоритъ Гольцендорфъ—общественное мнѣніе пользовалось въ Европѣ почти непонятною силою и было во многихъ отношеніяхъ однородно. Оно было направлено, прежде всего, не столько противъ неограниченной власти государей, такъ какъ вѣра въ благодѣтельное значеніе просвѣщеннаго деспотизма была еще велика, сколько противъ бездушной рутины и педантическаго формализма бюрократическаго строя, прикрывавшагося канцелярскою тайною, противъ варварскихъ законо-

---

[1]) Русск. Архивъ, 1874, II, 271, 282; Сборникъ, XVI, 151, 220 sqq.

[2]) Сборникъ, XXIII, 78, 96, 183, 484, 523, 567, 575.

[3]) Сборникъ, XXIII, 607.

[4]) Le pouvoir invisible. Сборникъ, XLIV, 467.

Digitized by Google

дательныхъ мѣръ, выработывавшихся въ тиши кабинетовъ, и противъ продажности судовъ. Цензура и тайна сдѣлали XVIII столѣтіе вѣкомъ общественнаго мнѣнія. Церковь и государство, своими преслѣдованіями всѣхъ свободномыслящихъ писателей, наконецъ, гнетъ печати цензурою служили только возбужденіемъ къ критикѣ. Духъ противодѣйствія устарѣлымъ учрежденіямъ все росъ и крѣпчалъ. Подъ знаменемъ гуманности, просвѣщенія и общественнаго блага выступили во всѣхъ странахъ Европы представители общественнаго настроенія, нападавшаго съ бо́льшею страстностью на привилегіи дворянства и духовенства, чѣмъ на догматы церкви. Общественное мнѣніе въ прошломъ столѣтіи зарождалось и росло преимущественно въ среднемъ классѣ населенія—въ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, въ мірѣ ученыхъ, средѣ людей торговыхъ, даже въ корпусѣ офицеровъ и отчасти въ представителяхъ низшаго духовенства. Незадолго до французской революціи всюду царила увѣренность въ скоромъ появленіи новаго порядка вещей. Основной тонъ, которымъ высказывалось общественное мнѣніе, былъ данъ французскою литературою. Творцами и герольдами этого общественнаго мнѣнія, охватившаго весь міръ, были англійскіе деисты, Монтескье, Дидро, французскіе энциклопедисты, Руссо, Мирабо, особенно же и преимущественно Вольтеръ. Необыкновенная и безпримѣрная сила общественнаго мнѣнія во второй половинѣ прошлаго вѣка станетъ очевидной, если вспомнимъ вліяніе общественнаго мнѣнія на уголовное законодательство того времени. Просвѣщеннѣйшіе монархи, какъ Фридрихъ II, Екатерина II, Іосифъ II и Леопольдъ тосканскій, прислушивались къ совѣтамъ общественнаго мнѣнія. Подъ его вліяніемъ судья смягчалъ жестокость наказаній, опредѣленныхъ старыми уголовными кодексами. Когда Вольтеръ возвысилъ свой голосъ противъ осужденія Кала́ на смертную казнь, ему съ одобреніемъ внимала вся Европа. Брошюры, въ которыхъ высказывалось настроеніе всей европейской публики противъ устарѣлыхъ злоупотребленій, расходились во множествѣ. Беккарія, Говардъ читались не только своими соотечественниками, но всею Европою. И что̀ особенно замѣчательно: общественное мнѣніе достигло въ концѣ прошлаго вѣка такого развитія при томъ, что періодической печати почти не существовало, ни газетъ, ни журналовъ. Общественное мнѣніе шло подъ водитель-

Digitized by Google

ствомъ великихъ дѣятелей, которые, по словамъ Мальзерба, вращались среди публики, какъ ораторы Рима или Аѳинъ въ средѣ народнаго собранія. Неккеръ справедливо называлъ общественное мнѣніе «невидимою властью, которая, безъ средствъ и безъ армій, предписывала законы Парижу и даже двору королей»[1]).

Екатерина вѣрила только въ просвѣщенный деспотизмъ и этой религіи вѣка осталась вѣрна до гроба. «Все для народа, ничего при помощи народа»—таковъ девизъ Екатерины. Вотъ почему ее не коснулось общее воодушевленіе ни принципами 1789 года, ни взятіемъ Бастиліи. Въ письмахъ къ Гримму она высказывала въ прозѣ тѣ же мысли, какія Шиллеръ выразилъ въ стихахъ:

Wenn sich die Völker selbst befrein
Da kann die Wohlfahrt nicht gedeihn.
. . . . . .
Weh denen, die dem Ewigblinden
Des Lichtes Himmelsfackel leihn!
Sie strahlt ihm nicht, sie kann nur zünden,
Und äschert Städt' und Länder ein.

Съ самаго начала французской революціи въ письмахъ Гримма просвѣчиваетъ иногда упованіе то на финансовыя способности Неккера, то на воинскія дарованія герцога Кастри: въ письмахъ Екатерины—полная безнадежность. «Видя, какъ рушится все, къ чему въ началѣ и въ серединѣ вѣка были привязаны умы, въ чемъ заключались идеалы и принципы, безъ которыхъ нельзя же жить», Екатерина оплакиваетъ погибель Франціи: «Какое паденіе! Большія дороги заростутъ терніями, а Сюлли такъ радовался, что его милый Генрихъ IV уничтожилъ ихъ! До сихъ поръ считали заслуживающимъ висѣлицы каждаго замышляющаго погибель страны, а теперь вотъ цѣлая нація, или скорѣе тысяча двѣсти депутатовъ этой націи, занимается этимъ. Еслибъ повѣсить нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, думаю, остальные образумились бы. Слѣдовало бы начать съ того, чтобъ отнять у нихъ тѣ восемнадцать франковъ, которые даются каждому депутату, и тогда эти добрые люди возвратились бы къ своимъ ремесламъ, которыми они кормятся»[2]). Екатерина не нахо-

[1]) Une puissance invisible, qui sans trésors, sans gardes, sans armée donnait des lois à la ville et jusque dans le palais des rois. Holtzendorff, „Wesen und Werth des Oeffentlichen Meinung", 1879, S. 47.

[2]) Сборникъ, XXIII, 481, 488.

Digitized by Google

дила словъ для выраженія своего отвращенія къ Національному Собранію, которое она называетъ не иначе, какъ «гидрой о тысячѣ двухъ стахъ головахъ» [1]). Въ ноябрѣ 1789 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Я не вѣрю въ высокія способности чернорабочихъ и разночинцевъ въ правительственныхъ и законодательныхъ вопросахъ: заставьте тысячу человѣкъ написать одно письмо, дайте имъ пережевывать каждое выраженіе, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ» [2]). Ненависть къ Національному Собранію до того ослѣпляетъ Екатерину, что она повторяетъ сплетни и придаетъ значеніе всякой нелѣпости, распускаемой роялистами. Одну изъ нихъ сообщилъ ей гр. С. Р. Воронцовъ. «Г-жа Дюпэнъ, та самая, у которой Руссо воспитывалъ дѣтей, отпустила нѣсколько лѣтъ назадъ стараго кучера, за дряхлостью, наградивъ его пожизненной пенсіей. Этотъ кучеръ пріѣхалъ теперь изъ деревни въ Парижъ и посѣтилъ ее. Она подумала, что ему неакуратно выплачиваютъ пенсію, но онъ удостовѣрилъ, что пенсію получаетъ исправно, и заявилъ, что, будучи избранъ въ члены Національнаго Собранія, онъ, прибывъ въ Парижъ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить свою старую и добрую госпожу. Послѣ этого онъ просилъ позволенія посмотрѣть лошадей, къ которымъ привыкъ, и справиться, все ли въ порядкѣ на конюшнѣ. Онъ сходилъ въ конюшню, остался доволенъ порядкомъ и вслѣдъ затѣмъ отправился засѣдать среди законодателей этой возродившейся націи. Говорятъ, этотъ кучеръ —наиболѣе честный членъ этого августѣйшаго собранія» [3]).

Изъ кого ни состояло бы Національное Собраніе, Екатерина отвергала его и потому уже, что оно многочисленно: «Гдѣ множество дѣльцовъ—пишетъ она Гримму—тамъ голосъ разума никогда не будетъ услышанъ» [4]). Пять лѣтъ назадъ, въ 1787 году, когда революціонное движеніе не проявилось еще вполнѣ, Екатерина не только не отвергала, но сама восторгалась проектомъ созванія Національнаго Собранія: «Идея созванія депутатовъ превосходна, пи-

---

[1]) Ibid., 488, 493, 495.
[2]) Ibid., 479.
[3]) Арх. кн. Воронцова, IX, 218.
[4]) Сборникъ, XXIII, 578.

Digitized by Google

сала она Гримму. Успѣхъ созваннаго мною въ 1767 г. собранія депутатовъ зависѣлъ отъ того, что я сказала имъ: «Смотрите, вотъ каковы мои принципы; заявите ваши жалобы. Гдѣ жметъ сапогъ? Тутъ—хорошо, мы исправимъ его. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага, въ которомъ заключается и мое собственное благо. Ну, работайте, представляйте проекты; сообразите, гдѣ вы и куда идете». И они принялись наблюдать, собирать матерьялы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорная слуга все выслушивала и оставалась вполнѣ равнодушною ко всему, что не составляло общей пользы и не касалось общаго блага» [1]). Екатерина не понимала, что «старый порядокъ», какъ проношенный сапогъ, оказался никуда негоднымъ и что Національное Собраніе имѣло въ виду даже не общее, а всемірное благо.

Екатерина полагала, что возвращеніе къ «старому порядку» вполнѣ возможно, даже весьма близко. Въ началѣ 1791 года она пишетъ Гримму: «Мнѣ кажется, что главная сумятица прошла и что послѣ нѣкоторыхъ судорожныхъ движеній, которыя будутъ еще въ этомъ году, все войдетъ въ свою колею». Мѣсяцъ спустя: «Франція одержима теперь душевною болѣзнью, но, вслѣдствіе легкомыслія французовъ, эта болѣзнь пройдетъ у нихъ скорѣе, чѣмъ у всякаго другаго народа» [2]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина довольно точно предсказывала судьбу австро-прусскаго вмѣшательства, зло подтрунивала надъ эмигрантами, говоря, что они непремѣнно восторжествуютъ, если будутъ обладать «мужествомъ, твердостью, великодушіемъ, благоразуміемъ и здравымъ пониманіемъ, какъ и гдѣ примѣнять эти свойства» [3]), и, какъ нѣмка, пишущая нѣмцу, объясняла революцію стремленіемъ галловъ изгнать своихъ побѣдителей франковъ: «Знаете ли, что вы наблюдаете теперь во Франціи?

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 403, 408. Въ 1775 г., издавъ «Учрежденіе о губерніяхъ", Екатерина называла уже свои принципы въ знаменитомъ Наказѣ пустою болтовнею. Она писала Гримму: Mes derniers réglements du 7 novembre contiennent 250 pages in quarto imprimées, mais aussi je vous jure que c'est ce que j'ai jamais fait de mieux et que vis-à-vis de cela je ne regarde l'instruction pour les lois que comme un bavardage (Ibid., 39). Нѣсколько иной отзывъ, въ письмѣ къ Вольтеру, отъ того же времени (Ibid., XXVII, 57).

[3]) Ibid., 517, 521, 566, 581.

[2]) Сборникъ, XXIII, 573.

Digitized by Google

Это галлы силятся изгнать франковъ» [1]). Екатерина убѣждена, что «всякая республика кончается монархіей» [2]), и въ то же время очень рѣшительно предвидитъ появленіе спасителя Франціи въ лицѣ Кесаря: «Когда же придетъ Кесарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь... Франціи нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ—ловкій, храбрый, не только выше современниковъ, но, быть можетъ, и выше самаго вѣка. Родился ли онъ? не родился ли? скоро ли придетъ? Все зависитъ отъ этого» [3]). Когда же Кесарь явился, Екатерина не узнала его: переписка продолжалась за октябрь 1796 года, но въ ней не упомянуты ни весеннія побѣды Наполеона при Миллезимо и Монтенотте, ни лѣтнія при Лоди и Кастильоне.

Изъ всѣхъ государей, одна только Екатерина строго, до конца выдержала свой взглядъ на французскую революцію. Она не допускала никакихъ компромиссовъ съ революціонерами, съ презрѣніемъ отзывалась о королякъ Пруссіи и Сардиніи [4]), заключившихъ мирные договоры съ Французскою республикою, и, въ августѣ 1796 года, писала Гримму: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ русскихъ направляются походомъ къ берегамъ Эльбы, чтобъ пекратить бѣдствія Германіи. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ во главѣ ихъ. Говорятъ еще многое другое, а узнаютъ еще больше» [5]). Даже въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Гримму, за три недѣли до смерти, Екатерина, упомянувъ о прусскихъ вооруженіяхъ, прибавляетъ: «Если этими вооруженіями надѣются отклонить меня отъ выступленія моихъ войскъ подъ командою Суворова, то очень ошибутся» [6]). Это, конечно, еще только мысли, но и въ мысляхъ русскій корпусъ посылается все также къ Эльбѣ, не къ Рейну.

Въ послѣдніе годы переписки Екатерины съ Гриммомъ, фран-

---

[1]) Ibid., 581, 584. Восемьдесятъ лѣтъ позже, кн Бисмаркъ выражаетъ тотъ же взглядъ: Die Revolution von 1789 war die Niederwerfung des germanischen Elements durch das keltische. Busch, Graf Bismark, II, 310.

[2]) Ibid., 521, 626.

[3]) Ibid., 503, 506, 554, 592.

[4]) Сборникъ, XXIII, 623, 681. По поводу слуховъ о базельскомъ договорѣ, Екатерина пишетъ о прусскомъ королѣ: S'il l'a fait, on pourra dire qu'après Jesus-Christ, mort pour nous tous il n'y a personne qui fît au monde un plus grand sacrifice que le roi de Prusse, car il y perd réputation, honneur, bonne foi, et peut-être tranquillité, repos, état, etc. etc. etc.

[5]) Ibid., 689.

[6]) Ibid., 695.

Digitized by Google

цузская революція всегда на первомъ планѣ. Въ письмахъ Екатерины напрасно искать подробностей о послѣднемъ раздѣлѣ Польши или о присоединеніи Курляндіи—о подобныхъ вопросахъ Екатерина никогда не откровенничала съ Гриммомъ; но о себѣ самой, о «своихъ дѣтяхъ», о внукахъ и внучкахъ, она продолжала сообщать любопытныя свѣдѣнія, всегда искреннія, прямыя. Въ началѣ 1794 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Русская пословица говоритъ—мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, проживешь вѣкъ съ весельемъ. Вотъ почему, послѣ цѣлаго дѣловаго листа, теперь двѣ бездѣлицы. Во-первыхъ, третьяго дня, въ четвергъ, 9-го февраля, исполнилось 50 лѣтъ, какъ я съ матушкой пріѣхала въ Москву, и изъ этихъ пятидесяти лѣтъ я царствую, милостію Божіею, тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера было при дворѣ разомъ три свадьбы. Вы догадываетесь, конечно, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я тогда застала, и я думаю, что здѣсь, въ Петербургѣ, едва-ли найдется десять человѣкъ, которые помнили бы мой пріѣздъ. Это, прежде всего, Бецкой, слѣпой, дряхлый старикъ, который уже заговаривается и спрашиваетъ у молодыхъ людей, знавали ли они Петра I? Потомъ, графиня Матюшкина, 78 лѣтъ, вчера танцовавшая на свадьбѣ. Далѣе, оберъ-шенкъ Нарышкинъ, тогда камеръ-юнкеръ, и его жена; затѣмъ братъ его, оберъ-шталмейстеръ—но онъ не сознается въ этомъ, чтобы не казаться слишкомъ старымъ. Наконецъ, оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по дряхлости уже почти не выѣзжаетъ изъ дому, и моя горничная, старушка, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ почти всѣ мои сверстники; чудно—остальные могли бы быть моими дѣтьми, даже внуками. Вотъ какая я старуха. Есть семьи, въ которыхъ я знаю пятое и шестое поколѣніе. Вотъ неопровержимыя доказательства старости, и самый разсказъ отдаетъ, быть можетъ, тѣмъ же, но что дѣлать! и все-таки я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю смотрѣть, какъ играютъ въ жмурки и во всяческія дѣтскія игры. Молодые люди и мои внуки и внучки говорятъ, что я должна быть тутъ, чтобъ царило настоящее веселье, и что они чувствуютъ себя при мнѣ гораздо смѣлѣе и свободнѣе, нежели безъ меня; такимъ образомъ, я—душа веселья» [1]). Екатеринѣ было въ это время 65 лѣтъ.

[1]) Сборникъ, XXIII, 591.

Digitized by Google

1-го августа 1795 года, она пишетъ Гримму: «Бецкой только-что скончался, часа два назадъ, 93-хъ лѣтъ. Уже лѣтъ семь, какъ онъ совершенно впалъ въ дѣтство, а иногда былъ даже не въ своемъ умѣ; десять лѣтъ онъ былъ слѣпъ. Когда кто-нибудь приходилъ къ нему, онъ говорилъ: «Если императрица спроситъ васъ, что я дѣлаю, скажите ей, что я работаю со своими секретарями». Онъ особенно скрывалъ отъ меня потерю зрѣнія, чтобъ я не распорядилась его мѣстами; а на дѣлѣ всѣ его должности были уже замѣщены, только онъ этого не зналъ» [1]).

«У насъ здѣсь уже съ мѣсяцъ гоститъ знатный персіянинъ — пишетъ Екатерина Гримму въ концѣ 1795 года—по имени Муртаза-Кули-ханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его, Ага-Мехмедъ-ханъ, присвоилъ себѣ его владѣнія. Онъ человѣкъ умный, вѣжливый и обходительный. Онъ желалъ осмотрѣть Эрмитажъ и сегодня былъ въ немъ въ четвертый разъ; онъ остается въ немъ по три, по четыре часа сряду и все осматриваетъ, какъ настоящій любитель; все прекрасное поражаетъ его, но отъ него ничего не ускользаетъ. Онъ хотѣлъ видѣть, какъ гравируютъ, какъ рисуютъ, и ему доставили это удовольствіе: онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ возлѣ гравера и живописцевъ. Онъ входилъ и въ ложи Рафаэля; онъ принялся говорить о Библіи, узнавъ на потолкѣ и на стѣнахъ эпизоды изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Увидавъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, онъ сказалъ, намекая на ложи Рафаэля: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія вымышлена, такъ какъ мы здѣсь въ раю». Турки настоящіе мужики въ сравненіи съ персіянами, особенно эти чванные дураки-посланники, какихъ намъ много разъ уже присылали. На дняхъ, на балѣ, я сказала Муртазѣ чрезъ сопровождающаго его переводчика, что наши обычаи должны казаться ему очень странными и необыкновенными; онъ мнѣ отвѣчалъ, что было бы желательно, чтобы у нихъ стали бы намъ подражать. Его отвѣты всегда вѣрны и очень разумны. Въ день св. Георгія, видя, что я обѣдаю съ кавалерами ордена, онъ просилъ объяснить ему всѣ подробности ста-

---

[1]) Ibid., 644.

Digitized by Google

тута, и потомъ воскликнулъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе» [1]).

Такова Екатерина, какъ женщина, государыня и хозяйка, обрисованная ею самою въ письмахъ къ Гримму. Эти три картинки, полныя жизни, красокъ, мыслей, лучше всякихъ разсужденій оправдываютъ слѣдующія строки Екатерины къ князю Потемкину: «я пишу своимъ лаконическимъ нервознымъ штилемъ, въ которомъ обыкновенно болѣе дѣла, нежели словъ» [2]).

Французская революція коснулась обоихъ корреспондентовъ, Екатерины и Гримма, но не одинаково: Екатерина многое выиграла, Гриммъ все потерялъ. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа, изъ Франціи; на его домъ былъ наложенъ секвестръ, его имущество было конфисковано, всѣ его капиталы пропали [3]). Екатерина и въ этомъ случаѣ пришла къ нему на помощь. Въ концѣ 1793 года императрица писала Гримму: «Узнавъ изъ вашего послѣдняго октябрьскаго письма о безденежьи, въ которомъ вы находитесь, вслѣдствіе потерь, причиненныхъ вамъ злодѣями цареубійцами, посылаю вамъ при семъ три векселя: одинъ въ двѣнадцать тысячъ рублей, другой въ , третій въ , всего же на двадцать тысячъ. Если вы переселитесь въ Вѣну и купите тамъ домъ или дачу, я пришлю вамъ въ будущемъ году еще пятьдесятъ тысячъ. Не говорите никому объ этомъ» [4]). Письмо Екатерины отъ 13-го августа 1796 года начинается такъ: «Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, назначенъ на гамбургскій постъ, вмѣсто умершаго Гросса [5]).

Гриммъ при всѣхъ обстоятельствахъ жизни оставался Гриммомъ.

---

[1]) Ibid., 663.

[2]) Ibid., XLII, 399.

[3]) Ibid., XXIII, 586. Пропускъ въ подлинникѣ—Екатерина предоставляла Гримму размѣръ требованій по двумъ векселямъ на сумму до 8.000 рублей

[4]) Революціонное правительство конфисковало у Гримма 90.000 франковъ; такъ какъ «правительственная ассигнація» потеряла въ то время всякую цѣнность, то эта ассигнація обращалась въ товаръ, причемъ Гримму было выдано, вмѣсто 90.000 фр., нѣсколько кусковъ кисеи и три пары манжетъ (Сборникъ, II, 377—380). «Кстати, пишетъ Екатерина Гримму, поздравляю васъ съ тѣмъ, что злодѣи уплатили вамъ за 60.000 франковъ двѣ пары кружевныхъ манжетъ. Скажите, правда ли это?» (Ibid., XXIII, 670).

[5]) Сборникъ. XXIII, 689. Ѳедоръ Ивановичъ Гроссъ, 1729—1796, министръ-резидентъ въ Гамбургѣ.

*

Digitized by Google

Онъ по-прежнему выпрашиваетъ у императрицы всевозможныя милости для людей ему близкихъ, почему-либо ему нужныхъ, и даже въ самый разгаръ революціоннаго движенія во Франціи, въ 1790 г., проситъ Екатерину прислать портретъ «русской императрицы» одному антироялисту, на что Екатерина отвѣчала: «Послушайте, я не могу согласиться на ваше предложеніе и, какъ дворцовому мэру, развѣнчавшему монархическую власть во Франціи, не пристало имѣть портретъ наиболѣе аристократической императрицы въ Европѣ, такъ и русской императрицѣ не къ лицу посылать свой портретъ антимонархисту. Это значило бы поставить и мэра-антимонархиста и аристократку-императрицу въ противорѣчіе съ самими собою и съ ихъ должностями прошедшими, настоящими и будущими» [1]). По-прежнему Гриммъ неспособенъ ни на какой цѣльный литературный трудъ. Въ 1791 г., онъ прислалъ императрицѣ три свои комедіи и выразилъ надежду, что онѣ будутъ представлены на эрмитажномъ театрѣ [2]); Екатерина отвѣчала: «Ваши драматическія пьесы не могутъ быть представлены на эрмитажномъ театрѣ—онѣ грубы, грязны и у насъ уши слишкомъ избалованы, чтобъ слушать подобную глупость» [3]). По-прежнему Гриммъ ошибается, какъ только вдается въ какія-либо политическія сужденія. Два раза онъ пріѣзжалъ въ Россію, по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Екатериною, около 20-ти лѣтъ переписывался съ нею; тѣмъ не менѣе онъ совершенно не зналъ и не понималъ Екатерины, какъ императрицы Россіи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ госпожѣ Неккеръ: «Во всемъ мірѣ, быть можетъ, одинъ только я опредѣленно знаю цѣль царствованія Екатерины. Эта цѣль заключается въ уничтоженіи деспотизма и въ предоставленіи со временемъ русскому народу свободы. Говорю «со временемъ», такъ какъ и этотъ драгоцѣнный плодъ, какъ всѣ плоды вообще, не можетъ быть предлагаемъ незрѣлымъ. Достигнетъ ли императрица своей цѣли или же эта цѣль будетъ прервана и уничтожена ея преемниками, тѣмъ не менѣе эта цѣль вполнѣ обнаружится, когда императрицы не бу-

---

[1]) Ibid., 482.

[2]) Ibid., XLIV, 415. Изъ трехъ пьесъ только одна озаглавлена: „La journée des dupes“.

[3]) Ibid., XXIII, 519.

Digitized by Google

детъ уже въ живыхъ, и наступитъ время, когда никого уже не удивитъ большое сходство правительственной системы Екатерины съ системою Неккера» [1]). Еще были въ живыхъ и Екатерина, и Неккеръ, и Гриммъ, когда неосновательность подобнаго взгляда на императрицу стала для всѣхъ очевидною. Письмо Гримма къ госпожѣ Неккеръ помѣчено 1787 годомъ, а три года спустя, въ 1790 году, самъ Гриммъ сознавалъ уже, въ письмѣ къ Екатеринѣ, что «репутація Неккера погребена подъ развалинами монархіи» [2]). Екатерина неоднократно высказывала Гримму свое полное несогласіе съ Неккеромъ, котораго она считала «ненавистнымъ болтуномъ», не болѣе; вскорѣ и Гриммъ разочаровался въ Неккерѣ, по крайней мѣрѣ Екатерина писала Гримму: «Поздравляю васъ, что вы прекратили сношенія съ гражданиномъ Неккеромъ. Вспомните, какое отвращеніе питала я всегда къ этому накрахмаленному франту, въ каждой строчкѣ котораго видится написанное большою буквою Я» [3]). Какова ни была бы государственная программа Екатерины, эта программа не имѣла ничего общаго ни съ системой Неккера, народомъ прозваннаго «ministre adoré», ни съ заявленною Гриммомъ цѣлью, такъ какъ Екатерина сама потворствовала крѣпостному праву и не шла далѣе осужденія «адской политики, внушающей, будто народъ долженъ пребывать въ недостаткѣ и бѣдности, чтобъ быть ему трудолюбиву и послушну» [4]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Екатеринѣ, Гриммъ выразилъ желаніе, чтобъ потомство сказало о немъ, перефразируя французскую пословицу: «Telle maîtresse, tel valet» [5]). Подробно ознакомившись съ перепискою Гримма и Екатерины, необходимо

---

[1]) D'Haussonville, Le salon de M-me Necker, въ „Revue des Deux Mondes" XXXIII, 86.

[2]) Сборникъ, XLIV, 379.

[3]) Ibid., XXIII, 637. Compte-rendu Неккера произвелъ большое впечатлѣніе на Екатерину и она писала Гримму: Je vous prie de l'en remercier de ma part et de lui dire le cas infini que je fais de son Compte-rendu, mais surtout de ses talents: je ne doute nullement que le ciel l'a destiné pour tirer la France de l'état très embarassé dans lequel il a trouvé les finances de ce royaume. Ibid., 197.

[4]) Архивъ Сената, т. 161, п. 309; П. З. С., № 16407.

[5]) Сборникъ, XLIV, 629.

Digitized by Google

признать, что это желаніе не можетъ быть исполнено, не нанося серьезнаго оскорбленія чувству справедливости.

Послѣ революціи, смерть Екатерины II была вторымъ ударомъ для Гримма, не менѣе тяжкимъ. Императоръ Павелъ сохранилъ за нимъ постъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, но Гриммъ, потерявшій вскорѣ правый глазъ, долженъ былъ отказаться отъ своего дипломатическаго поста. Въ память матери и бабки, императоръ Павелъ и Александръ продолжали выдавать Гримму опредѣленное Екатериною содержаніе. Изъ Гамбурга Гриммъ переѣхалъ въ Готу, гдѣ и жилъ въ домѣ, предоставленномъ ему герцогомъ. Здѣсь, въ Готѣ, въ 1801 году, Гримма видѣлъ Гёте и записалъ въ своемъ дневникѣ только жалобы Гримма на матерьяльныя потери, понесенныя имъ отъ революціи. Гриммъ являлся къ герцогскому двору всегда въ русскомъ мундирѣ зеленаго цвѣта и съ орденомъ св. Владиміра [1]). Онъ умеръ 19 декабря 1807 года и, по собственному желанію, погребенъ близъ Готы, въ деревнѣ Зиблебенѣ, на сельскомъ кладбищѣ. Извѣстный нѣмецкій романистъ Густавъ Фрейтагъ, въ 1867 году, подновилъ памятникъ надъ могилой Гримма.

Гриммъ умеръ 84-хъ лѣтъ, среди полнаго тріумфа ненавистной ему революціи. Послѣдніе годы старика были потревожены громами пушекъ подъ Аустерлицомъ и Іеной, послѣдніе дни отравлены вѣстью о тильзитскомъ мирѣ.

В. Бильбасовъ.

---

[1]) Göthe Annalen, XXIII, 70; Journal de l'Empire, du 24 février 1813; Reichard, Selbstbiographie, 110, 473.

Digitized by Google

УЧЕНІЕ О ФИНЛЯНДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ[1].

Послѣдніе два вклада гг. Даніельсона и Мехелина въ ученіе о Финляндскомъ государствѣ принесли большую услугу русскимъ читателямъ, интересующимся финляндскимъ вопросомъ: они дополнили и, такъ сказать, увѣнчали прежніе труды финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ по этому предмету, появлявшіеся на русскомъ или на другихъ общеизвѣстныхъ европейскихъ языкахъ. Русскій читатель въ состояніи теперь составить себѣ довольно вѣрное представленіе какъ о всей архитектурѣ финляндскаго ученія такъ и о тѣхъ цѣляхъ, которыхъ добивается въ настоящую минуту шведофинляндская партія. Мы видѣли, что первыя попытки создать изъ Финляндіи самостоятельное государство зародились еще въ нѣдрахъ Аньяльскаго заговора; но тогда эти попытки имѣли характеръ открытаго вооруженнаго бунта противъ королевской власти. Когда же, по присоединеніи западной Финляндіи къ Россіи, исчезла надежда на успѣхъ вооруженной борьбы, аньяльскіе заговорщики перемѣнили тактику и стали добиваться своей цѣли путемъ возможно-большаго обособленія внутренняго управленія Финляндіи отъ законовъ и центральныхъ учрежденій имперіи. Дѣйствуя съ чрезвычайнымъ искусствомъ и пользуясь благопріятными обстоятельствами, они достигли при Александрѣ I огромныхъ успѣховъ. Плодами этихъ успѣховъ явились: созданіе правительственнаго совѣта, составленнаго изъ однихъ финляндцевъ и находившагося внѣ всякой связи съ высшими правительственными установленіями имперіи, учрежденіе отдѣльнаго министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, всегда избиравшагося изъ финляндскихъ

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., т. LXXVIII. май.

Digitized by Google

шведовъ и долженствовавшаго охранять предъ императоромъ ненарушимость финляндскаго обособленія и проводить дальнѣйшіе планы шведской партіи, наконецъ включеніе, въ 1811 г., въ составъ этой обособленной отъ Россіи провинціи стариннаго нашего достоянія, Выборгской губерніи, пріобрѣтенной потоками русской крови еще при славной памяти государѣ Петрѣ Великомъ и его дочери Елисаветѣ. Эта губернія, преддверіе Петербурга, уже 90 лѣтъ состоявшая въ полномъ соединеніи съ Россіей, куда изъ внутреннихъ губерній было переселено нѣсколько тысячъ русскихъ крестьянъ и въ главномъ городѣ которой Вигель, въ 1810 г., не слыхалъ другаго языка кромѣ русскаго («Записки Вигеля»), съ присоединеніемъ ея къ западной Финляндіи, должна была сдѣлаться аванпостомъ шведофинляндскихъ чувствъ и порядковъ у самыхъ воротъ русской столицы. Въ былыя времена, закончившіяся для Россіи со смертію Екатерины, такое событіе могло бы быть послѣдствіемъ только полнаго разгрома нашихъ военныхъ силъ. Но и тогда русское правительство считало бы своимъ священнѣйшимъ долгомъ возвратить отечеству его старинное достояніе при первомъ оборотѣ военнаго счастія въ нашу сторону, подобно тому, какъ московскіе цари никогда не заключали съ польскими королями окончательнаго мира, а только перемирія, на томъ основаніи, что Польша владѣла русскими областями, отторгнутыми отъ Россіи въ бѣдственныя времена удѣльныхъ междоусобицъ и татарскаго ига. А потомъ, при Александрѣ I, достаточно было одного почерка пера, чтобъ отторгнуть отъ государственнаго единства Выборгскую губернію, столь необходимую для безопасности нашей столицы, и отдать ее въ распоряженіе враждебной Россіи шведо-финляндской партіи. Относительно учрежденія отдѣльнаго финляндскаго министра статсъ-секретаря слѣдуетъ замѣтить, что никакое другое финлянское учрежденіе не нанесло такого вреда государственнымъ интересамъ Россіи, какъ именно учрежденіе статсъ-секретаря. Никакіе финляндскіе конституціонные сеймы, каковы бы ни были ихъ права, не могутъ нанести Россіи и малой доли того вреда, какой нанесли ей финляндскіе статсъ-секретари, уже потому, что всѣ постановленія сеймовъ совершаются гласно и до нѣкоторой степени ограничены за-

Digitized by Google

кономъ, тогда какъ доклады министровъ статсъ-секретарей происходятъ съ глазу на глазъ и не могутъ быть контролируемы и разъясняемы никакимъ компетентнымъ учрежденіемъ имперіи. По докладамъ и внушеніямъ статсъ-секретарей, Выборгская губернія отдѣлена отъ имперіи, утверждены сеймовый уставъ 1869 г. и уставъ о воинской повинности 1878 г. и проведено уголовное уложеніе 1890 г., пріостановленное однако въ своемъ исполненіи по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе разъясненій, представленныхъ подлежащими русскими властями. Статсъ-секретарями же писались проекты всѣхъ рѣчей и исходившихъ отъ лица государей бумагъ и резолюцій, гдѣ вставлялись разныя двусмысленныя фразы, а съ 1863 г. и прямыя уже ссылки на шведскіе конституціонные законы, давшіе потомъ поводъ ввести нѣкоторыя ихъ статьи въ дѣйствующее теперь въ Финляндіи законодательство. Центръ тяжести нынѣшняго глубокаго государственнаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи лежитъ не въ сеймѣ, а именно въ отдѣльномъ статсъ-секретаріатѣ, а затѣмъ въ финляндскомъ сенатѣ: они подготовили и поддерживаютъ теперь это разъединеніе, наперекоръ всѣмъ благимъ намѣреніямъ верховной власти положить ему предѣлъ. Не удалось однако финляндцамъ, въ царствованіе Александра I, достигнуть признанія шведскихъ конституціонныхъ законовъ и истекавшей изъ нихъ обязанности императора издавать для Финляндіи законы не иначе, какъ съ содѣйствіемъ сейма, чѣмъ создавалась бы не только административная, но и политическая самостоятельность Финляндіи и самодержавная власть русскаго государя не распространялась бы на эту область Россіи. Зато тогдашніе шведскіе совѣтники Александра I постарались, въ составленныхъ ихъ руками постановленіяхъ, обойти молчаніемъ дальнѣйшій способъ изданія законовъ для Финляндіи, въ надеждѣ, что современемъ, при обстоятельствахъ еще болѣе благопріятныхъ, имѣя въ рукахъ готовый планъ, можно будетъ пополнить въ желаемомъ смыслѣ эти, оставленные про запасъ, пробѣлы. Въ писаніяхъ и попыткахъ этихъ первыхъ ратователей за финляндскую обособленность получило свое начало ученіе о Финляндскомъ самостоятельномъ государствѣ, какъ политическая доктрина. Но затѣмъ, силою обстоятельствъ, до

Digitized by Google

конца пятидесятыхъ годовъ, доктрина эта оставалась безъ развитія и примѣненія, какъ зерно, скрытое въ почвѣ, но, при благопріятныхъ условіяхъ, способное дать ростокъ и выйти внаружу. И дѣйствительно, какъ только миновали «весенніе морозы», длившіеся 50 лѣтъ, во время которыхъ однако Финляндія процвѣла до неузнаваемости, при помощи матеріальныхъ даровъ, обильно изливавшихся на нее на счетъ Россіи, какъ только миновали эти весенніе морозы, задерживавшіе расцвѣтъ ученія аньяльскихъ конфедератовъ, то, по сигналу, данному изъ Петербурга, ученіе это прозябло во всей своей силѣ и достигло огромныхъ практическихъ результатовъ.

Замѣчательно, что каждый успѣхъ шведо-финляндской партіи только поощрялъ ее къ дальнѣйшимъ домогательствамъ по пути политическаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи и ограниченія власти русскихъ монарховъ, а финляндскимъ газетамъ прибавлялъ смѣлости въ раздуваніи среди населенія вражды къ Россіи. Такъ, на первомъ же конституціонномъ финляндскомъ сеймѣ 1863 г., дворянскіе представители пытались исключить изъ него явившихся туда трехъ финляндскихъ дворянъ, потому только, что они состояли на русской государственной службѣ и слѣдовательно, по объясненію дворянскихъ представителей, какъ служащіе въ иностранномъ государствѣ, по основнымъ законамъ, не имѣли права участвовать въ сеймѣ. Достойно замѣчанія, что въ числѣ этихъ трехъ дворянъ находился и дѣйствительный статскій совѣтникъ Брунъ, тотъ самый, который потомъ, въ званіи министра статсъ-секретаря великаго княжества, разсматривалъ и, по повелѣнію государя, вносилъ на сеймъ 1885 г. извѣстное финляндское уголовное уложеніе и выпроводилъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ архивъ финляндскаго статсъ-секретаріата. Не взирая на заявленное уже императоромъ Александромъ II, при открытіи сейма, намѣреніе даровать сословіямъ право законодательныхъ предложеній, которымъ они не пользовались даже по формѣ правленія и акту соединенія, сословные представители настаивали, чтобы это право было внесено въ петицію для будущаго сейма, на томъ основаніи, что нельзя полагаться на одни обѣщанія. Пытались провести петиціи о нейтралитетѣ Финляндіи въ случаѣ войны Россіи съ дру-

Digitized by Google

гими державами, о дарованіи ей собственнаго морскаго флага и о предоставленіи сейму права устанавливать международный тарифъ, хотя даже по прежнимъ шведскимъ законамъ это право было отнесено къ числу регалій. Была предложена петиція, чтобъ сенаторы и министръ статсъ-секретарь были отвѣтственны предъ сеймомъ за свои дѣйствія и совѣты, даваемые ими государю, и чтобъ былъ упраздненъ въ Петербургѣ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, въ которомъ одинъ членъ назначается изъ русскихъ, хотя онъ игралъ всегда безгласную роль, состоя въ полной зависимости отъ предсѣдателя комитета, т. е. финляндскаго министра статсъ-секретаря. Одинъ ораторъ дворянскаго сословія сравнивалъ царствованіе Николая I съ египетскимъ рабствомъ. На эти враждебныя Россіи попытки сейма было указано даже въ рѣчи императора, прочитанной отъ его имени генералъ-губернаторомъ при закрытіи сейма. «Не могу не сожалѣть о томъ, говорилось въ этой рѣчи, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній великаго княжества къ Россійской имперіи. Ясное пониманіе пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины». Тогда же въ оффиціальной финляндской газетѣ «Almänna Tidning» (№ 89-й 1864 г.), въ обширной статьѣ сенатора Гриппенберга, говорилось между прочимъ слѣдующее. «Мы не можемъ не подивиться той настойчивости, съ какою на этомъ сеймѣ, разрѣшенномъ намъ по истеченіи пятидесятилѣтняго промежутка, и прежде еще, чѣмъ мы пріобрѣли удостовѣреніе, что созваніе сейма будетъ повторяться періодически, всѣ четыре сословія усиливались добиться болѣе значительной и обширной власти, чѣмъ та, которую даруютъ намъ наши коренные законы, имѣющіе въ настоящее время силу. Сеймовые чины предполагали просить о періодическомъ возобновленіи сеймовъ, о дарованіи имъ права законодательныхъ предложеній, объ участіи въ таможенномъ законодательствѣ, требовали, чтобъ въ ихъ руки было передано все финансовое управленіе, хотѣли измѣнить постановленія, относящіяся къ обязанностямъ совѣтниковъ монарха, т. е. сдѣлать ихъ отвѣтственными передъ сеймомъ, словомъ—хотѣли отобрать у мо-

Digitized by Google

нарха прерогативы власти, предоставленныя Его Величеству существующими основными законами, и все это несмотря на то, что Его Величество прямо объявилъ свою волю удержать за собою законодательный починъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ основнымъ законамъ. Хотя представленія чиновъ и были облечены въ форму вѣрноподданническихъ выраженій, тѣмъ не менѣе истинная цѣль ихъ не могла укрыться, и мы рѣшительно не можемъ понять, какъ могли представители Финляндіи надѣяться, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они пріобрѣтутъ довѣріе монарха, безъ котораго они очевидно не могутъ сдѣлать ничего полезнаго для края. Неужели этимъ финляндцы докажутъ свою благодарность, подвергая дерзновенно опасности свои священнѣйшіе интересы и стараясь, единственно изъ пустаго удовлетворенія своей гордости, величаться своимъ теперешнимъ положеніемъ, какъ будто они дѣйствительно обязаны имъ только самимъ себѣ». Эта статья Гриппенберга возбудила противъ него ярость всей шведской партіи, излившуюся въ газетахъ. Въ такомъ же духѣ умѣренности и политическаго благоразумія старался воздѣйствовать на финляндцевъ другой сенаторъ Снельманъ, извѣстный финляндскій писатель. Но эти голоса двухъ финляндскихъ патріотовъ, не искавшихъ ничего другаго, кромѣ блага своей родины, такъ и остались гласами вопіющихъ въ пустынѣ и были заглушены задорными криками новоявленныхъ финляндскихъ политиковъ, жаждавшихъ играть политическую роль въ Финляндскомъ государствѣ, чего нѣкоторые изъ нихъ и достигли потомъ въ качествѣ сенаторовъ и сеймовыхъ депутатовъ. Правда, большая часть того, что въ 1864 г. Гриппенбергъ прямо называлъ «отобраніемъ у монарха прерогативъ власти», достигнуто было финляндцами въ 1869 г. и послѣдующіе годы. Но послужило ли это къ упроченію порядка и спокойствія въ ихъ странѣ? Не видимъ ли мы уже теперь, что начинаютъ сбываться слова Гриппенберга, именно, что «финляндцы, подвергая дерзновенно опасности свои священнѣйшіе интересы, стараются, единственно изъ пустаго удовлетворенія своей гордости, величаться своимъ теперешнимъ положеніемъ, какъ будто они дѣйствительно обязаны имъ самимъ себѣ». Что выйдетъ изъ этого дальше, того мы еще не знаемъ. Гриппенбергъ и подобные ему весьма немногіе про-

Digitized by Google

зорливые люди изъ финляндцевъ смотрѣли далеко впередъ, предвидѣли, что жажда власти и желаніе играть политическую роль заведетъ ихъ соотечественниковъ на опасный путь, тогда какъ журналисты и главари такъ называемой «зеленой партіи» думали только о настоящей минутѣ, добивались удовлетворенія своего личнаго тщеславія и матеріальныхъ выгодъ на счетъ обманываемаго ими народа. Но люди будущаго, смотрящіе далеко впередъ, подобные Гриппенбергу, никогда не оцѣниваются своими современниками; толпа рукоплещетъ тѣмъ, которые льстятъ ея тщеславію и убаюкиваютъ ея слѣпоту. Еще во время самаго сейма 1863 г., двѣ главныя финляндскія газеты «Helsingfors Dagblad» и «Helsingfors Tidning» возбуждали всѣми силами общественное мнѣніе противъ Россіи и старались вбить въ голову своимъ читателямъ, что Финляндія добровольно присоединилась къ Россіи, вслѣдствіе приглашенія императора Александра I и подъ извѣстными условіями. Вотъ буквальныя слова газеты «Helsingfors Dagblad» въ № 182-мъ 1863 г. «Подъ гнетомъ тогдашнихъ обстоятельствъ, финскій народъ рѣшилъ отступить отъ своего древняго провинціальнаго соединенія со Швеціею и вступить въ новое соединеніе съ Россіей, къ которому приглашалъ его Александръ I. Вмѣсто того, что прежде Финляндія была только провинціей, теперь она сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, принявъ на себя нѣкоторыя обязательства относительно новаго государства, къ которому присоединилась. Въ этомъ состоитъ теперешнее международное положеніе Финляндіи». Вотъ еще когда начался расцвѣтъ ученія о Финляндскомъ самостоятельномъ государствѣ, преподаваемаго теперь русской публикѣ гг. Даніельсономъ и Мехелинымъ. Но если финляндскія газеты рѣшались преподносить своей публикѣ подобныя строки, какъ нѣчто серьезное, то надобно думать, что она достаточно уже была подготовлена къ ихъ воспринятію уроками исторіи и государственнаго права, преподаваемыми въ финляндскихъ лицеяхъ и Гельсингфорскомъ университетѣ. По этому можно судить объ уровнѣ историческаго и юридическаго образованія, получаемаго финляндскимъ образованнымъ обществомъ, и о той легкости, съ какою любая газета можетъ направлять его въ какую угодно сторону.

Digitized by Google

Со времени гельсингфорскаго сейма 1863 г. началось и усиленное преслѣдованіе русскихъ. «Московскія Вѣдомости» были наполнены корреспонденціями изъ Финляндіи объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались тамъ въ особенности русскіе военнослужащіе и православные священники, и о совершенной беззащитности ихъ въ финляндскихъ судахъ. Проведя въ Финляндіи лѣто 1865 г., я о многихъ такихъ случаяхъ слышалъ отъ самихъ потерпѣвшихъ или отъ очевидцевъ. Приведу три случая, бывшихъ съ моими знакомыми. Трое русскихъ офицеровъ шли по эспланадѣ, т. е. бульвару, находящемуся въ самомъ центрѣ города. Толпа финляндцевъ преслѣдовала ихъ по пятамъ, подзадоривая бранью и насмѣшками, чтобы вызвать ихъ на драку. Офицеры, избѣгая столкновенія, уклонились въ сторону и сѣли на скамейку. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько финляндцевъ, отдѣлившись отъ толпы и незамѣтно подкравшись къ русскимъ сзади, разомъ опрокинули скамейку и сидѣвшихъ на ней офицеровъ. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ было на площадь, чтобъ требовать защиты стоявшаго тамъ полицейскаго; но едва отдѣлился онъ отъ своихъ товарищей, какъ финляндцы его окружили и порядочно помяли. Другой случай. Русскій офицеръ шелъ по Уніонской улицѣ, самой лучшей и людной въ городѣ. У воротъ одного дома стояли три финляндца, повидимому мастеровые или дворники. Какъ только офицеръ съ ними поравнялся, одинъ изъ нихъ закричалъ ему по-шведски надъ самымъ ухомъ: «русская свинья, я на тебя кричу!» Вблизи случился полицейскій, къ которому русскій офицеръ и обратился съ требованіемъ остановить наглеца и отвести его въ полицію; но полицейскій на всѣ убѣжденія офицера отвѣчалъ: «Jag förstår intet»—не понимаю. Такимъ отвѣтомъ почти всегда отдѣлывались полицейскіе, когда подъ ихъ защиту прибѣгали русскіе. Но на этотъ разъ офицеръ рѣшился показать настойчивость и добиться какого-нибудь удовлетворенія. Онъ направился къ другимъ двумъ полицейскимъ, которыхъ замѣтилъ въ концѣ улицы. Три финляндца провожали его по пятамъ, выдѣлывая надъ самымъ его ухомъ жесты на подобіе того, какъ ощипываютъ свиней. Послѣ настойчиваго объясненія съ полицейскими, эти послѣдніе двинулись наконецъ, чтобъ задержать финляндцевъ, но успѣли захватить только одного, а два другіе скрылись. Захвачен-

Digitized by Google

ный финляндецъ и русскій офицеръ препровождаются въ полицейскую камеру. Тамъ имъ говорятъ, чтобъ явились завтра къ 10 часамъ утра для разбирательства. Русскій является аккуратно къ назначенному времени, зная, что за малѣйшее опозданіе съ него взыщутъ штрафъ; но его заставляютъ ждать до 12 часовъ. Наконецъ онъ предстоитъ предъ полицейскою властью и видитъ, что три вчерашнихъ наглеца также находятся на лицо. Начинается допросъ, причемъ русскій допрашивается, конечно, чрезъ переводчика. Въ заключеніе всего ему объявляютъ, что жалоба его не подтверждается, такъ какъ означенные три финляндца показали, что они вовсе его не ругали и никакихъ оскорбительныхъ жестовъ не дѣлали, а бранили промежь себя своего хозяина. Третій случай замѣчателенъ только потому, что онъ разсказанъ мнѣ самимъ финляндцемъ, находившимся въ русской военной службѣ. Однажды онъ зашелъ въ кофейную, гдѣ засѣдала финляндская компанія. Едва показалась на порогѣ русская военная форма, какъ финляндцы закричали: «русскій, вонъ отсюда!» Этотъ случай переданъ былъ мнѣ моимъ финляндскимъ знакомцемъ собственно для того, чтобъ убѣдить меня, что подобныя выходки противъ русскихъ встрѣчаются только со стороны грубой и пьяной толпы и что онъ, какъ подобаетъ образованному шведу, не преминулъ сдѣлать своимъ соотечественникамъ строгое внушеніе о неприличіи такого поведенія. Другая, такъ сказать, упрощенная форма преслѣдованія русскихъ состояла въ томъ, что финляндцы били ихъ по лицу безъ всякой прелюдіи, такъ себѣ, здорово живешь. Въ мое кратковременное пребываніе въ Гельсингфорсѣ было два подобныхъ случая. Объ одномъ изъ нихъ, случившемся въ самомъ людномъ мѣстѣ, долго говорили всѣ жившіе тамъ русскіе. Въ ресторанѣ, находящемся на водахъ, сидѣло вечеромъ нѣсколько русскихъ офицеровъ; остальная компанія состояла изъ финляндцевъ. Полупьяный финляндскій шкиперъ Карльстетъ (бывшій лейтенантъ финскаго экипажа), подойдя къ русскому кружку, вздумалъ ни съ того, ни съ сего протянуть руку находившемуся тутъ военному медику, который вовсе не былъ съ нимъ знакомъ. Медикъ отклонилъ отъ себя эту честь, замѣтивъ, что не имѣетъ обыкновенія пожимать руку незнакомымъ людямъ. Финляндецъ, не говоря добраго слова, трахнулъ его въ физіономію при всей честной ком-

Digitized by Google

паніи. Другой случай былъ въ извѣстной гостиницѣ «Societetshus»: офицеръ, въ русской формѣ, подошелъ закурить папиросу къ столу, за которымъ сидѣла финляндская компанія; опять послѣдовала экспромптированная пощечина. Но на этотъ разъ неожиданно оказалось, что обиженный офицеръ Л—въ былъ пасынокъ шведа Кл—та и на половину самъ уже ошведился, такъ что все дѣло окончилось крупною бранью на шведскомъ жаргонѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ моего отъѣзда изъ Гельсингфорса, тамъ былъ еще такой случай. Въ 25 верстахъ отъ этого города, въ деревнѣ Тюсбу, какой-то проѣзжавшій въ телѣжкѣ бородатый шведъ велѣлъ извощику гнать лошадь прямо на проходившаго съ своей женой и дѣтьми баталіоннаго командира Онежскаго полка маіора К. и ударить его плетью, что̀ извощикъ и исполнилъ, а бородатый шведъ успѣлъ ускакать и даже имя его осталось при слѣдствіи не открытымъ. Хотя извощикъ и былъ разысканъ, но имени шведа не выдалъ. По описанію потерпѣвшаго штабъ-офицера, русскіе подозрѣвали въ бородатомъ шведѣ Ш., редактора одной изъ самыхъ враждебныхъ Россіи газетъ. Но почему же, спроситъ читатель, русскіе не обращались къ защитѣ суда противъ такихъ наглыхъ оскорбленій? А вотъ какую находили они тамъ защиту: если русскій обращался въ судъ и могъ представить двухъ свидѣтелей, то шведскій судъ съ усмѣшкой назначалъ ему 72^{1}_{2} копѣйки удовлетворенія на счетъ виновнаго; но между финляндцами свидѣтелей никогда не отыскивалось. Такъ и извощикъ, ударившій плетью русскаго штабъ-офицера, былъ присужденъ къ пенѣ въ $72^{1}/_{2}$ копѣйки. Увѣренный впередъ, что взысканіе ни въ какомъ случаѣ не превыситъ этой мѣры, онъ и предпочелъ не выдавать шведа, вѣроятно получивъ отъ него рублей пять за молчаніе. Въ 1864 г. въ Гельсингфорсѣ, когда взводъ солдатъ Бѣломорскаго полка, подъ командой офицера, проходилъ по Александровской улицѣ, изъ оконъ одного трактира полетѣли на него стаканы и рюмки и была выплеснута какая-то жидкость. Въ бытность мою въ Гельсингфорсѣ, въ русскихъ кружкахъ толковали, какъ о свѣжей еще новости, о происшествіи, случившемся въ Або въ началѣ лѣта 1865 г. Въ трактирѣ на водахъ пріѣхавшіе изъ Гельсингфорса студенты устроили вечеръ съ музыкой и танцами. Три офицера

Digitized by Google

Онежскаго полка, который квартировалъ тогда еще въ Або, вошли въ залу, не бывъ никѣмъ предупреждены, что вечеръ былъ не публичный. Финляндцы, по обыкновенію, стали гнать ихъ вонъ; офицеры не хотѣли уступить; финляндцы отъ словъ перешли къ дѣйствію; офицеры были избиты, оборваны и вытолканы, а одинъ изъ нихъ сброшенъ съ лѣстницы. Избитые офицеры, въ числѣ которыхъ былъ ротный командиръ, явились въ роту, взяли съ собою солдатъ, конечно, безъ оружія, окружили трактиръ и не выпускали изъ него финляндцевъ, пока не явилось военное начальство, которое велѣло солдатамъ разойтись. Ни малѣйшей мести надъ финляндцами русскіе офицеры себѣ не дозволили. Чѣмъ кончилось дѣло, мнѣ неизвѣстно; говорили, что ротнаго командира отдали подъ военный судъ. Извѣстно только, что вслѣдъ за этимъ, для удовлетворенія финляндцевъ, Онежскій полкъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ, а на его мѣсто въ Або перевели изъ Гельсингфорса Бѣломорскій полкъ, бывшій у военнаго начальства на самомъ лучшемъ счету. Не успѣлъ однако этотъ образцовый полкъ расположиться въ Або, какъ шведы начали и съ нимъ обращаться такимъ манеромъ, что абовскій губернаторъ гр. К р е й цъ принужденъ былъ объявить, что мѣстные жители часто наносятъ обиды русскимъ офицерамъ и солдатамъ безъ всякаго со стороны послѣднихъ повода, и потому онъ приглашаетъ благонамѣренныхъ людей и предписалъ полиціи содѣйствовать всѣми мѣрами къ обузданію буяновъ, и что, при дальнѣйшихъ подобныхъ дѣйствіяхъ жителей съ русскими военнослужащими, онъ вынужденъ будетъ сложить съ себя свое званіе. Изъ нѣсколькихъ бывшихъ съ этимъ полкомъ происшествій разскажу одно, дошедшее до меня уже по возвращеніи моемъ въ Петербургъ. Шелъ по тротуару капитанъ, а на встрѣчу ему три шведа, которые явно старались не дать ему дороги. Капитанъ, исполняя приказаніе начальства, ничего не говоря, свернулъ въ сторону. Въ эту минуту одинъ изъ шведовъ такъ толкнулъ его, что офицеръ полетѣлъ съ ногъ. Сказавъ, что такъ не поступаютъ благородные люди, офицеръ пригласилъ шведовъ въ полицію, которая помѣщалась на той же площади; но шведы, выругавъ его «сатанъ русска», крикнули извощика и, вмѣстѣ съ нимъ ругая офицера, ускакали. Офицеръ за ними наблюдалъ и видѣлъ, что они скрылись въ аптекѣ;

Digitized by Google

но тамъ полиція ихъ уже не нашла. Было наряжено слѣдствіе, которое вѣроятно виновныхъ не открыло, а если и открыло, то все дѣло окончилось $72\frac{1}{2}$ копѣйками пени. Случай этотъ, какъ и тотъ, который былъ съ маіоромъ Онежскаго полка, переданы были мнѣ однимъ почтеннымъ русскимъ купцомъ, имѣющимъ постоянныя дѣла въ Финляндіи, съ которымъ я свидѣлся въ Петербургѣ вскорѣ послѣ этихъ происшествій. Командовавшій тогда въ Финляндіи русскою дивизіею генералъ Б., хотя самъ нѣмецкаго происхожденія, прямо говорилъ, что онъ считаетъ постыднымъ, при такихъ обстоятельствахъ, начальствовать войскомъ, которое безнаказанно оскорбляется въ виду всѣхъ и нигдѣ не находитъ себѣ защиты, и вслѣдъ затѣмъ перепросился въ другое мѣсто. Противъ русскихъ солдатъ и матросовъ, проходившихъ поодиночкѣ или небольшими партіями, устраивались засады, и они были жестоко избиваемы финляндскою толпою. Бывали случаи и смертоубійствъ. Осенью 1865 г., вскорѣ по выѣздѣ моемъ изъ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ русскій каптенармусъ покупалъ въ мясной лавкѣ говядину и хотѣлъ заплатить русской рублевой ассигнаціей. Шведъ-мясникъ съ ругательствомъ бросилъ ассигнацію на полъ. Каптенармусъ вступился за честь русскаго герба и выругалъ шведа, а тотъ въ отвѣтъ на это зарѣзалъ его ножемъ на мѣстѣ. Въ бытность мою въ Гельсингфорсѣ, башенная лодка «Смерчъ» наткнулась на камень въ Барезундскихъ шкерахъ. Во время ея невольной стоянки, нѣсколько матросовъ изъ экипажа было отпущено для прогулки на ближайшій островъ. Одинъ изъ нихъ не вернулся и былъ впослѣдствіи найденъ на островѣ зарѣзаннымъ. Убійца былъ не отысканъ, а газеты объяснили этотъ случай такъ, что матросъ былъ, вѣроятно, убитъ въ дракѣ своими же товарищами. Года за два передъ этимъ, въ одной деревнѣ близъ города Вазы, мѣстные полицейскіе, въ сопровожденіи донскаго казака [1]), вошли въ домъ, гдѣ собралась какая-то запрещенная тамошнимъ на-

[1]) Съ давнихъ поръ въ Финляндію посылался по очереди одинъ донской казачій полкъ, который отправлялъ тамъ унизительную полицейскую службу. Казаки распредѣлялись по всей Финляндіи, состоя въ распоряженіи тамошнихъ ленсмановъ, т. е. становыхъ приставовъ, и преимущественно употреблялись для исполненія варварскихъ истязаній, которымъ, по мѣстнымъ законамъ, подвергаются виновные въ разныхъ проступкахъ. Финляндскимъ властямъ, при ихъ враждебности ко всему русскому, весьма было на руку, что

Digitized by Google

чальствомъ сходка, и приказали ей разойтись, что̀ и было немедленно исполнено. Но когда казакъ, отдѣлавшись случайно отъ полицейскихъ, выходилъ изъ дому, то въ темныхъ сѣняхъ получилъ желѣзною лопатой такой ударъ въ голову, что упалъ, обливаясь кровью. Назначено было слѣдствіе, отысканъ виновный; однако все дѣло кончилось тѣмъ, что съ него было взыскано 5 рублей въ пользу казака. Казакъ пролежалъ въ госпиталѣ нѣсколько мѣсяцевъ; хотя сильная донская натура перенесла смертельный ударъ, но казакъ навсегда уже остался изувѣченнымъ. Я передаю здѣсь только случаи, наиболѣе достовѣрные, провѣренные мною чрезъ разспросы нѣсколькихъ лицъ, достойныхъ вѣроятія, и о которыхъ говорило тогда все русское гельсингфорское общество. Напримѣръ, два случая, разсказанные мнѣ русскимъ купцомъ, были потомъ буквально подтверждены мнѣ и нѣкоторыми другими русскими, жившими въ Финляндіи. Но и много лѣтъ спустя послѣ этого времени въ Финляндіи повторялись подобные же случаи. Такъ въ № 104 «Моск. Вѣд.» 1890 г. постоянный житель Гельсингфорса передавалъ такое происшествіе. Въ мартѣ этого года, въ Выборгѣ, русскій солдатъ расположенной тамъ минной роты, исповѣдавшись въ православной церкви, вышелъ оттуда и присѣлъ на скамейку возлѣ церкви. Въ это время къ нему подошелъ какой-то финнъ и, ударивъ его ножемъ въ спину, нанесъ ему тяжкую рану. Незадолго передъ этимъ случаемъ, фридрихсгамскій городской судъ призналъ невиновными финляндцевъ, напавшихъ съ ножами на ночной патруль изъ русскихъ солдатъ, несмотря на то, что одинъ изъ нападавшихъ былъ задержанъ патрулемъ.

Но почему же, спроситъ читатель, русскіе военнослужащіе не прибѣгали къ защитѣ высшаго начальства, т. е. финляндскаго генералъ-губернатора и военнаго министра? Въ томъ-то, можетъ быть, и была главная причина всѣхъ этихъ невыносимыхъ оскорбленій, что высшее начальство не только не защищало оскорбляемыхъ и избиваемыхъ русскихъ, но прямо давало имъ понять, что они должны

должность палачей исполнялась именно русскими казаками, а эти послѣдніе, со слезами на глазахъ, передавали русскимъ проѣзжимъ, сколько униженія и душевныхъ терзаній испытываютъ они, исполняя эту обязанность палачей. Теперь, къ чести русскаго войска и русскаго имени, казаки не посылаются болѣе на полицейскую службу въ Финляндію.

*

Digitized by Google

молчать, иначе, какъ люди безпокойные и кляузные, будутъ лишены должностей или переведены въ Россію на худшія мѣста. Если кто-нибудь изъ служившихъ въ Финляндіи русскихъ подозрѣвался въ писаніи корреспонденцій въ русскія газеты, тотъ также получалъ предостереженіе о немедленномъ удаленіи отъ мѣста, если подозрѣніе подтвердится. Одно уже то обстоятельство, что столкновенія между русскими военнослужащими и финляндцами разбирались въ мѣстныхъ шведскихъ судахъ и разслѣдывались мѣстною полиціей безъ всякаго участія русскихъ военно-судебныхъ должностныхъ лицъ, указывало на невозможное положеніе тамъ нашихъ военныхъ. Они состоятъ тамъ единственными охранителями русской власти надъ этою страною и потому уже самому должны возбуждать противъ себя усиленную враждебность финляндцевъ, желающихъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ этой власти. Возможно ли отдавать охранителей власти на судъ тѣхъ самыхъ, которые ненавидятъ эту власть и желаютъ отъ нея отдѣлаться? Что бы было съ Ирландіей, если бы тѣхъ феніевъ, которые нападали на англійскихъ должностныхъ лицъ и полицейскихъ констеблей, англійское правительство отдавало на судъ самихъ же феніевъ или ирландскихъ присяжныхъ засѣдателей? Англійское правительство преспокойно судило ихъ своимъ англійскимъ судомъ и судило безпощадно. Какъ видно, англійская конституція, съ ея habeas corpus, нисколько этому не мѣшала. Живя въ Гельсингфорсѣ, я не встрѣтилъ ни одного русскаго офицера, который не говорилъ бы съ горечью и негодованіемъ о томъ униженномъ положеніи, въ какое они были поставлены въ этой странѣ. Одинъ инженерный поручикъ М. не разставался съ револьверомъ, рѣшившись пустить пулю въ лобъ первому финляндцу, который нанесетъ ему ударъ. Даже наши благодушные и невзыскательные солдаты не могли говорить о финляндцахъ иначе, какъ нахмуривъ брови. Можно сказать, что то положеніе, въ которомъ находились наши военные въ Финляндіи въ шестидесятыхъ годахъ, было бы немыслимо ни въ какомъ другомъ государствѣ. Что было потомъ, мнѣ съ достовѣрностью не извѣстно, такъ какъ, вскорѣ по оставленіи мною Финляндіи, сношенія мои съ жившими тамъ русскими прекратились.

Финляндцы, въ своихъ преслѣдованіяхъ всего русскаго, не оста-

Digitized by Google

вляютъ въ покоѣ даже нашей религіи и ея служителей. Въ Гельсингфорсѣ и Або, въ шестидесятыхъ годахъ, безпрестанно повторялись случаи самыхъ дерзкихъ оскорбленій нашего духовенства. Русскіе священники боялись показываться тамъ на улицѣ, чтобы не быть предметомъ поруганія со стороны финляндцевъ. Существовавшая тогда въ Гельсингфорсѣ единственная приходская церковь была такъ мала, что въ праздничные дни не могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ молящихся, часть которыхъ должна была помѣщаться на паперти (новая обширная церковь на Скатуденѣ находилась еще въ постройкѣ). Сіе-то скромное убѣжище молитвы нашихъ соотечественниковъ финляндская толпа избрала предметомъ своихъ глумленій. Тамошніе студенты, разнаго рода литераты и простолюдины врывались туда во время богослуженія и производили скандалы, такъ что генералъ-губернаторъ приказалъ каждый разъ ставить у дверей церкви жандармовъ, для недопущенія туда финляндцевъ, а въ большіе православные праздники постоянно находился тамъ для той же цѣли мѣстный полицеймейстеръ изъ финляндцевъ. Въ странѣ, завоеванной русскою кровью, русскіе люди могли собираться на молитву не иначе, какъ подъ охраной военной стражи! Даже такія умилительныя для русскаго сердца священныя процессіи, какъ обнесеніе вокругъ церкви плащаницы въ заутреню Страстной Субботы и троекратное обхожденіе церкви, съ иконами и хоругвями, въ свѣтлую заутреню Христова Воскресенія, не обходились безъ оскорбленій со стороны финляндскихъ студентовъ и уличной толпы: они, стоя въ шапкахъ, провожали процессію насмѣшками и непристойными тѣлодвиженіями и подходили закуривать папиросы къ нашимъ донскимъ казакамъ, шедшимъ въ числѣ другихъ русскихъ со свѣчами въ рукахъ. Потомъ, вслѣдствіе настоянія генералъ-губернатора, ректоръ съ университетскими педелями всю ночь дежурили около русской церкви для недопущенія студентовъ совершать ихъ недостойные подвиги, а конные жандармы оттирали финляндскую толпу отъ крестнаго хода. Тѣ же сцены наглаго издѣвательства надъ нашею религіею повторялись и во время установленныхъ нашею церковію водосвятій, когда крестный ходъ направлялся къ устраиваемой на берегу моря іордани. Однажды, еще при генералъ-губернаторѣ графѣ Бергѣ, когда крест-

Digitized by Google

ный ходъ проходилъ мимо университета, студенты, сидя на окнахъ, вывѣсили изъ нихъ свои панталоны, въ видѣ грубой насмѣшки надъ нашими церковными хоругвями. Къ счастію, впослѣдствіи нашею церковною властью были отмѣнены въ Финляндіи всѣ наружныя процессіи православной религіи, ибо, очевидно, пусть лучше наша вѣра будетъ оффиціально признаваема гонимою въ этой провинціи Русскаго государства, чѣмъ русскимъ людямъ видѣть всенародное поруганіе ихъ священныхъ обрядовъ и оскорбленіе ихъ драгоцѣннѣйшихъ религіозныхъ чувствъ. Священникъ гельсингфорской госпитальной церкви разсказывалъ моимъ тамошнимъ знакомымъ, что однажды онъ шелъ съ запасными дарами къ умирающему русскому; шведская молодежь окружила его на улицѣ и приготовлялась учинить какой-нибудь потѣшный скандалъ. Священникъ долженъ былъ разстегнуть рясу и показать имъ крестъ съ дароносицею, объяснивъ имъ цѣль, для которой онъ шелъ. Только этимъ способомъ могъ онъ устыдить шведовъ и избавиться отъ ихъ наглой привязчивости. Въ Або есть маленькая русская церковь, исключительно посѣщавшаяся жившими тамъ казаками. Въ 1865 г., въ одинъ изъ праздниковъ, ворвалась туда толпа шведовъ и произвела безчинства. Дѣло было замято, а тѣ, которые пробовали было жаловаться, получили должное внушеніе отъ начальства. Священникъ, жившій въ другомъ городѣ, кажется въ Борго, разсказывалъ одному проѣзжему петербургскому профессору, что онъ не можетъ показаться на улицѣ, чтобъ не испытать какого-нибудь оскорбленія. Мальчишки не даютъ ему прохода и бѣгаютъ за нимъ вслѣдъ, дразня бородой и крича: «Господи помилуй, Господи помилуй!»

Преслѣдованіе русскихъ священниковъ и издѣвательства надъ обрядами православной церкви продолжались и послѣ шестидесятыхъ годовъ и продолжаются доселѣ, какъ это можно было видѣть изъ корреспонденцій, помѣщавшихся въ нашихъ газетахъ. Такъ, осенью 1889 года, въ одной изъ петербургскихъ газетъ было напечатано письмо настоятеля православной церкви въ Або, отца М. Н. Казанскаго, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ, что въ этомъ бывшемъ главномъ городѣ Финляндіи имя русскаго обратилось въ ругательное названіе, что православному священнику не рѣдко приходится на улицѣ слышать брань «русская собака», что

Digitized by Google

предъ похоронным шествіемъ финляндцы плясали иногда съ неприличными тѣлодвиженіями и т. д. Въ томъ же 1889 г. въ Гельсингфорсѣ, около 12 часовъ дня, шелъ по Казарменной улицѣ русскій священникъ. Вдругъ какой-то финляндецъ подходитъ къ нему сзади и довольно сильно дергаетъ за волосы. По настоянію священника, обидчикъ былъ задержанъ городовымъ и отведенъ въ полицію. Полицеймейстеръ (финляндецъ, состоявшій прежде на русской службѣ и имѣющій чинъ полковника), выслушавъ объясненіе священника, выразилъ намѣреніе передать дѣло въ ратгаускій судъ. Но оказалось потомъ, что это было сказано «сгоряча»: виновнаго, оказавшагося мастеровымъ изъ города Котки, отпустили изъ полиціи безъ привлеченія къ суду, и онъ успѣлъ уѣхать въ другой городъ («Моск. Вѣд.» № 82-й 1890 г.). Въ слѣдующемъ 1890 г., въ Гельсингфорсѣ ѣхалъ священникъ госпитальной церкви съ причетникомъ и церковно-служителемъ изъ солдатъ. Послѣдній, сидя рядомъ со священникомъ, держалъ купель, такъ какъ ѣхали на крестины. Съ ними повстрѣчался финскій офицеръ верхомъ на лошади. Замѣтивъ, что солдатъ не отдалъ ему чести (чего, по правиламъ, и не слѣдовало дѣлать солдату, державшему въ рукахъ вещи), офицеръ остановилъ извощика и сталъ кричать на солдата, требуя, чтобъ тотъ немедленно отправился къ коменданту. Когда же священникъ сталъ объяснять ему, что солдатъ ему необходимъ для совершенія требы, то финскій офицеръ закричалъ на него: «а ты кто такой, тебѣ какое дѣло» и т. д. Священникъ все-таки настоялъ на своемъ и не отпустилъ солдата. Начальникъ финскихъ войскъ посадилъ офицера подъ арестъ на три недѣли («Моск. Вѣд.» № 82-й 1890 г.). Въ Выборгской газетѣ «Östra Finland», отъ 11 (23) октября 1890 г., сообщено было, что, вовремя вѣнчанія свадьбы въ Выборгскомъ каѳедральномъ соборѣ, одинъ изъ тамошнихъ ремесленниковъ, по занятію сапожникъ, вошелъ въ соборъ, купилъ церковную свѣчу и, зажегши отъ нея папиросу, сталъ курить ее въ самомъ храмѣ. Въ газетѣ прибавлялось, что сапожникъ будетъ привлеченъ за это къ судебной отвѣтственности («Моск. Вѣд.» № 298-й 1890 г.).

Въ 1865 г. финляндцы воздвигнули монументъ въ одномъ урочищѣ близъ города Вазы, гдѣ въ войну 1808 года небольшой рус-

Digitized by Google

скій отрядъ, атакованный шведами и финнами въ превосходномъ числѣ, потерпѣлъ пораженіе. При открытіи монумента присутствовалъ въ полной парадной формѣ мѣстный губернаторъ, носившій чинъ генералъ-маіора русской службы. Подобное же увѣковѣченіе въ памяти финляндцевъ шведо-финскихъ побѣдъ надъ русскимъ войскомъ повторилось и въ 1885 г.: на деньги, собранныя по подпискѣ въ Финляндіи и Швеціи, сооруженъ былъ тогда памятникъ во славу разбитія русскаго отряда при Виртѣ, хотя на самомъ дѣлѣ никакой такой побѣды не существовало, а сперва отступилъ русскій отрядъ, вслѣдствіе смертельной раны, полученной его начальникомъ кн. Долгоруковымъ, а на другой день долженъ былъ отступить шведскій генералъ Сандельсъ. При открытіи и этого памятника присутствовалъ куопіоскій губернаторъ, также генералъ-маіоръ русской службы. Финляндцы сдѣлали народную марсельезу изъ біёрнеборгскаго марша, сложеннаго въ память незначительной стычки въ 1808 г. русскаго отряда съ финскимъ Біёрнеборгскимъ полкомъ, гдѣ русскіе имѣли неудачу. Этотъ маршъ они играютъ при всѣхъ своихъ торжествахъ, даже въ присутствіи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ. Вотъ какъ отвѣчали финляндцы на первые шаги въ Бозѣ почившаго императора къ расширенію ихъ политическихъ правъ.

Съ изданіемъ сеймоваго устава 1869 г. финляндцы достигли, какъ казалось, такихъ полномочій, о которыхъ не смѣли даже и мечтать первые основатели финляндской обособленности, Спренгпортенъ и другіе участники Аньяльскаго заговора. Въ этомъ многосложномъ уставѣ, состоящемъ изъ 83 параграфовъ, посвященныхъ подробностямъ организаціи и внѣшней процедуры сейма, подробностямъ довольно мелочнымъ и вообще не имѣющимъ никакой принципіальной важности, втиснуты и, такъ сказать, затерты въ массѣ другихъ статей слѣдующія строки: § 71. «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію государя императора и великаго князя и съ согласія всѣхъ сословій. Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ, или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ формѣ пра-

Digitized by Google

вленія». Послѣдній, 83-й параграфъ устава говоритъ: «Настоящій сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ законом ъ для монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ ихъ рѣшеніемъ». Затѣмъ уставъ заканчивается слѣдующими двумя утвержденіями онаго:

«Для вящшаго же удостовѣренія засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили мы сіе подписью нашихъ именъ и приложеніемъ нашихъ печатей, что состоялось въ Гельсингфорсѣ въ 14 день мая мѣсяца въ годъ по рождествѣ Христовомъ 1867 г. Отъ имени рыцарства и дворянства Норденстамъ. м. п. Отъ имени духовнаго сословія Эдуардъ Бернгеймъ. м. п. Отъ имени сословія горожанъ Френкель. м. п. Отъ имени крестьянскаго сословія Мякипеска». м. п.

«Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія 1772 г. и актѣ соединенія и охраненія 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ. Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно». Въ С.-Петербургѣ 3 (15) апрѣля 1869 г. «Александръ». «Министръ статсъ-секретарь графъ Армфельтъ».

Приведенными здѣсь строками сеймоваго устава сеймъ, изъ совѣщательнаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ Борго, разомъ превращенъ въ учрежденіе властное, стоящее на ряду съ монархомъ и ограничивающее его волю по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, относящимся къ такъ называемымъ основнымъ законамъ, россійскому же императору, считавшемуся дотолѣ единственнымъ источникомъ всѣхъ полученныхъ Финляндіей привилегій, предписывается, какъ ненарушимый основной законъ, составленный финляндскими дѣльцами сеймовый уставъ. Затѣмъ въ вышеприведенныхъ строкахъ не только сдѣлана ссылка на шведскіе законы 1772 и 1789 гг., но они прямо примѣнены къ правамъ русскаго императора по отношенію къ Финляндіи, такъ что отнынѣ права эти какъ бы должны почитаться лишь «въ томъ видѣ, какъ они установлены въ формѣ правленія и актѣ соединенія и не измѣнены точными словами въ вы-

Digitized by Google

неизложенномъ сеймовомъ уставѣ». Выраженіе, правда, очень не ясное; но оно для того и сдѣлано неяснымъ, чтобы потомъ можно было толковать его въ какомъ угодно широкомъ смыслѣ, чѣмъ и не преминули впослѣдствіи воспользоваться финляндскіе истолкователи правъ русскаго монарха. Г-нъ Мехелинъ, въ своей книгѣ «Précis du droit public du G. D. de F.», уже объявилъ, что все, сказанное о шведскомъ королѣ въ формѣ правленія и актѣ соединенія, должно примѣняться и къ русскому императору. Теперь всякое предложеніе императора объ измѣненіи или отмѣнѣ какой-нибудь статьи въ основныхъ законахъ можетъ быть отвергнуто сеймомъ, для чего достаточно не согласиться съ предложеніемъ одному сословію, напр. дворянскому; по толкованію же г. Мехелина, и самое такое предложеніе должно быть изготовлено въ общемъ собраніи финляндскаго сената, тогда какъ каждый сеймовый депутатъ имѣетъ право (съ 1886 г.) дѣлать на сеймѣ непосредственныя предложенія, не справляясь съ мнѣніемъ сената («Précis du droit», въ переводѣ Ордина, стр. 68—69). Нельзя также не обратить вниманія на форму, въ которой выражена санкція сеймоваго устава: сперва его засвидѣтельствовали, подкрѣпили и утвердили, съ приложеніемъ своихъ печатей, маршалъ дворянства и тальманы остальныхъ сословій, и ниже уже подписей какихъ-то Френкеля и Мякипески слѣдуетъ высочайшее утвержденіе и подпись государя императора. Г-нъ Мехелинъ, въ своей брошюрѣ «Противорѣчатъ ли права Финляндіи», говоритъ: «Основные законы Финляндіи (т. е. законы 1772 и 1789 гг.), о сохраненіи которыхъ всѣми августѣйшими преемниками Александра I при восшествіи на престолъ изданы удостовѣренія, впослѣдствіи были развиты сеймовымъ уставомъ 1869 г.» (стр. 31—33). Стало-быть, по сознанію главнаго финляндскаго законовѣда и бывшаго сенатора, сеймовый уставъ есть дальнѣйшее развитіе тѣхъ шведскихъ законовъ, утвержденіе которыхъ финляндскіе дѣльцы и писатели посредствомъ подлога приписали императорамъ Александру I и Николаю. Но можетъ ли законъ, явившійся послѣдствіемъ подлога, быть основаніемъ политическаго положенія страны и ручательствомъ нормальнаго хода дѣлъ въ ней и общественнаго спокойствія?

Вслѣдъ за изданіемъ сеймоваго устава мы видимъ, что сеймъ,

Digitized by Google

въ 1872 г., подаетъ уже петицію объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ о печати по взаимному соглашенію императора и земскихъ чиновъ, хотя въ Бозѣ почившимъ государемъ была уже выражена его воля, что законы о печати принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые зависятъ исключительно отъ монаршей власти и не подлежатъ обсужденію сейма. Въ томъ же смыслѣ и данъ былъ отвѣтъ государя сейму, въ рескриптѣ отъ 15 марта 1872 г. Мы не говоримъ уже о томъ, что и существующіе въ Финляндіи законы о печати нисколько не мѣшаютъ тамошнимъ газетамъ и писателямъ, какъ показываютъ факты, возбуждать общественное мнѣніе противъ Россіи и верховной власти. Достаточно припомнить тѣ статьи, которыя являлись въ финляндскихъ газетахъ по поводу почтовой реформы и въ которыхъ выражался прямой призывъ къ неповиновенію этому распоряженію, или тѣ дерзкія выходки противъ верховной власти, о которыхъ русская печать не рѣшалась даже и упоминать.

Оказалось мало финляндцамъ и дарованной ихъ странѣ въ 1877 г. (закономъ 9 августа) собственной денежной системы, съ упраздненіемъ обязательнаго хода въ ней русскихъ кредитныхъ знаковъ. Этою реформой окончательно довершалось разъединеніе Финляндіи съ имперіею и переполнялась мѣра матеріальныхъ благодѣяній, несправедливо изливавшихся на эту страну на счетъ русскаго народа съ самаго присоединенія ея къ Россіи. Предлогомъ для денежной реформы 1877 г. было выставлено то обстоятельство, что Финляндія терпѣла убытки отъ исчезновенія въ нашемъ денежномъ обращеніи металлическихъ знаковъ и отъ обязанности принимать при торговыхъ разсчетахъ наши неразмѣнные кредитные билеты. Убытки эти были несомнѣнны; но они въ такой же степени испытывались и всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи вслѣдствіе уменьшенія цѣнности нашего кредитнаго рубля. Причиною же исчезновенія у насъ металлическихъ денегъ были огромныя жертвы, принесенныя Россіей во время войны 1854—1856 гг. съ европейской коалиціей. Такимъ образомъ изъ всѣхъ подданныхъ русскаго монарха были изъяты отъ участія въ тягостяхъ, причиненныхъ войною, одни только финляндцы, то-есть именно тѣ подданные, которые только одни не принимали участія въ оборонѣ государства и не проливали своей крови въ сраженіяхъ. Эта же денежная реформа

Digitized by Google

повела къ тому, что расходы Россіи по содержанію въ Финляндіи русскаго войска и на строительныя работы по крѣпостямъ, портамъ и русскимъ воинскимъ зданіямъ увеличились почти въ два раза. Одинъ постой русскаго войска въ Финляндіи доставляетъ ей ежегодно до двухъ съ половиною милліоновъ рублей золотомъ, что составляетъ по 1 рублю 22 коп. золотомъ на каждаго финляндскаго жителя (въ 1880 г. жителей въ Финляндіи обоего пола считалось 2.060.000), тогда какъ сама Россія добываетъ золота только на 27 милліоновъ рублей въ годъ, что равняется 33 копѣйкамъ на каждаго жителя. Финляндцамъ оказалось мало и дарованнаго сейму въ 1886 г. права законодательнаго почина. Когда въ 1890 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о подчиненіи почтовой части въ Финляндіи центральному въ государствѣ почтовому управленію, то финляндскій сенатъ и его прокуроръ не задумались протестовать противъ этой чисто административной мѣры, не печатали въ теченіе пяти недѣль этого повелѣнія въ оффиціальныхъ газетахъ шведской и финской и не публиковали его въ церквахъ. Между тѣмъ, даже по акту соединенія 1789 г., шведскій король несомнѣнно имѣлъ право дѣлать всѣ административныя распоряженія собственною единоличною властью.

Въ составленномъ сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ уголовномъ уложеніи 1890 г., они прямо уже выражаютъ непризнаніе принадлежности великаго княжества къ Русскому государству, которое разсматривается тамъ какъ иностранная держава, и демонстративно идутъ наперекоръ тѣмъ русскимъ законамъ, которые имѣютъ обязательную силу для всѣхъ частей государства. Финляндскіе сенаторы и юристы придумали свои собственные карательные законы на случай измѣны и посягательства на внѣшнюю безопасность Финляндіи, какъ будто эти преступленія могутъ существовать отдѣльно отъ измѣны русскому государю и посягательства на безопасность Россіи и какъ будто уроженцы Финляндіи должны въ этихъ случаяхъ имѣть привилегію подлежать инымъ, болѣе льготнымъ наказаніямъ, чѣмъ уроженцы остальныхъ частей Россіи. Зато въ уложеніи обойденъ совершеннымъ молчаніемъ заговоръ на совершеніе измѣнническихъ дѣйствій противъ Русскаго государства вообще и его правительства, равно какъ и шпіонство

Digitized by Google

въ мирное время. Во многихъ статьяхъ, напримѣръ о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, Россія прямо отнесена къ категоріи иностранныхъ государствъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ международнаго свойства финляндское уложеніе не признаетъ относящихся сюда законовъ Русскаго государства и договоровъ, заключенныхъ имъ на сей предметъ съ другими державами, а сама Россія опять приравнивается къ иностраннымъ государствамъ. Финляндецъ, учинившій государственное преступленіе или совершившій заграницей (подъ этимъ словомъ преимущественно разумѣется Россія) убійство, поджогъ или другое тяжкое преступленіе противъ заграничнаго жителя (читай—противу русскаго) и затѣмъ укрывшійся въ Финляндію, остается тамъ, по силѣ этого уложенія, безъ всякаго преслѣдованія, развѣ послѣдуетъ особое высочайшее повелѣніе о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности. Процедура испрошенія такихъ высочайшихъ повелѣній столь сложна, что сдѣланная относительно ихъ оговорка можетъ имѣть осуществленіе только въ рѣдкихъ и чрезвычайныхъ случаяхъ, что́, конечно, и имѣлось въ виду составителями уложенія. Такимъ образомъ уложеніе желало открыть въ Финляндіи безопасное убѣжище для всѣхъ финляндцевъ совершившихъ преступленія въ Россіи и противу русскихъ законовъ. Пруссія могла пригрозить Швейцаріи войною за то, что эта послѣдняя давала у себя убѣжище такъ-называемымъ политическимъ преступникамъ, бѣжавшимъ изъ Пруссіи; а Россія не могла бы и этого сдѣлать относительно Финляндіи, ибо финляндцы считаются вѣрноподданными русскаго государя. Впрочемъ, при извѣстномъ, слишкомъ очевидномъ настроеніи финляндскихъ юристовъ, можно ли и ожидать отъ тамошнихъ судовъ безпристрастнаго отношенія къ своимъ соотечественникамъ, совершившимъ преступленіе противу русскихъ, если бы даже эти преступленія и дошли до разсмотрѣнія тамошнихъ судовъ? Мы видѣли уже, что не только личныя оскорбленія, но даже и убійства русскихъ, совершаемыя финляндцами въ ихъ странѣ, остаются тамъ безнаказанными. По тому же уложенію, финляндецъ, учинившій преступленіе хотя бы и въ имперіи, но напримѣръ на финляндскомъ пароходѣ или на лайбѣ съ дровами, когда они прибыли въ Петербургъ, или нанесшій оскорбленіе русскому на шуваловской или петербургской станціи финляндской же-

Digitized by Google

лѣзной дороги, долженъ быть судимъ не въ Россіи и не по русскимъ законамъ, а въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ. Такой экстерриторіальности относительно уголовной подсудности мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ законодательствѣ цивилизованныхъ странъ: всякій судится въ мѣстѣ совершенія преступленія. Мало того, по финляндскому уложенію, даже русскій, имѣвшій столкновеніе съ финляндцемъ и нанесшій ему обиду дѣйствіемъ, положимъ, въ Петербургѣ на финляндскомъ пароходѣ или въ вокзалѣ финляндской желѣзной дороги, долженъ быть судимъ и наказанъ въ Финляндіи по финляндскимъ законамъ. Такимъ образомъ финляндскіе законодатели вовсе не признаютъ для себя обязательными русскихъ законовъ, въ которыхъ прямо сказано, что «дѣйствію постановленій уложенія о наказаніяхъ подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ россійскіе подданные, въ предѣлахъ государства» (ст. 168 улож. о нак.) и что «дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ въ имперіи жителями губерній царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, или въ сихъ краяхъ жителями имперіи, производятся тамъ, гдѣ совершено преступное дѣяніе, и приговоръ постановляется по законамъ того края, гдѣ рѣшено дѣло, но при этомъ судебныя установленія принимаютъ въ соображеніе права и преимущества, коими подсудимые пользуются въ своемъ краю» (ст. 216 устава угол. судопр.). Слѣдовательно финляндскіе законодатели не отвѣчаютъ даже обычною взаимностью той державѣ, отъ которой Финляндія получила всѣ свои политическія привилегіи и безчисленныя матеріальныя благодѣянія. Русскій уроженецъ, по силѣ этого уложенія, могъ бы быть вытребованъ въ Финляндію и подвергнутъ тамъ, по финляндскимъ законамъ, тѣлесному наказанію, хотя онъ по русскимъ законамъ не можетъ быть присуждаемъ къ этой карѣ. Финляндцы могли бы, на основаніи своего уголовнаго уложенія, примѣнить этотъ родъ наказаній даже къ русскому дворянину, такъ какъ на своей территоріи они не признаютъ за русскими никакихъ правъ, предоставленныхъ имъ нашими законами. За насиліе надъ членами Императорской фамиліи, финляндское уложеніе опредѣляетъ только тюремное заключеніе, а за тягчайшія государственныя преступленія, какъ-то за покушеніе на жизнь монарха — условное лишеніе довѣрія согражданъ, именно —

Digitized by Google

финляндскій судъ можетъ признать, по своему усмотрѣнію, что «въ свойствахъ этого преступленія не заключается повода» лишить преступника довѣрія финляндцевъ (гл. XI, § 6). Между тѣмъ за посягательство на свободу совѣщаній и рѣшеній земскихъ чиновъ Финляндіи уложеніе назначаетъ заключеніе, не менѣе какъ на два года, въ смирительномъ домѣ, замѣняющемъ въ Финляндіи каторгу (гл. XV, § 1). По всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, уголовное уложеніе было подвергнуто пересмотру и изъ него устранены статьи, находящіяся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ верховными правами Россіи и съ нашими законами. Но когда оно въ исправленномъ видѣ было внесено на сеймъ 1891 г., то сеймъ отвергъ большую часть этихъ исправленій, а финляндскій сенатъ, въ своемъ докладѣ Государю Императору, поддержалъ рѣшеніе сейма. Примѣръ уголовнаго уложенія наглядным образомъ показываетъ, къ какимъ чудовищнымъ послѣдствіямъ приводитъ существующій для Финляндіи порядокъ законодательства, по которому законы составляются финляндскимъ сенатомъ, т. е. учрежденіемъ завѣдомо оппозиціоннымъ русскому правительству, и подносятся на утвержденіе Государя Императора министромъ статсъ-секретаремъ, доселѣ всегда изъ прирожденныхъ шведо финляндцевъ, минуя всѣ центральныя государственныя учрежденія, компетентныя для разсмотрѣнія различныхъ отдѣловъ законодательства. На послѣднемъ сеймѣ 1891 г. подана была петиція о продленіи желѣзной дороги отъ Улеоборга до Торнео. Для незначительныхъ торговыхъ сношеній Финляндіи со Швеціей существуетъ дешевый морской путь, и нѣтъ никакой цѣли проводить дорого стоющую желѣзную дорогу въ пустыни Лапландіи. Но эта дорога свяжетъ проведенную недавно къ русской границѣ стратегическую [1]) швед-

[1]) Такъ именно назвалъ ее шведскій военный министръ Пальмшерна при испрошеніи, въ апрѣлѣ 1890 г., у риксдага кредита на ея постройку. Эта дорога ясно указываетъ на то, что Швеція, въ случаѣ новой войны Россіи съ западными державами, не думаетъ ограничиться присоединеніемъ своихъ кораблей къ тѣмъ флотамъ, которые будутъ дѣйствовать противъ насъ въ Балтійскомъ морѣ и Ботническомъ заливѣ, но замышляетъ двинуть и сухопутныя войска въ Финляндію, чрезъ Торнео. Тогда, очевидно, населенію и національному войску Финляндіи придется принять дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ. Что Швеція дѣятельно готовится принять участіе въ войнѣ, которая можетъ возгорѣться у насъ съ западными державами, это

Digitized by Google

скую желѣзную дорогу со всею сѣтью финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, отъ Торнео до Сестрорѣцка и далѣе въ глубь страны, до Куопію, Сердоболя и Іоенсуу. На этой сѣти лежатъ важнѣйшіе стратегическіе пункты. Цѣль понятна безъ разъясненій.

Если свести во-едино все, чего достигли теперь финляндцы, то окажется, что русскій монархъ не можетъ пользоваться въ Финляндіи даже тѣми правами, которыя принадлежали шведскому королю по акту соединенія 1789 г. На основаніи пункта 1-го этого акта, король «по собственному благоусмотрѣнію распоряжался всѣми государственными должностями», подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ назначаемыя имъ лица принадлежали къ господствующей шведской націи, т. е. не были бы померанцы, финны или другіе инородцы изъ подвластныхъ Швеціи областей. Финляндцы, когда состояли подъ властію Швеціи, пробовали однажды обращаться къ шведскому правительству съ ходатайствомъ, чтобы въ Финляндіи служебныя должности замѣщались финнами, но ходатайство это было отвергнуто. Русскій же императоръ не можетъ назначить въ финляндскій императорскій сенатъ лицо русскаго происхожденія. Даже всѣ должности въ финляндскомъ генералъ-губернаторскомъ управленіи, не исключая личнаго адъютанта генералъ-губернатора, почему-то замѣщаются одними финляндцами, а если и допускаются изрѣдка русскіе, то только изъ числа тѣхъ, которые, какъ говорится тамъ, приняли финляндское подданство, т. е. приписаны къ числу финляндскихъ гражданъ. По тому же 1-му пункту, шведскій король имѣлъ право «во всѣхъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы, признаваемые имъ за полезнѣйшіе». Извѣстный историкъ шведскаго государственнаго права Науманъ говоритъ, что, въ силу акта соединенія, шведскій король былъ облеченъ властью, граничившею съ самодержавіемъ, и имѣлъ

было видно изъ ея дѣйствій еще во время польскаго мятежа 1863 г., когда шведское министерство желало объявить Россіи войну, съ тѣмъ, чтобы отнять у насъ Финляндію; но шведскій риксдагъ, всегда скупой на расходы, отказалъ тогда министерству въ кредитѣ на войну. Въ настоящее время Швеція производитъ большія крѣпостныя сооруженія близъ русской границы и для защиты входа въ Стокгольмъ съ моря. Всѣ эти мѣры принимаются, очевидно, на случай войны съ Россіей, чего впрочемъ не скрывало и шведское министерство.

Digitized by Google

право распоряжаться, какъ ему казалось полезнѣйшимъ, веденіемъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся попеченія о государствѣ, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлось устройство управленія. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства, Густавъ III, безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ и особое установленіе, изготовлявшее для всеподданнѣйшаго доклада всѣ дѣла, которыя прежде производились въ государственномъ совѣтѣ по экспедиціямъ: хозяйственной, камеральной, торговой, финансовой, духовныхъ и церковныхъ дѣлъ (Науманъ, изд. 1878 г., I, 385, 387). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что, въ послѣдній періодъ шведскаго господства надъ Финляндіей, участіе земскихъ чиновъ въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ зависѣло отъ короля. Между тѣмъ теперь изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона, а также измѣненіе или отмѣна сословныхъ привилегій и льготъ могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія сословій, причемъ относительно основныхъ законовъ, равно какъ для назначенія какой-нибудь чрезвычайной подати, требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій. Такимъ образомъ достаточно одному сословію, напримѣръ дворянскому, не дать своего согласія, чтобы каждое предложеніе императора, касающееся сказанныхъ предметовъ, было признано отвергнутымъ. Подъ основными законами разумѣются: сеймовый уставъ и всѣ существеннѣйшія статьи устава о воинской повинности. По § 38 формы правленія и пункту 6-му акта соединенія, никакой періодичности сеймовъ не существовало, а собирались они только тогда, когда того пожелаетъ король, и обязаны были заниматься только тѣми вопросами, которые предложены имъ королемъ. Теперь же узаконены и періодичность сеймовъ, и право петицій, а съ 1886 г. и право самостоятельныхъ законодательныхъ предложеній, предоставленное каждому сеймовому депутату.

Но всего этого оказалось мало для финляндскихъ политиковъ. Людямъ, слѣдящимъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ, не безъизвѣстно, что они домогаются теперь окончательно увѣнчать зданіе Финляндскаго самостоятельнаго государства и такъ оформить его правленіе, чтобъ никакія общегосударственныя потребности Россіи не имѣли возможности вліять на финляндскіе законы и порядки. Они

Digitized by Google

добиваются, чтобъ русскій государь, безъ согласія сейма, не могъ издавать или измѣнять не только законовъ основныхъ и о привилегіяхъ (что и выражено уже въ сеймовомъ уставѣ), но никакихъ вообще законовъ, великодушно уступая ему лишь постановленія, касающіяся общественнаго хозяйства страны. Они домогаются даже примѣнить къ русскому императору статьи шведскаго земскаго уложенія 1442 г., относившіяся къ выборному королю, и точно также требуютъ отъ него присяги народу. Финляндскіе законовѣды прямо заявляютъ, что они не признаютъ законовъ и высочайшихъ распоряженій, состоявшихся отъ Боргоскаго сейма до 1863 года, т. е. всего законодательства, которымъ существовала Финляндія въ теченіе полустолѣтія, на томъ основаніи, что законы эти были изданы безъ согласія сейма. Они добиваются, чтобъ сенатъ былъ облеченъ верховною властью и былъ бы представителемъ отсутствующаго великаго князя, на томъ основаніи, что, по ст. 37 формы правленія, если король отсутствовалъ или временно уѣзжалъ изъ Швеціи, то учреждалось временное правительство, замѣнявшее короля; великій же князь финляндскій, говорятъ они, находится въ постоянномъ отсутствіи изъ Финляндскаго государства.

Но повидимому прежняя, еще столь недавняя увѣренность финляндскихъ дѣльцовъ въ успѣхѣ этихъ плановъ сильно теперь поколебалась, такъ какъ они потеряли надежду быть единственными хозяевами и указчиками въ этомъ дѣлѣ и должны ожидать, что всѣ ихъ хитросплетенія будутъ распутаны и встрѣтятъ до нѣкоторой степени должную оцѣнку и отпоръ. Вотъ почему они забили въ набатъ, кричатъ о комплотѣ, составленномъ противъ правъ Финляндіи, и ищутъ сочувствующихъ имъ читателей въ русской и заграничной публикѣ, предупреждая ихъ о близкомъ взрывѣ мины. У себя дома они идутъ гораздо дальше. Еще въ 1890 году одинъ финскій журналъ напечаталъ у себя картину, художественно исполненную, на которой Финляндія изображена въ видѣ несчастной истязуемой дѣвочки. Руки у нея сложены на груди, выраженіе лица—мученицы, покорившейся своей участи. Надъ нею стоятъ три громадныхъ русскихъ мужика. Одинъ въ лаптяхъ, въ онучяхъ, обвязанныхъ веревками, въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ шапкѣ гречишникомъ, съ огромною дубинок

Digitized by Google

въ рукахъ, которою онъ замахивается на бѣдную маленькую дѣвочку. Лицо у мужика почернѣвшее, борода круглая, носъ толстый и короткій. Второй мужикъ въ сапогахъ, въ длинномъ кафтанѣ, борода лопатой, въ низенькой ямщицкой шляпѣ, поверхъ которой торчатъ три пучка чего-то щетинистаго, придающіе ей видъ короны. Выраженіе лица ямщика свирѣпо-сосредоточенное. Въ правой рукѣ у него четырехвостная плеть съ узлами на концахъ, которою онъ замахивается на ту же несчастную маленькую дѣвочку. Третій мужикъ изображенъ въ видѣ древняго русскаго витязя: высокіе съ огромными шпорами сапоги, грудь въ кольчугѣ, верхомъ на палочкѣ-конѣ, въ правой рукѣ цѣпи съ кандалами, съ боку мечъ-кладенецъ, на головѣ дурацкій колпакъ. Кандалами витязь замахивается на ту же маленькую дѣвочку. Съ лѣвой стороны дѣвочки стоитъ неистово лающая на нее кудлатая собака, на ошейникѣ которой надпись: Ordin. Дѣвочка, обреченная на казнь, имѣетъ на поясѣ надпись: Suomi, т. е. Финляндія. Картина эта была выставлена въ окнахъ всѣхъ гельсингфорскихъ магазиновъ и бумажныхъ лавокъ. Финляндская газета «Nya Pressen», въ № 216-мъ 1892 г., грозила смертною казнію тѣмъ изъ живущихъ тамъ русскихъ, которые обнаруживаютъ приверженность къ самодержавному правленію, ссылаясь на одну статью общаго уложенія 1734 г. Хотя эта статья и была исключена при утвержденіи этого уложенія императоромъ Александромъ I (какъ видно сіе и изъ изданнаго въ 1824 г., по высочайшему повелѣнію, русскаго перевода уложенія), но финляндская газета называетъ это исключеніе «произвольнымъ», «ибо, говоритъ она, для отмѣны криминальныхъ постановленій въ Финляндіи требуется согласное рѣшеніе правителя и земскихъ чиновъ, измѣненіе же законовъ посредствомъ оффиціальныхъ изданій уложенія 1734 года есть совершенно неизвѣстный для нашихъ основныхъ законовъ способъ лишать силы дѣйствующія законоположенія». Достойно замѣчанія, что еще въ 1856 г. этотъ параграфъ, опредѣляющій смертную казнь за стремленіе ввести въ Финляндіи самодержавную власть, былъ возстановленъ въ шведскомъ изданіи уложенія, сдѣланномъ оффиціально учрежденною въ Гельсингфорсѣ комиссіей, безъ всякаго на то дозволенія верховной власти. Въ концѣ 1891 г. появилась въ продажѣ книжка на финскомъ

Digitized by Google

языкѣ «Студенческія пѣсни, выпускъ 5-й», гдѣ на первомъ мѣстѣ помѣщенъ «Военный маршъ», давно впрочемъ извѣстный и распѣваемый студентами по рукописнымъ спискамъ. Первая строфа его такова:

„Возгорѣлась война жестокая,
Пламя вражды пылаетъ;
Зардѣлся сѣверный край,
Кровь, огонь онъ предвѣщаетъ
Спѣшите, жители Саволакса
И молодцы Остерботнійцы,
Спѣшп, спѣши и ты,
Народъ Карельскій,
Противъ непріятеля!
На наше „ура!“
Поля откликаются,
Какъ будто тысяча голосовъ,
Горы говорятъ, берега отзываются:
Насиліе отсюда прочь!“

Въ рукописномъ текстѣ, вмѣсто «насиліе отсюда прочь», сказано «русскіе отсюда прочь», какъ и поется всѣми финляндцами. Авторомъ этой пѣсни былъ, нынѣ уже покойный, профессоръ и ректоръ Гельсингфорскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Августъ Алквистъ. За послѣднее время въ финляндскихъ газетахъ появлялись статьи, въ которыхъ выражался панический страхъ предъ грядущимъ нашествіемъ «католичества съ востока». Вотъ съ какой стороны хотятъ подѣйствовать на темныя народныя массы. Но надъ финляндскою печатью, какъ надъ дѣйствіемъ публичнымъ, все же возможенъ хотя нѣкоторый контроль съ русской стороны, каковому вовсе недоступны напримѣръ церковная проповѣдь и преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Пріѣзжіе изъ Финляндіи русскіе, знающіе мѣстныя нарѣчія, разсказываютъ, что тамошніе руководители, въ устныхъ разговорахъ съ народомъ, прямо внушаютъ ему, что такъ какъ русскіе посягаютъ даже на лютеранскую вѣру, то войны съ ними не миновать, а такъ какъ мы, молъ, малочисленны, то намъ помогутъ единовѣрныя съ нами западныя державы. Въ видѣ иллюстраціи къ этимъ внушеніямъ, въ Гельсингфорсѣ, на тамошнемъ шведскомъ театрѣ, представлялась въ теченіе этой зимы живая картина, изображающая пораженіе русскаго войска при Ютасѣ, гдѣ будто бы генералъ Дёбельнъ съ сво-

Digitized by Google

имъ Біёрнеборгскимъ полкомъ на голову разбилъ русскій отрядъ въ 1808 году. Передъ началомъ спектакля читался возбудительный прологъ, за кулисами пѣлся біёрнеборгскій маршъ; театръ, по словамъ финляндскихъ газетъ, потрясался восторженными кликами. Не довольствуясь этимъ, финляндскіе руководители отпечатали ту же картину избіенія русскихъ олеографически и тысячами экземпляровъ разослали ее по всей Финляндіи, для того, чтобъ она, какъ пишется въ тамошнихъ газетахъ, находилась въ каждомъ финляндскомъ домѣ, въ каждой финской избѣ (см. передовую статью и корреспонденцію изъ Финляндіи въ № 65 «Московскихъ Вѣдомостей» 1893 г.) По истинѣ, вчужѣ жалко этого смирнаго и трудолюбиваго финскаго народа, который честолюбцы и политиканы увлекаютъ на гибельную дорогу. Какъ на послѣдній по времени образчикъ враждебности финляндскихъ руководителей къ Россіи и русскому правительству, можно указать на слѣдующую выходку. По высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ февралѣ нынѣшняго 1893 года, при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ былъ учрежденъ особый комитетъ для сбора въ Россіи пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая финляндскихъ жителей, о чемъ и обнародовано было въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Затѣмъ, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ состоящихъ въ его распоряженіи остаточныхъ суммъ состоящаго подъ его предсѣдательствомъ особаго комитета для обезпеченія продовольствія потерпѣвшихъ отъ неурожая русскихъ губерній, передано было въ финляндскій статсъ-секретаріатъ 50.000 руб. на благотворительную помощь нуждающимся финляндскимъ жителямъ. Въ отвѣтъ на эти распоряженія, предсѣдатель финляндскаго центральнаго комитета помощи голодающимъ сенаторъ и генералъ-лейтенантъ Неовіусъ дозволилъ себѣ, въ № 55 газеты «Новости» за нынѣшній годъ, заявить, что вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ финляндскимъ правительствомъ, не имѣется недостатка въ средствахъ для оказанія помощи голодающимъ, и потому можно опасаться, что сборы, превышающіе дѣйствительную надобность, или останутся безъ употребленія, или же будутъ имѣть вредное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на населеніе. Финская газета «Päivälehti», въ поясненіе этого и безъ того слишкомъ яснаго оповѣщенія, приба-

Digitized by Google

вляетъ, что для Финляндіи унизительно принимать подачки отъ чужаго и что русскія пожертвованія могутъ даже оказаться пагубными для Финляндіи и принесутъ ей не пользу, а вредъ. («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 76, 1893 года). Конечно, сытый голоднаго не разумѣетъ. Финляндскіе правители слишкомъ сыты на счетъ народа, потому съ легкимъ сердцемъ и вырываютъ у него ту помощь, которая предлагается Россіей, лишь бы только голодающіе финны не подумали, что русскій царь можетъ принимать въ нихъ участіе, какъ въ своихъ подданныхъ, а русскій народъ готовъ отвѣчать на призывъ царя по чувству христіанскаго братолюбія. Такой образъ мыслей финновъ можетъ имѣть на нихъ, въ глазахъ этихъ правителей, вредное нравственное вліяніе. Вотъ онъ, тотъ тайный конвентъ, властная рука котораго повсюду чувствуется теперь въ Финляндіи. Наконецъ, въ апрѣлѣ текущаго года финляндскій генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ поставить на видъ тамошнему главному управленію по дѣламъ печати, что «въ послѣднее время въ финляндской періодической печати встрѣчались неумѣстныя статьи, въ которыхъ, при отзывахъ касательно отдѣльныхъ лицъ, затрогивались самодержавная власть и православная вѣра». При семъ генералъ-губернаторъ предупреждаетъ, что, при дальнѣйшемъ повтореніи этихъ проступковъ, «онъ будетъ вынужденъ примѣнить къ виновнымъ высочайше предоставленную ему карательную власть». Это предостереженіе было напечатано во всѣхъ финляндскихъ газетахъ.

Всѣ эти выдающіяся черты нынѣшняго настроенія и образа дѣйствій финляндскихъ властей, финляндской печати, тамошняго общества и городскаго населенія, эти преслѣдованія и оскорбленія русскихъ и православной религіи, эта оппозиція сената и сейма самымъ необходимымъ предначертаніямъ верховной власти, эти возбудительныя статьи газетъ и даже прямые призывы къ неповиновенію правительственнымъ распоряженіямъ, это стращаніе народной массы католичествомъ, надвигающимся съ востока, и взрывомъ подкопа, подведеннаго подъ права Финляндіи, эти памятники, воздвигаемые во славу побіенія русскихъ, эти картинки въ томъ же родѣ, разсылаемыя по всей странѣ, этотъ тайный конвентъ, которому принуждены повиноваться даже и тѣ, кто не

Digitized by Google

сочувствуетъ цѣлямъ господствующей партіи, всѣ эти факты тѣсно вяжутся между собою и указываютъ, что правящіе классы и городское населеніе этой страны находятся теперь въ положеніи невооруженнаго возстанія. Съ такими невооруженными возстаніями справляться, какъ извѣстно, гораздо труднѣе, чѣмъ съ открытымъ бунтомъ, ибо они прикрываются легальною наружностью. Это своего рода ирландскія бойкотированія, перенесенныя на финляндскую почву.

Едва-ли во всемірной исторіи можно найти примѣръ политической мистификаціи столь смѣлой, столь настойчиво проводимой по одному задуманному плану и увѣнчавшейся такими успѣхами, какъ та мистификація, которой, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, подвергались мы, русскіе, со стороны финляндскихъ дѣльцовъ и писателей. Намъ по крайней мѣрѣ неизвѣстно равносильнаго примѣра во всемірной исторіи. Они успѣли увѣрить многихъ изъ насъ, что ихъ предки, покоренные русскимъ оружіемъ послѣ упорнаго сопротивленія, заключили съ побѣдителемъ договоръ, въ силу котораго Финляндія признана самостоятельнымъ государствомъ, хотя и соединеннымъ съ Россіею въ лицѣ общаго монарха, но управляемымъ на основаніи прежнихъ шведскихъ конституціонныхъ законовъ, которымъ Александръ I обязался подчиниться за себя и своихъ преемниковъ. Съ помощью этой никогда не существовавшей фикціи и при посредствѣ разныхъ подтасовокъ и какъ бы только пояснительныхъ ссылокъ на шведскіе законы въ актахъ, подносившихся на утвержденіе въ Бозѣ почившаго императора Александра II, они достигли наконецъ не только признанія, но даже значительнаго расширенія сказанныхъ шведскихъ законовъ, и стали самой Россіи предписывать законы, властно поучая ея правительство, какъ должно оно понимать свои отношенія къ этому союзному государству. Теперь они добиваются окончательнаго увѣнчанія финляндской самостоятельности. Сдается намъ, что если финляндскіе законовѣды принимаютъ какъ бы серьезный тонъ, отстаивая свои планы и писанія, то дѣлаютъ это только для насъ, русскихъ, а между собой они, какъ римскіе авгуры, подсмѣиваются надъ нашею простотою и невѣдѣніемъ полагаться на которыя пріучило ихъ прежнее, весьма еще недавнее

Digitized by Google

время. Ихъ смѣлость и всѣ ихъ прежніе успѣхи только и можно объяснить тѣмъ мракомъ, какимъ прикрыто было отъ насъ все, что̀ творилось въ этой заколдованной области Русскаго государства. Потому-то финляндцы и набрасываются съ такою яростью на тѣхъ русскихъ, которые, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовали разсѣянію этого мрака, въ убѣжденіи, что установленіе правильныхъ отношеній между Финляндіей и имперіей совершенно необходимо для безопасности Россіи и ея столицы въ случаѣ новаго, весьма возможнаго столкновенія ея съ западными державами.

Плодомъ сказанной политической мистификаціи явилось теперешнее финляндское самоуправленіе, не имѣющее себѣ подобнаго во всемъ мірѣ. Въ представительныхъ палатахъ конституціонныхъ монархій часто составляется оппозиція правящему дѣлами министерству. Эта оппозиція, въ свою очередь, встрѣчаетъ въ той же палатѣ противовѣсъ въ сторонникахъ министерства. Если на сторонѣ оппозиціи оказывается большинство народныхъ представителей, то министерство или уступаетъ ихъ требованіямъ, или выходитъ въ отставку, или же монархъ распускаетъ собраніе и повелѣваетъ сдѣлать новый выборъ депутатовъ. Такимъ образомъ тамъ ходъ государственныхъ дѣлъ направляется взаимнымъ уравновѣшиваніемъ двухъ властей—одной, постоянно стоящей у кормила правленія, и другой, время отъ времени контролирующей дѣйствія постоянной власти. Въ Финляндіи, послѣ сеймоваго устава 1869 г., правящія власти распредѣлены такимъ образомъ: на одной сторонѣ постоянно дѣйствующая власть въ лицѣ русскаго монарха, съ его императорскимъ сенатомъ и статсъ-секретаріатомъ, на другой—сословные представители, собирающіеся на сеймъ не далѣе, какъ на пятый годъ. Но это раздѣленіе властей, какъ бы взаимно одна другую уравновѣшивающихъ, есть только раздѣленіе теоретическое; на дѣлѣ же оказывается, что и сеймъ, и сенатъ, и статсъ-секретаріатъ образуютъ одну сплошную оппозицію русскому монарху, дѣйствующую съ рѣдкимъ единодушіемъ. Такимъ образомъ этою страною, отъ имени русскаго государя, управляетъ оппозиція русскому государю, и притомъ оппозиція, состоящая изъ людей, по духу, а частію и по національности,

Digitized by Google

чуждыхъ двухмилліонному финскому народу [1]). Ни въ какой другой странѣ подобный порядокъ вещей не могъ бы существовать. Если, несмотря на то, въ Финляндіи внѣшній порядокъ не нарушается, то она обязана этимъ несоразмѣрности ея національнаго войска, или, какъ говорятъ финляндскіе законовѣды, «ея народной обороны», съ военными силами имперіи, да еще, быть можетъ, остатку здраваго смысла, сохранившемуся въ финскомъ простомъ народѣ, несмотря на всѣ усилія враждебной Россіи шведской партіи сбить его съ толку.

Ѳ. ЕЛЕНЕВЪ.

[1]) Надобно имѣть въ виду, что на сеймѣ вся дѣйствительная власть принадлежитъ законодательнымъ комиссіямъ, въ которыхъ разсматриваются или изготовляются всѣ проекты, подлежащіе обсужденію сейма, и окончательно излагаются всеподданнѣйшія представленія по его рѣшеніямъ. Въ сказанныя комиссіи, сосредоточивающія въ себѣ направленіе и окончательное изложеніе всѣхъ сеймовыхъ постановленій, исключительно избираются люди, получившіе юридическое образованіе и владѣющіе перомъ, другими словами, шведы или ошведившіеся финляндцы.

Digitized by Google

ЗА ЧАЙНЫМЪ СТОЛОМЪ.

(Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I) [1]).

Въ Нидерлешницѣ, около Дрездена, далеко въ сторонѣ отъ пыльной дороги и движенія путешествующихъ, находится возвышенность, на которой рискинулся виноградникъ и стоитъ небольшой домъ съ садомъ. Старые итальянскіе тополи обвиваютъ его крышу. Лозы дикаго винограда и плюща лѣпятся по стѣнамъ до самыхъ оконъ; зелёныя ставни закрыты, между скважинами ступеней у входной двери пробился мохъ; на дворѣ, усыпанномъ щебнемъ — бесѣдка, густо покрытая акаціей; передъ нею изображеніе Флоры изъ песчаника, до половины охваченное цвѣтущими кустарниками и ползучими растеніями; на пьедесталѣ высѣчено женское имя, заросшее шиповникомъ: его уже никто не прочтетъ.

На противуположной сторонѣ почтенная лѣтами липа простираетъ кругомъ себя свои вѣтви, какъ бы приглашая подъ тѣнь свою проходящаго странника:

„Приди подъ сѣнь мою и отдохни;
Подъ сладкій листьевъ шумъ засни".

Незатѣйливая деревянная скамья окружаетъ стволъ дерева. Съ этого мѣста видъ простирается на веселую панораму Нидеръ-и-Оберъ-Лешница и цвѣтущую долину Эльбы, окаймленную горами Саксонской Швейцаріи. Липа эта очень древняя: много поколѣній видѣла она; она уже высилась, когда домикъ съ зелеными ставнями былъ еще юнъ и свѣжъ; Жанъ-Поль укрывался подъ ея тѣнью, а также и пѣвецъ

---

[1]) Описываемые здѣсь эпизоды изъ жизни Александра I были изданы въ Германіи въ 1866 году, подъ заглавіемъ: „Am Theetischeiner schönen Frau.— Erinnerungen an den Kaiser Alexander I.—Gesammelt von E. Polko—Berlin 1866".

Digitized by Google

Ураніи съ его благороднымъ другомъ Элизою. Но иногда голова, убѣленная сѣдиной, являлась помечтать о далекомъ быломъ; нигдѣ такъ сладко, какъ подъ ея тѣнью, не вспоминалось о давно угаснувшей зарѣ восходившаго, а теперь уже давно угасшаго счастья. Вотъ именно здѣсь сиживала прелестная женщина, дружившаяся съ императоромъ; закутавшись, какъ бы озябнувши, въ голубую шаль, въ какой-то истомѣ опустивъ руки, смотрѣла она съ глубокою задумчивостью въ даль. Взоръ ея перелеталъ въ безконечное пространство къ тому далекому незримому городу—туда, гдѣ въ неясныхъ очертаніяхъ мысль ея отыскивала величественный дворецъ, съ позлащенными куполами, съ блестящими окнами волшебнаго замка — жилище чарующаго властелина сѣвера. И улыбка свѣтилась на лицѣ ея, и глаза ея свѣтились, и небольшая нѣжная нахмуренность, вызываемая изъ глубины души, и маленькія складочки около глазъ, нарисованныя временемъ—все это сглаживалось,—лицо мечтательницы прояснялось и молодѣло.

Подъ этою же липой другая женщина, которой имя вырѣзано на подножіи статуи Флоры, гораздо, гораздо позже своей внучатой племянницѣ, написавшей эти строки, тогда еще юной, внимательно слушавшей дѣвушкѣ, разсказывала она увлекательную повѣсть, казавшуюся сказочной, а между тѣмъ воистину бывшую. И къ этой повѣсти принадлежали разныя интересныя вещи, на которыхъ, можно сказать, съ благоговѣніемъ останавливались допрашивающіе глаза слушательницы. Одна изъ комнатъ была вся наполнена памятными предметами. Тутъ были и цвѣты, и листья съ могилы на ближнемъ сельскомъ кладбищѣ, — тутъ же стояли: красивый, большой узорный чайный ящикъ; другой—въ футлярѣ, выложенный бархатомъ, заключавшій въ себѣ туалетныя принадлежности,—щеточки, гребешки, хрустальныя баночки, все это украшенное серебряными оправами; тутъ же была гипсовая медаль съ изображеніемъ Александра Перваго, сдѣланная Толстымъ и изображавшая императора въ шлемѣ и панцырѣ съ надписью «Arbe'a». Въ запертомъ, разрисованномъ ящикѣ собраны были листочки бумаги, исписанные его рукой — красивымъ почеркомъ; наконецъ, на стѣнѣ висѣли портреты двухъ женщинъ въ настоящую величину.

Нельзя было долго не засматриваться на чудный профиль красавцамужчины и не останавливаться по нѣскольку разъ съ неутомимымъ вниманіемъ на тѣ двѣ картины пастелью, которыя, несмотря на давность, нисколько не утратили свѣжести красокъ. Одинъ портретъ изображалъ стройную женщину съ бѣлокурыми волосами, блестящими глазами и живымъ румянцемъ; это былъ образъ женщины, дышащей жизнью и воодушевленіемъ; она должна была своею граціозною осанкою и необыкновенною привлекательностью внушать къ себѣ любовь. На другомъ портретѣ была, въ полномъ смыслѣ слова, красавица, съ темными локонами, глу-

Digitized by Google

бокими, томными глазами, очаровательными чертами, съ выраженіемъ задумчивости. Все остальное гармонировало съ этой прелестной головкой. На первой надѣто бѣлое атласное платье, а на другой—съ особеннымъ искусствомъ нарисованный нарядъ изъ легкой прозрачной кисеи, по модѣ 50 лѣтъ тому назадъ. Открытые: шея, затылокъ и руки были классически прекрасны, голубая шаль спадала съ плечъ.

Барельефъ императора висѣлъ противъ этого портрета и изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ глаза прелестной женщины смотрѣли притягательно на него... а ночью, казалось бы, долженъ былъ слышаться между ними таинственный шепотъ.

Эти двѣ женщины были нѣжныя сестры; обѣ были окружены любовью и уваженіемъ, обѣ въ счастливомъ замужествѣ и обѣ жили близко другъ отъ друга въ миломъ Лешницѣ. Младшая, съ бѣлокурыми волосами, уже давно умерла, и именно она и разсказывала мнѣ чудную повѣсть и показывала драгоцѣнныя вещи, напоминавшія былое, а героиней этой повѣсти была та, съ которой списанъ очаровательный портретъ, ея старшая сестра—чернокудрая Эмилія.

— Остатокъ этихъ исписанныхъ листковъ, говорила мнѣ тетя, Элиза, ты получишь въ наслѣдство послѣ моей смерти; остальныя Эмилія передъ кончиной своей сожгла. Никакому человѣческому глазу не хотѣла она ихъ довѣрить.

И вотъ передо мною лежатъ эти маленькія французскія записочки руки прелестнаго императора, и буквы ихъ такія ясныя, какъ будто вчера были начертаны, только бумага полиняла и кажется поблекшею.

«Puis-je espérer, Madame, que Vous me permettez de venir prendre le thé chez Vous ce soir?»—И при видѣ этихъ строкъ чарующіе образы проходятъ передъ глазами.

Эти нѣмыя буквы смотрятъ на меня, и отъ нихъ вѣетъ грустью и любовью.

Изъ неполнаго забвенія возстаютъ картины — мало-по-малу становятся онѣ яснѣе, и краски на нихъ живѣе,—я стараюсь припомнить малѣйшую подробность,—мнѣ даже виднѣется маленькая кайма арабесками на изображеніи императора Александра.

Это было въ маѣ 1811 года. Весеннее солнце освѣщало городъ, преисполненный чудесъ и противорѣчащихъ явленій — Петербургъ съ его блестящими куполами, башнями и скромными хижинами.

По набережной двигались туда и сюда пестрыя группы, а по разукрашенному Невскому проспекту катили богатые и щеголеватые экипажи взадъ и впередъ; это именно было время, когда принято выходить и выѣзжать на прогулки — именно третій часъ, въ который царь

Digitized by Google

обыкновенно отправлялся изъ Зимняго дворца. Разнообразіе закладокъ, болѣе или менѣе богатыя ливреи, а сверхъ всего различныя одѣянія и наряды проѣзжавшихъ, представляли очень любопытное зрѣлище.

Тогда дворянамъ и почетнымъ купцамъ предоставлялось право ѣздить на четырехъ лошадяхъ. Появлялись и своеобразныя тройки. Коренная въ оглобляхъ шла рысью, а пристяжныя, нагнувъ головы, бѣжали вскачь. Бубенчики мелодично звенѣли на сбруяхъ. Остальные обыватели могли только ѣздить парой или въ одиночку. Такимъ образомъ, по первому взгляду можно было узнать, къ какому разряду общества принадлежатъ проѣзжіе. Ландо извѣстной своей любезностью госпожи С. привлекало особое вниманіе. На козлахъ сидѣлъ баснословнаго объема кучеръ, а гривы вороныхъ лошадей падали почти до земли. Въ этотъ день ландо было закрыто, и въ немъ помѣщались только двѣ дамы: та, которой принадлежитъ экипажъ, пожилая дама, съ тонкими чертами—слѣдами минувшей красоты, и молодая чужестранка, недавно прибывшая съ мужемъ въ Петербургъ. Ея появленію, которое даже посреди множества красивыхъ лицъ не оставалось незамѣченнымъ, надо приписать особенное вниманіе, которое привлекало на себя сказанное ландо. Ослѣпительно была хороша молодая женщина, съ лицомъ, оттѣненнымъ легкой шляпкою съ перьями и темными лентами; голубая шаль была небрежно спущена съ плечъ и не закрывала ея стройнаго стана. Весело, съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли ея темносиніе глаза съ черными рѣсницами на всеобщее движеніе, между полуоткрытыхъ губъ бѣлѣлись маленькіе зубки, на щекахъ видны были обольстительныя ямочки, такая же маленькая ямочка на подбородкѣ. Казалось, она только вполовину слушаетъ, что̀ ей говоритъ ея сосѣдка, потому что глаза ея разбѣгались при видѣ всего, проносившагося передъ нею, и она выглядывала изъ экипажа на двигающуюся толпу.— «Bonjour, Madame, enchanté de Vous voir», вдругъ послышался съ другой стороны ландо громкій мужской голосъ, и кучеръ разомъ остановилъ на мѣстѣ лошадей, которыя, какъ вкопанныя, стали. Въ изумленіи обратилась она къ ея спутницѣ. Со стороны госпожи С. стояли открытыя дрожки, и въ нихъ кто-то въ скромномъ военномъ мундирѣ; блестящіе глаза его устремились на хорошенькую молодую иностранку. Госпожа С. [1]) невольно, почтительно поклонившись, точно не на яву услышала: «Sire, je Vous demande la permission de Vous présenter Madame Emilie S., une jeune Allemande, qui est arrivée de B. il y a quelques semaines»? И спутница ея представила ее императору Александру. Низко опустились темныя рѣсницы молодой женщины — никогда еще такъ не испытанныя замѣшательство и робость овладѣли ею. Она не

[1]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ инціалы обѣихъ фамилій: Г-жи С. и Эмиліи С. обозначены буквою „S“. Ред.

Digitized by Google

смѣла взглянуть прямо. Точно издалека послышались ей радушныя слова, съ коими онъ обратился къ ея сосѣдкѣ; слова эти были для нея незнакомыми звуками,—сколько времени продолжался этотъ разговоръ, она не могла себѣ отдать отчета; наконецъ услышала короткое «Adieu». Нерѣшительно взглянулъ онъ въ ея сторону, съ рыцарскою учтивостью поклонился, — затѣмъ тронулись лошади; встрѣтившіеся разъѣхались, и все стало по-прежнему, а между тѣмъ казалось, что все измѣнилось.

— Это въ самомъ дѣлѣ былъ императоръ? спросила, передохнувъ, изъ глубины груди молодая женщина.

— Да! самъ нашъ Александръ. Такъ ли вы его себѣ представляли?

— Нѣтъ! совсѣмъ иначе!

— Иначе? Возможно ли это? и легкая тѣнь пробѣжала по лицу обожательницы государя.

— Конечно, вполовину не представляла его себѣ такимъ красавцемъ!

Госпожа С. съ чувствомъ пожала руку своей новой пріятельницѣ. «А душа его еще прекраснѣе наружности», сказала она. «У него ангельскія великодушіе и доброта; люди должны были бы преклонять предъ нимъ колѣна. Ахъ, они его не знаютъ,—они не достойны его. Но сказать ли вамъ, что вы произвели на него съ перваго взгляда большое впечатлѣніе? Онъ даже поблѣднѣлъ, и я знаю почему, потому что точно такъ же, какъ и меня, когда я въ первый разъ увидала васъ, его поразило... поразило сходство ваше съ женщиной, которую онъ боготворилъ и еще болѣе съ дочерью этой женщины».

— Можно ли иногда запросто, не обращая на себя посторонняго вниманія, встрѣчать императора? спросила Эмилія послѣ нѣкотораго задумчиваго молчанія.

— Каждый день въ три часа выходитъ онъ изъ Зимняго дворца, садится въ открытыя дрожки или сани въ одну лошадь или парой и проѣзжаетъ по улицамъ, радушно на всѣхъ смотритъ, ласково кланяется и обыкновенно возвращается пѣшкомъ по набережной Невы, а дрожки за нимъ слѣдуютъ. Въ четыре часа обѣдаютъ во дворцѣ, и императоръ никогда не заставляетъ себя дожидаться. Вечеромъ онъ иногда бываетъ во время чая у кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ. Болѣе всего любитъ онъ обращаться и пускаться въ разговоры съ дамами. Ему это ставятъ въ упрекъ и даже прозвали его Донъ-Жуаномъ; но его невсегда привлекаетъ одна женская красота, онъ ищетъ въ женщинѣ умъ и возвышенность души. Только ученыя госпожи съ чернильными пятнами на пальцахъ, съ латинскими и греческими цитатами на устахъ не по его нраву. Отъ насъ онъ ничего другаго не требуетъ, какъ

Digitized by Google

отсутствія жеманства и обходительности. А самъ онъ—образецъ любезнѣйшаго кавалера, предупредительно учтивый и внимательный—и чѣмъ мы старше, тѣмъ болѣе оказываетъ онъ намъ почтительнаго вниманія. Конечно, все это не походитъ на Донъ-Жуана. Обворожителенъ онъ—это правда, и повѣрьте мнѣ, милая, что его нельзя не полюбить, даже когда услышишь у него только простыя слова: «comment vous portez vous, Madame»?

Долго еще продолжала, въ томъ же смыслѣ, разглагольствовать госпожа С., и ея сосѣдка не прерывала ее. Онѣ проѣзжали мимо собора Казанской Божіей Матери,—котораго архитектура есть вѣрное и красивое подражаніе Храму Св. Петра въ Римѣ; потомъ миновали аллеи, великолѣпные дома и богатыя купеческія лавки но Эмилія едва оборачивалась, чтобы взглянуть на всѣ эти картины, хотя недавно еще онѣ приковывали все ея вниманіе. Издали былъ виденъ мостъ на Невѣ и проѣхавъ по нѣсколькимъ улицамъ, ландо остановилось въ Милліонной у дома, который господинъ С. нанялъ на время пребыванія своего въ Петербургѣ. Жена его, дружески поклонившись и сказавши: «до свиданья» своей достоуважаемой спутницѣ, вбѣжала вверхъ по лѣстницѣ и вошла въ кабинетъ мужа. Она сбросила шляпу, шаль скатилась съ плечъ на полъ, и она, бросившись на шею къ мужу, раскраснѣвшись и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, проговорила: «Георгъ! я видѣла императора!»

Георгъ С., членъ одного изъ значительнѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Бордо, поддерживающихъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянныя сношенія съ Россіею, прибылъ съ своею молодою женою въ Петербургъ, чтобы лично ознакомиться съ этою мало извѣстною страною и убѣдиться: не представляетъ ли она почву для большихъ и выгодныхъ торговыхъ оборотовъ. Онъ особенно имѣлъ въ виду пріобрѣсти благосклонность императора Александра, который уже былъ извѣстенъ въ Европѣ, какъ дѣятельный изыскатель всего, что должно служить къ увеличенію благосостоянія Россіи. Даровитый молодой человѣкъ, снабженный значительными рекомендательными письмами, былъ очень любезно принятъ въ самыхъ выдающихся купеческихъ домахъ, а его широкіе проекты находили полное одобреніе. Съ большимъ рвеніемъ принялся онъ за дѣла и домогался доступа къ трону самого императора, какъ могущественнаго двигателя и покровителя. Время его такъ было занято всѣми этими поисками и заботами, что онъ долженъ былъ свою молодую, пригожую жену поручить одной ему знакомой, почтенной и всѣми уважаемой дамѣ. Когда онъ почувствовалъ себя на твердой почвѣ въ сѣверной столицѣ, и угрожавшія политиче-

Digitized by Google

скія тучи на горизонтѣ разсѣялись, его зять и другъ Людвигъ П., женатый на младшей сестрѣ Эмиліи, изъявилъ желаніе присоединиться къ его предпріятіямъ. Озабоченный разными ожиданіями, соображеніями и дѣлами, онъ не подумалъ о томъ, какимъ опаснымъ случайностямъ можетъ подвергнуться молодая, красивая и любезная женщина, очутившаяся прямо изъ скромнаго нѣмецкаго городка въ упоительной атмосферѣ петербургскаго блистательнаго общества. И дѣйствительно, упоительно было дыханіе этого свѣта, особенно для женскаго существа, которое до сихъ поръ изъ освѣщенія въ кругу средняго класса, подобно лунному мерцанію, попало въ ослѣпительный блескъ солнечный, о которомъ и понятія не имѣла.

И ослѣпительнымъ являлся онъ Эмиліи. Все, что́ она видѣла, въ сравненіи съ впечатлѣніями родины, дѣйствовало на нее, какъ сильный, отуманивающій запахъ экзотическихъ растеній. Все ей казалось чуждымъ и поражающимъ: люди, нравы, вся жизнь вокругъ ея. Уличный шумъ пугалъ ее, говоръ въ гостиныхъ оглушалъ. Она становилась все тише и молчаливѣе среди шумящей толпы; въ обществѣ, хотя и удивлялись ея необыкновенной красотѣ, далеко не находили ее заманчивою и любезною. Скоро, несмотря на всѣ свѣтскія развлеченія, ее неудержимо влекло къ сестрѣ ея, настоящему ея двойнику, которую горячо любила. Здѣсь все ей казалось холоднымъ и недоступнымъ, — она, привыкшая къ согрѣвающей сердечности семейнаго кружка, и въ свѣтскомъ вихрѣ чувствовала себя отчужденною и одинокою. Эмилія не расточала передъ всѣми свои душевныя впечатлѣнія и движенія; чужимъ она должна была казаться холодною и недоступною, такъ какъ проявляла горячность сердца и свою очаровательную обходительность только передъ небольшимъ числомъ избранныхъ. Въ обществѣ она не желала нравиться, и осанка у нея была величественная, такъ что держала толпу поклонниковъ, около нея вертящихся, въ нѣкоторомъ отдаленіи, охлаждая ихъ пылъ собственною холодностью своею. Общество госпожи Ш. находила она особенно пріятнымъ. Ея всегда ровная любезность плѣняла молодую чужестранку, а изящная обстановка дома ея отвѣчала тонкости ея вкуса. Тутъ также, къ истинному восхищенію, находилось отличное фортепьяно, и никогда еще въ этихъ покояхъ не раздавался, какъ теперь, такой чудный контральто, какимъ была одарена Эмилія, и который былъ усовершенствованъ въ школѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ учителей музыки. Пѣніе ея также было привлекательно, какъ и вся ея наружность, когда на небольшихъ дружескихъ собраніяхъ у госпожи С. она пѣла итальянскія аріи. Кромѣ большихъ свѣтскихъ собраній у госпожи С. къ 9-ти часамъ послѣ обѣда собирался небольшой кружокъ избранныхъ друзей; тутъ непринужденно велся разговоръ на фран-

Digitized by Google

пузскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, а иногда, когда бывали любители, то занимались музыкой. Тутъ были и красавицы-женщины, и талантливые, выходящіе изъ ряду, люди. Прежній учитель императора, профессоръ Крафтъ и ботаникъ Палласъ показывались въ этомъ кружкѣ, также какъ и писатель П., о красивой женѣ котораго говорили, что императоръ удостоиваетъ ее особаго вниманія; можно было также тутъ встрѣтить Аракчеева, генерала Ермолова, Дибича, князя Чарторижскаго и страстнаго любителя музыки графа Григорія Орлова. Случалось также, что Эмилія С. проводила вечера глазъ-на-глазъ съ своею покровительницей, и тогда она особенно любила садиться за фортепьяно и распѣвать любимыя нѣмецкія пѣсни.

Два дня послѣ разсказанной прогулки ихъ по городу, госпожа С., изящною записочкой, приглашала ее къ себѣ на вечерній чай, убѣждая ее не перемѣнять для этого своего домашняго платья. Въ назначенное время, къ 9-ти часамъ вечера, вошла Эмилія С. въ будуаръ хозяйки, убранный въ роскошно-восточномъ вкусѣ, и въ который допускались только самые близкіе, избранные друзья. Тутъ разостланы были пышные ковры, драпированы были шелковыя гардины съ тяжеловѣсными золотыми обшивками, тутъ на изящныхъ подставкахъ были драцѣнныя бронзовыя и алебастровыя вазы; расположены были кресла и стулья, изукрашенные мозаикою Нѣсколько отличнѣйшихъ копій съ Тиціана и Рени украшали стѣны, и между ними головка очаровательной и злополучной Беатричи-да-Ченчи. За этимъ уютнымъ уголкомъ находилась музыкальная зала, отдѣленная только темнокрасною портьерою. Госпожа С. встрѣтила сердечно свою новую пріятельницу и обняла ее.

— Какая вы хорошенькая, сказала она,—весело улыбаясь, какъ вамъ къ лицу ваше темное шолковое платье и красненькая ленточка въ локонахъ. И глаза ваши какъ-то необыкновенно блестятъ.—Что съ вами?

— Я только-что получила длинное письмо отъ сестры моей; ахъ, еслибы вы знали мою сестру, то разлюбили бы меня; при ней нѣтъ возможности любить какую-либо другую женщину.

Она самодовольно и весело улыбалась, подойдя къ чайному столу. Все, что окружало ее, привлекало ея вниманіе, и она восторженно разсматривала изящное убранство комнаты.

— Это достойно герцогскихъ палатъ! воскликнула она. Что-за прелестная серебряная ваза! Позвольте мнѣ сегодня разливать чай, я всегда это исполняю дома.

— Почему же нѣтъ?.. Если это доставляетъ вамъ удовольствіе; очень пріятно будетъ пить чай изъ такихъ ручекъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія у васъ прелестныя руки!

Digitized by Google

— Это, вѣроятно, наслѣдство бабушки—доброй феи, возразила Эмилія непринужденно. Мать моя разсказывала, что красивыя руки всегда были принадлежностью нашего рода. У сестры моей, Элизы, руки еще прелестнѣе. Такъ она во всемъ меня превосходитъ.

Госпожа С. разсмѣялась, услышавъ произнесенное съ такою увѣренностью.

— Но мнѣ сдается, что сестра ваша, — не прогнѣвайтесь — une femme savante, мнѣ, какъ и императору, далеко не симпатична.

— Нѣтъ, сестра моя только...

При этихъ словахъ лакей растворилъ двери настежь и провозгласилъ: «Его Величество, государь императоръ!»

Госпожа Ш. приподнялась съ мѣста, не обративъ вниманія на то, что ея молодая пріятельница легко вскрикнула. Она поспѣшила на встрѣчу высокаго гостя. Только у самыхъ дверей, повернувши голову и съ оттѣнкомъ назиданія, сказала: «только оставайтесь спокойной и непринужденною, дорогая Эмилія! Государь обыкновенно бываетъ у меня по субботамъ, онъ любезнѣйшій изъ кавалеровъ, а мы двѣ любезныя дамы».

Молодая женщина стояла въ полномъ смущеніи. Ноги ея точно приросли къ полу. Она только-что открыла кранъ у серебрянаго самовара, и вода текла изъ него. Голубые глаза были устремлены на дверь. Наконецъ, кипящая струя полилась черезъ руку. Эмилія вскрикнула отъ боли; но некогда было заниматься рукою, она только успѣла повернуть кранъ. Императоръ Александръ, подъ руку съ хозяйкой, входилъ въ комнату. Эмилія, почтительно поклонилась, между тѣмъ какъ госпожа С. представила ее вторично государю. Съ чарующею любезностью, обратился онъ по-французски къ молодой женщинѣ и затѣмъ занялъ мѣсто у чайнаго стола противъ двухъ дамъ. Очень скоро завязался между ними живой разговоръ. Госпожа С. свободно говорила на французскомъ языкѣ; она, при вызывающей любезности императора, выказала находчивость и оживленіе. Ея минутное смущеніе понемногу исчезало. Она сама удивлялась, какъ безъ малѣйшей боязни смотрѣла она въ эти глаза, съ восхищеніемъ на нее устремленные. «Это вѣрно дорогое для него воспоминаніе», подумала она и сдѣлалась еще развязнѣе. Хотя ея не затруднялъ французскій языкъ, но все-таки она съ милою наивностью примѣшивала въ разговоръ нѣмецкія слова и обороты. Это, казалось, забавляло государя. Въ этомъ оживленіи, она забывала о боли на обожженной рукѣ и, мужественно перемогаясь, распоряжалась за чайнымъ столомъ, услуживая высокому гостю. Невольное ли движеніе или стараніе припрятать больную руку,—словомъ, государю это бросилось въ глаза, и онъ обратился къ ней съ вопросомъ.

Эмилія должна была признаться въ случившемся. Съ живѣйшимъ

Digitized by Google

участіемъ осмотрѣли пострадавшую руку, и обжогъ найденъ былъ столь значительнымъ, что долженъ былъ причинять сильную боль. Государь былъ глубоко тронутъ оказаннымъ мужествомъ:

— Вы храбры, какъ добрый солдатъ, сказалъ онъ,—я сожалѣю, что нѣтъ у меня знака отличія для такого подвига. По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ сдѣлать первую перевязку.

Въ ту же минуту все было принято, чтобы облегчить боли отъ обжога, Императоръ самъ накладывалъ компрессъ и съ большою, можно сказать, женскою осторожностью перевязалъ нѣжные пальцы. Можно себѣ вообразить, что чувствовала госпожа С., смотря на заботливыя движенія Александра. Теперь могла она, такъ какъ онъ наклонился, разсмотрѣть его черты. Взглядъ на это лицо долженъ былъ на всю жизнь оставить впечатлѣніе. Множество распространенныхъ портретовъ императора даютъ только слабое понятіе о прелести и характерности этого лица. Упомянутый выше барельефъ Толстаго можно считать лучшимъ его изображеніемъ. На немъ съ вѣрностью воспроизведены: величественный лобъ, тонкость очертаній, мягкость рта и нѣжный абрисъ подбородка. Прибавьте къ этому поражающій величіемъ станъ и замѣчательно красивыя ноги и руки. Но, по словамъ одного современника, особенно обаятельны были его взглядъ и улыбка. Когда голубые глаза его смотрѣли спокойно, то въ нихъ выражалась кроткая томность, но, въ минуты душевнаго возбужденія, они зажигались яркимъ огнемъ и тогда были неудержимо увлекательны. А теперь они улыбались, и съ ними все лицо сіяло улыбкою, пока оно при перевязкѣ больной руки обращено было къ молодой женщинѣ. Эмилія признательно наклонила голову, и живая краска покрыла ея лицо.

Но эта развязность скоро утихла при шуточныхъ замѣчаніяхъ госпожи С. о любезной словоохотливости государя. Со свѣтскою ловкостью направлялъ онъ разговоръ на предметы, которые были близки молодой собесѣдницѣ. Онъ разспрашивалъ ее о ея родинѣ, родныхъ. Эмилія могла упомянуть о сестрѣ своей.

— Я надѣюсь, что мы увидимъ ее здѣсь, сказалъ Александръ.

Потомъ разговорились о музыкѣ. Госпожа С. расхваливала голосъ молодой пріятельницы. Государь удивленно и радостно взглянулъ.

— Вы поете? Какъ это превосходно! Какъ это счастливо, сказалъ онъ съ живостью. Я особенно люблю музыку, она развлекаетъ, возбуждаетъ и въ то же время успокоиваетъ меня! О, прошу васъ, спойте мнѣ нѣмецкую пѣсню!

Молодая женщина, поднявшись съ мѣста, перешла въ сосѣднюю комнату и сѣла за фортепіано.

— Ахъ, рука моя, проговорила она, вздохнувши, я объ ней забыла. Мнѣ невозможно играть!

Digitized by Google

— Попробуйте только нѣсколько аккордовъ здоровой рукой, сказалъ, улыбаясь, государь и расположился въ креслахъ.

Она оправившись начала:

«War einst ein König von Thule».

Голосъ Эмиліи звучалъ упоительно, это былъ густой, бархатный контръ-альто. Ничего такъ не шло къ этому голосу, какъ грустно глубокое настроеніе кельтскихъ балладъ, съ ихъ королемъ острова Тулы. Она замѣчательно хорошо выговаривала слова; ни одна черта ея прекраснаго лица не измѣнялась, пока чудные звуки лились; губы такъ обольстительно раскрывались, блестѣли бѣлые зубы, и глаза чудно свѣтились. Она была настоящая муза глубоко осмысленнаго пѣнія.

Государь не спускалъ съ нея глазъ. Образъ ея рисовался на пурпуровой занавѣси—отблескъ зажженныхъ на фортепіано свѣчей волшебно обрисовывалъ тонкія очертанія лица и стана.—Затрогивало ли это происходившее передъ нимъ или минувшее, но онъ, закрывши глаза рукою, погрузился въ глубокую думу.

Когда Эмилія окончила пѣсню, государь всталъ и, подошедши къ ней, молча поцѣловалъ ея руку. Госпожа С. старалась опять завести разговоръ, пока высокій гость ея, явно растроганный, въ молчаніи перелистывалъ лежавшій на столѣ томикъ Руссо, заключавшій «La nouvelle Heloise».

Наконецъ онъ поднялъ голову и, обращаясь къ Эмиліи, спросилъ:

— Позвольте мнѣ иногда послушать васъ, когда вы поете у себя дома. Будете ли вы такъ благосклонны?

Она посмотрѣла на него нѣсколько смутившись, но вмѣстѣ съ тѣмъ заигрывающая улыбка появилась у нея на лицѣ, и краснѣя, и запинаясь, она отвѣтила:

— Ваше Величество, какъ жена, я не въ правѣ позволить; я прежде должна спросить моего мужа.

— Прекрасно! возразилъ весело государь, спросите господина С.. но знайте, что я скоро явлюсь за отвѣтомъ.

Затѣмъ, вставши, онъ любезно раскланялся съ дамами; госпожа С. позвонила; двери растворились,—придворные лакеи ожидали въ прихожей,—хозяйка проводила высокаго гостя до лѣстницы и потомъ воротилась къ своей юной питомицѣ; такъ называла она молодую иностранку.

— Ангелъ мой, вы прелестно все время себя держали,—государь отъ васъ въ восхищеніи, сказала она;—какой блистательный успѣхъ при первомъ знакомствѣ, какой счастливый случай съ этой обожженной рукой! Какъ вамъ будутъ завидовать! Одного только, милѣйшая, вы не исполнили, сообразно русскимъ нравамъ. Развѣ вы не знаете, что мы должны коснуться губами щеки того, который цѣлуетъ у насъ руку? Не-

Digitized by Google

исполненіе этого обычая считается обиднымъ. Замѣтьте себѣ это, ангелъ мой. Теперь я должна вамъ сознаться въ небольшой моей хитрости; я знала, что императоръ будетъ у меня, но не хотѣла заранѣе смутить васъ. Государю, конечно, хотѣлось узнать, такъ ли вы, моя красавица, умны и обходительны, какъ привлекательны наружностью. Я думаю, что мы его въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворили.

Это было начало отношеній, основанныхъ на грустно-сладостныхъ воспоминаніяхъ. Они, какъ скоро проходящій весенній день, освѣтили жизнь императора, какъ мимолетный мигъ счастія, рѣдко достающійся смертному.

Три дня спустя послѣ разсказаннаго нами вечера, явился въ домъ Георга С. придворный лакей, чтобы освѣдомиться о здоровьи его молодой супруги и передать нижеслѣдующую собственноручную записку, отличавшуюся шуточнымъ тономъ:

«Puis je espérer, Madame, que «Monsieur» me permetterait prendre le thé chez Vous et que Vous me chantiez une de vos chansons admirables, que Vous m'avez produites l'autre jour chez Madame S? Je Vous présente en attendant mes hommages.

Alexandre».

Дрожа отъ смущенія, кинулась Эмилія въ комнату своего мужа:

— Что мнѣ дѣлать? спросила она, блѣднѣя и едва внятно, подавая записку.

— Отвѣтить: да! сказалъ онъ совершенно спокойно.

И въ этотъ же вечеръ въ скромной комнатѣ нѣмецкой женщины появился могущественнѣйшій изъ монарховъ. Въ этотъ разъ уже не было наводненія кипящей воды. Эмилія была гораздо спокойнѣе, и скоро разговоръ завязался, какъ между старыми друзьями. Государь былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и весело шутилъ. Часы бѣжали, какъ минуты. Угощеніе было самое простое: поданы были только особыя печенья, любимыя государемъ, и свѣжіе плоды. Госпожа С. озаботилась сообщеніемъ этихъ особенностей. Въ полночь только ужинали во дворцѣ, и высшее общество петербургское также слѣдовало этому примѣру, а въ промежутокъ времени отъ обѣда до вечерняго стола подавался чай для безцеремоннаго разговора—это были самые пріятные и сообщительные часы. Въ этотъ первый чайный вечеръ, Эмилія среди очень оживленнаго разговора забыла было о пѣніи, еслибы самъ государь не напомнилъ ей о немъ.

Ее смущала мысль объ этомъ свиданіи глазъ-на-глазъ, а теперь она чувствовала себя совершенно бодрою и непринужденно веселою. Ей позволено было говорить высокому гостю объ ея отечествѣ, объ отцѣ,

Digitized by Google

матери, родныхъ ея; о старомъ, чудномъ Волфенбютелѣ, о красивомъ Брауншвейгѣ и о трудолюбивой жизни въ отеческомъ домѣ, въ которомъ помѣщалось извѣстное воспитательное заведеніе для мальчиковъ. Сердцу ея было такъ отрадно, когда она все это разсказывала, когда онъ такъ благодушно слушалъ ее, и она смѣла ему повѣрять тысячу мелкихъ подробностей, о которыхъ ее никогда еще никто не разспрашивалъ. Глаза ея радостно свѣтились, когда она говорила о братьяхъ и сестрахъ своихъ, и особенно о многолюбимой Элизѣ, когда она описывала, смѣясь, мельчайшія подробности объ обязанностяхъ, о заботахъ дѣтства своего и столкновеніяхъ съ рѣзвыми и необузданными мальчиками. Какъ восхитительна была она въ проблескахъ этого оживленія, съ милыми ямочками на щекахъ, съ серебристымъ смѣхомъ и очаровательною живостью движеній. Забыто было, что передъ нею императоръ, видѣла она въ немъ только желаннаго, ласково внимательнаго друга, который наконецъ спросилъ: не споете ли вы что-нибудь передъ прощаніемъ?

Тогда тотчасъ же она встала и сѣла за фортепіано. На пюпитрѣ разложена была арія Генделя—и чудно сладостный голосъ запѣлъ:

«Lascia chio piangea la dura sorte».

Когда она кончила, государь всталъ и поцѣловалъ ея руку.

— Благодарю моего соловушку, сказалъ онъ.

Лице ея вспыхнуло краской. Исполнила ли она при этомъ наставленіе ея покровительницы.—Chi lo sa?!

За этимъ свиданіемъ послѣдовали многіе другіе чарующіе часы. Казалось, что вблизи этой прелестной женщины государь отдыхалъ отъ своихъ многотрудныхъ заботъ, которыя съ каждымъ днемъ усложнялись отъ политическихъ запутанностей. При ней только прояснялось его чело. Не проходило почти дня, чтобы онъ такъ или иначе съ ней не повстрѣчался, или у нея въ домѣ, или у госпожи С. Никакой голосъ, какъ ея, не погружалъ его въ такое сладкое забвеніе. Это были часы, при которыхъ каждый могъ бы слышать все, что тутъ говорилось, и между тѣмъ для государя, какъ и для молодой женщины, въ нихъ заключалась особенная прелесть.

Онъ съ нею забывалъ утомленіе отъ трудовой мысли, можно сказать, жизненнаго труда посреди узкаго и непреклоннаго этикета. Передъ нимъ являлось чудно милое лицо, очаровательный образъ, напоминавшій ему былое счастіе; они не возбуждали другаго желанія, какъ только чтобы всегда такъ свѣтло глядѣли эти глаза, чтобы на лицѣ оставалась эта улыбка, чтобы голосъ этотъ звучалъ такъ успокоительно, чтобы пѣніе ея раздавалось; съ нею забывалось утомленіе и отчужденіе. Можетъ

Digitized by Google

быть, впервые была передъ нимъ женщина, не сознававшая всей прелести своей, съ гордостью говорившая о ея любви къ мужу и для сердца которой могущественный властелинъ былъ только родственно-близкій другъ. Неизъяснимое очарованіе окружало это милое явленіе, но очарованіе, приносившее спокойствіе и миръ,—очарованіе женщины, въ себѣ самой и въ семейной жизни находившей счастіе и умиреніе.

По желанію мужа ея, сообщила Эмилія государю всѣ его планы,—и Его Величество изъявилъ желаніе видѣть Георга С., милостиво обѣщалъ ему свое могущественное содѣйствіе, только-что успокоятся тревожныя времена. Молодой человѣкъ, въ восторгѣ отъ улыбающейся ему будущности, довольный первыми шагами въ его предпріятіи, рѣшился возвратиться въ Германію, чтобы тамъ ожидать событій предстоявшей войны, и потомъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ II. отправиться снова на болѣе продолжительное время въ Петербургъ. Александръ при запискѣ, прилагаемой въ концѣ, 11-го сентября 1811 года, переслалъ своей пріятельницѣ требуемые паспорты и распростился со своимъ соловьемъ, какъ онъ всегда называлъ, послѣ скоротечныхъ свѣтлыхъ весеннихъ дней, съ твердою надеждою свиданія въ Германіи, а затѣмъ и встрѣчи на болѣе продолжительное время въ Россіи.

И они свидѣлись опять. Во время знаменитаго конгресса, на который собралось столько вѣнчанныхъ главъ и столько прекрасныхъ женщинъ, въ Вѣнѣ,—появилась тамъ на короткое время и Эмилія С. съ мужемъ; и посреди этого наплыва блестящихъ красавицъ, она сіяла на первомъ мѣстѣ. Какой же это долженъ былъ быть пышный цвѣтокъ, если она въ этомъ богатомъ вѣнкѣ привлекала всеобщее вниманіе. И на немъ съ удивленіемъ останавливались не одни блестящіе глаза вѣнценоснаго друга.

По случаю большаго бала, который городъ давалъ въ честь высокихъ гостей своихъ, на этой ослѣпительной выставкѣ драгоцѣннѣйшихъ тканей, брильянтовъ и другихъ сокровищъ, всеобщее вниманіе останавливалось на появленіи женщины въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, вышитомъ серебромъ, съ букетомъ гранатовыхъ цвѣтовъ на груди и бѣлою розой въ темныхъ локонахъ. По бѣлоснѣжной шеѣ, вѣрнымъ снимкомъ съ классическихъ статуй, спускалось коралловое ожерелье.

Блестящій князь Шварценбергъ первый указалъ прусскому королю на эту «райскую гурію», и когда король обратился къ своему царственному другу, чтобы подѣлиться съ нимъ своимъ восхищеніемъ, онъ увидалъ, что Александръ направился къ этой дамѣ, и что она встрѣтила его съ радостною улыбкою. «Trop tard», замѣтилъ смѣясь Шварценбергъ. «Онъ вездѣ побѣдоносецъ. Мы опоздали!»

Digitized by Google

Именно въ Вѣнѣ былъ пріобрѣтенъ Александромъ этотъ искусно украшенный чайный ящикъ, который, какъ памятникъ, хранится въ затихшемъ виноградникѣ и который онъ подарилъ своему другу, въ воспоминаніе чайныхъ вечеровъ въ Петербургѣ. Императоръ былъ невольно вовлеченъ въ праздничный вихрь конгресса, но посреди всей этой суеты и тревоги нашлись для него также сладостные, тихіе вечера. Въ маленькой, убранной квартирѣ въ третьемъ этажѣ, у привѣтливаго чайнаго столика, опять велись чистосердечные разговоры, и опять чудный голосъ напѣвалъ старыя, милыя пѣсни.

И послѣ—когда свирѣпыя бури пронеслись, и въ концѣ 1815 года былъ заключенъ миръ, послѣ всего пережитаго страшнаго и тяжкаго, «соловей» направилъ свой полетъ на встрѣчу императора въ Гейдельбергъ. Въ одномъ изъ обвитыхъ плющемъ павильоновъ, на развалинахъ стараго замка, высоко надъ всѣми окрестностями, ихъ видѣли вмѣстѣ; на одной изъ платформъ, соединяющихъ своды, при ясномъ лунномъ свѣтѣ, видѣли, какъ они прохаживались: возвращающійся съ похода герой и его очаровательная пріятельница; и это ночное явленіе возобновило легенду о счастливомъ побѣдоносномъ курфирстѣ Фридрихѣ и его прелестной пѣвицѣ Кларѣ Деттинъ. Чудно звучавшія пѣсни раздавались далеко въ уснувшихъ долинахъ. Пѣсни эти—были пѣсни некарскихъ нимфъ, или такъ пѣла прелестная уроженка Аугсбурга у ногъ обожаемаго? Такъ протекли въ неувядаемой поэтической прелести два дня надъ головами двухъ существъ, упоенныхъ счастіемъ. А когда насталъ часъ разлуки, изъ милыхъ устъ услышаны были отраднѣйшія въ мірѣ слова: «до свиданія!»

Весною 1816 года, сестры Эмилія и Элиза, съ мужьями своими и молодымъ зятемъ, отправились на кораблѣ «Надежда» (Hoffnung) изъ Любека въ Петербургъ, чтобы провести тамъ два года въ такомъ блескѣ и счастіи, каковымъ не многихъ людей надѣляетъ судьба.

Предпріятія Георга С., казалось, шли впередъ съ неожиданнымъ успѣхомъ. Съ Высочайшаго разрѣшенія ему былъ открытъ широкій кредитъ, и поэтому молодаго германца принимали вездѣ довѣрчиво и любезно. Самыя большія затрудненія сглаживались какъ бы сами собой, и въ скоромъ времени обѣ сестры принимали въ Милліонной цвѣтъ петербургскаго высшаго общества. Бѣглымъ огнемъ пробѣжала по городу вѣсть о ихъ красотѣ и любезности, равно какъ и о томъ милостивомъ вниманіи, которое государь оказывалъ Эмиліи С. и Элизѣ П., и считалось лучшимъ тономъ быть приглашенными къ прославленнымъ иностранкамъ. Около чайнаго стола собирались съ непринужденностью, внушаемою хозяйкою, друзья дома, и можно смѣло сказать, что тутъ

Digitized by Google

сходилось отборнѣйшее общество. При нихъ никто не позволялъ себѣ ни неподходящаго слова, ни слишкомъ смѣлаго взгляда. Про обѣихъ сестеръ можно было сказать словами Шиллера о дѣвушкѣ изъ чужой страны:

„eine Würde, eine Höhe
entfernte die Vertraulichkeit".

Говорилось здѣсь на всевозможныхъ языкахъ,—встрѣчались посланники многоразличныхъ странъ, художники и ученые, писатели и даже нѣсколько извѣстныхъ писательницъ. Иногда была музыка, и голосъ Эмиліи парилъ въ высотахъ, какъ гордый орелъ; при ея пѣніи всякое другое пѣніе казалось ничтожнымъ щебетаньемъ мелкихъ лѣсныхъ птичекъ. Она оставалась «отрадой ночи», мелодіей соловья, притягивающей и трогающей душу. Но были вечера, когда этотъ голосъ звучалъ сладостнѣе, чѣмъ когда-либо, именно, когда только трое собирались въ небольшомъ будуарѣ у чайнаго стола, на которомъ въ красивомъ ящикѣ былъ лучшій цвѣточный караванный чай и серебряный самоваръ какъ-то особенно сочувственно шипѣлъ и напѣвалъ. Императоръ Александръ шутливо обращался къ обѣимъ сестрамъ. Какой это былъ симпатичный, увлекающій говоръ. Тутъ перемѣшивались французскіе легкіе разговоры «Causeries» знаменитыхъ салоновъ Рекамье, Роланъ и другихъ съ болѣе степенными нѣмецкими.

Выспренная духомъ, Элиза говорила спустя много лѣтъ, что ей никогда не случалось участвовать въ такихъ знаменательныхъ разговорахъ, какъ тѣ, которые она вела съ тогдашнимъ высокимъ гостемъ своимъ Александръ охотно вдавался въ религіозныя разсужденія; въ Парижѣ онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ госпожею Крюденеръ и съ этой своеобразной Магдалиной пускался часто въ просвѣтительныя христіанскія бесѣды. Смерть и безсмертіе были его любимыя темы. Онъ былъ набоженъ, съ наклонностью къ религіозной мечтательности. Свободномыслящія, почти философскія воззрѣнія Элизы заинтересовывали его и увлекали обоихъ въ высокоумственное отстаиваніе ихъ теорій. Случалось, что Эмилія, чтобы положить конецъ этимъ преніямъ, садилась за клавикорды, и слышался какой-нибудь старинный, чудный хоралъ или аріи Баха и Генделя, которыя изъ диссонанса переводили въ гармонію.

Политика и только-что миновавшее воинственное время также были предметами разговоровъ. Весело улыбнулся императоръ, когда увидалъ чайный ящикъ, напомнившій ему пребываніе въ Вѣнѣ.

— Тяжелыя это были времена,—говорилъ онъ въ шутливомъ тонѣ... столько тяжелыхъ заботъ въ головѣ... и столько же прекрасныхъ женщинъ передъ глазами! и тамъ, между этихъ двухъ огней, должны были мы рѣшать судьбы народовъ.

Digitized by Google

— Эти времена въ Парижѣ,—спросила Эмилія, не были ли еще тяжелѣе?

— Можетъ быть, но и тамъ я думалъ о своемъ германскомъ соловьѣ и собственноручно выбралъ для нея бездѣлицу.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана футляръ и вручилъ его молодой женщинѣ. Она покраснѣла и не рѣшалась принять его.

— Чего вы боитесь?—сказалъ онъ ласково и съ оттѣнкомъ неудовольствія, это не императорскій подарокъ

Онъ подавилъ пружинку, и въ футлярѣ оказался туалетный приборъ, красиво обдѣланный въ серебро и уложенный въ зеленомъ бархатѣ. Съ дѣтскимъ восхищеніемъ взглянула она на подарокъ и невольно наклонилась къ его рукѣ.

— Не такъ, – сказалъ улыбаясь Александръ, русскій обычай гораздо лучше, и поцѣловалъ ея тонкіе пальчики; она, подобно легкому дыханію, прикоснулась губками къ его щекѣ...

Однажды вечеромъ разговоръ зашелъ о заключеніи мира, и Эмилія разсказала своему гостю, какъ въ Парижѣ нашептывали другъ другу, что прекрасная жена маршала Нея принимала въ этомъ, столь благопріятномъ для Франціи договорѣ, самое дѣятельное участіе, такъ какъ эта увлекательная женщина достигла онаго своимъ вліяніемъ на императора.

— Въ этомъ нѣтъ ни слова правды, возразилъ онъ съ раздраженіемъ, вскочивъ со стула. Я бы простился съ вами навсегда, если бы вы этому повѣрили. Признайтесь мнѣ откровенно!

Она только съ кротостью покачала головой и посмотрѣла на него глазами, въ которыхъ свѣтились слезы.

— Простите меня,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—и накажите меня. Сегодня не спойте мнѣ ни одной пѣсни.

Но наказанія не послѣдовало.

Случилось разъ, что Эмилія, съ живостью, ей свойственною, положа свою хорошенькую ручку на руку государя, сказала:

– Вообразите, государь...

Младшая ея сестра шопотомъ сказала по-нѣмецки: «nicht so nah!»

Прелестная женщина не слыхала этихъ предостерегающихъ словъ, но государь ихъ слышалъ. Онъ обратился къ младшей сестрѣ и спросилъ: «почему не такъ близко?»

Едва-ли у кого изъ властителей рождались въ сердцѣ такія возвышенныя и рѣшительныя желанія добра. Александръ любилъ свой народъ и всѣми силами души старался его возвысить и образовать. Исторія повѣдала его подвиги въ этой области. Клопштокъ справедливо воспѣлъ его восшествіе на престолъ одою къ человѣчеству. Подобно французскому королю Генриху IV, онъ бы желалъ, чтобы у каждаго изъ его

Digitized by Google

подданныхъ не только была на столѣ разваренная курица, но еще и сочное жаркое съ приправою. «Богъ видитъ», говорилъ онъ часто своимъ пріятельницамъ, «что я желаю достигнуть наилучшаго, хотѣлъ бы всегда поступать справедливо, и если когда ошибался, то не отъ худаго намѣренія. Люди, конечно, этого не знаютъ, но Всевѣдущему это извѣстно, и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ; больно бываетъ мнѣ, когда приписываютъ мнѣ какое-нибудь несправедливое рѣшеніе или недостойный поступокъ».

Сколько бывало около чайнаго стола разсужденій о самыхъ важныхъ вопросахъ внутренняго управленія: о поднятіи значенія наукъ, объ образовательныхъ учрежденіяхъ, о составленіи для музеевъ драгоцѣнныхъ коллекцій. Хорошенькіе пальчики и глазки внимательно слѣдили по картѣ пути въ Персію, куда въ 1817 году Александръ направилъ посольство, подъ предводительствомъ извѣстнаго француза Г о р д о н н а, и притомъ не обходилось подъ шумокъ кипящаго самовара безъ веселыхъ шутокъ на счетъ вывезенныхъ оттуда шалей. Сколько было выслушано и исполнено просьбъ. Въ томъ же году государь отмѣнилъ клейменіе и другія жестокія казни. Сколько участія было принято очаровательными глазками и губками въ обнародованіи нѣкоторыхъ благословенныхъ указовъ.

Никто, подобно императору, не былъ такъ строгъ къ себѣ и милостивъ къ другимъ.

Однажды, въ разговорѣ, Эмилія довольно сурово отозвалась объ одной женщинѣ, которая покинула своего мужа и своего ребенка, чтобы бѣжать съ любовникомъ... При этомъ государь внезапно схватилъ ея руку и спросилъ:

— Съ вами бы этого не случилось? вы бы на это не пошли?

— Не думаю! отвѣчала она твердо и рѣшительно.

— Такъ благодарите ежедневно на колѣняхъ Господа за такую вѣрность долгу. Каждодневно говорите: «не введи меня въ искушеніе», и затѣмъ обѣщайте мнѣ, дорогая, не произносить такіе строгіе приговоры слабымъ.

Къ матери своей питалъ Александръ трогательную, благоговѣйную нѣжность. По ея настоянію рѣшился онъ прервать сношенія съ единственнымъ въ жизни его предметомъ истинной любви, прелестною Н. и рѣдко навѣщалъ горячо любимую дочь свою. Каждое утро приносилъ онъ матери, съ пожеланіемъ добраго утра, изящный букетъ, и никто не могъ бы сравниться съ нимъ въ покорности, любезности и почтительномъ вниманіи къ матери. О великомъ князѣ К о н с т а н т и н ѣ ходили слухи, что онъ былъ неудержимо вспыльчивъ и въ гнѣвѣ несправедливъ. А между тѣмъ достоуважаемый господинъ М и л л е р ъ, близко стоявшій къ великому князю, у Эмиліи разсказывалъ съ похва-

Digitized by Google

лою о немъ, о его добротѣ и справедливости Въ это же время въ обществѣ говорили со словъ самого государя объ одной чертѣ, доказывающей добросердечіе его брата. Великій князь нѣсколько дней сряду возвращался поздно ночью во дворецъ и въ третій или четвертый разъ нашелъ свою прислугу въ опьяненіи крѣпко уснувшею на ступеняхъ лѣстницы и въ прихожей. Даже камердинеръ его спалъ на креслахъ въ уборной великаго князя. Константинъ тихо пробрался между спящими, самъ раздѣлся и легъ въ постель. На утро прислуга, отрезвившись, въ страхѣ ожидала жестокаго наказанія, когда его высочество изволитъ проснуться. Но ни суда, ни наказанія не было. Великій князь ни однимъ взглядомъ не упомянулъ о происшедшемъ и только въ слѣдующій вечеръ возвратился ранѣе домой.

Эмилія С. выражала живѣйшее желаніе быть представленной царскому семейству, въ особенности женскимъ членамъ онаго, и между тѣмъ Элиза убѣдительно просила, чтобы ей дозволено было осмотрѣть собраніе картинъ и рѣдкостей въ Эрмитажѣ. Государь обѣщалъ исполнить ихъ желанія при ближайшихъ удобныхъ обстоятельствахъ.

Очень часто случалось, что госпожа С. была осаждаема просьбою о ходатайствѣ передъ государемъ или о вручении ему прошенія, и она охотно бралась это исполнить, когда могла увѣриться въ справедливости домогательства. Только неотвязное настояніе одной нѣмецкой писательницы, чтобы во что бы то ни стало быть представленной императору, выводило ее изъ терпѣнія. Эта дама вычурностью и безвкусіемъ своего туалета такъ же, какъ неловкостью и безтактностью своей, играла довольно смѣшную роль въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, домогаясь при этомъ не менѣе, какъ присоединенія къ тройственному собранію за чайнымъ столомъ. Эмилія знала, какое отвращеніе питаетъ государь къ ученымъ и въ особенности къ уродливымъ женщинамъ, рѣшилась однакоже, запинаясь и краснѣя, передать эту просьбу Александру.

Государь тотчасъ же спросилъ, какъ она того и ожидала:

— Хороша ли и любезна ли она?

— Нѣтъ!

— Одѣвается ли она прилично и не пестро?

— Нѣтъ!

— Говоритъ ли она тихо и мало?

— Нѣтъ!

— Довольно съ меня.—Я терпѣть не могу женщинъ, которыя предпочитаютъ мужское одѣяніе платью, ихъ полу приличное, и ненавижу болтливыхъ. Ни за что не хочу знакомиться съ этой женщиной. Слышите ли, милая, ни за что!.

Съ того времени, когда Эмилія получила этотъ рѣшительный отказъ и передала его въ самой мягкой формѣ госпожѣ Ф., она пріобрѣла

Digitized by Google

себѣ новаго врага. Разгнѣванная муза естественно приписала такое нерасположеніе посредничеству Эмиліи и старалась распространить въ обществѣ, что это произошло изъ ревности пріятельницы государя, не хотѣвшей допустить ее до него.

О семейныхъ отношеніяхъ государя никогда не говорилось. О супругѣ своей всегда отзывался онъ съ глубокимъ уваженіемъ. Между вѣнценосными супругами довольно продолжительно существовали холодныя отношенія, что́ не могло быть скрыто отъ окружающихъ ихъ и служило предметомъ разглагольствованія въ обществѣ; но по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить, что, послѣ возвращенія императора съ войны, эти отношенія замѣтно улучшились къ великой радости императрицы-матери, которая сердечно любила свою невѣстку. Можетъ быть нѣжнѣйшее обращеніе, какое только можетъ оказывать мужъ женѣ, такъ тронуло Елизавету, что сближеніе супруговъ уже ни отъ кого не было скрыто и наполняло радостью всѣ сердца. Такимъ образомъ Александръ однажды вошелъ въ необычайное время къ своей супругѣ и засталъ ее въ слезахъ у письменнаго стола. Озабоченный такимъ видимо печальнымъ настроеніемъ, онъ спросилъ о причинѣ его и кому она въ эту минуту пишетъ:

— Подругѣ моихъ лѣтъ, отвѣчала она, которую я очень люблю и къ которой влечетъ меня сердце.

— Но почему же ты не попросишь своего друга навѣстить тебя?

— Какъ же могла пуститься въ такой дальній путь одна—эта скромная жена пастора, которая никогда не выѣзжала изъ своей родины въ Баденскомъ герцогствѣ?

Государь обстоятельно разспросилъ о мѣстопребываніи подруги Елисаветы, предложилъ потомъ императрицѣ прогуляться съ нимъ; былъ съ нею болѣе любезенъ и сообщителенъ, чѣмъ когда-либо, и скоро не стало слезъ въ ея глазахъ.

Но въ тотъ же самый день отправился въ Германію курьеръ съ особымъ порученіемъ отъ государя.

Нѣсколько недѣль спустя распространился слухъ, будто бы Александръ для новой обладательницы его сердца приказалъ приготовить покои въ Зимнемъ дворцѣ. Разсказывали, что эти комнаты были разукрашены самымъ роскошнѣйшимъ образомъ; вездѣ виднѣлись: атласъ, кружева, золотомъ вышитыя портьеры, мебель буль и розоваго дерева, и что все это приготовляется чрезвычайно таинственно. Но наиболѣе возбуждала общее любопытство незнакомка, ожидаемая красавица, и слышались нескончаемыя и самыя странныя догадки о ея имени и происхожденіи. Спустя нѣкоторое время, вечеромъ, остановилась у подъѣзда Зимняго дворца закрытая карета, и изъ нея вышла дама подъ непроницаемой вуалью. Казалось, что ее ожидали, потому что принимавшіе

Digitized by Google

ее выказывали ей глубочайшее вниманіе. Ее провели въ двѣ весьма скромныя комнаты, гдѣ однакоже все было устроено съ особымъ тщаніемъ; появилась камеръ-фрау для услуженія ей.

Это случилось незадолго до ужина. Государь приказалъ доложить о себѣ императрицѣ. Она съ удивленіемъ вышла къ нему навстрѣчу, такъ какъ это было необычное посѣщеніе. Но онъ былъ не одинъ; а объ руку съ нимъ вошла стройная дама въ простомъ, черномъ одѣяніи. Блѣдное, кроткое лицо улыбалось императрицѣ; въ умильныхъ глазахъ были видны слезы. Незнакомка сдѣлала движеніе впередъ, какъ бы желая кинуться на колѣни. Тутъ Елисавета восторженно вскликнула и поспѣшила къ ней съ открытыми объятіями. Два любящія сердца прижались другъ къ другу.

— Что же? хорошо ли я это придумалъ? спросилъ государь, весело смѣясь. Императрица порывисто взяла его руку.

— Какъ никогда никто не могъ лучше придумать, отвѣчала она сердечно.

Послѣ этого неожиданнаго свиданія, императрица кушала въ своихъ покояхъ. Полное счастіе давно ей такъ не улыбалось.

Какіе нескончаемые разговоры были между двумя подругами. Сколько приходилось разсказывать пріѣзжей, чтобы передать всѣ подробности ея путешествія съ той самой минуты, когда курьеръ вручилъ ей собственноручное письмо императора, до прибытія ея къ Зимнему дворцу. Недовольно могла она нахвалиться тѣмъ заботливымъ обхожденіемъ, которымъ она была окружена во время дороги, говоря, что она путешествовала, какъ настоящая принцесса, и тутъ она показала небольшое письмо, въ которомъ государь просилъ ее обрадовать неожиданнымъ посѣщеніемъ его дорогую жену и послѣдовать въ сопровожденіи курьера въ Петербургъ. Пока императрица пробѣгала эти строки, госпожа пасторша разсказывала, какъ ея мужъ успокоилъ ее насчетъ трудностей предстоящаго дальняго пути. и какъ ея шестнадцатилѣтняя дочка, кинувшись къ ней на шею, обѣщала ей взять на себя всѣ попеченія о домашнемъ хозяйствѣ, лишь бы она могла обрадовать своимъ пріѣздомъ добрѣйшую императрицу. Императрица слушала ее съ влажными глазами, и сердце ея таяло. И неумолчно бесѣдовали подруги, вспоминая о времени, когда могущественная повелительница была еще маленькой нѣмецкой принцессой на дальней родинѣ въ цвѣтущей Баденской странѣ.

Пасторша долго оставалась въ Зимнемъ дворцѣ; а когда она отправилась обратно, все еще держался пустой слухъ, что, несмотря на трогательные разсказы о свиданіи двухъ подругъ, все-таки фаворитка императора проживала во дворцѣ.

Человѣческая природа, къ сожалѣнію, склонна при обсужденіи по-

Digitized by Google

ступковъ ближнихъ скорѣй приписывать ихъ непохвальнымъ, чѣмъ возвышеннымъ побужденіямъ, и вѣрить болѣе злому, чѣмъ доброму.

Императору самому были извѣстны эти сплетни; онъ отзывался о нихъ шутливо за чайнымъ столомъ своей пріятельницы, хотя въ то же время сознавался, что сначала всѣ эти слухи затрогивали его очень непріятно... «Я не могъ понять, почему являлось ко мнѣ такое озлобленное недоброжелательство и столько неприличнаго обо мнѣ распространилось, хотя я всѣми средствами старался подданнымъ моимъ доказать, какъ сердце мое исполнено заботъ о нихъ. Но мало-по-малу я примирился съ этою несправедливостью; совѣсть меня успокоивала, говоря, что все это ложь и клевета, и наконецъ, теперь мнѣ даже оно смѣшно; но не безъ трудной борьбы дошелъ я отъ глубокаго огорченія до смѣха».

Способность къ изученію языковъ у Эмиліи очень радовала государя, и онъ приложилъ стараніе, чтобы она выучилась русскому языку, чтобы его любимые, отеческіе напѣвы она могла распѣвать на подлинномъ нарѣчіи.

Онъ посылалъ дамамъ русскія книги, и обѣ сестры очень усердно принялись за чтеніе и письмо.

Элиза съ ребяческимъ упрямствомъ не рѣшалась передъ высокимъ гостемъ выказать успѣхи свои въ этихъ упражненіяхъ, но Эмилія была уступчивѣе. Ахъ, еслибы искусный живописецъ могъ увѣковѣчить эту маленькую группу въ гостепріимномъ будуарѣ. Зеленыя гардины были спущены, въ каминѣ трещалъ огонекъ; было тепло и уютно. По толстому ковру не былъ слышенъ шумъ шаговъ, когда государь, какъ это было ему обычно, расхаживалъ по комнатѣ. Въ канделябрахъ горѣли свѣчи; самоваръ на чайномъ столѣ, за которымъ теперь хозяйничала бѣлокурая младшая сестра, тихо подпѣвалъ; чашки были отодвинуты въ сторону; открытая книга лежала на узорчатой скатерти, и на одной страницѣ лежала мужская рука, на противуположной—женская; эти руки не были схожи, но обѣ въ своемъ родѣ прекрасны и тонки. Рука императора—бѣлая, выхоленная, имѣла характеръ энергичности. Другая—съ оттѣнкомъ болѣе мягкимъ съ небольшими ямочками, розовыми ноготками, выказывала нѣжность и душевность женщины. И эти обѣ головы—одна близъ другой, темнобѣлокурые волосы мущины и черные локоны женщины—почти взаимно дотрогиваясь, были такъ ровно изящны, хотя неодинаковаго типа.

Веселая улыбка появлялась на лицѣ государя, когда прелестная ученица дѣлала ошибку, когда ея кисти тихо подымались и глубокіе глаза смотрѣли на него вопросительно. Какая сладкая задача была разыгрывать роль преподавателя этой прелестной ученицы. Къ тому же тихій смѣхъ, шутки, вопросы и шопотомъ повторяемыя слова младшей сестры,—все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Эмилія

Digitized by Google

закрывала книгу, поднимала крышку фортепіано, и раздавался, проникающій въ душу, голосъ ея. При первомъ аккордѣ, сцена измѣнялась: императоръ усаживался въ кресло передъ каминомъ, а Элиза — въ углубленіи окна.

Слышать нѣмецкія и русскія народныя пѣсни было чистѣйшимъ наслажденіемъ, и никогда, какъ въ это время, не заслуживала она такъ, какъ при исполненіи ихъ, названіе «соловья». Ей случалось пѣть въ высшихъ кругахъ общества, но большею частью только аріи, которыя хотя выставляли блестящимъ образомъ всю обаятельную силу ея голоса, но не давали полнаго понятія о прочувствованной задушевности ея пѣнія. Сокровища свои она открывала только передъ тѣми, кого любила, и, по мнѣнію ея сестры, ни предъ кѣмъ такъ увлекательно не пѣла, какъ передъ ея вѣнценоснымъ другомъ. Такъ, какъ она пѣла, когда онъ былъ ея слушателемъ, она ни предъ кѣмъ другимъ не пѣвала. И ничего такъ не подходило къ ея голосу, какъ эти меланхолическія народныя пѣсни, въ которыхъ выражается сладкая истома и жалоба; и хотя другой родъ пѣсней, болѣе игривый, какъ цыганскихъ, исполняла она превосходно, государь предпочиталъ первыя. Старыя пѣсни Березовскаго, Насчинскаго и до пѣсней Колосовскаго она пѣла восхитительно.

Итальянская музыка подъ руководствомъ, сначала Галуппи, а потомъ Парсіело, распространялась въ Петербургѣ, въ церквахъ исполняли итальянскія мессы, а въ единственномъ театрѣ, бывшемъ тогда въ сѣверной столицѣ, давали бо́льшею частію итальянскія и только изрѣдка французскія оперы, но поставлены были также, при всеобщемъ одобреніи, Моцарта—«Фигаро» и «Донъ-Жуанъ». Эмилія сначала въ салонахъ исполняла аріи Генделя и Глюка и пѣла пѣсни Целтера и Рейхорда. На большомъ вечерѣ у господина К., обѣ сестры слышали знаменитаго ученика Клеменса, молодаго Фильда. Его ноктюрны до сихъ поръ восхищаютъ любителей старой школы.

Однажды, вечеромъ, государь привезъ своимъ пріятельницамъ переводъ избранныхъ пѣсенъ Анакреона на пяти языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ. Онѣ заключались въ маленькой книжкѣ, которая была посвящена императрицѣ Елисаветѣ издательницею, Елисаветою К у л ь м а н ъ.

— Это дѣвочка 12-ти лѣтъ, о красотѣ и дарованіяхъ которой съ восторгомъ отзывается ея учитель А б р а м о в ъ, говорилъ государь. Къ тому же говорятъ, у нея прелестный голосъ; я бы очень желалъ какъ-нибудь поймать и привести ее къ моему соловью, чтобы молодая лѣсная птичка поучилась ея волшебнымъ трелямъ. Подумайте о моемъ желаніи, если вы ее гдѣ-нибудь повстрѣчаете.

Во время этого пріятнѣйшаго «Dolce far niente» государь однакоже не терялъ изъ виду планы и проекты Георга С. Обширныя учрежденія

Digitized by Google

очень интересовали его, и часто призывалъ онъ предпріимчиваго нѣмца, чтобы разспросить его, какъ идутъ его дѣла. Имъ однакоже пришлось превозмогать большія препятствія, которыхъ даже Высочайшая власть не могла устранить; эти затрудненія происходили отъ тогдашняго состоянія страны и отъ сопротивленія народонаселенія, которое всѣмъ выходцамъ изъ германскихъ земель ставило въ упоръ непроницаемую китайскую стѣну.

Поэтому дѣятельность мужей обѣихъ сестеръ становилась съ каждымъ шагомъ затруднительнѣе, но жены объ этомъ не должны были ничего знать. Неутомимые труженики дали себѣ слово не затемнять милымъ женщинамъ жалобами, сколько можно, ихъ свѣтлый небосклонъ. Оба они должны были предпринимать разныя путешествія, болѣе или менѣе продолжительныя, и такимъ образомъ большею частію были въ разлукѣ съ женами; а онѣ продолжали плыть беззаботно по блестящему потоку, котораго волны ихъ такъ сладостно укачивали. Ни одна изъ нихъ не рѣшалась спросить,—когда будетъ конецъ этому плаванью.

Перваго января 1817 года императоръ опять давалъ большой маскированный балъ, на который приглашалось по билетамъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Всякій, пожелавшій получить таковый билетъ, допускался во дворецъ. Балъ этотъ имѣлъ характеръ народнаго праздника; только всѣ мущины должны были являться безъ масокъ въ домино или въ русскихъ костюмахъ, длинныхъ синихъ армякахъ съ кушаками. Дамамъ были предоставлены костюмы по желанію. Весь верхній этажъ Зимняго дворца былъ предоставленъ гостямъ. Всѣ члены императорскаго семейства принимали участіе въ балѣ, который собственно состоялъ только изъ цѣлаго ряда польскихъ, такъ какъ другіе танцы въ этотъ разъ не допускались. Императрица-мать и императрица Елисавета съ ихъ свитою смотрѣли на балъ изъ стеклянной, эрмитажной галлереи, которая была смежна съ залами. Александръ спрашивалъ Эмилію, въ какомъ костюмѣ она намѣрена явиться на балъ. Она въ шутливомъ тонѣ отвѣчала, что гдѣ бы то ни было она можетъ только появиться въ качествѣ вѣрноподданной Его Величества, а Элиза такъ уклончиво отшучивалась, что государь не настаивалъ узнать, въ какомъ нарядѣ онѣ покажутся.

Наконецъ многожеланный вечеръ насталъ. Цѣлое море свѣта изливалось изъ оконъ царскихъ чертоговъ и озаряло пространную площадь, на которой двигались пестрыя группы стремящихся на празднество.

Экипажи могли двигаться осторожно, шагъ за шагомъ. Лѣстницы дворца были застланы роскошными коврами и украшены рѣдкими растеніями. Небольшое общество, которое подымалось по ступенямъ одной изъ лѣстницъ, опоздало къ началу перваго «польскаго». Это были двое

Digitized by Google

статныхъ мужчинъ въ сиихъ домино; они вели подъ руку двухъ дамъ. Красивая блондинка была одѣта эльзасскою крестьянкою, другая въ богатый польскій костюмъ. Едва-ли кому-нибудь приходилось видѣть такую прелестнѣйшую польку. Короткое платье изъ темно-голубаго бархата, коцовейка пунцовая, съ нашитыми жемчугами и золотыми украшеніями, маленькая шапочка и обшитые мѣхомъ сапожки—все это едва-ли когда-нибудь украшало такое восхитительно прелестное существо. Тихо подвигавшееся въ толпѣ польское шло имъ на встрѣчу и съ нимъ, какъ жаркое дыханіе Африки, несся жаркій, удушливый воздухъ. Въ главѣ паръ шелъ государь, ведя подъ руку даму, съ которой онъ скоро раскланялся, чтобы пригласить другую, и такъ далѣе, принимая неутомимо каждую, ему протягиваемую, руку. Между этими смѣняющимися дамами его орлиный взглядъ вдругъ замѣтилъ очаровательную свою пріятельницу. Восторженная улыбка показалась у него на лицѣ: проходя мимо нея, онъ наклонился такъ почтительно, какъ будто передъ нимъ была принцесса и, проходя еще разъ, обратился въ сторону прелестной головки. Иностранцы прошли далѣе въ слѣдующую залу. Пламенные взгляды, шопотъ и вопросы слѣдовали за двумя обольстительными женщинами. Тамъ и сямъ встрѣчались имъ знакомыя лица, и онѣ дружески обмѣнивались съ ними поклонами. Но останавливаться нельзя было. Въ каждой изъ трехъ обширныхъ залъ былъ хоръ музыкантовъ, для котораго едва только доставало мѣста. Съ боку былъ рядъ комнатъ, въ которыхъ были буфеты съ дессертами и прохладительными, устроенные на длинныхъ столахъ съ вазами, наполненными живыми цвѣтами. По стѣнамъ тянулись диваны, и подъ олеандровыми и померанцевыми деревьями, около бьющихъ фонтановъ, были разставлены кресла. И вездѣ толпились лица красивыя и невзрачныя въ разнообразной смѣси, такъ же какъ знатные вельможи и простолюдины: тѣснота была непомѣрная. Едва можно было собраться съ чувствами, мысли путались, и все это представлялось смутнымъ сномъ. Пáры иностранцевъ бродили въ толпѣ, точно отчужденные, смотрѣли, удивлялись и подвигались сами не зная куда. Вдругъ толпы разступились, чтобы пропустить высокаго статнаго мужчину въ блестящемъ мундирѣ,—это былъ министръ полиціи Н.—Почтительно подошелъ онъ къ обѣимъ сестрамъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ нимъ:

— Его Величество, государь императоръ, приказалъ спросить васъ: не желаете ли вы осмотрѣть Эрмитажъ?

Краска выступила у нихъ на лицѣ, глаза радостно блеснули; оглянувшись на всѣ стороны, онѣ выразили съ живостью благодарность. Министръ подалъ имъ руки и повелъ ихъ дальше. Мужья слѣдовали за ними. Прошли нѣсколько красивыхъ комнатъ и наконецъ дошли до большой столовой залы, гдѣ оканчивались дворцовые покои. Тутъ были

Digitized by Google

накрыты столы, украшенные блестящими вазами, кристаллами и цвѣтами. Съ изысканною учтивостью ихъ проводникъ попросилъ обоихъ господъ, С. и П., здѣсь обождать возвращенія дамъ и въ это время заняться ужиномъ. Тотчасъ высыпала толпа слугъ. Обѣ дамы переступили черезъ порогъ Эрмитажа—знаменитыхъ волшебныхъ чертоговъ Екатерины II. Исчезли за дверями трое шествующихъ, разставшись съ покинутыми, какъ сказочныя, заполоненныя царевны, съ ихъ любезными рыцарями. Неизъяснимо странны были впечатлѣнія, съ коими провожали ихъ глазами мужья. Эмилія и Элиза вступили словно въ цѣлое море свѣта. Какой новый чудесный міръ открылся глазамъ ихъ. Всѣ волшебные разсказы матери ихъ во время дѣтства здѣсь вдругъ осуществились. Какъ объятыя сладкимъ сновидѣніемъ, шли онѣ впередъ, посматривая другъ на друга съ восторженными восклицаніями; стѣны были обвѣшаны кристалловыми призмами, словно окроплены крупными каплями росы, за ними сверкали тысячи огней; по сторонамъ кресла съ бѣлыми и розовыми атласными подушками, позолоченные столы съ мозаиковыми досками, вазы изъ лапись-лазули со свѣжими розами, фіалками и подснѣжниками, несмотря на то, что была морозная зима. Все соотвѣтствовало, какъ нельзя лучше, обиталищу королевы-волшебницы. Группы прелестныхъ женщинъ сидѣли, занятыя разговорами, другія съ длинными вышитыми шлейфами тихо прохаживались взадъ и впередъ.

— Кто онѣ? — Кавалеръ ихъ шепотомъ сталъ ихъ называть. Тамъ, эта статная дама въ бѣломъ атласномъ платьѣ, усыпанномъ брильянтами, съ небольшой брильянтовой короной на головѣ,—это царствующая императрица Елизавета. Она стояла возлѣ креселъ императрицы-матери, которой задушевные глаза и прелестная статность, даже здѣсь, посреди всей этой красивой молодежи, на всѣхъ дѣйствовала плѣнительно. Она была въ черномъ платьѣ, вышитомъ золотомъ. Около нихъ собрано было общество знатнѣйшихъ и блестящихъ дамъ:—цвѣтъ русской и польской аристократіи. Между ними сіяла, какъ царица-роза, семнадцатилѣтняя польская графиня Грудзинская. Кто могъ бы думать тогда, что она предназначена быть второй супругой цесаревича Константина, который, увлеченный любовью къ этой очаровательницѣ, три года спустя развелся съ Іуліаною (Анной Ѳеодоровною), принцессою саксенъ-кобургскою. Тутъ происходилъ неумолкаемый говоръ, смѣялись, шутили, интриговали и съ важностью глядѣли сквозь стеклянныя двери на толпу. Не одинъ любопытный взглядъ слѣдовалъ за появившимися двумя женщинами, которыя проходили, граціозно раскланиваясь. Эмилія и Элиза легкой походкой проходили по пышнымъ галлереямъ. Скоро бальный шумъ уже слышался только какъ дальній плескъ моря. Окружающее ихъ становилось все болѣе чарующимъ. Люди понемногу терялись вдали. Казалось, что двѣ сестры съ ихъ кавалеромъ

*

Digitized by Google

изъ комнаты въ комнату идутъ къ безконечному. Мимо освѣщенныхъ и покрытыхъ блестящими камнями отдѣленій, велъ ихъ вожатый, и тутъ показалъ имъ безцѣнныя собранія крупныхъ брильянтовъ, сокровищницу, въ которой хранились драгоцѣнности императорской короны и между ними алмазъ, считавшійся величайшимъ въ свѣтѣ. Дальше проходили онѣ черезъ чудныя залы, въ которыхъ находились бюсты: Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Мольера, Руссо и другихъ французскихъ поэтовъ. Они словно задумчиво смотрѣли на проходящихъ. Потомъ слѣдовали прохладныя камеры со статуями и картинами: Мурильо, Клодъ-Лореня, Тиціана, и, наконецъ, послѣ двухъ-часоваго странствованія—опять въ шумящей толпѣ. Имъ представлялось, что онѣ долго, долго проходили по разнымъ далекимъ странамъ и, наконецъ, возвращаются, совершивъ поклонничество. Невыразимо волновало ихъ бурное движеніе кругомъ.

— Пора домой!—шепнула Эмилія своему мужу, выходя изъ Эрмитажа,—тамъ я тебѣ все разскажу! Ахъ, какъ мы восхитительно странствовали!

— Его Величество изволилъ приказать, чтобы я проводилъ дамъ черезъ всѣ эти толпы и показалъ имъ остальныхъ членовъ царскаго семейства,—проговорилъ министръ полиціи.

Прохладившись немного у буфета, опять пошли по заламъ. Жара и духота увеличились до невозможности; капли катились по мраморнымъ стѣнамъ. Теперь прогулка ихъ похожа была на путешествіе по южнымъ степямъ, и Эмилія едва могла разглядѣть тѣхъ, на кого указывалъ ихъ вожатый, именно на великихъ князей: Константина, Николая и Михаила. Дамы едва держались на ногахъ: «домой, скорѣе домой!» Еще разъ передъ ними мелькнуло свѣтлое видѣніе—государь, который, улыбаясь, имъ кланялся. Наконецъ, стали спускаться съ лѣстницы. Слуги бросились впередъ, увидавъ блестящаго сановника, провожавшаго дамъ, и, несмотря на страшную суматоху при отыскиваніи экипажей, скоро весь обшитый въ галуны швейцаръ закричалъ: «карета С. готова!»

Съ благодарностью простились дамы съ любезнымъ вожатымъ.

Молча катились по улицамъ, до изнеможенія усталыя, хорошенькія сестры, прижавшись головками къ подушкамъ кареты. Волшебный праздникъ окончился.

Русская зима иностранцамъ вообще приносила много необыкновеннаго и чудеснаго. Во-первыхъ, эти кутанья въ мѣховыя шубы, безъ которыхъ молодыя дамы не могли выходить и которыя очень были имъ къ лицу, окаймляя ихъ хорошенькія лица; потомъ восхитительныя поѣздки въ саняхъ съ факелами; не безъ нѣкоторой дрожи казалось Эмиліи, какъ

Digitized by Google

она увѣряла, что издали слышенъ вой волковъ; потомъ блестящіе балы въ высшемъ обществѣ; вездѣ встрѣчались озябшіе носы, случалось видѣть, какъ ихъ растирали снѣгомъ, и ко всему этому громадный гостиный дворъ, переполненный всевозможными товарами. А на Сѣнной площади—рынокъ, на который, казалось, собрались торгаши со всѣхъ сторонъ Россіи. Можно ли было иностранкамъ безъ изумленія смотрѣть на горы всякой дичи и мясныхъ товаровъ, на кучи яицъ и массы замерзшаго масла, похожаго на тесаные камни. Оледенѣлыя рыбы въ ихъ прозрачныхъ оболочкахъ казались имъ живыми; остальная живность, ощипанная и оголенная, жалась другъ къ другу, словно зябла отъ мороза. Какъ въ заколдованномъ замкѣ все было безъ движенія и погружено въ сонъ; являлись покупщики и ударами топора отрубали имъ требуемыя мясныя части. Сказочнымъ представлялось это царство льда и снѣга.

Въ роскошныхъ салонахъ германскаго посла встрѣтили Эмилія и Элиза, едва вышедшую изъ дѣтства, Елисавету Кульманъ, принесшую дань своего поэтическаго вдохновенія императрицѣ Елисаветѣ. Ни время, ни обращеніе съ разнаго рода людьми не могли изгладить изъ памяти ихъ появленіе этой необыкновенной личности. Какъ воплощенная поэзія, этотъ чудный ребенокъ выходилъ изъ ряда всѣхъ присутствующихъ. Воздушный призракъ, съ длинными темными локонами, греческимъ профилемъ, свѣтло-голубыми глазами, взглядомъ Мадонны и мечтательною улыбкою оставляли неизгладимое впечатлѣніе.

Елисавета Кульманъ была единственнымъ утѣшеніемъ и радостью вдовы, у которой мужъ и сыновья пали въ битвахъ 1812 года. Императоръ самъ посѣтилъ ее въ ея скромномъ жилищѣ на Васильевскомъ островѣ и оставилъ въ ребенкѣ впечатлѣніе, которое во всю жизнь ея не изгладилось. Съ этого дня, по непостижимому таинству родства душъ, душа отроковицы сроднилась неразрывными узами съ душою Александра.

Елисавета Кульманъ скончалась 25-го ноября 1825 года, а 1-го декабря, въ томъ же году, церковные колокола возвѣстили Петербургу, что Александръ I въ Бозѣ почилъ.

Во всѣхъ стихотвореніяхъ этого чудно-одареннаго существа, звучитъ, какъ на эоловой арфѣ, отголосокъ умиленія сердечнаго, любви отроческаго пламеннаго сердца безъ всякихъ земныхъ притязаній. Елисавета Кульманъ видѣла императора только одинъ разъ, когда онъ, по внушенію милосердія, посѣтилъ ея больную мать, одинъ разъ только слышала она его голосъ, видѣла его взглядъ, и этого для нея было достаточно, чтобы на всю жизнь отдаться ему душой.

На сказанномъ празднествѣ у посла, на которомъ собралось все высшее общество Петербурга, увидала Эмилія, что нѣсколько группъ

Digitized by Google

протѣснились въ одинъ изъ боковыхъ покоевъ. Она не понимала, что побудило часть общества отправиться въ эту сторону, какъ вдругъ услышала звуки неизвѣстнаго ей инструмента (авторъ называетъ его балалайкой, едва-ли?), подъ струнные аккорды котораго пѣлъ женскій голосъ, такой обаятельный, что ей никогда не случалось подобнаго ему слышать. Слова пѣсни были:

«Schöne Minka ich muss scheiden,
Ach! du ahnest nicht mein Leiden u. s w. [1]).

И когда раздались послѣдніе звуки пѣсни, двѣ нѣжныя руки обняли пѣвшую, чудно прелестное лицо нагнулось къ ней, полные слезъ глаза искали ея глазъ, и Эмилія тихо шепнула ей: «ты, Елисавета Кульманъ!»

Еще одинъ разъ свидѣлись онѣ. Обѣ сестры посѣтили ее неожиданно на Васильевскомъ островѣ и здѣсь были подъ полнымъ очарованіемъ этого чуднаго существа. Впечатлѣніе, унесенное ими, осталось на всю жизнь; и когда такъ преждевременно не стало юнаго поэтическаго созданія, то на могилѣ ея однимъ изъ современныхъ поэтовъ начертаны были слова:

«Господь низвелъ на землю это очаровательное созданіе не для того, чтобы оставить его на ней; но для того, чтобы показать свое твореніе людямъ».

За сказочнымъ явленіемъ зимы послѣдовало «лѣтнее сновидѣніе», фантастическое и обворожительное.

Именно, государемъ, въ началѣ іюня мѣсяца, былъ данъ праздникъ въ Петергофѣ въ честь императрицы-матери.

Увеселительный царскій замокъ, Петергофъ, стоящій на береговыхъ возвышенностяхъ Финскаго залива, особенно отличается своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, обширнѣйшимъ паркомъ и другими укра-

---

[1]) Прелестная Минка, надо мнѣ съ тобой разстаться; ахъ! не знаешь ты, какъ я страдаю, и т. д.

Digitized by Google

шеніями. Отъ самаго Петербурга туда тянется непрерывный рядъ виллъ, лѣтнихъ пребываній знатныхъ и богатыхъ жителей столицы, и который оканчивается селеніемъ виртембергскихъ колонистовъ.

Небольшое число приглашенныхъ иностранцевъ, и между ними обѣ сестры съ ихъ мужьями, госпожа С., писатель П. съ женою и семейства Б. и К. наканунѣ праздника помѣстились въ колоніи.

Дома колонистовъ были наняты на недѣлю для приглашенныхъ гостей. Все это было убрано и устлано коврами, обвѣшено гардинами такъ, что низенькія комнаты съ ихъ деревянною обшивкою превратились въ удобныя и уютныя, маленькія гостиныя, столовыя и спальни. Все селеніе было занято гостями, а во дворцѣ и дворцовыхъ зданіяхъ помѣщались члены царскаго семейства и гости высшихъ круговъ общества.

Въ колоніи обѣдали или на открытомъ воздухѣ, въ палаткахъ, или кто предпочиталъ—въ домикахъ. Придворные повара готовили усердно, и день проходилъ такъ весело и беззаботно, какъ только позволялъ солнечный жаръ, отъ котораго можно было укрываться въ тѣнистыхъ, прохладныхъ мѣстахъ парка, или освѣжиться на морскомъ берегу. У иныхъ были свои экипажи, другимъ предоставлены были придворные. Предпринимались прелестныя прогулки въ роскошную виллу цесаревича Константина, «Стрѣльну», или въ прелестную мѣстность «Ораніенбаумъ», на берегу моря, съ восхитительнымъ видомъ на море, на Петербургъ и Кронштадтъ.

Всякій день, вечеромъ, направлялось все общество въ паркъ, гдѣ начиналось празднество. Всѣ аллеи и лѣсныя дорожки были освѣщены; хоры духовыхъ инструментовъ вездѣ услаждали слухъ, весело двигались, какъ волшебныя тѣни, гуляющіе. Цыганскіе таборы, съ ихъ пѣвучимъ народомъ, расположились бивуаками на открытыхъ мѣстахъ, и красивыя женщины около костровъ услаждали взоры. Конечно, это были укрощенные дикіе жители степей; но ихъ своеобразныя пѣсни и струнные звуки на балалайкахъ и завываніе гудка возбуждали веселье; подыгрывали также дѣтскія флейточки и дудки, такъ что головы кружились отъ этого разнообразнаго неслыханнаго оркестра. Вездѣ были раскинуты палатки съ угощеніями: плодами, сладостями и прохладительными напитками. Тутъ выигрышные призы, тамъ каруселя, съ обитыми бархатомъ сидѣньями; далѣе бассейны съ красивыми венеціанскими гондолами и разодѣтыми гондольерами; здѣсь летѣли серебряныя брызги фонтановъ, словно по волшебному велѣнью, а тамъ Самсонъ, спускающій цѣлый снопъ воды, и около каскадами прыгающія струи.

Придворныя дамы почти исключительно были одѣты въ бѣлыя кисейныя платья, вышитыя золотомъ съ легкими шарфами на шеѣ. Затѣмъ видны были разнообразнѣйшіе пышные наряды; кавалеры въ

Digitized by Google

бальныхъ одноформенныхъ одеждахъ. Тутъ встрѣчались запросто всѣ, желавшіе встрѣтиться, здѣсь заключались новые дружескіе и сердечныя союзы. Густыя массы народа двигались по всѣмъ направленіямъ. Невозможно было отыскать уединеніе. Все это прибыло изъ Петербурга или сухимъ путемъ, или по Невѣ и разсыпалось по берегу моря и въ аллеяхъ парка, подобно пчелиному рою.

Это были картины изъ тысячи и одной ночи, возможныя осуществляться только султаномъ или императоромъ всероссійскимъ. Какой тутъ былъ потокъ наслажденія, какіе встрѣчались пламенные взоры, какъ нашептывали любовныя слова, при пожатіи рукъ, при поцѣлуяхъ; сколько тутъ было обѣтовъ вѣрности—всѣ ли они исполнились?

А въ промежуткахъ отдохновеніе и сладкое воспоминаніе о видѣномъ и слышанномъ. Все это было сказочнымъ видѣніемъ на яву. На третій день празднества былъ сожженъ блистательный, небывалый фейерверкъ. Всѣ корабли въ пристани блестѣли яркими огнями, море пылало, залпы не прекращались; на безчисленныхъ шлюпкахъ качались пестрыя толпы. На одномъ изъ высшихъ холмовъ изображено было извержеиіе огнедышащей горы. Всѣ трепетали отъ ожиданія начала этой огненной фантасмагоріи.

Ночь была лунная, свѣтозарная, подобная той ночи подъ небомъ Вероны, въ которую красивый Монтеки выражалъ любовь свою передъ балкономъ Джульетѣ.

Каждый зналъ, что это послѣдняя изъ волшебныхъ ночей,—и біеніе сердца усиливалось, и руки искавшихъ другъ друга крѣпче сжимались, смѣлѣе произносились слова любви, смѣлѣе просили отзыва сердца. Очарованіе достигло высочайшей степени. И посреди грома пушекъ, посреди общей толкотни и восклицаній, музыка отъ самаго оглушительнаго форте переходила въ усладительнѣйшее пьяно, словно унося душу за звуками.

Внезапно, все воздушное пространство загорѣлось. Небо и земля погрузились въ ослѣпительное пламя. Красивыя группы выступали въ яркомъ освѣщеніи; съ удивленіемъ сами смотрѣли другъ на друга и фантастическими формами удивляли зрителей. Въ Петергофѣ уже не было ни одного темнаго пятнышка. Тридцать тысячъ ракетъ взлетѣли разомъ на воздухъ.

Такого блистательнаго изверженія огня не случалось Эмиліи и Элизѣ видѣть въ другой разъ. Никакіе фейерверки и иллюминаціи въ цѣломъ мірѣ не могли сравниться съ лѣтнимъ, соннымъ видѣніемъ въ Петергофѣ.

На этомъ праздникѣ появилась также, къ общему увлеченію и смѣху, упомянутая выше писательница Ф. — Она преобразилась въ королеву-цыганку и впослѣдствіи разсказывала, что она затемнила всѣхъ дамъ

Digitized by Google

своимъ своеобразнымъ поэтическимъ нарядомъ, а болѣе всего уборомъ головы, въ которомъ были разсыпаны безчисленные, свѣтящіеся червячки.

Георгъ С. началъ болѣзненно чувствовать вліяніе петербургскаго климата. Эмилія сама стала убѣждать мужа въ необходимости поспѣшить возвращеніемъ на родину. Къ разстройству здоровья присоединились другія невзгоды, неудачные торговые обороты, неожиданныя затрудненія, которыя вдругъ стали поперекъ его предпріятій и сильно его разстроили. Тоска по родинѣ овладѣла имъ, и даже оживленіе его прелестной невѣстки не разгоняло его меланхоліи, такъ что состояніе его начинало внушать опасенія. Наконецъ, по усиленной просьбѣ Эмиліи, отъѣздъ ихъ былъ рѣшенъ, и въ то же время начались опять собранія за чайнымъ столомъ.

Также было ясно и свѣтло, когда около него появлялся императоръ. Онъ шутилъ съ младшей сестрой—Эмилія опять вязала маленькій голубой кошелекъ для своего друга; подшучивая, держалъ онъ шелковый мотокъ и ждалъ, когда на него взглянутъ милые глаза. Она пѣла ему любимыя пѣсни, на всемъ лежала тѣнь тихой грусти. Предстоящая разлука тяжело ложилась на сердцѣ, угнетала мысль, что уже не настанутъ опять такіе дни. И когда въ послѣдній вечеръ, еще разъ пѣлъ соловей «короля Тулы», то голосъ ея дрожалъ и на маленькій кошелекъ, который она передала другу, скатились слезы. Въ этотъ же самый вечеръ получила Эмилія барельефъ государя.

— Сохраните его, сказалъ онъ, въ воспоминаніе самыхъ свѣтлыхъ и чистыхъ дружескихъ часовъ, которыми я вамъ обязанъ. Вы—моя вечерняя звѣзда, на которую я могу безупречно любоваться.

Прощаніе двухъ сестеръ съ императоромъ происходило въ одинъ изъ свѣтлыхъ іюньскихъ дней 1818 г. въ очаровательномъ саду Царскосельскаго замка, въ которомъ пребывалъ императоръ.

Розы цвѣли; небо и земля озарялись необыкновеннымъ блескомъ,—по широкимъ дорожкамъ въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ ходили тихо близкіе къ разлукѣ взадъ и впередъ.—Наконецъ Эмилія объявила, что пора разставаться; — и въ этотъ же вечеръ былъ назначенъ отъѣздъ. Государь сорвалъ розу.

— Розы цвѣтутъ, а мой соловей улетаетъ, и обоихъ я уже никогда не увижу:—розу и соловья, проговорилъ онъ тихо. Помолитесь за меня, когда узнаете о моей кончинѣ.

Государь проводилъ дамъ до экипажа.—Еще разъ обмѣнялись по-

Digitized by Google

клонами, прощальными взглядами, знаками руки, и сонъ исчезъ. Эмилія склонила голову на плечо сестры.

— Волшебный замокъ рушился, проговорила она чуть слышно. Очарователь скрылся,— но со мною мой добрый геній,—ты.

И время текло. Александръ I скончался, далеко отъ своего любимаго Петербурга, въ Таганрогѣ, и Елисавета, его вдовствующая супруга, дрожащею рукою, обливаясь слезами, писала: «Notre ange est aux cieux». Великое, необъятное царство оплакивало почившаго. Въ то же время—далеко, въ Германіи, на покрытыхъ виноградниками берегахъ Эльбы, скорбѣло нѣжное женское сердце.

Соловей многими годами пережилъ своего покровителя Прелестный, молодой другъ его сдѣлалась степенною женщиной. Образъ жизни ея былъ отчужденный, въ сравненіи съ любезною обходительностью ея сестры, которая душевною ясностью своею и обворожительною любезностью плѣняла сердца. По-прежнему появленіе обворожительной Эмиліи производило на всѣхъ впечатлѣніе,—но отъ сестры отстранялись, находя ее холодною и горделивою. Голосъ ея еще долго восхищалъ слушателей, но уже никогда она болѣе, разставшись съ Петербургомъ, не исполняла русскихъ пѣсенъ и «короля Тулы». Брачная жизнь ея была примѣрная, и послѣднія слова ея мужа выражали благословеніе и бладарность горячо любимой спутницѣ жизни.

Никогда не заводила Эмилія съ чужими разговоръ о сношеніяхъ своихъ съ императоромъ; никакая рука не смѣла касаться памятныхъ предметовъ тѣхъ чудныхъ дней, сохраненныхъ ею. Собраніе писемъ своихъ она сожгла передъ смертію, и только остались девять записочекъ, при семъ прилагаемыхъ. Въ особенно памятные дни, она любила окутываться голубою шалью, которая была на ней, во время первой встрѣчи съ ея вѣнценоснымъ другомъ; или появлялась въ отороченной мѣхомъ накидкѣ изъ зеленаго бархата, изъ-подъ которой виднѣлись ея прелестныя руки,—вспоминая, какъ восхищался императоръ этой шубкой, сидя у нея за чайнымъ столомъ.

Въ послѣдніе годы ея жизни, удрученная болѣзнью, она окружала себя вещами, напоминавшими ей незабвенные дни, и уже совершенно удалилась отъ свѣта. Никого не допускала она къ ухаживанью за нею во время болѣзни, кромѣ сестры Элизы, и эта превосходнѣйшая изъ женщинъ съ полнымъ самоотверженіемъ исполняла обязанности сестры милосердія, не всегда легкія при болѣзненной раздражительности сестры.

Въ тихой комнатѣ страдалицы, во время вечернихъ сумерекъ, сестры тихо бесѣдовали о невозвратныхъ блестящихъ временахъ. Тутъ еще оживали зимнія сказочныя картины—роскошныя галлереи Эрми-

Digitized by Google

тажа раскрывались передъ ними, разнообразныя группы проходили мимо, и очаровательный императоръ любезно раскланивался. Или вспоминались имъ тѣ лѣтніе, подобные волшебному сну. вечера въ Петергофѣ, когда разливался вездѣ запахъ розъ,—сверкали алмазныя брызги фонтановъ между деревьями, и огненный дождь сыпался на землю. Но самыя сказочныя видѣнія разсказывалъ самоваръ съ шипящей водой—о блаженныхъ часахъ, проведенныхъ съ нимъ, незабвеннымъ.

И розы цвѣли, и соловьи пѣли, когда нѣкогда чаровавшая пріятельница Александра на вѣки закрыла утомленные глаза. Барельефъ Толстаго лежалъ на одѣялѣ умирающей. Впослѣдствіи онъ былъ повѣшенъ на стѣнѣ, въ комнатѣ Эмиліи, въ которую перенесено было ея фортепіано и ноты, и молодыя руки украшали комнату зелеными вѣтвями и вазами съ цвѣтами.

Точно также она была вся въ зелени и въ цвѣтахъ, когда изъ милыхъ, дорогихъ и незабвенныхъ устъ слушала я разсказъ «о чайномъ столѣ прелестной женщины».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Je m'empresse, Madame, de remplir Vos désirs en Vous envoyant le passeport à point. Veuillez en même temps agréer mes plus sincères remerciments pour la charmante bourse, qui me vient de Vous, étant surtout Votre ouvrage j'y mets un prix infini. Il m'eût été encore plus doux de la recevoir de Vos belles mains; au moins ai-je voulu Vous exprimer par écrit tous les regrets que j'éprouve d'avoir été privé de l'occasion de Vous offrir de bouche mes souhaits, pour que Votre voyage soit heureux, et mes voeux pour Votre constante félicité.

le 15 Septembre 1811.
Alexandre.

à Madame de S...

J'ai tardé si longtemps, Madame, à répondre à Votre aimable lettre pour ne pas risquer la mettre aux hasards de la poste; aussi je profite avec le plus grand empressement du premier courrier, qui part pour Berlin pour la lui confier. Il me serait difficile de Vous exprimer tout le plaisir extrême que m'a causé la Vôtre et le souvenir que Vous voulez bien y donner au séjour de S. Pétersbourg. Si les moments que Vous y avez passés ont eu quelque intérêt pour Vous, jugez donc, Madame, de

Digitized by Google

quel prix ils ont été pour ceux, qui ont eu le bonheur de Vous approcher, et combien de voeux sont formés pour que ce bonheur se renouvelle au plutôt. Il me paraît si grand, que je n'ose m'y livrer.

Pourquoi faut-il que pour la première fois que Vous avez été dans le cas de me demander quelque chose, il faut que je soys, malheureusement, dans celui de ne pouvoir satisfaire à Vos désirs. Mais, les lois s'y opposent et je ne puis être que leur fidèle exécuteur.

J'aime à espérer que Vous rendrez justice au sentiment qui me guide et que Vous ne m'en croirez pas moins désireux de Vous obliger en tout ce qui peut dépendre seulement de moi.

Je ne puis finir ces lignes, Madame, sans Vous prier, de me conserver une place dans Vos souvenirs et d'agréer les souhaits ardents que je forme pour Votre parfait bonheur et contentement.

St. Pétersbourg, 15 Février 1812.
Alexandre.

La crainte de Vous importuner si souvent de mon écriture, Madame, aurait certainement imposé silence au besoin que j'éprouve de Vous remercier pour Votre aimable lettre du 12 Mars, si je ne me trouvais dans le cas de ne pas perdre un instant pour rectifier mes erreurs dans les quelles je suis tombé. Votre dernière lettre me fait croire que j'ai donné un sens absolument faux à la demande que Vous m'avez faite dans la première. J'avais compris que Vous me demandiez l'entrée d'ouvrages en dentelles des manufactures de m-r Votre mari. Ces objets défendus par le tarif, il m'a été impossible de m'y prêter, en contrevention des lois.

Mais par Votre dernière lettre, je vois qu'il ne s'agissait que d'un établissement d'une manufacture de dentelles en Russie et non de l'entrée de marchandises défendues, ce qui change tout à fait la chose, et, loin d'être empêché, demande au contraire d'être encouragé. Aussi en Vous demandant mille excuses de mon erreur, je m'empresse de Vous dire que rien ne s'oppose à un pareil désir de m-r Votre mari et que je suis prêt à y donner toutes les facilités possibles. Je regrette infiniment d'avoir si mal compris Vos intentions et c'est à Votre indulgence que j'ai recours.

L'espoir que Vous me donnez pour le mois de Juillet, hélas! est bien incertain. Les circonstances paraissent si guerrières que même si Vous tenez parole, je ne serai pas au nombre des heureux qui Vous verront à St. Pétersbourg, devant me trouver à mes frontières pour les défendre, à moins que Vous n'y prolongiez assez Votre séjour pour me donner le

Digitized by Google

temps d'y revenir, si toutefois je reste vivant. Dans tous les cas ce que je Vous demande instamment, c'est de me conserver une place dans Votre souvenir et de Vous persuader que le Vôtre et celui des moments qui j'ai passés avec Vous ne s'effaceront jamais de ma pensée.

Puissiez Vous être toujours aussi heureuse que je le désire et que Vous le méritez à tant de titres.

St. Pétersbourg, le 11 Mars 1812.
Alexandre.

Cette fois-ci, Madame, je prends la plume uniquement pour faire mon apologie, car j'ai l'apparence d'être coupable devant Vous sans l'être cependant réellement.

Les deux derniers jours que j'ai passés à Vienne ont été de veritables jours de tourments, soit à cause des circonstances militaires dans lesquelles nous nous trouvons, soit à cause de la clôture du Congrès et de nombreuses ratifications de traités qu'il a fallu signer dans ces deux jours, soit enfin à cause de toutes les visites d'étiquette dont-il fallu nécessairement s'acquitter avant de partir. J'ai été tellement surchargé d'affaires et de paperasses à lire que je n'ai eu la possibilité d'ouvrir Vos deux dernières lettres qu'après être parti de Vienne. Telle est l'exacte vérité et je regrette infiniment tous les embarras qui ont pu en résulter pour Vous, sans que pour cela j'y aye pu porter remède. Veuillez croire que j'en souffre sincèrement par tout l'intérêt réel que j'ai voué à tout ce qui Vous regarde et que Vous connaissez depuis si longtemps. Je joins ici ma réponse bien franche aux propositions de m-r Votre époux, que je Vous prie de lui remettre après l'avoir lue Vous-même. Agréez en même temps je Vous prie, Madame, mes hommages.

Heidelberg le 7 Juin 1815.

Je Vous prie, Madame, d'engager m-r Votre mari, de se rendre, demain à midi, chez le comte de Nesselrode, où je trouverai pareillement m-r Gervais. Je les ai chargés de traiter avec m-r S. l'affaire en question. Ne m'en voulez pas de grâce pour les retards qu'elle a éprouvés, mais il ne dépendait pas de moi de Vous les éviter, car j'ai dû indispensablement attendre le retour de Vienne de m-r Gervais qui n'a eu lieu que hier. Je veux du moins épuiser tous les moyens possibles pour ar-

Digitized by Google

ranger l'affaire, voulant Vous prouver combien je tiens à remplir Vos intentions. Agréez, je Vous prie, mes hommages.

Heidelberg, le 15 Juin 1815.

Je m'empresse, Madame, de Vous envoyer le crédit que Votre mari a désiré avoir sur Francfort $\frac{s}{M.}$ Je suis charmé d'avoir pu réussir à Vous être agréable. J'espérais pouvoir dans ma dernière lettre Vous expliquer franchement la seule cause qui m'a empêché de venir Vous voir ici et dans Votre dernier séjour à Vienne, mais le temps me manque absolument; je me réserve donc de le faire à Berlin ou à St. Pétersbourg, s'il plaît à Dieu. Recevez en attendant, je Vous prie, mes hommages et l'assurance de mon sincère attachement.

Dimanche matin.

C'est avec un véritable plaisir que j'ai appris, Madame, Votre arrivée. Ayant quelques moments à ma disposition, je Vous demande la permission de venir Vous voir ce soir à 9 heures. Je Vous présente en attendant mes hommages.

Samedi matin.

Je me trouve bien au regret, Madame, de devoir renoncer au plaisir que je me promettais en venant prendre le thé ce soir chez Vous. Mais il m'est survenu tant de papiers et de travail que je ne pouvais quitter mon bureau que dans la nuit.

J'espère être dédommagé un autre jour de cette privation. Je Vous envoye en attendant le thé que Vous avez bien voulu accepter de moi.

Recevez en même temps mes hommages respectueux.

Mardi soir.

Digitized by Google

Puis-je espérer, Madame, que Vous me permettrez, de venir prendre le thé chez Vous ce soir à la même heure que l'autre jour? Veuillez en attendant recevoir mes hommages respectueux.

Lundi matin.

ПЕРЕВОДЪ.

15-го сентября 1811 г.

Спѣшу исполнить ваше желаніе, препровождая вамъ паспортъ. Прошу васъ, въ то же время, принять мою искреннюю благодарность за прелестный кошелекъ, который я получилъ отъ васъ; какъ вещь вашей работы, онъ для меня чрезвычайно дорогъ. Мнѣ было бы еще пріятнѣе получить его изъ вашихъ прелестныхъ ручекъ; теперь же остается только хотя письменно заявить вамъ мое искреннее сожалѣніе по поводу того, что мнѣ не пришлось лично высказать вамъ мои пожеланія счастливаго пути и постояннаго благополучія.

Александръ.

Госпожѣ С....

15-го февраля 1812 г.

Я медлилъ такъ долго отвѣтомъ на ваше любезное письмо потому, что не хотѣлъ подвергать его случайностямъ пересылки по почтѣ, за то пользуюсь съ величайшимъ удовольствіемъ отправкою перваго курьера, ѣдущаго въ Берлинъ, чтобы вручить ему мое письмо. Я затрудняюсь выразить вамъ, какъ велико было удовольствіе. доставленное мнѣ вашимъ письмомъ и тѣми его выраженіями, въ какихъ вы вспоминаете о своемъ пребываніи въ Петербургѣ. Ежели время, проведенное въ этомъ городѣ, имѣетъ нѣкоторый интересъ для васъ, то можете судить, какъ цѣнятъ его люди, имѣвшіе счастіе бывать въ вашемъ обществѣ и какъ горячо они желаютъ какъ можно скорѣе воспользоваться вновь этимъ счастьемъ. Что касается меня, то оно мнѣ кажется столь великимъ, что я не смѣю и помышлять о немъ.

Почему судьбѣ было угодно, чтобы первый же разъ, какъ вамъ пришлось обратиться ко мнѣ съ какою-либо просьбою, я былъ, къ несчастію, не въ состояніи исполнить ваше желаніе. Но это противно законамъ, а я могу быть только ихъ вѣрнымъ исполнителемъ. Льщу себя надеждою, что вы оцѣните по справедливости тѣ побужденія, которыя

Digitized by Google

руководили мною, и не усомнитесь въ моей готовности услужить вамъ во всемъ, что только будетъ зависѣть отъ меня лично.

Оканчиваю эти строки просьбою оставить мнѣ уголокъ въ вашемъ воспоминаніи и принять самыя искреннія мои пожеланія вамъ полнѣйшаго счастья и удовольствія.

Александръ.

С.-Петербургъ. 11 марта 1812 г.

Боязнь быть докучливымъ столь частыми письмами, конечно, заставила бы меня побороть на сей разъ желаніе поблагодарить васъ за ваше любезное письмо отъ 12 марта, ежели бы мнѣ не предстояло, не теряя ни минуты, исправить сдѣланную мною ошибку. Я заключаю изъ послѣдняго вашего письма, что я понялъ совершенно превратно просьбу, съ которою вы обратились ко мнѣ въ вашемъ первомъ письмѣ. Я понялъ, что вы просили меня о пропускѣ кружевныхъ издѣлій съ фабрикъ вашего супруга. Такъ какъ ввозъ этихъ предметовъ воспрещенъ правилами тарифа, то я не имѣлъ возможности согласиться на это. вопреки закону.

Но изъ послѣдняго вашего письма я вижу, что рѣчь шла только объ учрежденіи фабрики кружевныхъ издѣлій въ Россіи, а не о ввозѣ запрещеннаго товара, что совершенно измѣняетъ дѣло, которое не только нельзя тормазить, но слѣдуетъ, напротивъ того, поощрять. Поэтому я приношу вамъ тысячу разъ извиненіе за свою ошибку и спѣшу увѣдомить васъ, что желаніе вашего супруга никоимъ образомъ не встрѣтитъ препятствій и что я готовъ оказать ему всякое содѣйствіе. Я чрезвычайно сожалѣю о томъ, что такъ превратно понялъ ваши намѣренія, и разсчитываю, въ этомъ случаѣ, на ваше снисхожденіе.

Надежда на свиданіе съ вами въ іюлѣ мѣсяцѣ, которую вы мнѣ подаете, къ сожалѣнію, весьма сомнительна. Обстоятельства, повидимому, настолько склоняются въ сторону войны, что даже ежели бы и сдержали слово, то я не былъ бы въ числѣ тѣхъ счастливцевъ, которые увидятъ васъ въ Петербургѣ, такъ какъ мнѣ придется быть на границѣ, для ея защиты; развѣ вы пробудете въ Петербургѣ такъ долго, что я успѣю вернуться туда, если только останусь живъ. Во всякомъ случаѣ, убѣдительно прошу васъ оставить мнѣ мѣстечко въ вашемъ воспоминаніи и быть вполнѣ увѣренной, что память о васъ и о времени, проведенномъ съ вами, никогда не изгладится изъ моихъ мыслей.

Дай Богъ вамъ пользоваться всегда тѣмъ счастіемъ, какого я вамъ желаю и котораго вы, по всей вѣроятности, заслуживаете.

Александръ.

Digitized by Google

Гейдельбергъ. 7 іюня 1815 г.

На этотъ разъ я берусь за перо единственно съ цѣлью сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе, такъ какъ, повидимому, виноватъ передъ вами, не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ. Послѣдніе два дня, проведенные мною въ Вѣнѣ, были для меня настоящимъ мученіемъ, какъ по причинѣ тѣхъ военныхъ событій, которыя мы переживали, такъ и по случаю закрытія конгресса и безчисленныхъ ратификацій трактатовъ, которые пришлось подписать за эти два дня, а также по причинѣ всѣхъ оффиціальныхъ визитовъ, которые мнѣ, разумѣется, было необходимо сдѣлать передъ отъѣздомъ. Я былъ до того заваленъ дѣлами и бумагами, подлежавшими прочтенію, что имѣлъ возможность вскрыть ваши два послѣднія письма уже только по отъѣздѣ изъ Вѣны. Это истинная правда, и я чрезвычайно сожалѣю, что это обстоятельство могло доставить вамъ столько хлопотъ, хотя я совершенно не былъ въ состояніи помочь этому. Будьте увѣрены, что это искренно огорчаетъ меня, такъ какъ я принимаю, какъ вамъ уже давно извѣстно, живое участіе во всемъ до васъ касающемся. Я прилагаю при семъ совершенно искренній отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя вашимъ супругомъ, который, прошу передать ему, предварительно прочитавъ, его. Прошу васъ принять, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Гейдельбергъ, 15 іюня 1815 г.

Прошу васъ передать вашему супругу, чтобы онъ отправился завтра въ полдень къ графу Нессельроде, гдѣ я застану также г. Жерве. Я поручилъ имъ переговорить съ г. С. объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ. Прошу васъ не сердиться на меня за происшедшую задержку; не отъ меня зависѣло устранить ее, такъ какъ мнѣ необходимо было дождаться возвращенія изъ Вѣны г. Жерве, который пріѣхалъ лишь вчера. Я постараюсь по крайней мѣрѣ употребить всѣ старанія къ тому, чтобы устроить это дѣло, желая доказать вамъ, какъ мнѣ пріятно исполнить ваше желаніе. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ почтеніи.

Воскресенье утромъ.

Спѣшу препроводить вамъ кредитивъ, который вашъ супругъ желалъ имѣть на-Франкфуртъ на-Майнѣ. Я въ восторгѣ, что мнѣ удалось сдѣ-

Digitized by Google

лать вамъ пріятное. Я разсчитывалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ высказать вамъ совершенно откровенно единственную причину, помѣшавшую мнѣ посѣтить васъ здѣсь и во время вашего послѣдняго пребынія въ Вѣнѣ, но, совершенно не имѣя свободнаго времени, полагаю исполнить это въ Берлинѣ или Петербургѣ, ежели Богу будетъ угодно. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ почтеніи и искренней преданности.

Суббота утромъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ я о вашемъ пріѣздѣ. Располагая нѣсколькими свободными минутами, я прошу у васъ позволенія посѣтить васъ сегодня вечеромъ въ 9 часовъ. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ почтеніи.

Вторникъ вечеромъ.

Къ крайнему моему сожалѣнію, мнѣ приходится отказаться отъ удовольствія пить сегодня вечеромъ чай у васъ. У меня случилось такъ много дѣла и разныхъ бумагъ, что пришлось пробыть за дѣломъ до поздней ночи.

Надѣюсь вознаградить себя за это лишеніе другой разъ. Пока посылаю вамъ чай, который вы желали имѣть.

Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Понедѣльникъ утромъ.

Могу ли я надѣяться, что вы дозволите мнѣ явиться сегодня вечеромъ къ вамъ на чай, въ тотъ же часъ, какъ и послѣдній разъ? Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Сообщилъ **А. Озеровъ.**

Digitized by Google

О выселеніи татаръ изъ Крыма въ 1860 году.

Записка генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена [1]).

Когда, въ 1886 году, издано было сочиненіе: «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. Н. Шильдера» (два тома), авторъ не имѣлъ въ рукахъ сообщаемой здѣсь записки. Поэтому, коснувшись вопроса о выселеніи татаръ, пришлось ограничиться слѣдующими строками (стр. 599):

«Въ 1860 году генералъ-адъютанту Тотлебену Высочайшимъ довѣріемъ поручено было весьма щекотливое дѣло по изслѣдованію вопроса о выселеніи крымскихъ татаръ. Тотлебенъ не сочувствовалъ мѣрѣ, затѣянной тогдашнимъ министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ; онъ въ этомъ вопросѣ также выступилъ противъ теченія и находилъ, что трудно замѣнить другими переселенцами 300.000 выселяемыхъ татаръ, удаленіе которыхъ приведетъ край къ экономическому упадку. Изучивъ въ подробности этотъ щекотливый вопросъ на мѣстѣ, Тотлебенъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе записку, въ которой съ полною откровенностью высказалъ свой взглядъ по дѣлу выселенія татаръ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Э. И. Тотлебена не сохранилось копіи этой записки, которая создала защитнику Севастополя не малое число новыхъ враговъ и поколебала даже надолго въ руководящихъ сферахъ вѣру въ его политическую проницательность и пониманіе русскихъ государственныхъ интересовъ».

Въ настоящее время С. П. Зыковъ, бывшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сотрудникомъ генералъ-адъютанта Тотлебена по изда-

[1]) Поголовное выселеніе татаръ изъ Крыма, по окончаніи восточной войны, обратило на себя вниманіе правительства, и генералъ-адъютантъ Тотлебенъ былъ посланъ для изслѣдованія дѣла.

*

Digitized by Google

нію сочиненія: «Описаніе обороны Севастополя», обязательно предоставилъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» сохранившуюся у него записку о выселеніи татаръ, лично переданную ему покойнымъ графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ.

Н. Ш.

Во время минувшей войны нѣкоторые случаи измѣны татаръ, часто представляемые мѣстными начальниками, въ преувеличенномъ, видѣ, привели къ тому убѣжденію, что татары, какъ иновѣрцы, враждебные Россіи, и впослѣдствіи при каждой войнѣ будутъ крайне опасны для успѣха нашего оружія, и что этотъ народъ, при свойственномъ ему фанатизмѣ, неспособности и отсутствіи всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, навсегда остановитъ будущее благоденствіе края, такъ долго задержаннаго имъ въ своемъ процвѣтаніи. Не говоря о томъ, что нерасположеніе татаръ къ русскимъ имѣло только весьма слабое вліяніе на наши неудачи, которыя, какъ извѣстно, происходили отъ многихъ другихъ, болѣе существенныхъ, причинъ, необходимо для основательнаго соображенія, въ какой степени существующее мнѣніе справедливо, привести обстоятельства, сопровождавшія измѣну татаръ, и, вникая во внутренній бытъ ихъ, вывести добросовѣстное заключеніе какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ качествахъ этого народа.

По полученіи извѣстія о высадкѣ союзниковъ, таврическій гражданскій губернаторъ послалъ чиновника Максимовича съ сотнею казаковъ для наблюденія за татарами въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

Максимовичъ съ казаками началъ наказывать и грабить во всѣхъ деревняхъ; казаки насильственнымъ образомъ оскорбляли женщинъ; въ деревнѣ Тшей засѣкли 7 человѣкъ и при этомъ объявляли, что, съ приходомъ изъ Россіи войскъ, всѣ татары будутъ перерѣзаны. Въ это время явилась прокламація маршала Сентъ-Арно, обѣщавшая татарамъ полное покровительство. 20 тыс. татаръ Евпаторійскаго уѣзда перешли къ союзникамъ.

Нѣкоторые татары пытались въ свою очередь ограбить помѣщиковъ, но подобныя дѣйствія не были одобрены массою народа, а составляли только исключеніе; грабители большею частью татарами

Digitized by Google

же были связаны и представлены русскому начальству для подверганія ихъ справедливому наказанію.

По прибытіи 4-го пѣхотнаго корпуса, который, не преслѣдуя татаръ, проходилъ черезъ Крымъ въ Севастополь, — татары успокоились, и большое число ихъ начало возвращаться изъ Евпаторіи, вѣроятно также и вслѣдствіе дурнаго обращенія съ ними турокъ или затрудненія прокормить ихъ въ Евпаторіи.

Обратное движеніе татаръ въ скоромъ времени было остановлено жестокими наказаніями, которымъ они подвергались въ отрядѣ генерала Корфа, гдѣ безъ всякаго разбирательства одинаково строго обращались какъ съ виновными, такъ и съ тѣми, которые, оставаясь вѣрными правительству, приводили и представляли виновныхъ начальству; тѣхъ и другихъ, безъ различія, наказывали нагайками и переселяли къ сѣверу отъ Перекопа.

Свѣдѣнія эти подтверждаются помѣщиками Евпаторійскаго уѣзда, которые предложили мнѣ для бо́льшаго убѣжденія въ истинѣ обратиться къ свиты Его Величества генералъ-маіору Волкову и генералъ-адъютанту князю Радзивилу, состоявшимъ при отрядѣ генерала Корфа.

Послѣ перехода союзниковъ на южную сторону, всѣ женщины благороднаго сословія, съ дѣтьми и имуществомъ, выѣхали 20-го сентября изъ Севастополя; большая часть ихъ вынуждена была нанимать проводниковъ и лошадей у татаръ. Вслѣдствіе слуховъ, распространенныхъ о татарахъ, онѣ со страхомъ оставили городъ, но всѣмъ извѣстно, что ни одна женщина не была оскорблена или ограблена,—татары доставили ихъ благополучно въ Симферополь и далѣе.

Когда въ Керчи, при неожиданномъ появленіи непріятельскаго флота и десанта, жители поспѣшно оставили городъ, увезя съ собою, что́ могли, они въ татарскихъ деревняхъ, оставленныхъ нашими войсками, не только не встрѣтили враговъ, но нашли въ нихъ пріютъ и пищу со свойственнымъ татарамъ гостепріимствомъ.

Нѣкоторые татары, оставшись въ Керчи, грабили вмѣстѣ съ турками и англичанами, но жители города, единогласно увѣряютъ, что въ грабежѣ участвовали изъ русскихъ подданныхъ не только татары, но и греки, армяне, евреи и русскіе.

Digitized by Google

Въ подтвержденіе этому они приводятъ, что послѣ войны многіе находили принадлежавшія имъ вещи у своихъ согражданъ и что вслѣдствіе множества жалобъ, возникшихъ по этому поводу, и совершенной невозможности изслѣдованія всѣхъ мелочныхъ обстоятельствъ, графъ Строгановъ сдѣлалъ распоряженіе оставить дальнѣйшія розысканія и въ неважныхъ дѣлахъ признать за собственность то, что́ у кого находится.

Татары, не находясь, со времени покоренія ихъ Россіею, въ прикосновеніи съ русскимъ населеніемъ, сохранили прежній свой патріархальный бытъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ свои дурныя качества, такъ и свои добродѣтели. Татары мало развиты умственно, но, съ другой стороны, по природѣ своей добры, весьма честны и всегда съ совершенною покорностью подчинялись всѣмъ требованіямъ и распоряженіямъ правительства. Въ небольшомъ числѣ городовъ въ Крыму, въ которыхъ проживаютъ русскіе, татары весьма съ ними сблизились, они хорошо говорятъ по-русски, начинаютъ понимать русскіе обычаи и учрежденія; между русскими и татарами незамѣтно никакой обоюдной ненависти, и простонародіе наше нынѣ чрезвычайно жалѣетъ объ уходѣ послѣднихъ.

Татары неспособны къ выполненію работъ, требующихъ большаго физическаго напряженія; это оказывается при работахъ желѣзной дороги, гдѣ они вырабатываютъ едва половину уроковъ противъ русскихъ; они ведутъ скромную жизнь, не имѣютъ большихъ потребностей, но жили всегда (въ особенности въ прежнее время) въ довольствіи.

Татары трезвы и не имѣютъ много праздниковъ; отличаются постоянствомъ и равномѣрнымъ распредѣленіемъ труда; общій результатъ ихъ дѣятельности былъ удовлетворителенъ; помѣщики въ этомъ отношеніи ими довольны и увѣряютъ, что по призыву татары исправно являлись въ сады и на поля, и что за ними весьма рѣдко только случалась остановка въ работѣ. Татары привозили въ города дрова, сѣно, мясо, овощи, фрукты, разныя деревянныя издѣлія, занимались выдѣлкою кожъ и друг. Жители городовъ говорятъ, что татары имъ доставляли все, въ чемъ они имѣли необходимость, и что они теперь во всемъ терпятъ нужду.

Честность татаръ замѣчательна; помѣщики не запираютъ свои

Digitized by Google

дома и довѣряютъ имъ доставку значительныхъ суммъ въ городъ; татары строго держатъ данное слово и при заключеніи какого-либо условія на доставку своихъ произведеній на извѣстную цѣну, они всегда выполняютъ свои обязанности въ срокъ, несмотря на значительное иногда, послѣ заключенія договора, возвышеніе цѣнъ и на то, что покупатели, не имѣя никакихъ письменныхъ документовъ, лишены возможности требовать законнымъ путемъ исполненія даннаго слова.

Татарское населеніе, не зная вообще русскаго языка и не имѣя на своемъ языкѣ перевода русскихъ законовъ и постановленій, находится въ совершенной зависимости отъ своеволія становыхъ приставовъ, исправниковъ, помѣщиковъ и чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ. Пользуясь тѣмъ, что татары привыкли вѣрить слову, ихъ часто заставляли подписывать бумаги, при совершенно превратномъ толкованіи этихъ документовъ, истинное значеніе коихъ татары узнавали лишь впослѣдствіи, иногда по истеченіи многихъ лѣтъ, когда законнымъ путемъ они лишались своей собственности.

Такимъ образомъ помѣщики, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, часто присвоивали себѣ земли, принадлежавшія татарамъ; а въ казенныхъ подрядахъ татарскія земли служили залогомъ безъ сознанія собственниковъ. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что 30 лѣтъ тому назадъ въ Крыму почти не было другихъ землевладѣльцевъ, кромѣ свободныхъ татаръ, и небольшаго числа лицъ, владѣвшихъ садами на южномъ берегу и въ долинахъ рѣкъ; между тѣмъ какъ теперь большая часть земли въ Крыму принадлежитъ помѣщикамъ, и живущіе на ней татары почти обращены въ крѣпостныхъ. Въ подтвержденіе того же можно привести дѣла Черноморскаго управленія, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и до настоящаго времени не оконченныя, и ходатайство по этимъ дѣламъ таврическаго дворянства и новороссійскаго генералъ-губернатора.

На южномъ берегу татары жалуются, что имъ не отпускаютъ лѣсъ на самыя необходимыя потребности, и что окружные начальники и ихъ помощники безпрестанно посылаютъ ихъ на работы, отъ коихъ они могутъ избавиться только часто повторяемою пла-

Digitized by Google

тою денегъ чиновникамъ министерства государственныхъ имуществъ.

Многіе помѣщики объясняютъ это обстоятельство слѣдующимъ образомъ:

Многіе лѣса, по наслѣдству или послѣ купли, принадлежали, какъ частная собственность, татарамъ, живущимъ на казенныхъ земляхъ, и они пользовались ими по своему усмотрѣнію, продавали дрова и употребляли лѣсъ для своихъ надобностей.

Когда же министерство государственныхъ имуществъ, въ видахъ сбереженія лѣсовъ, учредило опеку надъ лѣсами, то, вслѣдствіе этого распоряженія, татаринъ, владѣвшій лѣсомъ, какъ частною собственностію, вдругъ лишался права располагать своимъ имуществомъ потому, что онъ жилъ на казенной землѣ, и такимъ образомъ онъ дѣлался, вмѣстѣ съ имуществомъ, собственностію казны. Случалось, что участокъ лѣса, только-что купленный имъ изъ частныхъ рукъ, поступая подъ опеку палаты государственныхъ имуществъ, былъ назначаемъ для рубки тому или другому обществу.

Помѣщики говорятъ, что хотя правительство и имѣло въ виду благонамѣренную цѣль сохраненія лѣсовъ, но мѣра эта повела къ большимъ злоупотребленіямъ и возбудила въ Крыму ропотъ, подобно, какъ и то распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, которымъ всѣ общественныя земли были объявлены казенными землями, между тѣмъ какъ до того времени татарскія общества владѣли ими, какъ частною собственностію, и платили, на общемъ основаніи, съ общественныхъ земель тѣ же подати, какъ со всѣхъ частныхъ земель.

Въ какой степени эти показанія и жалобы справедливы, подлежитъ болѣе основательному изслѣдованію.

Независимо отъ всѣхъ выше приведенныхъ обстоятельствъ, хозяйство татаръ еще болѣе пострадало отъ тяжкихъ повинностей, которыя они по необходимости должны были нести во время минувшей войны.

Въ 1856 году въ Крыму распространилось извѣстіе о намѣреніи правительства выселять татаръ изъ Крыма во внутреннія губерніи; вслѣдъ затѣмъ въ Мелитополѣ была учреждена новая епархія, и по краю разнеслись слухи о перекрещеніи татаръ въ хри-

Digitized by Google

стіанскую вѣру; и послѣ,—за только-что совершившимся покореніемъ Дагестана,—во всѣхъ газетахъ было обнародовано объ учрежденіи общества, имѣвшаго цѣлію обращеніе магометанъ въ христіанскую вѣру (которое, впрочемъ, полагало обратить свою дѣятельность преимущественно на Кавказскій край).

При всѣхъ этихъ толкахъ еще пронеслась вѣсть, что татары наравнѣ съ жителями прочихъ губерній будутъ подвержены рекрутскому набору.

Наконецъ, переселеніе въ Турцію ногайцевъ съ Кавказа, которые проходили чрезъ Керченскій полуостровъ и въ Керчи и въ Ѳеодосіи сажались на корабли, невольно возбудило въ татарахъ желаніе послѣдовать за своими единовѣрцами въ Турцію. Очевидно, что совокупность всѣхъ выше приведенныхъ предшествующихъ причинъ и современныхъ обстоятельствъ была достаточна, чтобы въ короткое время поднять все татарское населеніе Крыма безъ возбужденія въ немъ особеннаго фанатизма, которому многіе единственно приписываютъ стремленіе татаръ къ выселенію, говоря, что по корану всѣ единовѣрцы должны соединиться, если къ тому представляется какая-либо возможность; но по приказанію губернатора разсмотрѣно содержаніе корана, въ которомъ подобный законъ не оказался.

Въ мартѣ сего года начальникъ Таврической губерніи сообщилъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія гг. министровъ о татарахъ, желающихъ переселиться въ Турцію, и отзыва г-на министра государственныхъ имуществъ по вопросу о ногайцахъ, отнюдь не должно отклонять татаръ и ногайцевъ отъ желанія переселиться, но обратить все вниманіе на выдачу имъ безпрепятственно свѣдѣній, необходимыхъ для полученія заграничныхъ паспортовъ, и проч. и проч.;—къ этому присовокупили, что еще въ 1856 году, когда вскорѣ послѣ войны доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія объ уходящихъ за границу татарахъ, Его Величество изволилъ отозваться, что не только не слѣдуетъ стѣснять татаръ въ переселеніи, а разсматривать представляющійся случай весьма благопріятнымъ для освобожденія отъ нихъ края; и въ сихъ видахъ новороссійскій генералъ-губернаторъ подтвердилъ вновь дозволить переселеніе татаръ отдѣльными семействами, пользуясь обрядами паспортнаго

Digitized by Google

устава, сопряженными съ промедленіемъ времени, какая мѣра должна вести къ постепенному переселенію и отнюдь не къ стѣсненію и охлажденію желанія татаръ и ногайцевъ выселяться.

Распоряженіе съ объявленіемъ отзыва государя императора, послѣдовавшаго еще въ 1856 г., было передаваемо слово въ слово, какъ видно изъ представляемаго при семъ предписанія за № 323, даннаго 28-го марта сего года Алуштинскому сельскому правленію, не только окружнымъ, но и всѣмъ волостнымъ и сельскимъ правленіямъ, и подписывалось даже волостными головами изъ татаръ.

Хотя подобное дѣйствіе и произошло неумышленно, на основаніи принятаго порядка дѣлопроизводства, но нельзя не сознаться, что Высочайшая воля и высшая правительственная мѣра должны были служить руководствомъ для дѣйствій только начальника губерніи, а не быть объявляемы всѣмъ низшимъ инстанціямъ и даже татарамъ, ибо постепенное, медленное переселеніе татаръ, при неизбѣжномъ сближеніи остающейся части съ прибывающимъ русскимъ населеніемъ, имѣло бы современемъ благодѣтельныя послѣдствія для края, совершенно противныя тому, что́ оказывается теперь вслѣдствіе внезапной эмиграціи.

Татары приняли это какъ принудительную мѣру къ выселенію, полагая, что они навсегда потеряли милость царя.

Воспослѣдовавшій вскорѣ, противъ всякаго ожиданія, быстрый уходъ татаръ былъ еще значительно ускоренъ злоупотребленіями со стороны земской полиціи, чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ и нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Переселеніе татаръ доставляло многимъ изъ этихъ лицъ значительныя денежныя выгоды, и потому придумывали всякаго рода притѣсненія и снова распустили слухи о переводѣ татаръ во внутреннія губерніи, обращеніи ихъ въ христіанство, подверженіи рекрутскому набору и проч. Особенно не добросовѣстно съ татарами поступали греки;— изъ Россіи пріѣзжали аферисты, и всѣ ихъ дѣйствія были направлены къ тому, чтобы, выживая татаръ изъ Крыма, пріобрѣсти земли ихъ за безцѣнокъ.

Чиновники министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ съ жадностью соперничали между собою въ пріобрѣтеніи по возможности большихъ доходовъ. Главнымъ источни-

Digitized by Google

комъ доходовъ ихъ были простота и покорность татаръ и совершенное незнаніе ими законныхъ формальностей, соблюдаемыхъ при продажѣ имуществъ и испрашиваніи заграничныхъ паспортовъ. Такимъ образомъ паспортъ, который по закону стоитъ 2 р., обходится татарамъ до 25 р. Объ этихъ злоупотребленіяхъ открыто говорятъ во всѣхъ мѣстахъ Крыма, и самъ губернаторъ меня увѣрялъ, что всѣ принятыя имъ мѣры, какъ-то увольненіе чиновниковъ отъ службы и друг., оставались неуспѣшными. Кромѣ того, губернаторъ мнѣ лично говорилъ, что, замѣтивъ еще весною сего года, по соображенію всѣхъ выше приведенныхъ обстоятельствъ и по большому числу паспортовъ, выданныхъ татарамъ въ короткое время, — что выселеніе татаръ совершается слишкомъ быстро, и что край тѣмъ неминуемо будетъ разоренъ, — просилъ утвержденія ограничиться выдачею паспортовъ только одной десятой части татарскаго населенія, но что онъ на это не получилъ никакого разрѣшенія; и только впослѣдствіи отъ министерства государственныхъ имуществъ ему сдѣланъ былъ запросъ: ограничился ли онъ выдачею паспортовъ одной только десятой части? На это онъ отвѣчалъ, что, не получивъ разрѣшенія, онъ не могъ остановить выдачу паспортовъ, и что между тѣмъ уже болѣе одной десятой части татаръ вышло, и что при настоящихъ обстоятельствахъ, по его мнѣнію, необходимо принять за предѣлъ выдачу паспортовъ одной пятой части этого населенія. Когда же, въ ожиданіи разрѣшенія его ходатайства, губернаторъ временно остановилъ выдачу паспортовъ, то вслѣдствіе того домъ его былъ осаждаемъ огромнымъ числомъ татаръ, которые всѣ убѣдительно просили о выдачѣ паспортовъ, говоря, что они продали свое имущество, или что они отправили близкихъ родныхъ и не могутъ не послѣдовать за ними. Затѣмъ опять послѣдовало предписаніе не препятствовать выселенію татаръ. Всѣ эти обстоятельства поставили губернатора въ крайне затруднительное положеніе.

Въ августѣ прибылъ въ Крымъ директоръ перваго департамента министерства государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гернгросъ, для принятія мѣръ къ заселенію владѣльческихъ земель. Г-нъ Гернгросъ, не вникнувъ вѣроятно въ обстоятельства края и въ бытъ татаръ, въ нѣсколько дней объѣхалъ часть

Digitized by Google

Крыма и вездѣ выражалъ мнѣніе о безполезности татарскаго населенія и необходимости не останавливать его выходъ; равно, что населеніе края можетъ быть произведено въ короткое время, и что министерствомъ государственныхъ имуществъ къ тому уже приняты всѣ мѣры.

Въ собраніи уѣздныхъ предводителей дворянства и дворянъ, приглашенныхъ губернаторомъ, онъ объявилъ: что государь императоръ полагаетъ счастливою случайностію выселеніе татаръ, съ которымъ возстановляется будущее благоденствіе края, такъ долго задержаннаго въ своемъ процвѣтаніи. Татаринъ Мехметъ-Бей-Балатуховъ, владѣтель 40 т. десятинъ земли и человѣкъ весьма преданный престолу, отецъ котораго въ 1812 году командовалъ татарскими полками, выслушавъ эти слова, записалъ ихъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ, такъ ли онъ понимаетъ, сказалъ: «послѣ этого и я долженъ оставить Россію!»

Г-на Гернгроса,—облеченнаго, какъ полагали, особенною властію,—трудно было убѣдить, что, при современномъ положеніи дѣлъ въ Крыму, казалось бы, его обязанность состояла преимущественно въ основательномъ изученіи мѣстныхъ обстоятельствъ, для предложенія соотвѣтственныхъ мѣръ къ населенію края, а не въ ускореніи выхода татаръ, который безъ того совершался быстрѣе, чѣмъ правительство могло желать.

Многіе помѣщики, вполнѣ понимающіе дѣло, но менѣе свѣтски образованные, не были въ состояніи опровергнуть убѣжденія г-на Гернгроса, составившіяся вдали отъ Крыма, безъ надлежащихъ основательныхъ свѣдѣній о положеніи края и о крайнемъ затрудненіи замѣнить выходящихъ татаръ съ достаточною быстротою.

Г-нъ Гернгросъ, убѣдившись наконецъ въ томъ, что дѣйствія его въ первые дни пребыванія въ Крыму не соотвѣтствовали потребностямъ края,—отношеніемъ отъ 26-го августа за № 30-мъ, просилъ губернскаго предводителя дворянства объявить по всѣмъ уѣздамъ циркуляръ.

Подобное распоряженіе могло бы дѣйствительно принести существенную пользу, если бы оно было сдѣлано въ свое время, то-есть, когда едва начинало обнаруживаться движеніе татаръ, но въ концѣ августа, когда татары, вслѣдствіе всѣхъ слуховъ, распро-

Digitized by Google

страненныхъ между ними людьми неблагонамѣренными, и всѣхъ стѣсненій и обидъ, ими перенесенныхъ, окончательно потеряли всякое довѣріе къ правительственнымъ мѣстамъ,—циркуляръ этотъ не произвелъ болѣе никакого впечатлѣнія. Татары продолжали выселяться толпами, они со слезами прощались со своею родиною, унося землю съ могилъ своихъ отцовъ, спокойно и безропотно проходили чрезъ край и садились на суда, подчиняясь всѣмъ какъ законнымъ, такъ и незаконнымъ требованіямъ начальства съ удивительною кротостью и покорностью.

Будучи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца свидѣтелемъ этого необыкновеннаго событія, я нигдѣ не слыхалъ ни малѣйшей жалобы на татаръ, не было ни одного случая буйства, воровства или драки, которые при подобномъ движеніи цѣлаго народа казались бы неизбѣжными. Всѣ смотрѣли на выѣзжающихъ татаръ съ невольнымъ состраданіемъ и съ сожалѣніемъ.

На вопросъ, зачѣмъ вы уходите? татары отвѣчали:

«Не знаю».

«Надо выходить».

«Помѣщикъ дурной».

«Если позволяютъ уходить, то это значитъ—слѣдуетъ уходить».

«Коли одинъ пошелъ, то всѣ должны идти».

«Окружной обижаетъ».

«До царя далеко, до неба высоко».

Старики добродушно говорили: «мы 60-ть лѣтъ ѣли русскій хлѣбъ, дай Богъ здоровье царю».

Генералъ-губернаторъ и губернаторъ въ сентябрѣ, при объѣздѣ края, собирали татаръ и сами объясняли имъ, что ихъ отнюдь не вытѣсняютъ; татары принимали это съ благодарностью и нѣкоторые объявляли, что они останутся, но на это впредь нельзя разсчитывать, потому что многіе изъ числа ихъ вскорѣ послѣ того ушли.

Въ сентябрѣ, исправляющій должность таврическаго губернскаго предводителя дворянства представилъ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«По случаю внезапнаго и быстраго выселенія татаръ съ Крымскаго полуострова, былъ чрезвычайный съѣздъ дворянъ, на которомъ постановлено: принести всеподданнѣйшую просьбу государю

Digitized by Google

императору, которою испрашивалось Высочайшее соизволеніе на заселеніе помѣщичьихъ имѣній свободными людьми изъ внутри имперіи и изъ-за границы, съ дарованіемъ новымъ поселенцамъ разныхъ льготъ».

«Между тѣмъ прибывшій директоръ 1-го департамента министерства государственныхъ имуществъ предложилъ Высочайше утвержденныя правила для заселенія владѣльческихъ земель въ Крыму государственными крестьянами изъ ближайшихъ малоземельныхъ губерній. Для обсужденія этого предположенія, назначены были уѣздные съѣзды землевладѣльцевъ, на которыхъ состоялись постановленія, представленныя ему же, г-ну директору».

«Принимая эту мѣру какъ первое пособіе и какъ залогъ отеческой заботливости монарха о краѣ, землевладѣльцы просятъ меня повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества глубочайшую и вѣрноподданническую благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тою же вѣрноподданническою откровенностію, осмѣливаются просить— чрезъ посредство вашего высокопревосходительства заявить государю императору о необходимости тѣхъ пособій и милостей, безъ которыхъ скорое и прочное заселеніе края, по убѣжденію ихъ, невозможно».

«Вотъ какъ мнѣ представлена землевладѣльцами картина настоящаго положенія края».

«Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ около 100 тысячъ ревизскихъ душъ сельскаго населенія оставили полуостровъ; быть можетъ отчасти движимые фанатизмомъ, но болѣе подвинутое къ переселенію нѣкоторыми неудачными распоряженіями административныхъ мѣстъ».

«Вся степная часть полуострова представляетъ уже видъ пустыни: села безъ жителей, поля не вспаханы, и нѣтъ сомнѣнія, что съ будущею весною и горная часть, въ которой движеніе татаръ относительно къ степной еще мало замѣтно, представитъ ту же пустынную картину».

«Потери, понесенныя правительствомъ и частными владѣльцами, огромныя цифры уже теперь представляютъ цифру потерь, понесенныхъ въ минувшую войну. Будущность имъ представляется еще ужаснѣе, и не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году, владѣльцы и остающаяся часть населенія не въ состояніи будутъ исполнять ни де-

Digitized by Google

нежной, ни натуральной повинностей. Доказательствомъ потерь частныхъ владѣльцевъ служитъ упадокъ цѣнъ на поземельную собственность съ 20 на 6 и на 3 руб. за десятину».

«Едва-ли самая кровопролитная война, общій голодъ, или моровая язва могли бы въ столь короткое время обезлюдить край, какъ его опустошило самою администраціею ускоренное переселеніе татаръ. Одно только заселеніе страны съ такою же быстротою, съ какою она опустѣла, могло бы спасти ихъ и правительство отъ угрожающихъ убытковъ и бѣдствій. Замѣнить ушедшихъ въ четыре мѣсяца татаръ такимъ же числомъ казенныхъ крестьянъ и въ столько же времени, во сколько первые вышли, невозможно въ самое благопріятное время безъ огромныхъ пожертвованій и въ людяхъ и въ деньгахъ, а тѣмъ болѣе въ настоящее позднее время, не сбыточно».

«Не менѣе важно и то обстоятельство, что предполагаемое переселеніе не можетъ быть успѣшно, ибо едва-ли казенный поселянинъ согласится добровольно идти на помѣщичью землю, если ему будутъ предоставлены льготы, едва выходящія изъ предѣловъ тѣхъ, которыя по существующимъ узаконеніямъ даруются при переселеніи на казенныя земли».

«Разумная постепенность при выселеніи татаръ, замѣняя число выходящихъ числомъ новоприбывающихъ, была бы мѣрою, которая могла, четыре мѣсяца тому назадъ, отстранить край отъ гибельнаго и внезапнаго опустошенія, но эта мѣра не была принята, и страшившее владѣльцевъ бѣдствіе совершилось».

«Въ исключительномъ положеніи края и владѣльцевъ и самыя мѣры и пособія не могутъ не быть исключительными. Привлечь на пустынныя земли 100 тысячъ сельскаго населенія можно только дарованіемъ льготъ широкихъ, безъ которыхъ окончательное разореніе владѣльцевъ неизбѣжно».

«При этомъ убѣжденіи и твердомъ упованіи въ неизреченныя щедроты монарха, владѣльцы земель просятъ о нижеслѣдующемъ:

«1) О дарованіи всѣмъ поселенцамъ на владѣльческихъ земляхъ льготъ, вдвое противъ тѣхъ, кои назначены для казенныхъ поселянъ, имъ предложенныхъ».

«2) О распространеніи тѣхъ самыхъ льготъ для иностран-

Digitized by Google

цевъ, переселяющихся на полуостровъ, исключая рекрутской повинности, отъ которой колонисты избавлены навсегда».

«3) Допустить выпускъ татаръ горной части постепенно, въ томъ вниманіи, что настоящее населеніе можетъ быть успѣшно замѣнено другимъ только тогда, когда новые переселенцы соединятъ въ себѣ всѣ условія татарскаго населенія, т. е. привычку къ горной мѣстности и знаніе садоводства и винодѣлія».

«4) Такъ какъ столь важная въ Крыму садовая промышленность находилась преимущественно въ рукахъ городскихъ обывателей изъ туземнаго сословія, то распространить на купцовъ и мѣщанъ, вновь поселяющихся въ крымскихъ городахъ, тѣ льготы, которыми нынѣ пользуется г. Севастополь».

5) «Объ исходатайствованіи денежныхъ ссудъ подъ залогъ земель и разсрочки долговъ на большіе сроки землевладѣльцамъ, какъ пособія, безъ котораго большинство помѣщиковъ не въ состояніи не только водворить на земли свои, какое бы то ни было населеніе, но и приступить къ вольнонаемному труду».

«и 6) Распространить на незаселенныя крымскія имѣнія право перезалога на 35-лѣтній срокъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія Высочайше утверждены въ Положеніи комитета министровъ 9 августа сего года, относительно населенныхъ имѣній въ имперіи, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ».

«Съ своей стороны считаю долгомъ заявить вашему высокопревосходительству, что положеніе землевладѣльцевъ, связанное тѣсно съ гибельнымъ положеніемъ края, нисколько не преувеличено. Землевладѣльцы ясно понимаютъ свое грустное настоящее положеніе и далеко не обольщаются надеждами на скорое улучшеніе онаго, вполнѣ сознавая, что для поселенія новыхъ переселенцевъ, въ замѣнъ 100 тысячъ вышедшаго населенія, даже и при содѣйствіи правительства и при предоставленіи особенныхъ льготъ, нужно много времени и средствъ. Настолько же они, какъ и я, убѣждены, что отстранить окончательное разореніе ихъ земель, лишая ихъ остальныхъ рабочихъ рукъ, возможно лишь постепеннымъ выпускомъ татаръ, еще не вышедшихъ. преимущественно въ горной части. Не менѣе того, какъ ни велико бѣдствіе землевладѣльцевъ, но они не упа-

Digitized by Google

дают духомъ, проникнутые одною общею мыслью—упованіемъ въ щедроты своего отца государя».

«Въ виду совершившагося, не смѣя отвергнуть просьбы землевладѣльцевъ, я, по званію своему и по убѣжденію найти въ вашемъ высокопревосходительствѣ самый близкій путь къ заявленію настоящей просьбы Его Императорскому Величеству, имѣю честь почтительнѣйше просить васъ, отъ имени всѣхъ владѣльцевъ, быть ихъ ходатаемъ у Августѣйшаго монарха». Подлинное подписалъ исправляющій должность таврическаго губернатора, симферопольскій уѣздный предводитель дворянства Ревеліоти.

Приведенный рапортъ губернскаго предводителя представляетъ совершенно вѣрно и безъ преувеличенія настоящее положеніе края и безнадежность въ возможности скораго населенія его, безъ дарованія широкихъ льготъ и особенныхъ милостей.

Графъ Строгановъ считаетъ остановленіе переселенія татаръ невозможнымъ; вполнѣ признаетъ, что страна остается пустынею, содержаніе почтъ крайне затруднительно, натуральныя повинности не на кого возложить, что помѣщики разорены и сообщенія по краю сдѣлаются опасными.

Полезнѣйшею мѣрою для оживленія края графъ считаетъ переселеніе иностранцевъ и преимущественно нѣмцевъ.

Губернаторъ полагаетъ, что прекращеніе выселенія татаръ будетъ сопряжено съ необыкновенными затрудненіями.

Г-нъ Гернгросъ находитъ, что выпускъ всѣхъ татаръ изъ Крыма обезпечитъ будущее благоденствіе края, и что остановить татаръ въ случаѣ надобности можно только по сношенію съ турецкимъ правительствомъ и съ согласія послѣдняго не принимать болѣе татаръ, желающихъ переселиться въ Турцію.

По общему же мнѣнію всѣхъ образованныхъ сословій въ Крыму, необходимо рѣшительными мѣрами остановить переселеніе татаръ, для предупрежденія окончательнаго разоренія края, на неопредѣленное время.

Населеніе одной степной части встрѣтитъ необыкновенныя препятствія. Въ странѣ безлѣсной и безводной, гдѣ горькосоленая вода достается изъ небольшаго числа колодцевъ и собирается послѣ дождя изъ лужъ, только и могли жить татары, которые въ теченіе

Digitized by Google

нѣсколькихъ столѣтій привыкли къ этой мѣстности и довольствовались самыми необходимыми потребностями жизни. Едва-ли русскіе или иностранцы будутъ въ состояніи существовать на этой мѣстности, и если впослѣдствіи это и окажется возможнымъ, то сколько до того времени потребуется жертвъ въ людяхъ и денежныхъ средствъ.

Въ Крыму всего осталось отъ 30 до 40 тысячъ татаръ, изъ коихъ большая часть находится въ южной части полуострова, преимущественно на южномъ берегу, гдѣ только одна пятая часть переселилась въ Турцію. Замѣнить татаръ, занимающихся издавна садоводствомъ и винодѣліемъ,—невозможно безъ совершеннаго упадка этой части сельской промышленности. Какое продолжительное время потребуетъ замѣна слишкомъ 100 тысячъ выходцевъ новымъ населеніемъ? Можно ли при этомъ выпустить остальныхъ 30 или 40 тысячъ?

Болѣе четырехъ пятыхъ земель Таврической губерніи принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ, и казенныя земли преимущественно находятся въ сѣверной части губерніи. Опасеніе дворянства нынѣ уже оправдывается; 600 русскихъ переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, прибывшіе благополучно въ Перекопъ, всѣ отказываются поселиться на помѣщичьихъ земляхъ: несмотря на всѣ увѣщеванія г-на Гернгроса, они говорятъ, что были царскими и не хотятъ сдѣлаться господскими. Г-нъ Гернгросъ, познакомившись болѣе съ мѣстными обстоятельствами, нынѣ уже началъ признавать многія трудно преодолимыя препятствія, съ которыми будетъ сопряжено населеніе владѣльческихъ земель; онъ мнѣ говорилъ, что нужно предварительно ограничиться населеніемъ казенныхъ земель государственными крестьянами, что помѣщики тогда будутъ нанимать работниковъ изъ государственныхъ крестьянъ; въ этомъ, кажется, мало утѣшительнаго!

Какая доля избытка трудовъ казенныхъ крестьянъ, послѣ обработки государственныхъ земель, находящихся почти исключительно въ сѣверной части Таврической губерніи, можетъ быть предоставлена землямъ частныхъ владѣльцевъ, составляющимъ, какъ выше упомянуто, болѣе четырехъ пятыхъ всѣхъ земель и находящимся большею частью въ весьма значительномъ отдаленіи отъ первыхъ? Какую

Digitized by Google

пользу можно ожидать отъ 3.000 войска, предназначеннаго въ Крымъ для спасенія владѣльцевъ отъ совершеннаго разоренія?

Временная мѣра эта, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, конечно, весьма полезна, но совершенно недостаточна и, вѣроятно, правительство впослѣдствіи не согласится отвлекать войска отъ прямаго ихъ назначенія.

Сознавая вполнѣ свою неопытность въ совершенно новомъ для меня гражданскомъ дѣлѣ и то обстоятельство, что я только одинъ мѣсяцъ провелъ въ Крыму, въ теченіе котораго я преимущественно былъ занятъ обязанностями по своей спеціальности, не менѣе того считаю долгомъ представить тѣ убѣжденія, къ которымъ я пришелъ послѣ внимательнаго наблюденія края и собранія свѣдѣній отъ лицъ всѣхъ сословій, которыя говорили со мною совершенно откровенно, не зная о данномъ мнѣ порученіи и видя только мои занятія и распоряженія по инженерной части.

Слѣдующія мѣры кажутся мнѣ наиболѣе соотвѣтствующими настоящему положенію края:

1) Необходимо остановить переселеніе татаръ.

Если правительство имѣло причины опасаться татарскаго населенія въ Крыму въ случаѣ новой войны, или находить татаръ неспособными для развитія успѣховъ земледѣлія, то виды правительства въ настоящее время уже исполнились выходомъ почти трехъ четвертей всего населенія и тѣмъ, что оставшаяся малая часть его, занимающаяся преимущественно садоводствомъ, вполнѣ полезна и даже трудно замѣнима въ этой отрасли сельскаго хозяйства, и потому единственнымъ средствомъ, для предупрежденія совершеннаго опустошенія края, остается прекращеніе выдачи паспортовъ, не взирая на многія неизбѣжныя затрудненія, которыя повлечетъ за собою подобное распоряженіе. Затрудненія преимущественно будутъ состоять въ томъ, что нѣкоторые татары уже продали свои имѣнія, другіе захотятъ послѣдовать за своими родственниками, находящимися уже въ Турціи; наконецъ, не легко будетъ воспрепятствовать въ выдачѣ чиновниками паспортовъ заднимъ числомъ и другимъ незаконнымъ дѣйствіямъ. Но взвѣшивая послѣдствія отъ выхода всѣхъ татаръ и отъ запрещенія выселенія оставшихся, крайность заста-

Digitized by Google

вляетъ выбрать изъ двухъ золъ меньшее [1]), тѣмъ болѣе, что именно въ настоящее время представляется наивыгоднѣйшій моментъ для задержанія татаръ. Сообщеніе по Черному морю, какъ извѣстно, зимою прекращается, но дѣлается опаснымъ отъ декабря до конца марта. Притомъ въ это время года водвореніе новыхъ поселянъ крайне неудобно, и потому переселеніе татаръ временно само собою пріостановится.

Оставшіеся до настоящей поры въ Крыму татары, вообще, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: первая готовилась выѣхать въ этомъ году,—она выѣдетъ, ее остановить невозможно; вторая категорія намѣревается оставить Крымъ весною и лѣтомъ будущаго года; очевидно, что, имѣя въ виду прожить зиму въ Россіи, ей было бы невыгодно продавать свое имущество слишкомъ заблаговременно. Изъ этого явствуетъ, что въ послѣдней категоріи могутъ быть только частные случаи преждевременной продажи земель и разъединенія семействъ; притомъ тѣ татары, которые дѣйствительно продали свои имѣнія и вынуждены будутъ остаться, могутъ взамѣнъ ихъ купить новыя земли за недавно вырученныя деньги; потери, конечно, въ этомъ случаѣ неизбѣжны, но что́ ожидаетъ татаръ при новомъ водвореніи ихъ въ Турціи? Изъ отзыва многихъ татаръ на южномъ берегу и въ Бахчисараѣ видно, что они охотно останутся въ случаѣ запрещенія переселенія, но что считаютъ долгомъ уходить, когда правительство ихъ выпускаетъ.

По всѣмъ этимъ доводамъ, слѣдовало бы заблаговременно объявить всему татарскому населенію, оставшемуся въ Крыму, что съ 15 декабря выдача паспортовъ прекращается.

2) Такъ какъ татары, вслѣдствіе злоупотребленій помѣщиковъ и мѣстныхъ начальствъ, изъ прежняго свободнаго состоянія—потерявъ постепенно свою собственность,—поступили въ совершенную зависимость отъ помѣщиковъ, то они заслуживаютъ особеннаго покровительства правительства, подобнаго тому, которое имъ ока-

---

[1]) При выходѣ оставшихся отъ 30 до 40 т. татаръ, край окончательно опустѣетъ, садоводство и винодѣліе надолго погибнутъ, государство потеряетъ значительный капиталъ вещественный и производительный и, кромѣ того, будетъ вынуждено употребить огромный капиталъ для водворенія отъ 30 до 40 т. новыхъ поселенцевъ.

Digitized by Google

зывалъ покойный князь Воронцовъ во время своего управленія краемъ [1]).

3) Государственныя земли населять казенными крестьянамисогласно предположенію министерства государственныхъ имуществъ.

4) Такъ какъ государственные крестьяне не соглашаются поселиться на помѣщичьихъ земляхъ на нынѣ предложенныхъ условіяхъ, и при томъ помѣщики Таврической губерніи не имѣютъ капиталовъ для населенія своихъ земель собственными средствами, то необходимо:

а) Оказать имъ со стороны правительства содѣйствіе, предоставляя новымъ поселенцамъ на помѣщичьихъ земляхъ значительно большія льготы, чѣмъ на казенныхъ земляхъ.

б) Предоставить помѣщикамъ при заселеніи своихъ земель какъ русскими, такъ и иностранцами, болѣе свободы дѣйствія, ограничивая ихъ только самыми необходимыми основными постановленіями и оказывая со стороны правительства всевозможное содѣйствіе во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ, въ которыхъ они могутъ встрѣтить препятствія, и

в) Способствовать помѣщикамъ въ пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ. Но такъ какъ прямыя денежныя ссуды весьма тягостны и невыгодны для правительства, то предложить опытнѣйшимъ въ финансовомъ дѣлѣ людямъ изыскать средства для доставленія землевладѣльцамъ кредита, котораго они при настоящемъ положеніи края совершенно лишены.

5) При водвореніи новыхъ поселянъ обязать помѣщиковъ немедленно обезпечить переселенцамъ тѣ выгоды, которыя нынѣ предполагается предоставить крестьянамъ для улучшенія ихъ быта.

6) Освободить поселенцевъ изъ иностранцевъ отъ рекрутскихъ наборовъ.

Принципъ этотъ, можетъ быть, нельзя принять для цѣлаго государства, но для Крыма необходимо сдѣлать исключеніе, принимая во вниманіе настоящее положеніе края и необыкновенныя затрудненія, съ которыми сопряжено его населеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса, кажется, не слѣдуетъ останавливаться, принимая въ сообра-

[1]) Татары говорятъ: „Воронцовъ ушелъ и татаръ пропалъ“.

Digitized by Google

женіе, что современныя обстоятельства вынудили послать изъ Россіи войска въ Крымъ для земледѣльческихъ работъ, и что прежнее татарское населеніе было освобождено отъ рекрутскихъ наборовъ.

Если даже предположить, что 100 т. выходцевъ будутъ замѣнены 80 т. иностранцевъ, то это населеніе впослѣдствіи усилило бы нашу армію не болѣе, какъ однимъ баталіономъ; но не пріобрѣтетъ ли армія болѣе выгодъ и средствъ отъ благосостоянія края, въ которомъ въ настоящее время всякое движеніе войскъ почти невозможно.

7) Отстранить не только затрудненія, но облегчить всѣми мѣрами самый переѣздъ иностранцевъ въ Россію и водвореніе ихъ на мѣстѣ.

Сюда слѣдуетъ отнести возможное уменьшеніе всѣхъ формальностей, сопряженныхъ съ переселеніемъ иностранцевъ, и содѣйствіе морскихъ перевозныхъ средствъ, которыми и правительство можетъ располагать.

Генералъ-адъютантъ **Тотлебенъ.**

14 ноября 1860 г.

Сообщилъ С. П. Зыковъ.

Digitized by Google

Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочиненій Гоголя.

Къ числу искреннѣйшихъ почитателей Гоголя, не только какъ писателя, но и какъ человѣка, принадлежала, между прочимъ, Александра Осиповна Ишимова, прославившаяся педагогическими трудами и изданіями, изъ которыхъ, кромѣ ея «Русской исторіи для дѣтей», наибольшей извѣстностью пользовался очень распространенный въ свое время дѣтскій журналъ «Звѣздочка». Мы не можемъ опредѣлить точно, когда именно началось знакомство Ишимовой съ Гоголемъ, но, вѣроятно, не позже 1840—1841 годовъ, такъ какъ въ 1842 году Гоголь всего на нѣсколько дней заѣзжалъ въ Петербургъ, а между тѣмъ во время изданія «Переписки съ друзьями» Ишимова относилась къ нему, какъ къ старому знакомому. Посредникомъ въ ихъ письмахъ и иныхъ сношеніяхъ былъ всегда П. А. Плетневъ, почему надо думать, что у него-то они познакомились и встрѣчались. Знакомство было, впрочемъ, довольно поверхностное и во всякомъ случаѣ не короткое.

Когда печаталась «Переписка съ друзьями», Плетневъ, несмотря на строжайшее запрещеніе автора, показывалъ многимъ знакомымъ корректурные листы книги, и въ томъ числѣ не только Ишимовой, что̀ и не скрывалось отъ Гоголя, но и совершенно незнакомому ему П. А. Кулишу. Послѣдній въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» говоритъ по этому поводу: «Книга произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его ведутъ въ огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ всепожигающимъ потокомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣнье; вездѣ загадочное, повидимому безпорядочное и зловѣщее движеніе. Ка-

Digitized by Google

жется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикой. Такъ именно, по крайней мѣрѣ, на пишущаго эти строки подѣйствовала «Переписка съ друзьями». Иное впечатлѣніе произвела книга на самого Плетнева и на А. О. Ишимову, хотя правъ былъ г. Кулишъ, полагавшій, что за автора «сжалось сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта». Ишимова написала Гоголю восторженное письмо, на которое получила вскорѣ отвѣтъ, остающійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. О томъ, что отвѣтъ б ы л ъ, мы узнаемъ изъ переписки Ишимовой съ Гоголемъ, и изъ слѣдующихъ словъ письма послѣдняго къ Плетневу: «Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А. О. Ишимовой» («Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 338). Намекъ здѣсь сдѣланъ на предыдущее письмо отъ 11-го февраля 1847 года, когда Гоголь между прочимъ сказалъ въ концѣ письма: «Не благодарю тебя, покамѣстъ еще не за что, ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ». Еще разъ Гоголь приписываетъ въ концѣ письма къ Плетневу: «А. О. Ишимову поблагодари за книжечку «Розенштраухъ». Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова—сущій перлъ» («Соч. и письма Гоголя», т. VI, стр. 406).

Съ отношеніями Гоголя къ Ишимовой можно ближе познакомиться изъ слѣдующихъ писемъ къ нему послѣдней; письма же къ Ишимовой знакомой ея И з в е д и н о в о й любопытны въ связи съ ея собственными письмами и потому еще, что самый фактъ сбереженія ихъ доказываетъ, что Гоголь непритворно дорожилъ упреками и невыгодными отзывами о себѣ даже людей весьма дюжинныхъ.

С.-Петербургъ, 4-е декабря 1846 года.

На дняхъ я прочитала у Петра Александровича первые, отпечатанные листы вашей новой книги, Николай Васильевичъ! Я прочитала предисловіе къ ней и ваше завѣщаніе, и мнѣ такъ захотѣлось пролепетать вамъ хотя милліонную часть той глубокой благодарности, которую должны чувствовать къ вамъ всѣ соотечественники ваши за добро, проливаемое вами на нихъ этою новою книгою вашею! Я думала, что душа ваша, такъ много превышающая наши души, пойметъ потребность моей и извинитъ ея невольное изліяніе.

Много, безчисленно много такихъ мѣстъ въ прекрасной книгѣ вашей, которыя поражаютъ своею истиною сердце христіанина-читателя, но болѣе всего поразило меня то, гдѣ вы, говоря о Прощальной повѣсти, сказали: «Соотечественники! страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа

Digitized by Google

при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся»... Ахъ! какъ глубоко справедливы эти слова! Какъ страшно сдѣлается на сердцѣ въ первыя минуты послѣ прочтенія ихъ и какую благодарность почувствуетъ она потомъ за это благое предостереженіе! Богъ да благословитъ васъ за него, Николай Васильевичъ! О, если бы вы могли поучить насъ и тому, какъ сдѣлаться похожими на васъ! Какъ постичь, подобно вамъ, все ничтожество земнаго счастья, какъ устремиться съ такой непоколебимостью къ одному небесному! Мы почувствовали теперь, что должно сдѣлать такъ, и за это вамъ слава и благословеніе отъ Бога! Какъ же сдѣлать это,—вамъ надобно поучить еще людей, прежде нежели они будутъ имѣть горе учиться по вашей Прощальной повѣсти! Какъ ни строго запрещаете вы оплакивать васъ, но я сочла бы истиннымъ несчастіемъ для себя, если бы никогда болѣе не увидѣла васъ, никогда бы не поговорила съ вами! Размышляя о всемъ томъ добрѣ, которое сочиненія ваши непремѣнно сдѣлаютъ теперь для соотечественниковъ вашихъ, и о томъ благотворномъ вліяніи, какое могла бы сдѣлать для нихъ ваша жизнь посреди нихъ, я надѣюсь, что благость Божія сохранитъ васъ для земли Русской еще на много лѣтъ, но, зная, какъ ничтожны всѣ предусмотрѣнія и надежды наши передъ божественными опредѣленіями, я не могу удержаться отъ невольнаго страха при мысли о неизвѣстности будущаго... И потому мнѣ хочется сказать вамъ передъ отъѣздомъ вашимъ въ Святую Землю: «Помолитесь за меня, особенно отъ той молитвы, которою вы обѣщали молиться за всѣхъ соотечественниковъ вашихъ, т. е. подарите мнѣ одно мгновеніе изъ тѣхъ, которыя вы проведете у Гроба Господня, и употребите его на произнесеніе имени моего передъ Святынею, успокоивающею всякое земное страданіе и безпокойство. Я увѣрена, что такая молитва, какъ ни будетъ она мгновенна, сдѣлаетъ много пользы для души моей, много лѣтъ напрасно молящейся о твердости для перенесенія всего, что Господу угодно ниспослать ей на время земнаго странствія. Я увѣрена также, что вы не найдете просьбу мою къ вамъ странною; вы поймете, что она излилась изъ всего того, что ваша,—можно сказать святая книга—должна возбудить въ сердцѣ, уже чувствующемъ нужду въ возрожденіи духовномъ, но еще не имѣющемъ для него довольно силъ. Вотъ о нихъ-то я и желала бы помолиться у Гроба Того, Кто одинъ можетъ дать самому слабому твореніе—чудную силу,—самому грѣшному—возвратить небесную чистоту! Никогда не удостоиться счастія самой принести эту молитву, и потому

Digitized by Google

умоляю васъ, брата моего во Христѣ, принести ее за меня тамъ. Я не хотѣла сказать Петру Ал., отъ чего я вздумала писать къ вамъ, и сказала только, что я посылаю вамъ небольшую брошюрку объ человѣкѣ, достойномъ памяти, и хочу при этомъ случаѣ поблагодарить васъ за книгу вашу. Можетъ быть, ему показалось бы письмо мое страннымъ, и онъ отговорилъ бы меня отправить его къ вамъ, а мнѣ не хотѣлось бы этого. Душа моя чувствуетъ какую-то невозможную потребность сказать вамъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня ваша новая книга, и этою откровенностью какъ бы попросить у васъ благословенія на мои труды. Такъ ни ничтожны они въ литературѣ, но, посвященные дѣтямъ и юношеству, они заслуживаютъ вашего вниманія, избранный изъ народа нашего! Какъ бы я была счастлива, если бы вы хотя что-нибудь прочитали изъ нихъ и сказали мнѣ хоть два слова о томъ, что вы думаете о нихъ. Надѣюсь на это тогда, когда вы возвратитесь на родину. Прилагаемая брошюра (если только можно будетъ отправить ее съ этимъ письмомъ) есть отрывокъ изъ книги, которую В. А. Жуковскій назвалъ брильянтомъ изъ книгъ.

Александра Ишимова.

Декабря 31-е 1846 года.

Отправляю къ вамъ, Николай Васильевичъ, письмо, написанное подъ первымъ вліяніемъ первыхъ листовъ вашей прекрасной книги. Теперь я прочитала ее всю и не могу выразить вамъ, какъ это благотворное вліяніе еще усилилось отъ всего того, что я еще узнала изъ нея! Каждое письмо въ ней можно назвать урокомъ для жизни. Свѣтлое воскресенье есть прекрасное заключеніе этой необыкновенной книги. Я читала нѣсколько главъ изъ нея Павскому, и онъ пораженъ былъ ея высокими истинами.—Мы съ Петр. Ал. ожидаемъ, что она сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ не въ одной литературѣ нашей, но вообще въ образѣ мыслей нашихъ соотечественниковъ, еще столь шаткомъ и непостоянномъ. По крайней мѣрѣ это будетъ со всѣми избранными изъ нихъ. Какъ порадуется тогда сердце ваше, такъ искренно любящее ихъ!

Брошюрку мою - «Іоаннъ-Амвросій Розенштраухъ» я отдала Петру Ал. для отсылки къ вамъ при случаѣ. Я увѣрена, что вы обратите вниманіе на этого человѣка. Дивлюсь своей смѣлости, что я пишу къ вамъ такъ много. Я спросила однакожъ у П. Ал., можно ли обременить васъ чтеніемъ какого-нибудь письма, и онъ сказалъ мнѣ, что можно. Простите пожалуйста, если я неумѣренно воспользовалась этимъ дозволеніемъ и заставила васъ потерять много драгоцѣнныхъ минутъ на это чтеніе... По крайней мѣрѣ, не думайте отвѣчать мнѣ, до

Digitized by Google

тѣхъ поръ, пока не будетъ у васъ совершенно лишняго времени, и пока вы не почувствуете охоты сказать мнѣ нѣсколько словъ на то многословное изліяніе, отъ котораго я не могла удержать души моей.

Воспитанница моя Оленька, которую вы знали еще очень маленькою, проситъ меня поклониться вамъ и попросить васъ привезти ей отъ Святаго Гроба хотя нѣсколько песчинокъ. Она съ большимъ вниманіемъ слушала, когда мы читали у П. А. книгу вашу, и говоритъ, что она не знаетъ, какъ бы она стала теперь говорить съ вами, что ей кажется трудно сыскать слова, достойныя васъ. Прощайте, помолитесь за насъ!

С.-Петербургъ, 21-е мая 1847.

Давно я получила письмо ваше. и желала тогда же бы благодарить васъ за него, но, зная, какъ дорого время ваше, удержалась отъ исполненія желанія моего. Но вчера, видѣвъ изъ письма вашего къ Петру Александровичу, какъ полезными и необходимыми для себя считаете вы всѣ письма, касающіяся до сочиненій вашихъ, я вспомнила, что и у меня есть такихъ два письма отъ одной московской дамы. Хотя эти письма носятъ на себѣ отпечатокъ самаго грубаго невѣжества, но должны обратить на себя ваше вниманіе, потому что написавшая ихъ принадлежитъ къ довольно большому кругу въ Москвѣ, и, вѣроятно, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на знающихъ ее: о ней говорятъ какъ о самой благочестивой, умной и доброй женщинѣ. Я была у ней не болѣе двухъ разъ, и то потому, что у ней гостила одна изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ. Съ перваго же свиданія тонъ ея показался мнѣ нѣсколько рѣзкимъ, однако потомъ мы поладили, и я вовсе не воображала получить когда-нибудь отъ нея письма въ такомъ родѣ, какъ прилагаемое здѣсь. Начало этой странной переписки сдѣлано было по случаю книги, переведенной мною съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Іоаннъ-Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ». Я посылаю и ее къ вамъ, но вы можете пока прочитать ее и у Вас. Анд. Московской знакомкѣ моей показалось святотатствомъ съ моей стороны переводить жизнь лютеранскаго пастора, и вотъ что побудило ее обратиться ко мнѣ съ искреннимъ желаніемъ вырвать душу мою изъ ада. Я посылаю вамъ и это первое письмо ея и еще другое, чтобы вы получили болѣе понятія объ ея образѣ мыслей. Сначала мнѣ совѣстно было представить вамъ эти страницы, исполненныя такихъ невѣжественныхъ понятій, но Петръ Ал. сказалъ мнѣ, чтобъ я не думала объ этомъ. Читайте же и подивитесь, или, лучше сказать, пожалѣйте!.. А это еще одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя и слывутъ добрыми и въ самомъ дѣлѣ дѣлаютъ добро. Вамъ нужно прочитать и

Digitized by Google

то, за что она меня бранитъ, и потому я отправила къ вамъ вмѣстѣ съ Розенштраухомъ и пять книжекъ «Звѣздочки» моей нынѣшняго года. Вы найдете въ нихъ все то, о чемъ она говоритъ въ письмѣ своемъ, если только у васъ станетъ терпѣнья прочитать все

Но довольно о ней. Поговоримъ теперь о чемъ-нибудь болѣе утѣшительномъ. Мы всѣ пріятно заняты теперь мыслію о скоромъ пріѣздѣ сюда Вас. Андр. Для сиротѣющей литературы нашей этотъ пріѣздъ обѣщаетъ что-то отрадное, хотя и кратко будетъ его присутствіе здѣсь. Что, если бы и вы вздумали вмѣстѣ съ нимъ явиться сюда!.. Какъ бы я радовалась этому и за себя и еще болѣе за Петра Александровича! Какъ бы ему нуженъ такой человѣкъ или, лучше сказать, такой другъ, какъ вы! Мнѣ всегда жаль видѣть и знать, что онъ такъ одинокъ посреди здѣшняго литературнаго міра. Послѣдній, истинно достойный его другъ, съ которымъ я видѣла его здѣсь, былъ Баратынскій, но вотъ почти три года, какъ и его нѣтъ на свѣтѣ! Сколько удовольствія доставляютъ ему письма ваши, но онъ, вѣроятно, мало говоритъ вамъ и объ этомъ, какъ и обо всемъ, что только касается до него. Недостатокъ этой дружеской сообщительности, несмотря на всю высокую дружбу, какую способно чувствовать его прекрасное сердце, доказываетъ, что онъ рѣдко имѣлъ счастіе быть съ людьми, которые бы приходились ему совершенно по душѣ Судите же, сколько бы можно было радоваться вашему пріѣзду сюда! Оленька васъ усердно благодаритъ за милый поклонъ вашъ. Писалъ ли вамъ П. А. или графиня В. какъ наша робкая и застѣнчивая дѣвочка перепугалась, когда графиня объявила свое желаніе видѣть ее? Она вообразила, что ей сдѣлаютъ экзаменъ во всѣхъ ея знаніяхъ, которыя у ней еще совершенно младенческія. Прощайте, любезный Николай Васильевичъ, пожалуйста будьте здоровы: грустно думать, что вы такъ часто больны!

Ал. Ишимова.

С.-Петербургъ, 2-е декабря 1848 г.

Какъ справедливо назвали вы, Николай Васильевичъ, въ одномъ изъ писемъ послѣдней книги вашей—нынѣшнюю жизнь нашу безсмысленною. Истинно безсмысленно теряемъ мы часы и даже дни свои, и равнодушные къ этимъ потерямъ, ничѣмъ не стараемся предупредить ихъ, какъ будто сознавая совершенную невозможность сдѣлать это. Такъ думала я и нынѣшнею осенью, когда вы были здѣсь, и мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ вами о многомъ, что заронило въ душу мою ваша прекрасная книга 1847 года. Но скажете, была ли къ тому какая-нибудь возможность, хотя и видѣлись мы не одинъ разъ. При такомъ порядкѣ нашей общественной жизни ужь лучше не жить вблизи съ

Digitized by Google

тѣми, съ кѣмъ хочешь говорить иногда о чемъ-нибудь дѣльномъ: въ письмахъ мы еще какъ-то способнѣе на вещи серьезныя, нежели въ обществѣ, и если бы вы были здѣсь, мнѣ и въ голову не пришло бы, что я могу сообщить вамъ нѣсколько словъ объ одномъ необыкновенномъ вечерѣ, который посланъ былъ Богомъ на мою долю. Впечатлѣніе, оставленное имъ въ душѣ моей, было такъ восхитительно высоко, такъ невыразимо отрадно, что мнѣ хотѣлось подѣлиться имъ съ такою душою, которая могла бы вполнѣ понять его и которая не нашла бы страннымъ это хотѣніе. Такую душу я находила только на страницахъ книги вашей, Николай Васильевичъ, и потому не удивляйтесь письму моему и не отвѣчайте на него тѣмъ же холодомъ, который такъ убійственно вѣетъ отъ всего нашего общества, когда дѣло идетъ не о модной пѣвицѣ или очаровательномъ піанистѣ. Но чтобы не мучить васъ долѣе, я скажу вамъ, что я была на дняхъ у Ѳ. Н. Глинки и слышала тамъ нѣсколько отрывковъ изъ его поэмы «Таинственная капля». Не знаю, слышали ли вы что-нибудь объ этой поэмѣ,—но по моему разумѣнію она принадлежитъ къ той поэзіи, о которой вы говорите въ концѣ статьи вашей объ особенностяхъ русской поэзіи. «Какъ во времена младенчества народовъ поэзія служила къ тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая въ нихъ бранолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую высшую битву человѣка, на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу, которую самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій». Поэма Глинки, мнѣ кажется, есть именно блистательное начало той поэзіи или того времени поэзіи, о которомъ вы предвѣщаете. Это—сцены изъ Евангелія, опоэтизированныя до такой степени, что, созерцая ихъ, вы забываете все васъ окружающее—вы видите только небо и съ радостію готовы терпѣть на землѣ все, что должно довести васъ до этого неба! Я не думаю, чтобы вы ни отъ кого не слышали объ этомъ необыкновенномъ явленіи въ литературѣ нашей, и потому говорю вамъ о немъ, какъ о чемъ-то знакомомъ. Если же, къ удивленію моему, вы ничего о немъ не знаете, то я разскажу вамъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе его, и вы лучше, нежели изъ всѣхъ описаній моихъ, поймете, какую чудную вещь могъ сдѣлать изъ нея поэтъ, такой религіозный, какимъ всегда былъ Глинка. Основаніемъ поэмы взята легенда, бывшая еще отъ среднихъ вѣковъ общею въ христіанскомъ мірѣ—о томъ, какъ св. Дѣва во время бѣгства своего изъ Египта съ Младенцемъ Іисусомъ исцѣлила каплею молока своего—больнаго ребенка разбойника, захватившаго въ плѣнъ святое семейство и потомъ освободившаго его въ награду за это исцѣленіе. Дитя, принявшее въ себя драгоцѣнную каплю, выростаетъ, однако же, между разбойниками и дѣлается самъ атаманомъ ихъ, но божественная капля не можетъ пропасть: разбойникъ безсознательно носитъ ее въ

Digitized by Google

груди своей и посреди нечестія, окружающаго его, безпрестанно проявляетъ ее въ благородныхъ стремленіяхъ къ чему-то высокому, божественному, для него непонятному. Онъ блуждаетъ по той же землѣ, гдѣ учитъ Спаситель, не разъ онъ встрѣчается съ Нимъ, и тутъ непостижимое чувство влечетъ его къ Нему, но обстоятельства всегда удаляютъ его отъ чуднаго Учителя до тѣхъ поръ, пока наконецъ онъ встрѣчается съ Нимъ по лѣвую сторону креста Его, также на крестѣ. Скажите, что можетъ быть трогательнѣе этой легенды? Но если бы вы знали, сколько поэтическихъ подробностей придалъ ей Глинка, писавшій ее по истинѣ какъ вдохновенный свыше, если бы знали, какимъ высокимъ, прекраснымъ, истинно библейскимъ языкомъ онъ говоритъ въ ней? Но это невозможно описывать—надобно непремѣнно самому прочесть или прослушать чтеніе всего, чтобъ получить вѣрное понятіе о всѣхъ красотахъ, о всей поэзіи и можно сказать о всемъ неземномъ очарованіи этой поэмы. Она вся состоитъ изъ картинъ отдѣльныхъ, но между тѣмъ связанныхъ между собою одною идеею. Вы видите въ письмѣ моемъ доказательство того, какъ она поразила меня своею необыкновенностію: восторженное состояніе души моей отнимаетъ въ глазахъ моихъ всю странность поступка моего; мнѣ кажется, что вы обрадуетесь моей новости и нисколько не удивитесь тому усердію, съ которымъ я сообщаю ее вамъ. Не правда ли, Николай Васильевичъ? Васъ интересуетъ все, что хотя чѣмъ-нибудь касается до русскаго міра,—какъ же людямъ, раздѣляющимъ въ этомъ отношеніи чувство ваше, не желать подѣлиться съ вами такимъ отраднымъ явленіемъ въ литературѣ нашей? Я увѣрена, что вы, не будучи Николаемъ Васильевичемъ, сдѣлали бы то же, что я, и написали бы къ Николаю Васильевичу, прослушавъ нѣсколько страницъ Глинки. Я спросила его и жену его, которой прекрасное одушевленное чтеніе еще болѣе возвышаетъ гармоническіе стихи мужа—видѣли ли они васъ въ нынѣшній пріѣздъ вашъ сюда, и они отвѣчали мнѣ, что, къ величайшему сожалѣнію ихъ, они лишены были этого удовольствія. Они оба большіе ваши почитатели, и Авд. Павловна говоритъ, что когда возникли въ Москвѣ разные толки о васъ послѣ вашей послѣдней книги—она спорила за васъ не одинъ разъ до слезъ. И это сущая правда: тотъ, кто искренно любитъ васъ, долженъ иногда спорить за васъ до слезъ! такъ безсмысленны бываютъ иногда многоразличныя сужденія и слухи, распространяемые о васъ. Вообразите, что нелѣпость ихъ доходитъ до того теперь, что иные пресерьезно увѣряютъ, будто вы отреклись отъ послѣдней, можно сказать, Евангельской книги вашей и говорите, что это было м и н у т н о е у в л е ч е н і е! Ну скажите, какъ же тутъ не спорить, какъ не плакать о томъ, что у насъ хотятъ отнять послѣднюю отрадную надежду нашу! Я пишу вамъ объ этихъ недостойныхъ васъ слухахъ, только потому, что знаю, вы любите узнавать

Digitized by Google

о нихъ и не тревожитесь ими, какъ они ни возмутительны для души благородной: вы уже выше этой тревоги.—Я не знаю вашего адреса въ Москвѣ и пишу на имя С. П. Шевырева, будучи увѣрена, что онъ знаетъ, гдѣ вы находитесь. Если бы я не знала, какъ докучливы бываютъ для человѣка мыслящаго вопросы о томъ, что вы подѣлываете? то непремѣнно задала бы вамъ одинъ изъ таковыхъ, потому что мнѣ очень, очень хотѣлось бы знать, увидимъ ли мы когда-нибудь описаніе хотя нѣкоторой части того, что́ вы чувствовали въ священныхъ мѣстахъ Іерусалима, или безчувственность толпы, не умѣвшей оцѣнить вашихъ потрясающихъ душу воззваній къ ней, рѣшила васъ на холодное молчаніе? О нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого! Богъ послалъ васъ намъ, чтобы вы говорили къ этимъ бѣднымъ заблудшимъ братьямъ вашимъ; не молчите же, чтобы они, не понявъ и этого грустнаго молчанія, не подумали въ своемъ жалкомъ ослѣпленіи, что вы, въ самомъ дѣлѣ, уже не имѣете ничего сказать имъ. Вы знаете однакожъ, что въ этой толпѣ есть люди, которые съ такой любовію думаютъ о васъ, съ такой надеждой ожидаютъ словъ вашихъ и съ такою увѣренностью убѣждены въ благотворномъ дѣйствіи этихъ словъ, что и это одно небольшое число людей, могущее современемъ возрасти до огромнаго, должно убѣдить васъ въ необходимости говорить съ нами. Не молчите же, Николай Васильевичъ, ради Бога не молчите въ нашей пустынѣ!

Глубокоуважающая васъ Александра Ишимова.

На В. О. по 7-й линіи домъ Костюриной.

Милостивая Государыня Александра Осиповна!

Неожиданно получила я на дняхъ отъ г-жи Молчановой книжечку: Жизнь и дѣянія пастора Розенштрауха, переведенную вами; такая присылка удивила меня, и я рѣшилась спросить у васъ—зачѣмъ прислали вы ко мнѣ ее?

Уваженіе мое къ вашей учености, изящному вкусу, въ выборѣ сочиненій, въ которыхъ невольно выказываются всѣ христіанскія добродѣтели, и неподражаемый даръ привязывать къ себѣ сердца дѣтей и родителей, не должно было быть помрачено выборомъ предмета вашего превосходнаго перевода.

Милая, добрая, снисходительная, ученая, любезная Александра Осиповна заглянула нѣкогда въ бѣленькій домикъ на Донской улицѣ въ Москвѣ—и оставила по себѣ въ сердцѣ неученой, незнающей свѣтскихъ приличій, простой старушки неизгладимое воспоминаніе о самыхъ пріятнѣйшихъ минутахъ ея затворнической жизни. Такъ было! такъ и должно бы остаться. Но вотъ переводъ вашъ въ рукахъ у меня, и я не могу

Digitized by Google

молчать. Припомните первую минуту нашего знакомства; я подумала вслухъ, и вы согласились со мною, а потомъ и убѣдились? Мы тогда поладили; теперь предметъ, о которомъ я спрашиваю васъ, очень важенъ для насъ обѣихъ—или я, или вы должны уступить, повторяю еще: зачѣмъ перевели вы жизнь пастора Р.? съ какимъ намѣреніемъ? для чьей пользы? Если бы вы сдѣлали это по одному убѣжденію, по неотступной просьбѣ друзей г-на Розенштрауха, то въ предувѣдомленіи не приглашали бы съ такою убѣдительностью помочь вамъ въ полномъ переводѣ—вы желаете имѣть сотрудниковъ. Это значитъ, что современемъ вы переведете полное изданіе?

Зная васъ за неподражаемую сочинительницу для образованія юношества, осмѣливаюсь спросить васъ, почему вы избрали этотъ предметъ для перевода, а не другой? Вы такъ дороги сердцу каждаго родителя или наставника, ваши успѣхи на поприщѣ воспитанія дѣтей такъ велики, ваши труды для нихъ такъ необходимы, что я недоумѣваю, почему вы рѣшаетесь губить безполезно, а можетъ быть и со вредомъ, драгоцѣнное время, данное вамъ Самимъ Богомъ для образованія христіанскихъ дѣтей? Не оставлю васъ въ покоѣ, пока вы не объяснитесь на мои вопросы.

Въ ожиданіи милостиваго вашего отвѣта, честь имѣю остаться всегда къ вамъ

Милостивой государынѣ

съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною признательностью покорная слуга Марія Извединова.

1847 года
Января 30-го
Москва.

Адресъ мой: На Средней Донской, въ приходѣ ц. Ризъ-Положенія, въ собственномъ домѣ.

Съ любовію привѣтствую васъ взаимно сими словами: Воистину Воскресе! Господь нашъ Іисусъ Христосъ; съ любовію обнимаю васъ, возлюбленная Александра Осиповна, поздравляю съ свѣтлымъ торжественнымъ праздникомъ Воскресенія; да воскреснетъ въ чистой, благородной душѣ вашей сѣмя благодати, подавленной мірскою суетою, но готовое подъ святою росою истинной религіи произрости и принести сторичный плодъ. О какихъ непріязненныхъ распряхъ говорите вы?—письма мои есть уже доказательство любви моей къ вамъ; съ перваго приступа моего я рѣшилась во что бы то ни стало исхитить душу вашу изъ рова погибельнаго, куда вы стремились по одному незнанію, вы еще такъ неопытны, что и теперь выраженіе это, можетъ быть, приписываете или энтузіазму, или фанатизму. Оставлю самимъ вамъ раскрыть глаза на опасное положеніе ваше и буду продолжать. Въ 1-мъ

Digitized by Google

отвѣтѣ вашемъ вы написали: вѣры всѣ равны; вотъ то ужасное положеніе ваше, которое заставило меня употребить сильныя выраженія, замѣтьте это; сынъ или дочь, считающіе каждаго встрѣчнаго отцомъ своимъ, не огорчаютъ ли своего нѣжнаго любвеобильнаго родителя? Дѣти, бѣгающія туда и сюда, не знающія совершенно правилъ отца, не исполняющія его приказаній, достойны ли отцовскаго наслѣдства? Дѣти, не защищающія своей матери, поражаемой злодѣями, достойны ли любви матери? Они достойно получаютъ проклятіе родителей. Отлучаются наслѣдства. Не правда ли? Вотъ чего я боюсь за васъ; вотъ почему я, преодолѣвъ мою робость состязаться съ литераторомъ, рѣшилась вступить съ вами въ переписку. Неужели избавленіе отъ смерти вы назовете непріязненными спорами? и ради Воскресенія Господня окончите едва начатое дѣло—спасеніе души вашей? Нѣтъ! Великъ для всего рода человѣческаго день Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Воскресшій своимъ воскресеніемъ даровалъ намъ жизнь вѣчную,—вывелъ изъ ада праотца Адама, всѣхъ пророковъ и праотцевъ. Начните же и вы съ этого дня воскресать духомъ и послушайте, куда вы шли до сего времени. Не ваша вина, что не знали до сихъ поръ превосходство православной религіи.—Это почти обыкновенно всѣхъ такъ воспитываютъ, прикрывая жестокую холодность снисходительностью — какую и вы доселѣ выказывали къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ. Жалкое заблужденіе поблажать еретикамъ и оставлять безъ вниманія свою истинную матерь православную церковь на поруганіе чуждымъ людямъ! видѣть, какъ убиваютъ родную мать и молчать? Повторите вышеписанное, и сами увидите, куда влекло васъ невѣдѣніе. 2-е. Пасторъ Р. 20-ть лѣтъ наблюдалъ за умирающими? да неужели наши священники закрывъ глаза напутствуютъ русскихъ къ смерти? Но вотъ въ чемъ обманъ сатаны. Нѣмецъ скажетъ рѣчь, сложитъ руки, наклонитъ голову—и это тотчасъ напишутъ и русскіе съ восторгомъ читаютъ, а православный священникъ проводитъ всю жизнь свою у одра больныхъ—умирающихъ, или въ холодной комнатѣ безвозмездно учитъ закону Божію бѣдныхъ сиротъ, дѣлитъ съ ними послѣдній кусокъ хлѣба, отнимая его отъ своего семейства, и по смиренію молчитъ и объ немъ никто не напишетъ, никто и не знаетъ (въ Москвѣ я знаю такого священника, да и не одного), а что вы не слыхали о добродѣтельныхъ нашихъ священникахъ подобнаго, то этому причина кругъ вашего знакомства и занятій—чего мы ищемъ, то и находимъ. Далѣе—Богъ спасаетъ язычниковъ; за что? когда? Тогда какъ язычникъ, подобно Корнилію сотнику, пожелаетъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа—то, конечно, Богъ, видя его желаніе, пошлетъ ему подобнаго апостолу Петру человѣка. Но чтобы язычникъ, не признающій воплощенія Сына Божія, не вѣрующій въ заслуги Іисуса Христа, могъ получить Цар-

Digitized by Google

ствіе Небесное—этого нѣтъ ни въ какихъ священныхъ книгахъ, ни въ Евангеліи: разбойникъ вошелъ въ рай съ Воскресшимъ Спасителемъ, но онъ на крестѣ увѣровалъ, сказавъ: «Помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ». Вы пишете: На землѣ у насъ, конечно, нѣтъ вѣры лучше нашей; и такъ, на небесахъ есть, видно, другая вѣра?—Богъ, сошедшій съ небесъ, установилъ на землѣ религію и вѣру въ Себѣ—слѣдовательно, на небесахъ вѣра одна и та же. Но небожители понимаютъ ее лучше нашего, тамъ всѣ таинства вѣры во Христа открыты: тамъ чище, лучше, святѣе вѣрованіе, но догматы вѣры одинаковы, потому что Іисусъ Христосъ преподалъ ихъ самъ ученикамъ своимъ св. апостоламъ,—нѣкоторые до страданія крестнаго, другіе по воскресеніи Своемъ; всѣ 6-ть недѣль Онъ пробылъ съ учениками, бесѣды Его были о таинствахъ вѣры и о Царствіи Небесномъ. Вотъ откуда произошло начало 7-ми таинствъ православной нашей церкви. Крещеніе, причащеніе, бракъ, елеосвященіе, муропомазаніе, покаяніе, священство. Лютеране отвергли 5-ть оставивъ себѣ только два, скажите, сыны ли они Божіи? и кто снисходитъ къ ихъ заблужденію, можетъ ли назваться членъ православной церкви? Нѣтъ, тотъ тать и разбойникъ. Еслибъ вы знали это прежде, то не выхваляли бы такъ Розенштрауха; мнѣ больно было видѣть прекрасную душу вашу утопающею въ лютеранизмѣ—единственно по незнанію. Увы! сколь многіе также по невѣдѣнію изъ православныхъ утонули въ этомъ болотѣ заблужденія сатанинской гордости. Вѣрю неизмѣнно, что вы желаете узнать основныя правила православной церкви и что только недостатокъ времени въ изученіи догматовъ православія держалъ васъ въ невѣдѣніи, и готова, при помощи Божіей, не спѣша, распутать помаленьку сѣть обольщенія и выпутать васъ изъ лютеранизма, лишь бы вы не ослабѣвали въ вашемъ желаніи.

Теперь поговоримъ о Гоголѣ. Я читала послѣднее его маранье и нахожу, что онъ большой руки дуракъ (простите это грубое выраженіе, вспомните, что это пишетъ старушка неученая изъ-подъ Донскаго монастыря), всѣ его прежнія сочиненія были грязны, сальны и наполнены ругательствами, такъ же и Булгарина, они годны для лакейской, да и того не позволятъ въ благочестивомъ домѣ, а послѣднее его маранье такая путаница, такъ глупо, что я бросила его какъ негодное ни къ чему. Прочтите въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» двѣ статьи г-на Павлова, онъ прекрасно отдѣлалъ его, и еслибы я обладала даромъ письма, то поблагодарила бы Павлова, что такъ уничтожилъ дурака Гоголя. Скажите, что за радость раскрывать свѣту, т. е. людямъ—коварство, обманъ, развратъ и т. п.; это вѣдь такъ обыкновенно: всякъ человѣкъ ложь; развѣ можно научить кого черезъ насмѣшки? сатиры? Никогда. Облагородьте ваше перо, пишите примѣры добродѣтели, и порочные

Digitized by Google

устыдятся и станутъ стараться жить добродѣтельно. Если Гоголь помѣщенъ въ число литераторовъ, то я бы стыдилась быть литераторомъ, вотъ мое мнѣніе. У истинныхъ писателей христіанскихъ должно выходить изъ пера одно превосходное, чистое, благородное. Господь каждому далъ даръ писать важнѣе, нежели говорить Слово исчезаетъ въ воздухѣ, лишь только произнесутъ его; оно забывается, изглаживается и смягчается другими словами, а писаніе идетъ далеко, распространяется (благодаря писакамъ) во всѣ концы вселенной, переживаетъ писателя, и какъ надо быть осторожнымъ въ писаніи! Прочитавъ сочиненіе, судятъ о качествѣ и характерѣ писателя; русская пословица справедлива: «что написано перомъ, не вырубишь топоромъ». Если скажете: «Да Гоголь всѣхъ смѣшилъ». Жалко! Употребить всю жизнь и какую краткую на то, чтобы служить обезьяною публикѣ. Богъ далъ даръ поэзіи. Хорошо! но сумасбродная Ростопчина, какъ фурія, бѣснуется въ стихахъ. Мала развѣ книга природы для поэтическаго письма женщины? Малы превосходныя творенія св. отцовъ, чтобы перевести ихъ въ стихи? судите сами—справедлива ли я? Человѣкъ лучшее твореніе Божіе, умаленный малымъ чѣмъ отъ Ангела, вмѣсто глубокой благодарности къ Создателю своему изрыгаетъ или хулу, или ругательство, горькія насмѣшки или развратъ и его называютъ литераторомъ. Я читала современные журналы, потому что мнѣ нужно было для воспитанія дѣтей, въ продолженіе 25-ти лѣтъ у меня было 18 воспитанниковъ, тогда мнѣ надо было много читать, чтобы слѣдить за нравами писателей и предостерегать дѣтей отъ опаснаго чтенія. Напрасно выхвалилъ Гоголь Пушкина—сей послѣдній могъ бы сдѣлать много хорошаго, еслибы не употреблялъ умъ свой во зло. Но какъ это не по моей части, то я перестаю говорить. Простите, желаю вамъ добраго здоровья. Скажите, когда будете посвободнѣе, чтобы вамъ начать необходимое чтеніе, которое для меня есть, какъ драгоцѣнный брильянтъ. Обнимаю васъ въ увѣреніи моей христіанской любви и остаюсь всегда съ уваженіемъ къ вамъ

Покорная слуга Марія Извединова.

30-го марта
1847-го года.
Москва.

Возлюбленная Александра Осиповна!

Вотъ какъ мнѣ грустно, что, не дождавшись отвѣта вашего на послѣднее письмо мое къ вамъ, я рѣшилась опять писать вамъ и въ горѣ моемъ жаловаться вамъ на васъ.

Третьяго дня, находясь въ кругу почтенныхъ, благомыслящихъ ма-

Digitized by Google

терей, я съ удивленіемъ и стыдомъ слушала сужденіе о вашемъ журналѣ «Звѣздочка» для дѣтей старшаго возраста. Невыгодное мнѣніе о васъ поразило меня; я не выписывала всего вашего журнала, а для моего воспитанника имѣю только одну книжечку, сочиненную вами подъ названіемъ: «Чтеніе для перваго возраста»— книжка превосходная; судя по ней, я судила и о прочихъ сочиненіяхъ вашихъ; судите же, каково было мое негодованіе, когда я услышала, что васъ порицаютъ, осуждаютъ за статью подъ названіемъ «Новыя книги». Я слушала, молчала, но не вѣрила. На другой день я купила три книжки журнала для старшаго возраста № 1, 2 и 3 и, увы! убѣдилась собственными глазами во всемъ, что слышала. Недоумѣваю, удивляюсь и душою скорблю, что вы истратили столько краснорѣчія въ пользу безумнаго Г. и такъ убѣдительно приглашаете старшаго возраста дѣтей, чистыхъ, свѣжихъ, слушать небесную гармонію «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями Н. В. Гоголя?» Чистыя, свѣжія дѣти должны броситься въ объятія Евангелія, а не въ объятія поэзіи Г. Не стану описывать вамъ по страницамъ мое опроверженіе на вашу похвалу Г.—вы хорошо знаете вашу статью «Новыя книги», но спрошу васъ: можетъ быть, есть правило, чтобы литераторъ хвалилъ другаго литератора безъ ума? Я не литераторъ и не знаю, какимъ законамъ они подчинены; въ томъ случаѣ скорбь моя объ осужденіи васъ неосновательна, прошу выведите меня изъ сомнѣнія. Мнѣ кажется, что статью «Новыя книги» не вы сочинили, потому что не выставили вашего имени, а во всѣхъ трехъ №№ вездѣ выставлены подъ статьями имена сочинителей; когда я попаду на эту счастливую мысль, то мнѣ становится легче, радостнѣе. Я думаю тогда: Александра Осиповна только издательница этого – она не разсмотрѣла, она, по снисходительности къ собрату своему литератору, закрыла глаза и, скрѣпя сердце, помѣстила эту жалкую статью, написанную самымъ страстнымъ перомъ безъ спросу разсудка и даже (простите ради Бога) стыдливости. Пожалуйста не оставьте меня безъ вразумленія, поясните то, что я не поняла. Осмѣлясь сообщить вамъ какъ сестрѣ о Христѣ мнѣніе мое о статьѣ «Новыя книги», я обязана, съ свойственною христіанкѣ откровенностію, сказать вамъ мысли мои о статьѣ «Дюсселъдорфъ» Кайзеревертъ: тамъ такая безсмыслица написана, что я бьюсь объ закладъ, что тотъ, кто написалъ ее—нѣмецъ. Онъ не читалъ жизни нашихъ святыхъ отцовъ, не знаетъ происхожденія, начала обителей и монастырей и по невѣжеству своему написалъ: «монастыри наши сдѣлались бы полезны для человѣчества, праздность бы перестала укрываться въ нихъ, лѣность бы превратилась въ дѣятельность, и необразованность мало-по-малу исчезла бы». Безумецъ, написавшій это, не заслу-

Digitized by Google

живаетъ даже того, чтобы доказать ему его безуміе. Наши монастыри возымѣли основаніе свое еще во 2-мъ вѣкѣ. Первые пустынники были: Павелъ Ѳивейскій, Антоній Великій, Ѳеодосій Великій, Маркъ Ѳраческій, Иларіонъ Великій, Виссаріонъ, Аммунъ, Исидоръ и проч. Они были свѣтила церкви и удалились въ пустыни, чтобы вполнѣ предаться богомыслію, молитвѣ, бдѣнію, посту и умерщвленію своей плоти; святая церковь и до нынѣ въ своихъ священнопѣніяхъ воспѣваетъ ихъ подвиги, труды и празднуетъ ихъ память. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Аѳанасій и Кириллъ и многіе др. были призваны изъ пустыни и поставлены епископами и свѣтили и теперь просвѣщаютъ всю вселенную, но ихъ никто даже изъ отъявленныхъ нечестивцевъ не посмѣетъ назвать праздными невѣждами. Скажите, что за дурацкое сужденіе, что въ монастыряхъ должны быть богадѣльни или школы? Благодаря попечительному и мудрому нашему царю у насъ на все есть особенные люди, весьма способные исправлять должности, возложенныя на нихъ. Есть богадѣльни, школы, пріюты, училища, корпуса, институты и множество разныхъ благотворительныхъ заведеній, для чего же еще въ монастыряхъ заводить богадѣльни и школы? Развѣ для того, чтобы школьники, выучась писать, написали бы подобныя бредни, какъ статья о Дюссельдорфѣ? На-скоро, чтобы не утомлять васъ, перейду отъ древнихъ отцовъ церкви къ преподобному Сергію: онъ отъ юности удалился въ пустыню, гдѣ теперь, по его св. молитвамъ, существуетъ лавра. Кто не знаетъ св. жизни препод. Сергія, его трудовъ, его св. подвиговъ, его теплыхъ молитвъ за отечество, за царя и за всѣхъ православныхъ? и кто осмѣлится сказать, что препод. угодникъ Божій и великій чудотворецъ Сергій былъ лѣнивъ, необразованъ? Одна адская злоба можетъ это сказать. Не правда ли? Но, скажутъ нынѣшніе литераторы, теперь нѣтъ такихъ монаховъ, а чѣмъ они докажутъ? Никто изъ живыхъ не почтенъ святымъ; примѣръ этому св. Митрофанъ Воронежскій. Онъ былъ такъ смиренъ сердцемъ, что даже и мѣсто рожденія его неизвѣстно, онъ не учился ни въ какомъ университетѣ, а св. мощи его производятъ великія чудеса. Онъ не имѣлъ въ своемъ монастырѣ ни богадѣльни, ни школы; такъ какже онъ достигъ такой святыни? Смиреніемъ, удаленіемъ отъ міра, отъ его суетъ, вниманіемъ самому себѣ, исполненіемъ всѣхъ догматовъ св. православной церкви, любовію, живою вѣрою въ Господа Іисуса Христа и проч. добродѣтелями, содѣланными въ тайнѣ сердца; на кого воззрю, на кроткаго, смиреннаго, трепещущаго словесъ моихъ, слова Господа нашего Іисуса Христа. Какъ можно сказать, что монастыри наши есть убѣжище для праздности, необразованности? Живые доблестные мужи увѣряютъ насъ, что наши монастыри суть разсадники мудрости, сми-

Digitized by Google

ренія, терпѣнія; мало ли у насъ архіереевъ, которые, проходя жизнь подвижническую, научаютъ насъ всѣмъ добродѣтелямъ черезъ ихъ пастырскія наставленія? Глава духовенства, митрополиты: Антоній С.-Петербургскій, Филареты Московскій и Кіевскій одарены свыше духомъ Христовымъ, Божественною благодатью, среди непрерывныхъ трудовъ въ св. Синодѣ и своихъ епархіяхъ, они безпрестанно учатъ, утѣшаютъ, укрѣпляютъ слабый духъ нашъ и возсылаютъ св. молитвы за царя и отечество у престола Божія, развѣ это не трудъ? развѣ можетъ сдѣлать все это невѣжда? Преосвященные Іаковъ, Иннокентій, Григорій, Платонъ, Никаноръ и Иліодоръ, которыхъ я имѣю счастіе знать лично, развѣ они лѣнивцы? Прочитайте ихъ проповѣди, и вы съ благоговѣніемъ упадете къ освященнымъ стопамъ ихъ и будете просить, чтобы они умолили за васъ Господа. А сколько въ пустыняхъ св. старцевъ и старицъ?— ихъ, какъ звѣздъ на небѣ, не перечесть. Скажите, можно ли послѣ всего этого утерпѣть, чтобы не обличить глупца, который вздумалъ язвить наши монастыри, не знавши ничего. Что значитъ монахъ? Онъ есть мертвецъ, уже не существуетъ для міра, по правилу св. В. онъ не долженъ ни выходить изъ монастыря, ни разглагольствовать съ посторонними, у него много дѣла въ церкви, въ кельѣ и въ своемъ сердцѣ. Ему запрещено правиломъ св. отецъ заниматься съ отроками; такому же правилу подчинены и женскіе монастыри. А что касается сестеръ милосердія, то у насъ никому не запрещено быть ею, лишь бы хотѣли наши дамы и у себя дома и въ больницахъ. Что дѣлаютъ такъ называемыя grandes dames? вмѣсто того, чтобы дѣлать безполезные визиты, посѣщать театры, танцовать, почему онѣ не ходятъ въ больницы? не ухаживаютъ за больными? Вотъ на что́ бы господа литераторы обратили свое вниманіе, а то берутъ описывать предметъ вовсе имъ незнакомый. Сохрани меня Богъ, чтобы я напрасно нападала на литераторовъ; въ образованномъ государствѣ нужны ученые люди, но ученые люди никогда не станутъ писать о томъ, чего не знаютъ, а наши жалкіе литераторы выставятъ какого-нибудь пастора, который по образцу Лютера устроилъ нѣчто похожее на монастырь, гдѣ ни постовъ, ни обѣтовъ, ни правилъ св. отецъ, да помѣстилъ тамъ же и богадѣльню и школу—и кричатъ, что превосходно, а по мнѣ такъ это жалкое смѣшеніе всего и больше ничего. Если скажутъ, что нѣкоторые монашествующіе не исполняютъ своего назначенія, то это еще ничего не значитъ: въ семьѣ не безъ урода! да благомыслящій человѣкъ не обратитъ на это вниманія. Надо свѣтлыми глазами смотрѣть на многое превосходное, зло неизбѣжно въ этомъ свѣтѣ, пустые люди есть вездѣ и по большей части въ такъ называемомъ б о л ь ш о м ъ к р у г у. Прошу васъ, не огорчайтесь грубою правдою, мнѣ больно видѣть, что Россія такъ унижена какимъ-нибудь неопытнымъ писателемъ:—все нѣмецкое хорошо, а русское худо.

Digitized by Google

Вѣра превосходная попираема невѣждами, истинная церковь смѣшана съ ложною, монастыри поруганы, святителей, столповъ православной церкви, называютъ необразованными, это невыносимо! и кто же это пишетъ? сами русскіе, наглотавшіеся чужестраннаго воздуха Вотъ причина моего горя. Вы издательница журнала «Звѣздочка», въ которомъ помѣщены статьи. Двѣ статьи «Дюссельдорфа» и «Новыя книги», то я вамъ жалуюсь и прошу: прочитывайте примѣрнѣе собираемыя сочиненія, строго цензируйте ихъ. Помните, что вашъ журналъ читаютъ чистые, свѣжіе возрасты обоихъ половъ, что слова ядовитыя, намазанныя медомъ увлекательнаго краснорѣчія, отравятъ молодыя отрасли любезнаго нашего отечества; неужели эта отрава должна идти изъ вашихъ рукъ? Это ужасно! нѣтъ, я вѣрить не хочу, одно невниманіе, поспѣшность и неумѣренный восторгъ литературный увлекъ васъ. Я не хочу думать, чтобы вы, одаренная нѣжными чувствами ко всему истинно хорошему, были согласны возрастить въ юныхъ сердцахъ отвращеніе отъ нашего отечества, отъ уваженія къ святителямъ православной церкви, отъ св. обителей—словомъ, отъ всего святаго и бросить ихъ въ объятія непонятной Г. поэзіи? воспламенить ихъ неопытныя сердца чѣмъ-то набраннымъ изъ разныхъ романовъ? Не понимаю плана вашего! Я не выписываю теперь многаго изъ вашей похвалы г-ну Г., потому что, сверхъ ожиданія моего, письмо мое и такъ уже очень длинно и, вѣрно, утомило васъ. Вы заняты, вамъ некогда читать длинныя письма, оставлю до будущаго времени. Но если вы по навыку изъ дѣтства получили твердыя правила нынѣшнихъ литераторовъ, или по законамъ литературы не можете ни перемѣнить плана вашего, ни умѣрить выраженій, по-моему неумѣстныхъ для возраста старшаго, то это письмо будетъ послѣднимъ. Ты и я обѣ потеряемъ понапрасну время, которое для обѣихъ насъ и кратко, и дорого. Я пишу не для печатанія, перомъ моимъ водитъ одна любовь христіанская. Послушаете—благо вамъ и мнѣ, не послушаете—я ничего не теряю. Простите! желаю, чтобы при чтеніи этихъ двухъ листковъ негодованіе не имѣло мѣста въ сердцѣ вашемъ, остаюсь любящая васъ о Господѣ

Готовая къ услугамъ

Марія Извединова.

1847 года
апрѣля 17-го
Москва.

Digitized by Google

А. Н. ТРУВОРОВЪ.

(По случаю 50-лѣтія учебной дѣятельности).

---

24 марта исполнилось пятидесятилѣтіе государственной службы директора Археологическаго института и члена Археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Аскалона Николаевича Труворова. Почтенный юбиляръ родился въ селѣ Никольскомъ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ.; отличаясь большой любознательностью и замѣчательной энергіей, онъ рано занялся своимъ самообразованіемъ и съ особенной любовью занимался рисованіемъ. На это обратилъ участливое вниманіе просвѣщенный помѣщикъ села Болобонова, Курмышскаго уѣзда, Александръ Петровичъ Шипиловъ, который нравственно и настойчиво повліялъ, чтобъ теперешній юбиляръ, а тогда 12-ти-лѣтній бѣдный мальчикъ, былъ отправленъ въ Москву для усовершенствованія. Угодивъ въ первопрестольную, А. Н. посѣщалъ «Московскій художественный классъ» (нынѣ училище живописи, ваянія и зодчества); а затѣмъ въ Строгоновскомъ училищѣ техническаго рисованія изучилъ черченіе. Послѣ этого, не имѣя средствъ къ существованію въ Москвѣ, юбиляръ уѣхалъ на родину, и здѣсь, въ Кузнецкѣ, поступилъ 24 марта 1843 года въ мѣстное уѣздное училище учителемъ рисованія и черченія по диплому, выданному Императорскою академіею художествъ; но, не довольствуясь своимъ положеніемъ, посвятилъ досуги на обстоятельное изученіе наукъ и въ декабрѣ 1847 года блестяще выдержалъ экзаменъ при Казанскомъ университетѣ по обще-спеціальному испытанію въ наукахъ и, впослѣдствіи, былъ переведенъ учителемъ русскаго языка въ Сердобское уѣздное училище. Живя въ Сердобскѣ, юбиляръ въ короткое время успѣлъ завоевать симпатіи мѣстнаго дворянства, которое единогласно избрало его на своихъ выборахъ въ ноябрѣ 1855 года дворянскимъ засѣдателемъ въ сердобскій уѣздный судъ. Перемѣна арены общественной дѣятельности направила энергію Аскалона Николаевича на занятія, которыя соотвѣтствовали его прирожденнымъ юридическимъ наклонностямъ и послужили толчкомъ даль-

Digitized by Google

нѣйшей полезной многолѣтней работы надъ памятниками старинной русской письменности.

Трехлѣтняя служба въ Сердобскѣ, въ качествѣ уѣзднаго судьи, обстоятельно познакомила юбиляра съ дореформеннымъ судопроизводствомъ, отчасти сходнымъ съ дѣлопроизводствомъ московскихъ приказовъ конца XVII вѣка. Эта служба оказала А. Н. Труворову важную услугу впослѣдствіи, когда, въ 1883-мъ г., Археографическая коммиссія поручила ему привести въ исполненіе Высочайшее повелѣніе императора Николая Павловича, данное въ 9-й день декабря 1843 года, издать въ свѣтъ первый уцѣлѣвшій въ старинной письменности политическій процессъ о злоумышленіяхъ окольничаго и начальника Стрѣлецкаго приказа Ѳедора Шакловитаго. Этотъ процессъ разбирался въ 1689-мъ году въ приказѣ розыскныхъ дѣлъ, и, безъ знакомства съ дореформеннымъ судопроизводствомъ, нельзя было привести въ систематическій порядокъ разрозненные, перепутанные и изорванные свитки и листы, а тѣмъ болѣе издать ихъ по существовавшей въ концѣ XVII вѣка формѣ, въ видѣ листовъ, склеенныхъ въ столбцы думными дьяками и подъячими.

Находясь на службѣ въ Сердобскѣ, А. Н. Труворовъ познакомился съ покойнымъ Н. В. Калачовымъ, который съумѣлъ выдѣлить юбиляра изъ среды провинціальной интеллигенціи. Онъ посовѣтовалъ Аскалону Николаевичу писать корреспонденціи въ «Московскія Вѣдомости», а его статью «О свадебныхъ обрядахъ крестьянъ Сердобскаго уѣзда» напечаталъ въ издававшемся тогда «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (1861 г.).

Съ 1858 года А. Н. Труворовъ живетъ въ Петербургѣ, участвовалъ сперва какъ сотрудникъ, затѣмъ, съ 1870 г., какъ членъ, въ трудахъ Археографической коммиссіи; а съ 1865 г., по приглашенію покойнаго графа Д. А. Толстаго, занимается въ синодальномъ архивѣ вмѣстѣ съ членами коммиссіи, Высочайше для сего учрежденной 6-го декабря 1865 года, состоя редакторомъ «Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи». Во вниманіе къ заслугамъ юбиляра, Археологическій институтъ избралъ его въ 1885 г. въ свои почетные члены, а въ 1891 г., послѣ смерти И. Е. Андреевскаго, единогласно—директоромъ института.

Такова въ немногихъ словахъ біографія А. Н. Труворова. Онъ до сихъ поръ не перестаетъ работать на общественномъ поприщѣ и своей неустанной энергіей, добротой, доступностью и простотой въ обращеніи пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее и большее количество поклонниковъ въ средѣ слушателей института. Археологическій институтъ хотя и крайне ограниченъ въ

Digitized by Google

средствахъ на содержаніе, но при его управленіи обогатился новыми молодыми профессорами (археологіи: Н. П. Веселовскій, палеографіи: А. И. Соболевскій и древней географіи: С. М. Середонинъ), и количество слушателей значительно увеличилось. Въ настоящее время кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, шире, чѣмъ во французской Ecole des Chartes, послужившей прототипомъ института.

Перу юбиляра принадлежатъ много цѣнныхъ трудовъ. Изъ сочиненій, разбросанныхъ въ ежедневныхъ газетахъ: «Сѣверная Пчела», «Биржевыя Вѣдомости», «Акціонеръ», «Голосъ» и друг., а также въ журналахъ: «Юридическій Вѣстникъ», «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», «Русскій Архивъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Вѣстникъ археологіи и исторіи», «Сѣверъ», назовемъ слѣдующія: «Заключительное слово о статьѣ 1140-й т. X, ч. 1, зак. граж.— о братьяхъ единокровныхъ и единоутробныхъ» (этою статьею руководствуются юристы до сихъ поръ, какъ только дѣло коснется до разбора въ дѣлахъ о правахъ по наслѣдству такихъ братьевъ). «Какъ легко ошибиться при производствѣ слѣдствія», «Былое изъ Пугачевщины», «Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII вѣка», «О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ», «О послѣднихъ дняхъ жизни Н. В. Калачова», и «Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей». Отдѣльно изданы подъ его редакціею: I, IV, V и VII томы «Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія» (изданіе Св. Синода), «Указатель къ лѣтописи по ипатскому списку», «Указатели» къ первымъ десяти томамъ «Дополненій къ актамъ историческимъ», V томъ «Русской исторической библіотеки» и четыре тома «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ» (изданы Археографическою коммиссіею). Составленные имъ «Обзоры дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій» за 1890 и 1891 гг. удостоились Высочайшей благодарности [1]).

Его императорское высочество великій князь Сергій Александровичъ удостоилъ юбиляра высокой чести, прославъ изъ Москвы телеграмму слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ были помѣщены слѣдующія статьи и сообщенія: 1) „Разсказы изъ жизни архіепископа Иринея“, 1879 г., т. 24-й. 2) „Аламъ“. 1887 г., т. 54-й. 3) „Московская старина“. 1887 г., т. 56-й и 1888 г., т. 57-й. 4) „О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ“. 1887 г., т. 56-й и 1889 г., т. 62-й. 5) „Секретарь Бѣлоградской провинціи Парохомовъ“. 1888 г., т. 58-й. 6) „Челобитная князя Антіоха Дмитріевича Кантемира 1724 года“. 1888 г., т. 58-й.

Digitized by Google

«Искренно привѣтствую васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей службы. Да сохранитъ васъ Господь еще на многіе годы для блага науки, которой вы себя посвятили, и на пользу Археологическаго института, ввѣреннаго вашему просвѣщенному руководительству. Сергѣй».

Кромѣ того, юбиляра привѣтствовали письмами и телеграммами: членъ Государственнаго Совѣта, предсѣдатель Археографической коммиссіи А. Ѳ. Бычковъ, товарищъ предсѣдателя Императорскаго Россійскаго историческаго музея И. Е. Забѣлинъ, сенаторъ статсъ-секретарь Н. Н. Селифонтовъ, сенаторъ Г. К. Рѣпинскій, членъ совѣта министра финансовъ Д. Ѳ. Кобеко, директоръ департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства В. В. Калачовъ, Тамбовская, Нижегородская и Саратовская губернскія ученыя архивныя коммиссіи и многія другія лица и профессора Археологическаго института.

И. Е. Забѣлинъ въ своемъ письмѣ слѣдующими словами характеризовалъ дѣятельность юбиляра:

«Позвольте мнѣ принести вамъ искреннѣйшее сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося полувѣковаго вашего служенія на пользу родины и на пользу русской исторической науки, ознаменованнаго въ высокой степени почтенными и столь значительными трудами по обработкѣ и изданію ея первоисточниковъ — этого самаго важнѣйшаго дѣла для твердаго основанія науки. Да здравствуетъ и процвѣтаетъ Археологическій институтъ, пользуясь вашимъ попечительствомъ и столь опытнымъ и многосторонним руководствомъ во всѣхъ отдѣлахъ нашей археографіи и археологіи на многіе и многіе годы!»

Саратовская губернская ученая архивная коммиссія препроводила юбиляру свой адресъ, въ слѣдующихъ сочувственныхъ къ своему родичу словахъ:

«По случаю состоявшагося пятидесятилѣтія службы вашей родимой странѣ, коммиссія назначила экстренное засѣданіе свое и, выслушавъ рефераты своихъ сочленовъ о вашей жизни и дѣятельности, равно какъ о трудахъ вашихъ для исторіи саратовскаго края, постановила присоединить и свой привѣтственный голосъ къ общему чествованію вашего полезнаго служенія. Велико и мало воздѣлано поле родной археографіи и археологіи, но тѣмъ скорѣе оно будетъ разработано, чѣмъ болѣе явится дѣятелей съ такимъ призваніемъ и такою любовью къ своему дѣлу, какими проникнуты вы. Будучи достойнымъ преемникомъ Н. В. Калачова, вызвавшаго къ жизни провинціальныя архивныя коммиссіи, вы и личнымъ трудомъ и энергичною поддержкою своею ободряете насъ въ нашихъ

Digitized by Google

общихъ съ вами работахъ. Тѣмъ искреннѣй и горячѣй наше привѣтствіе, что вы принадлежите саратовскому краю и по рожденію, и по первымъ шагамъ своей дѣятельности».

На актѣ, происшедшемъ 17-го мая въ Археологическомъ институтѣ, въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія, слушатели Археологическаго института поднесли своему директору, А. Н. Труворову, слѣдующій адресъ:

Ваше превосходительство
Аскалонъ Николаевичъ!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вы выступили на поприще общественнаго служенія съ цѣлью посвятить всѣ силы свои наукѣ и родинѣ. Прошло полвѣка, и наступило для васъ время высокой радости. Не количество привѣтствій, не размѣры чествованія служатъ мѣриломъ этой радости, а ваше внутреннее сознаніе. Оно должно испытывать полное удовлетвореніе, такъ какъ протекшая дѣятельность ваша дала цѣнные плоды для русской археографіи, русской археологіи и русской исторической и юридической науки.

Не намъ, слушателямъ вашимъ, оцѣнивать научные труды ваши. Они достойно оцѣнены лучшими представителями археографіи и исторической древности. И. Е. Забѣлинъ, привѣтствуя васъ, указываетъ на ваши въ высокой степени почтенные и значительные труды по обработкѣ и изданію первоисточниковъ исторической науки. Еще ранѣе, покойные Н. В. Калачовъ и графъ Д. А. Толстой обратили вниманіе на вашу плодотворную дѣятельность, на вашу энергію, самостоятельность и настойчивость въ достиженіи полезныхъ для науки результатовъ. Имя ваше увѣковѣчено научными трудами вашими.

Въ настоящее время вы, Аскалонъ Николаевичъ, являетесь достойнѣйшимъ преемникомъ по управленію Археологическимъ институтомъ основателя и перваго директора института Н. В. Калачова и затѣмъ И. Е. Андреевскаго. Мы, слушатели института, видимъ ваше доброжелательство къ намъ и ту любовь, съ какою вы входите въ подробности внутренней жизни Археологическаго института. Еще нѣтъ и двухъ лѣтъ, какъ вы стоите во главѣ института, а уже плоды вашей заботливости о его процвѣтаніи успѣли сказаться. Подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководительствомъ институтъ обогатился новыми почтенными учеными силами и въ настоящее время имѣетъ счастіе видѣть въ числѣ своихъ преподавателей признанныя и блестящія научныя свѣтила.

Позвольте же намъ, высокоуважаемый и дорогой Аскалонъ Николаевичъ, воспользоваться настоящимъ торжественнымъ для насъ днемъ, чтобы принести вамъ нашъ искренній и горячій привѣтъ со столь достойно совершеннѣйшимъ пятидесятилѣтіемъ вашей дѣятельности. Мы хотимъ, чтобъ грядущіе слушатели Археологическаго института знали, что Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ пріобрѣлъ себѣ наши симпатіи, любовь и уваженіе. Да хранитъ Господь вашу драгоцѣнную жизнь на долгіе, долгіе годы для пользы родины, славы науки и гордости Археологическаго института.

Ред.

Digitized by Google

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

Мой разсказъ начинается съ 1841 года, а именно съ того времени, когда я прибылъ на Кавказъ, въ этотъ край, богатый природой, обильный военными событіями и разнообразный нравами, обычаями и образомъ жизни своихъ обитателей. По этимъ причинамъ, въ моихъ запискахъ, одновременно съ военными событіями, описывается и та мѣстность, по которой мнѣ приходилось проѣзжать въ экипажѣ и верхомъ, или дѣйствовать и двигаться съ войсками, и тѣ обитатели, съ которыми мы, русскіе, жили въ мирѣ и войнѣ.

Но такъ какъ въ продолженіе моего двадцати-пяти-лѣтняго служенія на Кавказѣ мнѣ пришлось проѣхаться по разнымъ направленіямъ этого края и перебывать на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій,—и не одинъ разъ, то читатель ознакомится съ Чечней, Дагестаномъ, Лезгинской линіей, Закубанскимъ пространствомъ и Черноморской береговой линіей. Онъ ознакомится также съ военно-грузинской дорогой, Тифлисомъ, грузинами, армянами, мингрельцами и другими обитателями Закавказья. Въ этихъ же запискахъ читатель прочтетъ и о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи съ 1853 по 1856 годъ.

Разсказъ я излагаю въ пяти частяхъ, подраздѣливъ каждую изъ нихъ на нѣсколько главъ. Повѣствованіе мое излагается съ 1841 года въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ первой части описываются: 1) Ставрополь и лица, составлявшія тогдашнюю военную администрацію, а также дѣлается обзоръ событіямъ, случившимся на Кавказѣ въ первые три года моего на немъ пребыванія, о которыхъ я имѣлъ самыя положительныя свѣдѣнія, потому что въ моихъ рукахъ сосредоточивалась вся переписка по военнымъ дѣйствіямъ; 2) военныя дѣйствія въ 1844 г. въ Чечнѣ и Дагестанѣ, а также пребываніе мое въ Воздвиженской до августа 1845 года; при этомъ очерчиваются нравы, обычаи, образъ жизни, управленіе и веденіе войны

Digitized by Google

чеченцами и лезгинами, и 3) послѣднія двѣ главы этой части содержатъ въ себѣ: вторженіе Шамиля въ Кабарду въ апрѣлѣ 1846 года, нападеніе закубанцевъ въ 1847 году на Сенгилѣевку и пребываніе мое въ 1848 году на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ преимущественно описаніе военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, во время служенія моего, съ 1849 по октябрь 1853 года, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, относящихся до характеристики разныхъ личностей тогдашней военной администраціи, въ этой части разсказывается о зимнихъ экспедиціяхъ 1849, 1850, 1851 и 1852 годовъ. Независимо этого, въ одной главѣ описывается посѣщеніе государемъ наслѣдникомъ Кавказа въ 1850 году, а другая заключаетъ образъ жизни, характеръ, наклонности и привычки князя Барятинскаго.

Въ третьей части разсказываются происшествія, случившіяся съ небольшимъ въ продолженіе одного года, тогда какъ первая часть заключаетъ въ себѣ восьмилѣтній, а вторая часть—четырехъ-лѣтній періодъ времени. Но зато все, что описывается въ этой части, разнообразнѣе и по пространству, которое я проѣхалъ, и важнѣе по событіямъ, совершившимся въ этотъ короткій періодъ времени. До сихъ поръ разсказъ мой касался собственно Кавказской линіи и преимущественно лѣваго фланга; въ третьей же части я переношусь въ Грузію и на границу нашу съ Азіатской Турціей. До сего времени я вращался исключительно между кавказскими горцами, описывая окружающую ихъ природу, ихъ обычаи, нравы и борьбу за свою независимость и свободу; тутъ же я описываю мѣстность Закавказья, образъ жизни, нравы и обычаи не только грузинъ, но и другихъ жителей этого богатаго края. Вмѣсто же враждебныхъ намъ черкесъ, чеченцевъ и лезгинъ, являются турки, поражаемые нами подъ Башкадыкларомъ и на поляхъ Кюрукъ-дара.

Четвертая часть по содержанію своему имѣетъ преимущественно характеръ мирнаго и военно-административнаго направленія. Въ ней, за исключеніемъ пребыванія моего въ 1855 году на Лезгинской линіи и въ Кахетіи, а въ 1856 году въ Александрополѣ и Карсской области, все время, до 1861 года, проходитъ въ административныхъ занятіяхъ по управленію кавказской арміей. Постояннымъ моимъ мѣстомъ жительства въ эти четыре года дѣлается Тифлисъ, который я нарочно описываю въ разныя времена года, изъ желанія ознакомить читателя съ прекрасною его природой и разнообразною жизнью его обитателей. Говоря о Тифлисѣ, я буду касаться типическихъ личностей, а также военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, не обращая вниманія, полезны или вредны были ихъ дѣйствія для края, а выставляя ихъ въ истинномъ, прямомъ свѣтѣ. Въ этой же части описываются военныя дѣйствія на восточномъ Кавказѣ до его покоренія и плѣна Шамиля, въ которыхъ я

Digitized by Google

хотя лично не участвовалъ, но имѣлъ самыя точныя и положительныя свѣдѣнія, зная при этомъ съ подробностію ту мѣстность, на которой эти военныя дѣйствія происходили.

Наконецъ, пятая часть заключаетъ въ себѣ описаніе состоянія западнаго Кавказа послѣ войны 1853—1856 годовъ, борьбу съ нами его обитателей и окончательное его покореніе въ 1864 г. И въ этой части, вмѣстѣ съ военными событіями, описывается мѣстность, которая служитъ театромъ военныхъ дѣйствій, нравы, обычаи, образъ жизни и управленіе тѣхъ обитателей, съ которыми мы воюемъ и заставляемъ ихъ или поселиться на указанныхъ имъ мѣстахъ, или уйти въ Турцію. Въ этой же части описываются кромѣ главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ къ умиротворенію Кавказа, и тѣ личности, которыя съ пользой или вредомъ вліяли на ходъ военныхъ дѣйствій.

Будучи или прямымъ дѣятелемъ, или свидѣтелемъ тѣхъ славныхъ подвиговъ, неимовѣрныхъ трудовъ и страшныхъ лишеній, совершонныхъ и испытанныхъ войсками, какъ непосредственно состоящими подъ моимъ начальствомъ, такъ и вообще принадлежащими къ кавказской арміи,—я разсказываю, какъ очевидецъ, безъ малѣйшихъ прикрасъ о всемъ томъ, что̀ совершалось на самомъ дѣлѣ.

М. Ольшевскій.

ЧАСТЬ I.

I.

Ставрополь и мое пребываніе въ этомъ городѣ по 1844 годъ.— Очеркъ событій, случившихся на Кавказѣ въ это трехлѣтіе.

Начинаю мой разсказъ съ Ставрополя, въ которомъ я провелъ безвыѣздно три года, послѣ прибытія моего на Кавказъ.

Областной Ставрополь былъ менѣе населенъ и далеко хуже обстроенъ настоящаго губернскаго [1]). Каменные двухъ или трехъ-этажные дома, даже на большой улицѣ, были на счету.—Мощеныхъ или шоссированныхъ улицъ не было. Тротуары были до того узки и неровны, что нужно было быть ловкимъ ходокомъ и эквилибристомъ, чтобы въ ночное время, а въ особенности послѣ дождя, не попасть въ глубокую

---

[1]) Это сравненіе относится къ 1866 году, когда я оставилъ Кавказъ, и къ 1868 году, когда я, проѣзжая на Кавказскія минеральныя воды, провелъ нѣсколько дней въ этомъ городѣ. М. О.

Digitized by Google

канаву, наполненную разными нечистотами, или не помять себѣ бока послѣ паденія.

Въ областномъ Ставрополѣ не было существующаго нынѣ длиннаго бульвара, обсаженнаго высокими тополями, акаціями и липами; въ то время только верхняя часть бульвара до фонтана была засажена небольшими деревцами. Бабина же роща, нынѣшній красивый городской садъ, была не мѣстомъ пріятнаго препровожденія времени, а скорѣе притономъ бѣглыхъ и мошенниковъ.

На «Крестовой горѣ» не возвышалось собора, красы Ставрополя; да и на самыхъ покатостяхъ этой горы, тогда изрытыхъ ямами,—откуда добывались глина и песокъ,—не было настоящаго парка.

Огромное пространство между домомъ командующаго войсками и госпиталемъ, на которомъ теперь возвышаются красивыя каменныя казенныя и частныя зданія, въ то время было пусто, и на немъ осенью и зимою не разъ случалось слышать вой волковъ, и даже встрѣчаться съ ними, или по часамъ блуждать по этой огромной площади въ туманъ и мятель.

Но если областной Ставрополь былъ по наружности хуже настоящаго губернскаго, зато въ немъ было болѣе веселаго и боеваго разгула; даже торговая дѣятельность была въ немъ громаднѣе.

Будучи средоточіемъ гражданскаго и военнаго управленія Кавказа, въ немъ производились подряды на сотни тысячъ рублей. Онъ былъ мѣстомъ склада не только военныхъ, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, но и депо для купеческихъ товаровъ, какъ потребляемыхъ жителями и войсками, такъ и отправляемыхъ за Кавказъ.

Кромѣ большаго штаба и разныхъ лицъ, которыми генералъ Граббе любилъ себя всегда окружать ради почета, Ставрополь наполнялся на нѣсколько мѣсяцевъ военною молодежью, лучшихъ и богатыхъ фамилій, пріѣзжавшею изъ Петербурга за чинами и крестами, щедро на нее сыпавшимися за кратковременныя экспедиціи.

Много денегъ тратилось на прихоти и фантазіи сынковъ и племянничковъ нашихъ аристократовъ, а пожалуй нашихъ крезовъ-откупщиковъ. Большіе барыши перепадали на долю торговцевъ азіятскимъ оружіемъ, сѣдлами, сбруей, черкесками, папахами и даже чевяками.

Каждый изъ пріѣзжающихъ аристократовъ создавалъ себѣ по нѣскольку азіатскихъ туалетовъ.

И дѣйствительно чудны были костюмы многихъ изъ нихъ, въ особенности для верховой ѣзды. А сколько раскупалось ковровъ, канаусу, бурсы, гулишъ-мамы и другихъ матерій, нужныхъ и ненужныхъ, а единственно потому только, что онѣ были азіатскія.

Но болѣе всѣхъ извлекалъ для себя пользы отъ такого посѣщенія

Digitized by Google

Ставрополя военною молодежью грекъ Н о и т а к и, содержатель гостиницы, хотя не единственной, но безспорно самой лучшей въ городѣ.

Музыка, пѣніе, говоръ, стукотня бильярдныхъ шаровъ, хлопанье пробокъ изъ шампанскихъ бутылокъ, чоканье бакалами и крики «ура!» внутри гостиницы; ѣзда биржевыхъ дрожекъ и другихъ экипажей— снаружи, почти не умолкали ни днемъ, ни ночью.

Подчасъ случались и скандальчики въ родѣ того, что понтеры набросятся на шуллера-банкомета и спровадятъ его по-добру по-здорову за двери; или, въ минуты вакхическаго увлеченія, перебьютъ посуду и зеркала и переломаютъ мебель. А это и на руку содержателю гостиницы, потому что онъ разсчитается съ виновными, не только по-русски въ три-дорога, а по-гречески въ десятерицу.

Моя служба на Кавказѣ, какъ офицера генеральнаго штаба, хотя началась въ штабѣ и, хотя я вертѣлся въ сферѣ главнаго начальства и въ кругу высшей военной молодежи; но первому я никѣмъ не былъ зарекомендованъ; съ послѣднею же я не желалъ сближаться.

Не успѣлъ я прибыть въ Ставрополь, какъ на меня была возложена обязанность старшаго адъютанта. Такая должность всегда неохотно занималась офицерами генеральнаго штаба, потому что, кромѣ огромныхъ письменныхъ занятій, она лишала возможности участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это назначеніе было для меня крайне непріятно, но скрѣпя сердце я предался, если не съ увлеченіемъ, то съ стараніемъ, моимъ новымъ занятіямъ. Изъ этого оказывается, что дѣлить время съ молодежью за картами и въ вакхическихъ удовольствіяхъ мнѣ не дозволяли не только мои средства, потому что я жилъ однимъ жалованьемъ, но и занятія.

Горько мнѣ было, что мои мечты и фантазіи, съ которыми я ѣхалъ на Кавказъ, на первомъ шагу не осуществились и, что вмѣсто боевой жизни, пришлось по-прежнему сидѣть надъ бумагами. Но можетъ быть грусть моя и не была бы столь велика, если бы ближайшіе мои начальники, съ которыми мнѣ приходилось дѣлить мои служебныя занятія, были другія, болѣе доступныя и съ теплой душой, лица.

Старшій изъ нихъ, не оставившій по себѣ хорошей памяти впослѣдствіи и по гражданской администраціи, былъ надмененъ, гордъ, лѣнивъ, нетерпѣливъ. Кромѣ природной гордости флигель-адъютантъ Александръ Семеновичъ Т р а с к и н ъ кичился родствомъ, хотя отдаленнымъ, съ однимъ изъ владыкъ міра сего. Лѣность его происходила отъ непомѣрной толстоты, которая въ особенности для него была тяжела во время лѣта, когда нетерпѣливость его въ докладахъ доходила до отвращенія. Любя вообще хорошо пожить, а въ особенности поѣсть (но только не съ своими подчиненными), на что́ собственныя средства были недостаточны, несмотря на это, онъ умѣлъ проживать болѣе, нежели получалъ.

Digitized by Google

Совсѣмъ другимъ лицомъ являлся его помощникъ и мой непосредственный начальникъ. Трудолюбіе, долготерпѣніе, невозмутимое хладнокровіе были главными отличительными его чертами. Сколько Александръ Семеновичъ Траскинъ былъ тученъ и кубикообразенъ, настолько Иванъ Ивановичъ Норденстамъ былъ тонокъ, строенъ, высокъ ростомъ и красивъ собою. Сколько первый любилъ пожить, пожуировать и поволочиться, настолько послѣдній былъ разсчетливъ, серьезенъ и равнодушенъ къ прекрасному полу... Но чтобы не прописаться, этимъ ограничиваю мою сравнительную характеристику Александра Семеновича Траскина съ Иванъ Ивановичемъ Норденстамъ.

Однако, говоря о штабномъ начальствѣ Кавказской линіи, не могу пройти молчаніемъ о другомъ помощникѣ Александра Семеновича, тѣмъ болѣе, что лицо, занимавшее это мѣсто, ворочало многими сложными денежными дѣлами. Левъ Ивановичъ К — въ, сошедшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ съ военнаго поприща, а теперь сошедшій и въ могилу, походилъ во многомъ на своего главу штабной администраціи. Онъ былъ также весьма толстъ, любилъ поѣсть и попить, хотя не столь гастрономически и утонченно, какъ Александръ Семеновичъ; при томъ былъ менѣе расточителенъ и любилъ копить деньгу, какъ выражался, на черный день и накопилъ ея столько, что купилъ очень порядочное имѣніе и выстроилъ двухъ-этажный домъ.

Левъ Ивановичъ избѣгалъ знакомства съ ставропольской аристократіей, въ особенности семейной, но не чуждался холостыхъ обѣдовъ и попоекъ. Болѣе же всего онъ любилъ купечество, съ которымъ обдѣлывая на сотни тысячъ подряды, порядочно на ихъ счетъ грѣлъ себѣ руки.

Оканчивая этимъ очеркъ личностей, вліявшихъ на дѣла военной администраціи и бывшихъ моими ближайшими начальниками, во время прибытія моего на Кавказъ, обращаюсь къ описанію важныхъ событій, совершившихся въ 1841, 1842 и 1843 годахъ.

Мнѣ очень хорошо извѣстны были событія, совершавшіяся въ Чечнѣ, Дагестанѣ, на правомъ флангѣ Кавказской линіи и въ Черноморіи, потому что реляціи и распоряженія, относящіяся до этихъ частей Кавказа, сосредоточивались въ томъ управленіи, въ которомъ я служилъ. Что же касается Черноморской береговой линіи, то и объ ней имѣлись достаточныя свѣдѣнія.

Возстаніе чеченскаго населенія и неудачная экспедиція генерала Галафѣева, а равно возмущенія не только отдѣльныхъ ауловъ, но цѣлыхъ обществъ въ Дагестанѣ, показывали, что наши дѣла на Восточномъ Кавказѣ, гдѣ прочно властвовалъ Шамиль, въ концѣ 1840 года были крайне незавидныя. При такомъ положеніи, прежнее число войскъ

Digitized by Google

оказывалось недостаточнымъ, а потому средства Чечни и Дагестана были усилены 14-ю пѣхотной дивизіей.

Принимая во вниманіе это усиленіе Чечни и Дагестана, на 1841 годъ было составлено предположеніе для производства рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Двѣ массы войскъ, сосредоточенныя у Темиръ-Ханъ-Шуры и Внезапной, одновременно открыли военныя дѣйствія.

Корпусный командиръ, генералъ отъ инфантеріи Головинъ, двинулся отъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Черкею, многолюдному и богатому аулу, игравшему во всѣхъ событіяхъ Дагестана важную роль, и приступилъ къ постройкѣ Евгеніевскаго укрѣпленія, названнаго такъ по его имени. Генералъ-адъютантъ Граббе, съ другой массой войскъ, открылъ дѣйствія въ Аухѣ и Салатавіи.

Пока наши войска дѣйствовали такимъ образомъ въ продолженіе лѣта, въ горахъ было спокойно. Съ окончаніемъ же Ауховской экспедиціи и съ отъѣздомъ корпуснаго командира въ Тифлисъ, начались волненія въ Дагестанѣ. Кибитъ-Магома успѣлъ подговорить къ возстанію жителей Андалаля. Послѣ долгихъ колебаній и жестокихъ настояній Шамиля, окончившихся избіеніемъ многихъ вліятельныхъ лицъ, возстали Андія и Гумбетъ. Если бы не энергическія дѣйствія генерала Клюки-фонъ-Клугенау, то можетъ быть и Аварія къ концу года не осталась бы за нами.

Чечня находилась въ полномъ возстаніи. Только старопюртовцы и брагунцы остались намъ вѣрны; всѣ же прочіе чеченскіе аулы, жившіе между Терекомъ и Сунжею, ушли за эту послѣднюю рѣку. Огромныя партіи чеченцевъ тревожили не только кумыковъ и гарнизоны нашихъ передовыхъ укрѣпленій, но и наши казачьи поселенія на Терекѣ.

Не въ лучшемъ положеніи находились дѣла на правомъ флангѣ Кавказской линіи и въ Черноморіи. Общества черкесскаго и абазинскаго происхожденія, хотя не могли дѣйствовать столь единодушно, какъ чеченцы и дагестанцы, потому что у нихъ не было властителя, подобнаго Шамилю, несмотря на это, они сильно и часто безпокоили наши казачьи поселенія.

На правомъ флангѣ болѣе всѣхъ доставалось нашимъ станицамъ, по Кубани расположеннымъ, отъ махошевъ, егерукаевъ, темиргоевъ, башильбаевъ, бѣглыхъ кабардинцевъ, и въ особенности отъ бесленѣевъ, предводительствуемыхъ ихъ лихимъ княземъ Айтекъ-Каноковымъ.

Черноморія [illegible]го тревожилась отъ набѣговъ бжедуховъ и шапсуговъ.

Но болѣе нежели въ печальномъ положеніи находилась Черноморская береговая линія, управляемая генераломъ Раевскимъ, мечта-

Digitized by Google

телемъ, либераломъ, фразеромъ какъ на словахъ, такъ и на бумагѣ, и не терпѣвшимъ подчиненія.

Гарнизоны укрѣпленій, расположенныхъ по берегу моря у впаденія рѣкъ: Пшады, Вулана, Джубы Туабсе, Псесуапе, Шахе и Соче, умирали отъ цынги и лихорадокъ, и гибли отъ пуль и шашекъ. Укрѣпленія Лазаревское, Веньяминовское, Михайловское и Николаевское подверглись штурму горцевъ и были ими взяты; причемъ гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія, во избѣжаніе позорнаго плѣна, взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ съ ворвавшимся въ него непріятелемъ. Экспедиція между Сочей и Адлеромъ была неудачна и стоила намъ большихъ потерь.

Крейсированіе нашихъ судовъ у непріязненныхъ намъ береговъ не могло быть успѣшно, потому что суда, изъ опасенія крушенія, скорѣе должны были держаться открытаго моря, нежели береговъ. По этой причинѣ сношенія черкесовъ съ турками, а равно торговля людьми и провозъ контрабанды по-прежнему продолжались.

1842 годъ собственно въ Дагестанѣ начался весьма благопріятно для насъ. Удачныя и энергическія дѣйствія снова назначеннаго туда командующимъ войсками генерала Фези были столь успѣшны, что къ апрѣлю весь Дагестанъ былъ усмиренъ и вліяніе Шамиля подавлено. Но, съ отозваніемъ генерала Фези, по интригамъ, въ Тифлисъ, спокойствіе въ горахъ нарушилось.

Въ маѣ вспыхнуло, нѣсколько мѣсяцевъ тлѣвшее, возстаніе въ Казикумухскомъ ханствѣ, до того намъ преданномъ и покорномъ. Геройское сопротивленіе подъ Ричой трехсотъ нашихъ храбрецовъ дало возможность разбросаннымъ нашимъ войскамъ сосредоточиться, а разбитіе полковникомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ [1]) сначала скопищъ Хаджи-Ягъ и подъ Шуарклю въ пяти верстахъ отъ Кумуха, а потомъ и самого Шамиля подъ Кюлюли, возстановили спокойствіе въ Казикумухѣ и вообще въ южномъ Дагестанѣ.

Одновременно съ такимъ успѣшнымъ ходомъ дѣла въ южномъ Дагестанѣ совершилась кровавая катастрофа въ Ичкеринскомъ лѣсу съ нашимъ отрядомъ, долженствовавшимъ, согласно общихъ предположеній, дѣйствовать наступательно на Дарго и далѣе въ Андію и Гумбетъ, на соединеніе съ войсками Дагестана.

Начальствованіе надъ этимъ отрядомъ возложено было на генералъ-адъютанта Граббе, человѣка съ большой энергіей, рыцарской храбрости,

---

[1]) Это тотъ самый князь Моисей Захаровичъ, который, будучи грозою непокорныхъ племенъ Дагестана, столь честно управлялъ Прикаспійскимъ краемъ въ продолженіе почти десяти лѣтъ и окончилъ свою боевую жизнь въ 1855 году генераломъ отъ кавалеріи и генералъ-адъютантомъ.

Digitized by Google

рѣшительнаго и предпріимчиваго, но, какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, мало знакомаго съ мѣстностію, на которой ему пришлось дѣйствовать, и пренебрегшаго тѣмъ непріятелемъ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло.

Эту непродолжительную, но кровавую и возвеличившую славу нашего противника экспедицію очертимъ съ нѣкоторою подробностію.

Сосредоточенные подъ укрѣпленіемъ Герзель-ауломъ двѣнадцать баталіоновъ, двадцать четыре орудія и три съ половиною сотни казаковъ 30-го мая двинулись вверхъ по лѣвому берегу Аксая, съ огромнымъ обозомъ, нагруженнымъ продовольствіемъ и боевыми запасами, до-нельзя замедлявшимъ и стѣснявшимъ движеніе отряда, въ особенности съ того времени, когда пошелъ дождь, и бывшимъ одной изъ главныхъ причинъ нашего пораженія.

Вѣсть о вторженіи русскихъ быстро распространилась въ горахъ, и на помощь ичкеринцамъ, храбро сопротивлявшимся, подъ начальствомъ своего наиба Шуаиба-Муллы въ продолженіе первыхъ двухъ дней, прибыли жители большой Чечни, ауховцы, андійцы и гумбетовцы,— и 1-го іюня, когда пройдено было не болѣе двадцати верстъ отъ Герзель-аула, отрядъ былъ окруженъ густыми толпами непріятеля.

Со всѣхъ сторонъ кипѣлъ бой; въ особенности онъ былъ упоренъ и кровопролитенъ въ авангардѣ и въ правомъ прикрытіи, гдѣ кабардинцамъ пришлось брать многіе завалы; одинъ же изъ нихъ, устроенный на урочищѣ Кажалыкѣ, былъ заваленъ нашими и непріятельскими трупами. Потеря съ нашей стороны была огромна: она простиралась до шестисотъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Сверхъ того, сильно пострадала артиллерія въ матеріальномъ отношеніи; а подъ орудіями много было перебито лошадей. Между тѣмъ до Дарго едва была пройдена половина пути, а мѣстность становилась все гористѣе и пересѣченнѣе. Чего стоилъ бы одинъ переходъ черезъ крутой и глубокій оврагъ передъ Шуани?

Гордость и самолюбіе Граббе были сильно задѣты и потрясены. Долго колебался и много перестрадалъ онъ въ ночь съ 1-го на 2-е іюня, чтобы рѣшиться на отступленіе. Наконецъ, необходимость и благоразуміе взяли верхъ.

2-го іюня отрядъ предпринялъ обратное движеніе посреди страшнаго боя, кипѣвшаго со всѣхъ сторонъ, особенно же кровопролитнаго и упорнаго въ арріергардѣ, гдѣ и въ этотъ день, какъ и въ предъидущій, былъ героемъ Лабынцевъ [1]), съ Кабардинскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ до 1840 года. Непріятель, пользуясь общимъ замѣ-

[1]) Въ настоящее время генералъ-отъ-инфантеріи и числится по запаснымъ войскамъ. Въ 1842 году былъ генералъ-маіоръ и командиръ бригады.

Digitized by Google

шательствомъ, успѣлъ было захватить шесть орудій; но подполковникъ Траскинъ (командиръ баталіона) съ своими кабардинцами отбилъ ихъ обратно и палъ, пораженный нѣсколькими пулями.

Этотъ день былъ самый ужасный: дорога загромождалась трупами людей, лошадей и изломанными повозками; непріятель насѣдалъ съ неистовствомъ; всѣ части разстроились отъ потери своихъ начальниковъ. Рѣшено было стянуть войска въ боевой порядокъ и ждать приближенія ночи, когда непріятель по обыкновенію расходился на ночлегъ по ближайшимъ ауламъ и хуторамъ.

Какъ только смерклось, отрядъ, побросавъ всѣ тяжести, въ глубокой тишинѣ началъ продолжать отступленіе. Съ наступленіемъ дня, хотя бой возобновился, но онъ уже не былъ такъ упоренъ и кровопролитенъ, какъ наканунѣ.

4-го іюня отрядъ, совершенно разстроенный и деморализованный, начиная съ своего гордаго главнаго начальника, съ потерею 490 убитыхъ и 1.300 раненыхъ, расположился уныло подъ стѣнами Герзель-аула, изъ котораго онъ выступилъ торжественно и побѣдоносно пять дней тому назадъ.

Всѣ горы торжествовали столь огромное и небывалое до того въ лѣтописяхъ Кавказа пораженіе. Шамиль, забывъ неудачи свои въ Казикумухѣ, изъ котораго онъ только-что прибылъ въ Дарго, снова очнулся и сталъ набирать скопища, съ намѣреніемъ напасть на Аварію.

Но и Граббе, желая озарить свою славу, помраченную Ичкерійскимъ лѣсомъ, а также побуждаемый военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, объѣзжавшимъ въ то время Кавказъ, предпринялъ наступательное движеніе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на Андійское Койсу къ Игали и Тлоху.

Отрядъ состоялъ изъ одиннадцати баталіоновъ, двадцати трехъ орудій и трехъ сотенъ казаковъ и милиціи, исключительно принадлежащихъ Дагестану. Однако и эта экспедиція была мало успѣшна и ограничилась взятіемъ и истребленіемъ мятежнаго аула Игали, стойко защищавшагося мюридами, присланными Шамилемъ на помощь жителямъ, и разработкой дороги въ Аварію.

Такимъ образомъ, несмотря на огромныя средства, главная цѣль экспедиціи 1842 года не только не была достигнута и не содѣйствовала къ поколебанію могущества Шамиля, а напротивъ усилила его вліяніе, поселивъ въ горцахъ глубокую довѣренность къ его уму и счастію. Потери непріятеля далеко уступали нашимъ въ числительности, даже не исключая Казикумуха, гдѣ главная масса убитыхъ состояла изъ жителей этого ханства, которыхъ Шамиль не имѣлъ причины беречь.

Съ 1842 года непріятель имѣлъ полную возможность оцѣнить затрудненія, встрѣчаемыя нами при дѣйствіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ ему представлялось безпрепятственно тревожить насъ со всѣхъ сторонъ. До тѣхъ поръ въ горахъ еще сохранилась увѣренность въ непобѣдимости русскихъ. Неудача же 1842 года, къ несчастію, поколебала и это убѣжденіе. Дерзость непріятеля возросла до того, что онъ снова сталъ мечтать объ изгнаніи насъ съ Кавказа, подобно тому, какъ это было въ лучшія времена Кази-Муллы.

Наши дѣла не улучшились противъ прошлогодняго и на западномъ Кавказѣ. Закубанцы сдѣлались какъ-будто бы еще предпріимчивѣе. Они начали нападать смѣлѣе и безнаказаннѣе на станицы и укрѣпленія. Такъ подверглись нападенію станицы Васюринская. Татарская и Темнолѣсская. Было покушеніе на Абинъ, и даже Екатеринодаръ былъ однажды въ опасности. Тревоги и хищничества по Кубани были почти повсемѣстныя и ежедневныя. Впрочемъ, въ этомъ году сдѣланъ былъ положительный шагъ впередъ; началось устройство и заселеніе Лабинской линіи. Первыми станицами были Засовская, Владимірская и Лабинская.

На Черноморской береговой линіи, хотя наши укрѣпленія не подвергались нападенію непріятеля, но гарнизоны по-прежнему были заперты въ своихъ укрѣпленіяхъ и по-прежнему страдали и умирали отъ болѣзней, преимущественно же отъ цынги и лихорадокъ.

1843 г о д ъ начинаю съ разсмотрѣнія перемѣнъ, происшедшихъ съ главными лицами въ управленіи.

Мѣсто корпуснаго командира Головина заступилъ генералъ-адъютантъ Н е й д г а р д ъ, бывшій генералъ-квартирмейстеръ. Безспорно, онъ былъ человѣкъ очень образованный, умный, честный и благородный, но не годился для управленія Кавказомъ по мелочному педантизму и незнанію того края, куда онъ назначался главою. Даже дикая природа Кавказа на него производила непріятное впечатлѣніе.

Е. А. Головинъ по монашескимъ наклонностямъ скорѣй былъ способенъ управлять митрополіей, нежели быть правителемъ такого обширнаго и разнообразнаго края, какъ Кавказъ. А. И. Нейдгардъ привыкъ болѣе управлять войсками въ лагеряхъ, на парадахъ и маневрахъ; притомъ былъ старъ и физически немощенъ. Онъ настолько былъ благоразуменъ и уменъ, что, сознаваясь въ своей неспособности и слабости, отказывался отъ назначенія на Кавказъ; но воля царя превысила его нежеланіе.

Командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, вмѣсто генералъ-адъютанта Граббе, занялъ генералъ-лейтенантъ Гурко, начавшій службу колонновожатымъ и поступившій на Кавказъ изъ начальниковъ дивизіи гвардейскаго корпуса. Владиміръ Осиповичъ считался весьма образованнымъ, начитаннымъ и свѣдущимъ генераломъ, но мало знакомымъ съ непріятелемъ и страною, гдѣ ему пришлось дѣй-

Digitized by Google

ствовать. Будучи отъ природы нерѣшителенъ, онъ часто дѣйствовалъ непростительно осторожно, не только какъ военоначальникъ, но и какъ администраторъ.

Владиміръ Осиповичъ обладалъ многими достойными качествами, какъ человѣкъ. Онъ былъ безгранично добръ, привѣтливъ, ласковъ и обходителенъ; никогда не раздражался и не выходилъ изъ себя; говорилъ всегда плавно и съ разстановкой, и не терялъ хладнокровія въ самыя опасныя и критическія минуты.

Вмѣстѣ съ перемѣной корпуснаго командира и командующаго войсками на Кавказской линіи, произошли измѣненія и штабнаго начальства. Александръ Семеновичъ Т. былъ назначенъ въ Тифлисъ начальникомъ корпуснаго штаба, которымъ до того былъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу, а Иванъ Ивановичъ Н. заступилъ его мѣсто въ Ставрополѣ.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ 1843 года начинаю не съ Чечни или Дагестана, какъ я до сего времени дѣлалъ, а съ праваго фланга Кавказской линіи.

Дѣйствія на этомъ флангѣ открылъ генералъ Гурко наступленіемъ отряда, собраннаго на лѣвой сторонѣ Кубани противъ станицы Невинномыской и состоявшаго изъ шести баталіоновъ, двѣнадцати орудій и восьми сотенъ, вверхъ по большому Зеленчуку.

При сліяніи двухъ небольшихъ рѣчекъ Бежгона и Кефара, изъ которыхъ составляется большой Зеленчукъ, заложено было укрѣпленіе Надежинское, съ тою цѣлью, чтобы заставить, гнѣздившихся въ окрестныхъ аулахъ башильбаевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ принести покорность, или удалиться далѣе за Урупъ и Лабу. Одновременно съ построеніемъ укрѣпленія Надежинскаго, другими небольшими отрядами возводились посты Шелоховскій и Подольскій на Лабѣ и устраивались станицы Вознесенская и Урупская.

Все это совершалось съ частыми перестрѣлками, и было нѣсколько жаркихъ дѣлъ, стоившихъ намъ значительной потери. Особенно замѣчательны были дѣла на Теченяхъ, какъ по огромности скопища закубанцевъ, такъ и по упорству, съ которымъ они дрались.

Кромѣ этихъ сосредоточенныхъ дѣйствій между верховьями большаго Зеленчука и большой Лабы, на всемъ прочемъ закубанскомъ пространствѣ, за исключеніемъ тревогъ отъ появленія небольшихъ партій, не случилось ничего заслуживающаго вниманія.

Восточный Кавказъ, гдѣ Шамиль до августа хотя не предпринималъ ничего рѣшительнаго, нельзя сказать, чтобы былъ покоенъ отъ частыхъ тревогъ, производимыхъ въ особенности чеченцами. Разъѣзжая значительными партіями вокругъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій: Грозной, Назрана, Заканъ-Юрта, Умаханъ-Юрта, Герзель-аула и Внезап-

Digitized by Google

ной, чеченцы нападали на скотъ, выгоняемый на пастьбу, на косцовъ и на фуражировъ, на колонны, посылаемыя въ лѣсъ за дровами и конвоирующія проѣзжающихъ и транспорты, или такъ называемыя оказіи. Зачастую тревожили своихъ единовѣрцевъ кумыковъ, брагунцевъ, старюртовцевъ не столько ради добычи, сколько въ наказаніе за преданность ихъ къ намъ и изъ желанія возстановить ихъ противъ насъ и заставить удалиться за Сунжу. Переплывали даже за Терекъ, гдѣ не только хищнически нападали на проѣзжающихъ и захватывали въ плѣнъ казачекъ, но и дѣлали нападенія на станицы, хотя, правда, не всегда успѣшныя. Такъ ихъ нападенію подверглись Парабочева, Николаевская слободка и станица Калиновская.

Въ концѣ августа, послѣ обычныхъ молитвъ за успѣхъ предпріятія, Шамиль выѣхалъ изъ Дарго въ салатовское селеніе Дылымъ, куда стягивались конные и пѣшіе чеченцы и жители другихъ сопредѣльныхъ съ ними обществъ. Такіе же сборы производились и въ Дагестанѣ. Общая численность всѣхъ скопищъ должна была простираться свыше 10 т. конныхъ и пѣшихъ.

Пока продолжались сборы, Шамиль распускалъ слухи о назначеніи дылымовскихъ скопищъ для дѣйствія противъ Кумыкской плоскости и Кизляра; сборы же Дагестана предназначалъ противъ Шамхальства и Казикумуха. Но такіе слухи были фальшивы. Настоящій же планъ Шимиля заключался въ нечаянномъ нападеніи на Унцукуль [1]), который онъ собирался наказать за выдачу въ прошломъ году его мюридовъ и вообще за преданность намъ.

28 августа Шамиль со всѣми скопищами Чечни и Дагестана былъ уже подъ Унцукулемъ, а на четвертыя сутки этотъ преданный намъ аулъ, включавшій свыше восьмисотъ дворовъ, послѣ отчаянной и храброй защиты, былъ во власти Шамиля и обращенъ въ груду пепла и развалинъ.

Но торжество имама заключалось не въ одномъ взятіи Унцукуля, а въ совершенномъ истребленіи семи ротъ мингрельскихъ и апшеронскихъ, какъ шедшихъ на выручку этого аула подъ начальствомъ подполковника Веселицкаго, такъ и составлявшихъ гарнизонъ самаго аула, а также въ овладѣніи четырьмя полевыми орудіями и одной мортиркой. Правда, это пріобрѣтеніе слишкомъ дорого обошлось непріятелю.

За взятіемъ Унцукуля въ продолженіе двѣнадцати дней слѣдуютъ для насъ рядъ неудачъ, а для Шамиля—рядъ побѣдъ. Онъ быстро занимаетъ селеніе Харачи, малодушно оставленное маіоромъ Косовичемъ,

---

[1]) Главный аулъ въ Койсубулинскомъ обществѣ, сопредѣльномъ Аваріи и находящемся на Аварскомъ Койсу.

Digitized by Google

тутъ же разбиваетъ на-голову Апшеронскій баталіонъ подъ начальствомъ маіора Зайцева, высланный изъ Цатаныха генераломъ Клугенау и безостановочно овладѣваетъ Моксокской башней и Балаканскимъ укрѣпленіемъ. Вслѣдъ затѣмъ беретъ Цатаныхъ, Ахальчи и Гацатль, гарнизоны которыхъ, состоящіе изъ трехъ ротъ, или пали въ бою, храбро защищая ввѣренные имъ пункты, или попались въ плѣнъ.

Съ овладѣніемъ Балаканами и Гоцатлемъ командующій войсками Клюки-фонъ-Клугенау, дѣйствовавшій до сего времени крайне разъединенно, неблагоразумно и нерѣшительно, оказывается отрѣзаннымъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры и вообще отъ шамхальскихъ владѣній.

Запершись съ четырьмя баталіонами и десятью орудіями въ Хунзалѣ, главномъ и единственномъ аулѣ, оставшемся въ нашихъ рукахъ отъ всей Аваріи, перешедшей на сторону Шамиля, генералъ Клугенау рѣшается ждать обѣщанной ему помощи не столько съ Кавказской линіи, сколько изъ Южнаго Дагестана, откуда спѣшилъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ съ Самурскимъ отрядомъ, величина котораго состояла изъ пяти баталіоновъ, десяти орудій и 2 тыс. милиціи.

Разбивъ Кибитъ-Магому селенія Руджа и Хаджи-Мурада на Гоцатлинскихъ высотахъ, князь Аргутинскій 14-го сентября вступаетъ въ Аварію, соединяется съ Клугенау и встрѣчается съ Шамилемъ у Тануса, но не успѣваетъ поразить его, потому что имамъ уклоняется отъ боя и оставляетъ опустошенную имъ Аварію.

30-го сентября, послѣ неудачнаго покушенія овладѣть Андреевой, храбро защищаемой горстью кабардинцевъ, подъ начальствомъ полковника Козловскаго [1]), Шамиль распускаетъ свои скопища, но, какъ увидимъ, не надолго.

Несмотря на такіе быстрые успѣхи непріятеля, со стороны главнаго тифлисскаго начальства не было предпринято никакихъ энергическихъ мѣръ, а напротивъ, исходящія оттуда распоряженія были крайне нерѣшительны. Вмѣсто того, чтобы если не самому корпусному командиру прибыть въ Дагестанъ, то послать туда полновластное лицо, знакомое съ краемъ, былъ назначенъ вовсе незнающій Дагестана генералъ Гурко. Вмѣсто того, чтобы двинуть туда какъ наиноспѣшнѣе всѣ свободныя войска и строго предписать не раздроблять ихъ, посланные туда съ Кавказской линіи пѣхота и казаки двигались до того медленно, что прибыли

---

[1]) Въ 1843 году Викентій Михайловичъ Козловскій былъ командиромъ Кабардинскаго егерскаго полка, оставилъ же Кавказъ въ 1857 году генералъ-лейтенантомъ. Въ 1871 году окончилъ свое земное поприще генераломъ отъ инфантеріи, будучи членомъ одного изъ высшихъ учрежденій военнаго вѣдомства. Впрочемъ, о Викентіи Михайловичѣ не разъ будетъ говориться въ моихъ запискахъ.

Digitized by Google

въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ то время, когда Шамиль снова открылъ военныя дѣйствія.

Генералъ Гурко по прибытіи въ Дагестанъ, первоначально намѣренъ былъ дѣйствовать болѣе сосредоточенно и не разбрасывая войска по разнымъ пунктамъ небольшими частями. Поэтому предположено было оставить Хунзахъ со всею опустошенною Аваріею. Но генералъ Клугенау, а въ особенности руководившій имъ генеральнаго штаба подполковникъ Пассекъ настаивали на противномъ и убѣдили нерѣшительнаго и мало знакомаго съ краемъ генерала Гурко отступиться отъ благоразумнаго своего плана. Владиміръ Осиповичъ тѣмъ болѣе долженъ былъ согласиться на это, что и изъ Тифлиса отъ генералъ-адъютанта Нейдгарда предписывалось не оставлять Аварію до весны будущаго года, когда прибытіе новыхъ войскъ позволитъ перейти въ Дагестанѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Такія распоряженія повели къ тому, что черезъ два мѣсяца мы должны были не только бросить Аварію, но едва не потеряли всего Прикаспійскаго края.

Въ послѣднихъ числахъ октября, когда Шамиль снова открылъ наступательныя дѣйствія противъ Дагестана, наши войска были расположены тамъ такимъ образомъ: въ Хунзахѣ, подъ начальствомъ подполковника Пассека четыре съ половиною баталіона и шесть горныхъ орудій; въ Гергебилѣ и Балаканахъ—по одному баталіону; въ Зирянахъ, Ирганаѣ и Бурундукъ-Кале—одинъ баталіонъ; остальныя затѣмъ войска были сосредоточены у Темиръ-Ханъ-Шуры и расположены по Сулакской линіи.

Обозримъ новый рядъ побѣдъ непріятеля и новый рядъ нашихъ неудачъ.

30-го октября Шамиль съ огромнымъ скопищемъ окружаетъ слабо укрѣпленный Гергебиль и, послѣ двѣнадцати-дневной, мужественной и храброй защиты его тремя ротами Тифлисскаго полка, беретъ этотъ аулъ, въ виду нашихъ войскъ, пришедшихъ по Аймякинскому ущелью изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Съ овладѣніемъ Гергебилемъ, Шамиль пріобрѣтаетъ возможность дѣйствовать одновременно въ Аваріи, Даргинскомъ округѣ и далѣе въ южномъ Дагестанѣ, Мехтулинскомъ ханствѣ и Шамхальскихъ владѣніяхъ. Опустошенная Аварія не могла его интересовать, а имѣть дѣло съ сильнымъ Хунзахскимъ гарнизономъ не входило въ настоящій его планъ. Южный Дагестанъ былъ далекъ, тогда какъ Мехтула и Шамхальство находились передъ глазами, на нихъ-то Шамиль и низвергается со всѣми своими полчищами.

Въ первыхъ числахъ ноября все прибрежье Каспійскаго моря было въ полномъ возстаніи и наводнилось скопищами всего Дагестана и мю-

Digitized by Google

ридами, главныя массы которыхъ находились въ большихъ Казанищахъ, Муселимъ-аулѣ, Кафыръ-Кумыкѣ и другихъ ближайшихъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ шамхальскихъ аулахъ.

Такимъ образомъ Темиръ-Ханъ-Шура—средоточіе управленія Дагестаномъ и въ которой находился главный резервъ, будучи окружена непріятельскими скопищами, очутилась въ блокадномъ состояніи.

Въ такомъ же положеніи находились и всѣ другіе пункты и укрѣпленія, занятыя нашими войсками. Хунзахскій отрядъ съ 17 ноября когда подполковникъ Пассекъ, послѣ долгаго упорства, наконецъ принужденъ былъ покинуть Аварію, не имѣя продовольствія, былъ окруженъ непріятелемъ и находился въ безвыходномъ положеніи въ Зирянахъ. Евгеніевскому укрѣпленію грозила опасность не только изъ-за Сулака отъ черкеевцевъ, но и отъ скопищъ Шамиля. Слабо укрѣпленное и вооруженное Низовое укрѣпленіе, дважды аттакованное непріятелемъ, если и устояло, то обязано непоколебимому мужеству и храбрости гарнизона. Сообщеніе съ Казіюртомъ и вообще съ Сулакской линіей тоже было прервано.

Въ такомъ печальномъ положеніи находился Прикаспійскій край до половины декабря, когда начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, генералъ-маіоръ Фрейтагъ [1]), явился спасителемъ.

Сначала освобождаетъ отъ неминуемой гибели Низовое укрѣпленіе, а послѣ боя подъ Казанищами съ Шамилемъ разсѣеваются и полчища имама и тѣмъ освобождается Темиръ-Ханъ-Шура отъ тѣсной блокады. Съ этого же времени явилась возможность спасенія отряда подполковника Пассека, запертаго въ Зирянахъ и погибавшаго не только отъ вражескихъ пуль или ядеръ, но отъ болѣзней и голода, для чего была двинута часть войскъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. И 17-го декабря остатки Хунзахскаго отряда были спасены; Аварія же, стоившая намъ столькихъ усилій и жертвъ, была оставлена и уже не занималась до окончательнаго покоренія восточнаго Кавказа.

Въ заключеніе этой главы скажу, что на восточномъ Кавказѣ къ концу 1843 года мы владѣли только: Дербентскимъ и Самурскимъ округами, Мехтулинскимъ ханствомъ, Шамхальствомъ, Кумыкскою плоскостью и пространствомъ между Сунжею и Терекомъ. Но и эти владѣнія наши были весьма ненадежны, потому что жители утратили вѣру въ наше могущество и не могли быть увѣрены въ нашей защитѣ отъ непріятеля, часто спускавшагося съ горъ и нападавшаго на скотъ и аулы. Въ строгомъ смыслѣ мы владѣли только тѣми пунктами, гдѣ находились наши войска и укрѣпленія.

---

[1]) О Робертѣ Карловичѣ Фрейтагѣ не одинъ разъ прочтетъ читатель въ моихъ запискахъ.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи находился восточный Кавказъ, когда, съ открытіемъ на немъ военныхъ дѣйствій въ 1844 году, мнѣ пришлось въ нихъ лично участвовать и къ описанію которыхъ я и приступаю.

II.

Приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ въ 1844 году подъ начальствомъ генерала Нейдгарда.—Гребенскіе казаки.

Наконецъ, послѣ долгихъ, нетерпѣливыхъ ожиданій, выпало и на мою долю воевать. А въ то время эта честь доставалась въ моихъ чинахъ не такъ легко, потому что претендентовъ и въ штабъ-офицерскихъ чинахъ было много, и не мало было интригъ.

Сборы мои были непродолжительны, а снаряженіе несложно; не то, что петербургскихъ аристократовъ. Два вьючныхъ сундука, составлявшіе, съ прибавленіемъ складной рамы, и походную кровать, заключали въ себѣ форменную одежду, нѣсколько перемѣнъ бѣлья, туалетный несессеръ, да еще нѣсколько необходимыхъ походныхъ вещицъ. Если къ этому прибавить погребецъ съ чайнымъ приборомъ и складнымъ самоваромъ, да коверъ съ подушкой, то въ этомъ и состояло все мое походное имущество, долженствовавшее перевозиться на одной вьючной лошади, которая, вмѣстѣ съ верховой, была заблаговременно отправлена въ Червленную.

Эта старая станица Гребенскаго казачьяго полка была назначена сборнымъ пунктомъ Чеченскаго отряда, ввѣреннаго начальству генерала Гурко, у котораго начальникомъ штаба былъ Иванъ Ивановичъ Норденстамъ. Въ эту же станицу долженъ былъ прибыть изъ Тифлиса корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Нейдгардъ, со своимъ походнымъ штабомъ, начальникомъ котораго былъ генералъ-маіоръ Бутурлинъ, а оберъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоръ Герасимовъ. Въ началѣ апрѣля и я отправился изъ Ставрополя въ Червленную.

Путь отъ Ставрополя до Екатериноградa пролегалъ по почтовому тракту на Георгіевскъ; отъ Екатериноградa же до Червленной шелъ по лѣвому берегу Терека.

Въ то время этотъ путь, несмотря на то, что былъ охраняемъ частыми постами и пикетами, занимаемыми мѣстными казаками, не могъ считаться безопаснымъ. Только тѣ изъ проѣзжающихъ могли быть вполнѣ увѣрены, что они не попадутся въ руки хищниковъ и избѣгнутъ плѣна, которые до сумерекъ останавливались на ночлегъ и не выѣзжали со станцій рано утромъ, въ особенности во время тумана, или которыхъ

Digitized by Google

сопровождалъ конвой, хотя самый незначительный. На взиманіе же конвоя имѣли право только тѣ изъ проѣзжающихъ, которымъ выдавались открытые листы.

Что дѣйствительно этотъ путь былъ весьма опасенъ, приведу въ доказательство факты. За нѣсколько недѣль до моего пріѣзда, на Базовой балкѣ, что̀ въ сорока верстахъ отъ Ставрополя, былъ захваченъ въ плѣнъ адъютантъ корпуснаго командира –Глѣбовъ; а возлѣ Сухопадинской станціи, что̀ почти въ такомъ же разстояніи отъ Георгіевска, былъ изрубленъ маіоръ, ѣхавшій на почтовыхъ. Жители Моздока еще не опомнились отъ погрома, нанесеннаго Ахверды-Магомой. Слѣды разрушенія и пожара были видны надъ каждымъ домомъ станицы Стодеревской и слободки Николаевской. Сверхъ того, хищническія происшествія, заключающіяся въ угонѣ скота, плѣна казачекъ, на Терекѣ, между Екатериноградской и Червленной, были почти ежедневныя.

Такое тревожное состояніе того пути, по которому мнѣ пришлось проѣзжать, не было исключительное только въ 1844 году; оно продолжалось и послѣ того еще нѣсколько лѣтъ.

Этотъ путь интересовалъ меня не только по мѣрамъ предосторожности, принятымъ для его охраненія отъ хищническихъ нападеній, но и по самому быту жившихъ на немъ казаковъ.

Станицы Кавказскаго линейнаго казачьяго войска того времени не были похожи на станицы болѣе извѣстнаго намъ Донскаго войска. На Дону каждая станица уподоблялась русскому селу: также широко раскинута; нѣтъ вала или плетневой ограды вокругъ станицы; скотъ и лошади пасутся свободно; нѣтъ стѣсненій въ обработаніи полей, кошеніи сѣна и въ другихъ сельскихъ занятіяхъ.

Кавказскіе же казаки, въ особенности жившіе на Терекѣ и Кубани, во всемъ были стѣснены. Станицы ихъ, по преимуществу четырехъугольныя, окружены или высокимъ земляным валомъ, или плетнемъ съ колючкой, за который и днемъ не всегда и не вездѣ безопасно отходить, ночью же не смѣй и носа показать за ворота; да и караульные не пустятъ. Усадьбы небольшія, а потому дворы тѣсные и всегда наполненные разной скотиной, а слѣдовательно всегда нечистые. Улицы узкія и до того грязныя, что мѣстами не высыхаютъ даже среди самаго жаркаго лѣта. Нѣтъ садовъ и огородовъ, ихъ не позволяютъ имѣть тоже тѣсныя усадьбы.

Только станичная площадь, на которой возвышается храмъ Божій, даетъ нѣкоторый просторъ. Здѣсь на площади вы найдете нѣсколько большей величины и болѣе красивые дома, въ которыхъ сосредоточивается станичное, а иногда полковое и даже бригадное правленіе. Тутъ же находятся дома самихъ правителей, пастырей и болѣе или менѣе зажиточныхъ казаковъ. На этой же площади найдете нѣсколько лавокъ

Digitized by Google

съ ситцемъ, кумачемъ, бязью, азіатскими сѣдлами, уздечками, папахами, черкесками; тутъ же лавки съ бакалейными и москотильными товарами, а возлѣ другая лавка съ нефтью, дегтемъ, саломъ, канатами и веревками. Неизбѣжною принадлежностью такой площади и винный погребокъ съ кислымъ кизлярскимъ, бурдючнымъ кахетинскимъ, жгучей мадерой или хересомъ, а также съ разными сортами горькихъ и подслащенныхъ водокъ.

Выѣзжаете за станицу и, куда ни обернетесь, вездѣ вы видите или сторожевые посты съ возвышающимися вышками, или пикеты, занятые вооруженными казаками. Пасется ли скотина или табунъ лошадей, и вооруженные казаки ихъ сторожатъ. Ѣдетъ ли кавказскій казакъ пахать, собирать хлѣбъ, косить сѣно, и онъ долженъ быть всегда вооруженъ, потому что не только долженъ оберегать себя отъ хищниковъ во время сельскихъ работъ, но и скакать на мѣсто тревоги, которыя въ то время бывали зачастую.

Въ такомъ же положеніи была и станица Червленная, куда я прибылъ въ апрѣлѣ и долженъ былъ съ другими чинами Главнаго и Чеченскаго походныхъ штабовъ прожить около мѣсяца, пока начались военныя дѣйствія. Это происходило не столько отъ бушеванія Терека, вода въ которомъ была дѣйствительно велика, сколько отъ неимѣнія сухарнаго продовольствія. Правда, къ этому примѣшивалась и нерѣшительность корпуснаго командира. А потому, прежде чѣмъ приступать къ описанію военныхъ дѣйствій, опишу червленскихъ и вообще гребенскихъ казаковъ, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ.

Гребенскіе казаки ведутъ свой родъ отъ той вольницы (а можетъ быть и другихъ вольницъ, ранѣе того появившихся на Волгѣ), которая подъ начальствомъ Заруцкаго, во времена самозванцевъ, скиталась по разнымъ мѣстамъ и, будучи окончательно разбита подъ Астраханью, нашла спасеніе за Терекомъ въ горахъ, и куда впослѣдствіи уходили всѣ недовольные и преслѣдуемые нашимъ правительствомъ старообрядцы.

По преданіямъ, сохранившимся между гребенскими казаками, они жили по горамъ въ окрестностяхъ нынѣшней деревни Андреевой, а равно по Качалыковскому хребту; гребенскими же казаками называются потому, что жили «по гребнямъ горъ».

Во время похода Петра Великаго за Терекомъ гребенцы, вмѣстѣ съ другими войсками, участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ въ нынѣшнемъ Прикаспійскомъ краѣ и вмѣстѣ съ астраханскими казаками охраняли укрѣпленія, построенныя нами за Терекомъ и на Сулакѣ. Извѣстно также, что значительное число гребенскихъ казаковъ отправилось съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, откуда и не вернулись, какъ погибшіе тамъ.

До 1740 года свѣдѣнія о гребенскихъ казакахъ весьма неточны и

Digitized by Google

основаны болѣе на изустныхъ преданіяхъ, только съ этого времени они дѣлаются постоянными жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ и въ настоящее время находятся ихъ богатыя станицы.

По заключеніи въ томъ же году мира съ персидскимъ шахомъ Надиромъ, по которому всѣ наши укрѣпленія, бывшія за Терекомъ, были брошены, и съ заложеніемъ Кизляра, когда астраханскіе казаки были поселены, кромѣ этой крѣпости въ станицахъ Каргалинской, Дубовской и Бороздинской, гребенскіе казаки заняли выше по Тереку пять укрѣпленныхъ городковъ: Червленской, Щедринской, Курдюковской, Старо-Гладковской и Ново-Гладковской.

Несмотря на давность своего поселенія на Терекѣ, несмотря на то, что между ихъ станицами находились помѣщичьи поселенія (Хастатова и Калустова) и станицы, составленныя изъ грузинъ, отставныхъ солдатъ и переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, какъ Шелкозаводская и Николаевская, гребенцы рѣзко сохранили свои нравы, обычаи и образъ жизни, и рѣзко отличаются отъ прочихъ казаковъ, заселяющихъ Кавказскую линію.

Причиною этому было съ одной стороны близкое сосѣдство ихъ съ кумыками и чеченцами въ то время, когда они жили за Терекомъ, а съ другой стороны—ихъ строго соблюдаемая старообрядческая вѣра.

Живя между кумыками и чеченцами, они большею частью находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ ними. Другъ на друга дѣлали набѣги, отбивали скотъ и лошадей, захватывали плѣнницъ, которыхъ и дѣлали своими женами или наложницами.

Поэтому неудивительно, что гребенцы многое переняли отъ своихъ враждебныхъ сосѣдей не только въ одеждѣ, образѣ жизни и обычаяхъ, но и въ поступи, походкѣ, посадкѣ на конѣ; даже въ обликѣ лица есть не мало азіатскаго. До сихъ поръ [1]) между гребенцами сравнительно болѣе говорящихъ по-кумыкски и чеченски, нежели въ другихъ казачьихъ полкахъ.

Одна вѣра осталась ненарушимою и неизмѣнною, какъ въ то время, когда гребенцы жили за Терекомъ, такъ и по переходѣ ихъ на лѣвый берегъ этой рѣки. Какъ тогда, такъ и теперь, они остаются въ самомъ строгомъ и закоснѣломъ старообрядчествѣ, несмотря на то, что не разъ претерпѣвали жестокія преслѣдованія, въ особенности до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Гребенцы не могли имѣть своихъ раскольничьихъ поповъ, строить молельни и открыто въ нихъ молиться, такъ что станицы Червленная,

---

[1]) Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, я считаю не лишнимъ оговорить, что дѣлаемыя мною сравненія не относятся позднѣе 1853 года, когда я въ послѣдній разъ посѣтилъ станицы Гребенскаго полка.

Digitized by Google

Щедринская, Курдюковская и Старо-Гладковская рѣзко отличались отъ прочихъ казачьихъ станицъ тѣмъ, что на площадяхъ не возвышалось Божіихъ храмовъ, а только гдѣ-нибудь въ углу станицы, надъ домомъ такой же наружности, какъ и всѣ прочіе дома, возвышался крестъ. Это-то и была молельня гребенцевъ, гдѣ старый уставщикъ или разстрига-попъ исполнялъ ихъ требы. Независимо этого, было нѣсколько скитовъ между садами, въ которыхъ укрывались старики и старухи, куда тоже собирались для моленія и которые тщательно охранялись казаками.

Теперь нѣтъ стѣсненія въ отправленіи обрядовъ вѣры, и даже храмы воздвигаются на площадяхъ, а это тѣмъ болѣе необходимо, что и въ старыхъ гребенскихъ станицахъ сдѣланы приселенія изъ внутреннихъ губерній, не принадлежащихъ къ расколу. Однако, гребенецъ-старообрядецъ по-прежнему такихъ храмовъ не посѣщаетъ, а держится тайнаго богослуженія.

Гребенскіе казаки хотя не соблюдаютъ внѣшней чистоты, потому что улицы и площади ихъ такъ же грязны, какъ и въ прочихъ станицахъ, дворы содержатся неопрятно, а дома по наружному виду некрасивы; но зато въ избахъ чисто и опрятно. Полы, столы и скамьи «банятся», то-есть моются, если не ежедневно, то непремѣнно по субботамъ и передъ каждымъ праздникомъ. Если не всѣ стѣны, то тотъ уголъ, гдѣ стоятъ образа и лежатъ старообрядческія книги, обклеены разноцвѣтными бумажками. На нарахъ, въ другой комнатѣ, лежитъ въ порядкѣ нѣсколько перинъ, подушекъ, одѣялъ, полстей и даже ковровъ; тутъ же лежитъ сѣдло и сбруя и развѣшано оружіе, если казакъ не на службѣ, что̀ весьма рѣдко случалось.

Въ избѣ воздухъ чистый и никогда не бываетъ накурено, потому что гребенецъ, какъ старообрядецъ, не терпитъ табаку. Не разъ приходилось слышать брань и ругательство казачекъ съ своими постояльцами за куреніе табаку въ ихъ избахъ.

Но зато гребенецъ,—несмотря, что старообрядецъ,—любитъ свое родимое кисленькое, но крѣпкое винцо, «чихиремъ» называемое. Въ урожайный годъ винограда «чупурка», особый деревянный сосудъ съ узкимъ горлышкомъ, въ которомъ обыкновенно подается чихирь, не сходитъ со стола въ свободное отъ службы время.

Любили также «чихирнуть» и казачки въ отсутствіе своихъ мужей, что̀ въ описываемое время бывало очень часто. Онѣ любили также побаить и посплетничать какъ между собою, такъ и съ своими «побочинами» или любовниками, а потому не отказывались отъ пирушки или сходки.

Отъ такихъ пирушекъ или сходокъ не отказывались и дѣвушки; но только онѣ не чихиряли, а ѣли пряники и другія сласти, щелкали

Digitized by Google

орѣхи и грызли съ особенной быстротой и искусствомъ, но только не съ граціей, сѣмечки подсолнечниковъ, арбузовъ и дынь. Истребленіе сѣмечекъ въ огромномъ количествѣ составляло ихъ любимое и никогда не прекращавшееся занятіе.

Такъ проводили гребенскія казачки осенніе и зимніе вечера. Весною же и лѣтомъ во время тяжелыхъ работъ въ садахъ, не существовало другихъ удовольствій, какъ праздничныхъ вечернихъ хороводовъ, которые существовали у гребенцевъ и въ то время, когда жили за Терекомъ; а это доказываетъ, что кромѣ вѣры у нихъ сохранились и нѣкоторые русскіе обычаи.

Для хороводовъ обыкновенно избирались ближайшія къ станицѣ лужайки, на которыя собиралось молодое и старое обоего пола населеніе, разряженное въ лучшіе и красивые наряды. Особенно привлекательно было смотрѣть на дѣвушекъ и молодыхъ замужнихъ казачекъ. Сколько было разноцвѣтныхъ изъ разныхъ матерій, въ томъ числѣ и атласныхъ, обшитыхъ галунами, бешметовъ. Сколько было грудей, обвѣшенныхъ въ нѣсколько рядовъ разноцвѣтными бусами и ожерельями изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

Не было недостатка и въ красавицахъ, какъ, напримѣръ, дочь Арнаутова, станичнаго начальника Червленной; Фролова, сестра полковаго адъютанта; Ѳедюшкина, жена урядника.

Не было недостатка и въ красивыхъ малолѣткахъ, наряженныхъ въ тонкія разноцвѣтныя черкески, ноговицы и чевяки и затянутыхъ ремнями, на которыхъ висѣли въ богатой оправѣ кинжалы.

Были тутъ же и стоящіе поодаль отъ хоровода съ длинными сѣдыми бородами старики и покрытыя платками старухи, по обыкновенію составлявшія отдѣльную группу отъ своихъ мужей-стариковъ.

Не видно было только казаковъ между двадцати-и сорокалѣтнимъ возрастомъ, потому что такіе казаки находились на дѣйствительной службѣ. Они или занимали посты на Терекѣ, или находились въ станичныхъ резервахъ на случаи тревоги, или были откомандированы въ разные отряды.

Но жены не слишкомъ печалились отсутствіемъ своихъ мужей, потому что мало-мальски смазливая казачка имѣла «побочина», котораго въ особенности легко было пріобрѣсти жительницѣ станицы Червленной, гдѣ каждый изъ молодыхъ аристократовъ-богачей, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга въ экспедиціи, считалъ своею обязанностью побывать въ Червленной и поволочиться за казачками.

Гребенскій казакъ не укорялъ жену за побочина, если онъ былъ дотого тароватъ, что на долю мужа перепадала щербатая копѣйка, а тѣмъ болѣе, если на его приношенія заводился новый конь или шилась красивая черкеска. Напротивъ, скорѣе сыпались упреки на жену, если она

Digitized by Google

не имѣла такоро тароватаго побочина: значитъ, она не красива, или не ловка, что не умѣла захватить въ свои руки такого человѣка, которымъ воспользовалась ея сосѣдка. Случалось, что побочины были и у дѣвицъ, и родители не только смотрѣли сквозь пальцы, но и ни мало не безпокоились этимъ; былъ бы дотого человѣкъ достаточный, чтобы можно было извлечь для дочки и для себя хорошую поживу.

Но если гребенскія казачки увлекались любовными интрижками, а казаки до нѣкоторой степени терпѣли этотъ грѣхъ, то нельзя сказать, чтобы они были порочны въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, кража и воровство не существовали между гребенцами. Хотя они молодецки чихиряли въ своихъ избахъ, но никогда не случалось видѣть валяющихся отъ опьяненія казаковъ по улицамъ, а тѣмъ болѣе буйствующихъ и дерущихся между собою.

О лихомъ наѣздничествѣ, молодечествѣ и храбрости гребенскихъ казаковъ нечего и говорить; это они доказали безчисленными примѣрами. Сколько было случаевъ, гдѣ десятки защищались противъ сотенъ непріятеля.

Гребенцы статны, ловки, красивы лицомъ. Ихъ окладистыя бороды и нарядъ придаютъ имъ много красоты и стройности. То же самое можно сказать и о червленскихъ казачкахъ, молва о красотѣ которыхъ хотя преувеличена, но все-таки онѣ граціозны, ловки и кокетливы какъ отъ природы, такъ и по опытности, пріобрѣтенной отъ частныхъ любовныхъ интригъ. Какъ не увлечься гребенской казачкой, хотя она была бы и некрасива, когда она, стоя на стремени своего мужа или брата и обхвативъ его станъ одной рукой и держа въ другой стаканъ или чупурку, наполненную чихиремъ, мчится во весь карьеръ и пьетъ сама и поитъ виномъ того, съ кѣмъ скачетъ. Какъ не восхищаться высокой дѣвушкой, стройно затянутой въ бешметъ, водящей хороводъ или граціозно танцующей русскую или лезгинку.

Останавливая на этомъ мой обзоръ гребенскихъ казаковъ и казачекъ съ нравственной, наружной и увеселительной стороны, перехожу къ ихъ трудовой жизни и средствамъ ихъ существованія.

Земля, на которой поселены гребенцы, за исключеніемъ лѣса и камыша, растущихъ широкой полосой по берегу Терека, преимущественно песчана, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того сыпуча, что образуетъ подвижные бугры, пересыпающіеся съ одного мѣста на другое во время часто и сильно дующихъ вѣтровъ. Само собой разумѣется, что на такой почвѣ земледѣліе не могло процвѣтать, а тѣмъ болѣе при лѣни и отвращеніи самихъ казаковъ отъ сельскихъ занятій.

Къ тому же, въ періодъ моего перваго знакомства съ гребенскими казаками, присоединялись къ этому опасность отъ непріятеля и неимѣніе рабочихъ рукъ. Непріятель не дозволялъ свободно заниматься сель-

Digitized by Google

скими работами; онъ же отнималъ рабочія средства у казаковъ, потому что молодое и сильное населеніе находилось на службѣ.

Тотъ же непріятель не дозволялъ развиваться птицеводству и скотоводству, несмотря на обширность и приволье пастбищныхъ мѣстъ. Въ то время зажиточные казаки не могли содержать болѣе пары воловъ и лошади, потому что выгонять на пастьбу нельзя было, а заготовлять сѣно не имѣлось возможности. По этой причинѣ въ то время потеря лошади или вола считалась разореніемъ для казака.

Съ умиротвореніемъ восточнаго Кавказа, скотоводство начало быстро развиваться въ Гребенскомъ полку, и не только на станичныхъ выгонахъ, но и въ степи начали разгуливать огромныя стада овецъ, рогатаго скота и косяки лошадей. Правда, кочующіе по Кумѣ ногайцы и трукмены не мало препятствовали свободному скотоводству и что противъ нихъ необходимо было принимать мѣры предосторожности. Эти кочующіе инородцы въ отношеніи конокрадства и воровства нисколько не уступаютъ хищническимъ наклонностямъ горцевъ.

Что же касается земледѣлія, то поля, засѣваемыя пшеницей, просомъ и кукурузой, окружаютъ только станицы Николаевскую и Шелкозаводскую: видно также хлѣбопашество, гдѣ живутъ новые поселенцы. Гребенцы же старообрядцы остаются по-прежнему равнодушны къ хлѣбопашеству, по безплодію той земли, на которой они поселены. Но мнѣ кажется, что гребенцы не занимались бы охотно земледѣліемъ и въ томъ случаѣ, если бы ихъ земля была и болѣе производительною. Впрочемъ, встрѣчающіеся зачастую бахчи или баштаны, на которыхъ растетъ, кромѣ арбузовъ, дынь, тыквъ, подсолнечниковъ, капуста, бураки, картофель, бобы и другія огородныя овощи, свидѣтельствуютъ, что и гребенцы-старообрядцы умѣютъ обращаться съ сохой.

Да и къ чему гребенцамъ проливать потъ, мозолить руки и мучить скотину надъ сохой, когда они получили въ наслѣдство отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ болѣе пріятный и менѣе тяжелый трудъ—это ихъ сады, раскинутые по берегу Терека и состоящіе кромѣ разныхъ фруктовыхъ деревьевъ изъ виноградниковъ.

На этихъ садахъ сосредоточивается вся забота и любовь казаковъ; для нихъ забываются всѣ другія сельскія занятія. Да и какъ не любить казакамъ эти сады, которые ихъ не только поятъ роднымъ «чихиремъ», но и обогащаютъ, тогда какъ обработываніе садовъ не стоитъ имъ труда, потому что этимъ занимаются съ любовью ихъ жены и дочери, чтобы покушать сладенькаго винограда, а подчасъ пожалуй и чихирнуть.

Обработка садовъ—не легкое дѣло. Съ раннею весною наполняются сады казачками и малолѣтками и не покидаются ими до глубокой осени. На казачкахъ и малолѣткахъ лежитъ расчистка виноград-

Digitized by Google

ныхъ лозъ отъ земли, постановка «таркалъ»[1]), расчистка оросительныхъ каналовъ, поливка и очистка лозъ отъ сорныхъ травъ, собираніе винограда, относъ его въ дома, давленіе и приготовленіе изъ него вина и наконецъ обрѣзываніе и закапываніе винограда въ землю. Сами же хозяева-казаки обязаны нарубить въ кордонномъ лѣсу и привезти оттуда таркалъ для садовъ и хворосту для огорожи, а также вырыть новую оросительную канаву.

Такія работы вообще не легки, а до покоренія восточнаго Кавказа онѣ тѣмъ болѣе должны были считаться тяжелыми, потому что не производились свободно и произвольно по причинѣ опасности отъ хищниковъ, укрывавшихся какъ въ растущемъ по Тереку лѣсу, такъ и въ самыхъ садахъ.

Въ сороковыхъ годахъ гребенскія казачки выходили изъ станицъ въ сады не иначе, какъ одновременно съ мужчинами, и послѣ тщательнаго осмотра, не скрываются ли гдѣ хищники; возвращались же въ станицы предъ закатомъ солнца; а въ туманные дни и вовсе не посѣщали своихъ садовъ. Однако, несмотря и на такія предосторожности, бывали случаи похищенія запоздалыхъ или отдѣлившихся отъ толпы казачекъ.

Виноградныя лозы взращивались въ Гребенскомъ полку безъ всякой системы. Ни казаку, ни казачкѣ не приходило на мысль сортировать виноградъ по тонкости его кожи, сладости и вкусу сока, а тѣмъ болѣе разсаживать его по лозамъ происхожденія, какъ то дѣлалось напримѣръ въ кизлярскихъ садахъ, гдѣ умѣли различать рейнскія отъ бордоскихъ или бургонскихъ лозъ. Гребенцы же не имѣли никакого понятія о такомъ подраздѣленіи, а вели свое садоводство на томъ же основаніи, какъ управлялись съ нимъ ихъ отцы и дѣды.

Гребенскіе казаки добивались одного, чтобы ихъ виноградные сады давали поболѣе любимаго ими чихиря, хотя подчасъ весьма кислаго и не всегда пріятнаго на вкусъ. Только гребенскія казачки ухаживали съ особеннымъ тщаніемъ за сладкимъ и тонкокожимъ виноградомъ, которымъ онѣ сами лакомились и угощали своихъ побочиновъ и сосѣдокъ. Гребенскіе казаки и казачки не менѣе своихъ садовъ, поящихъ ихъ чихиремъ, любятъ Терекъ, кормящій ихъ «лопушинкой». Такъ называютъ они сомину, ловимую ими въ огромномъ количествѣ, и которой они съ наслажденіемъ питаются въ разныхъ видахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, употребляя ее свѣжею, соленою, вяленою и копченою.

Тихо и медленно катитъ Терекъ свои воды съ октября по апрѣль, но зато быстръ и бѣшенъ бываетъ онъ весною и лѣтомъ. Съ верхнихъ его частей несутся огромные камни и деревья, въ низовьяхъ произво-

---

[1]) Такъ называются у казаковъ тычинки или колья, около которыхъ вьется виноградъ во время своего роста.

Digitized by Google

дитъ онъ прорвы и наводненія. Въ этомъ отношеніи Терекъ въ особенности опасенъ ниже впаденія въ него Сунжи. Съ лѣвой стороны разрушая дамбы и плотины, стоющія большаго труда и денегъ, и прокладывая новые пути, онъ затопляетъ сады и жилища кизлярцевъ, съ правой же стороны, разливаясь на нѣсколько верстъ по Кумыкской плоскости, прекращаетъ сообщеніе по ней.

Въ такой періодъ своего разлитія и разрушенія, Терекъ, какъ и всѣ другія рѣки, впадающія въ моря, начинаетъ наполняться разной рыбой. Одна ищетъ свободнѣе подышать въ теплой и прѣсной водѣ; другая же не только подышать, но и бросить икру.

Съ этого времени начинается ловъ красной рыбы и даже осетровъ, который и продолжается во все лѣто. Въ этотъ же періодъ ловится въ огромномъ количествѣ „шамая", въ особенности столь вкусная и прославленная кизлярская шамая.

Но гребенцевъ не интересуетъ этотъ лѣтній ловъ рыбы. Осетровъ и другой красной рыбы доходитъ до предѣловъ ихъ полка немного, а потому если красная рыба и ловится ими, то для начальства или на продажу, а не для собственнаго ихъ употребленія. Вкусная же и жирная шамая ограничивается предѣлами Кизлярскаго полка.

Для гребенскихъ же казаковъ важенъ ловъ сомовъ, какъ главный продуктъ ихъ кормленія, которымъ и заключу мой разсказъ о нихъ.

Ловъ сомовъ совершается одинъ разъ съ наступленіемъ морозовъ, когда Терекъ начинаетъ замерзать, что̀ и бываетъ большею частью въ декабрѣ. Въ это время года сомы становятся особенно жирными. а это ожиреніе происходитъ оттого, что сомы, какъ безчешуйная рыба, болѣе подверженная ощущенію холода, за нѣкоторое время до наступленія зимы, углубившись въ иловатые берега или скрывшись въ ямахъ, остается тамъ въ бездѣйствіи и усыпленіи. Притомъ въ это время года ожирѣвшіе и полусонные сомы съ меньшею опасностью убиваются. Ловить же эту хищную рыбу лѣтомъ, во время хода ея изъ Каспія въ Терекъ, воспрещается между прочимъ и во избѣжаніе ропота отдаленныхъ отъ моря станицъ, предоставляя свободу самимъ сомамъ отыскивать зимовыя квартиры и отдавать себя на жертву какъ низовымъ, такъ и верховымъ станицамъ, не по велѣнію людскому, а по собственному произволу.

Не касаясь описанія способа лова сомовъ, я здѣсь скажу только, что, одновременно съ багреніемъ этой въ изобиліи ловимой рыбы взрослыми казаками, все женское населеніе а равно старики и малолѣтки, разложивъ на берегу огромные костры и грѣясь около нихъ, ожидаютъ добычи, извлекаемой изъ холодныхъ водъ Терека.

По окончаніи лова, продолжающагося по обыкновенію не болѣе сутокъ, тутъ же на берегу, гдѣ складываются въ кучи мертвые сомы, часто замѣчательной величины, производится дѣлежъ. И къ чести ка-

Digitized by Google

заковъ нужно сказать, что на долю бѣдныхъ и сиротъ отдѣляется сравнительно большая часть лопушины.

Такой дѣлежъ вокругъ пылающихъ костровъ, сопровождаемый плясками, пѣснями и чихиряньемъ въ продолженіе холодной, ясной ночи, бываетъ весьма оживленъ и картиненъ. Но въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ случалось, что сигнальный выстрѣлъ или колокольный звонъ нарушалъ этотъ веселый разгулъ, и тогда берегъ Терека мгновенно пустѣлъ. Казачки съ дѣтьми и стариками спѣшили укрыться въ станицѣ; казаки же бѣжали и скакали на мѣсто тревоги.

На другой день наловленная и раздѣленная рыба развозится по домамъ, гдѣ для казачекъ наступаетъ живая дѣятельность въ стряпнѣ, соленіи и копченіи любимой ими лопушины.

И въ такое время станичный воздухъ, и безъ того не всегда чистый и здоровый, становится удушливымъ, какъ пропитанный зловоннымъ соминымъ жиромъ. Такимъ запахомъ заражаются не только улицы и избы, но пропитывается платье, а съ пищею всасывается въ кровь казаковъ и казачекъ. И признаюсь, что въ періодъ питанія соминой самыя смазливыя казачки отталкиваютъ отъ себя и теряютъ свою привлекательность.

III.

Одиннадцати-дневная майская экспедиція въ Малой Чечнѣ подъ начальствомъ генерала Фрейтага.

Апрѣль былъ на исходѣ, слѣдовательно, мое пребываніе и штаба Чеченскаго отряда въ Червленной продолжалось болѣе двухъ недѣль, а о военныхъ дѣйствіяхъ не было и помину. Даже прибытіе въ Червленную корпуснаго командира генералъ-адъютанта Нейдгарда со своимъ походнымъ штабомъ не измѣнило и не ускорило распоряженій.

По-прежнему продолжались приготовляться сухари тѣмъ отрядомъ, который былъ собранъ на правомъ берегу Терека у Амиръ-Аджи-Юрта, еще въ началѣ апрѣля. По-прежнему бѣсновался Терекъ, пугая кизлярскихъ жителей своими «прорвами» и до крайности затрудняя сообщеніе съ Грозной и съ Кумыкской плоскостію, и въ обыкновенную воду медленное, какъ производившееся на паромахъ.

Теперь же, въ полую воду, эти переправы совершались съ нескончаемыми остановками: то происходили безпрестанныя поврежденія паромовъ отъ налетавшихъ на нихъ «карчей»; то самые паромы заносило далеко въ сторону отъ пристани; то самую пристань сносило или портило.

Digitized by Google

Цѣлыя сотни рабочихъ, расположенныя по обоимъ берегамъ Терека, только и занимались перетаскиваніемъ паромовъ, посредствомъ канатовъ, къ пристанямъ. Два же несчастныхъ случая было и такихъ, что паромы были опрокинуты карчами, и только не многіе изъ находившихся на нихъ были спасены черезъ сохраненіе присутствія духа и самоотверженіе другихъ, умѣвшихъ хорошо плавать.

Наступило первое мая. День былъ прекрасный—истинно майскій. Всѣ были довольны этимъ днемъ, прошедшимъ для всѣхъ весело, въ особенности для молодыхъ червленскихъ казачекъ. Онѣ имѣли случай не только показаться во всей красѣ своихъ нарядовъ, но насладиться вдоволь разными сластями, попѣть и походить хороводами, въ присутствіи штабной молодежи.

Этотъ же день и для меня былъ пріятенъ, потому что я узналъ о моемъ назначеніи состоять при четырехъ баталіонахъ Люблинскаго и Замосцскаго полковъ, двухъ сотняхъ Моздокскихъ и Гребенскихъ казаковъ и восьми орудіяхъ, долженствующихъ 4-го мая выступить въ Грозную, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Малой Чечнѣ подъ начальствомъ генерала Фрейтага.

На меня была возложена переправа отряда черезъ Терекъ, съ тѣмъ чтобы таковая была окончена непремѣнно къ вечеру 3-го мая. Когда я прибылъ утромъ на переправу къ Николаевской слободкѣ, то было переправлено на правую сторону Терека болѣе двухъ баталіоновъ, слѣдовательно, о успѣшности переправы нечего было безпокоиться; только не случилось бы какого-либо несчастія. Но все кончилось благополучно, и къ четыремъ часамъ переправа была окончена. Много помогли молодцы казаки, которые не только переправили своихъ лошадей вплавь, но и работали съ полнымъ усердіемъ и знаніемъ дѣла на паромахъ.

Путь отъ Николаевской переправы до Грозной, существующій со времени построенія этой крѣпости, съ 1840 года—возстанія Чечни, считался весьма опаснымъ. На этомъ тридцати-верстномъ пространствѣ безпрестанно рыскали партіи чеченцевъ, а по временамъ появлялись они и въ значительномъ числѣ, нападая на пассажировъ и транспорты, или такъ называемыя оказіи.

Для такихъ нечаянныхъ нападеній чеченцы преимущественно избирали или Сунженскій хребетъ, изрѣзанный глубокими балками, подъемъ на который начинался на девятой верстѣ отъ Терека и гдѣ находились Старогюртовскій аулъ и Горячеводское укрѣпленіе, или залегали за обрывистыми берегами Сунжи и Нефтянки, топкой рѣченки, отстоящей отъ Грозной на седьмой верстѣ.

Если такія осады были опасны для оказій, въ прикрытіе которыхъ, какъ бы велики онѣ ни были, не могло быть назначаемо болѣе двухъ ротъ и орудія, то немыслимо было думать объ нихъ отряду, состоящему

Digitized by Google

болѣе, чѣмъ изъ 3 тыс. штыковъ и сабель. Несмотря на это, отрядъ совершилъ переходъ черезъ Сунженскій хребетъ и переправу черезъ Нефтянку въ боевомъ порядкѣ, что было сдѣлано для пріученія солдатъ, какъ ходить въ виду чеченцевъ, съ которыми они въ первый разъ встрѣчались.

Впечатлѣніе, произведенное на меня Грозною—этимъ передовымъ оплотомъ противъ чеченцевъ,—было весьма «негрозное». Мое воображеніе представляло эту крѣпость окруженною высокимъ валомъ, глубокимъ рвомъ и вооруженною десятками орудій большаго калибра. На самомъ же дѣлѣ я не встрѣтилъ ни того, ни другаго.

Крѣпость, построенная въ 1818 году Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, въ выдающемся къ Ханкале изгибѣ Сунжи, состояла изъ цитадели и форштадта.

Первая занимала квадратную плоскость, сторона которой не превышала 150 шаговъ, обнесенную осыпавшимся и обвалившимся валомъ и заросшимъ травою рвомъ, не исправлявшимися со времени своего созданія, черезъ которые пролегало нѣсколько пѣшеходныхъ тропокъ. Два чугунныхъ орудія безъ платформъ и на ветхихъ крѣпостныхъ лафетахъ, обращенныя дуломъ къ Ханкале, возвѣщали сигнальными выстрѣлами о появленіи непріятеля. Внутри цитадели, кромѣ двухъ пороховыхъ погребовъ—хранилища боевыхъ зарядовъ и патроновъ и караульнаго дома, тянулись три длинныхъ деревянныхъ строенія, занятыхъ разными должностными лицами и ихъ канцеляріями. Всѣ эти постройки были такъ же ветхи, какъ и самый валъ.

Форштадтъ, обращенный на сѣверъ къ Тереку, состоитъ: изъ дома начальника лѣваго фланга, возвышающагося возлѣ землянки, въ которой генералъ Ермоловъ жилъ во время постройки крѣпости, вновь строющагося госпиталя, нѣсколькихъ ветхихъ казармъ, множества небольшихъ мазанокъ, принадлежащихъ разночинцамъ, отдѣльнаго поселенія изъ женатыхъ солдатъ и грязной еврейской слободки. Этотъ форштадтъ охранялся ничтожной профили валомъ со рвомъ и оборонялся тремя чугунными орудіями. Если къ этому прибавить деревянный мостъ на Сунжѣ на сваяхъ, противъ цитадели, охраняемый небольшимъ люнетомъ, да садъ съ огородами и ротными дворами Куринскаго полка, то вотъ полный абрисъ тогдашней Грозной.

Несмотря на такое жалкое состояніе обороны и вооруженія Грозной, она въ глазахъ чеченцевъ вполнѣ соотвѣтствовала своему названію и никому, начиная отъ начальника и до послѣдняго солдата, не приходило на мысль, чтобы непріятель осмѣлился покуситься на овладѣніе этою крѣпостію; а потому не было заботы, да и не было свободныхъ рукъ, на исправленіе ея верковъ. По той же причинѣ не было надобности и усиливать ея вооруженіе.

Digitized by Google

Несмотря на ветхій и невзрачный наружный видъ Грозной, въ ней жилось весело и даже подчасъ очень весело, потому что все принадлежало къ одной военной семьѣ, управляемой всѣми любимымъ и уважаемымъ своимъ начальникомъ, которымъ въ то время былъ генералъ-маіоръ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ.

Главными отличительными чертами характера этого доблестнаго генерала были: простота въ пріемѣ и образѣ жизни, честность и безкорыстіе въ поступкахъ, справедливость къ подчиненнымъ, спокойствіе и невозмутимость въ минуты опасности, какъ въ обыкновенной, такъ и въ боевой жизни.

Робертъ Карловичъ успѣлъ въ короткое время изучить своего непріятеля и ту мѣстность, на которой ему пришлось съ нимъ сражаться. Онъ далъ нѣкоторыя тактическія правила, какъ строить и водить войска черезъ чеченскіе лѣса, и не было способнѣе куринцевъ проходить лѣсныя трущобы и дебри, и этому они научились отъ Роберта Карловича, когда онъ былъ ихъ полковымъ командиромъ. Никто какъ Фрейтагъ указалъ на пользу и важность «зимнихъ экспедицій» въ Чечнѣ, заключающихся преимущественно въ вырубкѣ просѣкъ и проложеніи сообщеній.

Для полноты очерка характера и способностей генерала Фрейтага нужно добавить, что хотя онъ былъ не словоохотливъ, но выражался всегда ясно и правильнымъ языкомъ, въ особенности его приказанія были точны во время боя, въ которомъ онъ зналъ и помнилъ расположеніе каждой части, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба. Но сколь Робертъ Карловичъ правильно и точно выражался, столь же логично и ясно излагалъ свои мысли и на бумагѣ.

А при такихъ качествахъ и способностяхъ нельзя было не пользоваться общимъ уваженіемъ и любовью. Душевно радуюсь и благодарю судьбу, что подъ начальствомъ такого достойнаго генерала мнѣ пришлось начать и потомъ еще нѣсколько разъ продолжать мою практическую боевую школу.

Поводомъ къ экспедиціи, къ описанію которой я приступаю, были жители Малой Чечни, недовольные строгими нововведеніями и постановленіями Шамиля и заявившіе готовность принести намъ покорность при первомъ появленіи нашихъ войскъ, противъ которыхъ не будетъ сдѣлано ни одного выстрѣла. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряли тѣ изъ малочеченцевъ, которые нѣсколько вечеровъ сряду приходили въ Червленную для переговоровъ. И такія заявленія въ покорности малочеченцевъ до того убѣдили неопытнаго корпуснаго командира и его приближенныхъ, что не могли разувѣрить его всѣ положительныя и ясныя доказательства генерала Фрейтага въ невозможности существо-

Digitized by Google

ванія этой покорности въ цѣлой массѣ населенія, такого легковѣрнаго и не терпящаго подчиненности народа, какъ чеченцы.

Не ограничиваясь этимъ, генералъ Фрейтагъ старался доказать, что и время года было неудобно для экспедиціи. На Кавказѣ начало лѣта всегда обильно дождями, отъ которыхъ самые незначительные ручьи превращаются въ трудно преодолимыя препятствія. Чечня же, изрытая рѣчками и ручьями, въ особенности была опасна въ этомъ отношеніи.

Чеченскіе лѣса были уже покрыты листомъ, что̀ дѣлало ихъ непомѣрно густыми и скрывало отъ насъ непріятеля, умѣвшаго съ особеннымъ искусствомъ дѣйствовать въ своихъ лѣсахъ и наносить изъ скрытыхъ засадъ огромный вредъ мѣткими выстрѣлами. Тогда какъ мы, пробираясь, такъ сказать, ощупью чрезъ густой орѣшникъ, не могли отвѣчать непріятелю тѣмъ же. Случалось зачастую, что цѣпи въ упоръ натыкались на винтовки чеченцевъ. При томъ значительный перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ въ цѣлкости и дальности выстрѣловъ.

Чеченцы, какъ и другіе горцы, охотнѣе дрались лѣтомъ, нежели зимою, что̀ естественно происходило отъ легкой ихъ одежды, а въ особенности обуви, состоящей изъ однихъ только «чевякъ».

По этимъ причинамъ принято было избѣгать въ Чечнѣ не только продолжительныхъ экспедицій, но и кратковременныхъ набѣговъ лѣтомъ, а производить ихъ въ то время, когда на деревьяхъ не было листа. Въ Дагестанѣ же, гдѣ нѣтъ такихъ огромныхъ и сплошныхъ лѣсовъ, какъ въ Чечнѣ, кромѣ другихъ не менѣе важныхъ причинъ принято было производить наступательныя дѣйствія въ горы не иначе, какъ лѣтомъ.

Для описываемой экспедиціи въ Малой Чечнѣ назначались два отряда. Начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, полковникъ Нестеровъ съ пятью баталіонами, десятью орудіями и шестью сотнями казаковъ и милиціи долженъ былъ дѣйствовать со стороны Назрана.

Генералъ Фрейтагъ съ другимъ, почти такой же величины, отрядомъ долженъ былъ наступать отъ Грозной. Пунктомъ соединенія этихъ двухъ отрядовъ назначалась рѣка Гехи, какъ центральная черта и на которой находились самые богатые и многочисленные аулы.

6-го мая съ разсвѣтомъ началось движеніе изъ Грозной по мосту на правую сторону Сунжи трехъ баталіоновъ куринцевъ, четырехъ баталіоновъ замосцевъ и люблинцевъ, двѣнадцати орудій, въ томъ числѣ четырехъ конныхъ, и двухъ сотенъ моздокцевъ и гребенцевъ, которые, по мѣрѣ перехода черезъ мостъ, становились на мѣста, опредѣленныя имъ по диспозиціи, наканунѣ отданной.

Съ восходомъ солнца, всѣ упомянутыя войска двигались въ боевомъ порядкѣ по открытой и ровной мѣстности и даже по торной дорогѣ, но только не отъ чеченскихъ арбъ, а отъ нашихъ повозокъ, ѣздившихъ

Digitized by Google

въ Ханкале по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ,—разумѣется, подъ сильнымъ прикрытіемъ,— за строевымъ лѣсомъ и дровами, почти всегда добываемыми съ боя.

Подъ Ханкале разумѣлось ущелье, находящееся между двумя довольно высокими, продолговатыми и поросшими строевымъ лѣсомъ горами. Лѣвая изъ этихъ горъ (по направленію изъ Грозной) составляла отвѣсный берегъ надъ Аргуномъ между ауломъ Бердыкель и Большой Чечень; правая же своими западными отлогостями доходила до рѣки Гойты, впадающей въ Сунжу между Грозной и Алдами.

Черезъ это ущелье пролегала дорога въ глубь Чечни, извѣстная намъ еще съ 1806 года, когда командующій войсками на Кавказской линіи, генералъ Булгаковъ, встрѣтился съ главною массою чеченскаго населенія и послѣ значительной потери принужденъ былъ возвратиться обратно. Тутъ же въ 1818 году генералъ Ермоловъ имѣлъ кровавый бой съ огромнымъ сборищемъ чеченцевъ, которые перекопали дно ущелья рвомъ и засѣли за высокимъ валомъ. Но Алексѣй Петровичъ, овладѣвъ этимъ окопомъ и расположившись съ своей ставкой на курганѣ, называемомъ и по настоящее время Ермоловскимъ, не двинулся до тѣхъ поръ впередъ, пока не вырубилъ дремучій лѣсъ и тѣмъ не сдѣлалъ свободный проходъ въ Чечню на будущее время.

Еще въ 1844 году видны были остатки рва и вала, видно было направленіе канавы, проведенной изъ Аргуна, съ остатками отъ сакель находившихся здѣсь двухъ ауловъ. Замѣтны были пни вырубленныхъ Ермоловымъ огромныхъ деревьевъ, заросшихъ частымъ и мелкимъ орѣшникомъ, перемѣшаннымъ съ кизилемъ, боярышникомъ и кислицей, столь любимой фазанами. И много было въ то время этой красивой птицы, съ быстротою молніи перелетавшей съ одного куста на другой и озарявшей васъ своими яркими перьями.

Выйдя изъ Ханкале и пройдя нѣсколько верстъ цѣликомъ по обширной полянѣ, поросшей густой травой, перемѣшанной съ кустами терна, отрядъ вступилъ въ Гойтинскій лѣсъ, называвшійся такъ по имени бывшаго здѣсь аула и ничтожной рѣчки, но теперь сильно разлившейся отъ безпрестанно шедшихъ дождей.

Переходъ черезъ этотъ хотя не широкій (съ небольшимъ верста), но густой лѣсъ, извѣстный намъ тоже со времени Ермолова, былъ совершенъ сверхъ ожиданія съ незначительной перестрѣлкой. Нѣсколько десятковъ выстрѣловъ, произведенныхъ невидимымъ непріятелемъ, оказавшихся безвредными, были знаменательны для меня собственно потому, что это были первыя просвистѣвшія надъ головой и по сторонамъ пули.

Во время дальнѣйшаго движенія отряда къ Мартану и ночлега на этой рѣкѣ, у того мѣста, гдѣ спустя три года построено было Урусъ-

Digitized by Google

Мартанское укрѣпленіе, тоже не случилось ничего особеннаго. Только отдѣльные всадники, разъѣзжавшіе внѣ выстрѣла между перелѣсками, какъ при движеніи отъ Гойты къ Мартану, такъ и при расположеніи на ночлегъ, криками и выстрѣлами возвѣщали о нашемъ неожиданномъ для нихъ появленіи. И дѣйствительно, какъ увидимъ, чеченцы не ждали нашихъ войскъ съ этой стороны.

7-го мая отрядъ выступилъ далѣе. Переходъ предстоялъ небольшой; между Мартаномъ и Гехи считалось не больше пятнадцати верстъ. Дорога была ровная, и только переправы черезъ Рошну и два Шавдана [1]) нѣсколько замедлили движеніе. За исключеніемъ небольшихъ рощицъ и кустарника лѣсъ былъ отъ дороги внѣ выстрѣла, а потому безпрепятственно могли слѣдовать и боковыя прикрытія.

Къ полудню мы расположились, въ ожиданіи прибытія полковника Нестерова съ отрядомъ, на лѣвой сторонѣ Гехи. Видимый непріятель исключительно конный и разъѣзжавшій внѣ выстрѣла, по-прежнему былъ незначителенъ. Какъ будто бы пожаръ и моръ прошелъ по Чечнѣ, тѣмъ болѣе, что по пройденной нами дорогѣ часто встрѣчались остатки прежнихъ ауловъ.

И дѣйствительно до 1840 года здѣсь по обѣ стороны дороги находились многолюдные аулы Гойта, Мартанъ, Рошна; даже на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ расположенъ нашъ бивуакъ, существовалъ огромный аулъ Гехи. Остатки сакель и фруктовыхъ садовъ служили тому доказательствомъ. Съ возстаніемъ же Чечни, изъ страха наказанія, жители этихъ мѣстъ или удалились въ Черныя горы, или разселились хуторами по лѣснымъ трущобамъ.

9-го мая съ ранняго утра началась слышаться отдаленная канонада, которая къ полудню все учащалась и дѣлалась слышнѣе. Понятно становилось, что отрядъ полковника Нестерова имѣлъ дѣло съ главной массой населенія, которое, какъ оказалось, начало собираться на Ассу 7-го числа, когда войска, стянутыя изъ Владикавказскаго округа къ Назрану, выступили изъ этого укрѣпленія. Этимъ объяснилось также, почему противъ нашего отряда почти не было непріятеля.

Чтобы подать помощь шедшимъ къ намъ на соединеніе войскамъ, а въ случаѣ надобности и выручить изъ бѣды, сдѣлано было распоряженіе: двумъ съ половиною баталіонамъ съ четырьмя орудіями и двумя сотнями казаковъ остаться на позиціи, для прикрытія вагенбурга, а четыремъ баталіонамъ съ восьмью орудіями двинуться на Валерикъ. Войска, назначенныя для этого движенія, должны были выступить въ два часа, если къ этому времени не будетъ получено особаго извѣстія

[1]) Въ Чечнѣ подъ этимъ названіемъ извѣстны многіе топкіе, не широкіе, въ родѣ канавъ, безъименные ручьи.

Digitized by Google

отъ полковника Нестерова, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго генераломъ Фрейтагомъ.

Недалекъ былъ Валерикъ или Вейрикъ, воспѣтый нашимъ поэтомъ Лермонтовымъ, послѣ кровопролитной битвы на немъ въ 1841 году отряда генерала Галафѣева съ чеченцами; отъ него до Гехи считалось не болѣе пяти верстъ, но труденъ былъ доступъ къ нему. Оба берега этой, хотя не широкой, но глубокой и текущей въ крутыхъ берегахъ рѣчки поросли густымъ дремучимъ лѣсомъ. При томъ же лѣсъ, находящійся по правую сторону Валерика, или между этой рѣчкой и Гехи, былъ чрезвычайно густъ и простирался почти на двѣ версты, а до его вѣковыхъ чинаръ и дуба ни разу не прикасался нашъ топоръ.

Въ два часа войска, назначенныя для движенія на Валерикъ, выступили съ занимаемой ими позиціи и не успѣли пройти и половину разстоянія, какъ, по приказанію генерала Фрейтага, были пріостановлены. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ получено было новое приказаніе спѣшить бѣгомъ къ Гехинскому лѣсу, отстоящему не далѣе полуверсты.

Такія распоряженія изумили куринцевъ, не привыкшихъ получать отъ своего бывшаго хладнокровнаго и спокойнаго командира столь разнорѣчивыхъ приказаній.

—Такимъ манеромъ, что-нибудь случилось нехорошее въ отрядѣ у Нестерова,—проговорилъ настоящій командиръ Куринскаго полка, полковникъ Виттортъ, отдавъ приказаніе двигаться.

— Видно. не ладно у навагинцевъ,—пронеслось по рядамъ куринцевъ, спѣшившихъ бѣгомъ къ Гехинскому лѣсу.

И дѣйствительно было не ладно въ рядахъ навагинцевъ, тѣмъ болѣе, что кровавая катастрофа, которую вслѣдъ за симъ разскажу, случилась совершенно неожиданно и для Нестерова, въѣхавшаго почти одновременно съ Фрейтагомъ на высокій курганъ, находившійся у входа въ Гехинскій лѣсъ, и на вопросъ Роберта Карловича: «все ли хорошо?»— отвѣчавшаго:

— Слава Богу, все благополучно. Отъ самой Ассы не давали покоя, и, несмотря на то, что я имѣлъ дѣло со всей Малой Чечней, потеря небольшая.

— Значитъ, нѣтъ надобности въ моихъ куринцахъ? спросилъ Фрейтагъ.—Остановить колонну!—добавилъ онъ.

Но не прошло и минуты, какъ отъ прискакавшаго урядника Владикавказскаго полка получено было печальное извѣстіе, поразившее всѣхъ насъ: «что непріятель, прорвавъ правую цѣпь, ворвался въ обозъ и тѣмъ раздѣлилъ одну часть отряда отъ другой».

Съ быстротою, свойственной куринцамъ, подбѣжали они къ Гехинскому лѣсу, построились въ боевой порядокъ и двинулись впередъ.

Digitized by Google

Не успѣли мы проѣхать по чащѣ нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ начали появляться голые, изуродованные, обезображенные трупы. Поразительна была эта картина при томъ безмолвіи, которое сохранялось непріятелемъ. Его какъ будто не было въ лѣсу, и какъ бы невидимая сила глумилась надъ убитыми.

Но затишье обратилось въ страшную бурю передъ загородившими дорогу двумя ограбленными и изломанными повозками, убитыми лошадьми и обезображенными трупами людей. Раздался оглушительный залпъ изъ ружей и вслѣдъ за тѣмъ пронзительный гикъ.

Хотя отъ такой неожиданной встрѣчи съ непріятелемъ болѣе тридцати человѣкъ убитыхъ и раненыхъ выбыло изъ строя, но это ни мало не остановило куринцевъ. Заработалъ въ ихъ рукахъ острый штыкъ, и дальнѣйшій путь проложенъ былъ уже по трупамъ чеченцевъ.

Куринцамъ нужно было спѣшить на Валерикскую поляну. Каждый изъ нихъ сознавалъ, что малѣйшее промедленіе могло дать новое торжество непріятелю. Имъ предстояло выручить малочисленный арріергардъ отряда полковника Нестерова, состоящій изъ семи ротъ виленцевъ и литовцевъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, и находящійся подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника барона Врев ского.

Не имѣя ни патроновъ, ни артиллерійскихъ зарядовъ, а между тѣмъ обязанный защищать огромный обозъ, этотъ арріергардъ былъ окруженъ непріятелемъ, въ нѣсколько разъ его превосходящимъ и грозящимъ ему своими обнаженными шашками.

Появленіе куринцевъ на полянѣ огласилось радостными криками виленцевъ и литовцевъ и смѣшалось съ ругательствами и проклятіями чеченцевъ.

Не легко было обратное движеніе черезъ Гехинскій лѣсъ въ виду такого многочисленнаго непріятеля, ободреннаго притомъ нашимъ пораженіемъ.

За боковыя прикрытія, расположенныя неподвижно во всю широту лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги, нечего было опасаться; они были настолько сильны, что нельзя было предполагать, чтобы непріятель могъ прорвать ихъ; при томъ войска имѣли время ознакомиться съ лѣсомъ и занять въ немъ удобныя мѣста. Но зато всѣ непріятельскія силы могли обрушиться на арріергардъ; а потому два баталіона куринцевъ, при четырехъ конныхъ орудіяхъ, были оставлены прикрывать отступленіе.

Въ пять часовъ двинулся черезъ лѣсъ обозъ съ виленцами и литовцами, а черезъ часъ началось общее движеніе арріергарда и боковыхъ прикрытій.

Отступленіе куринцевъ отъ опушки было сигналомъ для непріятель-

Digitized by Google

скаго наступленія. Сотни пѣшихъ чеченцевъ съ неистовымъ гикомъ и съ шашками наголо бросились по дорогамъ а также на углы арріергарда и боковыхъ прикрытій; но штыки и картечь изъ четырехъ орудій удержали этотъ первый напоръ.

Не успѣли куринцы отойти перекатомъ еще нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ раздался новый оглушительный гикъ. Но и этотъ повторенный непріятельскій натискъ былъ столь же неудаченъ, какъ и первый. Много пало чеченцевъ отъ картечи и штыковъ.

Этимъ окончился рукопашный бой, но продолжалась перестрѣлка до самаго выхода изъ лѣса, столь дорого намъ стоившаго Болѣе трехсотъ убитыхъ и раненыхъ выбыло изъ строя.

Слѣдующій день былъ преимущественно употребленъ на погребеніе убитыхъ и успокоеніе раненыхъ, которыхъ оказалось у куринцевъ болѣе шестидесяти человѣкъ. Между послѣдними были подполковникъ Костырко и маіоръ Ляшенко. Кромѣ того, нужно было сдѣлать фуражировку для накошенія травы подъ сильнымъ прикрытіемъ и имѣть постоянно готовыя части для охраненія нашего расположенія, потому что съ ранняго утра конные чеченцы разъѣзжали толпами вокругъ нашего бивуака, а пѣшій непріятель, пользуясь частыми перелѣсками, подкрадывался и тревожилъ насъ своими выстрѣлами.

Для наказанія малочеченцевъ 13, 14 и 15 мая посылались отдѣльныя колонны вверхъ и внизъ по Гехи, а также на Рошну, для истребленія ауловъ и хуторовъ. Такія дѣйствія предполагалось производить до 20 мая, по которое число и имѣлось для отряда продовольствіе.

Но это предположеніе внезапно измѣнилось по причинѣ свѣдѣній, полученныхъ черезъ лазутчиковъ, о поспѣшномъ слѣдованіи Шамиля на помощь малочеченцамъ. При томъ и погода не благопріятствовала намъ. Отъ шедшаго въ продолженіе двухъ дней проливнаго дождя рѣчки выступили изъ береговъ и значительно затрудняли движенія войскъ, въ особенности по лѣснымъ трущобамъ. Поэтому, согласно сдѣланному въ ночь съ 15 на 16 мая распоряженію, отрядъ выступилъ съ разсвѣтомъ въ Грозную.

До Гойтинскаго лѣса мы слѣдовали безпрепятственно и безостановочно, за исключеніемъ переправъ чрезъ Шавданъ, Рошну и Мартанъ; да и непріятеля почти вовсе не было видно. Это предвѣщало, что онъ готовится къ рѣшительной встрѣчѣ съ нами въ Гойтинскомъ лѣсу, и подтверждало свѣдѣнія, доставленныя черезъ лазутчиковъ,—объ устройствѣ имъ огромныхъ заваловъ съ правой стороны дороги. По этой причинѣ въ правое прикрытіе, устроенное кромѣ цѣпи въ двѣ линіи подъ начальствомъ полковника Виттorта, были назначены половина пѣхоты и шесть горныхъ орудій.

На куринцевъ, составлявшихъ съ цѣпью первую боевую линію, воз-

Digitized by Google

лагалось, проникнувъ по возможности далѣе въ глубь лѣса, обойти завалы и, овладѣвъ ими, оставаться неподвижно въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока обозъ съ кавалеріей не переправится черезъ Гойту и не пройдетъ лѣсъ. Замосцы и люблинцы, составляя вторую линію, должны были подкрѣплять куринцевъ. Виленцы и литовцы составили лѣвое прикрытіе, а навагинцы съ четырьмя орудіями образовали арріергардъ.

Такъ распредѣлены были войска генераломъ Фрейтагомъ, и такое ихъ распредѣленіе увѣнчалось бы совершеннымъ пораженіемъ непріятеля безъ особенной потери для насъ, если бы во время исполненія не было сдѣлано уклоненіе, повидимому, самое ничтожное. Впрочемъ, сама природа была въ этомъ случаѣ нѣкоторой помѣхой.

Ошибка состояла въ томъ, что передовые куринцы праваго прикрытія, при переправѣ черезъ разлившуюся Гойту безнамѣренно принявъ влѣво, дали неправильное направленіе первой линіи, такъ что она вмѣсто того, чтобы обойти непріятельскіе завалы, очутилась передъ ними. Для исправленія этой ошибки, нужно было въ виду заваловъ повернуть подъ прямымъ угломъ направо и пробиться впередъ штыками черезъ толпы чеченцевъ.

Хотя это быстро и молодецки было исполнено, но не легко было овладѣть обойденными съ фланга и тыла завалами, съ отчаяніемъ защищаемыми непріятелемъ. Три раза переходили они отъ куринцевъ къ чеченцамъ. Былъ моментъ, когда за колеса двухъ горныхъ единороговъ хватались чеченцы. Но подоспѣла помощь со второй линіи. Люблинцы, направленные самимъ Фрейтагомъ съ фронта на завалы, порѣшили это кровавое дѣло.

Много пало храбрыхъ въ этой рукопашной схваткѣ. Два офицера было убито и пять ранено; въ числѣ послѣднихъ находился и полковникъ Виттортъ, раненный пулею въ грудь. Тутъ же и мнѣ оцарапала пуля кисть правой руки; царапина, не обратившая тогда никакого вниманія, какъ зажившая послѣ нѣсколькихъ примочекъ, но заставляющая теперь себя вспоминать. Въ настоящее время я часто чувствую до такой степени сильную жгучую боль и сведеніе пальцевъ правой руки, въ особенности когда пишу, что карандашъ или перо выпадаютъ или выводятъ не буквы, а каракули.

Послѣ этого, хотя переправа обоза черезъ Гойту и проходъ черезъ лѣсъ войскъ продолжались болѣе часу, но непріятель не сдѣлалъ ничего рѣшительнаго, а ограничился одной неумолкаемой перестрѣлкой.

Въ четыре часа того же 16-го мая оба отряда, утомленные сорокаверстнымъ переходомъ и трехъ-часовымъ упорнымъ боемъ, прибыли въ Грозную, привезя съ собою 65 убитыхъ, кромѣ погребенныхъ на Гехи и болѣе 500 раненыхъ. Но, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ

Digitized by Google

достойнаго Роберта Карловича, мы избѣгли еще несравненно большихъ потерь, а можетъ быть и совершеннаго пораженія.

Въ то время, когда мы оставили Гойтинскій лѣсъ, Шамиль съ трехъ-тысячнымъ ополченіемъ и четырьмя орудіями, задержанный у Дачу-Борзоя разлившимся Аргуномъ, находился отъ насъ въ двадцати верстахъ. Слѣдовательно, замедлись наше отступленіе изъ Малой Чечни не только сутками, а нѣсколькими часами, то намъ пришлось бы сражаться въ Гойтинскомъ лѣсу и съ Шамилемъ, или и того хуже — пробиваться черезъ занятое имъ Ханкальское ущелье.

Передневавъ въ Грозной, каковой отдыхъ былъ необходимъ, войска, прибывшія изъ Владикавказскаго округа, направились туда по Сунжѣ, я же съ войсками, прибывшими съ Терека, отправился въ Червленную, куда и прибылъ въ тотъ же день.

Много поучительнаго пріобрѣлъ я въ этой кратковременной и безцѣльной экспедиціи; въ особенности два правила, относящіяся до боковыхъ прикрытій и арріергарда, во время прохожденія съ боемъ черезъ лѣсъ, запечатлѣлись въ моей памяти.

Не будетъ лишнимъ, если я въ слѣдующей главѣ нѣсколько распространюсь какъ о самихъ чеченцахъ, такъ равно и о способѣ веденія нами войны въ ихъ лѣсахъ. Это тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ и полезнымъ сдѣлать, что записки мои до 1853 года по преимуществу будутъ касаться Чечни. Да и послѣ того я нѣсколько разъ буду обращаться къ Чечнѣ же.

Digitized by Google

А. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ,

какъ преподаватель.

(Изъ старыхъ воспоминаній).

Предъ нами три объемистыхъ тома собранія сочиненій А. А. Котляревскаго, изданіе императорской академіи наукъ. Готовится четвертый; при немъ будетъ помѣщенъ очеркъ біографіи этого замѣчательнаго ученаго, труды котораго, какъ совершенно вѣрно указываетъ академическое предисловіе, еще надолго сохранятъ свое достоинство и значеніе. Подробная характеристика его научной и общественной дѣятельности найдетъ себѣ, конечно, мѣсто въ біографическомъ очеркѣ академическаго изданія. Мы же попробуемъ здѣсь остановиться нѣсколько на выясненіи другой стороны личности А. А. Котляревскаго—на его чисто педагогической дѣятельности (1858—1862 гг.), тѣмъ болѣе, что о послѣдней до сихъ поръ говорилось, кажется, очень немного; по крайней мѣрѣ мы припоминаемъ только страничку-полторы по этому предмету изъ симпатичныхъ и въ высшей степени тепло написанныхъ воспоминаній профессора Алексѣя Веселовскаго, бывшаго его ученика и моего товарища-однокашника по Александринскому сиротскому кадетскому корпусу [1]). Притомъ вообще въ жизни Котляревскаго періодъ этотъ, съ 1858—1862 гг., закончившійся арестомъ и крѣпостью, недостаточно пока освѣщенъ, и предлагаемый мной набросокъ изъ моихъ личныхъ, частью ученическихъ воспоминаній конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, можетъ

[1]) „Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ“ Алексѣя Веселовскаго. Оттиски изъ „Кіевской Старины“. Кіевъ, 1888.

*

Digitized by Google

быть, окажется не лишнимъ и для будущей біографіи этого талантливаго научнаго дѣятеля. Еще кадетомъ, на школьной скамьѣ, я встрѣтился и сблизился на всю жизнь съ симпатичной личностью дорогаго для меня учителя, слишкомъ рано умершаго и для науки, и для общества. Давно все это было. Уже пожелтѣли листки дневника, изъ котораго преимущественно черпаются настоящія воспоминанія, неразборчива поблѣднѣвшая рукопись,—и странной кажется теперь эта эпоха возрожденія общественной жизни, стремленія къ истинѣ, къ борьбѣ за право и счастье меньшаго брата, эпоха соединенія страстной энергичной дѣятельности съ мечтательностью, сентиментализмомъ и той широкой юношеской непрактичностью, которая была такъ свойственна тогдашней молодежи. Все оживало. Волны свѣта лились всюду и врывались въ самые отдаленные глухіе уголки общественныхъ сферъ. Всколыхнулась и школа. Общее движеніе захватило также корпуса съ ихъ монастырско-казарменнымъ укладомъ, съ ихъ монотонной дисциплинированной жизнью... Въ эту эпоху и началъ въ корпусѣ свою педагогическую дѣятельность Александръ Александровичъ Котляревскій; сколько мнѣ помнится, онъ былъ приглашенъ въ 1858 году въ августѣ для занятій преимущественно со старшими, такъ называемыми, спеціальными классами: съ I-мъ, со II-мъ и со вновь открытымъ третьимъ... Этотъ послѣдній, высшій классъ, не обязательный для каждаго, служившій какъ бы преддверіемъ для академіи, раздѣлялся на три отдѣленія: инженерное, артиллерійское и генеральнаго штаба, и былъ особенно заботливо обставленъ научными силами. Впрочемъ, благодаря энергіи инспектора (бывшаго потомъ директоромъ 1-й военной гимназіи), покойнаго Евгенія Карловича Баумгартена, Александринскій сиротскій корпусъ вообще могъ похвалиться подборомъ талантливыхъ преподавателей — большей частью молодыхъ дѣятелей Московскаго университета. Въ періодъ съ 1855—1861 гг. занимались, иногда почти одновременно, по русскому языку и исторіи: Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій, Иловайскій, Ѳеоктистовъ, Вызинскій, Нилъ Поповъ, Гаярринъ, Н. С. Тихонравовъ и Котляревскій; по статистикѣ—Вызинскій и А. К. Корсакъ; по законовѣдѣнію—Альбертини и М. Н. Капустинъ, по физикѣ—Любимовъ, по

Digitized by Google

математикѣ—Н. Н. Алексѣевъ (послѣдствіи членъ академіи наукъ), по физической и математической географіи—Я. Вейнбергъ. Особенно интересны и плодотворны въ научномъ смыслѣ были лекціи покойнаго С. В. Ешевскаго по русской и всеобщей исторіи, Бестужева-Рюмина—по русской и Тихонравова по русской же исторіи; но главнѣйшимъ образомъ его же лекціи по исторіи русской литературы (въ I-мъ и II-мъ спеціальн. классахъ). Лекціи эти отнюдь не представляли пересказа съ дополненіями принятыхъ въ то время учебниковъ, въ нихъ выражались большей частью результаты самостоятельной работы молодыхъ и талантливыхъ дѣятелей науки. Къ старымъ руководствамъ, къ отживающимъ научнымъ взглядамъ, относились критически: лучшимъ ученикамъ знакомы были и статья Ешевскаго (кажется въ «Атенеѣ»)—«Сравненіе учебниковъ всеобщей исторіи» двухъ Шульгиныхъ: петербургскаго и кіевскаго, Ивана и Виталія, сравненіе далеко не въ пользу принятаго тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Ивана Шульгина,—и талантливый разборъ Котляревскаго исторіи русской словесности Шевырева (въ «Московскомъ Обозрѣніи»)... Нѣкоторыя изъ лекцій Тихонравова (Лѣтописи русской литературы котораго намъ также были извѣстны), напр. подробный разборъ «Слова о полку Игоревѣ», о старинныхъ мистеріяхъ, о духовныхъ стихахъ, о русскихъ сатирическихъ журналахъ XVIII вѣка, лекціи Ешевскаго по русской исторіи XVIII вѣка и особенно о царствованіи Елизаветы были такъ богаты новымъ, частью нигдѣ ненапечатаннымъ и неразработаннымъ еще въ то время матеріаломъ, такъ содержательны и идейны, что этими лекціями смѣло можно было руководствоваться въ теченіе по крайней мѣрѣ 10—15 лѣтъ спустя послѣ ихъ прочтенія... Такимъ образомъ уже въ I-мъ и II-мъ спеціальныхъ классахъ была подготовлена почва для серьезныхъ письменныхъ работъ («сочиненій») въ III-мъ, въ который, здѣсь кстати замѣтимъ, переводились только лучшіе ученики. Письменными работами по словесности руководилъ А. Котляревскій, по исторіи—С. Ешевскій, по законовѣдѣнію—М. Капустинъ, по статистикѣ—А. Корсакъ. Обычныхъ программныхъ лекцій по этимъ предметамъ уже не читалось. Наиболѣе трудностей представляло веденіе работъ по словесности, такъ какъ работы эти обязательны были для всѣхъ трехъ

Digitized by Google

отдѣленій III-го спеціальнаго класса, причемъ воспитанники отдѣленій артиллерійскаго и инженернаго, увлеченные математикой и спеціальными предметами, относились къ письменнымъ занятіямъ по русскому языку не всегда сочувственно. Работы же по исторіи, затѣмъ по выбору—по законовѣдѣнію, или статистикѣ. обязательно назначались только въ отдѣленіи генеральнаго штаба, воспитанники котораго относились къ такъ называемымъ «сочиненіямъ» вообще почти всегда съ большимъ вниманіемъ. Сочиненіе по каждому изъ названныхъ предметовъ (и кромѣ того по военной исторіи) давалось одно на цѣлый учебный годъ; предоставлялось выбирать любую тему изъ указанныхъ преподавателемъ, который обозначалъ и главнѣйшіе источники, обязательные для изученія. Но обыкновенно число ихъ увеличивалось по мѣрѣ того, какъ разработывалась тема: у пытливаго ученика являлись потребности въ новомъ освѣщеніи предмета, въ ближайшемъ ознакомленіи съ такими существенными сторонами вопроса, которыя, иногда, съ перваго раза не казались ему важными; знающій и живой преподаватель шелъ на встрѣчу этимъ потребностямъ, указывалъ новые источники, выяснялъ ихъ значеніе, рекомендовалъ иногда только-что явившуюся журнальную статью, маленькую замѣтку, приносилъ съ собою рѣдкую брошюрку, если только она отличалась оригинальностью и бросала новый свѣтъ на извѣстный вопросъ темы. Я писалъ на тему «Русскіе мемуары второй половины XVIII столѣтія» (каковыхъ тогда было издано еще очень немного); сейчасъ же явилась естественная потребность ознакомиться съ мемуарами первой половины вѣка; выступили на сцену Желябужскій, Матвѣевъ, Крекшинъ, Посошковъ и другія личности эпохи петровскихъ реформъ; поднялся вопросъ объ отношеніи этихъ людей къ реформѣ, о тѣсной связи ихъ съ эпохой XVII столѣтія, вопросъ о значеніи реформы Петра въ связи съ развитіемъ личности и паденіемъ родоваго начала.... Кромѣ разбросанныхъ въ журналахъ статей и замѣтокъ, относящихся къ эпохамъ Петра и конца XVII столѣтія, пришлось ознакомиться съ статьями Соловьева въ старомъ «Современникѣ» и сочиненіями Кавелина, въ то время только-что изданными, а также проштудировать «Исторію царствованія Петра» Устрялова. Разбирая записки Миниха, князя Шаховскаго,

Digitized by Google

пришлось остановиться и на выясненіи политической ихъ дѣятельности, на участіи ихъ въ событіяхъ эпохи дворцовыхъ переворотовъ XVIII столѣтія, для чего необходимо было познакомиться и съ извѣстнымъ Германомъ: «Geschichte des russischen Staats» и съ Raumer'омъ «Beiträge zur neuer Geschichte» и опять таки съ рядомъ статей, являвшихся въ то время въ журналахъ (напр. Семевскаго «Первые годы царствованія Елизаветы» и пр.). При характеристикѣ воспитанія XVIII столѣтія по Данилову, Болотову и Энгельгардту пришлось познакомиться и съ сатирическими журналами эпохи Екатерины, и съ литературой по этому предмету (статьи Аѳанасьева и др.). Обрисовывая личность князя Щербатова—автора извѣстнаго сочиненія «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»—сочиненія, имѣющаго характеръ мемуаровъ, я долженъ былъ ознакомиться до нѣкоторой степени и съ его россійской исторіей. Въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія моего въ III-мъ спеціальномъ классѣ (я былъ оставленъ въ немъ на второй годъ по молодости), я прочиталъ съ карандашемъ въ рукахъ, дѣлая необходимыя выписки и отмѣтки, буквально не менѣе сотни сочиненій, относящихся только къ одной моей темѣ по русской словесности, и большинство ихъ было рекомендовано Котляревскимъ. Источники указывались довольно свободно, не стѣсняясь какими-либо особыми цензурными условіями, напр. я пользовался сочиненіемъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», въ то время еще не напечатаннымъ,—по списку, переданному мнѣ Ешевскимъ; я пользовался также «Русской исторіей» Германа, сочиненіемъ «La cour de la Russie 1725—1783» и нѣкоторыми другими иностранными источниками, въ то время, кажется, еще не допущенными въ общей продажѣ. Такая свобода оправдывалась указаніями свыше: когда, въ 1859 году, на публичныхъ экзаменахъ при чтеніи сочиненія кадета 1-го московскаго корпуса о духовенствѣ XVI столѣтія, оказалось, что онъ пользовался Стоглавомъ, и одинъ изъ экзаменаторовъ замѣтилъ, что Стоглавъ не напечатанъ и пользоваться такими источниками нельзя, то всесильный въ то время начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ громогласно заявилъ: «ну, имъ можно», и затѣмъ, хотя и прибавилъ, что о духовенствѣ выражено нѣсколько рѣзко, но все-таки,

Digitized by Google

въ виду достоинства работы, подарилъ этому воспитаннику часы. (Выписка изъ дневника одного кадета Александринскаго сиротскаго кадетскаго корпуса). Живо вспоминаю я дорогіе для многихъ изъ насъ эти послѣобѣденные часы (съ 4 до 7, кажется) — часы общей работы надъ сочиненіемъ преподавателя и ученика. — «Сегодня Котляревскій», говорятъ кадеты... Кто читаетъ? Чье сочиненіе разбирается?... и собирается уже в с е отдѣленіе генеральнаго штаба, составляется кружокъ, въ ожиданіи любимаго преподавателя, а если сочиненіе предвидится интересное, то собирается и весь III-й спеціальный классъ (человѣкъ 15). Одинъ кто-либо читаетъ, преподаватель дѣлаетъ замѣчанія, начинается бесѣда, слѣдуетъ рядъ перекрестныхъ вопросовъ, но ни одного неумѣстнаго: однимъ мѣткимъ словомъ, а иногда взглядомъ и улыбкой Александръ Александровичъ умѣлъ, не сердясь, спокойно прекращать тѣ проявленія юношеской безтактности, которыя возможны во всякомъ заведеніи. Бесѣда превращалась иногда въ импровизированную лекцію, особенно цѣнную, когда дѣло касалось до предмета ближайшихъ занятій Александра Александровича, до миѳической старины, до бытовыхъ народныхъ памятниковъ; часто онъ выхватывалъ у кого-нибудь карандашъ и тутъ же набрасывалъ по какому-либо вопросу темы цѣлую разработанную программу, сопровождая ее многочисленными библіографическими указаніями — всегда точными: память у него на этотъ счетъ была обширная. Случайно сохранился у меня подобный набросокъ по вопросу объ отношеніи новой русской литературы къ древней. Привожу его дословно цѣликомъ:

«Существуетъ мнѣніе, что между древнею и новою нашею литературою нѣтъ ничего общаго, что обѣ онѣ — произведенія двухъ совершенно различныхъ силъ. (Мнѣніе Бѣлинскаго и его послѣдователей). Но въ послѣднее время противъ него возстали, говоря, что между ними есть связь. (Пыпина статья о книгѣ Милюкова въ 25 № «Атенея»).

«Намъ кажется, что обѣ стороны взаимно неправы. Почему? Потому что первая дѣйствительно раздѣляется на двѣ совершенно различныя и не имѣющія другъ къ другу отношенія—части одного организма, называемаго Россіею, вторая же, напротивъ, вопреки многимъ фактамъ, слишкомъ поспѣшно постаралась сблизить ихъ.

Digitized by Google

Между древнею и новою русскою литературою есть своя связь и свое глубокое различіе. Связь достаточно указана г. Пыпинымъ и Соловьевымъ [1]). Отличіе въ томъ, что въ древней Россіи, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, мы встрѣчаемъ полное отсутствіе личности. Обыкновенно, прежде, на это явленіе смотрѣли, какъ на свойство, исключительно принадлежащее Россіи, и обвиняли ее въ нравственномъ коснѣніи. (Мнѣніе Кавелина). Это теперь едва-ли покажется справедливымъ. Отсутствіе личности свойственно каждому народу въ древнѣйшій періодъ его существованія. Физіологію этого періода по ст. Буслаева объ эпической поэзіи и моей статьѣ о Милюковѣ («Отечественныя Записки» 1858 года № 4). Отсутствіе личности замѣтно во всѣхъ произведеніяхъ нашей древней литературы. Лѣтописецъ, повѣствуя о судьбахъ родной земли, ничѣмъ не высказываетъ своего личнаго мнѣнія или воззрѣнія; оно какъ бы скрывается въ общемъ ходѣ историческаго сказанія. Не только въ народной поэзіи, уже по самому свойству своему, предполагается отсутствіе личныхъ интересовъ и взглядовъ, но и въ памятникахъ духовной литературы—видно это глубокое отсутствіе личности. Можетъ быть, духовная литература оттого и имѣла у насъ такое широкое распространеніе, что отличалась характеромъ безличнымъ, отсутствіемъ личныхъ страстей и интересовъ. Въ литературѣ есть одинъ родъ произведенія, могущій существовать только при условіи развитія человѣческой личности, это мемуары (что такое мемуары; ихъ личный характеръ). Отсутствіе мемуаровъ въ древней литературѣ. Они появляются только въ концѣ XVI-го вѣка. Это знаменитая переписка Курбскаго, которая въ своемъ родѣ можетъ быть названа мемуарами (Характер. Курбскаго). Сопоставленіе Курбскаго съ записками Кошихина. Причиною возникновенія личности—связь съ Европою (Ложные мемуары Одоевскаго у Пыпина въ его очеркѣ). Но личность не сразу завоевала свои права, и въ продолженіе долгаго времени

---

[1]) Г-нъ Буслаевъ, прежде державшійся мнѣнія о глубокомъ разъединеніи духовныхъ интересовъ древней Россіи, въ настоящее время долженъ былъ нѣсколько ограничить его и признать по крайней мѣрѣ нѣкоторую связь литературы съ народною жизнію (рѣчь о народной поэзіи въ древней русской литературѣ).

Digitized by Google

даже въ самыхъ мемуарахъ мы встрѣчаемъ характеристику древней Россіи».

Изученія матеріала Александръ Александровичъ требовалъ обстоятельнаго, и тому, кто начиналъ читать ему въ классѣ сочиненіе, не ознакомившись достаточно съ указанными источниками, а пользуясь только обще-литературной подготовкой, онъ говаривалъ обыкновенно: «ну, батюшка, намъ съ вами вѣдь нечего теперь дѣлать; почитайте, почитайте, сперва». Сочувственно относясь къ созданію живыхъ историческихъ образовъ, не препятствуя попыткамъ юнаго творчества, Александръ Александровичъ постоянно и рѣшительно требовалъ, чтобы въ основаніи всякой характеристики лежали строго провѣренные историческіе факты. По поводу моей довольно общей характеристики личности Нащокина онъ не безъ ироніи отмѣтилъ на поляхъ сочиненія: «такимъ путемъ можно нарисовать какую угодно картину. Не лучше ли строже и ближе держаться историческихъ фактовъ». Всегда боролся онъ съ поверхностными, скороспѣлыми обобщеніями, слишкомъ иногда привлекательными для юныхъ умовъ. «Въ людяхъ того времени, говорится въ одномъ мѣстѣ моего сочиненія при разсмотрѣніи записокъ Н. Б. Долгоруковой, мы найдемъ много односторонней практичности, умѣнья взяться за всякое дѣло, но нечего искать мягкости нравовъ, человѣчности. Они ж и л и однимъ умомъ, а не сердцемъ. Были натуры страстныя, но эта страсть сказывалась только въ крови и сливалась съ полной чувствительностью. Женщины немногимъ отличались въ этомъ отношеніи отъ мужчинъ» и т. д... Противъ этого мѣста на поляхъ рукой Александра Александровича отмѣчено: «Слишкомъ рѣшительно и потому невѣрно. Для того, чтобъ имѣть право высказать такое рѣзкое заключеніе, необходимо знать такія домашнія подробности, семейныя тайны, какихъ мы не знаемъ, да и знать не можемъ». По поводу подобныхъ фразистыхъ обобщеній онъ иногда говаривалъ мнѣ: «это вы не .....скимъ ли увлекались, это .....щина, а не исторія». Рисуя картину нравовъ XVIII столѣтія на основаніи мемуаровъ и другихъ матеріаловъ, отчасти подъ вліяніемъ свойствъ самихъ источниковъ, а съ другой стороны и вслѣдствіе общихъ вѣяній тогдашней литературы, я не избѣгъ нѣкоторыхъ увлеченій, одностороннихъ черезъ-чуръ рѣзкихъ иногда

Digitized by Google

заключеній отрицательнаго характера относительно проявленій общественной жизни и характеристикъ личности изучаемой эпохи. Весьма серьезно отнесся покойный Александръ Александровичъ къ такому отрицательному направленію моего сочиненія. Сохранившійся у меня собственноручный отзывъ Александра Александровича о моей работѣ весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи. Отдавая полную справедливость моему труду, признавая его во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ (въ учебномъ смыслѣ, разумѣется) и ставя на первое мѣсто въ ряду сочиненій товарищей, въ концѣ рецензіи Александръ Александровичъ прибавляетъ: «Но отзываясь съ такой похвалой о трудѣ воспитанника .....ова, мы съ крайне тяжелымъ чувствомъ должны сознаться, что отношенія его къ предмету слишкомъ отрицательны и могутъ повести ко многимъ печальнымъ явленіямъ: къ исторической недобросовѣстности. Мы не упрекаемъ трудъ г-на ...ова этимъ, обиднымъ для изслѣдователя, качествомъ, но хотимъ только предостеречь на будущее время, чтобъ такой талантливый дѣятель не впалъ въ горшія прегрѣшенія. Глядя на предметъ съ исключительно мрачной стороны, находя вездѣ злоупотребленія, пороки — сочинитель рискуетъ утратить вѣру въ добро и истину, а потерявъ ее, онъ утратитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту теплоту человѣческаго чувства, которой оживлены лучшія страницы исторіи человѣчества. Позволимъ себѣ надѣяться, что этого не случится съ сочинителемъ настоящаго разсужденія».

Вліяніе Котляревскаго (отчасти Ешевскаго, Капустина и Альбертини) не ограничивалось стѣнами классной комнаты, не замыкалось въ сферу чисто учебной дѣятельности. Мало-по-малу сближался онъ съ лучшими изъ учениковъ; молодой (ему тогда было 23—24 года), энергичный, сердечный, въ то время еще жизнерадостный, не поломанный жизнью, онъ чутко отзывался на запросы впечатлительной молодежи о правдѣ, о нравственности, о цѣляхъ благоразумнаго существованія. Отъ роли преподавателя исторіи русской словесности, заставившаго полюбить свою науку и заниматься серьезно предметомъ, онъ переходилъ иногда совершенно естественно и незамѣтно къ роли наставника, воспитателя-глашатая добра и истины. Тѣмъ сильнѣе было нравственное вліяніе на молодежь его и другихъ даровитыхъ преподавателей, что тогдашній воспитательный составъ

Digitized by Google

(ротные командиры и офицеры) далеко не соотвѣтствовалъ ни своему назначенію вообще, ни преобразовательной эпохѣ въ особенности. Какъ разъ въ это время въ старшей ротѣ (1-й или гренадерской) вмѣсто ушедшаго Н. Ф. Снарскаго—человѣка несомнѣнно умнаго и дѣльнаго—назначенъ былъ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитанъ С—чъ, человѣкъ мало пригодный для той важной воспитательной роли, которую онъ игралъ. Кромѣ приказовъ и циркуляровъ онъ почти ничего не читалъ, да и не считалъ этого важнымъ. По разсказамъ товарищей-кадетъ, онъ самъ иногда говаривалъ: «офицеру ничего не нужно читать, кромѣ приказовъ, циркуляровъ и справочной для офицеровъ книжки. Вотъ я—штабсъ-капитанъ, и ничего не читаю, однако считаюсь дѣльнымъ офицеромъ». Какъ-то на Святой (это было въ 1859 г.) я читалъ Тургенева; С—чъ спросилъ: что я читаю; я назвалъ автора, имя котораго извѣстно въ то время было уже всей образованной Россіи. С—чъ же совершенно наивно и серьезно спрашиваетъ: «Это нашъ учитель?» (У насъ дѣйствительно былъ Тургеневъ—старый, дореформенный, можно сказать, преподаватель географіи—очень добрый, впрочемъ, и добросовѣстный человѣкъ и, сколько всѣмъ извѣстно, никогда ничего не писавшій). Въ другой разъ, увидя читающаго кадета, онъ сталъ ему говорить, что читать вообще много не слѣдуетъ, но полезно развѣ только потому, что можно иногда, благодаря начитанности, «впустить фразу въ разговоръ» (буквальная выписка изъ дневника одного кадета 1859 г. мая 15). Приказы по корпусу онъ любилъ читать вслухъ (про себя онъ, кажется, вообще затруднялся читать) и при этомъ дѣлалъ иногда своеобразныя замѣчанія въ присутствіи кадетъ относительно языка приказовъ: такъ ему не понравилось слово «укралъ», и онъ замѣтилъ, что слѣдовало бы написать покрасивѣе: «вмѣсто укралъ уворовалъ» (изъ того же дневника). Дома да и въ ротѣ ему очевидно нечего было дѣлать, и потому онъ постоянно спрашивалъ каптенармуса, нѣтъ ли какой пригонки (мундировъ, брюкъ и проч.). «Скучно что-то», прибавлялъ онъ при этомъ. Онъ не пользовался даже тѣмъ наружнымъ уваженіемъ, тѣми внѣшними знаками почтительности, на которые имѣетъ право всякій неглупый и маломальски порядочный начальникъ... Интересно, какъ, при входѣ

Digitized by Google

С—ча въ роту, бѣгали иногда отъ него кадеты: онъ приходитъ въ залу—кадеты уходятъ въ корридоръ, онъ идетъ въ корридоръ — кадеты въ залу... И подобные переходы повторяются не разъ. С—чъ въ недоумѣніи спрашиваетъ дежурнаго офицера, что это значитъ? Тотъ объясняетъ деликатнымъ образомъ, что кадеты повидимому не желаютъ его часто видѣть... И это былъ ротный командиръ 1-й (старшей) роты, т. е. ближайшій руководитель сотни молодыхъ людей отъ 16 до 19 лѣтъ... Другой—ротный командиръ 2-й роты—капитанъ В—ръ, у котораго на квартирѣ нѣкоторое время жилъ Котляревскій, — несомнѣнно умный и ловкій человѣкъ, довольно начитанный и пожалуй образованный, хотя и нетвердыхъ нравственныхъ убѣжденій, говаривалъ обыкновенно о воспитанникахъ: «прежде всего нужно имѣть въ виду, что кадеты есть кадеты, а потомъ уже люди». А между тѣмъ кадетамъ старшихъ классовъ тогда уже были не чужды и общечеловѣческіе интересы, и чисто-русскіе общественные вопросы той эпохи. Я помню споры и живыя бесѣды, и по поводу освободительной франко-итальянской кампаніи, и по поводу предполагаемой отмѣны крѣпостнаго права, и по поводу гласнаго судопроизводства... Въ ежедневной жизни лучшіе изъ учениковъ становились нервно чуткими ко всякой несправедливости, хотя бы прямо она ихъ не касалась: въ дневникѣ одного кадета обращается вниманіе на жалобы нижнихъ чиновъ Александринскаго корпуса на ихъ ротнаго командира Егорова, который, по ихъ заявленію, не даетъ имъ ѣсть... «Очень не чистъ въ этомъ дѣлѣ Ко—въ (полиціймейстеръ), пишетъ авторъ дневника съ видимымъ раздраженіемъ, это такая тварь, какихъ я еще не видывалъ». Въ другомъ мѣстѣ того же дневника съ негодованіемъ говорится о напрасномъ и безъ разбора наложеномъ полиціймейстеромъ наказаніи на солдата-лаборанта за случившееся въ лабораторіи самовозгораніе истолченаго въ порошокъ угля; кадеты приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ и заявили обо всемъ Мошнину—преподавателю химіи, который тщетно проситъ инспектора разобрать дѣло, доложить о немъ генералу (директору) и оправдать солдата; инспекторъ отвѣчаетъ: «не стоитъ безпокоить генерала изъ-за какого-нибудь солдата, и притомъ полиціймейстеръ сильнѣе меня и генерала». «Боже

Digitized by Google

мой, Боже мой, восклицаетъ съ юношескимъ паѳосомъ авторъ дневника, варварство, грубость высказывается въ высшихъ слояхъ; они тѣмъ непріятнѣе среди новостей сверху отъ правительства. Стоитъ ли безпокоиться изъ-за какого-нибудь солдата, когда онъ правъ совершенно: и это гуманныя понятія»... И затѣмъ послѣ упоминанія о нѣкоторыхъ предположенныхъ улучшеніяхъ въ военномъ быту и объ окончаніи дѣлъ въ комитетахъ по крестьянскому вопросу, авторъ дневника прибавляетъ: «все это хорошо, но разсказанное мною (случай съ лаборантомъ) наводитъ на грустныя мысли, что Россія еще дикая страна, и что единственный исходъ изъ пошлости—наука и литература». Представителями же науки и литературы—вообще знанія и образованія, въ глазахъ кадетъ того времени являлись, конечно, не ротные командиры и офицеры въ родѣ С—ча, а преподаватели... Съ ними бесѣдовали и о прочитанныхъ книгахъ, которыя ими же часто рекомендовались, къ нимъ же болѣе всего и обращались съ вопросами о явленіяхъ текущей общественной жизни... Преподаватели наукъ политическихъ и русскаго языка становились наиболѣе вліятельными, и особенно такіе даровитые и живые, какимъ былъ Котляревскій. Припоминается мнѣ одинъ школьный случай, который послужилъ поводомъ къ бесѣдѣ съ Александромъ Александровичемъ о значеніи личности Штольца, къ бесѣдѣ, имѣвшей для меня въ ту эпоху не только литературное, но и нравственное значеніе... Я былъ увлеченъ Обломовымъ, который въ 1859 году печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» и особенно личностью Штольца; на него я смотрѣлъ въ то время (апр. 1859 г.), какъ на идеалъ, къ которому надо стремиться, и отъ котораго я былъ очень далекъ. «Надо перемѣниться, писалъ я въ дневникѣ, скинуть обломовщину». Вѣдь я тургеневскій герой, съ сильными благородными желаніями, съ слабой волей и самъ хорошо сознающій это: я слишкомъ много думаю; я принадлежу къ людямъ, которые ужь слишкомъ создаютъ свою судьбу, а въ сущности ничего не дѣлаютъ, къ людямъ, которые, при столкновеніи съ голой дѣйствительностью, какъ-то теряются». Штольцъ же рисовался мнѣ человѣкомъ дѣла, представителемъ практической энергіи, потребность въ которой я чувствовалъ... Въ такомъ тонѣ было написано, по

Digitized by Google

просьбѣ одного изъ товарищей, и то классное сочиненіе объ Обломовѣ, которое пришлось прочитать этому кадету на экзаменѣ въ присутствіи инспектора классовъ — Баумгартена, профессора А. А. Буслаева и Котляревскаго. Подробности изложенія я, конечно, не помню, но изъ дневника видно, что въ своей коротенькой работѣ я обратилъ особенное вниманіе на лицо Штольца въ сравненіи съ тургеневскими героями и упомянулъ еще и о значеніи Калиновича (герой изъ романа Писемскаго «Тысяча душъ»). Сочиненіе произвело на экзаменаторовъ благопріятное впечатлѣніе; инспекторъ догадался, что писалъ я. Буслаевъ и Котляревскій выразились, что замѣтка о личности Калиновича въ связи съ нашей служебной сферой — вѣрна, и въ заключеніе Буслаевъ [1]) сказалъ: «это дѣлаетъ честь автору, который писалъ; еще ни одной рецензіи нѣтъ, и мы не можемъ упрекнуть автора въ несамостоятельности; сочиненіе это дѣлаетъ честь «классу»;—«не классу, а заведенію», перехватилъ одинъ изъ воспитанниковъ; «ну, если вы это отрицаете, то заведенію», прибавилъ Буслаевъ... Но этимъ дѣло не кончилось; Котляревскій, при первомъ же разговорѣ со мной объ Обломовѣ, энергично возсталъ противъ увлеченія моего Штольцемъ: «какъ вы не замѣтили, говорилъ онъ, что Штольцъ не человѣкъ; онъ хуже Адуева. Это чортъ знаетъ что такое!. Что онъ тащитъ, тащитъ Обломова и не вытащитъ» (буквальная выписка изъ дневника, май 1859 г.). И вотъ я начинаю нарочно опять перечитывать Обломова и передумывать о прочитанномъ; подъ вліяніемъ словъ Котляревскаго и отношеніе мое къ Штольцу нѣсколько мѣняется. «Не могу все-таки произнести, записано въ дневникѣ, такого рѣзкаго приговора о Штольцѣ, какой высказалъ Котляревскій. Правда, я слишкомъ увлекся идеей, которую хотѣлъ выразить авторъ въ Штольцѣ, и изъ-за нея многаго не видалъ; но все-таки Штольцъ лицо возможное, хотя и слишкомъ идеализированное и не имѣющее у насъ почвы для существованія. А Обломовъ палъ самъ отъ себя. Онъ натуральнѣе Штольца, хотя не можетъ внушить симпатіи, по внимательномъ

[1]) Въ то время ему, кажется, поручено было общее наблюденіе за преподаваніемъ русской словесности въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ.

Digitized by Google

разсмотрѣніи. У Штольца, мнѣ кажется, характера мало и даже сердца. Ольга же прекрасный женскій типъ. Штольцъ теперь не возможенъ, хотя въ немъ проглянула одна татарская замашка, которая не гармонируетъ со всѣмъ остальнымъ: вспомнимъ, какъ избавилъ онъ Обломова отъ незаконнаго векселя—также безъ суда, безъ слѣдствія, основываясь на силѣ генерала». Эти летучія замѣтки изъ тогдашняго дневника достаточно, мнѣ кажется, характеризуютъ весь процессъ обмѣна идей нравственно-литературнаго характера между учителемъ и ученикомъ... Замѣчательно, что извѣстная статья Добролюбова, по поводу романа Гончарова («Что такое обломовщина»), которая явилась въ 5 № «Современника» за 1859 г., уже послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ бесѣдъ, какъ будто меня не удовлетворила: указавъ въ дневникѣ, какъ во многихъ идеяхъ статья эта сошлась съ тѣмъ моимъ класснымъ сочиненіемъ, о которомъ я уже говорилъ, я прибавляю, что Обломовъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго разбора... Видимо, что этической сторонѣ романа въ то время я придавалъ еще очень большое значеніе, и меня все-таки тревожило выясненіе отвлеченной личности Штольца... Намъ, воспитанникамъ Ш-го спеціальнаго класса въ 1859—60 гг., позволялось даже въ будни, кажется, раза три въ недѣлю, ходить къ преподавателямъ для занятій съ ними и пользованія ихъ библіотеками; особенно охотно приглашали насъ къ себѣ Ешевскій и Котляревскій, а математиковъ — Алексѣевъ... Бывали, впрочемъ, и у другихъ... Но чаще всего приходилось заходить къ Котляревскому, да и естественно: человѣкъ онъ былъ въ то время еще несемейный и жилъ свободной полустуденческой жизнью сначала въ излюбленныхъ университетской молодежью «Челышахъ» (большая гостиница съ меблированными комнатами—довольно грязноватыми, противъ Малаго театра), а потомъ переселился въ зданіе корпуса, въ квартиру ротнаго командира 2-й роты В—ра, и съ тѣхъ поръ сталъ для нѣкоторыхъ изъ насъ совершенно близкимъ уже человѣкомъ, къ которому обращались не съ одними только литературными вопросами... Помню, послѣ горячей и продолжительной бесѣды съ инспекторомъ классовъ Баумгартеномъ, вызванной однимъ школьнымъ случаемъ, бесѣды, въ которой поднялся вопросъ объ отноше-

Digitized by Google

ніи личнаго убѣжденія къ внѣшне-поставленнымъ обязанностямъ, о значеніи чувства законности и долга, объ отношеніи свободы мысли къ проявленію ея въ дѣятельности,—усталый, не убѣжденный словами инспектора и крайне раздраженный (въ сущности я во многомъ былъ неправъ), прежде всего, какъ бы для успокоенія, захожу къ Котляревскому, и тотъ сразу отрезвляетъ меня словами о значеніи о п ы т а, о необходимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ у с т у п к и... «Должно уступить, пишу я въ нервномъ возбужденіи, повторяя слова Александра Александровича, — это ужасное «должно». Другое дѣло, еслибъ было сказано: нужно, нельзя не уступить. Это я сознаю, это просто физическая необходимость; но д о л ж н о... это значитъ самому сказать: слѣдуетъ дѣлать т а к ъ, но я н е б у д у д ѣ л а т ь, потому что спокойнѣе какъ-то»... И затѣмъ вліяніе разговора съ Александромъ Александровичемъ уже сказывается... И я начинаю сознавать ту долю нравственной неправоты и односторонности мышленія, которыя сказались въ бесѣдѣ моей съ Баумгартеномъ и въ отношеніи къ его личности... Однообразный строй кадетской жизни по временамъ очень тяготилъ многихъ изъ насъ; являлась потребность въ иной болѣе практической дѣятельности, думалось о работѣ для печати, объ урокахъ, какъ полезномъ трудѣ... Какъ бы въ отвѣтъ на эти мечтанія, Котляревскій съ одной стороны не разъ указывалъ, какимъ образомъ можно было бы обработать впослѣдствіи мои сочиненія по исторіи и русскому языку для печати, а съ другой—нашелъ мнѣ тогда же прекрасно обставленные уроки по исторіи русской литературы одному изъ кадетъ-экстерновъ [1]) II-го спеціальнаго класса. Такимъ образомъ первыми собственными трудовыми деньгами я обязанъ былъ Котляревскому. Я помню, что нѣкоторые и другіе преподаватели того времени (напр. математикъ Алексѣевъ и химикъ Мошнинъ) также доставляли уроки своимъ лучшимъ ученикамъ... Теплыя, дружественныя отношенія къ преподавателямъ не прекращались и по выходѣ кадетъ изъ заведенія... Молодые офицеры, вчерашніе школьники, въ бытность въ Москвѣ—нѣтъ, нѣтъ да и забѣгали къ Котляревскому, а лучшіе

[1]) Тогда впервые въ старшихъ классахъ корпусовъ явились приходящіе кадеты или экстерны, которые жили постоянно дома, а приходили въ заведеніе только на время учебныхъ занятій.

Digitized by Google

изъ учениковъ засиживались подолгу, заходилъ и самъ онъ къ нимъ; съ довѣрчивостью относились эти юноши-офицеры къ немногимъ старшему ихъ преподавателю, съ полной откровенностью передавали ему такія интимныя подробности о своей личной жизни, о полковой обстановкѣ, о которыхъ не рѣшились бы иногда сказать своему родному отцу, и въ такихъ-то случаяхъ нравственное вліяніе Котляревскаго сказывалось въ полной силѣ... Помню, разъ зашли мы (кадетами еще) по обыкновенію вечеркомъ къ Котляревскому съ однимъ изъ новыхъ товарищей по III спеціальному классу (недавно умершимъ Ан. В—мъ), пришелъ туда и М—скій, только-что выпущенный въ офицеры, даровитый юноша, но большой говорунъ и фантазеръ, близкій мой старый товарищъ по III-му же спеціальному классу [1]), заговорилъ онъ о своей полковой жизни, о товарищескихъ кутежахъ и оргіяхъ, до такой степени циничныхъ, что передавать ихъ въ сущности неудобно было бы даже въ общихъ чертахъ; М—скій же не стѣснялся и подробностями; повидимому, многое онъ и преувеличивалъ по свойственной ему привычкѣ—для краснаго словца не щадить отца, но ясно было все-таки одно, что попалъ онъ въ какой-то грязный омутъ, и при этомъ какъ будто не сознавалъ, куда попалъ. Котляревскій отнесся къ дѣлу не только серьезно, но и заслуженно сурово; онъ сказалъ М—скому, что подобное общество не по немъ, чтобъ онъ с к о р ѣ й выходилъ изъ него, иначе погибнетъ... «Годъ прожить съ подобными офицерами, чуть ли не ежедневно при этомъ быть свидѣтелемъ тѣхъ безобразій, которыхъ вы разсказывали—вѣдь это значитъ сдѣлаться скотомъ». «Мнѣ жаль васъ, прибавилъ въ заключеніе Котляревскій, поступайте репетиторомъ» [2])... Рѣзкое, но справедливое слово Александра Александровича произвело на М—скаго надлежащее впечатлѣніе: иллюзія порока исчезла, съ товарищами-безобразниками онъ понемногу сталъ расходиться и началъ заниматься. Рано впрочемъ и трагически оборвалась жизнь этого даровитаго юноши: въ 1861 году

[1]) Такъ какъ я по молодости лѣтъ оставался въ III-мъ спеціальномъ классѣ д в а г о д а, то у меня былъ д в о й н о й к о м п л е к т ъ товарищей по этому классу.

[2]) Въ то время къ каждому изъ корпусовъ прикомандировывались по нѣсколько молодыхъ образованныхъ офицеровъ съ цѣлью подготовляться къ преподавательству; они-то и назывались репетиторами.

Digitized by Google

послѣ 19 февраля онъ убитъ былъ въ собственномъ имѣніи (Холстово—Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда) своими же крестьянами, убитъ, какъ разсказывали, только потому, что былъ послѣднимъ и единственнымъ въ родѣ, и крестьяне полагали, что по смерти М—скаго выморочное имѣніе обязательно перейдетъ къ нимъ... Послѣ выпуска 16 іюня 1860 г. разбрелись мы въ разныя стороны, въ Москвѣ почти никого не осталось; но намъ давался 28 дневный отпускъ, которымъ большинство москвичей и воспользовалось, чтобъ повеселиться въ родномъ городѣ. Мечтали, строили планы будущей дѣятельности, катались по окрестностямъ, говорили и пили въ веселыхъ кружкахъ, но не забывали корпуса и дорогихъ наставниковъ. Котляревскій жилъ то лѣто въ Мазиловѣ, близъ Кунцова (въ которомъ, кажется, жилъ и Солдатенковъ, тогда знакомый уже съ Котляревскимъ). Рядомъ, въ Волынскомъ, нанималъ прелестную дачу еще одинъ изъ преподавателей — химикъ Мошнинъ—нынѣ также умершій, и который нѣсколько лѣтъ сряду былъ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета въ Нижнемъ. Частенько мы (я и Ан. В—въ) заглядывали въ эти прелестныя мѣста, тогда еще не по желѣзной дорогѣ—еще не переполненныя дачниками, не засиженныя, какъ теперь. Заберемся бывало къ Котляревскому часовъ съ четырехъ по полудни, со всякой провизіей, съ виномъ, съ узелками и корзинками по старому московскому обычаю, а домой вернемся часа въ два ночи... Подойдетъ еще кто-нибудь изъ дачниковъ, и завяжется бесѣда. Чудные вечера проводили мы въ Мазиловѣ; Котляревскій съ его неистощимымъ остроуміемъ, съ его образнымъ языкомъ, съ его манерой по временамъ неожиданно переходить къ шутливо-торжественному строю церковнославянской рѣчи, съ его громаднымъ запасомъ мастерски передаваемыхъ анекдотовъ, особенно изъ сферы аѳанасьевскихъ легендъ — былъ, конечно, душой этихъ вечеровъ... Мы жили и не замѣчали, не учитывали жизни: мы были счастливы. Смѣялись часто всякому пустяку. Котляревскій изобрѣтетъ иногда какую-нибудь несуразную фразу, да и повторяетъ ее цѣлый вечеръ на разные лады; онъ зналъ, что я назначенъ въ Казань, и чуть бывало замѣтитъ, что взгрустнусь по этому поводу, какъ въ приподнятомъ тонѣ въ особеннымъ удареніемъ и важностью провозглашаетъ: «а въ

Digitized by Google

Казани коза въ сарафанѣ»... и «Сумбека на забралѣ сидитъ»... [1]) и мы хохочемъ и болтаемъ, болтаемъ и хохочемъ. А то, какъ бы сговорившись, разомъ пріостановимся и смолкнемъ: среди тишины теплой іюньской ночи, едва прерываемой ласковымъ шелестомъ листьевъ, вдругъ раздается аккордъ, и полились чудные звуки — пѣсня счастья и слезъ: то пѣла и играла сосѣдка по дачѣ, нѣкто М—я... и въ душѣ у насъ все пѣло и играло... «Хорошо жить», говорилъ я своему товарищу Ан. В—ву, возвращаясь ясной лунной ночью изъ милой Мазиловки... ни одного облачка на небѣ, ни одной мрачной мысли на сердцѣ... Но вотъ наступило первое серьезное для меня въ то время горе: пришлось уѣхать въ отдаленную и чуждую москвичамъ Казань, пришлось проститься со всѣми милыми, дорогими и близкими мнѣ людьми, проститься, казалось мнѣ, быть можетъ, на всегда... 4-го августа я былъ уже въ Казани и прожилъ тамъ около двухъ лѣтъ... Въ концѣ апрѣля 62-го года я вернулся въ Москву, чтобы готовиться въ Академію Генеральнаго штаба и держать предварительный экзаменъ при штабѣ резервовъ армейской пѣхоты; въ первыхъ числахъ мая я уже былъ у Александра Александровича. Я засталъ его женатымъ (свадьба была 7-го февраля 1862 года). Онъ жилъ тогда въ Бронной (близъ Тверскаго бульвара) въ старинномъ деревянномъ съ мезониномъ домѣ, который, кажется, уцѣлѣлъ безъ передѣлокъ до сихъ поръ. Обширныя высокія комнаты показались мнѣ сначала какъ-будто пустынными и непріятными. Сейчасъ же Александръ Александровичъ познакомилъ меня съ своей молодой женой — почти дѣвочкой — изящной, симпатичной и привѣтливой Екатериной Семеновной, урожденной Поповой. Мы разговорились; я помню, она поинтересовалась моими годами: оказались ровесниками. Сразу мнѣ стало тепло и уютно въ этой семьѣ. Безъ церемоній меня оставили обѣдать; послѣ обѣда, какъ теперь помню, Екатерина Семеновна сѣла за рояль, и раздались мощные звуки одной изъ симфоній Бетховена. Мы съ Александромъ Александровичемъ усѣлись поодаль,—онъ курилъ и слушалъ, я мечталъ и слушалъ... Это былъ

[1]) Кстати припоминаю, какъ значительно уже позже, послѣ назначенія моего воспитателемъ въ Пажескій корпусъ, онъ, встрѣчаясь со мной, бывало непремѣнно приговаривалъ: „Иване, Иване худымъ живеши, пажами орешн“.

Digitized by Google

годъ появленія «Отцовъ и дѣтей», годъ смутныхъ волненій русской молодежи, годъ петербургскихъ пожаровъ, которые навели панику на самыхъ спокойныхъ людей, начало волненія въ Польшѣ, годъ появленія массы прокламацій и къ «молодой Россіи», кажется, и къ русскимъ офицерамъ и т. п. Носились всюду какіе-то нелѣпые слухи о готовящихся политическихъ переворотахъ, въ обществѣ чувствовалось какое-то броженіе, атмосфера была какъ бы насыщена не то недовольствомъ, но то смутными ожиданіями чего-то новаго и лучшаго. Но домъ Котляревскаго, какъ показалось мнѣ въ тотъ моментъ, какъ будто остался внѣ этихъ смутныхъ вѣяній. Я еще подумалъ: личное счастье слишкомъ захватило Александра Александровича. Обычная бесѣда литературно-историческаго характера, обычная шутливость и веселость... ничто, повидимому, не намекало на возможность грозы, которая разразилась совершенно внезапно со всѣми ея страшными послѣдствіями. Въ концѣ мая, послѣ своихъ экзаменовъ, Александръ Александровичъ отправился въ Петербургъ преимущественно для занятій въ Публичной библіотекѣ, за нимъ чрезъ нѣсколько дней поѣхала и жена. Потомъ они предполагали поселиться на дачѣ въ Братцовѣ.

Въ это время я энергично сталъ готовиться къ Академіи; незамѣтно прошло два мѣсяца въ усиленной работѣ, сдалъ я экзаменъ при корпусномъ штабѣ отлично и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ (въ началѣ августа) рѣшился немного вздохнуть и навѣстить своихъ старыхъ московскихъ знакомыхъ. Ѣду въ Бронную къ Котляревскимъ—никого; не могу добиться толку... Увезли, уѣхалъ... Смутное предчувствіе чего-то ужаснаго охватываетъ меня... Мчусь на Патріаршіе пруды къ ...ву, котораго я какъ-то разъ видалъ у Александра Александровича, и къ которому меня теперь направили. Звоню; отворяетъ самъ ...въ. «Вѣдь вы знаете Александра Александровича?» Взволнованный, испуганный ...въ (онъ принялъ меня за полицейскаго офицера, присланнаго для обыска) отвѣчаетъ на мой вопросъ однимъ заиканіемъ... Наконецъ объяснились... Котляревскій арестованъ по дѣлу Кельсіева и отправленъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость еще въ концѣ іюля. Впослѣдствіи я слышалъ отъ Екат. Семен., что за

Digitized by Google

ея мужемъ, повидимому, слѣдили уже въ іюнѣ и на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву ихъ сопровождалъ сыщикъ—очень любезный и разговорчивый молодой человѣкъ, который обращался все къ Александру Александровичу съ разными политическими и общественными разговорами. Александръ Александровичъ отмалчивался до невѣжливости, такъ что Е. С. даже замѣтила: что же ты, Александръ, ничего не отвѣчаешь?... «Зубы болятъ», проворчалъ на это Александръ Александровичъ. Чуть-ли не на другой день ихъ пріѣзда на дачу въ Братцово (это было въ началѣ второй половины іюня) явились за Котляревскимъ жандармскій штабъ-офицеръ В—ковъ съ полицейскими чинами, понятыми и съ тѣмъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, который сопровождалъ Котляревскихъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ на квартирѣ уже былъ сдѣланъ обыскъ; повидимому, ничего подозрительнаго не было найдено. Котляревскаго повезли изъ Братцова къ оберъ-полиціймейстеру, откуда, впрочемъ, скорю отпустили домой. Но 21 іюля его уже арестовали вторично, посадили въ Пречистенскую часть и 23-го вечеромъ, съ товарнымъ поѣздомъ, отправили въ Петербургъ. Ѣхали около трехъ дней. Молодая жена сопровождала его. Любопытно, что въ числѣ заарестованныхъ бумагъ почему-то оказалась и копія съ рукописи сочиненія Щербатова: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», которой я пользовался при письменныхъ работахъ по русскому языку и исторіи. Впослѣдствіи Котляревскій подарилъ мнѣ эту рукопись на память; на ней его рукой написано: «Котляревскимъ вручено лично Дренякину (жандармскому окружному генералу) 15 іюня 1862 года». Цифра эта указываетъ, приблизительно, на время втораго обыска. Въ Петербургѣ я, конечно, прежде всего отправился къ Екат. Семен. Котляревской; видъ ошеломленной, разбитой, глубоко страдающей женщины поразилъ меня, а общее горе сблизило насъ такъ, какъ будто съ дѣтства мы были знакомы. Котляревскій оказался совершенно невиновнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ просидѣлъ въ крѣпости около полугода и вышелъ оттуда разбитымъ нравственно и физически. Въ одинъ изъ январскихъ (не въ февралѣ ли это было, теперь не помню) вечеровъ 1863 г. почти всѣ живущіе въ Петербургѣ александринцы — ученики Котляревскаго, собрались въ нашей съ А—вымъ маленькой академической

Digitized by Google

квартиркѣ, чтобъ поздравить дорогаго учителя со свободой, чтобъ проводить его въ Москву... Это были проводы и нашей юности... этимъ вечеромъ какъ-бы закончился и періодъ нашихъ ученическихъ отношеній къ Котляревскому. Мы провожали его не только какъ преподавателя, но и какъ близкаго по убѣжденіямъ дорогаго старшаго товарища, какъ будущаго общественнаго дѣятеля.

І. Д. С.

30 апрѣля 1893 года.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Матеріалы и замѣтки.

Н. М. Карамзинъ—генералъ-адъютанту Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову.

(Собственноручно)
24-го марта 1826 года.

Умиравшій, но не умершій Карамзинъ, хотя еще и слабый, какъ тѣнь, сердечно желаетъ совершеннаго здоровья Его Высокопревосходительству Павлу Васильевичу и покорнѣйше проситъ его сдѣлать ему чувствительное одолженіе, если можно: въ числѣ пажей, отправляемыхъ въ Москву по случаю коронаціи, милостиво назначить пажа графа Ефимовскаго, у котораго тамъ престарѣлый дѣдъ и нездоровая мать.

Изъ бумагъ А. И. Хатова.

Графъ К. Ѳ. Толь—А. И. Хатову. [1])

Могилевъ, 28-го сентября 1824 года.

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ.

Послѣднее письмо твое и при ономъ экземпляръ 1-й части войны 12 года я получилъ [2]) (за что приношу искренную мою благодарность), по возвращеніи

[1]) Генералъ-маіоръ Александръ Ильичъ Хатовъ—писатель и переводчикъ военноисторическихъ сочиненій (р. 1780 г. † 1846 г.). Генералъ-адъютантъ К. Ѳ. Толь занималъ въ это время мѣсто начальника главнаго штаба первой арміи, которою командовалъ графъ Ф. В. Сакенъ. Главная квартира ея была расположена въ Могилевѣ. Ред.

[2]) Упомянутая здѣсь исторія войны 1812 года есть русскій переводъ сочиненія Д. П. Бутурлина: „Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812", изданный квартирмейстерской части генералъ-маіоромъ Хатовымъ. Ред.

Digitized by Google

моемъ изъ Бреста-Литовскаго, куда послѣдовалъ я за Государемъ. 83.000 человѣкъ соединенной Польской и Литовской арміи представились Государю въ самомъ блестящемъ видѣ. Много было на смотру семъ иностранцевъ. Любопытенъ былъ я знать, что думали они о военныхъ силахъ нашего государства, видя, можно сказать, въ сихъ войскахъ, одинъ авангардъ оныхъ. Маневры были очень хорошо соображены, но не съ довольною живостію исполнены; впрочемъ въ большомъ порядкѣ.

Ты мнѣ, любезный Александръ Ильичъ, ничего не пишешь о второй части войны 1812 года. Отдана ли она въ печать? Скоро ли изъ оной выйдетъ? и вообще о успѣхахъ печатанія. Книгу твою здѣсь съ жадностію читаютъ.

Я твердо увѣренъ, что придется тебѣ ее вновь напечатать. Скажи мнѣ послѣ выпуска 1-й части, не увеличилось ли число подписчиковъ?

Все, что слышу я по письму твоему о училищѣ колонновожатыхъ, крайне мнѣ пріятно. Главное вниманіе надобно обращать на образъ ихъ мыслей; и если окажется кто изъ нихъ вольнодумцемъ, то, не взирая на всѣ его способности ума, не уважать его молодости и вѣтренности, въ примѣръ другимъ тотчасъ его выписать. Такіе необдуманные разговоры заразительны быть могутъ и для товарищей. Надобно тебѣ сказать, что въ Москвѣ въ Муравьевскомъ училищѣ симъ пренебрегали, отчего весьма способнаго впрочемъ, хорошаго воспитанія молодаго человѣка, прапорщика Полторацкаго недавно, за необдуманныя и можно сказать глупыя сего рода выраженія отставили отъ службы. Надобно въ молодыхъ людяхъ всѣми мѣрами стараться поселить уваженіе, и неограниченное, къ благотворному нашему правительству и не терпѣть ни малѣйшаго объ немъ сужденія. Потому и пріятно мнѣ слышать отъ тебя, любезный Александръ Ильичъ, что они всѣ вообще ведутъ себя скромно и прилежно. Равно и за офицерами, къ нимъ приставленными, должно имѣть въ семъ отношеніи также строгій присмотръ.

Прошу.... быть увѣреннымъ въ искренней моей приверженности

Карлъ Толь.

Изъ бумагъ А. И. Хатова.

Digitized by Google

ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ

для спасенія людей отъ слѣпоты.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во-время сдѣланной операціи или инаго рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. № 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

САРАТОВСКАЯ ЗЕМСКАЯ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

Для губерній юго-восточнаго раіона будетъ открыта съ 15 сентября по 10 октября 1893 года при зданіи Губернской Земской Управы.

Пріемъ заявленій до 1 августа, а самыхъ предметовъ для выставки экспонатовъ съ 10 августа по 10 сентября, предметовъ подверженныхъ порчѣ, за двое сутокъ и животныхъ за сутки до открытія выставки.

Письменно и словесно по дѣламъ выставки обращаться въ Комитетъ Выставки, помѣщающійся въ зданіи Губернской Земской Управы.

Digitized by Google

ВОЗЗВАНІЕ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ своей постоянной отеческой заботливости и попеченіи объ удовлетвореніи истинныхъ нуждъ своихъ вѣрноподданныхъ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшему вслѣдствіе моего ходатайства ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе по всей Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе новаго православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ, во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Такое мое ходатайство было вызвано тѣмъ печальнымъ и безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находятся нынѣ православные русскіе люди въ Варшавѣ, громадное большинство коихъ лишено возможности удовлетворять свои религіозно-духовныя потребности въ храмахъ Божіихъ, вслѣдствіе крайняго недостатка ихъ въ семъ городѣ.

Недостатокъ этотъ такъ великъ, что во всѣхъ варшавскихъ приходскихъ, домовыхъ и временныхъ военныхъ православныхъ церквахъ, по точному измѣренію ихъ внутреннихъ размѣровъ, можетъ помѣститься молящихся всего лишь отъ 5 до 7 тысячъ душъ, между тѣмъ какъ русскаго православнаго населенія въ Варшавѣ, состоящаго по преимуществу изъ служащихъ здѣсь военныхъ и гражданскихъ лицъ съ ихъ семействами, числится 43 тысячи. Такимъ образомъ въ праздничные дни и вообще при каждомъ церковномъ богослуженіи отъ 36 до 38 тысячъ проживающихъ въ Варшавѣ православныхъ русскихъ лишены возможности присутствовать и возносить свои молитвы въ храмахъ Божіихъ.

Но и существующія въ Варшавѣ православныя приходскія церкви (всего 4) таковы, что, за исключеніемъ одной на предмѣстьѣ города, Прагѣ, имѣющей наружный видъ православнаго храма, видѣть ихъ обидно и больно для религіознаго національнаго чувства русскаго человѣка. Нынѣшній соборъ передѣланъ изъ упраздненнаго католическаго монастырскаго зданія и спрятанъ между жилыхъ домовъ въ прямую линію улицы, а остальныя двѣ—устроенныя въ домахъ, внутри дворовъ, тѣсныя, темныя, убогія и бѣдныя церковною обстановкою, не имѣютъ даже никакихъ наружныхъ признаковъ церквей, тогда какъ рядомъ съ ними красуются громадные и старые и новые католическіе костелы и лютеранскія кирхи.

Digitized by Google

Можно поэтому судить, каково здѣсь положеніе родителей, желающихъ воспитать дѣтей своихъ въ духѣ и обрядахъ своей родной, православной вѣры, и какъ тяжело вообще для вѣрующаго русскаго человѣка на этой окраинѣ, вдали отъ родины, не только лишеніе нравственнаго успокоенія и утѣшенія въ Божественной службѣ и въ церковной молитвѣ, но и обидное чувство приниженія господствующей въ Русскомъ государствѣ православной религіи предъ другими иновѣрными исповѣданіями этимъ крайнимъ недостаткомъ и этимъ убожествомъ православныхъ церквей въ семъ центральномъ городѣ здѣшняго края.

Такова насущная настоятельная нужда въ сооруженіи новаго православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ, и я глубоко вѣрю и твердо уповаю, что православная Россія поможетъ мнѣ создать здѣсь новый соборный храмъ, достойный величія и могущества русскаго народа, и къ настоящему воззванію сочувственно отзовутся и принесутъ свои посильныя пожертвованія всѣ истинно русскіе люди—и православное духовенство, и благородное дворянство, и именитое купечество, и люди ученые, и образованные, и простой русскій народъ, всегда отзывчивый на всякое доброе дѣло и общее благо, всѣ и каждый по мѣрѣ своихъ средствъ и возможности.

Денежныя пожертвованія могутъ быть высылаемы или непосредственно на мое имя въ Варшаву, или вносимы во всѣ мѣстныя губернскія и уѣздныя казначейства, или же препровождаемы въ тѣ редакціи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, которыя изъявятъ на то согласіе и опубликуютъ о семъ печатно; пожертвованія же вещами для внутренняго украшенія храма и предметами, необходимыми для церковныхъ богослуженій, какъ-то: иконы, лампады, Евангелія, напрестольные кресты, чаши, церковныя облаченія и тому подобныя, должны быть пересылаемы исключительно на мое имя.

Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ публикованъ во всеобщее свѣдѣніе въ «Варшавскомъ Дневникѣ» и наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ два раза въ годъ, въ январѣ и іюлѣ.

Покорнѣйше прошу редакціи всѣхъ русскихъ газетъ, столичныхъ и провинціальныхъ, перепечатать настоящее воззваніе и не отказать въ своемъ содѣйствіи къ наиболѣе широкому оглашенію его и распространенію среди своихъ читателей и подписчиковъ.

Отъ имени всѣхъ православныхъ русскихъ въ Варшавѣ

варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Гурко.

Digitized by Google

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1893 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ записокъ стараго преображенца. VI. Характеристика Мезенцова, Герштейнцвейга.—Фельдфебеля, унтеръ-офицеры и солдаты въ 1848 г.—Поощренія и наказанія.—Рекруты.—Побѣги.—Бѣлая аммуниція. VII. Царская Славянка.—Посѣдки.—Школа рекрутская.—Комплектованіе полка.—Практика одиночныхъ ученій.—Командировка въ 3-ю див.—Генер. Овандеръ.—Возвращеніе въ городъ.—Петербургъ осенью 1848 г.—«Ералашъ» Неваховича.—Плохія времена!—Заключеніе. Князя Н. К Имеретинскаго. 21 — 50

II. Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова, проф. Спб. духовной академіи. Гл. XXXII. . 61 — 80

III. Записки Н. В. Веригина. Главы XVIII—XXII. . . . . 107—146

IV. Воспоминанія В. И. Панаева. О дѣйствіяхъ г-на Магницкаго.—Нарушеніе предписан-

Digitized by Google

ныхъ правилъ и подчиненности.—Ложныя свидѣтельства.—Противорѣчія.—Распоряженія и дѣйствія, отличающіяся особенною странностію. Сообщила М. Л. Казембекъ . . . . . 323—344

V. Вопросъ польскій. 1806—1809 гг. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н. Цуриковъ . . 345—376

VI. За чайнымъ столомъ. (Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ I). Сообщилъ А. П. Озеровъ. . . . . 490—530

VII. О выселеніи татаръ изъ Крыма въ 1860 году. (Записка генералъ-адъютанта Э. И. Тотлебена). Сообщилъ С. П. Зыковъ. . . . 531—550

VIII. Кавказъ съ 1841—1866 годъ. Часть I, главы I—II. М. Я. Ольшевскаго . . . . 573—610

Портреты.

I. Портретъ П. И. Кеппена. Гравировалъ К. Адтъ. (При 4-й книгѣ).

II. Портретъ В. И. Панаева. Гравировалъ К. Адтъ. (При 5-й книгѣ).

III. Портретъ А. Н. Труворова. Гравировалъ К. Адтъ. (При 6-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Екатерина II и Гриммъ. Главы II и III. В. А. Бильбасова. . . . . 1—20. 233—254, 433—454

II. Stabat Mater. А. Н. Сѣрова. (Сочиненіе его, переводъ текста и объясн. къ нему переводчика). Н. Финдейзена . . . . . 81—87

III. Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена. Ѳ. П. Кеппена. . . . . 88—106

Digitized by Google

IV. Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ (1863—1874 гг.). Глава XII. Д. Г. Анучина . . . . . 147—178
V. Къ исторіи воцаренія императрицы Елизаветы Петровны. Священника Павла Ильинскаго. 213—115
VI. О памятникахъ князю Кутузову Смоленскому и его сподвижникамъ. Н. Л. Ширяева . . . 216—224
VII. Тридцать вторая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-е февраля—1893 гг. . . . 225—232
VIII. Ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Ѳ. П. Еленева . . . . . 255—322, 455—489
IX. Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому. (1837—1839). Сообщилъ Вс. И. Срезневскій. . . . . 377—401
X. Замѣтка о Павлѣ Ляндовскомъ. Сообщилъ Д. Г. Анучинъ 402
XI. Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову. Сообщ. Л. Н. Майковъ . . . . 403—408
XII. Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Сообщ. М. В. Л. . 409—431
XIII. По поводу воспоминаній В. И. Панаева . . . 432
XIV. Письма Шимовой и Извединовой по поводу сочиненій Гоголя. . . . . 551—567
XV. А. Н. Трубровъ (по случаю 50-ти-лѣтія учебной дѣятельности). Ред. . . . . 568—572
XVI. А. А. Котляревскій, какъ преподаватель (Изъ старыхъ воспоминаній) І. Д. С. . . . . 611—631
XVII. Н. М. Карамзинъ—генералъ-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову. Изъ бум. А. Н. Хатова . 632
XVIII. Графъ К. Ѳ. Толь—А. И. Хатову. Изъ бум. А. И. Хатова . . . . . 632—633

Исторія русской литературы.

I. Берлинскіе матеріалы для исторіи русской литературы. К. Н. Батюшковъ, А. П. Беницкій, А. А. Бестужевъ, Іакинфъ Бичуринъ, Ѳ. В. Булгаринъ, А. Ѳ. Воейковъ, П. А. Вяземскій, Н. И. Гнѣдичъ, Н. И. Гречъ, П. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, И. А. Крыловъ, Н. В. Кукольникъ, И. И. Лажечниковъ, Ленкевичъ Оедоръ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. А. Полевой, А. С. Хомяковъ, А. И. Шаховской. И. А. Шляпкина. . . . . 51—60

Digitized by Google

Исторія русскаго театра.

I. Къ исторіи русскаго театра. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой. (1822—1826 гг.). Письма IX—XXV. Сообщилъ В. Ѳ. Боцяновскій . . . . . 179—212

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрокъ. Томъ второй Москва. 1893. 403 стр. Ц. 2 р. (На оберткѣ 4-й книги „Русской Старины“ изд. 1893 г.).
2. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Гр. Джаншіева. 3-е вновь дополненное изданіе. Москва. 1892. 8°. 383 стран Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ же).
3. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Греческіе писатели. Выпускъ 1-й. Спб. 1893. 8°. 296 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Приложеніе къ „Запискамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества“). (Тамъ же).
4. Императоръ Павелъ Первый въ Казани (1798 г.).—Историческій очеркъ. Н. П. Загоскина. Казань. 1893. (Тамъ же).
5. Христоферъ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрированное историко-критическое изслѣдованіе. Джустинъ Уинсонъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1893. 8°. IV+608 стр. (На оберткѣ 5-й книги „Русской Старины“ изд. 1893 г.).
6. Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета М. И. Свѣшниковъ. Спб. 1892. 8°. XXXIV+296 стр.+34 табл. Ц. 5 р. (Тамъ же).
7. Бумаги А. А. Краевскаго. Опись ихъ собранія, поступившаго въ 1889 году въ Императорскую Публичную библіотеку. Составлена хранителемъ отдѣленія рукописей библіотеки И. А. Бычковымъ. Съ приложеніями. Спб. 1893. 169 стр. (Тамъ же).
8. Сочиненія Д. В. Давыдова. Томъ III. Спб. изд. Евг. Евдокимова подъ редакціею А. О. Круглаго 1893. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за мартъ 1893 г.). 252 стр. (Тамъ же).
9. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893 г. (На оберткѣ 6-й книги „Русской Старины“ изд. 1893 г.).
10. Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 года въ копіи начала XIX-го вѣка. Съ двумя табл. фототипическихъ снимковъ, издалъ Вс. Срезневскій. Спб. 1893 г. 8°. 120 стр. Ц. 1 р. (Приложеніе къ LXXII-му тому „Записокъ Императорской академіи наукъ“ № 5). (Тамъ же).
11. Сочиненія императрицы Екатерины II. Редакція и примѣчанія В. Ѳ. Солнцева. Т. I. Изд. Евг. Евдокимова. 1893 г. (Ежемѣс. прилож. къ журн. „Сѣверъ“ за апрѣль 1893 г. (Тамъ же).

Digitized by Google

міру". Сборникъ этотъ находился въ библіотекѣ извѣстнаго графа Мусина-Пушкина, но потомъ исчезъ безслѣдно. Обычное мнѣніе относительно причины гибели богатой библіотеки Мусина-Пушкина, именно пожара 1812 г., врядъ-ли можетъ быть приложимо къ этому сборнику, такъ какъ настоящая копія писана на бумагѣ 1816 г. Приходится поэтому допускать предположеніе, что со сборника 1414 года была сдѣлана еще копія, на существованіе которой нѣтъ никакихъ указаній. Настоящее изданіе воспроизводитъ вполнѣ копію, пріобрѣтенную И. И. Срезневскимъ, и заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія древней русской письменности: 1) похвала князю Владиміру и княгинѣ Ольгѣ мниха Іакова; 2) слово о законѣ и благодати митрополита Иларіона; 3) стихиры, тропари и каноны святымъ Владиміру, Кирику и Іулитѣ; 4) житіе князя Владиміра и 5) описаніе мученій святыхъ Кирика и Іулиты. Годъ написанія оригинала рукописи опредѣляется изъ помѣщенной въ концѣ записи, откуда видно, что сборникъ 1414 г. былъ составленъ въ Новгородѣ для церкви св. Владиміра, находившейся за св. Софіей. Разнообразный составъ сборника становится вполнѣ понятнымъ, при предположеніи издателя его, В. И. Срезневскаго, что содержаніе рукописи есть „сборникъ статей на 15 іюля—день св. Владиміра, когда празднуется также память Кирика и Іулиты" (стр. 5). Предположеніе это г. Срезневскій убѣдительно доказываетъ, сопоставляя свой сборникъ съ перечнемъ статей, помѣщенныхъ подъ 15 іюля въ Минеяхъ Макарьевскихъ 7046 г. Изъ статей рукописи г. Срезневскаго въ печати доселѣ была неизвѣстна только послѣдняя, но, несмотря на это, копія со сборника 1414 г. имѣетъ важное значеніе, потому что всѣ доселѣ извѣстныя рукописи 4-хъ первыхъ статей восходятъ только къ XVI вѣку. Остается пожалѣть, что настоящая копія не всегда вѣрно передаетъ оригиналъ, старѣйшій списокъ указанныхъ произведеній древней русской письменности. Неизвѣстнымъ лицомъ къ копіи были сдѣланы примѣчанія касательно разныхъ подробностей письма оригинала рукописи, обличающія въ составителѣ ихъ знакомство съ древней письменностью. Изданію текстовъ г. Срезневскій, помимо палеографическаго описанія своего сборника, предпослалъ самое тщательное изложеніе библіографическихъ свѣдѣній какъ о самомъ сборникѣ 1414 г., такъ и о статьяхъ, входящихъ въ его составъ. Собственныя поправки и примѣчанія помѣщены издателемъ въ особомъ приложеніи. Здѣсь же напечатанъ имъ, по рукописи Публичной библіотеки (изъ собранія П. Д. Богданова), недостающій въ его копіи листъ житія кн. Владиміра. Кромѣ того, г. Срезневскій составилъ весьма полезный для занимающихся исторіей русскаго языка указатель наиболѣе любопытныхъ словъ и формъ своего сборника. Къ изданію приложены двѣ фототипическія таблицы, на первой изъ которыхъ воспроизведено изображеніе св. Владиміра со св. Борисомъ и Глѣбомъ изъ сборника 1414 г. и почеркъ этого сборника, на основаніи снимковъ, помѣщенныхъ въ двухъ археологическихъ изысканіяхъ А. Н. Оленина, а на второй – снимокъ съ послѣдней страницы настоящей копіи г. Срезневскаго.

А. М.

Сочиненія императрицы Екатерины II. Редакція и примѣчанія В. Ѳ. Солнцева. Томъ I. Спб. Изданіе Евг. Евдокимова. 1893. 266 стр. (Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ", за апрѣль 1893 г.).

4-й томикъ „Библіотеки Сѣвера", о трехъ первыхъ выпускахъ которой было нами своевременно сообщено, представляетъ собою сочиненія императрицы Екатерины II. Редакція и примѣчанія изданія принадлежатъ В. Ѳ. Солнцеву, извѣстному своими работами о журналахъ Екатерининскаго времени. Сочиненія Екатерины II издавались въ нашемъ столѣтіи два раза: А. Ф. Смирдинымъ и А. С. Суворинымъ. Г-нъ Солнцевъ вполнѣ справедливо обвиняетъ оба изданія какъ въ неполнотѣ, такъ и крайней неисправности текста. Въ вышедшемъ томикѣ помѣщены 10 драматическихъ произведеній императрицы. Печатаетъ ихъ г. Солнцевъ по отдѣльнымъ изданіямъ и по „Россійскому Ѳеатру". Къ тексту послѣдняго онъ обращается, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, когда отдѣльныхъ изданій не существуетъ. Тексту произведеній г. Солнцевъ предпослалъ краткое предисловіе, въ которомъ сжато, но мѣтко характеризуетъ три стороны литературной дѣятельности государыни: ея законодательныя работы, педагогическіе труды и чисто беллетристическія произведенія. Къ изданію приложенъ портретъ Екатерины II съ гравюры А. Радича 1775 г.

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*28 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*45 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*16 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*42 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*37 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*48 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*34 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., двѣнадцать книгъ), съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ**.

Digitized by Google